МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

А. Налчаджян

АГРЕССИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

А. Налчаджян

АГРЕССИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2007

ББК 88.362
УДК 616.89-008.444
Н23

Налчаджян А.

Н23 Агрессивность человека. — СПб.: Питер, 2007. — 736 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-469-00269-7
5-469-00269-1

Книга обобщает результаты современных исследований агрессии. В ней много новых идей, концепций и гипотез, которые заметно продвигают вперед эту сложную и важную область психологических исследований. Особое внимание обращается на связи агрессии с другими психическими явлениями. Книга предназначена для психологов, преподавателей и студентов, а также для широкого круга читателей, которые интересуются проблемами и достижениями современной психологии.

ББК 88.362

УДК 616.89-008.444

ISBN 978-5-469-00269-7

Краткое содержание

Содержание

Часть II. Социальная и этническая психология агрессии

Часть III. Агрессивные люди (формирование и типы)

От автора

Агрессия, садизм, вандализм, убийства и самоубийства — явления, сопутствующие истории человечества с незапамятных времен. Крайним выражением человеческой агрессивности является **этноцид** (геноцид) — позор человечества и, в частности, истории XX века. Различные уровни и разновидности агрессии неотделимы от жизни людей, и, если мы хотим знать природу человека, его возможные действия в различных ситуациях жизни, истоки его поступков, которые оцениваются как иррациональные и деструктивные, мы должны исследовать человеческую агрессивность и ее взаимосвязи с другими психическими явлениями.

В настоящей книге предпринята попытка представить читателю современное состояние исследования человеческой агрессии и ее последствий. Общий подход автора сводится к следующим утверждениям:

а) агрессия по основной своей функции является адаптивным, то есть приспособительным, механизмом как у животных, так и в жизнедеятельности людей;

б) как и другие адаптивные механизмы, которыми спонтанно пользуются люди в ситуациях стресса и фрустрации, агрессия может стать чрезмерной и патологической, а потому разрушительной;

в) агрессия нередко тесно переплетается с другими психическими механизмами, составляя адаптивные или дезадаптивные комплексы и стратегии.

Об агрессии говорили уже авторы первых работ по социальной психологии. Но началом систематических научных исследований психологии агрессии следует считать публикацию книги *Дж. Долларда* и его соавторов «Фрустрация и агрессия» (1939 г.). Почти два десятилетия идеи этих авторов были преобладающими в области исследования психологии человеческой агрессии. И мы тоже обсудим их идеи в различных разделах настоящей книги. Следующим этапом можно считать начало 1960-х годов, когда *Арнольд Басс* (1961 г.) и *Леонард Берковиц* (1962 г.) изобрели технику измерения агрессии в лабораторных условиях. Эти работы, а также этологические труды *К. Лоренца*, *Н. Тинбергена* и многих других стали катализаторами, стимулировавшими сотни новых исследований. Безусловен вклад психоаналитиков в исследование человеческой агрессивности и ее мотивации. Мы стремились учесть все эти достижения и сделать один из первых шагов к их синтезу с целью развития общей теории агрессивности и агрессивного поведения человека.

В настоящей книге, наряду с достижениями различных научных школ и индивидуальных исследователей, представлены также скромные результаты собственных исследований автора. В некоторых главах нами предлагаются новые идеи и гипотезы, формулируются новые проблемы, которые могли бы стимулировать эмпирические и теоретические исследования агрессии и взаимосвязанных с ней психических явлений. Хотя книга написана строго научно, она, как мы надеемся, доступна самому широкому кругу читателей. Многие явления иллюстрируются примерами из повседневной жизни и истории разных народов. Исследование агрессии — это исследование важных и чрезвычайно интересных аспектов жизни людей, социальных и этнических групп.

В первой части рассматриваются психологическая природа, биологические (эволюционные и физиологические) корни и механизмы агрессии[1], ее мотивация и разновидности, связь с другими механизмами психологической самозащиты личности.

Агрессия исследуется нами как на индивидуальном, так и на групповом, то есть социально-психологическом уровнях. В этой части книги, по существу, представлена общая теория агрессии, которая является необходимой предпосылкой для обсуждения в последующих главах более специальных вопросов психологии человеческой агрессивности. Высказана точка зрения, согласно которой агрессию можно исследовать на трех уровнях (причем только раскрытие причин на этих трех уровнях позволяет понять истинные мотивы агрессивных действий людей). В качестве таковых выделяются следующие:

1) биологический и культурологический уровни (генетические механизмы, культурные традиции);
2) личностный и ситуационный уровни;
3) аффективный и когнитивный уровни[2].

Но сразу видно, что каждый из этих уровней состоит по крайней мере из двух подуровней. Так, биологический и культурный уровни вряд ли следует объединять в один уровень, ведь это весьма различные, хотя и взаимосвязанные сферы мотивации агрессивного поведения. В биологический входят тесно взаимосвязанные генетический и физиологический подуровни и т. п. Детерминации всех этих уровней в определенной степени представлены в настоящей книге. Большое место уделяется взаимным связям агрессии с такими защитными механизмами, как вытеснение, подавление, атрибуция, проекция, формирование обратной реакции и другие.

Вторая часть посвящена в основном социально-психологическим аспектам индивидуальной и групповой агрессии.

В третьей части исследуются психологические особенности особо агрессивных людей.

Альберт Налчаджян
18.06.2006

---

[1] Слово «агрессия» — от латинского корня aggredi — ad gredi, где grades означает «шаг», а ad — «к». Таким образом, первичное значение слова «агрессия» — двигаться вперед, к определенной цели, причем без колебаний, без сомнений и страха. Соответственно regression (регрессия) — от re — «назад» и grades — «шаг» — означает двигаться назад, отступать.

[2] Krebs D. L. Altruisme and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E. (Eds.) The Handbook of Social Psychology. Vol. 2. New York, 1985, p. 3.

ЧАСТЬ I

Агрессия и психическая самозащита личности

ГЛАВА 1

Природа агрессии и агрессивности

1.1. Агрессия: внутрипсихический и поведенческий аспекты

О природе агрессии

Агрессия — *специальная форма поведения человека и животных, направленная на другие объекты и имеющая цель причинить им вред.*

Человек может, пройдя мимо другого, случайно, ненароком столкнуться с ним, ударить рукой, не заметив, что тот стоит рядом или проходит мимо.

Человек, получивший удар, может ощущать боль, переживать чувство оскорбления, иметь другие неприятные переживания. Ему может показаться, будто ударивший его человек — агрессор, злоумышленник. Однако если у этого незадачливого «злоумышленника» не было внутренней мотивации, попросту говоря, желания совершить агрессивные действия, то его поведение в психологическом смысле нельзя считать агрессивным. В дальнейшем мы увидим, что внутренняя мотивация агрессивного поведения не сводится только к осознанным намерениям, она может быть подсознательной и сложной.

Агрессия в подлинном смысле слова имеет место лишь тогда, когда у человека есть сознательное намерение или какой-либо другой внутренний мотив совершения этих вредных действий. О подлинной агрессии можно говорить тогда, когда человек хочет уничтожить какие-либо ценности[1].

Он должен понимать предмет своей агрессии как ценность, существование которой для него нежелательно. Человечество из длительного своего опыта межличностных отношений училось различать эти два вида вредоносных действий.

Внешне агрессивными представляются многие действия людей, истинный мотив которых — желание помочь другим. Например, хирург оперирует больного, стоматолог удаляет зуб и т. п., и все они причиняют своим пациентам боль, но агрессоры ли они? Правда, о хирургах существует мнение, что они — люди агрессивные и именно поэтому выбрали такую специальность. Они, по-видимому, получают садистическое удовольствие от того, что режут людей.

Если определенные действия не завершились нанесением вреда, то это еще не значит, что они не были агрессивными. Таковы, например, неудавшиеся покушения на убийство или самоубийство.

Агрессия — специальная форма поведения человека и животных, направленная на другие объекты и имеющая цель причинить им вред.

Как мы видим, агрессия имеет два аспекта:

а) *внутренний, мотивационный, аспект*, в который, кроме мотива (например, желания) и цели агрессивных действий, входят также те чувства и эмоции, например ненависть и гнев, которые приводят к агрессив-

ным действиям, определяют их длительность, интенсивность и разрушительную силу. Этот аспект мы еще рассмотрим несколько подробнее;

б) *внешний, или поведенческий, аспект*: здесь имеются в виду различные агрессивные действия, в том числе речевые — недаром говорят о речевой деятельности человека. В последующих главах мы подробно рассмотрим также основные разновидности агрессивного поведения человека в их связи с внутренними, мотивационными и эмоциональными, факторами, порождающими агрессивные действия.

Учет поведенческого аспекта агрессии позволяет дать ее операциональное определение, то есть выразить данное явление в терминах некоторых измеряемых объектов и действий. Таковыми могут быть:

а) количество попыток нанести ущерб другому, например сослуживцу, соседу и т. п.;
б) количество преступлений за определенный отрезок времени в определенной стране или в ее отдельном регионе;
в) в межэтнических отношениях операциональный подход должен учесть случаи конфликтов и межэтнических агрессивных действий, например убийств.

О важнейшей роли внутрипсихических аспектов агрессии свидетельствует то, что один и тот же внешний объект не всегда вызывает агрессивное поведение человека. По отношению к объекту живой организм, тем более человек, поведение которого отличается избирательностью, в одной ситуации проявляет агрессию, в другой ведет себя мирно. Это может быть результатом изменения внутреннего, психического состояния индивида, которое, в свою очередь, в значительной мере определяется физиологическим состоянием организма. Правда, агрессивные действия в значительной мере зависят также от внешних, ситуативных факторов, в том числе от поведения объекта, который очень часто является человеком или группой людей. Важное значение социальной ситуации ясно видно из такого, например, обычного события: мы с ребенком находимся среди людей и он совершает недопустимые действия. За это, по нашему мнению, он заслуживает наказания. Но в данной ситуации мы его не наказываем, откладываем наказание, исходя из педагогических, эстетических и иных соображений.

Природа объекта и агрессия

Выше было отмечено, что агрессивные действия человека могут направляться как на окружающих людей и социальные группы, так и на неодушевленные предметы. Но по этому вопросу высказана еще одна точка зрения, о которой здесь необходимо сказать. *Роберт Бэрон* и *Дон Бирн*, известные социальные психологи США, считают, что вредные действия являются агрессивными только тогда, когда направлены на людей. Направленные же на животных и особенно на неодушевленные предметы вредоносные действия считаются агрессивными только тогда, когда косвенно направлены на их владельцев. Например, повреждение автомашины следует считать косвенной агрессией, направленной против ее владельца. Если же этого нет, то вредные действия, разрушающие неодушевленные предметы, упомянутые психологи предлагают считать лишь экспрессивными.

Данную точку зрения мы считаем весьма спорной. Принимая ее, мы не можем понять, каким образом перенесение агрессивных действий с человека на нейтральные объекты может привести к *разрядке и ослаблению интенсивных агрессивных намерений*, то есть к **катарсису**. Добавим, что агрессия, направленная против людей, может сочетаться с экспрессивными движениями.

По нашему мнению, точка зрения упомянутых авторов, определяющих агрессию как действие, направленное на другое живое существо (организм), искусственно ограничивает сферу исследований и оставляет за ее пределами множество явлений, тоже относящихся к категории агрессии (например, вандализм).

Но это еще не все. Такое определение приводит к серьезным ошибкам и недоразумениям. Например, *А. Бандура* и другие психологи экспериментально исследуют, каким образом агрессивное поведение взрослого воспроизводится через подражание ребенком, и последний так же агрессивно ведет себя с игрушкой Бобо, как и взрослый[2].

Затем нам говорят, что поскольку Бобо — неживое существо, то поведение ребенка нельзя считать агрессией[3].

Но тут же приводятся новые данные о том, что те дети, которые агрессивны к Бобо, показывают более высокий уровень агрессии и в других отношениях, проявляют другие формы агрессии[4].

Учителя и родители свидетельствуют, что они, в общем, более агрессивны, чем другие дети.

Но если тут налицо идея **переноса** агрессии от Бобо к людям и другим игрушкам, тогда возникает вопрос: что же они переносят? Или можно подойти к проблеме с другой стороны: если ребенок имеет общий высокий уровень агрессивности и конкретизирует ее на игрушках, что же он конкретизирует? Неужели агрессия, направляясь на людей или другие живые существа, остается агрессией, а когда направляется на неживые объекты, превращается в нечто иное? Ясно, что такой вывод — бессмыслица!

А дело в следующем:

а) агрессия остается агрессией независимо от своего объекта;

б) подвергая агрессии Бобо, ребенок может воспринимать его как живое существо, поскольку его мышление в значительной мере является анимистическим;

в) наконец, еще одно важное обстоятельство: ребенок может идентифицировать Бобо со своим хозяином. В таком случае агрессия, направленная на игрушку, является косвенным выражением агрессии к взрослому, ее переносом с опасного объекта на безопасный, то есть на неспособный дать отпор предмет.

Очевидно, что ограниченное определение агрессии как вредоносного действия, направленного только на живые существа, себя не оправдывает и препятствует исследованию агрессии в полном объеме.

С *рассмотренной* спорной точкой зрения *Р. Бэрона* и *Д. Бирна* связана другая: *они считают, что действия человека агрессивны, если есть объект* (жертва, или реципиент), *который желает уйти от этих действий*. А значит, если объект хочет быть жертвой агрессивных действий другого (например, мазохист, любовница, жаждущая внимания своего возлюбленного), то такие действия не являются агрессивными[5].

С этим, конечно же, нельзя согласиться, так как человек, совершающий подобные действия, имеет мотив, намерение нанесения вреда реципиенту своих агрессивных действий. Мы считаем, что принятие весьма распространенной точки зрения упомянутых авторов необоснованно упростило бы проблему мотивации и разновидностей агрессии.

Поскольку психологов тем не менее главным образом интересует агрессия, направленная на людей, здесь мы предлагаем ряд вопросов, ответы на которые могли бы расширить наши представления о социально-психологических механизмах выбора объектов агрессии.

Кто чаще всего становится объектом агрессии для человека?

- Тот ли индивид, к которому он безразличен, то есть с которым **не имеет никакой идентификации?**
- Или же тот, с кем у человека имеется **отрицательная идентификация**? (Возможный объект агрессии в этом случае считается таким человеком, каким нельзя, нежелательно быть.)
- Наконец, может быть, тот, с кем у человека имеется **амбивалентная идентификация**? (В этом случае наш субъект А и хотел бы в определенных аспектах быть таким человеком, как Б, и не хотел бы — вследствие наличия у Б неприятных для себя черт.)

Третий случай представляет значительный интерес как наиболее сложный. Мы полагаем, что индивид Б, вызывающий амбивалентную идентификацию и установку А, чаще всего становится объектом агрессии для А, поскольку:

а) А стремится иметь контакты с Б;

б) А часто разочаровывается в Б;

в) у А часто возникает внутренний конфликт между его противоположными установками и идентификациями;

г) А чаще всего разочаровывается в Б (то есть фрустрируется с его стороны), что вызывает агрессию А: ведь он ждет от Б симпатии и даже любви, выражения положительных черт личности, сотрудничества и т. п., тогда как Б часто фрустрирует и разочаровывает его. Правда, следует иметь в виду, что при таких фрустрациях А может пользоваться не только агрессией, но и неагрессивными защитными механизмами. Он может, например, проецировать, рационализировать, обижаться на Б и т. д.

Эмоции, страсти и агрессия

Итак, в психологическом смысле подлинная агрессия имеет место тогда, когда личность ставит перед собой цель нанесения вреда другому человеку или другому объекту. Человек должен иметь соответствующий мотив. Если мотив осознанный, подлинность агрессии более убедительна для человека.

Наносимый вред или травма могут быть как физическими, так и психологическими. Причем исследователи человеческой агрессии очень верно отмечают, что она является поведенческим выражением враждебности и гнева личности, направленных против фрустраторов[6].

Когда на пути достижения цели возникает какое-либо препятствие, человек переживает **гнев** и **ярость**. Эти эмоции вызывают также оскорбление, обман и другие неприятные действия людей, которые, как мы увидим, объединяются под названиями «фрустратор» или «стресс-фрустратор». Гнев может постепенно накапливаться и в конце концов привести к взрыву агрессивных действий. Человек, переживающий гнев, находится в очень активном физиологическом состоянии. Существуют врожденные компоненты мимики, возникающие при этом состоянии, хотя обучение, социализация и самообладание тоже играют роль. Есть люди, которые неплохо скрывают свой гнев.

Разгневанный человек желает напасть на препятствие и уничтожить его, то есть он желает совершить агрессивные действия. В состоянии гнева люди чувствуют себя сильными и смелыми. Оно обычно возникает вместе с **отвращением** и **презрением**. Эти эмоции составляют **триаду**, или **комплекс, враждебности**, в котором ведущей и сильнейшей эмоцией является гнев. Иногда к этому комплексу присоединяется страдание, которое, однако, играет второстепенную роль. Уровень страха при этом очень низкий, поскольку гнев подавляет страх.

Когда человеку удается направить внимание на свой гнев, в его сознании успевают появиться нормы, контролирующие и сдерживающие агрессию.

Гнев играет существенную роль при самозащите животных и человека. Эта эмоция в процессе эволюции способствовала сохранению вида «человек разумный», так как мобилизует силы и направляет их против врагов. Но в современном обществе сильный гнев, порождая агрессивные и разрушительные действия, нередко приводит к нарушению социальных, этических и юридических норм. Цивилизация привела к подавлению мимики, пантомимики — и главных, и поведенческих выражений гнева.

Как происходит переход от гнева к агрессии?

Считается (*Л. Берковиц* и другие), что гнев вызывает агрессию не непосредственно, а через мысли об агрессии. В свою очередь, мысли об агрессии могут вызвать к жизни гнев.

Например, во время одного эксперимента испытуемых просили написать эссе в защиту наказания, при этом они переживали такой же сильный гнев, как и при воздействии на них неприятного стимула (например, холодной воды). У этих людей исследователи наблюдали более интенсивные агрессивные действия, чем у тех, кто писал эссе о холодной погоде и снеге. Когда человеку удается направить внимание на свой гнев, в его сознании успевают появиться нормы, контролирующие и сдерживающие агрессию: учет этих норм подавляет агрессию.

Мы считаем, что здесь играет роль еще один механизм: известно, что напряженная **интроспекция** психического содержания уничтожает это содержание. Возможно, что *процесс разрушения гнева сочетается с процессом осознания норм социального поведения и с предвосхищением негативных последствий агрессивных действий.* Эту гипотезу еще предстоит проверить.

Зависть и агрессия

Зависть *является одним из тех чувств, которые связаны с переживанием относительной или абсолютной депривации личности, то есть с фрустрацией.* Есть люди, для которых успех другого человека является собственной неудачей. Причем для таких фрустраций специфично именно появление того особого чувства, которое традиционно называют завистью.

Какова структура зависти?

Не будет ли правильнее считать ее особой социальной установкой?

Если зависть — установка, тогда нетрудно применить к ее анализу существующие представления о структуре социальной установки. Поразмыслив немного, мы приходим к выводу, что в состав зависти входят:

а) чувство враждебности, желание уничтожить фрустратора или хотя бы нанести ему ощутимый вред, совершить агрессивные действия;

б) когнитивные (познавательные) элементы: знание об успехах другого, сравнение со своими достижениями, оценка уровня «справедливости» и т. п.;

в) готовность к агрессивным действиям по отношению к объекту зависти и даже воображаемые схемы таких действий.

«Почему он, а не я?» — вот один из наиболее часто возникающих в голове завистника вопросов. Когда ситуация для завистника благоприятна, его когнитивные схемы агрессивных действий порождают реальные агрессивные действия.

Познавательные элементы и чувство враждебности, входящие в комплекс зависти, фактически составляют особый мотив, выражающийся как внутренняя готовность к агрессии. Следует иметь в виду следующее: приведет ли зависть к агрессивным актам, зависит от ряда факторов, в том числе от ситуации. В связи с завистью, которую, как мы сказали, следует считать социальной установкой, специального изучения требует парадокс *Р. Лапьера*[7].

Он состоит в том, что установка очень часто не приводит к соответствующим действиям, а иногда люди совершают даже противоположные действия.

Следует также изучить связь зависти с **когнитивным диссонансом**, то есть с состоянием, когда между различными мыслями об одном и том же объекте существуют разногласия или когда эти мысли противоположны. Теория когнитивного диссонанса может иметь важные применения в науке о человеческой агрессивности. Можно предположить, что *во многих случаях зависть возникает как следствие когнитивного диссонанса и как сильный фрустратор личности.* Такой диссонанс появляется вследствие несовместимости для сознания личности различных пар когнитивных элементов психики:

а) «А добился успеха» — первый элемент. «Я потерпел поражение» — второй элемент;

б) «А добился успеха» — первый элемент. «Но он не заслужил его» — второй элемент.

Такую разновидность мы бы назвали диссонансом, возникшим вследствие нарушения субъективного истолкования чувства справедливости или, в краткой форме, «диссонансом несправедливости». На основе анализа конкретных случаев зависти можно обосновать и расширить данную концепцию зависти, которая, как мы видели, опирается на теории социальных установок (аттитюдов) и когнитивного диссонанса.

Следует иметь в виду, что во многих случаях свою ненависть и агрессивные действия человек осознает, но лежащую в их основе социальную установку — зависть — не осознает, поскольку она подавляется и (или) вытесняется. Подсознательная

Осознать свою зависть к другому — это означает признать свое отставание, неполноценность, недееспособность и т. п.

зависть требует особенно тщательного изучения. Она, по нашему мнению, внешне преодолевается с помощью защитных механизмов, в первую очередь — *вытеснения, подавления* и *рационализации*, так как является мощным фрустратором для собственной «Я-концепции» личности. Осознать свою зависть к другому — это означает признать свое отставание, неполноценность, недееспособность и т. п. Это приводит к образованию *комплекса неполноценности*, который, в свою очередь, усиливает зависть, порождает постоянную готовность к переживанию чувства зависти. Против осознания таких знаний выступают мощные защитные силы личности.

Для тех, кто хотел бы заниматься дальнейшей разработкой психологической теории зависти, мы бы предложили исследовать разновидности зависти, взаимосвязи: зависть — вытеснение, зависть — рационализация, зависть — проекция, зависть — ревность, а также патологические последствия зависти в жизни тех, кто очень часто завидует.

Зависть связана с самоуважением, с уровнем притязаний, с соотношением успехов и неудач и с их субъективными оценками. Враждебность является компонентом зависти (как сложного чувства), а агрессия — одним из ее последствий. Важна проблема рационализации (оправдания, обоснования, мотивировки) и сублимации зависти, особенно ее враждебных компонентов.

Тревога, страх и агрессия

У тревожных людей порог толерантности к фрустраторам ниже, чем у нетревожных и малотревожных индивидов. Тревожные личности приходят в гневливое состояние под влиянием более слабых фрустраторов[8].

Поскольку тревожность имеет наследственные основы, следует предположить, что существуют связи между наследственностью и агрессивностью. Это, впрочем, доказывается, как мы увидим, и другими путями. Обнаружено также, что у **интровертных** личностей более высокий уровень тревожности. Это означает, что они должны испытывать интенсивные чувства враждебности и ненависти, психологической готовности к агрессивным действиям. Но поскольку представители этого типа подавляют свою активную агрессивность, они должны переживать острые и длительные внутренние конфликты.

Страх возникает в условиях опасности или ее угрозы в будущем. Эта эмоция возникает и тогда, когда отсутствует какое-либо условие, необходимое для безопасности человека. Например, ребенок переживает страх при отсутствии матери, гаранта его безопасности. Есть и целый ряд других условий возникновения страха, которые подробно описываются в литературе[9].

Встречаются также случаи беспредметного страха. Мы предполагаем, что все переживали страх и интуитивно понимают, о чем идет речь.

Здесь же нас интересует одна проблема: каким образом взаимосвязаны страх и агрессия? Отметим, что страх, как и агрессия, наряду с другими функциями, имеет и следующую: он является важным психозащитным механизмом личности. Эта особенность объединяет страх и агрессию. А поскольку функционально они сходны, можно предположить существование между ними более глубоких взаимосвя-

зей. К сожалению, эта проблема никогда серьезно не рассматривалась. Так, в обширной книге *К. Изарда* «Эмоции человека», где вся глава 14 посвящена страху и тревоге, рассматриваются связи страха со многими другими эмоциями и познавательными процессами, а вот связи с агрессией и враждебностью не обсуждаются.

Мы считаем, что страх может вызвать гнев и враждебность, а это уже такие эмоции, которые мотивируют агрессивные действия. Дело в том, что страх вызывается при наличии реальной угрозы для жизни и других важных ценностей человека или в результате предвосхищения такой угрозы. Это значит, что **переживающий страх человек фрустрирован**. Но если есть фрустрация, одним из обычных ответов на нее будет агрессия. Причем человек в состоянии страха и ужаса (сильнейшего страха) может предпринимать превентивные действия против реальных или воображаемых агрессоров. В таких случаях часто происходит замещение объекта агрессии и поиск «козлов отпущения». Поэтому страх является социально вредной эмоцией: вызывая агрессию, он может привести к несправедливым действиям, например к наказанию невиновных и беззащитных людей, к разрушительным действиям. По-видимому, среди агрессоров-садистов много трусливых людей.

Агрессия и личная дружба

Здесь мы ограничимся обсуждением еще одного вопроса, касающегося связей агрессии с другими чувствами. Вопрос этот в психологии поднял *К. Лоренц*, известный этолог, но его исследование, насколько нам известно, не имело серьезного продолжения. Отметив, что большое стадо, образованное из многих безымянных индивидов, и личная дружба несовместимы, *К. Лоренц* затем утверждает: **личная дружба всегда сочетается с агрессией**. «Нам неизвестно хотя бы одно животное, — писал он, — которое было бы способно на личную дружбу и было бы лишено агрессии»[10].

Есть животные, которые агрессивны только в фазе воспроизводства (сезонно), а в остальное время лишены агрессивности и составляют стада или стаи. Когда такие существа образуют индивидуальные связи, то последние быстро разрушаются, по мнению *К. Лоренца*, из-за отсутствия или слабости агрессивности индивидов. По этой причине брачные пары аистов, целого ряда видов рыб и птиц не сохраняются, они распадаются, как только формируются анонимные стада (стаи) для миграции.

Но здесь существует проблема: а почему неагрессивные индивиды одного вида не могут дружить? Не является ли дружба способом или возможностью выражения, разрядки агрессивности? Не является ли дружба, а может быть, и любовь возможностью преобразования и сублимации агрессивных импульсов? Здесь есть что исследовать.

Напористость и агрессия

Считать поведение человека агрессивным или нет — не всегда легко лишь по его внешним признакам. Существует еще одна форма поведения, которую легко спутать с агрессивным поведением. Речь идет о **напористости** человека.

Так, если человек действует самоуверенно, энергично и без устали стремится к достижению своей цели, то есть проявляет напористость, не боится соперничества, то легко прийти к выводу, будто он действует агрессивно. Но это не всегда так. Может существовать и действительно встречается **агрессивная напористость**: это тот случай, когда человек неуклонно идет к своей цели, не гнушаясь нарушения

прав других, сметая со своего пути противников и других людей, воспринимаемых в качестве преград, фрустраторов и угроз.

По-видимому, не все случаи самоуверенной, энергичной и целенаправленной деятельности являются агрессивными. Например, был ли *Альберт Эйнштейн* напористым человеком? Безусловно! Однако считать его агрессивным человеком, а его деятельность — агрессивной вряд ли правомерно.

Но встречается немало случаев, например в среде бизнесменов, когда люди специально наносят друг другу вред для достижения собственных целей. Это уже агрессивное поведение.

1.2. Агрессивность, деструкция и вандализм

Агрессивность Агрессия, как мы видели, есть действие или ряд взаимосвязанных действий, направленных на определенный объект. Она есть выражение определенных внутренних мотивов, чувств и актуальных эмоциональных состояний.

Агрессивность — это уже черта характера личности. Ее можно определить как *устойчивую установку, позицию, готовностью к совершению агрессивных действий*. Разные люди имеют различные уровни агрессивности. Это означает следующее: если предположить, что все люди злые, то уровень злобности у них различен, и по этому признаку их можно даже классифицировать.

Здесь нам помогут аналогии. Так, мы говорим об истерической личности (характере) и истерических реакциях, о шизофреническом характере и шизофренических реакциях и т. п. Агрессивность в смысле агрессивного характера выражается в агрессивных действиях, недовольстве, недоброжелательности и т. п. Правда, следует иметь в виду, что агрессивность личности — не весь ее характер, а только *ведущий комплекс* в характере некоторых людей. Психика здорового человека отвечает на воздействия внешней среды не только агрессией, но и различными другими действиями и реакциями — дружескими жестами и действиями, самозащитой, уступками и бегством, целым рядом познавательных процессов. Но если характер человека крайне агрессивный, эти остальные нормальные возможности сильно сужаются: такие люди ведут себя агрессивно даже в таких ситуациях, где агрессия — неадекватный и вредный ответ.

Агрессивность — это черта характера личности, которую можно определить как устойчивую установку, позицию, готовность к совершению агрессивных действий.

Агрессивность, по-видимому, является результатом *обобщения* (генерализации) *агрессивных действий*. Например, если агрессивные действия ребенка в определенной ситуации поощрялись, то в дальнейшем он может, уже без новых поощрений, совершить агрессивные действия не только в сходных, но и в новых ситуациях. Это явление уже стало предметом конкретных исследований[11].

В представленном выше смысле агрессивность как обобщенную установку личности вряд ли можно считать инстинктивной или прирожденной. Наследуется, видимо, общая агрессивная тенденция, которая проявляется и связывается с объек-

том тогда, когда на пути человека к цели появляются препятствия и вообще неприятности. Это прирожденная защитная тенденция человека.

Хотя агрессивность индивида — более или менее устойчивая черта характера, все же в различные периоды его бодрствующей жизни она меняется под влиянием внутренних мотивов и психофизиологических факторов, а также внешних воздействий. Так, можно предположить, что, когда в поле зрения человека появляется враг, его агрессивность должна усиливаться по сравнению с той ситуацией, когда он не видит для себя никаких непосредственных угроз. О возможности таких колебаний агрессивности человека свидетельствуют опыты с просмотром эротических агрессивных фильмов: под их влиянием человек становится более агрессивным и совершает более разрушительные насильственные действия, чем без этих восприятий. Об этом у нас речь пойдет на последующих страницах, когда мы рассмотрим влияние внешних факторов на агрессивное поведение людей.

Кроме агрессивности индивидов следует говорить также об **агрессивности социальных групп**. В свое время французский социолог *Гюстав Лебон* и другие исследователи (социологи, психологи и криминологи XIX века) уже говорили об агрессивности толпы. Можно говорить также о различных уровнях агрессивности этнических групп и наций, которая обусловлена уровнем агрессивности их членов, в первую очередь лидеров, а также агрессивностью идеологии, которой эти лидеры руководствуются. Это дает нам возможность предположить, например, что *немцы как нация были более агрессивными во времена правления Адольфа Гитлера, чем они являются в наши дни, например в годы правления Гельмута Коля или Герхарда Шрёдера*.

Мы, конечно, интуитивно понимаем, что как индивиды, так и социальные группы имеют различные уровни агрессивности. Но как этот уровень измерить? По-видимому, *одним из самых надежных способов является измерение частоты и интенсивности агрессивных действий в условиях отсутствия фрустраций и стрессов или при их одинаковом уровне, когда сравнивается агрессивность различных индивидов и групп*. При обсуждении разновидностей агрессии мы увидим, что у многих в течение жизни образуется такой устойчивый и достаточно высокий уровень агрессивности, что специалисты говорят о наличии у них «свободно плавающего гнева», то есть агрессивности. Наверное, будет правильнее говорить о «свободно плавающей агрессивности», поскольку гнев — только одна из эмоций, составляющих, как мы видели, более сложный комплекс — агрессивность. В такой комплекс входит ряд познавательных и эмоциональных компонентов: мотивы, представления и оценки, устойчивые чувства и при актуализации, а также ряд специфических эмоций. Последние составляют то, что называют «враждебным комплексом».

Именно наличие у человека агрессивности как психического качества было, по-видимому, причиной того, что многие мыслители (в древности — историки, политические деятели и философы, в наши дни — представители науки, на основе опытных данных) считали человека злым и агрессивным по своей природе. Из современных мыслителей достаточно вспомнить *Зигмунда Фрейда*, *Конрада Лоренца*, *Арнольда Тойнби* и многих других.

Агрессивная личность

Прежде чем идти дальше и обсуждать социально-психологические аспекты проблемы агрессии, полезно дать краткое описание **агрессивной личности**. В последующих главах этот психологический портрет будет дополняться все новыми чертами.

Агрессивность человека — сложное психофизиологическое явление. Есть индивидуальные различия в том, как реагируют люди на социальные и физико-химические воздействия среды, как они спят, как общаются и т. п. Здесь мы дадим общую картину агрессивной личности, в значительной мере опираясь на материал, изложенный в трудах *Г. Айзенка*. В последующем мы рассмотрим также взгляды *Г. Точа*, *Л. Берковица* и других современных психологов.

Не все люди одинаково реагируют на психотропные вещества. *Д. Хилл* показал, что люди, чувствительные к стимулирующим лекарствам, отличаются следующими чертами: они агрессивны, у них преобладает общая враждебная тенденция в межличностных отношениях, которая дает о себе знать уже при воздействии слабых фрустраторов.

Самыми чувствительными оказываются именно те люди, которые способны на теплые личные отношения, но постоянно разрушают свои уже установившиеся связи в семье, на работе и в обществе друзей своими импульсивными всплесками, раздражительностью, мелкими актами насилия и нетерпимостью к другим людям. У таких людей чувство ответственности развито слабо, у них налицо тенденция к нарушению моральных норм и установок общества.

Эти люди спят достаточно глубоким сном. В детстве они страдают энурезом (ночным недержанием мочи), который в дальнейшем исчезает. Их сексуальные влечения чрезмерны, или в этом отношении они болезненно раздражительны. Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) мозга у таких людей часто остается незрелой (детской) всю жизнь.

Среди таких людей есть алкоголики. У них сохраняется привычка грызть ногти даже в годы взрослости, склонность к внешне немотивированным мелким кражам. Они способны на акты поджога и саботажа, особенно в подростковом возрасте. Действительно, многие авторы сообщают, что в группе малолетних правонарушителей и взрослых преступников индивидов, страдающих энурезом, значительно (около 2,5 %) больше, чем среди остальных людей[12].

Агрессивным людям свойственна жажда новых стимулов, они постоянно переживают сенсорный голод. Сюда входит и постоянное сексуальное желание. Однако у таких людей, если они женаты, количество коитусов (половых актов с супругой, супругом) не очень превышает соответствующее количество у других людей. Но они все время заняты проблемами секса, раздражительны и ощущают «сексуальное щекотанье». И поэтому, получая отказ, они переживают фрустрацию, считая, что лишились чего-то ценного. Вследствие этого в семье могут быть конфликты и несовместимость супругов. После приема стимулирующих средств либидо у них значительно ослабляется. Сексуальная активность понижается. Более слабыми становятся агрессивность и сенсорный голод.

Крайние формы поведения агрессивной личности — убийство или самоубийство. Широко распространенная точка зрения, согласно которой люди, способные на эти крайние формы поведения, всегда психически ненормальны, не соответствует действительности. В частности, исследования психиатра *А. Г. Амбрумовой* показали, что среди самоубийц психотики составляют не более 30 %.

Точку зрения, согласно которой убийство и самоубийство — поступки психически больных людей, обычно аргументируют следующим образом: считая соотношение положительного (приятного) и отрицательного (неприятного), здоровый человек должен был бы отказаться от этих крайних форм выражения своей агрессивности. Однако такой подход с позиции принципа удовольствия (гедонизма) примитивен, поскольку законы психической активности человека намного тоньше и сложнее, чем думают.

Дело в том, что даже психически здоровый человек никогда не сидит за подсчетом баланса приятного и неприятного. Люди обычно действуют спонтанно, и их поведение определяется многочисленными внутренними и внешними факторами, в том числе тем, как сочетаются в их психике черты интроверсии и экстраверсии с невротизмом (то есть высокой эмоциональностью). Эти сочетания, например сочетание у невротиков интроверсии и невротизма, порождают неконтролируемые импульсы. Когда импульсивность таких людей подавляется и они фрустрируются, они переживают психическое состояние агрессивности. Еще более опасна агрессивность тех людей, у которых экстраверсия, то есть склонность преимущественно к внешней активности и общению, сочетается с высокой эмоциональностью. Мы считаем, что большинство агрессивных людей принадлежит к этой категории. Многие преступники, совершившие насильственные преступления, как показал *Г. Айзенк*, принадлежат к данной группе людей.

1.3. Принуждение и насилие (о неагрессивном принуждении)

Всегда ли **принуждение** *является насилием, то есть агрессией, применяемой против воли другого человека?*

Мы считаем, что неадекватный ответ на данный вопрос приводит к недоразумениям, поэтому должны заняться его обсуждением.

Приведем пример. Отец принуждает больного сына пить противное на вкус лекарство. Тот сопротивляется (это проявление его воли и протеста), но отец **принуждает** его принять лекарство и в конце концов добивается своей цели. Являются ли его действия агрессивными? Применил ли он насилие? Принуждение, безусловно, имело место, но насилие?

Мы думаем, что поведение такого отца нельзя считать агрессивным, если иметь в виду психологическое определение агрессии и насилия как желания причинить вред другому человеку и реальное нанесение такого вреда. Более того, отец больного мальчика хотел блага своему сыну. Поэтому его действия можно даже считать по своему характеру противоположными агрессии и насилию.

Правда, в обычной речи «принуждать» означает «заставлять другого делать что-либо против своей воли», то есть имеет смысл насилия. Но какой-то термин следует придумать для обозначения той разновидности принуждения, целью которого является благо объекта принуждения. Принуждая человека (заставляя его) принимать лекарство и спасая его жизнь, отец, мать или врач могут совершить такие действия, которые внешне выглядят как агрессивные, насильственные. Но их мотивация иная: или полностью неагрессивная, или же смешанная.

Принуждение — *это во многих случаях такое «насилие», цель которого — благо, польза для объекта такого социального воздействия.*

Дело, как мы видим, сложное. На этапе принуждения и покорности действия родителя могут даже причинить сыну боль и квалифицироваться как агрессивные. Точно так же врач или медсестра делают уколы, которые болезненны и даже наносят некоторые повреждения телу больного. Но такая агрессия необходима как предпосылка для следующего этапа — впрыскивания лекарства и лечения организма. Если бы медсестра лишь уколола человека, она была бы только агрессором.

Поэтому цели реальных действий могут быть многообразными, мотивация — сложной, одновременно агрессивной и неагрессивной, даже гуманистической. Только при таком подходе мы поймем смысл действий хирурга, стоматолога и других представителей медицины. Принуждение, по-видимому, является более широкой категорией, таким способом социального воздействия, который имеет свои агрессивные варианты и разновидности.

Агрессия, деструкция, вандализм

Деструктивность, или разрушительность, мы понимаем как более высокий уровень агрессивности и ее выражение в таких действиях, целью которых является разрушение, уничтожение других людей или фрустраторов. Если обычные, умеренные формы агрессии имеют своей целью лишь подавление, отвлечение, устранение препятствия с дороги для продолжения своей целенаправленной деятельности, то при деструктивности враждебность так сильна, что агрессор стремится обязательно уничтожить противника. За деструктивными действиями — если они не являются только подражанием социальным моделям — стоят сверхсильные агрессивные мотивы и агрессивность как обобщенная установка.

Поэтому следует различать *деструкцию* (разрушение) и *деструктивность* (разрушительность). **Деструкция** *есть крайняя форма агрессивных действий, агрессивного поведения,* а **деструктивность** — *крайнее состояние агрессивности и жестокости, специальная склонность человека или групп к разрушению ценностей и уничтожению людей.* Деструктивность и деструкция направлены на разрушение предметов, людей, даже целых социальных и этнических групп. Как справедливо отметил *Э. Фромм*, деструктивность и жестокость — специфически человеческие явления, они вызывают у таких людей чувство наслаждения. Они отсутствуют у многих млекопитающих, филогенетически не запрограммированы и не являются адаптивными[13].

> **Деструкция** есть крайняя форма агрессивных действий, агрессивного поведения, а деструктивность – крайнее состояние агрессивности и жестокости, специальная склонность человека или групп к разрушению ценностей и уничтожению людей.

Подобные действия нередко бесцельны и не способствуют адаптации человека к условиям своего существования.

Агрессия имеет тенденцию переходить в деструкцию, когда сопротивление объектов агрессии (жертв) усиливается. Если агрессивный человек стремится лишь подавить противника, сделать его недееспособным и подчинить своей воле, то деструктивный человек, встречая сопротивление, не удовлетворяется поражением противника и его

подчинением — он уничтожает его. Границу между нанесением поражения и уничтожением не всегда возможно четко различить. Иногда временно подавляют противника для того, чтобы затем уничтожить. Подавление может быть только первым этапом уничтожения. Как показывает широкий опыт турок и немцев, геноцид подготавливается в целом по этой схеме.

Вандализм есть сильное агрессивное стремление к уничтожению культурных ценностей, всего того, что непонятно и неприемлемо.

Вандализм *есть сильное агрессивное стремление к уничтожению культурных ценностей, всего того, что непонятно и неприемлемо*. Такое поведение может сочетаться с агрессией, направленной против носителей этих ценностей. Так, тюркские племена, ворвавшиеся в XI веке в Малую Азию, сочетали в своем поведении крайний садизм и вандализм. Это многократно зафиксировано в исторических трудах[14].

Но о вандализме и садизме подробнее будет сказано в последующих главах.

1.4. Теоретические представления об агрессии

К настоящему времени наработан ряд теоретических представлений об истоках, видах и функциях агрессивного поведения. Каждый из них правильно отражает определенные аспекты проблемы агрессии и агрессивности. Полученные их представителями результаты мы обсуждаем в соответствующих главах. Поэтому здесь лишь предварительно и очень кратко представим основные идеи этих теорий.

Болевая теория агрессии

Данная теория сводится к следующему ряду утверждений:

а) когда агрессивная пара начинает борьбу, то каждый из дерущихся индивидов борется все более и более интенсивно, пока один из них или оба не устают;

б) когда двое агрессивных людей начинают борьбу, они могут сражаться все менее и менее интенсивно или опасно, пока один из них не прекращает борьбу полностью.

Такое различие между диадами может быть обусловлено различными стилями агрессивного поведения борющихся, тем, какая стратегия у них преобладает: стратегия борьбы и нападения или же стратегия ухода и бегства. Но психолог *К. Макал*, который, в числе других, обсуждает болевую теорию агрессивности, предполагает также, что агрессивность и тревожность диады усиливаются в соответствии с увеличением силы болезненности «сигналов», исходящих от нападающего. И наоборот, чем слабее болезненность атаки, тем слабее агрессивность и тревога[15].

Этим можно объяснить, почему кто-то в данной ситуации хорошо сражается, а в другой — вяло.

Страх перед болью имеет условно-рефлекторный характер и часто возбуждает человека, вызывая его агрессивное поведение. Целью таких действий является нанесение агрессору еще более сильных болевых ударов и уменьшение собственных болевых ощущений. Причинение боли агрессору — средство предотвращения его дальнейших агрессивных действий и своих новых болевых ощущений. Если эти ответные действия не приводят к успеху, борьба может разгореться с новой силой.

Вышеизложенные теоретические положения приводят к одному интересному выводу: *если мужчины, как в настоящее время установлено специалистами, действительно более чувствительны к боли, чем женщины, тогда они должны быть более агрессивными.*

Как мы видим, здесь еще нет теории, и ее вряд ли следует создавать лишь на учете фактора боли. Просто, создавая общую и синтетическую теорию агрессии, следует учесть также положения «болевой теории». Роль боли как регулятора агрессивного поведения следует учесть и тогда, когда мы рассматриваем агрессию в качестве социально-психологического механизма адаптации человека.

Теория инстинктивных влечений

С древнейших времен существует представление о том, что человек — изначально злое, агрессивное существо и имеет прирожденное стремление к разрушительным действиям. В новое историческое время из мыслителей такой точки зрения придерживался английский философ *Томас Гоббс* (1588–1679 гг.). Он считал, что первоначальное зло, заключенное в человеке, может быть обуздано только строгими социальными ограничениями.

В психологии и пограничных с ней науках XX века это представление было конкретизировано несколькими выдающимися учеными, в числе которых мы в первую очередь видим *Зигмунда Фрейда* и *Конрада Лоренца*.

З. Фрейд, великий основатель психоанализа и глубинной психологии, постулировал существование **инстинкта смерти** — *танатоса*. Это постоянный источник враждебных импульсов. Если они не получают разрядки в безопасных и нормальных формах, тогда, накапливаясь, приводят к импульсивным и разрушительным действиям. Тенденцию к агрессии *З. Фрейд* считал прирожденной, независимой и инстинктивной диспозицией. Наше тело, согласно *Фрейду*, постоянно производит агрессивную энергию, которая стремится к выражению, она неизбежна.

Психоаналитические представления об источниках и природе агрессии были развиты *Эрихом Фроммом* и другими неофрейдистами, на работы которых мы в этой книге будем ссылаться неоднократно[16].

Наличие инстинкта смерти означает постоянное стремление организма вернуться в неживое, неорганическое состояние. Но поскольку человек имеет также инстинкт жизни, его агрессивность чаще всего направляется на внешний мир и сравнительно реже — на самого себя. Кроме того, агрессивность, как и сексуальность (либидо), может быть превращена в полезную деятельность. Это уже процесс **сублимации**[17].

Весьма сходную концепцию, но уже на более солидной базе современной биологии, предложил известный этолог *Конрад Лоренц*. Этот исследователь, получивший звание лауреата Нобелевской премии за свои открытия в области исследования поведения животных в естественных условиях жизни, считает, как мы уже знаем, что агрессивные действия животных и человека исходят из особого **инстинкта драчливости**. Такой инстинкт возник в процессе длительной эволюции и сохраняется, поскольку оказывает полезную услугу в борьбе за выживание[18].

Одно косвенное доказательство данной гипотезы представляют исследования сна и сновидений животных, в частности полученные *Мишелем Жюве* данные о том, что животные (в его экспериментах — кошки) видят сны с агрессивными сце-

нами. Когда экспериментатор наносит повреждение центрам быстрого сна, кошки начинают во сне разыгрывать эти сцены нападения и защиты с явными внешними признаками агрессивного состояния. Исходя из подобных фактов, *М. Жюве* предполагает, что в сновидениях животных и человека имеет место тренировка основных инстинктов вида с целью их сохранения.

Польза от инстинкта драчливости состоит в том, что он позволяет расширить географические границы распространения вида и использовать новые пищевые ресурсы. Поскольку агрессивность тесно связана с процессом спаривания, она способствует сохранению сильнейших индивидов и улучшению вида. Таким образом, *К. Лоренц*, в отличие от *З. Фрейда*, считал агрессивное поведение скорее адаптивным, чем саморазрушительным. Как мы увидим в пятой главе настоящей книги, инстинктивная теория агрессии объясняет важные аспекты проблемы агрессии, но нуждается в существенном дополнении. Это стало возможным благодаря созданию теории фрустрации — агрессии и социально-психологических теорий агрессии.

Социально-психологические теории

В эту группу теорий агрессии в первую очередь надо включить теорию **фрустрации — агрессии**, которой мы посвятим отдельную главу. Эта теория предложена группой американских психологов во главе с *Джоном Доллардом*[19].

Согласно этой теории, агрессивное влечение возникает тогда, когда на человека воздействуют неприятные факторы среды, в частности такие, которые блокируют его целенаправленную деятельность. Агрессия возникает для устранения этого неприятного фактора, который в общей форме называется *фрустратором*. **Фрустрация** — *это уже психическое состояние, в котором человек оказывается, когда его целенаправленная деятельность блокируется*. Возникающее агрессивное влечение приводит к прямым или косвенным агрессивным действиям.

Считается также, что если человек действует агрессивно, он фрустрирован, а если фрустрируется, то должен вести себя агрессивно. Но, как показали дальнейшие исследования, это представление упрощает реальную картину социального поведения человека, поскольку, во-первых, человек нередко подавляет свою агрессию и, во-вторых, существуют неагрессивные реакции на фрустрацию. Но обо всем этом более подробно будет изложено на последующих страницах. Здесь следует добавить, что теория фрустрации — агрессии не оставляет большого места для оптимизма относительно возможности уменьшения агрессии и насилия в обществе: фрустраторы и фрустрации так широко распространены, что фактически неустранимы из жизни общества. Следовательно, неустранима также агрессия.

Фрустрация — это психическое состояние, в котором человек оказывается, когда его целенаправленная деятельность блокируется.

Отметим, что, по нашему мнению, теории инстинкта и теория фрустрации — агрессии не только не исключают друг друга, но и совместимы. Для создания синтетической теории следует поставить такой вопрос: *каким образом под воздействием фрустраторов у животных и человека возникают агрессивные действия, если у организма нет внутренних условий для их рождения*? Эти внутренние прирожденные условия совершенно необходимы, и таковыми являются инстинкт драчливости (драчливость, танатос и т. п.)

и связанные с ним психофизиологические процессы и компоненты, порождающие *агрессивную энергию*.

Другой социально-психологической теорией агрессии является **теория социального обучения** *Альберта Бандуры*, на основе которой *Леонард Берковиц* создал свою теорию агрессии. Согласно этой теории, агрессивные действия приобретаются с помощью механизмов учения, в частности подражания и обусловливания (павловских условных рефлексов и скиннеровского оперантного обусловливания). И об этих теориях у нас будет особый разговор.

Взаимосвязь между **конформизмом и агрессией** рассматривается в концепции, согласно которой *агрессия является разновидностью конформного поведения*: ситуация требует от человека действовать конформно, и он действует так, поскольку боится возможного наказания[20].

Например, за неучастие в линчевании чернокожего предусмотрено наказание со стороны групп расистов. Но за участие тоже предусмотрено наказание, на этот раз уже со стороны государственного закона. Каждый, рассчитав в уме плюсы и минусы того или другого варианта, принимает свое личное решение, которое обусловлено *конформизмом* — желанием приспособиться к ожиданиям той или иной социальной группы или авторитетов.

Вариантом этой теории считается разработанная *Стэнли Милграмом* концепция, согласно которой агрессивное поведение определяется подчинением личности авторитету, то есть человеку, который обладает властью и имеет влияние[21].

Эта концепция тесно соприкасается с теорией авторитаризма, разработанной группой психологов и социологов Калифорнийского университета (США) и представленной в классической монографии «Авторитарная личность»[22].

Человек, подчиняющийся приказам лидера или руководителя, считает себя обязанным действовать агрессивно, иногда же — намного более агрессивно, чем от него ждали. Авторитарная агрессия связана с группоцентризмом и этноцентризмом, суть которых в том, что своя группа считается выше и лучше других групп, она считается центром всего, что происходит вокруг, и все остальное оценивается исходя из ценностей и принципов той идеологии, которой руководствуется группа. Гордость за свою группу сочетается с враждебностью к другим, что и становится основой межэтнической агрессии. Эту проблему мы также подробно рассмотрим далее.

1.5. Политико-психологические теории агрессии

Политико-психологические концепции рассматривают человека в контексте политической активности и пытаются ответить на вопрос об истоках агрессивных политических решений и насилия. Поскольку в данной книге вряд ли придется вернуться к этим концепциям, рассмотрим их здесь несколько более подробно, чем предыдущие.

Теорию мужского нарциссизма предложил американский исследователь *Л. Эмерджи*. Он исследовал воздействия черт личности на намерения об использовании власти и военных средств для решения международных проблем. Данный специалист считает, что именно личностная структура людей, стремящихся к высоким статусам в американской политической жизни, делает вероятным применение си-

ловых средств и военных решений проблем. Этих людей он, по-видимому, вслед за известным политологом *Гарольдом Ласвеллом*, называет **нарциссистами**, индивидами с «мужским нарциссическим синдромом».

В сфере политики люди сталкиваются с двусмысленными ситуациями и нередко имеют грубые и неадекватные представления и оценки о природе человека. Они вынуждены опираться на свою интуицию и открывать двери для выражения своих собственных подавляющих и доминирующих, угрожающих и интрузивных преддиспозиций[23].

Результатом такого эмоционально насыщенного, самообманывающего мышления являются решения, которые выглядят и переживаются как рациональные, но в действительности являются лишь правдоподобными решениями[24].

В структуру характера человека с «мужским нарциссическим синдромом» входят такие черты, как гордость, сила, жестокость и строгость, крайняя чувствительность к угрозам и попыткам доминирования со стороны других. Это люди, которым свойственно «телесное самоутверждение». Имеются также нюансы мужского шовинистического патернализма. Такие люди стремятся обеспечить безопасность, защиту и т. п. Часть из них желает иметь высокие статусы, стать менеджерами и политическими лидерами, делать доброе дело для мира, быть благодетелями. На ролях лидеров США они хотят обеспечить лидерство своей страны в мире, ее активную мужскую роль, контроль над другими странами.

Таким лидером, согласно *Л. Эмерджи*, был *Дж. Кеннеди*, который всю жизнь увлекался сказками о героях, восхищался людьми, которые воевали, достигая высот власти и славы. Он с юных лет решил во что бы то ни стало избираться президентом США и в жестокой борьбе победил. Эмерджи считает, что Кеннеди принял свое ошибочное решение о вторжении на Кубу под влиянием своего нарциссизма. Этот политик был уверен, что кризисы можно разрешить крутыми силовыми методами.

Другой политический психолог, *Джин Кнутсон*, внесла некоторый вклад в понимание того, почему лидеры принимают жесткие силовые решения. Ее особенно интересовали **главные мотивы**, лежащие за силовыми политическими решениями. Какого типа политики склонны применять насилие в своих отношениях с противниками? Это исследование не было завершено к моменту ее смерти, но из рукописей исследователи узнали, что она разрабатывала концепцию виктимизации: по ее мнению, за силовыми решениями политиков лежит ***мотив виктимизации***.

Жертвой является тот, кто лично переживал несправедливость и считает, что она была излишней, она не была необходимой. Переживание несправедливого отношения вызывает у такого человека глубокий страх перед возможной аннигиляцией, то есть исчезновением, смертью.

Согласно концепции *Джин Кнутсон*, отдельные виктимизирующие события или переживания, приводя к конверсии личности (ее глубокому психологическому изменению, вплоть до смены ее «Я»), заставляют ее позаботиться о своей личной безопасности: такие люди стараются изменить «угрожающее лицо мира».

Дж. Кнутсон приводит историю молодого ирландца *Френсиса Хафеса* из Северной Ирландии. Однажды во время возвращения домой с танцев он и его друг были остановлены британскими солдатами, которые выволокли их из машины и страшно избили. Под влиянием этого травмирующего события юноша поклялся позаботиться

Как только человек совершает свои первые политические насильственные действия, ему уже трудно на этом остановиться. Новый страх и гнев вызывают новое насилие. И если к этим психологическим факторам присоединяется надежда на успех, тогда борьба может продолжаться с еще большим ожесточением. Потенциальное наказание за насилие представляется менее угрожающим, чем последствия пассивности – постоянная тревога и вероятность насильственной смерти.

о безопасности своей жизни и жизни своих друзей, создал боевой отряд и в течение нескольких лет вел партизанскую войну против англичан. Позднее, вместе с успешно действующим отрядом, он вошел в состав Ирландской Республиканской Армии, ведущей борьбу за независимость.

У многих вследствие виктимизации эмоциональная жизнь как бы умирает. Они становятся эмоционально «неподвижными», как окаменевшее от страха животное. Любое улучшение ситуации вызывает страх и сознательное отклонение от попыток новой виктимизации. Жертва полуосознанно понимает, что пассивность обеспечивает ее виктимизацию и только борьба, активная защита своего «Я» и своей группы адекватно служит уменьшению угрозы новой агрессии со стороны других[25].

Самоутверждающая активность обещает ослабление виктимизирующих воздействий. Личная активность человека сосредоточивается на устранении новой угрозы несправедливости, она подавляет страх и тревогу по поводу ожидания новых потерь. Как только виктимизированный человек совершает первые активные действия, он переживает сильнейший гнев, хотя и страх тоже не исчезает полностью. Эти эмоции, как мы уже знаем, лежат в основе новых агрессивных действий. Так создается психологическая основа продолжения борьбы.

Таким образом, как только человек совершает свои первые политические насильственные действия, ему уже трудно на этом остановиться. Новый страх и гнев вызывают новое насилие. И если к этим психологическим факторам присоединяется надежда на успех, тогда борьба может продолжаться с еще большим ожесточением. Потенциальное наказание за насилие представляется менее угрожающим, чем последствия пассивности — постоянная тревога и вероятность насильственной смерти.

Здесь мы видим также работу **механизма вовлечения** в определенную стратегию поведения после совершения первых действий. Из **теории когнитивного диссонанса** известно, что вовлечение имеет место вследствие возникновения в психике личности состояния этого своеобразного конфликта — когнитивного диссонанса — между представлением о себе и знанием о совершенных действиях. Желая оправдать свое поведение, человек находит аргументы в его пользу, вследствие чего усиливается убежденность в необходимости продолжения той же линии поведения, в рассмотренном выше случае — политического насилия для подавления самовосприятия как жертвы.

Разработанный *Дж. Кнутсон* подход к объяснению виктимизации и способов ее преодоления позволяет объяснить психологические механизмы национально-освободительных движений, партизанских движений и терроризма. Всякий гнет доминирующего этноса вызывает виктимизацию и мотив самоосвобождения и избавления, деятельности, которая, раз начавшись, с большим трудом затухает. Причем репрессивные меры не являются самыми эффективными.

1.6. К психоистории агрессивности (агрессивность в истории человечества)

В будущей **психоистории** человечества, предпосылки которой создаются уже в наши дни, значительное место предстоит уделить истории агрессивности, поскольку эта история — цепь кровавых войн и массовых убийств, самых различных и изощренных жестокостей. Без психоисторического исследования корней, мотивов и форм человеческой агрессивности и ее развития мы эту историю не поймем. С каменного века мы видим многообразие стремления к взаимному истреблению людей. Человеческая агрессивность развивалась, порождая все новые формы своего выражения. На службу этой тенденции были немедленно поставлены первые же примитивные орудия, которые тем самым приобретали новую функцию — функцию оружия защиты или нападения.

В психоистории человеческой агрессивности следует показать, каким образом люди стали специализироваться в изготовлении оружия в «чистом» виде, то есть в деле создания инструментов, специально предназначенных для искалечения и убийства других людей: от заостренных камней, топоров, ножей, лука и стрел, дротиков и т. п., винтовок, автоматов и пушек до современных средств массового уничтожения людей. В этом деле человечество проявило много таланта и огромную изобретательность. Сколько интеллекта, воли и материальных средств было потрачено на изобретение орудий смерти, способов пыток и убийства людей!

Психоисторическое исследование агрессивности показало бы нам, каким образом фундаментальный иррационализм человеческой природы, исходящие из него мотивы, стремления и чувства реализуются с помощью его интеллектуальных способностей. Человек способен решать самые сложные задачи, но эта его способность чаще всего служит эгоистическим и агрессивным целям. Хотя существующий в настоящее время арсенал средств уничтожения вполне достаточен для многократного превращения земного шара в абсолютную пустыню, тем не менее лидеры народов, их политические элиты продолжают совершенствовать орудия смерти и накапливать их. В гонку вооружения включаются все новые страны, появляются все новые ядерные державы. В мире продается огромное количество оружия, значительная часть которого применяется в региональных войнах. Рациональные аспекты психики человека, его интеллект, то есть способность приобретать знания и использовать их для решения задач, служат его же иррациональным целям.

Здесь мы, конечно, не намерены брать на себя бремя решения грандиозной задачи и изложения психоистории человеческой агрессивности в полном объеме. Это задача будущих исследователей. Поэтому мы ограничимся еще несколькими замечаниями.

1. Будущий психоисторик человеческой агрессивности должен специально исследовать **детоубийство** в истории человечества. Автор этих строк считает убийство детей самым страшным преступлением человечества, отдельных групп людей и индивидов. Детоубийство свидетельствует о крайней жестокости человека, об отсутствии у него способности сопереживания. Это крайнее выражение садизма. В истории человечества оно представлено настолько широко, что захватывает и настоящее время. Но не всегда в прямой форме.

Например, аборт беременных женщин мы считаем массовым видом современного детоубийства. А в древности детоубийство практиковалось уже в отношении рожденных детей. Так, в Спарте новорожденных девочек считали нежелательными и убивали, поскольку они не могли стать воинами.

Общеизвестна жестокость бедуинов. До принятия ислама среди бедуинских племен Аравийского полуострова был распространен обычай убийства новорожденных девочек: их живыми зарывали в землю. В целом, рождение девочек, особенно в семьях бедных людей, считалось несчастьем, тогда как рождению сына бедуин радовался не меньше, чем появлению на свет жеребенка из породистой кобылицы[26].

Такая жестокая практика не является чем-то уникальным для древних арабов, которые сегодня удивились бы, узнав о повадках своих предков. Рождение девочки до сих пор у многих народов, особенно на Востоке, считается не очень счастливым событием, но традиция убийства новорожденных девочек почти исчезла. Моральный прогресс все же есть, пусть и незначительный.

Современные общества также не отличаются добротой к детям. Вот что пишут американские психологи: «От трех до пяти тысяч детей в США умирают ежегодно в результате жестокого обращения с ними их родителей»[27].

2. Особого внимания заслуживают **войны между народами и гражданские войны**. Примерные подсчеты показали, что за всю историю человечества было около 14 600 войн, то есть примерно 3 войны за каждый год[28].

   Это, конечно, сильно заниженная цифра, хотя и она впечатляет. Разумеется, речь идет о более или менее крупных войнах и походах: многочисленные мелкие стычки и походы невозможно было регистрировать. В этих войнах погибали многие миллионы людей, в том числе мирных жителей: женщин и детей, не имевших отношения к военным действиям.

3. До сих пор широко распространено **убийство пленных**. Этих представителей другого (враждебного) народа или убивали, или превращали в рабов. Позже значительную часть этих рабов тоже убивали, поскольку их не считали полноценными людьми.

   По нашему мнению, в психоистории человеческой агрессивности рабству и жестокости по отношению к рабам следует уделить особое место. Превращение свободных людей в рабов является одним из проявлений межэтнической агрессии и весьма широко распространено в наши дни. Чечено-русские войны 1990-х годов воочию свидетельствуют в пользу нашего утверждения.

   История рабства и рабовладельчества — это одна из самых позорных страниц истории человечества и должна исследоваться досконально, поскольку ее знание поможет лучше понять природу человека, а также расовые и межэтнические отношения.

4. **Геноцид** (или *этноцид*) — специальная и обширная тема для исследования. Здесь мы приведем лишь данные о геноцидах в новейшей истории человечества, самых диких и масштабных. Но прежде всего одно терминологическое замечание: термин «геноцид» никак нельзя считать удачным. Ведь речь идет об уничтожений этносов (племен, наций). Поэтому мы предлагаем использовать более адекватный термин «этноцид».

Этноцид армян в Османской империи, а затем и в Турецкой Республике, фактически начался со второй половины XIX века и продолжался по 1923 год. Мы уже не говорим о более ранних попытках уничтожить армянский этнос. За это время погибло более двух миллионов армян. Остальная часть, лишенная своей родины, была изгнана и до сих пор скитается по разным странам. Изгнание народа со своей родины, согласно решениям ООН, тоже является актом геноцида.

Этноцид (холокост) еврейского народа, организованный руководством фашистской Германии с начала 1930-х годов и осуществленный до конца Второй мировой войны, унес жизни более шести миллионов людей.

В Кампучии этноцид унес жизни почти половины населения этой небольшой азиатской страны. Особенностью кампучийского этноцида является то, что его организовали, исходя из идеологических соображений, сами представители этого народа, вдохновленные марксистскими идеями. Акты геноцида имели место в ряде стран Азии и Африки (например, в Руанде), в Азербайджане и других странах.

5. **Убийства**. Речь идет не об убийствах во время военных действий и геноцида, а в ходе совершения насильственных повседневных преступлений, в результате бытовых конфликтов, на улицах городов и т. п. Считается, что значительно больше людей в мировой истории погибает не на полях сражений, а в результате повседневных преступлений. Так, с начала 1990-х годов в США более 900 000 человек было убито в результате преступных действий других людей. Вообще же, различные проявления агрессивности в межличностных отношениях широко распространены как в этой стране, так и во многих других, хотя и в не такой степени.

Ситуацию нельзя считать благополучной и в России. Особенно широко распространено насилие в семьях. Вот что писала «Независимая газета» несколько лет назад: «...Если еще недавно образ домашнего тирана ассоциировался с видом опустившегося пьяницы или рецидивиста, терроризирующего домочадцев, то сегодня, по свидетельству специалистов, случаи жестокого обращения с детьми, пожилыми людьми и женщинами уже не редкость во вполне благополучных семьях, а среди женщин, обращающихся за помощью в кризисные центры, все больше родственников "новых русских".

Несмотря на то что официальной государственной статистики по данной проблеме нет, сведения, обнародованные на одном круглом столе, впечатляют: за минувший год почти вдвое выросло число преступлений бытового характера, в семьях совершается почти 40 % всех убийств, ежегодно 2 тысячи детей совершают самоубийство, 50 тысяч детей убегают из дома. Более 14 тысяч женщин погибают от рук мужей или других близких. Как сообщил заместитель начальника Главного управления обеспечения общественного порядка Анатолий Сухов, в настоящее время на профилактическом учете в России состоят около 4 млн потенциальных семейных насильников, что, по мнению МВД, представляет серьезную угрозу обществу»[29].

1.7. Принцип сопряжения в психологии агрессии. Закон сопряжения

Принцип или **закон сопряженного развития психических качеств** P_1 и P_2, выдвинутый автором этих строк, означает следующее:

1) P_1 не может существовать без P_2 и наоборот;
2) при прогрессивном развитии P_1 прогрессирует также P_2 и наоборот. Это означает, что действует **закон позитивного сопряжения** двух психических качеств одной личности или двух личностей;
3) когда при прогрессивном развитии P_1 имеет место регрессия (ослабление, дегенерация) P_2, то можно говорить уже о действии **закона негативного сопряжения**.

Итак, закон сопряжения действует в двух формах — *позитивной* и *негативной*. Важно учесть, что этот закон действует как внутри личности, так и в межличностных и межэтнических, в межгрупповых отношениях. Во всех этих сферах психологам предстоит обнаружить соответствующие факты и провести новые исследования. Отметим, что мы уже применили данный предложенный нами закон при исследовании целого ряда этнопсихологических феноменов[30].

Мы считаем, что *все взаимоотношения типа «агрессор — жертва», «лидер — ведомый»* (последователь), *«господствующий этнос — подчиненный этнос»* — **динамические системы**, *члены которых изменяются согласно описанному выше закону сопряжения.* Нет господина без раба, нет жертвы без агрессора и т. п.

Закон сопряжения в психологии агрессии

В области психологии человеческой агрессии и агрессивности сформулированный выше закон сопряжения применим, по крайней мере, при исследовании соотношения между агрессивностью и эмпатией в структуре психики одного индивида. Мы утверждаем следующее:

1) агрессивность и эмпатическая способность в психике личности сопряжены;
2) в их двуединой динамике действует закон отрицательного сопряжения, согласно которому чем сильнее у личности выражена агрессивность, тем слабее развита эмпатия. При усилении эмпатии агрессивность идет на спад и наоборот.

Это, конечно, эмпирический закон. Но такая четкая концептуализация эмпирических фактов дает исследователю ряд преимуществ:

- позволяет осознать связь двух психических явлений различных социально-психологических уровней;
- открывает путь для экспериментального исследования упомянутых явлений, поскольку позволяет операционализировать предлагаемые гипотезы.

Что касается применения закона сопряжения в психологии агрессии, то, с нашей точки зрения, особый интерес представляют те случаи, когда у личности как агрессивность, так и эмпатия развиваются примерно в одинаковой степени. В принципе, нет личности, совершенно лишенной агрессивности. Поэтому при эмпирических исследованиях на основе закона сопряжения названные два личностных качества должны исследоваться вместе.

Как увидит читатель после ознакомления с некоторыми разделами настоящей книги, принцип сопряжения может иметь плодотворные применения при анализе различных явлений психической жизни человека и, в частности, агрессивности, насыщенного агрессивностью взаимодействия людей.

1.8. Методы исследования агрессии

Хотя агрессия и агрессивность интересовали мыслящих людей еще на заре человеческой истории, лишь недавно они стали предметом научных исследований. Психологические исследования агрессии — дело лишь последних нескольких десятилетий. Несмотря на молодость психологии человеческой агрессивности, она уже имеет заметные успехи. По существу, психология стала главной наукой, занятой исследованием агрессии. Отсюда — важность разработки и совершенствования методов психологического исследования агрессии. Ниже мы рассмотрим основные из этих методов: *метод наблюдения, различные виды экспериментов, проективные методы* и т. п. Из них особый интерес представляют:

- методы измерения физической агрессии (*А. Басс* и *Л. Берковиц*);
- опросник Кэттелла;
- целый *ряд проективных методов*, в первую очередь тест Розенцвейга, тест тематической апперцепции (ТАТ);
- метод многофакторного исследования личности (MMPI) и другие.

Знакомство с ними очень полезно не только специалистам, но и неспециалистам-любителям, поскольку позволит им видеть, какими способами психологи получают новые факты о психической жизни людей. Специалисты же, желающие исследовать агрессию, должны обращаться к таким руководствам, в которых методы исследования описаны более подробно.

Метод наблюдения Традиционно метод психологического наблюдения подразделяется на два вида: *самонаблюдение* и *объективное наблюдение*. Самонаблюдение может дать нам ценные сведения особенно о субъективной стороне человеческой агрессивности, о тех эмоциях, мыслях и мотивах, которые побуждают человека совершить агрессивные действия. Существует, конечно, не только внутреннее самонаблюдение (интроспекция), но и внешнее, объективное самонаблюдение: человек может стать для себя таким же объектом наблюдения, как и другие люди. Самослежение (мониторинг собственного поведения) — обычный, хотя и не совсем еще изученный психический процесс, с помощью которого человек приобретает значительный объем знаний о собственном поведении, в том числе агрессивном.

Трудности самонаблюдения и возникающие при его применении искажения уже давно обсуждаются в психологии и общеизвестны. На эту проблему из российских психологов особое внимание обратил *С. Л. Рубинштейн*. Все же есть важные аспекты поведения человека, в том числе агрессивного, о которых мы сможем получить информацию только от него самого, а то, что он сообщает, отвечая на наши вопросы, является результатом его самонаблюдения. Как читатель увидит ниже, составляя анкеты и опросники для исследования агрессии, мы включаем в них вопросы следующего типа: «Легко ли вы оказываетесь в злом настроении?» или «Когда ваш ребенок плохо ведет себя, как вы его наказываете?» и т. п. Ясно, что на такие вопросы надежнее всего ответит сам опрашиваемый. Но содержание его ответов — результат его самонаблюдения, интроспективного или объективного.

Объективное наблюдение в естественных условиях («полевое наблюдение») состоит в том, что человек в семье, на улице, в различных учреждениях и учебных заведениях, в армии, на игровых площадках и в других ситуациях следит за поведением людей и, как только замечает, что они ведут себя агрессивно, подробно описывает их поведение и выражения эмоционального состояния. При этом полезно использовать технические средства регистрации агрессивных событий. Каждый опытный наблюдатель знает, что в некоторых местах агрессивное поведение и конфликты вспыхивают чаще, чем в других, и со своей «аппаратурой» отправляется туда. Это определенные криминогенные зоны большого города, рестораны, кафе, дискотеки, рынки и т. д. Как очевидно для читателя, речь идет о местах скопления людей.

Наблюдение в естественных условиях чаще всего применяется для исследования агрессивного поведения детей и животных. Исследователь совсем не вмешивается в ход событий и только следит за ними.

В этих «натуралистических» исследованиях одним из самых трудных оказывается вопрос о том, является ли наблюдаемое поведение действительно агрессивным. В этом вопросе между исследователями нередко возникают разногласия[31].

Другая же трудность обусловлена тем, что люди публично стараются не вести себя агрессивно, поэтому наблюдателю порой долго приходится ждать интересующих его форм поведения. Люди агрессивны в более изолированных и интимных ситуациях, недоступных исследовательскому глазу. Отсюда — важность самонаблюдения как психологов, так и испытуемых.

Иной способ получения информации об агрессии путем наблюдения — поиск и нахождение социально приемлемых способов выражения агрессивности. Речь идет о таких действиях, которые люди используют не стесняясь, порой даже не осознавая, что ведут себя агрессивно. Так, психологи успешно исследуют автомобильные сигналы, с помощью которых водители требуют друг от друга открыть перед ними дорогу, дать возможность обогнать. Но это уже скорее из сферы естественного эксперимента, о котором речь пойдет ниже.

Преимущество метода наблюдения состоит в том, что исследователь не вмешивается в естественный ход событий и они протекают без искажений. Когда люди не знают, что являются объектами исследования, они ведут себя раскованно, в значительной мере в соответствии со своей внутренней сущностью. Несмотря на все условности и ожидания, предъявляемые социальной средой, люди очень часто выражают свою агрессивность, так что наблюдать такое поведение и накапливать факты — дело хоть и трудное, но возможное.

Однако **главный недостаток наблюдения** *состоит в том, что реальное агрессивное поведение человека является результатом многих факторов, и каждый раз, регистрируя такое поведение, нам трудно определить его подлинные причины.* «Переменные», вызывающие агрессивные действия человека, не находятся под контролем исследователя. Как мы увидим ниже, эта принципиальная трудность в определенной степени преодолевается с помощью эксперимента, хотя сфера применения этого метода достаточно узкая. Во многих случаях просто нельзя применить экспериментальный метод. Например, если мы хотим исследовать психологическое и физическое насилие в семье и других социальных средах, то лучше использовать неэкспериментальные методы: никакая семья не разрешит психологу

искусственно вызывать в ней, например агрессию отца к своему сыну для исследовательских целей. Но члены семьи о таких случаях могут сообщить психологу или психотерапевту для получения от них помощи. Такие сведения можно использовать с целью решения как практических, так и исследовательских задач.

Можно сказать, что у метода наблюдения есть ряд трудностей. Во-первых, желая исследовать одну определенную форму агрессии с помощью данного способа, мы вынуждены ждать, пока она появится вновь и вновь. Во-вторых, одного наблюдения всегда недостаточно для определенных выводов. В конечном итоге, эпизодичность наблюдений не обеспечивает надежности эмпирического описания и не дает уверенности в наших выводах.

Естественный эксперимент

Метод естественного эксперимента фактически является усовершенствованным вариантом наблюдения в естественных условиях жизни. Наблюдение превращается в естественный эксперимент тогда, когда психолог вносит некоторые изменения в ситуацию с тем, чтобы получить желательный для себя эффект. Но эти изменения должны быть такими, какие встречаются в реальной жизни и не вызывают подозрения у людей, поведение которых исследуется.

С целью исследования агрессии в естественных условиях в последние десятилетия успешно применяется следующий метод: помощник психолога, ведущий свою машину, после загорания зеленого света светофора нарочно задерживается на 10, 15 или более секунд, создавая неожиданную помеху для тех, кто идет сзади. Это фрустрирует их, и они начинают подавать сигналы, жестикулировать, словесно комментировать поведение того водителя, кто препятствует их движению вперед. Езда на машине — целенаправленная деятельность, блокада которой вызывает фрустрацию и агрессивные реакции. Психологи, наблюдающие со стороны, регистрируют как сигналы, так и остальные формы поведения фрустрированных водителей. Автор же, часто пользующийся автотранспортом, уже долгое время наблюдает это явление в повседневной жизни, регистрируя самые интересные случаи. Накопленные сведения доказывают достаточно высокий уровень агрессии водителей микроавтобусов, такси и личных автомобилей в г. Ереване. Особенно бросается в глаза агрессивность водителей микроавтобусов, которые соперничают друг с другом в «захвате» пассажиров. Хотя в Ереване сигнализация запрещена, эти водители поднимают «вой», создавая напряженную, стрессовую ситуацию.

В ходе подобных естественных экспериментов учитывались различные дополнительные факторы, влияющие на фрустрированного: статус фрустратора, наличие других стимуляторов агрессии, обозримость жертвы, температура воздуха и т. п.[32]

Агрессивными считаются как оскорбительные слова и жесты водителей, так и подаваемые ими сигналы. Все эти действия нацелены на то, чтобы нанести вред фрустратору. Дополнительные исследования, проведенные, например, *Р. Бэроном*, доказали, что это именно так.

Целый ряд вариантов естественного эксперимента использовал *М. Харрис*. Он исследовал способ подстрекательства, который в этическом отношении не всегда безопасен, но всегда результативен. Вот один из них: люди стоят в очереди за театральными билетами или за продуктами. Помощник психолога влезает вперед, но в различных местах очереди (перед вторым, перед четырнадцатым и т. п.), вызывая их недовольство. Психологи регистрируют их словесные и невербальные

реакции, которые зачастую являются, несомненно, агрессивными, вплоть до толчков и выпихивания, не говоря уже о враждебных взглядах и жестах[33].

Возможности подобных естественных экспериментов очень широкие, хотя трудность их проведения состоит в том, что их участники не являются добровольцами.

Экспериментальный метод

Для получения более достоверной информации о человеческой агрессии ныне широко используется эксперимент. Существует ряд вариантов экспериментальной процедуры, но общая схема такова:

а) определяется предмет исследования, например интенсивность или частота агрессивных действий в ответ на воздействие фрустраторов или каких-либо других неприятных факторов;

б) таким образом, определяется проблема, которую предстоит решить;

в) выдвигается гипотеза о возможном способе решения проблемы;

г) выбираются так называемые независимые переменные (X_1, X_2, X_3... X_n), то есть те воздействия, которые произвольно меняются экспериментаторами и не находятся под контролем испытуемого;

д) регистрируются так называемые зависимые переменные (Y_1, Y_2, Y_3... Y_m), то есть агрессивные действия человека в ответ на воздействие независимых переменных;

е) осуществляется психологическая интерпретация агрессивного поведения испытуемого, чтобы понять его мотивы и особенности, его связи с другими формами поведения человека.

Под словом «понимание» обычно имеют в виду раскрытие причинно-следственных отношений в поведении человека:

- какие факторы (независимые переменные) вызывают агрессивное поведение и почему;
- каким образом меняются параметры агрессивного поведения в зависимости от изменения независимых переменных, что является причиной и что — следствием в этих взаимозависимостях и т. п.

Если поведение в указанном смысле доступно пониманию, то психолог получает возможность контролировать и регулировать такое поведение. Эксперимент фактически организуется для получения более или менее точных значений функции:

$$Y_m = F(X_n).$$

Более точное представление об эксперименте читатель получит чуть позже, при рассмотрении методов *А. Басса* и *Л. Берковица*, изобретенных для измерения физической агрессии человека. Можно сказать, что психологам удалось создать ряд эффективных и практически безвредных методов исследования агрессивного поведения человека, причем благодаря таким лабораторным экспериментам им удалось решить также многие этические вопросы, обеспечив сознательное, информированное и добровольное участие испытуемых в психологических исследованиях главным образом физической агрессии.

Методы исследования физической агрессии

1. **Метод Арнольда Басса.** Этот способ исследования агрессии был предложен *А. Бассом* в 1961 году[34]. Он состоит в следующем: когда испытуемый в назначенное время приходит в лабораторию, ему говорят, что предстоит участвовать в эксперименте по изучению влияния наказания на обучение. Для этого необходимо, чтобы он и другой испытуемый играли соответственно роли учителя и ученика. «Учитель» предъявляет «ученику» различные учебные материалы, например задачу создания словесных ассоциаций, а тот должен усвоить их. Каждый раз, когда «ученик» дает правильный ответ, «учитель» должен поощрять его, говоря, что его решение правильно. Поощрение могут сигнализировать также включением лампы. Когда «ученик» допускает ошибку, «учитель» должен наказать его с помощью электрических ударов. Хитрость этого эксперимента состоит в том, что «ученик» является тайным сообщником психолога и выполняет его инструкции о том, как себя вести в ходе исследования.

Как поощрения, так и наказания передаются посредством аппарата, который известен теперь под именем «машины агрессии». Аппарат этот имеет 10 выключателей, и при каждой ошибке «ученика» «учитель» может выбрать один из них и передать электрический удар «ученику». Первый выключатель передает очень слабый ток, второй — чуть более сильный и т. д., а десятый — очень сильный. Чтобы испытуемый убедился, что аппарат исправен, нажатием различных кнопок ему передают электрические удары. В ходе же эксперимента он никаких электрических ударов не получает.

Настоящему («наивному», «простодушному») испытуемому всегда поручают выполнить роль учителя, а сообщнику психолога — роль ученика. «Ученик» допускает заранее оговоренные психологом ошибки, создавая возможность для испытуемого нажимать на кнопки. Силу тенденции «учителя» подвергать агрессии «ученика» измеряют по интенсивности и длительности электрических воздействий, которые он использует для наказания. Разумеется, «ученик» ни одного электрического удара не получает, но «наивный» испытуемый об этом не знает.

То обстоятельство, что этим методом действительно измеряется готовность испытуемого нанести вред другой личности, доказывается следующим экспериментом, который провели психологи *Б. Вольф* и *Р. Бэрон*[35]: они предположили, что индивиды, которые в прошлом совершали насильственные действия, будут обладать тенденцией нажимать на кнопки с более высокими номерами, чем люди без такого прошлого.

Для этого они провели сравнение работы на «аппарате агрессии» группы студентов колледжа и группы заключенных того же возраста, осужденных за такие преступления, как убийство, нападение с оружием в руках, теловредительство. Как и предполагалось, заключенные нажимали на кнопки с более высокими номерами: они строже наказывали своих «учеников», чем члены группы студентов. Другие исследователи тоже получали сходные результаты. Создано много вариантов этого метода.

2. **Метод Л. Берковица.** *Леонард Берковиц* предложил еще один способ измерения агрессии. Как только испытуемый приходит в лабораторию, ему сообщают, что вместе с другими испытуемыми (которые на самом деле являются сообщниками психолога) он должен участвовать в исследовании воздействия стресса на способность решения задач.

Экспериментатор предлагает проблему, а они пытаются решить и в письменном виде возвращают ему. Но результат работы каждого оценивает не психолог,

а партнер. Причем испытуемый выражает свое отношение с помощью электрических ударов, число которых меняется от 1 до 10. Чем более положительны оценки, тем меньше число ударов, которым подвергается испытуемый. Истинный испытуемый получает предопределенное число ударов, после чего он и сообщник экспериментатора обмениваются ролями. Число, а иногда и длительность электрических ударов, являются мерой агрессии[36].

Есть и другие вариации метода *А. Басса* и *Л. Берковица*, например та, которая была использована *Стэнли Милграмом* для исследования подчинения авторитету. Это метод **деструктивного подчинения**. Различие в том, что во время экспериментов *С. Милграма* испытуемые получают приказ или совет о нанесении жертвам электрических ударов, в то время как в экспериментах *А. Басса* и *Л. Берковица* они свободны в выборе силы тока. Поэтому с помощью экспериментов Басса и Берковица измеряют силу добровольной агрессии, а в экспериментах *С. Милграма* — подчинение приказам авторитета, человека, обладающего хотя бы минимальной властью над испытуемым[37].

Л. Берковиц показал, что тенденция нанесения электрических ударов в экспериментальных условиях позитивно коррелирует с тенденцией человека в реальной жизни включиться в агрессивные действия. Все же значительная часть исследователей считает описанные методы измерения физической агрессивности весьма искусственными. Применяя эти методы, надо иметь в виду еще и следующую проблему: в лабораторном эксперименте от испытуемого требуют быть агрессивным, его агрессивные действия здесь необходимы, иначе он не может быть участником эксперимента. Он волен лишь определить силу и длительность своих агрессивных действий в виде электрических ударов. А в реальных ситуациях жизни важным для человека является вопрос, следует ли вообще действовать агрессивно?[38]

Разница, как нетрудно догадаться, очень существенная.

3. **Методика С. Тейлора.** Еще один, но более реалистичный метод лабораторного исследования агрессии предложил *С. Тейлор*. Этот исследователь исходил из представления, что жертвы агрессии не всегда бывают совершенно беспомощными перед агрессорами и в определенной мере отвечают на агрессию агрессивными же действиями. Иначе говоря, в реальной жизни обычно происходит то, что мы называем агрессивным взаимодействием людей.

Процедура экспериментального исследования, предложенная *С. Тейлором*, такова: испытуемому и еще одному участнику (обычно это ассистент, то есть тайный сообщник психолога) поручают соревноваться в решении задачи на время реакции. Очевидно, преимуществом считается более короткое время реакции. При каждой попытке тот, у кого время реакции окажется длиннее, в наказание получает электрический удар, назначаемый противником.

Перед началом опыта определяется **порог терпения** каждого участника. Определение этого порога имеет сходства с определением порога чувствительности органов чувств.

Порог терпения (толерантности) к фрустраторам и другим неприятным («аверсивным») раздражителям, например электрическим ударам, определяется следующим образом: человека постепенно подвергают все более и более сильным воздействиям и спрашивают о его ощущениях. При том значении раздражителя, которое оценивается им как «невыносимое», опыт прекращают, считая его порогом толерантности данного человека к такого рода раздражителям. Во время эксперимента более интенсивным воздействиям его не подвергают.

В ходе эксперимента испытуемый устанавливает силу электрического удара и его длительность для противника, нажимает на «кнопку времени реакции» и т. п. Когда он проигрывает, сам получает электрический удар. Эти удары калибруются в соответствии с его порогом толерантности. Кнопка номер 10 соответствует этому порогу, кнопка номер 9 подает удар с силой, равной 95 % от порогового значения, кнопка номер 8 — удар силы 90 % и т. д.[39]

Поскольку в начале эксперимента испытуемый еще не получил удар, то есть не был спровоцирован противником, выбираемая им сила удара свидетельствует (как и в экспериментах *Л. Берковица*) о его **непровоцированной агрессии**. Но после того, как противник отвечает на его действия, назначаемые им электрические удары считаются выражением его мести. Это уже **мстительная агрессия**. (Хотя мы думаем, что она скорее комплексная агрессия, состоящая из немотивированного и мстительного компонентов.)

Нетрудно видеть, что в этих отношениях жертва наносит агрессору немедленные ответные удары возмездия. Причем условия эксперимента можно варьировать. Поскольку жертва является сообщником психолога, ей можно предложить действовать различными стратегиями. В одном случае она отвечает на агрессию испытуемого все более и более сильными ударами, то есть еще больше и больше провоцирует его; другая же стратегия состоит в том, что сообщник экспериментатора предлагает испытуемому примирение и назначает только слабые электрические удары. Еще одной вариацией этого эксперимента является то, что в одном случае соперники соревнуются в присутствии публики, в другом — без свидетелей. В присутствии людей испытуемые обычно выбирают более слабые электрические удары, чем в их отсутствие, если публика не одобряет агрессию.

Описанный метод позволяет получить интересные результаты, причем *С. Тейлор* заметил, что испытуемые, нанося электрические удары сопернику (то есть применив физическую агрессию), зачастую сопровождают их словесной агрессией («Ах ты, подлец!» и т. п.).

Это очень плодотворный и валидный метод измерения агрессии, хотя включение в «игру» вербальной агрессии усложняет дело: ведь для вербальной агрессии трудно установить порог толерантности[40].

Несмотря на некоторую искусственность и другие методические и этические трудности, лабораторные методы измерения физической агрессии дают психологам ценные результаты. Они в значительной степени способствовали изучению психологии человеческой агрессивности.

Другие разновидности экспериментов

Существует еще несколько методов исследования агрессии, о которых здесь уместно говорить лишь очень кратко.

Игровые методы чаще всего используются для исследования тех механизмов, с помощью которых дети и подростки приобретают способы и навыки агрессивного поведения. Эксперимент организуется следующим образом: взрослый бьет и колотит какую-либо игрушку (например, куклу Бобо, надувную фигуру клоуна, как в экспериментах *А. Бандуры*). Одна группа детей видит поведение взрослого, а другая — нет. Затем обеим группам разрешают играть с этой игрушкой. Оказывается, что дети, которые наблюдали за агрессивным поведением взрослого

(«социальной модели»), повторяют его действия, то есть имитируют его поведение. Члены контрольной группы ведут себя мирно[41].

Лабораторные методы исследования вербальной агрессии. Для исследования вербальной агрессии испытуемого фрустрируют и разрешают свободно или с определенными ограничениями выразить свою вербальную агрессию по отношению к фрустратору. После этого эксперты определяют количество собственно агрессивных высказываний. При этом иногда используют опросник, ответы на вопросы которого и подвергаются контент-анализу с целью выделения истинно агрессивных высказываний. Причем одни слова, словосочетания и суждения получают более высокие баллы по агрессивности, другие — менее высокие и т. п. Так, если фрустрированная личность А говорит о своем фрустраторе Б, что он идиот, ненормальный, псих, ничтожество, лишний человек и что его надо расстрелять и т. п., то ясно, что он выражает сильную агрессивность.

Важной разновидностью метода измерения вербальной агрессии является **опросник**. В экспериментальных условиях испытуемого сначала фрустрируют, то есть подстрекают к агрессии, после чего просят заполнить опросник. В ходе такой работы они оценивают подстрекателя (фрустратора). Это безопасные и эффективные методы измерения словесной агрессии, поскольку подстрекатель и фрустрированный им человек не встречаются лицом к лицу в момент выражения последним своей агрессии. Такие исследования проводили *Л. Берковиц* и другие психологи.

Мы полагаем, что существуют различия между двумя случаями использования вербальной агрессии:

а) когда агрессор имеет возможность нанесения прямого вреда своему фрустратору в виде оскорбления или даже перехода к применению физического насилия;

б) когда такой возможности у него нет и агрессия остается в вербальной форме. О некоторых особенностях перехода от вербальной агрессии к физической мы свою точку зрения высказываем в третьей главе настоящего труда.

Проективные методы

Проективные методы изобретены психологами с целью раскрытия и исследования многих черт личности, в том числе агрессивности[42]. Все они созданы исходя из представления о существовании психологического механизма **проекции**, который заключается в следующем: *человек имеет склонность* (большей частью безотчетную, подсознательную) *вынести определенные свои психические качества, установки, мотивы и другие внутрипсихические содержания вовне и видеть их в других людях или в нейтральных объектах*[43].

Чаще всего это не простое зеркальное отражение психики во внешних объектах, а символическое их представление, их приписывание другим. Если говорить точнее, речь идет о приписывании своих черт и мотивов внешним объектам, явление, называемое нами **проективной атрибуцией**.

Есть несколько проективных методов, с помощью которых можно получить представление об агрессивности человека. Это косвенные методы получения информации об агрессивности испытуемых, так как они не знают, что исследуется их агрессивность.

1. **Тест Роршаха (чернильных пятен).** Это серия картинок с чернильными пятнами. Психолог показывает их испытуемому и просит сказать, какие фигу-

ры на них он видит, что напоминают ему эти кляксы. Ответы категоризируются и анализируются.

2. **Тест тематической апперцепции (ТАТ).** Это тоже серия картинок, рассматривая которые испытуемые пишут маленькие рассказы о том, что изображено на них, что предшествовало изображенной ситуации, что последует за ней и т. п. Поскольку эти изображения допускают самые различные толкования, справедливо считается, что в интерпретациях в значительной мере отражаются черты и склонности личности испытуемого.

Есть целый ряд других вариантов проективных методов, которые описываются в литературе, поэтому мы не считаем нужным подробнее говорить о них. Здесь отметим только, что самое трудное в применении проективных методов исследования личности и ее агрессивности — *интерпретация полученных данных.* Осуществляя эту работу, психологи непроизвольно вносят субъективные искажения, поскольку каждый из них является личностью со своими установками, предубеждениями, уникальным жизненным опытом и т. п. Все же, с помощью проективных методов можно получить ценную информацию в первую очередь о внутренних предпосылках агрессивного поведения человека.

Примечания

[1] *Buss A. H.* Aggression pays. In: "The control of aggression and violence", Ed. By J. L. Singer. New York, Academic Press, 1971; *Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973.

[2] *Bandura A., Ross D. and Ross S.* Transmissions of aggression through imitation of aggressive models. //Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963, pp. 575–582.

[3] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб.-М., 1997; *Deaux K., Dane F. C. and Wrightsman L. S.* Social Psychology in the 90s. Brooks/Cole;Pacific Grove (Calif.), 1993, p. 258.

[4] *Johnston A., DeLuca D., Murtaugh K. and Diener E.* Validation of a laboratory play measure of child aggression. // Child development. 1977, 48, pp. 324–327.

[5] *Baron R. and Byrn D.* Social Psychology, Understanding Human Interaction. 2nd ed., Allyn and Bacon, Boston etc., 1977, p. 408.

[6] *Berkowitz L.* Aggression. A Social Psychological Analysis. New York, 1962, p. 9; *Berkowitz L.* Aversively stimulated aggression. // American Psychologist. 1983, 38, pp. 1135–1144; *Berkowitz L.* The experience of anger as a parallel process in the display of impulsive, "angry" aggression. In R. Green and E. Donnerstein (Eds.), Aggression: Theoretical and empirical review. New York: Academic Press, 1983.

[7] *Трусов В. П.* Социально-психологическое и исследование когнитивных процессов. — Л., 1970.

[8] *Bowlby J.* Separation. Anxiety and Anger. Basic Books. New York, 1979.

[9] Обзор этой литературы см. в упомянутой книге *Изарда К.* Эмоции человека. — М., 1980. — Гл. 14.

[10] *Lorenz K.* On aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, p. 142.

[11] См., например: *Horton L. E.* Generalization of aggressive behavior in adolescent delinquent boys. //Journal of Applied Behavior Analysis. 1970, 3, pp. 205–213.

[12] *Eysenck H. J.* Fact and Fiction in Psychology, pp. 285–286.

[13] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, p. 25.

[14] Богатый материал о сочетании вандализма с садизмом с крайней, доходящей до патологического уровня агрессивностью в поведении тюркских орд можно найти в трудах византийских и армянских историков. *(Примеч. автора.)*

[15] *Mackal Karl P.* Psychological Theories of Aggression. Amst. — New York — Oxford, 1979, p. 10.
[16] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992. (*Фрейд З.* Цивилизация и ее враги.)
[17] *Freud S.* Beyond the Pleasure Principle. Bentam Books, 1959; *Storr A.* Human Aggression. New York: Atheneum, 1968. (*Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия.)
[18] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966; ibid: Civilized man's eight deadly sins. Harcourt, Brace and Jovanovich, 1974.
[19] *Dollard J., Miller N., Mowrer O. and R. Sears.* Frustration and aggression. New Haven, 1964 (первое издание вышло в 1939 году).
[20] *Larsen K. S.* Aggression: Myths and Models. Chicago: Nelson-Hill, 1976.
[21] *Milgram S.* Obedience to Authority. New Haven: Harper, 1974.
[22] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. New York, 1950.
[23] *Emerdgee L.* A World of Man: The Private Sources of American Foreign Policy. Cambridge (MA): MIT Press, 1978, pp. 59–60.
[24] *Emerdgee L.* A World of Man: The Private Sources of American Foreign Policy. Cambridge (MA): MIT Press, 1978, p. 60.
[25] Изложено по книге *Barner-Barry C. and R. Rosenwein.* Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N. J.). Prentice-Hall, 1985, p. 226.
[26] *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. — М., 1966. — С. 73.
[27] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 22.
[28] *Montague A.* The nature of human aggression. New York: Oxford Univ. Press, 1976.
[29] *Ажгихина Н.* Независимая газета, 1997. — 28 октября.
[30] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000; его же: Этническая характерология. — Ереван, 2001.
[31] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 67–68.
[32] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 69.
[33] *Harris M. B.* Mediators between frustration and aggression in a field experiment. // Journal of Experimental Social Psychology. 1974, 10, pp. 561–571.
[34] *Buss A.* The psychology of aggression. New York: John Wiley and Sons, 1961. Описание этого метода в настоящее время можно найти в целом ряде социально-психологических монографий и пособий. См., например: *Baron R. and Byrn D.* Social Psychology. 2nd ed., 1977, pp. 412–413.
[35] *Wolfe B. M. and Baron R. A.* Laboratory aggression related to aggression in naturalistic social situations: Effects of an aggressive model on the behavior of college students and prisoner observers. // Psychonomic Science. 1971, 24, pp. 193–194; см. также: *Бэрон Р. Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 79–83.
[36] *Berkowitz L.* In: Advances in experimental social psychology. Vol. 1. New York: Academic Press, 1964, pp. 111–147.
[37] *Milgram S.* Obedience to Authority. New York. Harper and Row, 1974.
[38] *Krebs D. L., Miller D. T.* Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E.(Eds.). The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, New York, 1985, p. 5.
[39] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 85.
[40] Невольно вспоминаются сотни и тысячи предупреждений руководства Китайской Народной Республики американцам за нарушения воздушного пространства страны во второй половине 1950-х годов. Каждый раз, предупреждая противника (например, 1200-й раз!), китайцы говорили: «Если это можно терпеть, то чего больше нельзя терпеть!» Порог терпимости — очень гибкое явление!
[41] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 72–74.
[42] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1999. — С. 74–77.; *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001.
[43] Проективная психология. — М., 2000.

ГЛАВА 2

Фрустрация, агрессия и психическая защита

2.1. Что такое фрустрация?

В начале книги мы уже не раз употребляли термин «фрустрация» и рассматривали этот феномен в контексте поднимаемых выше вопросов. В частности, в разд. 1.4 предыдущей главы мы определяли **фрустрацию** как *психическое состояние, в котором человек оказывается, когда его целенаправленная деятельность блокируется*. В этом разделе мы подробнее остановимся на данном явлении в контексте проблемы агрессии и психической защиты. Итак, будем исходить их того, что **фрустрация** *имеет место тогда, когда на пути целенаправленной деятельности человека возникает барьер и новая ситуация представляется ему непреодолимой и безысходной*[1].

Этот барьер называется также **фрустратором**, то есть таким фактором, который приводит к фрустрации человека.

Фрустрация тесно связана со **стрессом** — состоянием психофизиологического напряжения организма. **Психологический стресс** возникает, когда на человека влияют такие факторы — их называют *стрессорами*, — которые приводят его в состояние психической напряженности. Есть очень много свойств среды, которые для человека одновременно являются как фрустраторами, так и стрессорами. Такие факторы мы впредь будем называть *стресс-фрустраторами*. Ниже, в отдельном параграфе, мы представим свою (как мы надеемся, в значительной степени новую) концепцию стресс-фрустраторов. Здесь же сделаем еще несколько замечаний по поводу таких комплексных факторов. Любая неудача в достижении поставленной цели, по существу, является стресс-фрустратором. *Оскорбление* может глубоко фрустрировать человека, одновременно вызывая в его организме и психике сверхнапряженное психофизиологическое состояние.

Фрустрация имеет место тогда, когда на пути целенаправленной деятельности человека возникает барьер (фрустратор) и новая ситуация представляется ему непреодолимой и безысходной.

Другой часто встречающийся стресс-фрустратор — это *нехватка времени*, *цейтнот*, который многократно возникает в жизни индивидов и социальных групп даже в течение одного дня.

Так, например, говорят, что шахматист находится в цейтноте: у него очень мало времени, предстоит делать еще 10 ходов, а это практически невозможно без грубых ошибок. Такое положение может показаться шахматисту безысходным. Другой спортивный случай: цейтнот футбольной команды, которая терпит поражение, проигрывает противнику, спешит наверстать упущенное и отыграться, но для этого у нее времени очень мало: за оставшиеся 5 минут ей надо забить три мяча, не пропустив в свои ворота

ни одного. Если противник силен, это практически невозможно. И команда оказывается в сложном стрессовом и фрустрированном состоянии, ее игра может стать стереотипной и даже неорганизованной.

Внимательный наблюдатель без труда заметит, что в ситуациях интенсивной фрустрации и стресса, тем более когда эти два состояния комбинируются, поведение людей меняется, причем иногда весьма резко. Появляются спешка, тревожность, нервозность, увеличивается количество ошибок, как говорят в спорте — «технического брака». Снижается даже уровень игры настоящих мастеров и классных команд.

Агрессия является только одной из разновидностей возможных ответов человека на воздействие фрустраторов и стрессоров. Но прежде чем перейти к подробному рассмотрению этого вопроса, нам следует ознакомиться с классической теорией фрустрации-агрессии. Иногда ее называют лишь гипотезой, что, по нашему мнению, точнее отражает статус этой концепции в современной психологии.

2.2. Гипотеза фрустрации — агрессии

Гипотеза, или «теория», фрустрации — агрессии была предложена в 1939 году группой психологов в книге под названием «Фрустрация и агрессия»[2]. В ней они предложили «теорию», суть которой сводится к следующим утверждениям:

1) фрустрация всегда приводит к агрессии;
2) если человек или животное совершают агрессивные действия, то это значит, что они фрустрированы.

Иначе говоря, агрессия всегда является следствием фрустрации.

Это был крупный шаг на пути создания теории очень широкого класса явлений, хотя родоначальником теории фрустрации следует считать *Зигмунда Фрейда*. Однако теория фрустрации — агрессии страдает односторонностью, поскольку, как показали последующие исследования, существуют **неагрессивные реакции на фрустрацию**, причем в немалом количестве[3].

Оказалось также, что не всякое агрессивное поведение человека свидетельствует о его фрустрированности: люди совершают агрессивные действия, подражая другим, подчиняясь приказам вышестоящего, авторитетных людей.

Кроме того, фрустрация рождает у человека тенденцию к совершению агрессивных действий, которая, однако, не всегда реализуется в виде конкретных поступков, поскольку эта внутренняя мотивация нередко бывает слабой. Но когда фрустрации повторяются, агрессия проявляет свойство накапливаться и усиливаться. Очень важно, в какой степени индивид считает ситуацию фрустрирующей, неприятной и вредной, возможно — враждебной. **Субъективное истолкование ситуации**, ее значимость нередко даже важнее, чем реальное содержание, то есть объективная сила и форма фрустратора или стрессора.

В современной психологической литературе о фрустрации четко формулируются следующие основные утверждения о зависимости агрессии от фрустратора:

а) агрессия является только одним из основных ответов на фрустрацию;
б) сила агрессивного ответа зависит от ряда факторов: от силы мотива, который блокируется фрустратором; от силы фрустратора, блокирующего

целенаправленную деятельность человека; от числа мотивов, которые блокируются.

Агрессия всегда возникает и выражается в тесном сочетании с другими психическими изменениями личности — защитными и компенсаторными.

Как показали эксперименты *Курта Левина* и его сотрудников, когда дети подвергаются фрустрации, у них не только усиливается агрессивность, но наблюдаются и другие изменения психической деятельности. Это означает, что *агрессия всегда возникает и выражается в тесном сочетании с другими психическими изменениями личности — защитными и компенсаторными.*

Опыты *Р. Баркера, Т. Дембо* и *К. Левина* показали[4], что наша идея о существовании защитных комплексов соответствует действительности[5].

Во время экспериментов этих авторов агрессия выступала в сочетании с интересными формами **регрессии**, то есть с процессом возврата личности на предыдущие, более примитивные уровни психического развития, поведения, мышления и переживаний. У фрустрированных детей наблюдались примитивизация игровой деятельности, общее снижение уровня психической активности, которое было названо этими авторами временным нарушением личностных функций или «отсутствием дифференциаций».

Когда человек реагирует на фрустрацию агрессивными действиями, то это означает, что он наступает на блокирующий его активность объект или же на другие, замещающие объекты. Так как целью агрессии является уничтожение объекта (фрустратора) или лишение его дееспособности, она могла бы иметь значительное адаптивное значение, если бы жизнь современного человека не зависела от социальных групп, в которых агрессивность по возможности подавляется и скрывается. В особых ситуациях агрессия может быть реалистической и приемлемой формой приспособления, когда, например, человек оказывает сопротивление проникшему в его дом вооруженному бандиту. Но обычно агрессия не является удовлетворительной техникой адаптации. Чаще всего она вызывает ответные агрессивные действия, социальное отчуждение и даже наказание. Это, в свою очередь, приводит к новым фрустрациям человека.

Наконец, здесь уместно напомнить и о полученных *Арнольдом Бассом* данных о том, что прямая агрессия в виде физического удара вызывается у человека тогда, когда нападающий выражает признаки того, что готовится ударить, замахивается, демонстрирует оружие и т. п. Иначе говоря, прямая физическая агрессия чаще всего является ответом на прямую физическую агрессию другого и на угрозу применения такой агрессии.

2.3. Новые проблемы исследования агрессии в работе Н. Миллера и его коллег

Уже в упомянутой статье 1941 года *Н. Миллер* и его соавторы, пытаясь уточнить понятия теории фрустрации — агрессии, указали на ряд путей, по которым должна была идти дальнейшая работа по исследованию агрессии. Они наметили пять главных линий, по которым должно продолжаться, по их мнению, развитие теории агрессии.

1. *Исследование и разъяснение клинических и социальных фактов*. Авторы отмечают, что у человека порой возникают острые личные конфликты при попытках овладения (совладания) своей агрессией. Исследование проблемы агрессии, по их мнению, может играть важную роль при формировании больших социальных организаций, при изучении межгрупповых конфликтов и т. п.
2. Авторы теории фрустрации — агрессии указали на необходимость *обнаружить те законы, согласно которым импульсы к агрессии выражаются в различных ситуациях*. Они отметили, что некоторые проблемы этой области становятся видимыми, когда учитываются такие явления, как замена объекта агрессии (перемещение агрессии), изменение формы агрессии и ее катарсис.
3. Необходимо попытаться *узнать как можно больше о тех последствиях, к которым* (кроме агрессии) *приводит фрустрация*. Необходимо исследовать рациональное мышление и процессы решения задач (как они в то время были представлены в трудах *Джона Дьюи*), процессы замены ответа агрессией и т. п.
4. Авторы считали очень важным *выявление тех условий, при которых* агрессивная *тенденция фрустрированного человека занимает ведущее, или второе, или одно из второстепенных мест среди всех возникающих тенденций*.
5. Наконец, *Дж. Доллард, Н. Миллер* и их соавторы считали важной проблему *сведения* гипотезы *фрустрации — агрессии к более фундаментальным принципам и, отсюда, к более точной формулировке гипотезы в терминах этих базальных процессов*[6].

Нужно сказать, и это обстоятельство отметил еще *Р. Лоусон*, что первые две линии в определенной мере были уже развиты в упомянутой книге этих авторов «Фрустрация и агрессия». В целом дальнейшее исследование агрессии во многом пошло по указанным путям. Однако нам кажется, что до сих пор слабо исследованы взаимосвязи агрессии и других психозащитных механизмов — неагрессивных ответов на воздействие фрустраторов. Именно поэтому данная проблематика занимает одно из ведущих мест в настоящей книге.

2.4. Основные фрустраторы и условия фрустрации

Фрустраторов в жизни людей — великое множество. Подробное их описание дано в специальной литературе по стрессу и фрустрации. Здесь же мы кратко опишем некоторые из самых часто встречающихся фрустраторов, вызывающих агрессивное поведение. При этом мы продолжим обсуждение сильных и слабых сторон теории фрустрации-агрессии, основные тезисы которой только что были изложены.

Фрустрация как блокада целенаправленной деятельности

Положение теории фрустрации — агрессии, согласно которой фрустрация всегда вызывает агрессивную реакцию, как уже было показано, только частично соответствует действительности, поскольку фрустрированные люди не всегда прибегают к той или иной разновидности агрессии. Наблюдается широкий спектр реакций — начиная от ухода, смирения и беспомощности до активных попыток преодоления препятствий.

Например, влюбленный мужчина, получивший отказ и тем самым сильно фрустрированный, может предаваться грусти, лежать в постели и спать значительно дольше обычного, переживать глубокую депрессию, но не предпринимать активных агрессивных действий против своих фрустраторов. Дело в том, что агрессия редко возникает в социальном и культурном вакууме, для ее выражения необходимы специфические условия, нередко — весьма сложные.

Для правильного понимания этих явлений следует иметь в виду, что отсутствие явных агрессивных действий еще не означает отсутствия агрессивных тенденций и даже осознанных желаний, вербальной агрессии во внутренней речи личности. Следует ли считать, что в таких случаях нет агрессивного поведения и даже агрессивности? Конечно, нет! Такое утверждение возможно только в устах ортодоксальных бихевиористов. Подобная тенденция в понимании агрессивных ответов на фрустрацию наблюдается в работах американских исследователей агрессии *А. Бандуры*, *Р. Бэрона* и других.

Исходя из того, что в явном поведении фрустрированных людей агрессивные действия часто отсутствуют, один из создателей теории фрустрации-агрессии *Нил Миллер* уже в 1941 году пришел к выводу, что фрустрация ведет не только к агрессии, но и к различным другим формам активности.

Второе утверждение теории фрустрации-агрессии, согласно которому агрессивное поведение будто всегда является следствием фрустрации, тоже не всегда соответствует действительности. Агрессивные действия возможны даже при полном отсутствии фрустраторов. Артиллерист или летчик обрушивают бомбовые удары на города противника, совершенно не зная тех людей, которые там живут. Их действия агрессивны, но сами исполнители не фрустрированы: они просто выполняют свой долг, исполняют приказ своего начальства, желают получить награду. Они могут мотивировать свои действия патриотизмом и т. п.

Поэтому современные исследователи пришли к выводу, что фрустрация является только одним из факторов, *с большой вероятностью* вызывающих агрессивное поведение людей. Но поскольку речь идет о вероятности, то вполне возможны случаи (и они действительно есть), когда даже фрустрация не вызывает агрессивных действий человека. Кроме того, всегда надо иметь в виду то, что уже сказано выше: фрустрация, кроме агрессии, приводит и к другим защитным и адаптивным, или дезадаптивным, действиям человека.

Проведены исследования, которые показали, что фрустрации нередко не усиливают агрессивность человека. В целом ряде других работ получены данные, которые свидетельствуют о том, что фрустрации даже уменьшают уровень агрессивности поведения испытуемых[7].

Но и в таких случаях надо иметь в виду, что одно дело агрессивность, которая может усиливаться под влиянием новых фрустраторов, другое дело — агрессивное поведение, которое действительно может сокращаться и подавляться, например, в том случае, если человек боится наказания.

Но есть и другая возможность. В частности, нами предлагается **гипотеза**, согласно которой *редукция агрессии под воздействием новых фрустраторов обусловлена тем, что в психике человека агрессия заменяется другими адаптивными механизмами или же превращается в другие психологические процессы, например,*

в результате частичной или полной сублимации. Если это так, то новые фрустрации могут интенсифицировать творческую активность человека, что нередко и имеет место в реальной жизни. В трудных социальных условиях, подвергаясь гонениям, некоторые ученые и художники, писатели и композиторы работают более продуктивно, чем при полном благополучии.

В других же исследованиях получены результаты противоположного характера: фрустрации облегчают выполнение агрессивных действий и увеличивают их интенсивность и длительность[8].

Рассматривая эти противоречивые результаты, *Р. Бэрон* и *Д. Бирн* объясняют их двумя причинами:

а) фрустрация приводит к усилению агрессии только в том случае, если она достаточно интенсивна; если же фрустрация слаба или имеет среднюю силу, то почти никакого изменения агрессии не наблюдается, авторы при этом ссылаются и на другие исследования[9];

б) некоторые исследования показали, что фрустрация приводит к усилению агрессии лишь в том случае, если воспринимается как произвольная и бессмысленная. Когда же она считается фрустрированным человеком оправданной и обоснованной, у него почти никакой агрессии не возникает[10].

Это свидетельствует о большой роли тех познавательных процессов по восприятию и оценке фрустраторов, о которых у нас предстоит отдельный разговор. Такие познавательные процессы наряду с мотивами и эмоциями обусловливают характер агрессивных действий человека.

Таким образом, вопрос о связи фрустрации с агрессией оказывается несравненно более сложным, чем предполагали *Дж. Доллард* и его коллеги.

Роль вербальной атаки

Сильное влияние на параметры агрессивного поведения оказывает *словесная* (вербальная) *атака.* Повседневные наблюдения свидетельствуют о том, что люди чаще всего приходят в агрессивное состояние тогда, когда кто-либо непосредственно их провоцирует словами и делами. Такая агрессия все больше и больше усиливается, как говорят, «эскалирует».

Нет сомнения, что вербальная атака является разновидностью сильного стресс-фрустратора. Она обычно направлена на представление человека о себе, то есть на его «Я-концепцию» (самоконцепцию). Иметь положительный образ собственной личности, высокую самооценку — желание большинства людей, если не всех. Словесно атакуя человека, его враги и недоброжелатели стремятся оскорбить и дискредитировать его, бьют по его «Я-концепции», фрустрируют его. Очевидно, что в комплексном ответе на воздействие такого неприятного фрустратора ведущее место должна занимать агрессия.

Из повседневных наблюдений, отмечают *Р. Бэрон, Д. Ричардсон* и другие, мы знаем, что издевательство, сарказм и словесно выраженные другие формы отрицательного отношения к человеку оскорбляют его сильнее, чем неприятные физические раздражители[11].

Это более распространенные формы фрустрирующей агрессии, чем наказание кулаком и оружием. И они обычно вызывают сильные агрессивные ответы. Причем

вербальное нападение часто вызывает у фрустрированного человека физическую агрессию. По этой причине словесные баталии нередко переходят в физические, кулачные. Словесная фрустрация — часто более эффективное средство для вызова агрессивных действий, чем многие другие фрустраторы. Словесное нападение на человека — это агрессия против него, на что он отвечает агрессией — словесной или физической. Это возмездие за агрессию противника.

То, что вербально нанесенное фрустрирующее воздействие может быть очень сильным и превзойти другие формы фрустрации, было доказано в ходе специальных экспериментов.

Во время одного из них испытуемых разделили на три группы. Членов первой группы без всякой причины оскорбляли (сообщник психолога допускал неприятные, нелестные комментарии о них). Члены второй подгруппы подверглись **личной фрустрации** (сообщник психолога не давал им также завершить решение порученной задачи). Члены же третьей подгруппы подверглись **проблемной фрустрации**: испытуемые не сумели решить задачу, так как ее невозможно было решить. Наконец, как всегда, существовала контрольная группа, члены которой не подверглись ни одному из названных видов неприятных воздействий.

После этих процедур членам всех четырех подгрупп предоставили возможность совершить агрессивные действия против сообщника психолога с помощью электрических ударов в ходе эксперимента по методике Басса-Берковица — «учитель — ученик». Результаты данного, второго этапа исследования показали, что те, кто был подвергнут вербальной атаке, проявляли самый высокий уровень физической агрессии против своей жертвы. Дальше идут по эффективности личная фрустрация и проблемная фрустрация. Как и следовало ожидать, члены контрольной группы были наименее агрессивными[12].

Сходные результаты получены и в других исследованиях[13].

Конечно, трудно сопоставить силу этих различных фрустраторов (оскорбления словом, личной фрустрации и проблемной фрустрации). Поэтому не следует думать, что любое оскорбление словом как фрустратор сильнее любой личной или проблемной фрустрации.

Некоторые условия, способствующие агрессии

Рассмотрим некоторые из внешних и внутренних условий, способствующих актуализации агрессивного поведения людей.

1. **«Заражение агрессией».** Восприятие агрессивных действий других, в современной социально-психологической литературе обычно называемых «социальными моделями», иногда вызывает агрессивные действия тех, кто их воспринимает. Такое влияние оказывает, например, просмотр кино- и телепередач. Под воздействием социальных моделей люди обучаются новым способам агрессии. Их внутренние механизмы, обычно сдерживающие агрессию, ослабляются. Уменьшается чувствительность людей к признакам боли, страдания и тех неудобств, которым подвергаются эти социальные модели, например киногерои.

Наблюдаемые в реальной жизни агрессивные действия очень заразительны и могут возбуждать коллективные враждебные чувства и групповые акты насилия. Как верно заметили социальные психологи (*Р. Бэрон*, *Д. Бирн* и другие),

даже в самых напряженных ситуациях сколько-нибудь заметных агрессивных действий люди не совершают, пока один из «горячих голов» не предпримет первый агрессивный акт. До этого, однако, наблюдаются признаки агрессивности, враждебной настроенности: злое ворчание, трепка и т. п. Как только нанесен первый удар, начинается драка. Инициаторы агрессивных действий могут рассматриваться в качестве агрессивных моделей для остальных. Совершая первые агрессивные действия, они уменьшают силу внутренних сдерживающих факторов.

Но здесь есть одно важное обстоятельство: инициаторы агрессии быстрее приводят в активное агрессивное состояние тех из присутствующих, кто имеет длительную историю фрустраций социальной несправедливостью и другими фрустраторами. Быстрее примыкают к агрессивным действиям инициаторов (в роли которых часто выступают лидеры групп) те, кто имеет накопленную враждебность, а тем более те, у кого агрессивность — устойчивая черта характера. В лабораторных экспериментах тоже доказано, что агрессивные модели оказывают сильное возбуждающее воздействие на присутствующих[14].

2. **Роль агрессивных стимулов.** *Леонард Берковиц* показал, что важными детерминирующими факторами, вызывающими агрессивные действия, являются агрессивные знаки или стимулы (*aggressive cues*), присутствующие в данной ситуации. Эти стимулы развязывают агрессивные действия тех, кто уже приведен в состояние готовности для совершения агрессивных действий. *Л. Берковиц* доказал, что любой стимул (вещи, люди и т. п.), многократно сочетаемый с агрессивными действиями, постепенно может приобретать способность вызвать агрессивные действия[15].

   Речь, по существу, идет об установлении условных связей между стимулами и реакциями.

Исследования *Л. Берковица* и других психологов показали, что если фамилия испытуемого имела сходство с фамилией грубого боксера в продемонстрированном в лаборатории фильме, то он проявлял более интенсивную агрессию по отношению к вызвавшим его гнев испытуемым.

Сильной способностью вызвать агрессивность обладает *оружие*, потому что оно является орудием агрессии. Причем простое наличие оружия — револьвера, ножа и т. п. — достаточно для усиления агрессии: это оружие может никем не использоваться, но подобный эффект обычно вызывает. Правда, когда испытуемым объясняют смысл проводимого эксперимента, названный эффект исчезает. Отсюда мы можем заключить, что влияние оружия на агрессивную мотивацию является преимущественно подсознательным.

Специально проведенные исследования показали, что *даже при невысоком уровне фрустрации у человека создается внутренняя готовность к совершению агрессивных действий*. В таких случаях появление интенсивных провоцирующих факторов достаточно для того, чтобы человек от переживания состояния фрустрированности (общее возбуждение, недовольство, гнев) перешел к агрессивным действиям.

Так, недавно один молодой торговец избил до смерти мальчика, который украл из его лавки какой-то предмет. Во время судебного разбирательства он старался оправдаться тем, что до этого у него дома была ссора и он пришел в магазин злым, и вот тут — этот маленький вор. Психологически все верно, но агрессивная реакция фрустрированного торговца была чрезмерной, что и вело к совершению страшного преступления.

Такие случаи воочию показывают нам, с помощью каких механизмов агрессивность распространяется в обществе. Но важно отметить вот что: если даже индивид сам не фрустрирован, но воспринимал агрессивные сцены, у него создается готовность к агрессии, и провоцирующие факторы (люди, оружие и др.) могут стать ее «релизерами», то есть пусковыми механизмами. О последних у нас предстоит отдельный разговор в одной из последующих глав.

В свете подобных фактов нас не должно удивлять то, что значительная часть убийств совершается с помощью личного оружия. Наличие дома под рукой оружия стимулирует человека предпринять агрессивные действия. Жертвами же очень часто становятся члены семьи. В тех странах, где запрещены ношение и продажа оружия, происходит значительно меньше убийств, чем в тех, в которых таких ограничений нет. Так, в США каждый год совершается около 10 000 убийств с помощью огнестрельного оружия, а в Англии — всего 10.

3. **Возбуждение организма.** Исследования показали, что высокий уровень физиологической активности, чем бы она ни была вызвана, облегчает совершение насильственных действий. Громкий и неприятный шум, соперничество и даже активные физические упражнения в определенных условиях усиливают агрессивность людей.

   Однако, чтобы высокий уровень психофизиологической активности организма привел к агрессивным действиям, взаимодействующие индивиды должны обладать агрессивностью в качестве доминирующей тенденции поведения. Если же этого нет, то сильное возбуждение приводит к другим действиям. Иногда агрессивные действия даже подавляются. Если, например, человека сначала оскорбляют, а затем подвергают воздействию сильных неприятных звуков, то последние заметно усиливают его агрессивность по отношению к тому, кто его оскорбил. Другой же испытуемый, с которым тот же человек обращался вежливо, под воздействием одинакового шума показал лишь незначительное усиление агрессивности.

   Важна также точность восприятия человеком источника своего возбуждения. При неверной интерпретации человек может совершить агрессивные действия. Если человек точно осознает, что пришел в возбужденное состояние под воздействием шума, физических упражнений, соперничества или других факторов, то его агрессивность не усиливается. Но если источник своего возбуждения человеку неизвестен, он может приписать его другим причинам и переживать агрессивность. Здесь начинает играть роль механизм **атрибуции**.

4. Нередко *на внешние неприятные раздражители и фрустраторы люди отвечают неадекватно сильной, то есть* **сверхсильной агрессивной реакцией**.

Когда подобные действия направляются на социальные объекты, они очень часто оказываются несправедливыми.

Почему люди отвечают сверхсильной реакцией, когда внешнему наблюдателю ясно, что в этом не было необходимости? Например, ребенок ведет себя плохо и мать начинает бить его, хотя можно было терпеть. Еще *Дж. Доллард* и его коллеги показали, что интенсивность агрессивного ответа человека на неприятные стимулы и фрустраторы зависит от следующих факторов:

- от интенсивности предвосхищаемого удовольствия, которое индивид надеялся получить в результате достижения поставленной перед собой цели;
- от частоты блокирования его целенаправленной активности;
- от полноты, тотальности блокады на пути к цели, а следовательно, и к удовольствию.

Другие психологи обращают внимание на дополнительные причины появления у людей сверхсильных агрессивных реакций. Например, *Л. Берковиц* считает, что в подобных случаях агрессоры уже были в раздражительном, злом психическом состоянии, поэтому и новый раздражитель вызвал неадекватно сильную реакцию. Но могут существовать и другие факторы, например такой: мишень агрессии (жертва) — человек, который неприятен агрессору и в прошлом фрустрировал его.

Из-за неадекватно сильных агрессивных действий часто страдают совершенно невинные люди. Поэтому в психологии следует уделить описанному явлению значительно больше внимания, чем это делалось до сих пор. Этот феномен интересен и для юридических психологов. При этом важно учесть, что такое иррациональное усиление агрессивности личности, подобная сильная враждебность нередко сочетаются с заменой объекта агрессии и переносом вектора агрессии на новый и, как правило, невинный объект.

5. **Непосредственные фрустраторы и факторы риска.** Когда мы рассматриваем фрустрацию и защитное поведение человека, можно заметить, что воздействие каждого конкретного фрустратора на личность происходит на общем фоне социально-экономической жизни общества. Человек может переживать фрустрацию в условиях бедного или богатого, более агрессивного или менее агрессивного, более или менее идеологизированного общества. Присутствует также общий этнический менталитет, общественные настроения и другие фоновые факторы.

   Поэтому мы выделяем два уровня фрустраторов:

   1) *непосредственные фрустраторы*, например потеря работы, друга, личное оскорбление и т. п.;
   2) *фоновые фрустраторы, или факторы риска*[16], которые повышают вероятность фрустрации людей.

   Создавая общий эмоциональный фон, они делают людей более чувствительными к фрустраторам, то есть снимают порог толерантности к неприятным факторам. Они необязательно конкретно фрустрируют человека, но создают для этого психологические предпосылки; чем больше факторов риска

в обществе, тем вероятнее, что люди на воздействия конкретных фрустраторов ответят агрессивно.

6. **Сексуальное возбуждение и физическая агрессия.** Проблема состоит в следующем: когда испытуемый воспринимает сексуальные сигналы, то что происходит с его агрессивностью: она усиливается или же ослабляется?

Проведенные экспериментальные исследования показали, что сексуальное возбуждение усиливает агрессивные действия, направленные на других. В иных же экспериментах получены противоположные результаты: они показали, что сексуальное возбуждение уменьшает агрессивность человека. Сравнение этих результатов, осуществленное *Р. Бэроном и Д. Бирном*, показало, что агрессивность усиливается, когда людям показывают крайне откровенные сексуальные ситуации (фильмы, в которых молодые пары действительно спариваются; крайне откровенные описания сексуальной жизни из книг). Когда же показывают более скромные сексуальные раздражители (голых девушек из журнала «Плейбой» или привлекательных девушек в купальниках), то агрессивность наблюдателей не усиливается[17].

Но почему сильные и слабые сексуальные раздражители приводят к таким различным результатам? Одно из возможных объяснений состоит в том, что сексуальные стимулы сначала усиливают возбуждение человека, а затем отвлекают внимание от других возбудителей, которые воздействовали раньше. Приведет ли сексуальный стимул к усилению или ослаблению агрессивности, зависит от того, какой из этих двух эффектов будет преобладать. Так как слабые стимулы приводят к слабому возбуждению, они главным образом будут отвлекать внимание и позднее приведут к ослаблению агрессии. Более сильный же стимул, порождая интенсивное возбуждение, приведет к усилению агрессии в тех условиях, в которых такое поведение является сильным и доминирующим ответом присутствующих людей.

Эксперименты показали, что, действительно, слабые сексуальные стимулы ослабляют дальнейшую агрессивность, сильные же сексуальные стимулы усиливают ее. Но связь между сексом и агрессивностью имеет сложный характер.

При более глубоком подходе к этой проблеме не обойтись без обсуждения вопроса о сублимации. Но авторы вышеупомянутых исследований, а также *Р. Бэрон* и *Д. Бирн* находятся под сильным влиянием бихевиоризма, поэтому не касаются этой важной проблемы.

7. **Влияние наркотиков.** Спиртные напитки усиливают агрессивность, а марихуана, наоборот, подавляет ее. Последнее объясняется тем, что марихуана вызывает очень приятное психическое состояние. Человек чувствует себя ослабленным и уже не думает об агрессивных действиях.

Это доказано экспериментально *Стюартом Тейлором*. Он показал, что небольшие дозы спиртных напитков ослабляют агрессивность, а большие, наоборот, усиливают, поскольку снимают внутренние сдерживающие силы. Но и в этом случае человек совершает агрессивные действия только тогда, когда его провоцируют.

Агрессивность людей усиливается также под влиянием высокой температуры, скопления большого количества людей на ограниченной площади, но не всегда, а при наличии определенных специфических условий.

2.5. Факторы, определяющие силу агрессии

Сила, или интенсивность, агрессии определяется силой ее мотивации и уровнем разрушительности, вредоносности. Чем сильнее враждебность и гнев, определяющие и порождающие агрессивные действия человека, тем вредоноснее соответствующие агрессивные действия. Мотивация и гнев влияют и на другие стороны и параметры агрессии, например на ее длительность. Но здесь нас интересуют факторы, определяющие интенсивность агрессии человека.

Обобщив соответствующие исследования, *Ирвинг Дженис*, известный специалист в области психологии личности, указывает на следующие три фактора:

а) произвольность наложенных на личность депривации (лишений);
б) ожидаемый уровень депривации и отклонение уровня реальной депривации в ту или иную сторону от него;
в) предвосхищаемые социальные наказания или вознаграждения за агрессивные действия[18].

Вкратце рассмотрим суть этих факторов, добавляя ряд соображений.

Произвольность налагаемых на личность депривации

В тех ситуациях, в которых нас лишают определенных желательных ценностей, наши реакции до некоторой степени определяются тем, в какой мере мы считаем эти лишения обоснованными, каковы те основания, по которым нас лишают ценностей, к которым мы стремимся. Когда мы убеждаемся, что фрустрированы необоснованно, без пользы для деятельности и мотивов более высокого уровня, наша агрессивная реакция, как правило, бывает более интенсивной. Это означает, что *и при наказании мы ждем справедливости*. Если же ее нет, мы возмущаемся значительно сильнее, чем тогда, когда подвергаемся такому же наказанию, но за дело, то есть справедливо. Чувство *относительной депривации* и нарушения принципа справедливости возникают тогда, когда обычный и считавшийся справедливым механизм распределения благ кем-то нарушается с целью лишить человека своей законной доли. Это такой способ употребления власти, при котором нарушаются принятые и обычные правила распределения благ, такие как ранговое структурирование и территориальность. Они создают в людях определенные ожидания, при провале которых люди переживают фрустрацию.

В тех случаях, когда фрустрация заранее предвидится и считается неизбежной, недовольство и враждебность человека бывают намного более умеренными.

Во время исследования социальных причин преступлений в местах заключения в 1985–1986 годы мы встречали как первый, так и второй тип фрустрации. В частности, там были люди, которые относительно спокойно ждали конца своего срока заключения и говорили, что они справедливо сидят, поскольку совершали преступления и знали, на что идут. Ожидаемое наказание совпало с реальным, и они переживали умеренную фрустрацию.

Правильность приведенных выше тезисов можно доказать и многими бытовыми примерами.

Например, если муж возвращается домой позже обычного и его объяснения представляются жене убедительными, тогда ее недовольство быстро исчезает, не принимая формы выраженной агрессивности. Возмущение, возникшее вследствие фрустрации, не становится мотивом интенсивных агрессивных действий. В противном же случае, когда жена подозревает обман, она, переживая более интенсивную фрустрацию и возмущение, может совершить более энергичные агрессивные действия.

Распространенной и психологически интересной формой депривации и фрустрации является невыполнение данных заранее обещаний и последующие самооправдания, сочинение искусственных доводов, мотивировок. Когда оправдывающие доводы, которые в психологии получили название *рационализаций*, оказываются неубедительными, у жертвы обмана возникает сильная агрессивность. Поэтому обман можно считать сильнейшим фрустратором, направленным против самосознания и положительной самооценки личности, против ее самоуважения.

Произвольная, неоправданная фрустрация вызывает более сильную агрессивность тогда, когда фрустраторами являются конкретные, живые люди. Фрустрация человека слабее выражена тогда, когда его фрустрируют безликие организации. В условиях бюрократизации современных обществ данная закономерность чревата многими негативными последствиями.

Отклонение от ожидаемой фрустрации

Ожидаемые фрустрации, как правило, вызывают более слабую агрессию, чем неожиданные. Степень ожидания, случайности или неожиданности фрустрации является одним из промежуточных звеньев между фрустрацией и агрессией.

Исследования показали, что если индивид А ждет от Б положительного отношения и оценки, но в отличие от ожидаемого получает отрицательную оценку, такое расхождение его расстраивает сильнее, чем в том случае, когда ожидание отрицательной оценки совпадает с реальной оценкой. Например, если нам сообщают, что один из наших врагов говорил о нас неприятности, то эта информация нас может почти не волновать: так и должно было быть, другого отношения мы и не ждали от него. Непредвиденные фрустрации вызывают более интенсивную агрессию, чем предвидимые и ожидаемые. Это подтверждено экспериментами[19].

Не в этом ли причина того, что даже самая слабая критика со строны нашего друга причиняет нам более интенсивное волнение, чем острая критика от неприятеля? И не потому ли так легко портятся отношения с друзьями, а отношения с врагами остаются относительно устойчивыми? И недаром говорят, что, если хочешь потерять друга, испытай его!

Когда человек-фрустратор является носителем соответствующей социальной роли (то есть если он воспитатель, полицейский, судья или непосредственный руководитель), тогда его фрустрирующие действия обычно считаются естественными и ожидаемыми, а наша агрессия редко принимает интенсивные формы. Когда же роль надзирателя или воспитателя берет на себя случайный человек, не занимающий в обществе соответствующего статуса, то у нас возникает более интенсивная агрессивность и мы готовы совершить более суровые агрессивные действия.

Здесь, конечно же, возникает проблема *легитимности* (законности) действий того человека, который применяет к нам социальную власть в той или иной форме. Эта проблема требует особого рассмотрения в области психологии власти и лидерства.

Во всех подобных случаях большую роль играет *неожиданность* появления фрустратора, несовместимость его появления с нашими ожиданиями. Людям приятно, когда их вероятностные предвосхищения будущих событий оправдываются. Когда же происходит обратное, они переживают разочарование, гнев и агрессивность, за которыми могут последовать насильственные действия.

Поэтому сила агрессии и вообще интенсивность используемых защитных механизмов не находятся в пропорциональной зависимости от силы фрустратора. Играют роль ожидания, чувство справедливости, знание социальных ролей и другие внутрипсихические и социально-психологические факторы. Вообще, проблема нарушения ожиданий как источника фрустраций людей заслуживает самого серьезного внимания. Она связана с теорией ролей и социальных групп, с социометрией и другими направлениями современной социальной психологии. Поскольку уровень ожиданий зависит от участия человека в деятельности групп, то теория референтных групп должна играть значительную роль в определении степени относительной депривации: последняя, следовательно, неодинакова у людей, поскольку они являются членами различных референтных групп. Под влиянием одной и той же привации или депривации, то есть фрустратора, один индивид переживает интенсивную фрустрацию, другой — слабую, а третий может даже остаться безразличным. Эти различия связаны не только с их индивидуальностью (то есть с различиями черт характера, темперамента, установок, привычек и т. п.), но и с различием их эталонных и референтных групп, а следовательно, со специфичностью их ожиданий, предъявляемых как к своей роли, так и к ролям тех людей, с которыми они взаимодействуют.

Утверждение о большей агрессогенности неожиданных фрустраций можно проиллюстрировать с помощью многих исторических фактов. Например, вероломное нападение соседа вызывает более интенсивное возмущение, чем ожидаемое.

Предвосхищение вознаграждений и наказаний

Ожидаемые реакции социальной среды оказывают существенное влияние на силу и проявления агрессивности человека. **Ожидание последствий** агрессивных действий, то есть их инструментальная ценность, влияет на поведение фрустрированной личности. В процессе своей социализации индивид получает много информации об этом от агентов данного процесса — от родителей, учителей, старших товарищей и других авторитетных для себя лиц.

Положительная обратная связь о возможных последствиях агрессивных действий оказывает заметное влияние на поведение фрустрированной личности. Примеров тому в повседневной жизни очень много. Если человек убежден, что его агрессивные действия помогут в достижении поставленной цели, обычно эти действия совершаются и усиливаются. Бесполезная же агрессивность бывает кратковременной и быстро теряет свою интенсивность.

Отрицательная обратная связь также оказывает влияние на агрессивные действия человека. Например, когда индивид видит, что вследствие своих агрессивных действий страдает другой человек, то его агрессивность может в значительной

степени лишиться своей интенсивности. Как показали многочисленные исследования, *легче быть жестоким на расстоянии,* чем в процессе непосредственного общения с человеком — жертвой собственной агрессии. Поведение *садистов* составляет исключение. О них у нас — особый разговор.

Страх перед возмездием, ожидание наказания — особая форма отрицательной обратной связи. Поэтому, когда фрустратором является человек, занимающий высокий социальный статус, у жертвы возникают более слабые агрессивные действия, чем в том случае, когда фрустратор занимает низкий статус. Правда, здесь надо иметь в виду различие между агрессией (как формой поведения) и агрессивностью (как особым внутренним состоянием личности). Бихевиористически ориентированные исследователи агрессии человека не проводят или недостаточно четко проводят это различие и поэтому ошибочно полагают, что против социального агрессора с высоким статусом возникает слабая агрессивность. Психическое состояние агрессивности, включающее гнев, ненависть и враждебность, может быть очень интенсивным, но не привести к активным агрессивным действиям против фрустратора из-за страха перед наказанием. В таких случаях часть агрессивности получает разрядку через замещение (вымещение). Вообще, когда прямые формы агрессии под влиянием страха перед возмездием сокращаются и подавляются, усиливаются ее непрямые формы: вымещение на невинных объектах, ругательства, сопровождающиеся агрессивными фантастическими сценами, и т. п.

2.6. Уровень притязаний, реальный результат, фрустрация и сила агрессии

Как известно, когда человек ставит перед собой определенную цель, он предвосхищает то удовольствие, которое может получить при ее достижении. Чем ценнее для него цель, тем выше уровень притязаний человека. Поэтому можно сказать, что чем выше уровень притязаний человека, тем более интенсивное удовольствие он воображает получить, представляя себе достижение труднодоступной цели. Теперь цель можно считать идеальной.

В основном три особенности цели оказывают влияние на силу фрустрации как следствия блокады целенаправленной деятельности:

а) важность цели, ее ценность;
б) ее привлекательность;
в) предвосхищение близости достижения этой цели.

Между тем известно, что, стремясь к таким идеальным целям, люди обычно реально добиваются более скромных результатов. Возникает разрыв между идеальной целью и реально достигаемым результатом (приобретенной целью). Здесь мы предлагаем следующую **гипотезу**: ***возможно, что чем больше указанный разрыв между реальной и идеальной целями, тем глубже фрустрация и тем интенсивнее возникающие гнев, враждебность и агрессия.***

За примерами далеко ходить не надо:

1) «Я хотел иметь 1000 долларов, но сумел заработать только 100 (200 и т. п.)». Чем больше разрыв, тем интенсивнее моя фрустрация;

2) «У меня идеальный Я-образ, но я достиг такого развития своей личности (имея соответствующий реальный Я-образ), которое сильно отличается от моего Я-идеала». Чем больше разрыв, тем сильнее и мучительнее фрустрация.

Здесь и во всех подобных случаях присутствует один психологический фактор, который играет существенную роль при детерминации глубины и интенсивности фрустрированности и силы агрессии. Речь идет о том, предвосхищал ли человек тот результат и то удовольствие, которые мог бы получить. Если предвосхищал, тогда лишение вызовет более интенсивную фрустрацию, чем тогда, когда не предвосхищал и не осознавал.

Например, мужчина P_1 общается с женщиной P_2, которая ему очень нравится. Он хотел бы жениться на ней, но не знает, как относится P_2 к нему. Они разъезжаются, P_1 фрустрирован, но умеренно, поскольку полагает, что не вызвал симпатии у этой женщины. Но представим себе, что позже он узнает, что она была влюблена в него, но не смогла признаться в этом. Здесь уже наш P_2 переживет сильнейшую фрустрацию, глубокое чувство того, что лишился чего-то очень ценного. Он может пережить сильнейшую агрессивность, направленную на собственную личность за то, что не догадался о ее влюбленности. Нет сомнения, что предвосхищение удовольствия и последующий отказ от него фрустрируют сильнее, чем отсутствие предвосхищения.

Другой пример: сын просит у отца денег и знает, что они у него есть. Когда получает отказ, переживает сильную фрустрацию. Но его фрустрация бывает намного менее интенсивной, если он знает, что у отца денег мало или совсем их нет. Почему? В первую очередь по той причине, что в первом случае он ясно предвидел возможное удовольствие, а во втором такого предвосхищения не было. Правда, нереалистические фантазии замещающего характера могли быть и в последнем случае.

Подобных примеров более широкого масштаба тоже немало.

Например, правительство страны обещает поднять зарплату определенным категориям служащих, но не делает этого или выполняет свое обещание лишь частично. Оно фрустрирует своих граждан, которые переживают разочарование (одно из самых характерных черт фрустрированности), недовольство и гнев. Поэтому как в межличностных отношениях, так и на уровне управления страной лучше обещать лишь то, что возможно осуществить. Еще лучше меньше обещать, но больше делать: психологически это оптимальная тактика во всех подобных случаях.

Когда у людей вызывают к жизни высокие уровни притязаний и не удовлетворяют их, то порождают более интенсивное их неудовольствие, чем тогда, когда этого не делают. Поэтому дети богатых людей могут переживать более интенсивные состояния фрустрации, чем дети бедных, которым их родители не давали обещаний, а лишь советовали опираться на собственные силы. У детей богатых обычно формируется общий высокий уровень притязаний.

2.7. Неприятные раздражители и агрессия

Проблема У человека агрессивность как психическое состояние, а также агрессивное поведение вызываются не только фрустраторами в их классическом понимании, но и различными неприятными раздражителями. Этому

кругу вопросов посвящены многочисленные исследования, которые обобщены главным образам в трудах *Леонарда Берковица*[20].

В целом знакомо и понятно, что болевые раздражители, жара и многие другие неприятные факторы среды вызывают у человека нервозность, злобу и готовность к агрессивным действиям. Такие неприятные раздражители в трудах разных авторов получают различные наименования. *Л. Берковиц* называет их **аверсивными** (от английского слова *aversive*) стимулами, что примерно соответствует слову «неприятный». Агрессию, вызываемую таким путем, называют агрессией, вызванной аверсивными (неприятными, досадными) стимулами, в отличие от агрессии фрустрированного человека.

Болевые воздействия вызывают агрессию

Опыты, проведенные как на животных, так и на людях, показывают, что болевые воздействия вызывали в них злость, то есть агрессивное состояние, и готовность атаковать доступную жертву. Мы уже знаем, что с учетом подобных фактов была даже предложена так называемая «болевая теория агрессии».

Отмечено, однако, что более вероятно следующее: эта агрессия имеет как наступательный, так и защитный компоненты, а иногда (у некоторых видов животных) присутствует более сильная тенденция к бегству, сочетающаяся с более интенсивной тенденцией к нападению.

Анализ подобных явлений еще раз показывает, что существует врожденная агрессивная реакция на неприятные раздражители и вызываемый ими дистресс[21].

Нужно добавить, что агрессивная реакция или тенденция к нападению в таких ситуациях сочетаются с защитной тенденцией в виде реакции ухода или бегства. Но мы считаем, что и агрессия тоже может быть защитной, если вызвана не внутренними мотивами, а внешним неприятным раздражителем. Ведь нападение на такой раздражитель (как и нападение на фрустратор) является ответом на нападение и мотивировано желанием прекратить неприятные ощущения и тем самым защитить себя. Если это удается, агрессивные действия закрепляются в памяти животного или человека и в следующий раз с готовностью воспроизводятся. Таким путем общий уровень агрессивности индивида повышается.

Другие неприятные факторы, вызывающие агрессивность

Из этих неприятных раздражителей в первую очередь надо упомянуть жару: чрезмерно высокая температура делает людей более раздражительными и злыми, чем они есть в обычных условиях. Получены даже данные о том, что массовые беспорядки чаще всего вспыхивают в жаркие месяцы года. Это явление особенно подробно исследовано американскими социальными психологами (*Р. Бэроном, Л. Берковицем* и другими). В целом можно сказать, что различные формы асоциального поведения людей, по всей видимости, получают стимул от сильной жары: насильственные действия чаще совершаются в жаркие дни. Связь, существующая между высокой температурой и агрессивностью, доказана также экспериментальными исследованиями. Неприятный запах, дым, дурные сцены повышают уровень агрессивности людей, и они во время психологических экспериментов, если создается возможность, наказывают других с большим ожесточением, чем обычно.

Такие стресс-фрустраторы, как, например, нехватка времени, отсутствие средств к существованию, безработица, высокие цены на товары и услуги, быстрые социально-экономические изменения и другие факторы, вызывают агрессивность людей. Эти факторы мы называем стресс-фрустраторами, поскольку они вызывают у людей не только высокий уровень психофизиологического напряжения, но и чувство невозможности достичь своих целей, то есть фрустрацию.

Перенос аверсивной агрессии Агрессия, независимо от того, по каким причинам она у человека возникла, обладает способностью перенестись на другой, невинный объект, то есть такой, который не имеет никакого отношения к неприятностям и фрустрациям агрессора. Хотя цель атаковать подлинный источник неприятных ощущений и переживаний всегда остается, все же разозлившийся человек может атаковать и другие объекты, особенно тогда, когда подлинный фрустратор или другой источник неприятностей недоступен для нападения. У раздраженных неприятными факторами людей возникает подлинная враждебная агрессия, и они могут быть очень суровыми к случайным жертвам.

Приведем пример из совсем недавнего прошлого: речь идет об убийстве 30 октября 2001 года в Москве около выхода из метро случайного прохожего, молодого армянина, отца двоих малолетних детей. На него напала агрессивная толпа хулиганов, лишив жизни совершенно невинного человека. В последующем в Москве происходили и другие подобные кровавые события.

Реальность переноса аверсивной агрессии доказана также экспериментами вышеупомянутых и других психологов.

2.8. «Аверсивные» стимулы как стресс-фрустраторы

Проблема В теориях стресса, фрустрации и агрессии ряд авторов, как мы только что видели, указывает на то, что многие стимулы, вызывающие агрессивное поведение, не являются фрустраторами. Это лишь неприятные раздражители, под воздействием которых также у животных и у людей вызываются к жизни агрессивные реакции. Такой точки зрения придерживается, например, *Л. Берковиц*, который критикует теорию фрустрации-агрессии за ограниченность.

Но, во-первых, слово «аверсивный» вряд ли является научным термином. Во-вторых, все те раздражители, которые *Л. Берковиц* и другие называют «аверсивными», по существу являются стрессорами или, чаще всего, стресс-фрустраторами: они, как мы полагаем, одновременно фрустрируют человека и вызывают у него состояние психофизиологического напряжения, то есть стресс.

В числе так называемых «аверсивных» стимулов авторы упоминают болевые раздражители, жару, оскорбление личности, несбывшееся ожидание и многие другие повседневные неприятности.

Почему мы их называем стресс-фрустраторами?

Мы это делаем по следующим причинам:

1) они, безусловно, вызывают стресс, что вполне очевидно;
2) они одновременно фрустрируют человека, поскольку не позволяют ему заниматься целенаправленной деятельностью.

Если даже эти «аверсивные» стимулы неспецифичны, то есть не нацелены специально на блокаду определенной целенаправленной деятельности человека, они все же полностью или частично препятствуют реализации намеченных человеком целей.

Так, если студент готовится к экзамену, но у него сильная зубная боль, то вполне очевидно, что он переживает как стресс, так и фрустрацию: боль мешает ему готовиться к экзамену, то есть блокирует его целенаправленную активность. Таким образом действуют шум и другие раздражители, не говоря уже об оскорблении.

Что дает нам такое переосмысление стимулов, которые *Л. Берковиц* и другие психологи называют «аверсивными»? Мы считаем, что оно расширяет наши представления о стрессорах и фрустраторах. Оно позволяет при исследовании таких воздействий на людей использовать весь разработанный в теориях стресса и фрустрации концептуальный аппарат и известные уже закономерности и не только давать им объяснения, но и предсказать их последствия.

Поэтому мы думаем, что для случаев «аверсивных» стимулов нам не стоит изобретать новую теорию. Просто возникает необходимость некоторого расширения теорий стресса и фрустрации и осознания того факта, что многие воздействия реальной жизни являются комплексными стресс-фрустраторами. Например, шум, безусловно, вызывает у человека стресс. Но он одновременно является также фрустратором, так как мешает человеку выполнять свою работу. Блокируя целенаправленную деятельность, шум фрустрирует человека. Когда же шум специально поднимается недоброжелательными людьми для того, чтобы мешать человеку, его фрустрирующее значение становится еще более очевидным: в качестве фрустраторов выступают как шум сам по себе, так и его социальный источник. Даже само *стрессовое состояние, возникшее под воздействием шума, становится* **внутренним фрустратором**, поскольку препятствует выполнению человеком продуктивной деятельности. То же самое можно сказать и о других стресс-фрустраторах.

Специально следует исследовать такой важный и распространенный стресс-фрустратор, как атакующее поведение другого человека, то есть сознательное и намеренное нанесение личности боли и оскорбления. Это не просто «аверсивные» стимулы, а такие фрустраторы, которые направлены своим острием на «Я-концепцию» личности и вызывают ответное желание отомстить. Поэтому подобные случаи должны исследоваться в психологии мстительной агрессии. Подобный защитно-атакующий ответ выражен в старом принципе мести: «Око за око, зуб за зуб». Между тем социально-психологические исследования этого явления пока что весьма поверхностны и сводятся к констатации общеизвестных истин[22].

Теснота как стресс-фрустратор

Теснота — *это не столько реальная нехватка пространства, сколько субъективное ощущение его нехватки.* Такое переживание, конечно же, связано с реальным недостатком пространства. Когда, например, в одной небольшой комнате живут четыре и более человека, налицо реальная нехватка пространства. То же самое мы видим в квартирах

многих больших семей, в купе вагонов и т. п. Достаточно пройти по подземным коридорам станций метро Еревана, которые превращены в обширные рынки с тесно, без промежутков устроенными многочисленными лавками, как на московских ярмарках, и станет очевидно, что здесь ни продавцы, ни покупатели не могут чувствовать себя уютно. Это стрессогенные ситуации, и в них люди действительно более агрессивны, чем на просторных рынках: здесь много ссор, грубости и хамства. Очевидно, что и субъективное восприятие таких ситуаций не может быть иным: это одновременно **психологическая теснота**. *Но почему? Какие психологические факторы приводят людей в таких объективных ситуациях в состояние стресса и фрустрации?*

1. Исследователи отмечают[23], что в подобных ситуациях человек ощущает *потерю контроля над ситуацией*.

   Ощущение неподконтрольности ситуации — сильнейший фрустратор, вызывающий также интенсивный стресс. Ясно, что одной из защитных реакций на фрустрацию такой важной человеческой потребности, как потребность держать под контролем ситуацию, должна быть агрессия.

2. Вторая причина — *нарушение границ личного пространства людей*. Как известно, каждому человеку неприятно, когда незнакомые люди очень близко подходят к нему. Вокруг тела каждого, особенно вокруг головы, есть воображаемое пространство, которое невозможно нарушить, не вызывая неудовольствия его обладателя[24]. Нарушение личного пространства вызывает фрустрацию, особенно больно ударяя по «Я-концепции» личности и ее подструктурам. Ведущими из непосредственных реакций на такую фрустрацию являются агрессивность и тенденция совершения агрессивных действий.

Роль этих психологических факторов велика, поэтому теснота весьма относительна: одно дело, когда наше личное пространство нарушает любимый человек, свой ребенок и т. п., другое дело, когда нарушитель — посторонний. Фрустрация сильнее в том случае, когда в личное пространство человека вторгаются неприятные для него или ненавистные люди. Физическая агрессия является сильным стресс-фрустратором не столько из-за той боли или повреждений, которые она может вызвать у жертвы, сколько из-за ее оскорбительного характера: она грубо нарушает личное психологическое пространство человека. Изнасилование является сильнейшим стресс-фрустратором тоже в основном по этой причине. Физическое насилие всегда вызывает чувство тесноты, нехватки пространства. В больших городах жители испытывают более сильный страх, чем живя в просторных местах. Они стремятся в позднее время не выходить на улицу. Страх же тесно связан с агрессивностью.

Физические стресс-фрустраторы и принцип «око за око»

Ученые подтверждают наблюдаемое в повседневной жизни явление: на физическое наказание люди отвечают физической же агрессией. Лабораторные исследования показали, что, отвечая на воздействие физических стресс-фрустраторов (например, на электрические удары, наносимые другим человеком), люди руководствуются принципом «око за око», а не христианской заповедью «подставь другую щеку». Иначе говоря, люди стремятся по возможности уравнять степень агрессии[25], то есть дать адекватный ответ.

То, что люди спонтанно следуют принципу «око за око» (это можно считать одним из выражений принципа справедливости, одним из его вариантов в сочетании с принципом равенства), очень хорошо доказано в эксперименте *О. Лира* и *Денджерина*, проведенном в 1973 году[26].

В связи с этим исследованием возникает вопрос: только ли отвечая на воздействие физических стресс-фрустраторов агрессора, люди придерживаются указанного выше комплексного принципа справедливости-равенства или же данный принцип подспудно действует и при воздействии других фрустраторов?

Результаты подобных исследований применимы для анализа реальных и очень ответственных вопросов практики. Когда за умышленное убийство преступнику назначают не смертную казнь, а 15 лет тюрьмы или пожизненное тюремное заключение, то, как мы полагаем, в нормативном смысле происходит следующее:

- нарушается традиционный принцип «око за око» (принцип мести);
- открывается возможность для действия христианского принципа, требующего подставить другую щеку; во всяком случае, ответ не является равносильным и равноценным;
- в тех случаях, когда жертва ничем не провоцировала агрессора, нарушается принцип справедливости. Каждый родился, чтобы жить, и хочет жить, а кто-то другой лишает его этого естественного права.

Поэтому психология наказания — дело весьма и весьма тонкое. И надо очень серьезно размышлять над тем, надо ли ликвидировать высшую меру наказания — смертную казнь? Во всяком случае, нужен избирательный подход к различным случаям лишения жизни одним человеком или группой людей другого человека.

2.9. Конфликт, фрустрация и агрессия

Конфликт и стратегия поведения

Агрессивное поведение людей очень часто обусловлено конфликтными отношениями с другими людьми и группами. Индивиды А и Б находятся в конфликтных отношениях, если:

1) стремятся к одной и той же цели, которая может принадлежать только одному из них (это случай соперничества);
2) когда выполняют совместную деятельность, но стремятся к разным, несовместимым целям и ценностям.

Во всех подобных случаях между ними существует конфликт интересов. Здесь мы не рассматриваем вопрос о многочисленных внутренних конфликтах людей, которые тоже являются для них стресс-фрустраторами[27].

Как ведут себя люди в подобных межличностных конфликтах?

Ясно, что они выбирают различные линии поведения, различные стратегии преодоления конфликта и адаптации. Вкратце рассмотрим главные из них.

1. Очень часто среди этих стратегий можно видеть **агрессивную стратегию адаптации**. Она не обязательно выражается в физических агрессивных действиях. Если, например, индивиды А и Б соперничают за благосклонность С, то

они могут попытаться дискредитировать друг друга перед С и другими значимыми людьми. С психологической точки зрения всякая попытка дискредитации является агрессией.

2. Другая возможная стратегия адаптации — **конформистская**. Например, если А является начальником Б, то Б может внешне согласиться с А относительно целей или способов совместной деятельности. Б будет подыгрывать А до поры до времени, пока находится под его властью.
3. А и Б, оказываясь в конфликтных отношениях, могут принять решение **прекратить совместную деятельность** и больше не иметь дела друг с другом. Фактически перед нами один из вариантов ухода из неприятной ситуации: после ухода или бегства А и Б могут уже пренебрегать друг другом, поскольку их интересы больше не пересекаются.
4. Наконец, возможна **компромиссная стратегия**. Если, например, вначале А и Б имели разные цели, они могут найти третий вариант цели — С, который пусть не полностью, но все же в определенной мере удовлетворяет обе стороны.

Если конфликт острый, все названные варианты могут в какой-то мере носить «налет» агрессивности. Но подлинно агрессивной является лишь одна из этих стратегий. Выбор агрессивной стратегии фактически означает, что человек идет на обострение конфликта (пусть временное), надеясь, что в результате соперник станет недееспособным и победа останется за ним. Например, когда между государствами возникает конфликт интересов, который выражается в дипломатической борьбе и агрессивной пропаганде, одна из сторон может решиться на еще большее обострение конфликта и начнет военные действия, напав на противника. Война, таким образом, является не просто средством разрешения конфликта, достигшего уровня кризиса, но и средством еще большего обострения и углубления этого состояния. Кризис же — такой уровень обострения конфликта, когда для компромисса уже нет места. Если уход сторон из ситуации невозможен, остается лишь один путь — силовое разрешение конфликта.

Люди могут использовать агрессивную стратегию не только в ответ на уже возникшее противоречие или конфликт с целью его обострения, то есть реактивно. Есть люди, которые для решения стоящих перед ними задач и используя **проактивную агрессию** специально, намеренно создают конфликты. Когда, например, члены преступных банд специально провоцируют мирного пешехода, оскорбляют его, их целью является создание конфликта и драки. Целью может быть также оскорбление или садистическое наслаждение от вида страдающего человека или же просто желание показать свое физическое превосходство и смелость.

Эмпирические исследования агрессивной стратегии в конфликте

Итак, когда перед людьми возникают проблемы, некоторые из них стремятся разрешить их с помощью агрессии. С этой целью они идут по пути создания конфликта и еще большего его обострения. Исследования показали, что люди, выбирающие такой путь разрешения своих проблем, отличаются от других более высоким уровнем общей агрессивности. Другие выбирают более миролюбивые средства и стратегии, например уход или компромисс. Считается также, что те, кто избегает конфликтов, не заботятся ни о себе, ни о других. Те же

индивиды, которые выбирают компромисс, одинаково озабочены как своими интересами, так и целями другой стороны. Оказалось, что индивиды, идущие на компромисс, в своих взаимоотношениях с людьми отличаются более низким уровнем агрессивности, чем те, кто часто пользуется агрессивной стратегией. Для раскрытия этих индивидуальных различий используются специально изобретенные тесты[28].

Высокий уровень агрессивности сочетается со стремлением к доминированию над другими людьми.

Не только уровень агрессивности как черта характера влияет на выбор агрессивной или компромиссной реакции на возникший конфликт интересов. Играет роль целый ряд других черт личности, о которых речь пойдет в последующих главах. Например, целеустремленные люди типа А в отличие от противоположного типа Б чаще прибегают к помощи агрессивной стратегии[29].

Получены данные о том, что люди со слабым самоконтролем чаще используют агрессию, чем те, у кого самоконтроль развит в более высокой степени[30].

Влияние ситуационных факторов на поведение в конфликтной ситуации

Из ситуационных факторов на поведение людей в конфликтных ситуациях наибольшее влияние оказывают следующие:

- кто присутствует и какие социальные статусы занимают эти люди;
- как они относятся к действующим лицам, критикуют их или поощряют и т. п. *Р. Бэрон*, подтвердив то, что уже известно из повседневных наблюдений, показал, что агрессивная критика присутствующих вызывает ответную агрессию участвующих в конфликте людей;
- критика вызывает тем более сильную агрессию, чем ниже статус критикующего;
- деструктивная критика будет встречена тем более агрессивно, чем несправедливее она представляется тому, кого критикуют.

Когда критика конструктивная, она вызывает у критикуемого менее интенсивную ответную агрессию[31].

Эти очень ценные замечания нетрудно дополнить результатами исследований *М. Шерифа*, *Г. Тэджфела* и других социальных психологов. Но поскольку они общеизвестны, здесь подробное их изложение мы считаем излишним.

2.10. Фрустрация и ослабление агрессии

Парадокс или реальность?

Если у нас вызывают сомнения эксперименты, во время которых, как утверждают исследователи, под воздействием фрустратора не наблюдается повышение уровня агрессивности испытуемого, то должны удивлять те исследования, которые показали, что фрустрация может вызвать ослабление агрессивности человека. Действительно, такие эксперименты проводились. Так, *У. Джентри* в 1970 году показал, что, когда испытуемые мужчины решали задачи по проверке их интеллектуальных способностей, а экспериментатор постоянно мешал им и не давал дорешать эти задачи (вследствие чего

они получали невысокую оценку и фрустрировались от этого), на последнем этапе эксперимента они наносили помощнику психолога меньшее количество электрических ударов, чем испытуемые контрольной группы[32].

Наконец, когда *А. Басс* на основе своих исследований пришел к выводу, что фрустрация не является ни основной, ни существенной предпосылкой агрессии, он не заметил, что имел в виду лишь физическую агрессию. Он действительно считал, что «...фрустрация в своем первозданном виде является сравнительно малозначительной предпосылкой физической агрессии»[33].

Именно физическую агрессию имел в виду *А. Басс*, но ведь известно, что фрустрация, во-первых, ведет к различным формам агрессии, а физическая агрессия в социальных ситуациях очень часто сдерживается; во-вторых, даже если уровень агрессивности человека под влиянием фрустратора повышается, он во многих случаях может откладывать как физические, так и символические агрессивные действия. Не говоря уже о том, что существует внутренняя речь, через которую также человек очень часто для себя «выражает» агрессию и даже моделирует свое будущее агрессивное поведение по отношению к другим людям.

Хотя этих доводов уже вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение корректность вывода о том, что в некоторых случаях фрустрация ослабляет агрессию, мы приведем еще несколько аргументов в пользу противоположной точки зрения.

1. В приведенных экспериментах на последнем этапе объектом агрессии становился не сам фрустратор (экспериментатор), а его помощник. Очевидно, что это не одно и то же.
2. Следовательно, вопрос сводится к следующему: во время упомянутых экспериментов *У. Джентри* необходимо было выяснить, *почему не имел место перенос агрессии испытуемых от подлинного фрустратора на заменяющее его лицо?* Этот аспект эксперимента, насколько нам известно, не раскрывается ни самим экспериментатором, ни теми, кто считает его исследование доказательством верности утверждения, будто фрустрация ведет к ослаблению агрессивности.
3. При этом упомянутые авторы то и дело путают агрессию с агрессивностью. Но ведь должно было быть очевидно, что *ослабление агрессивности* (враждебности, эмоционального аспекта психического состояния фрустрированной личности) и *ослабление агрессии* (публичного, социального поведения) — не одно и то же. Совсем не обязательно, чтобы во всех социальных ситуациях после усиления своей агрессивности человек переходил к более интенсивным агрессивным действиям.
4. Наконец, агрессия может направляться на самого себя, стать *самоагрессией*, вследствие чего может наступить временное депрессивное состояние. В таком случае, как известно, человек внешне, с точки зрения других, становится менее агрессивным и даже беспощадным.

В свете всех этих аргументов мы считаем возможным утверждать, что упомянутые эксперименты *не доказывают*, что фрустрация может вести к ослаблению агрессивности. После фрустрации психически нормальный человек становится более агрессивным (то есть более враждебным к фрустратору и к тем, кто с ним связан положительными отношениями), хотя его агрессия (как совокупность агрессивных, враждебных

и разрушительных действий) может или оставаться на прежнем уровне, или усиливаться, или даже стать менее выраженной. В таких случаях возможно ослабление агрессии (но не агрессивности!) — мы это уже объяснили. Но данный вопрос связан также с так называемыми опосредующими факторами, которые уже становились предметом психологических исследований. Исследованию когнитивных посредников агрессивного поведения человека мы посвящаем отдельную главу настоящей книги.

В каких условиях фрустрация не вызывает агрессии?

Нередко утверждается, что во многих экспериментах не удалось доказать, что фрустрация вызывает повышение уровня агрессивности испытуемых. Приводятся, например, примеры совершенно искусственных экспериментов, почти не напоминающих реальные ситуации жизни; таких экспериментов, в ходе которых используется известный нам метод («парадигма») *А. Басса* типа «учитель — ученик»: во время подобных экспериментов испытуемые («учителя») и без того применяют электрические удары при каждой новой ошибке «ученика». Критики теории фрустрации — агрессии удивляются, что, когда число ошибочных ответов «ученика» превышает предполагаемые 30, они не увеличивают силу электрических ударов по сравнению с членами контрольной группы. Они должны были быть уязвлены тем, что являются плохими «учителями» и должны были стать более агрессивными. Мы считаем, что искусственность и малозначимость ситуации, осознаваясь испытуемыми, могли предотвратить повышение уровня их агрессивности, нейтрализуя влияние дополнительных фрустраторов.

И еще один важный момент следует учесть при оценке таких исследований: если уровень агрессивности испытуемого под воздействием фрустраторов повышается, то это вовсе не значит, что он обязательно должен публично выразить свою повышенную агрессивность. Ведь фрустраторы вызывают внутреннюю готовность к агрессивным действиям (агрессивную установку и эмоции злобы и гнева), которая может реализоваться, а может и нет. Лучше было бы обратить внимание на то, какие **ингибиторы агрессии** существовали в экспериментальной ситуации. Возможно, что под влиянием каких-то тормозящих агрессию механизмов испытуемые находили другие способы психологической самозащиты, например регрессию, как это показано еще *К. Левином* и его сотрудниками много лет назад.

Справедлива ли критика в адрес теории фрустрации — агрессии?

Отметим сразу, что такая критика, достаточно широко распространенная в настоящее время, справедлива лишь отчасти. Она справедлива, поскольку обращает внимание на такие случаи, когда фрустрация не вызывает агрессивного ответа: фрустрируясь, люди, во всяком случае внешне, могут вести себя неагрессивно и использовать стратегии ухода или другие неагрессивные психологические защитные механизмы.

Но отчасти эта критика несправедлива и является следствием слишком узкого понимания фрустратора и фрустрации. Так, *Р. Бэрон* и *Д. Ричардсон* критикуют известный эксперимент *Малика* и *Маккендлеса*, показывая, что, когда сообщник психологов не дает детям закончить выполнение серии простых заданий, испытуемые становятся более агрессивными, чем те, кто имел возможность закончить работу. Описав эту часть эксперимента, авторы затем обнаруживают, что во время эксперимента

сообщник психолога не просто мешал испытуемым, «...но и отпускал в их адрес ряд саркастических замечаний, которые вполне могли вызывать ярость. Итак, необходимо определить, что послужило причиной более высокого уровня агрессивности испытуемых из первой группы — то, что им мешали, едкие замечания или же оба этих фактора?»[34].

Авторы не считают едкие замечания фрустраторами, убеждены, что эти дополнительные факторы сделали эксперимент некорректным и недоказательным. Но с данным выводом трудно согласиться. Дело в том, что экспериментатор использовал сложный стресс-фрустратор, состоящий из физических и вербальных действий. Более того, даже только саркастические замечания в адрес тех, кто выполняет целенаправленную деятельность, являются фрустраторами, поскольку, отвлекая их внимание и вызывая у них отрицательные чувства, препятствуют выполнению деятельности. Более того, они вполне могут дезорганизовать ее. Они, кроме того, фрустрируют «Я-концепцию» исполнителей, вследствие чего у последних должны возникать чувство оскорбления, мотив самозащиты и агрессия. Правда, было бы интересно отдельно исследовать роль только таких словесных стресс-фрустраторов. Мы считаем, что *словесные оскорбления* — это не просто «предпосылки» агрессии, как считают Бэрон и Ричардсон, а *самые настоящие и мощные фрустраторы.* Исследования *А. Бандуры, Л. Берковица, Р. Джина* и ряда других экспериментаторов доказывают, что во многих случаях (если не всегда) фрустрация вызывает агрессивное поведение.

2.11. Воображение и агрессия

Воображение — *внутренний психический процесс, осуществляемый с помощью различных психических образов — зрительных, слуховых, тактильных и т. п.* Работа воображения приводит к образованию новых комбинаций образов. Когда эти ассоциации представляют собой решения значимых задач, можно уже говорить не столько о *воспроизводящем*, сколько о *творческом воображении.* Это два основных вида воображения, причем воспроизводящее воображение, представляя собой возвращение в сферу сознания уже готовых ассоциаций образов из памяти, лежит в основе творческого воображения. В нашей повседневной жизни воображение выступает в форме дневных грез, которые частично осознаются человеком, сновидений, различных типов галлюцинаций и других психических процессов.

Для чего природа создала воображение? Не является ли оно излишеством? Почему звучит оскорбительно, когда мы говорим о человеке, что он лишен воображения?

Оказывается, велика роль воображения в жизни людей. Оно выполняет целый ряд функций. Когда человек оказывается в проблемной, то есть трудной и неопределенной ситуации, то, пытаясь сформулировать гипотезы, предвидеть будущее, составлять планы своих действий — во всех этих и других случаях, он, кроме своей памяти, восприятия и мышления, в значительной степени опирается на воображение. Мощное развитие воображения оказывает разностороннее и глубокое влияние на все стороны личности, способствует ее созреванию и творческой активности.

Одной из важнейших является **психозащитная функция** воображения. Когда мы говорим о защитных функциях воображения, скорее всего, имеем в виду такую его разновидность, как *фантазия.* В отличие от обычных процессов воображения,

которые бывают, как мы видели, воспроизводящими и творческими, фантазия имеет следующие особенности:

а) она значительно больше оторвана и удалена от повседневных впечатлений и забот человека;
б) человек, фантазируя, создает больше новых и необычных сцен и выдумок;
в) внутренняя мотивация фантазий более глубокая, она выражает более интимные, сокровенные желания и мечты личности;
г) фантастические образы насыщены более глубокой эмоциональностью, чем обычные результаты работы воображения.

Фантазия играла большую роль в истории культуры человечества, она способствовала созданию легенд, сказок и мифов, систем представлений об идеальном устройстве общества, творчеству в области науки и искусства.

Имея такие особенности и возможности, фантазия значима в процессах психической самозащиты и компенсаторной активности личности. В частности, сновидения, во всяком случае, значительная их часть, являются разновидностью фантазии и играют психозащитную роль: они охраняют психику от вредного воздействия фрустраторов[35].

Когда в реальной жизни цели и желания человека, его притязания наталкиваются на непреодолимые преграды, тогда их «реализация» переносится в сферу воображения и фантазии. Обычно защитные процессы воображения начинаются спонтанно, как только человек предвидит фрустрацию или реально переживает ее. «Решение» трудных проблем жизни в фантазиях приносит некоторое облегчение, поэтому люди так часто пользуются ими, долго и с наслаждением предаваясь их потоку.

В образах воображения нередко мы видим агрессивные действия и сцены: человек в своих фантазиях борется против врагов и обычно побеждает. Такие действия личности чаще всего направляются против самого фрустратора, хотя и здесь наблюдаются случаи перемещения агрессии на другие, замещающие объекты. Воображаемые агрессивные действия могут несколько ослабить реальную агрессию, направленную против фрустраторов, но могут быть также подготовительным этапом, психологической репетицией перед реальным действием.

Такая агрессия играет также защитно-компенсаторную роль в жизни тех людей, которые имеют, например, физические недостатки.

Мальчик, получивший увечья в результате несчастного случая, не может участвовать в спортивных состязаниях и поэтому в своем воображении «участвует» в них и побеждает. Немощный старик видит себя в роли полководца и в фантастических образах во главе огромной армии добивается блестящих побед. Взрослый человек, потерявший в результате автоаварии обе ноги, видит во сне, что совершенно здоров и не только быстро ходит, но и играет в футбол. Все эти люди компенсируют свои недостатки с помощью фантазии.

Агрессия чаще всего выражается в фантазиях и по той причине, что в современном обществе многие открытые формы агрессии запрещены как законами, так и моральными представлениями и нормами. Мы не можем в каждой ситуации, когда нас фрустрируют, сразу же применить агрессию: или мы откладываем нападение, или же вообще отказываемся от агрессивных действий, а в более серьезных случаях обращаемся за помощью к представителям закона, к тем органам, которые

специально созданы для защиты прав и личности граждан. Во всех этих случаях агрессия перемещается в сферу воображения.

В своих фантазиях человек большей частью эгоцентричен. У него сильно выражен **нарциссизм**, который, кстати, является одной из предпосылок агрессивности человека. *Нарциссическая личность* — главный герой своих фантазий, и его агрессия побеждает всех. В фантазиях для человека, особенно для молодых людей, нет преград.

2.12. Непосредственные эмоциональные ответы на воздействие фрустраторов

Непосредственный комплексный ответ

Существуют *непосредственные* и *отсроченные* ответы на фрустрацию. Есть также *защитно-адаптивные процессы*, которые требуют времени для своего развертывания.

Например, сублимация агрессивных или сексуальных желаний вряд ли может начинаться сразу же под воздействием фрустраторов, в самой ситуации лишения человека возможности удовлетворения этих потребностей. Требует времени, например, и такой мощный защитный процесс, как рационализация, которая в первую очередь выступает в виде самооправдания. Чтобы оправдать свою неудачу, человек должен найти или сочинить аргументы, а это требует некоторого времени и активных мыслительных процессов.

Но целый ряд защитных механизмов возникает или актуализируется (воспроизводится из памяти) сразу же под воздействием фрустраторов. Таковы *простые формы непосредственной агрессии*, которая сразу же возникает в психике человека в виде *эмоций вражды* и *гнева*, направленные на факторы, мешающие человеку работать или оскорбляющие его достоинство. За этим враждебным состоянием могут сразу же последовать вербальные и физические агрессивные действия.

Непосредственно возникает ряд эмоциональных реакций личности на фрустратор. Сама агрессия всегда сопровождается сильными эмоциями, составляющими «враждебный комплекс». В него входят *враждебность, гнев, презрение, страх и тревога, разочарование* и т. п. Именно эти эмоции возникают непосредственно под воздействием фрустраторов, и без них, как предполагают *Л. Берковиц* и *Р. Бэрон*, последующие агрессивные действия не совершались бы. Сама по себе невозможность добиваться поставленной перед собой цели еще не создает достаточной предпосылки для совершения агрессивных действий. Воздействие фрустраторов необходимо, но недостаточно. Только возмущение, гнев и другие негативные эмоции, возникшие из-за несовпадения ожиданий человека с его реальным достижением, создают необходимую мотивацию для применения насилия. При этом, конечно, играют роль предвосхищение будущих желательных ситуаций, воображение и другие познавательные процессы. Предпосылки агрессии составляют в психике фрустрированного человека **познавательно-эмоциональный комплекс**. Играют роль также ожидания референтных групп и значимых для личности персон, которые тоже, возможно, предвидели ее успех, а получилась неудача. Кстати, эти социально-психологические аспекты в экспериментальной психологии агрессии весьма слабо исследованы. Вкратце рассмотрим некоторые из названных эмоций.

Гнев, страх и агрессия

Тревога и страх человека часто способствуют усилению агрессивности. В тревожном состоянии человек нередко теряет четкость восприятия и не отличает реальное от воображаемого, что и способствует совершению агрессивных действий. Эти явления можно проиллюстрировать множеством примеров. При страхе, однако, чаще всего люди выбирают не нападение на фрустратор, а бегство, уход из ситуации.

Так, во время Второй мировой войны американское общество было охвачено беспокойством по поводу подрывной деятельности иностранцев и групп этнических меньшинств. Нужны были «козлы отпущения», и в качестве таковых выбрали в первую очередь японцев. Практическим следствием этого выбора было то, что проживавших на побережье Тихого океана японцев интернировали. Распространилось мнение, что все американцы японского происхождения подозрительны, являются агентами японской разведки, пятой колонной, ответственной за поражение американского флота при Пирл-Харборе. Между тем не было, насколько нам известно, никаких фактов, свидетельствующих об их подрывной деятельности.

Еще более впечатляющий пример дает нам сталинская эпоха СССР. Мысль об «империалистическом окружении», о шпионской деятельности враждебных агентов привела к кампаниям массовой ловли «шпионов» не только в больших городах, но даже в самых захолустных уголках страны. От этого психоза пострадали сотни тысяч невинных людей[36].

У страха глаза, как известно, велики.

Гнев как признак фрустрированности является ответом на фрустрацию целенаправленной деятельности, на личностную фрустрацию и оскорбление достоинства[37].

Самый сильный гнев вызывается оскорблением. Когда в экспериментальной ситуации подвергают агрессии двух индивидов за одинаково плохое выполнение задания, то из них более интенсивную агрессию проявляет тот, поведение которого раньше было подкреплено, а не тот, у которого просто вызвали гнев. Здесь к фрустрации целенаправленной деятельности присоединяется личностная фрустрация[38].

Вообще, важнее не столько количество фрустрации, сколько ее качество, то есть личностное значение. Не всегда повторные фрустрации приводят к постепенному усилению агрессивности. Многое зависит от качества фрустраторов, их значения для человека. Чтобы удостовериться в том, что качество фрустратора важнее его количества, *Р. Джин* провел ряд опытов, в числе которых следующий: в течение двух лет он посылал критические письма одной актрисе, но не получал никаких ответов. Затем, уже в течение трех лет, посылал подарки и объяснялся в любви (в письмах). Это вызвало анонимные телефонные звонки. Он получил также несколько почтовых карточек, но не было разговоров и сердечных ответов, как следовало ожидать согласно теории фрустрации — агрессии. За все время этого естественного эксперимента женщина оставалась недовольной и несчастливой.

Гнев — ответ на фрустрацию целенаправленной деятельности, на личностную фрустрацию и оскорбление достоинства. Самый сильный гнев вызывается оскорблением.

Когда фрустрируется какая-либо первичная потребность человека, он переживает гнев, иногда порождающий агрессивные действия. Но что же происходит, когда этот гнев, в свою очередь, подавляется внешними или внутренними фрустраторами и личность подвергается **вторичной фрустрации**? Это,

Вторичная фрустрация может быть интенсивнее первичной, поскольку имеет двойную мотивацию.

по нашему мнению, одна из важнейших проблем психологии личности и социальной психологии, поскольку данное явление распространено очень широко.

В подобных случаях фрустрации подвергается уже агрессивная тенденция человека, которая имеет сильную внутреннюю мотивацию. Это вторичная фрустрация, которая может быть интенсивнее первичной, поскольку имеет двойную мотивацию. Возможны, конечно, и фрустрации более высоких ступеней, и многократные новые фрустрации агрессивных мотивов. В результате вторичных и последующих фрустраций происходит накопление фрустрированности и агрессивности личности, которые, начиная с определенного уровня, становятся невыносимыми. Человеку в таком состоянии уже не удается подавить свою агрессию, и она прорывается в виде разрушительных действий. Хотя, как мы показали в предыдущем разделе, не всегда новые фрустрации усиливают агрессивность. Но эти исключения, по-видимому, подтверждают общее правило.

Интересным примером постепенного накопления фрустрации и внезапной и интенсивной агрессивной реакции может служить следующий эпизод, рассказанный в одной из книг *А. И. Китова*:

«К уголовной ответственности был привлечен гражданин Н. за нанесение тяжких телесных повреждений своему давнишнему знакомому. Рассмотрение дела показало, что потерпевший длительное время наносил подсудимому оскорбления словом, на что последний видимым образом остро не реагировал. И на этот раз, когда потерпевший получил тяжкие телесные повреждения, говорил подсудимому те же слова, которые ранее никогда не приводили к эксцессам.

На основании имеющихся материалов суд пришел к выводу, что побои нанесены потерпевшему умышленно, а не под влиянием оскорблений. К ним, как полагал суд, подсудимый должен был *привыкнуть*, о чем свидетельствует якобы его прежнее поведение в сходных ситуациях. Кассационная инстанция, рассматривая дело, пригласила в качестве эксперта видного советского психолога. Психологический анализ показал, что каждое новое оскорбление остро переживалось подсудимым, но он себя сдерживал силой воли. Постепенно психологический агрессивно-оборонительный импульс, вызванный к жизни оскорблениями, усиливался, а сдерживать себя становилось все труднее. Тяжкие телесные повреждения, нанесенные потерпевшему, были результатом качественного скачка в соотношениях мощности этого психологического импульса и силы воли подсудимого. Кассационная инстанция приняла во внимание заключение эксперта и смягчила меру наказания»[39].

Данный пример *А. И. Китов* приводит в качестве иллюстрации того, что все психические явления детерминированы. Но для нас в настоящем контексте интересно то, что имела место специфическая детерминация агрессивного поведения повторными фрустрациями и в результате накопления огромного заряда гнева.

Эмоциональными реакциями сопровождаются также стереотипные двигательные реакции и беспокойные движения, которыми нередко отвечают на фрустрацию. В других случаях наступает апатия, нередко — психическая регрессия, то есть возврат к пройденным этапам психического развития личности. Но регрессия может стать также длительно действующим защитным механизмом.

2.13. Специфические фрустраторы женщин

Вышеописанные факторы, фрустрирующие людей и вызывающие агрессивные действия, касаются всех — как женщин, так и мужчин. Но есть ли фрустраторы, специфичные для женщин? Полезно знать об этом, что позволит лучше понять индивидуальные различия переживания фрустраций и совершения агрессивных действий.

Относительно фрустраторов, специфичных для женщин, можно указать, по крайней мере, на следующие обстоятельства.

1. Недостаточное сексуальное удовлетворение вследствие импотенции мужа или собственной фригидности. Данный источник фрустраций можно было бы богато проиллюстрировать примерами из сексопатологии и практики консультирования, но для современного читателя психологической литературы в этом вряд ли есть необходимость.
2. Депривация желания иметь детей и быть матерью. Удовлетворение этих желаний является одним из главных способов самоутверждения женщин, создания для себя психологического комфорта, осмысления своего существования. Успешность жизни женщин в деторождении и выращивании отпрысков — прекрасное средство борьбы против агрессивности внешнего мира, собственного мужа и своих же агрессивных и иных нездоровых тенденций.
3. Важнейшим фрустрирующим фактором является пассивность и невнимательность мужа в вопросах развития жены и детей. Многие мужья отличаются зависимым характером, беспомощностью в управлении семейными делами. Они принимают своих жен как часть окружающей среды, без личностного подхода, без интереса к их личности и индивидуальности. Отсюда — постоянная фрустрированность многих женщин.

2.14. Психологические особенности враждебности

Враждебность как социальная установка

В повседневной речи слово «враждебность» употребляется в различных значениях. Иногда враждебность даже отождествляется с агрессией. Мы же считаем, что враждебность является специфической социальной установкой, состоящей из трех известных блоков: когнитивного (знание объекта установки и мысли о нем), эмоционального (недовольство, гнев и т. п.) и блока, включающего программу возможных действий по отношению к этому объекту. Отсюда видно, что эмоции, сопровождающие агрессию и предваряющие ее, входят в так называемый «комплекс враждебности», а этот комплекс, в свою очередь, составляет блок в структуре враждебности как социальной установки.

Остается вопрос о том, какую роль играет агрессивное влечение, которое с большей или меньшей интенсивностью всегда существует в психике человека, поскольку в головном мозгу имеются центры агрессии? Мы считаем, что агрессивное влечение как явление бессознательной психики человека является той базой, на которой у человека в течение индивидуального развития строятся многочисленные враждебные установки. Участвуя в создании установки и сообщив ей энергию, общее

агрессивное влечение остается базой устойчивости и проявляется через эти установки в виде эмоций и действий.

О когнитивных элементах враждебности

В когнитивный блок враждебности входят: образ объекта, на который направлена агрессия (образ «жертвы») и отрицательные оценки этого объекта. Этот образ состоит не только из подлинных познаний объекта, но и из атрибуций, которыми пользуется агрессор. Мы полагаем, что часть данных атрибуций носит проективный характер. Причем определенная часть этих психических процессов может протекать словесно и на уровне сознания: агрессор может при себе или публично охарактеризовать будущую жертву дискредитирующими словами (подлый, неприятный и т. п.). Анализ такой словесной агрессии представляет значительный интерес для понимания когнитивных компонентов враждебной установки.

Используя атрибуции, агрессор приходит к выводу, что желает объекту зла, хочет причинить ему ущерб. Когда враждебность направлена на группу людей, более широко используются отрицательные социальные установки.

Агрессивность же является свойством личности, общей установкой на нанесение ущерба другим людям. Это психологическая готовность к применению насилия, комплекс характера личности. Именно в таком смысле мы говорим об агрессивных людях, о более или менее агрессивном характере. Агрессивным людям посвящены специальные главы третьей части настоящей книги, поэтому здесь мы ограничимся лишь одним замечанием, а именно: эти люди чаще других выражают враждебность к людям и готовность применить к ним насилие. Иначе говоря, у таких людей сформировано много враждебных установок по отношению как к отдельным индивидам, так и к социальным и этническим группам.

Враждебное настроение и поиск жертвы

Агрессивность может принимать различные формы, в том числе характер общей озлобленности или ворчливости. Агрессивная ворчливость — состояние, из которого при появлении удобного объекта человек может перейти к взрывным насильственным действиям.

Очень умело подобное состояние описывает *Л. Н. Толстой* в романе «Война и мир». Речь идет о настроении князья Николая Андреевича, отца Андрея, которого посещает врач-француз Метивье.

«Случилось так, что в это именинное утро старый князь был в одном из своих самых дурных расположений духа. Он целое утро устало ходил по дому, придираясь ко всем и делая вид, что он не понимает того, что ему говорят, и что его не понимают. Княжна Марья слишком твердо знала это состояние духа тихой и озабоченной ворчливости, которая обыкновенно разрешалась взрывом бешенства, и как перед заряженным и взведенным курком ружья ходила все это утро, ожидая неизбежного выстрела. Утро до приезда доктора прошло благополучно. Пропустив доктора, княжна Марья села с книгой в гостиной у двери, от которой она могла слышать все то, что происходило в кабинете.

Сначала она слышала один голос Метивье, потом голос отца; потом оба голоса заговорили вместе, дверь распахнулась, и на пороге показалась испуганная красивая фигура Метивье с его черным хохлом и фигура князя в колпаке и халате с изуродованным бешенством лицом и опущенными зрачками глаз.

— Не понимаешь? — кричал князь. — А я понимаю! Французский шпион! Бонапартов раб, шпион, вон из моего дома — вон, я говорю! — И он захлопнул дверь»[40].

Позднее объектом злобных нападок князя становится его дочь Марья. Следует подчеркнуть здесь два важных психологических момента.

Первый: человек, находящийся в ворчливом, то есть в агрессивном настроении, готов выбрать конкретный объект агрессии и разрядить на нем свою агрессивность. Второй: для оправдания своих агрессивных вспышек человек подсознательно и непроизвольно пользуется механизмом атрибуции. Так, врача, француза Метивье, князь обзывает рабом Бонапарта, подозревая в нем врага и шпиона.

2.15. Гнев, ненависть, любовь и амбивалентность агрессивности

Формирование ненависти из гнева

Ненависть является эмоционально-когнитивным комплексом, сложной социальной установкой и не может быть непосредственной реакцией на воздействие фрустратора. Она для своего формирования требует времени и все новых встреч со своим объектом, хотя не исключены случаи возникновения ненависти после (и в ходе) однократной встречи с человеком. Каким образом у человека возникает ненависть?

Можно принять точку зрения, согласно которой *ненависть возникает из гнева*, а гнев является первичным аффектом, выражающим агрессивное влечение человека[41].

Это сложный аффект. Его объектами могут стать как другие люди, так и сам человек, переживающий данное аффективное состояние.

Как и всякая другая эмоция или чувство, ненависть также может стать патологической. **Патологическая ненависть** — *это такой уровень данного аффекта, при котором он становится доминантным отношением как к себе, так и к другим*. Мы полагаем, что ненависть, возникая из гнева, в свою очередь, становится предпосылкой для порождения все новых переживаний состояния гнева. Когнитивные элементы ненависти содержат мысли и образы, изображающие и планирующие агрессию против объекта, ее уничтожение. В этом смысле ненависть и гнев имеют защитные функции. Защитная функция гнева заключается в элиминации неприятных объектов, стоящих на пути к удовлетворению потребностей человека. У взрослых людей гнев используется для защиты или восстановления своей ненависти и для самоутверждения[42].

Ненависть как разновидность социальной установки может обобщаться и становиться чертой характера личности. Она может принимать вид ненависти к определенной категории людей (частичное обобщение) или к людям, человеку вообще (очень широкое обобщение). В этом случае обобщенная ненависть становится мощным внутренним психологическим фактором, усиливающим агрессию или порождающим ее. «Человеконенавистник» всегда агрессивен и имеет импульс к совершению агрессивных действий. Человек, полный ненависти, всегда готов и к предательству[43].

Готовность к предательству — особенность личности, тесно связанная с паранойей. Можно сказать, что у параноика существует постоянная потребность предавать людей. Человеконенавистник всегда готов унижать людей, а стремление унижать другого тоже является разновидностью агрессии.

Гнев и агрессивные действия

Поскольку гнев входит в состав враждебного комплекса и порождает ненависть, являясь компонентом эмоционального блока враждебной установки, он не может не оказать влияния на поведенческий блок этой установки. Задача состоит в том, чтобы выяснить характер этого воздействия.

Существует точка зрения, согласно которой гнев сопровождает агрессивное влечение, но сам не создает такого драйва: «из каких бы составляющих ни складывалось это эмоциональное состояние, оно не направлено на достижение цели и не служит реализацией конкретного намерения в той или иной конкретной ситуации. В связи с этим важно понимать, что гнев как эмоциональное состояние “не запускает” прямо агрессию, но обычно только сопровождает побуждение к нападению на жертву»[44].

Далее *Л. Берковиц* отмечает, что эмоциональное побуждение и агрессивное поведение не всегда выступают вместе. Такие случаи бывают. Верно также то, что агрессивное побуждение вызывается неприятными событиями, под влиянием которых один человек нападает на другого. Это так, но что же делает гнев? Неужели он никак не действует на поведение людей? По мнению *Л. Берковица*, получается, что гнев просто сопровождает агрессию. Такой странный «принцип параллелизма»!

Мы же считаем, что гнев усиливает агрессию, сообщает агрессивным действиям дополнительную энергию, вследствие чего они становятся более разрушительными и опасными. Гнев сам по себе, конечно, не имеет своей цели, но он ведь является составной частью актуализированной враждебной установки, поэтому оказывает влияние на все блоки этой установки, в том числе на поведенческий. По нашему мнению, гнев, оказывая подавляющее влияние на познавательные аспекты враждебной установки, делает агрессию более импульсивной.

Ненависть и любовь (и о комплексе Отелло)

Амбивалентность чувств и установок — известное явление. Она проявляется и в сфере человеческой агрессивности. Агрессивная установка к другому человеку или социальной группе часто, особенно при значительной ее интенсивности, выражается как ненависть. Но известно, что любовь и ненависть тесно взаимосвязаны и составляют пару: *объект любви часто является одновременно объектом ненависти и насилия*. Одним из конкретных выражений такого положения вещей является состояние ревности, когда одновременно и любят, и ненавидят.

Такая тесная, пусть не всегда явная связь агрессии с любовью является причиной возникновения ряда парадоксальных явлений. Например, ненависть может превратиться в любовь по принципу образования *обратной реакции*. Нередко имеет место обратное: любовь превращается в ненависть и побуждает к агрессивным действиям по отношению к прежнему объекту любви. Другое выражение такой амбивалентности — мужчина, который не может жить без своей возлюбленной, но постоянно подвергает ее насилию.

Бывают случаи, когда один из партнеров убивает другого, а затем оплакивает его. Это случай Отелло, или комплекс Отелло. Бывают случаи убийства родителями своих детей и обратное, и в таких случаях, как мы полагаем, отношение обычно бывает амбивалентным. Это явление можно было бы назвать комплексом Ивана Грозного. Иногда именно амбивалентность усиливает один из полюсов двух противоположных установок.

Примечания

[1] Данный термин происходит от лат. *frustratio* — потеря иллюзий, разочарование. Теорию фрустрации, агрессии и защитных механизмов мы подробно рассмотрели в другой монографии: *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
[2] *Dollard J., Doob L. W., Miller N. E., Mowrer O. H. and Sears R. R.* Frustration and aggression. New Haven, Yale Univ. Press, 1939.
[3] *Lawson R.* Frustration. The development of a Scientific Concept. The Macmillan Comp., New York, London, 1965.
[4] *Barker R. G., Dembo T., Lewin K.* Frustration and regression. Univ. of Iowa Studies in Child Welfare. 1941, 18, No. 1; см. также: *Lawson R.* Frustration. The development of a Scientific Concept. The Macmillan Comp., New York, London. 1965; *Janis I. L. a. o.* Personality. Dynamics, development, and assessment, New York, 1969, pp. 150–153.
[5] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
[6] *Miller N.* The Frustration — Aggression Hypothesis. — "The Psychological Review", 1941, 48, pp. 337–342.
[7] *Buss A. H.* Phisical aggression in relation to different frustrations. — "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, 67, pp. 1–7; *Buss A. H.* Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of phisical aggression. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1966, 3, pp. 153–162; etc.
[8] *Geen R. G.* Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1968, 9, pp. 316–321; *Geen R. G. and Berkowitz L.* Some conditions facilitating the occurence of aggression after the observation of violence. — "Journal of Personality", 1967, 35, pp. 666–676.
[9] *Harris M. B.* Mediators between frustration and aggression in a field experiment. — "Journal of Experimental Social Psychology", 1974, 10, 10, pp. 561–571.
[10] *Worchel S.* The effects of three types of arbitrary thwarting on the instigation to aggression. "Journal of Personality", 1974, 42, pp. 301–318.
[11] *Baron R. and Byrne D.* Social Psychology. New York, 1977; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 137.
[12] *Geen R. G.* Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior. "Journal of Personality and Social Psychology", 1968, 9, pp. 316–321.
[13] *Rule B. G. and Hewitt L. S.* Effects of thwarting on cardiac response and phisical aggression. "Journal of Personality and Social Psychology", 1971, 19, pp. 181–187.
[14] См., например: *Baron R. A.* Reducing the influence of an aggressive model. The restraining effects of peer censure. —"Journal of Experimental Social Psychology", 1972, 8, pp. 266–275.
[15] *Berkowitz L.* The frustration-aggression hypothesis revisited. In "Roots of Aggression", Ed. by L. Berkowitz. New York: Atherton, 1969; его же: Some determinants of impulsive aggression: Role of mediated association with reinforcements for aggression. — "Psychological Review", 1974, 81, pp. 165–176; *Geen P. G. and O'Neil E. C.* Activation of cue-elicited aggression by general arousal. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1969, 11, pp. 289–292.
[16] Вопрос о факторах риска кратко обсуждает *Берковиц Л.* в конце своей книги Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб; М., 2001. — С. 499–500.
[17] *Baron R. and Byrn D.* Social Psychology, Understanding Human Interaction. 2nd ed., Allyn and Bacon, Boston etc., 1977, pp. 426–427. Здесь дан неполный обзор этих исследований.
[18] *Janis I. L. a. o.* Personality. Dynamics, development, and assessment. New York, 1969, pp. 156–162.
[19] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 132–133.
[20] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб; М., 2001.
[21] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб; М., 2001. — С. 78–79.
[22] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 506–507.

[23] *Baron R.* Human Aggresion. New York: Plenum Press, 1997; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 507.
[24] *Sommer R.* Personal space. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1969.
[25] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.
[26] Краткое его описание дано в упомянутой выше книге *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 137.
[27] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
[28] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 281–282.
[29] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.— С. 282.
[30] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.— С. 281–282.
[31] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.— с. 283–284.
[32] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.— С. 130.
[33] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 130; *Buss A. H.* The Psychology of Aggressionю. New York, Wiley, 1961; *Buss A. H.* Phisical aggression in relation to different frustrations. "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, 67, pp. 1–7.
[34] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 127.
[35] *Налчаджян А. А.* Ночная жизнь. — Ереван, 2000.
[36] *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Кн. 1. — М., 1989; *Ципко А. С.* Насилие лжи, или Как заблудился призрак. — М., 1990.
[37] *Geen R.* Effects of Frustration, Attack and prior Training in Aggressiveness upon Aggressive Behavior. "Journal of Pers. and Social Psychology", 9, 1968, pp. 316–321.
[38] *Mackal, Karl P.* Psychological Theories of Aggression. Amsterdam — New York — Oxford, 1979, pp. 14–15.
[39] *Китов А. И.* Психология управления. — М., 1979. — С. 55–56.
[40] *Толстой Л. Н.* // Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 4. — С. 312.
[41] *Kernberg O. F.* Aggression in Personality Disorders and Perversions. Yale University Press. New Haven and London, 1992, p. 21.
[42] *Kernberg O. F.* Aggression in Personality Disorders and Perversions. Yale University Press. New Haven and London, 1992, p. 22.
[43] *Налчаджян А. А.* Этническая характерология. — Ереван, 2001. — Гл. 11.
[44] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб; М., 2001.

ГЛАВА 3

Функции и разновидности агрессии

Агрессивные действия занимают очень широкий спектр — начиная от простых двигательных актов и кончая образами фантазий человека. В экспериментах — начиная от электрических ударов до тех рассказов, которые сочиняются испытуемыми при использовании психологами проективных методов. Для чего служат различные виды агрессии и каковы ее разновидности? По каким критериям мы сможем разграничить эти виды агрессии и каковы их взаимосвязи? На некоторые из поставленных вопросов мы попытаемся ответить в настоящей главе.

3.1. Главные функции агрессивных действий

Говорить о функциях каких-либо актов — это значит попытаться выяснить, для чего они служат человеку или животному? Какие задачи человеческий индивид решает с их помощью? Раскрытие функций агрессивных действий позволит также найти критерии для классификации видов агрессии.

Функции агрессии животных

Исследованием агрессии животных занимаются в первую очередь этологи, наблюдающие за поведением животных в естественных условиях. В этологических работах описываются следующие основные функции агрессивного поведения:

1) сбалансирование распределения животных одного вида на доступной им территории;
2) отбор наиболее сильных особей путем борьбы между ними;
3) защита молодняка[1].

Что же касается агрессивности, то ее основная функция, как мы видели в первой главе настоящей книги, это мотивация агрессивного поведения. Но интересно и пока недостаточно исследовано следующее явление: агрессивность может лежать в основе таких форм поведения, которые представляются или противоположностью агрессии, или же такими действиями, которые как будто не имеют с агрессией ничего общего. Обычным, но все же парадоксальным является то, что в интимных отношениях между живыми существами наблюдаются агрессивные психические состояния и насильственные акты. В натуральной истории агрессия играла значительную роль, способствуя сохранению одних видов и уничтожению других.

Внутри организма и психики агрессия тоже взаимодействует с другими функциями и психическими явлениями, осуществляя важные функции. Последние, однако, трудно исследовать, пока они не выражены в каких-либо поведенческих формах.

У огромного разнообразия агрессивных действий различных видов животных общей является функция нанесения физиологического и психологического вреда

и боли другим индивидам. Существуют, в частности, **ритуальные формы агрессии**: *это такие действия, с помощью которых животные угрожают друг другу.*

Многие виды борьбы между животными носят, особенно в начальный период, характер ритуальных угроз. Значительное число млекопитающих начинают борьбу физически неопасными выражениями (экспрессивными движениями), но если эти угрозы не приводят к победе (например, в виде ухода или бегства противника), то прибегают уже к действиям, наносящим физическое повреждение. В репертуар таких ритуальных угроз, выражающих агрессивность, входят: различные звуки, взъерошенные волосы на определенных частях тела, различные телодвижения, передвижение напротив и вокруг противника, оскал зубов и другие.

Животные, однако, наносят вред другим животным по различным причинам. Иначе говоря, мотивация агрессивного нападения различна.

1. Нападают, в первую очередь, для обеспечения себя и своих детенышей пищей. Это **биологический закон выживания**, и он действует с необходимостью. Та агрессивность, которая при этом выражается, запрограммирована в генетических кодах животных и передается от поколения к поколению. Например, гиена должна питаться мясом других животных, иначе не выживет. *Хищники*, питающиеся другими животными, в качестве основных орудий имеют межвидовую агрессию и те орудия, ту «технику», которая им дана от природы для реализации своих агрессивных импульсов: быстрый бег, гибкость телодвижений, острые зубы и т. п.
2. Второй распространенный случай — это тот, когда агрессия выступает как самоцель. *Она используется без биологической необходимости.* Так, животное может убивать другое животное, хотя сыто, и бросать тело своей жертвы.

У человека также встречаются эти разновидности агрессии. Так, мясники убивают корову для продажи ее мяса не потому, что ненавидят это животное, а для того, чтобы заработать на жизнь. Но когда человек питает вражду к другому человеку и в драке наносит ему телесное повреждение, то это уже другая разновидность агрессии.

Функции агрессии у человека

Агрессивное поведение человека возникает в самых разнообразных формах. Создается впечатление, что человечество долгие века своего существования было занято, помимо всего прочего, созданием, изобретением различных форм агрессии и орудий их реализации. Это было грандиозным **агрессивным творчеством**.

Многие (но не все) социальные действия человека функциональны. Это значит, что они совершаются ради определенных индивидуальных и социальных целей. Социальными мы называем такие действия, которые направлены на другие социальные объекты — людей, социальные группы, учреждения и организации, на общество и государство, а также на созданные людьми культурные ценности. Например, уничтожение книг — это одна из форм социальной агрессивности.

Как социальное действие агрессия выступает в качестве *способа социального воздействия*[2].

Любое агрессивное действие оказывает влияние на других людей и общество, в том числе на субъекта этого действия, то есть того, кто совершает агрессивное дей-

ствие. Причем это такое воздействие, которое приносит вред и боль людям. Обычно подобные действия преднамеренны, предвосхищаются и планируются. Как мы видели в первой главе настоящей книги, два внешне одинаковых действия психологически могут быть весьма различными. Является ли действие агрессивным или нет, зависит от его мотивации.

Не столько сами действия, сколько их мотивы следует квалифицировать в качестве агрессивных или неагрессивных.

Следовательно, можно сказать, что *не столько сами действия, сколько их мотивы следует квалифицировать в качестве агрессивных или неагрессивных*. Если это так, то нам следует пересмотреть существующие классификации мотивов человеческого поведения с той точки зрения, что они могут быть агрессивными или неагрессивными.

Агрессия как у животных, так и у человека является ответом на угрозу жизни или интересам. *Э. Фромм* говорил о том, что «...филогенетически запрограммированная агрессия, как она существует у животных и у человека, является биологически адаптивной, защитной реакцией»[3].

Он признает также, что человек и животное отвечают на угрозу не только агрессией. Основными формами защиты, согласно этологам, с которыми *Э. Фромм* соглашается, являются бегство и борьба (агрессия, нападение). Причем Фромм совершенно справедливо замечает, что если проблема неконтролируемой агрессии социально важна, то не менее важна и проблема **неконтролируемого бегства** — также очень распространенного явления.

Действительно, удивительно мало исследованы причины бегства и трусости, в то время как проблеме агрессии посвящено большое количество исследований. Может быть, потому, что трусость и бегство от опасности не в такой мере вредны, как агрессия. Но ведь эти явления теснейшим образом взаимосвязаны, что видно хотя бы из того, что страх усиливает агрессивность человека и приводит к упреждающим насильственным действиям. Причем следует изучить не только внешние, но и внутрипсихические механизмы и формы бегства.

Политические и военные лидеры знают, отметил *Э. Фромм*, что люди не так уж склонны к героизму и нужны меры для того, чтобы принудить их сражаться, а не спасти жизнь бегством. Он пишет: «Исторический анализ может показать, что подавление импульса к бегству и видимое преобладание импульса драчливости в значительной мере обусловлены культурными, а не биологическими факторами»[4].

То, как идет призыв в армии некоторых стран, как много дезертиров — тому убедительное доказательство.

Агрессия как средство управления впечатлением

Большинство сверхагрессивных людей, как показал *Ганс Тох*[5], очень озабочены тем, что́ о них думают окружающие. Они хотели бы оставить хорошее впечатление на других, то есть озабочены своей самоконцепцией и впечатлением, которое оставляют в психике других людей. Поэтому, когда на них нападают или оскорбляют их, они бросаются в контратаку, чтобы спасти свое лицо. Исходя из этого, такую сверхсильную агрессию *Р. Фельсон* определил как средство управления впечатлением[6].

Речь, таким образом, идет о еще одной функции агрессивного поведения человека, а именно: с помощью агрессии человек защищает свою «Я-концепцию», а еще

более конкретно — свой ситуативный «Я-образ». Нападающий на него агрессор хотел бы создать у окружающих его негативный образ, а он, проявляя силу, смелость и компетенцию, защищает свой благоприятный «Я-образ». Атакуя обидчика, люди стремятся показать, что они такие, чью личность и «Я-концепцию» следует уважать, отмечает *Р. Фельсон*.

Здесь хотелось бы еще отметить следующее: в подобных ситуациях защита своего «Я» осуществляется личностью не только с помощью агрессии — мы полагаем, что психологическая защита «Я» является комплексным процессом, в котором, помимо агрессии, участвует также целый ряд неагрессивных защитных механизмов. Физическая агрессия может сочетаться не только со словесной, но и с такими защитными механизмами, как проекция, атрибуция, рационализация и другие[7].

Теперь мы перейдем к рассмотрению основных видов агрессивных действий человека, при необходимости сравнивая их с аналогичными действиями животных.

3.2. Попытка классификации агрессивных действий

Исследователями предложены различные «принципы», то есть критерии классификации агрессивных форм поведения. Согласно *Бертрану Бассу*, одному из самых известных исследователей агрессии, это явление следует описать по трем шкалам:

а) физическая — вербальная;

б) активная — пассивная;

в) прямая — непрямая (косвенная).

Эти шкалы позволяют увидеть определенную закономерность в бесконечном разнообразии агрессивных действий людей и внести кое-какой порядок в эту необъятную феноменологию.

Комбинируя эти измерения (шкалы), *Б. Басс* получил восемь возможных категорий агрессивных действий. Он считает, что большинство агрессивных действий принадлежит к одной из этих категорий. Последние сведены в таблицу, из которой мы приводим следующие данные[8]:

1) *физическая — активная — прямая:* нанесение другому человеку ударов ножом, избиение, ранение огнестрельным оружием и т. п.;
2) *физическая — активная — непрямая:* закладка мин-ловушек; сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага;
3) *физическая — пассивная — прямая:* стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью (например, сидячая демонстрация);
4) *физическая — пассивная — непрямая:* например, отказ освободить территорию и т. п.;
5) *вербальная — активная — прямая:* словесное оскорбление или унижение другого человека;
6) *вербальная — активная — непрямая:* распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке;

7) *вербальная — пассивная — прямая:* отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т. д.;
8) *вербальная — пассивная — непрямая:* отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения (например, отказ высказаться в защиту человека, которого незаслуженно критикуют). Добавим, что в таких случаях пассивно наблюдающий может наслаждаться страданиями жертвы. Кроме того, в таких процессах участвуют, помимо агрессии, и другие адаптивные механизмы.

Схема эта, безусловно, полезна, хотя и вызывает ряд вопросов, требующих дальнейших исследований, в частности:

- нет ли других «измерений» агрессивных действий человека;
- какие виды агрессивных действий остаются вне этой классификации?

Ясно одно: указанные выше критерии не являются исчерпывающими. Мы предлагаем назвать их **поведенческими** (бихевиористическими) **критериями классификации видов агрессии**.

Вполне возможны, как мы увидим ниже, и другие, внутрипсихические критерии классификации, например, на основе *различия мотивов* (злонамеренная, инструментальная, смешанная) или *различия защитных механизмов*, психологически обеспечивающих агрессивные действия и даже их субъективную «легитимность».

Другой исследователь, *К. Мойер*, беря в качестве критерия топографию реакций и раздражителей, вызывающих агрессию, выделяет следующие классы агрессивных действий:

- хищническая агрессия;
- агрессия, вызываемая раздражением (иначе он называет ее аффективной агрессией);
- территориальная агрессия;
- агрессия между самцами, вызванная страхом;
- материнская (родительская) агрессия;
- инструментальная агрессия.

К. Мойер считает, что каждая из них имеет различные физиологические субстраты[9].

Не трудно заметить, что большинство из этих видов агрессии имеет защитный характер, а инструментальная агрессия может играть роль адаптивного механизма незащитного типа (то есть не обязательно связанного с преодолением фрустрации). Виды агрессии можно классифицировать и по критериям психической защиты или незащитной адаптации.

Кроме того, следует выделить еще два критерия классификации агрессии: по признаку принадлежности агрессии виду и этносу. Тогда можно выделить:

1) внутривидовую и межвидовую разновидности агрессии;
2) внутриэтническую и межэтническую[10].

Для человека внутриэтническая и межэтническая разновидности агрессии входят в более широкий класс внутривидовой агрессии. Внутривидовая агрессия

вызывается различными причинами — агрессивным нападением другого, различными неприятными раздражителями, фрустрацией и стрессом, захватом и сохранением за собой определенной территории и т. п. Межвидовая агрессия бывает территориальной и инструментальной. В данной и последующих главах настоящей книги мы подробно рассмотрим большинство из названных видов и разновидностей агрессии.

3.3. Три вида агрессии по признаку мотива

По мотивам совершения агрессия может подразделяться на три вида:

1) агрессия как самоцель, или *эмоциональная агрессия*;
2) инструментальная, или *функциональная*, *агрессия*;
3) агрессия смешанного вида, а именно *эмоционально-инструментальная*.

В психологической литературе выделяются два первых вида агрессии, тогда как анализ эмпирических фактов не оставляет сомнения в том, что существует также третья — *смешанная*, или *комплексная*, разновидность агрессии.

Агрессия как самоцель, или эмоциональная агрессия

Агрессию в подлинном смысле слова, то есть с соответствующей внутренней мотивацией, подразделяют на два подвида или разновидности: *агрессия как самоцель* (или *враждебная агрессия*) и *инструментальная агрессия*. Здесь мы рассмотрим первую из них, а вторую обсудим в следующем разделе настоящего параграфа.

Существует вид агрессивного поведения, единственной целью которого является причинение ущерба другому человеку. Оно исходит из внутреннего эмоционального состояния гнева, враждебности, ненависти и других отрицательных чувств. Правда, эти чувства всегда связаны с познавательными «элементами» (с образом врага или жертвы, с рассуждениями и т. п.), но мотивация действий исходит в основном из названных эмоций. Поэтому данную разновидность агрессии называют эмоциональной (*Л. Берковиц*) или враждебной (*С. Фишбах*). Такая агрессия — самоцель, поскольку преследует одно — нанести вред другому человеку, группе или обществу и получить от этого удовольствие. Как мы увидим в дальнейшем, агрессивность данного типа присуща так называемым **садистам**. Для внешнего наблюдателя такое агрессивное поведение другого человека может показаться бесцельным, совершаемым просто так, а не ради достижения других целей. В таких случаях, по-видимому, какие-то внутренние гедонистические мотивы все же имеются, поскольку человек может получить удовольствие от своих агрессивных действий. К этому вопросу мы вернемся при обсуждении проблемы садизма.

Если человек отвечает на фрустрацию или другую неприятность гневом, то он нападает на другого не потому, что преследует какие-либо иные цели или выгоду, а лишь для разрядки своего гнева. Такие враждебные действия могут иметь даже для него вредные последствия: человек, предвидя их, тем не менее совершает агрессию, потому что к этому его побуждают импульсы враждебности и гнева. Подобные случаи очень четко отличаются от так называемой инструментальной агрессии, которая не является самоцелью: она служит другим целям.

Враждебная агрессия закрепляется в поведенческом репертуаре индивида, поскольку она дает ему **психологическое вознаграждение** в виде удовольствия или даже наслаждения. Когда люди испытывают хронические лишения, они могут приобрести устойчивую тенденцию подвергать нападению людей, поскольку от этого получают удовольствие. Только тогда, когда они получают отпор и страдают по причине своей агрессивности, они начинают воздерживаться от дальнейших агрессивных действий.

Выбор объекта враждебной агрессии. Обычно агрессор выбирает в качестве своих жертв слабых и беззащитных людей, лишенных способности давать ему отпор. Это женщины, дети, старики, бедные и бездомные люди, представители этнических меньшинств, дискредитируемых и дискриминируемых в данном обществе, и другие. Враждебная агрессия — это насилие в подлинном смысле слова, это насилие-самоцель. Такая агрессивность всегда имеет некоторый садистический налет.

Инструментальная агрессия

Инструментальной называют ту разновидность агрессивного поведения, которая служит другим целям, является инструментом в деле достижения этих внеагрессивных целей. Такими целями могут быть: необходимость защищать собственную жизнь или жизнь других людей; желание проявлять мужество, смелость и патриотизм; желание зарабатывать деньги и т. п. Очень убедительный пример — наемный убийца, киллер, который до совершения своего преступления никогда не имел контактов со своей жертвой, та ему совсем не причиняла фрустраций и неприятностей. Но киллер убивает таких людей ради вознаграждения. Ясно, что в таких случаях люди убивают других не для получения функционального удовольствия, какое переживают, например, при выполнении физических упражнений, а для того, чтобы приобрести деньги и материальные блага. Так, преступник убивает другого человека, чтобы украсть его имущество.

Мы только что утверждали, что киллер убивает ради внеагрессивных целей. Но сразу же возникает предположение, что со временем у киллеров может появиться желание убивать именно из-за «спортивного интереса», для получения садистического удовольствия. В подобном случае к инструментальности его агрессии добавляется компонент враждебности. Такие люди представляют большую опасность для общества. Точно так же государства и нации совершают агрессию с целью захвата земель и природных богатств, принадлежащих другим народам, облагают их налогами и т. д. История человечества — прошлая и современная — чрезвычайно богата подобными примерами. Захватнические войны — огромного масштаба агрессивные действия в основном инструментального характера одного этноса против другого, одного государства или коалиции государств против других государств или их коалиций.

Эта форма агрессии отмечается даже в супружеских отношениях, во взаимоотношениях родителей и детей, в поведении бандитских групп и т. п. Однако в других ситуациях эти же субъекты могут действовать, используя враждебную агрессию, агрессию как самоцель, как источник непосредственного удовольствия.

При совершении инструментальной агрессии, как мы считаем, у субъектов агрессии бывают **иерархии целей**, лишь в простейших случаях состоящие из одной главной неагрессивной цели и вторичной (или второстепенной) агрессивной цели. Но в таких случаях агрессивная цель вместе с агрессивным поведением служит для достижения главной цели, например богатства, статуса, восхищения людей и т. п.

При совершении инструментальной агрессии у субъектов агрессии бывают иерархии целей, лишь в простейших случаях состоящие из одной главной неагрессивной цели и вторичной (или второстепенной) агрессивной цели. Но в таких случаях агрессивная цель вместе с агрессивным поведением служит для достижения главной цели, например богатства, статуса, восхищения людей и т. п.

Совершая подлинную, враждебную агрессию, человек может одновременно стремиться и к какой-либо неагрессивной цели, например к укреплению своей власти. Вообще, в борьбе за власть между индивидами, группами и этносами агрессия обычно является не самоцелью и не источником получения наслаждения, а в основном средством достижения главной цели — захвата и укрепления собственной власти над другими людьми и народами.

Примером преимущественно инструментальной природы агрессии можно считать нападение НАТО на Югославию в 1999 году: руководители этого блока все время утверждали, что они не враги сербов и только хотят заставить руководителя этой страны С. Милошевича уважать право этнических албанцев и в целом демократизировать страну. При этом они своими бомбардировками разрушили страну и убили тысячи людей, что и сами не скрывают. Но нет сомнения, что сами военные, осуществляющие эту операцию, действовали с наслаждением: главнокомандующий силами НАТО американский генерал Лесли Кларк заявлял, что гордится тем, как ему удается уничтожать Югославию. И поэтому, повторяем, у руководителей НАТО в войне против Югославии имелась сложная иерархия мотивов, и в ней, быть может, и «главный» мотив — защита национальных меньшинств. В этом отношении большие сходства с югославскими событиями 1999 года имеют действия по «освобождению иракского народа», предпринятые США и их союзниками в 2003 году: разрушение страны, убийство мирных жителей, в том числе детей, и все это — под лозунгом освобождения иракского народа от тирании Саддама Хусейна. Конечно, при анализе подобных событий надо различать декларируемые мотивы от подлинных движущих сил государств, их армий и их лидеров.

Наличие сложной мотивации поведения видно во всех случаях социальной агрессии. Целый ряд психологов заметили эту особенность, например, в активности подростковых банд, которые, хотя и слоняются по улицам больших городов в поисках случая вытащить кошелек у ничего не подозревающего прохожего, завладеть бумажником или сорвать с жертвы дорогое украшение, все же иногда прибегают к насилию. Насилие может потребоваться и при совершении кражи — например, в тех случаях, когда жертва сопротивляется. Их агрессивные действия дополнительно могут мотивироваться ожидаемым восхищением ими со стороны приятелей[11].

Ясно, таким образом, что и здесь мотивация поведения сложная: она включает главные и второстепенные (дополнительные) цели. Поскольку члены банд явно получают наслаждение от своих действий, у них присутствует также элемент садизма, и порой их агрессия становится преимущественно враждебной или, как еще называют, злокачественной.

Смешанный (комплексный) вид агрессии

Чуть более подробно рассмотрим это явление, отмечая его дополнительные аспекты. Смешанным назовем тот вид агрессивного поведения, который имеет два или больше равносильных (примерно одинаково ценных для индивида) мотивов. Одна эмоциональная цель может сочетаться с некоторыми важными ин-

струментальными целями. Агрессия и ее внутрипсихические предпосылки в виде мотивов-целей в таких случаях составляют комплекс. Совершая агрессивное действие, человек одновременно выражает свой гнев и получает наслаждение, достигает каких-либо других целей. Например, если индивид P_1 ненавидит P_2 и одновременно знает, что, подвергая его агрессии, сможет занять его место в организации, то, совершая такие действия, он, по существу, достигает двух целей, которые для него одинаково важны.

Мы полагаем, что данная разновидность агрессии, вдвойне вознаграждая человека, имеет больше шансов закрепления в поведенческом репертуаре индивида, чем мономотивные действия. Большая часть более или менее сложных случаев агрессивных действий людей (вербально-двигательные и символические) принадлежит к смешанному типу. Если человек, совершая ряд агрессивных действий, одновременно получает как непосредственное функциональное наслаждение, так и удовольствие от достижения других целей (восхищения людей, высокого статуса, богатства и т. п.), то вполне понятно, что такие действия с большей вероятностью будут запоминаться, обладая высоким уровнем готовности для нового воспроизведения и использования, чем те агрессивные действия, с помощью которых люди преследуют более простые отдельные цели — только инструментальные или только эмоциональные.

Обычно действия агрессора исходят из актуальной, оперативной иерархии мотивов, в которой есть ведущий в данной ситуации мотив или ряд взаимосвязанных ведущих мотивов.

Фактически многие случаи так называемой враждебной (злонамеренной) агрессии при более пристальном рассмотрении оказываются полимотивированными: у них имеются и другие цели, но главная враждебная цель в такой степени доминирует в их иерархии целей, что эти вторичные цели порой не замечаются. Природу дополнительных целей можно выяснить только с помощью специального психологического анализа как поступков, так и вербальных показаний агрессора. Если, например, садист убивает человека главным образом для получения наслаждения, у него могут быть тем не менее и другие цели, например желание убедиться в своей способности доминировать над другими людьми. Это извращенный вариант стремления к власти. Другое дело, что сам агрессор не всегда осознает все мотивы своего агрессивного поведения. Но факт существования подсознательных мотивационных сил в психике человека в современной психологии доказан достаточно убедительно.

В том случае, когда рассматриваются эпизоды инструментальной агрессии, тоже надо иметь в виду, что обычно **действия агрессора исходят из актуальной, оперативной иерархии мотивов**, в которой есть ведущий в данной ситуации мотив или ряд взаимосвязанных ведущих мотивов. Мы называем эту иерархию актуальной или оперативной ввиду того, что у каждой зрелой личности существует относительно устойчивая иерархия мотивов, которую пытались раскрыть *Абрахам Маслоу* и другие специалисты, работающие в области психологии личности[12].

Мы уже говорили о том, что война является массовым видом агрессии. Не отвергая начисто предположение о роли агрессивных инстинктов в развязывании войн, все же следует согласиться с теми, кто считает ведущими мотивами войн социальную детерминацию. В качестве причин возникновения войн упоминаются страх за собственную жизнь, конформизм, скука и поиск романтики и, конечно,

экономические факторы. Отмечая данные факторы, *Э. Фромм* приводит количественные сведения о том, что чем дальше, тем больше войн вспыхивает в мире, унося все большее число человеческих жизней[13].

Приведем составленную им таблицу (табл. 1), которая завершается 1940 годом.

Таблица 1

Годы	**Число сражений**
1480–1499	9
1500–1599	87
1600–1699	239
1700–1799	781
1800–1899	651
1900–1940	892

Для сублимации своей агрессии и чувствуя потребность в самооправдании, политики пользуются рационализациями, подробное исследование которых уместно в труде, посвященном психологии власти и лидерства.

3.4. Два подвида эмоциональной агрессии (новая концепция)

Эмоциональная, или аффективная, агрессия, как мы видели, характеризуется тремя главными особенностями:

1) специфической целью: причинить ущерб и боль другому человеку;
2) специфической мотивацией: силой враждебности, ненавистью и гневом, подталкивающими человека на агрессивные действия вплоть до убийства;
3) временным параметром: эмоциональная агрессия может наступить сразу же после возникновения мотива и выбора цели (то есть импульсивно и несдержанно) или же с опозданием.

Исходя из последнего свойства как критерия, мы выделяем два подвида эмоциональной агрессии:

1) *непосредственная, импульсивная эмоциональная агрессия:* она выражается немедленно, бурно и во многом иррационально в том смысле, что человек не думает о последствиях своих действий, об их целесообразности, о том, заслужила ли жертва такого «наказания», и т. п. При этом внутренние запреты (ингибиторы) не активизируются;
2) *отсроченная враждебная* (эмоциональная) *агрессия:* у человека здесь активизируются внутренние механизмы запрета, и он откладывает свою агрессию, временно подавляет ее. Этому могут способствовать и внешние, социальные факторы (например, простое присутствие другого человека).

Но данный случай мы рассматриваем как фрустрацию агрессивного целенаправленного поведения. Это значит, что она должна повлечь за собой появление

у личности защитной мотивации. Само сдерживание, если считать его следствием подавления и вытеснения, уже есть защита против собственных внутренних импульсов. Но эта защита одновременно является фрустрацией и вызывает новую защитную мотивацию.

К каким еще последствиям приводит подавление и отсрочка эмоциональной, а заодно и инструментальной агрессии?

Отсрочка исполнения агрессивных действий не может не привести за собой внутренних изменений личности — в основном временных, а при продолжительном подавлении — также долгосрочных. Но для различных видов и подвидов агрессии эти последствия неодинаковы. Не трудно понять, что последствия подавления эмоциональной и инструментальной агрессии не могут быть одинаковыми: это ведь психологически очень разные явления. В порядке предварительной **гипотезы** можно сказать следующее:

а) подавление и отсрочка эмоциональной агрессии оказывают разрушительное влияние на здоровье человека (на сердце, сосудистую систему и т. п.), то есть могут иметь серьезные психосоматические последствия;

б) последствия отсрочки инструментальной агрессии другие: в этом случае психосоматические нарушения не так значительны, зато активизируются познавательные процессы потенциальных агрессоров.

Мы полагаем, что у них наиболее активны процессы предварительной когнитивной самозащиты. Очевидно, что эта концепция открывает пути для новых исследований человеческой агрессии.

3.5. Структура и динамика комплексной агрессии

Структура комплексной агрессии

Комплексная инструментально-враждебная агрессия имеет, как мы видели, сложный состав. Кроме сильного желания причинить ущерб своим жертвам (враждебная агрессивность), в ней присутствуют и другие цели: желание самоутверждения, усиления положительных компонентов своей «Я-концепции», утверждение собственных политических, моральных и других принципов и т. п. Психологи приводят примеры того, как даже дети, подвергая своих сверстников агрессии, объясняют свое поведение желанием заставить их вести себя правильно[14].

Когда в структуре комплексной агрессии начинает преобладать желание причинить вред, она приближается к «чистому» типу враждебной агрессии. Когда же в ней начинают преобладать иные цели, она приближается к «чистому» типу инструментальной агрессии. Это соотношение типов агрессии можно представить в виде простой схемы:

/--------------------------------------I--------------------------------------/

Враждебная агрессия — Комплексная агрессия — Инструмент. агрессия

Разумеется, существует множество промежуточных вариантов с преобладанием того или другого компонента.

Итак, по критерию преобладающего мотива мы выделяем три типа (или вида) агрессии: *враждебную, комплексную и инструментальную*. Между этими типами существуют промежуточные или переходные формы. А в целом, в каждом конкретном случае, вид агрессии следует определять по ведущему, преобладающему критерию. У взрослых людей «чистые» типы агрессии редко можно наблюдать.

И другие психологи приблизились к пониманию этого. Например, *Л. Берковиц* пишет о том, что «...многие агрессивные действия представляют собой смесь этих двух типов поведения, а не тот или иной отдельно»[15].

Но дальше этой констатации он не пошел и не занялся раскрытием внутренней структуры этой «смеси» и ее мотивов.

Динамика смешанной агрессии

Наблюдения показывают, что, когда человек совершает инструментальную агрессию, в самом ходе совершения насильственных действий он может перейти в состояние сильного возбуждения и переживать гнев. Начиная свои агрессивные действия, он, чтобы оправдывать их в своих собственных глазах, начинает приписывать жертве отрицательные черты и затем действовать так, как будто она является реальным носителем этих черт и мотивов.

Исходя из подобных наблюдений, мы здесь предложили точку зрения, согласно которой существует — кроме враждебной и инструментальной — еще и третий вид агрессии по критерию произвольности — непроизвольности, а именно: **комплексная враждебно-инструментальная агрессия**. Более того, мы даже предполагаем, что большинство реальных случаев агрессивного поведения людей по отношению к другим социальным объектам (индивидам и группам) представляет собой комплексную, смешанную агрессию. Мы считаем также, что существуют **процессы превращения инструментальной агрессии во враждебную** и **обратный процесс**, которые подлежат тщательному исследованию. Это уже совершенно новая проблема психологии агрессии и агрессивности человека: динамика превращения одного вида агрессии в другую представляет чрезвычайный интерес, поскольку проявления и последствия агрессивных действий, их воздействие на саму личность агрессора практически, то есть для понимания реальных поступков людей, самые важные. Статистическими категориями такие динамичные и сложные процессы невозможно объяснить.

Конкретизируя, можно сказать, что подлежат исследованию следующие процессы.

1. *Процесс перехода от враждебной агрессии к инструментальной и комплексной.* Необходимо выяснить, с помощью каких психологических механизмов и по каким закономерностям происходит такое преобразование. Следует учитывать также роль средовых воздействий. Мы предполагаем, что в этом процессе самое главное — *целеобразовательные процессы* и *сочинение рационализаций*, то есть защитные процессы. В этом случае *психологическая самозащита агрессора с помощью неагрессивных защитных механизмов осуществляется как предварительно* (до совершения агрессивных действий), *так и в самом процессе совершения агрессии и после него*. Психологическая подготовка инструментальной агрессии особенно богата процессами предварительной психологической самозащиты, в ходе которых используются проекция

и другие разновидности атрибуции, рационализации, регрессия, процессы и механизмы целеобразования и другие.

2. *Процесс перехода от инструментальной агрессии к враждебной и комплексной.* Аналогичные вопросы возникают и в этом случае. Но здесь, как мы считаем, процесс идет в сторону редукции и подавления дополнительных целей и превращения агрессии в чисто враждебную и самоцельную. Мы также полагаем, что в процессе осуществления враждебной агрессии психологическая самозащита с помощью неагрессивных защитных механизмов также отсутствует или протекает в крайне редуцированной форме. Но такая самозащита может бурно развертываться уже после совершения агрессии (нанесения телесного повреждения или убийства). Указанные выше — весьма существенные психологические различия, которые подлежат исследованию. Эти динамические процессы — самые интересные для психологии агрессивности и агрессии человека.

Какой вид агрессии вызывает фрустрация?

Итак, мы видели, что тремя главными видами агрессии являются *инструментальная, враждебная* (эмоциональная) и средний, *смешанный тип* человеческой агрессии.

В свете изложенных выше представлений зададимся следующими вопросами: *какой вид агрессии вызывают действующие на человека фрустраторы? Какая агрессия возникает у фрустрированного человека?*

Мы полагаем, что под воздействием фрустратора возникает враждебная агрессия, агрессия-самоцель, направленная на фрустратора. Социальные фрустраторы — индивиды или группы — часто сами являются агрессорами, поэтому возникающая у фрустрированной личности враждебная агрессия является ответом на их агрессию. Из судебной практики хорошо известно, что многие жертвы насилия сами провоцируют агрессора своими агрессивными действиями и становятся жертвами ответного насилия.

Но сразу же возникает следующий вопрос: *не может ли служить ответом на фрустрацию инструментальная агрессия?*

Представим себе следующий случай: индивид P_1 переживает фрустрацию и нуждается в деньгах. Он полон враждебности к своим фрустраторам, но бессилен что-либо изменить. Но вот ему предлагают стать наемным убийцей: ликвидировать P_2 и получить n-ю сумму денег. Он соглашается и, используя свою инструментальную агрессию, добивается цели, получает свои деньги и освобождается от первоначальной фрустрированности. Ясно, что агрессия, направленная на P_2, является преимущественно инструментальной. Правда, не исключается возможность *переноса* части своей первоначальной враждебной агрессии от своих первичных фрустраторов на P_2, который ни в чем не повинен. Такой перенос может иметь место на основе атрибуции P_2 определенных негативных черт и мотивов. Подобная предварительная дискредитация и дегуманизация создают психологическое оправдание для готовящихся агрессивных действий.

Это означает, что реальные случаи жизни несколько более сложны и различные виды агрессии сочетаются не только между собой, но и с другими защитно-адаптивными механизмами. Последнему вопросу мы посвящаем отдельную главу настоящей книги.

3.6. Ролевая агрессия и ее ситуативные изменения

Ролевая агрессия

В различных организациях, исполняя свои официальные роли, люди вынуждены подвергать агрессии своих сослуживцев и посетителей. Таковы, например, армия, полиция, органы государственного управления и другие. Поскольку социальные статусы и роли, как мы уже знаем, сопряжены друг с другом, агрессивные действия одного «актера» могут фрустрировать другого, совместно с ним выступающего на социальной сцене, вызывая его гнев и агрессивность.

Однако, если насильственные действия являются компонентами роли и ожидаемыми (сами собой разумеющимися или естественными), они могут и не фрустрировать ощутимым образом исполнителей сопряженных ролей.

Например, в военной организации вышестоящий командир может *на законном основании* препятствовать выдвижению младшего на более высокую должность. Такая фрустрация, если она считается легитимной, может и не вызвать ответных агрессивных действий, поскольку не считается несправедливой. Правда, подобные действия не всегда истолковываются именно таким образом теми, кто является объектом ролевой агрессии.

Итак, очевидно, что ролевая агрессия фрустрирует людей в значительно меньшей степени, чем неролевая («нелегитимная») и намеренная агрессия. Мы считаем также, что ролевая агрессия является важной и очень распространенной разновидностью инструментальной агрессии. Но и с ней, например, во взаимоотношениях руководителя и подчиненного, может смешиваться враждебная агрессия.

Агрессор, жертва и огнестрельное оружие

Мы уже показали, что в процессе конфликтного ролевого взаимодействия двух лиц, которое завершается насильственным преступлением (в том числе убийством), жертва тоже в большинстве случаев является агрессивной личностью и активно участвует в конфликте. На каждый агрессивный акт партнера она отвечает агрессией.

Но вот какое интересное открытие сделали психологи, озабоченные влиянием огнестрельного оружия на уровень убийств в обществе. В США, как известно, огнестрельное оружие доступно всем и покупается для самозащиты. Но используется ли это оружие только для такой цели?

Интересное исследование провел журнал «Тайм»: *«Взяв наугад одну из недель 1989 года, журнал обнаружил*, что в течение семи дней в Соединенных Штатах от огнестрельного оружия погибли 464 человека. Только в 3 % случаев смерть явилась результатом несчастного случая, и почти половина были самоубийствами. Короче говоря, когда огнестрельное оружие убивает кого-то, жертва намного чаще не имеет криминальных намерений, чем имеет»[16].

Если серьезно задуматься, то нельзя не прийти к выводу, что *огнестрельное оружие кардинально меняет ролевое взаимодействие агрессора и жертвы.*

В о - п е р в ы х , жертва, особенно если она не имела при себе оружия, оказывается в неравном положении и лишена возможности защищаться.

В о - в т о р ы х , убийства с применением огнестрельного оружия становятся еще более несправедливыми, поскольку, как отмечают исследователи, большинство жертв не имело криминальных намерений. Таким образом увеличивается

число невинных жертв, вследствие чего в обществе шире распространяется несправедливость. Храбрость и достоинство теряют свое значение и ценность: психологически недоразвитый криминальный тип может запросто убить достойного и полезного для общества человека.

Использование огнестрельного оружия во время разборок различных групп усиливает азарт участников конфликта и способствует увеличению числа жертв. Убивать стало легче и, по-видимому, интереснее. Особенно опасно использование полуавтоматического оружия, а также разрывных пуль, которые буквально крошат тела жертв на части. Стало много жертв среди детей, причем дети нередко убивают друг друга. Тысячи детей каждый день приносят в школу оружие.

3.7. Открытая, замаскированная и замещающая агрессия

Открытая агрессия

Открытыми формами агрессии *являются те, которые непосредственно доступны для внешнего, объективного наблюдения.* Так, мы видим, что дети дерутся и наносят друг другу удары. Это одновременно физическая и открытая агрессия. В подобных открытых формах агрессии, а также в мимике, пантомимике и жестах дерущихся людей открыто выражаются их агрессивность, враждебность, стремление нанести друг другу вред. Война между двумя государствами — тоже открытая, явная форма агрессии. Она часто даже объявляется.

На примитивном уровне открытая агрессия носит характер применения физической силы: *это удары, телесные контакты, кусание, физическое разрушение объекта, разделение его на части.* Как у детей, так и у многих взрослых, когда у них возникает аффективное состояние гнева и враждебности, часто можно наблюдать именно эти примитивные формы агрессивных действий.

Открытая агрессия всегда или почти всегда — грубая форма агрессии. Но открытая агрессия имеет и другие разновидности. Так, грубые формы агрессии могут выражаться в образах фантазий человека, в его письменных произведениях, например, в детских сочинениях. Возникновение данных форм — это уже первый важный шаг в сторону **сублимации агрессии**, о которой речь пойдет отдельно. Мы встречаем данную простейшую форму сублимации, то есть возвышения агрессии, также в народном творчестве, в произведениях искусства. Например, «Ад» Данте — это описание оргий ненависти, мести и других чувств, лежащих за агрессивными действиями людей. К этой категории агрессивного искусства относятся и современные кинобоевики.

Замещающая агрессия

Открытым формам агрессии можно противопоставить *замещающие* и *замаскированные формы агрессии*, у которых много подвидов и разновидностей. В данном и следующем разделах речь пойдет о замещающей агрессии.

Когда человек не способен прямо и открыто нападать на фрустрирующий его объект, он может менять направление вектора своей агрессии и выбирать для ее приложения другой объект. В таких случаях говорят, что первичный объект агрессии был заменен другим, а направленную на новый объект агрессию называют **замещающей**.

Феномен замещающей агрессии мы видим во многих ситуациях жизни. Говоря о фрустрации и агрессии, мы в реальной жизни видим, например, такие ситуации: когда отец семейства получает нагоняй от своего начальника, то свою злость, которая в нем непременно возникает, он нередко ***вымещает*** на членах своей семьи.

Получивший отказ фраер мстит другим девушкам, совершает поджоги и иные агрессивные действия. В последнем случае психоаналитики считают, что несчастный любовник совершает такие поступки под влиянием аналогии между любовью и огнем, жаром любви и жаром огня. Неужели у фраеров такая сложная психика? Или тут действует коллективное бессознательное?

Прямые агрессивные действия сдерживаются страхом, чувствами стыда и вины. Например, если родитель фрустрирует ребенка, у которого возникает агрессивность, он переживает чувство вины уже от одной мысли, что ненавидит отца или мать, что может нападать на них й т. п. У ребенка амбивалентное состояние: он и любит, и ненавидит родителя, — и его агрессия переносится на другие — нейтральные или ненавистные — объекты.

Часто выбираемыми объектами замещающей агрессии являются этнические и другие меньшинства или их отдельные члены. С этим явлением мы подробнее познакомимся при обсуждении вопроса о так называемых «козлах отпущения».

Замещение агрессии наблюдается не только у людей, но и у животных. Так, американский психолог *Нил Миллер* показал это явление у белых крыс. Животные были выдрессированы так, чтобы драться друг с другом. Получая электрические удары, они начинали драться. В таких случаях стоящая в углу клетки кукла игнорировалась. Однако когда крыса оставалась в клетке одна и получала электрический удар, особенно по мере усиления электрического тока, она уже нападала на куклу, то есть на совершенно невиновный в ее стрессе и фрустрации объект.

Американские социальные психологи давно заметили, что во времена экономических кризисов, когда люди переживают материальные лишения и всякие другие фрустрации, случаи линчевания негров и вообще агрессивных актов против них становятся более частыми.

Более того, уже только предвосхищение будущей фрустрации способно вызвать к жизни замещение агрессии. Так, предвидя экономические трудности, представители доминирующих социальных групп и этносов могут начинать преследования и вытеснение представителей национальных меньшинств, особенно тех из них, кто добивается успехов и богатства.

3.8. Словесная агрессия

С возникновением языка и речи в истории каждого народа начинается также история *словесной* (вербальной) *агрессии*. Эта разновидность агрессии получила большое развитие у всех народов. Здесь и в следующем параграфе мы рассмотрим некоторые из самых главных вопросов данного раздела теории агрессии, но следует иметь в виду, что о вербальной агрессии речь уже шла и будет идти фактически во всех главах настоящей книги.

Разновидности вербальной агрессии

Вербальная агрессия — *это агрессия, выраженная средствами языка.* Она подразделяется на несколько разновидностей в зависимости от того, по каким критериям мы пытаемся классифицировать различные ее проявления.

1. *По критерию цели* агрессора вербальная агрессия бывает следующих разновидностей:
   а) агрессия, целью которой является *обесценение личности* того человека, на которого направлена враждебность агрессора;
   б) целью агрессора может быть *оскорбление человека*, его *дискредитация*;
   в) наконец, целью агрессора может быть *выражение угрозы будущими физическими или другими формами наказания* жертвы.

   Во всех этих случаях имеет место *агрессивное взаимодействие* агрессора и его жертвы, которая, однако, в ходе этого взаимодействия также выражает враждебность и пытается превратить своего агрессора в жертву. Иногда их роли действительно меняются.

2. *По форме выражения* словесная агрессия бывает *прямой* и *косвенной.* Если P_1 оскорбил P_2, то есть применил к нему вербальную прямую агрессию, тогда P_2 может поступить одним из следующих способов:
   а) он может в лицо ответить P_2 оскорблением — это прямая вербальная агрессия;
   б) P_2 может распространить о P_1 порочащие его сведения. Его цель — опорочить его, нанести ему вред. Это уже непрямая (косвенная) вербальная агрессия. «Злобные замечания, враждебные шутки и злые сплетни — это все примеры косвенной агрессии, которая, вероятно, проистекает из подавляемой прямой агрессии»[17].

Здесь Берковицем высказана очень интересная идея: подавление и, возможно, также вытеснение прямой агрессии порождает косвенную и символическую разновидности этого явления. То, что говорит здесь данный автор, — это концептуализация эмпирически наблюдаемых фактов.

О структуре вербальной агрессии

Вербальная агрессия в психолингвистическом отношении — очень сложное явление. Она имеет свои разновидности, уровни интенсивности, в зависимости от которых и выбираются слова для характеристики объектов агрессии, и т. п. Все это подлежит исследованию. Необходимо осуществить психолингвистический анализ различных форм словесной агрессии, ее логическую и психологическую структуру. Здесь все эти вопросы невозможно рассмотреть. Поэтому мы выделяем ряд новых проблем в специфическом аспекте, а именно: какие существуют связи между словесной агрессией и другими защитными механизмами личности? Из этих проблем мы предлагаем рассмотреть следующие:

1) использование рационализаций в процессе формирования и выражения вербальной агрессии;
2) использование атрибуций, проекций и других защитных механизмов в процессе вербального агрессивного нападения или защиты.

Очень интересна проблема связи вербальной агрессии с психической регрессией личности;

3) представляет большой интерес проблема этнолингвистических различий вербальной агрессии и вопрос о том, каким образом эти различия связаны с этническим психическим складом и культурой отдельных народов.

Мы полагаем, что исследование различий вербальной агрессии может стать источником интересных сведений об этническом характере, ценностях и других блоках этнического психического склада.

Можно предположить, что, исследуя вербальные формы агрессии, особенно самые сложные и тонкие из них, мы обнаружим ряд защитно-адаптивных комплексов, которые частично уже изобретены и зафиксированы в языковой культуре народа, частично же создаются в процессе агрессивного взаимодействия людей. И, конечно, во всех этих случаях необходимо попытаться раскрыть *психологическую логику* речевых агрессивных процессов в отличие от тех правил формальной логики, которые тоже в них в определенной мере используются.

Желание смерти близкого человека

Обсудим один очень специфический вопрос с целью показать, каким образом представления о словесной агрессии можно использовать в других областях науки. В данном случае речь идет об одном интересном явлении из области *психологической танатологии.*

В реальной жизни часто наблюдается следующее явление: умирает близкий человек, он страдает и заставляет страдать других, своих родных людей. И у последних появляется тщательно скрываемое желание, чтобы больной скорее умер и избавил их от мучений. Но иногда это преступное желание как бы «поворачивается»: желают смерти родного человека не потому, что он им надоел, а потому, что это избавило бы самого умирающего от страданий. «Пусть душа его избавится от этих страданий», — говорят в таких случаях. На разных языках эта мысль выражается по-разному, и данный этнопсихологический аспект также представляет большой интерес. Но чаще всего в таких случаях подразумевается следующее: «Пусть умирает, чтобы мы избавились от него». Такая трансформация позволяет осуществить довольно удачную психологическую самозащиту, поскольку способствует вытеснению из сознания преступной, предосудительной мысли, морально неприемлемого желания. Она позволяет человеку выглядеть благородным в глазах окружающих: ведь он печется не о себе, а о другом, желая, чтобы он больше не страдал.

Данное явление хорошо осознано некоторыми писателями. *Л. Н. Толстой* в романе «Война и мир» описывает переживания княжны Марьи рядом с умирающим отцом[18].

Там данный мотив прослеживается достаточно четко.

Это один из самых болезненных конфликтов тех людей, у которых умирают близкие люди. Если уровень морального развития у человека высокий, он подавляет желание смерти родного человека и на уровне сознания у него остается желание, чтобы он жил и выздоровел. Но есть люди, которые, имея более низкий уровень нравственности и измученные уходом за больным, не скрывают своего желания. Это свое желание они лишь частично рационализируют и сублимируют, превращая в пожелание, чтобы умирающий избавился от своих страданий. Нередко же оно выражается открыто, агрессивно и вполне аморально.

Подробно разбирая такие случаи, можно выдвинуть для исследования новые вопросы как в теории агрессии, так и в психологической танатологии, которые в этом пункте тесно соприкасаются[19].

Вот два из них:

1) какое влияние оказывают такие конфликтные переживания на личность тех, кто остается жить;
2) какие изменения претерпевает их поведение и какие предвосхищения они делают относительно своей смерти в будущем?

3.9. От словесной агрессии к физической

То, что словесная агрессия фрустрирует людей, мы уже знаем. Общеизвестно также, что люди часто переходят от словесного агрессивного взаимодействия к физическому. Как это происходит, почему происходит и к каким результатам приводит? Все это и многое другое, относящееся к этой сфере социальной психологии, — интересная область для изучения. Уже проведен ряд исследований процесса перехода от вербальной агрессии к физической. Ниже мы рассмотрим их и предложим новые проблемы и идеи, которые, можно надеяться, позволят расширить область психологических исследований человеческой агрессивности.

Концепция Р. Фельсона

Вербальная провокация, то есть фрустрация, стресс и стресс-фрустрация, выражается в различных формах. Она может принимать формы оскорбления достоинства человека, несправедливой критики и т. п. Особенно больно ранят те словесные выпады, которые совершаются людьми, мнение которых жертва такой агрессии ценит высоко. Такие провокации вызывают мощные ответные действия: фрустрированные таким образом люди готовы подвергнуть агрессоров интенсивному нападению. Это продемонстрировано многими экспериментами[20], хотя повседневная жизнь тоже дает нам немало прямых доказательств.

Каким образом люди переходят от словесных угроз и оскорблений к применению физической агрессии?

Р. Фельсон, проанализировав полицейские сводки о насильственных преступлениях и проводя опросы, предложил нижеследующую схему перехода от словесного агрессивного взаимодействия (то есть конфликта) к физическому насилию[21].

Конфликт начинается с оскорбительных слов одной из сторон и доходит до фазы взаимной физической агрессии. Как видно из схемы, на всех этапах конфликт представляет собой агрессивное взаимодействие, хотя формы применяемых агрессивных действий меняются. Вербальный конфликт перерастает в физический.

Здесь важно отметить, что уже первый ответ Б на провокацию со стороны А является местью, и дальнейшее их взаимодействие можно интерпретировать как обмен целым рядом мстительных действий — словесных и физических. Другое обстоятельство: в ходе таких процессов агрессивность сторон все больше и больше усиливается, мотивируя все более интенсивные и разрушительные насильственные действия. Подобные конфликты нередко заканчиваются нанесением телесных повреждений и даже убийствами. Они возникают между индивидами, социальными и этническими группами, нациями и национальными государствами.

Новые проблемы

Ясно, что описанные *Р. Фельсоном* этапы или фазы конфликта двух лиц в процессе перерастания словесного конфликта в физическое столкновение в основном верны, но крайне схематичны. Можно предложить целый ряд вопросов, выяснение которых позволит обогатить эту схему и превратить ее в подспорье для решения более сложных теоретических и практических задач.

Следует подробно проанализировать психолингвистическую структуру агрессивных, оскорбительных и угрожающих высказываний и показать:

а) какие лингвистические и психолингвистические особенности имеют такие формы речи и каким образом совершаются переходы от высказывания одного участника к высказыванию другого? Каким образом структура и другие особенности высказывания одного (А) порождают или стимулируют рождение ответного высказывания другого (Б), каким образом взаимосвязаны эти высказывания структурно и функционально;

б) какова психо-логика агрессивных высказываний (как фрустраторов) в ходе взаимодействия;

в) какие защитные механизмы в процессе этих конфликтов используются и, что очень важно, почему они не обеспечивают психологическую самозащиту сторон так, чтобы не возникла необходимость перехода к физической драке? В каких случаях спор завершается мирно?

Исследование судебных дел о семейных ссорах, конфликтах в других социальных группах, на улицах, во время массовых мероприятий и т. п. даст обильный материал для исследования процесса перерастания словесной агрессии в физическую.

Эмпирически очевидно, что люди спорят, начинают ругать и оскорблять друг друга, переходя затем к обмену физическими ударами. Но сам процесс, его динамика, изменение мотивации агрессии в самом этом процессе, изменение образа противника, использование атрибуций и проекций (например, А говорит: «Ты дурак», а Б отвечает: «Ты сам дурак» или «От дурака слышу» и т. п.) и контратрибуций, в том числе проективных, — все это не исследовано. Например, каким образом в процесс агрессивных действий включается когнитивный субпроцесс дискредитации жертвы? Каким образом выбираются и используются стереотипы?

Точно так же можно задать себе вопрос: *каким образом происходит обратный переход от физической агрессии к словесной?* Это явление необходимо исследовать и тогда, когда оно имеет место между индивидами, и тогда, когда оно происходит между социальными и этническими группами. Враждебная политическая пропаганда в значительной мере является словесной агрессией, и она может быть этапом подготовки к совершению физического нападения. Данное явление нетрудно заметить перед каждой войной. Когда же прекращается физическая агрессия, начинается новый этап дискредитации жертвы с помощью речевых и других символических средств. Для сравнения: собака сначала лает, затем только кусается. Но после того, как кусается, продолжает лаять и характер лая меняется! Это уже задача для зоопсихологов.

Специфический случай: дуэль

Конкретизировать предложенные выше идеи можно лишь путем сбора и анализа новых эмпирических фактов, что нетрудно делать. Но здесь мы бы хотели обратить внимание на такой классический пример перехода от словесного конфликта и агрессии к физической, как дуэль, многократно и в различных вариантах описанный в исторической и особенно в художественной литературе. Дуэль может иметь вид рукопашного боя, борьбы, стрельбы из пистолетов, поединка кинжалами или шпагами и т. п. Но все это — последние этапы конфликта, этапы агрессивного физического взаимодействия.

Исследование всех этапов дуэли у разных народов, попыток примирения сторон, всего хода дуэли, разработанных канонов и т. п. — увлекательная тема для социального психолога, занимающегося проблемами агрессивности человека. Дуэль — случай *нормативно регулируемого* агрессивного взаимодействия.

Инвективы — средства агрессивного взаимодействия

Мы видели, что конфликт между двумя лицами (А и Б) обычно начинается с взаимных оскорблений и постепенно переходит к этапу физических действий. Взаимные словесные оскорбления у всех народов в значительной мере выражаются в виде ругательств, исследование которых в рамках психологии человеческой агрессивности становится актуальной задачей. До сих пор их исследованием занимались главным образом этнологи. Здесь, опираясь на этнологические исследования, мы рассмотрим ряд психологических аспектов этих любопытных форм словесного агрессивного творчества индивидов и народов. Какие существуют виды ругательств, какова их мотивация, какие функции они выполняют, какие существуют этнические различия в их структуре и психо-логике — вот лишь некоторые из тех вопросов, которые появляются в сознании психолога при первом же знакомстве с таким этнографическим материалом. Остановимся на некоторых из них.

1. **Ругательства** (инвективы) обладают главным свойством агрессивного поведения: они преследуют цель нанести вред человеку или группе в виде оскорбления, дискредитации, унижения достоинства. С помощью ругательств люди угрожают друг другу более строгим, обычно физическим, наказанием. Целью исследования этнологов является выделение разновидностей этих форм словесной агрессии, их мотивов и функций, техники исполнения и связей с другими психическими явлениями. Основная функция инвективов — оскорбление личности и ее дискредитация, понижение самооценки

объекта агрессии[22]. С позиции теории фрустрации инвектив — сильный фрустратор.

2. **Инвективы** (от лат. *invectiva* — бранная речь) *составляют определенную и заметную часть культуры каждого этноса, отражают как общечеловеческие темы, так и этнокультурные особенности народа.* Нет сомнения, что сравнительное психологическое исследование инвективов может способствовать развитию этнопсихологии, особенно теории этнической агрессии.
3. Необходимо исследовать связь инвективов с другими психическими явлениями, в частности — с защитными механизмами. Специальной задачей является исследование связей инвективов с остроумием, поскольку многие ругательства нешаблонны, нередко они являются результатом творческих процессов отдельных индивидов. Часть инвективов содержит элементы остроумия и юмора и высказывается в виде шуток. Агрессивные, оскорбительные шутки — весьма распространенное явление.
4. С помощью ругательств очень часто характеризуют и оскорбляют тех (приписывая им соответствующие качества), кто совсем не соответствует этим оскорбительным характеристикам. Когда индивид А таким образом нападает на Б, обзывая его словами «паразит», «сволочь» и т. п., то и А, и Б обычно очень хорошо знают, что эти характеристики совсем не соответствуют действительности. Тем не менее А получает удовлетворение от их употребления, а Б оскорбляется. Например, А называет Б, мужчину, проституткой, что при логичном подходе не что иное, как бессмыслица, но Б все-таки оскорбляется. Здесь мы видим, что в ругательствах очень часто присутствуют различные формы *атрибуций*, которые еще предстоит исследовать. Мы предполагаем, что в дальнейшем можно будет предложить новую классификацию инвективов на основе следующего критерия: какие виды атрибуций в них применяются — каузальные, установочные, атрибуции черт, самоатрибуции, проективные атрибуции и т. п. Могут приписываться также определенные действия, которые объект агрессии на самом деле не совершал. Атрибуция действий и поступков (оклеветать, возвести поклеп) — широко распространенное явление. Например, при ревности человек приписывает другому такие действия (прелюбодеяние), которые тот, возможно, и не совершил.
5. Использование индивидом А инвективов для оскорбления Б или вовлечения его в беду обычно приводит к их агрессивному взаимодействию: Б отвечает словесной агрессией, на что А отвечает новым оскорблением и т. п. В результате может наступить фаза физического агрессивного взаимодействия. Но в целом использование инвективов откладывает переход к физической агрессии, заменяет физические действия, а иногда предотвращает их употребление. Существует даже точка зрения, согласно которой «чем больше в национальной культуре инвективных — или учтивых — формул, тем очевиднее стремление данного общества справиться с антиобщественными тенденциями»[23].

Однако этому можно и возразить: дело в том, что учтивость — механизм подавления агрессии, тогда как инвектива — словесная агрессия. Разница между ними колоссальная.

6. Агрессивное взаимодействие с обменом инвективов может быть одним из аспектов ролевого взаимодействия двух индивидов в диадах типа «офицер — солдат», «надзиратель — заключенный», «начальник — подчиненный» и т. п. При ролевых отношениях обе обмениваются инвективами, но при неравных статусах использование инвективов может носить односторонний характер. Не эту ли истину выражает одно из самых реалистичных изречений русского народа: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак»? Оно «сгущенно» выражает идею примитивного авторитаризма, исследованием которого много лет занимаются психологи. Время от времени полезно опираться на народную мудрость.

Проблема инвективов как форм словесной агрессии, иногда являющихся этапом на пути к физической агрессии, очень широка, имеет целый ряд этнопсихологических аспектов, осуществляется с использованием стереотипов. Но мы здесь ограничимся вышеизложенным.

3.10. Свободно плавающий гнев

В результате многократных фрустраций некоторые индивиды накапливают в своей психике обобщенную злость, хронический гнев, которые уже не направлены только на один определенный объект. Такого человека уже не удовлетворяет только один «козел отпущения». Его свободно плавающий гнев таков, что даже нейтральные ситуации, объекты и люди воспринимаются им как враждебные. Поэтому объектами его агрессии, его жертвами могут стать совершенно случайные люди, совсем не имеющие отношения к его фрустрациям.

Агрессивные реакции человека с таким сильным зарядом враждебности не соизмеримы с силой воздействующих на него раздражителей: его реакции сверхсильны, чрезмерны. Некоторые из этих людей так агрессивны ко всем, с кем встречаются, что для них установление дружеских отношений с кем-либо — дело невозможное.

Для такого человека «козлом отпущения» может стать каждый встречный. Если человек систематически на слабые фрустраторы отвечает сверхсильной агрессией и не пользуется другими защитными и адаптивными механизмами, то это можно считать диагностическим признаком того, что у него есть свободно плавающий гнев.

У людей с хроническим свободно плавающим гневом наблюдаются взрывы слепой ярости. Это весьма опасное аффективное состояние, в котором человек может совершить преступления. Неистовствуя, такой человек может совершить даже убийство.

Разновидностью свободно плавающего гнева, по-видимому, можно считать **патологическую агрессию** определенной части психически больных людей, которые хладнокровно выбирают своих жертв и наносят им вред вплоть до убийства. Такая агрессия, конечно же, отличается от агрессии хищника, который действует по биологической необходимости, и от агрессии соперников по борьбе за важные ценности. Патологическая агрессия — агрессия абсолютно вредная, злокачественная, как сказал бы *Эрих Фромм*.

Начало накопления агрессивности у таких людей следует искать в раннем детстве, в тех фрустрациях, которым они подвергались в первую очередь со стороны

своих родителей. Реагируя агрессивно на первые фрустрации, дети приобретают такую агрессивную установку, которая превращается в предпочтительную форму самозащиты развивающейся личности. Затем недоверие, страх и агрессия обобщаются и распространяются на всех взрослых людей с более или менее высоким статусом, которые воспринимаются в качестве угнетателей, врагов.

У разных индивидов уровень свободно плавающего гнева или общей агрессивности различен и зависит как от наследственных факторов, так и от характера фрустраций, их силы и длительности, от того, кто был основным фрустратором человека, в какой среде он вырос. Чем враждебнее среда, в которой вырос человек, тем выше уровень его агрессивности. Так, в криминальных группах, в субкультуре которых агрессивное поведение превалирует и считается естественным, где индивидуальный или групповой эгоизм считается самой правильной установкой, растут весьма агрессивные дети и подростки.

Впечатляет описание поведения и внешнего вида таких подростков в книге «Архипелаг ГУЛАГ» *А. И. Солженицына*. В сталинских купе политзаключенных возили вместе с уголовниками, и это было настоящим мучением для первых, даже хуже, чем допросы в КГБ. «Глаза выколю, падло!» — вот вся их философия и вера, замечает автор. Как только политзаключенный оказывается в вагоне, начинается его устрашение, унижение и оскорбление. И это отчасти делается руками подростков.

> «Посланником харь спускается вниз кто-то, чаще всего плюгавенький малолетка, чья развязность и наглость омерзительнее втройне, и этот бесенок развязывает твой мешок и лезет в твои карманы — не обыскивая, а как в свои! С этой минуты ничто твое — уже не твое, и сам ты — только гуттаперчевая болванка, на которую напялены лишние вещи, но вещи можно снять. Ни этому маленькому злому хорьку, ни тем харям наверху нельзя ничего объяснить словами, ни отказать, ни запретить, ни выпроситься! Они — не люди, это объяснилось тебе в одну минуту. Можно только — бить! Не ожидая, не тратя времени на шевеление языка — бить! — или этого ребенка, или тех крупных тварей наверху.
>
> Но снизу вверх тех трех — ты как ударишь! А ребенка, хоть он и гадкий хорек, как будто тоже бить нельзя? Можно только оттолкнуть мягенько?.. Но и оттолкнуть нельзя, потому что он тебе сейчас откусит нос, или сверху тебе сейчас проломят голову...»[24].

Затем *А. И. Солженицын* очень образно описывает ту беспомощность и запуганность, в которой оказывались политзаключенные в среде уголовников. Патологическая агрессивность и свободно плавающий гнев здесь *сочетаются с хищнической агрессией*, и это свидетельствует о том, что агрессивное поведение человека в каждом конкретном случае не состоит только из одного вида агрессии: оно — сочетание разных видов и имеет сложную мотивацию.

Хотя социализация имеет огромное значение в формировании сверхагрессивной личности, есть факты, свидетельствующие о том, что в некоторых случаях сверхагрессивность обусловлена патологией мозга.

Свободно плавающий гнев — один из симптомов некоторых психических болезней[25].

Исследование истории болезни таких индивидов может предоставить в наше распоряжение ценные данные для дальнейшего развития теории фрустрации и человеческой агрессивности.

3.11. Хищническая агрессия

Общая характеристика

Этологи, в частности *К. Лоренц*, исследующие поведение животных, полагают, что нейрофизиологические механизмы защитной и хищнической агрессии различны[26].

С этологической точки зрения мотивация драчуна отличается от мотивации хищника. Хищническая агрессия имеет своей целью обеспечение себя пищей и поэтому не сопровождается враждебностью и злостью в той степени, в какой это свойственно защитной агрессии (когда индивид вынужден защищать себя и своих детенышей). Хищническая агрессия, по существу, есть разновидность инструментальной агрессии. Это «атака путем тихого подкрадывания». Она не сопровождается сильной активацией симпатической нервной системы хищника, и животное не переживает ярость. Правда, то, как этологи описывают ход охоты хищников, например львов, показывает, что в решающие моменты нападения и умерщвления жертвы ярость хищников достигает высокой интенсивности.

Здесь важно и то, что хищническая агрессия, безусловно, носит врожденный характер. Это хорошо показано на примере поведения львов и львиц. Агрессивность им дана от рождения, но они учатся агрессивным действиям, способам нападения и умерщвления жертвы, например антилопы, наблюдая за действиями взрослых особей (родителей) во время охоты. Уже двухлетние львы — хорошие охотники[27].

Хищническая агрессия молодых животных развивается под влиянием наблюдения за хищническим поведением взрослых особей, хотя эта разновидность агрессии является врожденной и развивается самопроизвольно. Атакующий хищник нацелен на летальный исход, то есть на убийство жертвы, поэтому стремится поразить важные жизненные центры ее организма. Такая агрессия часто встречается в процессе соперничества между видами, в процессе так называемого конкурентного поведения.

Знание различий между названными двумя видами агрессии — защитной и хищнической — важно для психологии человека, поскольку человек филогенетически не является хищником и физиологические механизмы его агрессии не могут быть полностью идентичными с механизмами хищнической агрессии. На это обратил внимание, в частности, *Э. Фромм*[28].

Зубы современного человека — это зубы вегетарианца, а не хищника. Они плохо приспособлены для съедения мяса, тем более сырого. Не является хищнической также вся пищеварительная система человека. Правда, создание оружия меняет ситуацию и человек как бы получает в свои руки те технические возможности, которые могли бы превратить его в хищника.

О структуре хищнической агрессии

Хищнику свойственно убивать своих жертв, даже когда он уже сыт и не может использовать их мясо. Типичным примером является волк, который может умертвить целую дюжину баранов и несколько коров и не дотрагиваться до их мяса.

Хотя хищническая агрессия возникла, по-видимому, как биологически целесообразная форма поведения и служила сохранению вида, она, по нашему мнению, избыточна настолько, что очень часто становится самоцелью. Животное-хищник, по-видимому, получает удовольствие от убийства: своеобразный животный садизм.

Иначе говоря, хищническая агрессия является смесью инструментального и враждебного видов агрессии.

Поскольку главным предметом исследования в данной книге является агрессивность человека, мы бы хотели сформулировать здесь следующий вопрос: *есть ли хищническая агрессия у человека?* Прав ли *Эрих Фромм?* Вопрос этот можно обсуждать в двух аспектах или, если угодно, на двух уровнях:

а) на уровне индивидуальных случаев, которые иногда доходят до патологического выражения и подсказывают нам, что проблема хищнической агрессии у человека реальна и требует тщательного изучения;

б) на уровне групп и особенно этносов.

Нетрудно показать, что *этносы-хищники* существовали и существуют до сих пор. В дальнейшем мы попытаемся разобрать случаи, принадлежащие каждому из этих уровней.

О филогенетических предпосылках хищнической агрессии

Одним из путей раскрытия филогенетических предпосылок хищнической агрессии является анализ охотничьей деятельности как древних, так и современных людей, что, мы уверены, покажет, что *человек был хищником* и, по-видимому, остается им. Предчеловек был беспощадным хищником, и психологическая возможность для такой активности открылась перед ним благодаря тому, что более низких человекоподобных и других обезьян он считал не родственниками, а объектами добычи и съедения.

Р. Дарт описал австралопитеков и их поведение. На основе его данных *Н. А. Тих* пришла к следующему предположению: *у предгоминидов тенденция к особому, материнскому отношению к детенышам других видов исчезла.* А это создавало необходимые психологические предпосылки охоты и поедания не только низших обезьян, но, возможно, и себе подобных[29].

Это означает, что предчеловек потерял очень важное свойство — способность к сопереживанию и формированию совести. Данные высшие психические свойства в лучшем случае стали узкоизбирательными, направленными только на своих детенышей или на детенышей других представителей своего вида. Не является ли следствием данного далекого метаморфоза сохранение у некоторых этносов только внутриэтнической эмпатии?

Компромиссная реакция (хищник и жертва)

Поскольку существуют хищники, должны быть и жертвы: это сопряженные роли как в природе, так и в человеческом обществе. Хищники и их жертвы в ходе эволюции активно взаимодействуют, способствуя взаимному совершенствованию.

То, что об этом пишет известный этолог, представляет безусловный интерес и для психологии человека:

«По-своему несовершенны способы защиты животных от хищников и формы поведения, обеспечивающие “мир” между разными видами. В царстве животных нет существ, которые обладали бы вполне безупречными способами защиты. По мере того, как жертва улучшает способы защиты, хищник совершенствует методы нападения. Креветка скрывается от врагов, зарываясь в песок, но каракатица и здесь способна

поймать ее, ловко разбрасывая песчинки. Человек всячески изменяет естественные условия обитания животных, и те в силу медленного хода эволюции уже не успевают приспосабливаться к столь быстрым переменам...»[30].

Человек, следовательно, более опасный хищник для животного мира, чем остальные хищники.

Является ли воровство хищнической агрессией?

Воровство является антисоциальной формой поведения. Оно часто наблюдается в поведенческом репертуаре сверхагрессивных людей. Явные агрессивные действия таких людей (нанесение ударов, оскорбление словом и т. п.) часто сопровождаются другими антисоциальными действиями, в том числе воровством.

Но является ли само воровство агрессией?

Хотя оно — дело более сложное, чем простые формы физической агрессии, все же представляет собой агрессию, направленную против других людей. *Мотив воровства* — причинить вред другим и получить от этого пользу. Хотя агрессивная мотивация является лишь одной из тех, которые входят в комплекс конвергирующих мотивов воровских действий, она в нем может быть одним их ведущих движущих сил.

Мы считаем воровство распространенной формой инструментальной агрессии. Большинство воров, унося то, что им нужно, не подвергают физической агрессии людей и не уничтожают имущество своих жертв. Но инструментальная агрессия воров может сочетаться с враждебной агрессией, когда они встречают сопротивление.

Отсюда можно сделать вывод, что если в данном этническом сообществе воровство широко распространено, то это общество с большой вероятностью отличается повышенной агрессивностью. То же самое относится и к другим социальным группам.

Итак, *воровство является агрессивным видом поведения.* В нем ясно видна цель нанесения ущерба другому человеку, социальной организации и обществу в целом.

Но является ли оно разновидностью хищнической агрессии?

Мы придем к положительному ответу на данный вопрос, если сумеем показать, что воры берут чужого добра не строго столько, сколько им нужно для удовлетворения актуальной потребности, а значительно больше. Жадность вора — признак его хищничества. Если он ворует не ради удовлетворения крайней нужды, а делает это с азартом, образно говоря, ради спортивного интереса, тогда можно сказать, что воровство является хищничеством. Другим критерием, по нашему мнению, может служить следующий: если вор прекращает свою воровскую деятельность после того, как получает все необходимые для нормальной жизни средства, тогда он по характеру не хищник или, во всяком случае, хищничество в нем слабо выражено.

Если в данном этническом сообществе воровство широко распространено, то это общество с большой вероятностью отличается повышенной агрессивностью.

Ясно, что существование профессиональных воров, которые даже после приобретения значительного богатства продолжают свою преступную деятельность, позволяет заключить, что воровство во многих случаях является хищнической агрессией.

Чтобы продолжить и углубить анализ этого явления, следует задаться вопросом: *для чего воруют люди начиная иногда с детских лет?*

Мотивов воровства несколько. Но вдобавок к тому, что уже сказано, следует иметь в виду, что воровство взрослого человека является способом и выражением *агрессивного самоутверждения*. Вор, кроме того, завидует тем, кто обладает такими ценностями, которых у него нет. Ну и зависть тоже содержит в себе сильную дозу агрессивности.

Для развития психологической концепции воровства как разновидности хищнической агрессии следует подвергнуть анализу различные виды и конкретные случаи воровства, в том числе плагиата в литературе, науке и других областях творческой деятельности человека. Воровство следует рассматривать как нарушение права другого на собственность и как нарушение принципа справедливости.

Конкретные случаи хищнической агрессии относятся к самым различным сферам жизни. Нижеследующий пример мы берем из еженедельника «Аргументы и факты», где в одном из номеров описывается хищник-людоед, действовавший в Санкт-Петербурге в 1988 году. Двадцатитрехлетний Эдик Шемяков убил 18 девушек и съел их мясо. Приведем только один отрывок из этой статьи: «Согласно выводу психиатров, Эдик “двинулся” от компьютера. Он ночи напролет сидел перед тускло мерцающим монитором и с наслаждением путешествовал по любимым порнографическим сайтам.

Виртуальные созерцания обнаженных красоток привели к прогрессирующей импотенции. Нормальная половая жизнь становилась для Шемякова все более недоступной. И его постоянно начало охватывать бешенство по отношению к женщинам. Об этом свидетельствует дневник людоеда, попавший в руки оперативников.

В конце концов его ненависть достигла такого апогея, что он был готов не просто убивать девушек и насиловать трупы, но и съедать плоть невинных жертв»[31].

Случай, конечно, более сложный, чем просто хищничество: здесь и некрофилия, и садизм, и хищничество, и все это в сочетании с достаточно развитым интеллектом.

3.12. Мстительная агрессия

Одной из самых распространенных форм агрессии является *месть*, или *мстительная агрессия*. Месть — неизменный спутник человечества с незапамятных времен, поэтому в обобщающей работе о человеческой агрессивности о некоторых аспектах мести следует говорить непременно.

Общая характеристика

Месть *является ответом на агрессию*. Но очень часто невозможно отомстить самому врагу, то есть фрустратору. Если обидчик — член определенной социальной группы (семейства, клана, этноса и т. п.), то в качестве отмщения могут убивать других членов этой группы, иногда даже первого встречного. Он тоже, по существу невинный человек, считается врагом, так как является представителем того социального микромира, которому принадлежит обидчик. Эта точка зрения была преобладающей до появления современных государств, то есть до наступления высших уровней нациогенеза.

Присутствие, а тем более преобладание такого менталитета означает, что *враждебность и агрессивность, как социальные установки, стали* **обобщенными** и *переносились на всех членов социальной группы* — рода и даже племени. Теперь уже все их члены враги. Очевидно, что в результате такого обобщения, из-за так называемой

кровной мести, пострадали многие невинные люди. Это явление и в наши дни наблюдается во времена этнических конфликтов, религиозных и гражданских войн.

Этническая месть отличается значительной устойчивостью: желание отомстить враждебному этносу иногда сохраняется веками.

Самые кровавые доказательства этого иррационального с точки зрения обычной формальной логики механизма мы видим при рассмотрении событий последних десятилетий XX века в Азербайджане: акты геноцида против армян в Сумгаите, Баку и других городах и селах этой страны.

Крайние формы принимала мстительная агрессия в терроре, организованном исламскими фундаменталистами в Алжире в 1990-е годы: здесь из-за политических и религиозных амбиций буквально истребляли мирное население. Ведя борьбу за власть против правительства, исламисты уничтожают целые семейства, жителей целых селений, в том числе беззащитных детей, женщин и стариков. Эта дикая форма политического террора нашла свое высшее выражение в террористических действиях талибов и их вдохновителей в разных частях света, в том числе в США.

Социальные революции в значительной степени являются выражением мстительности тех, кто долго терпел лишения и эксплуатацию.

На примере Великой французской революции, а также Октябрьской революции в России можно показать, что как в идеологии, так и в действиях революционеров ведущее место занимает мотив мести, хотя он нередко и довольно умело рационализируется и маскируется. Хотя Ленин говорил, что месть недопустима даже по отношению к классовому врагу, большевистский террор, безусловно, был мотивирован, в числе других, и мотивом мести. Не всегда удается маскировать мстительность. Например, в одной из известных революционных песен прямо говорится, что революционеры собираются разрушить старый мир и построить новый. Здесь представляет интерес еще один аспект мести: она, сочетаясь с талантом поэта и музыканта, может стимулировать создание ценных произведений искусства. Было бы интересно знать, какие произведения искусства и науки в мировом масштабе созданы людьми, движимыми мотивом мести.

Психология реванша. После войны у потерпевшей поражение стороны возникает желание реванша (от франц. *revanche* — отплата, возмездие). Это разновидность мстительной агрессивности, повторная борьба, начатая побежденной стороной с целью взять верх над прежним победителем. Отметим ряд аспектов проблемы реванша и реваншизма как определенной политической ориентации правящей группы или даже отдельной личности.

В первую очередь, возникает вопрос: являются ли желание и попытки реванша всегда справедливыми? Мы полагаем, что ответ должен быть отрицательным, и предлагаем различать первые две разновидности реванша: справедливый и несправедливый.

Примером *несправедливого реванша* может служить желание немцев после поражения в Первой мировой войне взять реванш за поражение и перенесенные унижения. Они, немцы, по-видимому, не учитывали того обстоятельства, что эту мировую войну, по существу, начинали они сами и совершили страшные преступления против всех народов, вовлеченных в кровавый конфликт. Они несут также огромную ответственность за геноцид армян в Турции: они официально и эффективно поддерживали уничтожение турками армянского народа[32].

Удивительно, что реваншистские настроения в Германии сохранились даже после Второй мировой войны, которую тоже начала она, на этот раз совершив преступления еще более грандиозного масштаба. Надо полагать, что *норма справедливости* все же в последние десятилетия постепенно доходит до сознания этого народа, поскольку немцы официально признали холокост и даже платили компенсацию еврейскому народу. Поражения сверхагрессивных этносов, по-видимому, способствуют психическому созреванию не только индивидов, но и социальных и этнических групп, целых наций и народов. Так ли это — покажет история.

Устойчивость мстительной агрессивности

Жажда мести, однажды возникнув и не получив удовлетворения, может долго сохраняться у человека, иногда явно и осознанно, нередко же — латентно, в «подспудном» состоянии.

Это явление хорошо описывает *Л. Н. Толстой* в третьем томе романа «Война и мир» на примере переживаний князя Андрея. «Не найдя Курагина в Турции, князь Андрей не считал необходимым скакать за ним опять в Россию; но при всем том он знал, что, сколько бы ни прошло времени, он не мог, встретив Курагина, несмотря на все презрение, которое он имел к нему, несмотря на все доказательства, которые он делал себе, что ему не стоит унижаться до столкновения с ним, он знал, что, встретив его, он не мог не вызвать его, как не мог голодный человек не броситься на пищу. И это сознание того, что оскорбление еще не вымещено, что злоба не излита, а лежит на сердце, отравляло то искусственное спокойствие, которое в виде озабоченно-хлопотливой и несколько честолюбивой и тщеславной деятельности устроил себе князь Андрей в Турции»[33].

Как нетрудно видеть, Андрей делает даже попытку сублимировать часть своей агрессии, но она все равно долго и упорно сохраняется у него. И относительно сублимации *Л. Н. Толстой* делает весьма реалистическое замечание: став адъютантом у Кутузова, князь Андрей работает так активно, что вызывает его недовольство: «Кутузов, которому уже надоел Болконский своей деятельностью, служившей ему упреком в праздности, весьма охотно отпустил его и дал ему поручение к Барклаю де Толли»[34].

Здесь намечается еще одна характерная черта сублимационной активности[35]: ее некоторая излишность, неприятная для окружающих чрезмерность, поскольку социальное сравнение дает сведения не в их пользу. Люди подсознательно чувствуют, что человек почему-то «перестарается».

Это явление заметно и в поведении тех этносов, которые в прошлом совершали крупнейшие преступления против человечества, а теперь стараются показать себя с лучшей стороны, в качестве гуманных демократов.

Обобщение мстительной агрессии

Во время одного эксперимента, проведенного американским психологом *Ричардом Себастьяном*, обнаружен интересный эффект, позволяющий, по-видимому, сделать еще один шаг в понимании механизмов формирования агрессивных людей.

Во время этого эксперимента изучались реакции фрустрированных людей на страдания их мучителей. Некоторых испытуемых мужчин вначале помощник экспериментатора фрустрировал, после чего им предоставили возможность поквитаться с ним. Испытуемые получили сведения о том, что сумели причинить вред своему мучителю (фрустратору). Чем большего вреда они ему причинили, тем более сильную радость переживали эти мстители.

Но самые интересные результаты были получены на следующий день, когда испытуемых просили наказать другого человека за его неправильные ответы. «Чем больше испытуемые радовались накануне возможности отомстить своему обидчику — помощнику экспериментатора, тем сильнее они наказывали невиновного человека»[36].

Чем чаще фрустрируется человек и чем чаще ему удается отомстить своим мучителям, тем агрессивнее он становится.

Успешная месть усиливает общую агрессивность человека и генерализирует, обобщает ее (в смысле ее переноса на таких людей, которые к его фрустрациям не имели никакого отношения). При направлении агрессии на невиновного человека уже нельзя говорить о мести. Это уже общая агрессивность человека, его динамичный, «свободно плавающий гнев», который нашел новый объект для своего приложения.

Отсюда возможно сделать следующий вывод: *чем чаще фрустрируется человек и чем чаще ему удается отомстить своим мучителям, тем агрессивнее он становится*. Успешное отмщение — один из путей формирования агрессивной личности.

Для продолжения разработки этой темы необходимо исследование следующего вопроса: *какими атрибуциями пользуются мстители для того, чтобы обосновывать или оправдывать свой выбор невинного человека в качестве мишени своей агрессии?*

Кровная месть и сущность мстительности

Кровная месть — историческое явление, в психологическом же аспекте она — разновидность замещения агрессии, то есть ее вымещения на безвинных жертвах. Ее специфика заключается в том, что здесь агрессия ограничена рамками родового сообщества или племени. Психологически это понятно, но не оправдано. Она во многих случаях вопиюще несправедлива, хотя следует иметь в виду различия в понимании справедливости в различных этнических сообществах и культурах. Серьезный шаг в сторону установления более справедливой мести был сделан в Ветхом Завете в виде формулы: «Око за око, зуб за зуб». В годы советской власти, когда спецслужбы государства и их многочисленные осведомители то и дело «раскрывали» врагов народа и готовившиеся ими «заговоры», было официально провозглашено, что дети не отвечают за преступления своих отцов. Но этот принцип почти не соблюдали на практике, ссылая тысячи семей в Сибирь, где они, чаще всего дети, погибали от холода и голода[37].

Когда нет в ситуации прямого виновника, то в качестве объекта агрессии выбирают любого человека. Но для этого агрессор должен выполнить определенную познавательную работу. В его психике создается воображаемая основа агрессии. Иначе говоря, готовясь отомстить, человек широко пользуется механизмами атрибуции и проекции, в его воображении создается образ злого фрустратора — реального или потенциального, и лишь после этого совершаются агрессивные действия. Подобные явления наблюдаются и в повседневной жизни, и в сфере идеологической и политической борьбы, и во времена межэтнических конфликтов. Самая мирная нация может стать объектом агрессии в результате подобных психологических «обоснований».

3.13. Фрустрация мстительной агрессии и ее последствия (новая концепция)

Проблема Каждый человек, фрустрируясь кем-либо, хотел бы дать ему отпор, то есть ответить обидчику равноценной или даже более интенсивной агрессией. Поскольку воображаемая и символическая замещающая агрессия не дает полноценного удовлетворения и в лучшем случае приводит к катарсису лишь частично, у фрустрированного человека долгое время, иногда на всю жизнь, остается желание отомстить.

Мстительная агрессивная установка требует выхода и удовлетворения. Она знает свою цель, поэтому, если ее удовлетворение невозможно, человек переживает все новые фрустрации и стрессовые состояния. Назовем эти фрустрации *вторичными* в том смысле, что они являются следствием неудовлетворительной психической защиты после первой или первичной фрустрации.

Имея в виду важность и широкое распространение этого явления как у индивидов, так и у социальных и этнических групп, рассмотрим некоторые психологические последствия вторичной фрустрации мстительной агрессии. Это, в первую очередь, выделение двух типов разочарования: *разочарование как следствие внешней фрустрации* и *разочарование как следствие вторичной внутренней фрустрации*.

Разочарование как следствие внешней фрустрации Одним из главных психологических последствий фрустрации мстительной цели является разочарование и чувство потери человеком целенаправленности своего жизненного процесса и контроля над ним. Разочарование — это крушение веры во что-либо или в кого-либо. Это переживание несбывшихся надежд. Ясно, что разочарование как сложное когнитивно-эмоциональное переживание является важным следствием фрустрации и включается в ее характеристику как ее аспект.

Но разочарование человека может наступить в результате воздействия как внешних, так и внутренних фрустраторов.

Когда внешние силы — люди, социальные условия, нормы поведения и т. п. — препятствуют выражению мстительной агрессии по отношению к подлинному фрустратору, у человека наступает разочарование во внешних силах, в общественном порядке и в людях.

Эту разновидность разочарования в какой-то мере можно было наблюдать и в экспериментальных ситуациях: испытуемого фрустрируют и доводят до крайнего состояния раздражения, но не разрешают отвечать на воздействия фрустраторов (на провокационные действия помощников экспериментатора). На втором этапе эксперимента, организованного по методу Басса, им разрешают наказывать «провинившегося» участника эксперимента, играющего роль ученика: эти люди выражают более высокий уровень агрессивности, чем члены контрольной группы, которые на первом этапе не были фрустрированы[38].

Что же показывают эти эксперименты? Какие чувства в нас вызывают? Откровенно говоря — некоторое разочарование их авторами, а также *Л. Берковицем*, который

не описывает и не истолковывает их как следует. Но констатируется следующее: **в результате воздействия внешних фрустраторов возникает разочарование, сочетаемое с повышенной агрессивностью**. По-видимому, чувство разочарования особенно интенсивно тогда, когда фрустрация вызывает у личности чувство оскорбленности, а она еще не сумела дать адекватный ответ из-за наличия внешних препятствий. Разочарование в сочетании с повышенной агрессивностью — вот итог такой вторичной фрустрации.

Разочарование как следствие вторичной внутренней фрустрации

От реализации желания отомстить обидчику человека могут удержать не только внешние обстоятельства, но и собственные внутренние тормозные силы (ингибиторы) — моральные принципы и нормы, страх перед возмездием или возможность «потерять лицо», а также целый ряд других внутрипсихических факторов, принимающих вид более или менее организованных аргументов. В таких случаях говорят, что человек **сам не позволяет себе делать** то, что очень желательно для него.

Ясно, что перед нами классический случай внутреннего конфликта, одна из его разновидностей, описанных еще *К. Левином*. Это конфликт между желанием отомстить и желанием быть человеком, соответствующим своим идеалам или каким-то ожиданиям референтных лиц или групп. Известно, что в процесс такого конфликта активно вовлекается «Я-концепция» личности, в частности, такие ее подструктуры, как реальный и идеальный «Я-образы».

Мы полагаем, что разочарование, возникающее у человека в результате внутренней фрустрации мстительной цели, наряду со сходством, будет иметь и важные психологические отличия от разочарования, последующего за фрустрацией цели отмщения внешними фрустраторами. Одно из них, как мы думаем, это **самообвинение**. Поскольку вторичная фрустрация наступила вследствие самоограничения личности, в том, что не сумел дать адекватный ответ обидчику, человек будет обвинять в первую очередь самого себя.

Но поскольку такое психическое состояние мучительно и само требует психологической самозащиты, мы думаем, что у разочарованного таким образом человека должна активизироваться та группа защитных механизмов (рационализация, проекция и другие), которая преимущественно используется против внутренних фрустраторов. Известно, что две группы защитных механизмов, предназначенных соответственно для защиты от внешних и внутренних фрустраторов, попыталась выделить еще *Анна Фрейд*[39].

Мы согласны с *Л. Берковицем* в том, что если у человека подавляются агрессивные желания, то независимо от того, ограничивается ли его агрессия внешними или внутренними препятствиями, наступает разочарование[40].

Но мы не согласны с ним в том, что в обоих случаях одинаково сильно побуждение нападать на других людей. Он, по-видимому, не учитывает два обстоятельства:

1) эти два случая разочарования психологически различны: первый есть главным образом разочарование во внешних силах и людях (и только в более слабой степени — в себе), а второй — разочарование главным образом в самом

себе (и лишь в более слабой степени — во внешних обстоятельствах); мы думаем также, что эти два вида разочарования тесно связаны с такими характерологическими комплексами человека, как *внешний* и *внутренний локус контроля*: но этот вопрос мы еще не успели в должной мере исследовать;

2) в первом случае, в результате подавления мстительной агрессии, то есть под влиянием вторичной фрустрации, включается работа одной группы неагрессивных защитных механизмов (обвинения в адрес внешних сил и попытки их дискредитации и т. п.), а во втором случае — группы механизмов, предназначенных для защиты против внутренних фрустраторов[41].

В каждом из этих случаев активизируются и, следовательно, должны исследоваться различные комплексы защитных механизмов. Поэтому рассмотрение только лишь «судьбы» агрессивных тенденций — узкий подход, способный привести к искаженным представлениям.

Фрустрация цели катарсиса и психические расстройства

В настоящей книге мы уже показали, что лишь подлинная месть облегчает психофизиологическую напряженность (стресс) личности и приводит к ослаблению его агрессивных тенденций, то есть мотивации новых агрессивных действий. Говоря более простыми словами, если фрустрированному человеку удается отомстить своему обидчику, он успокаивается. Чем адекватнее месть, тем полнее это успокоение, то есть катарсис — очищение психики от злости и агрессивных тенденций.

Поэтому, несколько изменив аспект рассмотрения проблемы, можно сказать, что, когда внешние обстоятельства или внутрипсихические факторы препятствуют осуществлению мстительной цели, они фрустрируют человека, его стремление к катарсису. В то же время блокаду других форм агрессии мы не считаем фрустрацией катартических тенденций человека, поскольку, как мы уже знаем, многие агрессивные действия еще более усиливают агрессивные установки и желания человека.

Что нам дает такой подход?

Мы думаем, что он предоставляет нам несколько более адекватное понимание того, почему блокада активизированного агрессивного побуждения (особенно если эта блокада длительная) приводит к патологическим последствиям. Стремление к катарсису, по нашему мнению, является для человека мотивом более экзистенциального характера, чем стремление к реализации своих агрессивных тенденций. Катарсис имеет место не только в результате разрядки агрессивности: он связан со всей сферой эмоциональной жизни человека. Он является более общим и фундаментальным стремлением.

Поэтому мы считаем, что, препятствуя катарсису в частном случае, блокировав мстительную агрессию, мы препятствуем реализации более фундаментальной ценности и мотива человека, вследствие чего у него возникает состояние **экзистенциальной фрустрации**. Недаром кровная месть была так широко распространена в мире и в какой-то мере сохраняется до сих пор, даже в среде народов с высокой культурой.

3.14. Просоциальная и антисоциальная агрессия

Социальная и молчаливая агрессия

Хотя было бы логично считать *социальной* любую форму агрессии, направленную на социальные объекты — индивидов, группы, этносы, общество в целом и его ценности, — однако есть другое понимание этого термина, которое тоже надо учесть. Ряд исследователей считает социальной такую агрессию, которая демонстрируется перед людьми, характеризуется «демонстративными вспышками ярости»[42].

Эту разновидность можно было бы назвать просто *демонстративной агрессией*.

Противоположным типом считается *молчаливая* агрессия, и в качестве ее примера приводится то, как хищник молча подкрадывается к своей жертве. Эту же разновидность можно было бы назвать просто *скрываемой агрессией*. Более того, исследователь *П. Марлер* считает, что социальная и молчаливая агрессия имеют различные мозговые механизмы, их проявление обеспечивается различными отделами мозга[43].

Мы полагаем, что в первом случае работает левое полушарие с его речевыми центрами, во втором — молчаливом — только или преимущественно правое полушарие. Правда, во втором случае нельзя исключить участие в подготовке и планировании агрессивных действий людей *внутренней речи*, а следовательно — и левого, доминантного полушария с речевыми центрами.

Просоциальная и антисоциальная агрессия

Просоциальными являются те агрессивные действия, которые совершаются людьми во имя интересов общества. Такую агрессию совершают люди, защищая свои законные права или применяя законы к преступникам, защищая от них жизнь и имущество законопослушных, лояльных граждан. Очевидными случаями просоциальной агрессии являются те, которые совершаются для защиты родины, ее свободы и независимости.

Антисоциальными являются те агрессивные действия, которые направлены на других индивидов и социальные группы и причиняют вред как этим людям, так и обществу в целом. Личность, совершающая такие действия, обычно исходит из эгоистической мотивации. Своими действиями она наносит прямой или косвенный вред обществу.

Как показали исследования *Р. Сирса*, те индивиды, в поведении которых превалирует просоциальная агрессия, имеют также более высокий уровень направленной на собственную личность, то есть *инвертированной агрессивности*. У тех же, кто преимущественно агрессивен антисоциально, наблюдается низкий уровень самоагрессии.

У каждой личности как просоциальная, так и антисоциальная агрессивность и их баланс в течение многих лет остается устойчивым. У одного индивида преобладает первая разновидность агрессии, у другого — вторая. Однако, по мнению ряда психоаналитиков, в основе обеих разновидностей агрессии лежит одна и та же агрессивная энергия, которая способна преобразовываться и принимать различные формы.

Указанная закономерность — *устойчивость баланса* различных видов агрессии — очень интересное психологическое явление! Но *как она формируется, под воздействием каких факторов появляется в психике личности? Каким образом эта*

закономерность связана с типом личности, в частности — с авторитаризмом и демократизмом как с типами человеческого характера?

Мы предлагаем следующую **гипотезу**: *у авторитарных людей преобладает один тип баланса этих видов агрессии, у демократов — другой. Является ли авторитарная личность преимущественно просоциально агрессивной, а демократ — антисоциально агрессивной или наоборот?* Как подобное предположение согласуется с эмпирическими результатами исследования авторитаризма калифорнийской группы *Т. Адорно* и других, а также с новейшими результатами *Б. Альтмейера?*[44]

Это очень серьезные проблемы и подлежат специальному исследованию в рамках проблематики психологии лидерства и власти.

3.15. Скрытые формы агрессии и символизм

Скрытая или замаскированная агрессия

Скрытыми или замаскированными считаются те формы агрессии, для которых характерна следующая общая особенность: их направление неясно как для самого агрессора, так и для части людей, неискушенных в тонкостях психической жизни своего вида. Эта разновидность агрессии часто встречается у детей, но не только у них.

Одним из вариантов скрытой агрессии является вручение человеку неприятного подарка. В подобных случаях подарок выступает в роли символа скрытой агрессии. Получатель подарка должен уметь расшифровать его смысл, то есть должен интерпретировать этот символ. До сих пор враждующие между собой полководцы и политические деятели обмениваются неприятными подарками, символизирующими скрытую угрозу. Но мы приведем очень древний пример.

Когда персидский царь Дарий предпринял поход на страну скифов, чтобы наказать их за прежние преступления, из-за особенностей их страны и тактики ведения войны он оказался в затруднительном положении. Вот как об этом рассказывает Геродот: «Скифские цари, проведав об этом (что Дарий оказался в затруднительном положении. — *А. Н.*), отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему (в знак покорности) землю и воду, так как-де мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами, лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа (по быстроте) на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий... Он объяснил смысл даров так: "Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами"[45]. Правильным оказалось второе толкование, и Дарий отдал приказ своим войскам об отступлении».

Символическая агрессия

Символическая агрессия отличается тем, что в ней скрывается цель-объект, а в определенной мере также мотив. Иногда возникает вопрос: почему используются символические формы агрессии, когда и так ясно, что тот, кто посылает эти символы, враг. Тот же самый вопрос

у нас иногда возникает при истолковании символов сновидений: хотя и бывают очень трудные случаи и многие символы остаются непонятными, но мы встречаемся также с немалым числом случаев, когда символизируемое значение понятно и в бодрствующей жизни выражается открыто. Как на сознательном, так и на подсознательном уровнях идет символическая игра, и она удовлетворяет каким-то потребностям людей. Иначе осталось бы непонятным, почему скифы выразили свое враждебное отношение к персам не открыто (что само собой понятно, ведь они враги), а с помощью символических даров.

Почему во все времена и среди всех народов повторяются сходные ситуации, повторяются и те реакции, которыми люди отвечают на подобные ситуации. Эти вопросы законны и в отношении символических агрессивных действий: они в разных местах земного шара появлялись на самых различных этапах истории. Приведем примеры.

Египтяне в течение долгих веков вели упорные войны в Финикии, Палестине и Сирии, стремясь овладеть природными ресурсами этих стран, в частности — медными рудниками Синайского полуострова. Здесь жили племена, которые считались постоянными врагами Египта. Вот что пишет об этом историк: «На это указывают особые "тексты поношения иноземцев", сохранившиеся на черепцах времени Среднего Царства. Очевидно, имена враждебных фараону людей и названия вражеских племен писали на особых горшках, а потом совершали обряд разламывания этих сосудов с целью магического уничтожения врагов царя»[46].

Это подлинная символизация агрессии, и она встречается до сих пор. Она очень похожа на ритуалы древних охотников, которые перед тем, как отправиться на охоту на зверя (например, мамонта), организовывали ритуальную охоту-игру с символическим убиванием образа зверя.

Совсем недавно, в 1999 году, в Армении коммунисты, в знак протеста против агрессии НАТО в Югославии, изготовили чучело президента США Билла Клинтона и хотели поджечь его перед посольством этой страны в Ереване. Но спецслужбы предотвратили это символическое убийство, благодаря чему Б. Клинтон сумел довести свое президентство до конца срока.

Противоположной скрытой агрессией называют такую, в явном выражении которой сама агрессивная тенденция тоже скрывается. Агрессия в явном поведении человека представлена своей противоположностью. Иначе говоря, мы здесь имеем дело с частным выражением механизма формирования противоположной реакции. В общем виде мы рассматриваем данный механизм как преобразование определенной социальной установки личности в свою противоположность[47].

В частных же случаях он выражается как преобразование агрессивности в любезность и «любовь», любви — в ненависть и т. п. Этим путем подлинная установка индивида, его настоящее отношение к объекту и чувства скрываются от окружающих, но в первую очередь от себя и от объекта агрессии.

Однако данная форма агрессии нередко образуется у матерей, поведение которых отличается *сверхпротекционизмом*: такая мать полностью посвящает себя ребенку, уходу за ним, устанавливает полный контроль над его поведением, диктуя ему все его действия и т. п., и во всем этом для постороннего наблюдателя видна

агрессивность, что часто и соответствует действительности. Первичная агрессивность к нежелательному ребенку, маскируясь под заботой и любовью, приводит к тому, что женщина отрывается от социальной жизни и остается дома, у нее возникают теперь более частые конфликты с мужем, усиливаются общее недовольство и агрессивность. Теперь уже эта вторичная агрессивность также направляется на детей, и ее сверхпротекционизм еще больше усиливается.

Считается, что очень часто ребенок является нежелательным для тех матерей (по-видимому, психически не совсем зрелых), которые хотели бы монопольно пользоваться любовью и вниманием своих мужей. Когда появляется ребенок, муж делит любовь между ним и женой, поэтому такая мать начинает воспринимать ребенка в качестве соперника, ревнует к нему.

Поскольку сверхпротекционизм насыщен первичной и вторичной агрессивностью, у такой матери возникает тенденция избавиться от ребенка. Она при удобном случае отвергает его. Мораль общества и идеальный «Я-образ» такой женщины не позволяют ей явно и свободно выражать свою враждебность к ребенку, поэтому чаще всего гипертрофируются социально приемлемые формы материнства. Таким образом, скрытая враждебная тенденция до поры до времени подавляется. У личности развиваются такие установки и формы поведения, которые противоположны вытесненным и подавленным установкам и желаниям. Агрессивность маскируется, и поведение матери остается в рамках социализированных и конвенциональных, взаимно согласованных норм.

Очевидно, что подобные процессы могут иметь место и в социальных взаимоотношениях других людей: отца с детьми, начальника с подчиненными, которых он вынужден терпеть, и т. п. Во всех тех случаях, когда мы встречаемся с чрезмерными формами социально приемлемого, санкционированного поведения (чрезмерное почтение к авторитетам, внимание, забота, покорность, крайнее дружелюбие, морализм и т. п.), мы начинаем подозревать о присутствии неискренности, что у человека имеется иная мотивация, диаметрально противоположные влечения и установки. Ясно, что наличие крайних форм установок и поведения могут служить диагностическим целям.

3.16. Пассивные формы агрессии

Пассивными называют те формы агрессии, которые не направлены прямо на объект, не нацелены на его прямое разрушение и выражаются в других видах активности. Это нередко также косвенные формы агрессии. Они используются большей частью женщинами и не совсем осознанно.

Например, недовольная своим мужем женщина может организовывать вечера, чаепития, приглашать гостей для беседы и т. п., и все это — как бы ради мужа и семьи. При этом она пренебрегает детьми, к которым тоже, по-видимому, питает враждебность, конечно, полусознательную.

Трудности в установлении новых знакомств и сужение круга друзей также может быть истолковано как выражение подсознательной пассивной агрессивности и протеста.

Агрессивность часто выражается в различных формах **компенсаторной деятельности** — в спорте, политике и других областях. Но не всегда фрустрации приводят

к таким активным формам деятельности, в которых находит выражение и разряжается агрессивность человека.

Например, фрустрированные женщины пользуются самой изощренной техникой выражения агрессивности: это презрение, пренебрежение, упреки, недоверие, критика, высмеивание, вмешательство в любимые занятия и привычные действия человека, к которому питают агрессивность. Для выражения своей агрессивности фрустрированные женщины могут играть роль жертвы и мученицы, активно создавая у детей впечатление, будто являются жертвами подозрений и жестокости мужа, их отца. Такая женщина делает все, чтобы муж разочаровался в своих больших и малых ожиданиях. Она проявляет медлительность, непредусмотрительность, расточительство и т. п. Конечно, являясь преимущественно механизмами поведения фрустрированных женщин, они нередко используются многими фрустрированными мужьями тоже.

На такие действия жены муж тоже отвечает агрессивностью и, если остается верен своему супружескому долгу, по причине своей пассивности не расторгает брак, то часто начинает поиски любви вне семьи. Те же мужья, которые не находят такого выхода, направляют значительную часть своей агрессивности на самих себя. Вследствие такой *инверсии* у них развиваются неврозы и психозы.

Если в результате такой патологизации мужа и жены у обоих появляются чувства вины, раскаяния и материнской заботы, то больной муж может эксплуатировать свою болезнь и жену. Все это может случиться и с женщиной. Поскольку женщины социально менее активны, то у них развиваются такие компенсаторные действия, как уход за детьми. Как отмечают некоторые психоаналитики, любовь, предназначенная для потенциальных любовников, переносится на детей. Такая любовь к детям обычно бывает амбивалентной: она сочетается со скрытой или скрываемой ненавистью. У таких матерей любовь бывает собственнической и зависимой, а это всегда обуза для объектов любви. Эти дети, то и дело фрустрируясь, формируются как агрессивные личности.

3.17. Другие разновидности агрессии

Нарциссическая агрессия

Агрессивность человека может сочетаться с сильным нарциссизмом, являющимся источником насильственных действий. **Нарцисс** — *это влюбленный в себя человек.* Он легко фрустрируется и более агрессивен, чем другие люди. Он легкораним, низок порог его толерантности (терпимости) к фрустраторам, особенно к тем, которые направлены на его самооценку, оскорбляют его самолюбие. Любая критика вызывает сильные агрессивные реакции таких людей. Агрессия нарцисса имеет характер психологической защиты, но порой защиты наступательной.

Согласно теории *Зигмунда Фрейда*, каждый ребенок в начале своего жизненного пути является нарциссом. Это *первичный нарциссизм.* В дальнейшем его либидо постепенно перемещается на внешние объекты и он в значительной мере освобождается от нарциссизма. Но в специфических условиях, в частности при некоторых психических заболеваниях, человек вновь может направить свое либидо, свою любовь от внешних объектов на себя и приобрести так называемый *вторичный нарциссизм.* Например, при шизофрении больные обладают сильным вторичным

нарциссизмом. Но и психически вполне нормальные люди, не говоря уже о невротиках, обладают некоторым нарциссизмом[48].

Таким образом, *при нарциссизме чувство любви человека инвертировано*. И оказывается, что в этих условиях человек становится весьма чувствительным к фрустраторам и повышенно агрессивным. Можно сформулировать *следующую проблему*: а что же происходит с человеком, когда у него одновременно инвертирована и агрессивность? Могут ли сочетаться инверсия агрессивности и инверсия любви и к формированию какого типа личности эти процессы приводят? Требуются новые исследования.

Эрих Фромм расширил психоаналитическую теорию нарциссизма. Он считал нарциссами всех тех, для кого единственно реальными и ценными являются собственное тело, собственная личность с ее потребностями, чувствами и мыслями, только своя собственность. Все остальное для такого человека нереально, неинтересно и не представляет никакой ценности. И когда такого человека, у которого реальные достижения могут отсутствовать, критикуют, у него возникает сильная враждебность и он готов совершить агрессивные действия. Он злопамятен и старается наказывать тех, кто его критиковал. Нарцисс всегда субъективен[49].

Эрих Фромм различает индивидуальный и групповой нарциссизм[50].

В группе людей этого типа нарциссизм отдельного индивида получает возможность свободного выражения и принимает характер восхваления группы, ее достижений, идеалов и других ценностей. Если самовосхваление человека выглядит как странность и даже как психическое нездоровье, то восхваление своей социальной или этнической группы, родины, семьи или религии считается вполне нормальным явлением. Когда чужаки критикуют такую нарциссическую группу, она в лице ее наиболее нарциссических членов отвечает интенсивной агрессивностью. Нет сомнения, что концепция группового нарциссизма помогает лучше понять истоки межэтнических конфликтов и стремление представителей некоторых этносов и наций обязательно установить свой контроль над другими этносами и нациями, создавая империи разных калибров.

Нарциссическая агрессия, как мы уже показали в первой главе настоящей книги, свойственна также многим политическим лидерам. Эта проблема обсуждается в трудах по политической психологии.

Самоутверждающая агрессия

Данная разновидность агрессии возникает в связи с сексуальным поведением, со спортом, охотой, деятельностью костоправа и хирурга, с мореходством и другими занятиями. Она заметна во всех тех случаях, когда человек ставит перед собой цель и упорно идет к ней, преодолевая преграды и невзирая на ожидаемые все новые и новые трудности.

Если у человека сильна самоутверждающая агрессия, которая проявляется в продуктивных формах деятельности, то обычно у него уровень общей враждебности (свободно плавающего гнева) и деструктивности бывает низким. Это свидетельствует о том, что названные разновидности агрессии взаимосвязаны глубокими внутрипсихическими связями, которые не осознаются человеком.

Садист же — человек, который в полезных делах является импотентом и не в состоянии вызвать к себе симпатию людей. Именно поэтому такие люди стремятся к неограниченной власти.

Уровень развития самоутверждающей агрессии, согласно *Э. Фромму*, который впервые развил психологические аспекты этой концепции, имеет очень важное значение для всей структуры характера личности. У стыдливого и заторможенного человека эта разновидность агрессии плохо развита. Наблюдения показывают, что больше всего индивидов со слабо развитой самоутверждающей агрессией формируется в условиях авторитарного правления. Демократические порядки, открывая широкие возможности для реализации индивидуальных планов и способностей, создают благоприятные условия для развития этой, можно сказать, творческой разновидности человеческой агрессивности.

Конформистская агрессия (от псевдоагрессии к настоящей агрессии)

Речь идет о тех агрессивных действиях человека, которые совершаются без соответствующей внутренней агрессивной мотивации, без враждебных установок к объекту. Есть много случаев, когда люди, не питая никакой враждебности к человеку или группе, совершают агрессивные действия, так как считают это своим долгом. Везде, где мы наблюдаем конформизм, замечаем также соответствующие ему агрессивность и вредоносные действия. Примеров очень много. Приведем два типичных обобщенных случая.

В трудовом коллективе появляется человек с самостоятельным мышлением, который в определенных важных вопросах не согласен с руководителем и с его приближенными. Он ведет себя неконформно и вызывает к себе агрессивное отношение руководителя. Последний со своими сателлитами может совершить ряд агрессивных действий по отношению к этому человеку, который не считает нужным приспосабливаться. Его несправедливо критикуют, издеваются над его идеями и даже внешностью и поведением в присутствии посторонних, всячески унижают. Другие члены группы, хотя внутренне не одобряют все это и соласны с мнением независимой личности, являясь конформистами, все же объединяются вокруг руководителя и участвуют в травле достойного человека. Они совершают агрессивные действия только из-за своей конформности, без враждебных чувств и в основном в присутствии своего босса. Их конформизм, в свою очередь, обусловлен страхом перед возможными потерями, изоляцией, агрессией руководителя.

Другой типичный пример: многие солдаты, участвуя в войнах, убивают противников не всегда потому, что ненавидят их — людей, которых лично не знают, а только потому, что это их солдатский долг перед родиной, командирами и товарищами. Недаром, как только создаются условия, наблюдаются случаи братания воинов противоборствующих сторон. Но это происходит тогда, когда межэтническая ненависть отсутствует или носит умеренный характер.

Групповая солидарность, основанная на конформизме, нередко является психологической основой агрессивных действий. Во многих случаях эти действия разрушительны. Тем не менее они являются псевдоагрессией, поскольку за ними нет враждебных мотивов.

Вполне естественно, что возникает проблема: не может ли конформистская агрессия в конце концов создать внутренний мотив для самой себя, то есть не может ли псевдоагрессия преобразоваться и стать настоящей агрессией? Мы считаем, что такое вполне возможно и происходит достаточно часто. В этом опасность вовлечения людей в агрессивные мероприятия и в группы с агрессивными планами. Совершая конформистскую агрессию, человек начинает искать для своих действий оправдывающие ар-

гументы. Он может с этой целью проецировать на свою жертву отрицательные, враждебные и даже животные черты, тем самым вызывая в себе ненависть, и уже следующие свои агрессивные действия совершить с внутренней враждебной мотивацией. Псевдоагрессия превращается в настоящую агрессию. Мы помним, что такому же преобразованию нередко подвергается инструментальная агрессия. Дальнейшее исследование этого интересного явления возможно с привлечением теории когнитивного диссонанса, о которой читатель, без сомнения, уже имеет некоторое представление.

Агрессия для защиты вытеснения

Известно, что одним из фундаментальных защитных механизмов личности, используемых против фрустраторов и вызываемой ими тревожности, является **вытеснение**, очень подробно исследованное *Зигмундом* и *Анной Фрейд* и их последователями. Вытесняя в подсознание неприятные впечатления, мысли и желания, человек, преимущественно неосознанно (защитные процессы в основном протекают неосознанно и спонтанно), обеспечивает для себя хотя бы временный психологический комфорт. И если кто-либо покушается на приобретенный с таким трудом и энергетическими затратами комфорт, то вполне естественно ожидать, что личность будет отвечать новыми защитными процессами. А поскольку одной из часто используемых защитных механизмов является агрессия, то именно она и направляется против новых фрустраторов.

Однако психическая защита с помощью агрессии в различных случаях происходит по-разному и для достижения специфических целей. Одной из интересных форм защитной агрессии является именно та, которую описал *Э. Фромм*, назвав ее *агрессией, связанной с угрозой вытеснения*. Речь идет о том, что люди с помощью вытеснения забывают о своих неприятностях и, как уже сказано, обеспечивают себе психологический комфорт.

И вот, будь то в обычных разговорах или во время лечебного сеанса, как только мы пытаемся открыть глаза человека на его вытесненные мотивы и намерения, он переживает к нам сильную враждебность и отвечает агрессивными выпадами. В различных ситуациях жизни данная форма агрессии выражается по-разному.

1. *З. Фрейд* и другие психоаналитики заметили интересное явление: во время психоаналитического сеанса, когда врач, вызывая свободные ассоциации пациента, приближается (и приближает пациента) к его скрытым комплексам, то есть к раскрытию и осознанию реальности о себе, пациент оказывает ему **сопротивление**. Оно часто выражается весьма и весьма агрессивно. Вытеснив свои фрустрации и комплексы, человек создал для себя иллюзорный, но все же приятный комфорт, а врач хочет лишить его этого состояния. Поэтому врач становится объектом агрессии пациента. В этом процессе действует также так называемый механизм **трансфера**, то есть перенесения агрессивности от первичных фрустраторов (какими могли быть родители или другие авторитеты) на психоаналитика. Но об этом в психоаналитической литературе написано так много, что излишне здесь пространно обсуждать данный вопрос еще раз.
2. Коммунистические лидеры СССР не могли терпеть правду о себе и о том режиме, которому служили всю жизнь. Они наказывали тех правдолюбов-диссидентов, которые имели смелость говорить вслух горькую правду. Причем наказание нередко было самым беспощадным, садистическим и несправедливым.

Достаточно вспомнить о **репрессиях**, которые начались в 1920-е годы и кончились совсем недавно, во второй половине 1980-х годов.

3. Когда **говорят о покойниках**, их родственники часто возмущаются. Они стремились предать забвению свое горе, а кое-кто бестактно напоминает об их страшных потерях. Изречение о том, что о покойниках надо говорить только хорошее или молчать, тоже относится к рассматриваемой нами сфере психологических феноменов. Нарушение этого табу вызывает целую гамму неприятных чувств, в том числе враждебность к нарушителю покоя.
4. Человека **грубо критикуют и оскорбляют**, называя также его физические недостатки, о которых он старается забыть. Он переживает гнев и, если есть возможность, агрессивно нападает на обидчиков.

3.18. Альтруистическая агрессия

Нередко люди, совершая агрессию по отношению к другому, утверждают, что поступают так, «исходя из его же интересов». Мы считаем, что во многих случаях подобное утверждение — просто рационализация, самозащита, защитная мотивировка, одной из целей которой является сублимация мотивов своего агрессивного поведения.

Но реально встречаются и такие случаи, когда человек наказывает другого и фрустрирует его, действительно исходя из его интересов. Например, любящий своего ребенка родитель наказывает его, запрещает ходить на поздний сеанс кино и т. п. — ради его безопасности. Следовательно, существует **альтруистическая агрессия** со сложной мотивацией — одновременно альтруистической и агрессивной. В итоге таких действий «жертва» получает пользу, значительно превосходящую тот вред, который был ей нанесен этими же действиями как агрессивными. Подобных примеров в жизни людей и даже во взаимоотношениях социальных групп — великое множество. Например, строгий учитель или жестко контролирующий своих подчиненных руководитель обычно действуют, исходя из комплексной альтруистически-агрессивной мотивации.

Можно предложить следующую **гипотезу** о тех психологических условиях, в которых применяется такая форма агрессии: *мы считаем, что подобные случаи более вероятны тогда, когда индивид А, обладающий властью наказания, имеет амбивалентную установку к объекту агрессии, к жертве.*

Некоторые факты, хотя бы косвенно подтверждающие предложенные выше идеи, получены в ряде экспериментов, проведенных по методу Басса.

Постэкспериментальные беседы показывают, что некоторые испытуемые, выполнившие роль учителей, наказывали своих «учеников» не потому, что переживали злость и хотели наказывать этих людей, а для того, чтобы они быстрее научились учебному материалу и скорее избавились бы от наказания[51].

Но мы вправе также предположить, что и подобная мотивировка имеет характер самозащиты. Оказание помощи через наказание может иметь место и в отношениях социальных и этнических групп.

Примечания

[1] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 44–45.
[2] *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998; *Чалдини Р.* Психология влияния. — СПб., 1999; *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб., 2000.
[3] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. An Owl Book, Henry Holt and Company. New York, 1992, p. 119.
[4] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. An Owl Book, Henry Holt and Company. New York, 1992, p. 119.
[5] *Toch H.* Violent men. Chicago: Aldine, 1969.
[6] *Felson R. B.* Aggression as impression management. "Social Psychology", 41, 1978, pp. 205–213.
[7] Этот вопрос мы подробно обсудили в книге: *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 4.
[8] См. в уже упомянутой книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 29.
[9] *Moyer K. E.* Kinds of aggression and their physiological basis. "Commun. Behavior Biology", 1968, 2, pp. 65–87; см. также: *Буреш Ян, Бурешова О., Хьюстон Дж.* Методика и основные эксперименты по изучению мозга и поведения. — М., 1991. — С. 126.
[10] Эти разновидности агрессии подробно исследованы в книге: *Налчаджян А. А* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[11] См. работы *А. Бандуры, Л. Берковица* и др.
[12] *Maslow A.* Motivation and Personality. 2nd ed., New York, Harper and Row, 1987; см. также: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб., 1997. — Гл. 10; *Хекхаузен X.* Мотивация и деятельность. — М., 1986. — Ч. 1–2.
[13] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1975, pp. 237–243.
[14] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001. — С. 50.
[15] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001. — С. 51.
[16] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001. — С. 383; см.: "Time", August 21, 1989, pp. 25–26.
[17] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001. — С. 39.
[18] *Толстой Л. Н.* // Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 144–145.
[19] *Налчаджян А. А.* Загадка смерти. — Ереван, 2000; СПб., 2004.
[20] *Felson R. B.* Aggression as impression management. — "Social Psychology", 1978, 41, pp. 205–213; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 138.
[21] Приводится по книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997 — с некоторыми изменениями.
[22] *Жельвис В. И.* Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации. — В сб.: Этнические стереотипы поведения. / Под ред. А. И. Бабурина. — Л., 1985. — С. 296–322.
[23] *Жельвис В. И.* Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации. — В сб.: Этнические стереотипы поведения. / Под ред. А. И. Бабурина. — Л., 1985. — С. 318.
[24] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956, 1–2. — М., 1991. — С. 446.
[25] *Свядощ А. М.* Неврозы и их лечение. — М., 1971.
[26] *Lorenz K.* On aggression, New York, Harcourt, Brace and World, 1966; *Буреш Ян, Бурешова О., Хьюстон Дж. П.* Методика и основные эксперименты по изучению мозга и поведения. — М., 1991. — С. 126–127.
[27] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 146–147.
[28] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992.
[29] *Тих Н. А.* Предыстория общества. — Л., 1970. — С. 273.
[30] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 174.
[31] Любитель женских пальчиков // Аргументы и факты, 2001. — № 27.

[32] *Киракосян Дж.* С. Младотурки перед судом истории. — Ереван, 1986; Германские источники о геноциде армян. Период первой мировой войны. — Ереван, 1991. Т. 1.
[33] *Толстой Л. Н.* // Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 37.
[34] *Толстой Л. Н.* // Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 37.
[35] Об остальных особенностях деятельности, в которой сублимация играет заметную роль, см.: *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980.
[36] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — М.; СПб., 2001. — С. 212.
[37] О психологических вопросах межэтнической и кровной мести см. работу: *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[38] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — М.; СПб., 2001. — С. 403.
[39] *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа. — М., 1999. — С. 115–244.
[40] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — М.; СПб., 2001. — С. 403.
[41] Автор этих строк предлагает не забывать, что существуют такие защитные механизмы, которые могут использоваться в обоих случаях. Но в таких ситуациях они выступают как варианты основных типов механизмов психологической самозащиты.
[42] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 485.
[43] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 485; *Marler P.* Aggressions and its control in animal society. Presentation to the American Psychological Association Convention, 1974.
[44] *Altemeyer B.* Enemies of the Freedom. San Francisco: Jessey-Buss, 1988.
[45] *Геродот.* История. — Л., 1972. — С. 219–220.
[46] *Авдиев В. И.* История Древнего Востока. — М., 1970. — С. 183.
[47] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 3.
[48] *Freud S.* On narcissism. 1914 (S. E., Vol. 14).
[49] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1975, pp. 227–228.
[50] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1975, pp. 230–231.
[51] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб.; М., 1997. — С. 83.

ГЛАВА 4

Превращения агрессии и психология насилия

В настоящей главе мы продолжим исследование различных форм агрессии в связи с теми психическими процессами, с помощью которых она превращается из одной формы в другую. В последнем параграфе рассмотрим проблему насилия более подробно, чем это сделано до сих пор.

4.1. Социализация агрессии и ее косвенные формы

Социализация агрессии

В процессе своего возрастного развития человек узнает, что во многих социальных ситуациях открытые и грубые формы агрессии неприемлемы. Они вызывают отпор и наказание и, что самое главное, зачастую не способствуют достижению тех целей, к которым стремится человек.

Поэтому в репертуаре социальных действий человека постоянно появляются социализированные формы агрессии. Это в основном вербальные и символические формы, которые реализуются не в грубых физических действиях, а в речи, в рассуждениях, в различных символах. С помощью речи агрессия может смягчиться, нередко и вовсе скрыться и, что особенно интересно, даже может заменяться внешней доброжелательностью и благосклонностью, скрываясь под этими социально приемлемыми формами поведения.

В подобных случаях можно спросить: не является ли, например, благотворительность скрытой формой агрессии, если не всегда, то в части случаев? Не является ли она способом унижения индивидов и целых групп людей? И жертвы такой «благосклонности» и «благотворительности» нередко интуитивно понимают эту двойственность отношения благотворителя. Данное утверждение подкрепляется знанием того, что существует механизм обратной реакции, в результате подсознательной работы которого отрицательная установка может превратиться в положительную, причем в подчеркнуто положительную, чрезмерную. Этот механизм открыт психоаналитиками. О нем мы написали и в другом месте[1].

Социализированные открытые формы агрессии

Социализированные формы агрессии можно подразделить на группы. Такую попытку мы встречаем в работе немецкого психолога *К. Люкерта*[2], который выделяет две группы открытых (или, лучше, откровенных) социализированных форм агрессии.

В первую группу он включил угрозу, оскорбление словом, поношения, проклятия. Во вторую группу им включаются высмеивание, колкости, язвительные

выражения, унижающие слова, критика, распространение вредных слухов, анонимные сообщения, целью которых является причинение вреда другому человеку.

Различие этих групп в основном понятно, но не всегда достаточно четко очерчено. Так, в первой группе мы видим разновидности открытой, хотя и социализированной агрессии. Во второй же группе налицо более тонкие, в определенной мере сублимированные формы агрессии. Однако чистых открытых и чистых сублимированных форм, по-видимому, нет. В целостных и сложных агрессивных действиях людей различные виды социализированной агрессии сочетаются. Во всех случаях, когда агрессивное поведение имеет такой сложный состав и в значительной мере вербализовано, оно является следствием фрустрации[3].

Разновидности агрессии, включенные в приведенную выше вторую группу, называют также *косвенными*. Сюда входят оскорбительные выражения в адрес жертвы, злословие о нем, распространение вредных, дискредитирующих слухов и т. п.

Интересное исследование косвенных форм агрессии провели американские психологи *Р. Сирс*, *С. Ховленд* и *Н. Миллер*[4].

С этой целью они скомбинировали несколько видов фрустрации. Группа студентов согласилась не спать в течение 24 часов. Им было сказано, что целью эксперимента является проверка влияния усталости на физиологические функции организма. Кроме лишения сна их подвергали дополнительным фрустрациям: курильщикам запретили курить сигареты; когда испытуемые начинали беседовать друг с другом, их просили молчать; им не давали читать или играть. Было обещано, что к вечеру им дадут настольные игры и создадут возможность развлекаться, но это обещание не было выполнено. Обещали к утру кормить и опять не сдержали свое слово. Это примерно похоже на то, как красивая женщина возбуждает воображение влюбленного мужчины, но все время откладывает решающую встречу, тем самым фрустрируя его. Если сила барьера, стоящего на пути к цели, не меняется, то повторные фрустрации прогрессивно усиливают мотив и вследствие этого каждая следующая фрустрация оказывается сильнее.

У некоторых студентов-испытуемых наблюдались прямые критические выражения в адрес психологов. Но многие, по-видимому, под влиянием социальных норм, прямой агрессии не выражали: у них наблюдались косвенные формы агрессии. Один из них нарисовал ряд деформированных человеческих фигур и, когда товарищ спросил его, кого он изобразил, немедленно ответил: психологов. Другие испытуемые, посмотрев на эти картинки, громко смеялись, став, таким образом, символическими участниками агрессивных действий первого испытуемого.

В реальной жизни можно встретить бесчисленное множество случаев косвенной агрессии, которые чаще всего используются тогда, когда агрессор знает, что явная грубая агрессия привела бы к наказанию. Юмор, шутливое подстрекательство, холодное безразличие могут быть средствами выражения враждебных чувств. У различных народов эти конвенциальные формы косвенной агрессии имеют различия. Их исследование интересно как для теории агрессии, так и для этнопсихологии.

Как мы уже знаем из теории фрустрации, любая блокада цели, которая не сопровождается ударами или демонстрацией оружия, но включает оскорбления со стороны высокоуважаемых лиц, приводит к возбуждению гнева, но не всегда — к явной агрессии. Прямая агрессия возникает тогда, когда атака (блокада цели) сопровождается болевыми воздействиями. В таких случаях у субъекта возникает желание

отвечать сходным образом. Причем исследования показали, что мужчины отвечают более интенсивной агрессивностью, чем женщины[5]. Это различие отмечается, например, как в том случае, когда мужчина является агрессором (нападает первым), так и тогда, когда своими агрессивными действиями отвечает на агрессию другого.

Психолог *Карл Макал* описал свое интересное наблюдение: в библиотеке, разбирая психологические журналы, он на своем поясе носил большой охотничий нож, который был виден всем. Это привело к изменению поведения окружающих: увеличилось количество контактов глаз присутствующих, появилось выражение страха на лицах девушек. Люди стали шушукаться, все стали осторожнее и реже подходили к копировальной машине, около которой работал вооруженный психолог[6].

Фактически наблюдались все разновидности косвенной агрессии.

Нетрудно заметить, что, когда между соседями по дому или сослуживцами возникают конфликты, которые они, однако, не хотят или не могут выразить в виде явной агрессии, у них можно видеть описанные и другие формы косвенной агрессии.

К. Макал отмечает также, что, если оружие появляется в неподходящих ситуациях и неожиданно, оно вследствие рефлекса удивления вызывает сильный страх и тревогу. Однако дальнейшие исследования позволили внести важное уточнение: оказалось, что не столько оружие само по себе вызывает гнев и агрессию окружающих, сколько та личность, которая носит это оружие. Если эта личность неприятна для человека и вызывает в нем антипатию, тревогу и страх, тогда его агрессия выражена сильнее.

Драка других людей — косвенное выражение агрессии наблюдателя

Один из косвенных способов выражения агрессивности людей — организация драк между животными. Петушиные бои, драки собак и других животных, организуемые людьми, не просто зрелищны: они играют роль способов разрядки агрессивности организаторов и наблюдателей, хотя данное обстоятельство они могут и не осознавать.

Когда хозяева двух животных-противников наблюдают за боем своих питомцев, каждый из них выражает свою агрессию путем психологической идентификации со своим животным. Они выражают свою агрессию словесно и способами невербальной коммуникации (мимика, жесты и т. п.), поскольку по правилам игры не разрешается проявлять физическую агрессию и сражаться на стороне своего животного[7].

Но когда человек направляет на бой, например, своего петуха, он и к нему проявляет агрессию, даже жестокость, поскольку знает, что тот получит раны и даже погибнет. Таким образом, здесь мы наблюдаем весьма интересные случаи превращения межвидовой агрессии (человек — животное) во внутривидовую (животное — животное), и организация этого процесса обычно имеет другой мотив, например желание зарабатывать деньги.

Но косвенным выражением агрессивности человека является тот случай, когда он организует драку других людей и, наблюдая за ними, переживает удовольствие. Поэтому для реалистической психологии человеческой агрессивности представляют значительный интерес не только борцы и их деятельность, но и тренеры и их личности, а если углубиться в историю — не только гладиаторы, но и их тренеры и хозяева. Исследование истории этих жестоких видов спорта может стать обильным источником фактов и идей для психологии человека.

4.2. Косвенная агрессия: попытка создания психологической концепции

Прямая агрессия, как мы знаем, это физическое, словесное или иное символическое действие, прямо и непосредственно направленное на объект (на противника, жертву и т. п.). Физический удар, например пощечина, оскорбительное слово, сказанное прямо в лицо, — это прямые формы агрессии.

Более многочисленны и интересны формы косвенной агрессии. Если опять рассмотреть обобщенный пример двух лиц, А и Б, то А может использовать следующие формы косвенной агрессии по отношению к Б:

1) клевету в присутствии других индивидов (С, Д и т. д.), но при отсутствии Б;
2) внушение другим людям совершить агрессивные действия по отношению к Б. Например, когда по просьбе А индивид С совершает агрессивные действия по отношению к Б, то это не что иное, как косвенные агрессивные действия А по отношению к Б;
3) однако индивид А может использовать косвенную агрессию к Б и в присутствии последнего. Например, он может выразить свое отношение иносказательно: «Некоторые, наверно, хотели бы, чтобы их наказывали», имея в виду также Б. Это *агрессивный намек*;
4) формой косвенной агрессии, как это давно замечено, является также отказ в просьбе с целью нанесения просителю вреда[8].

Причем сам отказ, оформленный, например, словесно, также может быть или агрессивным, или даже любезным. В последнем случае агрессивность отказывающего может выражаться невербально (позой, выражением глаз и т. п.), а сама любезность, как нам кажется, может быть *обратной реакцией.*

Поэтому мы предполагаем, что косвенные формы агрессии формируются с помощью других психологических, в первую очередь защитных, механизмов, в том числе с помощью механизма формирования обратной реакции. Мы считаем, что эта новая идея позволит углубить наши представления о механизмах формирования косвенных форм агрессии и вообще о механизмах преобразования одних форм агрессии в другие. Это путь к углублению понимания психодинамики человека.

До сих пор мы говорили о словесных формах косвенной агрессии. Но исследователи (*А. Бандура*, *Р. Уолтерс* и другие) давно заметили, что косвенная агрессия может иметь форму физических действий. «Менее прямые формы агрессии, — пишут *А. Бандура* и *Р. Уолтерс*, — которые выражались скорее в действиях, чем в словах, — например, намеренное отталкивание кого-то, демонстрирующее пренебрежение, а также такие приемы, как хлопанье дверью, бросание на пол предметов, когда агрессия переносится на неодушевленные объекты, — все это также было отнесено к косвенной агрессии»[9].

Из этого описания видно, что одним из механизмов формирования косвенной агрессии является **перенесение и выбор замещающего объекта** приложения агрессии. Причем мы предполагаем следующее: *агрессор*, во всяком случае в части

подобных случаев, *знает или предполагает, что замещающий объект является элементом расширенного «Я» человека, таким объектом, с которым мишень агрессии имеет ту или иную степень положительной идентификации.* Иначе косвенная агрессия индивида А не будет восприниматься со стороны Б как направленное против себя действие. Например, когда Б в злом настроении ломает свои собственные предметы или превращает в «козлов отпущения» своих близких, то Б, даже узнав об этом, может не ощущать себя подвергнутым агрессии.

С целью дальнейшего расширения данной концепции следует обратить внимание на механизмы формирования косвенных форм агрессии: перенос, субституцию (замещение), образование обратной реакции, атрибуцию, идентификацию и другие. В какой-то мере мы этим займемся в одной из глав настоящей книги. Но, помимо этого, следует развивать высказанную выше идею о том, что здесь мы имеем дело с механизмами преобразования одних форм агрессии в другие. Это очень важное направление психологических исследований агрессии и связанных с ней психических явлений, всей психодинамики человека. В процессах формирования косвенных форм агрессии мы ясно видим многочисленные связи агрессии с другими механизмами психической жизни личности.

Заслуживает внимания также идея о том, что при сильной тревожности личности ее агрессия будет в основном косвенной. *А. Бандура* и *Р. Уолтерс* предположили также, что тревога является признаком того, что прямая агрессия заморожена[10].

Эти идеи, по нашему мнению, также нуждаются в более подробной разработке. Важные результаты можно получить, если иметь в виду, что агрессия очень часто направляется на различные стороны самоконцепции человека. Начнем с примера из литературы. К одному и тому же человеку агрессивные люди применяют самые различные формы агрессии. Так, на вопрос о том, что они (ученики) делают с преподавателем, который им не нравится, один из агрессивных мальчиков ответил: «...мы подкладывали чертежные кнопки на ее стул. У нее есть “Фольксваген”. Мы всегда затаскиваем его на тротуар»[11].

Первое из этих агрессивных действий прямо направлено на тело человека, а второе — на один из элементов его *расширенного «Я»*, если использовать термин *У. Джеймса*. Вообще, мы думаем, что каждый раз, обсуждая случаи применения людьми друг к другу различных форм агрессии, полезно выяснять, на какую подструктуру «Я-концепции» человека это действие направлено. Такой подход, как нам кажется, позволит лучше понять фрустрирующую силу каждого такого агрессивного действия.

4.3. Перенос агрессии: облегчающие условия и функции

Субституция (замена) объекта чувств и установок и последующий **перенос** (трансфер) этих чувств на новый объект — широко распространенные и эффективные механизмы психической жизни людей. Нередко они выполняют психозащитную функцию. Ниже вкратце рассмотрим психобиологические предпосылки этих механизмов у животных и их действие у человека.

Психобиологические предпосылки переноса агрессии

В области этологии явление переноса (или переориентации) агрессии открыл *Б. Гржимек*. Это явление этологи впервые наблюдали у рыб, так называемых цихлид. Самец, угрожая самке, начинает яростную атаку. «Но не на свою самку, а — на волосок от нее, мимо — на какого-нибудь другого сородича! В естественных условиях этим другим оказывается, как правило, ближайший сосед»[12].

Почему это происходит? «Оно определяется тем, — пишет Лоренц, — что некоторое действие вызывается каким-то одним объектом, но на этот объект испускает и тормозящие стимулы, — и поскольку оно направляется на *другой* объект, как будто он и был причиной данного действия»[13].

Затем Лоренц проводит аналогию с поведением человека. «Так, например, человек, рассердившийся на другого, скорее ударит кулаком по столу, чем того по лицу, — как раз потому, что такое действие тормозится определенными запретами, а ярость требует выхода, как лава в вулкане»[14].

Итак, переориентация агрессии и ее перенос на другой объект является результатом взаимодействия (столкновения, конфликта) между вектором агрессивности и вектором ингибитора (тормозящего механизма). Она является итогом соперничающих побуждений.

Такие случаи *Б. Гржимек* назвал «реакцией велосипедиста». Это поведение человека, который «гнет спину сверху и давит ногами книзу». Перенос агрессии часто выполняет защитную функцию, поскольку направляется на враждебных соседей.

Другой пример: когда в сообщество (большую семью) крыс попадает чужая крыса, члены сообщества по запаху узнают его присутствие, начинают преследовать ее и убивают. Это очень интересная разновидность **внутривидовой агрессии**. Но здесь нас интересует другое явление: когда крысы возбуждены присутствием чужака, в ходе его преследования, встречаясь друг с другом, начинают драться между собой. *Происходит превращение межгрупповой агрессии во внутригрупповую*. «В день травли чужой крысы все члены стаи относятся друг к другу раздраженно и недоверчиво»[15].

Тех, кто сомневается в существовании явления *накопления агрессивности* и появления нового явления — ее переноса, можно убедить многими другими примерами из этологии. У огарей, египетских гусей и других видов после образования пары нередко самка натравливает своего самца на других, враждебных самцов. И самец действительно нападает на чужаков.

«Когда свой самец одерживает победу, *начинается триумфальный танец пары*. Но когда жертву удаляют раньше времени, то есть тогда, когда “избиение в разгаре”, тогда пара сначала впадает в экстаз триумфального танца,... а затем, вдруг, влюбленные супруги хватают друг друга за шиворот и молотят по всем правилам, что обычно заканчивается победой самца, поскольку он заметно крупнее и сильнее самки. Но я никогда не слышал, чтобы накопление нерастраченной агрессии из-за долгого отсутствия “злого соседа” привело у них к убийству супруга, как это бывает у некоторых других цихлид»[16].

Итак, мы здесь еще раз видим, что элементарные законы агрессивного поведения уже четко видны у животных. В данном случае речь идет о накоплении агрессивности и ее переносе на другой объект. Это конкретный пример переориентированных действий, открытый у многих животных.

Описанные психологические механизмы преобразования и переноса агрессии наблюдаются также в лабораторных экспериментах, проведенных на животных, в частности на крысах и обезьянах.

Пару крыс помещают в клетку. Затем им наносят электрические удары, причем каждый удар сочетается с включением зуммера. Животные, ощущая боль, начинают атаковать друг друга[17].

Неприятные (аверсивные) ощущения, по-видимому, вызывают злость (агрессивность), и животные, не зная своих реальных мучителей или бессильные против них, выбирают друг друга в качестве объектов агрессии. Здесь мы видим зачатки механизма переноса агрессии.

К сходным выводам позволяют прийти известные эксперименты *Х. Дельгадо* над обезьянами, которые, под воздействием электрического раздражения мозга атакуют друг друга, даже нарушая установленную субординацию.

Известно также, что в плену животные становятся более агрессивными, чем в естественных условиях жизни. У них появляется иррациональная, разрушительная агрессия. Много данных об этом можно найти в трудах по зоопсихологии[18].

Перенос агрессии у детей

Начнем опять с рассмотрения результатов экспериментального исследования. Отметим сначала, что человек, переживающий неприятности, становится раздражительным или гневливым (это различные уровни одной и той же эмоции) и может перенести свою агрессию на невинные объекты. В повседневной жизни данное явление наблюдается очень часто.

Однако, как заметили психологи и нетрудно наблюдать в реальной жизни, перенос агрессии на другого человека обеспечивается тогда, когда он воспринимается как источник неприятностей. По наблюдениям *Л. Берковица*, уже простое присутствие такого человека возбуждает «...враждебные мысли и воспоминания, равно как и внутреннюю стимуляцию к агрессии»[19].

Такие люди легко становятся «жертвами аверсивно генерированной агрессии»[20].

Таким образом, перенос агрессии на объекты, напоминающие о прошлых неприятностях, облегчается.

Мы думаем, что **облегчение переноса агрессии** связано также с тем, что агрессору в таких обстоятельствах не потребуется осуществить много атрибуций для создания психологических предпосылок своей агрессии или для ее обоснования. Восприняв такой объект, агрессор *узнает* его, воспроизводит в сознании пережитое и сразу выбирает его в качестве мишени.

Во время одного из экспериментов испытуемые проявили враждебность к человеку, который просто присутствовал в то время, когда экспериментаторы вызывали у них страх, но этот человек сам не подвергался сходному воздействию.

Любопытно и очень важно для психологической теории агрессии, что механизмы субституции и переноса оказываются наследственно запрограммированными.

Механизм переноса агрессии у подростков много лет назад обнаружили *А. Бандура* и *Р. Уолтерс*. Они пишут: «В пользу того, что агрессия может переноситься из одной ситуации в другую, свидетельствуют устойчивые позитивные корреляции, которые были выявлены между агрессией против родителей, преподавателей и сверстников... Эти корреляции основываются на оценках общей

агрессии, полученных объединением оценок физической, прямой вербальной и косвенной агрессии»[21].

Наконец, нам поможет также пример из художественной литературы. Великолепно показал данное явление *Л. Н. Толстой* в романе «Война и мир»: в одном из полков русской армии ожидается приезд главнокомандующего; полковой командир выставил полк на смотр, последний раз проверяет его готовность; возбуждение командира несколько раз принимает форму агрессии, направленной то на командира третьей роты, то на разжалованного солдата Долохова, который не по форме одет. Его агрессия переносится от одного к другому и т. п.[22]

4.4. Факторы, способствующие выбору «козлов отпущения»

Основные факторы

Замещающая агрессия выбирает свои новые объекты приложения не совсем случайно. На этот выбор оказывает влияние ряд факторов, из которых психологи уже заметили следующие.

1. *Сходство замещающего объекта с истинным фрустратором.* Закономерность такова, что чем более сходен новый объект с истинным фрустратором, тем больше вероятность того, что именно он станет объектом замещающей агрессии фрустрированного человека.

Так, если русского фрустрировал немец, то имеется большая вероятность того, что этот фрустрированный русский направит свою неиспользованную агрессию на другого, более доступного и неопасного немца или же на всю этническую группу немцев. Если человека фрустрировал большой начальник, то велика вероятность того, что у него возникнет ненависть ко всем должностным лицам, занимающим высокое положение. Нетрудно видеть, что в таких случаях вместе с перемещением происходит также *обобщение агрессивной установки.*

2. В выборе «козла отпущения» играет роль представление человека о том, что *этот новый объект играл какую-либо роль в своей фрустрации.*

Например, если главным фрустратором является сильный и хорошо защищенный человек, на которого опасно нападать, то фрустрированный человек может выбрать для роли «козла отпущения» его помощника, члена семьи или других людей, которые в какой-то мере помогли главному фрустратору, играя второстепенную роль дополнительного фрустратора. Этих, в целом не очень виновных, людей начинают третировать так, как если бы именно они явились главными виновниками бед и страданий.

Чем более сходен новый объект с истинным фрустратором, тем больше вероятность того, что именно он станет объектом замещающей агрессии фрустрированного человека.

Подобное явление мы очень четко видим в межэтнических отношениях.

3. О третьем факторе мы, по существу, уже говорили, но здесь скажем о нем более четко: при выборе «козла отпущения» играет роль *оценка его способности к возмездию.* С учетом этого фактора выбираются или слабые

люди, или же те, с которыми повторные встречи маловероятны. Как мы уже сказали, очень часто такими объектами становятся члены этнических меньшинств.

Во всех этих случаях при выборе «козла отпущения» важны не только подлинные свойства и возможности объекта, но и субъективные представления фрустрированных людей. Так, индивид А может предположить, что никогда в жизни больше не встретится с Б, которого подвергает агрессии, но жизнь распоряжается по-другому, и при встрече А подвергается мстительной агрессии со стороны Б: агрессор и жертва меняются местами.

В каждом обществе фрустрируются практически все, хотя и в различной степени. И не всем удается наказать своих подлинных фрустраторов. Представляет интерес следующий вопрос: кто больше склонен к замещению объектов агрессии, выбору «козлов отпущения»? Исследования американских психологов *Гордона Олпорта* и других показали, что люди с нисходящей карьерой, или, иначе, с отрицательной социальной мобильностью, более враждебно относятся к представителям этнических меньшинств, чем те, у кого карьерная линия направлена вверх. В целом, если в обществе налицо экономический и социальный кризис и если в нем много неудачников, усиливаются враждебность к «чужакам», шовинизм и национализм.

Интенсификацию этих явлений можно считать индикатором недовольства, фрустрированности основной массы людей в данном обществе. Общества новых независимых государств, возникших после распада СССР, переживают кризис и пытаются совершить переход к новому типу политической и социальной организации и управления, и они предоставляют в наше распоряжение бесчисленное множество доказательств справедливости вышеизложенного. В этих странах открываются широкие возможности для исследования процессов выбора «козлов отпущения», преобразования одного вида агрессии в другой, этнических особенностей замещения объектов агрессии и других явлений, интересующих психологов. Ожидается ускорение развития психологии. Как говорится, нет худа без добра.

Если имеются стереотипные предубеждения о каких-то индивидах или группах, то фрустрированная личность в качестве «козлов отпущения» выбирает именно таких лиц или такие группы.

4. Нам представляется, что в некоторых социальных ситуациях направляющим фактором является *предубежденность против каких-то лиц или социальных групп*. Предубеждение, как показали исследования *Г. Олпорта* и других психологов[23], является **социальным стереотипом**, содержащим ряд категорических утверждений об определенных индивидах или социальных группах.

   Эти утверждения, в большинстве своем негативные, неблагоприятные, являются недостаточно обоснованными обобщениями об этнических группах, женщинах, представителях различных профессий и т. п.

   Итак, *если имеются стереотипные предубеждения о каких-то индивидах или группах, то фрустрированная личность в качестве «козлов отпущения» выбирает именно таких лиц или такие группы.*

Тенденция подобного выбора, на наш взгляд, поддерживается и даже усиливается тем обстоятельством, что жертвы предубеждений часто начинают верить в то, что о них говорят предубежденные люди, воспринимают их предубеждения в качестве **ожиданий** и начинают действовать так, чтобы оправдать эти ожидания. Например, начинают плохо работать, снижают уровень своей академической успеваемости и т. п. Как принято теперь говорить в социальной психологии, предубеждения становятся «самоосуществляющимися пророчествами» (*self-fulfilling prophecy*).

Выбор «козлов отпущения» сопровождается приписыванием им ответственности за неудачу. Эта тенденция особенно усиливается тогда, когда предубежденный человек совершает совместную деятельность с будущим «козлом отпущения», но она заканчивается провалом. Однако в результате успешной совместной деятельности предубеждение смягчается.

Функции поиска козлов отпущения

Психологические исследования показали, что «козлы отпущения» выбираются с целью разрядки той агрессивности, которая возникает у человека под влиянием фрустраторов и других неприятных факторов. Рассмотрев данное явление на примере негров и евреев, которые в США часто становились жертвами переноса агрессии, *Л. Берковиц* показал, что легкость выбора таких «козлов отпущения» белыми американцами обусловлена тем, что и до этого представители названных этнорасовых групп были для белых американцев людьми с негативным значением. «Козлами отпущения» часто становятся также люди с физическими и психическими недостатками, но к ним отношение, скорее всего, амбивалентное: сострадание и готовность оказать помощь сочетаются с презрением и агрессивностью.

Таким образом, поиск «козла отпущения» как социально-психологический процесс имеет несколько функций:

а) он обычно сопровождается гневом, разрядка которого приводит, как предполагается, к ослаблению фрустрированности; в дальнейшем мы покажем, что такой результат достигается не всегда;

б) если человек находит другого, которого можно обвинить, то он в будущем получает возможность уклониться от ответственности;

в) поиск «козла отпущения» может стать объединяющим членов социальной или этнической группы фактором, поскольку выбор «козла» означает появление общей мишени для приложения враждебности. Ясно, что примерно сходные явления наблюдались и в ходе социометрических исследований. В результате сплочения вокруг такой агрессивной задачи лидеры группы получают возможность усиления своего контроля над членами группы; таким образом демонстрируются сила группы и ее лидеров;

г) иногда нахождение «козла отпущения» и его наказание (своеобразное жертвоприношение) считается средством предотвращения вредных для группы событий.

Процесс поиска «козла отпущения» имеет различные аспекты и мотивы, знание которых весьма поучительно для правильного понимания многих явлений социальной

жизни. Он наблюдается, например, в ситуациях, возникающих после различных несчастных случаев и катастроф: пожаров, авиакатастроф, обрушения зданий, экологических катастроф и т. п. В таких случаях люди проявляют тенденцию **персонифицировать обвинение**: считается, что в произошедшем виновны люди, а не другие обстоятельства, то есть скорее *кто*, а не *что*. Это объясняется двумя способами:

- тенденция персонифицировать обвинение считается иррациональной формой поиска «козлов отпущения»; этим путем люди стремятся освободиться от своих фрустраций и тревог, чувства вины, от злобы, шока и страха, которые вызваны у них бедствием;
- это рациональный процесс, вызванный желанием предотвратить повторение бедствия в будущем. Поэтому персонификация имеет место тогда, когда считается в человеческих силах уменьшить возможность таких событий и наказание «виновных» способствует восстановлению порядка[24].

Истина, по-видимому, находится где-то в середине этих двух вариантов решения проблемы. Когда рациональный поиск виновных, если они действительно есть, приобретает чрезмерный, тенденциозный и поэтому иррациональный характер, можно сказать, что люди стремятся не столько к установлению справедливости и предотвращению будущих бедствий, сколько к разрядке собственной агрессивности.

Иосиф Сталин в 1930-е годы выдвинул идею, согласно которой по мере построения социализма классовая борьба становится все более ожесточенной. Эта концепция была мотивирована желанием создать теоретическую основу для уничтожения своих политических противников. Но ее возникновение можно считать также процессом поиска «козлов отпущения»: провалы в экономике и в других сферах жизни заставили искать виновных, а такой поиск должен был исходить из какой-то концепции. Она была без труда создана (не много ума нужно было для создания такой примитивной «теории»), и начались массовые репрессии. Частным выражением этой концепции являются представления об остатках капитализма, о диссидентах и т. п. Хотя коммунисты заявляли, что опираются на научное мировоззрение, на самом деле они были более предубежденными и фанатичными, чем их противники.

Авторы вышеназванной статьи предлагают свое, третье, более широкое объяснение. Немедленно после бедствия (а они исследовали последствия развала колизея в г. Индианополис в штате Нью-Джерси) люди в основном озабочены спасением уцелевших и идентификацией трупов погибших. После завершения этих срочных работ их интерес переносится на вопрос о том, кто виноват. Неизбежность поиска виновных авторы объясняют социальной структурой своей страны: законы требуют найти виновных, поскольку социальные структуры судить невозможно. Суд и вообще легальные политические процессы не могут требовать изменения социальной структуры и форм управления, которые нередко являются подлинными виновниками катастроф в обществе.

Социологи считают, что наказание конкретных людей в определенной мере предотвращает совершение таких же ошибочных или преступных действий в будущем, однако данный подход имеет тот недостаток, что способствует сосредоточению на симптомах социальных болезней, а не на причинах. Тем самым откладываются созревшие социальные реформы. Для многих решать социальные проблемы

означает обнаружить и наказать виновных. Но практика показывает, что наказание «плохих людей» оказывает лишь очень незначительное влияние на проблему и даже препятствует ее решению. Наказание «плохих людей» может создать иллюзию того, будто предпринимаются радикальные шаги для решения социальных проблем. Такой подход был очень модным в СССР, и это, по нашему мнению, явилось одной из причин развала этого государства. Социальные реформы надо было начинать вовремя и имея научно обоснованный план действий.

4.5. Механизм переориентации агрессии и развитие новых форм поведения

Переориентация агрессии

Начнем наше обсуждение с описания очень интересного явления, открытого этологами при исследовании животных. *К. Лоренц* и другие исследователи сумели наблюдать, что брачные пары рыб образуются в результате поэтапного процесса.

Первый этап — взаимное нападение, агрессия, во время которого у самца и самки наблюдается тенденция к бегству.

Затем наступает второй этап: агрессия и тенденция к бегству быстро исчезают и появляется *привязанность*. Образуется прочная брачная пара, но при первом же «брачном раскрытии» самки самец приходит в чрезвычайно интенсивное агрессивное состояние. Но он направляет свой гнев не на самку, а на соседа по территории. Это так называемая переориентированная агрессия, описанная *К. Лоренцом*, *Н. Тинбергеном* и другими этологами — о ней мы уже знаем. Суть этого явления в том, что поведение особи вызывается одним объектом (релизером), но разряжается на другом, поскольку первый объект (своя самка), выставляя раздражители, запускающие данную реакцию (в данном случае — агрессию), одновременно выставляет и такие, которые тормозят эту реакцию[25].

Поскольку очевидно, что описанное явление, названное этологами переориентацией, есть не что иное, как перенос агрессии или другого поведения на новый объект, замещение (субституция) объекта, то следует сказать, что они еще до появления этологических исследований достаточно подробно были исследованы в психоанализе. Процесс переноса агрессии, как мы уже знаем, был назван *В. Гржимеком* «велосипедированием»: «велосипедист» — это человек, который склоняет голову перед вышестоящим начальником, но третирует подчиненных, «ходит» по ним. То же самое мы видим в поведении многих слуг в широком смысле этого слова, то есть людей с низким статусом, холуев. Они более агрессивны к посетителям с низким социальным статусом, чем их хозяева. Можно предположить, что они переносят свою агрессию, вызванную фрустрациями и унижениями, на более безобидные объекты.

У животных этот механизм можно наблюдать в следующих ситуациях: «животное нападает на предмет своей ярости с некоторого расстояния; затем, приблизившись, замечает, насколько тот страшен; и тогда — поскольку оно не может затормозить уже заведенную машину нападения — изливает свою ярость на какое-нибудь безобидное существо, случайно оказавшееся рядом»[26].

К. Лоренц добавляет, что возможность направления агрессии, вызванной партнером, на борьбу с противником, была открыта неоднократно, причем это переориентированное действие может развиваться и превратиться в ритуал со своим самостоятельным мотивом. Фактически от переориентированного поведения может развиваться новый инстинкт, то есть новый мотив поведения. Появление механизма переориентации агрессии является следствием мутации, а затем и отбора — двух основных механизмов эволюции.

Развитие новых форм поведения человека

Поскольку возможные преобразования переориентированных форм агрессии и возникновение ритуалов у животных описаны *К. Лоренцом* очень подробно, то нет смысла воспроизводить здесь эти результаты. Поэтому ограничимся только некоторыми замечаниями о том, каким образом можно использовать подобные результаты для развития психологии человека.

Этологические открытия для нас важны постольку, поскольку позволяют увидеть исходные явления в поведении людей и предсказать определенные тенденции развития психики и поведенческого репертуара человека и социальных групп.

Можно предложить следующую **гипотезу**, состоящую из нескольких утверждений:

а) поскольку механизм переноса агрессии или других форм поведения является одним из главных адаптивных механизмов людей, то и у них он может привести к развитию новых форм поведения;

б) поскольку эти вновь возникшие формы поведения получают новую мотивацию, можно предвидеть значительную эволюцию поведения и психики человека. Возможны самые неожиданные результаты;

в) исследование механизма переноса и замещения позволяет лучше понять межсемейные и межэтнические отношения. У людей как эти, так и другие межгрупповые отношения не могут быть свободны от агрессивности не только по причине соперничества за территорию и ресурсы, но и вследствие существования вышеназванного механизма переноса;

г) наконец, механизм переноса (переориентации) поведения *К. Лоренц* и другие этологи рассматривают, по существу, изолированно. Между тем у людей он связан с целым рядом адаптивных механизмов. Необходимо исследовать те связи, переходы, преобразования и комплексы, которые здесь образуются, а также то, к каким новым явлениям они приводят.

4.6. Инверсия агрессии

Общая характеристика

Агрессивность как установка имеет свое направление: она устремлена на тот или иной объект или класс объектов, кроме случая обобщенной злости или так называемого свободно плавающего гнева, о котором мы уже знаем.

Агрессивность и ее поведенческое выражение — агрессивные действия — чрезвычайно динамичные явления. Они могут меняться по своему содержанию, по силе, мотивации и, конечно же, по объекту. Если использовать математическое

выражение и говорить о векторе агрессии, то этот вектор, эта стрела враждебности может менять свое направление.

Инверсия агрессии — частный случай изменения ее объекта, то есть изменения направления ее вектора. Инвертированная агрессия — это агрессия, направленная на самого себя, на субъект агрессии. Иначе эту разновидность называют **аутоагрессией**. В этом случае агрессия и ее жертва совпадают.

Ранние формы инвертированной агрессии появляются уже в первые годы жизни ребенка. Например, каков психологический смысл такого распространенного явления, как отказ ребенка от принятия пищи? Почему здоровые по существу дети отвергают пищу? Одним из возможных объяснений (если у ребенка нет соматической болезни) является то, что для ребенка, слабого перед внешним миром, объектом агрессии становится он сам, даже более специфично — собственный рост. Он не хочет стать большим и знает, что для этого надо отказаться от пищи. Но является ли такое знание всегда сознательным? В этой сфере есть еще проблемы для исследования. Тут имеется сходство с тем случаем, когда человек быстро полнеет и, чтобы предотвратить увеличение размеров своего тела, ограничивает количество принимаемой пищи. Но у ребенка здесь налицо более фундаментальная проблема: он, по-видимому, глубоко фрустрирован родителями и не хочет жить или, в более мягко выраженных случаях, не хочет стать большим, чтобы избежать ответственности. Поэтому он противодействует своему физическому развитию.

Самовиктимизация Исследование инверсии агрессивности приводит к постановке новых и интересных проблем, анализ которых позволяет лучше понять многие формы социального поведения людей.

Так, болезни человека и несчастные случаи, жертвами которых люди становятся, не всегда являются столь уж случайными и не зависящими от них, как обычно считается. Есть точка зрения, согласно которой *люди сами бессознательно выбирают для себя болезни и несчастья, так как имеют подсознательную склонность к самонаказанию*. Они сами превращают себя в жертв несчастных случаев и болезней.

Так, человек знает, что алкоголь вреден для здоровья, воочию убеждается в разрушительных последствиях его систематического потребления, но не отказывается от своей страстной привязанности к нему. Почему? Не желает ли он таким путем наказывать себя, побыстрее уйти в мир иной, поскольку не любит себя, не хочет долго жить с таким самосознанием? Если у него есть такая внутренняя и во многом скрытая мотивация, то мы можем сказать, что его агрессия инвертирована, направлена на собственную личность. Таких случаев очень много. Например, человек сверхнапряженным трудом, без отдыха и лечения, может довести себя до состояния крайнего изнеможения, ускоряя тем самым свою смерть.

До сих пор не совсем ясно, почему в одинаковой социальной ситуации, при фрустрации, одни прибегают к внешним, наступательным формам агрессии, а другие выбирают саморазрушение. Какие качества и структурные элементы — мотивы, черты характера, особенности социализации и другие факторы — определяют такие диаметрально противоположные выборы ответов? Эта проблема требует новых исследований. Можно предположить, что важное значение имеет то, в какой мере человек обучен быть внешне агрессивным, в какой степени в процессе социализации

его агрессивное поведение было положительно подкреплено. Для дальнейшего исследования этого вопроса следует использовать концепцию *М. Зелигмана* о «приобретенной беспомощности»[27].

Когда активные и агрессивные ответы животного и человека на внешние воздействия все время подавляются, организм становится беспомощным: он остается в зоне неприятных воздействий, страдает, но уже не только не нападает на фрустратора, но даже не уходит от него. Это глубокое депрессивное состояние.

Два вида воздействия агрессии на самого агрессора

Здесь нам бы хотелось выдвинуть ряд новых проблем и высказать идеи о том, как их можно разрешить. Мы предлагаем выделить два вида воздействия агрессивных действий человека на его собственную личность. В том, что подобное обратное воздействие действительно существует, вряд ли можно сомневаться. В принципе, можно сказать, что каждое действие человека оказывает влияние не только на внешний мир, но и на него самого. А для агрессии это тем более верно.

1. *Прямое воздействие* агрессивных действий человека на собственное тело и психику имеет место тогда, когда он наказывает самого себя. Это случай инверсии агрессии, о которой мы уже говорили в предыдущем разделе. Данный тип воздействия имеет широкий диапазон агрессивных действий — начиная от легкой, но несправедливой самокритики до мыслей о самоубийстве и реальных попыток совершения такого акта самоуничтожения.
2. *Косвенное воздействие* имеет место тогда, когда агрессия человека первично направлена на других, но оказывает обратное, вторичное воздействие на самого агрессора. Причем этот случай имеет различные варианты:
   а) объект агрессии отвечает агрессией и субъект первичной агрессии под воздействием такого ответа становится еще более агрессивным;
   б) совершая агрессивные действия, человек анализирует и оценивает этот свой опыт, оправдывается перед собой, находит аргументы в пользу продолжения агрессии и вовлекается в новые враждебные действия. Эти внутренние процессы, по существу, являются адаптивными и особенно активно протекают тогда, когда после совершения первых агрессивных действий человек переживает внутренний конфликт или диссонанс. Возникающее при этом неприятное состояние, как показано в теории когнитивного диссонанса[28], вызывает мотивацию избавления от этого состояния, именно поэтому и совершаются названные выше внутренние реадаптационные процессы.

Даже такое предварительное рассмотрение этих двух путей воздействия на человека собственных агрессивных действий показывает, что они могут привести к существенным изменениям личности. Эти изменения в основном имеют разрушительный характер для личности, поэтому их предотвращение в высшей степени желательно.

Самоубийство

Проблема самоубийства, конечно же, требует отдельного и досконального рассмотрения. Поэтому здесь мы ограничимся несколькими замечаниями. Главная идея состоит в том, что *самоубийство является крайней формой инвертированной агрессии человека.* Это агрессия, направленная на собственную

личность. Она приобретает крайнюю интенсивность тогда, когда человек питает сильнейшую враждебность к внешнему миру, но бессилен перед ним, перед своими фрустраторами. И он доходит до мысли — обычно это происходит постепенно, — что жизнь для него больше не имеет смысла.

Самоубийство является крайней формой инвертированной агрессии человека.

Но мотивом самоубийства не всегда является инвертированная агрессия или только она. Если человек был глубоко идентифицирован с любимым объектом, то потеря этой ценности также может стать стимулом к самоубийству. Однако, поскольку самоубийство всегда является актом насилия над собственной личностью, то и в этом случае можно сказать, что потеря любимого объекта, вызвав вспышку гнева и агрессии, приводит к самоубийству. Мы считаем, что подобное поспешное решение о самоубийстве принимается в тех случаях, когда в потере любимого человека нет серьезного внешнего оправдания: единственным виновником человек считает самого себя.

Мотив самоубийства, интровертированная агрессия, долгое время может оставаться незаметным для окружающих людей. В таком смысле эта разновидность агрессии является одной из ее *скрытых* форм. Когда любимый объект — человек, то у части людей, совершающих попытку самоубийства, возникает вера в то, что единственный путь вновь быть вместе с любимым человеком — это смерть. Он ведь живет в потустороннем мире, и надо самому стать мертвецом, чтобы найти его.

Самоубийство — не только скрытая и инвертированная агрессия. Оно есть одновременно и замещающая агрессия, так как агрессивная установка, вначале направленная на внешний объект, теперь уже замещает его своей собственной личностью, ее телом и, может быть, даже душой. Почему мы это утверждаем? Потому что многие самоубийцы так страдали в этой жизни, что вообще желали уничтожить себя, свои переживания, уйти в небытие, чтобы избавиться от своего горя.

4.7. Постепенное усиление (эскалация) агрессии

Общая характеристика процесса

Агрессивное состояние человека нередко возникает мгновенно, как вспышка молнии, приводя к неудержимым насильственным, импульсивным действиям. Это тоже, конечно, психический процесс, но до такой степени сжатый во времени, что, кажется, следует сразу же за восприятием неприятного стимула или фрустратора.

Но существует также *явление постепенного, или пошагового, усиления агрессии*. Данное явление в англоязычной психологической литературе получило название *эскалации агрессии*. Вот как характеризует этот вид агрессивного поведения *Л. Берковиц*: «В некоторых случаях происходит эскалация агрессии. Не довольствуясь первыми ударами, нападающие входят в раж и продолжают наносить их со все большим ожесточением. Их ярость нарастает до тех пор, пока они сами не начинают ощущать усталость или не понимают, что поставленная цель уже достигнута. Последствия такого поведения могут оказаться трагическими»[29].

Затем автор приводит примеры. Однако до их рассмотрения уточним ряд аспектов характеристики постепенного усиления агрессии.

Во-первых, следовало бы выяснить, в каких случаях, то есть в каких социальных ситуациях, у каких типов людей и в каком психическом состоянии наблюдается данное явление.

Во-вторых, почему такие агрессоры поздно понимают, что поставленная цель уже достигнута?

В-третьих, каким образом в процессе усиления агрессии сочетаются разные виды этой формы поведения? Причем все время надо иметь в виду различие между агрессивностью как психическим состоянием, состоящим из гнева, враждебности, ненависти, общей раздражительности и т. п., и агрессивными, насильственными действиями. Напомним, что слово «агрессивность» используется также для обозначения соответствующего характерологического комплекса, поэтому каждый раз надо четко представлять, в каком смысле используется это слово.

Отметим, что мы предлагаем назвать рассматриваемое явление **пошаговым усилением агрессии**, считая шагом каждый новый акт, совершаемый агрессором: реальный физический удар или агрессивное предложение, например оскорбительную фразу.

Примеры Примеры постепенного, но быстротечного усиления агрессивности человека и его агрессивных действий с трагическим исходом можно черпать из уголовной хроники. Время от времени публикуются сообщения о том, что найдены трупы жертв со множеством ударов или огнестрельных ран. Экспертиза таких случаев показывает, что убийцы могли бы удовлетвориться двумя-тремя первыми ударами: жертвы были бы убиты. Но они ведут себя иначе, а именно — *иррационально*: ведь, нанося жертве все новые и новые удары, они дольше задерживаются на месте преступления и увеличивают вероятность того, что будут пойманы. Но в таких случаях мощный инстинкт самозащиты, по всей вероятности, отступает перед еще более мощными агрессивными импульсами, на короткое время уступая им первенство в мотивации и энергетической зарядке поведения. Именно в этом смысле усиление агрессивности и пошаговая интенсификация агрессивных действий являются иррациональными и даже парадоксальными явлениями.

Л. Берковиц приводит пример казненного в 1988 году Эдварда Бирна, совершившего убийство женщины в процессе ограбления: «Бирн назначил встречу своей жертве, поскольку заранее знал, что в тот день она должна была получить на работе большую сумму денег. Однако в своих показаниях он настаивал на том, что не собирался ее убивать. Он планировал лишь ударить свою жертву молотком по голове, чтобы лишить ее сознания. Однако первый удар оказался недостаточно "успешным", и Бирн стал бить женщину до тех пор, пока она не перестала подавать признаков жизни»[30].

В этом отрывке уже указывается одна из причин эскалации агрессии: если первый удар не достигает цели, следуют новые. Но ведь с какого-то момента нанесение новых ударов теряет объективный смысл и становится бессмысленным, нецелесообразным и поэтому иррациональным явлением. Почему продолжается этот бессмысленный процесс? Ясно, что должны существовать и другие, сугубо психологические причины. Но прежде чем рассмотреть их, посмотрим, нет ли различий между разными случаями эскалации агрессии.

Два вида эскалации агрессии

Мы считаем, что для лучшего понимания этого сложного явления нам необходимо различать два его вида:

1) пошаговое усиление и повторение физической агрессии;
2) пошаговое усиление вербальной агрессии.

Эти два основных вида эскалации агрессии могут сочетаться, давая различные варианты смешанной или комплексной эскалации агрессии.

Что считать шагом или ступенью в этих процессах?

Когда речь идет об усилении физической агрессии, такими шагами можно считать физические удары по жертве. Обычно эти действия однообразны. Для случая словесной агрессии и ее эскалации такими шагами следует, как мы полагаем, считать дискредитирующие вербальные выражения агрессора (оскорбления, ругательства). Когда же мы рассматриваем смешанный или комплексный случай эскалации агрессии, то в этом случае каждый шаг физической агрессии может сопровождаться соответствующим шагом вербальной агрессии и эти компоненты сложного психического процесса могут взаимно интенсифицировать друг друга. Причем вербальная агрессия во внешней речи может быть весьма сжатой, зато иметь более обширное представительство во внутренней речи. Но чтобы раскрыть эти скрытые стороны процесса, необходимы специальные исследования **внутренней агрессивной речи**, ее связей с воображением и мышлением, теми механизмами, с помощью которых происходят предвосхищение агрессивных физических действий и их выполнение. Очень важно также исследовать, каким образом и на каком этапе включаются внутренние ингибиторы агрессии, какое выражение они получают у совершающей агрессивные действия личности.

Есть и другой аспект проблемы: каким образом в истории человечества вместе с возникновением языка и речи возникли связи между такими агрессивными речевыми единицами, как: «Вот тебе, получай, вот тебе!» и т. п., и актами физической агрессии? Каким образом эти связи возникают в процессе психического развития детей и подростков? Важно знать, какие существуют психологические различия как в эскалации агрессии, так и в соотношениях между ее физическими, вербальными и когнитивными компонентами. Здесь мы видим очень интересную область новых исследований.

Различная длительность эскалации агрессии

В различных случаях насилия над людьми, особенно убийства, когда имеет место эскалация агрессии, мы без труда видим, что ее длительность различна. Одну жертву убивают всего одним ударом и быстро удаляются, вторую — пятью-шестью ударами или выстрелами, но встречаются случаи нанесения жертве нескольких десятков ударов или выстрелов. Мы видим, что в различных случаях количество шагов (ударов и промежутков между ними) и длительность всего процесса различны.

Почему? Зависят ли эти различия лишь от внешних обстоятельств (появились люди, возникла опасность быть схваченным на месте преступления и т. п.)? В какой мере эти различия обусловлены индивидуальными особенностями преступников и их психическим состоянием в минуты совершения преступления?

Явление эскалации агрессии мы видели также в видеозаписи убийства государственных деятелей Армении в Национальном собрании этой страны 27 октября 1999 года.

Эскалация агрессии особенно ясно была видна по отношению к премьер-министру Вазгену Саркисяну, в которого преступники, как показало следствие, выпустили много пуль, а затем один из них несколько раз ударил убитого прикладом автомата и ногами. В таком поведении явно видно сочетание инструментальной агрессии с враждебной на иррационально высоком уровне.

4.8. Психологические причины и механизмы эскалации агрессивности

Специалистами предложен ряд предположений о причинах усиления агрессивности человека в самом процессе совершения агрессивных действий. Так, *Л. Берковиц* в их числе называет следующие:

а) повышение уровня общего возбуждения агрессора, чем и стимулируются все новые и более интенсивные агрессивные действия;

б) предвидение и ощущение грозящей опасности;

в) беспокойство и тревога;

г) удовольствие от совершаемых действий, приятные переживания и другие[31].

Здесь мы намерены рассмотреть только некоторые из наиболее важных причин эскалации агрессии, таких факторов, в отсутствие которых она не могла бы произойти.

Переход от инструментальной агрессии к враждебной (новая концепция)

Мы считаем, что указанную в заглавии причину пошагового усиления агрессии можно понять, если мысленно вернуться к приведенному выше и другим примерам из реальной жизни. Из них видно, что преступник вначале не хотел убивать жертву, он старался лишь сделать ее временно беспомощной, неспособной на сопротивление и ограбить ее. Иначе говоря, *его агрессия вначале была инструментальной*. Но как только первое агрессивное действие не достигло цели (а это фрустрировало преступника), у него появилась уже враждебно-импульсивная агрессия, очень интенсивная и разрушительная. *Сочетание этих двух видов агрессии и дает начало процессу эскалации агрессии*. Можно также говорить о том, что *в этот момент инструментальная агрессия частично превращается во враждебную*, в частности, в смысле изменения ее мотивации под влиянием неудачи первого действия, то есть в результате фрустрации.

На этапе спада враждебная агрессия начинает ослабевать, и опять появляется инструментальная агрессия, которая постепенно начинает относительно преобладать в поведении преступника, но по абсолютной интенсивности тоже идя на убыль. Однако, когда в сознании агрессора появляется понимание того, что практическая цель достигнута (жертва убита), и эта разновидность агрессии быстро идет на спад: преступник становится более расчетливым. Он захватывает те ценности, ради которых пришел на место преступления, и быстро удаляется. Что же касается процесса спада агрессивности и агрессивных действий, то этот вопрос мы вкратце еще раз рассмотрим немного позже.

Тревога, страх и стимуляция агрессии

Можно предположить, что преступник, нанося первый удар, начинает переживать достаточно сложное и динамичное психическое состояние, основными составляющими которого являются: страх перед содеянным и частично перед его последствиями, страх перед умирающим человеком и его душой: этот идущий из глубин веков страх поднимает голову в его психике, а вместе с этим в определенной мере и доисторический человек. Наконец, начинается переживание сильной тревоги в ожидании грядущих опасностей и возможного наказания. Конечно, если преступник — психопат, приходится учесть, что тонких переживаний он может и не иметь. Патологические случаи нуждаются в особом рассмотрении.

Именно такое комплексное и крайне напряженное переживание и способно породить явление усиления агрессии и агрессивности (сочетание гнева, враждебности и агрессивной установки). Отсюда — пошаговая, но быстротечная интенсификация агрессивных действий. Последние могут стать иррационально-садистическими.

Вовлечение «Я», и о так называемом «смятении»

Когда человек начинает агрессивное взаимодействие с жертвой, выступая как актер на социальной сцене, в эту игру включается его «Я-концепция». Однако вследствие интенсивности его переживаний высшие подструктуры его самосознания (в первую очередь его идеальный «Я-образ») подавляются, поэтому у него снижается уровень тех критериев, которыми обычно люди данной культуры оценивают свое поведение.

Мы считаем, что **идеальный «Я-образ» является одним из внутренних тормозных механизмов** (ингибиторов) **социальной агрессии человека**. Но когда она вытесняется и подавляется, его тормозная функция также ослабевает или исчезает и человек вовлекается во все более жестокие действия. Правда, многое зависит от содержания идеального «Я-образа» человека: если идеалом для него является жестокий и беспощадный профессиональный преступник, то именно активность и регулирующее воздействие такого психического образования и делает его агрессию все более интенсивной.

При обсуждении подобных случаев психологи, например *Л. Берковиц*, да и непсихологи тоже, утверждают, что «внутреннее смятение» не позволяет человеку удержаться от совершения агрессивных действий. Но что такое «смущение» или «смятение» в точном психологическом смысле слова? Насколько нам известно, нет еще разработанной психологической концепции смущения. Оно, конечно, связано с самосознанием («Я-концепцией») личности. Смутившись, мы допускаем ошибки, потому что «Я» в этом состоянии плохо управляет нашим поведением, неэффективно регулирует его.

Но мы не уверены, что агрессор, все более и более усиливающий свои удары и воодушевившись, переживает смущение. Такое утверждение, по-видимому, чушь. Смущение может наступить позже, в процессе спада агрессивности и после завершения насильственных действий. Мы полагаем, что нам еще предстоит исследовать изменения «Я-концепции» агрессора в процессе эскалации его агрессивности и насильственных действий.

Идеальный «Я-образ» является одним из внутренних тормозных механизмов (ингибиторов) социальной агрессии человека.

«Смущение» в словаре русского языка объясняется как «замешательство, состояние застенчивости, стыда». Оно имеет свои психосоматические выражения: от смущения краснеют; существует «смущенная улыбка» и т. п.

Но мы полагаем, что в психическом состоянии смущения главное — или неопределенность ситуативного «Я-образа» человека, или же очень яркий ситуативный «Я-образ», которым человек не хотел бы выступить на данной социальной сцене. Причем смущение и его последствия — стыд и застенчивость — возникают тогда, когда не только сам индивид воспринимает свой нежелательный «Я-образ», но и знает (видит, чувствует), что и присутствующие люди воспринимают его сходным образом. Он невольно раскрывается перед ними, и ему становится стыдно за себя.

Может ли жестокий агрессор, наносящий все более сильные удары своей жертве, переживать такое состояние?

Переживают ли смятение те испытуемые, которые во время эксперимента наносят все более интенсивные удары, эскалируя свою агрессивность, хотя жертва их совсем не провоцировала?

Она не была для них ни фрустратором, ни стрессором.

Но если под «смущением» понимать сумеречное состояние сознания**, в таком утверждении уже будет доля правды.**

Специального исследования требуют процессы интроспекции и объективного самовосприятия агрессора в процессе эскалации агрессии. Известно, что именно в процессе активности этих способов самовосприятия собственные переживания, мысли и действия человека запечатлеваются в памяти. Проверяя содержание его памяти, можно выяснить, в каком состоянии были его «я» и процессы самовосприятия при совершении агрессии и эскалации агрессивных действий.

Роль самовознаграждения каждого шага

Начиная агрессивные действия, индивид имеет перед собою несколько целей:

а) нанесение жертве такого вреда, чтобы она стала недееспособной;
б) убийство;
в) достижение других целей с помощью агрессии.

В последнем случае в его поведении преобладает инструментальная агрессия.

Если каждое агрессивное действие (шаг), совершаемое индивидом, приближает его к одной из этих целей и он понимает это, то тем самим *он вознаграждается, его действия подкрепляются и стимулируются*. Этим путем тоже каждое последующее агрессивное действие (до начала этапа устойчивости и спада) становится более интенсивным, чем предыдущее действие.

Агрессора может возбуждать и стимулировать как позитивное, так и негативное вознаграждение: в первом случае — приобретение того, чего он хотел достигнуть своими действиями, а во втором — исчезновение того, что он хотел устранить.

Точка зрения, согласно которой агрессор стремится к определенной цели и после ее достижения прекращает свою агрессию, отражает часть реальности. Но она слишком рациональна, чтобы объяснить все аспекты процесса эскалации агрессии. Например, без труда можно видеть, что нанесение ударов трупу жертвы уже совсем

не приближает преступника к его цели: она достигнута и избиение трупа жертвы является иррациональным действием. Это уже особая разновидность садизма. Она возможна лишь в том случае, если преступник пользуется не только инструментальной, но и враждебной агрессией, однако преимущественно последней.

Итак, эскалация продолжается как до, так и после достижения основной цели (пусть на короткое время). Но такая иррациональная агрессия имеет свои иррациональные же мотивы и цели.

4.9. Эскалация агрессии без провоцирования

Когда человек имеет определенные цели и пользуется агрессией для их достижения, это понятно, хотя и в моральном отношении не всегда оправданно. Мы попытались объяснить, почему и как в подобной ситуации происходит эскалация агрессии.

Однако более внимательное изучение феноменологии агрессивности людей показывает, что явление эскалации агрессии имеет место и в таких ситуациях, когда будущего агрессора никто не провоцирует, то есть ничто не вызывает в нем фрустрации и стресса. Почему у таких людей все же наблюдается явление, которое мы предпочитаем назвать **пошаговым усилением агрессивности**?

Факты, которые заставляют нас думать, что существуют случаи эскалации агрессии и без провоцирования, получены в ходе тех лабораторных исследований, во время которых испытуемые должны были наказать другого человека за допущенные ошибки в ходе решения задач. Исследования проводились, как догадывается читатель, по известной методике *А. Басса*. Интенсивность наносимых ими электрических ударов по воображаемой жертве усиливается с каждым новым шагом[32].

Мы считаем, что данное явление наблюдается и вне лаборатории, в реальной жизни. Нередко можно видеть, что жертва никак не провоцировала агрессора, но последний, начиная подвергать ее агрессии, с каждым шагом действует все более ожесточенно. Происходит **самоусиление агрессивности** и исходящих из нее насильственных действий.

Итак, эта проблема известна психологам и наблюдается не только в лаборатории, но и в реальной жизни. А это означает, что самоусиление агрессивности имеет внутрипсихические механизмы, а внешние факторы могут лишь способствовать его появлению и усилению или подавлению и ослаблению.

Можно сделать несколько предположений о механизмах эскалации агрессии без внешнего провоцирования со стороны других людей, в том числе будущей жертвы. Эти механизмы, по нашему мнению, следующие:

1) общая агрессивность человека;
2) общая фрустрированность, вследствие чего уровень агрессивности личности постоянно высокий: человек имеет «свободно плавающий гнев»;
3) процесс вовлечения в агрессивные действия, который происходит вследствие того, что после первых ударов у агрессора появляется когнитивный диссонанс;
4) вознаграждение агрессора тем садистическим удовольствием, которое он получает от своих действий и вида страдающей жертвы;

5) некоторые сходства данной жертвы с теми людьми (или их категориями, например этническими или расовыми), которые в прошлом фрустрировали агрессора: в таком случае происходит перенос агрессии на новый объект, замена прежнего подлинного фрустратора новым.

Поскольку все эти условия или хотя бы два-три из них не так часто сочетаются в психике одного человека, во время лабораторных опытов явление эскалации агрессии без внешнего ситуативного провоцирования наблюдается лишь у части испытуемых.

Уместно сделать еще одно предположение: *можно думать, что беспомощность жертвы и ее неспособность дать агрессору отпор для людей с сочетанием вышеназванных факторов не является ингибитором агрессии.* Наоборот, предвидение своей безнаказанности может стать еще одним фактором, способствующим усилению уже начавшейся агрессии. Это означает, что одни и те же ингибиторы для разных людей имеют различное значение в смысле различного уровня торможения агрессивных действий — начиная с высокого уровня эффективности (у морально зрелых людей, гуманистов) и до нулевого влияния или даже воздействия с обратным знаком. Последнее означает, что некоторые из так называемых ингибиторов агрессии, например вид страдающей жертвы, для некоторых индивидов являются не ингибиторами, а возбудителями, релизерами агрессии. Эта проблема, кажется, впервые ставится здесь и нами. Она представляет большой интерес для исследования индивидуальных различий людей, социальных и этнических групп. Мы предполагаем, что для понимания *психологических предпосылок геноцида* (этноцида) исследование предложенной проблемы представляет существенный интерес. Иначе трудно понять такую степень жестокости и безграничной агрессивности турецких и немецких фашистов в годы геноцида армян в Турции (начиная со второй половины XIX века до 1923 года), холокоста евреев в Германии в 1930–1940-е годы и другие чудовищные проявления агрессивности людей и этнических групп.

Особого внимания требует проблема дифференцированного представления и развития ингибиторов агрессии в психике разных людей.

4.10. Пошаговый спад агрессии

Если рассмотреть *весь процесс* подобного агрессивного *ролевого взаимодействия* агрессора и его жертвы, то можно увидеть, что он подразделяется на два этапа:

1) *этап восходящей агрессивности:* именно этот этап и описывается психологами под названием процесса эскалации агрессии; это действительно пошаговое усиление агрессивности и интенсификация насильственных действий;
2) *этап спада, затухания агрессии:* начиная с какого-то момента силы ударов, их энергетическая насыщенность уже не увеличивается, а идет на спад, до полного затухания. Есть, следовательно, начало, середина и завершение всего процесса агрессивного взаимодействия агрессора и жертвы. В середине всего процесса может наблюдаться краткий этап стабилизации интенсивности агрессивных действий, если вообще в таком сверхдинамическом процессе можно говорить о какой-то стабилизации и устойчивости.

Почему начинается спад агрессивности?

О его причинах есть у психологов два предположения:

1) первое сводится к тому, что агрессор устает, и это действительно важная причина: интенсивные агрессивные действия и сопровождающие их мощные эмоции требуют от человека огромных усилий и расхода психофизиологической энергии;
2) второе предположение: агрессор наконец понимает, что цель уже достигнута.

Эти причины указаны в той характеристике эскалации агрессии, которая дана *Л. Берковицем*. Но мы считаем, что в таких случаях прекращение агрессивных действий может обусловливаться также факторами страха, активации инстинкта самосохранения, появления людей и т. п. Но психологии известно, что страх тоже может способствовать усилению агрессии, так что, по нашему мнению, в результате спада агрессивность преступника или другого агрессора никогда не достигает нулевого уровня.

4.11. Когнитивные аспекты эскалации агрессии (новые проблемы)

В ходе предыдущего обсуждения мы по необходимости коснулись не только поведенческих, но и внутрипсихических аспектов эскалации агрессии и ее спада. В их числе мы упоминали также те когнитивные (познавательные) механизмы, которые играют роль в сложных процессах взаимодействия агрессоров и их жертв. Здесь необходимо сосредоточить внимание на некоторых специфических моментах тех познавательных процессов и механизмов, которые играют роль в появлении феномена пошагового усиления агрессивности.

Мы считаем, что в процессе эскалации агрессивности особую роль играют **атрибуции** и **когнитивный диссонанс**, а также другие познавательные процессы агрессора.

1. Агрессивные мысли и действия вызывают у агрессора новые враждебные мысли, слова и действия. Агрессор, действуя, мыслит, пусть и поверхностно, и порожденные этим процессом мысли содержат агрессивные желания и намерения по отношению к жертве. Его восприятия также становятся избирательными: он воспринимает такие признаки жертвы и ее поведения, которые быстро истолковываются им в качестве признаков враждебности и угроз, что и усиливает его агрессивность.
2. Агрессор, начиная действовать, делает атрибуции жертве, приписывая ей отрицательные черты и мотивы. Эти когнитивные процессы в какой-то мере выражаются в тех словах, которые агрессор произносит параллельно с нанесением ударов. Подобные приписывания можно назвать **мгновенными атрибуциями**. Они, как мы полагаем, быстротечны, и, по-видимому, их образование почти не осознается человеком. Частично осознаются лишь их результаты, которые выражаются в ругательствах, сравнивающих человека с животными, обзывание различными отрицательными существительными («подлец», «гад», «подонок» и т. п.). Все они — *символические выражения в основном подсознательно протекающих атрибутивных процессов.*

Мы полагаем, что подобного рода агрессивные и мгновенные атрибуции психологически подготавливают каждый новый удар насильника.

3. После внимательного анализа всего процесса агрессивного взаимодействия (эпизода) — выявления его начала, этапа подъема (эскалации), полосы устойчивости и спада, можно прийти к следующим выводам:
   а) на этапе усиления агрессии происходит *психологическое вовлечение* личности агрессора в этот процесс;
   б) вовлечение вызывает *когнитивный диссонанс*, вследствие чего в психике личности возникает мотив осуществления процессов психологической самозащиты и адаптации;
   в) на этапе спада личность, особенно ее «Я-концепция», постепенно «выходит» из процесса, то есть с ней происходит нечто противоположное вовлечению.

Целесообразно предположить даже возможность некоторого самоотчуждения личности и отчуждения от содеянного. Эти процессы могут воплощаться в выражающих сомнения мыслях: «Я ли это сделал?», «Как это получилось?» и т. п. Может наблюдаться ретроградная амнезия той или иной глубины и временно́го охвата. Возможна некоторая психическая регрессия. Все это надо, конечно, исследовать.

4.12. Эскалация агрессии в семейных отношениях

Вопросы семейного насилия в настоящее время находятся в центре внимания психологов, социологов, политических и общественных деятелей. Здесь мы рассмотрим одну из особенностей внутрисемейной агрессии и выскажем ряд соображений о методах семейной терапии. Надо сказать, что данная проблематика уже привлекла внимание многих психологов (*М. Страус*, *Л. Берковиц*, *Ш. Берн* и другие) и результаты их исследований лежат в основе нашего краткого анализа.

Эскалация агрессии в семье

Здесь речь идет об агрессивном взаимодействии супругов, отношения которых можно охарактеризовать словами «ролевое агрессивное взаимодействие». Вполне понятно, что взаимоотношения супругов содержат много других аспектов, поэтому данную нами характеристику следует понимать в том смысле, что в их речевом взаимодействии одним из ведущих мотивов стала взаимная агрессия, желание причинить вред друг другу, дискредитировать друг друга, недооценивать личные качества и достижения друг друга и т. п.

Наблюдения и беседы позволили *М. Страусу* установить, что в американских семьях во взаимодействиях супружеских пар встречаются все разновидности как словесной, так и физической агрессии. Причем супруги редко ограничиваются применением лишь одного вида агрессии.

Что касается эскалации агрессии, то она обычно протекает следующим образом: супруги начинают словесную перепалку, которая постепенно становится все более и более яростной, и с какого-то момента ссорящиеся начинают применять физическую агрессию. Чем интенсивнее становилась вербальная агрессия, тем больше было вероятности того, что она перерастет в физическую[33].

Здесь следует отметить еще одну характерную черту этого процесса, того этапа, когда уже совершается переход от вербальной агрессии к физической: стороны конфликта сначала на словах угрожают друг другу физическими действиями («голову размозжу», «убью гадюку» или помягче: «уши оторву» и т. п.) и лишь после этого переходят к реализации физической агрессии. Материалы, находящиеся в нашем распоряжении, показывают, что, как правило, в начале данного этапа эскалации агрессии словесные угрозы обещают жертве более жестокие физические наказания, чем реально применяет агрессор. Есть здесь еще один момент: возможно, что в некоторых случаях словесные угрозы о применении физического насилия заменяют реальные действия и дают некоторое удовлетворение агрессору. Такого результата можно ждать тогда, когда подобная угроза приводит к успеху: противная сторона идет на уступки и, полностью прекращая борьбу, сдается.

Конечно, явление пошагового усиления агрессии в семейных отношениях необходимо исследовать подробнее с помощью адекватных методик. Ведь в этом процессе используются самые разнообразные психологические механизмы и аргументы; каждая сторона исходит из своего представления о ролях мужа и жены, других внутрисемейных ролях, конфликтует вокруг тех ожиданий, из которых состоят данные роли. Они пользуются целыми системами атрибуций, привлекают другие защитные механизмы. Все это чрезвычайно интересно исследовать, потому что семейные ролевые ожидания, в том числе конфликтные и агрессивные, представляют самый реальный и важный аспект повседневной жизни многих людей.

Как смягчить внутрисемейное насилие

Вопрос о семейной профилактике агрессии мы затрагиваем в различных главах настоящей книги. Здесь же рассмотрим лишь один вопрос: *надо ли позволить, чтобы эскалация агрессии в семье протекала свободно?* Приведет ли это к катарсису, как полагают психоаналитически ориентированные психотерапевты? Критики подобной «вентиляционной» теории отмечают два обстоятельства. Во-первых, совершение агрессивных действий очень часто вместо ослабления еще больше усиливает агрессивность конфликтующих сторон. Во-вторых, когда супругам советуют в определенных, «приличных» рамках давать свободу своей агрессии, то не говорят, каким образом удерживать агрессию в определенных границах[34].

Действительно, когда человек вовлекается в агрессивные действия, остановиться нелегко. Как верно отмечает *Л. Берковиц*, взаимные претензии легко переходят во взаимные оскорбления, «...от которых недалеко и до применения физического насилия»[35].

И причину такой эскалации нетрудно понять: взаимные оскорбления — это новые фрустраторы, которые еще больше стимулируют агрессивность сторон.

Более того, мы считаем, что эти взаимные оскорбления содержат *отрицательные гетероатрибуции* и приводят к дегуманизации противоположной стороны. Именно это и позволяет эскалировать агрессию. Происходит вовлечение сторон в разрушительный психический процесс, из которого уже нет полного возврата назад. Атрибуции, оскорбления и возникающие отрицательные образы друг друга полностью уничтожить уже невозможно. Эмоции закрепляют их в долговременной памяти, консолидация таких комплексов происходит ускоренно.

Здесь опять мы вернемся к высказанной выше идее о существовании мгновенных атрибуций, которые, молниеносно возникая в ходе агрессивного взаимодействия людей, ускоряют и усиливают этот процесс, становясь одним из главных механизмов эскалации агрессии. *Не столько само агрессивное действие стимулирует новое действие, еще более интенсивное* (как полагают Берковиц и другие бихевиористы), *сколько именно эти атрибуции, возникновение которых тоже почти не контролируется сознанием индивида.* Контролировать возникновение мгновенных атрибуций почти невозможно, поскольку: они исходят из подсознательной установки, то есть готовности дискредитировать противника; они частично уже были готовы, так как создавались в процессе конфликтов прошлого и даже в промежутках между ними, а в актуально протекающем конфликтном взаимодействии лишь воспроизводились в сфере сознания.

Мы считаем, что изложенная только что концепция допускает проверку без особых трудностей. Для этого в первую очередь надо записать ход конфликтного взаимодействия, все высказывания сторон, вести с ними анамнестическую беседу и получить соответствующие выводы. Мы надеемся, что концепция должна подтвердиться, поскольку исходит из установленных законов психической жизни человека и из реальных наблюдений. Некоторые эмпирические подтверждения нам уже удалось получить путем анализа ряда случаев семейных конфликтов.

Когда же супруги прекращают спор и драку?

Допустим, что спор супругов эскалируется и переходит в драку, а вокруг нет людей, которые разняли бы их. Но ведь они не могут же драться вечно! Почему они останавливаются? Какие факторы заставляют их делать это?

Предварительно (поскольку проблема почти не исследована психологами) можно сказать, что агрессивное взаимодействие супругов прекращается по следующим причинам:

1) наступает усталость;
2) стороны получают физические увечья, пугающий вид которых тормозит дальнейшие агрессивные действия;
3) наступает осознание того, что содеянное постыдно (то есть повышается уровень моральной регуляции поведения, в их сознании оживляются нормы более высокого уровня, пробуждается совесть);
4) тормозит их действия также страх перед возможностью того, что соседи и другие посторонние люди узнают об их конфликте;
5) присутствие детей;
6) осознание того, что цель конфликтного взаимодействия уже достигнута или она недостижима и продолжать спор бессмысленно.

В каждом конкретном случае действует свой набор этих и других факторов. Но самыми надежными являются внутрипсихические ингибиторы агрессии, которые и следует развивать в ходе социализации.

Поскольку эскалация агрессии в семейных отношениях является очень типичным и повседневным событием, ее доскональное исследование позволит расширить наши представления о психологических механизмах этого явления и развивать теорию человеческой агрессивности.

4.13. Насилие

Как убедительно показывают современные социально-психологические исследования, наше поведение определяется не столько объективными обстоятельствами, ситуацией, в которой мы находимся, сколько нашим восприятием, пониманием и оценкой этой ситуации и ее отдельных элементов[36].

Психологическая феноменология — важнейший фактор в детерминации поведения индивидов и групп.

Данный принцип можно успешно применить в области исследования агрессии и насильственных действий человека.

Сущность насилия

Каждый акт насилия, без сомнения, есть агрессивное действие. Но всякую ли агрессию как направленное на объект действие можно считать насилием? В каких случаях требования и претензии других людей воспринимаются нами как насилие? Здесь мы предлагаем не столько определение, сколько подробную характеристику насилия.

Насилием следует считать ту разновидность агрессии, которая имеет социальный характер, то есть направлена на других человеческих индивидов и их группы вплоть до больших групп — этносов, наций, обществ. Агрессивные действия человека, направленные на животных, по-видимому, нельзя отнести к категории насилия в собственном смысле слова, хотя это, конечно, спорная точка зрения. Что касается неодушевленных предметов, то иногда некоторые действия людей по отношению к природе называют насильственными. Иногда же образно говорят, что, например, исследователь «насилует» проблему и т. п.

Второй и основной характерной чертой насилия является то, что насилие — такое агрессивное действие физического или психологического характера, которое нежелательно для объекта (жертвы), считается им незаконным не только в юридическом, но и в психологическом и нравственном смысле. Насилие — это нелегитимное и несправедливое требование, предъявляемое к человеку или группе. Это такое требование, которое с точки зрения человека, к которому оно предъявляется, считается для него вредным.

Отсюда вытекает третья характерная особенность насилия: *чтобы добиться своей цели, агрессор прибегает к дополнительным физическим или психологическим мерам оказания давления.* Он заставляет другого выполнить свое требование. Насилие над человеком имеет место во всех тех случаях, когда в его действиях, идущих навстречу требованиям агрессора, нет добровольного начала, внутренней положительной мотивации.

Здесь во избежание недоразумений необходимо сделать одно уточнение. Надо иметь в виду, что *легитимность* — не только юридическое понятие. Есть формальная, юридическая легитимность: существует закон и индивид А, занимающий определенный статус, имеет формальное право требовать от индивида Б выполнения определенных действий в определенной ситуации. Но как же поступить в тех случаях, когда требования А, соответствующие закону, превышают возможности Б? Здесь уже возникает потребность расширения понятия «легитимность» и введения в оборот понятия «психологическая легитимность»: если требование А,

Во всех тех случаях, когда людей заставляют делать что-то против их воли, мы имеем дело с насилием.

предъявляемое к Б, превышает возможности физических и психологических способностей Б, вследствие чего Б просто не может его выполнить, тогда требование А следует считать психологически незаконным и несправедливым. Психологически незаконной считают люди власть над собой такого человека, который, по мнению подчиненных, не достоин своего статуса. Он не должен руководить ими. *Власть такого человека воспринимается как насилие.*

Насилием является и такое требование, которое формально законно, но предъявляется в агрессивной, оскорбительной форме. Примеров такого психологического насилия великое множество:

а) от работника в грубой форме требуют делать то, что он мог бы делать, если бы требование было предъявлено вежливо;

б) от ребенка требуют делать то, что не соответствует его возрастным возможностям;

в) к взрослому обращаются с требованием, для выполнения которого тот должен нарушить закон, но не желает делать этого;

г) человека заставляют делать что-то ценой отказа от его собственной более важной цели;

д) когда от страны-должника требуют выплаты таких налогов, каких она не способна выплачивать, поскольку это грозит разорением.

Когда преподаватель или ментор заставляют своих учеников или слушателей сидеть и заниматься учебной деятельностью, в то время как они переутомлены и их психологические возможности исчерпаны, тогда это — насилие. Когда офицер высокого ранга заставляет младших по чину часами слушать свои нотации (в подразделении, где служил автор этих строк в чине лейтенанта, был такой полковник-садист), то это, безусловно, насилие. Когда кто-либо без приглашения выступает в роли советчика, так сказать, навязывается, тогда он применяет насилие, хотя сам может быть иного мнения. Он, навязывая другому свой «богатый жизненный опыт», может считать себя благодетелем.

Во всех тех случаях, когда людей заставляют делать что-то против их воли, мы имеем дело с насилием. Оно необходимо, когда имеют дело с преступниками, которые действуют как насильники. Но во многих случаях насилие излишне и вредно, и желательно использовать более законные и разумные способы социального воздействия и социализации.

Виды насилия Насилие над человеком или социальной группой охватывает почти все разновидности агрессивных действий людей. Но мы выделяем здесь две основные и обширные группы насильственных действий: физические и психологические.

1. **Физическое насилие.** Мы имеем дело с физическим насилием во всех тех случаях, когда с целью заставить другого (Б) выполнить какие-либо свои требования индивид А применяет к нему различные формы неприятного, болевого физического воздействия: побои, нанесение ран, наказание электрическими ударами, холодовые воздействия и т. п.

2. **Психологическое насилие** над людьми также осуществляется самыми различными способами. Это угрозы, оскорбление и унижение достоинства, несправедливость, недооценка личности и ее достижений, различные другие формы дискриминации; ругательства; приписывание негативных стереотипов и ярлыков; атрибуция различных болезней и таких психических черт, которые считаются позорными; обзывание взрослого и нормального человека такими словами, которыми обычно характеризуют маленьких детей и животных, — это нередко ласковые слова, но оскорбительные для взрослого и зрелого человека.

   Угроза будущим физическим воздействием также является психологическим насилием. В этом смысле содержащиеся, например, в Уголовном кодексе статьи о наказаниях в случае совершения преступлений воспринимаются людьми, с ними несогласными, как способы психологического насилия. Преследование человека психологическими методами с целью довести его до самоубийства также состоит из цепи насильственных действий психологического характера.
3. **Комплексное насилие** — сочетание физических способов насилия с психологическими. Например, когда человека избивают и одновременно обзывают оскорбительными словами, мы имеем дело с комплексным насилием. Комплексное насилие — это сочетание вербальных, физических и невербальных агрессивных действий в одном сложном социальном поступке или преступлении. Очень много примеров применения комплексного насилия над людьми можно привести из практики Святой инквизиции, КГБ СССР, гестапо в Германии и других охранных органов авторитарных государств. Такое насилие — постоянное средство достижения своих преступных целей у различных возрастных криминальных групп[37].

Изнасилование как сексуальное насилие

Насилие присутствует там, где попирается свобода человека, его право на свободный выбор своего жизненного пути, целей, круга общения и взаимодействия, свободного волеизъявления и высказывания своих взглядов. Поэтому когда мазохист просит, чтобы партнер применил к нему насилие и агрессор идет ему навстречу, то здесь нет насилия в подлинном психологическом смысле слова. Это исполнение воли другого человека.

Точно так же если женщина просит у мужчины иметь с ней сексуальное сношение и мужчина исполняет ее желание, то и в этом случае нет насилия. Это исполнение воли женщины, подчинение ее воле, а не насилие. *Изнасилование* имеет место тогда, когда мужчина заставляет женщину, применяя угрозы и физическое воздействие, иметь с ним сексуальное сношение и она отдается против своей воли. Насилие, применяемое во взаимоотношениях мужчин и женщин, может быть как физическим или психологическим, так и комплексным.

С этой точки зрения всякое сексуальное домогательство одного человека по отношению к другому, если для последнего оно нежелательно, можно квалифицировать как *психосексуальное насилие*. Оно имеет место каждый раз, когда заставляют партнершу (или партнера, что тоже бывает) вступить в эротические отношения против своей воли. Поскольку таких случаев и их нюансов очень много, в перспективе возможно создание типологии сексуальных насилий по психологическим критериям и исследование в них различных проявлений агрессивности человека.

Специфическими, как мы уже отметили, являются взаимоотношения садистов и мазохистов или, вернее, двух индивидов с садомазохистическими комплексами. Когда мазохист(ка) просит, чтобы его (или ее) партнер-садист подверг насилию, сочетая это с сексуальными действиями, то возникает весьма спорная для психологов и юристов ситуация: являются ли действия первого из партнеров (садиста) по отношению ко второму (мазохисту) насильственными в подлинном смысле слова. Действия эти формально агрессивны, но в психологическом аспекте двусмысленны: они причиняют объекту как боль, так и удовольствие. Это амбивалентные действия, которые выступают в таком качестве вследствие тех сложных амбивалентных психических состояний, которые вызываются в объекте насилия. И в этом случае трудно назвать объект просто жертвой, поскольку настоящая жертва имеет не только юридический, но и психологический характер.

Человек является жертвой в подлинном смысле слова тогда, когда искренне считает себя таковой. Можно задать вполне естественный вопрос: является ли человек жертвой агрессии, если сам просит, чтобы к нему применили агрессивные действия, и если эти действия не превышают его ожидания?

Проблема насилия имеет многочисленные аспекты, и нередко власти разных стран оказываются перед проблемой применения или неприменения определенных действий, поскольку не знают, как они будут квалифицироваться. Приведем пример. Часть сексуальных преступников, находясь в заключении, просит кастрировать себя, дабы освободиться от своих постыдных импульсов, не дающих им покоя. Как должны поступить власти в таких ситуациях? Не будет ли дополнительным насилием такая операция, не предусмотренная законом и превышающая назначенную этим людям судебным решением меру наказания? Проблема в том, что они сами этого хотят. Будет ли такая операция насилием, если сами субъекты добровольно идут на это?

Эвтаназия и проблема насилия

Специфическим случаем, однако до сих пор не нашедшим отражения в работах по психологии человеческой агрессивности, является эвтаназия. Как известно, различают две ее формы: активную и пассивную[38].

Является ли эвтаназия, особенно ее активная форма, насилием над человеком, агрессивным актом?

Здесь еще много проблем, подлежащих обсуждению не только в психологической танатологии, но и в науке о человеческой агрессивности. Вкратце рассмотрим некоторые из них.

Если врач желает избавить больного от страданий, то являются ли его действия по умерщвлению больного агрессивными и насильственными?

Когда мы берем изолированно только те действия, которые приводят к смерти больного человека, то они выглядят как подлинно агрессивные, причем именно так они и оцениваются значительной частью внешних наблюдателей. Но если эти действия исходят не из мотива нанесения вреда, а из желания избавить человека от страданий, то не так-то легко ответить на вопрос об их психологическом характере. Мотив избавления человека от страданий — это уже неагрессивный мотив. Итак, если даже оставить пока в стороне желание пациента умереть и его просьбу помочь ему в этом, нетрудно заметить, что эвтаназия имеет сложную мотивацию, а именно агрессивно-неагрессивную. И без обращенных к врачу вопросов можно

сказать, что, решаясь на эвтаназию своего (доверившегося) больного, он преодолевает достаточно сложный внутренний конфликт.

Но если сам больной дает свое согласие на свою эвтаназию и ясно выражает свою волю, то эвтаназия, по-видимому, психологически перестает быть насилием.

Наконец, нет сомнения, что имеется существенное различие между пассивной и активной формами эвтаназии. Активная эвтаназия является более агрессивной: цель ясно определена, и врач продуманными шагами прямо идет к этой цели. Но в тех случаях, когда больной дает свое согласие на эвтаназию, ситуация меняется:

а) в этом случае пассивная эвтаназия, при которой страдания больного продолжаются, становится более жестокой; она, по существу, является насилием, поскольку идет против воли больного: его заставляют жить в то время, как он этого не желает;

б) активная же эвтаназия при наличии ясно высказанного желания больного умереть как можно скорее становится более гуманной. В психологическом смысле это уже не насилие, даже если врач своими действиями нарушает закон.

Итак, рассмотрение эвтаназии в качестве разновидности агрессии позволяет обсуждать новые грани этого сложного и тонкого явления. И можно задать вопрос: надо ли было наказать *Джека Геворкяна*, «Доктора смерти», как называют этого врача в США?

Толерантность к насилию

Когда в обществе совершается много актов насилия, когда средства массовой информации показывают много боевиков и других материалов со сценами жестокостей и насилия, вплоть до садизма, и когда все это длится долго и вновь и вновь повторяется, у людей — потребителей этой продукции происходят серьезные внутрипсихические изменения. Поведенческие изменения, которые нетрудно наблюдать, являются выражением внутрипсихических изменений людей. О каких психологических изменениях идет речь? Многократное восприятие насилия вызывает равнодушие людей к таким сценам, как реальным, так и воображаемым. Эмоции, вызываемые ими, сначала бывают бурными, а затем постепенно затухают вплоть до безразличия.

Происходит более общее и сложное когнитивно-эмоциональное изменение личности: *она становится толерантной к насилию*. Насилие становится как бы естественным, само собой разумеющимся поведением. Человек перестает так остро переживать и осуждать агрессивные действия других, как раньше. Толерантность к агрессии — это сложная установка личности, и если она уже образовалась и зафиксировалась, ее трудно изменить.

Поскольку телевидение показывает многократно больше насилия, чем имеет место в реальной жизни, у любителей телепередач агрессивного содержания формируется ложное представление о реальном мире: окружающий мир представляется любителям боевиков более опасным, а люди — более агрессивными, чем они есть на самом деле. Телевидение формирует искаженное представление о мире. В частности, известно, что если реальный полицейский в Чикаго стреляет из своего пистолета в среднем только один раз в 27 лет, в кинофильмах герои-полицейские все время выпускают очереди из револьверов и автоматов.

В конце настоящего раздела мы предлагаем следующую **гипотезу**: *когда у человека под влиянием телепередач или реальных случаев насилия, судебных процессов и иных событий формируется ложное представление о мире, он уже готов для направления различных проекций и атрибуций на реальный мир.* В результате таких познавательных процессов у этих людей формируется ожидание, что на них могут напасть, что в их дома могут проникнуть преступники и т. п. Ожидание опасностей превышает тот разумный и реалистический уровень, который необходим, вследствие чего жизнь приобретает более сложный и полный тревог характер.

Другие проблемы, требующие исследования

В предыдущих разделах данного параграфа мы уже сформулировали ряд проблем о различных аспектах такого сложного явления, как насилие. Здесь рассмотрим еще несколько проблем, дальнейшее исследование которых нам представляется целесообразным как практически, так и с точки зрения развития психологической теории человеческой агрессивности.

Из вышеизложенного уже нетрудно сделать вывод, что по интенсивности и по своим последствиям бывают различные случаи насилия над людьми. Поэтому вызывает интерес следующий вопрос: в каких случаях насилие глубже и интенсивнее фрустрирует человека? Можно предположить, что описанные выше случаи насилия как фрустратора неравносильны. Мы предполагаем также, что наиболее глубокую фрустрацию с далеко идущими последствиями человек переживает тогда, когда насилие направлено против важных аспектов его «Я-концепции»: на его чувства гордости и собственного достоинства, на самооценку, на физический «Я-образ» и на этническую «Я-концепцию». Вполне очевидно, что названные структуры чаще всего фрустрируются средствами психологического насилия.

Другой вопрос, тесно связанный с только что сформулированным, следующий: *в каких случаях насилие вызывает у человека наиболее сильное противодействие в виде защитной агрессии?* Здесь еще раз отметим, что даже в тех случаях, когда объект агрессии (жертва) считает, что агрессор поступает законно, он все же будет оказывать пассивное или агрессивное сопротивление, если форма применения насилия оскорбительна. Например, социальные и юридические санкции, применяемые к нарушителям законов, считаются психологически «незаконными» и «несправедливыми», если они применяются в оскорбительной для личности форме. Санкции воспринимаются как несправедливые и в том случае, когда при одних и тех же проступках или преступлениях некоторых наказывают, а других — нет. В подобных случаях нарушаются *главные социальные нормы равенства и справедливости*, и жертвы насилия переживают сильнейший гнев. Если есть возможность для его выражения, они подвергают ответной агрессии (то есть мстят) своих агрессоров, в противном же случае возможно их развитие в сторону накопления «свободно плавающего гнева» или депрессии. Согласно современным представлениям, людям свойственна самоагрессия, о чем мы уже подробно говорили на предыдущих страницах.

Мы предлагаем также провести различие между еще двумя разновидностями насилия:

а) *насилием по существу*, или, если угодно, «существенным» насилием;

б) *насилием по форме.*

Случаи насилия второго типа можно найти, например, во взаимоотношениях родителей с их детьми: взрослый заставляет ребенка что-то делать, и при формальном подходе мы можем считать его поведение насилием над ребенком, но — насилием во благо. Пока ребенок маленький, он воспринимает такие действия, например дисциплинарные, как зло, как насилие. Но после взросления эти же действия родителей ретроспективно воспринимаются как благо: молодые люди начинают правильно понимать мотивы этих действий, то обстоятельство, что они способствовали развитию в них полезных черт характера, привычек и установок.

Очень важной проблемой является исследование *динамики насилия в самом процессе его применения*. Насилие в процессе применения может менять свое значение для жертвы и стать желательным.

Вот один из самых распространенных случаев такого субъективного изменения восприятия насилия: человека заставляют учиться, он начинает это дело против своего желания, с помощью произвольного внимания, но постепенно так увлекается, что учеба становится для него приятной и желательной деятельностью. Или возьмем крайний пример, когда женщина начинает переживать удовольствие от изнасилования и начиная с какого-то момента сотрудничать с агрессором в этой сопряженной активности. Можно предположить, что многие жертвы изнасилования не жалуются властям не только из-за стыда и возможного общественного позора, но и по причине полученного удовольствия. Ведь известно немало случаев, когда устойчивые отношения партнеров начинаются с изнасилования. Но это только часть таких историй. Чаще жертвы изнасилования действительно оскорбляются и страдают, не получают никакого удовольствия и искренне желают наказать своих сексуальных агрессоров.

Примечания

[1] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 3.
[2] *Lückert, Heinz Rolf.* Konflikt-Psychologie. Einführung und Grundlegung. München, 1957.
[3] См. также: *Miller N. E.* Frustration — Aggression Hypothesis. “Psychol. Review”, 48, 1941, pp. 337–342; *Berkowitz L.* The Expression and Reduction of Hostility. “Psychol. Bull.”, 55, 1958, pp. 257–283.
[4] Описание этих экспериментов см. в книге: *Janis I. L. a. o.* Personality. Dynamics, development and assessment. New York, 1969, pp. 153–155.
[5] *Buss A. H.* Instrumentality of Aggression, Feedback and Frustration as determinants of phisical Aggression. “Journal of Personality and Social Psychology”, 1966, 3, pp. 153–162.
[6] *Mackal, Karl P.* Psychological Theories of Aggression. Amsterdam — New York — Oxford, 1979, pp. 13–14.
[7] Подобные сцены великолепно описаны в произведениях Джека Лондона.
[8] *Buss B.* Instrumentality of Aggression, Feedback and Frustration as determinants of phisical Aggression. “Journal of Personality and Social Psychology”, 1966; *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 99.
[9] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 99.
[10] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 100.
[11] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 12.
[12] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 173.
[13] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 173.
[14] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 173.
[15] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 166.

[16] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 185.
[17] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 106.
[18] *Тих Н. А.* Предыстория общества. — Л., 1970; *Хайнд Р.* Поведение животных. — М., 1975; *Дьюсбери Д.* Поведение животных. Сравнительные аспекты. — М., 1981 и др.
[19] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 107.
[20] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 107.
[21] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 129.
[22] *Толстой Л. Н.* // Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 3. — С. 144–145.
[23] Social Psychology. Ed. by E. Aronson and R. Helmreich. New York a. o., 1973, p. 167; *Allport G.* The Nature of Prejudice. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1954.
[24] *Drabek Th. E. and Quarantelli E. L.* Scapegoats, Willains, and Disasters. — In: Social Psychology. Ed. by E. Aronson and R. Helmreich. New York a. o., 1973, p. 208.
[25] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 173–174.
[26] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 174.
[27] *Seligman, M. E. P.* Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975.
[28] *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. — СПб., 2000.
[29] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 404.
[30] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 404.
[31] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 405.
[32] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 404.
[33] *Straus M. A. and Gelles R. J.* Phisical violence in American Families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families. New Brunswick (N. J.): Transaction, 1990; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 406.
[34] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 406.
[35] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 406.
[36] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997; *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999.
[37] *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. — М., 2001.
[38] *Налчаджян А. А.* Загадка смерти. — СПб., 2004; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 523.

ГЛАВА 5

Агрессия и другие защитные механизмы

5.1. Неагрессивные защитные механизмы

Уже первые исследователи фрустрации и психической защиты понимали, что в состоянии фрустрированности человек отвечает не только агрессивными действиями и враждебностью. Постепенно исследователями, в первую очередь психоаналитически ориентированными, были накоплены ценные сведения о целом ряде других защитных механизмов, первый и наиболее полный обзор которых был дан в книге *Анны Фрейд* «Я и защитные механизмы»[1].

После публикации этой книги получены новые данные и предложены новые идеи о защитных механизмах личности[2].

Здесь мы предлагаем общий и весьма краткий обзор неагрессивных защитных механизмов, так как без некоторого представления о них невозможно понимание их взаимосвязей с агрессией. Без знания этих связей защитные процессы, да и агрессия, во многом останутся нераскрытыми. В реальной жизни, подвергаясь воздействию различных фрустраторов, человек защищается не отдельными механизмами (и это возможно, но встречается нечасто), а, как правило, их комплексами. Некоторые из этих комплексов включают в свой состав агрессию.

Данный вопрос имеет и другой аспект. Мы знаем, что агрессия одного человека может играть роль фрустратора в жизни другого. Известно также, что человек переживает стресс и фрустрацию также под влиянием дурного обращения, несправедливости и оскорбления, которые могут быть намеренными и, по-видимому, неагрессивными (такого мнения, как мы уже знаем, придерживается *Л. Берковиц*), но могут сочетаться и с агрессивностью. Например, несправедливое обращение с другим человеком и даже с народом может быть или намеренным и агрессивным, или же непроизвольным, без сознательного желания причинить ущерб. Но во всех подобных случаях следует помнить о возможности подсознательной и бессознательной агрессивной мотивации. Обида, дурное обращение, третирование и подобные неприятные фрустраторы могут быть агрессивными.

Агрессивность присуща и многим другим психическим явлениям, например защитным механизмам: как мы увидим в этой главе, они могут сочетаться с агрессией, выступая с ней в составе комплексов.

Вытеснение и подавление

Вытеснение — *это процесс устранения человеком из сферы своего сознания тех впечатлений, желаний и мыслей, которые связаны с его фрустрациями.* Если названные психические содержания находятся в сфере сознания, тогда они продолжают актуально, «здесь и сейчас», вновь

Вытеснение – это процесс устранения человеком из сферы своего сознания тех впечатлений, желаний и мыслей, которые связаны с его фрустрациями.

фрустрировать человека. Мы знаем, что фрустрации вызывают неприятные чувства и ощущения — боль, оскорбление, тревожность, враждебность и т. п. Вполне понятно, что те люди, которые не страдают крайним мазохизмом, стремятся как можно быстрее от них избавиться. Одним из фундаментальных механизмов, направленных против таких переживаний и состояний, является вытеснение.

Вытесняя из своего сознания или сознательно *подавляя* влечения и мысли, связанные с фрустрациями, человек как бы освобождается от них и продолжает свою нормальную жизнедеятельность. Иногда для этого он предпринимает сознательные усилия: старается предать забвению свои неприятности, переходит к выполнению других дел, организует встречи с новыми людьми и таким путем отвлекает собственное внимание от фрустраторов. Но обычно процесс вытеснения имеет место подсознательно, и его природа до сих пор нам недостаточно понятна. Мы узнаем о существовании подобных защитных процессов в основном по их результатам. Так, человек не помнит, куда положил письмо, полученное от неприятного для него человека, хотя сознательно желает найти его, поскольку оно сейчас ему нужно. Ясно, что это не обычное забывание воспринятой информации, это ее вытеснение, процесс с защитной мотивацией. *Зигмунд Фрейд* в своих работах рассмотрел многочисленные случаи забывания, описок, оговорок и других «патологических» явлений повседневной жизни, обусловленных фрустрациями, внутренними конфликтами и вытеснением[3].

Подавление и вытеснение — избирательные защитные процессы, связанные с прошлыми фрустрациями личности, но с такими, которые и сейчас, воспроизводясь в сознании, могли бы фрустрировать ее. Вытеснение — способ защиты от неприятных воспоминаний. Оно лежит в основе других защитных механизмов и процессов.

Чрезмерно интенсивное и продолжительное подавление — это уже патологический процесс. Он нарушает реалистическое восприятие собственной личности, своих и чужих достижений и окружающего мира. В таких случаях нормальная адаптация личности нарушается. Особенно интенсивно вытесняется то, что является угрозой для идеального «Я-образа» личности, то есть того образа, которому он мечтал бы соответствовать в будущем. Более того, напряженные сознательные усилия с целью вытеснения неприятной мысли или морально неприемлемого желания из сферы сознания, нередко приводят к обратным результатам. Более естественным является спонтанное и подсознательное вытеснение фрустрирующих впечатлений, мыслей и влечений.

Наконец, систематическое вытеснение и подавление приводят к образованию невротических симптомов. Вытесненные психические содержания косвенно выражаются в сновидениях, в ошибочных действиях и другими путями.

Рационализация

Термин «рационализация» ввел в психоанализ известный исследователь и биограф *З. Фрейда*, английский психолог *Эрнест Джонс*. Так он назвал процесс самооправдания, который предпринимается человеком после того, как он потерпел неудачу в своей целенаправленной деятельности. В свое оправдание люди приводят различные, с виду логически безупречные суждения, у которых, однако, посылка ложная.

Например, не имея необходимых способностей и волевых качеств, человек терпит неудачу, но оправдывается тем, что условия его работы были неблагоприятными, что на его пути встречались недоброжелатели и т. п. Почему-то он не учитывает, что другие достигли высоких результатов и побед, даже более высоких, в самых трудных условиях.

Другой пример: молодой человек влюблен и превозносит до небес свою возлюбленную. Но вот он получает отказ, и его образ мыслей претерпевает крутые изменения: он начинает утверждать, будто эта девушка не так уж красива и умна, что он сам хотел отказаться от нее и т. п. Откуда-то он обнаруживает у нее множество недостатков, которых раньше почему-то не видел. Вполне понятно, что девушка могла реально быть обладательницей некоторых из этих недостатков, но для нас, объективных наблюдателей, ясно, что *мотивация критики молодого человека — защитная*. Он оправдывает свою неудачу, поскольку фрустрирован, уязвлен, оскорблен полученным отказом.

Рационализации используются не только в повседневных отношениях людей, но и в исторических и философских трудах, особенно в социально-политических идеологиях. Идеологии создаются не только для освещения исторического пути и перспектив каких-то социальных групп, но и с целью оправдания претензий на влияние и власть, для оправдания и возвышения своих ценностей. Ради всего этого создаются многочисленные рационализации, которые можно назвать также *защитными аргументами*.

Человек может использовать рационализации также для оправдания действий и неудач других лиц и социальных групп, особенно тех, с кем он переживал *психологическую идентификацию*. Так, отец оправдывает сына (и наоборот), подчиненный — своего шефа и т. п. Много рационализаций используют авторитарные руководители, преступники, те политические деятели в своих речах и особенно в мемуарах, по вине которых народы терпели огромные бедствия. Знание о существовании различных видов рационализаций — ключ к пониманию многих индивидуально-психологических и социально-психологических феноменов.

Проекция и атрибуция

Проекция — *это процесс, с помощью которого человек приписывает другим людям свои отрицательные, неприятные для самого себя черты и мотивы*. Ясно, что если человек осознает наличие у себя отрицательных черт характера, недостатков памяти, творческих способностей и т. п., то уже только знание этих фактов подвергает его фрустрации. Отрицательные переживания еще больше усиливаются, когда он сравнивает себя с другими и убеждается, что по каким-то важным аспектам личности и достижений отстает от них. Иначе говоря, социальное сравнение усугубляет его и так не очень приятное самочувствие. И у него начинается спонтанный и подсознательный процесс проецирования своих отрицательных черт на других, причем эти люди могут совсем не обладать проецируемыми чертами.

Когда какие-то нежелательные черты таким путем «обнаруживаются» и у других, они как-бы становятся общечеловеческими и уже не так фрустрируют человека. Воистину, групповая «смерть» — праздник! Вор приписывает всем людям мотивацию вора и грабителя, но утверждает, и уже с гордостью, что люди, не ворующие чужое имущество, просто трусливые существа, а сам он — храбрый.

Психологическая проекция, по-видимому, является частным случаем более фундаментального психического процесса — *атрибуции*, то есть приписывания другим

Проекция – это процесс, с помощью которого человек приписывает другим людям свои отрицательные, неприятные для самого себя черты и мотивы.

людям и самому себе определенных качеств, черт характера и темперамента, мотивов поведения. Этот основополагающий психический процесс наблюдается, в первую очередь, в ходе *социального восприятия*, то есть когда человек воспринимает другого человека или группу людей, пытаясь понять их черты и мотивы поведения. Поскольку в таких случаях информация, которой располагает человек, всегда недостаточно полна, то есть ситуация социального восприятия отличается неопределенностью, чтобы как-то объяснить поведение человека или группы, им произвольно приписываются различные черты, намерения, чувства и цели. Конечно, такие «объяснения» часто являются ложными.

Исходя из того, *что* приписывается другому, различают несколько видов этого явления:

- атрибуцию черт;
- атрибуцию причин поведения (это так называемая «каузальная атрибуция») и другие.

Все эти психические явления исследуются в социальной психологии.

Атрибуция, конечно же, может иметь и защитный характер, то есть использоваться как психологический механизм освобождения от фрустрированности и тревоги. Проекция — разновидность защитной атрибуции. Атрибуция и проекция, как мы увидим из дальнейшего, теснейшим образом связаны с агрессией.

Интроекция Человек может чувствовать себя обездоленным и в том случае, когда открывает в себе отсутствие некоторых ценных черт, способностей, умений и навыков. Он фрустрирован и ищет пути и способы для защиты своего «Я» от тревог и чувства неполноценности. Природа с этой целью изобрела интересный спасительный механизм **интроекции**, *то есть приписывания себе самому таких черт и способностей, которых человек лишен*. Так, индивид может приписать себе, то есть интроецировать в себе, талант, доброту, энергичность, целеустремленность и другие черты, которые в обществе высоко оцениваются, но в нем развиты недостаточно. Это, конечно, процесс психической самозащиты.

Интроекция – это приписывание себе самому таких черт и способностей, которых человек лишен. Это один из механизмов формирования личности с огромными претензиями, с чувством сверхценности собственной личности.

Интроекция — один из механизмов формирования личности с огромными претензиями, с чувством сверхценности собственной личности. Формированию комплекса сверхценности могут способствовать высокая оценка, хвалебные слова в адрес человека окружающих значимых людей. Если такой человек по воле случая становится лидером большой организации или государства, то раболепные подчиненные могут приписать ему сильную волю, гениальность и другие качества сверхчеловека. Таким путем трусливый человек «превращается» в храброго героя, обычный пошляк — в «гениального вождя», посредственный научный работник и коварный субъект — в законодателя научного сообщества и т. п.

Интроекция, по-видимому, имеет место и тогда, когда человек приписывает себе талант и достижения близких ему людей. Так, жена может считать достижения своего мужа своими собственными успехами. Бывает и наоборот: один знакомый автора этих строк, совсем не владеющий иностранными языками, с убежденностью говорил, что, поскольку его жена знает английский, ему уже незачем учить этот язык: знания жены — это его собственные знания. «Какая разница?» — наивно спрашивал он, заметив мое удивление. Здесь важную роль играет *идентификация*, которая становится психологическим подспорьем для интроективных процессов. К рассмотрению механизма идентификации мы сейчас и переходим.

Идентификация

Идентификация — *процесс психологического отождествления своей личности с личностью другого человека*[4].

Этот очень сложный психический механизм многофункционален. Он играет не только защитную роль, но и целый ряд других. Так, идентификация является одним из основных механизмов возрастного развития психики человека, его социализации. Ребенок, желая быть похожим на отца, во многом подражает ему: одевается и ведет себя, как он, стремится употреблять те же слова и интонации речи, подражать даже профессиональной роли отца. В процессе идентификации, по-видимому, взаимосвязанно с ней работает механизм интроекции, о которой мы говорили в предыдущем разделе настоящего параграфа.

Считается, что с первых же лет жизни и по достижении зрелого возраста человек проходит через ряд идентификаций как с реальными людьми, так и с героями исторических и мифических событий, художественных произведений, пока не становится самостоятельной личностью. Если уже в возрасте физиологической зрелости индивиду не удается освободиться от сильных идентификаций с отцом, матерью или другими авторитетными людьми, то он не может считаться *психологически зрелой личностью*.

В каких случаях идентификация становится защитным механизмом личности?

Одним из самых типичных является случай *идентификации с агрессором*. Это явление впервые описано психоаналитиками. Речь идет об отождествлении и уподоблении индивида человеку, к которому у него имеется отрицательная установка. Идентифицируя себя с более сильным агрессором, человек как бы от его лица направляет свою агрессию на более слабых. С помощью такой идентификации он ощущает себя сильным человеком и его агрессия перемещается на такие объекты, которые менее способны отомстить.

Как мы видели, дети обычно идентифицируют себя с родителями, и здесь налицо также элементы психологической защиты: не секрет, что многие родители являются для детей агрессорами, от которых надо защищаться.

Идентификация — процесс психологического отождествления своей личности с личностью другого человека. Она является одним из основных механизмов возрастного развития психики человека, его социализации.

При потере близких людей, а это вызывает обычно глубочайшую экзистенциальную фрустрацию, имеет место идентификация с утраченными объектами любви, усвоение и распространение их идей, увековечивание их памяти. Все эти идентификационные действия позволяют

смягчить чувство утраты: покойник как бы продолжает жить рядом с нами, в нашей памяти и делах. Это мощный механизм защиты психики в условиях скорби и траура.

Мы считаем, что существует три типа защитной идентификации.

1. *Положительная* (позитивная) *идентификация* имеет место тогда, когда человек уподобляет себя такой личности, к которой его отношение положительно, вплоть до обожания. Примерами могут служить идентификация сына с отцом или преданного последователя с лидером.
2. *Отрицательная* (негативная) *защитная идентификация* возникает с объектом отрицательной установки, который вызывает страх и другие отрицательные чувства. Типичным случаем является идентификация человека со своим агрессором.
3. *Амбивалентная идентификация*, которая чаще всего и возникает в реальной жизни. Причина более частого возникновения этой смешанной формы идентификации в том, что в реальной жизни редко бывает, чтобы человек переживал исключительно только восхищение кем-то: один и тот же индивид в каких-то отношениях нам может понравиться, в других — вызвать презрение и т. п. Ясно, что с такими людьми наша идентификация не может быть однозначной. Можно ведь одновременно и восхищаться человеком (лидером, отцом, выдающимся ученым или полководцем), и бояться его, переживая страх или тревогу при и перед каждой встречей с ним.

Формирование обратной реакции

Процесс формирования обратной реакции имеет место тогда, когда индивид А имеет определенную установку к индивиду Б, но не может выразить ее и реагирует на него обратным, противоположным образом. Так, влюбленный юноша ведет себя агрессивно по отношению к любимой девушке. О другом достаточно типичном, то есть повсеместно встречающемся, случае формирования обратной реакции позволит составить представление следующий обобщенный пример: индивид А ненавидит Б, но, встретив его, выражает крайнюю любезность.

Именно подобные крайние формы реакций, такая неадекватность чувств и поведения убеждают нас в том, что наблюдаемое поведение — не выражение подлинных установок и чувств человека, а нечто искусственное. Действительно, эти реактивные формы поведения — способы психической самозащиты в тех случаях, когда человек фрустрирован и боится вести себя в соответствии со своими подлинными чувствами. Мы видим также, что механизм формирования обратной реакции тесно связан с агрессией, идентификацией и другими защитными механизмами.

Мы считаем, что следы работы механизма формирования обратной реакции заметны в следующем явлении, которое обнаружено в ходе исследований, но не получило адекватного объяснения: «Будут ли предубежденные люди реагировать по отношению к членам отвергаемых групп более агрессивно, зависит от влияния таких регулирующих факторов, как страх возмездия и анонимность. Когда белые, относящиеся к чернокожим с большой долей предубеждения, должны были проявить агрессивное поведение публично, они демонстрировали "обратную дискриминацию", то есть действовали по отношению к чернокожим менее агрессивно, чем

по отношению к белым. Если же можно было рассчитывать на анонимность, по отношению к чернокожим они выказывали больше агрессии»[5].

Б. Крэйхи ссылается на исследования *М.* и *Е. Доннерстейнов*. Как мы отметили, зарегистрировав этот интересный эмпирический факт, авторы не нашли для него объяснения, поскольку не рассматривают агрессию во взаимосвязях с другими защитными механизмами.

Изоляция

Работа механизма *изоляции* заметна тогда, когда в психике человека травмирующая его ситуация разделяется на когнитивные и эмоциональные аспекты. Когда знание отделяется от тех эмоций, которые человек по их поводу когда-то переживал, его фрустрация и страдания почти полностью исчезают.

Для иллюстрации работы этого механизма психологами обычно приводятся примеры из области психопатологии. Так, женщина, которую когда-то изнасиловали, рассказывает об этом так бесстрастно, как будто это событие случилось с другими людьми и к ней не имеет совершенно никакого отношения.

Но примеров работы механизма изоляции друг от друга различных психических содержаний и даже деятельностей и ролей немало и в жизни нормальных людей. Социальным психологам хорошо известно, например, явление ролевого конфликта, одна из разновидностей которого такова: человек вынужден на одной и той же социальной сцене играть две несовместимые роли. Например, отец — учитель, а его сын сидит в классе в качестве его ученика. По отношению к нему он должен играть две роли — отца и учителя; но эти роли в одной и той же социальной ситуации во многом несовместимы. Точно так же родственники могут быть в отношениях лидера и подчиненного, командира и солдата и т. п. Во всех подобных случаях наилучшим решением является *психическая изоляция* ролей друг от друга. Например, в классе учитель старается для всех быть педагогом, там для него все равны, в том числе и его сын. В семье же он — только отец для своего сына, но не учитель. Читатель понимает, что абсолютная изоляция этих ролей невозможна, но изолировать их так, чтобы они не мешали друг другу и выполнялись в основном правильно, — все же возможно.

Изоляция чувств от познавательных процессов и их результатов, социальных ролей друг от друга — очень распространенный и эффективный социально-психологический механизм. В условиях рыночных отношений партнерами в бизнесе могут стать братья и другие родственники. И если им не удастся отделять каноны бизнеса от моральных норм деловых родственных отношений, делового успеха добиваться они не смогут.

Психическая регрессия

Психическая регрессия личности — очень сложное явление. Она состоит в том, что *в тяжелых и опасных ситуациях жизни под влиянием фрустраторов и стрессоров человек психологически возвращается к пройденным этапам своего развития*. Его познавательные процессы (восприятие, мышление, память) становятся более примитивными, иногда даже детскими. Многочисленные примеры психической регрессии описаны в трудах *З. Фрейда*, *А. Фрейд*, *К. Левина*. Например, *К. Левин* со своими сотрудниками экспериментально доказал существование этого явления. Материал о психической регрессии можно найти во многих современных трудах по психологии личности и психопатологии.

Психическая регрессия иногда играет защитную роль для личности, поскольку позволяет ей психологически уйти от неприятностей своей жизни, от социальной ответственности, необходимости постоянно и напряженно трудиться, короче — от ставших невыносимыми фрустраций и стрессов. Тем самым человек обеспечивает себе некоторый психологический комфорт, но какой ценой! Постоянно пользуясь техникой психической регрессии, он теряет чувство реальности и оказывается хронически дезадаптированным. Это уже свидетельство болезненного состояния психики. Но встречаются и легкие формы регрессии, например детская легкомысленность взрослого человека, которые позволяют вынести трудности жизни.

Другие механизмы психической защиты

Есть целый ряд других механизмов психологической самозащиты. Так, механизм **самоограничения** (саморестрикции) позволяет человеку путем сужения сферы своей социальной активности избежать многих неудач и фрустраций. Недаром говорят, что разумное самоограничение — залог успеха.

Сублимация тоже, как и идентификация, широкий и многофункциональный механизм. Но она играет психозащитную роль, когда возвышаются такие психические силы (например, сексуальные и агрессивные влечения), которые фрустрируют человека. Это означает, что названные сравнительно примитивные влечения преобразуются в высшие устремления и формы деятельности — в творческую научную, художественную и социальную активность. Это очень сложный и подсознательный процесс, все тонкости которого пока еще неясны. Но что сублимация реально существует — в этом не приходится сомневаться. В других разделах этой книги мы уже говорили о взаимосвязи сублимации с агрессией и отмечали, что в так называемых неагрессивных формах психической защиты и деятельности всегда имеются сублимированные элементы агрессии. В спортивных играх — футболе, хоккее, шахматах и т. д. — присутствие возвышенной агрессии, «сублимированной дикости», почти очевидно.

Существует также защитный механизм **аннулирования действия**.

Например, в чем психологический смысл того, что мы, совершая морально неприемлемый поступок по отношению к человеку, просим у него прощения? Мы тем самым желаем как бы уничтожить, аннулировать последствия своего поступка, так как они неприятны для нас, фрустрируют нас и несовместимы с нашими представлениями о себе как о личности. Фактически все те магические и ритуальные действия, которые совершаются для предотвращения каких-либо неприятных событий, принадлежат к данной категории защитных механизмов личности. Они, кроме того, занимают значительное место в культуре каждого народа. Что из себя представляют добрые пожелания перед путешествием, перед браком и другими важными событиями? Они ведь имеют один главный психологический смысл: предотвращение неприятных событий, бедствий, развода и т. п. Следовательно, когда мы выражаем пожелание доброго пути близкому человеку, тем самым мы осуществляем психическую защиту и для себя, и для него. Есть, по-видимому, некоторая вера в магическую силу таких слов, если человечество упорно продолжает употреблять их.

А теперь перейдем к более близкому рассмотрению взаимосвязей агрессии с некоторыми из неагрессивных защитных механизмов.

5.2. Идентификация с агрессором и имитативная агрессия

Идентификация с агрессором

Многие социальные отношения в современных обществах являются неравными. Руководитель и подчиненный, отец и сын, учитель и ученик, тюремный надсмотрщик и заключенный и т. п. — все они находятся в неравных отношениях друг с другом. У одного статус выше, чем у другого, а высокий статус означает больший объем власти, возможность применения отрицательных санкций и даже насилия к более слабому партнеру, его третирования.

Ясно, что человек, занимающий в таких взаимоотношениях низкий статус, если не может уйти, то вынужден приспосабливаться. Одним из механизмов этой разновидности адаптации является психологическая идентификация с агрессором. Благодаря работе этого механизма подчиненный начинает воображать и в определенной мере считать своими собственными силу, власть и даже агрессивность своего шефа. Даже поверхностная идентификация приводит к тому, что человек начинает подражать агрессору. В таких случаях говорят о *подражательной*, или *имитативной, агрессии* личности.

Идентификация с агрессором и вообще с другим человеком приводит в движение механизм *интроекции*, что, как мы помним, фактически означает проекцию чего-то внешнего (например, психических черт другого человека) в свою внутреннюю структуру. *Идентификация становится опорой интроекции.* Но как только комплекс из этих двух механизмов возник, они взаимно поддерживают друг друга. Поэтому с таким же правом мы можем сказать, что идентификация работает с помощью интроекции.

В тюрьмах и концлагерях заключенные, спустя некоторое время после начала срока заключения, постепенно перенимают поведение своих надсмотрщиков. Не у всех подражание принимает яркие формы, но некоторые, вне всякого сомнения, подражают этим своим мучителям.

Даже в политике данное явление наблюдается, хотя политические деятели, кажется, действуют в условиях свободы! Так, еще *Габриель Тард*, известный французский социолог XIX века, говорил об «оппозиции через подражание». И в современной политической жизни можно найти подобные примеры. Так, если руководитель государства — макиавеллист, то лидеры оппозиции могут подражать его действиям, ведя против него борьбу подобными же методами, «его собственным оружием». Во время войн также противники нередко имитируют поведение друг друга. Если, например, противник плохо обращается с военнопленными, то в ответ поступают таким же образом. «Оппозиция через подражание» — весьма распространенное явление.

В тюрьмах и концлагерях сверхсильная агрессивность и садизм стражников, как зараза, распространяются и среди заключенных, которые чаще всего направляют их друг против друга. Полностью подсознательно или полусознательно, но идентификация с агрессором имеет место, ее реальность не вызывает сомнения.

При этом, по-видимому, играет роль и механизм психической регрессии — возврата к прошлым, более примитивным формам поведения и познавательной активности.

Немецкий психолог *К. Люкерт*, исследовавший данный вопрос, высказал мысль, что нахождение в тюрьме или концлагере и бесперспективность положения, необычные условия, постоянное давление и ощущение собственного бессилия приводят к радикальной психической регрессии человека. Он возвращается к детскому состоянию беспомощности. Активизируется инфантильная идентичность человека, его детская «Я-концепция», а отсюда — и ***инфантильная форма идентификации***: объектом такой идентификации, психологического отождествления становится агрессор. По справедливому мнению *К. Люкерта*, отношения идентификации играют самозащитную роль: они способствуют самосохранению[6].

В более мягких формах это же явление имеет место в отношениях подчиненных с лидерами. И здесь нередко задача самосохранения играет не последнюю роль.

Психические процессы идентификации с агрессором происходят преимущественно подсознательно: они пока не очень понятны если не по результатам, то по своим реальным механизмам. Проблему идентификации, как мы уже знаем, наиболее тщательно исследовали *З. Фрейд* и другие психоаналитики[7].

Другое следствие идентификации — замещение

Идентификация с агрессором на поведенческом уровне не ограничивается только подражанием его агрессивным действиям. Подчиненный, например заключенный, теперь направляет свою агрессию уже не против агрессора, а против других его жертв. Происходит **замещение объектов агрессии**. Именно поэтому такие заключенные начинают служить агрессору, становятся его помощниками и сообщниками. Они даже строже обращаются с другими заключенными, чем враг. Полицейские времен Второй мировой войны, назначенные немецкими оккупационными властями из числа местных жителей в Белоруссии и на Украине, именно так и действовали против партизан — своих соотечественников. В немецких концентрационных лагерях часть заключенных соглашалась служить немцам, хотя в конце концов и такое предательство их не спасло. Как мы видим, механизм идентификации с агрессором играет роль в предательстве. *Психология предательства* — зарождающаяся область нашей науки. Несмотря на повсеместную распространенность этого явления, нередко умело маскируемого с помощью различных рационализаций, предательство — широко распространенное явление[8].

В повседневных человеческих отношениях идентификация с агрессором нашла выражение в различных изречениях, в частности — в совете объединиться, заключить союз с врагом, стать его другом, если не способен разбить его.

В международной политике также это явление встречается не так уж редко. Так, сегодняшняя дружба между Россией и Германией, еще вчера заклятых врагов, чуть не уничтоживших друг друга полностью, тоже может иметь такой прагматический смысл. Вчера Борис Ельцин и Гельмут Коль, сегодня Владимир Путин и бывший канцлер Германии Шрёдер — закадычные друзья. Б. Ельцин и Г. Коль говорили друг с другом на «ты», обращались друг к другу словами «друг Борис» и «друг Гельмут»!

Когда сила и авторитет врагов примерно равны, ни один из них не желает идентифицировать себя с другим и ставить себя в подчиненное положение. Отношения таких соседей или партнеров долгое время могут оставаться напряженными.

Идентификация с агрессором и особая психо-логика

Идентификация с агрессором и замещение объекта агрессивных действий интересны еще и тем, что содержат один иррациональный момент, а именно: замещающая агрессия против людей одинаковой с ним судьбы является для человека **самоагрессией**. Предполагая, что путем предательства спасет себя, человек, по существу, действует против себя. Он вызывает также враждебность остальных заключенных (или подчиненных). В агрессивности предателей мы предполагаем наличие большой дозы мазохизма. *Враги своего врага становятся врагами для такого человека!* Вот какая здесь действует психо-логика, а ведь при обычной логике враг моего врага должен быть моим другом. В более общей форме можно сказать, что работа защитных механизмов часто протекает не по законам известной формальной логики, а по правилам *психологической логики*. Раскрытие и описание правил и законов этой особой логики психических процессов человека — важнейшая задача психологии.

Прекрасный пример почти полностью осознанной идентификации с агрессором приводит *Анна Фрейд* в книге «Я и защитные механизмы». Девочка боится призраков, которые, как она предполагает, появляются в темноте. И вот, оказавшись в темной комнате со своим младшим братом, она ему говорит: «Не надо бояться. Надо только представить себе, что ты сам являешься привидением, которое может встретить тебя»[9].

В этом примере замечательно то, что девочка *сама изобрела* данный механизм психологической самозащиты. А это наводит на мысль, что каждый индивид в процессе своего онтогенетического психического развития и социализации не только учится психологической защите у других, но и сам изобретает ряд защитных механизмов, открывает их, частично осознает специфическую психо-логику их работы. В дальнейшем он может использовать их уже намеренно и целенаправленно.

Случаи идентификации с агрессором описывает в своих книгах также *Эрик Эриксон*. Так, у него мы читаем о трехлетнем мальчике, который вообразил себя гигантом и открыто заявлял об этом, так как очень боялся гигантов[10].

Таким образом, одна из особенностей механизма идентификации индивида со своим агрессором состоит в том, что он является способом защиты слабого перед сильным. А поскольку в обществе случаев неравных по власти отношений — великое множество, то и данный защитный механизм выражается в разнообразных формах. Так, заключенные тюрем и лагерей нередко находят способ уменьшения своего страха перед начальством в том, что становятся его информаторами («стукачами»). Они перенимают правила и стиль поведения тех надсмотрщиков, которых презирают, ненавидят и боятся. Это средство психологической самозащиты было широко распространено в немецких концентрационных лагерях, в лагерях системы ГУЛАГ в СССР, а также в других странах. Авторитаризм и тоталитаризм способствуют распространению этого механизма, используемого трусами и конформистами.

5.3. Агрессия и рационализация

Агрессивная рационализация

Как мы видели, рационализация — это процесс самооправдания, оправдания личностью своих неудач и даже дискредитации других с целью показать, что не она виновата в своей неудаче,

а другие. Рационализация — не что иное, как защитная мотивировка, особая психологическая форма аргументации.

Агрессия может сочетаться с рационализацией. Так, действуя агрессивно по отношению к другому, например к такому человеку, который совсем не виноват в его неудачах, индивид может переживать фрустрацию, осуждать себя и оправдываться. В таких случаях за использованием агрессии следует активизация механизма рационализации. Или же они, сочетаясь, могут использоваться параллельно, составляя защитный адаптивный комплекс. Когда фрустрированный человек пытается дискредитировать другого, жертву своей агрессии, он, по существу, действует по отношению к нему агрессивно.

Условно можно выделить три случая совершения агрессивных действий человеком:

а) человек действует агрессивно, исходя из своих враждебных мотивов и чувств — гнева и ненависти, враждебной установки;
б) действует наперекор своим принципам, чувствам и мотивам;
в) у человека противоречивая система ценностей и установок, поэтому в иных ситуациях он может действовать миролюбиво и гуманно, в других — агрессивно. Например, искренне верующие христиане не всегда «подставляют вторую щеку, когда им бьют по первой».

Но почти всегда, действуя агрессивно, люди находят аргументы, оправдывающие, по их мнению, их действия. Иначе говоря, агрессия очень часто оправдывается и обосновывается с помощью рационализаций. Человек нередко так глубоко проникается ложной верой в справедливость своих самооправданий, что, совершая зло, верит, что совершил благородное дело. Оправдание турками геноцида целого ряда народов, частью немцев — холокоста евреев — тому убедительные доказательства. Иррациональность человека в таких случаях принимает патологический характер.

Но агрессия может не только сочетаться с рационализацией: *она может выражаться с помощью рационализаций*. Эти почти неисследованные процессы требуют пристального внимания, поскольку их исследование откроет новые пути понимания тонких вопросов подсознательной психодинамики человека.

Агрессия часто выражается не в физической форме или в прямых словесных нападках, а посредством защитных аргументов — рационализаций. Человек фрустрирован, так как не сумел добиться своих целей. У него возникает враждебность, но совсем не обязательно, чтобы она выражалась в прямых формах физической агрессии. Когда человек переоценивает и дискредитирует недоступную цель, он, по существу, ведет себя агрессивно. Но его агрессия, во-первых, выражается словесно, во-вторых, с помощью рационализаций.

Умаление достоинства той цели, к которой безуспешно стремится человек, есть акт агрессии. И если в этом защитном процессе используются рационализации, то они или сами насыщены агрессивностью (являются агрессивными актами), или же сопровождаются агрессивными действиями. *Агрессивная рационализация* — интересный предмет психологических исследований. Она, по-видимому, имеет свою особую психо-логику.

Рационализация, эмпатия и агрессивность

Превратить другого человека в объект агрессии легче тогда, когда будущую жертву дискредитируют, то есть изображают так, как будто она лишена ценных человеческих качеств, является существом более низкого уровня и достоинства. Эту проблему специально исследовал американский социальный психолог *Сеймур Фишбек*. Он отметил обилие рационализаций, с помощью которых люди дегуманизируют своих жертв. Подобный процесс часто наблюдается в межэтнических отношениях: представителей других этнических групп изображают ненадежными и склонными к предательству. С помощью таких рационализаций облегчается не только первый агрессивный акт, но и продолжение агрессивных действий[11].

Интересный случай дегуманизации жертвы, но уже после совершения агрессивных действий, и не самим агрессором (!), приводит *Эллиот Аронсон*, ссылаясь на *Джеймса Миченера*, другого исследователя. Этот автор проанализировал случай убийства полицейским в городе Кенте четырех студентов. Когда одного школьного учителя спросили об этом убийстве, он ответил (совсем не зная лично погибших студентов), что каждый, кто голыми ногами ходит по улице, заслуживает смерти. Такое утверждение, как верно считают психологи, способен сделать лишь тот, кто дегуманизирует жертв этой трагедии[12].

Если дегуманизация усиливает агрессивность, то логично предположить, согласно *Э. Аронсону*, что эмпатия между людьми, то есть симпатическое сопереживание, способна предотвратить агрессивные действия. *Норма* и *Сеймур Фишбек* показали, что у детей имеется отрицательная корреляция между эмпатией и агрессивностью. Это означает, что чем сильнее в личности эмпатия к кому-либо, тем реже он ведет себя агрессивно по отношению к нему.

Но следует более четко объяснить, что такое «усиление эмпатии». Симпатическое сопереживание имеет как познавательные, так и эмоциональные компоненты. В познавательный блок эмпатии входят образ другого человека, мысли о нем, оценки его черт и способностей и т. п. Поэтому логично спросить: приведет ли усиление эмпатии к подавлению агрессивности, если в ее состав включаются рационализации, которые тоже ведь являются познавательными процессами и их результатами? Можно, например, приписать другому такие черты, которые «одухотворяют», «психологизируют» его, но которыми он реально не обладает, к примеру талант, доброта и т. д. Вообще, какое место занимают рационализации в структуре эмпатии и в процессе ее ситуативного, непосредственного переживания? Этот весьма интересный вопрос ждет своих исследователей.

Подавление агрессии и возникновение рационализаций

Враждебность и агрессивные действия, как мы видели еще во второй главе настоящей книги, являются в основном следствием фрустраций. Но человек фрустрируется не только тогда, когда теряет что-либо, но и тогда, когда стремится к чему-либо, но не получает: желанная цель остается недостижимой. Кроме того, если нас лишают чего-либо желательного, то будем ли мы отвечать агрессией или другой, более миролюбивой реакцией, зависит от того, какие намерения мы приписываем нашему агрессору (фрустратору) — индивиду или группе. Если человек случайно совершил вредный для нас поступок, мы можем только слегка порицать его за

Если мы находим достаточно убедительные для нас оправдательные аргументы в пользу человека или социальной группы, которые нас фрустрировали, то наша агрессия заменяется рационализациями.

невнимательность. Но когда мы уверены, что он поступил намеренно, с сознательной целью причинить нам вред, мы отвечаем агрессией, переживая по отношению к нему враждебность.

Таким образом, ситуация вызывает у нас фрустрацию и агрессивные формы самозащиты в зависимости от нашего истолкования и оценки. Эта оценка меняется с возрастом, по этапам социализации личности, поэтому одни и те же стимулы у людей разных возрастных групп, с различным жизненным опытом и навыками социального общения, вызывают различные ответные реакции.

И тут мы замечаем явление, которое, насколько нам известно, никем еще не описано и не исследовано научными методами. Речь идет о следующем: *если мы находим достаточно убедительные для нас оправдательные аргументы в пользу человека или социальной группы, которые нас фрустрировали, то наша агрессия заменяется рационализациями.* В данном случае имеет место та разновидность рационализации, которую мы в первом параграфе настоящей главы назвали «рационализациями для других». Но данный тип рационализации сочетается с обычными самозащитными рационализациями, то есть с рационализациями для себя, в свою пользу, поскольку в подобных ситуациях возникает необходимость оправдывать перед собой и другими наше бездействие и небоевитость.

Таким образом, *подавление агрессии приводит к зарождению рационализаций.* Здесь мы видим взаимные связи и взаимопереходы трех защитных механизмов: подавления (и вытеснения), агрессии и рационализации. Причем в таких случаях рационализации являются мирными и неагрессивными. Получается, что *защитные механизмы в какой-то мере взаимозаменяемы.* Это является также специфической формой работы устойчивого сочетания защитных механизмов, которые мы назвали **защитными комплексами личности**.

Будет ли совершен переход от агрессии к мирным или агрессивным рационализациям, зависит от уровня психического развития личности, от развития в ней механизмов атрибуции и эмпатии, от способности понимания другой личности и мотивов ее поведения. Именно поэтому с возрастом многие драчуны, готовые броситься в бой при первой же провокации, становятся толерантными и мирными людьми. У них происходит развитие и созревание многих адаптивных механизмов, вследствие чего примитивные агрессивные реакции, как правило, уходят в прошлое и воспроизводятся лишь в состоянии психической регрессии.

Однако справедливости ради следует сказать, что подавление агрессии не всегда с необходимостью приводит к созданию рационализаций. Отмечаются и другие результаты. Так, исследования *Л. Берковица* показали, что у людей с низким уровнем выраженности явных форм агрессии, в процессе дальнейшего общения с партнером, наблюдается значительное усиление неприязни, недружественных чувств к партнеру[13].

Иначе говоря, когда человек чувствует к другому враждебность, но его агрессивные действия подавляются, его враждебность может еще больше усиливаться. Правда, такой результат может сочетаться с рационализациями, особенно с агрессивными аргументациями в виде самооправдания.

Замещающая агрессия и рационализация

Целесообразно конкретизировать высказанные выше идеи о связи между подавлением агрессии и рационализацией для случая выбора фрустрированным человеком «козла отпущения». Направляя свою агрессию против таких, зачастую невинных, объектов, человек ощущает в себе потребность в оправдании своего выбора и агрессивных действий как до их совершения, так и после этого. Естественно, что спонтанно включаются в эту «игру» самые различные виды рационализации, приводятся и создаются различные аргументы. Констатация такой взаимосвязи важна не только для понимания многих социально-психологических явлений. Она указывает на более фундаментальный факт, а именно: *возникшая вследствие фрустрации агрессия сама частично преобразуется в рационализацию и маскируется ею*. Здесь положение дел примерно такое же, как и в случае сублимации агрессии. Мы предполагаем, что *различные защитные механизмы не только могут сочетаться и образовывать защитные комплексы; они могут также преобразовываться, превращаясь друг в друга*. Во всяком случае, реальная возможность превращения агрессии в сублимированные формы активности и в рационализацию не вызывает сомнения. Иное дело, что эту гипотезу следует обосновать эмпирически и экспериментально.

Мы знаем, например, что многие рационализации, как системы суждений и умозаключений, могут иметь агрессивное содержание и враждебную цель, например, когда человек не просто оправдывает себя, но и стремится дискредитировать других. Вспомним, например, о механизме «неспелого винограда»: *это настоящая агрессивная рационализация*. Тот, кто использует ее, охотно бы применил физическую агрессию, но недосягаемость объекта, страх, стыд или другие факторы и мотивы препятствуют этому. Агрессивные рационализации возникают у людей-фрустраторов и в следующем случае: когда «козлы отпущения» отвечают на агрессию собственной агрессией, то этот ответ, казалось бы вполне естественный, выдается фрустратором в качестве доказательства того, что члены чужих групп, эти «козлы», действительно вредные люди и заслуживают наказания. С помощью такой насыщенной враждебностью рационализации происходит усиление первоначальной агрессии. Это — *циклический процесс*, весьма опасный как для агрессора, так и для жертвы. Описанные механизмы следует иметь в виду, когда пытаются объяснить сущность национализма, фашизма и тоталитаризма. Для дальнейшего расширения тематики настоящего раздела полезно использовать результаты исследований *Э. Фромма*, группы исследователей авторитаризма (*Т. Адорно* и др.) и другие результаты, полученные в психологии личности и социальной психологии[14].

5.4. Атрибуция, агрессия и рационализация

От агрессивности к преступности

Даже в трудах психологов, в целом согласных с концепцией *Дж. Долларда* и его соавторов в том, что фрустрация всегда приводит к агрессии, встречаются суждения, выходящие за рамки теории фрустрации — агрессии. Так, *Л. Берковиц*, обсуждая связь агрессии с правонарушениями, высказал мысль о том, что агрессия выливается в преступный акт только при удовлетворении следующих условий:

а) индивид больше склонен обвинять других, чем себя, в том, что ему не удалось совершить намеченные целенаправленные действия;
б) когда его враждебное отношение к окружающим имело своей предысторией всякого рода конфликты с родителями, учителями, сверстниками;
в) когда правонарушитель оправдывает совершенные им и другими различные антиобщественные поступки[15].

Многие годы назад на эти идеи *Л. Берковица* обратил внимание *Ф. С. Махов*[16]. Условия, перечисленные в этой цитате, содержат указания на другие адаптивные механизмы, но они в явном виде не описываются. Так, первое условие необходимо для того, чтобы агрессия личности была направлена вовне, на другие социальные объекты. Но чтобы обвинить главным образом других, а не себя, фрустрированная личность должна создать для этого психологическую основу, а это чаще всего возможно лишь с помощью атрибуции, в частности — проективной ее формы. Таким образом, мы видим, что в некоторых ситуациях человек отвечает на воздействие фрустратора с помощью защитно-адаптивного комплекса, включающего различные атрибуции, в частности — проективную. К вопросу о связи агрессии с атрибуцией мы будем возвращаться неоднократно.

Далее, поскольку агрессивное поведение по отношению к социальным объектам должно основываться на предыдущих конфликтах личности, как верно замечает *Л. Берковиц* во втором из указанных выше условий, то ясно, что агрессивные действия на сознательном или подсознательном уровне должны сочетаться с теми стратегиями и адаптивными механизмами, которыми личность в прошлом пользовалась для преодоления этих конфликтов. Не говоря уже о том, что в новых фрустрирующих ситуациях некоторые из образовавшихся в прошлом адаптивных комплексов могут просто воспроизводиться.

В третьем из вышеприведенных условий, отмеченных *Л. Берковицем*, говорится об оправдании правонарушителем своих и чужих антиобщественных действий. Но мы знаем, что самооправдание и оправдание других могут принимать форму рационализаций. Поэтому можно считать, что во многих фрустрирующих ситуациях та или иная разновидность агрессии сочетается с той или иной разновидностью рационализации. Причем уже вырисовываются две разновидности таких комплексов:

а) агрессия, ассоциированная с рационализацией для себя;
б) агрессия в сочетании с рационализацией в пользу других.

Преступник же может использовать более сложное сочетание, а именно: в его психической активности агрессия может сочетаться с обоими названными только что разновидностями рационализации. Например, готовясь совершить преступление или после его совершения, он может оправдывать не только себя, но и других преступников, совершивших сходные преступления.

Мы полагаем, что дальнейшее развитие этих идей приведет к обнаружению всех основных адаптивных комплексов, в составе которых агрессия является ведущим механизмом, а остальные защитные и другие психологические механизмы привлекаются для ее оправдания, поддерживая и усиливая насилие.

Следует отметить, что рационализации, используемые для усиления или поддержания агрессивного поведения, нередко являются словесными выражениями социальных установок личности. Поэтому как защитные, так и другие адаптивные механизмы, не исходящие из защитной мотивации личности, тесно связаны с социальными установками личности, которые, как известно психологам, имеют наряду с другими и психозащитные функции. Мы предполагаем, что *свои адаптивные функции социальные установки во многих случаях осуществляют именно указанным путем: они «опутывают» основную адаптивную реакцию, в данном случае агрессию, вспомогательными и поддерживающими адаптивными механизмами и действиями.* Эта гипотеза, как мы надеемся, создает новые возможности для развития теории психологической самозащиты и человеческой агрессивности.

Агрессия и проекция

Оправдывая себя, агрессоры очень часто перекладывают ответственность и вину на других. Говоря терминами психологии, они с целью психологической самозащиты пользуются механизмом *проективной атрибуции.*

Когда преступления совершают военные, они всегда перекладывают вину на высших чинов: мы сами, мол, были лишь исполнителями чужой воли и поэтому невиновны. Палачи тоже, объясняя, почему выполняют такую работу, не считают себя агрессорами или плохими людьми: они приводят в исполнение судебные решения. Не они, так другие согласились бы исполнять эту роль. Когда лейтенант армии США У. Колли в 1968 году истребил все население вьетнамского села Май Лай, он совершил это злодеяние по приказу своего армейского начальства: во всяком случае, так он оправдывался. А вот Осама бен Ладен, по приказу которого, как предполагается, были нанесены удары по США 11 сентября 2001 года, заявил, что террор бывает хорошим и плохим: сам он организует хороший террор. Это уже пусть поверхностное, но идеологическое самооправдание.

В конце 2001 года в Москве начался судебный процесс над известным чеченским полевым командиром Салманом Радуевым, бывшим комсомольским активистом, и его сообщниками. Эти люди, совершившие многочисленные террористические акты и убийства, не признавали себя виновными, ссылаясь на то, что выполняли приказы своих начальников.

Во всех подобных случаях почему-то забывают, что в каждой, даже самой тяжелой и опасной ситуации у человека есть выбор.

Легитимность власти и проекция

Люди, которые, совершая преступления или морально осуждаемые действия, оправдываются тем, что им приказали поступить таким образом, пользуются проективными атрибуциями более уверенно в тех случаях, когда вышестоящий, на которого они ссылаются, обладает *легитимной властью*, то есть по закону имеет право давать такие приказы. Если подчиненный уверен, что вышестоящий начальник имел право применить к нему власть, он будет чувствовать себя в большей безопасности.

Эту интересную проблематику можно расширить на основе анализа конкретного материала. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями принципиального характера. Дело в том, что существуют различные понимания легитимности власти. Поэтому противоположные стороны конфликта могут считать власть противника нелегитимной, а свою, наоборот, вполне легитимной.

Если опять вернуться к судебному процессу над С. Радуевым, то нет сомнения, что руководство и Генпрокуратура России считали власть Масхадова, на которого проецировал ответственность Радуев, нелегитимной, но сам Масхадов с этим вряд ли согласен. Если так, то можно задаться вопросом: правильно ли с психологической точки зрения поступал Радуев и его сообщники, когда ссылались на власть Масхадова и его аппарата? Ведь процесс шел в России, где законность этой власти не признается.

Итак, связь агрессии с проекцией проявляется, в частности, в том, что человек проецирует часть своей агрессивности на внешний мир, на других людей и считает их опасными. К чему это приводит? Следующий намек известного исследователя читатель поймет без нашей помощи: «Избегая осознания своей агрессивности, вы вносите в свою жизнь страх», — так считает *Ф. Перлз*[17].

5.5. Регрессия, деритуализация и агрессия

Взаимосвязи между названными в заглавии механизмами могут быть различными. Наиболее вероятными можно считать следующие связи:

а) порождение одним из этих механизмов другого или, по крайней мере, участие в его рождении;

б) их устойчивая взаимосвязь, в результате чего создается комплекс «регрессия — агрессия»;

в) регрессия к агрессивности, которая в новой форме поведения была уже преодолена.

Все эти связи достойны досконального исследования, поскольку, несомненно, играют определенную роль в психической жизни человека. Но здесь мы будем говорить только о последней из них.

Получены данные, свидетельствующие о физиологической древности механизма регрессии индивида к агрессивности и соответствующим формам поведения, которые в ходе развития были преодолены. Это убедительно доказал *Конрад Лоренц* на примере гусей, которые, оказывается, не так уж просты, как может показаться с первого взгляда. Он посвятил много страниц своих книг описанию «семейной» и «общественной» жизни этих животных.

Так вот, гуси имеют особую победную церемонию, в которую играют очень часто, особенно после того, как одержана победа над другой особью. Но иногда, говорит *К. Лоренц*, эта церемония играется с чрезмерным энтузиазмом, и тогда происходит нечто замечательное и зловещее: голоса становятся все сильнее и пронзительнее, шеи индивидов принимают все более горизонтальное положение. Вертикальная поза тела постепенно становится горизонтальной; тело и клюв теперь уже направлены на партнера. При крайней интенсивности ритуализированная церемония все больше и больше теряет те свои черты, которые отличают ее от своего неритуализированного прототипа. Иначе говоря, она регрессирует к филогенетически более примитивной форме. Впервые данное явление *деритуализации* открыл *Дж. Николаи* у снегирей.

У самок снегирей есть церемония приветствия, похожая на победную церемонию гусей, которая возникла путем ритуализации первичных угрожающих жестов. Когда снегиря-самку долго держат в одиночестве, тем самым усиливая ее сексуальные желания, а затем приводят к ней самца, она начинает преследовать его с такими жестами

приветствия, характер которых тем более агрессивен, чем больше она подвергалась сексуальной депривации, то есть невозможности удовлетворения своей сексуальной потребности. В таком поведении нетрудно видеть совместную игру любви и ненависти. Постепенно агрессия отступает, и начинается хотя и возбужденная, но нормальная церемония, которая кончается мирно, с нежным кудахтаньем. Когда наблюдаешь такие явления, размышляет *К. Лоренц*, вспоминаются слова: «Я так люблю тебя, что мог бы съесть», — а также слова *Зигмунда Фрейда* о том, что просторечие часто отражает глубочайшие психологические ассоциации[18].

Мы видим также, что *регрессия происходит как деритуализация*. Сразу же в сознании появляется мысль, что и у людей так: когда во время разных церемоний, например свадьбы, люди пьют спиртные напитки и становятся агрессивными (это следствие регрессии), происходит данный процесс одновременно как деритуализация: ритуальные формы речи и поведения теряются, люди отказываются от формальностей и в явной, неприкрытой форме выражают свои агрессивные и другие неприятные для окружающих чувства, ругаются и т. п.

Можно сформулировать и более общую проблему: в каких других конкретных формах происходит филогенетическая или онтогенетическая регрессия? Например, когда взрослый индивид регрессирует к своему детскому возрасту, какие конкретные формы это изменение принимает? Из экспериментальных исследований *К. Левина* и других психологов мы знаем, что происходит снижение уровня работы интеллекта, усиливается агрессивность. Но здесь речь идет *о более целостных структурах поведения*, которые в результате регрессии разлагаются или исчезают, открывая место для других, более примитивных, которые как будто давным-давно преодолены в процессе эволюции вида или социализации индивида.

Однако бывают случаи, когда животное, регрессируя, больше не возвращается в нормальное состояние и *остается деритуализированным*. В таких случаях два близких друга будут драться за статус или сексуального партнера со всей возможной ожесточенностью, иногда со смертельным исходом. Ожесточенность этих схваток только частично объясняется тем, что оппоненты хорошо знают друг друга и не боятся, как это имеет место между супругами. В каждом случае настоящей любви есть также большое количество подавленной агрессии, в результате чего, когда любовная связь разрывается, возникает ненависть огромной интенсивности[19].

Это спорная, хотя и интересная точка зрения, поскольку в ней не проводится различия между разными видами любви (материнской, братской, настоящей, эгоистической и т. п.). Но подход *К. Лоренца* представляет научный интерес и для психологии человека, тая в себе возможность дальнейшего развития. Так, Лоренц утверждает, что нет любви без агрессии, но нет и ненависти без любви! Первая часть этого утверждения верна, но вот вторая вызывает возражение. Например, человека ведут на расстрел и он ненавидит своих палачей и врагов. Где здесь любовь?

5.6. Проблема сублимации агрессивности

Еще авторы книги «Фрустрация и агрессия» *Дж. Доллард* и остальные отметили, что агрессивное поведение человека не всегда принимает антиобщественный характер и даже может быть позитивным, если способствует достижению полезных

для общества целей. Это очевидно и без труда может быть проиллюстрировано многочисленными фактами из реальной жизни (войны, спортивные состязания, защита семьи, справедливая критика, наказание преступников и т. п.).

Хотя этой проблемы мы уже коснулись, здесь имеет смысл еще раз вернуться к ней и сформулировать ее шире. Следует выяснить, существует ли явление **сублимации агрессивности**, замены или преобразования агрессивной энергии и мотивации в творческую, конструктивную мотивацию с соответствующей активностью? По этому поводу можно высказать ряд идей, которые основываются на разработанной нами общей концепции сублимации[20].

Мы утверждаем следующее:

а) когда агрессивность выражается в физических действиях, направленных на самого фрустратора, тогда она не сублимирована;

б) когда объект агрессии замещается другим, а сам фрустратор подвергается более мягким психологическим воздействиям (например, ему напоминают о существовании морали, необходимости иметь совесть и чувство стыда и т. п.), тогда уже можно говорить о сублимации определенной части агрессивности (поскольку, как мы полагаем, нейтральные, менее опасные объекты редко вызывают к себе такую же интенсивную смещенную агрессивность, как сами фрустраторы). Поэтому можно считать, что замещение объекта агрессии является одним из условий ее сублимации;

в) смещение агрессии, перенос ее на другие объекты означает изменение объекта «влечения». Здесь можно применить наши представления о первичной и вторичной сублимации, что расширяет возможности дальнейшего развития концепции сублимации агрессии человека.

Наконец, следует сказать, что подлинная сублимация агрессии имеет место тогда, когда агрессивность почти полностью заменяется конструктивной деятельностью. Такие примеры встречаются и в жизни, и в художественной литературе.

Например, в повести армянского писателя *Нар-Доса* «Я и она» влюбленный музыкант почти полностью сублимирует свою агрессию, возникшую после фрустрации его потребности в любви и унижения его личности. Правда, такая конструктивная деятельность насыщается большей страстностью и сопровождается представлениями о победе и превосходстве над другими, чем обычная несублимационная конструктивная деятельность. Это свидетельствует о том, что часть агрессивности перенесена на деятельность, которая становится как бы вторичной мишенью для агрессивных импульсов.

Успешной сублимацией агрессии является ее преобразование в шутку. Приведем пример. Во время войны артобстрел начался в тот момент, когда на одной из позиций отмечали день рождения бойца М., которому исполнилось 25 лет. Когда только начался обстрел, М. сказал: «Вот увидите, в честь моего дня рождения дадут ровно 25 залпов...» Но когда число залпов вражеской артиллерии дошло до 50 и стрельба продолжалась, М. озабоченно проговорил: «Вот, проклятые, они спутали мой день рождения с днем рождения моего деда!» Поднялся общий хохот.

Когда обсуждается проблема превращения или сублимации агрессии, необходимо исследовать также обратный процесс: превращение других влечений и форм выражения психической энергии человека в агрессию. Так, можно заметить, что сексуальное

влечение, фрустрируясь, чаще всего не сублимируется, а превращается в агрессию. И наоборот, агрессия может преобразоваться в сексуальное влечение или стимулировать его появление. Сублимация агрессии и секса — более трудный процесс для человека, чем их преобразование, переходы и замещения на одном уровне, в горизонтальной плоскости. Кстати, у ряда животных также наблюдаются *сходные процессы*. Так, этологи заметили, что у самок рыб сексуальная энергия превращается в агрессию.

5.7. Любовь против агрессивности и фрустрации

Мы уже говорили о роли эмпатии в качестве «амортизатора» человеческой агрессии. Еще более эффективную роль играет любовь.

В настоящей взаимной любви каждый партнер удовлетворяет не только свои потребности в любви и ласке, но и сходные потребности своего партнера. Взаимная любовь служит в качестве *двойного утверждения* каждого из них. Любовь другого, суммируясь с собственной любовью, увеличивает общее количество любви и тем самым усиливает защиту от боли, деструктивности и внутренней опустошенности. Дополняя и удовлетворяя сексуальные потребности другого, каждый из партнеров превращает сексуальное желание другого из потенциального страдания и источника деструктивности в абсолютное удовольствие и источник благополучия. Достигается гармония сексуальных инстинктов и инстинктов самосохранения, уверенная защита против агрессивных импульсов, одиночества, опасности потери и беспомощности. Создается плодотворный круг радости и удовольствия с минимумом лишений и агрессивности. Это один из тех случаев, когда наиболее полно используются преимущества взаимной зависимости[21].

Когда один из партнеров неспособен в полной мере отвечать любовью, другой начинает переживать обиду, причем не всегда в достаточной мере осознанно. В таких случаях говорят, что муж отягощен сверхзависимой женой или наоборот. Разные люди в разной степени переносят сверхзависимых супругов. Отказывая супругу в равных взаимных чувствах, мы превращаем его (ее) в жертву собственной деструктивности. Есть, например, женщины, которые даже способствуют усилению самодеструктивности мужа. И даже осознавая это, многие жены не удерживают мужей от соответствующих действий, например от пьянства, хотя от них сами могут пострадать.

В жизни многочисленны случаи, когда женщина завлекает мужчину в свои «сети», а затем делает все, чтобы он страдал и разрушал себя из-за зависимости от нее.

Неспособность партнеров по любви удовлетворить взаимные ожидания без сожаления приводит к разочарованию в браке. Эта неспособность к любви может выражаться по-разному: активными агрессивными эмоциями и действиями или же пассивным уходом, что чаще всего имеет место у женщин. Эту опасную тенденцию легко видеть у тех домохозяек, которые заняты нудной повседневной работой, тащат жалкое и тоскливое существование, полностью скрывая свое недовольство от жизни. У таких женщин имеется постоянная тенденция свалить вину на кого-то. Они как бы говорят: «Смотрите, как я страдаю из-за вас». Это особая адаптивная стратегия. *К. Меннингер* называет такую стратегию *установкой жертвы* и считает, что она характерна для невротика-индивидуалиста как при физической, так и при психической инвалидности.

5.8. Превращение агрессии в невротический синдром

До сих пор в психологии, насколько нам известно, совершенно не исследованы превращение защитного механизма в другую форму поведения, динамика затухания защитных механизмов во времени, динамика изменений взаимных связей элементов защитного комплекса во времени и при повторных фрустрациях и ряд других проблем теории фрустрации и психической защиты. Между тем решение этих вопросов существенно для понимания не только реальной жизни людей, но и процесса образования человеческих характеров и индивидуальностей.

В психопатологии описаны случаи неврозов, которые могут предоставить материал для первоначальной постановки проблемы изменения защитных механизмов в зависимости от внешних и внутренних факторов. С этой точки зрения определенный интерес представляет клинический случай, приведенный в одной из книг *Ганса Айзенка*. Начнем с рассмотрения этого случая.

Молодой человек лет тридцати страдает компульсивным умыванием рук. Эти действия начались примерно семь месяцев назад. Ежедневно он так много времени тратил на мытье рук, что уже не мог нормально работать. Если ему приходилось чистить какую-либо вещь, то ему всегда казалось, что вещь так и не была очищена как следует. Его интеллект был выше среднего, и он в 18-летнем возрасте поступил в университет. Но через несколько месяцев, без серьезных на то оснований, бросил учебу и поступил на работу. Здесь он однажды имел ссору с другим работником, который кулаком ударил по его рту. Этот удар оживил у него страх, который он всегда переживал, как только думал о том, что ему могут сломать зубы и придется поставить искусственные. У него появилось интенсивное чувство враждебности, агрессивности к этому человеку. На следующий день он взял с собой молоток и остроконечный железный прут, чтобы наказать агрессора.

Однако как только он осознал, что способен на такую ненависть и насилие, у него появилось чувство вины. Он полагал, что намерение наносить вред в такой же мере подлежит осуждению, как и реализация такого намерения, хотя на деле он никогда не реализовал свое намерение. В течение последующих нескольких месяцев его страх перед собственными агрессивными и садистическими намерениями дошел до такого уровня интенсивности, что агрессивность его стала обобщенной: она распространилась на других членов того же социального класса, которому принадлежал ударивший его человек, и даже на своих собственных родственников и родных. Примерно через год после вышеописанного конфликтного случая у него появился ритуал мытья рук[22].

Этот, как и многочисленные сходные случаи, представляют исключительный интерес для теории фрустрации, поскольку показывают, какие интересные превращения может претерпеть защитный механизм, особенно в тех случаях, когда он не получает выхода в виде поступков.

Конфликт с сослуживцем и полученный удар оказались очень сильными фрустраторами для морально развитой личности, у которой к тому же существовала невротическая предрасположенность к сильной фрустрации (поскольку он, как уже сказано, по каким-то неизвестным нам причинам очень боялся потерять зубы от удара в челюсть. Можно только предположить, что эта постоянная тревога относительно возможности потерять зубы в результате насилия была результатом

каких-то ранних фрустраций). Переживание сильной враждебности к агрессивному сослуживцу является естественной защитной реакцией, хотя подготовка молотка и других инструментов для новой драки нам представляются несколько преувеличенными формами ответной агрессивности.

Самое интересное начинается тогда, когда он осознает, что быть способным на такую агрессию аморально. Появление у человека чувства вины всегда является следствием борьбы между определенными желаниями и тенденциями, с одной стороны, и его моральными установками — с другой. Чувство вины, как начало самоосуждения, у данного человека достигло такой интенсивности, что он пришел к несколько неадекватному заключению, а именно: иметь намерение наносить вред кому-либо так же плохо, как и реализация этого намерения.

В результате этой довольно мучительной внутренней борьбы, внутреннего конфликта со своим агрессивным намерением, безусловно вызвавшим активную работу фантазии в условиях подавления агрессивных действий, происходят дальнейшие интересные изменения.

Во-первых, его враждебность обобщается, принимает форму очень общей установки и в соответствующих ситуациях действенно выражается по отношению к другим людям. Агрессия превращается в свободно плавающий гнев, то есть в обобщенную враждебность, озлобленность.

Во-вторых, вместе с процессом обобщения агрессия переносится на более слабые объекты, на людей, которые, по убеждению фрустрированной и агрессивной личности, не ответят на его насилие равносильной резкостью и интенсивностью.

Очень важным последующим преобразованием является формирование невротического ритуала мытья рук. Тот факт, что появление этого ритуала потребовало около года внутрипсихической переработки полученных впечатлений, говорит о чрезвычайной сложности механизмов его преобразования. Можно было бы плодотворно обсуждать данный вопрос, если бы под рукой имелись дополнительные данные о жизни пациента в течение этого года. Но такие сведения отсутствуют.

Кроме того, для понимания всех этапов и форм превращения агрессии важно знать следующее: в комплексе с какими другими защитными механизмами выступала агрессия как в реальной фрустрирующей ситуации, так и при последующих актуализациях этой ситуации в сфере сознания? *Г. Айзенк*, ссылаясь на *Д. Уолтона* и *Н. Матера*, впервые описавших этот случай, считает, что ритуал умывания рук имеет инструментальное значение и служит тенденции уменьшения тревоги. Полагают, что при ослаблении тревоги с помощью лечебных процедур данный ритуал умывания рук должен стать излишним и исчезнуть. С этой целью исследователи использовали метод взаимного торможения путем самоутверждения (*self-asserting*). Предполагалось, что при использовании этого метода беспокойство, которое связано с собственной агрессивностью, уменьшится.

Здесь следует отметить, что, вне всякого сомнения, только часть энергии агрессивности превратилась в энергию повторного осуществления невротического ритуала умывания рук. Обобщенная и замещающая агрессивность человека, заставляющая его все время искать «козлов отпущения», сохранилась.

Уменьшение же агрессивности и тревоги должно было привести к уменьшению вероятности «взрывоподобного» поведения и общего эмоционального напряжения. А все это уменьшило бы необходимость умывания рук, которое действовало как навязчивое, принудительное средство ослабления тревоги.

Естественно предположить, что изучение ряда случаев навязчивых действий позволит обнаружить те психологические закономерности, которые приводят к их образованию из первоначально нормальных защитных механизмов (но не только из агрессии: разные навязчивые действия как патологические защитные механизмы, направленные против внешних, но особенно часто — против внутренних конфликтов и тревоги, по-видимому, образуются путем внутрипсихической переработки, превращений различных нормальных механизмов). Проведение такого исследования не только расширит и углубит теорию фрустрации, но и позволит найти научное объяснение невроза навязчивых состояний.

Пациента, о котором шла речь выше, лечили в течение трех месяцев, периодически внушая ему быть как можно более активным, «самоутверждающимся» человеком. К концу этого срока компульсивное, непроизвольное компенсаторное поведение исчезло, и он покинул больницу в улучшенном состоянии.

Анализируя процесс лечения этого невроза, *Ганс Айзенк* показал важность концентрации лечебных воздействий не только на главном симптоме, но и на всех остальных. В данном случае умывание рук явилось главным симптомом (с точки зрения сторонников симптоматического лечения, каким, кстати, является сам *Г. Айзенк*), но существовали также, благодаря работе автономной нервной системы, эмоциональные симптомы тревоги и агрессии, которые были причиной развития ритуала умывания рук. Поэтому лечение должно было избавить пациента в первую очередь от этих первичных по отношению к ритуалу симптомов.

При обсуждении этого вопроса *Г. Айзенк* выступил против тех, кто критикует известный подход к неврозу, гласящий: невроз есть не что иное, как совокупность симптомов. Он указал, что под симптомом надо понимать не только явно выраженные моторные акты пациента, но также автономные и другие эмоциональные реакции, которые не всегда явно выражены. Почему-то *Г. Айзенк* не хотел использовать интроспекцию даже в тех случаях, когда это необходимо. Его поведенческий подход приводит даже к забыванию того, что те данные, которые пациент сообщает о своем состоянии, то есть почти весь его анамнез, являются результатом интроспекции больного.

Вышеизложенный анализ клинического случая с позиций теории фрустрации и защитной адаптации показывает, что действительно психотерапевты-бихевиористы избегают тщательного анализа психического состояния пациентов, их фрустраций и защитных процессов, преобразований защитных механизмов. В их работах трудно найти более или менее глубокий анализ личности, слабо учитываются существующие типологии личности и т. п. Хотя этот вид лечения часто приводит к положительным результатам, его применение не обогащает в заметной степени теорию личности и другие области психологии. Упускается из виду очень важная задача исследования структуры и содержания подсознательной сферы личности, ее внутренних и интериоризированных внешних конфликтов.

5.9. Очерк психологии зависти и завистника

Вместо введения Агрессивность человека вездесуща. Нередко она принимает характер зависти или, точнее, входит в состав того психологического *комплекса*, который традиционно называется завистью. Правда, все еще предстоит исследовать это явление в различных этнокультурах, выяснить различия смысла слова «зависть» в разных языках.

Хороший эмпирический материал для начала разработки этой проблемы предоставил еще великий немецкий поэт *Гете* во время одной из своих бесед с *Эккерманом* 14 апреля 1824 года. Приведем отрывок из этой беседы и рассмотрим его глазами современного психолога.

«Затем Гете заговорил о своих противниках, заметив вскользь, что этот род не вымирает.

— Имя им легион, но до известной степени классифицировать их все-таки возможно.

Назову сначала **противников по глупости**: это те, что меня не понимали, не знали меня, но распекали на все лады. Число их достаточно внушительно, и всю мою жизнь они изрядно докучали мне, но простим им это, они ведь не ведали, что творят.

Вторую группу, и тоже немалую, образуют **завистники**. Эти не признают за мной права на счастье и высокое положение в обществе, которого я добился своим талантом. Они силятся подточить мою славу и охотно прикончили бы меня. Но если бы я вдруг стал бедным и несчастным, они бы прекратили травлю.

Далее идут те, а их тоже немало, что стали моими противниками из-за **собственных неудач**. Среди них есть талантливые люди, но они не могут примириться с тем, что я их затмеваю.

В-четвертых, я упомяну о моих противниках, **имеющих основания** быть таковыми. Поскольку я человек и не лишен человеческих слабостей и заблуждений, то, разумеется, и мои писания от них не свободны. Но так как я очень серьезно относился к своему становлению и неуклонно работал над усовершенствованием своей натуры, а следовательно, постоянно стремился вперед, нередко случалось, что меня корили за ошибки, которые я уже давно в себе поборол. Итак, этим добрым людям не удавалось меня ранить, они стреляли по мне, когда я уже был на много миль впереди их. Да и вообще законченное произведение, как правило, уже не волновало меня; больше я им не занимался и думал о чем-то новом.

И, наконец, множество людей являются моими противниками из-за **различия в образе мыслей и в воззрениях**. Говорят, что на дереве не найдешь двух одинаковых листьев, так же и среди тысяч людей едва найдутся двое, вполне друг с другом гармонирующих по своему образу мыслей. Если исходить из этой предпосылки, то мне следовало бы удивляться не большому числу противников, а скорее множеству друзей и последователей»[23].

И далее Гете добавил: «А вообще я продолжал спокойно идти своим путем, нимало не заботясь об успехе и, по мере сил, стараясь не замечать своих противников»[24].

Это хорошая стратегия психологической самозащиты для творческой личности.

Как мы видим, Гете прекрасно понимает, что **завистники** — *люди агрессивные*. Они не считают человека (в данном случае — Гете) достойным счастья и высокого положения, то есть стараются дискредитировать его способности и личность в целом. Это создает для них психологическую основу для совершения агрессивных действий, главным образом — психологических. Но они охотно бы прикончили

Гете, то есть прибегали бы к физической расправе, если бы не боялись наказания. Здесь Гете делает очень верное психологическое замечание: завистники прекратили бы травлю, если бы Гете вдруг стал бедным и несчастным. Однако это предвидение верно, может быть, для большинства, но не для всех завистников: среди них бывают садисты, которые способны преследовать даже умерших противников.

Но фактически завистниками являлись и те противники Гете, которые преследовали его из-за своих неудач. Они сравнивали свой скромный «талант» с огромными способностями Гете и, переживая фрустрацию, преследовали его. Но что же это такое, если не агрессия завистника?

Следующая группа противников Гете критиковала его за те ошибки, которые он уже преодолел в себе. Если они знали, что это уже ошибки прошлого, но тем не менее критиковали Гете так, как будто они и сейчас свойственны ему и его произведениям, то нет сомнения, что и эти люди были агрессивными завистниками.

Этот краткий разбор показывает, что существует целый ряд типов завистников, психологическое исследование которых совершенно необходимо для понимания реальных взаимоотношений людей. Ниже, после этого небольшого исторического введения, вкратце рассмотрим еще ряд аспектов психологии зависти как раздела психологии человеческой агрессивности.

Фундаментальная ошибка завистника (новая концепция)

Зависть заставляет человека, независимо от его воли, допускать много ошибок о предметах его зависти — отдельных индивидах и различных группах. Эти ошибки касаются самых различных сторон личности и ее деятельности и во многом возникают как результат различных проекций и атрибуций. Но среди всех этих ошибок и искажений есть одна, которую мы называем **фундаментальной ошибкой завистника**.

Под фундаментальной ошибкой завистника мы имеем в виду *тенденцию расщепления образа другой личности* (или группы, этноса) *на две стороны: на характер и на способности* (плюс к последнему — его умения и навыки). Поскольку и результаты их применения, например стихи, романы, научные труды, изобретения и другие инновации, объективны, было бы неправдоподобно объявить все это совершенно никчемным: тут тенденциозность сразу же будет бросаться в глаза, дискредитируя завистника в глазах тех, кого он старается убедить в недостатках того, кому он завидует. *Поэтому завистники очень часто делают упор на недостатках характера другого.* Его объявляют «хорошим специалистом», но «плохим человеком».

Ошибка завистника состоит в том, что им игнорируется целостность личности и тот факт, что достижения человека являются результатом не только способностей и мастерства, но и, в неменьшей степени, его характера: волевых качеств, целеустремленности, трудолюбия и т. п. Говоря иначе, *завистник в своем сознании расщепляет свое представление о личности объекта зависти на инструментальную и характерологическую части, или сегменты, хотя в реальности все аспекты личности теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены.* Отметим также, что открытая нами фундаментальная ошибка завистника чаще всего допускается тогда, когда объектами зависти становятся люди, уже добившиеся существенных и известных обществу результатов. Здесь определенную роль, как мы предполагаем, должна играть та имплицитная теория

личности, которой подсознательно придерживается завистник. Описанный феномен можно наблюдать каждый день. И он не нов: он, по-видимому, стар как мир.

Вот, например, что говорил *И. В. Гете* Эккерману 14 марта 1830 года в зените своей славы. Говоря о том, что к нему предъявляются чрезмерные требования, Гете продолжает:

«Не стоит говорить, что́ я об этом думаю. За таким требованием кроется больше злой воли, чем вы полагаете. Я чувствую, что это лишь новая форма старой ненависти, с которой меня преследуют уже невесть сколько лет, тщась исподтишка мне напакостить. Я знаю, для многих я как бельмо в глазу и они жаждут от меня избавиться. А поскольку теперь меня уже нельзя поносить за особенности моего таланта, они придираются к моему характеру. Объявляют меня то гордецом, то эгоистом, твердят, что я завидую молодым талантам, что мое основное занятие — предаваться чувственным наслаждениям. То я чужд христианства, то, наконец, начисто лишен любви к своему отечеству и нашим добрым немцам. Вы за долгие годы успели хорошо узнать меня и понимаете, чего стоят эти измышления. Но если вы хотите еще узнать, сколько я выстрадал, почитайте "Ксении", из моих реплик вам уяснится, чем меня донимали в разные периоды моей жизни»[25].

Как видно из этого высказывания, Гете хорошо понимал, что зависть является следствием вражды и ненависти, желания уничтожить, она является формой агрессии.

Можно собрать сколько угодно фактов о реальности фундаментальной ошибки завистника, но мы думаем, что ее реальность нетрудно доказать также экспериментально, следует только разработать соответствующую методику. Исследуя такого рода явления, можно сказать еще и следующее: если индивид А долгое время завидует индивиду Б, то его ***зависть как историческое и динамическое явление проходит ряд этапов***. Предварительно можно выделить следующие этапы данного процесса:

1) первый этап — попытка дискредитации реальных достижений Б, результатов его деятельности;
2) второй этап — попытка дискредитировать как способности, так и достижения этого человека (которые пока не считаются неоспоримыми и крупными);
3) третий этап: это уже этап фундаментальной ошибки завистника, которую мы описали. Конечно, и на данном этапе делаются попытки дискредитации достижений индивида (или социальной группы, этноса), но они скорее являются отголосками первых двух этапов.

Были попытки дискредитировать, умалять значение достижений даже таких гениальных людей, как Гете и Эйнштейн. Очень распространенным является обвинение плодотворно работающих людей в плагиате. Так, утверждали, будто некоторые произведения Гете на самом деле написаны Шиллером, с которым он в молодости тесно сотрудничал: они были близкими друзьями. Эйнштейна же пытались обвинить в том, что он свои основные идеи об относительности брал у Анри Пуанкаре.

Выдвинутые выше концепции о фундаментальной ошибке завистника и об этапах развития зависти как когнитивно-эмоционального комплекса можно применить для анализа, например, случая М. Шолохова, которого до недавнего времени обвиняли в плагиате: существовало мнение, что «Тихий Дон» написал не он, а что был другой автор, рукописью которого он каким-то образом завладел. «"Тихий Дон" — безусловно талантливое произведение, и М. Шолохов — талантливый человек, но — вор!» Вот способ, которым завистники под маской искателей истины стремились дискредитировать этого высокоодаренного писателя.

Уровни зависти Поскольку мы считаем, что зависть является когнтивно-эмоциональным комплексом, включающим искаженное восприятие объекта, отрицательные стереотипы, различные уровни неприязни и вражды вплоть до интенсивной ненависти, то мы можем выделить *уровни* и *разновидности* этого психического комплекса.

Ведь не зря говорят в обиходной речи о существовании доброй зависти. Следовательно, по качеству и интенсивности чувств, питаемых к объекту зависти, можно выделить следующие:

1) *добрая, незлобная зависть,* при которой имеет место положительная идентификация с объектом, желание стать таким, как он, добиваться сходных результатов, но без нанесения ему вреда;
2) *безразличная зависть:* индивид А завидует Б, но не любит и не ненавидит его. Иначе говоря, объект зависти Б и его деятельность нерелевантны для А, его не касаются. Это может иметь место тогда, когда Б работает в другой области, локализует свои притязания в совершенно другой сфере жизни, которая никак не пересекается со сферой активности А. В таком случае Б не является фрустратором для А;
3) *амбивалентная зависть:* индивид Б нравится А, поскольку имеет достижения и личные высокие качества, но А одновременно ненавидит его и хотел бы устранить его, так как Б для него — фрустратор;
4) *зависть на основе интенсивной и «чистой» ненависти:* идентификация А с Б — только отрицательная. Существуют различные градации ненавидящей, зловредной зависти, кстати, точно так же, как существуют различные уровни доброй зависти.

Фундаментальным различием этих двух крайних форм зависти мы считаем следующее:

а) при доброй зависти возникающая у А агрессия направляется не на Б, а сублимируется в своей деятельности (учебе, труде и т. п.) с целью достижения сходных и близких по уровню успехов;
б) при зловредной зависти агрессия завистника А направляется на сам объект зависти Б и преследует цель причинить ему вред. Эта агрессия не сублимируется. Б воспринимается в качестве соперника, которого следует уничтожить морально, физически или одновременно морально и физически.

Когда же установка завистника А к Б, то есть его зависть, амбивалентна, между ними возникают сложные взаимоотношения, ход развития которых зависит от действий Б. Завидует ли Б в свою очередь А в чем-нибудь, в чем тот больше преуспел, отвечает ли агрессией на агрессию и т. п.?

Исследование процесса взаимодействия А и Б в данном контексте — увлекательная социально-психологическая задача. Она охватывает огромное количество фактов и эпизодов реальной жизни. Нередко даже родной брат завидует брату, причем зависть возникает спонтанно и неотвратимо: она является потенциалом, заложенным в психической структуре личности, связана с «Я-концепцией», с самооценкой, мотивами достижения, власти и самоутверждения.

Рационализация зависти Завистники полагают или чувствуют, что переживание состояния зависти унижает их, показывая, что социальное сравнение с другим предоставляет им данные, говорящие не в их пользу. *Зависть фрустрирует завистника, и у него мобилизуются защитные механизмы.* Многие завистники пытаются отрицать свою зависть и на уровне сознания заменяют ее другими представлениями — стремлением к истине и справедливости. Другие активно рационализируют, оправдывая свою зависть. Из реальной жизни можно привести сколько угодно примеров того, какими способами завистники рационализируют свою зависть.

Фундаментальная ошибка завистника фактически содержит в себе рационализации и другие защитные механизмы, только в сочетании с которыми процесс самооправдания протекает успешно. Ведь когда завистник заявляет, что талантливый человек — это личность с дурными чертами характера, он, во-первых, оправдывает свою зависть; во-вторых, он, критикуя характер другого, обычно неявно, но иногда вполне откровенно считает себя лучше противника. Иначе говоря, он приписывает себе такие положительные черты характера, наличие которых отрицает у объекта своей зависти. Здесь, как нетрудно догадаться, активно используются гетеро- и автоатрибуции, происходят процессы социального сравнения, активизации шаблонов и т. п. Раскрытие всех этих механизмов открывает новые пути для исследования, а может быть, и для регуляции таких широко распространенных явлений, как зависть и завистливость.

Зависть и идентификация Признание человеком, что он завидует кому-либо, отрицательно влияет на его самооценку, на всю его «Я-концепцию». Поэтому завидуют все, но признаются в этом лишь немногие и не всегда. Мы уже говорили о существовании разных видов или уровней зависти, в том числе «доброй» и «зловредной». Мы полагаем, что часть людей, признающих свою зависть к другому, интерпретируют ее в качестве доброй зависти: это мы считаем результатом рационализации агрессивной зависти и атрибуции собственной личности более благородной разновидности этого комплексного переживания, то есть ее сублимации. Если у человека есть зависть к кому-либо, то этот психологический динамический комплекс всегда содержит в себе агрессивность той или иной степени интенсивности. Эта агрессивная установка может стать интенсивной и зловредной под влиянием новых факторов: неблагоприятных социальных сравнений, новых лишений и стрессов.

Поскольку все же уровень агрессивности у разных завистников неодинаков, следует несколько подробнее рассмотреть феномен доброй зависти в сравнении со «злым» вариантом этого психического явления. Мы считаем, что завистник при переживании доброй зависти желает стать таким же, каким является предмет его зависти. У него имеют место положительная идентификация и склонность подражать предмету своей зависти. При злонамеренной же зависти идентификация является преимущественно отрицательной, с психо-логикой следующего типа: «Вот каким человеком я бы не хотел быть». Однако наблюдается еще одно явление, которое можно считать парадоксальным, пока мы не поняли его психологической подоплеки. Речь идет о следующем: *злонамеренные завистники нередко пытаются копировать деятельность своего удачливого противника, пойти по его стопам, хотя и не всегда выставляя это напоказ. Что означает такое поведение?*

Мы полагаем, что оно означает следующее: у них идентификация с соперником, то есть с предметом зависти, все-таки является амбивалентной, причем положительная идентификация имеет место и на подсознательном уровне; завистник утверждает и нередко сам верит в свое утверждение, что соперник добился успехов не потому, что талантлив, а по той причине, что выбрал интересную проблему или перспективную область деятельности. И сам он идет в эту область, подражает другому, но терпит новые неудачи. Он не понимает, что удачный выбор проблемы, способность видеть нерешенные задачи там, где все кажется понятным, — тоже признак особой одаренности.

Делать что-либо на зависть другому

Проблема зависти имеет еще один аспект. Ведь если кто-либо завидует кому-либо, то должен существовать этот человек со своими делами, кто вызывает зависть! И нередко случается, что мы преследуем определенные, даже творческие цели не столько потому, что они для нас привлекательны, сколько по той причине, что желаем *вызвать зависть* и *страдания* наших недругов.

Почему мы хотим вызвать зависть других? Потому что мы желаем наказать их за какие-то неприятные для нас дела или, может быть, потому, что сами завидуем им. Это означает, что иногда мы действуем и вызываем зависть другого, тем самым применяя к нему эту специфическую форму агрессии, психологическое насилие. Такое наказание нередко более разрушительно и эффективно, чем физическое насилие. Если противник сам завистливый человек, то есть эта черта его характера сильно развита, то именно описанный способ его наказания является одним из самых эффективных.

Зависть — явление общечеловеческое

Зависть, как и любое другое сложное социально-психологическое явление, имеет свои этнопсихологические аспекты, этническую специфичность. Но никто не может утверждать, что одни народы завистливы, а другие совсем свободны от этого качества. *Это — общечеловеческое явление.* Лишь исходя из этого знания, можно понять ее этническую и групповую специфику. Ознакомление со словесной культурой разных народов убеждает нас в том, что в ней (в художественной литературе, народном творчестве и т. п.) везде видны следы пережитых людьми состояний зависти и завистливой агрессивности.

Очень впечатляюще говорил об общечеловеческом характере зависти великий Гете. Он утверждал, что каждый немецкий писатель — это мученик, так как живет в атмосфере зависти. Но не лучше положение вещей во Франции: чего не терпели Мольер, Руссо и Вольтер! В Англии то же самое: «Злоязычие прогнало Байрона из Англии; он сбежал бы от него на край света, если бы ранняя смерть не избавила его от филистеров и их ненависти». Хуже всего то, говорил Гете, что не только тупая толпа преследует людей, поднявшихся над ней: один талантливый человек завидует другому и преследует другого. «Платен портил жизнь Гейне, Гейне — Платену, и каждый из них силится очернить другого, внушить к нему ненависть, хотя земля наша достаточно велика и обширна для мирного труда и мирной жизни...»[26].

Это легко сказать гражданину обширной страны с многочисленным населением. Но если страна невелика, соперничество людей принимает более ожесточенный характер и формы, а взаимная зависть становится более интенсивной и агрессивной. Отсюда — неизбежные этнопсихологические различия зависти и завистливых

людей. Но исследование этих различий в составе национальных характеров — задача другого труда[27].

Примечания

[1] *Freud A.* Das Ich und die Abwehrmechanismen. London. Hogarth, 1946.
[2] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 3. Здесь читатель найдет обзор, классификацию и обсуждение защитных механизмов.
[3] *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. — М., 1989; его же: «Психопатология обыденной жизни» и другие произведения.
[4] Подробнее о механизме идентификации можно узнать из работ З. Фрейда, А. Фрейд и других психоаналитиков. См. также: *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — С. 141–152.
[5] *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб.; М., 2003. — С. 159–160.
[6] *Luckert, Heinz Rolf.* Konflikt-Psychologie. Einfuhrung und Grundlegung. Munchen, 1957.
[7] *Freud A.* Das Ich und die Abwehrmechanismen. London. 1946; *Kernberg O. F.* Aggression in Personality Disorders and Perversions. Yale Univ. Press. New Haven and London. 1992, pp. 82–83; 250–251 etc.
[8] Психологическим проблемам предательства автор посвятил одну из глав своей монографии «Этническая характерология». — Ереван, 2001.
[9] *Freud A.* Das Ich und die Abwehrmechanismen. London, 1946.
[10] *Erikson, E. H.* Childhood and Society. New York-London, 1963, p. 31.
[11] *Feshback S.* Dynamics and Morality of Violence and Aggression: Some Psychological Considerations. "American Psychologist", 26, 1971, pp. 281–292.
[12] *Michener James.* Kent State: What happened and Why. New York. Random House, 1971; *Aronson E.* The Social Animal. London, 1973. Chapter 6.
[13] *Berkowitz L.* Manifest Hostility Level and Hostile Behavior. "Journal of Social Psychology", 1960, 52, pp. 165–171.
[14] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998; *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged ed., New York, 1982.
[15] *Berkowitz L.* Aggression: A Social-Psychological Analysis. New York, 1962, p. 308.
[16] *Махов Ф. С.* США: молодежь и преступность. — М., 1972. — С. 45.
[17] *Перлз Ф.* Эго, голод, агрессия. — М., 2000. — С. 90.
[18] *Lorenz K.* On Aggression. Bentam Book. New York, 1967, p. 206.
[19] *Lorenz K.* On Aggression. Bentam Book. New York, 1967, p. 207.
[20] *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980. — Гл. 2, §7.
[21] *Menninger K.* Love against Hate. New York, 1942, p. 108.
[22] *Eysenck H.J.* Fact and Fiction in Psychology, pp. 150–151.
[23] *Eysenck H.J.* Fact and Fiction in Psychology, pp. 150–151.
[24] *Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете. — Ереван, 1988. — С. 117–118.
[25] *Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете. — Ереван, 1988. — С. 118.
[26] *Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете. — Ереван, 1988. — С. 596.
[27] *Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете. — Ереван, 1988. — С. 596.

ГЛАВА 6

Познавательные основы агрессивного поведения

Между восприятием фрустраторов и стрессоров и агрессивным поведением лежат сложнейшие внутрипсихические — познавательные и эмоциональные — процессы. В настоящей главе речь пойдет в основном о тех познавательных процессах, которые являются основой или предпосылкой формирования агрессивного поведения человека.

6.1. Влияние фрустрации на познавательные процессы человека

Фрустрации оказывают значительное влияние на познавательные процессы человека: на его восприятия, процессы памяти и мышления, решения задач, на воображение и творчество. Каждый индивид, находясь в состоянии фрустрации и способный на самонаблюдение, заметит изменения своих познавательных процессов. Всем нам хорошо известно, что в дурном расположении духа нам трудно сосредоточить внимание на решение сложной проблемы или учить что-то новое осмысленно. Но и экспериментальная психология также представляет нам убедительные факты об этом.

1. *Под влиянием фрустраторов восприятия человека становятся специфически избирательными.* Говоря о «специфичности», мы имеем в виду, что восприятия людей всегда избирательны, что зависит от их мотивов, целей, психических состояний и других факторов внутреннего и внешнего характера. Но эксперименты показывают, что, когда человека фрустрируют и он оказывается в агрессивном состоянии, он обращает больше внимания на демонстрируемые ему сцены соперничества с элементами агрессии, чем на те сцены, на которых изображено сотрудничество людей[1].
2. *Память и научение.* Нетрудно догадаться, что человек лучше запоминает то, что воспринимает с сосредоточенным вниманием и осознанно. Поэтому если в состоянии фрустрированности восприятия человека становятся избирательными и он обращает внимание больше на сцены соперничества и насилия, то он начнет накапливать в своей памяти больше информации именно о таких явлениях. Произойдет преимущественное научение агрессивным, насильственным действиям. Имеются убедительные экспериментальные доказательства такого избирательного научения, и они приводятся в литературе.

Так, *Р. Бэрон* и *Д. Ричардсон* в упомянутой ранее книге вкратце описывают опыты, показавшие, что, как уже сказано выше, внимание испытуемых школьников становилось избирательным. Спустя некоторое время испытуемых просили сообщить, что

им запомнилось из увиденных во время эксперимента фильмов. «Последующий анализ видеозаписей выявил, что предварительно фрустрированные мальчики совершали больше агрессивных действий (например, мешали помощнику экспериментатора), чем те, кто фрустрирован не был. Фрустрированные школьники также лучше нефрустрированных запомнили агрессивные действия в фильмах. В итоге доказано, что фрустрация влияет не только на агрессивное поведение, но и на процессы внимания и фиксации. Если конкретизировать вышесказанное, то исследователи установили, что запоминание агрессивных действий из фильма было необходимым условием возникновения агрессивного поведения»[2].

Избирательность и направленность когнитивных процессов делают более вероятным последующее агрессивное поведение фрустрированного человека. Это, безусловно, важный результат.

3. *Мышление фрустрированного человека.* О характерных изменениях мышления фрустрированных людей очень интересные результаты получил еще *Курт Левин* с сотрудниками. Под воздействием фрустраторов и вызванных ими отрицательных эмоций происходит регрессия мышления к пройденным этапам своего развития. Эти данные представлены в одной из наших предыдущих работ[3] и частично в настоящей книге.
4. Фрустрация оказывает также влияние на процессы воображения и предвосхищения будущего. Данный вопрос также обсуждался в настоящей книге и в ряде работ прошлых лет[4].

6.2. Ступени формирования агрессивных действий

Между воздействующими на органы чувств человека фрустраторами и стрессорами, с одной стороны, и его агрессивными ответами — с другой, находится целый ряд психических явлений и процессов: мотивы, установки, эмоции и т. д. Но этим число «посредников» агрессивных действий не исчерпывается. Человек воспринимает фрустраторы и стрессоры, осмысливает их, размышляет о них, представляет себе возможные последствия своих действий и т. п. Все названное — сложные явления, состоящие из тех первичных познавательных процессов, о которых мы уже говорили в предыдущем параграфе. При внутрипсихическом обеспечении агрессивных действий человека названные выше познавательные процессы принимают специфические формы. Ознакомимся с некоторыми из них, с теми, которые более или менее исследованы психологами[5]. Фактически речь идет об обработке человеком социальной информации и о последующем совершении агрессивных действий.

Согласно *К. Джонсу* и *Н. Крику*, существует пятиступенчатый процесс, в результате которого люди ведут себя агрессивно:

1) *восприятие агрессивных сигналов:* это избирательный процесс, и на такие сигналы («посылы») обращают больше внимания те люди, у которых в результате предыдущих фрустраций и других неприятностей имеется психологическая готовность к восприятию подобных социальных сигналов;
2) *интерпретация этих сигналов:* воспринятые сигналы интерпретируются и происходит *атрибуция причин.*

Конкретнее: более агрессивные люди, в том числе дети, склонны считать, что другие люди руководствуются агрессивными мотивами. Этот вывод доказывался многократно с помощью экспериментов[6].

Было показано, что атрибуция агрессивных намерений другим становится более заметной в условиях неоднозначности ситуации. Об атрибуциях мы будем еще говорить подробно;

3) после того как человек приходит к определенному выводу об агрессивных намерениях другого, наступает этап выбора подходящих агрессивных реакций из существующего в его памяти «репертуара» подобных действий. У агрессивных людей преобладают насильственные способы разрешения таких конфликтов, у неагрессивных — более широкий набор возможных действий. Здесь, конечно, возникает вопрос об уровне умственного и морального развития агрессивных и неагрессивных людей и об их социальной компетентности;
4) затем наступает этап оценки этих возможных действий, например, по ожидаемым последствиям. Способен ли индивид применить эти действия (вопрос своей компетентности) и к чему они приведут?

   Например, не вызовут ли они возмездие? Одобрят ли такие действия сверстники, родители и другие референтные, значимые люди? Будут ли страдать жертвы? И т. п. Агрессивные люди с удовольствием предвкушают наказание другого как собственное вознаграждение;
5) наступает этап реализации тех действий, которые индивид считает подходящими в данной ситуации.

Эта схема, как мы думаем, в основном верно описывает то, что происходит в психике человека, выбирающего и выполняющего агрессивные действия в ответ на воспринимаемые угрозы. Верно, но лишь частично. Ведь возможны внутренние конфликты и диссонансы, оправдания совершенного выбора в виде процесса рационализации и другие внутрипсихические процессы. Каждый из вышеназванных этапов, или ступеней, подлежит более подробному исследованию.

6.3. Познавательные основы враждебных эмоций

Необходимы ли мысли для порождения эмоций?

На вопрос о том, необходимы ли мысли для порождения эмоций, психология дает общий положительный ответ. Напротив, исследователь агрессии *Л. Берковиц* на данный вопрос отвечает отрицательно. Он пишет: «Хотя наши убеждения относительно того, что мы чувствуем и почему мы возбуждены, могут влиять на наши эмоциональные состояния и поведение, эти убеждения, оценки и атрибуции не являются необходимыми для возникновения эмоциональных реакций»[7].

Это весьма спорное утверждение. Следовало бы уточнить, о каких эмоциональных реакциях и о каких чувствах идет речь. Каким образом возникают так называемые интеллектуальные чувства и соответствующие эмоциональные состояния? Вполне понятно, что Берковиц в этом вопросе не прав. Его утверждение можно принять лишь относительно непосредственных, импульсивных эмоциональных

реакций, да и то следует говорить скорее не об отсутствии у человека мыслей, а о минимальной их представленности или максимальной редуцированности и преимущественной подсознательности.

Когда возникает гнев? (Синтетический подход)

Когда человек оказывается в проблемной социальной ситуации и переживает стресс и фрустрацию, то характер и параметры его эмоций зависят не только от того, *что* воздействует на его органы чувств, сколько от того, *как он объясняет себе это воздействие*. Под «объяснением» мы имеем в виду то, что когнитивисты называют или «субъективной оценкой ситуации» в целом или ее отдельных аспектов, или же «атрибуцией».

Мы полагаем, что при интерпретации внешних воздействий у человека происходят сложные познавательные процессы, включающие как восприятие и оценку стимулов по субъективным шкалам и нормам, так и различные виды атрибуции, но в первую очередь каузальные. На их основе имеет место *понимание* ситуации, причин поведения других людей и образование планов и целей собственных действий (адаптивных стратегий).

Но поскольку здесь мы обсуждаем вопросы психологии агрессии, то следует задать вопрос: в каких случаях у человека в проблемной (стрессовой, фрустрирующей) ситуации возникает гнев и вообще враждебная установка к человеку или другому социальному объекту, а в каких — иные эмоции и чувства? Когда человека обманывают, не приходят на назначенное ему свидание, не выполняют данное ему обещание или нарушают клятву, причиняют материальный или физический вред и т. п., то очень часто, хотя и не всегда, он возмущается. Почему?

Б. Вайнер, применявший в области психологии эмоций теорию атрибуции, считает, что люди, встречаясь с неприятными событиями, приходят в гневливое состояние, *когда приписывают свои неприятности внешней причине*, которая могла бы быть контролируема другим человеком. Иначе говоря, если этот другой мог бы предотвратить фрустрацию нашего субъекта, но не сделал этого, субъект переживет гнев. Он приписывает причину своей фрустрации этому человеку или группе людей, считая их *виновными* в своих неприятностях.

Мы полагаем, что, если человек находит причину для обвинения другого в своих страданиях, он переживет гнев. Если ему не удается найти такую внешнюю причину путем объективного исследования или атрибуции, он будет переживать другие чувства. Возможно сочетание этих чувств с раздражением, которое обычно считается слабым гневом, но состояние раздражительности не будет ведущим чувством (вернее — ведущим эмоциональным состоянием) этого человека.

Формированию синтетической концепции когнитивных причин гнева может способствовать также идея *Ричарда Лазаруса*, согласно которой следует различать *знание* и *оценку* тех фактов, с которыми человек имеет дело. Нужно сказать, что это различие давно проведено в российской психологии. Знание — это впечатление, мнение или убеждение, тогда как оценка — это выражение субъективной значимости фактов, о которых человек имеет знания. Под фактом мы имеем в виду предметы, людей и события, которые связаны с фрустрациями или стрессами человека. Что касается субъективной значимости фактов, то она определяется не только

системой ценностей личности, но и ее «Я-концепцией». Поэтому в рамках теории агрессии специального рассмотрения заслуживает проблема «самосознания и агрессии», которой мы неоднократно касаемся в настоящей книге. Связь самосознания («Я-концепции», самоконцепции) с агрессией уже стала предметом психологических исследований, хотя нельзя сказать, что проблема эта вполне понятна и разрешена. Есть еще много вопросов, требующих исследования. Некоторые из них мы рассматриваем в данной книге.

Ряд авторов отмечает, что для возникновения гнева важно, чтобы личность не только считала, что кто-то несет ответственность за неприятные для нее события, но и осознала бы, что с ней поступили *несправедливо*[8].

Нарушение субъективного чувства и нормы справедливости — одно из самых важных условий переживания человеком гнева и враждебности к фрустратору и стрессору. И опять, если речь идет о справедливости, то ясно, что в дело включается «Я-концепция» личности.

Мы считаем, что все когнитивные процессы, вызывающие гнев, интегрируются со стороны «Я», оцениваются, в результате чего вырабатываются эмоционально-когнитивные ответы.

Когнитивные посредники агрессии и изменения эмоций

Возникнув под воздействием фрустраторов, эмоции человека и главные стратегические тенденции его поведения (борьба, бегство или приспособление) со временем претерпевают изменения. Последние в значительной мере являются порождениями внутренних, когнитивных процессов человека. Из этих процессов исследователи отмечают атрибуцию (о ней разговор особый и подробный), предвосхищение исхода событий и последствий собственных действий, учет своего предыдущего опыта приспособления (здесь вступает в действие память), учет социальных норм, в том числе представлений о том, какие чувства переживают люди (или должны переживать) в подобных ситуациях.

Существование таких сложных познавательных процессов позволило *Л. Берковицу* сказать, что «Полное эмоциональное переживание... не просто возникает, но “конструируется”. Идет процесс, в котором первоначальные рудиментарные чувства дифференцируются: одни из них становятся интенсивными и обогащаются, а другие подавляются»[9].

Этот видный психолог считает, что вначале под влиянием неприятных (аверсивных) факторов возникает состояние, в котором эмоции человека — гнев, страх и враждебность — смешаны, то есть не дифференцированы с достаточной четкостью. Но когда люди стремятся понять, что с ними происходит, или когда их просят сообщить о своих чувствах, они начинают различать гнев, страх и печаль. То же самое заметили *П. Экман, К. Изард* и другие исследователи человеческих эмоций. Из первоначального относительно рудиментарного эмоционального состояния и телесных реакций возникают вполне определенные эмоции. «Мое предположение состоит в том, — пишет *Л. Берковиц*, — что последовательность изменений — от негативного аффекта к страху, гневу и, может быть, к еще некоторым негативным эмоциям, таким как ревность или презрение, — облегчается соответствующими мыслями и воспоминаниями»[10].

О феномене запоздалого гнева

Запоздалым гневом мы называем следующее явление: в определенной ситуации нас фрустрируют, например, оскорбительным словом, но мы не возмущаемся; через некоторое время, вновь и вновь вспоминая этот инцидент, мы все больше распаляемся и нас охватывает сильнейший гнев. Мы теперь готовы подвергнуть агрессии нашего обидчика.

Почему мы пришли в гневливое состояние с опозданием? Ответ может представляться очевидным: лишь теперь мы осознали и поняли смысл слов нашего оппонента, то обстоятельство, что он намеренно оскорбил нас, поступил несправедливо. В общем виде это правильный ответ. Но вопрос состоит в том, каким образом происходит это отложенное отмщение фрустратора.

Ясно, что уже в самой фрустрирующей ситуации у человека возникает отрицательное эмоциональное состояние, пусть слабое, например раздражение (то есть легкий гнев, первая самая низкая ступень этой эмоции), недоумение и т. п. Неожиданность оскорбления тоже иногда является причиной того, что фрустрированному человеку потребовалось время для его осмысления и оценки.

Одно дополнительное обстоятельство отметили *С. Шехтер* и его коллеги. Они обратили внимание на то, что человек переживает определенную эмоцию тогда, когда знает, что в подобных ситуациях люди переживают именно такую эмоцию. Согласно этой точке зрения, мы переживаем чувство гнева, лишь когда начинаем думать о себе как о рассерженном и разозленном человеке. Мы считаем, однако, что более прав *Л. Берковиц*, когда утверждает, что «подобное самоопределение (*self-labeling*) лишь усиливает уже существующее, порожденное негативным аффектом рудиментарное чувство гнева»[11].

Но верно и то, что, если в прошлом мы в подобных ситуациях переживали гнев (или должны были переживать такую эмоцию) и помним об этом, мы действительно усиливаем свои переживания. Мы способны, вспоминая о прошлых обидных для себя событиях, повторно, даже многократно, переживать свои отрицательные эмоции. Такие переживания прошлого связываются с новыми фрустрациями и способствуют возникновению в нас таких же эмоций. «Эмоциональное самоопределение» является, как верно заметил *Л. Берковиц*, одним из факторов, определяющих характер и интенсивность наших эмоций.

Таким образом, феномен запоздалого гнева (и вообще запоздалых чувств и эмоций) является следствием действия целого ряда познавательных факторов, в том числе «эмоционального самоопределения» личности.

6.4. Когнитивный диссонанс и подготовка агрессии

Здесь мы бы хотели вкратце обсудить важную для психологии человеческой агрессивности проблему: роль когнитивного диссонанса в качестве фактора психологической подготовки гнева и агрессии, в том числе запоздалого. Обсуждая самые различные когнитивные посредники агрессии, исследователи, насколько нам известно, не обратили внимания на важную (с нашей точки зрения) роль когнитивного диссонанса.

Имея в виду, что природа когнитивного диссонанса сегодня известна каждому студенту, не говоря уже о профессиональных психологах, мы предлагаем следующую гипотезу: когнитивный диссонанс у фрустрированного человека возникает

тогда, когда он осознает следующие несовместимые когниции (утверждения о каких-то явлениях, результаты мыслительной деятельности):

1) «Меня оскорбили» (или что-то в этом роде);
2) «Я, человек гордый и достойный, тем не менее не ответил должным образом». Мы полагаем, что в подобных случаях в сознании формируются не две когниции приведенного типа, а *две группы когниций*, которые воспринимаются личностью как несовместимые.

Ясно, что такой диссонанс будет мотивировать защитно-адаптивные процессы, сопровождаясь неприятными эмоциями. В зависимости от того, какую адаптивную стратегию выбирает человек в такой ситуации, получаются различные результаты: его ответы на фрустрацию, в том числе запоздалые, будут разными. Чаще всего люди меняют свое поведение, то есть приходят к выводу, что надо отвечать более интенсивным гневом и энергичными агрессивными действиями. Но возможны и другие ответы, например, оправдание своей вялой реакции на фрустрацию (использование рационализаций и внешней атрибуции в пользу фрустратора). Мы думаем, что эти идеи можно более развернуто обсуждать на основе анализа конкретных фактов.

Мы уже говорили о феномене запоздалого гнева и показали те когнитивные процессы, которые обеспечивают его появление. В связи с рассмотренными в этом параграфе вопросами возникает *проблема роли когнитивного диссонанса в процессе формирования запоздалого гнева*. Что можно сказать об этом? Ведь когда человек с опозданием осознает, что его оскорбили, а он не догадался дать адекватный ответ, то ясно, что эти когниции в сфере его сознания будут диссонантными. Можно предположить, что такой диссонанс способен вызвать гнев и мотивировать агрессивные действия. На это явление *Л. Берковиц* и другие исследователи агрессивного поведения человека не обратили внимания.

6.5. Эмоциональное состояние и избирательность психических процессов

Мы видели, что возникающие под воздействием фрустраторов или других неприятных раздражителей эмоциональные состояния порождают определенные *поведенческие тенденции*, из которых постепенно формируются три основные адаптивные стратегии личности: борьба и нападение; уход или бегство из ситуации; приспособление к ситуации путем самоизменения. Рассмотрение этих последствий у нас имел, так сказать, «поведенческий крен». Но ведь не менее важно знать, как влияют психические состояния, эмоции, на дальнейший ход внутрипсихических процессов человека. Для выявления этого в первую очередь рассмотрим вопрос о том, что такое эмоциональное состояние.

Эмоциональное состояние: «сетевая модель»

Эмоциональные состояния людей описаны многократно и многословно. Но полезно иметь более четкое и структурированное представление о том, что такое эмоциональное состояние человека. Такое представление предложил *Л. Берковиц* под названием «сетевой модели» эмоционального состояния.

Согласно этой модели каждую эмоцию можно представить в виде сети, «...в которой различные компоненты ассоциативно связаны. Каждое эмоциональное состояние представляет собой некую совокупность специфических ощущений, экспрессивно-моторных реакций, мыслей и воспоминаний, которые тесно связаны между собой»[12].

Затем он утверждает, что в силу взаимосвязанности входящих в эмоциональное состояние компонентов активация любого из них «имеет тенденцию активировать другие составляющие сети в соответствии со степенью их ассоциированности».

Мы бы предложили, однако, назвать такие сложные сети не просто эмоциональными, *а эмоционально-когнитивными состояниями* (ЭКС). Но не менее интересны те последствия, к которым приводит возникновение или воспроизведение в психике человека такого сложного состояния.

Избирательность процессов памяти, мышления и творчества

В зависимости от того, какая эмоция является ведущей в возникшем эмоционально-когнитивном состоянии, дальнейшие процессы памяти, мышления, воображения и творчества принимают *избирательный характер*.

Например, если у человека возникло агрессивное психическое состояние, то у него ассоциативно появляются соответствующие ощущения и физиологические реакции, воспоминания, обиды и оскорбления прошлых дней. Человек, имея все это в сфере своего сознания и в предсознательном, может строить планы и картины наказания тех, кто фрустрировал его. Мысли о насилии усиливают агрессивность, возникает эмоция гнева. Вся психическая деятельность человека под влиянием актуального эмоционально-когнитивного состояния приобретает избирательную направленность.

Данное явление соответствует повседневной психической реальности, и уже осознано писателями, которые в своих художественных произведениях описывают немало таких переживаний своих героев. Правда, научная концептуализация открывает перспективы более глубокого проникновения в эти состояния и процессы.

Но не только агрессивное психическое состояние вызывает такую направленную психическую активность. Оказывается, каждое неприятное психическое состояние, каждый дискомфорт вызывает у человека агрессивные мысли, которые, в свою очередь, приводят к той избирательной психической активности памяти, мышления и других психических функций, о которых мы уже написали.

Например, экспериментально доказано, что дискомфорт вызывается у людей высокой температурой, жарой, и они в жаркую погоду становятся более агрессивными. В условиях дискомфорта люди чаще выражают враждебные чувства и гнев, чем в нормальных условиях. Даже физический дискомфорт активирует идеи агрессивного и враждебного характера. Когда людям, находящимся в состоянии физического дискомфорта, предлагают сочинить рассказы, то есть работать творчески, у них появляется больше агрессивных мыслей, чем у тех, кто работал в комфортных условиях. Даже творческие процессы до определенной степени меняют свой характер под влиянием эмоционально-когнитивных состояний. Обильный материал обо всем этом можно найти в работах американских психологов, изучающих агрессию.

6.6. Теория атрибуции в области исследования человеческой агрессивности

В настоящем и следующих нескольких параграфах мы рассмотрим ряд аспектов роли атрибуции в порождении и протекании агрессивных процессов. Отметим, что перед нами очень перспективное направление психологических исследований, в которое автор этих строк намерен внести свою скромную лепту.

Атрибуция и формирование агрессивной установки

Агрессивное поведение нередко возникает импульсивно, почти без внутренней когнитивной обработки образов раздражителей. Но агрессия не всегда является только непосредственной реакцией на воздействие внешних фрустраторов и стрессоров. Человек может откладывать свои агрессивные действия, обдумывая их, делать атрибуции и использовать рационализации для их психологического обоснования. Но мы можем задать себе общий вопрос: для чего вообще нужны эти когнитивные посредники агрессивных ответов на внешние воздействия? Для чего возникли процессы, которыми агрессия человека отличается от агрессивного поведения животных, у которых эти процессы максимально редуцированы и элементарны?

Для решения этой проблемы мы предлагаем следующую **гипотезу**: *познавательные посредники агрессивного поведения необходимы для психологического обоснования и оправдания такого поведения, для самоубеждения в его необходимости, для создания устойчивой агрессивной (враждебной) установки к фрустратору или заменяющему объекту*. Подобная установка необходима для того, чтобы даже спустя много времени индивид смог совершить интенсивные агрессивные действия и отомстить за обиду. Когнитивные процессы формируют комплекс мыслей, образов и оценок, которые составляют когнитивный блок установки.

Процессы формирования такой установки в основном протекают подсознательно. Откладывание агрессивных действий всегда дает простор подобным процессам формирования враждебных установок, даже если за этот промежуток времени поступает информация о том, что фрустратор был вынужден действовать так и имел смягчающие обстоятельства. Экспериментальные исследования *Д. Зилманна* доказали, что если оправдывающая информация поступает до фрустрации, жертвы фрустрируются слабее и отвечают более мягкой агрессией, чем в отсутствие такой информации. Однако запоздалое сообщение о смягчающих обстоятельствах оказывает слабое влияние на силу враждебности фрустрированного человека[13].

Когда сообщение дается до фрустрации, индивид успевает делать соответствующие атрибуции внешним фрустраторам, и его агрессия смягчается.

Конечно, процесс формирования враждебной установки происходит преимущественно подсознательно, и нельзя сказать, что фрустрированные люди всегда ставят перед собой сознательную цель формирования подобной установки. Но объективный результат динамики познавательных посредников именно таков.

Здесь уместно дать определение атрибуции и идти дальше в рассмотрении ее участия в подготовке агрессивных установок и действий. **Атрибуция** — *процесс приписывания другому человеку, за поведением которого наблюдают, определенных мотивов, черт и установок*. Необходимость приписывания таких психических содержаний

возникает тогда, когда подлинные черты и мотивы другой личности по каким-то причинам узнать невозможно или затруднительно. В области социальной психологии создана *теория атрибуции*[14], в рамках которой все эти явления подробно исследуются.

Атрибуция — процесс приписывания другому человеку, за поведением которого наблюдают, определенных мотивов, черт и установок.

В области психологического исследования агрессии представления об атрибуции уже плодотворно используются, и все еще имеются широкие возможности для их применения. Здесь и в последующих параграфах мы постараемся обсуждать то, что уже сделано в этом направлении, и несколько углубить эту область психологии человеческой агрессивности. Читатель, конечно, заметил, что на предыдущих страницах мы уже в определенной мере использовали понятия и выводы теории атрибуции.

Атрибуция — познавательный процесс, и психологам необходимо исследовать вопрос о месте мышления и воображения в атрибутивных процессах. Представляет большой интерес вопрос о том, существует ли особая *атрибутивная интуиция* как форма социального познания? Какова *психо-логика атрибуции* и, в частности, атрибутивной интуиции, причинной (каузальной) атрибуции и т. п.? Это общие вопросы, решение которых может способствовать дальнейшему развитию теории атрибуции. Здесь же нас и, как мы надеемся, читателей тоже интересует вопрос о роли атрибуций в возникновении агрессивного поведения и агрессивных, враждебных установок личности.

Ожидание фрустрации и роль атрибуций в предварительной самозащите

Предварительная психическая самозащита на основе предвосхищения будущих фрустраций играет положительную роль для личности: она подготавливает свои «защитные бастионы» и фрустрируется менее интенсивно[15].

Одним из случаев такой подготовки к встрече с фрустратором является следующий: индивид P_1 является подчиненным индивида P_2 — своего непосредственного руководителя. Когда утром он приходит на работу, сослуживец сообщает ему, что P_2 находится в плохом настроении из-за каких-то личных проблем и надо быть готовым к тому, что он может грубо обращаться с сослуживцами. И вот появляется P_2 и действительно начинает кричать на P_1, обвиняя его в том, что он будто что-то недоделал, поздно приходит на работу и вообще халатно относится к своим обязанностям. Самодур, иначе не скажешь! Эти его несправедливые слова сильно оскорбляют P_1, фрустрируют его, но он заранее был предупрежден о настроении шефа и переживает слабую фрустрацию. Его агрессивная реакция также меняется по сравнению с той, какую он обычно проявляет, когда о возможной фрустрации не получает предупреждения.

Почему в таких случаях агрессивный ответ смягчается? Причина в том, что P_1, используя внешние атрибуции, хотя бы частично относит злость P_2 к внешним обстоятельствам, а не к его личности. Такие исследования, как мы уже знаем, действительно были проведены *Д. Зилманном*, и существование феномена смягчения фрустрации и агрессии доказано. Об этом мы упомянули и в предыдущем разделе, а здесь попытаемся показать, почему и как возникает данный феномен.

Как нетрудно видеть, в качестве механизма предварительной психологической самозащиты для P_1 выступила, в частности, атрибуция. Оправдывая P_2, P_1

уже переживает более мягкую обиду и злость. Но мы знаем, что оправдания в пользу других и самооправдания — очень часто не что иное, как *процессы рационализации*. Это означает, что атрибуции используются фрустрированной личностью в качестве основы для оправдания своего фрустратора и для самооправдания (поскольку собственная мягкая реакция на агрессию босса тоже нуждается в оправдании и обосновании). P_1 может даже сказать самому себе: «В таких обстоятельствах я бы тоже поступил, как он». Это рационализация ради другого, основанная на некоторой идентификации и даже эмпатии с фрустратором.

А теперь рассмотрим следующий обобщенный пример из жизни: молодой человек призван в армию, а его отец дает ему советы о том, как себя вести во время службы. Допустим, что он говорит сыну следующее: «Не терпи никаких обид, дай отпор, кто бы тебя ни обижал — будь он офицер или солдат». Прав ли он? Не было бы мудрее говорить сыну следующее: «Армейская служба тяжела. Иногда офицеры вынуждены быть сверхстрогими и даже грубыми, чтобы заставить подчиненных выполнять свои приказы и задания вышестоящих командиров. Будь терпеливым. Старайся понимать их положение...»

Не думаете ли вы, что второй вариант совета лучше помогает молодому человеку в его психологической подготовке к службе, в деле подготовки соответствующих атрибуций и других защитных механизмов? Мы убеждены, что дело обстоит именно так. Предварительная психологическая самозащита может оказаться очень полезной для самоконтроля и адаптации в будущих фрустрирующих ситуациях.

Возбуждение, атрибуция и перенос

Продолжим обсуждение обнаруженных *Д. Зилманном* феноменов и выскажем ряд новых идей о роли атрибуции в процессах подготовки агрессии. Самые различные ситуации возбуждают людей, создавая у них готовность действовать соответствующим образом. То же самое имеет место у животных. Фактически всякий стресс-фрустратор, вызывая возбужденное состояние, одновременно приводит к актуализации целого ряда прежних тенденций личности, в том числе агрессивных. Это обстоятельство особо отмечено *Л. Берковицем*, хотя известно давно.

Исследуя данное явление, *Д. Зилманн* обнаружил один феномен, вокруг которого построил теорию. Феномен этот состоит в следующем: со временем психофизиологическое возбуждение ослабевает, а вызвавшая его причина может забываться. «Перестав осознавать источник инициального возбуждения, мы довольно легко можем ошибочно приписать слабое или средней интенсивности возбуждение, которое нами еще ощущается, другому событию, происходящему вскоре после первого»[16].

Перенос возбуждения на основе таких атрибуций приводит к тому, что мы выражаем агрессивность по отношению к такому человеку, который не играл никакой роли в возникновении нашего возбужденного состояния. Образ этого человека может вызвать гнев, особенно в том случае, если он и прежде не был нам симпатичен.

Обсуждая данную концепцию, *Л. Берковиц* отмечает, что она распространяется не только на агрессивность, но и на другие виды возбуждения. В частности, остаточное сексуальное возбуждение может стимулировать готовность человека оказать помощь другим людям, получить удовольствие от музыки и шуток и т. п.

Итак, люди склонны приписать причину своего возбуждения другому источнику, имеющему следующие две особенности:

а) он обычно *ясно осознается* в данный момент, воспринимается;
б) он с большой вероятностью *мог бы* продуцировать такое же возбуждение, которое переживает субъект.

Эта эмпирическая концепция интересна и объясняет многие реальные случаи жизни. Но является ли объяснение феномена полным? Не упустил ли *Д. Зилманн* что-то важное?

Мы предлагаем следующую **гипотезу**, которая дополнит концепцию Зилманна и сделает ее более реалистичной: *дело не только и даже не столько в забывании источника начального возбуждения, сколько в сохранившейся потребности каким-либо образом выразить и разрядить это возбуждение.* Именно поэтому человек, пусть не совсем осознанно, производит выбор подходящего объекта. Его восприятия избирательны и с большой вероятностью останавливаются на таких объектах (индивидах, группах), которые раньше вызывали у него сходные эмоциональные состояния.

В концепции *Д. Зилманна* фактически речь идет о свободно плавающем гневе и о том, что эта эмоция находит выход в агрессивных действиях. Раздраженность очень часто является слабой ступенью гнева. Во всех подобных процессах определенную роль играют атрибуции — истинные или ложные.

Дальнейший анализ работ *Д. Зилманна* позволит еще больше расширить данный аспект теории агрессии. Но это уже выходит за рамки наших задач[17].

6.7. Прогностические атрибуции

Прогностическими мы называем такие атрибуции, с помощью которых один человек пытается угадать будущие действия, состояния, качества и иные аспекты жизни другого человека.

Приведу личный пример. Когда-то автор этих строк имел личную автомашину и водил ее по улицам Еревана. Я, в общем, не был мастером в этом деле. И вот однажды, проехав через мост над Разданом, я повернул на улицу имени братьев Орбели, но с опозданием включил мигалку, сигнализирующую мое желание делать правый поворот. Неподалеку, как оказалось, дежурили милиционеры. Мы вкратце объяснились. Они не потребовали у меня штрафа и довольно вежливо предупредили быть повнимательнее, что я им охотно пообещал. Но у одного из них, по-видимому, относительно моих способностей остались какие-то сомнения, и на прощание он решил «предсказать» мою судьбу: «Ты скоро станешь настоящим лихачом». Вот это и есть пример того, что мы называем *прогностической атрибуцией*. Она оказалась неверной: вскоре я вообще избавился от машины и стал жить более спокойной жизнью. Но я до сих пор уверен, что этот молодой милиционер, говоривший со мной на «ты», не знает, что высказал прогностическую атрибуцию!

В самых разных обстоятельствах и по поводу самых разных вопросов мы пытаемся предсказать как свою «судьбу», так и «судьбы» других людей. Поэтому мы выделяем два типа этого явления: *прогностические самоатрибуции* и *прогностические гетероатрибуции*. Описание разновидностей этих явлений приведет к новым результатам в психологии личности, социальной психологии и, в частности, в такой синтетической области, как психология человеческой агрессивности. Читатель заметит, что автор тоже начал делать прогнозы.

Эту концепцию можно, конечно, расширить, включая в нее представления еще о двух типах атрибуции по *временному критерию*: атрибуции прошлого и актуальные атрибуции.

1. *Актуальные, или диагностические, атрибуции:* это та разновидность, которая до сих пор исследуется в социальной психологии. Данный тип включает ряд видов атрибуции: каузальную, атрибуции черт и установок и, возможно, другие типы.
2. *Атрибуции прошлого* (или, вернее, на прошлое, или *анамнестические атрибуции*): это тот психический процесс, в ходе которого индивид P_1 приписывает индивиду P_2 такие черты, мотивы и другие психические особенности, какие он *якобы* имел в прошлом. «Когда-то ты ко мне плохо относился», — говорит человек своему старому знакомому, который может недоумевать: не было такого!

Фактически когда люди рассуждают о других, то осуществляют атрибуции, так сказать, по всей временной оси: на прошлое — настоящее — будущее.

Мы полагаем, что исторические науки в какой-то мере заняты приписыванием прошлому, людям и народам прошлых веков и тысячелетий мотивов поведения, черт, установок, ценностей и т. п. Эти атрибуции могут соответствовать реальности, но могут и не соответствовать. Исследование истории народов в таком аспекте представляется нам делом интересным и перспективным. Это будет, по существу, *психоисторическим исследованием.*

6.8. Анимистическая агрессия и анимистические атрибуции

Встречается в жизни большое число случаев, когда человека возмущают не другие люди и иные живые существа, не общество, а предметы неживой природы, различные природные процессы. Это явление уже привлекло к себе внимание психологов: здесь есть проблема, которая, однако, еще далека от разрешения, и мы намерены несколько расширить те идеи, которые предложены для ее разрешения.

Анимистическая агрессия

Сначала приведем одно замечание *Л. Берковица*, который вслед за когнитивистами отмечает следующий важный момент: «Разумеется, читателю известно... что люди иногда приходят в состояние гнева, даже если обвинять некого. Вы можете рассердиться из-за своей машины, если она вдруг сломается во время поездки, или начать беситься из-за погоды, если гроза испортила вам пикник, и даже можете разразиться проклятиями, если полка, которую вы только что прикрепили, вдруг оборвалась. В этих, как и во многих других случаях, неприятные события не могут быть приписаны чьему-либо закономерному действию, но гнев все равно возникает. Почему?»[18].

На этот вопрос люди чаще всего отвечали так, как будто верят, что отмеченные обстоятельства действительно виновны в их трудностях и разочарованиях. Они считают различные вещи «существами» и обвиняют их в злонамеренности. Поэтому они проклинают вещи и явления природы. Выражения типа «эта проклятая погода», «эта глупая машина» широко распространены. Люди реально злятся на

вещи, подвергая их критике и агрессии. Они даже могут сказать, что вещи, инструменты и природные явления поступают с ними несправедливо.

Мы считаем, что здесь затронута глубокая проблема, связанная с закономерностями антропогенеза, а также социогенеза и психогенеза, этногенеза, возникновением религиозных представлений в истории народов, с целым рядом других явлений.

Анимистические и языческие атрибуции

Мы полагаем, что в своей интерпретации фактов *Л. Берковиц* ошибается. Во-первых, в описанных случаях (порча машины, плохая погода и т. д.) человек фрустрируется и его агрессия — вполне естественная реакция. Во-вторых, совершенно неверно утверждение, будто в подобных случаях «...неприятные события не могут быть приписаны чьему-либо злонамеренному действию». Могут и приписываются!

Для объяснения такой возможности мы предлагаем три новых понятия, которые позволят концептуализировать интересующие нас явления:

а) анимистическая атрибуция;
б) языческая атрибуция;
в) атрибуция качеств и намерений Богу.

Эти виды атрибуции соответствуют трем уровням религиозных представлений человечества и отдельных этносов, сохранившихся или в этническом и общечеловеческом бессознательном, или же в явном виде — в системах монотеистических мировых религий и в психике верующего человека.

1. *Анимистическая атрибуция* — это приписывание предметам и природным явлениям души, вера в существование в природе различных духов, которые могут проявлять себя через качества предметов и стихийных явлений. Поэтому, когда даже современный человек проклинает «капризы природы» и ругает разные предметы, он подсознательно верит, что через них и с их помощью оказывают ему сопротивление какие-то злые силы, «духи» природы и предметов: деревьев, камней, металлических предметов и т. п. Миллионы лет люди верили во все это, жили в согласии с этой верой и не могут легко отказаться от нее[19].

   «Это от лукавого», «Черт меня попутал» и т. п. — подобные выражения не случайны, они сохранились до сих пор, и люди часто с полной верой выражают подобные суждения. Игрок может серьезно возмущаться игральными костями, их «недостойным поведением». Когда они «не оправдывают ожидания» игрока, тот в возмущении говорит: «Собачья кость!» — и швыряет их прочь от себя. В подобных случаях чувствуется наличие веры в то, что душа собаки продолжает жить в ее костях.

2. Под *языческой атрибуцией* мы понимаем приписывание особых способностей племенным или этническим богам языческого пантеона.

3. Наконец, в современных мировых религиях Богу приписываются всемогущество и беспредельные способности.

Известно, что с древнейших времен народы верили, что для устойчивости построек нужно принести человеческие жертвы, тела которых должны лежать под фундаментом. И приносили такие жертвы: возмущенных богов надо было умилостивить.

И в наше время можно видеть подобные явления. Так, когда нам надо спешить, автобус никак не появляется, «как назло», а когда он не нужен — тут как тут. И мы возмущаемся и проклинаем судьбу: «Эх судьба, судьба!» Вообще мы считаем, что понятие *судьбы* представляет значительный интерес и для психологии человеческой агрессивности.

6.9. Превращение самоатрибуции в гетероатрибуцию и возбуждение агрессии

Интересное явление, которое наблюдалось несколько раз: стоит перед нами человек и чувствуется, что он нами недоволен. Но он находится в каком-то неопределенном и нерешительном состоянии: создается впечатление, что пытается разобраться в своих чувствах. Спрашиваем: «Вы, наверно, возмущены моим поведением?» Кажется, он именно этого и ждал: «Да, возмущен...» — и из него вытекает поток словесной агрессии вместе с убедительными невербальными признаками переживаемого им гнева.

В этой ситуации мы фактически помогли ему определить характер переживаемой эмоции и действовать, исходя из такой категоризации своего состояния. С нашей помощью в его психический процесс были внесены понятие и смысл, то есть когнитивные посредники агрессии, которые у него или не возникали, или уже существовали, но, чтобы довериться им, он нуждался в социальной поддержке. Наша атрибуция стала его атрибуцией, и он осознал свое психическое состояние. Причем мы сами себя поставили на место жертвы, и это было очень убедительно для нашего агрессора.

Об этом свидетельствует дальнейший ход его мысли. Он говорил другим: «Он сам знает, что возмутил меня своим поведением. Он знает, что заслуживает наказания». В практическом плане мы, конечно, допустили глупость, намекая противнику то, чего мы заслуживаем. Но это из тех глупостей, допуская которые учишься чему-то существенному: анализ подобных фактов очень полезен для развития психологических теорий атрибуции и агрессии, а также для психологии эмоций вообще.

Эти наблюдения согласуются с теорией Шехтера-Зингера, согласно которой мы испытываем определенные эмоции потому, что общему нашему возбуждению сообщаем определенность с помощью мыслей (когниций). Под влиянием каких-то событий человек приходит в возбужденное состояние. Думая о том, из-за чего возбужден и что чувствует, он обозначает свое переживание определенным именем. Мысленно люди могут называть свои состояния разными известными именами («рассержен», «печален» и т. п.). Часто они сами, зная причину своего возмущения, определяют переживаемое чувство и тем самым сообщают своим переживаниям определенность. В других же случаях им помогают подсказки и намеки других людей, как мы это показали в начале настоящего раздела. Бывают случаи, когда человек, с точки зрения внешнего наблюдателя, должен возмущаться, но не возмущается, пока ему не подсказывают. Подсказки и намеки (мы считаем их гетероатрибуциями) превращаются в самоатрибуции, и человек осмысливает свое состояние в качестве «возмущения». Сразу же после этого у него возникает гнев.

Это, возможно, не вся правда о путях формирования определенных эмоций и чувств человека. Но описанные процессы действительно имеют место, очень распространены и существенны.

6.10. Подражание, идентификация и атрибуция

До сих пор мы считали, что подражание является результатом идентификации подражающего (P_1) с тем человеком, кому он подражает (P_2). И это верно: *подражание является поведенческим выражением идентификации.*

Однако сама идентификация является очень сложным психическим процессом, о структуре которого мы предлагаем следующую гипотезу: идентификация P_1 с P_2 осуществляется, в частности, на основе целого ряда атрибуций и самоатрибуций, а также с участием механизма интроекции. Наблюдая за поведением P_2, индивид P_1 приписывает ему определенные черты, качества и мотивы, то есть осуществляет гетероатрибуции, затем эти же качества и ряд других (из числа реальных черт P_2) приписывает себе (самоатрибуции и интроекции) и начинает действовать так, как будто является P_2 или очень похож на него.

Эта концепция получает косвенное подтверждение в экспериментах *С. Шехтера* и *Зингера*, которые хотели выяснить, каким образом возбужденный человек определяет, какую эмоцию переживает в данной ситуации. Они показали, что у такого человека категоризация собственного переживания происходит *благодаря подражанию помощнику экспериментатора*, который выражает недовольство и гнев[20].

Но этими авторами психологические основы подражания не рассматриваются. Их выводы служили для нас в качестве намека, позволившего выдвинуть изложенную выше концепцию.

Опыты *С. Шехтера* показывают также, что возбужденные люди, не сумевшие определить характер своих чувств, становятся очень внушаемыми. Они наблюдают за другими и, если замечают, что в данной ситуации и из-за сходных причин кто-то возмущается, думают: «Если он возмущен из-за этого, то и я должен возмущаться». Этими словами они превращают внушение в самовнушение, убеждают себя и переживают гнев, как и наблюдаемый ими человек.

Поэтому мы считаем, что *внушение также основывается на атрибуциях, как и подражание.* Если это так, то теория внушения впервые получает научную основу в лице теории атрибуции. Мы полагаем, что здесь открываются новые пути исследования внушения и различных форм социального влияния.

При дальнейшей разработке этих вопросов следует исходить из того эмпирически установленного факта, что возбужденные неинформированные люди весьма доступны различным внушающим воздействиям. Очень важно определить объекты идентификации, атрибуции и подражания и то содержание, которое надо внушить.

6.11. Атрибуция мотивов и намерения

Атрибуция намерения фрустратору

Эта проблема сводится к следующему: если объект агрессии считает, что агрессор совершил свои действия намеренно, то переживает более интенсивный гнев и отвечает более энергичными агрессивными действиями, чем в том случае, когда убежден, что агрессор действовал случайно, без враждебных мотивов или под давлением обстоятельств. Иначе говоря, психологическая сила фрустратора зависит не только от его

объективных параметров, но и от восприятия и интерпретации объекта и его действий (если это человек или другое живое существо). Интенсивность мести зависит, таким образом, как от фрустратора, так и от внутрипсихических процессов объекта агрессии[21].

Если люди считают, что кто-либо выступает для них в качестве фрустратора под давлением внешних факторов, их ответная агрессия бывает менее интенсивной, чем в том случае, когда они убеждены, что внешние факторы находятся под его контролем. В последнем случае их ответная реакция бывает более интенсивной[22].

Дальнейшие исследования показали, что при приписывании (атрибуции) причин, то есть при каузальной атрибуции, когда считается, что причины действий человека находятся вне его контроля, эти действия вызывают менее интенсивный агрессивный ответ: гнев объектов агрессии в этом случае более слабый[23].

Проверка атрибутивного подхода

Если спросить людей, совсем незнакомых с психологией, какие события прошлого больше всего их возмущали, то они вспомнят в первую очередь те, которые отличаются вышеназванными характеристиками: имеют внутреннюю мотивацию, контролируются агрессором и являются «неправильными» (незаконными, несправедливыми, нарушающими общепринятые нормы поведения).

Итак, наиболее интенсивный гнев вызывают те вредные действия других людей, которые оцениваются как намеренные (произвольные), несправедливые и такие, которые можно было бы предотвратить, поскольку они находились под контролем действующего лица. Менее интенсивный гнев вызывают те события, которые были намеренными, но оправданными или неизбежными. Это означает, что злонамеренность и несправедливость фрустрируют людей глубже всего.

Очень интересные исследования этого вопроса осуществлены американскими психологами[24].

Но мы здесь ограничимся вышеизложенным, тем более что мы затронули эту проблему на предыдущих страницах.

Выводы о последствиях

Агрессивные действия, как и все остальные социальные действия человека, зависят от того, какие у него имеются представления об их возможных последствиях[25].

Когда он предвидит, что получит отпор, то его желание действовать агрессивно «остывает». А когда человек считает, что его агрессивные действия останутся безнаказанными, что жертва не имеет возможности давать отпор, тогда он с большей вероятностью совершит интенсивные агрессивные действия[26].

Это, конечно, общая тенденция. Нередко предвосхищение наказания не предотвращает интенсивные агрессивные действия людей. *Д. Зилманн* показал, что, когда люди очень сильно возбуждены — а именно таково их психофизиологическое состояние при гневе и агрессивной мотивированности, — предвосхищение опасных последствий и другие познавательные процессы даже не совершаются. А в тех случаях, когда они имеют место, мало влияют на поведение человека, переживающего сильное возбуждение и гнев[27].

Эти данные очень важны для понимания природы и параметров межэтнической агрессивности и насильственных действий, возникающих во время конфликтов.

Когда сила межэтнической агрессии достигает очень высокого уровня, сочетаясь с ненавистью и гневом, тогда когнитивные процессы тормозятся или, даже протекая, не создают противоположно направленной, сильной и сдерживающей агрессию мотивации. Агрессия становится безудержной и разрушительной. Геноцид как акт массового насилия должен рассматриваться и с учетом этих результатов психологии человеческой агрессивности.

Очевидность признаков страдания жертвы

Исследования эмпатии и психологии помощи показали, что люди с большей готовностью идут на помощь друг другу, когда непосредственно наблюдают признаки страдания другого: выражение лица, страдальческий голос, слабость и т. п. Исходя из этого факта, который известен из житейской практики, но установлен также экспериментально, можно было бы предположить, что восприятие признаков страдания жертвы должно привести к торможению агрессивных действий. Иначе говоря, как отметил *Р. Бэрон*, переживание эмпатии несовместимо с агрессивным поведением[28].

Исследования в целом подтверждают эту точку зрения, хотя в 1970 году *С. Фишбах* высказал мысль о том, что в некоторых случаях восприятие признаков страдания жертвы может привести к усилению агрессии, поскольку эти признаки являются для агрессора положительными подкреплениями его поведения. Следует, однако, добавить, что такой результат, по-видимому, зависит от уровня агрессивности человека и должен наблюдаться в первую очередь у субъектов с садистическими наклонностями. Садисты, как известно, получают наслаждение при виде страданий своих жертв.

Еще одну проблему следует обсуждать в связи с вышеприведенными результатами научных исследований: поскольку современный человек с помощью развитых технических средств способен истреблять людей, совсем не видя их, то его агрессивность, а тем более агрессивность лидеров и толпы, становится чрезвычайно опасной. Ожесточенный характер войн и многочисленных межэтнических конфликтов XX века, по-видимому, зависит и от подобных факторов.

6.12. Непреднамеренная агрессия, атрибуция и самозащита

Мы уже знаем, что многие с виду агрессивные действия, не имея соответствующей мотивации, например сознательного намерения, не являются актами агрессии в подлинном психологическом смысле слова. Предположим, вы не агрессор по отношению к человеку, которого случайно задели на улице, когда хотели отогнать от себя надоевшую вам муху. Совершив такое случайное и вредное для прохожего действие, вы переживаете чувство сожаления, желание извиниться и этим как бы свести на нет свой неосторожный поступок. Наличие в психике человека подобных переживаний — признак его моральной зрелости.

Но когда жертва «агрессии» не принимает извинения провинившегося человека и требует строже наказывать его, тогда у этого невольного агрессора возникает желание защищать свою личность, найти для себя оправдание. У него начинаются новые познавательные процессы.

Чаще всего другим людям агрессивные намерения приписывают психологически недостаточно зрелые индивиды со слабо развитой способностью к эмпатии.

Одним из способов самооправдания является атрибуция жертве агрессии таких черт, намерений и действий, которых на самом деле нет и не было. Но такие атрибуции позволяют человеку оправдать свою агрессию, найти для нее обоснование. Неагрессивные действия задним числом получают такую мотивировку, что уже характеризуются в качестве подлинно агрессивных.

По внутренней мотивации неагрессивным, но вредоносным действиям человека агрессивную мотивацию могут приписывать и другие люди. Это один из случаев психологической несправедливости, которая часто встречается в жизни. Такие атрибуции, в свою очередь, могут быть результатом того, что многим трудно сопереживать другим, понимать их состояние. Иначе говоря, чаще всего другим людям агрессивные намерения приписывают психологически недостаточно зрелые индивиды со слабо развитой способностью к эмпатии.

Но во многих других случаях приписывание людям агрессивных намерений имеет осознанный и расчетливый характер. Так часто бывает в политике.

Например, в годы диктатуры Сталина сотни тысяч людей были обвинены в шпионаже и подрывной деятельности и на основе этих ложных, но преднамеренных атрибуций были осуждены и уничтожены. Во время судебных процессов, если таковые вообще организовывались, этих людей заставляли признать себя виновными в агрессивных и разрушительных намерениях. Иначе говоря, не только вождь и его прислужники приписывали своим жертвам желательную для себя мотивацию, но и заставляли их делать *самоатрибуции*. Атрибуция другого преобразовывалась в самоатрибуцию. И такие признания во многих случаях считались достаточными для осуждения в качестве изменников Родины[29].

Достаточно вспомнить, как был осужден и расстрелян Бухарин.

Развиваемый здесь подход можно применить в юридической практике, при исследовании преступников и преступлений. Со временем эта проблематика займет в юридической психологии свое достойное место. Механизм несправедливых атрибуций, по-видимому, широко распространен также в области педагогики, во взаимоотношениях учеников и учителей, в межэтнических отношениях и в других областях социального общения, особенно в ситуациях соперничества.

6.13. Является ли тенденция враждебных атрибуций чертой личности?

Связь атрибуции с агрессией представляет интерес как для теории агрессии, так и для теории атрибуции. В процессе общения людей у некоторых (если не у всех) проявляется следующая тенденция: *непонятные действия других приписываются их агрессивным намерениям,* после чего с этими людьми обращаются так, как если бы они действительно имели подобные намерения. Это разновидность каузальной атрибуции. Но в тех ситуациях, в которых P_1 точно знает, из чего исходит P_2 в своих действиях, склонность к таким атрибуциям не проявляется[30].

Считается, что существует особая личностная черта — тенденция приписывать другим враждебные намерения, даже если у них такого намерения нет. Исследователи назвали ее *предвзятой атрибуцией враждебности*. Она уже стала предметом целого ряда исследований[31]. В связи с этими исследованиями возникает ряд вопросов, которые мы ниже обсуждаем.

Является ли тенденция предвзятой атрибуции враждебности подлинной чертой личности? Или же под ней лежат другие, более устойчивые и характерные для личности элементарные черты? Мы полагаем, что названная тенденция может быть, например, выражением агрессивности личности, которая, как мы уже показали в этой книге, вообще присуща всем нормальным людям, но особенно заметна у части из них. Есть, кроме того, определенный процент крайне агрессивных людей, патологических насильников. Тенденция атрибуции враждебности может исходить не только из агрессивности личности, но и из других черт и из общих представлений о природе человека. Если кто-либо (как и автор этих строк) считает, что человек — агрессивное существо, то он во многих ситуациях будет уверен, что люди, с которыми он имеет дело, вынашивают по отношению к нему враждебные намерения.

Исходя из этого, мы должны говорить о существовании в структуре личности *иерархии черт*, в которой одна является более глубокой и устойчивой (как агрессивность), а другие — вторичными и ближестоящими к ситуативному поведению (как вышеназванная тенденция использования враждебных атрибуций). Констатация наличия в личности только вторичной черты — полезное достижение, но оно не позволяет делать более или менее точные прогнозы о будущем поведении. Если же мы знаем связь, существующую между первичной и вторичной чертами, тогда мы сможем прогнозировать с большей уверенностью. Мы полагаем, что утверждение таких исследователей личности, как *У. Мишель*, о том, что знание черт не позволяет точно прогнозировать поведение, является следствием недоучета указанных выше иерархических связей черт и представлений. Берут какую-либо поверхностную черту и стремятся установить, в какой мере она определяет реальное поведение. Ясно, что в таких случаях корреляции не могут быть высокими[32].

6.14. Проактивная агрессия, реактивная агрессия и атрибуция

Как мы уже неоднократно говорили, агрессивное поведение человека часто является ответом на воздействие фрустраторов и стрессоров, всякого рода неприятностей и провокаций. Это *реактивная, защитная агрессия*. Но мы показали также, что люди очень часто сами начинают действовать агрессивно или исходя из своей агрессивной природы и определенных стремлений, или же для достижения каких-либо других целей. Это уже *проактивная агрессия*, которая может быть или **самоцелью**, или же *инструментальной*.

Оказывается, атрибуция по-разному связана с этими двумя разновидностями агрессии. Данный вопрос специально исследовал *К. Додж* со своими сотрудниками[33].

Без описания хода проведенного ими эксперимента выделим основные выводы, к которым пришли эти психологи. Их заключения интересны тем, что показывают

избирательный характер воздействия атрибуции враждебности на разные виды агрессии. В данном случае основной вывод исследователей заключается в следующем: предвзятые атрибуции враждебности влияют на возникновение и силу реактивной агрессии, но отнюдь не на проактивную агрессию, которая возникает в отсутствие провокации. Однако упомянутое исследование *К. Доджа* и *Дж. Куайе* показало еще и нечто иное, что, с нашей точки зрения, является более важным результатом: *те наблюдатели (испытуемые) приписывают социальным актерам враждебные намерения, которые сами отличаются высокой реактивной агрессивностью*. Это подтверждает нашу точку зрения, согласно которой тенденция к использованию враждебных атрибуций сама исходит из более глубокой черты личности — устойчивой агрессивности.

6.15. Два типа агрессивности (новая концепция)

Но приведенные выше выводы *К. Доджа* и *Дж. Куайе* заставляют нас продолжить разработку концепции, согласно которой агрессивность является чертой характера, которая возникает в результате многократного переживания психического состояния агрессивности (враждебности, гнева и ярости) и совершения соответствующих агрессивных действий.

Наша идея, которая является новой **гипотезой**, состоит в том, что *существуют две разные черты личности, выступающие под одним названием «агрессивность», но существенно различающиеся друг от друга психологически*:

а) *проактивная агрессивность:* это устойчивая тенденция человека, служащая для решения возникающих перед ним задач и с целью адаптации; у таких людей должна существовать устойчивая агрессивная адаптивная стратегия;

б) *реактивная агрессивность:* это устойчивая черта отвечать агрессивно на воздействия фрустраторов и разных других провокаций. Следует предположить, что когда человеку свойственна реактивная агрессивность, то в условиях отсутствия серьезных провокаций, то есть когда он не фрустрирован и не подвергается другим неприятным воздействиям, он спонтанно пользуется мирными стратегиями и механизмами адаптации.

Но, с другой стороны, один и тот же человек может обладать как реактивной, так и проактивной агрессивностью, то есть он может быть, так сказать, *амбиагрессивным*.

И все же, поскольку такой фундаментальный психический процесс, как атрибуция, избирательно действует только на реактивную агрессию, можно предположить, что эти две черты (или комплексы) личности независимы друг от друга.

Выделение двух типов агрессивности и агрессии вызывает к жизни целый ряд новых проблем. Мы уже говорили о связи агрессии с другими защитными механизмами. Здесь мы предлагаем еще одну гипотезу: ***с другими защитными механизмами личности теснее связана реактивная агрессия, которая сама имеет защитный характер*. Эта связь выражается по-разному.**

Во-первых, реактивная агрессия выступает в комплексе с другими защитными механизмами с целью устранения или смягчения фрустрации.

В о - в т о р ы х , различны как процессы психологической подготовки этих двух видов агрессии, так и процессы последующего их оправдания и обоснования.

В - т р е т ь и х , проактивная агрессия, как мы полагаем, выступает в более чистом виде, то есть вне комплексов из других защитных механизмов. Это наступательная агрессия, она — устойчивая тенденция, нередко оправдывала себя в прошлом (в смысле положительного подкрепления) и является устойчивой стратегией адаптации.

Необходимо исследовать также генетические связи этих двух видов агрессивности. Когда и почему в процессе социализации они разделяются? И почему одни индивиды становятся преимущественно реактивными агрессорами, а другие — преимущественно проактивными? Чтобы получить ответы на эти вопросы, нужны новые исследования и новые эмпирические материалы.

6.16. Три типа насильников: реактивные, проактивные и среднего типа

Поскольку мы убеждены в том, что существуют три типа агрессивных людей — *реактивные, проактивные* и *амбиагрессивные* (отличающиеся примерно одинаковой реактивной и проактивной агрессивностью), легко предположить, что эти виды агрессивности в своих крайних формах выражения воплощаются в соответствующих типах насильников.

1. *Реактивные насильники:* это люди, которые, когда их не провоцируют, живут мирно. Они избегают провокаций, стрессов и фрустраций, поскольку знают, что ответят на их воздействие сверхагрессивно. Они способны предвидеть вредные последствия таких действий еще тогда, когда провокации отсутствуют. Но в самой ситуации фрустрации и других провокаций они становятся импульсивными и действуют сверхагрессивно. Сила и длительность агрессии у них могут быть неадекватно высокими и большими. Это защитная агрессия, доведенная до крайности. Такие люди могут использовать враждебные атрибуции для объяснения своих действий.
2. *Проактивные насильники:* это люди, которые, в о - п е р в ы х , считают агрессию вполне естественным средством достижения своих целей — доминирования, приобретения богатства и т. п. В о - в т о р ы х , они отличаются садистическими чертами, то есть получают наслаждение от своих насильственных действий и вида страдающей жертвы. У реактивных насильников садизм может отсутствовать или быть слабым. Более того, реактивный насильник может с отвращением смотреть на свои действия и их последствия. Мы считаем также, что реактивные насильники после совершения насильственных действий переживают внутренние конфликты и когнитивный диссонанс, тогда как у проактивных насильников эти переживания могут отсутствовать или быть очень слабыми. В результате такие люди уже не развиваются в сторону большей психической зрелости. Это по-настоящему жестокие люди, и им нравится собственная жестокость. Они считают данную черту признаком силы своей личности и с пренебрежением относятся

к тем, кто, исходя из моральных соображений, считает жестокость неприемлемой и опасной чертой.

3. Так называемые *амбиагрессивные* (или *амбиактивные*) *насильники* одинаково жестоки как при агрессивной самозащите, так и при наступлении.

Мы надеемся, что предложенные представления имеют большой потенциал развития и позволяют создать тесты для конкретных исследований и диагностики описанных типов. Ниже мы предлагаем ряд новых идей. Заметим, что не у всех подобных людей уровень агрессивности высокий.

Если реактивная и сверхреактивная агрессия обусловлены атрибуцией враждебных намерений другим людям, то, в свете нашей концепции о трех типах агрессоров — реактивных, проактивных и амбиактивных, возникает целый ряд вопросов и идей, по существу образующих новую гипотезу или концепцию.

1. Какими атрибуциями пользуются проактивные агрессоры? Ведь если они имеют устойчивую агрессивную стратегию и считают эту форму поведения естественной, то они исходят, по-видимому, из каких-то представлений о природе человека. Вот в этих представлениях, по нашему мнению, существуют атрибуции черт и мотивов, приписываемых человеку вообще или определенным категориям людей (социальным группам, этносам и т. д.).
2. В процессе применения таких атрибуций используются разные стереотипы, но главным образом — негативные.
3. В случае проактивной агрессии атрибуции также опережают агрессивные действия.
4. Затем эти атрибуции и стереотипы используются для оправдания своей жестокости, то есть в агрессивных рационализациях агрессора.
5. Что же касается амбиактивных агрессоров, то их психическая жизнь более сложна: они в равной мере пользуются всеми видами атрибуций; они сочетают в себе качества двух первых — проактивных и реактивных типов агрессоров.

Эксперименты *К. Доджа* и других показали, что предвзятая атрибуция враждебности связана с реактивной агрессией, но с проактивной не связана.

Мы же полагаем, что это не совсем так. Это лишь одна сторона следующей, более общей, закономерности: для проявления проактивной — наступательной и непровоцированной — агрессии нужны общие атрибуции агрессивности и враждебности ко всем людям, к человеку вообще, а реактивная агрессия (особенно сверхсильная) обусловлена конкретными атрибуциями враждебности конкретным людям и группам, которые провоцируют человека. У смешанного типа личности обе эти формы атрибуции и агрессии даны примерно в равной степени.

Из этой общей закономерности можно вывести частные гипотезы и проверить их эмпирическими методами. Таких гипотез в основном три:

1) о проактивных агрессорах (и сверхагрессорах);
2) о реактивных агрессорах (и сверхагрессорах);
3) об амбиактивных агрессивных личностях, у которых уровни агрессивности могут быть разными.

6.17. Атрибуция враждебности и сверхагрессивная реакция

Для развития предложенных выше идей можно использовать экспериментальные данные, полученные *К. Доджем* и *Дж. Куайе* уже при исследовании сверхреактивной агрессии. Они определяют ее в качестве тенденции «реагировать мощным ответным "ударом" даже на самую слабую провокацию»[34].

Эти авторы выдвинули и проверили гипотезу, согласно которой сверхреактивная агрессия обусловлена тенденцией к предвзятой атрибуции враждебности. Экспериментальная проверка гипотезы была осуществлена следующим образом: «на первом этапе оценивали склонность испытуемых к ошибочному приписыванию другим враждебных намерений, на втором — наблюдали за их поведением во время игры с другими детьми. Полученные результаты подкрепили главный прогноз: чем более высокий балл по шкале *предвзятая атрибуция враждебности* набирали участники эксперимента, тем с большей вероятностью демонстрировали они склонность к проявлению сверхреактивной агрессии»[35].

В дальнейшем то же самое было получено в экспериментах на подростках и взрослых. В частности, *К. Додж* и другие изучили связь враждебных атрибуций с агрессивностью у несовершеннолетних преступников, отбывающих срок в тюрьме. Эти подростки (мальчики) были осуждены за различные насильственные действия — убийства, изнасилование и попытки такого рода, вооруженные нападения с целью ограбления и т. п. Гипотеза исследования предполагала, что у этих испытуемых склонность к враждебным атрибуциям будет коррелировать «...с количеством совершенных ими преступлений и с баллом, выставленным обученными наблюдателями, по показателю *склонность к реактивной агрессии* (агрессия в ответ на провокацию)»[36].

Была также выдвинута гипотеза, согласно которой если предшествующая провокация отсутствует, то по показателю проактивной агрессии (чьей целью является доминирование над другими, контроль и управление) между этим видом агрессии и тенденцией к враждебным атрибуциям «взаимосвязь установлена не будет».

Авторы исследования выдвинули также гипотезу о психопатологических аспектах проблемы. Они предположили, что *склонность к враждебным атрибуциям коррелирует с низкой социализацией* (со склонностью к физическому насилию и отсутствию социальных и эмоциональных связей с другими членами общества). Противоположная форма патологии — **сверхсоциализация**, при которой «люди ведут себя агрессивно на фоне положительных эмоциональных связей с другими»[37].

Используя методику, которую мы считаем *косвенной*, авторы исследования добились подтверждения всех своих гипотез. Оказалось, что «склонность к предвзятой атрибуции враждебности имеет отношение к реактивной, а не к проактивной агрессии и напрямую связана с расстройством поведения именно по типу низкой социализации. Кроме того, чем выше у испытуемых склонность к предвзятой атрибуции враждебности, тем больше насильственных преступлений против других лиц они совершили... Мы видим, что склонность к предвзятой атрибуции у лиц с диагнозом "низкосоциализированное поведение" была вдвое выше, нежели у лиц без психопатологий»[38].

Можно согласиться также с утверждением, что склонность к предвзятой атрибуции враждебности является «важной личностной характеристикой, имеющей

прямое отношение к агрессии». Эта связь прослеживается как у детей, так и у взрослых; как у здоровых, так и у лиц с психопатологией. «Короче говоря, склонность приписывать недоброжелательность и дурные намерения другим лицам, даже если этого на самом деле нет, является важной чертой, которая может привести индивидов к более частым, чем обычно, агрессивным столкновениям с другими»[39].

Результаты эти — важные и интересные, но недостаточно глубокие. Необходимы новые исследования, выдвижение новых проблем и гипотез. Вот одна из них: мы считаем, что сама склонность к атрибуциям другим людям враждебных намерений не является первичным качеством личности. Мы знаем, что атрибуции, особенно проективные, сами являются защитными механизмами, выражениями защитных установок и мотивов личности и, следовательно, имеют более глубинные источники — вплоть до основных ценностей и представлений о природе человека. Поэтому описанные выше исследования можно считать лишь первым шагом в этом направлении. Мы считаем, что тенденция предвзятой атрибуции враждебности исходит из более глубинной черты характера, даже из комплекса черт. Более того, эта тенденция *может стать одной из адаптивных стратегий личности или поведенческим выражением такой стратегии*.

Следовательно, чтобы продолжить и углубить исследования *К. Доджа* и его коллег, следует использовать современные представления об *иерархии черт личности*. Структура личности является иерархической организацией. Характер, отдельно от темперамента, является более или менее целостной иерархической структурой черт. Поэтому, когда мы пытаемся раскрыть связь какой-либо черты личности с агрессивностью, следует выяснить место этой черты в иерархии черт личности. Тогда исследуемая связь станет более понятной.

По существу, мы имеем перед собой типичный случай того, как защитные механизмы, постоянно сочетаясь, составляют защитно-адаптивный комплекс личности. В данном случае это комплекс, состоящий из атрибуции и реактивной агрессии.

Другой путь углубления вышеописанных идей и результатов — использование данных о типах психопатов и акцентуированных личностей, представленных в основном в трудах *К. Леонгарда* и *А. И. Личко*[40].

Их исследования в связи с проблемой агрессивности мы обсудим в третьей части настоящего труда.

Что же касается методики, примененной в работах *К. Доджа* и его коллег, то она также вызывает целый ряд вопросов и возражений, которые мы обсуждаем в следующем параграфе.

6.18. Критические замечания о методике К. Доджа и его сотрудников

Методика исследований, примененная *К. Доджем* и его сотрудниками, в общих чертах такова: испытуемых мальчиков делят на три группы:

а) на тех, кто «демонстрирует реактивную агрессию»;
б) на тех, кто «демонстрирует проактивную агрессию»,
в) наконец, на подгруппу испытуемых, кто «практически не демонстрирует агрессию».

Всем трем группам были показаны видеофильмы, в сюжетах которых присутствовал акт провокации одного ребенка по отношению к другому. Например, в одном из них один мальчик разрушает домик, построенный другим мальчиком. «Подлинные намерения провоцирующего, скрытые за внешними действиями, систематически менялись, так что сторонние взрослые наблюдатели могли интерпретировать их то как явно враждебные, то как просоциальные (желание оказать помощь). Иногда истинную суть намерения не удавалось трактовать однозначно. Испытуемых затем просили объяснить, каковы были намерения актера в каждом отдельном случае. Как и ожидалось, именно члены группы с высокой реактивной агрессией воспринимали двусмысленные намерения актера как враждебные»[41].

Итак, испытуемые наблюдают за поведением других актеров по фильмам и высказывают предположение о том, намеревался ли актер совершить враждебный акт или же стремился приносить пользу, либо его намерения были неоднозначными, либо, наконец, все получилось случайно. И вот вывод: «О степени склонности к предвзятой атрибуции враждебности испытуемых можно было судить по частоте приписывания ими враждебных намерений людям в ситуациях, когда большинство наблюдателей посчитало бы, что таких намерений *не* было»[42].

Но здесь возникает очень важный, даже можно сказать фундаментальный, вопрос: всегда ли человек считает других такими же, каким считает себя или каким является на самом деле?

Тут мы видим два случая, в достаточной мере различных, поскольку самооценка человека часто не совпадает с тем, каким он реально является. Ответ на предложенный вопрос у нас отрицательный. Вполне возможны случаи, когда человек считает другого аморальным и агрессивным, но сам таким не является. *Атрибуции всегда присутствуют, но это не значит, что они всегда являются проективными.*

Здесь же возникает еще один вопрос: *откуда исходят эти проективные атрибуции?* Из подлинной, реальной структуры личности или же из тех представлений, которые он имеет о себе, то есть из его «Я-концепции»? Дело в том, что и подлинная структура личности, и ее «Я-концепция» могут быть источниками различных проективных атрибуций, и, организуя эксперименты, следовало бы учесть данные различия. Это очень трудно, но, в принципе, возможно.

Некоторое недоверие к методике экспериментов *К. Доджа* и его сотрудников возникает, таким образом, вследствие того, что они исследуют склонность испытуемых к предвзятым атрибуциям враждебности *косвенно*: испытуемый рассуждает о некоем воображаемом актере и его поведении и, как предполагается, проецирует собственные тенденции на этого актера. Но ведь он, исходя из мотива самозащиты, может проецировать то, что диаметрально отличается от его собственных тенденций. Или его атрибуции могут исходить из структуры его «Я-концепции». Или, наконец, атрибуции испытуемого могут быть источником его общих представлений о природе человека.

Вот почему методику исследования проблемы атрибуции враждебности и ее связи с типом агрессивности человека следует совершенствовать и дифференцировать. Но как первый шаг в направлении исследования таких когнитивных и защитных процессов, лежащих в основе различных типов агрессивности, исследования *К. Доджа* и его коллег представляют несомненную ценность.

6.19. Агрессивные атрибуции

Агрессия — атрибуция — усиление агрессии (новая концепция)

Наблюдения показывают, что когда человек подвергает агрессии другого человека, то нередко его агрессивность не только не смягчается, но даже еще больше усиливается. Жертва агрессии вызывает в агрессоре не жалость и эмпатию, а, наоборот, еще большую ненависть и более интенсивные агрессивные действия. Почему так происходит, в чем причина этого, с первого взгляда парадоксального, явления?

Первая и очевидная причина, по-видимому, состоит в том, что агрессор боится возмездия жертвы и решает делать ее окончательно недееспособной или полностью уничтожить ее. *Страх перед возмездием усиливает агрессивность*, и это вполне понятно.

Примеров — исторических и повседневных — очень много. Так, в годы геноцида армян в Турции (1915–1923 годы) турки уничтожали не только взрослых, но и детей, опасаясь, что они, взрослея, будут мстить за своих родителей и за свой народ. Об этих «заботах» руководителей и исполнителей геноцида сохранились исторические доказательства, вполне достоверные сведения. (Кстати, мы считаем более правильным назвать данный тип преступления *этноцидом*.)

Но нам представляется, что имеются еще и другие, более тонкие механизмы усиления агрессивности агрессора: эти механизмы предотвращают его катарсис и подготавливают еще более опасные насильственные действия.

Наша **гипотеза** состоит в следующем:

1) совершая первые агрессивные действия, человек или группа вовлекается в такой процесс, из которого трудно выйти. У агрессора возникает потребность в оправдании своих действий, для удовлетворения которой он начинает приписывать своей жертве новые отрицательные качества и злые намерения;
2) если эти атрибуции убедительны для агрессора, у него возникают психологические предпосылки для совершения новых агрессивных действий. Агрессивность палача усиливается, и он вовлекается в процесс наказания жертвы еще глубже;
3) при этом могут использоваться различные формы атрибуции: каузальная (приписывание мотивов, причин поведения), атрибуция черт и установок и т. п.;
4) часть этих атрибуций является проективной, то есть палач приписывает жертве свои собственные нежелательные черты и мотивы и действует с ней так, как будто она действительно обладает этими чертами и мотивами;
5) описанные выше атрибуции становятся материалом, из которого строятся рационализации, то есть, в собственном смысле слова, речевые структуры самооправдания, особой формы психологической самозащиты агрессора.

В каких случаях агрессор наиболее остро нуждается в подобных атрибуциях и рационализациях? Можно указать два главных условия, при которых потребность в такой самозащите усиливается.

1. Если агрессор чувствует, что его агрессивная реакция была чрезмерной и неадекватной или вообще неуместной. Так бывает, когда на слабую провокацию отвечают опасными насильственными действиями.
2. Если у агрессора уже была заранее накопленная злость, свободно плавающий гнев, которые, найдя случайную мишень, разряжаются с огромной силой. В таких случаях для полной разрядки обычно требуется несколько «встреч» с жертвой или виктимизация нескольких человек.

На интенсивность агрессии может оказать влияние особая структура «Я-концепции» агрессора, например его нарциссизм или наличие общей отрицательной установки к тому типу людей, к которому принадлежит жертва.

Эта гипотеза позволяет объяснить многие факты как реальной жизни, так и социально-психологических экспериментов, в частности то, почему в разных экспериментах по изучению катарсиса получены различные результаты. Данное предположение позволяет учесть индивидуальные черты испытуемых, например различия их атрибуций и рационализаций, их видов, интенсивности и мотивировки.

Исследователи отметили, что, хотя участие людей в катартической активности иногда смягчает их открытую агрессивность, все же полезные аспекты этой процедуры в прошлом преувеличивались.

Мы полагаем, что, используя вышеизложенную нашу концепцию, можно объединить разрозненные факты и создать основы научной, социально-психологической теории катарсиса. Преимуществом этой гипотезы является то, что она связывает проблему катарсиса с широкой проблематикой психологии личности: с защитными механизмами, внутренним и внешним самооправданием своих действий (отсюда выход к проблематике когнитивного диссонанса), со структурой «Я-концепции» и т. п. Катарсис существует, но у разных людей, вследствие специфики их личностных структур, катартические способности различны. Отсюда можно перейти к проблеме новой типологии людей по признаку способности к катарсису и сублимации агрессивности. Всю эту проблематику следует расширить и изучить экспериментально.

Агрессивные атрибуции (косвенная агрессия)

Агрессия как защитный механизм личности может сочетаться с другими механизмами самозащиты и адаптации. Мы уже знаем из предыдущей главы, что очень любопытные формы она принимает, когда сочетается с атрибуцией. В качестве дополнения к уже сказанному покажем это на примерах.

Приведем отрывок из книги *Д. Майерса* «Социальная психология»: «В борьбе за признание ученые редко недооценивают свой собственный вклад. После того, как Фредерик Бантинг... и Джон Маклеод... получили в 1923 году Нобелевскую премию за открытие инсулина, Бантинг заявил, что Маклеод, возглавлявший лабораторию, был скорее помехой, чем помощником. Маклеод в речах, посвященных открытию, не упоминал имя Бантинга»[43].

Здесь мы видим, как эти два ученых по-разному пользуются сочетанием атрибуции с агрессией, по существу выработав для себя *стратегию самозащиты и нападения*.

1. *Ф. Бантинг* использовал положительные атрибуции — для себя (самоатрибуции) и отрицательные — для Маклеода. У него агрессия сочеталась с этими отрицательными атрибуциями, содержание которых принимало уничижительный характер («скорее был помехой...» и т. п.).
2. *Дж. Маклеод* же пользовался другой стратегией, а именно: умалчиванием роли коллеги в важной работе, которое является специальной формой агрессии, **символическим уничтожением** коллеги, хотя не исключено, что в душе, используя внутреннюю речь, он использовал отрицательные гетероатрибуции. В явном же поведении он выступал так, как будто вся заслуга открытия принадлежит ему, а коллеги даже не существует.

Подробнее о формах использования этими людьми каузальной и других форм атрибуций можно было бы говорить, имея под рукой более обширный материал об их высказываниях относительно совершенного ими открытия. Ясно также, что в истории науки, литературы и искусства можно найти много подобных примеров, которые подлежат переосмыслению в свете современной психологии. Это перспективное дело, поскольку позволит открыть много разнообразных сочетаний агрессии с другими психологическими механизмами и предлагать новые гипотезы о типичных адаптивных комплексах и стратегиях.

Итак, предпринята попытка исследования сходного явления — агрессивной атрибуции, хотя косвенно, без постановки такой цели. Например, удалось показать (во всяком случае, такой вывод возможен), что сексуально агрессивные мужчины истолковывают общительность женщин как сексуальный интерес к ним, что во всем мире приводит к изнасилованиям. Такие мужчины затем объясняют свой поступок тем, что сами женщины их провоцировали своим поведением[44].

Можно предположить, что в таких случаях имеет место приписывание собственной сексуальной агрессивности женщине (это *проективная агрессивная атрибуция*), после чего мужчина поступает так, как будто женщина действительно сексуально агрессивна и провоцирует его.

6.20. Самореализующиеся пророчества и агрессия

В социальной психологии известно очень интересное явление: если мы о каком-либо человеке имеем определенное представление, то поступаем с ним так, что, даже не осознавая этого, заставляем его действовать согласно нашим ожиданиям. Это явление называют **самореализующимся пророчеством**.

Экспериментальные исследования показывают: когда индивид А считает своего партнера Б агрессивным и неспособным к сотрудничеству, то почти всегда вызывает в Б нежелание сотрудничать[45].

Фактически в таких случаях используются проективные и другие атрибуции, после чего А начинает думать, что Б таков, каким он его видит, ожидая от него проявления определенных мотивов, личностных черт и поведения. Эти процессы, естественно, становятся более активными в конфликтных ситуациях.

Вот что пишет *Д. Майерс*: «Убеждения самоподтверждения проявляются в избытке, когда есть конфликт. Если одна сторона считает другую агрессивной, обиженной

и мстительной, то другая сторона начнет вести себя так в порядке самообороны, что создаст нескончаемый порочный круг. На мое отношение к жене повлияет то, чего я буду ждать от нее — плохого настроения или тепла и любви, тем самым побуждая ее подтвердить мои ожидания»[46].

Это явление мы видим во время многих конфликтов — семейных, социальных и этнических. Знание таких когнитивных и не всегда осознаваемых механизмов сохранения конфликтных отношений поможет найти способы их смягчения.

Это явление, иногда называемое также *бихевиоральным подтверждением* (имеется в виду, что Б своим поведением подтверждает ожидания и атрибуции А), как мы полагаем, связано также с *инграциацией*, в которой используются атрибуции. Когда мы говорим другому приятные слова о его характере, внешности, намерениях и т. п., он будет стремиться действовать в соответствии с этими ожиданиями, если даже понимает, что говорящий (инграциатор — льстец, заискивающий человек) не совсем искренен.

В процессе самоподтверждения пророчеств используются не только атрибуции, но и стереотипы. Это особенно заметно во время межэтнических конфликтов и подготовки сторон к агрессивным действиям: приписывая друг другу отрицательные стереотипы (агрессивность, нечестность, злонамеренность и т. д.), они формируют у себя соответствующие ожидания, действуют агрессивно и вызывают ответную агрессию: *пророчество сбывается.*

Стереотипы действуют на различных уровнях, в том числе внутри этносов. В частности, в армянском этносе приняты стереотипы-атрибуции о различных категориях людей. Например, говорят: «У слепого и хромого души нет». Существуют различные стереотипы о бухгалтерах, учителях и иных социальных подтипах характера по профессиональному и другим признакам. Подобные стереотипы используются как содержание атрибуций, в том числе проективных.

Явление самоактуализирующихся (самореализующихся) пророчеств имеет ряд противодействующих механизмов, которые обсуждаются в социальной психологии такими известными исследователями, как *Г. Келли*, *Д. Майерс* и другие. Но более развернутое обсуждение этого интересного явления выходит за рамки настоящей книги.

6.21. Психология подозрения (предварительный эскиз)

Что такое подозрение? Как это понимать, когда индивид А подозревает Б в злых, агрессивных намерениях?

Для психолога, знакомого с теорией атрибуции и защитных механизмов, подозревать другого в чем-либо означает, что он приписывает ему какие-то мотивы и качества и начинает думать о нем, взаимодействовать с ним так, как будто тот действительно имеет подобные намерения и качества. Русское слово «подозревать» хорошо выражает положение вещей: я не вижу явных признаков того, что человек (конкретная личность Б) имеет определенные черты, и особенно мотивы, и собирается действовать определенным образом, но я приписываю ему подобные мотивы и т. п. Я при этом как бы смотрю «под» внешний вид и зрительно наблюдаемое поведение человека, как бы проникаю вовнутрь его личности и вижу то, что в явном виде не дано моему восприятию.

Наша **гипотеза** по поводу этого явления состоит в следующем: *тот, кто подозревает, боится того, кого подозревает, поэтому становится агрессивным по отношению к нему*. И эту свою агрессивность он вторично приписывает другому, ожидая с его стороны враждебных действий. И если этим путем у А образуется убеждение в агрессивности намерений Б, тогда А может предпринимать превентивные агрессивные меры против Б. Таким образом люди, страдающие подозрительностью и конкретными подозрениями относительно определенной личности, становятся агрессивными, превращая в своих жертв ни в чем не повинных людей.

Когда же Б становится жертвой, наступает третий этап работы механизма атрибуции (чаще всего используется проективная атрибуция, с помощью которой осуществляется *дискредитация жертвы*). Такая психологическая работа подготавливает новый этап агрессивных действий, порой намного более жестоких поступков. Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что подозрение и подозрительность являются очень интересными и практически важными объектами психологического исследования. Подозрение как психический процесс и подозрительность как комплекс характера могут быть не только индивидуальными, но и групповыми, в том числе этническими (национальными). Подозрительность может проявляться на уровне национальных лидеров и оказывать свое влияние на межэтнические и межнациональные отношения.

Психологам предстоит исследовать различные типы и формы подозрения как психического процесса и подозрительности как характерологического комплекса личности: эти типы и формы можно выделить, исходя из различных критериев. Так, можно использовать критерий характера атрибуций, лежащих в основе подозрения. Опираясь на этот принцип, можно говорить, по крайней мере, о трех типах подозрения:

1) каузальное подозрение;
2) диспозиционное (установочное) подозрение;
3) проективное подозрение.

Например, если индивид А — руководитель учреждения и имеет сильный мотив власти (доминирования), а Б — подчиненный, то А может подозревать в Б присутствие такого же мотива и считать его соперником. Это каузальное подозрение. Когда тот же А подозревает Б в такой же гиперсексуальности, какую имеет сам, то это уже подозрение на основе атрибуции свойства. В этом случае А станет воспринимать Б, скорее всего, не как соперника в борьбе за власть и влияние, а как опасного соперника в борьбе за сексуальный объект, если в их окружении такая привлекательная особа есть.

Подозрения бывают также нормальными и патологическими, хотя грань между ними иногда весьма условная. Когда, например, разведчик или полицейский подозревают кого-либо в определенных намерениях, осуществление которых может оказаться вредным для государства, то это вполне нормально. Они для того и деньги получают, чтобы подозревать и проверять истинность своих подозрений. Но когда человек уверен в истинности своих подозрений без их проверки и не имея убедительных доказательств, это уже патология.

Психология подозрения как раздел психологии личности и социальной психологии, имея непосредственное касательство к психологии человеческой агрессивности, может находить широкие применения в различных областях человеческой активности, в том числе в сфере самопознания. На основе предложенных идей возможно созда-

ние теста. Говоря о возможных прикладных аспектах теории подозрения, например, в области политики, следует учесть, что взаимные подозрения государств порождают гонку вооружений, ненависть и разрушительную агрессивность, способствуют производству значительного количества отрицательных гетеростереотипов. Войны, геноцид (более правильный термин — *этноцид*) и другие крайне жестокие формы агрессивности во многом основаны на подозрениях, а в конечном счете — на атрибуциях. Психология подозрения и подозрительности совершенно необходима при исследовании политического лидерства и типологии лидеров. Психология подозрения может иметь серьезное значение при исследовании взаимоотношений полов, этноцентризма и группоцентризма, многих других явлений социальной жизни людей.

Примечания

[1] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 134.
[2] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 135.
[3] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 3, §1.
[4] *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980. — Гл. 2, §6.
[5] См. их краткий обзор в работе: *Krebs D. and D. Miller.* In "Handbook of Social Psychology", Vol. 2, 1985.
[6] *Dodge K. A. and Crick N. R.* Social information-processing bases of aggressive behavior in children. "Personality and Social Psychology Bulletin", 1990, 16, pp. 8–22; см. также: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 119–120.
[7] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 129.
[8] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 116–117.
[9] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 85.
[10] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 86.
[11] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 129.
[12] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 86.
[13] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 126–128; *Zillmann D.* Hostility and aggression. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1979.
[14] *Heider F.* The psychology of interpersonal relations. New York: Wiley, 1958; *Kelly H. H.* The process of causal attribution. "American Psychologist", 1973, 28, pp. 107–128; *Ross L. D.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in experimental social psychology (Vol. 10). New York: Academic Press, 1977 a. o.
[15] Впервые мы предложили эти идеи в книге «Социально-психическая адаптация личности». — Ереван, 1988.
[16] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 125.
[17] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — Гл. 4; *Zillmann D.* Hostility and aggressio. / Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1979; его же: Attribution and misattribution of exitatory reactions. In J. H. Harvey, W. J. Ickes and R. F. Kidd (Eds.), New direction in attribution research. Vol. 2. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1978, pp. 335–368; его же: Transfer of exitation in emotional behavior. In J. T. Cacioppo and R. E. Petty (Eds.). Social Psychology. New York: Guilford Press, 1983, pp. 215–240.
[18] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 118.
[19] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. — М., 1998.
[20] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 120; *Schachter S.* The interaction of cognitive and phisiological determinants of emotional state. In L. Berkowitz (Ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 1. New York: Academic Press, 1964, pp. 49–80.

[21] *Nickel T. W.* The attribution of intention as a critical factor in the relation between frustration and aggression. "J. of Pers.", 1974, 42, pp. 482–492.
[22] *Kulik J. A. and R. Brown.* Frustration, attribution of blame and aggression. "J. of exper. Soc. Psychol.", 1979, 15, pp. 183–194.
[23] *Krebs D. and D. Miller.* Altruism and Aggression. In G. Lindzey and E. Aronson (Eds.), The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, 1985, p. 56; *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 62–63.
[24] *Averill J. R.* Anger and aggression: An essay on emotion. New York. Heidelberg: Springer-Verlag, 1982; см. также в книге: *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 63.
[25] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000.
[26] *Dengerink H. A.* Personality variables as mediators of attack-instigated aggression. — In R. G. Green and E. C. O'Neel (Eds.). Perspectives on aggression. New York: Academic Press, 1976.
[27] *Zillmann D.* Hostility and aggression. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1979.
[28] *Baron R.* Human aggression. New York: Plenum, 1977; *Baron R.* The reduction of human aggression: an incompatible response strategy. In R. G. Green and E. Donnerstein (Eds). Aggression: theoretical and empirical reviews. New York: Academic Press, 1983.
[29] *Панин Д.* Лубянка — Экибастуз. — М., 1991; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ; и др. Множество подобных примеров описано в книгах А. И. Солженицына, А. Ципко, Д. Волкогонова и других русских авторов. Подобные явления описываются и в художественной литературе (А. Н. Рыбаков, Ю. Гроссман и др.).
[30] *Johnson T. E. and Rule B. G.* Mitigating circumstance infirmation, censure, and aggression. "Journal of Personality and Social Psychology", 1986, 50, pp. 537–542.
[31] Краткий обзор этих исследований дан, например, в книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 195–197.
[32] См., например: *Mischel W.* Introduction to personality (2nd ed.). New York: Holt, Rinehart and Winston. 1976; см. также: *Росс Л., Р. Нисбетт.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999.
[33] *Dodge K. A. and Coie J. D.* Social information processing factors in reactive and proactive aggression in children's pear groups. "Journal of Personality and Social Psychology", 1987, 53, pp. 1146–1158.
[34] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[35] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[36] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[37] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[38] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[39] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[40] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону. 1997; *Личко А. Е.* Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. — М., 1999.
[41] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 196.
[42] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197.
[43] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 64. Д. Майерс ссылается на следующую работу: *Ross L. D.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in experimental social psychology. (Vol. 10). New York: Academic Press, 1997.
[44] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 101.
[45] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 145–146.
[46] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 146.

ГЛАВА 7

Биологические предпосылки агрессии

Согласно данным современной биологии, в первую очередь, конечно, генетики, все формы поведения и психической деятельности человека находятся под контролем генов. Если сюда добавить, что психическая деятельность и поведение человека осуществляются с помощью физиологических механизмов и процессов, то станет очевидной необходимость исследования биологических — генетических, эволюционных и физиологических — предпосылок и основ механизмов человеческой агрессии. Данная обширная глава будет посвящена обсуждению тех результатов, которые получены этологами, психофизиологами и генетиками. Они представляют значительный интерес не только для специалистов, но и для широких кругов читателей.

Напомним то, о чем мы вкратце уже говорили в первой главе настоящей книги. Начиная с 1920-х годов поочередно были выдвинуты три группы теорий агрессии: биологические (этология, физиология и социобиология агрессии); психологические и социально-психологические (теории *З. Фрейда*, *Э. Фромма* и другие); политико-психологические теории агрессии и насилия. Последние были созданы как попытки понимания международного насилия и терроризма — явлений, которые в наши дни — в 1990-е годы и в начале XXI века — стали настоящим бедствием для многих народов.

Каждая теория агрессии рассматривает это явление в определенном аспекте. Но при анализе конкретных агрессивных действий индивидов и групп следует попытаться применить все названные теоретические подходы. Только таким путем можно создать целостный, системный образ исследуемого явления.

7.1. Инстинктивная теория агрессии

О природе инстинкта Прежде чем приступить к решению вопроса о том, является ли агрессия инстинктивной, посмотрим, что такое инстинкт, каковы структура и функции этого явления.

Об инстинктах животных и человека писали многие авторы — биологи и психологи. Во всех описаниях инстинктов присутствует ряд элементов, существование которых не вызывает сомнения ни у одного серьезного исследователя. Возьмем, например, описание инстинкта видным психологом бихевиористического направления *Ю. Толменом*. Он видел в инстинкте три «модальности»: психогенные влечения (драйвы), цепь автоматизированных рефлексов и прирожденное умение координации работы мускулов[1]. Агрессию Толмен тоже считал инстинктом.

Влечение — *это форма выражения инстинкта*. Оно уже направлено на определенный объект. Каждому инстинкту соответствуют свои влечения — сексуальные, агрессивные и другие. Однако не каждое влечение имеет инстинктивный характер[2].

Каждый инстинкт преследует свои цели. Когда влечение удовлетворяется, тем самым соответствующий инстинкт подкрепляется. Количество влечений превосходит количество инстинктов.

Инстинкты ведут к удовлетворению почти или совсем без обучения. Само завершение инстинктивных действий приводит к переживанию удовлетворения, если даже с их завершением не связано специальное удовольствие.

Существование сексуального и агрессивного инстинктов не вызывает сомнения, но есть ли специальный **инстинкт самосохранения** — об этом идут споры. Так, психоаналитик *Гайнц Гартманн* и другие представители этого научного направления считают, что в выживании индивидов важное значение имеют некоторые функции «Я», которые для обеспечения безопасности индивида реагируют на большое многообразие сигналов (в том числе внутреннего, физиологического характера), используя все возможности человека — от рефлексов до высших психических процессов — для испытания реальности, координации всех разнообразных реакций и функций. Отметим также, что в одной из наших предыдущих книг предложена в значительной мере новая психологическая концепция инстинкта[3].

Инстинктивная теория агрессии

Наиболее разработанную инстинктивную теорию агрессии предложил известный этолог, лауреат Нобелевской премии *Конрад Лоренц*[4].

Он считает, что инстинктивные факторы лежат в основе всех форм человеческой агрессивности. Агрессивные импульсы закодированы в генных структурах человеческого организма. Разум человека может лишь создать способы и средства для достижения уже выдвинутых целей. Интеллект (разум) сам по себе является как бы счетной машиной, в которой нет важной релевантной информации. Это машина без мотора, система колес без своего двигателя[5].

Для скромного искателя биологических фактов, отметил *К. Лоренц*, не может быть ни малейшего сомнения в том, что воинственный энтузиазм человека развился из групповой защитной реакции наших дочеловеческих предков.

Агрессивный инстинкт создает у человека постоянное деструктивное влечение, которое, в свою очередь, реализуется в агрессивных действиях. Если для сексуального инстинкта психоаналитики постулировали существование специальной энергии *(либидо)*, то для агрессивного инстинкта постулирование соответствующей энергии делается без полной уверенности. Говорят о *деструдо* или *мортидо*, но считается, что агрессия имеет более физиологический и бессознательный характер, чем сексуальный инстинкт. Агрессивные действия совершаются с меньшим вовлечением «Я» личности[6].

Агрессия может служить самосохранению человека (когда он, например, защищается от нападения). Но чаще всего она служит разрушительным целям. Например, когда психически больной человек нападает на другого, подозревая его в злых намерениях (каких у него на самом деле нет), то его агрессия служит уже инстинкту смерти, она имеет разрушительный характер.

Активное агрессивное влечение удовлетворяет желание навредить, овладеть объектом или уничтожить его. *Пассивная агрессия* соответствует желанию быть во власти другого или подвергаться разрушительным воздействиям. Последнее связано

с мазохистическим желанием, при этом имеет место определенная степень слияния либидо с агрессией. Про садизм и мазохизм у нас предстоит отдельный и подробный разговор в третьей части настоящей книги.

Пытаясь доказать инстинктивную природу агрессии, *К. Лоренц* указывает, в частности, на такой факт: маленькие дети, до этого совсем не знавшие друг друга, оказавшись вместе, начинают драться, как детеныши волков, обезьян, крыс. Это показывает, что агрессия является *инстинктивной* и *спонтанной*. В результате этого, согласно *К. Лоренцу*, агрессия, как и голод, сексуальное влечение и другие прирожденные влечения, время от времени усиливается. У человека периодически как бы возникает «голод» по совершению агрессивных действий, депривация агрессивного влечения.

Агрессивность действительно время от времени может усиливаться как под воздействием внутренних (эндогенных) факторов, так и внешних неблагоприятных воздействий, фрустраторов.

Но эта точка зрения критикуется такими авторами, как *Э. Фромм*, *Р. Браун*, этолог *Р. Хайнд* и другие. В частности, последний не считает доказанным утверждение Лоренца о том, что агрессивность после длительного отсутствия возможности выражения усиливается, тем самым усиливая готовность к дракам. В этом отношении, по мнению *Р. Хайнда*, агрессивность отличается от пищевого поведения.

Но это утверждение *Р. Хайнда* тоже не бесспорно. Следует иметь в виду, что, во-первых, когда усиливается сексуальное поведение, одновременно усиливается также связанная с ней агрессивность. Во-вторых, когда у человека имеется свободно плавающий гнев, о чем речь шла в главе о разновидностях агрессии, то со временем желание совершить агрессивные и разрушительные действия может усиливаться. Так что в вышеприведенном утверждении имеется большая доля истины.

Агрессивность может усиливаться под влиянием таких эндогенных стимулов, как гормон андроген или раздражения определенных зон мозга: это явление изучают с помощью раздражения электрическими импульсами через вживленные в мозг электроды[7].

Причем заманчиво думать, что электрохимическая активность определенных зон мозга является самим состоянием агрессивности, которое выражается в различных действиях и физиологических изменениях всего организма.

Очень часто, при неизменном стимуле, поведение животного или человека бывает то агрессивным, то нет. Поэтому есть основание для вывода о том, что существует инстинктивное агрессивное влечение, сила которого меняется во времени. Однако, как мы увидим в дальнейшем, огромную роль в развитии агрессивного поведения играет учение, подкрепление агрессивных действий по принципу оперативного или условно-рефлекторного обусловливания.

Пока плохо изучен вопрос, ослабляется ли агрессивность после совершения агрессивных действий. Есть факты, свидетельствующие, что при успешности агрессивных действий индивида его агрессивность еще больше усиливается, вследствие чего он совершает еще более интенсивные агрессивные действия. Но встречаются и такие случаи, когда после осуществления таких действий животные или люди отвлекаются и совершают уже другие действия.

7.2. Исследования на животных

Многие из данных о прирожденности или наследственности инстинктов, в том числе агрессивного, получены на животных. Представляют интерес эксперименты, проведенные на мышах-альбиносах. Этих животных много исследовали с целью раскрытия природы их агрессивности (*К. Лагерштец* и другие).

Три наблюдателя следили за поведением нескольких пар зрелых и незнакомых друг с другом мышей, за их взаимодействием. Затем, исходя из своих наблюдений, они построили семибалльную шкалу рейтинга агрессивных действий. Шкала эта интересна своим примерно кумулятивным характером, то есть тем, что любое поведение, указанное на шкале, обычно появляется только после того, как уже проявились менее интенсивные формы поведения с более низким рейтингом. Ниже приводится эта шкала.

1. Животное не проявляет интереса к своему партнеру и лишь изредка обнюхивает его (без агрессивности). Когда его атакует партнер, оно старается бежать.
2. Частое обнюхивание. Убегает, но время от времени старается защищаться от атак партнера.
3. Частые энергичные обнюхивания. Иногда принимает позу готовности к борьбе. Животное не нападает на партнера, но, если его атакуют, защищается.
4. Энергичные движения хвостом. Животное часто принимает позу готовности к борьбе. Преследует партнера, временами нападает на него.
5. Легкие схватки, а временами — мощные атаки. Игра хвостом.
6. Страстные, ожесточенные схватки и кусания в течение большей части времени. Игра хвостом.
7. Ожесточенные схватки. Животное так сильно кусает партнера, что появляется кровь. (Когда это имеет место, эксперимент прекращается.)

Такие действия, как обнюхивание и виляние хвостом, непосредственного вреда не наносят, но они считаются агрессивными, поскольку неприятны для партнера. За ними нередко следуют явно агрессивные действия (кусания). Однако, хотя мыши дерутся с готовностью, они, как правило, не доходят до нанесения серьезных повреждений другим представителям своего вида.

Оказалось, что у самцов драчливость сильно зависит от производства в их организмах половых гормонов. Самцы более агрессивны, чем самки, но они начинают драться только после наступления периода половой зрелости (пубертатности). Самцы, которых кастрировали до наступления половой зрелости, обычно не дерутся. Они не дерутся даже после впрыскивания мужского полового гормона — тестостерона. Зрелые самцы продолжают драться и после кастрации, но с условием, что их умение драться образовалось до кастрации и им впрыскивают мужские половые гормоны.

Наблюдение за белыми мышами в естественных условиях жизни показало, что их агрессивное поведение чаще всего лишено инструментального значения, то есть не служит сексу, утолению голода и жажды, доминированию, защите территории и т. д. Как при наблюдении за их драками, так и при изучении сексуального поведения создается впечатление, что эти формы поведения имеют свое *внутреннее подкрепление*. Иначе говоря, агрессивные действия имеют свое *первичное подкрепление*.

Экспериментальные исследования подтверждают этот вывод. Самые четко организованные эксперименты проводил *К. Лагершпец*[8].

Не вдаваясь в подробности, кратко опишем их общую схему. Для экспериментов были выбраны мыши. На одном конце наэлектризованной решетки поместили стартовый ящик, а в нем — мышь. На другом конце был помещен пустой целевой ящик. Животное, помещенное в стартовый ящик, должно было перейти в целевой ящик через наэлектризованную решетку. В этих условиях мышь пересекала решетку в 70 % всего времени. Такое поведение экспериментатор приписал исследовательскому инстинкту животного. Действительно, мыши и крысы — очень любознательные животные и активно исследуют окружающее пространство.

На следующем этапе эксперимент был видоизменен следующим образом: в целевой ящик поместили другую мышь, которая по итогам предварительных опытов была охарактеризована как слабая особь, с легкостью терпящая поражения. Это ее качество было установлено в ходе 18 предварительных опытных схваток с другими мышами. Таким образом, ее схватки в экспериментальной установке фактически были продолжением предыдущих боев. И вот результат: когда в целевой ящик поместили это слабое животное, ее партнер (поведение которого собственно и было предметом исследования) стал пересекать опасное пространство решетки почти в 94 % времени нахождения в экспериментальной ситуации, то есть почти непрерывно. Между животными все время шла драка.

Таким путем было доказано, что драки для белых мышей являются самоподкрепляющимися действиями: они имели первичное (внутреннее) позитивное подкрепление. Иначе говоря, их агрессивные действия не являются инструментальными, не служат какой-либо другой полезной цели. Многие исследователи полагают, что то же самое верно и для всех других видов животных.

Для проверки влияния генетических факторов на определенный вид поведения, то есть для выяснения того, является оно наследственным или нет, специалисты используют также **метод селективного спаривания**.

Это мощный исследовательский метод. Его в 1964 году применил тот же *К. Лагершпец* в нижеописываемом эксперименте с белыми мышами: первая (родительская) группа состояла из 24 особей, каждый — из отдельного помета. До эксперимента эти животные не общались друг с другом. Их индивидуальные уровни агрессивности определялись по методу рейтинга — путем наблюдения за их поведением в 7 парах. Затем из них выбрали самых агрессивных и минимально агрессивных, которые и положили начало двум новым линиям мышей. Трудность состояла в том, что у белых мышей агрессивность сцеплена с полом и все самки имеют очень низкий уровень агрессивности. Создается представление, что самки лишены врожденной агрессивности, в то время как самцы агрессивны по своей природе. Поэтому самцы были спарены с близкородственными самками. Продолжая селективное спаривание в течение семи поколений, *К. Лагершпец*, уже начиная со второго поколения, получил значимые различия между уровнями агрессивности двух линий. В седьмом поколении средний уровень агрессивности был равен 5,5 — то есть у животных наблюдались виляние хвостом и нападения на партнера. Чтобы обучение не играло роли, мыши после отлучения от груди были выращены в изоляции (начиная с 21-го дня рождения и до появления признаков драчливости). Кроме того, в дополнительном исследовании детенышей агрессивной линии сразу после рождения переносили к матери и детенышам неагрессивной линии и наоборот. Это метод семейного воспитания для изучения относительной важности

наследственности и среды в процессе социализации. Исследование показало, что различия в социальном опыте не смогли сглаживать наследственные различия. *Итак, исследования на животных доказали, что наследственность играет важную роль в агрессивности.* Лишним доказательством этого закона является то, что формы нападения и ритуалы агрессивности у всех индивидов данного вида одинаковы.

Известно, что такие крупные этологи, как *Н. Тинберген* и *К. Лоренц*, считают, что одним из критериев прирожденности поведения является его единообразность и ригидность (негибкость) у всех индивидов, принадлежащих к одному и тому же виду (с той оговоркой, что животные принадлежат к одному и тому же полу и все — одного возраста). Для обнаружения наследственных форм поведения *Н. Тинберген* пользовался экспериментальным методом изоляции. Если полностью изолировать животное от других индивидов, чтобы оно не сумело у них учиться каким-либо формам поведения, тогда, если оно в определенном возрасте проявляет такие формы поведения, которые специфичны для его вида, данные формы поведения наследственны. Отметим, что для этих исследователей все, что наследственно, является также врожденным и наоборот. Правда, при более строгом подходе надо было учитывать, что врожденное и наследственное не всегда одно и то же[9].

Под словом «врожденный» *Н. Тинберген* понимает «полностью запрограммированное и формирующееся без контроля внешней среды» поведение[10].

Что касается врожденности агрессии, этот вопрос он рассматривает на ряде примеров.

Является ли агрессивное поведение колюшки врожденным? Эта рыбка склонна нападать в период половой активности, скорее всего, на красные предметы, поскольку у соперников, пытающихся проникнуть в занятую ею территорию, брюшко красное. Для проверки гипотезы врожденности агрессивного поведения ставят такой опыт: берут несколько икринок и выращивают из них рыбок таким образом, чтобы до наступления периода созревания они не видели других рыб или объекты такого же размера. «Только когда колюшка-самец достигнет половой зрелости, мы покажем ему другого самца того же вида в состоянии брачного возбуждения или похожий на него макет, предварительно выкрасив его нижнюю сторону в красный цвет. В естественных условиях окрашенный таким образом соперник подвергается нападению. Ринется в атаку и наш, выращенный в изоляции самец»[11].

Приводя такого рода факты, *Н. Тинберген* указал на необходимость выяснения двух вопросов:

а) все же каковы были внешние условия жизни животного, особенно в период раннего развития;

б) что еще важнее, каковы внутренние программы развития данного вида поведения, каковы сами эти процессы развития?

Об этих внутренних программах *Н. Тинберген* писал:

«Пока еще мы почти ничего не знаем о природе внутреннего контроля над развивающимся поведением и слишком мало — о не менее сложной проблеме: как влияет на развитие поведения почерпнутый из внешнего мира опыт. Ученые проверяют свои теории, которые должны раскрыть нам тайну того, как обучение влияет на формирование поведения. Затрачиваются огромные усилия, чтобы разгадать сущность

внутренних регулирующих факторов. Все это делает науку о поведении одной из самых сложных, именно поэтому она далеко еще не вышла из детского возраста.

Кое-что нам все-таки известно. Мы уже знаем, например, что многие сложные формы поведения нельзя назвать ни всецело врожденными, ни всецело приобретенными; они представляют собой комбинацию того и другого»[12].

Исходя из современной теории эволюции, можно сказать, что врожденными являются такие характеристики поведения, генетические детерминанты которых в пределах всего вида в достаточной мере единообразны и приводят к единообразным наблюдаемым результатам. Однако необходимо, чтобы эта закономерность была верна тогда, когда жизненный опыт каждого индивида приобретается в определенном критическом интервале среды, поскольку генетические детерминанты всегда действуют, взаимодействуя с научением, диетой, с температурой и другими негативными факторами среды.

Следует помнить, например, что ни один язык как система знаков не наследуется детьми. Но нет сомнения, что имеются врожденные факторы (генетические программы), делающие возможным быстрое усвоение любого языка. Такой же общий характер имеет внутренняя программа следования за первым же воспринимаемым большим объектом у гусей, так называемый **импринтинг** у целого ряда видов животных[13].

7.3. Инстинкты, разум, любознательность

Человек — парадоксальное существо. Парадоксы человеческого — индивидуального и группового — поведения мы лучше поймем при условии, если учтем, что в своих действиях человек руководствуется не только *разумом*, но и *инстинктами*. Идеализированный, богоподобный образ человека не соответствует реальности. Человек, согласно теории *Чарльза Дарвина*, произошел от обезьяны и... является обезьяной, но... не полностью, то есть человек полуобезьяна. Он, кроме того, есть качественно новое явление, которое продолжает эволюционировать, но с неопределенным исходом *(К. Лоренц)*.

Разум, умственные способности — вот что было добавлено к «конструкции» человека в ходе его эволюции. Но, по-видимому, это добавление было сделано преждевременно. В библейской притче о зеленом яблоке содержится глубокий смысл: яблоко, которое ели Адам и Ева, было неспелым и кислым. Знания, которые человек стал получать с помощью своего разума и понятийного мышления, лишили его той безопасности, которую ему обеспечивали его хорошо адаптированные к среде инстинкты. Поэтому человек — «рискованное существо»[14].

Каким образом выражается этот парадокс человека, в каких деяниях он обнаруживается? *Конрад Лоренц* искренне удивляется, что таких людей, как Александр и Наполеон, считают героями, а ведь эти люди ради осуществления своих фантастических, бредовых идей и целей отправляли на смерть сотни тысяч людей.

Фактически получилось так, что высшие умственные способности и речь, дарованные человеку в ходе эволюции, *стали служить его инстинктам*, в значительной степени — агрессивному инстинкту. За примерами далеко ходить не надо: история эволюции человека и общества полна подобных фактов. Так, изобретение стрел и лука

привели к тому, что человек стал убивать не только животных, но и своих сородичей. Оружие как бы становится частью тела людей, продолжением их естественных органов. Отказываться от оружия человек не собирается. Это так же маловероятно, как и, скажем, процесс **рудиментации** — возврата жизненно важных органов к прошедшим этапам своего развития. (Это можно было бы назвать *анатомической* и *физиологической регрессией*. Существование физиологической регрессии организмов не подлежит сомнению точно так же, как несомненно существование психологической регрессии.)

Эволюция инстинктов, особенно специальных инстинктивных механизмов, сдерживающих агрессивные действия, не успевает за изобретением и развитием новых орудий, в том числе различных видов оружия. Уже австралопитеки, изобретая каменные орудия, использовали их не только для охоты и игры, но и для убийства себе подобных. Археологические раскопки позволили найти много черепов людей, разбитых в драках и войнах каменными орудиями[15].

Вообще, многие изобретения использовались и используются с целью убийства.

Синантроп (пекинский человек) был настоящим Прометеем, пишет Лоренц. Он изобрел огонь! Но вскоре начал на нем варить (и жарить) других синантропов, чтобы есть более вкусную пищу! Около их лагерей, рядом с кострами, обнаружены обезображенные и обугленные кости синантропов[16]. Изобретение орудий, по-видимому, сделало наших предков еще более агрессивными.

Но есть еще одна сторона этого вопроса. Человек, кроме инстинктов и разума, обладает еще и любознательностью. Он постоянно исследует окружающую среду. Человек как бы находится в постоянном диалоге с природой: задает ей вопросы, получает ответы и создает представления о причинно-следственных связях. Зная причины и следствия явлений, он может *предвидеть*, *предвосхищать* будущие события, в том числе последствия своих действий. Способность предвидения лежит в основе «чувства» ответственности. Тем самым человек приобретает рациональную *ответственность*. Развивая мораль, человек с ее помощью предотвращает те опасности, которые ему грозят, в том числе со стороны своих же инстинктов. **Психология ответственности** должна составлять существенную часть нашей науки, так как ответственность — одно из тех социально-психологических явлений, которые могут предотвратить агрессию человека.

Таким образом, резюмировал *К. Лоренц* свои рассуждения, те же интеллектуальные способности, которые применяются при создании опасного для самого человека оружия, предоставляют ему средства предотвращения злоупотребления им. Одно из этих средств — рациональная ответственность.

7.4. Спонтанность и порог агрессии

Поскольку как у животных, так и у человека агрессия инстинктивна и в качестве основной своей функции имеет сохранение индивида и вида, она проявляется *спонтанно*. В этом — ее опасность для современной цивилизации и человечества. Даже небольшие изменения среды могут привести к деструктивному росту агрессивности людей, вплоть до самоуничтожения человечества. Обсуждая данный вопрос, *К. Лоренц* выражает несогласие с теми современными психологами, по мнению которых агрессия — это просто реакция на некоторые внешние стимулы. Если бы

дело обстояло так, то можно было бы убрать эти раздражители, надеясь на преодоление агрессивности человека.

Впервые признал спонтанность инстинктов, в том числе агрессивного, *З. Фрейд*. Он показал также, что отсутствие социальных контактов, депривация важнейшей социальной потребности в общении, является одним из факторов, облегчающих выражение агрессии.

Из этой правильной идеи ряд американских психологов и педагогов сделали неверный вывод о том, что дети будут расти мирными людьми, если обеспечить такие условия, в которых они переживали бы как можно меньше лишений и фрустраций. Но когда такие дети, свободные от фрустраций дома, растут и включаются в жизнь большого общества недоброжелательных взрослых людей, многие становятся невротиками[17].

Ошибочна точка зрения, согласно которой поведение человека реактивно и, если даже содержит внутренние элементы, его все равно можно безгранично менять. *К. Лоренц* называет такой подход **радикальным недопониманием** (или радикальным заблуждением). Это незаконный перенос некоторых принципов демократии в сферу науки: считается, будто все люди равны и т. п. *К. Лоренц* критикует тех психологов, которые до недавнего прошлого исследовали только реакции животных и людей, оставляя исследование внутренних сил и спонтанности виталистам и мистикам. Нетрудно видеть, что объектом его справедливой критики являются бихевиористы. Сюда мы можем добавить также имена представителей павловской школы физиологов и тех многочисленных психологов, которые безуспешно пытались построить научную психологию на основе учения об условных рефлексах.

Истина состоит в том, что нервная система, для того чтобы действовать, не обязательно ждет внешних стимулов. *Она сама создает стимулы*, а это дает физиологическое объяснение спонтанности поведения. Данный физиологический факт получил подтверждение в исследованиях *Э. Эдриана, П. Вейса, К. Рёдера* и в наибольшей мере в работах *Э. фон Хольста*, подчеркивает *К. Лоренц*. В настоящее время **факт производства эндогенных стимулов** в центральной нервной системе является общепризнанным. «Здоровое животное встает и действует» — вот основная идея спонтанности.

Мы полагаем, что у творчески одаренных людей принцип спонтанности психической активности играет ведущую роль. Но подобная спонтанность в какой-то мере контролируется сознанием.

Какие факторы влияют на спонтанность выражения инстинктов? В первую очередь, по-видимому, следует назвать депривацию, то есть более или менее долгосрочное лишение возможности удовлетворения данной потребности. В качестве примера приведем половой инстинкт и последствия его депривации. В обычных условиях мужчина желает только красавиц. Затем, когда депривация продолжается, он начинает проявлять интерес к обычным женщинам. Еще больше страдая от лишения, он уже соглашается иметь дело с любой женщиной[18].

Это, конечно, очень интересная проблема для исследования, поскольку дает ключ к пониманию импульсивных и спонтанных форм поведения человека: депривация, фрустрируя вообще, приводит к усилению спонтанности инстинктивных форм поведения и, по-видимому, также тех, которые так глубоко внедрены в структуру личности, что стали квазиинстинктивными. В подобных случаях имеет

место снижение порога выражения потребности и остальных, в том числе двигательных компонентов инстинктов.

В особых случаях порог раздражителей, необходимый для того, чтобы вызвать инстинктивные действия, снижается до нуля. Происходит взрыв без заметных внешних стимулов. Добавим, что у человека могут даже появляться галлюцинаторные образы желательных объектов-раздражителей, как это имеет место при длительной сенсорной депривации.

Когда индивид долго лишается возможности удовлетворения своих инстинктивных потребностей, в его поведении наблюдаются новые явления: общее беспокойство и перемещения в пространстве. В особых условиях он может сублимировать свою потребность и добиваться высоких результатов в учебе или творчестве. *К. Лоренц*, конкретизируя свою мысль, высказывает очень важное замечание: *снижение названного порога и спонтанность особенно сильно выражены в случае внутривидовой агрессии*. Для доказательства приводится ряд примеров из жизни рыб и других животных[19].

Тут сразу же возникает аналогия с внутриэтническими отношениями и внутриэтнической агрессией по сравнению с межэтнической. Данную проблему мы подробно исследовали в другой книге[20].

Но почему происходит снижение внутривидового порога агрессивности, каковы причины этого явления? Ни Лоренц, ни другие авторы, насколько нам известно, не отвечают на данный вопрос. Однако Лоренц, пытаясь делать это, приводит все же пример, обсуждение которого послужит нам исходным пунктом для определенных выводов. Это пример из жизни его тети, которая держала служанок. Нанимая новую служанку, она восхваляла ее до небес, утверждая, что наконец нашла ту, которая ей нужна. Но уже через месяц она находила ошибки в ее поведении, и чем дальше, тем более крупные и серьезные. Она не могла терпеть ни одну из служанок более восьми месяцев, увольняла их и брала новую. Каждый раз в конце этого срока она уже ненавидела служанку и искала новую[21].

Говоря языком психологии, в течение этих восьми месяцев происходило постепенное снижение порога агрессивности хозяйки, и в конце концов, чтобы не совершить убийство, она устраивала скандал и увольняла служанок. Почему? По нашему мнению, можно указать на следующие психологические факторы, которые приводили к такому результату:

а) эта тетя была фрустрирована подлинными и воображаемыми ошибками служанок;
б) накапливались фрустрации, и вызванные ими агрессивность и враждебность женщины становились такими интенсивными, что она совершала ряд агрессивных актов (несправедливые замечания, грубости, ссора и т. п.), завершавшихся увольнением служанок;
в) можно предположить, что порог толерантности хозяйки к фрустраторам был хронически низок, поэтому даже обычные действия служанок воспринимались ею в качестве фрустраторов;
г) наконец, можно представить себе, что каждый раз, нанимая новую служанку, хозяйка связывала с нею высокие ожидания и притязания, такие, которые в реальной жизни не могли осуществляться. Это означает, что она с само-

го начала обрекала себя на неизбежные фрустрации в своих отношениях с каждой служанкой.

Мы думаем, что эти четыре основные причины встречаются и в других случаях. Не исключено, что сходный механизм действует и внутри этносов: сородичи предъявляют друг к другу высокие ожидания, более высокие, чем те, которые предъявляются представителям чужих этносов. Именно поэтому и так часто люди разочаровываются в своих соотечественниках.

Сходные процессы снижения порога проявления агрессивности происходят и у других лиц, особенно в условиях социальной изоляции: у членов небольших групп полярников, у военнопленных, заключенных тюрем и т. п. Такую сверхагрессивность называют «полярной болезнью», «экспедиционным гневом» людей, лишенных возможности разрядить свою агрессию в спорах с другими людьми. Эти люди иногда затевают опасные ссоры внутри своей маленькой группы. *К. Лоренц* заметил, что снижение порога агрессивности легко происходит внутри группы хорошо знакомых и даже любящих друг друга людей. Именно поэтому человек может отвечать агрессией даже на легкую манерность своих друзей.

Понимание данного явления не освобождает нас от тех мучений, которое оно причиняет. Нужен какой-то выход. Если говорить о полярных исследователях и путешественниках, то, как известно, наиболее чувствительные из них, ощущая в себе усиление агрессивности, выходят из палатки и ломают какой-либо предмет. Но такие действия не всегда помогают, о чем свидетельствуют случаи убийств среди небольших групп путешественников. Этологи также заметили это явление у ряда животных. Так, *Нико Тинберген* назвал такое поведение **переориентированной активностью**, но в психологии, как мы уже знаем, это явление выступает под названием «перемещение агрессии», вымещение злости на нейтральном объекте. Но эти отвлекающие действия не всегда помогают, и имеют место случаи убийств, причем те, кто их совершает, не понимают мотивов своих действий. Сходные отвлекающие действия совершают также представители некоторых горских народов: они таким образом привязывают кинжал к своему поясу, чтобы в состоянии гнева вынуждены были развязать шнурок. Иногда этих действий достаточно, чтобы гнев несколько остыл, проходя свой пик, после чего уже применение оружия представляется нецелесообразным.

Тут возникает целый ряд новых проблем, о которых стоит говорить хотя бы вскользь, с надеждой, что найдутся специалисты, которые пожелают заниматься их последовательным изучением. Почему у некоторых лиц механизм перемещения агрессии не развивается в достаточной степени, чтобы дать им возможность сменить объект своей агрессии (члена своей социальной группы) на другой объект? Какие еще психические механизмы нужны? Обсуждение проблемы снижения порога агрессии и усиления спонтанности поведения в работах *К. Лоренца* интересно, но с психологической точки зрения поверхностно. Оно носит характер постановки вопроса. Для обсуждения он не привлекает аппарат и достижения современной социальной психологии, особенно теории фрустрации и защитных механизмов, что позволило бы углубить анализ и понимание этих явлений.

Мы полагаем, что здесь не обойтись без привлечения знаний о таких механизмах, как проекция и атрибуция качеств, причин и намерений. В тех случаях, когда

совершаются убийства, может иметь место дегуманизация личности другого члена группы, что значительно облегчает совершение агрессивных действий.

Наконец, известно, что, обладая самосознанием, человек способен на самоконтроль, благодаря чему может подавить свою агрессию. Но когда это не получается, можно предположить существование в нем таких механизмов, которые разрушают самоконтроль личности и ее способность самосдерживания. Мы полагаем, что именно здесь ему нужны проекция и атрибуция.

При обсуждении проблемы снижения порога агрессивности и усиления спонтанности агрессивных действий всегда надо помнить, что они имеются и у животных. Следовательно, должны существовать как сходства, так и различия: вряд ли можно говорить о наличии механизма атрибуции у животных.

7.5. Факторы, сдерживающие агрессивные действия

Когда у человека или животного вследствие фрустрации или стресса возникают гнев и агрессивность, появляется тенденция или мотив совершения агрессивных действий. Мы считаем эту тенденцию прирожденной, инстинктивной, но она не детерминирует непосредственно и однозначно агрессивные действия индивида против тех объектов и ситуаций, которые представляются ему фрустраторами. Целый ряд внутренних и внешних факторов сдерживают индивида, подавляют его агрессию. Эти сдерживающие факторы получили общее название **ингибиторов**. Существуют не только биологические, но и социально-психологические механизмы, сдерживающие агрессивные действия. В результате этого и по той причине, что не всегда возможно устранить фрустраторы, агрессивность подавляется или преобразуется: она может выражаться даже во внешне миролюбивых действиях, в стремлении овладеть ситуацией, в виде борьбы против собственной склонности к пассивному существованию.

Ингибиторами агрессии могут быть позы, принимаемые жертвой; такие внутрипсихические сдерживающие силы, как, например, интернализованные моральные принципы, установки и т. п. В работах этологов есть очень хорошее описание механизмов сдерживания агрессии у животных и, частично, у человека. Исследование этих механизмов у индивидов и социальных групп может стать важным направлением социально-психологических исследований.

До того как начать рассмотрение отдельных ингибиторов, нужно сказать следующее: неагрессивные адаптивные механизмы косвенно подавляют агрессивные действия. В этом смысле они могут считаться сдерживающими агрессивность механизмами. Следовательно, чем больше человек приобретает неагрессивных механизмов адаптации к среде своего обитания, тем меньше вероятность того, что он будет действовать агрессивно.

Ингибиторы, то есть тормозные механизмы

Ингибитор (от лат. *inhibitor* — задерживающий, тормозящий фактор) — *это фактор, который предупреждает агрессивные действия, их последствия*. При отсутствии ингибитора эти действия совершались бы беспрепятственно.

У животных ингибиторы существуют в виде *жестов успокоения* (или успокаивающих жестов). У обезьян бабуинов существует такой жест: если эти животные

хотят прекращать борьбу, они поворачиваются и показывают противнику свой зад и спину. Волки, чтобы смягчить боевой пыл друг друга, принимают лежачую на спине позу и раскрывают живот — очень уязвимое место своего тела. Воспринимая такой жест, победитель прекращает борьбу, не воспользовавшись плодами своей победы. Иногда так же ведут себя собаки по отношению к людям, хотя описываемые жесты-ингибиторы предназначены в первую очередь для внутривидового употребления.

У людей, согласно *И. Эйбл-Эйбесфельду*, *К. Лоренцу* и другим специалистам, ингибиторами агрессии являются физические особенности женщин и детей. Это их *миловидность*. У детей она обусловлена крупностью головы в соотношении с длиной туловища, выступающим лбом, круглостью щек, короткостью конечностей и некоторой неуклюжестью. Все эти особенности, вместе взятые, составляют *комплексный ингибитор*.

Другими ингибиторами являются страдальческий вид, вид крови и кишок. Но не для всех они являются прирожденными и эффективно действующими тормозными механизмами агрессии, о чем свидетельствуют многочисленные случаи жестоких убийств, совершаемых во время войн, межнациональных конфликтов и даже в «мирное» время. Кроме того, человеку легче убивать других людей, когда он находится далеко от жертвы и не воспринимает ее страдания и другие тормозящие агрессию признаки. Эти жестокости иногда называют «зверствами», что не очень справедливо по отношению к животным. Следовательно, если человек совершает акты насилия при непосредственном контакте с жертвой, то это свидетельствует об особом развитии у него садистических черт.

Почему возникают ингибиторы?

Конрад Лоренц полагает, что возникновение ингибиторов агрессии связано с появлением особых орудий борьбы: клыков, клювов, когтей и других, пользуясь которыми животные одного вида могли бы уничтожить друг друга. У животных, имеющих такие орудия уничтожения, ингибиторы особенно развиты и действуют эффективно. Между тем у шимпанзе, голубей и других животных, которым трудно убивать друг друга, ингибиторы агрессии менее эффективны.

Человек, согласно этологам, принадлежит ко второй группе, так как он не обладает очень опасными естественными орудиями борьбы. Вследствие этого в процессе биологической эволюции у человека не возникли и не развились достаточно эффективные успокаивающие жесты. *К. Лоренц*, например, считает главной опасностью для человечества то, что этот вид (этот «голубь») изобрел оружие массового уничтожения, для запрещения которого не имеет эффективных средств.

Дезингибиторы

Дезингибиторами, или **релизерами** (от англ. *release* — отпускать, выпускать, освобождать), *называют такие механизмы, которые устраняют влияние ингибиторов, то есть тормозных механизмов*. У животных дезингибиторами агрессии являются, например, новые попытки жертвы продолжать борьбу. Если волк, побежденный и лежащий на спине, пытается встать и продолжать борьбу, победитель сразу же совершает новые и резкие агрессивные действия, заставляя повторить позу подчинения. Иначе жертва будет разорвана, что, кстати, редко бывает. Это значит, что действия жертвы, свидетельствующие о желании

продолжать борьбу, являются дезингибиторами: они устраняют воздействие ингибитора, в данном случае — позы побежденного.

В жизни человека дезингибитором агрессивных действий является наблюдение сцен агрессии и насилия, совершаемых другими людьми. Когда человек наблюдает такие сцены, у него агрессивность усиливается. Почему так происходит? Подобный результат может быть следствием активизации агрессивного влечения, которое потенциально имеется у всех. Кроме того, восприятие агрессии, которая остается безнаказанной, снимает многие тормозные механизмы, тем самым демонстрируя дозволенность насилия. Это процесс *растормаживания агрессии*.

Концепция *релизеров*, предложенная этологами, была шагом вперед по сравнению с психоаналитической теорией агрессии. Этологи указали на то, что, хотя агрессия имеет инстинктивные основы, для того, чтобы организм начинал действовать агрессивно, нужны определенные внешние стимулы: угроза, оскал зубов другого животного, прямое нападение и т. п. Именно эти стимулы получили название релизеров агрессивного поведения. Используя данное представление, исследователь уже более точно может сказать, когда, в каких условиях можно ждать агрессивного поведения.

Оба этих случая — усиление агрессивного влечения и расторможение — общие явления, но они не у всех происходят одновременно. Легко видеть, что после просмотра сцен насилия не все становятся в одинаковой степени раскованными и агрессивными. У определенной части зрителей возникает особо интенсивная агрессивность. Поэтому мы можем сказать, что у них до просмотра фильма или уличных сцен уже присутствовала сильная агрессивность, которую они тормозили, но теперь эти тормоза (ингибиторы) сняты. Ингибитором же мог быть страх перед наказанием. По-видимому, значительная доля агрессивности и агрессивных действий, возникающих после наблюдения сцен насилия в реальной жизни или на сцене, является дезингибиторной, то есть результатом растормаживания.

Трудность защиты от агрессоров обусловлена еще и тем, что неагрессивный индивид внешне неотличим от агрессивного индивида, подверженного воздействию ингибитора. А агрессивный организм, в свою очередь, неотличим от дезингибированного агрессивного индивида.

В завершение предложенного обсуждения для дальнейшего исследования предлагаем следующую проблему: ингибиторы агрессии существуют, это не подлежит сомнению. Но имеются ли ингибиторы других инстинктивных действий, например ингибиторы сексуального поведения, ингибиторы эмпатии и помощи и другие? Это очень важные проблемы. Предположительно можно сказать, что они есть. Но здесь не место для более широкого обсуждения этих проблем.

7.6. У каких животных не развились механизмы, предотвращающие агрессию?

Есть животные (например, волк) и даже птицы (например, ворон), которые способны одним ударом убить сородича. Как мы уже сказали, если бы у них не возникли механизмы предотвращения агрессии, то на земле таких животных сегодня уже не осталось бы. Именно у таких, опасных друг для друга и агрессивных видов животных и развились в ходе эволюции тормозные механизмы, о которых мы уже говорили.

Но есть немало видов животных, которые очень подвижны и при возникновении опасности быстро удаляются или обращаются в бегство. Есть и такие, которые, наподобие шимпанзе, не могут прямо сразить противника. Вот *у таких животных не образовалось тормозных механизмов против внутривидовой агрессии.* Эти животные убивают друг друга. В условиях неволи, когда животное лишено возможности бегства от опасного соперника, его могут умертвлять долго и мучительно. Даже приходит в голову слово «садизм», хотя строгий естествоиспытатель возразил бы против такого «антропоморфизма». По наблюдениям этологов, даже символ мира голубь может подвергнуть мучительному умиранию другую птицу своего вида, при этом не обнаруживая никаких признаков действия каких-либо тормозных механизмов[22].

Человек — всеядное существо. В ходе эволюции у него тоже не образовалось естественных орудий убийства больших животных. Именно поэтому у него не развились те внутренние тормозные механизмы, которые необходимы для подавления агрессивных действий. Есть «профессиональные» плотоядные животные, которые легко убивают друг друга, и вот у них присутствуют механизмы, предотвращающие злоупотребление природными орудиями смерти, которыми они наделены. Например, те тормозные механизмы, которые предотвращают летальный исход борьбы двух волков за лидерство, согласно этологам, *функционально аналогичны морали.* Как моральные принципы и нормы предотвращают много убийств людьми друг друга, так и тормозные механизмы хищников предотвращают убийства сородичей. Такие животные, вооруженные страшными клыками и другими орудиями смерти, только в редких случаях, во гневе, убивают друг друга[23].

Эти соображения *К. Лоренца*, касающиеся человека, не всегда убедительны. Так, объясняя, почему у человека не образовались тормозные механизмы, он видит причину этого в том, что один человек не может быстро и легко убить другого (правда, его слова касаются того периода антропогенеза, когда орудия еще не были изобретены). А если не было опасности убийства при проявлениях внутривидовой агрессии, не было нужды и в таких тормозных механизмах. Поскольку процесс убийства у людей длительный, жертва может просить пощады, принимая позу побежденного, и тогда агрессор мог отказаться от убийства. И предполагается, что только вместе с созданием искусственных орудий человек неожиданно для себя получил возможность быстро убивать других людей. Раньше человек просто не нуждался в таких тормозах, поскольку не обладал орудиями хищника. Но ведь это не совсем так! Мало ли людей до создания орудий убивали друг друга камнями, задушив друг друга, бросая в глубокие водоемы и т. п. Особенно легко убивали детей и женщин, приносили своим богам человеческие жертвы и т. п.

Итак, точка зрения Лоренца верна лишь частично. Человек от природы агрессивен, но почему-то у него мало естественных орудий для убийства других животных. Но они все же есть, пусть не такие мощные и эффективные, как у льва, волка и других хищников. Человек может задушить руками другого человека и даже животных; его зубы и кулаки являются неплохими орудиями для борьбы и убийства.

Достаточно посмотреть на выступления мастеров некоторых современных боевых искусств. Кроме того, полицейская хроника убийств дает основание для того, чтобы сомневаться в правильности утверждения, что человек лишен естественных орудий убийства. Так, в 1997 году в США убийства совершались с помощью следующих

видов оружия: 70 % — огнестрельным оружием, 13 % — ножом, 4 % — тупыми предметами, 8 % — другими видами оружия, а 5 % — руками и ногами[24].

Руками и ногами, этими естественными орудиями человека, и в наши дни каждый год убивают примерно 715 человек. Эту цифру мы считаем значительной.

Но проследим дальше за рассуждениями этолога. Итак, до создания орудий человек был похож на голубя. Но этот «голубь» внезапно получил острый клюв и стал похож на ворона. Если бы в те времена был создан топор, то люди постепенно истребляли бы друг друга. Начиная со времен создания первых орудий и до сих пор человек не был свободен от опасности самоистребления. Возникла мораль, но одновременно росло желание убивать. Образовалось также чувство безнаказанности за убийство. И современный человек спокойно убивает другого, когда жертва находится далеко, когда он его не видит. Этому в еще большей степени способствует огнестрельное оружие, а теперь уже и ракетные установки, бомбардировщики и другое оружие дальнего действия. Одним нажатием кнопки можно уничтожить сотни тысяч людей.

Это все верно. Но этологи не обращают внимания на то, что существуют, так сказать, более «мягкие» формы агрессии — клевета, дискредитация, оскорбление достоинства и другие, — которые хотя и медленно, но наверняка убивают многих и многих во всем мире. Этологи в основном интересовались физической агрессией. Животные ведь клеветать и дискредитировать друг друга словами не могут.

Современный человек страдает от недостаточной разрядки своей агрессивности. Критикуя идею психоаналитиков о существовании инстинкта смерти (танатоса), этологи считают, что человеческая агрессивность, возникшая для сохранения вида в ходе эволюции, употребляется во зло, поскольку у людей нет механизмов торможения. Эта сверхагрессивность создает впечатление, что существует особый инстинкт смерти. Для иллюстрации своих взглядов *К. Лоренц* приводит результаты исследования Сиднеем Марголином поведения представителей одного из индейских племен — ута. Эти результаты весьма интересны и достойны отдельного обсуждения.

7.7. Внутривидовая и межвидовая агрессия

Представители всех видов животных время от времени ведут себя агрессивно как во взаимоотношениях с представителями своего вида, так и во время контактов с животными других видов. В первом случае мы имеем дело с *внутривидовой агрессией*, а во втором — с *межвидовой*.

Есть ли различия между ними? Вопрос этот немаловажный и приводит к постановке новых проблем, касающихся агрессивности человека, поэтому следует обсуждать его на основе как этологических и социобиологических, так и психологических фактов.

Внутривидовая и межвидовая агрессия животных

Такие исследователи поведения животных, как *К. Лоренц*, *Н. Тинберген*, *В. Уинн-Эдвардс* и другие, пришли к выводу, что среди представителей своего вида угроза или нападение часто ограничиваются физически безопасными ритуализированными или условными процессами соперничества. В то же время в борьбе против видов, служащих пищей, используются другие, более жестокие способы.

Более опасные формы агрессии используются также против тех видов, которые не служат пищей, но стоят на пути хищника к удовлетворению своей потребности в пище, препятствуют осуществлению этой цели. Самые решительные и разрушительные агрессивные действия применяются и в тех случаях, когда животное защищает своих детенышей: тут оно пускает в ход самое опасное оружие, которое находится в его распоряжении.

Межвидовая и внутривидовая агрессия животных тесно связана с территориальностью, о которой мы уже вкратце говорили.

Между видами животных агрессия выражена слабее тогда, когда они вмешиваются в жизненные процессы друг друга, что наблюдается очень часто. Виды исчезают или превращаются в другие, новые виды не по причине межвидовой агрессии, а в результате мутаций и отбора новых признаков, сохранения тех особей, которые обладают этими лучшими способами адаптации[25].

Есть специальные случаи межвидовой агрессии, и каждое животное защищается с помощью агрессивных действий, когда его загоняют в угол. Таковы, например, встречи хищника и его жертвы. Подобная борьба не на жизнь, а на смерть понятна. Но для чего существует внутривидовая (интравидовая) агрессия? К этому вопросу мы вернемся после краткого рассмотрения положения дел у «человека разумного».

Итак, агрессия, направленная на членов своей группы (вида), отличается от агрессии, направленной на членов других групп (представителей других видов). *Дж. Эйбл-Эйбесфельд*, один из видных этологов, заметил, что кот, подкрадывающийся к своей жертве, ведет себя совсем иначе, когда выражает агрессию к другому представителю своего вида. Он отмечает следующие основные различия этих двух видов агрессивного поведения:

1) в целом межгрупповая агрессия имеет больше сходства с агрессией между двумя видами, чем внутривидовая агрессия;
2) поскольку внутригрупповые когорты имеют адаптивное значение, направленная против них агрессия отличается большей сдержанностью[26].

Каковы функции внутригрупповой агрессии? Исследователи отмечают следующие из них:

1) поддержание доминантности и статусных отношений;
2) обеспечение первоочередной доступности самок для доминирующих индивидов. Истребление врага не считается специфической функцией внутригрупповой (внутривидовой) агрессии.

Межгрупповая (межвидовая, межрасовая, межэтническая) агрессивность имеет другой характер. Тенденция плохо обращаться с чужаками («иностранцами») убедительно доказана у животных. Как показал, например, *Р. Ардри*, животные хорошо различают знакомое и чужое, у них имеется **ксенофобия**, которая выражается как в нападении, так и в уходе (избегании)[27].

Социобиолог *Э. О. Уилсон* считает доказанным, что ксенофобия особенно сильно выражена у тех животных, у которых существуют высшие формы социальной организации[28].

Что касается человеческого общества, имеющего, безусловно, самый высокий уровень социальной организации, последнее утверждение для него особенно справедливо. Свидетельств выражения агрессивности к «чужакам» (представителям других расово-этнических групп) чрезвычайно много[29].

Считается (и это так!), что динамика внутригрупповой агрессии более сложна у всех социальных животных, чем динамика межгрупповой агрессии. Внутри группы индивид стремится к приобретению различных ресурсов и усилению своих преимуществ. *Но при этом он не должен способствовать уменьшению ресурсов всей своей группы, которые необходимы для успешного соперничества с другими группами.* Как отмечает *Дж. Эйбл-Эйбесфельд*, целью внутригрупповой агрессии не является уничтожение соперника. Скорее наоборот: у тех видов, у которых индивиды снабжены острыми клыками и другими орудиями смерти, вследствие чего они могли бы без труда убивать своих соперников, развивались специальные тормозные механизмы. Во многих случаях потерпевший поражение индивид даже не получает серьезных ран[30].

Эту же проблему досконально обсуждает *К. Лоренц*[31].

В качестве наиболее впечатляющего примера им описывается драка волков как выражение их соперничества за лидерство в стае: побежденный лежит на спине и открывает перед победителем свою шею, но победитель, не воспользовавшись своим преимуществом, позволяет побежденному уйти[32]. Действуют тормозные механизмы — ингибиторы агрессии, о которых мы уже знаем.

Очень важно иметь в виду, что тормозные механизмы являются способами защиты вида, а не индивида. (Но если и индивида, то через сохранение вида.) Эти ингибиторы, по нашему мнению, не уничтожают агрессию, а подавляют и преобразуют ее в другие виды поведения, в том числе в такие разновидности агрессии, которые не приводят к летальным (смертельным) последствиям. У животных эти замещающие формы поведения, в том числе агрессии, насколько нам известно, все еще не исследованы с достаточной тщательностью. Между тем такие исследования очень важны для понимания генетических корней гибкости человеческой агрессивности и механизмов ее сублимации.

Как же обстоит дело у человека?

То, что было сказано выше о различиях внутривидовой и межвидовой агрессии, касается животных, в том числе высших млекопитающих. А как же обстоит дело у человека?

Археологические данные показывают, что *уже древние люди изготовляли летальное оружие*, то есть оружие, предназначенное для совершения убийства. Но против кого они использовали это оружие? Если против других видов животных, то это означает, что человек был хищником, то есть чрезвычайно агрессивным при контактах с представителями других видов. Но отсутствовала ли у древних людей внутривидовая агрессия? Конечно же, нет! Есть многочисленные свидетельства тому, что с незапамятных времен одни группы людей вели ожесточенную борьбу против других групп, одни этносы — против других этносов, одни роды — против других родов, одни нации — против других наций. Человек был и остается столь же, если не более, агрессивным как против других видов, так и по отношению к своему виду.

Тут полезны аналогии. Мы уже говорили, что среди своего вида животные более миролюбивы, чем при контактах с другими видами. Но есть исключения. Например,

буйволы с представителями своего вида не более миролюбивы, чем с другими видами. Страстно дерутся между собой кошки, собаки, хомяки, крысы и другие животные. Что касается человека, то он, по-видимому, всегда был убийцей и даже людоедом. Человек убивал как животных других видов, так и своих — людей. Это положение дел, в принципе, сохраняется до сих пор, хотя моральную эволюцию человечества тоже нельзя полностью игнорировать. Под воздействием мирных занятий (сельское хозяйство, культура и наука, производство) у человека развились способности к сотрудничеству и сопереживанию, которые, однако же, сосуществуют с качествами хищника и убийцы. Последние сильнее выражены у тех групп людей (например, определенных этносов и их подгрупп), которые до последнего времени продолжали обеспечивать себя пищей с помощью охоты, войн и разбоя. Эти черты особенно сильно развиты у кочевых народов.

Свои изощренные умственные способности человек использовал для создания орудий убийства представителей своего вида. Примерные расчеты показывают, что начиная с 1820 года в войнах было убито 70 миллионов человек. И эта цифра с каждым годом увеличивается. По силе и беспощадности внутривидовой агрессивности человек значительно превосходит другие виды, и эта исключительность таит в себе большие опасности. В этом вопросе *К. Лоренц*, *Н. Тинберген*, а также социобиологи совершенно правы.

Функции и последствия внутривидовой агрессии

Для чего существует внутривидовая агрессия, которую *К. Лоренц* называет *агрессией в собственном и узком смысле слова?* Она тоже, по его мнению, служит сохранению вида. Но одновременно внутривидовую агрессивность людей он считает величайшей опасностью для человечества. Для предотвращения этой опасности надо исследовать и найти причины человеческой агрессивности. Внутривидовая агрессия имеется не только у человека: она характерна почти для всех позвоночных животных.

В чем положительное значение внутривидовой агрессии? *К. Лоренц* и другие этологи приводят ответ на данный вопрос, предложенный еще *Ч. Дарвином*: для будущего данного вида животных всегда полезно, когда из двух соперников побеждает сильный и устанавливает контроль как над территорией, так и над желательными самками. *Конрад Лоренц* приводит много примеров того, как животные защищают занятую ими территорию, расселяются в пространстве и во времени и т. п. Если чужой индивид проникает на территорию, занятую и защищаемую индивидом или брачной парой, то чем ближе подходит захватчик к центру территории, тем сильнее агрессия хозяина: интенсивность агрессии увеличивается в геометрической прогрессии, считает Лоренц. Обычно побеждает тот, кто находится у себя дома, так как агрессивность защищающегося превосходит агрессивность нападающего. Правда, есть и исключения, но Лоренц их не рассматривает. Он, таким образом, отличает две основные функции внутривидовой агрессии:

1) держать представителей вида подальше друг от друга с тем, чтобы у каждого была в распоряжении достаточная территория для выживания;
2) обеспечить эффективное сексуальное поведение и спаривание наиболее сильных и хорошо приспособленных особей с тем, чтобы получить сильное и жизнеспособное потомство.

Вместе с тем *К. Лоренц, Н. Тинберген* и другие этологи считали, что внутривидовая агрессия интенсивнее межвидовой, вследствие чего человек, например, стал убийцей себе подобных.

Каковы отрицательные последствия внутривидовой агрессии? Этологи и социобиологи считают, что агрессия как механизм отбора наиболее сильных и приспособленных может играть полезную роль в эволюции вида, если она направлена против других видов. Но когда внешних врагов нет и агрессия используется в процессе соперничества внутри одного вида, у его членов появляются отрицательные качества. *К. Лоренц* приводит примеры из жизни животных, но то же самое утверждает и о людях. Например, он считает ошибкой, что в обществе воинственный человек оценивается положительно, его воинственность и драчливость считаются положительными чертами[33].

Соперничество между людьми в сфере бизнеса, торговли, политики и в других областях насыщено агрессией, а это чревато опасными последствиями.

Здесь сами собой напрашиваются новые вопросы и проблемы. *К. Лоренц* и другие ученые, исследовавшие межвидовую и внутривидовую агрессивность раздельно, как бы не видят между ними никакой связи. Это во-первых.

Во-вторых, внутри одного и того же вида существуют различные подвиды. У людей это расы, этносы и нации. И здесь до сих пор внутриэтническая и межэтническая агрессия исследовались раздельно, причем весьма поверхностно. В одной из недавних своих монографий автор этих строк предложил ряд концепций и гипотез о закономерностях и механизмах перехода от межэтнической агрессии к внутриэтнической и наоборот[34].

Следует также изучить внутриэтническую агрессию в ходе соперничества и конфликтов бизнесменов, торговцев и т. п. И если в среде определенной нации широко распространены такие виды агрессии, как насилие, злословие, дискредитация и другие, то возникает вопрос: какое влияние они оказывают на физические и психические качества нации? Как происходит отбор мужчин и женщин, получающих наибольшую возможность для производства потомства?

Агрессия и отвлекающие, компенсаторные движения

Когда в сообществах животных два самца дерутся, после этого они не повторяют драку, а стараются держаться подальше друг от друга. Это убедительно показал *К. Лоренц* на фактах, полученных в результате исследования гусей. То, что он описывает, имеет значение для понимания филогенеза и онтогенеза компенсаторных и защитных механизмов и представляет ценность для психологии человека.

Итак, два гуся (самца) после одной драки не только не повторяют ее, но, наоборот, тщательно стремятся держаться подальше друг от друга. Когда вся стая гусей пасется на лугу, эти бывшие друзья и теперешние враги стараются быть на противоположных краях стаи. Но когда они ненароком замечают друг друга на близком расстоянии, по словам Лоренца, их поведение такое замечательное, что, описывая его, Лоренц высказывает опасение, что его могут обвинить в антропоморфизме. Эти самцы переживают смущение, они не могут смотреть друг на друга, их взгляды блуждают туда-сюда и вновь, как под воздействием магнита, направляются друг на друга. Одновременно с этим оба самца совершают постоянные перемещения, «...оба беспрерывно через что-то перепрыгивают, оправляют оперение, трясут клювом нечто несуществующее

и т. п. Просто уйти они тоже не в состоянии, ибо все, что может выглядеть бегством, запрещено древним заветом: "сохранять лицо" любой ценой. Поневоле становится жалко их обоих: чувствуется, что ситуация чрезвычайно болезненная»[35].

Здесь мы видим ряд компенсаторных действий этих животных, безусловно переживающих конфликт и фрустрацию. Не являются ли эти отвлекающие действия прообразами защитных и компенсаторных действий людей? Тем более что подобное явление у них тоже наблюдается.

7.8. Территориальный инстинкт у животных и людей

Под территориальностью, или территориальным инстинктом, понимают нетерпимость (нетолерантность), связанную с пространством. Она выражается в том, что животные внутри своей территории более агрессивны, чем вне ее пределов.

Территориальный инстинкт у животных и «порядок клевания»

Территория является важным фактором распространения видов. Она обеспечивает животных пищей, жильем, местом, где они спариваются и производят потомство. Между животными одного и того же вида идет борьба за территорию, в ходе которой, естественно, возникает агрессия. Исследователи, в первую очередь этологи, говорят о существовании специального **территориального инстинкта**. То, что из себя представляет данный инстинкт, мы лучше поймем, если рассмотрим простой пример, взятый из этологии — науки о поведении животных в естественных условиях жизни.

Самец трехиглой колюшки выбирает себе территорию, и когда в нее пытаются вторгаться другие самцы, встречает их агрессивно. Заплывающие на эту территорию самки почти не подвергаются агрессивному нападению. Более того, их вид может вызвать брачное поведение самца — хозяина территории. У самцов этого вида рыб снизу, на брюшке, имеется красное пятно, которое и вызывает агрессивную реакцию, ожесточенные атаки хозяина территории. Он защищает эту занятую им территорию от самцов своего вида. На силу агрессивной реакции оказывает влияние также поза вторгшегося самца: если она угрожающая, у защищающегося возникает намного более интенсивная агрессия[36].

К проблеме территориальности животных непосредственное отношение имеет также явление, обычно называемое «порядком клевания».

Когда крестьянин в курятнике бросает корм своим курам в одну миску, наблюдается следующая картина: одна из кур (биологи называют ее «альфа») с самоуверенным видом, как будто обладает всеми правами, подходит и начинает клевать пищу, тогда как другие отходят в сторону и ждут. Когда «альфа» (лидер группы) насыщается и отходит, подходит к пище вторая по рангу птица — «бета» и т. д. Создается впечатление, что каждая из птиц знает, когда наступит ее очередь. При повторении эксперимента куры начинают клевать в том же порядке. Это означает, что в курятнике доступ к пище определяется не беспорядочной борьбой, а линейным порядком преобладания, иерархией рангов, доминированием. Это и есть так называемый «порядок клевания». Если пищи мало, животные с низким рангом могут остаться голодными. То же самое наблюдается тогда, когда птицам предлагают воду или когда они устраиваются на насесте для ночлега. Во всех этих случаях петухи получают преимущество[37].

Имеет место доминирование как над территорией, так и над другими животными. Примеров такого явления очень много, в том числе из жизни человекообразных обезьян.

Территориальность людей

Люди также внутри своей территории более агрессивны, чем вне ее пределов, хотя на поведение людей оказывает влияние ряд дополнительных факторов, осложняющих картину. Существование этнических или национальных границ, сопротивление вторжению чужаков, войны — все это является признаками территориальности людей.

Однако и внутри одной нации или государства различные группы и индивиды показывают явные признаки территориальной нетерпимости. Примеров очень много. Руководители фирм и организаций считают свои территории неприкосновенными: это сферы их влияния. Городские территории разделяют на сферы влияния и «охоты» группы преступников — рэкетиров, торговцев, проституток[38].

Главными объектами защиты являются, конечно же, свой дом и своя квартира. Английская пословица «Мой дом — моя крепость» хорошо выражает уже на уровне сознания данный инстинкт, тесно связанный с инстинктом самосохранения. *И у людей, таким образом, тесно взаимодействуют инстинкты агрессии, секса, территориальности и самосохранения.* Это целая система бессознательных эмоций, мыслей и форм поведения.

В больших городах, которые разделяются на сферы влияния различных обслуживающих специалистов — врачей, торговцев и других, — возникает большая их скученность. Они, безусловно, во многих случаях мешают друг другу. Но в чем причина того, что многие из них не желают покинуть большие города и жить в провинции? Мы считаем, что такие объяснения подобных явлений, согласно которым они желают участвовать в культурной жизни городов, большей частью являются рационализациями, то есть самооправданием, мотивировкой, маскирующей подлинные мотивы поведения этих людей.

Территориальность выражается также в стремлении сохранить *личное пространство*: каждый индивид имеет вокруг своего тела невидимое узкое пространство, вторжение в которое других людей вызывает у него целую гамму неприятных чувств и агрессивность[39]. Нетрудно заметить, что в общественном транспорте люди стараются соблюдать между собой дистанцию.

Всегда надо иметь в виду, что одной из причин возникновения у людей гнева и агрессивности является вторжение в пределы их личного пространства другого, нежелательного человека. В целом это, в свете проксемических исследований, понятно, однако возникает очень много новых вопросов и идей, в том числе следующие: когда кто-либо (Б) вторгается в личное пространство индивида А, то А не только переживает досаду и гнев. Он начинает совершать атрибуции, в основном, конечно, отрицательные. Он переживает враждебность, у него происходят специфические внутренние процессы, и он совершает воображаемые агрессивные действия — как образные, так и внутриречевые (человек «про себя» критикует «соседей» за бестактность, ругается и т. п.) за то беспокойство, которое они ему причиняют. Его экспрессия тоже становится враждебной: это в первую очередь касается выражения лица.

Из-за территорий и их раздела дрались между собой целые деревни, случались кровопролитные стычки. Большинство конфликтов соседей в городских домах связано с разделом территории, с попытками проникновения одного соседа на территорию другого. Когда где-то появляются вновь прибывшие жители, переселенцы, начинаются конфликты между ними и местными жителями, старожилами, даже если обе группы принадлежат к одной и той же этнической группе.

Наличие территориальности у людей отметил крупнейший этолог *Ник Тинберген*. Он говорил о том, что мы, люди, еще несем на себе ряд поведенческих характеристик наших животных предков. Различные способы воспитания не устраняют их, поэтому наш групповой территориализм — одна из древнейших и устойчивых характеристик человека. Нет существенного различия между территориальным поведением человека и животных, считает Тинберген. Для защиты территории мы точно так же объединяемся в группы и забываем наши внутренние разногласия, как и они. Мы так же угрожаем жестами и выражаем гнев своей мимикой, когда кто-либо вторгается в наше жизненное пространство, как и животные. Как и они, мы тоже пользуемся сигналами уверения и умиротворения. И поскольку в своей истории человечество было разделено на группы, этносы, нации и государства, территориальный инстинкт не только не стал слабее, а мог даже стать более сильной тенденцией.

Территориальный инстинкт имеется как у животных, так и у людей. Это универсальное явление в живой природе. Есть предположение, что он является выражением более широкого ***инстинкта самосохранения*** и у человека принимает националистические оттенки. Этот инстинкт позволяет защищать супругу и детенышей на определенной территории. Из частных территорий семейств образуется вся территория стаи, рода или нации. Но есть даже такие животные, у которых в семействах каждый из супругов имеет свою индивидуальную территорию. Например, члены супружеских пар лис живут раздельно, на некотором расстоянии друг от друга. Ну а у людей так: все мы стремимся иметь отдельные дома и комнаты, когда только это возможно. Известно, сколько конфликтов возникает в коммунальных квартирах и в больших семьях.

Случаи нарушения социальной дистанции

Соблюдение социальной дистанции между людьми, особенно если разница их статусов (позиций, занимаемых ими в отдельных группах и в целом в обществе) велика, по-видимому, является одним из выражений территориального инстинкта. Она довольно строго соблюдается в иерархически организованных обществах, и ее нарушение вызывает применение различных социальных санкций. Но поскольку люди общаются, взаимодействуют и совместно решают различные задачи, они вынуждены время от времени нарушать социальную дистанцию и личное пространство друг друга. Этим они идут против тенденций, исходящих из своего территориального инстинкта. Исследование подобных случаев представляет несомненный интерес.

Главные из тех ситуаций, в которых люди нарушают тенденции своего территориального инстинкта, следующие: сексуальное поведение, особенно спаривание; кормление детей и уход за ними; уход за больными людьми. Это те случаи, когда пространственная близость с другими людьми — жизненная необходимость. Но во всех тех случаях, когда интимность неуместна, попытки кого-либо нарушать личное пространство другого вызывают гнев и агрессию.

Исследования показали также, что при различных формах общения и в зависимости от его содержания между людьми спонтанно устанавливаются различные физические дистанции. Эти динамические аспекты личного пространства в определенной мере исследованы уже упомянутыми нами *Е. Холлом, Ю. Соммером* и другими психологами. Полученные ими данные уместно обсуждать в связи с проблемой человеческой агрессивности и мотивами ее возникновения.

7.9. «Внешняя» и «внутренняя» территориальность (новая концепция)

Понятия, вынесенные в заголовок настоящего параграфа, совершенно новые, и мы хотели бы внедрить их в нашу науку, исходя из следующих соображений:

а) когда между этническими группами идет борьба за определенную территорию, то это мы называем «внешней территориальностью». Используемая при этом агрессия — межэтническая;

б) когда же за территорию борются члены одной этнической группы, например два соседа, то это уже «внутренняя территориальность».

Мы предлагаем следующую **гипотезу**: *когда этническая группа Э1 в соперничестве с группой Э2 за определенную территорию терпит неудачу и не использует в полной мере свою межэтническую агрессию, последняя преобразуется во внутриэтническую агрессивность и выражается, в частности, в борьбе за территорию внутри своих этнических границ.* Такая борьба выражается также в стремлении к доминантности и занятию высоких позиций в обществе. Это два возможных пути выражения преобразованной межэтнической агрессивности.

Следует добавить, что процессы борьбы за территорию у людей на различных уровнях (соседи, семьи, нации и т. п.) почти не исследованы. Это обстоятельство отмечают, например, *Д. Крепс* и *Д. Миллер* в своей статье «Альтруизм и агрессия» в третьем издании фундаментального пособия по социальной психологии.

Как показали исследования этологов, механизмы, тормозящие агрессию, приводятся в действие только тогда, когда индивиды встречаются лицом к лицу. Так было в эволюционной истории видов, в том числе людей.

Но современный человек убивает себе подобных, причем в массовом порядке, и на расстоянии, не видя в лицо своих врагов. В этом случае биологически заложенные в нем тормозные механизмы не действуют, что чрезвычайно опасно для человечества. Нужны специальные социальные и политические меры. Природа дала людям способы регулирования конфликтов при общении лицом к лицу, но не на больших расстояниях.

Проблема, выдвигаемая нами, следующая: есть ли различие между внутриэтнической и межэтнической агрессией и в этом аспекте? Иначе говоря, как работают тормозные механизмы в том и другом случае? Можно выдвинуть следующие предположения:

1) поскольку мы реже видим представителей других этносов, то против агрессии, направленной на них, у нас ингибиторы реагируют слабее;

2) расовые и этнические различия, особенно антропологические маркеры, также оказывают влияние, усиливая межэтническую и ослабляя внутриэтническую агрессию.

Наконец, внутригрупповая агрессия приводит к большим потерям, поэтому она часто тормозится.

7.10. Ранговая структура общества, территориальность и агрессия

Ранговая структура общества, то есть существование в нем высоких и низких статусов, их иерархия и связанные с ними явления, встречаются уже в сообществах социальных животных. Это чрезвычайно интересная область исследования, но мы здесь не можем, за ограниченностью места, подробно рассмотреть ее. Поэтому приведем лишь некоторые сведения, имеющие отношение к проблеме агрессии.

Наблюдая за поведением обезьян, можно убедиться, что в их группах существует иерархия: есть вожак, есть животные с более низкими рангами вплоть до самых низких. Над последними все имеют власть. Высокий ранг дает животному ряд преимуществ: контроль над другими, право первым принимать пищу и насыщаться (это мы видели, когда ознакомились с «порядком клевания») самой лучшей пищей, право преимущественного спаривания, вследствие чего детеныши рождаются в основном от самцов-лидеров, и т. д.

Во всех случаях нарушение установленных правил распределения жизненных благ – пищи, жилища, власти и т. п. – вызывает агрессивность и борьбу.

Ранговая организация животных сообществ и групп людей тесно связана с территориальностью. Вожак занимает центральное и самое удобное место для ночлега, другие индивиды должны сохранить определенную дистанцию, нарушение которой вызывает гнев вожака. Таким образом, иерархическая организация сообщества и территориальность дают индивидам и группам как преимущества, так и потери. Они связаны с *правилами распределения благ*, которые в животных сообществах возникают спонтанно, а в социальных группах людей — частично осознанно. *Во всех случаях нарушение установленных правил распределения жизненных благ — пищи, жилища, власти и т. п. — вызывает агрессивность и борьбу*. Фактически сами эти структуры — ранговая организация и территориальность — являются двумя группами правил поведения и распределения благ.

С первого взгляда может показаться, что правила — негативные явления: они ведь ограничивают свободу действий индивидов. Но наблюдения показывают, что наличие правил и их соблюдение всегда намного полезнее для животных и человека, чем их отсутствие, поскольку в последнем случае ведется непрерывная борьба. Когда в сообществе не существует правил организации и поведения, индивиды и вся группа посвящают борьбе и соперничеству столько сил и времени, что основные жизненные задачи — нахождение или производство пищи, построение жилища, рождение детенышей (детей) и другие — остаются нерешенными. Во время одного из опытов домашним птицам препятствовали образовать иерархию. Это привело к тому, что они время от времени начинали драться между собой, не несли яиц и не

Умное групповое планирование — важнейшее средство развития человечества.

размножались. Такое положение вредно как для отдельных индивидов, так и для группы в целом, для ее культурной эволюции (когда речь идет о сообществах людей).

Мы уже сказали, что между ранговой структурой и территориальностью как двумя группами правил существуют тесные связи. Но животным и людям нередко приходится производить выбор между ними. Даже говорят о существовании правила выбора. В определенных обстоятельствах более важной становится ранговая структура, в других — территориальность. Например, если пищевые ресурсы скудны, то лучше четко распределять территорию между семейными группами: это позволяет обеспечить их пищей. Знание биологических и психологических основ социальной организации сообществ, территориальности и ранговой организации следует учесть при создании теории общества и путей его реорганизации. *Не имеют будущего и неадекватны те социальные учения, которые не учитывают базальных закономерностей жизни сообществ, в частности — законов территориальности, ранговой самоорганизации, истоков соперничества, агрессии и борьбы.* Между принципами социобиологии, социальной психологии и социологии должны существовать гармонические отношения.

Следует всегда иметь в виду, что, если пищи и других ресурсов мало, ранговая структура общества становится более четкой и жесткой, она соблюдается строже, чем в условиях изобилия. Мы полагаем, что именно здесь следует искать одну из причин установления авторитарного режима со строгой вертикальной иерархией сообщества.

Чем дольше соблюдаются правила территориального распределения и ранговой иерархии, тем больше группа получает возможность заниматься мирным трудом и размножением. Когда приходится все время вести борьбу для защиты своей территории и своего положения в сообществе, уже не остается сил и времени для собирания и производства пищи, для размножения и творческих занятий.

Исходя из всего этого, социальные психологи и социологи пришли к выводу, что *умное групповое планирование — важнейшее средство развития человечества.* Борьбу следует ритуализировать, превращая в безвредную процедуру. В определенной мере именно это и произошло как в мире животных, так и во многих сферах жизни людей. Ранговые позиции обычно устанавливаются после короткого периода соперничества или даже с помощью только мирных средств. То же самое можно сказать об установлении территориальной структуры, которая становится более четкой, когда ресурсы пищи скудны, но территория достаточно обширна. После краткосрочного соперничества создаются отдельные индивидуальные и семейные владения и вотчины. Такие итоги могут быть долгосрочными[40].

Правда, когда речь идет о людях и их группах, число переменных, играющих роль в этих процессах, значительно больше. Поэтому нельзя сказать, что человек является «территориальным животным» или «животным с рангом». Такие крайние формулировки, выпячивающие роль единственных принципов, искажают картину жизни человека и общества. В жизни социальных животных, а тем более человека, комбинируются законы и принципы биологической и социальной эволюции, индивидуальная социализация и обучение, а также групповое планирование.

7.11. Инстинктивная теория и другие направления

Инстинктивная теория и теория фрустрации

Обычно, обсуждая вопрос об истоках агрессивности людей и животных, инстинктивный подход и подход, учитывающий реальные ситуации жизни (как в теории фрустрации — агрессии), рассматриваются как несовместимые, дихотомические. Это значит, что, если одна из них считается правильной, другая должна оцениваться как ложная. Такой подход мы считаем неправильным и, следовательно, непродуктивным. Теорию фрустрации — агрессии, имеющую свои истоки в психоанализе и бихевиоризме, мы уже знаем. Здесь же лишь сопоставим эту теорию с инстинктивной теорией агрессии.

Мы считаем, что эти две теории хорошо *дополняют* друг друга. Наследственная природа агрессивности должна учитываться в теории фрустрации. Это мы представляем следующим образом: если агрессия является одним из наследственных механизмов адаптации, то следует признать, что ее связь с фрустраторами имеет специфический характер. *Под влиянием фрустраторов в онтогенезе агрессивность человека не рождается, а лишь проявляется и развивается, принимая конкретные, поведенческие формы.* Шаблоны агрессивного поведения в основном задаются социальной микросредой и обществом в целом, хотя не исключается также, так сказать, *агрессивное творчество*, открытие индивидом новых форм агрессивных действий.

Следует согласиться с точкой зрения *З. Фрейда* о том, что человек изначально агрессивен, в состоянии дикости его агрессивность выражается довольно свободно и разнообразно и лишь общество заставляет человека сублимировать свою инстинктивную агрессивность. Последнюю Фрейд назвал *инстинктом смерти*, или *танатосом*[41].

Если танатос направляется вовнутрь, то выражается в форме самонаказания, в крайних случаях — в самоубийстве. Направляясь на внешние объекты, он выражается как враждебность, деструктивность, насилие и убийство. Если агрессивность не находит выхода, у человека возникают тревога или страх. Некоторые авторы, продолжая линию психоаналитических рассуждений, приходят к выводу, что человек — наиболее агрессивный вид животных на земле[42].

> Под влиянием фрустраторов в онтогенезе агрессивность человека не рождается, а лишь проявляется и развивается, принимая конкретные, поведенческие формы.

Мы уже упомянули пример, приведенный в одной из книг *К. Лоренца*: совершенно незнакомые дети, оказавшись вместе, начинают драться, то есть проявлять агрессивность. Но пока еще трудно сказать, налицо ли депривация и переживание фрустрации тогда, когда встречаются маленькие дети. Является ли простое присутствие другого человека фрустратором? Почему восприятие другого часто играет роль «релизера», то есть как бы пускового устройства агрессивного поведения? Не имеет ли место в таких случаях *социальное сравнение*, и подсознательная оценка другого, и подсознательная же фрустрация, вызывающая агрессивные импульсивные действия?

При более широком социально-психологическом подходе можно сказать следующее: взаимодействующие люди и группы — социальные объекты — обладают взаимными ожиданиями. Поэтому, совершая действие, каждый из них должен учитывать ожидания другой стороны, иначе говоря — проявлять некоторый конформизм.

В противном случае они будут переживать депривации, ощущение того, что лишились чего-то ценного. Ожидаемые действия другого можно назвать **санкциями**, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Положительные санкции приводят к удовлетворению потребностей, а отрицательные — к лишениям. Депривация и удовлетворение касаются главным образом социальных потребностей индивида.

Между теориями Фрейда и Лоренца имеется много важных различий. Они требуют специального и подробного рассмотрения. Но обе они пессимистичны в вопросе о возможности предотвращения человеческой агрессии и установления контроля над агрессивным поведением. Поскольку агрессия первоначально имеет инстинктивный характер, ее полностью искоренить невозможно. Ни удовлетворение всех потребностей, ни устранение социальной несправедливости, ни любые другие позитивные изменения структуры общества не могут предотвратить рождение у людей агрессивных импульсов и их выражение в действиях. Агрессию в какой-то мере можно направить по безопасным для жизни путям. Можно также усилить внутренний контроль человека и подавить агрессивность. *К. Лоренц* признает важную роль обучения и средовых факторов в появлении агрессии и других форм инстинктивного поведения[43].

Однако основная идея о наследственной природе агрессивности в его концепции является доминирующей. Мы вполне солидарны с таким подходом, хотя считаем, что социализация агрессии обладает значительно более существенными возможностями, чем, по-видимому, предполагали упомянутые мыслители.

Спорные факты (критика взглядов Э. Аронсона и Л. Берковица)

Известный социальный психолог США *Эллиот Аронсон* считает, что нет достаточно убедительных фактов, доказывающих ту или иную из приведенных выше точек зрения. Дело в том, что большинство фактов получено в экспериментах на животных. Есть, например, такая крайняя точка зрения, согласно которой кошки лишены инстинктивной агрессивности. Правда, если учесть результаты известных опытов французского исследователя *Мишеля Жювье* по изучению сна и сновидений кошек, можно сразу же отвергнуть эту точку зрения. Однако опыты *Цин Янг Куо*, на которые ссылается Аронсон, интересны и поучительны. Он вырастил котят в одной клетке с крысами. В этих условиях кошки не только не нападали на крыс, но даже стали близкими их друзьями. Эти кошки отказались нападать и на других крыс[44].

Аронсон замечает, что данный эксперимент не доказывает, что агрессивное поведение не является инстинктивным. Он доказывает только, что ранний опыт может подавить агрессивность животного. Мы полагаем, что дальнейшее рассмотрение этого вопроса будет плодотворным, если привлечь данные об импринтинге[45].

Широкоизвестный этолог *Иренеус Эйбл-Эйбесфельд* сообщил об экспериментах, которые показали, что выросшие в изоляции крысы (не имея, естественно, никакого опыта борьбы с другими крысами) нападают на других крыс, как только их вводят в клетку. При этом они пользуются теми же способами угроз и нападений, что и опытные крысы. Агрессивное поведение не нуждается в обучении, хотя доступно для преобразования[46].

Вместе с другим исследователем, *Дж. П. Скоттом*, *Э. Аронсон* утверждает, что и в свете этих данных мы не можем сказать, что агрессивность инстинктивна,

поскольку для такого вывода следовало бы доказать, что имеются чисто внутренние, спонтанные физиологические стимуляции, порождающие агрессивное поведение. В эксперименте *И. Эйбл-Эйбесфельда* стимулом была другая крыса, которая своим появлением вызвала агрессивное поведение. *Дж. Скотт* считает, что нет внутренней потребности в борьбе и если бы организм мог решать свои проблемы без внешней стимуляции к борьбе, то он не испытывал бы никаких физиологических или психологических потерь из-за своего мирного поведения[47]. Данное утверждение равносильно отрицанию инстинктивной природы агрессии. Эту точку зрения оспаривает *К. Лоренц*, убежденный создатель и защитник инстинктивной теории агрессии.

С критикой идей Лоренца выступил также *Леонард Берковиц*, один из самых последовательных современных исследователей агрессии. Он выступает с позиций бихевиоризма, для которого основным в развитии и поведении личности является обучение реакциям на воздействия среды. Согласно Берковицу люди отличаются от других животных тем, что обучение играет очень большую роль в приобретении агрессивных форм поведения. Агрессивность человека зависит от сложного взаимодействия прирожденных влечений и выученных реакций. У животных имеется инстинкт территориальности, и они атакуют других животных, когда те нарушают границы их территории. Однако Берковиц считает сверхупрощением взгляд, согласно которому у человека имеется соответствующее генетически запрограммированное поведение. Прирожденные программы поведения человека бесконечно гибки и изменчивы[48].

Впрочем, к взглядам Берковица мы уже неоднократно обращались на предыдущих страницах настоящей книги. На последнее критическое замечание *Л. Берковица*, указавшего на гибкость прирожденных программ поведения человека, *Э. Аронсон* справедливо отвечает, что и у животных тоже прирожденные программы поведения очень гибки.

> Например, в мозгу обезьян имеется центр агрессии: когда его раздражают с помощью вживленных электродов, обезьяна ведет себя агрессивно. Но не всегда. Если рядом находятся менее доминантные обезьяны, чем она сама в данной социальной иерархии этих животных, то под влиянием электрической стимуляции центра агрессии она нападает на них. Но если при этом рядом с ней находятся более доминантные обезьяны, она нападать не будет. Более того, она попытается уйти, покинув данную «сцену». В зависимости от ситуации и научения одна и та же физиологическая стимуляция приводит к различным реакциям. Это еще в большей степени справедливо для людей, очень верно утверждает Аронсон. Он заключает, что, хотя у человека агрессивность может иметь инстинктивный компонент, она все же может быть изменена под воздействием ситуационных факторов[49].

Это обстоятельство он считает очень важным при социально-психологическом исследовании человеческой агрессивности.

Социобиология и проблема агрессивности

Книга *К. Лоренца* «Об агрессии» написана на высоком научном уровне, но общедоступно. Это классический пример популяризации весьма сложных научных идей. Причем автор в книге такого характера высказал целый ряд новых и плодотворных идей. Поэтому эту книгу прочитали многие, и она вызвала большое число противоречивых отзывов — начиная от полного согласия с автором до полного несогласия[50].

Социобиологию также в определенной степени можно считать реакцией на теорию агрессии *К. Лоренца*. Публикацией в 1975 году книги *Э. Уилсона* было положено начало социобиологии, нового научного направления на стыке биологии и социальных наук. Книгу эту считают выдающейся. В ней на основе анализа огромного материала автор показал, в частности, то место, которое агрессия и насилие занимают в сложной структуре поведения человека и животных. Социобиология фактически является расширением эволюционной теории *Ч. Дарвина*.

Что касается агрессивности животных, то она с большой вероятностью считается *Э. Уилсоном* наследственной. Но проблема в том, можно ли данный вывод распространить и на человека? Определенная часть человеческого поведения, безусловно, сходна с поведением животных. Но какая часть поведения человека является наследственной и инстинктивной? Программирована ли агрессия человека в его генетическом коде? И поскольку существует целый класс преступлений, совершаемых с применением насилия, то является ли криминальное поведение генетически запрограммированным?

Основные идеи социобиологов об агрессии сводятся к следующему. В то время как человек и животные проявляют альтруизм по отношению к своим сородичам, они очень часто ведут себя агрессивно по отношению к «чужим». Так, самец, отстаивая свое право на самку или защищая своих детенышей, вступает в конфликт с другими особями. Социобиологи, по существу, полностью принимают все то, что утверждали этологи об агрессии, в том числе идею о том, что в агрессивном поведении проявляются активность и индивидуальность организма животного или человека. Но социобиологи склонны к сравнительно более умеренным взглядам *Н. Тинбергена*, который не считает человека суперагрессором в животном царстве. (Как помнит читатель, именно таким считал человека *Конрад Лоренц*.) Но они все же считают агрессивность одной из самых основных характерных черт человека. Агрессивное поведение вызывается очень легко, достаточно лишить человека каких-либо желательных предметов. Агрессивность биологически необходима (адаптивна) и сближает человека с животными. Агрессивные формы поведения отобраны в ходе эволюции, поскольку они способствуют адаптации животных и людей к условиям своего существования, они способствуют сохранению вида. Сходные идеи в настоящее время развиваются в *эволюционной психологии*[51].

Особо отмечается социобиологами **адаптивная роль** агрессии в процессе эволюции. *Э. Уилсон* считает агрессию генетически детерминированным и отобранным в ходе эволюции образцом поведения. Агрессивные поведенческие реакции основываются на способности индивидов делить других на своих и чужих. По отношению к чужим агрессия допускалась и считалась необходимой. В этом отношении люди мало отличаются от животных, причем обладают способностью интенсифицировать внутривидовую агрессию и вести войны.

Поскольку это так, полагают социобиологи, попытки устранить агрессивность из жизни людей приведут к снижению общей приспособленности человека: люди лишатся важных способов «канализации» и разрядки своей эмоциональной напряженности и недовольства. Представители этого направления считают, что катарсис и сублимация — способы мирного выражения агрессии — и в будущем должны широко использоваться людьми.

Все же есть еще одно расхождение социобиологов с *К. Лоренцом*: социобиологи не считают агрессию основной причиной развития способности человека к культурной эволюции. Но она, конечно, является одной из основ развития человеческого интеллекта[52].

Социобиологи, по существу, согласны с этологами и по вопросу о разновидностях агрессии. Речь идет о захвате и защите территории, борьбе за доминирование в организованных группах, агрессии в целях захвата чужого добра, насилии над людьми, защите против агрессоров с помощью контратак, а также о «моралистской» и «дисциплинарной» агрессии, применяемой в сообществах людей в воспитательных целях[53]. Организованные формы агрессии, например войны, социобиологи не считают наследственными. Но эти войны, по их мнению, возникают благодаря тому, что люди имеют наследственную склонность к обучению взаимной агрессии, закрепленной в ходе эволюции. Групповая агрессия возникает тогда, когда в обществе ощущается необходимость в ней: когда сообщество защищается от врагов или когда в нем культивируется враждебность к другим этническим группам. Получены данные о том, что самки некоторых видов рыб и птиц *предпочитают агрессивных самцов в качестве супругов.*

Соперничество и агрессия

Представляют интерес соображения социобиологов о разновидностях соперничества и его связях с агрессией. По мнению представителей этого направления, агрессия наследственна потому, что коренится в таких процессах, свойственных живым существам, как *соперничество, конкуренция* и *сотрудничество.*

Один из социобиологов, *Д. Борджи*, считает, что существует два вида конкуренции:

а) конкуренция в толпе, так называемая «свалка»;

б) конкуренция в парном соперничестве, то есть борьба.

Когда идет борьба за ресурсы, вначале наблюдается «свалка»: все стремятся получить доступ к этим ресурсам. Но в дальнейшем встает задача контроля над ресурсами, и тут начинается конкуренция в соперничестве. Именно на этом, втором, этапе агрессивность проявляется максимально.

Но после того как создается иерархия индивидов, они уже действуют по определенным правилам и редко прибегают к помощи агрессии. *Д. Борджи* считает, что все сказанное верно как для животных, так и для людей. В этом есть большая доля истины, что мы уже видели при рассмотрении явления «порядка клевания».

Ксенофобия и агрессия

Ксенофобия — *это страх перед чужими.* Появляясь в процессе эволюции человека, она сохранилась и спонтанно выражается и у современных людей. Человек не нуждается в специальном обучении, чтобы иметь ксенофобию.

Для теории агрессии важно то, что, когда индивид переживает страх перед чужими и незнакомыми людьми, у него появляется агрессивность. Под воздействием такого внутреннего состояния он может совершить агрессивные, насильственные действия. Эти реакции — ксенофобия и связанная с ней агрессия — считаются генетически обусловленными формами переживания и поведения как у животных, так и у человека.

Ксенофобия и агрессивность – свидетельства того, что природа современного человека пока еще достаточно примитивна и не отличается утонченностью.

Социобиологи, рассматривая ксенофобию, опираются не только на этологические данные. Они используют также ряд фактов из области детской психологии. Исследования показали, что 8-месячные младенцы, воспринимая незнакомых людей, переживают страх, стараются спрятать лицо и плачут. Это все — спонтанные реакции и не зависят от предыдущего онтогенетического опыта ребенка[54].

Ксенофобия и агрессивность — свидетельства того, что природа современного человека пока еще достаточно примитивна и не отличается утонченностью. Мы полагаем, что по этим критериям между представителями различных социальных и этнических групп должны существовать заметные различия. Относительно агрессивности, как мы уже видели, различия действительно обнаружены, хотя проблема эта нуждается в более глубоких исследованиях. Что же касается различий по ксенофобическим реакциям, то нам неизвестны специальные исследования. Возможно, что они уже есть.

Ксенофобия интересна также для политической психологии. Согласно точке зрения некоторых социобиологов, она является причиной религиозных и других войн[55].

Ксенофобия считается фундаментальным природным явлением. Предполагается, что от нее можно избавиться лишь с помощью генетических изменений и под влиянием культуры, но такие изменения — длительный и трудный процесс. Ксенофобия и ее последствия подлежат всестороннему исследованию в контексте межэтнических отношений.

Место агрессии в природе человека

В социобиологии значительное место занимают рассуждения о *природе человека.* Для нас важно то, что в этих описаниях всегда присутствуют — в качестве важнейших компонентов природы и сущности человека — агрессия и такое тесно с ней связанное явление, как территориальность.

Так, основатель социобиологии *Э. Уилсон* отмечает, что основными компонентами «природы человека» являются: взаимный альтруизм; территориальность; агрессивность; приобретенные в ходе эволюции устойчивые формы сексуального поведения; непотизм (семейственность) — приверженность к своей семье, роду и внутрипопуляционным отношениям; определенные механизмы социализации и отбора; генетическая обусловленность социального поведения человека; биологическая и культурная эволюция и другие.

Все названные качества — системы реакций на средовые факторы. Они образовались в далеком прошлом человечества, но в настоящее время уже подвергаются воздействию культуры. Развитие природы человека происходило параллельно с развитием его мозга. Только после появления разума (интеллекта) человек сумел вырваться из среды животных и быстрыми темпами развивать культуру[56].

Э. Уилсон отметил при этом, что большинство названных форм поведения, составляющих природу человека, есть и у млекопитающих животных, а более специфические встречаются и у приматов. Это неудивительно. То, что является общим в природе человека с другими животными, образовалось в течение многих миллионов лет эволюции, в то время как возникновение и развитие культуры занимает лишь

крошечный период в истории человечества. Агрессивность, а также ксенофобия и территориальность, тесно связанные с агрессивностью, — неистребимые черты людей.

Вместе с тем социобиологи и некоторые современные психологи отмечают, что агрессия как стратегия поведения имеет серьезные недостатки. Агрессия приводит к убийствам и телесным повреждениям, вследствие чего многие индивиды лишаются возможности создания потомства, сохранения своих генов. Поэтому, поскольку агрессия неминуема, в дальнейшем ее следует использовать строго избирательно, только в тех ситуациях, в которых другие механизмы и стратегии неэффективны, а потенциальная польза агрессивного поведения неоспорима[57].

7.12. Психологическое доказательство наследственности агрессии и ее выражение

Поскольку гнев, так сказать, — внутренний план агрессии, то если удастся доказать, что при фрустрации младенцев у них возникает гнев, будет доказана наследственная природа агрессивности.

Еще в начале XX века *Дж. Уотсон*, основатель бихевиоризма, и *Б. Морган* провели простой эксперимент: они прижимали ручки детей к туловищу и ограничивали движения ножек: дети отвечали всеми признаками гнева, даже ярости: они вырывались, пинались, ручками и ножками наносили удары куда попало. Ясно, что этому никто их не учил, их гневливые реакции и агрессивные действия были наследственными.

Автор этих строк много лет назад, еще совсем не зная об опытах *Дж. Уотсона* и *Б. Моргана*, проводил ряд таких опытов и наряду с реакциями недовольства и страдания наблюдал также признаки гнева. Когда фрустрация (в данном случае — ограничение свободы движений) длится долго, ярость иногда сменяется страданием и плачем.

Как известно, *П. Экман* долгие годы исследовал выражения лиц людей при различных эмоциональных состояниях. Он обнаружил, что основные эмоциональные состояния и соответствующие им выражения лица человека являются врожденными[58].

Беря за основу эти результаты, другие психологи проводили сходные с уотсоновскими эксперименты и показали, что 4–7-месячные младенцы при прижимании их ручек к бокам проявляют ярость[59].

Обсудив эти данные, *Л. Берковиц* пришел к выводу о существовании врожденной связи между фрустрацией и гневом[60].

Мы думаем, что такие эксперименты очень убедительны.

Однако каждая мать, ухаживая за своим младенцем и туго пеленая его, может заметить то же самое явление. Тугое пеленание фрустрирует детей и вызывает у них гнев. Какое воздействие оказывает такая практика на развитие характера детей и какие возможны этнические различия? Об этих вопросах много писали психоаналитики и психоаналитически ориентированные этнологи и культурологи,

поэтому мы их здесь обсуждать не будем. Их обсуждение, возможно, более уместно в этнической характерологии.

Каким образом выражается наследственная агрессивность человека у взрослых людей, обладающих сложной психической структурой, сознанием и самосознанием? Мы думаем, что агрессивные инстинкты человека (или то, как агрессивность дана в генах человека) выражаются в его психической жизни следующими путями:

1) в виде общей агрессивности, злости и раздражительности;
2) через его мотивы, то есть как потребность или группа потребностей;
3) через выбор целей (выбор жертвы, объектов, подлежащих разрушению, и т. п.);
4) через образное мышление и воображение — как представления желательных агрессивных целей и процессов их достижения. Агрессивные мотивы также выражаются в воображении.

7.13. О наследственных предпосылках или основах агрессивности

Хромосомные аномалии

Мы уже убедились в том, что агрессия животных имеет наследственные, биологические основы. Каково положение вещей у человека? Что известно конкретного о наследственных и физиологических механизмах агрессивного поведения? Первый из этих вопросов — о наследственных, генных и хромосомных, механизмах агрессии — мы рассмотрим в данном параграфе, а об исследовании близнецов и физиологических механизмов агрессии — в последующих разделах данной главы.

Каждая клетка человеческого тела содержит 46 хромосом. Каждая хромосома — сложное образование, несущее факторы наследственности — гены.

Одна пара из всех хромосом, X — Y, определяет пол человека. Мужчины имеют XY-пару, а женщины — XX. Это нормальное положение вещей. Но встречаются немногочисленные случаи, когда у мужчин налицо комбинация XYY.

В середине 1960-х годов группа исследователей[61] сообщила, что такая необычная комбинация половых хромосом чаще встречается у лиц, совершивших различные преступления, чем у остальной части населения.

Они описали «синдром XYY», встречающийся у этих людей и состоящий из следующих признаков:

а) очень высокий рост;
б) умственная отсталость;
в) частые и взрывоподобные, крайне насильственные действия.

Дальнейшие исследования, проведенные в ряде стран, в основном подтвердили открытия этих авторов. Оказалось, например, что если уровень встречаемости этой ненормальности составляет примерно один к тысяче (1:1000) новорожденных мальчиков или взрослых мужчин, то среди уголовников эта цифра примерно в 15 раз выше[62]. Полученные данные представлены в нижеприведенной табл. 2.

Таблица 2

Популяция	**Число обследованных (выборка)**	**Среди них с XYY**	**Процентное отношение индивидов с XYY в выборке**
Заключенные	5066	98	1,93 %
Новорожденные мальчики	9904	13	0,13 %
Нормальные взрослые мужчины	6148	8	0,13 %

На основе таких данных исследователи пришли к заключению, что обладание лишней Y-хромосомой делает людей склонными к агрессии[63].

Но *Э. Монтэгю* сообщил в 1968 году, что около 95 % заключенных, совершивших насильственные преступления, не являются носителями XYY-комбинации хромосом. Следовательно, существуют и другие, в том числе социальные предпосылки агрессивности. Все же хромосомная XYY-комбинация среди преступников встречается чаще, чем среди представителей других групп населения.

Некоторые авторы идут еще дальше и утверждают, будто когда нормальный мужчина ведет себя агрессивно, это всегда является проявлением Y-хромосомы из нормальной пары XY. В то время как лишняя Y-хромосома приводит к крайней агрессивности человека, нормально присутствующая Y-хромосома является генетической основой нормальной агрессивности[64].

Так называемая гипотеза лишней Y-хромосомы утверждает, таким образом, что наличие в комбинации половых хромосом лишней Y-хромосомы у мужчин может привести к более интенсивной агрессивности и более частым (и, по-видимому, более жестоким) насильственным действиям.

Но есть осторожные исследователи, указывающие на то, что не всегда носители комбинации XYY являются сверхагрессивными людьми. Вывод о сверхагрессивности носителей XYY сделан на основе ограниченного числа фактов, взятых из криминальных дел, и их следует использовать осторожно. Во многих исследованиях не было контрольных групп. Кроме того, как уже сказано, большинство преступников имеет нормальную пару XY, так что наличие лишней Y-хромосомы не является необходимым условием совершения насильственных действий.

Представляют безусловный интерес факты, свидетельствующие о том, что большинство из числа лиц с XYY-набором заключены в тюрьму не за «драматические» агрессивные действия, а за воровство, кражу со взломом и т. п.[65]

Правда, почему-то не принимается в расчет то обстоятельство, что и воровство, и грабеж — тоже агрессивные действия, направленные на других людей и социальные группы. Они, во всяком случае, содержат намерение нанести вред жертве, а это — одна из основных характерных черт агрессивного поведения. Поэтому встречающееся в литературе утверждение, что многие из индивидов с XYY-комбинацией не совершают насильственных, агрессивных действий[66], следует пересмотреть.

Тем не менее представляет интерес утверждение *А. Бандуры* о том, что агрессивные действия, совершаемые людьми с указанной комбинацией хромосом,

обусловлены скорее социальными, чем биологическими факторами. Такие люди физически более развиты по сравнению со своими сверстниками, дружат со старшими по возрасту ребятами, среди которых встречаются преступники или индивиды, склонные к насилию, и под их влиянием совершают насильственные действия. Отличаясь более высоким ростом и физической силой, они в соперничестве с другими получают преимущество, поэтому быстро усваивают агрессивные формы поведения[67].

Добавим, что эти суждения, по-видимому, верны для *акселератов* вообще. Увеличение числа хулиганов в больших городах обусловлено, в частности, этим биологическим фактором. С легкостью давая отпор другим, они быстро убеждаются в том, что агрессивное поведение дает положительные результаты. Такое положительное подкрепление способствует быстрому приобретению агрессивных форм поведения. Согласно *А. Бандуре*, это означает, что склонность людей с XYY-комбинацией половых хромосом к агрессивности можно объяснить особенностями их социализации.

Все это так. Но нельзя забывать, что социализация приводит к подобным результатам потому, что эти индивиды имеют *генетически обусловленный* высокий рост, физическую силу и несколько отстают в своем умственном развитии от среднего нормального уровня. Их поведение является результатом взаимодействия наследственных и средовых факторов. Вообще, требуется тщательно исследовать структуру личности таких людей, особенно их первичные признаки эмоциональной и познавательной активности, которые обусловлены генетически.

Исследование Уилсона с сотрудниками показало, что из мужчин, родившихся в Копенгагене с 1944 по 1948 год (всего 4591 человек), у 91 % удалось выяснить, какой у них набор половых хромосом (всего 4139 человек). Из них 12 человек имели хромосомный набор XYY, 4111 — XY и 16 — XXY. Удалось выяснить, что только 9,3 % всех лиц с хромосомным набором XY в прошлом совершали одно или несколько преступлений, тогда как среди индивидов с набором XYY эта категория составила 41,7 %[68].

Получены также данные о том, что если в XY наборах хромосом Y-хромосома имеет аномальность (удлиненное плечо), то и тогда наблюдается повышенная агрессивность индивида. Это аналогично влиянию лишней Y-хромосомы[69].

Правда, разные исследователи опубликовали по этому вопросу противоречивые данные.

Насчет того, почему лица с лишней Y-хромосомой чаще совершают преступления, чем люди с XY-набором, существуют различные точки зрения. Одна из них просто утверждает, что эти люди более агрессивны. Согласно второй точке зрения, они более крупны, поэтому их чаще обвиняют в преступлениях. Наконец, согласно третьей гипотезе, лица с XYY-набором интеллектуально менее развиты и, совершая преступления, чаще попадаются в руки правосудия и наказываются, поэтому и таких в процентном отношении среди преступников больше. Все эти гипотезы в настоящее время активно обсуждаются, но самой вероятной из них считается последняя[70].

Сформулирована также «гипотеза X-хромосомы», которая сводится к следующим утверждениям:

а) женщины с X0-набором, то есть с одной X-хромосомой, более агрессивны, чем женщины с XX-набором;

б) женщины с XXX-набором наименее агрессивны.

Но анализ фактов не подтверждает эту гипотезу. Однако представляют интерес факты, свидетельствующие о том, что мужчины с XXY-набором хромосом отличаются большей покорностью и менее выраженной агрессивностью, чем мужчины с XY-набором. Любопытно, что у мужчин наличие двух X-хромосом приводит к легкой умственной отсталости. Считается, что именно эта умственная недостаточность и приводит к совершению правонарушений, а не повышенная агрессивность.

Исследование близнецов Когда удается показать, что люди с одинаковой наследственностью ведут себя одинаково, это можно считать доказательством того, что данное поведение обусловлено генетически.

Вот почему представляют интерес сравнительные исследования близнецов, особенно однояйцевых (гомозиготных). Ряд исследований посвящен выяснению того, наследуется ли склонность к агрессивному поведению. Рассмотрим исследование *С. Медника* и его коллег, краткое описание которого мы приводим по упомянутой книге *Р. Бэрона* и *Д. Ричардсон* об агрессии.

Этот психолог со своими сотрудниками исследовал степень наследуемости детьми черт своих биологических и приемных родителей. Если приемный ребенок является в основном носителем таких же черт, как и его биологические родители, тогда это свидетельствует об определенной роли наследственности. Когда же у ребенка больше сходства с приемными родителями, тогда это уже свидетельствует о преимущественной роли социализации и научения. Для решения данной задачи упомянутые авторы исследовали в Дании судебные дела всех тех нарушителей закона, которые были усыновлены чужими людьми в период между 1924 и 1947 годами. Они рассмотрели также судебные дела биологических и приемных родителей. Они предположили, что если у значительного числа осужденных детей осуждены и биологические родители, то это свидетельствует о влиянии генотипа на формирование преступного поведения. «Мальчики, имеющие осужденных биологических отцов, скорее всего, сами будут осуждены за нарушение закона»[71].

Биологическая предрасположенность к правонарушениям, по-видимому, действительно существует, но она является по своей природе *общей*, то есть в ней нет специфической направленности на совершение тех или иных конкретных видов преступлений. Она, эта предрасположенность, лишь частично определяет наследуемость агрессивности[72].

Исследованию подвергались лишь мужчины, и оказалось, что сыновья больше склонны к совершению правонарушений тогда, когда судимы их биологические отцы. Около 25 % таких сыновей совершают преступления, но не обязательно такие же, как те, которые совершены их биологическими родителями. «Наследуемость *склонности к совершению преступлений* отнюдь не означает безусловной наследуемости *склонности к агрессии*: лица, поведение которых изучалось во всех этих исследованиях, зачастую совершали ненасильственные преступления. Фактически Медник и его коллеги пришли к заключению, что наследуется, как правило, склонность к совершению преступлений против собственности, а не против личности»[73].

Однако следует иметь в виду, что преступление против чьей-либо собственности есть прямое или (и) косвенное насилие против владельца этой собственности.

Другие авторы предположили, что наследуется, по-видимому, не склонность к агрессии, а какая-либо характерная черта личности, например импульсивность или стремление к лидерству, усиливающие возможность проявления агрессии[74].

Последнее утверждение имеет своей предпосылкой латентную мысль о том, что у человека уже есть агрессивность и она легче проявляется у тех лиц, у которых имеются импульсивность и стремление к лидерству. В таком случае возникает следующий вопрос: не являются ли черты агрессивности, импульсивности и лидерства (или они же, но попарно) *сцепленными уже на генотипическом уровне?* Если так, то этим путем также доказывается наследственная природа агрессивности.

Одним из важных выводов из описанных выше исследований является то, что, по-видимому, склонность к криминальному поведению наследуется. Склонность мальчиков к совершению преступлений напрямую связана с судимостью их биологических родителей[75].

Однако среда и воспитание тоже играют важную роль, поскольку вероятность совершения преступлений увеличивается у тех мальчиков, у которых были осуждены за противоправные действия как биологические, так и приемные родители. В целом, низкий порог возбудимости нервной системы личности, ее нейрогуморальных реакций, является основным наследственным условием агрессивного поведения. В условиях стресса и фрустрации такие люди склонны переживать враждебность и гнев и совершать агрессивные действия. Но, как отметил *К. Мойер*, если такой человек окружен любовью, защищен от жестокости и насилия, если его не провоцируют на агрессию, то он вряд ли будет склонен к агрессивному поведению[76].

Спорное, конечно, утверждение, поскольку не объясняет те многочисленные случаи жизни, когда человек, окруженный любовью, предает тех, кто его любит, и совершает по отношению к ним агрессивные, насильственные действия, грабит и оскорбляет их.

Химизм мозга и агрессия

Как среди животных, так и в среде людей, самцы более агрессивны, чем самки. Считают, что это связано с воздействием на мозг половых гормонов. Когда женщине впрыскивают мужские половые гормоны (тестостерон), ее поведение становится более агрессивным.

Для предотвращения выкидышей в США в 1970-е годы многим женщинам впрыскивали гормон прогестин. Впоследствии выяснилось, что если плод, независимо от своего пола, подвергается воздействию таких гормонов, впоследствии агрессивность таких детей бывает очень высокой. Считается, что в настоящее время в США имеется более 15 миллионов человек, которые в кризисные периоды своего развития подвергались воздействию подобных веществ[77].

Чем больше адреналина производится в организме, тем выше уровень агрессивности. Имеется циркадный (суточный) режим увеличения-уменьшения количества производимого в организме адреналина: оно растет, доходит до пикового уровня, а затем уменьшается. Обнаружено также, что мужчины с возрастом становятся менее агрессивными, поскольку количество производимого адреналина уменьшается[78].

Согласно данным *Э. Гельгорна*[79], адреналин оказывает прямое воздействие на заднюю часть гипоталамуса, а также на симпатическую нервную систему.

Карл Макал считает, что данные физиологические факты имеют большое значение для понимания реакций борьбы-бегства.

У животных гормоны оказывают прямое воздействие на поведение, тогда как у человека это воздействие обусловлено психологическими факторами. Человеческая агрессия — очень сложное явление. В ней играют роль не только химизм мозга и физиологические механизмы, но и мотивация, обучение, подражание, самоконтроль и другие психологические факторы[80].

Но количество тестостерона в крови играет заметную роль.

В проявлении агрессивности большую роль играют также вещества-посредники мозга — *медиаторы*, или, как их называют иначе, нейропередатчики. Таковы, в частности, *катехоламин* и *серотонин*. Оказывается, что когда количество катехоламинов в мозгу велико, то взаимная агрессивность самцов животных усиливается. Когда же преобладает количество серотонина, агрессия выражена слабее.

Из биологических факторов на уровень агрессивности влияет *алкогольная интоксикация мозга*. Под влиянием алкоголя агрессивное поведение растормаживается, личность в значительной мере теряет свою индивидуальность и легко провоцируется. Более половины преступлений с применением насилия совершается под воздействием алкоголя. Поскольку результаты соответствующих исследований широкоизвестны[81], мы подробно о них говорить не будем.

Отметим только один твердо установленный факт: даже небольшая доза алкоголя ведет к повышению агрессивности (хотя играют роль как тип, так и доза алкоголя), особенно если ситуация воспринимается человеком как угрожающая.

7.14. Наследственна ли сверхагрессивность этносов?

Выше в настоящей главе мы ознакомились с результатами исследования *С. Марголином* племени ута. Было выяснено, что это воинственное племя североамериканских прерий несколько столетий вело непрерывные войны против других племен. В результате этого в нем имел место отбор агрессивных индивидов, и племя в целом стало сверхагрессивным. *С. Марголин* считает, что такая сверхагрессивность может унаследоваться биологически, с помощью генных механизмов. *Конрад Лоренц* соглашается с ним в том, что за такое историческое время подобное наследование было вполне возможно. Ведь известно, что путем целенаправленной селекции домашние животные за короткие сроки претерпевают более основательные изменения.

В настоящее время племя ута живет в совершенно других условиях. Обстоятельства социализации новых поколений иные, но у его представителей налицо та же сверхагрессивность и те же патологические черты, что и у предков. Причем эти болезненные черты, возникшие и развитые вследствие невозможности разрядки агрессивности, сходны у других индейских племен, живущих в прериях.

Поскольку отбор агрессивных особей и их лучшая приспособленность к условиям социальной жизни — реальные социобиологические процессы, то сразу же возникают другие ассоциации: появляется мысль, что у народностей, долгие века живущих кочевнической жизнью и занимавшихся грабежами и разбоем, сверхагрессивность и жестокость могут закрепляться генетически и передаваться от одного

поколения к другому. Это можно проверить по тому, какие черты характера мужчин и женщин в данной этносоциальной среде считаются желательными.

Исследование показало, что в племени ута больше невротиков, чем в других человеческих группах. Причиной этого *К. Лоренц* считает агрессию, которая не получила разрядки. Нападения на представителей других племен и их убийство считается представителями племени ута в порядке вещей. Но любопытно, что у них агрессивность по отношению к представителям своего племени — редкое явление. Существует строжайшее табу, запрет убийства своих сородичей. Каждый, кто совершает убийство члена своего рода или племени, должен совершить самоубийство. Был даже случай, когда ута-полицейский, защищаясь, убил другого ута и тоже был вынужден совершить самоубийство.

Эти данные весьма интересны и в другом отношении: каково соотношение у представителей ута между внутриэтнической и межэтнической разновидностями агрессии? Как им удается в значительной мере предотвратить превращение межэтнической агрессии во внутриэтническую? К сожалению, ни *С. Марголин*, ни *К. Лоренц* ничего об этом не сообщают: данные вопросы они просто не исследовали. А ведь проблема эта очень интересна и с практической точки зрения важна.

Пониманию данной проблемы помогут некоторые соображения, высказанные *Э. Фроммом*. Этот исследователь оспаривает рассмотренную выше точку зрения *К. Лоренца* о том, почему у человека не возникли механизмы торможения агрессии в процессе филогенеза. В истории человечества, действительно, было так много крови, что создается впечатление: подобных ингибиторов действительно нет. Но *Э. Фромм* предлагает переформулировать проблему и представить ее следующим образом: есть ли у человека тормоза против убийства таких живых существ, — людей и животных, — с которыми он в той или иной степени идентифицирует себя? Отметим, что, когда имеет место положительная психологическая идентификация с другим человеком или живым существом, последний для индивида уже не является полностью чужим: к нему он уже имеет положительное, конъюнктивное чувство.

Существуют доказательства, что в подобных случаях тормоза есть, а акт убийства, если он тем не менее совершается, вызывает у человека *чувство вины*. Человеку трудно убивать тех животных, за которыми он ухаживал. Всякая эмпатия (симпатическое сопереживание) с живым существом препятствует его уничтожению[82].

А в индуистской религии такая эмпатия возвышена до уровня религиозного закона. Есть, с другой стороны, религии, например ислам, представители которых считают последователей других религий «неверными» и неполноценными людьми и, когда это возможно, беспощадно уничтожают их.

Для первобытного человека представитель другого племени был чужим и считался чуть ли не «вещью», которую можно уничтожить. Идентификация и эмпатия с такими объектами отсутствовали. Одновременно убийство члена своей семьи приводило к применению к убийце строжайших форм наказания — таких как остракизм или казнь.

Рабов до недавних времен убивали по тем же причинам.

Во время войны солдатам внушают, что враг является существом более низкого порядка — «недочеловеком», «варваром» и его можно без зазрения совести уничтожить. Так, немецкие фашисты называли представителей народов СССР выродками, «восточными степными варварами» и т. п.

Созданию таких отрицательных стереотипов способствует разрыв живых контактов с этими группами людей. И тогда открываются широчайшие возможности для проявления деструктивизма, но последний уже получает другую квалификацию и оценку. Так, если я убиваю мух, то в собственных глазах я не насильник и убийца, а вот индус может считать меня убийцей. Ведь, по его мнению, муха может нести в себе душу человека.

7.15. Агрессивность и подверженность несчастным случаям

Проблема, которую мы здесь вкратце обсудим, должна представлять интерес для тех, кто занимается проблемами **виктимологии** — *области юридической психологии, изучающей жертв несчастных случаев и преступлений.* Проблеме агрессивности жертвы и виктимологии мы посвящаем отдельную главу третьей части настоящего труда, но вопрос, вынесенный в заголовок настоящего параграфа, мы рассмотрим здесь.

Уже упомянутый нами *С. Марголин* обнаружил, между прочим, что члены племени ута чаще подвергаются несчастным случаям, чем члены других групп людей. Было высказано мнение, что склонность стать жертвами или участниками несчастных случаев — следствие подавления сильной агрессивности. Члены этого племени совершали больше автомобильных аварий, чем представители любых других человеческих групп. Для обоснования этого вывода *К. Лоренц* приводит дополнительный аргумент, основанный на житейском наблюдении: когда сердитый человек ведет машину, то у него появляется сильная склонность к саморазрушающему поведению. В таких случаях не было бы преувеличением сказать, что у человека имеется желание смерти[83].

В связи с этими интересными фактами и выводами можно поставить более широкий вопрос *о взаимосвязи самовиктимизации и подавленной агрессии.* Развитие этого направления исследований может привести к созданию очень интересного раздела *психологической виктимологии.* Фактически склонности к самоубийству и убийству других (или, если говорить мягче, склонность найти жертву и сделать себя жертвой собственной агрессии) у таких людей сосуществуют.

Можно, по-видимому, считать, что быстрое развитие культуры, в первую очередь техники, приводит к тому, что образованные в ходе эволюции адаптивные механизмы выходят из строя. Функция морали — восстановить потерянное равновесие между инстинктами и требованиями социальной жизни. По-видимому, моральная зрелость личности является одним из внутренних условий предотвращения самовиктимизации, которая чревата опасностью как для себя, так и для других.

7.16. Физиологические механизмы агрессии

Мозговая локализация агрессии

Как и любой другой вид поведения человека и животных, агрессия также осуществляется с помощью физиологических механизмов нервной системы, в первую очередь головного мозга. Научное исследование агрессивности и агрессии не может обходиться без исследования этих механизмов. Психофизиологи, исследуя

мозговые механизмы агрессии, сравнивают их у человека и разных видов животных.

Можно предположить, что агрессия связана с определенными мозговыми центрами, то есть в определенной мере *локализована* в мозгу.

Приведем следующий известный случай: в 1966 году американец Чарльз Уитмен убил своих мать и жену, затем, вскарабкавшись, поднялся на башню университетского здания Техаса. Имея в руках охотничье ружье с телескопом, он начал стрелять и убил еще 14 человек, пока его не застрелили полицейские.

Исследование его мозга показало, что на мозговом образовании, названном амигдалой, у него была злокачественная опухоль величиной с орех. Амигдала входит в состав лимба и связана с агрессивным поведением. Раздражение гипофиза тоже, создавая в организме дисбаланс гормонов, усиливает агрессивность. Исследование ряда клинических случаев показало, что патология лимба и височных долей мозга приводит к потере самоконтроля. Человек становится бестактным, бесчувственным и грубым, у него появляются склонность к половым извращениям и другие нарушения. Такие люди часто являются виновниками создания аварийных ситуаций на улицах[84].

На агрессивное поведение оказывают влияние те нейромедиаторы, которые циркулируют в лимбической системе и обеспечивают сообщение информации между этой системой и корой головного мозга. Если таких медиаторов, связанных с подавлением агрессии, мало, тогда информация об этом не достигает коры, вследствие чего увеличивается вероятность проявления агрессии. Реакции человека с ослабленными функциями нейромедиаторов становятся менее активными[85].

Более импульсивными и агрессивными становятся люди, у которых имеются повреждения лобных долей головного мозга. Они раздражительны, и у них часто бывает дурное настроение. Можно предположить, что нарушение основных познавательных функций коры головного мозга способствует формированию агрессивного поведения. Получены данные, свидетельствующие о том, что «...заключенные, у которых диагностировались повреждения мозга, были более склонны к совершению преступлений с применением насилия, нежели те, у кого таких повреждений не было»[86].

С другой стороны, люди, у которых нет повреждений лобной доли неокортекса, реагируют на провокации (фрустрации и стрессы, оскорбления и т. п.) адекватно, то есть с учетом времени и места и в соответствии со своей стратегией поведения. Подтверждением этого вывода являются также экспериментальные данные, согласно которым у преступников, не склонных к агрессии, более нормальные познавательные, речевые, перцептивные и психомоторные функции, чем у агрессивных преступников[87].

Получается, что агрессивность и познавательные способности обратно пропорциональны. Это интересный вывод, который, однако, требует более углубленных исследований. Проблема в том, что встречается также немало агрессивных, но достаточно умных преступников.

Наконец, получены данные, свидетельствующие о том, что общее возбуждение нервной системы в условиях конкуренции, занятий спортом, под влиянием шума и других неприятных факторов приводит к большей готовности людей совершить агрессивные действия, особенно если подобное поведение является для них привычным и стереотипным.

Представляют интерес данные о том, что *сверхагрессивные* люди реагируют на угрозу *нетипично*, то есть переживают менее интенсивные страх и тревогу, чем нормальные люди. Именно поэтому *психопаты* чаще проявляют агрессивность, совершая насильственные действия.

Они меньше беспокоятся о последствиях своих действий. У таких преступников в условиях опасности и стресса выделяется меньше адреналина, чем у нормальных людей. Они отличаются меньшей реактивностью. Краткий обзор этих исследований дан в упомянутой книге *Р. Бэрона* и *Д. Ричардсон*.

Раздражение мозга, агрессия и управление поведением

Интересные данные о мозговой локализации агрессивного поведения получены методом раздражения мозга с помощью вживленных электродов. Эти данные представляют интерес еще и потому, что создают условия для управления поведением человека и животных[88].

Если определенные внешние раздражители, например болезненные, вызывают у животных и человека ответную агрессивную реакцию, то естественно предположить, что в мозгу существуют центры, управляющие агрессивным поведением. Кроме процессов восприятия внешних воздействий и ответного агрессивного поведения, существуют мозговые процессы переработки этих воздействий и выработки агрессивного поведения. Что это за процессы и где, в каких зонах мозга они происходят? Чтобы получить ответы на эти вопросы, исследователи пользуются методом прямого раздражения мозга с помощью вживленных в разные его отделы электродов[89].

1. *Результаты, полученные на животных.* У кошек при раздражении передних отделов гипоталамуса начинаются следующие действия: кошка угрожает, шипит и ворчит, но эти действия не направлены на конкретных индивидов (других кошек), если они присутствуют. Это *ложная ярость*, что доказывается еще и тем, что, когда другие кошки нападают на нее, она не защищается, опускает голову и прижимает усики.

   Настоящая ярость у кошки вызывается раздражением боковых отделов гипоталамуса, и ее агрессивное поведение направляется на других животных. Но... не на всех.

> Вот как описывает эту ситуацию *Хозе Дельгадо*: «Подопытное животное начинало красться по клетке, стараясь напасть на более слабых животных, но избегая встречи с самой сильной кошкой в группе. Было очевидно, что раздражение мозга вызвало состояние повышенной агрессивности, но было столь же ясно, что кошка разумно направляла свою враждебность, выбирая врага и момент для нападения, изменяя тактику и приспосабливая свои движения к двигательным реакциям противника»[90].

   Это означает, что животное учитывает иерархию статусов в группе, доминирующее или подчиненное положение других кошек. Даже самые мирные животные в процессе раздражения становятся агрессивными. Это не только *внутривидовая агрессия*: кошки проявляют враждебность и к людям, то есть у них усиливается также *межвидовая агрессивность*.

   Значительно больший интерес для психологии представляют результаты экспериментальных исследований обезьян. Когда раздражают определенные

участки зрительного бугра или центрального серого вещества головного мозга вожака группы обезьян, его обычная агрессивность еще больше усиливается и он начинает нападать на других животных, находящихся в клетке. «Было хорошо видно, — писал *Х. Дельгадо*, — что его враждебность целенаправленна в соответствии с прежним опытом, так как обычно он нападал на другого самца, в котором видел соперника, и никогда не трогал маленькую самку, свою любимую подругу»[91].

Это уже *социально-психологический аспект* агрессивности обезьян, что, конечно, еще более ярко и богато выражается в поведении людей. Что касается обезьян, то обильный материал об их поведении в группе сородичей в близких к естественным условиях можно найти в других книгах[92].

Обезьяна, занимающая подчиненное положение, в результате раздражения мозга тоже приходит в агрессивное состояние, но нападает на тех, кто стоит в этой групповой иерархии ниже ее. Когда же животное занимает самое низкое положение в группе, оно в результате раздражения приходит в агрессивное состояние, но его враждебные действия подавляются, по-видимому, страхом перед возможным отпором и наказанием.

Электрическое раздражение мозга приводит к тому, что интерпретация ситуации меняется, мирные взаимоотношения животных превращаются во враждебные, животное нападает на других[93].

И поскольку искусственно вызванная агрессивность сходна со спонтанно возникающей агрессивностью, то предполагается, что «в обоих случаях активизируются одни и те же отделы мозга»[94].

2. *Результаты исследования людей.* Для раскрытия мозговых центров агрессивности у людей представляют интерес те случаи, когда вследствие патологических процессов в мозгу возникает неконтролируемая и бессмысленная агрессивность. *Х. Дельгадо* приводит пример 20-летней девушки, которая в возрасте 18 месяцев перенесла энцефалит. В течение последующих 10 лет у нее наблюдались фокальные приступы и эпилептические припадки. Она была также подвержена частым и неожиданным приступам ярости и в этом состоянии совершала нападения на окружающих. Так, она убила незнакомого человека, вонзила нож в грудь медицинской сестре. Она была заключена в тюрьму как невменяемый преступник. Исследование, проведенное специальной методикой, позволило выяснить, что у нее были значительные нарушения электрической активности обоих миндалевидных ядер и гипокампа.

Чтобы убедиться, что именно в этих структурах локализованы центры агрессии, проводились дополнительные исследования. Оказалось, что раздражение правого миндалевидного ядра в то время, как больная воодушевленно и с большим мастерством играла на гитаре, привело к тому, что она с раздражением швырнула гитару в сторону, с яростью бросилась на стенку и начала метаться по комнате. Затем она успокоилась и стала веселой, как обычно. Обнаружение этого центра агрессии сделало возможным лечение больной методом локальной электрокоагуляции (то есть уничтожения центра патологической активности путем электрического прижигания)[95].

Исследование мозговых центров агрессивного поведения человека имеет то преимущество, что испытуемый может рассказать о переживаемом состоянии в течение тех секунд или минут, когда его мозг раздражают с помощью вживленных электродов. С этой точки зрения сильное впечатление оставляет приведенный в книге *Х. Дельгадо* случай, описанный *Г. Кингом*. Этот исследователь описал женщину, страдавшую депрессией и отчуждением. Во время бесед у нее было безжизненное выражение лица и монотонный голос.

Вот как описывает ее состояние автор во время раздражения ее мозга: «...При раздражении миндалевидных ядер током силой 5 миллиампер у нее резко изменялись интонации и лицо принимало злое выражение. При этом она говорила: "Мне хочется встать со стула! Прошу вас, не давайте мне встать! Не делайте со мной этого! Я не хочу быть злой!" На вопрос врача, не хочет ли она его ударить, больная отвечала: "Да, я хочу кого-нибудь ударить. Я хочу схватить что-нибудь и разорвать. Возьмите это, чтобы я не порвала!" С этими словами она отдала врачу свой шарфик, а он дал ей пачку бумаги, которую она разорвала на мелкие клочки, приговаривая: "Я не хочу быть такой!" Когда силу тока снизили до 4 миллиампер, ее состояние изменилось, она широко улыбнулась и объяснила: "Я знаю, это глупо — то, что я делаю. Мне хотелось вскочить со стула и убежать, хотелось что-нибудь стукнуть и разорвать, неважно что. Не вас, просто что-нибудь. Мне просто хотелось вскочить с места и рвать. Я не могла себя сдержать". Увеличение силы тока до 5 миллиампер снова вызвало агрессивность, и она замахнулась, чтобы нанести удар»[96].

Как мы видим, имеют значение параметры электрического тока, которым раздражают соответствующий центр мозга. Очень важно и то, что, судя по самоотчету больной, она переживала подлинную ярость и желание совершить насильственные действия. У нее была реальная агрессивная мотивация, но она смогла сдерживать свои импульсы, держать их под своим контролем с учетом окружающей обстановки и своего положения в ней. Подобные факты еще раз свидетельствуют о значительной роли социально-психологических факторов в организации поведения человека: активность мозговых центров — лишь одно из важных условий агрессивного поведения, но не единственное условие.

Ритмы мозговой электрической активности и агрессия

После того как мы примерно установили мозговую локализацию агрессивных чувств и агрессивного поведения, следует заняться вопросом о том, каким образом отражается агрессия в более глубинных и тонких физиологических процессах мозга.

Поскольку ритмы мозговой электрической активности отражают психическое состояние и особенности темперамента человека, то и агрессивность, и актуальные враждебные действия должны отражаться в частотах и амплитудах этих волн. Сведения об этих явлениях пока довольно скудны. Мы обсудим данный вопрос на основе ряда идей, высказанных сравнительно давно английским физиологом *Г. Уолтером*. Он напомнил, что *Денис Холл*, исследуя агрессивных психопатов, установил, что тета-ритмы связаны с таламусом и структурами, расположенными вокруг третьего желудочка головного мозга. Установив это, *Г. Уолтер* продолжает: «В ходе дальнейших наблюдений он (Д. Холл. — *А. Н.*) выделил группу больных с выраженными разрядами медленных тета-колебаний специального характера — психопатов с "дизритмическим агрессивным поведением". У этих

больных периодически возникали приступы, сопровождавшиеся яростными нападениями на живых существ с намерением лишить их жизни. Подобные разрушительные смертоубийственные эпизоды часто были, согласно обычным стандартам, почти или полностью немотивированными. Они чрезвычайно напоминают осуждаемые, нетерпимые, бесцельные разрушения, которые совершают маленькие дети, находящиеся в состоянии раздражения»[97].

Эти наблюдения очень интересны, хотя их психологическое толкование не отличается глубиной. Мотивы подобных агрессивных импульсов могут быть и подсознательными, что можно обнаружить лишь после специального психологического анализа. Кроме того, агрессия в этих случаях может быть отложенной реакцией на фрустрацию. В теории фрустрации и защитных механизмов исследование тета-ритмов может дать интересные результаты. В пользу этого предположения говорит отмеченный Уолтером факт, что в «обычных обстоятельствах у взрослых с уравновешенным характером тета-ритмы едва различимы, но при действительно неприятных раздражениях такие ритмы могут выявиться даже у выдержанных людей»[98].

Прекращение умеренно приятного переживания расстраивает сильнее, чем воздействие умеренного неприятного. Поэтому прекращение удовольствия в общем можно рассматривать в качестве типичной депривации и фрустратора.

Такой результат в естественных условиях жизни получается значительно легче, поскольку этика психологического исследования не позволяет оскорблять людей в условиях лабораторного эксперимента.

Для теории фрустрации и агрессии тета-ритмы представляют важность еще в одном отношении. Исследования *Г. Уолтера* и его сотрудников показали, что, хотя приятное ощущение не оказывает серьезного влияния на ЭЭГ, *прекращение этого ощущения* через несколько секунд вызывает вспышку (внезапную и преходящую) тета-ритмов... Опыт проводился следующим образом: молодая девушка поглаживала голову молодого человека, и ему было приятно. Прекращение поглаживания вызвало тета-колебания. Это означает, что *прекращение умеренно приятного переживания расстраивает сильнее, чем воздействие умеренного неприятного. Поэтому прекращение удовольствия в общем можно рассматривать в качестве типичной депривации и фрустратора*. Из клиники неврозов известно, что коитус интерруптус (прекращение сексуального сношения до наступления оргазма), если практикуется продолжительное время, приводит к неврозам, особенно к нарушениям эмоциональной жизни личности. Это конкретная форма, разновидность общего типа фрустратора — прекращения удовольствия.

Любопытно, что подобное явление известный бихевиорист Хэбб наблюдал у шимпанзе. Эта обезьяна, писал он, «может часами удовлетворяться спокойным созерцанием привлекательной самки, которая находится в отдаленной клетке, но впадает в ярость и раздражение, когда она уходит в свою спальню»[99].

Подобная корреляция между тета-ритмами и состоянием фрустрации как результата прекращения приятных переживаний имеет общепсихологическое значение и говорит в пользу важности активной роли психологического фактора в работе мозга. Кроме того, развитие целого комплекса проблем социальной психологии с использованием этих фактов и с пониманием данного вновь обнаруженного

фрустратора может создать новый подход ко многим известным психическим явлениям, особенно к феноменам нормальной и патологической сексуальной жизни.

Последующие исследования *Г. Уолтера* показали, что даже в условиях эксперимента, когда создавались различные неприятные ситуации, ответы варьировались от одного лица к другому, но у значительного числа обнаружилось исключительное постоянство тета-активности в мозгу. У этих индивидов тета-волны обнаруживались постоянно после прекращения приятного ощущения, а в течение последующих 10 секунд усиливались, внезапно же прерываясь. У этих лиц картина тета-активности была в высшей мере стереотипной. Излагая эти факты, *Г. Уолтер* спрашивает: «Почему же этот специальный ответ на прекращение или недостаток удовольствия должен быть столь постоянным в противоположность всем другим функциям нормального мозга? Это все еще остается непонятным»[100].

Разумеется, возможны новые физиологические открытия, которые позволят лучше понять природу и смысл тета-ритмов. Нам представляется, что все же очень важное значение могут иметь психологические гипотезы. Такую гипотезу мы бы хотели сформулировать следующим образом:

а) при прекращении приятной ситуации индивид фрустрируется, и этот физиологический факт (одновременно — психическое состояние) выступает в виде тета-ритмов;
б) тета-ритм означает начало переживания индивидом новой проблемной ситуации и, следовательно, начало психического (в частности — мыслительного) процесса по преодолению этой ситуации. Поэтому тета-активность или вызывает последующую мозговую электрическую активность, коррелирующую с мыслительным процессом, или же сама есть начало этой активности, или, по крайней мере, теснейшим образом связана с этой последующей деятельностью. Тета-активность, по-видимому, связана не только с оценкой ситуации, но и с волей, повышением уровня осознанности ситуации и ориентировкой в ней, что находит выражение в более или менее осознанно и словесно развернуто поставленных вопросах типа «Что это такое?».

Таким образом, изучение природы тета-активности еще раз демонстрирует глубокую связь, существующую между проблемной ситуацией, фрустрацией, процессами мышления, сублимации и творчества. С этими идеями согласуется общее замечание *Г. Уолтера* о том, «что реакция на неудовольствие и разочарование является одной из первых и прочнейших основ личности»[101].

Далее, для теории фрустрации и защитных механизмов представляет интерес предположение *Г. Уолтера* о том, что тета-волны сканируют чувство удовольствия точно так же, как (по его более раннему предположению) альфа-ритмы сканируют образы. Когда чувство удовольствия исчезает вследствие появления проблемной ситуации, тета-ритмы возникают и начинают поиск новых удовольствий. Исчезновение тета-ритма, по мнению Уолтера, означает, что индивид привык стоически переносить лишения и отказывается от радостей. Это защищает психику от травм и бесплодных сожалений. Стойкость тета-ритмов у детей и постоянно недовольных людей Уолтер объясняет неопытностью первых и невыдержанностью вторых.

Нам представляется, что было бы правильнее связывать стойкость или исчезновение тета-ритма в проблемной ситуации не только с привыканием, примирением и готовностью стоически переносить лишения (это как бы физиологический коррелят мазохистического героизма!), но и, что намного важнее, с успехом или неудачей в нахождении интеллектуальных путей преодоления внутреннего конфликта и проблемной ситуации. Если найден путь решения возникших задач и если индивиду удается силой воображения, с привлечением своих ценностных ориентаций, уменьшить значимость потерянного удовольствия и, с другой стороны, возникших трудностей, то тета-активность мозга должна уступить место другим формам активности, положительно коррелирующим с новыми психическими состояниями и процессами. Если у человека нет средств и способностей для преодоления проблемной ситуации (как это часто имеет место в жизни детей и невротиков), то неприятные переживания и соответствующая тета-активность мозга оказываются стойкими и ярко выраженными.

Для теории фрустрации и агрессии представляют интерес также мысли *Г. Уолтера* о том, что у раздражительных, невыдержанных взрослых людей с агрессивным характером поведения «...тета-ритмы часто весьма выражены и распространены на значительную область мозга. Их детская невыдержанность, нетерпимость и подозрительность находят отражение *в юношеском характере мозговой активности*. Являются ли они детьми в душе? Совпадение столь очевидно, что заключение о качественной и функциональной идентичности сходных в количественном выражении тета-ритмов детского возраста и болезненных состояний взрослых кажется очень соблазнительным. В обоих случаях эти ритмы служат выражением относительной незрелости механизмов, связывающих кору, зрительный бугор и гипоталамус»[102].

Мы полагаем, что все эти физиологические данные надо связывать с типичными для таких людей реакциями на фрустрацию. Кроме того, следует выяснить, каким образом физиологическая незрелость коррелирует с психологической незрелостью, каковы критерии физиологической незрелости и зрелости.

Г. Уолтер считает, что «условия возникновения электрической активности — альфа, дельта или тета — тесно связаны со степенью зрелости личности». Поэтому, наблюдая за появлением или исчезновением определенных видов мозговых волн у детей, согласно Уолтеру, можно проследить процесс их психического созревания, развития их характера. Исследования показали, что у более чем 70 % детей достоверно коррелирует с поведением не тета-, а дельта-активность мозга. Во всем этом для нас интересно то, что вспышки агрессивности коррелируют с незрелыми формами мозговой активности, которая выражается в специфических особенностях электрической активности мозга.

* * *

Итак, мы завершили исследование основных представлений о сущности агрессии, ее разновидностях, причинах возникновения и т. п. Вторая часть нашей книги «Агрессивность человека» — будет посвящена главным образом социально-психологическим и этническим аспектам агрессии, а в третьей части в основном обсуждаются проблемы типологии агрессивных людей, сверхагрессивности и садизма.

Примечания

[1] *Tolman E. C.* Purposive behavior in animals and men. New York, Appleton-Century-Groffs, 1932.
[2] *Mackal K. P.* Psychological Theories of Aggression, p. 140; *Hartmann H.* Comments on the Psychoanalytic Theory of Individual Drives. "Psychoanalytic Quarterly", 17, 1948, pp. 368–388; *Hartmann H., Kries E. and Loewenstein R. M.* Notes on the Theory of Aggression. In "Papers on Psychoanalytic Psychology". Intern. Univ. Press, New York, 1949, pp. 56–85.
[3] *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980.
[4] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967.
[5] *Lorenz K.* The Man and his Ideas. Harcourt, Brace and Jovanovich, Inc., New York, 1975, pp. 181–217.
[6] *Lorenz K.* Ritualized fighting. In J. D. Carthy and F. J. Ebling (Eds.). A natural history of aggression. New York, Academic Press, 1964, pp. 39–50; *Хайнд Р.* Поведение животных. — М., 1975.
[7] См., например: *Милнер П.* Физиологическая психология. — М., 1973.
[8] *Lagerspetz K. M. J. and Lagerspetz K. Y. H.* Changes in the aggressiveness of mice resulting from selective breeding, learning and social isolation. "Scand. J. Psychol.", 12, 1971, pp. 241–248.
[9] Кроме работ К. Лагершпеца см. также публикации по генетике человека: *Штерн К.* Основы генетики человека. — М., 1965 — и др.
[10] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 131.
[11] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 130.
[12] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 132.
[13] Об импринтинге в настоящее время имеется уже довольно обширная литература. См., например, *Дьюсбери Д.* Поведение животных. Сравнительные аспекты. — М., 1981; *Хорн Г.* Память, импринтинг и мозг. — М., 1988 и др.
[14] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, p. 230.
[15] Lorenz K. On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, p. 230.
[16] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, p. 231.
[17] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 47.
[18] Поэт И. Ф. Гете выразил этот закон следующими словами Мефисто: "Du sichst mit diesem Trank in Leibe bald Helena in jedem Weibe".
[19] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, pp. 50–51.
[20] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[21] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 52.
[22] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, pp. 232–233.
[23] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, pp. 233.
[24] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 493.
[25] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967, pp. 20–21.
[26] *Eibl-Eibesfeld J.* Ethology, the biology of behavior. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975, p. 32.
[27] *Ardry R.* African Genesis. New York: Antheum, 1961, p. 15.
[28] *Wilson E. O.* Sociobiology: the new synthesis. Cambridge (Mass.): Belnap Press, 1975, p. 249.
[29] Газета «Голос Армении», 6 августа 1996 года.
[30] *Eibl-Eibesfeld J.* Ethology, the biology of behavior. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975, p. 34.
[31] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994.
[32] Лоренц К. Агрессия. — М., 1994. — С. 39.
[33] Лоренц К. Агрессия. — М., 1994. — С. 39.
[34] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[35] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 213.

[36] *Хайнд Р.* Поведение животных. — М., 1975. — С. 69.; *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1969 и др.
[37] *Brown R.* Social Psychology (2nd ed.). The Free Press. 1986, pp. 95–96.
[38] См., например: *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. — М., 2001.
[39] Исследование пространственного поведения людей стало целой областью социальной психологии под названием проксемия. См.: *Hall T.* The hidden dimension. New York: Doubleday, 1966.
[40] *Brown R.* Social Psychology; *Sommer R.* Tight spaces. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1974, etc.
[41] *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия.
[42] См., например: *Storr A.* Human Aggression. New York. Bentam, 1970.
[43] *Lorenz K.* On Aggression. 4th printing. Harcourt, Brace and World. New York, 1967; см. также: *Mason W. A. and Lott D. F.* Ethology and comparative psychology. In "Annual review of psychology", Vol. 26, Ed. by M. R. Rosenzweig and L. W. Porter. Palo Alto (Calif.): Annual Reviews, 1976.
[44] *Zing Yang Kuo.* Genesis of Cat's Response to the Rat. In "Instinct". Princeton: Van Nostrand, 1961, p. 24 (Цит. по книге: *Aronson E.* The Social Animal. London. 1973, pp. 145–146.
[45] Об импринтинге см.: *Дьюсбери Д.* Поведение животных. Сравнительные аспекты. — М., 1981; *Хорн Г.* Память, импринтинг и мозг. — М., 1988.
[46] *Eibl-Eibesfeldt I.* Aggressive behavior and Ritualized Fighting in Animals. In "Science and Psychoanalysis", Vol. VII. Violence and War. Ed. by J. H. Masserman. New York: Grune and Stratten, 1963.
[47] *Scott J. P.* Aggression. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1958.
[48] *Berkowitz L.* The Frustration — Aggression Hypothesis Revisited. In "Roots of Aggression: A Re-examination of the Frustration-Aggression Hypothesis", Ed. by L. Berkowitz. New York, Atherton, 1968.
[49] *Aronson E.* The Social Animal. London, 1973, pp. 147–148; *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. — СПб.-М., 2002.
[50] Достаточно указать только на некоторые из книг, авторы которых обсуждают идеи К. Лоренца: *Goldstein J. H.* Aggression and Crimes of Violence. New York: Oxford Univ. Press, 1975; *Montagu M. F.* Chromosomes and crime. "Psychology Today", October 1968, pp. 42–49; *Montagu M. F.* (Ed.), Man and Aggression. New York: Oxford Univ. Press, 1973; Scott J. P. That old-time aggression. In Man and Aggression. Ed. by M. F. Montagu. New York: Oxford Univ. Press, 1973; *Wilson E. O.* Sociobiology. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1975.
[51] *Wilson E. O.* Sociobiology: the new synthesis. Cambridge (Mass.): Belnap Press, 1975; Taylor L. Born to Crime: The Genetic Causes of Criminal Behavior. Westport (CT): Greenwood, 1974; *Cunningham M. R.* Sociobiology as a supplementary paradigm for social psychological research. "Review of Pwersonality and Social Psychology", 1981, 2, pp. 69–106.
[52] *Lumsden C.J., Wilson E. O.* Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind. Cambridge (Mass.) a. o., 1983, pp. 53–85.
[53] *Wilson E. O.* On Human Nature. Cambridge (Mass.), L., 1978, pp. 101–102; см. также в книге: *Карпинская Р. С., Никольский С. А.* Социобиология. Критический анализ. — М., 1988. — С. 89.
[54] *Lumsden C.J. and Wilson E. O.* Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind. Cambridge (Mass.) a. o., 1983, p. 70; *Alexander R. D.* Darwinism and Human Affairs. Seatle, 1979, p. 126; Eibl — Eibesfeldt I. Ethology: The biology of behavior. New York, 1970; *Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. — М., 1979; *Крайг Г.* Психология развития. — СПб., 2001.
[55] *Ruse M.* Sociobiology: Sense or Nonsense?; *Рьюз М.* Философия биологии. — М., 1977.
[56] *Wilson E. O.* On Human Nature. Cambridge (Mass.), L., 1978, p. 32. По кн.: *Карпинская Р. С., Никольский С. А.* Социобиология. — М., 1988. — С. 161–162.

[57] *Krebs D. L. and Miller D. T.* Altruism and aggression. In G. Lindzey and E. Aronson (Eds.). Handbook of social psychology. 3rd ed., Vol. 2, pp. 1–71. New York: Random House, 1985.
[58] *Ekman P. and Friesen W. V.* Unmasking the face. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1975.
[59] *Stenberg G. R. and Campos J. J.* The development of anger expression in infancy. In N. Stein, B. Leventhal and T. Trabasso (Eds.). Psychological and biological approaches to emotion. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1990.
[60] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — М.-СПб., 2001. — С. 69.
[61] *Jacobs P. A., Brunton M. and Melville M. M.* Aggressive behavior, mental subnormality, and the XYY male. — "Nature", 1965, 208, pp. 1351–1352.
[62] *Jarvik L. F., Klodin V. and Matsuyama S. S.* Human aggression and the extra chromosoma: Fact or fantasy? — "American Psychologist", 1973, 28, pp. 674–682.
[63] *Taylor L.* Born to Crime: The Genetic Causes of Criminal Behavior. Westport (C. T.): Greenwood, 1974.
[64] *Jarvik L. F., Klodin V. and Matsuyama S. S.* Human aggression and the extra chromosoma: Fact or fantasy? — "American Psychologist", 1973, p. 80.
[65] *Price W. H. and Whatmore P. B.* Behavior disorders and pattern of crime among XYY males identified at a maximum security hospital. "British Medical Journal", 1967, 1, pp. 533–536.
[66] См., например: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 231.
[67] *Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973.
[68] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 231.
[69] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 231.
[70] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 232.
[71] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 228.
[72] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 232.
[73] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 229.
[74] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 229.
[75] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 229.
[76] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 229; см. также: Mednick et a. l (1987). Moyer (1981).
[77] *Zimbardo Ph. G.* Psychology and Life (11th ed.), Glenview and London, 1985, p. 629.
[78] *Buss A. H.* Phisical Aggression in relation to different frustrations. — "Journal of Abnormal and Social Psychol.", 1963, 67, pp. 1–7; *Barrows G. A. and Zuckerman M.* Construct validity of three Masculinity-Femininity Tests. "J. of Consulting Psychol.", 1960, 24, pp. 441–445.
[79] *Гельгорн Э., Луфборроу Дж.* Эмоции и эмоциональные расстройства. — М., 1966.
[80] *Moyer K. E.* The psychology of aggression. New York: Harper and Row, 1976.
[81] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 488–489; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1977. — С. 257–260.
[82] Бывают и страшные исключения, когда даже родители, находясь в крайней нужде, убивают своих родных детей. О таких случаях время от времени сообщает пресса.
[83] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 236–237.
[84] *Sweet W. H., Ervin F. and Mark V. H.* The relationship of violent behavior to focal cerebral desease. In S. Garattini and E. Sigg (Eds.), Aggressive behavior. New York: Wiley, 1969; *Zimbardo Ph. G.* Psychology and Life (11th ed.), Glenview and London, 1985; *Zimbardo Ph. G. and Weber A. L.* Psychology. Harper Colledge Publications, 1994.
[85] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1977. — С. 240.
[86] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1977. — С. 241.
[87] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1977. — С. 242.
[88] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971.
[89] Подробное описание этого метода исследования работы мозга читатель может найти, например, в следующей книге: *Мильнер П.* Физиологическая психология. — М., 1973. — Гл. 4.

[90] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971.
[91] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971. — С. 127.
[92] *Тих Н. А.* Предыстория общества. — Л., 1970. — Гл. 2.
[93] *Тих Н. А.* Предыстория общества. — Л., 1970. — Гл. 2.
[94] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971. — С. 135; см. также; *Moyer K. E.* The psychobiology of aggression. New York: Harper and Row, 1976.
[95] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971. — С. 139–141.
[96] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1971. — С. 142.
[97] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 215.
[98] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 215.
[99] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 216.
[100] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 218.
[101] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 218.
[102] *Уолтер Г.* Живой мозг. — М., 1966. — С. 218.

ЧАСТЬ II

Социальная и этническая психология агрессии

В первой части книги мы пришли к выводу, что **агрессивность** человека и животных имеет биологические — эволюционные, наследственные, физиологические и психологические основы, предпосылки и механизмы. Однако другое дело — приобретение *агрессивного поведения*, формирование системы его внутренних мотивов, превращение агрессии в другие формы поведения, ее взаимосвязи с другими психическими явлениями, становление агрессивного типа личности и т. п. Все названное в основном появляется и формируется в ходе социализации индивида, его обучения и воспитания, усвоения и исполнения различных социальных ролей.

В предыдущей части книги мы касались этих вопросов, поскольку иначе невозможно было бы плодотворно обсуждать поставленные там проблемы. Теперь же у нас есть возможность рассмотреть основные социально-психологические проблемы человеческой агрессивности последовательно и обстоятельно.

ГЛАВА 1

Среда, обучение и агрессия

1.1. Факторы социальной среды, усиливающие агрессию

Проблему факторов, оказывающих интенсифицирующее влияние на агрессию, тщательно исследовали американские психологи *Альберт Бандура* и — особенно — *Леонард Берковиц*, два крупных специалиста в области исследования человеческой агрессии. Они представляют бихевиористское направление исследования агрессии, хотя и в значительной мере учитывают роль внутрипсихических факторов.

Так, *Л. Берковиц* считает, что фрустрация вызывает в личности *готовность к агрессивным действиям*[1].

Но приведет ли такая готовность к агрессивным действиям, и если приведет, то какими они будут по силе, типу и продолжительности, — зависит не только от внутренних мотивов и психических состояний человека, но и от *средовых факторов*. Многое зависит от того, какие раздражители имеются в данной ситуации и какую они имеют значимость для человека.

Какие средовые факторы усиливают агрессивность человека и, отсюда, интенсивность его агрессивных действий?

Рассмотрим некоторые из них.

Наличие оружия Когда в ситуации, где находится человек, есть оружие, то есть орудие агрессии, оно как бы намекает на возможность и даже желательность агрессии. Враждебное психическое состояние, гнев человека, сочетаясь с восприятием оружия (пистолета, автомата, ножа и т. п.), приводят к «освобождению» агрессивных действий, к их развязыванию. Вид оружия усиливает «разру-

шительную» мотивацию человека. Эти выводы основаны на целом ряде экспериментальных исследований.

Во время эксперимента группу студентов фрустрировали тем, что вызвали у них чувство недовольства несправедливой оценкой их работы. Некоторые из них находились в комнате, в которой, как бы случайно, оставили пистолет. Другая же подгруппа находилась в комнате, где присутствовали «нейтральные» предметы, например решетка для бадмингтона. Затем, на втором этапе эксперимента, испытуемым-студентам была предоставлена возможность нанесения электрических ударов другим испытуемым-студентам. Испытуемые первой подгруппы наносили больше электрических болевых ударов, чем члены второй подгруппы[2].

Такой результат ясно показывает, что дополнительные стимулы фрустрирующей ситуации тоже оказывают влияние на защитное поведение раздраженной, фрустрированной личности.

Дальнейшие исследования показали, что оружие оказывает подобное влияние на поведение человека, если воспринимается и интерпретируется адекватно, то есть как средство причинения вреда другому человеку. Кроме того, если человек предвосхищает, что его агрессивные действия вызовут наказание, эффективность влияния оружия снижается. Но общая закономерность остается в силе: вид оружия усиливает агрессивность людей[3].

Л. Берковиц считает, что значительная часть агрессивных действий не предвидится заранее и не планируется. Они являются импульсивными и вызываются в качестве ответов на стимулы среды. Если наряду с этими стрессорами и фрустраторами человеку доступно также оружие, то его агрессивность усиливается, увеличивая вероятность совершения насильственных и разрушительных действий. Последующие исследования доказывали верность выводов Берковица. Более того, оказалось, что даже ранее не рассерженные люди при виде оружия становятся более агрессивными[4].

Исследование влияния оружия на уровень агрессивности людей имеет серьезное практическое значение. Речь идет, в частности, о том, должно ли оружие продаваться свободно? Цель доступности оружия для граждан — самозащита. Однако исследования показывают, что в тех странах, в которых оружие доступно гражданам (например, в США), число убийств значительно выше, чем там, где ношение оружия запрещено (например, в Канаде). Есть, конечно, и другие факторы, влияющие на уровень убийств (различия культурных традиций, вероятность задержания, воздействие средств массовой информации и т. п.), но факт влияния оружия считается твердо установленным.

Однако эффект, открытый и описанный Берковицем, воспроизводится не во всех опытах других исследователей. В некоторых из них оружие как будто не оказывает никакого влияния на агрессивное поведение людей, а в одном эксперименте *А. Басса* и его коллег наличие оружия даже существенно уменьшило агрессию по отношению к ассистенту экспериментатора, выступившего в роли фрустратора. Эти противоречия психологи стремятся объяснить тем, что разные люди, исходя из личного опыта, по-разному осмысливают наличие оружия: для одного — это орудие нападения и устрашения, для другого — орудие самозащиты и т. п.[5]

Но есть и другое обстоятельство, которое следует учесть. Это необходимость постоянного осознания того, что **агрессивность** и **агрессия** — не одно и то же. Мы считаем, что вид оружия всегда усиливает агрессивность человека, а что касается

агрессии как формы социального поведения, то у одних она усиливается, а у других, наоборот, подавляется. Последнее, по-видимому, имеет характер психологической самозащиты. Эти индивидуальные различия обусловлены тем, что у разных людей ведущие и чаще всего используемые адаптивные стратегии различны. Тот, кто привык решать свои задачи с помощью агрессивных действий и получал за это вознаграждение, под впечатлением оружия будет действовать более агрессивно (оружие для него — релизер агрессии), а другой, предпочитающий мирные стратегии, будет действовать менее агрессивно (оружие для него — ингибитор агрессии).

Общее возбуждение и психофизиологический фон для фрустрации и стресса

Если иметь в виду *специфический вид возбуждения* — **озлобленность** человека под влиянием фрустраторов и стрессоров, то вполне очевидно, что она является не просто фоном, но и одним из условий, даже причиной агрессивных действий. Озлобленность наряду с ненавистью и презрением является одним из мотивирующих истоков агрессивного поведения.

Но существует также **неспецифическое физиологическое возбуждение**, например такое, которое наступает в результате физических упражнений, жары или сильного холода и т. п. Речь идет фактически о неспецифических стрессовых состояниях организма. Являются ли они условием (или благоприятствующим фактором) возникновения агрессивного поведения? Оказывается, могут быть таковыми. Но, как известно из знаменитых опытов *Стенли Шехтера*, состояния возбуждения переживаются различным образом в зависимости от того, с какими факторами их связывают переживающие их индивиды. Общее состояние психофизиологической возбужденности конкретизируется в форме той или иной эмоции в зависимости от того, с чем человек связывает ее, как объясняет ее для себя[6].

Телесное возбуждение усиливает любую эмоцию. Но когда человека спрашивают о причинах его эмоционального состояния, в частности — об агрессивности, он может указывать на другие причины или повод и т. п.[7]

Данный аспект проблемы об условиях, способствующих агрессии, разрабатывает *Дольф Зильман*, который предложил **теорию переноса возбуждения**. Согласно этой концепции *возбуждение, вызываемое у человека в одной ситуации, может быть перенесено в другую ситуацию, приведя к усилению другой эмоции*[8].

Например, общее возбуждение в одной ситуации может усилить радость, а в другой — гнев и агрессивность. Можно предложить следующую **гипотезу**, существенно дополняющую «теорию» Зильмана: *именно по причине такого переноса у легко возбудимых людей эмоциональные состояния быстро чередуются в зависимости от того, в каких ситуациях поочередно они оказываются или воздействию каких раздражителей подвергаются.*

Правда, как заметил Зильман, выражение гнева или какой-либо другой эмоции зависит не только от общего возбуждения (или наличия у человека источника энергии), но также от усвоенных привычек, установок и личной интерпретации ситуации и своего возбужденного состояния. Известно, что определенное событие вызовет у нас агрессивную или иную реакцию в зависимости от того, как мы интерпретируем его. Более того, согласно *Д. Зильману*, психофизиологическая энергия может переноситься из одной ситуации в другую и остаточное раздражение, причина кото-

рого теперь уже забыта, может стимулировать другую эмоцию. Вот почему люди часто неадекватно сильно реагируют на, казалось бы, незначительные неприятности.

Агрессивные действия других людей

Агрессивность человека усиливается и в том случае, когда в окружающей ситуации совершаются события или налицо условия, вызывающие сильные сексуальные и враждебные эмоции, особенно когда сами эти события включают агрессивные акты других людей. Такими стимулами являются, например, кинофильмы о войне, спортивные состязания с сильным креном к агрессивному соперничеству (бокс, борьба, иногда — хоккей и футбол и т. п.). Такое же воздействие на людей оказывают другие сходные события.

В реальных ситуациях жизни редко бывает, когда один человек выступает только в роли агрессора, а другой — исключительно в роли его жертвы. Люди обычно отвечают на агрессию, и между ними развертывается **агрессивное взаимодействие**. В этом процессе агрессивные действия одного из них вызывают агрессивные ответы другого, и так — до определенного результата[9].

Отметим, что сходное — но в значительной мере качественно иное и более сложное — агрессивное взаимодействие имеет место также между социальными группами, общинами, организациями, этносами и государствами.

Соперничество за обладание ограниченными ресурсами обычно является агрессивным взаимодействием или содержит значительную долю агрессивных действий — физических, словесных и символических.

В межэтнических отношениях такой процесс может начинаться с неагрессивных, мирных требований одной стороны, когда они истолковываются другой стороной как несправедливые и насильственные, вызывают агрессивные ответы. На эти действия первая группа уже вынуждена отвечать агрессивно, и начинается социально-психологический процесс агрессивного взаимодействия этнических групп и государств.

В определенной мере именно это и случилось между армянским Нагорным Карабахом и Азербайджаном, начиная с февраля 1988 года, хотя корни этих конфликтов — в глубине истории. Турецкие племена, начиная с XI века, начали свои захватнические проникновения на земли народов Малой Азии и Закавказья, но в настоящее время считают себя здесь хозяевами, причем самыми древними! Иррационализм здесь сочетается с эгоистической расчетливостью и примитивной жестокостью.

Являются ли агрессивные действия других — словесные или физические атаки — фрустраторами?

Если придерживаться строгого определения фрустрации как блокады целенаправленной деятельности человека — не всегда. Но мы считаем, что следует брать за основу более широкое определение фрустрации: нас фрустрирует все то, что препятствует нашему самоутверждению и наносит вред нашей самооценке. В этом смысле любая атака — словесная, физическая или смешанная — является стресс-фрустратором и вызывает ответ. Ответ же этот нередко тоже является агрессией.

Так, *Р. Джин* провел эксперимент, во время которого испытуемые решали головоломки. Одну группу фрустрировали тем, что не дали завершить процесс решения задачи. Второй же группе разрешили завершить решение задачи, но после этого начали оскорблять испытуемых, недооценивая их мотивы и интеллект. Иначе говоря, они

Даже в острых конфликтных ситуациях подспудно действуют нормы равенства и справедливости, которыми регулируется уровень выражаемой агрессивности.

подвергались словесному нападению. Оказалось, что такая словесная агрессия вызывает более сильную ответную агрессивную реакцию, чем фрустрация (блокада процесса решения задачи)[10].

Однако мы вправе задать вопрос: не является ли словесная агрессия фрустратором? Ведь оскорбление наносит вред самоуважению личности, препятствует самоутверждению через успешное решение задач? Нет сомнения, что самоутверждение тоже есть цель, к которой стремятся люди, причем нередко очень страстно. Иметь положительное мнение о себе — тоже очень привлекательная цель.

Рассмотрим с социально-психологической точки зрения более значительный случай: молодой парень идет по улице с девушкой и на него нападают какие-то люди, используя смешанную агрессию, — словесную и физическую. Фрустрирован этим парень или нет? Безусловно, причем у парня одновременно фрустрируется несколько целей:

а) он и она вдвоем куда-то шли, и на их пути возникло препятствие в лице этих агрессоров;
б) парень хотел бы произвести на девушку наилучшее впечатление, а его перед ней оскорбляют: цель не достигнута, и ее трудно достичь, если агрессоров несколько, они сильнее и т. п.

Ясно, что молодой человек переживает *многоуровневую*, очень сложную фрустрацию. И его непосредственным ответом может быть агрессия. Причем очень верно и экспериментально доказано, что агрессивно взаимодействующие люди дозируют свои агрессивные действия так, чтобы их интенсивность соответствовала интенсивности агрессивных действий противника[11].

Мы считаем, что даже в таких острых конфликтных ситуациях подспудно действуют *нормы равенства* и *справедливости*, которыми регулируется уровень выражаемой агрессивности. И в таких острых ситуациях к женщинам обычно проявляют менее интенсивную агрессию, чем к мужчинам.

Влияние химических веществ

На уровень агрессивности человека оказывает влияние также «химизм» организма. В частности, это различные химические вещества, которые человек принимает вовнутрь отдельно или с пищей. Особый интерес представляет воздействие наркотиков.

Экспериментальные исследования позволили установить картину воздействия алкоголя или марихуаны на человека. Небольшие дозы алкоголя уменьшают агрессивность человека по сравнению с ситуацией, когда он его не принимал. Когда доза увеличивается, наблюдается обратный результат: при больших дозах алкоголя агрессивность усиливается. Итак, алкоголь в целом усиливает агрессивность, хотя в этом отношении между людьми имеются существенные индивидуальные различия.

Марихуана же имеет обратное воздействие. При малых дозах (0,1 миллиграмма на 1 кг веса организма) она не влияет на агрессивность. Когда доза достигает 0,3 миллиграмма на 1 кг веса, агрессивное поведение больше не подавляется, однако у человека пропадает желание мстить агрессору.

1.2. Другие стрессоры, вызывающие агрессию

Влияние шума и температуры Шум, особенно сильный, вызывает общее раздражение и агрессивное психическое состояние. Этот раздражитель, по-видимому, снижает порог толерантности к фрустраторам и стресс-фрустраторам, и под его влиянием люди с большей легкостью отвечают агрессией на эти воздействия. Человека, находящегося в таком состоянии, легче провоцировать на насильственные действия.

Сходное влияние на человека оказывают загрязнение воздуха, дым, смог. Предполагается, что увеличение количества озона положительно коррелирует с числом насильственных преступлений. Под его влиянием увеличивается также число семейных конфликтов.

Когда жаркая погода сочетается с безветренностью, вследствие чего загрязненность увеличивается, происходит больше насильственных действий, чем обычно. Вообще, жара, по мнению многих исследователей, способствует усилению агрессивности людей, и многие бунты происходят в жаркую погоду. Об этом сообщает Комиссия по бунтам США.

Сходные результаты получили *Р. Бэрон* и его коллеги. Но есть и противоречащие этим данные. Бэрон считает, что главное — не столько температура сама по себе, сколько тот дискомфорт, который переживал человек. Агрессия с большей вероятностью возникает при среднем уровне дискомфорта. Если дискомфорт крайне интенсивный или очень слабый, агрессия подавляется. Однако многие факты реальной жизни не подтверждают эти выводы.

На уровень ощущаемого дискомфорта и агрессивности оказывает влияние также холод[12].

Поэтому целесообразно объединить полученные для жары и холода данные и вывести общую нелинейную закономерность влияния температуры воздуха на агрессивность человека и на количественные изменения совершаемых агрессивных действий.

Дискомфорт и выбор адаптивной стратегии Тип личности и характерные для нее стратегии поведения, взаимодействуя со средовыми факторами, в частности, с температурой воздуха, приводят к выбору человеком определенной линии поведения. Именно поэтому жара не у всех усиливает агрессивность, точно так же, как и холод.

Еще в 1973 году *Альберт Бандура* указал на то, что любые фрустраторы и неприятные раздражители, вызывая дискомфорт, способствуют возникновению агрессии, если у человека агрессивные модели поведения являются устойчивыми и доминирующими. Эту концепцию можно расширить следующим образом: когда различные внешние стрессоры и стресс-фрустраторы вызывают у человека психический дискомфорт и отрицательные эмоции, в ответ он выбирает ту адаптивную стратегию, которая для него характерна и была закреплена в его памяти в прошлом. Выбор часто производится непроизвольно, как бы сам собой, естественным образом, что означает следующее: механизмы выбора в значительной мере подсознательны.

Когда в таких условиях человек выбирает агрессивную стратегию адаптации, другие возможные стратегии и модели поведения подавляются. И наоборот, когда

выбирается неагрессивная стратегия (например, уход из ситуации, избегание неприятностей), тогда подавляются возможные агрессивные действия. В каждом из таких случаев у человека, как мы предполагаем, имеются и актуализируются соперничающие стратегии адаптации: выбор одной из них приводит к вытеснению остальных. Конкретно для случая жары *А. Бандура* предположил, что «изнуряющая жара будет подстрекать к нападениям на окружающих, когда агрессия — доминирующая тенденция, но подавит подобные действия, если агрессия является лишь слабой второстепенной реакцией»[13].

Но следует иметь в виду также и то, *кто* находится рядом с человеком, когда он оказывается под воздействием изнуряющей жары. Если рядом люди, к которым он пытает отрицательные чувства и если эти люди не способны на эффективную самозащиту, агрессия нашего субъекта будет более интенсивной, чем тогда, когда эти люди обладают противоположными качествами. Иначе говоря, имеет значение наличие или отсутствие релизеров и ингибиторов агрессии.

Дополнительная ситуативная фрустрация, стресс и агрессия

Можно предположить, что в тех случаях, когда жара или холод вызывают дискомфорт и индивид склонен выбирать неагрессивную стратегию адаптации, такой выбор могут пресекать новые фрустрации, усиливающие агрессивность человека. Проведенные эксперименты, как нам кажется, подтверждают такое предположение.

Например, *Р. Бэрон* и другие психологи проводили эксперименты, во время которых, кроме жары, испытуемых дополнительно подвергал фрустрации ассистент экспериментатора. Дополнительная фрустрация увеличила вероятность агрессивного поведения испытуемых. Но если дискомфорт очень интенсивный, люди все же стремятся скорее уйти из ситуации, чем отвечать агрессией на провокации ассистента. Если же кроме общего дискомфорта от жары человек, подвергаясь воздействию новых фрустраторов и стрессоров, переживает сильный гнев и другие негативные аффекты, он будет действовать агрессивно. Возможен и другой вариант: человек фрустрирован и находится в агрессивном, гневливом состоянии, а жара, «...доводя ощущение дискомфорта до предела, становится для испытуемого "последней каплей", порождающей стремление свести напряженные чувства до минимума (то есть выйти из эксперимента), вместо того, чтобы прибегнуть к агрессии. А вот при позитивном отношении со стороны ассистента вызванный жарой негативный аффект, возможно, лишь раздражает участников и доминирующей реакцией становится агрессия»[14].

Как видно из приведенных выше рассуждений и данных, взаимодействие факторов личностного и внешнего характеров достаточно сложно, и нельзя однозначно утверждать, что усиление жары всегда вызывает агрессивное поведение. Играют роль также личность, ее доминирующие адаптивные стратегии и такие дополнительные внешние факторы, как присутствие других людей и их отношение к испытуемому.

Смена адаптивных стратегий

Лабораторные исследования воздействия жары на агрессивность человека обнаружили один феномен, который фактически был указан выше, но мы считаем необходимым более четко показать его, поскольку он представляется принципиально важным.

Речь идет о следующем: когда с ростом температуры негативный аффект испытуемого усиливается, сначала наблюдается преобладание агрессивных реакций, но в результате все большего усиления дискомфорта и отрицательного аффекта эти ответы сменяются несовместимыми с агрессией реакциями, в частности, уходом из ситуации[15].

Мы уже отметили, что в подобных случаях имеет смысл говорить не просто о каких-то реакциях: речь должна идти об агрессивных стратегиях, в которых ведущую роль играют или агрессия (тогда это агрессивная адаптивная стратегия), или другие стратегии. Уход или бегство — лишь одна из возможных адаптивных стратегий.

Если так, то переход личности (испытуемого) от агрессии к другим формам поведения есть не что иное, как *смена адаптивных стратегий*, весьма интересное и фактически еще не исследованное явление. Здесь интересно то, что качество воздействующего раздражителя (жары) не меняется: меняется лишь ее интенсивность, *но внутри личности происходит качественный скачок переживаний и, как следствие, смена адаптивных стратегий*. Когда человек в реальной жизни вынужден оставаться в ситуации, его агрессивная стратегия тоже, по-видимому, сохраняется.

Каждая адаптивная стратегия — наступление, уход или дальнейшее пребывание в ситуации и приспособление к ней — сложное психологическое образование. Ее можно охарактеризовать *в качестве сочетания комплекса адаптивных механизмов с установкой его использования в типичных проблемных ситуациях*. Поэтому смена стратегий есть не просто переход от одних поведенческих реакций к другим, а, скорее всего, переход от одной сложной психологической системы к другой.

Например, в агрессивную адаптивную стратегию входят не только насильственные физические действия, но и словесная агрессия, рационализации, атрибуции и другие защитные механизмы, действующие для обеспечения психологически комфортного состояния человека. Если выбирается стратегия ухода, то часто такой выбор требует оправдания, самооправдания с участием рационализаций; он нередко вызывает у личности когнитивный диссонанс, активизирует различные его гетеро- и автоатрибуции и т. п.

Агрессия — активная форма адаптации, выражение желания изменить обстановку, но когда она неэффективна, человеком принимается решение об уходе.

В свете всего сказанного должно быть понятно, что современные экспериментальные исследования агрессии, возникающей под воздействием отдельных факторов среды, пока что не являются комплексными и глубокими, хотя такая тенденция уже наблюдается[16].

Мы надеемся, что высказанные выше соображения приведут к организации новых эмпирических работ. Только подобные более глубокие и реалистические поиски позволят устранить те несоответствия, которые обнаруживаются между результатами лабораторных исследований и наблюдениями за ходом естественного поведения людей.

Примечательно, что не только жара, но и другие неприятные ситуации и стимулы (холод, скверные запахи и т. п.) вначале вызывают агрессивное поведение, а затем, по мере роста их интенсивности, — стремление уйти из ситуации. Агрессия — активная форма адаптации, выражение желания изменить обстановку, но когда она неэффективна, человеком принимается решение об уходе.

Нелишне напомнить следующую аналогию: когда социально-психологическая и политическая обстановка в стране ухудшается, люди активизируются и стремятся

в наступательном духе решать свои проблемы. Но по мере еще большего ухудшения ситуации, когда наступательная стратегия не помогает, происходит ее смена на бегство, эмиграцию и другие стратегии. Такая смена адаптивной стратегии — результат довольно сложных внутренних изменений личности.

1.3. Подстрекательство третьей стороны как усиливающий агрессию фактор

Имплицитное одобрение

Агрессивные действия людей обычно совершаются в социальных контекстах, то есть в присутствии людей: посредников, зрителей и т. п. Например, во времена этнических конфликтов очень часто появляются посредники. Во время спортивных соревнований посредниками между соперничающими сторонами являются судьи, частично — зрители. Например, болельщики каждой команды могут активно поддерживать ее и подстрекать на совершение агрессивных действий. Когда кто-либо собирается в публичном месте совершить самоубийство, толпа может поощрять его или постараться препятствовать его действиям[17].

Такие подстрекательские, провокационные действия, безусловно, оказывают влияние на поведение людей, на частоту и интенсивность их агрессивных поступков. Роль подстрекателей очень четко показана в экспериментальных исследованиях.

Во время известных исследований *Стэнли Милграма* выяснилось, что те испытуемые чаще и интенсивнее наказывают других, кого экспериментатор подстрекал на подобные действия. Эти результаты широко известны и еще будут обсуждаться на страницах настоящей книги.

Оказалось, что на уровень интенсивности агрессивных действий людей оказывает влияние присутствие наблюдателей и, что еще важнее, **пол** присутствующих. Так, *Ричард Борден* показал, что во время обычного эксперимента с применением электрических ударов за испытуемыми наблюдали в одном случае мужчины, а в другом — женщины. ***Испытуемые мужчины, находящиеся под наблюдением мужчин, проявили значительно более высокий уровень агрессивности, чем те, за которыми наблюдали женщины.*** После ухода мужчин степень агрессивности испытуемых-мужчин заметно упала, тогда как уход женщин не оказал влияния на их агрессивность. Чем обусловлены такие результаты? *Р. Борден* предполагает, что существующие в обществе нормы подспудно (имплицитно) оказывают влияние на поведение людей: мужчины одобряют агрессивное поведение, тогда как женщины осуждают его[18].

Но подобные факты допускают иное объяснение: не столько нормы сами по себе оказывают такое влияние на поведение, сколько испытуемый, неся в себе эти нормы, ***приписывает соответствующие им ожидания присутствующим людям, то есть невольно пользуется механизмом проективной атрибуции.*** Он приписывает разные нормы и соответствующие ожидания мужчине и женщине и адаптирует свое поведение к этим ожиданиям. А поскольку, например, не все мужчины одобряют агрессию и не все женщины осуждают ее, человек нередко ошибается в своих ожиданиях.

Для проверки своей гипотезы об имплицитном одобрении *Р. Борден* провел новое исследование. В этом случае наблюдатель принадлежал или клубу карате (то есть был человеком, который может одобрить агрессию), или же определенной организации

защитников мира (то есть был человеком, который должен осуждать агрессию). Во втором эксперименте пол наблюдателя тоже менялся: в одном случае наблюдателем был мужчина, а в другом — женщина. Иначе говоря, как мужчины, так и женщины играли роль как агрессивного, так и миролюбивого человека.

Были получены следующие результаты: когда организационная принадлежность наблюдателя была очевидна, пол не играл роли, но *организационная принадлежность оказала влияние на результаты*. Те испытуемые, за которыми наблюдали члены клуба карате, оказались более агрессивными, чем те, которые действовали под наблюдением членов организации по защите мира, независимо от пола наблюдателя. И в этом случае уход агрессивного наблюдателя привел к снижению уровня агрессивности испытуемых, тогда как уход миролюбивого человека не привел к увеличению уровня агрессивности испытуемых.

Обратное воздействие испытуемых на наблюдателей

Оказывается, имеет место и обратное воздействие: агрессор может оказать влияние на уровень агрессивности присутствующих, подстрекать их к агрессивным действиям. Конечно, и в реальной жизни такое явление нередко имеет место. Когда лидер группы или другой ее влиятельный член проявляют агрессию, остальные тоже становятся более агрессивными. Так возникают групповые агрессивные действия.

Поведение людей, провоцирующих у наблюдателей агрессивность, с помощью экспериментов исследовала *Жаклин Гебелайн* (Уайт). Удалось выяснить, что *подстрекатель сам становится более агрессивным, когда его рекомендации выполняются*. И наоборот, когда мишень подстрекательства отклоняет внушения подстрекателя, у последнего уровень агрессивности падает и он нередко прекращает свои попытки возбуждать агрессию субъекта. Это означает, что, если агрессор готов взаимодействовать с подстрекателем, у обоих агрессивность усиливается и они могут совершить насилие по отношению к третьему лицу, в противном случае имеет место снижение уровня агрессивности. Другим путем снижения агрессии и насилия является вовлечение самого подстрекателя в процесс агрессии, давая ему возможность поочередно быть как агрессором, так и жертвой. В эксперименте — это смена ролей «учителя» (агрессора) и «ученика» (жертвы)[19].

Очевидно, что эти исследования создают основу для разработки практических методов смягчения агрессивности людей.

Эти же проблемы можно обсуждать в контексте межэтнических отношений. Мы имеем в виду различия этнических культур и их норм в отношении агрессивного поведения, а также возможности провоцирования агрессивности сторон посредниками в ходе межэтнических переговоров по улаживанию конфликтов.

1.4. Теснота, стресс и агрессия

Теснота как стрессор или, точнее, как стресс-фрустратор давно известна людям. Бедные люди всегда жили в тесноте, в городских районах лачуг, где все могут наблюдать всех. Есть сведения о том, что определенные этнические группы до сих пор традиционно строят такие поселения, в которых дома или хижины стоят впритык и соседи слишком тесно общаются[20].

Вполне очевидно, что теснота стала постоянно действующим стрессором в современных больших городах и в связи с невиданным ростом населения мира. Теснота, безусловно, неприятна для большинства людей и вызывает стресс, что доказано не только повседневным опытом, но и специальными исследованиями[21].

Плотность, расстояние, теснота

Уточнение приведенных в заглавии понятий совершенно необходимо для научного обсуждения тех проблем, которые нас интересуют. *Плотность* — это количество людей на единицу площади, например на 1 км^2. В различных странах, а также в различных регионах одной и той же страны этот показатель различный. Но особенно плотно заселены большие города с многоэтажными жилыми домами.

Теснота — субъективное состояние, которое может возникать у людей при различных плотностях заселения. Правда, чем выше плотность, тем больше вероятность того, что у людей возникнет восприятие («ощущение», «чувство») тесноты. Данный вопрос мы подробно рассмотрим чуть позже. Но уже здесь уместно отметить, что когда плотность создает чувство тесноты, у людей возникают отрицательные эмоциональные состояния, в том числе агрессивность. Отсюда — вероятность совершения агрессивных действий.

Указанные дифференциации проводятся и другими исследователями (Стокдейл, Уелч и др.). Мы же отметим, наконец, что *расстояние* между людьми, или *дистанция*, тоже играет существенную роль в возбуждении или подавлении агрессии. Причем следует различать **физическую** и **психологическую дистанции**.

Теснота и нарушение личного пространства

Когда пытаются отвечать на вопрос, является ли теснота стрессором или фрустратором, всегда следует помнить об одном открытии, сделанном в социальной психологии: вокруг тела каждого человека существует личное, невидимое для глаза психическое пространство и вторжение в него посторонних, чужих людей, незнакомых и нежелательных, является сильно действующим отрицательным фактором. Иначе говоря, нарушение психологического пространства воспринимается человеком как агрессивное вторжение, как стресс и фрустрация. Исследуя данное явление, социальные психологи обнаружили также, что это невидимое пространство как бы расширяется и сжимается, пульсирует вокруг тела в зависимости от того, с кем общается человек, как близки его отношения с этим человеком и т. п. К настоящему времени уже образована новая область социально-психологических исследований под названием **проксемия**. О ней мы говорили еще в первом томе настоящей книги.

Выше мы сказали, что следует провести различие между плотностью, теснотой и расстоянием (дистанцией). Здесь можно уточнить: тесными следует считать условия, в которых расстояние между людьми такое маленькое, что они нарушают личное пространство друг друга.

Детализации этой проблемы могут способствовать результаты специально проведенной работы (*Worchel and Teddllie*, 1976). Организуя свое исследование, Уорчел и Тедли исходили из предположения, что при определении степени стресса важен не столько объем доступного индивиду пространства, сколько расстояние между людьми, устанавливающееся в определенной ситуации. Чувство тесноты возникает не столько из-за плотности (то есть из-за того, сколько квадратных мет-

ров достается каждому присутствующему), сколько из-за расстояния между людьми. Близкие расстояния общения и взаимодействия вызывают чувство тесноты, то есть переживание стресса. Фактически чувство тесноты является аспектом сложного стресс-фрустрационного состояния. Однако вернемся к исследованию Уорчела и Тедли, которое мы рассматриваем по тому материалу, который изложен в книге *Р. Бэрона* и *Д. Ричардсон.*

Во время своего исследования они варьировали плотность и расстояние взаимодействия. Составлялись группы по 7–8 человек из студентов, которые выполняли групповую работу: в одном случае — в маленьком помещении (высокая плотность), в другом — в большом помещении (низкая плотность). Расстояние между членами групп манипулировалось следующим образом: расставляли стулья по кругу; расставляли стулья так, чтобы их ножки соприкасались (люди сидели «плечом к плечу»); наконец, третий вариант: между стульями оставляли полметра расстояния (вариант «на расстоянии»). Работа испытуемых состояла в том, что они заполняли анкеты, решали лингвистические задачи, обсуждали проблемы человеческих отношений. В последнем случае испытуемые, индивидуально или в группе, давали рекомендации по мерам борьбы с правонарушениями подростков. Исследователи хотели знать, в какой мере плотность и расстояние оказали влияние на появление агрессивных рекомендаций (применение наказаний, различных карательных мер). Оказалось, что плотность не оказывала влияния на появление подобных рекомендаций, тогда как дистанция оказывала: когда стулья стояли близко («плечом к плечу»), участники обсуждения предлагали больше карательных мер, чем когда стулья стояли на определенном расстоянии друг от друга. Интересно, что, когда стулья стояли «плечом к плечу», члены группы оценивали друг друга как более агрессивных и менее симпатичных людей. Вывод исследователей следующий: «...дистанция, а не плотность сама по себе является параметром пространства, соотносимым с фактом тесноты»[22].

Отсюда делается практический вывод о том, что если пространство (площадь комнаты, зала и т. п.) распределять так, чтобы расстояние (дистанция) было как можно больше, то появления чувства тесноты, а следовательно, и стресса, и фрустрации в определенной мере можно будет избежать. Эти рекомендации очень важны для армии (в казармах, как правило, всегда тесно), для самых различных учебных заведений и организаций.

Относительность тесноты

Уже то обстоятельство, что наше личное пространство то расширяется, то сжимается в зависимости от характера наших взаимоотношений с другими и от содержания нашего общения, это дает нам основание заключить, что **теснота** — ***явление в значительной мере относительное***. Комната в 20 $м^2$ для двух ненавидящих друг друга людей — очень тесное пространство, тогда как эта же комната для влюбленных — рай. Долгие годы в таких условиях живут без серьезных конфликтов члены сплоченных семей.

Можно вспомнить древнюю притчу, мораль которой выражает именно следующую истину: все относительно, в том числе и теснота. Бедный человек жалуется на тесноту лачуги, где он живет со своей многодетной семей. Он об этом жалуется мудрецу, который советует вселить в эту же комнатушку свинью, собак и кошек и другую живность. Человек выполняет этот совет, и в лачуге создается настоящий кошмар. Спустя некоторое время мудрец дает новый совет: удалить из комнаты всех животных.

И хижина мигом превращается в рай! Такова сила относительности. Очень тяжело людям, живущим в просторных собственных домах, в силу неумолимых обстоятельств переселиться в маленькие квартиры. Некоторые воспринимают такую необходимость как настоящее бедствие. Адаптация к таким условиям происходит, но медленно и мучительно. Для таких людей теснота является намного более сильным стресс-фрустратором, чем для тех, кто всегда жил в стесненных условиях. *Следовательно, теснота относительна как объективно, так и субъективно.* Иногда решающее значение имеет то обстоятельство, воспринимаем ли мы данное социальное пространство как тесное или обширное. Отсюда и вытекают поведенческие реакции, эмоциональное состояние и настроение людей.

Теснота и агрессия

В тесноте, когда нарушается личное пространство людей, начинается гласная или скрытая, осознанная или не совсем осознанная борьба, соперничество:

а) в защиту своего личного пространства каждым из участников социального процесса;

б) с целью захвата дополнительной территории.

Эта, частично подсознательная, борьба вызывает целый ряд защитных реакций и стратегий поведения, в том числе агрессивных.

Хотя представляется очевидным, что теснота как стресс-фрустратор вызывает агрессию, все же необходимо исследовать все аспекты этого явления.

- У всех ли непременно теснота вызывает агрессию?
- Есть ли различия между мужчинами и женщинами и если есть, то какие?
- Какие иные формы поведения людей наблюдаются в таких условиях?

В тесноте люди почти всегда переживают отрицательные эмоции и дискомфорт, но, исходя из каких-то ожиданий, норм и обстоятельств, подавляют свои агрессивные действия и даже злые мысли и слова.

Часть проведенных исследований свидетельствует, что теснота действительно вызывает агрессию[23].

Но проведены и такие исследования, которые говорят о том, что теснота подавляет агрессивное поведение. Такой результат может иметь несколько причин, и его объяснение требует использовать психологические термины более корректно и дифференцированно. Мы имеем в виду то, о чем уже говорилось ранее: *всегда следует различать* **агрессивность** и **агрессию**. Агрессивность может быть как временным психическим состоянием, так и чертой характера человека. Поэтому каждый раз, употребляя слово «агрессивность», следует конкретизировать его смысл, если из контекста не совсем ясно, какой из упомянутых двух смыслов имеется в виду. Что касается слова «агрессия», то оно означает определенный тип поведения, а именно — такое физическое, вербальное или иное символическое действие, целью которого является причинение вреда другому человеку, другим живым существам или же продуктам человеческой деятельности, то есть культуре.

Итак, когда говорят, что в каких-то условиях жизни, в том числе в условиях тесноты, агрессия подавляется, то такое утверждение верно именно относительно агрессивного поведения, но не для агрессивности как психического состоя-

ния, включающего гнев, враждебность и ненависть к определенным людям и даже к условиям существования. Мы считаем, что в тесноте люди почти всегда переживают отрицательные эмоции и дискомфорт, но, исходя из каких-то ожиданий, норм и обстоятельств, подавляют свои агрессивные действия и даже злые мысли и слова.

Теснота, гендер, агрессивная толпа

В целом можно сказать, что теснота делает людей более агрессивными, чем обычно, но не все выбирают агрессивную стратегию адаптации или преодоления такой проблемной ситуации. Одни остаются в такой «толпе» и ведут себя агрессивно, другие уходят, а третьи становятся депрессивными, что является убедительным признаком усиления агрессивности и направления ее на собственную личность, то есть ее конверсии. Возможны смены адаптивных стратегий, их временные сочетания и другие варианты их использования.

Но следует выяснить еще один очень важный вопрос: *есть ли различия между женщинами и мужчинами по критерию усиления агрессивности в тесной толпе или у обоих полов все происходит одинаково*?

Зная о существовании различий по уровню агрессивности и по предпочитаемым формам агрессии между представителями обоих полов, можно предположить, что и по воздействию тесноты должны наблюдаться гендерные различия. Хотя специальных исследований мало, однако уже получены данные о том, что имеет место «усиление агрессии в тесной толпе мужчин, но не женщин...»[24].

По каким причинам имеет место такое различие, пока не совсем ясно. Можно лишь делать ряд предположений, которые позволят и дальше, глубже исследовать данный вопрос. Наши предположения следующие:

а) возможно, что женщины менее чувствительны к вторжениям в личное психическое пространство других представителей своего пола, чем мужчины, и от таких вторжений мало фрустрируются;

б) возможно, что женщины между собой обычно общаются на более близких расстояниях, чем мужчины;

в) необходимо исследовать влияние тесноты в смешанной по полу толпе на уровень агрессивности людей;

г) возможно также, что женщины в подобных условиях также становятся более агрессивными, но у них лучше работают механизмы подавления и вытеснения агрессивности и агрессивных действий.

Ясно, что путем проверки этих гипотез можно открыть интересный цикл исследований.

Выбор возможных адаптивных стратегий

Мы уже познакомились с очень примечательным эмпирическим фактом: в тесноте одни становятся агрессивными и совершают вербальные или физические враждебные действия, тогда как другие подавляют свою агрессию. Не теснота сама по себе подавляет агрессию некоторой части людей, а они сами, эти личности, вследствие своеобразия своей психической структуры, но под воздействием тесноты.

Одним из аспектов этого своеобразия является то, что у разных людей имеются в достаточной мере различные устоявшиеся адаптивные стратегии, которые они систематически актуализируют и используют в типичных ситуациях жизни. Хотя таких стратегий несколько и их можно классифицировать по разным критериям, в данном контексте условно можно разделить их на две группы: *агрессивные* и *неагрессивные*. У одних индивидов в итоге процесса их уникальной социализации и адаптации ведущей становится агрессивная стратегия, у других — та или другая из неагрессивных стратегий. Оказавшись в ситуациях стресса и фрустрации, люди в первую очередь актуализируют свою основную, ведущую и характерную стратегию, которая, по нашему мнению, составляет важный блок в структуре характера личности:

- одни идут путем агрессивного самоутверждения;
- другие выбирают мирный способ адаптации (если вынуждены оставаться в данной ситуации, например долго жить в тесноте);
- наконец, третьи выбирают еще более «мирный» путь: они покидают данную социальную ситуацию.

Это уже стратегия отступления или бегства. Слово «мирный» мы берем в кавычки, поскольку люди, выбирающие стратегию ухода, — зачастую очень недовольные и озлобленные личности. В этом автор строк неоднократно убеждался, беседуя с теми, кто собирается в эмиграцию.

Вот эта избирательность актуализации различных адаптивных стратегий и является причиной того, что одни индивиды в условиях тесноты ведут себя агрессивно, а другие — внешне миролюбиво. Мы считаем, что теснота, как и другие стресс-фрустраторы, при длительном воздействии на людей может привести к формированию клана устойчиво подавленных людей, депрессивных личностей, у которых агрессия направлена на самих себя. Уже есть экспериментально полученные результаты, которые могут стать опорой для предложенной здесь концепции.

Теснота, семейные конфликты и агрессия

При исследовании семейных конфликтов учет плотности и тесноты, а также их различий тоже очень важен. Известно, что, как иногда говорят, «семья — колыбель агрессии». Причин, порождающих внутрисемейную агрессивность, много. Теснота — лишь одна из них.

Проведены исследования, которые показывают, что чаще всего семейные ссоры и конфликты возникают в тех семьях, члены которых жалуются на тесноту[25].

При этом следует обратить внимание на тот факт, что нет прямой связи между площадью «на душу населения» и чувством того, что живешь в тесноте.

Мы предлагаем следующую **гипотезу**: *чувство тесноты возникает в тех семьях, в которых есть члены, не уважающие личное пространство остальных.* Это интеллектуально менее развитые люди или очень старые члены семьи. Чувство тесноты возникает и в тех семьях, в которых есть люди с различными этническими традициями. Известно, что представители разных этносов склонны общаться на различных дистанциях. На этой основе конфликты могут возникать в тех семьях, в которых муж и жена — представители разных этносов.

1.5. Социальное обучение агрессивным действиям

При рассмотрении вопроса о наследственных основах физиологических механизмов агрессии мы видели, что человек, как и многие высшие животные, наследует возможность агрессивности, тенденцию к переживанию гнева и совершению насильственных действий во всех тех случаях, когда что-либо или кто-либо фрустрирует его. Однако человек почти не наследует агрессивных действий в готовом виде, кроме ограниченного числа элементарных реакций и мимики, выражающей гнев. Агрессивным действиям, агрессивному поведению он должен учиться. Как это происходит? Именно об этом будет наш разговор в настоящем и последующих нескольких параграфах.

Обучение и агрессия Агрессивные действия, как и другие формы поведения, приобретаются всеми известными способами обучения:

- классическим (павловским) механизмом образования условных рефлексов;
- путем наблюдения и подражания агрессивному поведению других людей, которых в подобных случаях называют «социальными моделями»;
- через самообучение, которое осуществляется с помощью механизма интуиции, или «инсайта», — «озарения» сознания новым результатом процесса решения задач.

В последнем случае под «обучением через инсайт» имеется в виду следующее: оказавшись в ситуации стресса и фрустрации, человек сам изобретает и совершает агрессивные действия, как бы совершая открытие, догадываясь о тех насильственных действиях, которые помогли бы ему преодолеть возникшую проблемную ситуацию.

Этот способ обучения агрессивным действиям начинает играть роль в жизни человека с самых ранних лет и приводит к приобретению целой серии физических и символических агрессивных действий, в том числе ругательств, саркастических выражений, злобных шуток и анекдотов и т. п.

Но в других случаях обучения (научения), при усвоении агрессивных действий с помощью одного из названных выше способов, играют роль **поощрения** и **наказания**, а также **социальные нормы**. Если агрессивные действия ребенка или взрослого поощряются, тогда они быстро закрепляются в репертуаре его социальных действий и в дальнейшем без труда воспроизводятся. Эту концепцию подробно разработал известный американский социальный психолог *Альберт Бандура*[26].

Каждая напряженная ситуация вызывает общее возбуждение и эмоциональное состояние человека. Сверхвозбужденное состояние может привести к различным формам поведения в зависимости от истории обучения этого человека: те индивиды, агрессивные действия которых в прошлом поощрялись, могут совершить новые агрессивные действия. Другие, наоборот, могут уйти, или обратиться за помощью к другим, или же попытаться конструктивно решить возникающие проблемы. Как видим, перед человеком, подвергшимся стрессу или фрустрации, есть *возможность выбора* различных путей или линий поведения, различных стратегий адаптаций. Каждый выбирает тот путь, который в прошлом принес ему больше всего удовлетворения и пользы.

Однако надо иметь в виду, что человек может использовать агрессивные действия и без сильного психофизиологического возбуждения, в достаточно спокойном

состоянии, расчетливо и целенаправленно. Так, в детских садах и в младших классах школы нередко физически сильные дети отбирают игрушки и лакомства у более слабых и младших по возрасту детей. Правда, восприятие того, что другой имеет что-либо желательное, которого ты лишен, тоже фрустрирует человека, в том числе детей. Но если индивид знает, что без труда может приобрести желаемый предмет, ему нет необходимости сильно волноваться, ведь он не нуждается в мобилизации своих физических и психических сил.

Подражание социальным моделям Человек не всегда ведет себя агрессивно под непосредственным воздействием фрустраторов и стрессоров. Он может подражать агрессивным действиям других людей. Чтобы проверить это предположение, *А. Бандура* с сотрудниками, начиная с 1960-х годов, проводил серию экспериментов[27].

Типичный эксперимент имеет следующий характер: в присутствии детей дошкольного возраста взрослый человек (психолог) пинает ногами пластиковую куклу Бобо или швыряет ее на пол. Игрушка эта имела приспособление, благодаря которому после получения пинка умела «вставать на ноги». Взрослый же время от времени сопровождал удары оскорбительными словами в адрес куклы. Затем детям разрешали играть с куклой. Дети не только подражали агрессивным действиям взрослого, но даже дополнили его «репертуар», придумывая и совершая новые агрессивные действия. Здесь *агрессивное творчество* детей происходит непосредственно перед глазами наблюдателя.

По мнению *А. Бандуры*, *Э. Аронсона* и других социальных психологов, в таких случаях поведение «социальной модели», то есть взрослого человека, *обобщается* в психике ребенка и поэтому порождает новые формы агрессивного поведения.

Это очень интересное явление: **обобщение как механизм порождения новых форм поведения**! Обобщение, таким образом, означает не просто выход за пределы первоначальной ситуации и повторение действий, но и возможность создания новых действий. Но как это происходит? По-видимому, в новых условиях возникает необходимость выработки ответа на новые раздражители, поэтому создаются вариации прежнего действия и совершаются новые, которые имеют сходную мотивацию, в данном случае — агрессивную. При создании новых форм агрессивного поведения играют роль:

а) физические и лингвистические возможности человека; например, физически более развитый и ловкий человек действует иначе, чем слаборазвитый;
б) внутренние когнитивные процессы: создание намерения, целеполагание, поиск путей осуществления и другие;
в) ситуативные факторы в широком смысле: физическое пространство (сцена), статус присутствующих людей, их физические и психические возможности, предвидение нападения и т. п.

И еще одну проблему хотелось бы сформулировать: мы уже знаем, что обобщение агрессивных действий приводит к формированию такой черты характера личности, как агрессивность. Поэтому представляет интерес следующий вопрос: *если обобщение приводит к изобретению новых форм агрессивных действий, то каким*

образом последние способствуют формированию агрессивности? По-видимому, это имеет место тогда, когда новые агрессивные действия тоже поощряются.

Все эти идеи требуют эмпирической проверки. Нам представляется, что на этом пути возможно получение новых результатов.

А. Бандура заметил, что если во время экспериментов агрессивные действия взрослого вознаграждались, то дети — свидетели такого подкрепления — вели себя более агрессивно, чем те, в присутствии которых агрессивные действия взрослого или вовсе не вознаграждались, или, наоборот, наказывались. Наблюдение того, как наказывают взрослого за агрессию, приводит к ослаблению агрессивности детей.

Но когда после этого детям предложили подарок, потребовав совершить агрессивные действия по отношению к игрушке, они с готовностью повторяли те действия, которые видели. Таким образом, обучение агрессивным действиям с помощью социальных моделей происходит быстро и результативно.

Восприятие агрессивных действий другого человека имеет для наблюдателя две функции:

а) оно растормаживает агрессивное поведение, то есть играет роль дезингибитора;
б) показывает конкретные модели агрессивного поведения, то есть учит тому, как надо действовать.

Таким путем приобретается целый репертуар агрессивных действий.

Например, дети во многом повторяют по отношению к другим те же агрессивные действия (пинки, подзатыльники, шлепки и разные виды словесной агрессии), которые применялись к ним родителями.

Представляет безусловный интерес следующий вывод социального психолога: «Хотя большинство детей, подвергшихся оскорбительным нападениям, не становятся в дальнейшем преступниками или оскорбляющими своих детей родителями, 30 % из них все же злоупотребляют наказаниями в отношении своих детей: они наказывают их вчетверо чаще, чем в целом по национальной статистике... Насилие в семьях часто ведет к насилию в дальнейшей жизни»[28].

Но мы полагаем, что в таких случаях агрессия родителей выступает не как отдельный, изолированный вид поведения, а как часть общего авторитарного стиля лидерства в семье.

Агрессивны также те дети, которые растут в неполных семьях: в них обычно отсутствует отец. Подобная взаимосвязь между отсутствием отца и агрессивностью детей наблюдается во всех расовых и социальных группах. Эта связь отличается также устойчивостью во времени. Значительная часть детей, происходящих из неполных семей без отца, склонны совершать преступления с применением насилия[29].

Но вернемся к вышеописанному эксперименту. Оказалось, что когда дети находятся в сильном эмоциональном состоянии (например, во время наблюдения за каким-либо спортивным соревнованием), то с большой готовностью подражают действиям другого человека — социальной модели, — когда последний выполняет какие-либо действия, агрессивные или неагрессивные.

Можно высказать предположение, что в таких случаях налицо высокий уровень общей мотивированности детей, что конкретизируется в виде выполнения

подражательных действий. *П. Кристи* и другие психологи, исследуя это явление, пришли к выводу о том, что, наблюдая за спортивным соревнованием, люди переживают фрустрацию, вследствие чего у них усиливается готовность к совершению агрессивных действий.

Все те индивиды и социальные группы, которые являются *авторитетными* для личности, иначе говоря — *референтными*, становятся социальными моделями и вызывают подражание, особенно в среде молодежи. Агрессивные авторитеты очень опасны для общества.

Эти результаты сразу же вызывают в нашем сознании многие ассоциации с событиями реальной жизни: если начальник агрессивен и его поведение поощряется вышестоящими, то и подчиненные становятся более агрессивными. Подобный подход помогает понять, например, такие явления, как подражание агрессивности и беспощадности начальников в системе полицейских организаций, распространение **авторитарной агрессивности** в тех организациях, в которых первый руководитель последовательно осуществляет авторитарное, директивное лидерство.

Социальные модели оказываются объектами подражания в тех случаях, когда субъект психологически *идентифицируется* с ними. Данное явление наблюдалось, например, при изучении влияния фильмов со сценами насилия подростков[30].

При отсутствии идентификации подражание слабо выражено или отсутствует. *Л. Берковиц* показал, что просмотр фильма, в котором изображен действующий боксер, приводит к идентификации и в результате — к усилению агрессивного поведения подростков. Здесь мы видим, как для обеспечения адаптации личности соединяются, составляя комплекс, два защитных механизма: агрессия и идентификация. Об идентификации личности с агрессором мы уже написали в первой части книги, а на последующих страницах еще не раз будем обращаться к этому удивительному, несколько парадоксальному явлению.

1.6. Телевидение и агрессивность людей

Одним из частных, но чрезвычайно широко распространенных случаев обучения путем наблюдения является влияние телевидения через показ картин насилия.

В США и европейских странах исследователи считают, что в семьях телевизор работает в среднем 7 часов в сутки. Главными зрителями являются дети и подростки: они в среднем смотрят телевизор 6 часов в сутки[31].

Положительная сторона этого занятия — получение значительного количества информации, которую человек иными путями не смог бы получить.

Однако дело в том, что телевизор оказывает влияние на *поведение* и *установки* зрителей. Телепередачи вызывают изменение уже существующих у людей установок и ведут к образованию новых. Люди подражают тому, что видят в телепередачах, и на основе получаемой информации нередко принимают решения. Происходит обучение через наблюдение. Недаром существуют специальные учебные программы.

Исследования показали, что около 80 % телевизионных драматических произведений содержат сцены насилия. Имеются в виду угрозы, избиения, физическое насилие и убийство. Расчеты показывают, что «к моменту окончания средней школы ребенок просматривает по телевидению около 8000 сцен с убийствами и 100 000 дру-

гих действий с применением насилия»[32]. К 16 годам каждый ребенок успевает увидеть на экране около 13 000 мертвецов.

Один из активных исследователей этой проблемы, *Джордж Гербнер*, выражает беспокойство по поводу возможных последствий такой насыщенности жизни современного человека **образами насилия**.

Подверглась исследованию взаимосвязь между воспринятыми сценами насилия и агрессивностью зрителей.

Л. Хьюзман, К. Лагерспец и *Л. Ирон* исследовали 758 девочек и мальчиков в США и 220 — в Финляндии. Все они были учениками 1–5 классов. Оказалось, что характер агрессивности этих детей связан с характером и частотой воспринятого по телевидению насилия. У мальчиков это сходство было выражено сильнее, так как они идентифицируют себя с героями агрессивных телевизионных сцен, большинство которых — мужчины.

Отсюда можно сделать вывод о том, что, когда мы говорим об обучении через наблюдение и через подражание социальным моделям, должны иметь в виду, что такое обучение тем эффективнее, чем глубже идентификация с социальными объектами подражания. Для углубления этой точки зрения следует привлечь теории идентификации *З. Фрейда* и других психоаналитиков, в частности, их представления о разновидностях и уровнях идентификации человека с другим человеком, со значимыми людьми. Можно предположить, что *ослабление обучаемости, которое наблюдается с возрастом, связано не столько с потерей умственных способностей (памяти, мышления и т. п.), сколько с потерей личностью своих идентификаций: приобретение независимой и зрелой личности связано с определенными потерями, в том числе познавательного характера.* Подражание всегда является поведенческим коррелятом психической идентификации личности с другим человеком.

Эту концепцию можно развернуть и применить не только к проблеме агрессии, но и в теории защитной адаптации, генезиса и приобретения защитных механизмов, а также, как только что мы видели, к психологической теории способностей.

Исследователи, о работах которых мы говорили в данном параграфе, пришли к заключению, что просмотр сцен насилия приводит к усилению агрессивности и обратно: агрессивность и насильственные действия создают в личности бо́льшую тягу к восприятию телевизионных сцен насилия.

Многообразие последствий наблюдения агрессивных сцен. Есть дети и взрослые, которые, наблюдая фильм со сценами насилия, не только не становятся более агрессивными, но скорее наоборот: у них возникают или воспроизводятся нормы неагрессивного поведения. Они сопротивляются агрессии (данные *У. Джозефсон*). Мы полагаем, что в таких случаях следовало бы выяснить роль механизма формирования обратной реакции.

Результаты воздействия агрессивных фильмов зависят также от предварительного уровня агрессивности зрителя: агрессивных детей эти фильмы делают более агрессивными, миролюбивых — более миролюбивыми.

Если присутствующие при просмотре фильмов взрослые поощряют насилие, дети с большей готовностью совершают сходные агрессивные действия. Наоборот, если взрослые осуждают насилие, дети с меньшей вероятностью повторяют агрессивные действия. Однако мы считаем, что здесь есть неисследованная проблема:

следует учесть уровень положительной или отрицательной идентификации ребенка со взрослым. При достаточно глубокой положительной идентификации указанные выше результаты будут более заметными.

Кроме механизма идентификации с героями фильмов и других телепередач (например, репортажах о военных действиях, преступлениях), обучению агрессии способствует ряд других факторов:

- безнаказанность насильников и даже их вознаграждение;
- первоначальная агрессивность наблюдателя;
- наличие у телегероя некоторых черт освободителя или избавителя;
- наличие в ситуации таких признаков, которые напоминают наблюдателю отрывки сцен телевизионного насилия.

На роль данных факторов указали также *Л. Берковиц* и его коллеги[33].

У детей это происходит следующим образом: они сильнее подражают героям фильмов, если считают, что на сцене происходят события реальной жизни.

Повторение показа фильмов способствует закреплению информации в памяти. Когда законы работы памяти лучше учитываются при подготовке фильмов, их воздействие оказывается более устойчивым.

Психологов интересовал также вопрос о том, какие дети более агрессивны. Общий вывод можно представить в следующих девяти утверждениях, указывающих на то, что более агрессивны те дети, которые:

1) смотрят сцены насилия по телевидению;
2) считают, что такие сцены правильно отражают жизнь;
3) сильно идентифицируют себя с героями телепредставлений;
4) часто переживают агрессивные фантазии;
5) если речь идет о девушках, то более агрессивны те из них, кто любит мальчишеские занятия;
6) имеют агрессивную мать;
7) имеют родителей с низким уровнем образования и низким социальным статусом;
8) плохо учатся в школе;
9) непопулярны среди сверстников.

Поскольку такие дети хронически фрустрированы, они становятся агрессивными и психологически готовыми к совершению насильственных действий. Фрустрированный человек более восприимчив к агрессивным проявлениям другого, так как сам переживает эмоциональные состояния враждебности и гнева и ищет способы их реализации в действиях. Если такие дети или юноши еще не обладают соответствующим «репертуаром» агрессивных действий, то они ощущают в себе сильную потребность в таких знаниях и навыках и становятся крайне чувствительными к действиям социальных моделей, — будь они в реальной жизни, в окружении ребенка или же на экранах телевизоров и кинозалов. Но готовность к подражанию зависит, безусловно, и от других черт личности, ее жизненного опыта, социальных установок, уровня морального развития и иных факторов.

Таким образом, в современных обществах люди переживают очень много разнообразных фрустраций, и поэтому большим спросом пользуются киноленты, книги и телепередачи, образно и осязаемо показывающие реальные или воображаемые картины доминирования одного человека над другим, физического и психологического насилия. Но к каким последствиям может привести распространение таких развлечений кровавого содержания — вопрос весьма и весьма спорный. Возможны и на самом деле существуют различные точки зрения, между представителями которых идут споры.

В современных обществах люди переживают очень много разнообразных фрустраций, и поэтому большим спросом пользуются киноленты, книги и телепередачи, образно и осязаемо показывающие реальные или воображаемые картины доминирования одного человека над другим, физического и психологического насилия. Но к каким последствиям может привести распространение таких развлечений кровавого содержания – вопрос весьма и весьма спорный.

Первая из них следующая: зрители и читатели, особенно молодежь, могут воспринимать жестокость как норму и изощренными методами пытаться осуществить их в жизни даже без серьезной причины, то есть без сильной фрустрации. Во всяком случае, мысли об этом занимают много времени у зрителей и читателей. Для обоснования данной точки зрения приводятся реальные примеры, порой действительно устрашающие.

Так, 30 марта 1981 года *Джон Хинкли* стоял перед одним из вашингтонских отелей, в толпе, и ждал выхода президента Рональда Рейгана. Когда появился президент, Хинкли выстрелил и ранил его, пресс-секретаря и еще двоих. Оказалось, что этот молодой человек, страдающий психическими нарушениями, идентифицировал себя с главным героем фильма «Водитель такси». Он смотрел фильм десятки раз, влюбился в одну из актрис и, стреляя в президента США, думал, что сможет превратить фильм в реальность собственной жизни.

Согласно одному из исследователей в США число самоубийств увеличивается в те месяцы, когда газета «Нью-Йорк Таймс» на своей первой странице печатает истории о самоубийствах.

Согласно представителям второй точки зрения чтение и просмотр таких книг и картин может привести к уменьшению агрессивности фрустрированных людей.

1.7. Факторы, способствующие подражанию агрессии

Прайминг, атрибуция и агрессия

Ответит ли человек на внешние воздействия таким образом, как если бы они были агрессивными, зависит от ряда факторов. Обсудим два из них: прайминг и атрибуцию.

Понятие «прайминг» (от англ. *prime* — зажигать, воспламенять, заряжать) ввел в психологию *Л. Берковиц*. Он имел в виду следующее явление: когда человек наблюдает агрессивную сцену или читает об агрессивных действиях других людей, у него возникают мысли и образы агрессивного содержания, воспроизводятся воспринятые в прошлом агрессивные сцены. Это и есть прайминг. После этого, став более агрессивным, он с большей, чем обычно, готовностью совершает агрессивные действия по

отношению к другим людям. Это обстоятельство доказано также в экспериментах, организованных по методу *А. Басса*. Однако будет ли человек действовать агрессивно в новой ситуации, зависит также от того, как он осмысливает и истолковывает эту ситуацию. Здесь именно и включается механизм атрибуции: когда ситуации приписывают агрессивное значение, ее восприятие вызывает прайминг и последующие агрессивные действия.

Наказывается ли агрессор? Если наблюдаемая нами в реальной жизни или в кино агрессия наказуема, вряд ли мы будем подражать агрессорам. *А. Бандура* показал, что, если агрессора наказывают, наблюдатели не подражают ему. Однако в большинстве американских боевиков, которыми их производители наводнили весь мир, агрессоры не расплачиваются за свои действия, не наказываются даже за явно преступные деяния. Поэтому такие фильмы способствуют распространению агрессивности и представляют общественную опасность. Очень часто после таких деяний представителей закона на экранах не видно.

Идентификация с агрессором Агрессивность зрителей усиливается тогда, когда они мысленно воображают себя на месте действующих лиц, — телеагрессоров. Если идентификация более или менее постоянная, зритель мысленно начинает участвовать в играх и схватках своего героя, сопереживать с ним. Победа персонажа — это победа зрителя и т. п.

В результате такой положительной идентификации уровень агрессивности зрителя повышается и он приобретает готовность более интенсивно наказывать людей, если такая возможность реально возникает. Это тоже доказано экспериментально.

Мы считаем, что для предотвращения подобного рода усиления агрессивности зрителей под влиянием кино и прочего материала современной массовой культуры необходимо способствовать **отрицательной идентификации с агрессорами**. Психо-логика этой разновидности идентификации такова: вот каким человеком нельзя быть. Это труднодостижимая цель, но к ней стоит стремиться.

Некоторые исследователи, однако, решили применить иной метод: они попросили зрителей конфликтов с агрессивными сценами обращать внимание на художественные достоинства картины, а не на агрессивность героев. Оказалось, что это тоже помогает: степень агрессивности зрителей остается почти на том же уровне, на каком была до начала эксперимента[34].

Моральная зрелость и подражание агрессии Исследования *Л. Берковица* и других психологов показали, что зрители не подражают агрессорам из кинофильмов и не становятся более агрессивными при наличии ряда факторов, которые, по существу, являются психологическими. Важную роль играет уровень моральной зрелости человека. Если уровень нравственного развития личности таков, что он оценивает наблюдаемую агрессию как злодеяние, как аморальный поступок, он не будет подражать агрессорам. Отсюда понятно, почему сверхжестокие боевики охотно смотрят только морально недостаточно еще зрелые подростки и юноши. Но в тех случаях, когда наблюдаемое на экране насилие оправдано (например, когда герой дает адекватный ответ на оскорбление или иной вид насилия над собой), такая агрессия не осуждается зрителем и может даже вызвать подражание.

Итак, люди отличают «хорошую» агрессию от «плохой». Если зритель не находит оправданий для агрессии героя кинофильма, он его осуждает. Таким образом, мы видим, что последствия восприятия агрессивных сцен зависят от уровня нравственного развития и зрелости личности.

1.8. Порнография, проституция и агрессия

Проблема Эротические фильмы с картинами порнографических действий с изнасилованием и агрессией усиливают враждебные чувства зрителей. Это очень актуальная тема для многих европейских стран, США, а в последнее время — и для стран СНГ. Деморализация приносит с собой свободу нравов, порнофильмы и видеокассеты, огромный объем порнографической литературы. Весь этот поток низкопробной продукции не мог не оказать влияния на мораль и поведение людей, особенно молодежи.

Проблема сексуальных нарушений и порнографии под воздействием средств массовой информации очень остро стоит, например, в США. Достаточно сказать, что в 1982 году в этой стране было изнасиловано около 78 000 женщин, то есть одна женщина каждые 7 минут. Явление это обусловлено многими причинами и условиями, но показ по телевидению порнографических фильмов способствует совершению насильственных действий мужчинами относительно женщин.

Следует отличать эротические фильмы от порнографических. В эротических фильмах показывают страстную любовь и сексуальную активность (как, например, в фильме «Английский пациент»). В порнографических же фильмах сексуальные действия мужчины и женщины сочетаются с насилием и дегуманизацией, например, с унижением женщин. По мнению психологов, порнография всегда означает насилие над женщинами. Конечно, встречаются также случаи насилия женщин над мужчинами. Например, бывали случаи группового насилия 2–3 женщин над мужчиной с целью получения от него сексуального удовлетворения.

Эксперименты Организовались специальные эксперименты для проверки воздействия эротических фильмов на психическое состояние и поведение людей.

Испытуемым студентам предлагали посмотреть три видеофильма: с нейтральным содержанием; с эротикой, но неагрессивной; с агрессивной эротикой. После просмотра фильмов испытуемым предоставили возможность совершать агрессивные действия и высказывать свои мнения об изнасиловании и других вопросах[35].

Оказалось, что при просмотре эротических фильмов мужчины приходят в сексуально-возбужденное состояние и становятся более восприимчивыми к таким представлениям (мифам) относительно изнасилования, как то, согласно которому женщины желают быть изнасилованными. Предполагается, что им нравится, когда мужчины силой овладевают ими. Испытуемые не отрицают вероятность того, что и сами смогли бы совершить изнасилование. Просмотр подобных фильмов усиливает общую агрессивную установку к женщинам.

Когда после просмотра эротического агрессивного фильма испытуемый становится участником нового эксперимента, где должен нанести электрические удары другому

участнику, — допускающему ошибку «ученику», интенсивность наносимых электрических ударов усиливается. После просмотра фильма с нейтральным содержанием такого изменения агрессивности не наблюдается. Когда в ходе эксперимента требуют наказывать электрическими ударами женщину, то после просмотра неагрессивных эротических фильмов сила электрического удара не увеличивается, тогда как агрессивно-эротические фильмы заметно усиливают агрессивность человека. Такие результаты получил, например, *Ю. Доннерстейн*. Они наводят на мысль о необходимости введения ограничений на показ агрессивно-эротических, порнографических фильмов.

Порнография — дезингибитор сцепленной с сексом агрессии

Обсуждение связи секса с агрессией позволяет выдвинуть **гипотезу**, согласно которой:

1) существует специальная разновидность агрессии, с самого начала своего существования сцепленная с сексом. Такая сцепленность двух основных влечений человека определяется генетическими механизмами;
2) порнография, содержащая сцены сексуального насилия над женщинами, является дезингибитором этой разновидности агрессии.

Второе из этих утверждений фактически уже доказано экспериментально[36], тогда как первое нуждается в более солидном обосновании.

Многочисленные эксперименты показали, что, когда люди смотрят порнографический фильм со сценами насилия над женщинами с целью осуществления с ними полового акта, через некоторое время они высказывают мнение о допустимости насилия над женщинами с целью получения сексуального наслаждения. Те же, кто такой фильм не посмотрел, не одобряют подобное поведение. Насильственная порнография делает людей более толерантными к сексуальному насилию.

Другой результат восприятия порнографических материалов — усиление неприязни к жертвам сексуальной агрессии. Порнография фактически способствует атрибуции жертвам отрицательных черт, качества «несимпатичности», их дискриминации. А дискриминация жертвы — это уже средство растормаживания сексуальной агрессии и насилия. Иначе говоря, порнография является дезингибитором сексуального насилия.

Доказательством верности этих выводов является то, что сексуальные преступники, как показали исследования, являются активными потребителями порнографического материала[37].

Серийные убийцы — активные потребители порнографии

Согласно данным американских исследователей серийные убийцы являются активными потребителями порнографической продукции[38].

Дискуссионным является вопрос: следует ли считать порнографию причиной такого деструктивного поведения и тех психических отклонений, которые отмечаются у этой категории людей? Мы считаем, что правильнее было бы сказать: *порнография является дезингибитором тех сексуально-агрессивных импульсов, которые у них уже имеются*. Поскольку мы считаем, что существуют ингибиторы и дезингибиторы не только для агрессии, но и для других влечений (например, сексуального), то нетрудно заключить, что порнографические материалы со сценами сексуального насилия являются **комплексными дезингибиторами**. Они

развязывают сложные сексуально-агрессивные действия, в значительной мере изначально сцепленные друг с другом. Мы считаем, что данная концепция имеет значительный объяснительный потенциал и может быть расширена на основе анализа данных о поведении серийных убийц, время от времени появляющихся в разных странах.

Обобщение многочисленных исследований позволило большой группе ведущих ученых США, работающих в социальных науках, сделать следующий вывод: «просмотр порноматериалов, содержащих насилие, усиливает жестокость в отношении женщин»[39]. Эксперименты *Эдуарда Доннерстейна* показали, что порнографические фильмы усиливают агрессивность зрителей мужского пола избирательно именно к особам женского пола[40].

Кроме того, среди активных потребителей порноматериалов распространен миф, согласно которому женщинам приятно, когда их «берут» силой. Социально-психологические исследования позволяют развеять его[41].

Данный миф особенно широко распространен среди реальных или потенциальных насильников. Здесь чувствуется роль особого рода атрибуций, которые важно исследовать. Правда, необходимо исследовать также этнические различия по отношению к этому мифу и его носителям.

Примечания

[1] *Berkowitz L.* Aversive conditions as stimuli to aggression. In “Advances in Experimental Social Psychology”, 1982, V. 15, pp. 249–288; *Berkowitz L.* A Survey of Social Psychology. New York, 1988.
[2] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 102.
[3] *Turner C. W., Simons L. S. and Frodi A.* The stimulating and inhibiting effects of weapons on aggressive behavior. — “Aggressive Behavior”, 1977, 3, pp. 355–378.
[4] См. также: *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб.; М., 2003. — Гл. 4.
[5] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 178.
[6] *Schachter S., Singer J.* Cognitive, social and physiological determinants of emotional state. “Psychological Review”, 1962, 69, pp. 379–399.
[7] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 508–509.
[8] *Zillman D.* Hostility and aggression. Hillsdale (N. J.), Erlbaum, 1979.
[9] См., например: *Toch H.* Violent men. Chicago. Aldine, 1969; *Toch H.* Psychology of Crime and criminal Justice. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979.
[10] *Geen R. G.* Effects of frustration, attack, and prior training in aggressiveness upon aggressive behavior. — “Journal of Personality and Social Psychology”, 1968, 9, pp. 316–321.
[11] *Taylor S. P.* Aggressive behavior and physiological arousal as a function of provocation and the tendency to inhibit aggression. — “Journal of Personality”, 1967, 35, pp. 297–310.
[12] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 162.
[13] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 160.
[14] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 161.
[15] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 165.
[16] *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб.-М., 2003.
[17] *Milgram S.* Obedience to authority. New York: Harper and Row, 1974; *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб., 2000.
[18] *Borden R. J.* Witnessed aggression: Influence of an observer’s sex and values on aggressive responding. — “Journal of Personality and Social Psychology”, 31, 1975, pp. 567–573; *Borden R. J.* Audience influence. — In: P. B. Paulus (Ed.), Psychology of group influence. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1980.

[19] *Gaebelein J. W. and Hay W. M.* Third Party instigation of aggression as a function of attack and vulnerability. — "Journal of Research in Personality", 7, 1974, pp. 324–333; *Deaux K., Dane F. C., Wrightsman L. S.* Social Psychology in the 90s. Pacific Grove (Calif.); Brooks/Cole, 6th ed., 1993, pp. 264–265.
[20] Об этом обильный материал можно найти в этнологической литературе. См., например: *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. — М., 1991.
[21] *Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса. — М., 1983.
[22] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 170.
[23] *Griffitt W. and Veitch R.* Hot and crowded: Influences of population density on interpersonal affective behavior. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1971, 17, pp. 92–98.
[24] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 169; *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб.-М., 2003. — С. 109.
[25] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 170.
[26] *Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973; его же: Social-learning theory. Englewood Cliffs (N. J.), 1977; *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000.
[27] *Bandura A., D. Ross and Sh. Ross.* Transmission of Aggression Through Imitation of Aggression Models. — "Journal of Abnormal and Social Psychology", 63, 1961, pp. 575–582; *Aronson E.* The Social Animal. 7th ed., New York, 1996, Chapter 6.
[28] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 501.
[29] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 501; *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — Гл. 6.
[30] *Mackal K. P.* Psychological Theories of Aggression / Amsterdam — New York — Oxford, 1979, pp. 18–19.
[31] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 517; *Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р.* Социальная психология. — СПб.; М., 2002. — С. 404–406.
[32] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 517.
[33] *Deaux K., Dane F. C. and Wrightsman S. L.* Social Psychology in the 90s. Pacific Grove (Calif.); Brooks/Cole, 6th ed., 1993, p. 272.
[34] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001.
[35] *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003. — С. 129–136; *Malamuth N. E. and Donnerstein E.* The effects of aggression-pornographic mass media stimuli. — "Advances in experimental social psychology", 15, 1982, pp. 103–136; *Malamuth N. M. and Donnerstein E.* (Eds.) Pornography and Sexual Aggression. New York: Academic Press, 1983; *Donnrestein E.* Erotica and human aggression. In, Aggression: Theoretical and empirical reviews. Vol. 1, New York. Academic Press, 1989; Vol. 2, Issues and research, 1983.
[36] Подробный обзор соответствующих исследований приводится в целом ряде книг последних лет, что избавляет нас от необходимости более детального описания данных исследований. (*Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003. — Гл. 5; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 510–512, и др.)
[37] *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003. — Гл. 5; *Marshall W. L.* Pornography and sex offenders — In: D. Zillman and J. Bryant (Eds.), Pornography: Research advances and policy considerations. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1989.
[38] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 512.
[39] *Koop C. E.* Report of the Surgeon General's workshop on pornography and public health. "American Psychologist", 1987, 42, pp. 944–945.
[40] *Donnerstein E. and Penrod S.* The question of pornography. London: Free Press, 1987.
[41] См. обзоры Д. Майерса, Р. Бэрона и Д. Ричардсон, Б. Крейхи и др.

ГЛАВА 2

Социализация и предотвращение агрессивного поведения

2.1. Приобретение агрессивных действий (синтез подходов)

Проблема и основы синтеза

Прежде чем перейти к рассмотрению путей социализации и смягчения человеческой агрессивности, полезно попытаться как-то сочетать различные подходы к решению вопроса о том, каким образом человек приобретает агрессивное поведение.

Мы уже знаем, что согласно инстинктивной и этологической теориям агрессии, она имеет наследственный характер, от рождения дана всем людям, и, следовательно, человек по природе своей агрессивен. Но мы также показали, что если у человека имеется прирожденная и наследственная тенденция к агрессивности, поскольку она нужна была для выживания в ходе эволюции, то этим еще не решается вопрос о том, откуда у него такой широкий репертуар агрессивных действий.

Точка зрения представителей теории социального обучения, в первую очередь *А. Бандуры* и *Л. Берковица*, сводится к тому, что агрессия является приобретенной через социальное обучение формой поведения, как и многие другие формы социальной активности человека. Особенно четко эта точка зрения представлена в уже упомянутых работах *А. Бандуры.*

Он пишет о том, что адекватный анализ агрессивного поведения требует обратить внимание на три фактора:

1) каким образом оно приобретается;
2) какие факторы стимулируют его появление;
3) каковы те условия, которые поддерживают его исполнение.

Как мы видели, взрослые, как и дети, через восприятие поведения социальных моделей приобретают многие виды поведения, в том числе агрессивного.

Другим механизмом приобретения агрессивных форм поведения являются те переживания, которыми такое поведение непосредственно вознаграждается. На животных получены данные, свидетельствующие о реальности этого *гедонистического механизма*, то есть механизма приятных переживаний.

Например, когда очень мирная по нраву крыса остается без воды, она быстрее научается атаковать своих партнеров по клетке, если только этим путем может утолить жажду. Утоление жажды приносит ей приятные ощущения, которые и закрепляют ее агрессивное поведение по отношению к другим животным. В нескольких

исследованиях (*Geen R. G., Pigg R.*) было показано, что у людей тоже агрессивные действия ослабляются, если они за такое поведение вознаграждаются хотя бы словесно. Здесь, конечно, кроется одна проблема, на которую бихевиористы не могут ответить: откуда и каким образом одинокий индивид изобретает агрессивные формы поведения, что толкает его на это и как формируются подобные действия, если их не было в его памяти?

Тем не менее люди способны быстро приобретать агрессивные формы поведения, если эти действия приводят к желаемым результатам. *Успешное агрессивное действие поддерживается своими положительными результатами.* Причем требования и претензии такого «успешного агрессора» становятся все выше и выше. Если агрессивные действия к тому же специально вознаграждаются, как, например, военные успехи, тогда они еще больше подкрепляются и с готовностью воспроизводятся.

В группах несовершеннолетних преступников самый высокий престиж имеют наиболее агрессивные подростки. В концентрационных лагерях фашистской Германии служителей награждали за убийство возможно большего количества жертв, и они соревновались между собой. Точно так же в условиях эксперимента самые миролюбивые животные становятся свирепыми, когда их агрессивные действия последовательно подкрепляются, то есть если, говоря антропоморфически, с помощью агрессии они добиваются успехов. Наоборот, когда агрессия не одобряется и наказывается, животное становится покорным. Дети, агрессивные выходки которых постоянно поощряются, становятся все более агрессивными.

Концепция социального научения агрессии, если брать ее в отдельности от других (особенно от инстинктивных и этологических теорий агрессии), — самая оптимистическая, поскольку, если агрессия приобретается в процессе научения, она доступна для модификации и даже устранения путем ликвидации тех условий, которые поддерживают эту форму поведения. Представители социально приобретаемой теории агрессии считают, что агрессивные действия совершаются только в специфических социальных условиях, облегчающих такое поведение. Меняйте эти условия, говорят такие исследователи, как *А. Бандура* и его последователи, — и вы предотвратите или сократите агрессивные действия. Эта теория, благодаря публикациям *А. Бандуры*, *Л. Берковица* и целого ряда других авторов, получила широкое распространение среди психологов США и Европы.

Успешное агрессивное действие поддерживается своими положительными результатами.

Мы считаем, что современную научную теорию приобретения агрессивного поведения можно создать только в результате творческого синтеза различных подходов. Уже на настоящем уровне наших знаний попытка такого рода синтеза может быть успешной. Этому поможет, например, следующая идея: *если агрессивность имеет первичную инстинктивную основу (а в этом вряд ли можно сомневаться), то* **должны существовать индивидуальные различия по силе этого инстинкта**, *то есть, говоря другими словами, различия в способности в процессе социализации приобретать различные формы агрессивного поведения.* Нужно организовать такие эксперименты, в которых все условия равны, кроме интенсивности инстинкта. Можно идти также обратным путем и исследовать процесс приобретения агрессивных форм поведения у близнецов. Известно, например, что такие комплексные «измерения» темперамента, как интро-

версия и экстраверсия, наследственны, а экстраверты, как доказал *Ганс Айзенк*, более агрессивны, чем интроверты[1].

Такого рода факты свидетельствуют о том, что, по-видимому, агрессивность, как и другие формы поведения, является комплексным наследственно-приобретаемым качеством, поскольку ни в физиологии, ни в психике человека нет ни одного аспекта, который в той или иной степени не находился бы под контролем наследственных механизмов. Все аспекты проблемы человеческой агрессии следует охватить в единой концепции, которая станет частью социальной психологии личности.

Оперантное (скиннеровское) обучение агрессии

Оперантное, или, как иногда называют, **инструментальное научение** *происходит тогда, когда человек или животное совершает какое-либо действие, которое затем вознаграждается* (положительное подкрепление), ***в результате чего вероятность его появления в будущем повышается.***

Когда человек совершает агрессивные действия, которые поощряются, между действиями и поощрениями устанавливается связь, вследствие чего он в будущем предпочтет действовать агрессивно с большей вероятностью. Как известно, спектр возможных вознаграждений очень широкий. Например, если за агрессивное поведение человек получает более высокий социальный статус, который был желателен для него, его агрессивность может усиливаться. Точно так же действуют одобрение, деньги и другие желательные ценности. Для эффективного оперантного научения детей полезны те предметы, которые удовлетворяют их специфические для возраста потребности: сладости, игрушки, словесные поощрения, оценки и т. п.

Как еще много лет назад отметил *Р. Бэрон*, для человека, находящегося в очень возбужденном, агрессивном состоянии, подкреплением является восприятие страдания своей жертвы[2].

Считается, что именно это подкрепление поощряет некоторых садистов совершать серийные и массовые убийства.

Латентное научение агрессии

Во многих экспериментах, проводившихся с целью раскрытия связи телевизионных передач и кино с агрессивным поведением зрителей, в том числе детей, исследователи обычно измеряют возможное изменение агрессивности сразу после просмотра материалов со сценами насилия. Мы считаем, что, хотя такой подход дает важные результаты, он все же не позволяет раскрыть масштабы подлинного воздействия подобной информации на агрессивность и агрессивное поведение испытуемого. Причин тому несколько:

1) сразу же после восприятия возбуждающих сильные эмоции сцен и вообще после восприятия волнующей информации воспроизведение бывает неполным;
2) этот факт обусловлен как тормозящим влиянием некоторых эмоций, так и недостаточностью *консолидации* информации, то есть ее психологической переработки и перехода из оперативной памяти в сферу долговременной памяти.

Между тем из психологии памяти известно, что во время отсроченного воспроизведения осмысленной информации часто наблюдается феномен *реминисценции*, то есть полного, стопроцентного воспроизведения материала. При этом закон

Эббингауза о постепенном забывании выученного материала нарушается. Это означает также, что после восприятия информации имеет место ее *латентное*, то есть **подсознательное усвоение**. Феномен латентного научения — установленный в психологии факт.

С учетом всех этих открытий в области психологии памяти и научения, из всех экспериментальных исследований, посвященных влиянию средств массовой информации на уровень агрессивности людей, наибольший интерес представляют продольные (лонгитюдные) исследования. Такие исследования уже проводились[3], пусть пока в небольшом количестве, и они, по нашему мнению, подтверждают точку зрения о роли латентного научения с помощью механизмов консолидации в развитии агрессивного поведения детей, подростков и даже, как мы считаем, взрослых людей.

Латентное научение еще более эффективно в естественных условиях жизни, особенно в современных больших городах. Правда, хотя в реальной жизни есть множество других факторов, часто изолирующих влияние агрессивных людей, все же возможность латентного научения агрессии нам представляется весьма реальной. Поэтому профилактические меры по очищению реальной жизни и средств массовой информации от насилия остаются актуальными. Отметим, что в психологических исследованиях агрессии пока в недостаточной мере используются достижения психологии памяти.

Растормаживание социальных норм — способ научения агрессии

Социальные модели, например взрослый для ребенка, являются объектами подражания, и это, как показал *А. Бандура*, один из механизмов обучения агрессивному поведению. Но в ходе его опытов был получен еще один, как будто побочный, но на самом деле важный результат: в некоторых случаях взрослый в экспериментальной ситуации сам не действует агрессивно, но *растормаживает те нормы, которые позволяют действовать агрессивно*[4].

Социальный образец может сам не действовать агрессивно (хотя он и владеет соответствующим поведением), *но он может дать знать, намекнуть, что в данной ситуации агрессия приемлема.*

Как это происходит? Предполагаем, что следующим образом:

1) «модель» может просто словесно выразить эту мысль, приказывая или убеждая другого действовать агрессивно по отношению к какой-либо жертве. Приказ командира, данный своим солдатам о расстреле противника, является примером преобразования словесной агрессии в физическую. Примером могут служить также эксперименты *Ф. Зимбардо*, в ходе которых экспериментатор говорил «учителям», что они *должны* наказывать учеников, что это допустимо и т. п.;
2) человек, выступающий в роли социальной модели, может дать знать о допустимости агрессии *невербальными средствами* коммуникации: кивком головы, глазами, жестами и т. п.;
3) наконец, если кто-либо рядом с нами совершает агрессию и мы *безразлично* относимся к этому, тем самым одобряем его действия: нет запрета или осуждения, значит — можно!

При этом подобное поведение не всегда лишь развязывает нормы агрессивного поведения: оно может *создать* такие нормы, во всяком случае — *способствовать их зарождению*. Например, ребенок, наблюдая за взаимодействием взрослых, может впервые понять, что какие-то нормы агрессии по отношению к определенным объектам допустимы. Это процесс создания нормы в ходе социализации, а не просто ее перенесение из головы взрослого в голову ребенка. Даже во взаимоотношениях взрослых людей (как и в ходе экспериментов *Ф. Зимбардо*, *С. Милграма* и других) может иметь место пересмотр старых и создание новых норм социального поведения людей[5].

Таким образом, вербальное и невербальное поведение человека, служащего социальной моделью для другого, может стать *дезингибитором норм*, позволяющих действовать агрессивно, а следовательно — *релизером агрессивного поведения*; модельное поведение может стать стимулом или средством создания новых норм (новых хотя бы для того индивида, который в данной ситуации выступает в роли субъекта агрессивного поведения). Мы полагаем, что намеки социальной модели вызывают у личности *атрибутивные процессы*, поддерживающие агрессивное поведение.

Данная концепция имеет потенциальную возможность расширения на основе анализа новых фактов.

2.2. Катарсис, агрессия и уровень агрессивности

Люди, фрустрируясь, могут совершить агрессивные действия или сдержать себя, подавить свою тенденцию, готовность отвечать агрессией на неприятные раздражители среды и других людей. Но возникает очень интересный и важный с практической точки зрения вопрос: *уменьшается ли агрессивность человека, когда он совершает насильственные действия? Всегда ли так? И если происходит ослабление враждебности, то почему и с помощью каких психологических механизмов?*

Эти и другие вопросы в современной социальной психологии обычно обсуждаются с помощью идущего от Аристотеля понятия «катарсис». Начнем с рассмотрения этого понятия и, конечно же, соответствующего явления.

Что такое катарсис?

Понятие «катарсис» ввел в философию *Аристотель* (384–322 годы до н. э.), впервые использовав его в книге «Поэтика». В дословном переводе с греческого оно означает «очищение души»: существование такого процесса великий греческий философ и первый психолог усмотрел при восприятии произведений искусства и литературы, особенно трагедий[6].

Что такое катарсис с точки зрения современного психолога?

Под **катарсисом** *мы понимаем ослабление мотивации совершения новых агрессивных действий вследствие того, что данный человек уже совершил агрессивные поступки.*

Вполне понятно, что, когда ослабевает мотив каких-либо действий, последние теряют свою энергию и больше не совершаются или совершаются вяло и в конце концов затухают. В подобных случаях человек все еще может вообразить такие действия и думать об их целесообразности, но не иметь достаточно сильного побуждения для их выполнения.

Катарсис – ослабление мотивации совершения новых агрессивных действий вследствие того, что данный человек уже совершил агрессивные поступки.

Перевод рассмотрения проблемы катарсиса на язык и уровень психологии мотивации поведения превращает ее в конкретную психологическую проблему, доступную для эмпирического и теоретического исследования.

Психоаналитическая концепция катарсиса. В психоанализе, благодаря наблюдениям и гипотезам *Зигмунда Фрейда*, получила распространение идея, согласно которой если человек говорит о своих проблемах, рассказывает о них внимательному и сочувствующему слушателю, то это приводит к уменьшению его тревоги и страха. Различают два вида катартической эмоциональной разрядки: словесный катарсис как *абреакция* и *усталость*. Утверждается, что эмоциональное возбуждение достигает своего пика и затем начинает ослабляться даже в том случае, если стимул продолжает воздействовать на человека. Еще одним важным утверждением психоаналитической теории катарсиса является следующее: сила эмоционального возбуждения обратно пропорциональна уровню усталости субъекта[7].

Катарсис играет существенную роль во взаимодействии врача и пациента в ходе психоаналитического сеанса. Он не только уменьшает тревогу пациента, но и, как показал, например, *П. Федерн*, облегчает перенесение и катексис личности психоаналитика, генерализацию перенесения и катексиса и прореагирование по отношению к ситуациям, которые вызывают страх. Психоаналитик становится образом отца, особенно в тех случаях, когда пациент — истерик. Нередко происходит также контрперенесение, что облегчает идентификацию пациента с врачом и позволяет психиатру проявлять подлинный интерес к пациенту как личности. Катарсису способствует также воспроизведение содержаний памяти, вытесненных в бессознательное. Для успешного катарсиса следует устранить защитную стену между пациентом и авторитетными для него людьми, которые вызывают в нем тревогу и страх, что в психоаналитической ситуации выражается как стена между пациентом и психоаналитиком. Последний становится посредником в деле выражения тех антагонизмов, которые существуют между пациентом и другими людьми, для улучшения этих отношений. Сопротивление, которое оказывает пациент анализу, является зеркалом тех многократных фрустраций, которые он переживал в результате конфликтов между «Я» и «другое Я» (Эго и альтер-Эго)[8].

Агрессивные действия и адаптивный катарсис

Итак, нас интересует вопрос о том, приводят ли агрессивные действия человека к уменьшению его возбужденности и враждебности, то есть к катарсису? Видимо, в некоторых случаях борьба, а это означает — выражение агрессивности, приводит к катарсису.

Исследования, в том числе экспериментальные, показали, что если человек фрустрирован, то возможность возмездия с помощью агрессивных действий уменьшает уровень его физиологической активации, тогда как при отсутствии такой возможности уровень возбуждения остается высоким.

В экспериментальных ситуациях падение уровня активности испытуемых (в частности, уровня кровяного давления) наблюдалось в тех случаях, когда они имели возможность, фрустрируясь экспериментатором, делать ему ответные неприятности. У тех же испытуемых, которые не имели возможности возмездия, уровень кровяного давления, став высоким вследствие фрустрации, остался таким же до конца эксперимента[9].

Оказалось, что психофизиологические изменения в организме испытуемого зависят также от социальных факторов. Например, экспериментаторы с низким социальным статусом, даже не фрустрируя испытуемых, вызывали в них повышенную активность, особенно тогда, когда были убеждены, что не могут отвечать агрессией[10].

Дж. Хокансон и *М. Бургес* показали, что повышение систолического давления человека в условиях фрустрации — воображаемой агрессии и фрустрации — невозможности агрессии было значительно больше, чем его повышение в контрольных условиях, а также в случае возможности совершения физических и вербальных агрессивных действий[11].

Повышение систолического давления наблюдается при различных видах фрустрации: при наличии угрозы для «Я» личности, при блокаде целенаправленной деятельности и т. п. Повышение давления наблюдается сразу же после фрустрирующей фазы эксперимента. Когда же испытуемый отвечает на воздействие фрустратора агрессивными действиями, давление падает. Добавим, что повышение давления — явный признак того, что человек находится в стрессовом состоянии. А это означает, что названные выше фрустраторы одновременно являются также стрессорами.

В этих исследованиях получен, однако же, весьма любопытный социально-психологический факт: физиологическая активация, вызванная как угрозой в адрес «Я», так и вследствие блокады целенаправленной деятельности, редуцируется только тогда, когда возможна ответная вербальная или физическая агрессия, направленная на фрустратора с низким социальным статусом. Когда же фрустратор имеет высокий статус, падения систолического давления не наблюдается[12].

Агрессивные действия испытуемого могут быть прямыми (направленными против самого фрустратора) или перенесенными (направленными на замещающий объект). В одном исследовании было показано, что сила замещающей агрессии зависит от уровня сходства мишени (объекта агрессии) с настоящим фрустратором: чем больше сходства, тем сильнее агрессия[13]. Поэтому вполне справедливо заключение авторов этого исследования и *Карла Макала*, что ***настоящий катарсис может наблюдаться только тогда, когда агрессия направляется на настоящего фрустратора.*** Катартический эффект замещающей агрессии значительно слабее.

Настоящий катарсис может наблюдаться только тогда, когда агрессия направляется на настоящего фрустратора.

Когда испытуемые лишены возможности выражать свою агрессию и мстить фрустраторам, они пользуются рационализациями и ругают кого-то другого.

В связи с этим можно выдвинуть следующую проблему: ***может ли агрессивность человека, его враждебность, найти выражение в его рационализациях?*** Проблема эта касается области более широкой проблематики взаимосвязи различных защитных механизмов личности.

Обнаружены индивидуальные различия в уровне катарсиса в зависимости от тревожности. У тревожных людей фрустрация продолжает сохраняться даже после частичного катарсиса, имевшего место в результате агрессивных действий. Между тем у менее тревожных людей наблюдается более полный катарсис независимо от первоначальной фрустрации[14].

Д. Холмс получил некоторые данные, свидетельствующие о том, что не всегда подтверждаются результаты экспериментов *Дж. Хокансона* и его коллег. В частности, оказалось, что даже после катартических агрессивных действий враждебность

к фрустратору сохраняется. С другой стороны, определенный уровень катарсиса отмечается даже у тех испытуемых, которым не было разрешено подвергать агрессии своих фрустраторов.

Эти результаты позволяют высказать целый ряд идей о путях дальнейшего исследования интересующих нас явлений. Отмеченный катарсис без объективных (внешних) агрессивных действий может быть следствием внутренних речевых и образных, воображаемых агрессивных процессов, а также следствием рационализаций, которые, как мы предположили выше, тоже могут канализировать и выражать часть агрессивности человека. Мы полагаем также, что нельзя глубоко изучить катарсис фрустрированной личности только в связи с агрессивными действиями. Это крайне односторонний подход, и именно вследствие такой односторонности и получаются противоречивые результаты: в одних исследованиях агрессивные действия приводят к катарсису, в других — нет. В связи с вышеизложенным предлагаем следующую **гипотезу**: *катарсис осуществляется как сложный процесс, вовлекающий целый комплекс защитных, когнитивных и эмоциональных механизмов*. Отметим также, что успешный катарсис является важным и эффективным механизмом социальной адаптации личности.

2.3. Действительно ли агрессивное поведение уменьшает агрессивность

Что происходит в психике человека после того, как он совершил агрессивные действия?

Как мы уже видели, в современной психологии предложены две противоположные концепции по этому вопросу: психоаналитическая и бихевиористская.

Первая, психоаналитическая концепция, как мы уже отмечали, опирается на идею *З. Фрейда* о том, что совершение агрессивных действий приводит к катарсису и человек освобождается от части своей агрессивности, враждебности. Душа как бы очищается от злости, которая накопилась в результате предыдущих фрустраций. Считается, например, что игра, во время которой от участников требуются агрессивные действия, делает их более мирными, неагрессивными вне игровой ситуации.

Вторая — бихевиористская или, вернее, необихевиористская концепция. Обычно бихевиоризм критикуется за поверхностное отношение к явлениям психической жизни, за игнорирование тех тонких процессов, которые происходят во внутреннем мире людей. Эта критика особенно справедлива тогда, когда направлена в адрес классического бихевиоризма *Дж. Уотсона* и некоторых его современных последователей, например *Б. Скиннера*.

Однако экспериментальный подход бихевиористов все же позволил подвергнуть сомнению и проверке целый ряд утверждений теоретиков и клиницистов, благодаря чему получены новые данные и новое понимание многих явлений. Это касается и обсуждаемой нами проблемы: действительно ли агрессивное поведение, в частности, совершение социально приемлемых форм агрессии, приводит к ослаблению агрессивности человека? Как мы видим, психоаналитики отвечают на этот вопрос положительно, и во многих случаях они правы. Но всегда ли? О некоторых исключениях и дополнительных условиях мы уже знаем. Продолжим обсуждение данного вопроса с привлечением других фактов.

Бихевиористы, особенно *Л. Берковиц*, на основе анализа экспериментальных данных по социальному обучению (и научению) пришли к выводу, что *нет прямых и убедительных доказательств этого утверждения*. Нет доказательств, что игра сокращает агрессивность, то есть что она приводит к катарсису. Игры, носящие характер состязаний и соперничества, не уменьшают агрессивность игроков. Мы уже знаем, что наблюдение за агрессивными действиями других, которое тоже, казалось бы, должно было иметь катартическое воздействие, приводит к обратным результатам: оно усиливает агрессивность наблюдателей.

Представляют интерес и результаты следующего эксперимента: испытуемые взаимодействуют с человеком, который вызывает у них гнев. Затем группу делят на две части. Первой подгруппе разрешают выразить свой гнев и враждебность перед приятным для них собеседником. Члены второй подгруппы не имели собеседника и просто ждали следующего этапа эксперимента. Спустя некоторое время провели тестовую проверку и выяснили, что члены первой подгруппы в целом больше возбуждены, чем даже в ситуации своей фрустрации (общения с неприятным для себя человеком). И, что еще более важно, чувствовали к фрустратору более сильную антипатию, чем раньше. Все эти параметры у второй группы оказались значительно более слабыми[15].

Итак, мы видим, что члены первой подгруппы испытуемых *М. Кана*, выразив словесно свою агрессивность перед симпатичным для себя собеседником, стали более агрессивными, чем те, у которых в условиях одинаковой фрустрации собеседника не было. Они не смогли выражать свою агрессивность каким-либо видимым способом и просто ждали. Таковы факты. Но как и чем их объяснить? Почему словесное и невербальное выражение агрессии в беседе усиливает тенденцию к новым агрессивным действиям, а также связанные с ней эмоции враждебности? Отвечая на этот вопрос, мы тем самым укажем на одну из причин данного явления.

Мы полагаем, что в этих экспериментах, а также в сходных ситуациях реальной жизни важную роль играет *симпатичный собеседник*. Слушая внимательно и соглашаясь с человеком, говорящим о своем недовольстве и злости к фрустратору, он тем самым **положительно подкрепляет** эти реакции, как бы показывая, что фрустрированный субъект прав в своем возмущении. Это важный, иногда даже решающий **социально-психологический фактор**. Здесь уместно вспомнить знаменитые опыты *Соломона Аша* по исследованию конформизма. Во время этих экспериментов, когда подлинный («наивный») испытуемый остается один со своим мнением против единодушной группы, он начинает сомневаться в правильности своего мнения даже о простых явлениях. У одиноких нонконформистов могут даже появляться мысли о том, не сумасшествие ли это, когда все говорят одно, а он сам — другое. *Но положение резко меняется, когда к нему присоединяется еще один член группы!* Это уже социальная поддержка, которая воспринимается так: значит, я не один и я не сумасшедший, я прав! В таких случаях образуется пусть маленькая, но группа из двух человек, диада. Теперь уже ее члены не боятся слыть странными и могут продолжить борьбу.

Точно так же социальная поддержка агрессивности создает у личности уверенность в справедливости и оправданности своего гнева и готовности к агрессивным действиям. В значительной степени уменьшаются также тревога и страх перед возможным наказанием.

Чем больше человек действует агрессивно, тем сильнее его тенденция и дальше действовать агрессивно.

Другим доказательством бихевиористской точки зрения является то, что, когда людям разрешают совершить агрессивные действия и не наказывают, их агрессивность, то есть склонность совершить новые агрессивные действия, усиливается. Нанесение вреда другому лицу усиливает враждебные чувства агрессора к своей жертве, поэтому от него следует ждать новых, еще более интенсивных и разрушительных агрессивных актов. К этому выводу на основе своих экспериментов пришел *М. Кан* в упомянутой выше статье.

Данный вывод помогает нам понять, каким образом формируются садисты, в том числе сексуальные: безнаказанность приводит к еще большему усилению их агрессивности к жертвам, и они совершают все новые и новые преступления. Здесь можно заметить интересное явление: постепенно у таких индивидов создается представление, **образ обобщенной жертвы**. Одни из них убивают только молодых женщин определенной внешности (например, белокурых), другие — только мальчиков и т. п. Примеров тому очень много, о них часто пишут газеты.

Вывод *М. Кана*, *Л. Берковица* и других бихевиористски ориентированных исследователей противоречит психоаналитической концепции, согласно которой подавление агрессивных желаний усиливает эти желания. То же самое они утверждают о подавлении сексуальных желаний. Оказалось, что это неверно, во всяком случае — в значительном числе ситуаций. *Чем больше человек действует агрессивно, тем сильнее его тенденция и дальше действовать агрессивно*.

Как считает, например, *Э. Аронсон*, такого результата следовало ожидать исходя из теории когнитивного диссонанса: когда человек высказывает агрессивные суждения или совершает физические агрессивные действия, то его поведение требует от него *дополнительного оправдания*. Осуществляя такое самооправдание, индивид пользуется двумя сериями аргументов:

- с помощью одной он подчеркивает отрицательные качества объекта агрессии;
- другая же используется для дискредитации его положительных черт.

Вследствие этого ненависть к жертве еще больше усиливается. Люди, которые получают удовольствие от собственных агрессивных действий, охотно включаются в такого рода затяжную активность. Этим путем они самоутверждаются.

Здесь можно отметить одно важное явление, более глубокое исследование которого позволит расширить наши представления о внутрипсихических аспектах человеческой агрессивности, а также психической активности вообще. Явление это следующее: *самооправдывающие аргументы и дискредитация жертвы, представляющие собой разновидности рационализации, усиливают агрессивность человека*. Иначе говоря, механизмы рационализации и атрибуции как бы приходят на подмогу механизму агрессии, сочетаются с ним, образуя **адаптивный комплекс**. Как нетрудно догадаться, такой комплекс характерен для садистов-индивидов и даже некоторых сверхагрессивных этнических групп с садистическими тенденциями. По-видимому, наличие или отсутствие данного комплекса может служить одним из критериев классификации этносов и наций.

2.4. Как разрешить противоречие?

Итак, между психоаналитическим и бихевиористическим подходами к оценке роли катарсиса в ослаблении агрессивности существует противоречие. Напомним: психоаналитики утверждают, что когда фрустрированный человек совершает агрессивные действия, то успокаивается, его агрессивность идет на убыль. Бихевиористы же с помощью эмпирических исследований обнаружили, что совершение агрессивных действий, наоборот, усиливает агрессивность человека и его готовность совершать новые и более интенсивные агрессивные действия. Как преодолеть это противоречие, когда известно, что часть случаев соответствует первой теории, а другая часть — второй?

Филипп Зимбардо, один из самых известных социальных психологов США, считает, что это противоречие можно лучше понять и даже разрешить, если провести различие между выражением эмоций и агрессивными действиями (или наблюдением за подобными действиями других, так называемых социальных моделей). Когда чувства выражаются с помощью речи, плача или смеха, тревога личности уменьшается, а самочувствие улучшается. Но когда совершаются агрессивные действия, направленные на противника (словом или делом, прямо или косвенно), то тенденция, то есть внутренний мотив совершения агрессивных действий, не уменьшается, не становится слабее. Поэтому *Ф. Зимбардо* советует, что лучше научиться разрешать конфликты между фрустратором и его жертвой с помощью бесед, переговоров, а не насилием[16].

Агрессивность, по-видимому, эффективнее можно уменьшить не с помощью агрессивных действий, а совершением других действий и деятельностей, в которых агрессия человека в определенной мере сублимирована.

При исследовании этих вопросов следует также иметь в виду, что роли фрустратора (агрессора) и жертвы со временем могут меняться: жертва может стать агрессором, а прежний агрессор — жертвой. Это уже из области психологии реванша и мести, которая, кстати, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях слабо разработана. Иногда же возникает еще более сложная ситуация: одна и та же личность (или группа) в одном отношении может быть агрессором, а в другом — жертвой. Например, мелкий служащий на месте своей работы может быть жертвой своего агрессивного босса, а в семье — агрессором для своей жены. Эти различия сочетаемых социальных ролей всегда надо иметь в виду, когда мы пытаемся понять, почему агрессивные действия не ослабляют враждебность совершающего их человека. Если человек одновременно и агрессор, и жертва, тогда он может быть перманентно агрессивным, так как часто фрустрируется и всегда имеет такой объект агрессии, который, будучи неспособен на отпор, может стать его жертвой.

Агрессивность, по-видимому, эффективнее можно уменьшить не с помощью агрессивных действий, а совершением других действий и деятельностей, в которых агрессия человека в определенной мере сублимирована.

Говоря о роли внешних факторов в обучении агрессии и усилении агрессивности, мы отметили роль кино и телевидения.

Исследования американских психологов показали, что просмотр телефильмов со сценами насилия усиливает агрессивность зрителей, особенно детей и подростков. Из таких фильмов дети узнают, что насилие — весьма часто встречающееся явление

Наблюдая агрессивные сцены, дети становятся более толерантными к агрессивности других. Тем самым уменьшается вероятность того, что они, даже став взрослыми, будут активно вмешиваться с целью предотвращения агрессивных действий других людей. У таких индивидов в недостаточной мере развивается готовность брать на себя ответственность.

в жизни общества, что оно нередко поощряется, очень часто оправдывается и что агрессивное поведение больше подходит мужчинам, чем женщинам, и т. п.[17]

Более того, наблюдая все эти сцены, дети начинают формировать гипертрофированное представление об угрозе их жизни со стороны агрессивных людей. Они становятся запуганными и недоверчивыми, особенно к незнакомым людям. Если дети с раннего возраста наблюдают много агрессивных сцен (в жизни, в кино или на телеэкране), то возникающая в них агрессивность сохраняется и в дальнейшей жизни. Об этом свидетельствуют продольные исследования, о которых мы уже знаем.

Подобные исследования привели психологов к заключению, что нельзя считать правильным психоаналитическое представление о том, что наблюдение сцен насилия приводит к катарсису и ослаблению агрессивности зрителей. Происходит обратное: наблюдая агрессивные сцены, дети становятся *более толерантными* к агрессивности других. Тем самым уменьшается вероятность того, что они, даже став взрослыми, будут активно вмешиваться с целью предотвращения агрессивных действий других людей. У таких индивидов *в недостаточной мере развивается готовность брать на себя ответственность*. Они не вмешиваются в драку и не разводят дерущихся людей, так как боятся, что их могут обвинить в чем-либо. Все это касается как детей и подростков, так и взрослых.

Когда вся национальная культура насыщена агрессивностью, когда люди наблюдают много сцен насилия, то она может приобрести характер эпидемии национального масштаба. В такой социальной среде люди становятся безразличными к судьбе друг друга. Это благоприятная среда для распространения такого крайне отрицательного и опасного явления, как **безразличный свидетель** чужого страдания и горя. Данное явление в последние десятилетия стало предметом пристального внимания социальных психологов (*С. Милграм*, *Б. Латané* и другие).

Когда насилие становится повседневным и сочетается с юмором, тогда бдительность людей притупляется, они становятся более терпеливыми к нарушениям морали вообще и не оказывают противодействия насилию. Между тем только своевременный и решительный отпор может предотвратить распространение насилия. Эти задачи чрезвычайно актуальны в период быстрых и радикальных социальных изменений, сопровождающихся проявлениями социальной дезорганизации, происходящих в настоящее время во всем мире, особенно в тех странах, которые совершают переход от одной общественной формации к другой.

2.5. Катарсис как механизм предотвращения агрессии

Мы уже подробно изложили современное психологическое понимание катарсиса, касались также вопроса о том, уменьшает ли он агрессивность человека, его тенденцию совершать агрессивные, насильственные и разрушительные действия. Для полноты представления о способах предотвращения агрессии здесь мы вновь,

сугубо кратко, коснемся этого вопроса, добавляя ряд новых соображений и проблем для дальнейшего исследования.

Общепризнанной следует считать точку зрения, согласно которой если что-то привело человека в состояние агрессивности, то возможность выполнения каких-либо действий, дающих разрядку, приводит к двум основным результатам:

а) позволяет ему чувствовать себя лучше, то есть снизить уровень активации, психофизиологического возбуждения организма;

б) ослабляет его тенденцию к вовлечению в агрессивные межличностные отношения.

Эксперименты, проведенные в последние десятилетия, показывают, что правильно только первое из этих двух заключений.

В экспериментах *Дж. Хокансона* и его коллег, как мы помним, испытуемых вначале приводили в аффективное состояние гнева, после чего давали возможность действовать агрессивно по отношению к фрустратору (экспериментатору) или других лиц. Были предоставлены три пути агрессивного поведения:

1) нанесение электрических ударов, то есть производство ***физической агрессии***;
2) ***вербальная агрессия***, которая проявляется, когда испытуемый отвечает на вопросы опросника;
3) ***агрессия в воображении***, что имеет место при применении проективных тестов.

В ходе этого эксперимента снимались физиологические характеристики уровня активации: число ударов сердца в минуту, кровяное давление и т. д. Это делалось для определения того, какие формы агрессии успешнее всего снижают уровень активности, напряжения и гнева. Результаты эксперимента показали, что в целом наиболее эффективна прямая физическая агрессия против фрустратора или близких ему лиц. Другие же формы агрессии (направление агрессии против невинных людей или воображаемые агрессивные действия) не приводят к заметному уменьшению агрессивности.

Почему это так? Мы полагаем, что указанные выше непрямые формы агрессии неэффективны не только потому, что фрустратор остается невредимым, но в неменьшей степени потому, что их применение приводит к **вторичной фрустрации** личности.

Например, создание воображаемых ситуаций, в которых фрустрированная личность «побеждает» своих врагов, может затем, при более трезвом подходе и новых встречах с неприятной реальностью, убедить человека, что он бессилен против фрустратора. Такого рода суждения могут привести к снижению самооценки личности, то есть к вторичной фрустрации ее «Я-концепции» (самосознания и самооценки). Такая фрустрация может оказаться даже сильнее привычной, не говоря уже о том, что эти две фрустрации обычно суммируются. Вторичная фрустрация сильнее выражена у лиц с высоким уровнем развития самосознания и совести, то есть у морально более развитых, зрелых личностей. Развитость моральных установок особенно важна как фактор вторичной фрустрации тогда, когда человек, бессильный против фрустратора, выбирает в качестве жертвы своей замещающей агрессии невинного человека, например ребенка. Как понимает читатель, эти идеи было бы хорошо обосновать с помощью опытных данных.

Полностью соответствует житейской реальности заключение *Дж. Хокансона* о том, что наибольшее облегчение приносит агрессия против того, кто нас

провоцировал. Но такие мстительные действия могут усилить тенденцию человека и в дальнейшем совершать сходные действия, поскольку мщение приятно мстителю и самоподкрепляется как форма агрессии. Поэтому нельзя сказать, что агрессия против фрустратора автоматически снижает уровень агрессивности и вероятность новых агрессивных действий.

Что же касается утверждения, будто относительно «безопасные» агрессивные действия оказывают катартическое действие и уменьшают вероятность совершения новых опасных форм поведения, то полученные данные в целом **не подтверждают** это представление. Такой катартический эффект наблюдается только в специфических условиях, но в большинстве ситуаций вообще не возникает.

Во-первых, многие экспериментальные факты свидетельствуют о том, что людей в гневе невозможно отвлечь от агрессивных действий путем показа сцен насилия, включающих не их фрустратора, а других людей[18].

Наоборот, такие процедуры даже усиливают агрессию.

Во-вторых, создание возможности для сердитых людей совершить агрессивные действия против неодушевленных предметов не представляется эффективным в смысле ослабления их тенденции направлять такие действия против людей, которые провоцируют их. Есть данные, свидетельствующие о том, что последующие агрессивные действия под влиянием таких процедур даже облегчают совершение насилия[19].

Хотя пинок по мебели, разбрасывание подушек и другие подобные действия улучшают самочувствие, тем не менее сомнительно, чтобы они предотвратили прямые агрессивные действия, направленные на других людей.

В-третьих, вербальная агрессия против других тоже, по всей вероятности, не ослабляет тенденцию к последующим прямым агрессивным действиям против фрустратора. Результаты некоторых исследований даже показывают, что имеет место прямо противоположное[20].

Это означает, что возможность высказаться усиливает тенденцию к совершению физических агрессивных действий.

А что же происходит с агрессивностью человека, когда он получает возможность подвергать агрессивным действиям именно тех, кто его провоцировал? Может быть, в этом случае происходит катарсис? Если так, то уже во второй раз агрессивность фрустрированной личности должна резко уменьшаться. Для проверки этого предположения проведены эксперименты, но полученные результаты противоречивы. В одном случае агрессивность человека еще больше усиливается, в другом же — уменьшается[21].

Обобщив эти противоречивые данные, *Р. Бэрон* и *Д. Бирн* выводят три заключения, два из которых звучат так:

а) если катарсис имеет место, то лишь в исключительных условиях: он не является таким уж широко распространенным и общим явлением, как предполагали раньше;

б) по крайней мере в некоторых ситуациях возможность нанесения прямого вреда тем людям, которые фрустрировали и разгневали нас, усиливает агрессию в новых ситуациях, а не ослабляет, как полагали раньше.

Эта проблема вызывает целый ряд идей, которые здесь мы бы хотели высказать. Мы полагаем, что в описанных случаях — когда и в новых ситуациях агрессивность

усиливается вместо ожидаемого по теории катарсиса ослабления — имеет место диссонанс и «вовлечение» личности: совершая агрессивные действия, человек, чтобы оправдать их, начинает приписывать своей жертве отрицательные качества и злые намерения. Такие *атрибуции* становятся психологической основой для совершения новых агрессивных действий еще большей интенсивности, а также для генерализации этих действий и агрессивности в целом.

Наша **гипотеза** состоит в том, что, *если имеет место такая атрибуция* (в том числе проективная атрибуция собственных черт и мотивов) *и вовлечение, агрессия должна усиливаться также в новых ситуациях. При отсутствии же таких внутренних процессов агрессивность в новых условиях теряет свою интенсивность.* Агрессор может нуждаться в оправдании своих агрессивных действий «вокруг фрустратора» по разным причинам:

а) если чувствует, что его агрессивная реакция была неадекватно интенсивной по сравнению с провоцировавшими его действиями фрустратора;
б) если у него в прошлом была накоплена агрессивность, и теперь, имея жертву, она разряжается, но для более полной разрядки нужен ряд встреч с жертвой;
в) вследствие особой структуры «Я-концепции»;
г) по той причине, что данный тип людей ему не нравится.

Эта гипотеза, по нашему мнению, объясняет, почему в различных экспериментах получены различные, порой противоречивые результаты. Следует учесть индивидуальность испытуемых и их внутренние защитные процессы — рационализацию, проекцию и другие.

Если вернуться еще раз к выводам *Р. Бэрона* и *Д. Бирна*, то третьим из них является следующий: *хотя участие в катартической активности иногда уменьшает открытую агрессию, полезные аспекты этого процесса в прошлом преувеличивались.*

Мы полагаем, что опора на вышеизложенную гипотезу поможет объединить разрозненные факты и создать основы научной социально-психологической теории катарсиса. Преимуществом нашей гипотезы является то, что она связывает проблему катарсиса с широкой проблематикой психологии личности: с защитными механизмами и процессами, с процессами внутреннего и внешнего оправдания собственных действий (отсюда — выход в проблематику теории когнитивного диссонанса), с особенностями «Я-концепции» личности и т. п. Катарсис существует, но у разных людей, вследствие специфической структуры их личности, **катартические способности** различны. Мы полагаем, что эта способность связана с другой — со способностью к *сублимации* собственной агрессии. Отсюда можно перейти к новой типологии людей по критерию способности к катарсису и сублимации агрессивности. Здесь, по-видимому, открываются возможности новых широких исследований.

2.6. Механизм катарсиса и его разновидности

Виды катарсиса Идея Аристотеля о катарсисе как очищении души состояла в том, что, переживая какое-либо чувство вместе с другими людьми, мы освобождаемся от этого же, беспокоящего нас чувства. Душа как бы очищается

от него и приходит в спокойное состояние. Следовательно, сколько чувств и желаний, столько и видов катарсиса. Поэтому можно выделить следующие разновидности катарсиса:

1) катарсис агрессии;
2) катарсис скорби;
3) катарсис счастья (или катарсис эвстресса);
4) катарсис дистресса (или катарсис несчастья) и т. п.

Мы полагаем, что можно выделить виды катарсиса по всем фундаментальным эмоциям и их комплексам.

Нет сомнения, что, наряду с общими чертами, эти разновидности катарсиса должны иметь свои специфические психологические особенности. Если, например, человек может, совершая агрессивные действия, в какой-то мере освободиться от своей агрессивности, от скорби таким же способом освободиться вряд ли возможно и уместно. Скорбь невозможно направить на других.

Катарсис и эмпатия

Связь катарсиса с другими психическими явлениями еще предстоит исследовать. Здесь мы выскажем ряд соображений о связи катарсиса с эмпатией.

Проблему эту можно сформулировать следующим образом: почему в исследованиях агрессивного катарсиса очень часто оказывается, что совершение агрессивных действий не приводит к катарсису, то есть к ослаблению агрессивности личности и ее мотива совершения новых агрессивных действий? Как первую попытку решения этой сложной проблемы мы предлагаем **гипотезу**, согласно которой *причина в следующем*:

1) агрессора изучают тогда, когда он действует один на один с жертвой и у него нет сопереживающего с ним наблюдателя (зрителя);
2) изучают катарсис самого агрессора, между тем, если следовать классическому аристотелевскому пониманию катарсиса, *следовало бы изучить катарсис наблюдателя* (зрителя), а не актера или только актера.

Катарсис агрессора

Между тем мы знаем, что в определенных условиях у самого агрессора катарсис все же имеет место. Две такие ситуации психологи уже обнаружили:

1) первая из них та, в которой действия агрессора приятны ему самому и улучшают его настроение: у него происходит смягчение агрессивности, и он на время становится более добродушным, чем обычно;
2) второй, более важный случай: когда мстительная агрессия достигает цели, агрессивность личности ослабевает.

Но мы подозреваем, что в обоих случаях все же в возникновении катарсиса играют роль *дополнительные социально-психологические механизмы*:

а) в ситуации, где совершаются агрессивные действия, реально присутствуют сочувствующие наблюдатели;
б) или же агрессор воображает себе референтных лиц, которые, по его мнению, сочувствовали бы его действиям.

Поэтому и в данном случае мы предлагаем **гипотезу**: *у агрессора катарсис возможен тогда, когда в дело включается реальная или воображаемая эмпатия референтных людей.* Например, если референтное (значимое) лицо P_1 поручает P_2 ликвидировать V(*victim*), говоря при этом, что будет этим очень доволен и вознаградит убийцу P_2, тогда последний, совершая преступление, может затем пережить катарсис.

Насколько автор этих строк прав в своих предположениях, покажут новые эмпирические исследования. Но мы чувствуем, что нащупали очень существенные и до сих пор не тронутые пласты психологических основ катарсиса. Мы ведь знаем немало исторических фактов, когда люди убивали друг друга, а победители, радостные и счастливые, *возвращались домой полные любви к своим близким.* У них, у воинов-победителей, не бывает враждебности к своим близким, которые одобряют их действия на войне. И референтные группы — семья, община, нация в целом, поддерживают их как в период совершения агрессивных действий, так и на этапе спада агрессивности, усиления эмпатии и счастья.

Счастье победителей и их добродушие — убедительные доказательства существования агрессивного катарсиса. Но в случаях, когда межэтническая агрессия не реализована, тогда нет катарсиса, и солдаты, возвращаясь домой, превращают свою зависть во внутриэтническую агрессивность с самыми различными проявлениями. Солдаты побежденной армии становятся опасны для своей страны.

Из вышеизложенного ясно, что самоотчет агрессора следует признать одним из важнейших документов, на основе которых мы сможем судить о том, происходил ли в его психике катарсис агрессивности или не происходил. Нет сомнения, что в некоторых случаях катарсис действительно происходит.

2.7. Агрессивный катарсис и сублимация

Можно предположить, что катарсис агрессии возможен без совершения реальных насильственных действий, если создать для человека возможность осуществления сублимации. Мы думаем, что именно такой процесс имел место в тех экспериментах *В. Конечного*, с помощью которых он попытался изучить условия катарсиса агрессии.

Не приведя описание всего эксперимента[22], отметим лишь следующее: когда раздраженному (то есть фрустрированному) помощником экспериментатора испытуемому дают возможность или решать математические задачи, или спокойно ждать 13 минут, он впоследствии оказывается менее агрессивным, чем те, кто спустя 7 минут после фрустрации должны были электрическими ударами наказывать «ученика» в эксперименте, организованном по методике *А. Басса.*

Наши выводы следующие:

1) решение задач позволяет использовать часть агрессивной энергии и тем самым снизить уровень агрессивности личности. Правда, раздраженному и фрустрированному человеку нелегко сосредоточить внимание на задачах: мысль человека имеет склонность все время возвращаться к фрустрациям и думать о «сдаче»; надо помнить также о психической, в том числе *когнитивной регрессии*, которую переживают фрустрированные люди;

2) когда фрустрированный человек внешне пассивно сидит и ждет, у него в это время происходят очень сложные мыслительные процессы, в том числе защитного характера: рационализации, атрибуции и другие. Он может попытаться переосмыслить свои переживания или вообразить агрессивные сцены мщения. Все это тоже, особенно использование неагрессивных защитных механизмов, приводит к частичной сублимации.

По нашему мнению у второй группы испытуемых катарсис будет даже значительнее, чем у испытуемых первой группы.

Итак, мы считаем, что *сублимация и защитные процессы личности способствуют наступлению катарсиса агрессивности и в этом смысле являются его психологическими механизмами*.

Сублимация и защитные процессы личности способствуют наступлению катарсиса агрессивности и в этом смысле являются его психологическими механизмами.

Предложенные гипотезы нетрудно проверить эмпирическими методами. Например, человеку, который раздражен каким-либо фрустратором и агрессивен, экспериментатор намекает на защитное поведение, допустим, на рационализацию (ряд аргументов, объясняющих или оправдывающих ситуацию), предлагая, чтобы тот продолжил эту линию рассуждений. После этого измеряется уровень его агрессивности одним из известных методов. Можно предложить также отрицательные атрибуции в адрес фрустратора и на эту тему вести беседу с испытуемым.

Мы убеждены, что данный путь позволит узнать много нового о механизмах катарсиса агрессии, да и о других разновидностях данного психического явления.

2.8. Агрессивные фантазии и сила агрессивности

Проблема выражения агрессивности и враждебных установок личности в фантазиях — достаточно обширная область исследований. Это обусловлено тем, что к области воображения и фантазии относятся такие явления, как дневные грезы, галлюцинации, ночные сновидения и другие психические процессы, преимущественно протекающие с участием различных психических образов, — зрительных, слуховых, тактильных и других.

Вопрос, интересующий нас здесь, следующий: *приводят ли агрессивные фантазии к уменьшению агрессивности?*

Этот вопрос с помощью опытов исследовал, например, американский психолог *С. Фишбек*. Он показал, что агрессивные фантазии уменьшают реальную, повседневную агрессивность людей лишь в небольшой степени. «Фантастическим поведением» он считает, например, сочинение рассказов об агрессивных действиях. Как показал этот исследователь, когда людей подвергают фрустрации и позволяют затем написать рассказы об агрессивных действиях, у них уровень, то есть интенсивность агрессивных действий, несколько падает. Он показал также, что у людей, подвергшихся оскорблению (оскорбление личности — акт агрессии), агрессивность выше по сравнению с членами контрольной группы, которых не фрустрировали[23].

В целом агрессивные фантазии мало помогают, то есть катарсис при них слабый, так как реальный фрустратор не получает ощутимого агрессивного ответа.

Здесь было бы уместно обсуждать, например, вопрос о том, насколько эффективно христианское смирение перед агрессором, в частности, перед экспансией представителей других религий, имеющей своей целью распространение своего влияния. Однако это уже предмет другого исследования.

В связи с отмеченной малоэффективностью агрессивных фантазий как средств уменьшения агрессивности человека можно спросить: в таком случае, какие функции выполняют эти внутренние, чрезвычайно активные, длительные и эмоционально насыщенные психические процессы?

Лишь вскользь отметим следующие возможные функции агрессивных фантазий:

а) это попытка индивида ярче и полнее представить себе (и в себе) ту ситуацию фрустрации, в которой оказался;
б) это средство вызова намерения отомстить и создания схемы тех действий, с помощью которых можно наказать фрустратора;
в) это поиск заместителей агрессора, если его наказывать будет трудно или невозможно;
г) это предвидение собственных действий и их возможных последствий и т. п. Именно в воображении впервые создаются новые способы агрессивного поведения, оформляются словесные формулировки, наиболее оскорбительные для противника.

Все это показывает, что фантазии служат не столько для замещающего удовлетворения агрессивных мотивов и уменьшения агрессии, сколько для организации будущих агрессивных действий и выбора для них самых подходящих целей. Поэтому и неудивительно, что агрессивные фантазии редко уменьшают агрессивность человека, а иногда даже усиливают ее. Правда, логическая организация будущих агрессивных действий может уменьшить силу таких непосредственных эмоциональных реакций на фрустрацию, как аффекты гнева и злости, поскольку человек, как говорится, готовится действовать «с холодной головой», но это вовсе не значит, что его агрессивная мотивация теряет силу. Она становится более рациональной (и рационализированной, аргументированной) и поэтому способной к выражению более организованных и разрушительных действий. Отложенное удовлетворение агрессивных мотивов может порождать хладнокровных садистов.

2.9. Плач, смех и агрессия

Агрессивность человека как общая и специфическая тенденция совершения агрессивных, враждебных и разрушительных действий тесно связана с различными его переживаниями и экспрессией. Здесь особого внимания заслуживают связи агрессивности с плачем и смехом.

Плач и агрессия

В некоторых ситуациях фрустрирование личности вызывает ее плач. *Что из себя представляет такая «реакция» личности в различные возрастные периоды?*

Это важный вопрос психологии личности и, как мы увидим, психологии агрессии. Мы считаем, что сведение плача только к агрессивности, то есть точка зрения,

будто плач является выражением агрессивности фрустрированной личности, верна лишь частично, она одностороння. Такую точку зрения мы встречаем, в первую очередь, в трудах *Дж. Долларда* и его коллег по теории фрустрации — агрессии, а также в работах других авторов, пишущих об агрессии.

Между тем плач — явление многофункциональное. Мы полагаем, что плач содержит и выражает:

а) горечь утраты, лишения (депривации). Именно поэтому мы *утешаем* плачущего, будь он ребенок или взрослый, а фрустратор, если обладает достаточным уровнем моральной зрелости и развития эмпатии, переживает угрызения совести;

б) переживание собственного бессилия;

в) выражает агрессивность, гнев и враждебность: об этом свидетельствует тот факт, что после плача человек может стать чрезвычайно агрессивным и наступательным;

г) в плаче содержатся элементы катарсиса.

Плач может стать первым этапом адаптации фрустрированной личности, представляющим ей мораторий для последующей мобилизации адаптивных механизмов более конструктивного характера, то есть таких механизмов, с помощью которых можно реально изменить ситуацию и приспособить ее к своим целям и притязаниям, вместо того чтобы пассивно приспособиться к ситуации без ее изменения или преодоления.

Смех и агрессия

Смех очень часто является спонтанным выражением агрессивности человека наряду с такими формами социально приемлемых способов активности, как спорт, политика и другие. Утверждая это, исходят из того (например, *Артур Кёстлер*), что центры головного мозга, контролирующие эмоции, — самые древние у человека. Они возникли до палеолита (каменного века) и отражают те древнейшие условия жизни, в которых борьба за существование носила ожесточенный характер. Тогда на любой звук или внезапно возникающий перед глазами предмет надо было отвечать быстрой реакцией. Сегодня такая необходимость возникает не всегда, и, по-видимому, есть доля правды в утверждении *А. Кёстлера* о том, что механизмы, порождающие аффекты, являются анахронизмом. Биологическая эволюция человека опасным образом отстает от его умственного развития, поэтому в нем возникает противоречие между эмоциями и интеллектом.

К счастью для человека, в ходе эволюции у него возникают неутилитарные, так сказать, «роскошные» рефлексы — смех и плач, с помощью которых получают выход наши избыточные эмоции. Они являются рефлексами-двойниками: плач облегчает выражение чувства партиципации (сопереживания), а смех — это уже выражение агрессии.

Таким образом, для возникновения «человека смеющегося» необходимо было выполнение двух условий:

а) относительно безопасное существование, требующее дополнительных путей выражения энергии;

б) такой уровень эволюции, когда рассуждение, логическое мышление стало до некоторой степени независимым от «слепых» эмоций.

Только на этом уровне «кортикальной эмансипации» человек мог понять, что его эмоции чрезмерны. Ниже человеческого уровня — у животных нет ни нужды, ни условий для возникновения смеха. Поэтому люди, живущие в вечной нужде и борьбе за существование, становятся суровыми и угрюмыми, они редко улыбаются и еще реже смеются.

Смех, агрессия, религия

Говорят, что Иисус Христос никогда не смеялся. Это видно как из Евангелия, так и из высказываний Иоанна Златоуста. И до сих пор православные монахи считают смех греховным делом.

Почему?

Мы предполагаем, что все эти люди чувствовали: смех есть агрессия, иногда прямое насилие над человеком. Смеяться над кем-либо — значит, подвергать его агрессии. Смех исходит из желания нанести человеку вред. Настоящий верующий христианин этого не допустит.

Правда, смех — естественно и спонтанно возникающее явление, причем весьма разнообразное. Ребенок смеется спонтанно. Существуют разные варианты смеха, так что темы «смех как агрессия» и «смех и религия» и другие подлежат более основательному психологическому исследованию.

А. М. Панченко говорил: «Смех — “антипривилегия” бесов и пекла. Там грешники воют в прискорбии, а дьявол громогласно хохочет. На исповеди нашего предка спрашивали о “смехе до слез”, и на повинившегося в этом грехе накладывали епитимью — три дня поститься, есть всухомятку, класть по двадцати пяти поклонов. “Смехи да хихи введут во грехи”»[24].

Улыбка разрешается, хотя и она тоже может быть агрессивной (например, саркастическая улыбка).

Функции улыбки и смеха: катарсис и предотвращение агрессии

В «Истории» *Геродота* есть поразительная сцена: взрослые и беспощадные мужчины обнаруживают младенца — отпрыска царской семьи — и собираются задушить его: таково поручение, которое они получили. Когда они подходят к ребенку, которому всего несколько месяцев от роду, он улыбается им, и эти люди отказываются от своего преступного намерения. Улыбка ребенка уничтожает агрессивность взрослых людей[25].

Для чего в ходе эволюции возникли улыбка и смех? *К. Лоренц* считает, что они возникли для успокоения агрессора и для приветствия и становились частью многих церемоний[26].

Улыбка и смех — разные уровни интенсивности одного и того же типа поведения, выражения однотипного возбуждения.

У шимпанзе и гориллы этих жестов — улыбки и смеха — нет, но у макаки-резуса что-то сходное есть: совершая успокаивающие движения, она раскрывает зубы и двигает голову вперед-назад, лижет губы и отводит назад уши. *К. Лоренц* считает достойным внимания тот факт, что многие представители восточных народов, приветствуя встречного, улыбаются точно таким же образом: улыбаясь, они поворачивают голову немного в сторону и смотрят не в глаза собеседнику, а в сторону. Неясно, в какой мере этот ритуал наследуется биологически и в какой мере он является результатом культурного наследования.

Когда группа детей издевается над незнакомым человеком и смеется, то в этом смехе много агрессивного. Однако именно через такую преобразованную агрессию и создается возможность установления дружественной связи с людьми.

Если обобщить этологические и психологические исследования смеха, можно сказать, что это специфически человеческое экспрессивное выражение имеет следующие функции:

а) смех является способом и результатом сублимации части человеческой агрессивности;

б) шутка была изобретена как механизм перехода от агрессии к смеху, к дружбе.

Совместный смех, указал *К. Лоренц*, создает социальное единство[27].

Здесь, как мы видим, в процессе преобразования агрессивности (враждебности) в смех, включается интересный интеллектуальный механизм: образуется шутка. Возникает цепь «враждебность — шутка — смех».

По-видимому, прав *К. Лоренц*, из исследований которого можно делать следующий вывод: та дружба глубже и устойчивее, которая возникла от агрессии по указанному только что пути. Примеров много. Нередко два человека сначала дерутся и ругаются, а после становятся друзьями. И в семье тоже определенное количество конфликтов и свободного выражения агрессивности необходимо: «абсолютный мир» опасен для стабильности семьи. Все это указывает на общую и чрезвычайно важную функцию данных психических явлений, а именно: шутки и смех являются важными защитными механизмами личности.

2.10. Юмор, смех и торможение агрессии

Начнем с несколько более подробного изложения концепции смеха *К. Лоренца*, а в конце приведем ряд экспериментальных данных о том, что юмор и смех подавляют агрессию.

В своей высочайшей форме, отмечает автор, юмор дает нам возможность отличить истину от лжи. Он приводит парадоксальные слова *Дж. К. Честертона* о том, что религия будущего в значительной мере должна быть основана на тонких формах юмора[28].

Мы все еще не принимаем юмор так серьезно, как он того заслуживает.

Смех, считает *К. Лоренц*, не только является открытым выражением юмора, но и, по всей вероятности, составляет ту филогенетическую основу, на которой он сформировался. Говоря об этом явлении, он подчеркивает, что смех напоминает как боевой энтузиазм, так и победную церемонию гусей в трех аспектах:

а) все три названные явления — инстинктивные формы поведения;

б) все три возникли из агрессивного поведения и все еще сохраняют долю этой первичной мотивации;

в) все три имеют сходную социальную функцию[29].

Как уже сказано, смех, вероятно, развился путем ритуализации переориентированного угрожающего движения; точно так же, как победная церемония и как боевой энтузиазм, он вызывает среди участников сильное чувство товарищества

и совместную, групповую агрессивность против аутсайдеров. В ситуации, где группа людей от сердца смеется над чем-либо, между ними немедленно создается связь, точно так же, как при переживании энтузиазма из-за одинаковых идеалов. Когда двое или больше людей совместно обсуждают что-то смешное, это значит, что они совершили важный шаг в сторону установления дружбы между собой. Смех создает группу и сразу же отделяет ее от других. Если вы не можете смеяться совместно с другими, то чувствуете себя аутсайдером, даже в том случае, когда объектом этой агрессии являетесь не вы. Когда смех направлен на беззащитного человека, тогда это жестокость. Вот почему, считает Лоренц, смеяться над ребенком — преступление[30].

Но смех — исключительно человеческое явление и отличается от боевого энтузиазма тем, что смеющийся не совершает физических агрессивных действий, в то время как переживающий боевой энтузиазм человек легко совершает насильственные физические действия. Боевой энтузиазм может подавить всякое мышление и рациональный самоконтроль, тогда как смех никогда полностью не устраняет самокритику человека. Даже в самых своих мрачных формах смех всегда подчиняется разуму, полагает Лоренц, тогда как энтузиазм может уйти из-под контроля разума и овладеть личностью[31].

Смех — враг лжи, а юмор — хороший детектор лжи. Юмор раскрывает ложь, обман, неискренность, необоснованные претензии. Смех освобождает человека от стресса, возникшего из-за лживости и претенциозности. Это разрядка инстинкта, но такая, которая одобряется моралью, считает австрийский мыслитель. Но всегда ли так? Если смех — трансформированная агрессия, то как он может быть всегда моральным?

Сатира направлена на распространенные среди современников изъяны и пороки. Она достигает ушей даже тех, кто так скептичен, что не воспринимает прямую критику. Крайне необходимы также насмешки и самоосмеяние. Насмешливое отношение к себе направлено против самообмана и заносчивости. Осмеяние собственной личности направлено на свои пороки. Юмористическое отношение к себе и к другим — залог нашего будущего, считает автор вышеуказанной концепции.

В то время как представления *К. Лоренца* о сущности и роли юмора, смеха и сатиры основаны на естественных наблюдениях, экспериментаторы пытаются с помощью специальных опытов установить основные функции этих явлений в жизни современного человека.

Экспериментально установлено, например, что если заставить разгневанного человека улыбнуться (что очень трудно), то его готовность совершить агрессивные действия резко ослабнет. Доказательства этому можно найти и в повседневных наблюдениях, но представляют интерес проведенные рядом психологов экспериментальные исследования[32].

Во время одного из таких экспериментов испытуемых, в качестве которых выступали студенты, сначала привели в раздраженное состояние (это дело поручили тайному сообщнику психолога), после чего разрешили в рамках обычного эксперимента «учитель — ученик» (методика Басса) подвергнуть электрическим ударам этого сообщника. Была создана также контрольная группа, членов которой никто не раздражал. Перед вторым этапом эксперимента половине испытуемых из каждой группы показали серию смешных картинок. Остальным показали нейтральные картинки об абстрактном искусстве, о новинках мебели и т. п. В соответствии с утверждением, что

приятные эмоции несовместимы с агрессией, было высказано предположение, что испытуемые, воспринимавшие смешные картинки, должны отличаться более слабой агрессивностью по отношению к сообщнику психолога, чем остальные. Так оно и оказалось. Было установлено, что у тех, кто смотрел смешные картинки, агрессивность даже слабее, чем у тех, кого сообщник вообще не пытался привести в гневливое состояние[33].

Эти и другие исследования показывают, что юмор и смех являются весьма эффективными средствами борьбы против агрессии. Недаром даже разбушевавшаяся толпа может успокоиться и распасться под воздействием удачных шуток.

Для полноты картины рассматриваемых явлений отметим, что подавляет агрессию также легкое сексуальное возбуждение. Например, когда разгневанный мужчина замечает красивую женщину, то его агрессия явно идет на убыль. Тревога, страх, сильное чувство вины и вообще все переживания, не совместимые с агрессивностью, оказывают такое же влияние на агрессивность. Даже мысленное углубление в решение задач может порождать чувства, не совместимые с агрессивностью. При этом, как мы полагаем, играет роль сублимация.

2.11. Еще один способ смягчения агрессии — игнорирование агрессивного поведения

Один из путей подавления агрессивного поведения другого — это его игнорирование, сочетаемое с поощрением неагрессивного поведения. Этот подход основан на **предположении**, *что дети и даже взрослые часто ведут себя агрессивно, чтобы привлечь к себе внимание*. Быть наказанными для них предпочтительнее, чем невнимание, игнорирование. Если у человека налицо потребность во внимании в такой болезненной степени, то *наказание воспринимается им как поощрение*. В семье, где родители мало интересуются детьми, последние, совершая агрессивные действия, стараются привлечь к себе их внимание.

Эти предположения проверялись экспериментально и были подтверждены. Во время одного эксперимента, который был проведен в детдоме, психологи попросили педагогов игнорировать агрессивным поведением детей, но быть подчеркнуто внимательными к тем детям, которые совершают неагрессивные полезные действия: играют в дружеской атмосфере, спешат на помощь другим, сотрудничают, вообще ведут себя просоциально. К ним педагоги должны были относиться особенно хорошо. Через несколько недель было отмечено заметное уменьшение числа совершаемых агрессивных действий.

В другом эксперименте, описание которого тоже мы берем из книги *Э. Аронсона*, было показано, что фрустрация не обязательно ведет к агрессивному поведению. Она может привести даже к конструктивному поведению, если в процессе предварительной тренировки оно стало для человека достаточно привлекательным. Во время этого опыта дети по четыре играли группами. Некоторые из групп поощрялись за конструктивное поведение, а другие — за соперничество и агрессию. Затем детей фрустрировали: этого достигли тем, что им обещали показать серию интересных фильмов. Показ фильма начали и дали вдобавок конфеты. Однако внезапно показ фильма прекратили в самом интересном месте, конфеты тоже были убраны. После этого детям разрешили играть как им хочется. Те из них, кто был приучен к конструктивному поведению, проявили меньше агрессивности и больше конструктивной деятельности, чем остальные.

Последнее исследование очень интересно, в частности, в том отношении, что свидетельствует о *возможности целенаправленного формирования у детей и даже взрослых адаптивных механизмов высшего уровня — конструктивных, творческих форм поведения* — и сокращения примитивных форм защитного поведения. Вероятно, что при формировании таких адаптивных и компенсаторных форм деятельности некоторую роль играет сублимация агрессивности, но это еще предстоит доказать.

Психологи считают результаты описанных экспериментов обнадеживающими. Поскольку никто не может создать социальную среду, полностью свободную от фрустраторов, детей надо и, как показали опыты, можно учить адекватно реагировать на фрустрирующие воздействия. Самыми продуктивными и привлекательными являются конструктивные формы поведения, в результате которых получаются новые результаты. Именно этот механизм психологической компенсации действует тогда, когда фрустрированный ученый или инженер, писатель или художник с головой уходят в свою работу и создают новые ценности.

2.12. Несовместимые реакции и агрессия

Поскольку катарсис и, как мы увидим в следующей главе, наказание тоже, не всегда эффективны в качестве способов предотвращения агрессии, психологи ищут другие, дополнительные средства. При этом они исходят из того общего положения, что, как и все остальные живые существа, *человек не способен одновременно совершать два несовместимых действия*. Так, невозможно одновременно и мечтать, и читать, готовиться к экзамену и смотреть телевизор, вести машину и заниматься страстной любовью[34].

Исходя из этого специалисты считают, что, если создать у потенциальных агрессоров эмоциональное состояние, несовместимое с гневом и разрушающими действиями, можно предотвратить их агрессию. Следует добавить, что и потенциальный агрессор сам, если предвидит возможные отрицательные последствия своих действий, может создать у себя такие эмоциональные состояния. Это усилит самоконтроль и предпочтительнее, чем прямой запрет самому себе не совершать каких-либо действий.

Особенно эффективными оказываются такие психические состояния, как эмпатия и установка на ироническое, шутливое отношение к окружающему. Еще лучше, если последнее сопровождается смехом. Поскольку о роли юмора и смеха в качестве средств, подавляющих агрессию, мы уже говорили, добавим несколько слов о роли эмпатии.

В целом ряде экспериментов показано, что, когда агрессоры непосредственно воспринимают признаки боли и страдания своих жертв, они часто резко сокращают силу своих нападений на жертвы. Те же, кто не воспринимает такие знаки, не снижает интенсивность нападений. Одним из возможных объяснений является следующее: восприятие признаков страдания жертвы (ее стонов, просьб, криков, страдальческого выражения лица, плача и т. п.) вызывает у агрессоров эмпатию, вследствие чего продолжение агрессивных действий затрудняется. Агрессоры при этом переживают чувство вины, сожаления, даже угрызения совести за уже содеянное. Чтобы остановить эти свои неприятные переживания, они прекращают агрессию и покидают социальную сцену.

Но при этом возникает очень любопытная проблема, которая, насколько нам известно, не обсуждается психологами. Она состоит в следующем: *означает ли такое поведение агрессора, что мотивация прекращения агрессии и ухода эгоистическая?* Эмпатия, по-видимому, играет некоторую роль, но ведь сами экспериментаторы отмечают, что *агрессор уходит, поскольку ситуация неприятна для него самого.*

Вопрос также в следующем: *включаются ли типичные переживания агрессора в таких ситуациях в состав его эмпатии?* Эмпатия есть переживание тех же эмоций и чувств, какие есть у другого, в данном случае у жертвы, пусть они у агрессора не так интенсивны и глубоки, как у жертвы.

Исходя из этого мы утверждаем, что чувство вины, угрызения совести, сожаления и т. п. *являются вторичными, производными от эмпатии чувствами.* Эмпатия и агрессивные действия несовместимы. Из этого внутреннего конфликта рождаются вышеназванные неприятные переживания агрессора, которые при достаточной интенсивности подавляют мотивацию агрессии и прекращают насильственные действия. Более того, возникает мотивация ухода из ситуации, что в определенной мере избавляет агрессора от внутреннего конфликта и, следовательно, предотвращает вторичную фрустрацию.

Таким образом, эмпатия, вызывая у человека внутренний конфликт, вторично фрустрирует его, и неприятные чувства агрессора (угрызения совести, чувство вины, стыд и т. п.) являются эмоциональными выражениями этой новой фрустрации.

Но как повседневные наблюдения, так и специальные исследования показывают, что, к сожалению, агрессоры не всегда покидают социальную сцену. Часто они, воспринимая страдания жертвы, даже еще больше усиливают свою агрессию. Психологи считают, что такая реакция возникает тогда, когда агрессора провоцируют очень сильно, то есть когда его враждебная мотивация очень интенсивна. Иначе говоря, усиление агрессивности агрессора при виде страдания жертвы происходит тогда, когда его первичная фрустрация была сверхсильной. Такой агрессор считает, что жертва заслуживает того, чтобы страдать, и наслаждается при виде страданий своей жертвы. Если же первичная фрустрация слаба и не приводит к сильному гневу, эмпатия и последующее прекращение агрессивных действий возможны.

Вышеизложенная гипотеза позволяет переосмыслить многие из полученных до сих пор эмпирических фактов. Здесь существенными мы считаем представления о первичной и вторичной фрустрации и их психологических различиях.

2.13. Ритуализация и другие контролируемые формы выражения агрессивности

Здесь мы вновь должны обратиться к интересным идеям *Конрада Лоренца* о возникновении в ходе эволюции способов и механизмов предотвращения межвидовых опасных форм агрессии. Это позволит нам высказать несколько идей по этнопсихологическим проблемам, а в конце параграфа мы рассмотрим ряд практических вопросов социально приемлемой канализации человеческой агрессивности.

Отметим, что механизмы, о которых пойдет речь, не являются только физиологическими, как, по-видимому, считал Лоренц. Они *психофизиологические,* в них

часто преобладает психологическое содержание, поэтому только психологический анализ способен выявить их сущность: структуру, функции и последствия. *К. Лоренц* верно заметил, что когда перед таким великим конструктором, каким является Природа, возникает важная задача, то редко бывает, чтобы она довольствовалась изобретением только одного подходящего способа ее решения. Поэтому ею изобретены несколько способов предотвращения опасной внутривидовой агрессии, и все они используются для того, чтобы задача была решена надежно[35].

Филогенетические (эволюционные) законы, касающиеся этих феноменов, пока еще таинственны, они крайне интересны, и ведется обширная работа по их раскрытию.

Ритуал и ритуализация

Наблюдения над поведением некоторых видов животных показывают, что многие их действия являются чисто символическими церемониями и потеряли свою первоначальную цель. Процесс такого изменения поведения *К. Лоренц* назвал **ритуализацией**, как бы отождествляя данный филогенетический процесс с образованием ритуалов в человеческом обществе. С функциональной точки зрения такое отождествление он считает правильным[36].

Описывая целый ряд ритуалов у нескольких видов животных он приходит к выводу, что в результате филогенетической ритуализации могут образоваться новые виды инстинктов наряду с той группой «великих инстинктов», которые уже существуют (голод, секс, страх и агрессия). На основе одних инстинктивных влечений (драйвов) возникают новые, наследственные, направленные на подавление опасной для вида агрессивности.

Ритуалы людей возникают в процессе развития цивилизации, они не закреплены наследственно, а передаются как *традиции*: каждый индивид должен учить их вновь. Несмотря на это, говорит вышеназванный автор, параллели идут так далеко, что их можно уподобить друг другу. В то же время функциональные аналогии показывают, что для достижения идентичных целей «великие конструкторы» используют самые различные «причинные механизмы»[37].

У животных символы не передаются от поколения к поколению, и считается, что именно в этом — одно из основных различий между людьми и животными. Животные могут передавать друг другу свои новые знания, но настоящая традиция формируется только у тех видов, которые обладают социальной жизнью и выдающимися способностями к научению. Лоренц считает, что у крыс, гусей и галок есть подлинные традиции, но знания, передаваемые таким путем, касаются простых вещей: нахождения пути к цели, узнавание некоторых видов животных, в первую очередь врагов, у крыс — опознание ядовитых вещей. Но у животных средства коммуникации и выученные ритуалы никогда не передаются по традиции, а это означает, что у них нет культуры.

Привычки являются общим элементом традиций людей и упомянутых элементарных традиций животных. Однако следует различать привычки и обычаи. Данный вопрос у Лоренца не раскрывается с достаточной ясностью. Мы считаем, что обычай — групповое, например, этническое явление, тогда как привычка — явление индивидуальное. Нарушение привычек вызывает тревогу, и люди стремятся, ради своей безопасности, вновь и вновь повторить те из них, которые обеспечивают достижение цели.

Трубка мира и мирные переговоры

Для психологии человеческой агрессии и путей ее предотвращения представляет интерес обсуждение *К. Лоренцом* известного ритуала североамериканских индейцев: групповом, совместном курении трубки мира. Этот ритуал предназначен для предотвращения войны между племенами, которая является разновидностью агрессии.

Но здесь для нас важно другое: *К. Лоренц* вообразил себе первый эпизод курения трубки мира вождями двух соседних племен. Вот они встречаются, долго и с гордым видом сидят друг против друга и ни один из них не рискует говорить первым и предлагать мир, так как подобное поведение может оцениваться другой стороной как признак трусости[38].

Следует иметь в виду, что аналогичные вопросы исследуются и в современной политической психологии, а сходный случай долгого молчаливого сидения действительно имел место в XX веке: во время войны в Корее встретились для переговоров американский генерал и представитель Северной Кореи. Они несколько часов сидели друг против друга, затем кореец встал и ушел, и переговоры таким образом были прерваны.

Вообще, ритуалы переговоров как средства предотвращения агрессии — очень интересная проблема для исследования. В тех случаях, когда конфликтующие стороны не в состоянии начать переговоры, нужны посредники. Когда два участника переговоров сидят напротив друг друга и переживают внутренний конфликт (желая начать разговор и боясь говорить первым), то ситуация для них так неприятна, что им лучше заниматься чем-то посторонним, каким-то нейтральным делом, не имеющим отношения к конфликту. Этологи заметили это явление у животных, которые совершают «перемещенную активность»[39].

В повседневных неприятных ситуациях люди совершают отвлекающие движения, курильщики копаются в карманах в поисках сигарет и спичек, курят. Возможно, что курение табака было изобретено именно в таких целях, то есть как средство психологической защиты от неприятных ситуаций.

Итак, продолжает свое повествование *К. Лоренц*, сидят друг против друга два вождя, и вот один из них вынимает свою трубку и начинает курить. Другой поступает так же. Эта трубка пока еще не является трубкой мира. Но курение успокаивает их, вызывает катарсис. Благодаря улучшению самочувствия они начинают переговоры. Возможно, что во время одной из таких встреч один из вождей забыл свою трубку и другой предложил ему свою... Постепенно, в течение веков, курение трубки стало символом мира, и индейцы знали, что тот, кто курит трубку, миролюбивее, чем некурящий. Первоначальное отклоняющее действие, жест превращается в устойчивый ритуал. Это закон для индейцев, что после совместного курения трубки войны не должно быть. *К. Лоренц* сопоставляет эту привычку с привычками животных, считая их по существу одинаковыми по природе.

Традиция и ритуал — это привычки, освященные образами и авторитетом предков. Это уже сверхиндивидуальные явления, связанные с этническими и национальными культурами. Они связывают нас с прошлым нашей культуры, и поэтому до́роги для нас. Преданность традициям, ритуалам и церемониям — это преданность культурному наследию своего народа. Конечно, специального исследования в каждой национальной культуре заслуживают те традиции, которые предназначены для предотвращения агрессивных действий индивидов и групп. Появление

традиций в виде элементарных ритуалов *К. Лоренц*, а теперь и другие исследователи считают началом зарождения у них социальной организации[40].

Ритуал, потеряв свою первоначальную функцию, приобретает две новые коммуникативные функции: функцию канализации агрессии по безвредным путям и функцию формирования взаимосвязей двух или большего числа людей. Все индивидуальные вариации приводятся к одной строгой и формализованной последовательности действий, которые совершаются в определенном темпе и с определенной амплитудой. Такие повторения усиливают впечатление однозначности. Ритм свойствен и ритуалам людей, и инстинктивным ритуалам животных. Одни элементы прототипа ритуала усиливаются, другие — сильно сокращаются. Эти преувеличения приводят к церемониям, которые близки к символам и оставляют театральный эффект. *К. Лоренц* даже полагает, что все человеческое вначале было создано для служения ритуалам, а «искусство для искусства» возникло позже, на более современных этапах развития культуры.

Ритуал, церемония, отрываясь от своих прототипов, становятся независимыми и создают у людей независимую же мотивацию их исполнения. Как мы видим, мотивов два: канализация агрессии по безопасным путям и создание социальных связей. Причем процессы ритуализации происходят «двумя шагами»: от коммуникации к канализации агрессии и от канализации агрессии к созданию социальной связи. То же самое имеет место и у животных.

Культурная ритуализация необходима для поддержания существования социальных групп, размеры которых уже так велики, что не могут поддерживаться только чувствами любви и дружбы. Человеческое общество пропитано ритуалами. Все, что охватывается словом «манеры», определяется культурной ритуализацией. Хорошие манеры — это те, которые соответствуют ритуалам соответствующих социальных групп, и люди приспосабливаются к ним. Эти ритуалы становятся как бы второй натурой людей. Выполняя их, они не осознают их функции подавления агрессии и формирования социальных взаимоотношений. Но именно они создают «групповую сплоченность»[41].

Этот интересный подход вызывает к жизни ряд новых проблем. Одна из них заключается в том, что если концепция возникновения ритуалов, предложенная *К. Лоренцом*, верна, то психологическое изучение ритуалов является одним из путей исследования подсознательного и бессознательного, причем как на индивидуальном, так и на групповом, в том числе этническом уровнях. Данная возможность пока что не реализована.

Проблема групповой сплоченности, как известно знатокам социологии и социальной психологии, обычно исследуется на основе других принципов и критериев. Подход, только намеченный в работах Лоренца и других этологов для групп людей, обещает быть весьма плодотворным. При краткой формулировке эта проблема представляется как необходимость раскрытия взаимосвязи процессов образования ритуалов и сплочения группы. Здесь создается возможность исследовать связи ритуализации с социометрическими статусами, с лидерством в группе, с процессами формирования групповой идеологии и символики и т. п.

Можно выдвинуть также важную этнопсихологическую проблему. Наша идея заключается в том, что *ритуалы и церемонии на этнопсихологическом уровне*

осуществляют этнозащитные функции. Когда формируется группа этнического меньшинства в составе более широкой социокультурной общности, любовь и дружба могут обеспечить сохранение только маленьких групп. Нужны защитные меры для сохранения больших этнических групп. Здесь и вся культура этноса, язык и стереотипы и т. п. Важнейшую роль могут играть гражданские и религиозные ритуалы. Именно поэтому церковь и школа играют такую важную роль в сохранении диаспоры.

С психологической точки зрения важны также такие вопросы.

- Из каких более элементарных защитных механизмов состоят эти крупные системы действий — ритуалы?
- Какова их идеология?
- Какое место в ритуалах занимают рационализации и другие познавательные средства и процессы этнической самозащиты?

Механизмы подавления агрессии и защита детенышей

Почему в процессе эволюции агрессия не была устранена у тех животных, для которых жизнь в тесно связанных сообществах является преимуществом, спрашивает *К. Лоренц* и дает такой ответ: агрессия имеет общую положительную функцию в сохранении видов, а для тех особых случаев, которые могут быть вредными, эволюция придумала тормозные механизмы[42].

И здесь тоже культурная эволюция человечества шла параллельными путями, поэтому *основные законы Моисея являются запретами.* Сам законодатель сознательно, исходя из принципов морали, создает законы, а последователи подчиняются без рационального рассуждения. В этом смысле табу имеет большое сходство с инстинктивными запретами и ритуалами. Но табу только функционально делает то, что делает настоящая мораль, а во всех остальных отношениях он ниже морали. *К. Лоренц* связывает табу с рефлексами, которые ниже рационального, концептуального мышления. Но механизмы, заставляющие животных действовать неэгоистически, восхитительны. Они работают у животных так, как мораль среди людей.

Хорошим примером такой аналогии является *ритуализованная драка* позвоночных животных. Вся структура этой борьбы создана для того, чтобы показать: партнер силен, но слабого не бьет. Это сходно со спортивными играми, но животные при этом показывают примеры рыцарства и честной игры. На примере рыб и других животных Лоренц подробно рассказывает об этапах перехода от смертельной схватки двух особей к ритуализации их борьбы, а затем и к созданию механизмов, запрещающих нанесение ран или убийство. Если на последнем этапе ритуальной борьбы один из соперников открывает незащищенные части своего тела, *другой никогда не воспользуется этой возможностью. В последний момент агрессор останавливается.* Это интересное явление подробно описано у рыб (которые борются ртами), у оленей (борются своими рогами) и других высших позвоночных. У животных-самок есть специальные механизмы запрета агрессивности по отношению к своим детенышам, особенно к новорожденным[43].

Животные-самки, как показали этологи, не атакуют своих новорожденных или только что выведенных из яиц детенышей не потому, что их «любят», а потому, что в ходе эволюции у них образовались механизмы, запрещающие агрессию. У каждого вида этот механизм специфичен.

Например, у одной породы гусей обнаружили, что механизм запрета агрессии включается и мать начинает уход за детенышами только в том случае, если цыплята производят характерные звуки и если мать не глухая. Если же мать глухая (такие эксперименты проводились), она нападает и клюет не только других животных, но и своих птенцов, причем до смерти. Материнский уход длительнее у тех животных, детеныши которых рождаются беспомощными, но с большими потенциальными возможностями обучения. Там, где развиты материнский уход и «нежность» к детенышам, агрессия крайне слаба.

Внутривидовая агрессия сведена к минимуму у всех теплокровных животных. Например, собаки даже в очень голодном состоянии не едят мясо другой собаки. Среди птиц тоже в целом каннибализм отсутствует, кроме некоторых исключительных случаев. В диком, природном состоянии и этого нет. Каков специфический механизм, предотвращающий каннибализм, пока не ясно. Так, волчата, щенки и детеныши других животных долгое время беспомощны и нуждаются в уходе, что очень терпеливо делают их матери. Малыши легко могли бы стать жертвами своих голодных сородичей, но среди волков нет каннибализма. Однако, хотя каннибализма нет, агрессивность взрослых особей все же опасна. Поэтому природа придумала целый ряд тормозных механизмов, суть и происхождение которых пока не совсем ясны.

Тут, конечно, возникают многие вопросы. Одну проблему мы бы хотели сформулировать, чтобы дать читателю пищу для дальнейших творческих размышлений: защитные механизмы, используемые при фрустрациях, нам известны. Но каковы тормозные механизмы у людей и как они связаны с известными защитными механизмами? Как эти две группы механизмов взаимосвязаны внутри личности и в межличностных отношениях, то есть на двух уровнях социальной жизни? В первом случае: почему человек обычно не подвергает себя агрессии и в каких случаях запрет самоагрессии снимается, иногда — вплоть до самоубийства? Какие тормозные и защитные механизмы при этом выходят из строя?

Во втором случае, на уровне групп: что предотвращает агрессию одного человека к другому и какие механизмы выходят из строя в тех случаях, когда агрессия совершается, вплоть до убийства?

Предстоит раскрывать механизмы торможения и защиты на трех уровнях:

а) биопсихологическом, в том числе наследственном;

б) индивидуально-психологическом;

в) социально-психологическом, то есть групповом.

Ясно, что существуют также подуровни указанных уровней, на каждом из которых механизмы торможения агрессии и формы их повреждений могут быть различными.

Механизм торможения агрессии взрослых особей по отношению к младенцам хорошо развит у собаки, хотя у разных пород этого животного в данном отношении имеются различия.

Так, *Нико Тинберген*, известный этолог, наблюдал, что у собак эскимосов, живущих в Гренландии, подобное торможение защищает детенышей только своей стаи, тогда как нет запрета агрессивно атаковать и кусать малышей других стай (свор). Любопытно, что молодость индивидуального животного каким-то образом узнается взрослыми животными, хотя по размерам молодые животные могут быть даже крупнее взрослых.

Такое узнавание возраста происходит, как предполагается, по поведению, по запаху и другим признакам. А когда взрослая особь атакует молодого, тот немедленно бросается на спину и, лежа в такой позе и показывая свой голый, еще детский живот, выпускает несколько капель мочи, которые агрессор тут же унюхивает. И его агрессивные действия прекращаются.

Защита самок от агрессии

У многих видов животных образовались также механизмы торможения агрессии самцов против самок. Это механизмы подавления нерыцарского поведения «мужчин» по отношению к «женщинам», к «слабому полу». Правда, среди некоторых видов мух, пауков и насекомых самки сильнее самцов, и во время попыток последних поухаживать за ними с целью спаривания самки проявляют агрессию и даже пожирают самцов, оставляя только ту часть их тела, которая нужна для спаривания и репродукции.

Все же более интересен механизм торможения агрессивности против самок, развитый среди птиц и млекопитающих, вплоть до человека. У людей запрет выражен в различных словесных формулировках о том, что на женщин нельзя поднимать руку, что они составляют слабый пол и т. п. Но есть целая группа видов животных, у которых в нормальных условиях самцы никогда не подвергают самок опасной атаке.

Этот механизм хорошо развит у собак и волков. *К. Лоренц* предупреждает: если у вас есть пес и он серьезно атакует самок, следует быть осторожнее: у него что-то не в порядке. Надо держать детей подальше от такого животного.

Абсолютный запрет агрессии против самок наблюдается у многих видов животных. Когда самка нападает на самца, тот обычно не отвечает агрессией на агрессию, а подставляет для кусания такие места своего тела, повреждение которых менее всего опасно для жизни.

Интересно то, что там, где самцы не атакуют самок, последние не только сами не агрессивны: они очень уступчивы перед самцами и сразу показывают жесты подчинения. Лишены ли эти самки агрессивности вообще? Вовсе нет! Между собой они могут драться яростно.

Механизм торможения агрессии в различных ситуациях включается под воздействием различных стимулов: запахов, зрительного восприятия предметов и т. п. Вызывающие торможение факторы, как уже отмечалось в первой части, называются *релизерами* этих механизмов, как бы спусковыми крючками. *К. Лоренц* замечает, что если мы говорим о релизерах или включающих механизмах инстинктивных форм поведения, го имеем право также говорить о релизерах тормозных действий. Эти механизмы не менее сложны. *Торможение агрессии — активный процесс сопротивления очень сильному и активному импульсу*. При этом импульс подавляется или видоизменяется. Это процесс **социального торможения**, который имеет свои релизеры[44].

В данном контексте лишь мельком говорится о том, что торможение агрессии ведет к ее изменениям, к порождению ее модификаций, но не исследует эти изменения. Но ведь это крайне важная проблема, о которой, относительно человека, уже было у нас обсуждение в первом томе настоящего труда. Возможно, что удастся у высших животных найти филогенетические корни перехода животного

к использованию других адаптивных механизмов в подобных проблемных ситуациях, в частности, предпосылки **сублимации агрессии**. Причем, когда речь идет о торможении агрессии к самкам, — в тесной взаимосвязи с сексуальным влечением. Здесь открывается интересное направление этолого-психологических исследований.

Наконец, вслед за Лоренцом отметим, что в качестве релизеров тормозного механизма агрессии выступают запахи, то есть органы обоняния и выделения пахучих веществ, яркий цвет или ритуализированные формы поведения. Более обычными являются комбинации этих стимулов.

2.14. Контролированное выражение агрессии

Психологические знания широко применяются в различных областях человеческой деятельности. Делаются попытки использовать также наши научные знания об агрессии и агрессивности. Это связано, в частности, с тем, что в современном обществе все более ясно осознается необходимость контроля над агрессией. Специалисты, в том числе юристы и руководители учреждений, понимают, что наказание как метод предотвращения агрессивного поведения имеет ограниченные возможности. В результате этого усиливается тенденция использовать способы контролируемого выражения агрессии, если уж она неизбежно возникает у человека почти во всех стрессовых и фрустрирующих ситуациях.

Контролируемое выражение агрессии дает возможность личности разрядить свое эмоциональное напряжение социально неосуждаемыми, даже привлекательными и конструктивными способами. Основным теоретическим принципом, лежащим в основе этого метода, является представление, согласно которому если человек в работе или в игре дает свободу своим эмоциям и агрессивности, то эти эмоции изживаются и он становится более мирным гражданином. Это принцип катарсиса, который, как мы знаем, иногда соответствует действительности. Свободное вербальное выражение также считается способом изживания агрессивности. Данный метод оказался весьма эффективным при регуляции чувства враждебности детей и подростков.

Еще в начале 1950-х годов психическая больница Роттердама сообщила, что почти всякая агрессия пациентов исчезла после установления манекена, которому они могли наносить удары, превратив его в объект своей агрессии. Манекен был установлен на пружинах и после каждого удара возвращался назад, даже ближе прежнего, тем самым показывая свою «нечувствительность к агрессии». Так как этот манекен имел неопределенные формы, пациенты, по закону психологической проекции и атрибуции, могли считать его туловищем человека с головой животного или чем-то другим. Для усиления иллюзии, что это знакомый человек, пациенты могли на нем рисовать мелом: цвет манекена был голубовато-черным.

Даже людям с относительно слабой агрессивностью весьма полезно знание о контролируемых формах выражения враждебности. Спорт, ремесла, различные хобби являются неплохими средствами успокоения психики после стрессов и фрустраций. Ребенок, который напряженно учится, посещает различные спортивные кружки и вообще социально активен, менее склонен к агрессивным действиям

и отклоняющемуся поведению, чем те, кто лишен этих возможностей разрядки своей агрессивности.

Этологи считают, что изучение поведения животных учит нас тому, как следует обуздать агрессию людей.

Так, *Н. Тинберген*, лауреат Нобелевской премии, наметил следующие пути:

1) следует так воспитывать людей, чтобы они были менее агрессивными;
2) можно прививать людям способность представлять себе страдания жертв агрессии и пробуждать сочувствие к ним;
3) нужно попытаться найти наилучшие пути для облагораживания нашей агрессии и перевода ее в другое русло: направить свои силы на покорение природы и космоса, на создание гигантских ирригационных сооружений и на другие подобные великие свершения[45].

А вот как представляет себе *К. Лоренц* способы сдерживания агрессии, которые он подразделяет на две группы: правильные и ошибочные.

Первую группу образуют:

а) *самопознание:* зная природу и причины агрессии, легче найти пути ее безопасного выражения и использования;
б) *перенос агрессии на безопасные объекты, замена объектов агрессии.* Эволюция сама открыла этот путь, тем самым предотвращая драки между членами одного сообщества. Лоренц думает, что это «самый хороший путь» выражения агрессии. Но уместен вопрос: для кого?;
в) *сублимация агрессии:* Лоренц считает сублимацию разновидностью катарсиса и признает, что она мало исследована. Катарсис и сублимацию мы рассмотрели отдельно и достаточно подробно. Отметим, что главная разновидность сублимации агрессии — творческая работа;
г) *установление личных знакомств и дружбы между людьми, в том числе между социальными и этническими группами*, может предотвратить взаимную агрессию. К сожалению, этот рецепт не всегда помогает, что мы видим на примере тех процессов, которые развернулись в 1990-е годы на территории бывшего СССР, Югославии и других стран. По каким-то причинам лучшее знание друг друга иногда усиливает взаимную агрессию;
д) поскольку многие обладают «боевым энтузиазмом», Лоренц предлагает найти пути правильного использования этого энтузиазма, инстинкта драчливости. Следует *выбрать достойные цели*, за которые стоит бороться;
е) *создание правил честной борьбы*, в том числе — ведения войн, обращения с военнопленными, правил спортивных состязаний и т. п.

Особенно важную роль должен играть спорт. Он учит сознательному контролю над своим поведением в борьбе с другим человеком. Именно в этой области обучение честной борьбе и рыцарству имеет наивысшие перспективы. В спорте люди учатся дружить, служить общим целям, сотрудничать[46].

Правда, и тут нельзя обойтись без оговорок. *К. Лоренц*, по-видимому, не знал, что многие спортсмены после ухода из арены спортивной борьбы пополняют

ряды преступников и нечестных на руку бизнесменов. Многие из этих людей злоупотребляют той силой и ловкостью, которые приобрели благодаря многолетним тренировкам. Но та истина, что спорт дает выход боевому энтузиазму людей в период активного занятия им — непреложный факт. И если спортсмен приобретает также высокую культуру социального поведения, он может стать очень полезным и миролюбивым членом общества.

Вторую группу составляют:

а) защита человечества от всего того, что фрустрирует и вызывает агрессию;
б) запрет агрессии, установление над ней морального вето. Такие меры приводят к еще большему усилению агрессивности людей. Это то же самое, говорит Лоренц, как если бы для снижения давления в бойлере еще плотнее закрывать его вентиль безопасности;
в) использование средства генетической инженерии, в частности, евгеники, в качестве способа вытравления агрессии из человеческой природы. Почему? По мнению автора, существует целый ряд ценных человеческих качеств и стремлений, которые тесно связаны с агрессией. Уничтожая агрессию, мы уничтожили бы и эти качества — черты, которые лежат в основе достижений людей.

Агрессия, согласно указанной концепции, лежит в основе дружбы людей. Природа человека определяется взаимодействием инстинктов, поэтому уничтожение одного из них может привести к непредвиденным последствиям. Многие виды деятельности людей в качестве одного из своих мотивов имеют агрессию. В результате уничтожения агрессивности могут стать значительно слабее желание людей взяться за решение трудных проблем, самоуважение и ряд других качеств. Человек станет вялым существом. *К. Лоренц* даже считает, что вместе с истреблением агрессивности исчезнет и смех.

Есть немало людей, для которых способом разрядки агрессивности является чтение. Даже авторы художественных и исторических произведений, описывая агрессивность своих героев, могут переживать определенный катарсис. Они частично освобождаются от своих враждебных чувств к другим людям и обществу.

Исследования показывают, что те авторы, которые в своих книгах описывают больше агрессивных сцен, живут относительно более мирной, неагрессивной жизнью, чем другие. Те же из них, кто агрессивен в повседневной жизни, в своих книгах более изменчивы, у них устойчивых тенденций не обнаружено. Все писатели изображали в своих произведениях больше агрессивных сцен в тех случаях, когда переживали финансовые затруднения.

Некоторые авторы считают способность к контролированному выражению агрессии результатом образования у личности иммунитета. Это означает, что, испытывая малые дозы фрустрации и научившись справляться с ними, человек приобретает способность справляться и с большими дозами фрустрации. Это сходно с тем, как иммунитет к болезни создается путем искусственного возбуждения слабой формы этой же болезни путем вакцинации. Человек, адаптируясь к слабым фрустрациям, приобретает способность адаптации и к более сильным. Подобные идеи еще в 1930-е годы высказал известный психолог *Саул Розенцвейг*[47].

2.15. Роль агрессии в социогенезе

Виды животных сообществ

Одна из идей, высказанных *К. Лоренцом*, по нашему мнению, до сих пор еще не привлекла к себе того внимания, которого заслуживает. Речь идет о его утверждении, что *агрессия играла положительную роль в возникновении человеческого общества*. Эта идея с первого взгляда может восприниматься как парадоксальная, поскольку агрессивность и враждебные действия людей отталкивают их друг от друга, являются, так сказать, дизъюнктивными факторами. Каким образом обосновывает эту свою мысль Лоренц, утверждение, которое, как мы думаем, следует развивать. Каким образом агрессия участвовала в переходе от животных сообществ к человеческому обществу?

Этологи описывают четыре разновидности животных сообществ: анонимную стаю, общество без любви, общество крыс и союз (или группу).

1. *Анонимная стая* — это большая группа одинаковых индивидов, которые объединились с целью самозащиты. Между индивидами, составляющими такую стаю, нет никакой эмоциональной привязанности, нет у них личных связей[48].

   Можно предположить, что именно в таких стадах жили первобытные люди.
2. *Общество без любви* — это сообщества живых существ, достаточно крепкие и длительно существующие (например, семьи), в которых супруги объединяются только для производства потомства и ухода за ним. У этих индивидов нет никакого интереса друг к другу. Описывая такие супружеские пары, *К. Хейнрот* назвала подобные группы «локальным супружеством». В поисках лучших мест обитания животные случайно встречаются, живут вместе, спариваются и оставляют потомство. Когда появляется новый самец, начинается борьба, и, если он побеждает, становится супругом самки. Так же ведут себя белые аисты. *К. Лоренц* подробно описывает их поведение и показывает, что между самкой и самцом не возникает личных связей, они после разлуки даже не помнят друг друга[49].
3. *Общество крыс*. Исследование сообщества крыс и их взаимоотношений вообще представляет исключительный интерес для понимания социогенеза в процессе эволюции. У этих животных превалирует внутривидовая агрессия, которая выражается как беспощадная, жестокая борьба между разными семействами. Внутри своего сообщества крысы — пример социальной добродетели. Они узнают друг друга по запаху. Но при встрече с чужаками, которых угадывают по различию запаха, они превращаются в беспощадных агрессоров, настоящих извергов. Страшное крысиное сообщество подробно описано Лоренцом[50] и другими специалистами.

   Крысы представляют нам впечатляющий пример групповой агрессии, борьбы одного сообщества против другого.

   Сходные сообщества (большие стаи) существуют не только у грызунов — крыс и мышей, — но и у насекомых — пчел, муравьев и термитов. Члены таких сообществ, возникающих из одной пары родителей или из матки, узнают друг друга по характерному запаху улья или муравейника. Когда в такую колонию попадает чужой, его убивают.

4. *Союз, или группа.* В ней индивиды взаимосвязаны на основе их индивидуальности и избирательными реакциями на индивидуальность друг друга. Члены группы персонально знают друг друга и наблюдают друг за другом в самых различных ситуациях. Такие сообщества встречаются у некоторых видов рыб и птиц, но они наиболее характерны для людей. Иначе говоря, они возникают у самых агрессивных животных. Личная привязанность сочетается с внутривидовой агрессией.

Механизмы перехода от внутривидовой агрессии к личным социальным узам

Те условия, которые были перечислены в предыдущем разделе, — это, скорее, *предпосылки* (причем не все) возникновения маленьких сообществ, основанных на личных связях. Вопрос заключается в следующем: *каков механизм перехода от внутривидовой агрессии к социальным связям?*

У этологов есть ответ на этот вопрос, правда, он неполный. Это мы покажем чуть позже, а теперь послушаем ответ этолога на поставленный выше вопрос: «Несомненно, что личные узы и любовь во многих случаях возникли из внутривидовой агрессии, в известных случаях это происходило путем ритуализации переориентированного нападения или угрозы»[51].

Обратите внимание, что в этом утверждении есть по крайней мере две оговорки:

а) «во многих случаях», то есть не всегда; а это означает, что, по-видимому, личные узы и любовь возникают не только из агрессии, — могут существовать и другие источники, предпосылки и механизмы;
б) механизм ритуализации действует «в известных случаях», то есть опять-таки не всегда. Это значит, что, по-видимому, есть и другие механизмы перехода от агрессии к любви и социальным связям или преобразования внутривидовой агрессии в симпатию и любовь;
в) ничего не говорится о роли межвидовой агрессии в возникновении социальных связей и сообществ, но мы предполагаем, что эта разновидность агрессии также участвует в процессе социогенеза. Она, например, приводит к усилению и даже первичному возникновению внутригрупповой сплоченности. Но данный аспект проблемы мы здесь развивать не будем.

Отметим, что *К. Лоренц* фактически указывает на роль двух механизмов перехода от агрессии к социальным узам:

а) *механизма переориентации агрессии* (то есть ее переноса на новый объект);
б) *механизма ритуализации агрессии*, хотя при желании переориентацию можно считать элементом ритуализации.

Более того, возникающие таким путем ритуалы, по мнению Лоренца, со временем превращаются в новый самостоятельный инстинкт, автономную потребность, вследствие чего возникает желание иметь партнера. Социальная связь упрочивается.

Бывает ли внутривидовая агрессия без социальных связей?

Действительно, возможна ли внутривидовая агрессия без наличия социальных связей? На этот вопрос этологи, основываясь на теорию эволюции, дают положительный ответ. «Внутривидовая агрессия, — писал Лоренц, —

на миллионы лет *старше* личной дружбы и любви. За время долгих эпох в истории земли наверняка появлялись животные, исключительно свирепые и агрессивные. Почти все рептилии, каких мы знаем сегодня, именно таковы, и трудно предположить, что в древности это было иначе. Однако личные узы мы знаем только у костистых рыб, у птиц и у млекопитающих, то есть у групп, ни одна из которых не известна до позднего мезозоя. Так что внутривидовой агрессии без ее контрпартнера, без любви, бывает сколько угодно; но *любви без агрессии не бывает*»[52].

Итак:

а) на базе внутривидовой агрессии социальные узы и любовь возникли только на определенной стадии эволюции;

б) такой переход происходил не у всех видов животных;

в) и парадоксальный, на первый взгляд, вывод: агрессия без любви бывает, но любви без агрессии — нет!

К проблеме этногенеза

Отметим, что приведенные выводы этологов мы считаем достаточно обоснованными и, что самое главное, очень важными для понимания *не только социогенеза, но и этногенеза*. Ведь если сказанное верно и относительно древних людей, то вследствие возникновения первых устойчивых социальных уз возникли семьи, отсюда — роды и племена, то есть первые этносы.

Отсюда ясно также, что человечество и этносы (народы) начались не с семьи, а с более или менее анонимных стад, внутри которых уже, в результате работы описанных в предыдущих разделах механизмов, возникают первые небольшие группы предлюдей — еще неустойчивые семьи, «сезонные» — как у исследованного *Яном Линдбладом* южноамериканского архаичного племени[53].

Закон сочетания агрессии и механизмов ее торможения

В числе названных выше механизмов порождения общества из агрессивных взаимоотношений, как ни удивительно, этологами не называются *ингибиторы агрессии*. Ведь вполне понятно, что агрессия могла быть переориентирована иначе, чем на другого индивида, лишь при наличии подобных внутренних механизмов, во всяком случае — у части индивидов.

Ниже мы предлагаем ряд доводов, составляющих «закон сочетания агрессии и ингибиторов» в процессе социогенеза. **Наша концепция** сводится к следующим утверждениям:

1) общественные связи создаются не столько агрессией, сколько теми тормозными механизмами (ингибиторами), которые в ходе эволюции возникают для сдерживания и подавления агрессии;

2) поскольку ингибиторы агрессии появляются после возникновения агрессии, то есть исторически являются вторичными образованиями или механизмами, то ясно, что в конечном счете, действительно, агрессия является одним из факторов, способствующих возникновению общества;

3) говоря точнее, *сопряжение «агрессия — ингибитор» является одним из важнейших механизмов возникновения общества. Агрессивность и тормозные механизмы агрессивного поведения возникают и развиваются сопряженно.*

Слабеют агрессивность и ее орудия (лапы, клыки и т. п.) — слабеют и ингибиторы;

4) идея *К. Лоренца* и других этологов о том, что в истории эволюции видов существовали абсолютно агрессивные виды, причем в течение длительных исторических интервалов, подлежит проверке. Во всяком случае, следует выяснить, почему и когда появились первые ингибиторы.

Почему кроманьонцы победили неандертальцев?

Поскольку мы затронули вопросы антропо-, социо- и этногенеза, попытаемся ответить на следующий вопрос: почему кроманьонцы сумели победить и уничтожить основную массу неандертальцев и захватить фактически всю эйкумену? Известно, что эта смена двух подвидов предлюдей, которая происходила за 200–100 тысяч лет до н. э., является одной из загадок эволюции человека. Предполагается также, что «гомо сапиенс» уничтожил все остальные «человеческие виды», которых считал своими соперниками или «недолюдьми». Да и в наши дни идет острая борьба между расами и этносами. История человечества — это история убийств. Поэтому вряд ли у первобытного человека после первого убийства своего сородича возникло «чувство огромности» своего деяния, как предполагает *К. Лоренц*. В определенной мере так думал и *З. Фрейд*[54]. Убийство всегда было обычным делом, особенно уничтожение представителей других рас, родов и племен.

Но вернемся к интересующему нас основному вопросу: каким образом кроманьонцам удалось почти полностью уничтожить неандертальцев, у которых был примерно одинаковый с ними интеллект?

Исходя из вышеизложенной концепции возникновения общества из внутривидовой агрессии, предложенной этологами и расширенной нами, мы, в качестве ответа на поставленный вопрос предлагаем **гипотезу**, состоящую из следующих утверждений:

1) кроманьонцы были более агрессивными, чем ставшие их жертвами неандертальцы;
2) агрессивность у них сочеталась с наличием ингибиторов и других механизмов социогенеза;
3) до встречи с неандертальцами кроманьонцы, имея в своем распоряжении указанные механизмы, уже успели создать социальную организацию, имели предводителей, а может быть, даже организованное войско. Вследствие всего этого они и победили. У неандертальцев преобладала внутривидовая агрессия, а социальная организация отсутствовала или же была очень слаба и неустойчива.

Теперь нам предстоит найти археологические и другие данные, подтверждающие эту гипотезу. Но мы здесь вынуждены ограничиться вышеизложенным.

Возникновение ненависти

Каково соотношение между агрессией и ненавистью? *К. Лоренц* предупреждает, что ненависть следует четко отделить от внутривидовой агрессии. Затем он указывает на то, что ненависть может возникнуть только на этапе уже существующих социальных уз. «В отличие от обычной агрессии она бывает направлена *на индивида*, в точности как и любовь, и по-видимому любовь является предпосылкой ее появления: по-настоящему ненавидеть

можно, наверно, лишь то, что когда-то любил и все еще любишь, хоть и отрицаешь это»[55]. Здесь важнее всего идея направленности ненависти (как и любви) на индивида. Ненависть является противоположностью любви, и это тоже давно известно.

Можно утверждать еще и следующее: любовь и ненависть к одному и тому же объекту не просто противоположности: они — **сопряженные противоположности**, причем их сопряжение на самом деле имеет характер обратной зависимости: чем сильнее любовь, тем слабее связана с ней ненависть. Но тут есть парадокс: чем сильнее любовь, тем интенсивнее ненависть, но лишь после того, как любовь исчезает. Создается впечатление, что исчезающая любовь передает свою психическую энергию усиливающейся ненависти. Но верно ли обратное?

Примечания

[1] *Eysenck H.J.* Crime and personality. London, Routledge and Kegan Paul: 1977; Eysenck H.J., Fact and Fiction in Psychology; *Eysenck H.J. and Eysenck M.* Mindwatching. Why we behave the way we do. London, 1995.
[2] *Baron R.* Human aggression. New York: Plenum, 1987; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.
[3] См. работы Л. Хьюсмана и его коллег. См. также: *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003. — Гл. 5.
[4] *Bandura A.* Aggression: a social-learning analysis. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1973; см. также: *Deaux K., Dane F. C. and Wrightsman L. S.* Social Psychology in the 90s (6th ed.). Pacific Grove (CA): Brooks/Cole, 1993, p. 258.
[5] *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб., 2000.
[6] *Аристотель.* Поэтика // Соч.: В 4 т. — М., 1984. Т. 4. — С. 645–680.
[7] *Federn P.* Ego Psychology and the Psychoses. Imago Books. London, 1953; *Mackal K. P.* Psychological Theories of Aggression. Amsderdam — New York — Oxford, 1979, pp. 75–97.
[8] *Freud S.* The resistances to Psychoanalysis. — In "Collected Papers", Ed. by J. Strachy, Vol. 5, New York, 1959, pp. 163–164.
[9] *Hokanson J. E. and S. Shelter.* The Effect of Overt Aggression on Phisiological arousal level. — "J. of Abnormal and Social Psychology", 1961, 63, pp. 446–448; *Mackal K. P.*, op. cit., pp. 87–93.
[10] *Hokanson J.* E. and S. Shelter. The Effect of Overt Aggression on Phisiological arousal level. — "J. of Abnormal and Social Psychology", 1961, 63, pp. 447.
[11] *Hokanson J.* E., M. Burgess. The effects of status, type of frustration and aggression on vascular process. — "J. of Abnormal and Social Psychology", 65, 1962, p. 447.
[12] *Hokanson J.* E., M. Burgess. The effects of status, type of frustration and aggression on vascular process. — "J. of Abnormal and Social Psychology", 65, 1962, p. 236.
[13] *Hokanson J.* E., Burgess M. and M. F. Cohen. Effects of Displaced Aggression on systolic blood pressure. — "Journal of Abnormal and Social Psychology", 67, 1963, p. 217.
[14] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001.
[15] *Kahn M.* The physiology of catharsis. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1966, 3, pp. 278–286.
[16] *Zimbardo Ph. G.* Psychology and Life (11th ed.). Glenview and London, 1985, pp. 630–633.
[17] Еще раз укажем, что с обзором этих исследований можно ознакомиться в следующих книгах: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — Гл. 12; *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003; и др.
[18] *Berkowitz L. and Alioto J. T.* The meaning of an observed event as a determinant of its aggressive consequences. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1973, 28, pp. 206–217.

[19] *Vfllick S. K. and McCandless B. R.* A study of catharsis of aggression. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1966, 4, pp. 591–596.
[20] *Ebbensen E. B., Duncan B. and Konecni V.* Effects of content of verbal aggression. A field experiment. — "Journal of Exper. Social Psychology", 1975, 11, pp. 192–204.
[21] *Konecni V., Ebbensen E. G.* Desinhibition versus the cathartic effect: Artefact and substance. — "Journal of Personality and Social Psychology", 1976, 34, pp. 352–365.
[22] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 410–417.
[23] *Feshback S.* The Drive-reducing Function of Fantasy Bahavior. — "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1955, 50, pp. 3–11; см. также: *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998. — Гл. 6.
[24] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. — Л., 1990. — С. 54.
[25] *Геродот.* История. — Л., 1972.
[26] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 271.
[27] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 172.
[28] Приводится по: *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 283–284.
[29] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 284.
[30] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 284.
[31] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 285.
[32] *Baron R. A. and Ball R. L.* The aggression-inhibiting influence of nonhostile humor. — "Journal of Exp. Social Psychology", 1974, 10, pp. 23–33.
[33] См. обзор этих исследований в книгах: *Baron R. and Byrn D.* Social Psychology, Understanding Human Interaction. 2nd ed., Allyn and Bacon, Boston etc., 1977; *Aronson E.* The Social Animal. London, 1973.
[34] *Baron R. A. and Byrn D.* Social Psychology. Understanding Human Interaction. 2nd ed., Allyn and Bacon, Boston etc., 1977, pp. 445–446.
[35] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966. Chapter 5.
[36] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, pp. 54–55.
[37] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, p. 64.
[38] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, pp. 54–55; *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 69–70.
[39] *Хайнд Р.* Поведение животных. — М., 1975.
[40] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 72.
[41] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 75.
[42] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 105.
[43] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 110–111.
[44] *Lorenz K.* On Aggression. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, p. 124.
[45] *Тинберген Н.* Поведение животных. — М., 1985. — С. 156.
[46] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 271–272.
[47] *Rosenzweig S.* A dynamic interpretation of psychotherapy oriented toward research. — "Psychiatry", 1938, 1, pp. 521–526.
[48] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 214.
[49] Лоренц К. Агрессия. — М., 1994. — С. 144–153.
[50] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 161–168.
[51] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 215.
[52] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 215.
[53] *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. — М., 1991.
[54] *Фрейд З.* Тотем и табу. // Труды разных лет. Кн. 1. — Тбилиси, 1991. — С. 193–350.
[55] *Лоренц К.* Агрессия. — М., 1994. — С. 215.

ГЛАВА 3

Психология наказания

3.1. Предотвращение, контроль и наказание

Контроль над социально опасной агрессивностью и ее **предотвращение** — *важнейшие проблемы психологии человеческой агрессивности.* Эта проблема довольно интенсивно изучается социальными психологами, и полученные результаты представляют несомненный интерес для других психологов, педагогов, юристов, руководителей различных рангов, которым часто приходится применять свою власть.

Для защиты жизни и интересов как индивидов, так и общества необходимо установить контроль над человеческой агрессивностью и наиболее агрессивными людьми. Опасность представляют не только прямые и физические формы агрессии, но и ее символические варианты, например, клевета, навет, распространение неблагоприятных слухов, дискредитирующих человека. Опасны также такие непреступные по современным представлениям формы агрессии, как сверхстрогая дисциплина над детьми, ворчанье, нытье, безудержное выражение своего настроения без учета интереса присутствующих. Каждый день в психологических клиниках специалисты встречаются со случаями импульсивной агрессивности, которые порождают конфликты между родителями и детьми, руководителями и подчиненными, между супругами.

В современных обществах проблема агрессивности решается разными путями, основными из которых являются следующие:

а) *наказание* индивида за выражение открытой агрессии;

б) создание условий для выражения агрессивности и враждебности каким-либо *контролируемым способом*, который не нарушает права других людей.

Наказание и его последствия

Наказание или **угроза возможным наказанием** — *традиционные способы воздействия на агрессора и предотвращения его последующих разрушительных действий.* Они считаются эффективными и широко применяются во всем мире, во всех человеческих взаимоотношениях. Именно поэтому почти повсеместно приняты законы о строгом наказании за насилие, нанесение телесных повреждений и, конечно, за убийство. Строгое наказание за насилие предусматривается также моральными и религиозными традициями.

Известно, например, какие строгие меры предусматривает шариат к преступникам в тех странах, где влияние ислама сильно, и суды руководствуются этим религиозным кодексом. Такая практика распространена в ряде арабских и других стран, а в 1990-е годы на основе шариата в Чеченской Республике были осуществлены даже публичные казни.

Самым распространенным способом контроля над враждебностью и агрессией является *установление запретов* (табу) и *наказание за их нарушение, репрессирование нарушителей.* Именно для этой цели создаются законы и правила поведения.

Значительная часть психологов также придерживается того взгляда, что чем строже ожидаемое наказание, тем сильнее та внутренняя сила человека, которая сдерживает его, предотвращая его враждебные поступки. Только ожидание мести со стороны общества и пострадавшего, полагают многие психологи, сдерживают тенденцию большинства индивидов к совершению агрессивных действий.

Эта точка зрения верна для многих случаев жизни. Например, изучение поведения детей показывает, что даже такая мягкая форма наказания, как социальное неодобрение (словесное осуждение), резко сокращает объем агрессии в поведении[1].

Многие родители хорошо знают, что дети отказываются от своих агрессивных намерений, если уверены, что родители будут осуждать их.

Л. Берковиц следующим образом обобщил представления о том, каким образом применить наказание, чтобы оно было эффективным: «Согласно психологической теории и исследованиям, наилучшим образом наказание действует, если оно:

1) строгое;
2) применяется быстро, до того, как личность, чье поведение необходимо контролировать, сможет насладиться удовольствием, которого она может достичь осуждаемым поведением;
3) осуществляется последовательно и уверенно, так что сомнений в том, что осуждаемое действие будет иметь, по крайней мере, хоть какие-то негативные последствия, практически не остается;
4) существует привлекательная альтернатива осуждаемому поведению;
5) люди, исполняющие наказание, ясно понимают здравый смысл дисциплины»[2].

Затем автор отмечает, что лишь угроза строгого наказания редко заставляет людей вести себя правильно, если даже мы указываем им на возможные ужасные последствия их поступков.

Чтобы наказание было эффективным, необходимо поступить так, чтобы агрессор как можно меньше получил наслаждения от своего поступка, чтобы он не был вознагражден видом страдающей жертвы или получением того, к чему стремился. Поэтому психологи советуют за проступок или преступление человека наказывать немедленно и строго.

Поскольку известно, что негативные переживания, возникающие у преступника во время наказания, вызывают импульсы к совершению новых агрессивных актов, то ему надо дать понять, какие новые наказания его ждут. Ему надо посоветовать сдерживать свои импульсы и, если возможно, указать на существование привлекательных альтернативных действий.

Исследования *Р. Бэрона* показали, что хотя восприятие агрессивной социальной модели усиливает тенденцию субъекта к совершению агрессивных действий, однако само выполнение таких действий зависит от дополнительных факторов. Агрессивные действия против вызывающего гнев объекта, например фрустратора, под влиянием социальной модели будут активными, если объект имеет слабые возможности возмездия. Если же вероятность возмездия велика, агрессивные действия подавляются.

Получены дополнительные данные о том, что сходные с субъектом люди как социальные модели легче вызывают у субъекта агрессивные действия, чем несходные.

Причем этот фактор частично нейтрализует влияние большой вероятности возмездия. Однако восприятие сигналов о страданиях жертвы также может стать фактором, подавляющим агрессивность.

3.2. Всегда ли эффективно наказание?

Ряд психологов, в их числе такие крупные исследователи, как *Р. Бэрон* и *Д. Бирн*, высказывают сомнение в том, что наказание *всегда* является эффективным средством предотвращения агрессии. То, что называют актуальным наказанием, иногда воспринимается его реципиентом (жертвой) как нападение, то есть как настоящая агрессия. Поэтому и он отвечает более интенсивной агрессией. Очень строгое наказание, во-первых, часто усиливает желание отомстить: оно не становится перманентным сдерживающим агрессивное поведение фактором. Во-вторых, люди, применяющие наказание, часто становятся агрессивными моделями для тех, кого они наказывают. Если, например, родитель наказывает своего ребенка за то, что тот совершил агрессию против других детей, более младших, и при этом произносит: «Я тебе покажу, что значит обижать младших!», то тем самым он учит своего ребенка, как выбрать жертвы слабее себя и наказывать их.

Когда угроза наказания реализуется в жизни, она, скорее, усиливает агрессивность людей, чем уменьшает ее.

Наказание зачастую лишь временно ограничивает интенсивность агрессивного поведения: как только наказание прекращается, агрессивные действия возобновляются с прежней силой или даже с большей интенсивностью.

Дальнейшее и более плодотворное исследование этих вопросов возможно, если связать их с проблемой авторитаризма родителей, учителей, лидеров социальных групп вообще, с авторитарным стилем управления обществом. Известно, что авторитарные методы социального воздействия, систематическое применение отрицательных санкций усиливают агрессивные тенденции тех, к кому они применяются. В присутствии авторитарного лидера агрессивные действия подчиненных подавляются и сокращаются, поскольку они боятся наказания (авторитарные руководители — люди мстительные), но в отсутствии лидера они в различных прямых и косвенных формах возобновляются.

Угроза наказания, как уже сказано, также имеет ограниченную эффективность. Она, конечно, необходима и довольно эффективно предотвращает такие преступления, как воровство, изнасилование и другие. Но любопытно следующее: *когда угроза наказания реализуется в жизни, она, скорее, усиливает агрессивность людей, чем уменьшает ее.* Дело, видимо, в том, что строгое наказание всегда есть фрустрация, и оно непременно вызывает ответную враждебность.

В одном из сравнительно недавних исследований было показано, что угроза наказания даже усиливает агрессивные тенденции по отношению к некоторым жертвам: агрессор, вместо того чтобы успокоиться, приходит в еще более агрессивно-возбужденное состояние[3].

Обобщив проведенные исследования, *Р. Бэрон* и *Д. Бирн* заключают, что угроза наказания эффективна как средство сдерживания агрессивности только тогда, когда:

а) человек, готовящийся совершить насильственные действия, переживает умеренный гнев;
б) когда от агрессивных действий он не ждет большой пользы для себя;
в) когда сила предвидимого, ожидаемого наказания большая;
г) когда имеется большая вероятность наказания. Когда же ситуация обратна этому, угроза наказания обычно оказывается неэффективным сдерживающим фактором. Преступления совершаются потому, что ожидаемые вознаграждения очень большие и привлекательные и есть вероятность избежать наказания[4].

Тип личности и выбор способа наказания. Исследования показали, что одно и то же наказание за сходное преступление (например, за физическое насилие мужа над женой) для одних является сдерживающим фактором, а для других — нет. Например, если за одно и то же насильственное действие преступников арестовывают и несколько часов держат в тюрьме, то в течение последующих 6 месяцев одни из них вновь совершают насильственные действия, а другие воздерживаются от такого поведения.

Конечно, сразу же появляется мысль о значении личностных различий этих людей. Память о наказании одних удерживает от нового насилия, а на других такого воздействия не оказывает. Поэтому эти предполагаемые различия необходимо исследовать. Пока ясно одно: на людей с психопатическими чертами прошлое наказание почти не оказывает сдерживающего влияния.

Другая тенденция тоже существует: со временем впечатление от наказания стирается из памяти и теряет свою тормозящую силу. Конечно, эта общая тенденция также у разных людей выражается в индивидуальных вариантах.

3.3. Шанс безнаказанности и психология риска

Психологам и криминологам известно и в литературе многократно написано о том, что для предотвращения правонарушений важна не столько строгость наказания, сколько его *неизбежность*.

Мы считаем, что в области психологии наказания одной из главных задач психологов является нахождение оптимального сочетания строгости и неизбежности наказания преступников.

Что касается строгости наказания, то мы уже обсудили этот вопрос и показали, что строгость нередко приводит к обратным желательному результатам. К сходным выводам пришел и целый ряд других специалистов. Мы думаем, однако, что, когда уровень строгости сочетается со *справедливостью* наказания, оно может стать мощным средством предотвращения новых преступлений и преобразования личности преступника в сторону просоциальности.

Но вся трудность применения этих принципов заключается в том, что не все преступления раскрываются; если преступление становится известным полиции, она не всегда обнаруживает преступников; даже те преступники, которых осуждают, не получают должного наказания. Так, согласно данным американских исследователей, только три четверти (75 %) зарегистрированных убийств заканчиваются арестом, «...только 59 % наказаний с отягчающими обстоятельствами, 48 % изнасилований и одна четверть краж привели к такому же результату»[5].

Поскольку в США увеличивается число нападений на незнакомых людей, предполагается, что эти цифры в дальнейшем уменьшатся.

Ясно, что для преступников, замышляющих новые преступления, такая ситуация предоставляет значительный шанс оставаться безнаказанными. Ведь они тоже, особенно те из них, кто использует инструментальную агрессию, производят в уме *вероятностное прогнозирование*. Предвидя значительный шанс не быть пойманными и, следовательно, оставаться безнаказанными, преступники могут идти на новый риск.

Здесь видна возможность развития **психологии риска** в сфере агрессивного и преступного поведения. Шанс и риск — вот важная тема для исследования. Чем больше преступников остается безнаказанными, тем с большим риском и смелостью идут они сами и вдохновляют других на новые преступления. Чем меньше справедливости в отправлении правосудия, тем выше риск для преступников, поскольку они предвидят возможность смягчения своего вероятного наказания путем взаимодействия с теми представителями закона, которые не считают справедливость значительной ценностью для себя.

3.4. Последствия наказания: диссонанс и адаптация

Последствия наказания в значительной мере зависят от уровня его строгости. Очень строгое наказание обычно дает временный эффект. В более далекой перспективе строгое наказание даже приводит к обратному результату. Для понимания этого явления мы, по-видимому, должны применить *теорию когнитивного диссонанса*, согласно которой, если в психике личности возникает противоречие (диссонанс) между двумя утверждениями об одном и том же явлении, сразу же возникает тенденция устранения этого неприятного состояния. Такая внутренняя мотивация вызывает различные когнитивные и поведенческие процессы, с помощью которых личность, часто подсознательно и спонтанно, стремится к освобождению от диссонанса[6].

Следует использовать также концепцию *Ж. Пиаже* и *Л. Колберга* об уровнях морального развития личности. Установление взаимосвязей между теорией агрессии и упомянутыми двумя социально-психологическими теориями приводит к ускорению развития теории фрустрации, агрессии и адаптации.

Повседневные наблюдения и специальные исследования показали, что у родителей, применяющих строгие формы наказания, растут крайне агрессивные дети. Их агрессивность чаще всего проявляется вне дома, то есть далеко от тех людей, которые их наказывают.

Но усиление агрессивности детей может быть также следствием подражания своим агрессивным и грубым родителям, которые являются для них социальными моделями. Как мы помним, дети почти без исключения идентифицируют себя со своими родителями и во многом подражают их поведению, в том числе агрессивному.

Доказано, что, если физическое наказание применяет такой родитель, который всегда относился к ребенку с любовью, его требования охотно выполняются даже в его отсутствие. Но если наказывает всегда холодный и строгий родитель, то в его отсутствие дети менее охотно выполняют его требования. Это весьма сходно с тем, что происходит во взаимоотношениях авторитарного лидера со своими подчиненными, что в экспериментальных условиях показал еще *Курт Левин* со своими со-

трудниками в 1940-е годы, в связи с исследованием стилей лидерства. Исследование этой проблемы было продолжено и углублено в Калифорнийском университете группой социологов и психологов[7].

Рассмотрев соответствующие исследования, *Э. Аронсон* приходит к заключению, которое представляется правильным и глубоким: наказание более эффективно тогда, когда **справедливо** и применяется в общем контексте теплых взаимоотношений. Пытаясь расширить это представление, можно утверждать, что *принцип неотвратимости справедливого наказания должен лежать в основе деятельности всех тех социальных институтов и индивидов, которые обладают властью наказания.* Важное значение, как мы уже знаем, имеет строгость наказания, ее уровень. Мы уже знаем, что очень строгое наказание, воспринимаясь как несправедливое, вызывает новую фрустрацию личности и усиливает его агрессию. Получается своеобразный **эффект бумеранга**, который замечен и описан в процессах идеологического воздействия на людей, пропаганды и агитации: пропагандист стремится убедить слушателя в истинности определенных идей, но своими ошибочными действиями добивается того, что слушатель (реципиент) еще больше убеждается в лживости того, что ему говорят. Нечто такое происходит также при применении сверхсильного и несправедливого наказания. Строгое наказание вызывает **уступчивость** и внешнее согласие, но редко приводит к подлинному убеждению на основе интернализации предлагаемых ценностей.

Но, как известно, из каждого правила есть исключения. Не всегда верно, что подавление агрессии человека угрозой наказания или реальным наказанием делает личность внешне (поведенчески) более агрессивной. Строго ограничивающее свободу личности воспитание, как это имеет место в семьях авторитарных родителей, может привести к формированию поведенчески трусливой личности. Свою враждебность такой человек носит в себе в качестве бессознательного эмоционального «течения». Этот факт был подтвержден в клинике, при работе с крайне заторможенными детьми, которые в ходе лечения часто выражали поразительную агрессивность. Так, в игре с куклами (это обычная терапевтическая техника) такие дети часто ломали куклы, которых они идентифицировали как «отца» и «мать». Такая подавленная агрессия может иметь серьезное влияние на личность и поведение ребенка. Данный вывод можно обосновать также результатами исследований *Э. Эриксона* и других психоаналитиков-терапевтов.

Более эффективным средством подавления агрессии является **угроза мягким наказанием**. Это более эффективный метод воспитания вообще. Почему мягкое наказание или угроза его применения более эффективны? Дело в том, что умеренное наказание за агрессивное поведение оставляет место для дополнительного внутреннего оправдания своего отказа от агрессивного поведения. Но, как отмечает ряд исследователей этого вопроса (*Э. Аронсон*, *Р. Бэрон* и другие), **наказание должно быть такой силы, чтобы субъект прекратил свое агрессивное поведение**. Если же наказание не приостановило агрессивные действия, агрессор продолжит свое насилие, даже зная, что его ждет наказание. Агрессивные действия могут стать более привлекательными.

Отсюда вытекает ясный практический вывод: в каждом индивидуальном случае «дозировку» суровости наказания следует продумывать очень тщательно. Для одних детей, говорит *Э. Аронсон*, пристальный и холодный взгляд отца — достаточно суровое наказание, для других даже сильный шлепок может быть недостаточным.

Всегда следует учитывать, что недостаточно суровая угроза, которая не приводит к быстрому изменению поведения, может привести к усилению привлекательности социально нежелательного поведения[8].

Проблема индивидуального выбора средств и суровости наказания подробно обсуждалась также в российской психологии, где она традиционно связывается с различиями темпераментов детей: одно и то же наказание для сангвиника может быть неэффективным, тогда как для меланхолика — слишком суровым. Эта рекомендация многократно приводилась даже в учебниках общей и педагогической психологии[9].

Психологи исследуют также вопрос о том, какое влияние оказывает на уровень агрессивности людей наблюдение того, как наказывают или вознаграждают других за агрессивное поведение. *А. Бандура, Л. Берковиц, Э. Аронсон* и другие исследователи пришли к выводу, что наблюдение вознаграждаемого агрессивного поведения усиливает агрессивность детей и подростков, а наблюдение ненаказуемого агрессивного поведения не усиливает их агрессивность. Нет, однако, убедительных доказательств того, что наблюдение ненаказуемого агрессивного поведения других — в кино, в лаборатории или в реальной жизни — уменьшает агрессивность наблюдателей. Нам интуитивно понятно, что наблюдение за тем, как наказывают агрессоров, должно уменьшить агрессивность наблюдателей или, по крайней мере, подавить их агрессивные действия при сохранении уровня агрессивности неизменным. Однако, по-видимому, это не всегда так. Известно, например, что введение смертной казни за убийство, как правило, не уменьшает общее число убийств в обществе. Страх смерти не всегда останавливает потенциальных убийц. Это поразительное и не до конца понятное явление привело к тому, что стало перманентно обсуждаемым юристами и психологами: ввести ли в практику смертную казнь или же отказаться от нее? Но данная проблема нуждается в отдельном и подробном обсуждении.

3.5. Длительное тюремное заключение или смертный приговор?

Почти во всем мире в настоящее время идет дискуссия вокруг вопроса о том, какую высшую меру наказания назначить для особо опасных преступников — смертную казнь или длительное тюремное заключение, в том числе пожизненное? Какие решения в конце концов примут юристы и (отчасти) психологи, будет зависеть от многих факторов, в том числе от следующего: какой вид наказания окажется наиболее эффективным в качестве сдерживающего фактора, предотвращающего совершение сходных с теми преступлений, за которые преступники были таким образом наказаны. Можно, конечно, обсуждать также вопрос о том, как влияет наличие или отсутствие смертной казни на уровень преступности в данной стране вообще. Обсудим ряд вопросов из этого комплекса проблем.

Эффективно ли длительное тюремное заключение?

В США проблема эффективности длительных сроков заключения исследована довольно подробно, причем по инициативе правительственных органов. Но вот какие результаты были получены (их подытожил *Л. Берковиц*): «Открытия,

сделанные относительно строгости наказания, особенно поражают. В Соединенных Штатах требование общества пожестче обращаться с преступниками обычно трансформируется в длительное заключение опасных преступников в тюрьму. Однако это отнюдь не означает, что угроза провести долгое время в камере действительно препятствует совершению преступления. Согласно материалам исследования, проведенного по заказу Национальной академии наук, существует не много серьезных доказательств, что длительное заключение имеет сильный сдерживающий эффект»[10].

Если заключенные являются наркоманами, ворами, любителями управлять машиной в нетрезвом состоянии или даже убийцами, то исследователи высказывают сомнение, что их можно удержать от новых преступлений усилением строгости наказания, утверждает Берковиц вместе с другими исследователями.

Иначе говоря, нет доказательств того, что строгость наказания в виде длительных сроков тюремного заключения является эффективным средством сдерживания новых серьезных преступлений, в том числе насильственных. **Неизбежность наказания** намного важнее, утверждают специалисты. Однако следует иметь в виду, что одно и то же наказание или его угроза оказывает различное влияние на различные типы личностей. Известна невосприимчивость к таким угрозам и вообще к воспитательным воздействиям психопатов, из среды которых в основном и выходят преступники названных выше категорий. Поэтому только на основе данных о таких людях нельзя прийти к заключению о недостаточной эффективности строгого наказания. Необходимо проводить более широкие исследования.

Гуманно ли длительное тюремное заключение?

Среди юристов, выступающих за запрет смертной казни, бытуют следующие мнения:

а) смертная казнь бесчеловечна; никто не имеет права отнимать у других жизнь;
б) общество должно стать гуманным и демократичным;
в) смертную казнь за убийства и другие преступления следует заменить пожизненным тюремным заключением;
г) пожизненное или очень длительное (15–20 лет и более) тюремное заключение является не менее строгим, даже более строгим и мучительным наказанием.

Здесь ясно видно противоречие: если пожизненное тюремное заключение — более жестокое наказание, чем смертная казнь, то где же гуманность предлагаемой отмены смертной казни? Что лучше: бесконечные страдания и унижения или быстрая смерть? Одно из них — замедленное и садистическое убийство, другое — быстрое, избавляющее человека от страданий, под воздействием которых личность преступника будет еще больше деградировать.

Недаром, когда с 1 августа 2003 года, по решению президента Армении, смертная казнь была заменена пожизненным тюремным заключением, некоторые бывшие смертники написали письма протеста, в которых просили привести в исполнение их смертную казнь. Поза ли это или искреннее убеждение, что смерть лучше пожизненного заключения? Данный вопрос также требует исследования.

3.6. «Я-концепция» и последствия наказания

Когда человека наказывают за какие-то правонарушения, особенно в том случае, когда выполняют судебное решение и *называют его преступником, тем самым приписывают ему определенный социальный статус и соответствующую этому статусу роль.* Приписать кому-либо определенную социальную роль — это означает предъявлять ему систему ролевых ожиданий (экспектаций). В таких случаях у многих осужденных, если не у всех, возникает внутренний импульс, а иногда и осознанный мотив вести себя в соответствии с этими ожиданиями. И они действительно до некоторой степени становятся такими, какими их хотели бы видеть те, кто приклеил к ним ярлык преступника. Это обстоятельство уже отмечено психологами и юристами[11].

Но оно в психологическом отношении проанализировано пока весьма поверхностно.

У каждого из людей подобное принятие роли происходит в разной степени, и было бы интересно раскрыть внутренние причины таких индивидуальных различий. Но, в целом, человеку, идущему навстречу таким ожиданиям и вовлеченным в процесс принятия роли преступника, как мы полагаем, свойственна следующая психо-логика: «Так вы считаете, что я преступник? Хорошо! Я и буду им, посмотрим, кому от этого будет лучше». Эта психо-логика у разных людей может иметь различные словесные выражения, но ее суть в следующем:

а) личность идет навстречу ролевым ожиданиям тех, кто ее наказал;
б) каждый принимает такой «Я-образ», который ему приписывают (атрибуция), и сам приписывает этот образ себе (превращая атрибуцию в самоатрибуцию);
в) человек полагает, что этим путем наказывает своих мучителей; это в определенной степени так, поскольку некоторые из тех, кто приклеивает другим ярлыки и наказывает, все же надеются, что преступник исправится.

Но «судьи» действуют иррационально: приписывая человеку роль и образ преступника, трудно ожидать, что его развитие пойдет в другую, противоположную сторону. Тем более что его не просто объявляют преступником — с ним обращаются, как с преступником. Что это означает с точки зрения предложенной нами теории сопряжения социальных ролей и сопряженного развития актеров?

Это означает, что, поручая наказуемому роль преступника, те, кто отправляет правосудие, и исполнители их воли берут на себя агрессивную сопряженную роль наказующей инстанции. Круг замыкается: образуется устойчивая пара взаимосвязанных агрессивных ролей и развитие идет в сторону их закрепления, еще большего структурирования и даже поляризации. В результате этого процесс формирования личностей — исполнителей таких ролей — также получает направленность, а именно: к еще большей фиксации агрессивности и мстительности как комплексов характера. Формируется также двуличный конформист.

Сложность ситуации заключается в том, что наказующая сторона выступает как обобщенно (в лице государства), так и в конкретных лицах — судьи, прокурора, полицейских и охранников. У человека формируется целый мир вражеских образов, против которых он или бессилен, или может бороться лишь агрессивными методами. И если он считает назначенное наказание несправедливым, тогда его характер

будет развиваться в сторону мстительности. В душе он (а если сможет — и практически) не простит своих мучителей.

Отметим, что сходные процессы принятия приписываемой роли, самоатрибуции роли и качеств и т. п. происходят и в других типах ролевых взаимодействий: учитель — ученик, отец — сын, руководитель — подчиненный и т. п.

3.7. Наказание психопатов: эффективно ли оно?

Проблема Вопрос о том, какие люди восприимчивы к наказаниям и изменяются под их влиянием, а какие — нет, представляет огромную важность. От понимания этого вопроса зависит, надо ли наказывать людей для исправления их поведения, как дифференцированно применять наказания к различным типам людей и т. п.

Исследования показали, что психопаты невосприимчивы к наказаниям. В общей форме это уже известно[12]. Однако вопрос достоин того, чтобы стать предметом более детального исследования.

Во-первых, следует иметь в виду, что существуют различные типы психопатов, а между тем исследователи агрессии не всегда учитывают это обстоятельство и говорят вообще о психопатах. Вряд ли это плодотворно.

Во-вторых, надо посмотреть, какие формы наказания все же дают эффект и, вообще, что надо понимать под «эффективностью» или «неэффективностью» наказания. Цели наказания следует определить с возможной четкостью.

Мы считаем, что **если цель наказания — изоляция** преступников от общества, то, например, тюремное заключение с этой точки зрения — достаточно эффективное средство, поскольку опасный для общества индивид уже не сможет совершить новые преступления.

Но если **цель наказания — перевоспитание**, ресоциализация личности, то почти любая форма наказания в случае некоторых подтипов жестоких психопатов неэффективна. Но что делать? Поощрять психопатов? Поскольку общество (за исключением преступных групп) этого делать не собирается, придется исследовать возможность наказания психопатов. Почему эти люди невосприимчивы к наказаниям и не исправляются? Рассмотрим подробно поставленные выше вопросы.

Почему наказание психопатов неэффективно? Исследователи отмечают ряд причин неэффективности наказания психопатов.

В первую очередь говорят о том, что *как личности психопаты импульсивны, причем в высшей степени*. В результате этого, как мы полагаем, если даже психопат умом понимает необходимость самоконтроля и подавления своей агрессии, в конкретных ситуациях это ему не удается: он непроизвольно ведет себя агрессивно и разрушительно.

Вторую причину мы назовем *вовлечением в свою агрессивную роль*. Это тоже в целом уже понимается. Например, *Л. Берковиц* приводит вывод исследователя психопатов *Джозефа Ньюмена* о том, что психопаты часто упорствуют в своем поведении и стремятся играть свою роль, даже когда получают информацию о неуместности своего поведения. Хорошо, но о какой роли идет речь? Сам ли он выбрал эту роль или другие приписали и поручили ему играть ее? Вот здесь нам на помощь идет

разработанная автором этих строк **концепция о сопряженных ролях, об их совместном, взаимно сцепленном возникновении, структурировании и исполнении**. Если считать, что в обществе есть специфические роли психопатов, необходимо также показать сопряженные с ними роли и их исполнителей, поскольку ни один человек в обществе не может играть свою роль совершенно изолированно от других людей с их ролями. *Исполнение роли всегда есть ролевое взаимодействие*. Здесь, как мы видим, еще многое предстоит раскрыть и исследовать.

В-третьих, психопаты не умеют предвидеть последствий своих действий. Если у них возникло желание подвергнуть кого-либо насилию, они становятся слепыми к возможным последствиям своих действий. Но это не просто ситуативная «слепота» относительно будущего: у таких людей, вполне возможно, вообще *слабо развиты прогностические способности и интуиция*, а под влиянием интенсивных агрессивных желаний и гнева даже эти слабые способности подавляются.

В-четвертых, специфичен выбор цели (мишени, жертвы) психопатами. Конечно, очень часто в качестве таковых выбираются те люди, которые их фрустрировали. Однако у них, как мы полагаем, сильно развита чувствительность к знакам опасности. У психопатов часто и спонтанно происходят процессы атрибуции враждебности другим людям; эти атрибуции очень часто являются проективными, то есть психопаты приписывают другому свои собственные агрессивные намерения. Длительные наблюдения за активностью группы таких индивидов вполне убедили автора данных строк в справедливости этого вывода.

Все эти психические факторы и склонности, объединяясь в психике человека, делают его неудержимым и опасным агрессором. Мы уверены, что привлечение новых фактов позволит расширить эту концепцию.

Примечания

[1] *Deur J. D. and Parke R. D.* Effects of inconsistent punishment on aggression in children. — "Developmental Psychology", 1970, 2, pp. 403–411.
[2] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 367–368.
[3] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — Гл. 10.
[4] *Baron R. and Byrne D.* Social Psychology. 2nd ed., 1977.
[5] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 374.
[6] *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. — СПб., 2000.
[7] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged ed., N. Y., 1982.
[8] *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998.
[9] См., например: *Петровский А. В.* Введение в психологию. — М., 1995. — Гл. 15.
[10] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 373.
[11] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 367; *Gibbins D. C.* Society, crime, and criminal behavior. 5th ed., Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1987.
[12] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997; *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 367, и др.

ГЛАВА 4

Групповая агрессия

Агрессия — явление не только индивидуальное, но и групповое. Хотя мотивация групповой активности обычно сложна, тем не менее спонтанно или сознательно и намеренно могут создаваться группы для совершения агрессивных действий. Но прежде чем исследовать явление групповой агрессии, очень кратко ознакомимся с основными разновидностями социальных групп.

4.1. Социальные группы

Группы людей, то есть социальные группы, могут состоять из небольшого числа индивидов или из сотен и тысяч человек. Исходя из количественного критерия выделяют *малые* и *большие* группы.

Малые группы (или микрогруппы) *состоят из двух и большего числа людей: верхнюю границу условно ограничивают 45–50 членами.*

В больших группах *число людей может быть равным нескольким десяткам членов и доходить до многих тысяч и даже миллионов. Верхняя граница числа индивидов не имеет предела.* Большие политические партии и движения, целые нации и различные этнические группы могут состоять из миллионов и десятков миллионов людей.

По характеру взаимоотношений членов выделяют *первичные* и *вторичные* группы.

В первичных группах, примерами которых являются семья или группа близких друзей, *взаимоотношения членов психологически очень близки: эти люди часто встречаются, обмениваются информацией, взаимодействуют, вызывают друг у друга сильные эмоции — как положительные, так и отрицательные, испытывая широкий спектр переживаний.* В таких группах нередкими являются также физические контакты.

Вторичные же группы *отличаются тем, что в них взаимоотношения людей формализованы, в значительной мере освобождены от субъективизма.* Например, в государственных учреждениях отношения людей являются вторичными, статусролевыми. Чаще всего вторичные группы являются по объему средними или большими, а первичные — малыми, состоящими от двух до 15–20 человек.

Есть в каждом обществе множество групп, члены которых непосредственно, лицом к лицу общаются друг с другом и совершают совместную деятельность. Но есть и такие группы, многие члены которых лично не знают друг друга, поскольку их очень много и они действуют в разных местах. П е р в ы е из них — это так называемые *реальные группы*, а в т о р ы е — *условные группы* или, как их иногда называют, *социальные категории*. Правда, в состав условных групп входят многие реальные группы, которые разбросаны в пространстве. Между ними коммуникация опосредована средствами связи. Например, если определенный социальный класс или слой состоит из нескольких миллионов человек, то вполне понятно, что не все их члены могут лично знать друг друга.

Существует целый класс социальных групп, который исторически получил название *толпы* (или массы). Проблемы толп в аспекте главной темы настоящего труда мы обсудим отдельно. Здесь упомянем только еще одну разновидность социальных общностей, так называемые *референтные группы.* Согласно известному социологу *Р. Мертону*, другим социологам и социальным психологам, референтная группа — это наиболее влиятельная для личности группа, служащая для нее источником норм и оценок поведения. Когда человек принимает решение по какому-либо важному вопросу, он, если есть возможность, совещается с членами своей референтной группы. Если такая общность находится далеко, он обсуждает с ней волнующие вопросы в своем воображении. В тех случаях, когда человек еще не смог стать членом таких влиятельных для себя групп, последним иногда дают название *эталонных*[1].

Когда образуются социальные группы, в них возникают психические явления, которые у отдельных индивидов, действующих изолированно, или отсутствуют, или же проявляются не так, как в группе. Кроме того, сами индивиды в составе социальных групп претерпевают психологические изменения. Вполне понятно, что индивидуальная агрессивность тоже в составе группы не может оставаться неизменной. Каждая личность в процессе взаимодействия с другими членами группы претерпевает изменения, и уровень, даже характер ее агрессивности, также меняются.

4.2. Групповая агрессия (общая характеристика)

Групповой агрессией следует назвать совместное агрессивное поведение нескольких лиц или большого числа людей, составляющих социальную группу. Агрессивными могут быть любые социальные или этнические группы, хотя если группа большая, то редко бывает, чтобы все ее члены одновременно включались в общую и целенаправленную агрессивную активность.

Если мы говорим о существовании групповой активности в форме агрессии, то это не значит, что все члены группы одновременно совершают одни и те же агрессивные действия. Общим для всех членов группы, особенно если это маленькая группа, состоящая не более чем из 5–7 человек, может быть *агрессивное психическое состояние*, включающее враждебность, злость, ненависть к кому-либо, гнев и т. п. Но исходящие из этого сложного состояния агрессивные действия могут быть различными.

Так, если группа избивает или линчует кого-либо, то несколько человек (или даже лишь один) могут наносить удары, другой словесными внушениями поощрять их (его) и ругать жертву, третий возьмет на себя роль часового и т. п. Каждый из них играет *агрессивную роль*, и эти роли различаются по своей структуре и динамике. Их сумма дает групповую агрессию или агрессивную роль группы.

Примером такого разделения агрессивных ролей и их суммации в виде групповой агрессии (убийств) были события 27 октября 1999 года в Национальном собрании Армении, во время которых группа преступников убила председателя Национального собрания Карена Демирчяна, премьер-министра РА Вазгена Саркисяна и других деятелей.

Чтобы группа людей совершила совместные агрессивные действия, необходимо, чтобы все ее члены или значительная их часть были фрустрированы или переживали интенсивный стресс и другие неприятные состояния. Это в том случае, когда их агрессия импульсивно-враждебная. Когда же они осуществляют инст-

рументальную агрессию, то должны иметь одинаковую цель. Эти психические состояния могут передаваться от одного из них к другому, поэтому в таких группах имеют место процессы взаимной идентификации, подражания, внушения и другие, которые, как мы увидим позже, являются наиболее характерными механизмами образования толп и их активности.

Итак, в группах происходит интеграция агрессивных действий в единую разрушительную активность.

Каким образом это происходит?

Как распределяются роли и как они затем интегрируются?

Каким образом совершается переход от индивидуальной агрессии к групповой?

Какие механизмы при этом действуют?

Выше мы уже высказали ряд суждений об этом, но эти сложные проблемы до сих пор все еще не решены. Ни социобиология, ни социология или социальная психология пока еще не предложили убедительной единой концепции, объясняющей групповую агрессию, которая тем не менее остается как часто повторяющийся и реальный эмпирический факт.

Если все же обобщить то, что известно об этом, можно утверждать, что в качестве *механизмов перехода от индивидуальной агрессии к групповой можно назвать следующие*:

1) формирование чувства «мы», групповой идентичности;
2) осознание отличия «мы» (своей группы) от «они» (других социальных групп, чужих);
3) положительная идентификация со своей группой и отрицательная — с другой (с чужаками, противниками), то есть осознание того и вера в то, что человек «не должен быть таким, как они»;
4) осознание общих групповых целей, а также общих деприваций; переживание примерно одинаковой фрустрации и одинакового стресса.

Как видно из сказанного, переход от индивидуальной к групповой агрессии является достаточно сложным социально-психологическим процессом, который в реальной жизни, без сомнения, происходит спонтанно, не совсем осознанно и быстротечно.

4.3. Диффузия ответственности и групповая агрессия

В формировании групповой агрессивности как психического состояния группы и перехода к насильственным действиям значительную роль играет очень интересное социально-психологическое явление, получившее название «*диффузия ответственности*». Предполагается, что, когда люди находятся в группе, их склонность совершить агрессивные действия по отношению к другим людям усиливается вследствие того, что появляется возможность делить ответственность с другими, делать ответственными всех членов группы. Это приводит к тому, что, участвуя в групповых агрессивных действиях и даже совершая преступления, никто из членов группы не считает себя в полной мере ответственным за совершенные действия и их последствия. Ослабление чувства ответственности означает ослабление внутренних тормозных механизмов, о которых мы уже знаем.

Феномен диффузии ответственности в настоящее время широко известен в социальных науках, но нельзя сказать, что полностью понятны механизмы его возникновения. Известны некоторые условия, при наличии которых это явление усиливается и члены группы становятся еще более безответственными. Так, феномен этот усиливается по мере увеличения числа членов группы, тех, кто участвует в принятии решения об агрессии и в ее совершении. Значительное влияние на ослабление и рассеяние ответственности оказывают лидеры групп, их внушающее слово.

Мы помним, что человек может попытаться избежать ответственности путем приписывания своей вины другому. Другой человек действительно может быть виноватым или нет, здесь же нам важно учесть, что, если агрессору удается убедить себя, что виноват другой (тот, кто отдавал приказ), он может чувствовать себя свободным от ответственности. Но это не единственный способ *психологической самозащиты* в подобных ситуациях. Когда агрессивный акт совершается группой, каждый участник агрессивных действий может ссылаться на других: «Я был не один. Не я один его <жертву> избивал». Таким образом пытаются распределить между собой ответственность за содеянное. Причем у некоторых членов группы может наблюдаться также склонность приписать другим соучастникам больше вины, чем себе. Такое *неравномерное распределение ответственности* свидетельствует о том, что в процессе самозащиты индивида используются также механизмы *проективной атрибуции* (а не только механизм диффузии ответственности).

Участвуя в групповых агрессивных действиях и даже совершая преступления, никто из членов группы не считает себя в полной мере ответственным за совершенные действия и их последствия.

Явление диффузии ответственности наблюдается в самых разных формах. *Стэнли Милграм*, *Биб Латанé* и их сотрудники изучили психологию оказания помощи и выяснили, что когда с кем-то случается беда и поблизости находится несколько человек, то каждый сдерживает свой порыв идти на помощь пострадавшему, предоставляя заботу другим. Независимо от того, по каким причинам это происходит, на поведенческом уровне подобное явление наблюдается очень часто. Пострадавший имеет больше шансов получить помощь тогда, когда свидетель один, чем тогда, когда свидетелей много[2].

Почему люди пользуются механизмами диффузии ответственности и проективной атрибуции?

Из возможных причин отметим следующие:

1) из-за страха перед наказанием;
2) из-за угрызений совести, которые появляются особенно тогда, когда каждый член группы остается один;
3) вследствие того, что у каждой личности имеется потребность сохранить положительную самооценку, психологически защитить свою «Я-концепцию».

Возможны и другие причины. Правда, встречаются случаи, когда агрессор не сожалеет о содеянном, у него не появляется ни стыда, ни угрызений совести. Он не переживает тревоги и не раскаивается.

Самооправдание с помощью механизмов проективной атрибуции и диффузии ответственности как процесс психической самозащиты может не только следовать

за совершенными насильственными действиями, но и предварять агрессию, психологически ее подготавливая. Оправдывая планируемые агрессивные действия как перед своей совестью, так и (иногда) перед другими, человек формирует для агрессии психологическую основу, усиливает свою враждебную установку и приступает к совершению агрессивных действий. Это уже предварительная психологическая самозащита с помощью механизмов проекции и диффузии ответственности.

Но психологическая самозащита агрессора продолжается и после совершения насильственных действий. Здесь в данный процесс могут вовлекаться новые механизмы, новые факты и аргументы.

Когда человек замышляет агрессивные действия против другого индивида, он перед самим собой оправдывает и обосновывает свои будущие действия. Если эти оправдания недостаточно убедительны, он может отказаться от совершения насилия.

Явление предварительной самозащиты потенциального агрессора реально существует, и поскольку каждый человек хоть несколько раз в жизни действовал агрессивно по отношению к другим людям, то всем хорошо известно следующее: когда человек замышляет агрессивные действия против другого индивида, он перед самим собой оправдывает и обосновывает свои будущие действия. Если эти оправдания недостаточно убедительны, он может отказаться от совершения насилия.

Эффект самооправдания с помощью проекции и диффузии ответственности, этого защитного комплекса, уже продемонстрирован не только повседневными наблюдениями, но и экспериментально. Именно в таком аспекте можно интерпретировать ряд экспериментов *А. Бандуры*[3]. Много таких фактов можно получить путем исследования криминальных групп[4].

4.4. Условия усиления агрессивности социальных групп

Группы, как и индивиды, могут иметь различные уровни агрессивности в зависимости от целого ряда факторов. Вследствие этого уровень агрессивности групп и их членов с течением времени меняется. Назовем некоторые из тех факторов, которые при этом играют роль.

В зависимости от числа членов группы ее агрессивность может варьировать.

Тщательный анализ материалов 60 судебных процессов по поводу 60 линчеваний позволил Брайану Муллену заключить, что в период между 1899 и 1946 годами истязания и убийства жертв бывали наиболее жестокими тогда, когда численность людей в толпе была большой. Чем больше людей в толпе, тем жестче она обращается со своими жертвами[5].

Много подобных примеров можно найти в исторических документах и трудах, рассказывающих об этноцидах и других массовых избиениях людей.

О роли *психического заражения и подражания* мы уже вкратце говорили. В результате работы этих двух механизмов агрессивное настроение передается от одного члена группы к другому (подражание) и усиливается (заражение).

В группах многие тенденции, даже убеждения *поляризуются*.

Поляризации подвергаются также агрессивные тенденции. *Феномен групповой поляризации* уже стал предметом многих экспериментальных исследований социальных психологов: полученные данные представляют действительную ценность для понимания процессов перехода от индивидуальной агрессивности к групповой; и поляризации, то есть еще большего усиления агрессивных тенденций участников групповых процессов.

Усилению агрессивности в группах способствует также *конформизм* их членов. Под давлением группы многие ее члены начинают вести себя «как все», причем, по нашему мнению, наибольшее воздействие на уровень агрессивности и членов группы, и всей группы в целом имеет конформизм по отношению к лидеру группы.

Мы уже говорили о роли диффузии ответственности в усилении агрессивности людей в группе. Под этим явлением, как показали исследования, лежит другой механизм — *деиндивидуация* людей в группах, то есть потеря личностью своей индивидуальности и равнение на остальных. В первой части книги, говоря об истоках жестокости и факторах, способствующих ее усилению на индивидуальном уровне, мы обращали внимание на явление деиндивидуации.

Например, когда воины во время сражения одевают маски, они становятся более жестокими. Об этом явлении очень интересные данные имеются в работах ряда социальных психологов.[6]

В результате деиндивидуации серьезные изменения претерпевают «Я-концепция» личности и входящие в нее ситуативные «Я-образы»: индивидуальная личная определенность членов группы снижается. Большинство людей ощущает приятные переживания и даже счастье от единения с группой. В такой ситуации человек может отказаться от своих личных ценностей и целей и полностью подчиниться групповой стихии. К этому вопросу мы вновь вернемся при ознакомлении с агрессивными толпами.

Для более подробного исследования данной проблематики и развития теории групповой агрессивности необходимо изучить поведение расовых и этнических групп, молодежных банд, групп разбойников и мародеров, участников массовых митингов и беспорядков, тех агрессивных групп школьников, которые преследуют слабых и издеваются над ними, поведение других социальных сообществ. В этой области получены определенные результаты, которые мы рассматриваем на последующих страницах. Причем об агрессивности этнических групп и межэтнической агрессии мы разработали собственную концепцию, которая представлена в отдельной монографии[7]; в последней главе этой части мы излагаем ее весьма сжато.

Субкультура и групповая агрессия. Во многих обществах есть субкультуры, то есть социальные слои, сообщества, в которых агрессивное поведение, насилие над людьми поощряются, даже вызывают восхищение. В таких условиях агрессивное поведение легко передается новым поколениям[8].

В сообществах этого типа нередко формируются банды во главе с авторитарными лидерами, в роли которых обычно выступают беспощадные к своим жертвам люди. В таких бандах образуются свои нормы поведения и оценок, референтность, стиль лидерства и т. п. Все эти феномены составляют элементы данной субкультуры.

Культурные различия агрессивности и насильственного поведения особенно ясно бросаются в глаза при исследовании межэтнической агрессии, к которой мы обратимся позже.

4.5. Теснота как стресс-фрустратор и психология толпы

Одним из новых направлений в психологии больших социальных групп и групповой агрессивности может стать применение результатов исследования влияния тесноты (скученности) на психическое состояние различных типов толп и на их поведение.

До сих пор, говоря об агрессивности спонтанных, «натуральных» толп, как мы увидим позже, психологи и социологи указывали на роль механизмов подражания и психологического заражения, а при появлении в толпе лидера — также об идентификации с лидером и подражании его агрессивности.

Теснота является канализатором индивидуальных типичных реакций на ситуацию.

Однако вполне очевидно, что в естественно возникающих толпах, которые собственно и имели в виду *Г. Лебон* и другие исследователи, люди обычно стоят плотно, тесно, плечом к плечу, очень часто вторгаясь в личное пространство друг друга. Во многих случаях они вступают в тесный контакт, как это имеет место, например, в автобусах и вагонах метро. Ясно, что их личные психические пространства при этом нарушаются самым грубым образом. И они, не осознавая причин, приходят в возбужденное состояние, и эта злость создает в них психологическую готовность к совершению конкретных агрессивных действий.

Такая стресс-фрустрация, лишающая людей чувства личной свободы и приватности, сама по себе способна обеспечить психическую регрессию к более примитивным уровням мышления даже без участия других механизмов. Недаром есть люди, настоящие высокоразвитые личности, которые не могут долго находиться в толпе, если, конечно, не намерены лидировать в ней или исследовать ее поведение.

Есть еще одна точка зрения на вопрос о том, почему люди в толпе более агрессивны, и с ней тоже полезно ознакомиться. *Дж. Фридман*[9] выдвинул так называемую *гипотезу интенсификации*, согласно которой в тесноте у толпящихся людей обостряются и усиливаются все индивидуальные реакции на любые ситуации.

В том случае, когда для человека типичны агрессивные реакции, теснота обостряет их еще больше, а если индивиду характерны неагрессивные реакции, теснота превращает их, по мнению Фридмана, в еще более благоприятные. *Теснота является канализатором индивидуальных типичных реакций на ситуацию.* Если человеку обычно приятно быть с людьми, если он их любит, считает их друзьями, то в тесной толпе эти его реакции станут еще более выраженными. Если же он не любит людей, обычно относится к ним агрессивно и считает их врагами, то в толпе, из-за тесноты, эти его агрессивные реакции становятся еще более подчеркнутыми.

Можно предположить, что воздействие толпы по существу приводит к акцентуации характерных черт личности, в первую очередь — защитных реакций. Эту идею можно обсуждать более развернуто с привлечением материала о людях с акцентуированными чертами темперамента и характера. Но мы здесь этого делать не будем и возвращаемся к точке зрения *Дж. Фридмана.*

Эта интересная позиция содержит, однако, весьма спорные моменты:

а) ее автор считает, будто теснота сама по себе не оказывает на людей ни хорошего, ни дурного эффекта. Но это не так, поскольку в тесноте, как мы уже

показали ранее, нарушается личное пространство человека, возбуждается его территориальный инстинкт, а это сильно фрустрирует его и вызывает в нем агрессивность;

б) человек, находясь в толпе, не всегда позволяет себе свободно выражать свою агрессию по отношению к другим членам толпы, поскольку может получить отпор. Свободно выражать свою агрессию он может лишь тогда, когда лидер направляет всю толпу против каких-то врагов, внушая ей совершить насильственные действия (вандализм, линчевание, убийство).

Но в целом идея усиления доминирующих тенденций личности под влиянием тесноты заслуживает внимания и объясняет кое-что в поведении людей в составе таких больших групп. Таким образом, теснота (скученность) — мощный стресс-фрустратор, что уже доказано довольно многочисленными исследованиями, проведенными и над животными, и над людьми. Скученность животных, как показали, например, эксперименты над крысами, усиливает их агрессивность до патологического уровня, даже до каннибализма. Наблюдения натуралистов как в природных условиях, так и при жизни в неволе, в тесноте, тоже свидетельствуют, что животные (в частности, человекоподобные обезьяны) становятся патологически агрессивными.

Скученность в человеческом обществе появляется в связи с урбанизацией, когда на историческую арену поднимаются огромные массы людей.

Вот как описал это явление *Х. Ортега-и-Гассет*: «...я говорю о растущем столпотворении, стадности, всеобщей переполненности. Города переполнены. Дома переполнены. Отели переполнены. Поезда переполнены. Кафе уже не вмещают посетителей. Улицы — прохожих. Приемные медицинских светил — больных. Театры, какими бы посредственными ни были спектакли, ломятся от публики. Пляжи не вмещают купальщиков. Становится вечной проблемой то, что прежде не составляло труда, — найти место»[10].

Скученность появилась в результате того, что массы, состоящие из людей без заметной индивидуальности, заняли все привлекательные места, в то время как раньше они жили разбросанно, малыми группами. Масса — это большинство, состоящее из заурядных людей. Меньшинство же — это выдающиеся индивиды, одиночки, это люди специального достоинства, как говорит Ортега.

4.6. Мотивация групповой агрессии

Групповая агрессия, принимающая вид группового насилия над другими людьми — достаточно распространенное явление. Возможно, что оно даже более широко распространено, чем индивидуальная агрессия. Ведь когда индивид А действует агрессивно по отношению к Б, а Б отвечает агрессией, то перед нами уже агрессивная микрогруппа, состоящая из двух человек. Неважно, что их агрессивные действия имеют противоположную направленность.

Но здесь нас интересуют те случаи, когда группа из N членов совершает агрессивные действия, направленные против единого объекта (мишени), причем все члены группы имеют в основном одинаковые мотивы. Такие случаи наиболее интересны потому, что именно из них возникают социальные движения, преобразующие общества.

Бунты и восстания, социальные революции и другие общественные движения, направленные против правительства, действия преступных групп и т. п. — вот примеры групповой агрессивной активности, хотя, конечно, такие социально-психологические события содержат кроме агрессивных действий еще и много другого. Главный вопрос, который возникает в связи с активностью подобных групп, следующий: почему они возникают и действуют, каковы мотивы их агрессивной активности?

Социальные ожидания и абсолютная депривация

Исследователи социальных бунтов и группового насилия заметили, что подобные явления возникают тогда, когда общество долгое время процветает, у людей возникают *ожидания* нового уровня процветания и удовлетворения потребностей, но их надежды не оправдываются. Наступает резкое снижение уровня жизни и доходов, люди начинают терять свое состояние и сбережения и ничего хорошего для себя в будущем не предвидят. Когда общество процветает, уровень ожиданий и притязаний все время растет, люди проецируют в будущее более высокие и труднодоступные цели и идеалы. Когда эти цели не реализуются, наступает разочарование, чувство лишения, люди переживают фрустрации. Одной из непосредственных реакций на такое положение вещей является агрессия, враждебность по отношению к фрустраторам. Эти чувства и формы поведения возникают одновременно у многих людей. Если они объединяются, появляется феномен групповой агрессии.

Исследователи отмечают, что групповая агрессия в виде бунтов наблюдалась в США между 1879 и 1889 годами. В 1960-е годы бунты охватили молодежь, жителей гетто и другие слои населения. В Канаде бунты наблюдались в 1930-е годы в связи с безработицей, в 1940-е годы — в связи с призывом в армию и в 1960–1970-е годы — в связи с вопросами конфедерации[11]. Во всех этих случаях основная причина поведения людей — депривация, неисполнение желаний[12].

С этих позиций можно рассмотреть ряд войн и социальных движений, в том числе национально-освободительные движения XX века. Но все эти проявления групповой агрессивности станут нам более понятными после введения еще одного понятия — *относительной депривации*. С этим явлением мы уже знакомы из первого тома настоящего труда, но здесь мы рассматриваем его с несколько иной точки зрения.

Относительная депривация

Развивая идеи *Дж. Дейвиса* о роли депривации в возникновении социальных революций, другие авторы предложили понятие *относительной депривации*[13].

Концепция относительной депривации основана на понимании роли *социального сравнения* в процессе оценивания людьми своего положения и достижений. Когда человек сравнивает свои успехи с успехами других и убеждается, что отстает от них, он переживает чувство *относительной лишенности* — специфической, но очень распространенной разновидности фрустрации. Человек переживает относительную депривацию, когда осознает, что получает меньше, чем заслуживает[14].

Относительная депривация переживается не только на индивидуальном, но и на групповом уровнях. В этом случае ее иногда называют *братской депривацией*: собственная группа сравнивается с другой группой. Например, женщины часто сравнивают свою гендерную группу с группой мужчин и переживают относительную

депривацию. *Эгоистическая депривация* — это та разновидность интересующего нас явления, которая обычно и рассматривается в психологии: индивид сравнивает себя с другим, более преуспевающим человеком и переживает фрустрацию.

Реакции индивидов и групп на относительную депривацию

Переживая относительную депривацию, то есть фрустрируясь, индивиды и группы отвечают на свое состояние определенными психическими процессами. У них возникает *мотивация самозащиты*, которая реализуется различными способами.

Во-первых, человек начинает оправдывать свои неудачи, обвиняя других, атрибутируя на них ответственность; он утверждает, что достоин большего, но внешние обстоятельства не дают ему возможности достичь желаемой цели. К чему ведут такие психические процессы? Мотив у них защитный. Но когда человек вновь и вновь твердит себе, что достоин большего, но не достиг этого, его фрустрация может стать еще более глубокой и устойчивой.

Во-вторых, часть людей, переживая относительную депривацию, пытается совершенствоваться, ставит перед собой новые цели, предпринимает конструктивные действия. Люди могут предпринимать подобные действия и на уровне общества, чтобы улучшить положение своей группы.

В-третьих, когда конструктивные действия не приводят к положительным результатам и депривация углубляется, может наступить *период снижения уровня притязаний и антисублимационных действий*. Одни находят выход в пьянстве, другие — в индивидуальных и групповых агрессивных действиях.

Социальные сравнения, вызывающие в личности состояние относительной депривации, осуществляются по самым разным критериям и признакам. Люди сравнивают себя с другими по социальному статусу, по экономическим показателям и другим достижениям. Даже спортивное соперничество, победа одной команды и поражение другой могут стать критериями сравнения, фрустрации и групповых насильственных действий.

Эти идеи могут применяться при анализе причин прошлых социальных революций во Франции, России и других странах.

Кто чаще бунтует: бедные или обеспеченные?

Психологические исследования относительной депривации и реальные факты жизни показывают, что к средствам коллективного насилия прибегают не самые угнетенные и бедные слои общества, а те, кто кое-что имеет, но, сравнивая себя с другими, считает, что достоин большего. Пока человек думает, что зло, постигшее его (например, бедность), неизбежно, он его терпит. Но как только он видит хоть какую-то возможность избавления, предпринимает попытки изменить неприятное для себя положение вещей. Это понимал еще летописец американской демократии *Алексис де Токвил*.

Данный подход позволяет понять ряд современных социальных и этнических процессов.

Например, кто покидает Армению или Россию в 1990-е годы и в настоящее время? Неужели только бедные люди? Оказывается, картина в значительной мере иная.

Эмигрируют в первую очередь те, кто и на Родине мог бы прожить безбедно, некоторые из них — даже в относительном достатке; но они убеждены, что в других странах могли бы достичь несравненно бóльших успехов. Мы думаем, что это те люди, кто уже сравнивает себя не со своими соотечественниками *(нисходящее социальное сравнение)*, а с гражданами тех стран, куда собираются выехать для постоянного жительства (это уже *восходящее социальное сравнение*). Они, по-видимому, не вполне осознают, что там долгое время будут в состоянии относительной депривации по многим параметрам. Те же, кто в стране эмиграции пытается быстро ликвидировать разрыв между собой и коренными жителями страны, часто нарушают законы и подвергаются наказаниям. Отсюда — «русская мафия» на Западе, тысячи заключенных в тюрьмы воришек и т. п.

Вознаграждение групповой агрессии

Сохранению агрессивных групп, их сплочению и закреплению агрессивных навыков способствует то, что эти действия вознаграждаются. Во всех тех случаях, когда террористические группы поощряются уступками со стороны правительств и гласностью своей деятельности (которая рекламируется средствами массовой информации), они сплачиваются и становятся все более и более агрессивными.

Если, например, террористической группе удается запугать людей и заставить руководителей страны освободить из тюрем их сообщников, то это — настоящее поощрение их дальнейшей активности. Иногда создается представление, что работники информационных служб плохо понимают эту простую истину и погоней за сенсациями наносят серьезный вред своим странам[15].

4.7. Спорт и групповая агрессия

В области спорта проявления агрессии многообразны. Но когда мы говорим о ее групповых формах, то имеем в виду необходимость исследования агрессии как у спортсменов, так и у зрителей.

Агрессия спортсменов

Есть более и менее агрессивные виды спорта. Но в целом спорт — это та из немногих сфер человеческой деятельности, где агрессия в определенной мере разрешается и даже одобряется моралью общества, законами и правилами игры. Бокс, борьба, в определенной мере хоккей и футбол — безусловно агрессивные виды спорта. Там, где на арену выступают *команды* спортсменов, можно наблюдать все разнообразие межгрупповой и даже внутригрупповой агрессии.

В этом контексте представляют интерес следующие вопросы.

- Каким образом проявляется агрессия у спортсменов, если некоторые обычные ингибиторы (например, моральные нормы, страх) сняты?
- Как проявляются при этом индивидуальность спортсменов и диффузия ответственности?
- Что такое «грязная игра» в спорте? Тот ли это случай, когда злонамеренная агрессия преобладает над инструментальной?
- Должны ли спортсмены ненавидеть своих противников, чтобы мобилизовать свои силы и добиться победы?

- Допустимы ли сочувствие к противнику, эмпатия и альтруизм в самом ходе спортивного соревнования?

В области психологии спорта проведено много исследований, из результатов которых еще предстоит извлечь все то, что полезно для развития психологии человеческой агрессивности. Специалистами исследовалось, например, влияние занятий агрессивными видами спорта на агрессивность спортсменов в других межличностных отношениях: усиливается ли она или же преобладает катарсис?

Здесь интересны и такие вопросы.

- Почему многие спортсмены после окончания своей карьеры занимаются бизнесом или же становятся преступниками?
- Не является ли причиной этого более высокий уровень их агрессивности по сравнению со многими другими гражданами?
- Повышенная агрессивность здесь преобразовалась в такие формы деятельности, в которых для достижения успеха нужно обладать высоким уровнем агрессивности, может быть, даже не только защитной, но и проактивной?

Ясно, что здесь перед нами — обширная и интересная область исследования как индивидуальной, так и групповой агрессивности и ее преобразований.

Агрессивность болельщиков

Агрессивность болельщиков — обычное явление, наблюдаемое во всех странах. Психолога при ее исследовании интересуют следующие вопросы (назовем некоторые из самых важных):

1) каким образом проявляется эта агрессия?
2) каким образом соперничество команд вызывает агрессивность зрителей?
3) одной из самых частых причин агрессивности болельщиков является несправедливое или так оцениваемое судейство: оно фрустрирует как зрителей, так и спортсменов и вызывает их агрессивные реакции. Причем зрители и спортсмены могут взаимно заражать друг друга, усиливая агрессию;
4) происходит ли катарсис у зрителей? Насколько нам известно, до сих пор психологов в определенной степени интересовал только катарсис спортсменов, а вот к катарсису зрителей они были равнодушны. Между тем возможный катарсис или, наоборот, усиление агрессивности зрителей имеют широкое социальное значение и разнообразные последствия;
5) какую роль во всех этих процессах играет идентификация зрителей со спортсменами своей команды?
6) каким образом переживания одних зрителей передаются другим и как возникают групповые переживания? В какой мере это явление объяснимо с помощью механизмов подражания, заражения, внушения и теми остальными, о которых мы уже написали на предыдущих страницах?

В ряде исследований было показано, что наблюдение за состязаниями в агрессивных видах спорта вызывает рост агрессии у зрителей[16].

Используя опросник враждебности Басса-Дарки, психологи обнаружили более высокий уровень агрессивности после футбольного матча по сравнению с уровнем,

который был зарегистрирован до игры. Но после посещения соревнования гимнастов такого различия в уровне агрессивности не обнаружили.

Возрастание агрессивности среди спортивных болельщиков, как отмечают исследователи, может быть следствием деиндивидуализации зрителей, ослабления их тормозных механизмов (ингибиторов агрессии) и общего физиологического возбуждения[17].

Так, болельщики много ругаются, символически выражая свою агрессивность. Все эти явления и перечисленные выше проблемы требуют тщательных исследований в разных странах.

Агрессивности зрителей, ее росту способствуют также механизмы обучения через наблюдение, хотя в повседневной жизни повторение наблюдаемых действий спортсменов возможно лишь в сходных игровых ситуациях (например, когда мальчики во дворе играют в футбол). Поэтому, как мы предполагаем, передача боевого, агрессивного духа зрителям и, конечно же, обратная передача таких импульсов от зрителей к игрокам вполне возможны: часто именно зрители пытаются передать свой боевой дух спортсменам. Вообще, представляет интерес вопрос о естественном отборе заядлых болельщиков агрессивных видов спорта.

Патологические или близкие к ним состояния агрессивности в спорте

Злонамеренная агрессия в спорте иногда доходит до патологического уровня. Это происходит как с отдельными индивидами, так и с командами и их болельщиками. Эти два аспекта подлежат отдельному рассмотрению, что мы сделаем здесь, но очень кратко.

Индивидуальная патологическая агрессия у спортсмена имеет место тогда, когда он в ходе боя или соперничества сознательно наносит физическое увечье своему противнику. Так, американский боксер Майк Тайсон откусил кусок от уха своего противника Э. Холифильда. Это, кажется, случилось в 1997 году. Он временно был дисквалифицирован и отдан под суд. Вандализм болельщиков — другой распространенный пример патологической агрессии в сфере спорта. Этим всегда отличались футбольные болельщики Англии, что *свидетельствует о существовании наследования и традиционности определенных форм агрессивности и насильственных действий*. Вот еще одно любопытное явление, которое должно интересовать также этнопсихологов.

Для психолога представляют интерес самооправдания таких злонамеренных агрессоров, их рационализации, поскольку мы подозреваем, что в них найдем очень типичные случаи того механизма, который в данной книге мы назвали **агрессивными рационализациями**. Это сплав псевдологических суждений и агрессивности. Подобный материал важен для характеристики сверхагрессивных людей. Представляют интерес также ответные действия жертвы.

Случаев *групповой патологической агрессии* в спорте также достаточно. Это имеет место, например, тогда, когда команды, вместо того чтобы продолжить спортивную борьбу по установленным правилам, нападают друг на друга и словесно, и физически. В таких случаях следует учитывать, каким образом команды понимают *принцип справедливости* и почему считают, что в их отношении он нарушен. Нарушение такой ценности, как принцип справедливости, равенства и других, — очень сильный фрустратор, но в таких случаях важнее то, как участники

понимают этот принцип. Очень часто встречается то, что называется «двойными стандартами». Надо иметь в виду, что в понимании ценностей справедливости, равенства, человеческой жизни и т. д. между расами и этносами существуют такие тонкие различия, которые в подобных острых конфликтных ситуациях становятся факторами, влияющими на реакции и поступки людей.

4.8. Характеристики толпы

Хотя психология больших социальных групп и толп в настоящее время является одной из наименее развитых областей социальной психологии, в историческом плане **психология толп** возникла первой, еще во второй половине XIX века. Ее основателями по праву считаются французские исследователи *Г. Тард* и особенно *Г. Лебон*[18], от которых эстафета перешла *Зигмунду Фрейду*[19].

Определенный вклад в эту науку внесли и другие исследователи. В настоящее время наиболее активно в этой области науки работают социальные психологи *С. Московичи, Д. В. Ольшанский, А. П. Назаретян* и другие[20].

Ниже мы вкратце представим основные положения психологии толп с тем, чтобы иметь возможность на этом широком фоне более содержательно обсуждать феномен групповой агрессивности, насильственных действий толп и масс.

Основатель психологии толп *Г. Лебон* имел в виду исключительно один вид этих социальных образований, а именно: такие группы людей, которые возникают неожиданно, по какому-то временному поводу. Они совершают какие-то совместные действия и так же быстро рассеиваются. Такими толпами являются: участники большого митинга; зрители спортивных соревнований, собирающиеся на стадионах; свидетели какого-либо происшествия; множество людей, собирающихся на улицах во время природных катастроф (землетрясения, наводнения и т. п.). Это неорганизованные группы людей, но в течение того отрезка времени, пока эти люди находятся вместе, из их среды могут выделяться *ситуативные лидеры*, внушающие им определенные идеи, мотивы, эмоции и действия. Но уже *Габриель Тард* и последующие исследователи заметили, что, если бы толпы были только описанного вида, они не могли бы играть в обществе ту роль, которую реально играют. Качествами толп обладают и другие большие группы, имеющие определенную организацию. В настоящее время в отличие от «классического» («натурального», лебоновского) типа толп выделяют также *искусственные*, или *организованные*, толпы. В эту группу входят политические партии, армия, полиция, крупные общественные организации, религиозные общины и секты и т. п.

Но и это еще не все. В свете широкого развития и распространения средств массовой информации выделяют специальные виды групп — *публику*. Речь идет, образно говоря, о «толпах на дому». Это слушатели радио, зрители телепередач (определенных каналов и программ); читатели определенных газет и т. п. Даже читателей отдельных наиболее влиятельных авторов — писателей и журналистов — можно выделить в качестве отдельных публик, то есть разновидностей современных толп[21].

Итак, значительная часть современных толп формируется под воздействием средств массовой информации. Их, как мы видели, называют публикой. Однако из этого множества публик следует выделить одну, весьма специфическую современную толпу: речь идет о той большой и диффузной группе, которая формируется под

воздействием показываемых по телевидению сцен агрессии, секса и порнографии на массы зрителей.

Мы полагаем, что использование в области исследования толпы новых экспериментальных результатов исследования агрессии (Берковиц, Бэрон и др.) позволит значительно углубить понимание ряда аспектов поведения этих больших социальных групп. Таким образом, следует все больше конкретизировать психологию толп и массовых действий, особенно их психолого-педагогических аспектов. Вполне понятно, однако, что психологические характеристики классических (спонтанных) и искусственных (организованных) толп совпадают не полностью, что всегда надо учитывать при анализе более конкретных вопросов активности толп и людских масс вообще.

Поскольку мы договорились, что есть такие толпы (массы), члены которых дисперсны в отличие от толп, спонтанно возникающих по определенному поводу, то *средний класс* можно считать одной из разновидностей этих больших социальных групп. В средний класс входят мелкие и средние торговцы и фермеры, чиновники, служащие различных фирм и т. п. Как показал еще *В. Райх*, эта группа отличается приверженностью к патриархату, национализмом, готовностью подчиниться сильной авторитарной власти. Именно поэтому средний класс стал основной движущей силой нацистского движения Адольфа Гитлера в Германии[22].

Этот класс — социальная основа фашизма. Структура характера типичных представителей среднего класса — авторитарное подчинение, этноцентризм и национализм. Без опоры на средний класс фашизм не превратился бы в массовое движение.

4.9. Агрессивность толпы

Постановка вопроса

Идея агрессивности толп пронизывает все труды *Гюстава Лебона.* Эта идея перешла ко всем последующим исследователям толп и масс, больших социальных групп. Исследуя данное явление с позиций современной социальной психологии и психологии агрессии, мы попытаемся показать возможные новые проблемы и новые направления исследования агрессивных толп. Тем более что накапливаются все новые факты, образуются новые и исчезают старые толпы, некоторые из них сохраняются, проявляя свои основные качества.

В истории много примеров: массовые агрессии в годы Великой французской революции, во времена Парижской коммуны 1871 года; геноцид (этноцид) армян, начиная с последнего десятилетия XIX века до 1923 года; геноцид евреев (этноцид, холокост 1930–1940-х годов в Германии); кровавые события в Сумгаите, Баку, целью которых было уничтожение и вытеснение населения, и многое другое.

На материале об этих и других подобных событиях следует сформулировать и решить целый ряд важных проблем, в том числе следующие:

1) разновидности и проявления агрессивности толп и масс;
2) психическая регрессия толпы и проявление скрываемых в обычных условиях жизни регрессивности, которая может существовать постоянно;
3) связь агрессивности толп с их чувствительностью (сентиментальностью);
4) одновременное моральное поведение толпы на разных уровнях.

Это парадоксальное явление было замечено еще *Г. Лебоном* у погромщиков Парижа; оно же было замечено у погромщиков Сумгаита: убивая и сжигая на кострах мирных и безоружных женщин-армянок, они же просили азербайджанок не смотреть на эту сцену: последние, видите ли, не должны быть свидетелями таких жестоких сцен. В одно и то же время у них действовали различные группы моральных принципов.

Отметим, таким образом, что многие разновидности толп могут совершать преступления, и тогда они становятся «преступными толпами». Существуют ли преступные толпы в собственном смысле слова? В этом *Г. Лебон* сомневался: активность каждой толпы многообразна. В настоящее время мы знаем, что существуют преступные социальные группы, — «криминальные» и «мафиозные», создаваемые именно с целью совершения преступлений, так что в этом смысле «преступная толпа» тоже возможна. Но главное, что надо иметь в виду, следующее: любая социальная группа, в том числе государственные учреждения, могут стать преступными, если даже изначально были созданы для решения полезных для общества задач. Парламент, полиция, различные министерства и другие управленческие группы могут стать коррумпированными, криминальными и агрессивными. Во всяком случае, такие организованные группы в определенных условиях могут приобретать ряд характерных черт толпы.

Уменьшение порога толерантности к фрустраторам и агрессия

Мы уже знаем, что фрустрация индивида очень часто вызывает его агрессивные действия. Как же реагирует на появление фрустраторов (препятствий на пути, ведущего к цели) толпа? Ответ на данный вопрос дал еще *Г. Лебон*: всякое препятствие вызывает ярость толпы, и она стремится немедленно уничтожить его[23]. Но это означает, что теория фрустрации — агрессии, предложенная в 1939 году *Дж. Доллардом* и другими психологами, намного справедливее для толп и масс, чем для индивидов. В толпе у индивидов появляется чувство своего могущества и безнаказанности. Толпа превращается во временное сообщество всемогущих (так себя воспринимающих и оценивающих) людей, готовых на разрушительные действия. Поэтому, повторяем, теория фрустрации — агрессии больше применима для объяснения поведения животных, детей и толп взрослых, чем для понимания поведения взрослых и психически зрелых людей, действующих вне массы людей. В толпе порог толерантности к фрустраторам и стрессорам заметно снижается, и группа становится более агрессивной «сущностью», чем ее индивидуальные члены.

Внушение и агрессия в толпе

Ожидания и внушения других членов толпы могут мотивировать индивида к совершению такого агрессивного действия, даже убийства, которое для него было невозможно, если бы он был один. Об этом механизме Лебон имел четкое представление и писал в своих трудах многократно.

Он описывает исторические факты, например то, как по требованию толпы один мясник убивает губернатора Бастилии после взятия крепости: толпа окружила этого человека, который считался злодеем, и стала осыпать его ударами. «Одни предлагали его повесить, другие — отрубить ему голову или привязать его к хвосту лошади. Отбиваясь, он нечаянно ударил ногой одного из присутствующих. Тотчас же кто-то предложил, чтобы получивший удар перерезал горло губернатору, и это предложение было немедленно принято толпой.

Тот, кому пришлось выполнить роль палача, был повар без места, отправившийся вместе с другими зеваками в Бастилию посмотреть, что там делается. Повинуясь общему решению, он был убежден, что совершает патриотический подвиг и даже заслуживает медали за то, что убил чудовище. Врученной ему саблей он ударил губернатора по голой шее, но сабля оказалась плохо заточенной. Тогда он преспокойно вынул из своего кармана маленький ножик с черной ручкой, и так как в качестве повара он научился резать мясо, то при помощи этого ножа благополучно окончил операцию, которую должен был сделать»[24].

Что толкало мясника к убийству? *Г. Лебон* считает, что толчком служило *коллективное внушение толпы*. Здесь отмечается еще один важный фактор: убежденность палача в том, что совершает достойный похвалы и вознаграждения поступок. Он видел одобрение окружающих людей и не считал, что совершает преступление. Мы можем отметить также роль *ожиданий* толпы, которая поручила ему исполнять *роль палача*, а также страх, что, если не выполнит это поручение, будет осмеян как трус или даже более строго наказан.

Другой старый пример значения внушения и названных только что факторов приводит *Г. Лебон* из труда историка *И. Тэна*. Историческое событие состояло в следующем: в сентябре 1792 года три дня подряд огромная толпа была занята избиением заключенных в тюрьмах Парижа. Предполагается, что приказ об этом был дан Дантоном: толпе было внушено, что дело это патриотическое.

«Толпа убийц состояла приблизительно из 400 человек и представляла собой самый совершенный тип разнородной толпы. За исключением небольшого числа профессиональных нищих, почти вся она состояла из лавочников и ремесленников всех разрядов: башмачников, слесарей, парикмахеров, каменщиков, чиновников, комиссионеров и т. д. Под влиянием такого же внушения, которому повиновался повар в приведенном выше случае, все эти люди были совершенно уверены, что они совершают патриотический долг. Они выполняли двойную обязанность — судей и палачей — и вовсе не считали себя преступниками.

Проникнутые важностью своей миссии, они прежде всего образовали род трибунала, и в этом тотчас же выказалась вся односторонность суждений толпы и ее правосудия. Ввиду огромного числа обвиняемых было решено, что дворяне, священники, офицеры, придворные, одним словом, люди, одно звание которых служит уже достаточным доказательством их виновности в глазах доброго патриота, будут убиты гуртом, без дальнейших рассуждений и специальных решений суда; что касается других, то их подлежало судить по внешнему виду и по их репутации. Таким образом, толпа удовлетворила требованиям своей примитивной совести и могла уже на законном основании приступить к убийствам, давая волю своим инстинктам свирепости, генезис которых был мною указан выше и которые в толпе развиваются всегда в очень высокой степени»[25].

Роль стереотипов в возбуждении ненависти и агрессивности

Из приведенного отрывка видна важность *социальных стереотипов* в возбуждении ненависти и агрессии. Толпа имела определенные стереотипные представления о таких категориях людей, как «дворяне», «священники» и другие, представлявших тогдашнее высшее общество. На основе этих стереотипов у членов толпы задолго до описываемых кровавых событий были образованы *отрицательные установки* к этим людям. Психологическая готовность для совершения насилия у них образовалась давно, и вот они оказались в такой ситуации, в которой могли безнаказанно

выразить свои установки. Это хорошая иллюстрация к проблеме «установка — поведение», и хорошо изображает те социальные ситуации, в которых так называемый *парадокс Лапьера* исчезает. Члены толпы «сентябрьщиков» не только не боялись наказания, но и требовали вознаграждения за совершенные «патриотические» действия.

Нетрудно привести примеры того, какую зловещую роль играли отрицательные социальные стереотипы во время русских революций XX века, особенно во время Октябрьской революции и в последующие годы красного террора. Сам В. И. Ленин в своих агитационных сочинениях, статьях и речах последовательно внушал простому народу вражеские образы «помещиков и капиталистов», формируя отрицательные, разрушительные установки к представителям этих социальных классов. От Ленина не отставали Троцкий, Сталин и другие руководители большевиков. Стереотипы, овладевшие толпами под внушающим влиянием речей агрессивных лидеров, могут стать страшной силой, что мы и видели в истории советской власти, власти коммунистов в разных странах. К сожалению, в стереотипизированности мышления и социально-политических представлений коммунисты не одиноки.

Сентиментальность и агрессивность толпы

Необходимо ли, чтобы агрессоры, убийцы были людьми без эмпатии и чувствительности? На уровне индивидов нетрудно видеть, что многие убийцы и террористы являются людьми психопатического и садистического типа: убивая, они не переживают жалости к своим жертвам. Но вряд ли все убийцы таковы. Да и в толпе действуют несколько иные психологические законы. Иногда толпа усиливает садизм человека, в других же случаях, наоборот, внушает своим членам чувствительность к состоянию и переживаниям других людей.

Это явление хорошо описал *Г. Лебон.* Данное им описание представляет огромный интерес для современного психолога, поскольку сходные явления во множестве наблюдаются у современных толп, да они будут наблюдаться и в будущем, ведь наступила же эра плебейских толп. Говоря о тех людях, которые в составе толпы из нескольких сотен человек разгромили тюрьмы и истребили заключенных, он пишет:

«Люди эти обладали экспансивной чувствительностью, характеризующей парижского рабочего. Один из федератов, например, узнал, что заключенных в государственной тюрьме оставили без воды на 26 часов. Он пришел в такую ярость, что готов был бы растерзать нерадивого тюремщика, если бы за него не заступились сами же заключенные. Когда импровизированный трибунал оправдывал кого-нибудь из заключенных, стража и убийцы обнимали его с восторгом, раздавались самые неистовые аплодисменты, а затем снова приступали к массовым убийствам. Во время самого совершения убийств не прекращалось веселье; танцевали вокруг трупов, устанавливали скамьи для “дам”, желавших видеть, как убивают аристократов. При этом убийцы не переставали высказывать совершенно специфическое чувство справедливости. Один из убийц заявил трибуналу, что дамы, сидящие далеко, плохо видят, и что лишь некоторым из присутствующих выпадает на долю удовольствие бить аристократов. Трибунал признал справедливость этого замечания, и решено было осужденных медленно проводить между шпалерами убийц, которые будут бить их тупым концом сабли, чтобы продлить мучения. Они кромсали совершенно обнаженные жертвы в течение получаса и затем, когда все уже вдоволь насмотрелись, несчастных приканчивали, вскрывая им животы»[26].

В этом описании мы видим, каким парадоксальным образом *сочетаются садистические чувства с эмпатией и другими положительными переживаниями.* Сочетаются,

но не составляют амбивалентной пары, поскольку их объекты различны. Это показывает, что палач и садист одновременно могут быть сентиментальными людьми. Здесь мы видим, пусть не всегда в развитом виде, зачатки расщепления личности.

Уровни моральной регуляции поведения людей в толпе

Моральная регуляция поведения человека — очень сложный процесс. Действия человека в одной и той же ситуации могут одновременно регулироваться различными моральными нормами и принципами, получая многообразные толкования. Причина этого явления в том, что те уровни морального развития, через которые проходит человек до достижения нравственной зрелости, не исчезают из психики личности: они лишь *вытесняются*, сохраняясь на подсознательном уровне, тем самым создавая возможность *моральной регрессии* личности, то есть воспроизведения в переживаниях и поведении этих прошедших уровней.

Феномен многоуровневости морального регулирования поведения хорошо иллюстрируется *Г. Лебоном* примерами из истории Франции.

Описывая, как беспощадно, прямо-таки садистически, расправлялась толпа со своими жертвами в сентябре 1792 года, автор замечает:

«Но в другом отношении убийцы обнаруживали большую щепетильность и нравственность, которую трудно было ожидать от них. Они не брали, например, ни денег, ни драгоценностей, найденных у своих жертв, и все это в целости доставляли в комитеты»[27].

Такие явления, свидетельствующие о «благородстве» толпы, отмечены также во времена других революций. Поведение преступников, по-видимому, в таких ситуациях зависит от той идеологии, которую они проповедуют. Революционные толпы *могут* так действовать: ведь они борются за честь, справедливость и другие высокие ценности. Но не все толпы одинаковы.

Например, толпы турок, осуществляя геноцид других народов, всегда и в огромных масштабах осуществляли грабеж, нередко совершенно опустошая завоеванные страны. При этом, без сомнения, играли роль этнические черты и традиции, а также те внушения, которые исходили от тайно или явно действующих лидеров.

Когнитивная регрессия, бред толпы и ее агрессия

Усиление агрессивности индивидов в толпе и появление качественно иного явления — агрессивной толпы — зависят также от тех изменений, которые происходят в психике людей, когда они оказываются вместе и образуют толпу. Эти изменения во многом имеют характер *когнитивной регрессии*, которая иногда порождает такие продукты, которые по своим психологическим характеристикам есть не что иное, как *бред*. *Гюстав Лебон* писал:

«Во всех таких действиях можно наблюдать первичные формы рассуждения, характерные для души толпы. Так, перерезав от 12 000 до 15 000 врагов нации, толпа немедленно подчинилась новому внушению. Кто-то высказал замечание, что и в других тюрьмах, там, где сидят старые нищие, бродяги и молодые арестанты, много находится лишних ртов, от которых недурно было бы избавиться; притом ведь между ними, несомненно, должны существовать и враги народа, вроде некоей г-жи Делярю, вдовы отравителя. “Наверное, она взбешена, что сидит в тюрьме. Если бы она могла, то подожгла бы Париж; она, уж верно, говорила это, она сказала это! Еще один удар

метлы!". Такие доводы показались настолько убедительными толпе, что все заключенные были перебиты гуртом, и в том числе около пятидесяти детей в возрасте от 12 до 17 лет, которые ведь также могли со временем превратиться во врагов нации, поэтому лучше было отделаться от них теперь же»[28].

Бред имеет место тогда, когда человек сочиняет какие-либо представления, предвидения и т. п., которым ничто не соответствует в действительности, *поверив в истинность всего этого*. В этом смысле суждения членов толпы относительно возможных поступков г-жи Делярю и других своих жертв есть типичный бред. В его появлении, как четко видно, играли роль *атрибуции*, предположения о том, как они поступали бы в будущем и даже исходя из каких мотивов. Такая *подозрительность* обусловлена еще и тем, что *агрессоры чувствуют свое сходство с жертвами*: они сами поступили бы таким образом, как, согласно их предположениям, поступят их жертвы, если бы у них появилась такая возможность. Поэтому мы считаем, что большинство их атрибуций носило *проективный* характер. Ненавидя самих себя за свои пороки, они приписывают их другим («врагам нации») и начинают ненавидеть их, ища возможности для наказания. Это в каком-то смысле скрытое, символическое самонаказание.

Из истории Парижской коммуны, русских революций, истории Османской и других империй можно привести много примеров, доказывающих, что *толпы переживают когнитивную психическую регрессию*, бредят и зачастую превращают свой бред в реальные социальные действия. По существу, бредили, и весьма обильно, Александр Македонский, Наполеон, Гитлер и другие «великие» деятели, мечтая о «мировом господстве», о том, чтобы создать «всемирный совнарком», и т. п.

Когда, где бы то ни было, образуется людская масса, создаются *предпосылки* для продуцирования бреда. *Зигмунд Фрейд*, по-видимому, понимал это, когда писал: «Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии — в дикую ненависть»[29].

Это высказывание великого психолога сразу же углубляет наше понимание данного аспекта психической жизни толпы: оно приведено из его работы «Массовая психология и анализ человеческого "Я"». Когда «высказанное подозрение сразу же превращается... в непоколебимую уверенность», масса начинает бредить. Но бред этот начинается в головах отдельных людей, после чего с помощью механизмов внушения и подражания переходит к массе.

Мы полагаем, что регрессивные явления, замеченные еще *Г. Лебоном* в работе «Психология народов и масс» (1898) и других, до сих пор еще недостаточно изучены, хотя исследование различных видов этих явлений и их механизмов — один из путей углубления психологии масс и толп.

Авторитарность и авторитарная агрессия толпы

Об авторитарности толпы знали еще *Г. Лебон* и другие ранние исследователи толп и людских масс. Они называли толпы авторитарными, имея в виду в первую очередь их нетерпимость к инакомыслящим и вообще к тем, кто пытается оспаривать ее убеждения и препятствовать ее действиям. С этим связан *низкий уровень толерантности* к фрустрациям и стрессам. Но никто из предыдущих авторов не заметил, что *агрессивность толпы имеет авторитарный характер*. Для этого надо было уже иметь теорию авторитаризма, которую в XX веке создали *Эрих Фромм, Курт Ле-*

вин, Т. Адорно со своими коллегами, *Б. Альтмейер*, который в настоящее время плодотворно работает в этой области, и другие. В эту теорию входит, наряду со многими другими представлениями, и **концепция авторитарной агрессии**. Она сводится, по нашему мнению, к следующим двум утверждениям:

1) авторитарная агрессия – это агрессивное поведение лидера (руководителя) по отношению к подчиненному, к лицам с более низким статусом;
2) авторитарная агрессия имеет место тогда, когда подвергают агрессии другое лицо по приказу, по требованию вышестоящего, лидера, человека, обладающего властью и авторитетом.

В таком случае агрессор может не питать ненависти к своей жертве: у него могут присутствовать даже чувство жалости и некоторой эмпатии к этому человеку. Но иногда авторитарная агрессия толпы под влиянием внушительных речей лидеров совершается в состоянии *аффективной ненависти*, которая обычно является кратковременной и разрушительной. Эти рассуждения, как мы надеемся, показывают, что в современной психологической науке о толпе можно и нужно использовать новейшие достижения целого ряда разделов психологии.

Еще одним направлением развития современной психологии толпы и ее агрессивности может быть применение в этой области достижений теорий когнитивного диссонанса, теорий установок и атрибуции. Дело в том, что поскольку аффективная ненависть приводит человека в состояние транса, то через некоторое время после совершения агрессивных действий человек может переживать внутренний конфликт и диссонанс, чувство сожаления и т. п. Такие состояния мотивируют человека к новым адаптивным действиям:

- или к еще большему ожесточению своей позиции, к большему авторитаризму и беспощадности;
- или к изменению установки и взглядов.

Эти выводы из теории когнитивного диссонанса мы считаем очень важными при рассмотрении различных аспектов психической активности толп, в частности – их агрессивности. *З. Фрейд* тоже заметил авторитарность человеческих масс, выражая свою мысль следующим образом: «Она (масса. – *А. Н.*) хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина»[30]. Благоговение перед традицией, о которой говорили *Г. Лебон* и *З. Фрейд*, – тоже признак авторитаризма характера и авторитарного подчинения.

4.10. Агрессивность толпы, роль лидера и его рационализации

Агрессивность толпы: художественное изображение

Задолго до создания Лебоном своей теории *Л. Н. Толстой* в романе «Война и мир» очень впечатляюще показал целый ряд феноменов из жизни агрессивной толпы и роль лидера (авторитарной личности), его внушающее влияние на поведение толпы.

Граф Ростопчин в 1812 году был генерал-губернатором Москвы. Толстой местами называет его «главнокомандующим» второй столицы империи. Ростопчин был противником сдачи Москвы Наполеону и на этой почве имел конфликт с Кутузовым. Он арестовывал и наказывал целый ряд лиц — русских и французов, обвиняя их в предательстве. В их числе был некий молодой человек по фамилии Верещагин.

Опуская подробности, которые известны читателю, вспомним следующее: на одной из улиц города, перед его сдачей, образовалась огромная толпа, которая направилась к резиденции Ростопчина. Собираясь перед резиденцией, толпа требовала, чтобы граф вышел к ней. Это были те люди, которые не могли покинуть город и даже не знали, опасно ли остаться в нем. Граф, как человек опытный, сразу же понимает, что толпе нужна жертва, и немедленно приступает к решению двух задач: избавиться от ненавистного Верещагина и успокоить толпу. Он приказывает привести Верещагина (в кандалах) и, обращаясь к толпе, заявляет: «Ребята, — этот человек, Верещагин, — тот самый мерзавец, от которого погибла Москва»[31].

Когда толпа окружает жертву, но все еще колеблется действовать, граф еще раз обращается к ней: «Бей его, пускай погибнет изменник и не срамит имя русского! — закричал Ростопчин. — Руби! Я приказываю!»[32].

Верещагин в отчаянии напоминает графу Бога. Но граф от этого становится еще злобнее и повторяет: «Руби его! Я приказываю!» — и после того как один из присутствующих солдат наносит удар по голове Верещагина тупым палашом, толпа переходит к действию. Вот как описывает дальнейшие события *Л. Н. Толстой*:

«"А!" — коротко и удивленно воскликнул Верещагин, испуганно оглядываясь и как будто не понимая, зачем это было с ним сделано. Такой же стон удивления и ужаса пробежал по толпе.

"О господи!" — послышалось чье-то печальное восклицание.

Но вслед за восклицанием удивления, вырвавшимся у Верещагина, он жалобно вскрикнул от боли, и этот крик погубил его. Та натянутая до высшей степени преграда человеческого чувства, которая держала еще толпу, прорвалась мгновенно. Преступление было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стон упрека был заглушен грозным и гневным ревом толпы. Как последний седьмой вал, разбивающий корабли, взмыла из задних рядов эта последняя неудержимая волна, донеслась до передних, сбила их и поглотила все. Ударивший драгун хотел повторить свой удар. Верещагин с криком ужаса, заслонясь руками, бросился к народу. Высокий малый, на которого он наткнулся, вцепился руками в тонкую шею Верещагина и с диким криком, с ним вместе, упал под ноги навалившегося ревущего народа.

Одни били и рвали Верещагина, другие высокого малого. И крики задавленных людей и тех, которые старались спасти высокого малого, только возбуждали ярость толпы...

Только когда уже перестала бороться жертва и крики ее заменились равномерным протяжным хрипеньем, толпа стала торопливо перемещаться около лежащего, окровавленного трупа. Каждый подходил, взглядывал на то, что было сделано, и с ужасом, упреком и удивлением теснился назад»[33].

Иррациональные действия толпы у некоторых ее членов сразу же вызывают страх и раскаяние, даже жалость к жертве. Вид убитого молодого человека вызывает новые реакции. Механизм действия толпы писателем описан весьма реалистично.

Вполне понятно, что для графа Ростопчина молодой Верещагин стал объектом такой интенсивной ненависти не потому, что совершил какие-то противозаконные

действия: граф перенес на беспомощного человека всю свою злость, накопившуюся в нем из-за своих неудач. Действие этого механизма у Ростопчина мы наблюдаем еще раз, когда он направляется к тому месту, где может встретиться с Кутузовым. На пути, размышляя о только что содеянном преступлении, он пытается оправдать себя ссылкой на интересы общества, то есть, говоря языком современной психологии, используя рационализации и атрибуции. Эти механизмы были хорошо известны *Л. Н. Толстому*. Он знал также о существовании тормозных механизмов, сдерживающих агрессию, о чем свидетельствует выражение о «натянутой до высшей степени преграде человеческого чувства, которая держала еще толпу».

Итак, подходя к сидящему Кутузову и высказав свое недовольство, и получив бессмысленный ответ, будто Москва не будет отдана без сражения, Ростопчин ведет себя странно: «...но граф Ростопчин ничего не ответил и поспешно отошел от Кутузова. И странное дело! Главнокомандующий Москвы, гордый граф Ростопчин, взяв в руки нагайку, подошел к мосту и стал с криком разгонять столпившиеся повозки»[34].

Очень удачное описание переноса агрессии!

Рационализации человека, совершившего агрессивные действия

Психологически очень точно *Л. Н. Толстой* описывает переживания Ростопчина после совершения тяжкого преступления. Граф использует целый ряд весьма характерных рационализаций.

1. *Атрибутивная рационализация:* граф обвиняет толпу, приписывая ей звериные черты. Что толпа была озверевшей, это верно. Она была готова направить свою агрессивность на жертву, если бы ей указывали на такой объект, лишенный возможности дать отпор. Эту задачу для толпы решил Ростопчин. Но он сам думал следующим образом: «Народная толпа страшна, она отвратительна. Она, как волки: их ничем не удовлетворишь, кроме мяса»[35].
2. *Самоатрибуции:* «я должен был это делать для успокоения толпы, я должен думать об общественном благе, у меня много обязанностей перед семьей и перед обществом»; «я, граф Федор Васильевич Ростопчин, жертвую себя ради общественного блага»; «я должен вести себя не как частное лицо, а как главнокомандующий, имеющий свои обязанности» и т. п.
3. *Обобщение рационализаций.* Этот механизм приводит к использованию идеи «о благе общества». Ход мыслей совершившего убийство человека (должностного лица) великолепно описывает *Л. Н. Толстой*: «Слегка покачиваясь на мягких рессорах экипажа и не слыша более страшных звуков толпы, Ростопчин физически успокоился, и, как это всегда бывает, одновременно с физическим успокоением ум поделал для него и причины нравственного успокоения. Мысль, успокоившая Ростопчина, была не новая. С тех пор как существует мир и люди убивают друг друга, никогда ни один человек не совершил преступления над себе подобным, не успокаивая себя этой мыслью. Мысль эта есть *le bien publique*, предполагаемое благо других людей»[36].

В этом же месте *Л. Н. Толстой* обратил внимание на ряд новых аспектов процесса самооправдания преступника, которые раскрывают дополнительные особенности рационализации.

Это, во-первых, то, что процесс самооправдания так удачно протекает в голове Ростопчина, что он не просто успокаивается, но даже начинает переживать удовольствие от своего поступка. «Он не только в рассуждениях своих не упрекал себя в сделанном им поступке, но находил причины самодовольства в том, что он так удачно умел воспользоваться этим *a' propos* (удобным случаем. — *А. Н.*) — наказать преступника и вместе с тем успокоить толпу».[37]

Во-вторых, с целью самооправдания граф искажает факты: он утверждает самому себе, будто Верещагин был приговорен судом к смертной казни, тогда как, на самом деле, он был приговорен сенатом к каторжной работе, что хорошо знал граф. *Меняется восприятие реальности, и это — под воздействием сильного мотива самооправдания.* Эта цель достигается путем еще большей дискредитации жертвы. Законное наказание представляется графу недостаточным, и он, исходя из своей «высокой цели» успокоить народ и наказать преступника, берет на себя также судебные функции, каких не имел. Он переходит грань между дозволенным и преступным, становится преступником, понимает это, но оправдывает себя и приходит в состояние относительного психологического комфорта.

Важно учесть, что *Л. Н. Толстой* описал реальные исторические события[38].

4.11. Насилие толпы — ее «первый довод»

Цивилизация и варварство

Что толпы агрессивны, знали еще *Г. Тард*, *Г. Лебон*, *З. Фрейд* и другие классики психологии больших групп. А вот более близкий нам по времени и духу исследователь, известный испанский философ *Х. Ортега-и-Гассет*, отмечает еще один важный аспект агрессивности толп и ее предпосылок. Он считает, что культура, цивилизация — это совокупность норм, которые люди соблюдают в своих взаимоотношениях. *Отсутствие норм — это варварство.* Если цивилизованный человек прибегает к насилию лишь как к последнему средству или последнему аргументу *(ultima ratio)*, и с сожалением, то варвар использует насилие в первую очередь — как первый довод *(prima ratio)*, как довод единственный. Но если так, то все остальные нормы цивилизации отменяются[39].

> «Нелишне вспомнить, что, когда бы и из каких бы побуждений ни вторгалась масса в общественную жизнь, она всегда прибегала к "прямому действию". Видимо, это ее природный способ действовать. И самое веское подтверждение моей мысли — тот очевидный факт, что теперь, когда диктат массы из эпизодического и случайного превратился в повседневный, "прямое действие" стало правилом»[40].

Более того, «прямое действие» выступает на сцену официально, в качестве признанной доктрины, утверждает Ортега, имея в виду политику тоталитарных государств. При таких режимах отбрасываются многие нормы цивилизации. Все «непрямые» действия подавляются или отменяются, «хорошее воспитание» вызывает ироническую улыбку, в литературе широко используются такие варианты «прямого действия», как угрозы и оскорбления. Грубость и распущенность становятся обычными во взаимоотношениях мужчин и женщин. Вежливость, справедливость, благожелательность, взаимное уважение и другие нормы объявляются излишествами. Нормы цивилизации создавались для того, чтобы делать жизнь людей в городских

общинах легкой и приятной. Они создавались и внедрялись долго, но вот масса, придя к власти, отменяет их. Под всеми нормами цивилизации, согласно Ортеге, лежит одна и та же основа — все растущее желание каждого гражданина считаться со всеми остальными. «Цивилизация — это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание — процесс разобщения. И действительно, периоды варварства, все до единого, — это время распада, кишение крохотных группировок, разъединенных и враждующих»[41].

Ортега-и-Гассет убежден, что цивилизованную жизнь в обществе обеспечивает лишь либерально-демократическое правление, поскольку именно либералы готовы в качестве равных сотрудничать с меньшинством, тем самым составляя большинство, даже делить власть с политическими противниками. Возможно, это так, но мы знаем также, что именно во времена либерального правления происходит распад политических сил на множество партий и группировок.

В истории человечества было немало деятелей, которые считаются великими, потому что добивались своих целей, побеждали. Но давайте ответим на следующие вопросы:

- какими способами они добивались своих побед — политических или военных?
- имеют ли моральные нормы какое-либо значение при оценке их действий или достижений или же «победителей не судят» (или «победители всегда правы»)?
- является ли данное изречение цивилизованным?

Мы считаем, что подход Ортеги-и-Гассета, изложенный выше, может стать основой для переоценки личности, деятельности и исторической роли целого ряда деятелей прошлого и настоящего.

Еще один очень важный вопрос, который возникает при обсуждении нашей темы: *становится ли человечество агрессивнее?*

Данный вопрос, который здесь возникает вновь, мы уже обсудили и пришли к выводу, что, действительно, *уровень агрессивности человечества идет на повышение*. До сих пор в пользу этого вывода мы привели в основном психологические и психобиологические аргументы.

Наши выводы получают подтверждение и с другой стороны: исследование толп и масс показывает, что, начиная с XIX века, агрессивность людей выражается в массовых выступлениях агрессивных толп, склонных к «прямому действию», к насилию для решения своих задач. Дело дошло до того, что исследователи считают толпы «симптомом какого-то нового состояния человечества, поднимающегося из низов восстания, которое угрожает общественному порядку...»[42]

Да, XXI век не будет мирным.

4.12. Мания разрушения у толп

Масса людей, толпа, как мы видели, агрессивна, в иных условиях даже чрезмерно. Это одна из неотъемлемых черт данной разновидности больших социальных групп. Агрессивность толп выражается, в частности, в виде *мании разрушения*, что многократно подтверждено историей и учитывается исследователями. Люди, объединенные в такие группы, охотно разрушают дома и предметы, особенно хрупкие, переживают

восторг от производимых звуков и вида осколков. Этот восторг — подкрепление, толкающее массу на новые действия[43].

Массы разрушают все, даже огромные дворцы, церкви, скульптуры и другие произведения зодчества. *Толпа — это варвар, способный уничтожить все.*

Достаточно вспомнить, с каким ликованием кочевники уничтожали многовековую культуру народов Малой Азии, особенно начиная с XI века, когда тюркоязычные варварские орды начали вторгаться в эту часть цивилизованного мира. С ликованием толпы «революционных масс» в Советском Союзе уничтожали не только своих сограждан, но и церкви, эти «очаги контрреволюции».

Почему толпа становится варваром? Механизмы усиления агрессивности в составе толпы мы уже знаем. Но предложено еще одно объяснение, которое заслуживает внимания и даже развития и применения при решении политических проблем. *Э. Канетти* считает, *что в толпе создается иллюзия преодоления социальных иерархий, иллюзия равенства всех его членов.* И когда толпа нападает на изваяния, огромные здания, роскошную мебель и другие предметы, она тем самым разрушает социальные иерархии.

«Разрушение изваяний — это отрицание иерархий, которые отныне не признаются. Это покушение на установленные общезначимые дистанции. Твердость изваяний свидетельствовала об их постоянстве. Они стоят издавна... они были всегда, гордые и неприступные, нельзя было даже приблизиться к ним с враждебным намерением. И вот они лежат в обломках. Это акт разрядки»[44].

Да, нельзя не согласиться, что мотив разрушения социальной иерархии может быть очень мощным и объясняет, наряду с другими особенностями и мотивами активности толп, многие исторические события, особенно те, которые отличались крайней разрушительностью. Надо было только сказать (и это важная тема, достойная дельнейшего исследования), что уничтожение изваяний и других культурных ценностей есть не что иное, как уничтожение символов власти, высокого статуса и доминирования, а следовательно — *символическое убийство* этих привилегированных социальных слоев.

Варварство во всех своих проявлениях, кроме зависти, страха перед непонятным и чужим и другими механизмами образования и динамики масс (подражание, заражение, идентификация друг с другом и с лидерами и т. п.), может мотивироваться также желанием уничтожить социальные иерархии и установить *равенство.*

Первые христиане тоже, по-видимому, были мотивированы сходным образом и поэтому во многих странах полностью уничтожили дохристианскую культуру. Например, в Армении от развитой языческой культуры почти ничего не осталось, только разрозненные осколки, на основе которых трудно составить целостное представление о том, как жили наши предки, какие имели ценности, психические качества и т. п. Все разрушено *агрессивно-вдохновенными толпами* новообращенных христиан. Они таким образом хотели, между прочим, установить социальное равенство, раз уж перед Богом все равны. Несравненно более разрушительными были нашествия мусульман, особенно тюркско-мусульманских орд, поскольку они считают представителей других религиозных конфессий «неверными» и поэтому неполноценными людьми. Одновременно завидуя их высокой культуре, они уничтожали ее.

Таким образом, мощнейший импульс толпы — желание установить равенство путем уничтожения иерархии статусов и их символов, путем уничтожения границ, отделяющих людей с разными социально-экономическими статусами.

Поджог является впечатляющим средством разрушения границ. Огонь возбуждает массу, очаровывает ее. Есть даже такая болезнь — мания поджога, на индивидуальном уровне давно известная психиатрам под названием *пиромании*. Она есть и у толп.

Приведем меткое замечание *Э. Канетти*: «Самое впечатляющее орудие разрушения — огонь. Он виден издали и притягателен как ничто другое. Он разрушает окончательно и бесповоротно. Из огня ничего не выйдет таким, как было. Поджигающая масса чувствует себя неотразимой. Все, охватываемое огнем, присоединяется к ней. Все враждебное гибнет в огне. Огонь, как это будет видно далее, — самый могучий символ массы. Как и она, совершив разрушение, он угасает»[45].

Вообще роль огня, символика огня, огонь как символ чего-то другого, роль огня в агрессивных действиях отдельных людей и толп — интересный и не до конца исследованный предмет для психологии. Представляют интерес этнические различия отношения к огню и его использование в различных целях. Исследуя эти вопросы, можно получить дополнительные сведения о чертах характеров разных народов.

Толпы становятся разрушительными особенно в переходные периоды истории, что и понятно в свете всего того, что было сказано выше. Еще *Г. Лебон* писал, что в истории наблюдается следующее явление: как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами[46].

Владычество толпы всегда означает варварство. Это должны знать и учесть все те политики, которые хотят опираться на активность «народных масс». В толпе, народных массах, действуют механизмы разрушения норм, психической регрессии, внушения, заражения и подражания; сознание сужается еще больше, превалирует активность бессознательных инстинктивных и вытесненных сил; человек становится иррациональным в значительно большей степени, чем обычно. В результате всего этого масса приобретает психологическую готовность действовать агрессивно и разрушительно.

4.13. Агрессивная преследующая толпа

Все виды масс (толп) агрессивны или актуально, здесь и сейчас, или потенциально и легко могут быть приведены во враждебное состояние. Но есть ряд разновидностей толп, основное состояние которых — агрессивность. Их действия — агрессия по отношению к определенным объектам. Такова так называемая «преследующая толпа», поведение которой подробно описано в литературе *(Э. Канетти)*. Это избавляет нас от необходимости описания явления, исторических примеров которого — неисчислимое множество. Поэтому мы отметим ряд важных с психологической точки зрения аспектов этой разновидности человеческих групп.

1. *Цель преследующей толпы.* Целью преследующей толпы является убийство. Когда жертва определена, масса решительно бросается за ней. Кто должен умереть? Обычно это определяется лидерами, но инициативу может брать на себя и кто-либо из толпы. Каждый стремится нанести удар, стать непосредственным

участником насилия или хотя бы с близкого расстояния смотреть на сцену убийства.

2. *Самозащитная и компенсирующая функции убийства.* Внутри каждого человека сидит страх перед смертью, перед опасным для жизни насилием. Поэтому, когда человек оказывается членом агрессивной массы, совершая безопасное для себя убийство, как-бы защищает самого себя. Он устраняет врага (или воображает, будто жертва — свой враг) и тем самым чувствует себя в большей безопасности, чем прежде.

Именно в этом смысле надо понимать следующую мысль *Э. Канетти*, которую, как нам кажется, в дальнейшем следует разработать подробнее: «Искушению безопасного, дозволенного и даже рекомендованного, разделенного с другими убийства большинство людей не в силах противостоять. Важно еще, что угроза смерти, постоянно висящая над человеком, хоть и не осознаваемая непрерывно, порождает потребность отвести смерть на другого. Эту потребность удовлетворяет преследующая масса»[47].

Компенсирующая роль безопасного убийства в массе заключается в следующем: каждый человек в течение своей жизни многократно желал убивать людей, которых ненавидел, но был вынужден сдерживать себя из-за страха перед возможным наказанием. Но в толпе, как мы уже знаем, происходит диффузия ответственности, что позволяет совершить убийство без страха перед возмездием. Этим он как бы компенсирует все те фрустрации, неискоренимое желание убийства, которые в прошлом ему приходилось переживать. Компенсация сильно выражена тогда, когда казнят прежде высокопоставленного человека, — короля, президента, чиновника, известного своими злодеяниями против народа. Прежний агрессор превращается в жертву, и это вызывает восторг людей — прежних жертв насилия. Это групповая месть, временно объединяющая людей. Пока есть жертва — масса сохраняется. Кончилась казнь — публика рассеивается, возможно, из-за страха каждого за возможную ответственность и наказание. Хотите рассеять врагов? Принесите кого-либо в жертву, после этого группа врагов распадется сама.

3. *Иррациональная самозащита.* Оказывается, психологическая самозащита посредством убийства другого не достигает своих собственно психологических целей, а именно — не освобождает человека от страха перед смертью. Более того, после завершения убийства страх смерти убийцы еще больше усиливается.

«После казни масса еще сильнее, чем когда-либо, ощущает страх смерти. Она распадается и рассеивается, будто ударяясь в паническое бегство. Чем важнее была жертва, тем сильнее охватывающий массу ужас. Она может сохраняться, только если казни следуют подряд одна за другой»[48].

4. *Роль психической регрессии.* В формировании и действиях преследующей агрессивной толпы, по-видимому, играет роль механизм *филогенетической регрессии.* Некоторые авторы (в их числе *Э. Фромм* и *Э. Канетти*) высказали мысль, согласно которой преследующая толпа возвращается в состояние первобытных охотников, преследовавших свои жертвы.

Сходство, конечно, есть: достаточно посмотреть кинокадры, описывающие поведение озлобленных толп в Сумгаите в 1988 году. Способность на подобные действия в те дни была обозначена словами «азербайджанский фактор».

И если действительно в участниках агрессивных и преследующих свои жертвы толп возбуждаются охотничьи инстинкты, то это не что иное, как регрессия к давно минувшим временам, формам поведения и мышления. У современного человека такая потенциальная возможность есть: она сохранена у представителей всех народов, но, вполне возможно, в различной степени.

Более того. В древние времена у многих племен и народностей существовала форма *коллективного убийства* тех, кого считали врагами: их забрасывали камнями или сжигали на огне. Жертву в таких случаях убивает вся община.

Эта форма убийства оставляла глубокие следы в психике человека, что позволяет исследователю утверждать следующее: «Все формы публичной казни зиждутся на древней практике коллективного убийства. Подлинный палач — это масса, толпящаяся вокруг эшафота. Ей по душе представление: люди стекаются издалека, чтобы увидеть все от начала до конца. Толпа хочет получить, что ей причитается, и не любит, когда жертве удается избежать казни. В истории осуждения Христа явление схвачено в самой его сути. "Распни его!" — это вопль массы. Она, собственно, и есть активная инстанция: в другое время она взяла бы все на себя, забив Христа камнями. Суд, состоящий обычно из небольшого числа людей, представительствует от имени масс, присутствующих потом при казни. Смертный приговор, произносимый от имени права, звучит там абстрактно и неубедительно; он становится реальным после, когда исполняется на глазах толпы. Ибо для нее, собственно, и совершается правосудие, и, говоря о публичности права, подразумевают массу»[49].

В настоящее время такое *регрессивное соучастие в убийстве* может иметь место и на расстоянии, через телевидение.

Есть случаи, когда современные люди требуют публичной казни для особо опасных с их точки зрения преступников и врагов. Например, такие требования звучали после сумгаитских событий 1988 года. Люди чувствуют, что публичная казнь — более строгое наказание, чем казнь где-то в подвалах полицейского ведомства. Масса, кроме того, любит наглядность: она хочет видеть своими глазами и убедиться, что преступник действительно был казнен.

5. *Этнические различия.* Публичные казни практиковались, по-видимому, у всех народов. Но должны были существовать этнические различия. Так, если указываются две основные формы убийства, к которым приговаривали человека в древности, — выталкивание из племени, вследствие чего в одиночестве он погибал от голода или становился добычей диких зверей, — и коллективное убийство, о котором мы уже знаем, то представляют интерес следующие вопросы:
   - в каких разновидностях выражаются эти две формы казни у разных народов, чем были обусловлены различия, если они существовали?
   - какую роль при этом играли представления о сущности человека и его душе, религиозные представления, различия в национальном характере и другие? Возможно, что исследование этих различий позволит понять разные аспекты психического склада этноса.

В средневековой Европе казни еретиков и колдунов производили пышно, в замедленном темпе: даже заставляли приговоренного к смерти человека выступить перед публикой с назидательной речью, в которой он убеждал их не совершить грехов и т. п.[50]

Медленно казнили Христа: толпа насладилась зрелищем умирания распятого и страдающего проповедника рядом с распятыми разбойниками. Публичная медленная казнь, по нашему мнению, есть выражение садизма массы и ее лидеров и одновременно средство укрепления в ней этой черты характера.

6. *Роль механизма идентификации.* Ясно, что масса — соучастница казни. Следовательно, у нее должна быть *положительная идентификация* с теми, кто непосредственно осуществляет казнь, приводит приговор в исполнение, — с палачами. Но это еще не все. Чтобы одобрить казнь, члены массы должны переживать *отрицательную идентификацию* с жертвой, которая объявлена врагом и преступником. Но мы думаем, что чаще всего идентификация с жертвой бывает амбивалентной, иначе как объяснить, что, когда в средневековой Европе перед казнью человека заставляли выступить перед народом с назидательной речью, эта самая агрессивная толпа приходила в состояние умиления? Здесь возникает парадоксальная мысль: масса ненавидит и любит одновременно. Любит того, кто, став жертвой, доставляет ей возможность глазеть на его казнь, наслаждаться редким зрелищем и стать его соучастником. Именно поэтому масса всегда выражала недовольство, когда казни отменяли. Она в таких случаях переживала разочарование.
7. *Телевизионное публичное убийство.* Если раньше преследующие и убивающие группы (толпы, массы) всегда бывали реальными, то есть представляли собой определенное число людей, собравшихся вместе в определенной местности и в течение определенного отрезка времени совершавших какие-то действия, то в наши дни в убийствах люди участвуют сидя дома, перед экранами телевизоров. Когда показывают реальное убийство, совершаемое группой людей, *зрители становятся воображаемыми соучастниками злодейства* и переживают одинаковые чувства. Здесь важную роль играет идентификация с убийцами и даже подражание им. При желании можно было бы зарегистрировать микродвижения рук и ног телезрителей, воображаемых соучастников убийства: они почти реально совершают убийство и видят больше подробностей, чем если бы были в толпе.

4.14. Агрессивность религиозных и политических сект

Религиозные движения как формы активности масс обычно начинаются в виде сектантских движений. Здесь мы не намерены показать причины и этапы возникновения и формирования сект: эти вопросы исследуются социологами и специалистами по психологии религии, хотя каждый новый случай возникновения сект требует специального исследования. Наша задача состоит в том, чтобы показать: каждое новое религиозное движение не только вызывает к себе враждебное отношение, но и по необходимости само должно быть агрессивным для успешного самоутверждения.

Агрессивность религиозных сект

Каждая секта, сплотившись вокруг лидера, приобретает верование, которое со временем может стать подробно разработанной религиозной идеологией. Секты приобретают или создают символы, которым приписывается священный смысл. Возникают священные ритуалы, которые становятся обязательными. Лидеру секты приписываются пророческие качества, он тоже символизируется и считается главным носителем идеологии и предводителем группы.

> «По мере того как секта начинает осознавать исходящую извне критику и предпринимать попытки оправдать свои воззрения, вероучение группы начинает перерабатываться в некий объемный корпус доктрины. Именно таким образом возникает теология; значительная ее часть имеет форму апологии»[51].

Это значит, что теология возникает как результат психологической самозащиты и в ней значительное место должны занимать системы защитных аргументов, то есть рационализации. Значительная часть этих аргументов может быть в высшей мере агрессивной, авторитарной и нетолерантной. По этим причинам, а также потому, что члены секты считают себя единственными носителями истины, тогда как другие для них являются пропавшими душами, они часто ведут себя агрессивно.

Одним из проявлений агрессивности сект является охота за новыми членами и насильственное их обращение в свою веру[52].

Насильственность и беспощадность оправдываются также тем, что, по убеждению членов секты, на них возложена божественная миссия обращать заблудших в свою веру.

Между уровнями агрессивности различных сект имеются значительные различия. Но у некоторых из них агрессивность достигает патологического уровня. Иначе как можно объяснить целый ряд исторических фактов, в том числе нижеследующий: в северных провинциях Индии существует религиозная секта по имени «туги», которая отличается крайней жестокостью. Известно, что за время между 1550-м и 1850-м годами, то есть за 300 лет, члены секты во имя своей веры умертвили около двух миллионов людей[53].

Мы считаем, что есть религиозные доктрины, которые содержат в себе как мотивы, так и программы агрессивных действий индивидов, групп и даже целых обществ по отношению к чужакам.

Современным примером агрессивной религиозной секты является Аум Синрикё — японское религиозное сообщество, имеющее сеть во всем мире. Исходя из своей доктрины члены секты по приказу своих главарей в течение 1990-х годов совершили ряд преступлений, в том числе убийств путем отравления людей.

Религиозная самоагрессия

Самоагрессия также может содержаться в доктрине и программе сект. Внешняя агрессия сект может принимать характер самоагрессии, самонаказания. Известны факты самоубийств целых сект как в прошлом, так и во второй половине XX века.

Самоубийство же отдельных членов религиозных сект является обычным делом. Самонаказание ради веры мы считаем разновидностью иррационального поведения человека. Это пограничное между нормой и патологией явление. Люди иногда бредят о потустороннем мире, и этот бред увлекает их туда, откуда нет возврата.

Преобладание религиозных различий над этническими

Агрессивность людей, обусловленная религиозными различиями, иногда становится до такой степени интенсивной, что преобладает над этническими факторами, которые, как известно, весьма сильны в межгрупповых и межличностных отношениях. Поэтому группы представителей одного и того же этноса, одной нации, проповедующие различные религиозные доктрины, могут сражаться друг с другом и даже стремиться поголовно истребить друг друга. История знает много примеров религиозных гражданских войн, имевших место в Европе и других частях света.

С чего начал свою деятельность пророк Мухаммед? С похода на своих сородичей из Мекки, которые не хотели считать его пророком, а его учение — словом Бога. И разразилась война, во время которой погибли многие арабы, оказавшиеся противниками по причине различий своей веры. Мусульманство с самого начала своего существования предоставило миру примеры крайней нетерпимости и агрессивности по отношению к тем, кого оно считало «неверными». Деятельность святой инквизиции — свидетельство нетерпимости и агрессивности католической церкви. Борьба между французскими католиками и протестантами, Варфоломеевская ночь и другие кровавые события из истории религиозных войн общеизвестны.

Сектантство, по нашему мнению, является одной из причин возникновения внутриэтнических конфликтов. Поэтому оно опасно для тех народов, у которых много внешних врагов.

Например, в маленькой Армении в настоящее время действует около 50 зарегистрированных религиозных сект, и каждая из них пытается активно завербовать себе новых членов. Это разъединяет народ и ослабляет его защитные силы. В России число сект — многие тысячи.

Агрессивность политических сект

Сектантство неотделимо от агрессивности. Политическое сектантство не менее агрессивно, чем религиозное. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с историей борьбы сект внутри партии большевиков в России. Причем очень часто подлинные идеологические различия могут быть мелкими. Но они преувеличиваются, группы идентифицируются в основном по этим различиям, которые используются лидерами в борьбе за власть и авторитет.

Так, Сталин объявил всех своих противников в борьбе за власть сектантами, а себя — единственным верным учеником и последователем Ленина, авторитет которого в партии и в стране был высоким. Тем самым он обеспечил идеологическое обоснование необходимости ликвидации своих противников.

В коммунистическом движении такие явления повторялись и в последующем. Так, во французской компартии один из марксистов-идеологов, Роже Гароди, был объявлен сектантом и стал объектом преследований только потому, что понял значение интеллигенции в нашу эпоху. «Ревизионист», «контрреволюционер» и т. п. — часто используемые названия для сектантов в рядах коммунистического движения.

Религиозный и политический фанатизм, сектантство и агрессивность должны вновь исследоваться в свете данных современных наук о человеке и обществе. Например, необходимо исследовать правильность высказанной еще *Г. Лебоном* идеи о том, что толпы людей сами по себе религиозны. Если это так — хотя надо

показать, из каких конкретных признаков можно вывести такое заключение, — то становится более понятным, почему в постсоветское время так быстро распространяются религиозные воззрения, — традиционные и новые.

4.15. Групповая самоагрессия и мазохизм толп

Мы уже видели на примере религиозных сект, что агрессивность толпы, подвергаясь конверсии, может направляться на себя. Явление это, однако, более широкое, оно не ограничивается лишь религиозными группами. Поэтому очень кратко рассмотрим групповую самоагрессию вообще.

Прямая групповая самоагрессия

У социальных групп и толп встречаются, по-видимому, все основные разновидности агрессии и насилия. В некоторых случаях очень четко наблюдается *конверсия агрессии*, то есть направление злости и гнева на себя. Причем такая конверсия может быть или спонтанной и преимущественно подсознательной, или же осознанным направлением агрессии на самого себя, обусловленным определенной идеологией и целенаправленными действиями лидеров.

Примерами прямой агрессии, направленной на самого себя, могут служить самоубийства членов религиозных сект, которые общеизвестны. Отметим, что явление группового самоубийства встречается и в животном мире (например, у китов), поэтому здесь, возможно, следует искать более общие психобиологические причины.

Более мягкими случаями могут считаться следующие: семья в целом может поставить себя в сложное положение и страдать, хотя при объективном анализе обстоятельств ее жизни можно выяснить, что в этом не было необходимости. Так ведут себя те семьи, которые идут в эмиграцию и начинают страдать, хотя могли бы остаться у себя на родине и жить безбедно. Это недовольные люди, но они, выбирая стратегию бегства, одновременно подвергают себя страданиям, проявляют мазохизм, а это не что иное (в данном случае), как направленная на самого себя агрессия. Такие страдания для некоторых приобретают ряд общих черт. Эти люди, конечно же, не осознают, что в качестве объекта агрессии выбрали самих себя.

Косвенная самоагрессия

Очень часто можно видеть такие действия масс или других социальных групп, которые, казалось бы, далеки от агрессии и имеют совсем другую природу, но при более близком рассмотрении оказываются пронизанными гетероагрессией или самоагрессией.

В качестве примера можно привести парламентские или президентские выборы, в итоге которых большинство народа выбирает авторитарного лидера или большинство голосов получают те партии, идеологии и идеологи, которые отличаются авторитаризмом.

Почему, например, значительный процент народа России голосует за коммунистов? Для чего эта часть народа, по существу, желает вернуть авторитарную диктатуру — одну из самых беспощадных в истории народов? По-видимому, потому, что в ходе так называемых демократических выборов действуют законы психологии масс, с которыми мы уже знакомы. Толпа желает иметь харизматических, но безжалостных, целеустремленных вождей, которые руководствуются простой и авторитарной идеологией, понятной всем. Народ желает быть объектом авторитарной агрессии. Народ

предпочитает не управлять, а быть управляемым, сохраняя иллюзию, что управляет сам. Кроме того, народ желает иметь таких лидеров, которые умеют защищать интересы страны перед лицом внешних врагов.

Выскажем еще одну идею, которая нуждается в дальнейших исследованиях. Мы знаем, что, если у индивида агрессия принимает преимущественно характер самоагрессии, у него появляется *депрессия*. Многие депрессивные люди имеют суицидальные намерения или действительно совершают покушение на свою жизнь. Нельзя ли по аналогии говорить также о депрессивных группах и толпах, которые проявляют склонность к самоуничтожению? Мы считаем, что исследование депрессивных социальных групп, толп (например, религиозных) и даже целых этносов — актуальная задача социальной и этнической психологии.

4.16. Армия и групповой военный садизм

Армии создаются и обучаются для того, чтобы уничтожить внешних врагов страны. Солдат на поле боя вынужден убивать противника, иначе убьют его самого. Но, по-видимому, даже во время войн можно действовать, по возможности, гуманно, сохраняя жизнь военнопленным, не применяя наиболее опасные для жизни виды оружия и т. п. Когда армия состоит из людей, которых с помощью агрессивной и нетолерантной идеологии обработали и превратили в бесстрашных убийц, садистов-роботов, она будет безжалостно убивать всех подряд.

Так, армии Османских султанов в течение нескольких столетий уничтожали целые народы, пленных и мирное население завоеванных стран.

Но мы приведем более свежий пример, репортаж писателя *Джеймса Олдриджа* из Северной Африки. Этот материал был опубликован в газете «Нью-Йорк Таймс» от 24 июня 1942 года.

«Немецкий африканский корпус разгромил восьмую армию благодаря быстроте, ярости, энергии и упорству. В традиционном понимании немецкие солдаты ни на что не годятся. Но ярость и упорство маршала Эрвина Роммеля и его банды граничат с идиотизмом. Они обладают мужеством и быстротой. У этих головорезов почти полностью отсутствует воображение. Они представляют собой практичных людей, которые жили практичной, трудной жизнью. Их взяли в армию, чтобы они практично воевали. Это — нацисты, обученные убивать. Немецкие командиры — это ученые, которые постоянно экспериментируют и совершенствуют математическую формулу убийства. Их обучали так, как обучают математиков, инженеров и химиков, которым предстоит решать сложные проблемы. Здесь нет места ни искусству, ни воображению. Для них война — это чистая физика. Для психологии немецкого солдата характерно безрассудство трекового гонщика. Немецкий солдат — это сосредоточенный на своем деле профессиональный убийца. Он верит, что он самый стойкий солдат на земле. В действительности он легко теряет самообладание. Противник, использующий такие же безжалостные методы, какие использует немецкий солдат, может одержать над ним быструю и убедительную победу. Английский солдат — самый героический солдат на земле. Но не следует смешивать героизм и солдатскую стойкость. Английский солдат обладает решимостью, но у него отсутствует стойкость, благодаря которой он мог бы научно убивать своего врага»[54].

Дж. Олдридж, конечно, тенденциозен, когда заявляет, что немецкие солдаты ни на что не годятся и т. п. Но он, в основном, верно описывает садизм немцев, кото-

рые в деле уничтожения людей других рас и этносов превосходили всех, кроме, быть может, турок. *В. Райх*, обсуждая репортаж *Дж. Олдриджа*, особенно то место в нем, где он говорит, что немецкого солдата можно победить только теми же безжалостными методами, возражает ему, предлагая иную концепцию антифашистской борьбы.

> «Она заключается в ясном, бескомпромиссном осознании исторических и биологических причин, которые приводят к таким убийствам. Искоренить фашизм можно только на основе такого осознания, а не путем подражания ему. Невозможно победить фашизм, подражая ему и подавляя его с помощью его собственных методов, и при этом самому не стать фашистом. Путь фашизма — это путь автомата, смерти, ригидности и безысходности. Путь жизни принципиально отличается от фашистского пути; он труднее, опаснее, честнее и оптимистичнее»[55].

Еще до появления работ *К. Лоренца* об агрессии человека *Вильгельм Райх* уже знал, что внутри своего вида человек более жесток, чем многие другие животные внутри своих видов. Он считал, что человек стал сверхагрессивным вследствие авторитарного мировоззрения, механической науки и техники, а также иллюзорного представления, будто не является животным. Между тем, то, что человек является одним из видов животных, — биологический факт, и его осознание может оказать отрезвляющее влияние на самосознание и поступки человека.

4.17. Социальная дезорганизация, враждебность и нормообразование

Социальная деградация и нормативный бунт

Социальная дезорганизация имеет место тогда, когда прежние нормы и ценности не соблюдаются, а новых еще нет. Люди переживают состояние неопределенности и во многих ситуациях не знают, как следует вести себя, какую роль следует играть, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, и т. п.

Социальная дезорганизация является сильнейшим комплексным фрустратором и стрессором для большинства людей. Одними из адаптивных ответов фрустрированных людей на ситуации социальной дезорганизации являются агрессия и стремление создать свои собственные нормы поведения. Но эти нормы обычно оказываются криминальными, допускающими несправедливость и насилие. *Это своеобразный криминальный нормативный бунт, девиантное нормотворчество.*

Но если в обществе есть сторонники ставших традиционными норм, в том числе законов, у них возникает уже нормативный бунт иного, традиционного консервативного характера.

Они тоже, фрустрируясь, защищаются с помощью такого бунта — смеси агрессивности со стремлением жить по старым нормам. Когда говорят о ностальгии по прежним временам, надо иметь в виду, в частности, желание, чтобы был восстановлен прежний нормативный порядок. Девиантные группы создают свои нормы и субкультуру[56].

Новые нормы и законы могут быть направлены против тех, кого считают причиной несправедливости, как это имело место во время и после русской революции 1917 года.

Мы считаем нормообразование *процессом структурной самозащиты* социальных групп и даже отдельных индивидов. Тем более что в них могут быть не только новые нормы, но и рационализации и другие защитные механизмы. Защитный процесс нормообразования и его психологического обоснования может сочетаться с процессом *мотивообразования,* а часто в значительной мере к нему и сводится, поскольку как нормы, так и их обоснования (рационализации) мотивируют и регулируют поведение людей.

Социальная дезорганизация и насильственные преступления

Социальная дезорганизация, как показывают социологические исследования, проявляется не только в девиантном нормообразовании, но и в преступности, в частности — в росте числа насильственных действий и убийств в данном обществе. Преступник легко нарушает те социальные нормы, которые считает устаревшими и (или) несправедливыми.

Дезорганизация выражается также «...в большом количестве юношей, бросающих школу и остающихся без образования; в высоком уровне незаконорожденных детей; и, согласно некоторым исследованиям, в высоком уровне разводов»[57].

Исходя из этих критериев можно сказать, что в 1990-е годы и в начале XXI века в целом ряде стран СНГ налицо глубокая социальная дезорганизация, нормативный, психологический и экономический кризис. Сюда можно добавить еще и проституцию, идущую также «на экспорт». Еще одним проявлением социальной дезорганизации мы считаем переструктурирование правящей элиты и появление в ее составе случайных людей: наступило время «выскочек». Но такие времена имеют свои положительные стороны для науки: появляются благоприятные условия для исследования наиболее интересных социальных процессов, в том числе глубинных и близких к патологическому.

Примечания

[1] О референтных и эталонных группах см.: *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969; *Merton R. K.* Social theory and social structure. New York: Free Press, 1968.
[2] *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб., 2000.
[3] *Бандура А.* Подростковая агрессия. — М., 2000.
[4] *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. — М., 2001.
[5] *Mullen B.* Atrocity as a function of lynch mob composition: A self-attention perspective. “Personality and Social Psychology Bulletin”, 1986, 12, pp. 187–197; *Бэрон Р., Н. Керр, Н. Миллер.* Социальная психология группы. — М.; СПб., 2003. — Гл. 8.
[6] *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969; *Майерс Д.* Социальная психология. — С. 526 и др.; *Staub E.* The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.
[7] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[8] *Cartwright D. S.* The nature of gangs. In: D. S. Cartwright, B. Tomson and H. Schwarz (Eds.). Gang delinquency. Monterey (Calif.): Brooks/Cole, 1975; *Short J. F. Jr* (Ed.). Gang delinquency and delinquent subcultures. New York: Harper and Row, 1969.

[9] *Freedman J. L., Levy A. S., Buchanan R. W. and Price J.* Crowding and human aggressiveness. Journal of Experimental Social Psychology, 1972, 8, pp. 528–548.
[10] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001. — С. 16.
[11] *Levy S. G.* A 150-year study of political violence in the United States. In H. D. Graham and T. R. Gurr (Eds.), Violence in America. New York: New American Library, 1969.
[12] *Davis J. C.* Toward a theory of revolution / "American Sociological Review", 1962, 27, pp. 5–19.
[13] См. также: *Davis J. H.* Group performance. Reading (MA): Addison-Wesley, 1969; *Crosby F.* A model of egoistical relative deprivation. "Psychological Review", 1976, 83, pp. 85–113.
[14] *Martin J.* Relative deprivation: A theory of distributive injustice for an era of shrinking resources. In "Research in organizational behavior (Vol. 3). Greenwich (CT): IAT Press, 1980.
[15] См., например: *Антонян Ю.* Терроризм. — М., 1999; *Ольшанский Д. В.* Психология масс. — СПб.-М., 2001; *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб.; М., 2003; и др.
[16] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 279.
[17] *Zimbardo P. G.* The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. In W. J. Arnold and D. Levine (Eds.), Nebraska Symposium on Motivation. Lincoln (NE): Univ. of Nebraska Press, 1970; *Zillman D.* Hostility and aggression. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1979; *Davis J. H.* Group performance. Reading (MA): Addison-Wesley, 1969.
[18] *Лебон Г.* Психология толп. — М., 1998. См. также сб.: Психология толп. — Самара, 1998.
[19] *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». — М., 1998.
[20] *Московичи С.* Век толп. — М., 1998; *Ольшанский Д. В.* Психология масс. — СПб., 2001; *Назаретян А. П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. — СПб., 2004.
[21] *Московичи С.* Век толп. — М., 1998. — С. 5.
[22] *Райх В.* Психология масс и фашизм. — СПб., 1997. — С. 64–71.
[23] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 20.
[24] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 99–100.
[25] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 101.
[26] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 101.
[27] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 101–102.
[28] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 102.
[29] *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. — Тбилиси, 1991. — С. 79.
[30] *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. — Тбилиси, 1991. — С. 80.
[31] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 360.
[32] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 361.
[33] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 361.
[34] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 367.
[35] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 363.
[36] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 364.
[37] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 364.
[38] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 5. — С. 428.
[39] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001. — С. 72 и др.
[40] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001. — С. 72.
[41] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001. — С. 73.
[42] *Московичи С.* Век толп. — М., 1998. — С. 48.
[43] *Московичи С.* Век толп. — М., 1998. — С. 48.

[44] *Канетти Э.* Масса. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 320.
[45] *Канетти Э.* Масса. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 321.
[46] *Лебон Г.* Психология толп. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 8.
[47] *Канетти Э.* Масса. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 352.
[48] *Канетти Э.* Масса. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 352.
[49] *Канетти Э.* Масса. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 353.
[50] См. литературу об инквизиции, например: *Григулевич И. Р.* Инквизиция. — М., 1985.
[51] *Блумер Г.* Коллективное поведение. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 583; см. также сб.: Американская социологическая мысль. — М., 1994.
[52] *Блумер Г.* Коллективное поведение. В сб.: Психология масс. / Под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара, 1998. — С. 583.
[53] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 484–485.
[54] Репортаж приводится из книги *В. Райха* Психология масс и фашизм. — СПб., 1997. — С. 320.
[55] *В. Райх.* Психология масс и фашизм. — СПб., 1997. — С. 321.
[56] *Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н.* Социальная психология группы. — СПб.; М., 2003. — Гл. 8.
[57] *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001. — С. 344; см. также: *Бэрон Р., Керр Н., Миллен Н.* Социальная психология группы. — СПб.; М., 2003. — Гл. 8.

ГЛАВА 5

Ролевой конформизм, власть и жестокость

5.1. Конформизм

Общая характеристика

Конформизм — *приспособление человека к мнениям и действиям других людей — авторитетных лиц и социальных групп.*

Конформист — *это человек, в характере которого социальное приспособленчество занимает одно из ведущих мест.* Такой человек нередко проявляет свой конформизм, то есть отказывается от своей самостоятельности даже тогда, когда такое поведение наносит вред его интересам.

В исследовании конформизма значительный вклад внесли *Эрих Фромм*, *Соломон Аш* и другие социальные психологи Европы и США. В России также эта проблема стала предметом внимания психологов, но в основном — как противоположность коллективизма. В частности, обсуждение этих вопросов читатель найдет в работах известных российских педагогов и психологов (см., например, труды *А. Макаренко*, *А. В. Петровского*) и других специалистов.

Различают два основных вида конформизма:

1) сознательный и расчетливый конформизм;
2) подсознательный, автоматически протекающий процесс приспособления.

В первом случае человек, который по определенному вопросу не согласен с лидером или большинством группы, понимает, что, явно выражая свою самостоятельную точку зрения, может подвергаться гонениям и лишениям, воздействию различных отрицательных социальных санкций. Рассчитав возможные потери и приобретения, он решает внешне согласиться с большинством и, таким образом, избежать потерь.

Тот же человек, кто приспосабливается подсознательно, как автомат-конформист, проявляет свое приспособленчество спонтанно, без осознания, продуманных сознательных усилий и расчетов. Это обычно человек без твердых убеждений и социальных установок, с дефицитом веры в собственные силы. Есть, например, подчиненные, которые при каждой смене начальника меняют свои взгляды, причем так «плавно», что им самим кажется, будто всегда думали и действовали так, как сейчас. Они очень внимательны к мнениям авторитетных людей и легко сохраняют свои должности даже при смене политических режимов.

Например, Талейран как был министром иностранных дел до Наполеона и при нем, так и остался после него на этом высоком государственном посту. По-видимому, когда речь идет о политическом конформизме, можно говорить о существовании у некоторых деятелей особого *синдрома Талейрана*.

Экспериментальные исследования *С. Аша* и других социальных психологов раскрыли поразительные факты приспособленчества значительного числа людей даже в таких условиях и под давлением таких групп, которые не имеют сколько-нибудь существенного значения для них. По-видимому, имеются все основания для утверждения, что конформизм, как и агрессивность, является одним из основных свойств человеческих существ. Здесь мы не можем более подробно обсуждать проблему конформизма, это задача другого труда. Но нам необходимо специально заниматься обсуждением одной из разновидностей этого явления, которую можно назвать ролевым конформизмом.

Статус, роль, ролевой конформизм

Позиция человека в социальной группе — это то место, которое он занимает в системе взаимоотношений данной группы. Чаще пользуются термином **«статус»**, и хотя иногда проводят различие между ними, в данном контексте мы будем употреблять их как синонимы.

Человек имеет статусы во всех тех группах, членом которых является. Так, в семье он — муж и отец, в трудовой группе — начальник; он может быть президентом какой-либо компании, председателем спортивного клуба и т. п.

Поскольку каждая социальная группа имеет различные структурные уровни, то и человек занимает в них различные позиции. На уровне официальных отношений он может быть руководителем группы, а на уровне неофициальных — «звездой» или «изолянтом» и т. п.

Существует специальная социально-психологическая наука, которая создана в основном *Джекобом Морено* и называется **социометрией**: она изучает именно неофициальные, эмоциональные отношения людей. Указанный автор обнаружил, что существует целый ряд неофициальных, чисто психологических, так называемых «социометрических» статусов в каждой малой и средней по величине группе, члены которой непосредственно общаются и лично знают друг друга[1].

Роль человека определяют как процесс осуществления статуса, как его динамику. Каждому социальному статусу человека соответствуют одна или несколько ролей. И если человек в составе какой-либо группы исполняет определенную роль, то нет сомнения, что он в этой группе занимает соответствующий статус. Исполнение роли без соответствующего статуса — такая же ненормальность, как и ее неисполнение, когда человек имеет соответствующий статус. Например, вообразите, что кто-либо после успешных для себя выборов избран президентом страны, но сидит дома, празднует свою победу и ничего не делает в соответствии со своим новым статусом. Выглядело бы странно, не правда ли? Странным выглядел бы также человек, который не избран президентом, но упорно не покидает резиденцию главы государства, если до этого уже занимал этот пост, пытаясь продолжить исполнение этой роли. Жена бы изумилась, если бы ее супруг совсем перестал исполнять свои супружеские обязанности.

Дело в том, что с каждым статусом (и ролью) связаны определенные *ожидания*, которые должны выполняться. Одна группа этих ожиданий — это *права* человека, занимающего данный статус; вторую группу составляют те ожидания, которые к человеку, взявшего на себя эту роль, предъявляют другие. Это уже их права, а для исполнителя роли они являются *обязанностями*. Следовательно, чтобы успешно выполнять свою роль, человек должен приспосабливаться к ней, принять ее, то есть согласиться идти навстречу тем ожиданиям (в научной литературе часто их на-

зывают «экспектациями»), которые предъявляются к исполнителю данной роли. Это вполне естественно и в определенных пределах нормально.

Но проблема состоит в том, что люди нередко так быстро, глубоко и чрезмерно приспосабливаются к своим ролям, что их поведение становится патологическим, аморальным и опасным для общества. Нарушаются гибкость и целесообразность адаптации, сама личность претерпевает нежелательные изменения. Чтобы убедиться во всем этом, мы должны ознакомиться с процедурой и результатами теперь уже знаменитых экспериментов американского социального психолога *Филиппа Зимбардо*.

5.2. Чем отличается фашист от других людей?

В свое время люди во всех концах земли следили за судебным процессом фашистского преступника *Клауса Барбье*, который на суде с сожалением заявил, что не смог лично убить еще больше детей. Имея в виду те неслыханные злодеяния, которые совершены фашистами против человечества, можно было бы подумать, что они, как личности, существенно отличаются от остальных людей, которых мы называем нормальными. Конечно, нет сомнения, что среди фашистских палачей и других лиц, совершивших акты садизма, вандализма и геноцида (правильнее сказать — *этноцида*), были и есть лица с патологическими чертами психики. Некоторые из них были подлинными садомазохистами и вандалами.

Но являются ли все подобные преступники психически больными людьми? Вывод о том, что насилие и жестокость — дело рук лишь психопатов и психотиков, сильно упрощает нашу проблему и препятствует глубокому изучению истоков и социально-психологических причин жестокости человека. Но ведь такое исследование нам крайне необходимо: мы нуждаемся в твердо установленных научных знаниях для того, чтобы эффективно бороться против этого социального зла.

Чтобы знать, что из себя представляют люди, поступившие крайне жестоко по отношению к другим, следует подвергнуть их психологическим исследованиям. С этой целью американский психолог *Молли Хартвет* сделала попытку выяснить, какие ответы дают военные преступники на вопросы известных личностных тестов. Она, в частности, применила тест Роршаха, который требует, чтобы испытуемый посмотрел на чернильные пятна определенной конфигурации на белой бумаге и постарался вообразить, что на ней изображено.

Она ждала, что ответы убийц должны серьезно отличаться от ответов других людей. Между тем полученные данные удивили как исследователя, так и тех, кто ознакомился с ними. В двух из восьми полученных тестовых отчетов были признаки умственных способностей более высоких, чем средние, а в двух остальных все свидетельствовало о том, что перед нами нормальные люди. В оставшихся четырех отчетах отмечалось наличие данных, свидетельствующих о трудностях адаптации этих людей к условиям своей жизни.

Даже опытные психологи-тестологи не сумели отличить упомянутые восемь отчетов от результатов исследования других лиц, среди которых были также служители церкви, то есть люди, которые никаких преступлений не совершали.

Вполне возможно, что тест Роршаха не является достаточно эффективным орудием для раскрытия более существенных различий людей. Но *М. Хартовер* заключает,

что психические нарушения и личные психологические проблемы, например наличие острых и длительных внутренних конфликтов, не являются необходимыми внутренними условиями жестокости и крупных преступлений. Проблема эта, конечно, дискуссионная. Мы уже видели, что агрессивность очень часто обусловлена фрустрациями, а человека могут глубоко фрустрировать и конфликты как внешние (с другими индивидами и группами), так и внутренние. Но полученные *М. Хартовер* данные тем не менее поучительны: они свидетельствуют, что *жестокость человека и психическая «норма» не являются несовместимыми*. Все дело в том, что поведение человека нередко определяется не столько его характером, темпераментом, установками и другими внутрипсихическими факторами, сколько внешними, социальными ситуациями, в том числе теми ролями, которые он выполняет на различных социальных «сценах». В определенном смысле человек есть *социальный актер*, исполнитель порученных ему социальных ролей и поступает так, как от него ожидают окружающие, в первую очередь авторитетные для него люди и группы.

5.3. Университетская «тюрьма» Ф. Зимбардо

Организация эксперимента *Ф. Зимбардо* интересовался вопросом о том, что означает быть заключенным или надзирателем тюрьмы и, вообще, что творится в тюрьмах, какое влияние оказывают условия тюремной жизни на людей? Более конкретно его интересовало воздействие, которое оказывают выполняемые людьми социальные роли на их личность. Не имея возможности проведения исследований в настоящих тюрьмах, *Ф. Зимбардо* вместе с коллегами в Стэнфордском университете создал искусственную тюрьму, кратковременное существование которой оказалось весьма поучительным и для психологов, и для общества.

В одной из газет города Пало Альто психологи опубликовали объявление о готовящемся исследовании и приглашали для участия в нем добровольцев. Вскоре объявились 70 человек. Из них выбрали 24 молодых людей, которые, согласно данным тестовых испытаний, отличались зрелостью, эмоциональной устойчивостью и нормальным умственным развитием. Ни один из них не совершал преступлений. И по социальному происхождению они были весьма сходны друг с другом: по статусу они были представителями среднего класса, все учились в колледже и обладали целым рядом общих психических черт.

По случайному жребию половина из них была назначена на роль заключенных, остальным поручили роль тюремных надсмотрщиков (надзирателей). Исполнителям роли надзирателей объяснили, что ситуация эксперимента — сложная и ответственная и их задача — самим создать правила, необходимые для соблюдения порядка и законности. Именно они должны были создать эти правила в течение тех восьми часов, которые ежедневно отводились каждому из них для дежурства, если, конечно, появится потребность в таких правилах. Говоря в терминах социальной психологии, надзиратели сами должны были создать структуры как своих ролей, так и ролей заключенных. Дежурство было трехсменным, по восемь часов.

«Заключенных» же ночью и неожиданно, с участием настоящих полицейских, «арестовали» в своих квартирах и на полицейских машинах привезли в городское управление полиции. Здесь их обыскали, сняли дактилоскопические следы пальцев, после

чего, с завязанными глазами, перевезли в искусственную тюрьму университета. Здесь их раздели догола, дезинфицировали, вручили форму заключенного, присвоили номера и заперли в камерах. В каждой камере — по три человека. Предполагалось, что в таких условиях они должны жить две недели. Каждому участнику эксперимента назначили плату по $15 в сутки, поэтому для многих из них мотив получения заработка играл определенную роль. Все события, развернувшиеся в «тюрьме», снимались кинокамерами: велась постоянная видеозапись поведения участников. В течение всего эксперимента участников тестировали, с ними проводились психологические беседы. Для получения достоверных данных условия эксперимента были максимально приближены к условиям жизни в настоящих тюрьмах[2].

Ролевая адаптация Хотя эксперимент был запланирован для двухнедельного срока, а его автор даже надеялся продолжить наблюдения целый месяц, уже через шесть дней он и его коллеги решили закрыть свое временное заведение: их устрашило то, что приходилось видеть. По словам *Ф. Зимбардо*, как для участников эксперимента, так и для психологов постепенно стали исчезать границы между настоящими и экспериментальными, искусственно созданными реалиями. Многие участники как бы стали настоящими заключенными и надзирателями: они уже не могли четко различать свое «Я» от той роли, которую временно исполняли в этой искусственной и временной ситуации. Удивительными были изменения их мыслей, чувств и поведения. Непосредственно можно было наблюдать *психологическое отождествление* человека с новой ролью и его *ролевую адаптацию* в виде почти полного *конформизма*. Такие явления, конечно же, наблюдаются и в самых различных обстоятельствах реальной жизни, они приводят к глубоким изменениям в поведении и характере людей. Достаточно вспомнить, до какой степени меняются поведение и социальные связи человека, когда он достигает более высокого социального положения и начинает выполнять соответствующие роли в организациях и обществе. В глазах его бывших знакомых и друзей он нередко становится неузнаваемым, отчуждается от прежней социальной среды и включается в совершенно новые связи и взаимоотношения.

В ходе недельного эксперимента его участники временно потеряли все те результаты «очеловечивания», которые приобрели в течение всей предыдущей жизни, в результате долгих лет социализации. Они начали отрицать высшие человеческие ценности — великодушие, человечность, справедливость и другие. Под угрозой оказались их представления о себе, то есть их «Я-концепции». В их переживаниях, речах и поведении проявлялись худшие, даже патологические, извращенные черты. Психологи ужаснулись при виде того, как некоторые из «надзирателей» — этих образованных молодых людей — обращались с «заключенными», как будто те животные и заслуживают только презрения. *Эти люди явно наслаждались своей жестокостью.* Примерно одна треть «тюремщиков», злоупотребляя представленной им властью, наслаждались тем, что могут контролировать поведение «заключенных». Они проявили значительную находчивость, создавая все новые способы унижения и истязания своих подчиненных. Всеми способами они стремились к тому, чтобы «заключенные» чувствовали себя беспомощными и ничтожными: заставляли их ругать и унижать друг друга, давали им утомительные и скучные поручения. Например, один из «надзирателей» заставлял «заключенных» переносить картонные ящики из одного туалета в другой и так — много раз. Делалось все для их *дегуманизации*. Один из «надзирателей» после завершения эксперимента рассказывал: «Я сам был очень удивлен... Я называл их другими именами, заставлял руками чистить туалеты. Фактически

я принимал их за животных и думал, что должен все время следить за ними, иначе могут совершить ошибки». Эти «надзиратели» всегда были жестокими и неуклонно выполняли свои обязанности. Не были добрыми и «тюремщики»: они делали «заключенным» маленькие уступки, вызывая их симпатию. Все же «охранники» были недовольны преждевременным прекращением эксперимента. Они были глубоко вовлечены в свою роль, наслаждались властью, возможностью контролировать жизнь и поведение других людей. Ни один из них ни разу не опаздывал на «службу», а некоторые даже добровольно оставались «сверхурочно», но без дополнительной оплаты.

Всех «охранников» исследователи подразделили на три категории:

1) одну треть составили те, кто изобретал способы подавления духа «заключенных»; это были люди с садистическими чертами;
2) остальных подразделили на две новые группы:
   а) в первую включили строгих, но действующих по правилам участников;
   б) во вторую включили «хороших» «охранников»: эти относились к «заключенным» по-дружески, делали им небольшие уступки и т. п. Они были хорошими с точки зрения «заключенных».

Ф. Зимбардо указал на очень интересное обстоятельство: даже из этих добрых «надзирателей» никто и ни разу не вмешивался для предотвращения жестоких действий и унижающих человеческое достоинство приказов остальных «тюремщиков». Они ни разу не выступили на стороне «заключенных», не добивались облегчения их участи с учетом того, что все это — игра. Подобными предложениями они ни разу не беспокоили автора эксперимента, который выполнял роль главного «надзирателя» и руководителя исследования. Наоборот, существование этих плохих, жестоких «надзирателей» им даже понравилось, поскольку давало возможность сравнить себя с ними и чувствовать свое человеческое превосходство.

Стремление этих «добрых» «надзирателей» понравиться «заключенным» и психологу привело к тому, что, идя навстречу предъявляемым им ожиданиям, они способствовали более длительному существованию искусственной тюрьмы. Со своей стороны и заключенные, не бунтуя против таких «добрых» «надзирателей», способствовали существованию тюрьмы.

Молодые люди, которым по жребию приходилось играть роль заключенных, вначале пытались организовать бунт и захватить тюрьму. Но, получив решительный отпор, они постепенно становились раболепными. У них было заметно усиление эгоизма, их интересовали только свои потребности, они всячески искали способы избавления от тяжелой работы и освобождения от наказаний. Подчиняясь «надзирателям», они их ненавидели.

В первые четыре дня эксперимента психологи были вынуждены прекратить участие в эксперименте трех «заключенных», так как эти молодые люди начали вести себя как психически больные: они кричали без видимой причины, у них были заметны депрессивное состояние, нарушения мышления и другие ненормальности. Одного из них психологи были вынуждены вывести из эксперимента уже через 36 часов после его начала, так как у него повторялись приступы неконтролируемого плача и вздыханий. Двух удалили чуть позже, имея в виду наличие у них эмоциональных нарушений. Оставшиеся (кроме трех) просили досрочного освобождения даже ценой потери всей уже заработанной суммы. Но уже к пятому дню эксперимента они так привыкли к своим новым ролям арестантов, что, получая отказ в условном осво-

бождении, покорно вернулись в свои камеры. Если бы эти люди не считали себя заключенными, если бы они считали себя лишь участниками неприятного эксперимента, они бы покинули тюрьму, поскольку уже примирились с мыслью о потере заработка. Ведь именно эти 15 долларов за каждый день участия заставляли их оставаться участниками эксперимента. Но у них и в мыслях не было уйти из этой искусственной тюрьмы: они просили только об *условном* освобождении!

В последние дни эксперимента первоначальная солидарность «заключенных» исчезла, они начали действовать по принципу: «Каждый — за себя». Это стало очевидно после того, как одного из «заключенных» перевели в карцер, так как он отказался принимать пищу. В качестве карцера служил туалет. Один из «надзирателей» предложил остальным «заключенным» на одну ночь отказаться от своих одеял, и если они согласны, то при соблюдении этого условия наказуемого оставят в его камере. В противном случае «заключенный» всю ночь должен был остаться в холодном карцере. Но остальные «заключенные» решили не отказываться от своих одеял и бросили своего товарища на произвол судьбы.

В конце недели эксперимент стал как бы частью реальной жизни. Консультантом психологов по созданию и содержанию экспериментальной тюрьмы был бывший заключенный Карло Проскот, который 16 лет провел в тюрьмах штата Калифорния. Каждый раз, посещая эту искусственную тюрьму, он переживал чувства гнева и подавленности: экспериментальная тюрьма уж очень была похожа на настоящую и напоминала ему свое неприятное прошлое. Эксперимент как бы стал реальностью, как будто это была пьеса Пиранделло, руководимая Кафкой: она продолжается, хотя зрители уже ушли[3].

Обратим внимание на то, что католический священник, который раньше служил тюремным капелланом в Вашингтоне, после беседы с «заключенными» заявил, что по своему поведению и образу мышления они очень похожи на новых обитателей настоящих тюрем.

Ф. Зимбардо признался, что принял решение о досрочном завершении эксперимента по двум причинам.

Во-первых, ему стало страшно от увиденного и он боялся, что у участников могут оставаться необратимые патологические и антисоциальные изменения.

Во-вторых, он почувствовал, что сам тоже может стать похожим на этих жестоких «надзирателей» или безвольных «заключенных», которые уже не имеют смелости пить, есть и пользоваться туалетом без разрешения начальства. Многие участники эксперимента уже лишились способности четкого различения границ своего подлинного «Я» от той роли, которую играли в этой ситуации.

Вот к чему может привести людей ролевой конформизм. Читатель без труда вспомнит сходные примеры из реальной жизни, в частности — из практики советских тюрем и концлагерей. В условиях «свободы» или, как говорят, «воли», особенно в тоталитарных государствах, люди до такой степени несвободны от произвола властей, что чувствуют себя как в тюрьме. Большевики, критикуя царизм, любили повторять, что Россия была «тюрьмой народов». Но, как крайне авторитарные люди, захватив власть, они только усовершенствовали эту тюрьму, превратив ее в такое место, где человека запросто могут уничтожить. Подобные условия деморализуют людей, превращая большинство в двуликих конформистов, всегда готовых к предательству. В годы сталинского террора эгоизм, доносительство и жестокость людей не знали границ. Исследования ролевого конформизма, деиндивидуации и агрессии позволяют глубже понять события этого значительного периода истории СССР и России,

других государств. Как и заключенным тюрем, гражданам тоталитарных государств характерны подобострастие и раболепство подчиненных, озабоченность узкоэгоистическими интересами, тщательно скрываемая ненависть к власть имущим, забота о выживании и поиски путей бегства из этой страшной ситуации. В таких условиях люди становятся трусливыми, приспособленцами, аморальными существами. Они все время стараются доказывать свою преданность существующему режиму.

Ф. Зимбардо приводит такую цифру: 70 % выпущенных из американских тюрем людей совершают новые, причем более жестокие преступления, то есть становятся рецидивистами. Тюрьма даже жалких воришек превращает в убийц. А это означает, что она себя не оправдывает. В ней заключенные и охранники взаимно ожесточают друг друга. Автор этого эксперимента считает, что тюрьмы должны стать открытыми для наблюдения со стороны представителей закона и общества. Охранники должны получить лучшую подготовку для исполнения своей трудной роли. Следует также сохранять связи между заключенными и их социальной средой, иначе после освобождения им трудно будет вновь адаптироваться к ней, тем более что современное общество быстро меняется.

В свете описанных выше исследований представляет интерес то, что происходит в России и других странах СНГ — членах Европейского совета: приняты решения о передаче мест заключения министерствам юстиции, отняв у министерств внутренних дел. Это весьма симптоматично. В связи с чем теперь уже бывший премьер-министр *В. Черномырдин* заявил, что в России тюрьмы стали такими заведениями, где заключенные получают «высшее преступное образование».

Наконец, в связи с проблемой рецидивизма выскажем точку зрения, которая может стать предметом новых исследований: мы считаем, что в тюрьмах и исправительных лагерях заключенные теряют часть тех адаптивных механизмов и навыков, с помощью которых приспосабливались к условиям свободной жизни. В тюрьме эти механизмы разлагаются и атрофируются, поскольку здесь они или не нужны, или даже приводят к дезадаптации, как, например, навыки морального поведения, неагрессивные способы адаптации и т. п. Именно поэтому в результате длительных рационализаций и реадаптации в тюрьме люди приобретают новые механизмы адаптации, вытесняющие прежние. После освобождения они сталкиваются с серьезными проблемами приспособления к новым условиям жизни, к иным социальным ролям. Мы считаем, что именно дефицит адаптивных механизмов, способностей и стратегий порождает склонность к повторению преступлений: как будто есть непреодолимое желание вновь вернуться в тюрьму или исправительно-трудовой лагерь для участия в сохранении общности преступников.

5.4. Социальный контроль над индивидуальным поведением

Анализируя полученные результаты, *Ф. Зимбардо* заключил, что индивидуальное поведение человека в значительно большей степени обусловлено воздействием внешних социальных сил и факторов, чем предполагали до сих пор. Эти факторы каждую минуту держат под контролем поведение человека. Конечно, играют роль темперамент, характер, воля, внутренние мотивы человека, но они — скрытые ка-

чества, и их воздействие очень трудно измерить. Автор описанного эксперимента, допуская, конечно, определенную крайность, утверждает, что *приписывание* личности свободы действий и способности к самоконтролю — иллюзия. Осуществляя подобные ошибочные атрибуции, мы недооцениваем то огромное влияние, которое оказывают социальные нормы и ситуации на образ мыслей и поведение человека.

Но почему совершаются такие ошибочные приписывания и преувеличение значения личностной ответственности? Этому способствует несколько обстоятельств. Одно из них то, что, хотя в социальных ситуациях на человека оказывают воздействие многие реальные факторы, эти силы часто незаметны и неуловимы. Они действуют на человека, во-первых, помимо его воли и, во-вторых, в обход его сознания. Между тем, человек со своей телесной организацией — перед нами и его поведение в значительной своей части доступно наблюдению. Если при этом иметь в виду, что большинство людей избегает тех социальных ситуаций, в которых могут стать объектами наблюдения и контроля, то станет еще более понятной заметная у многих склонность уменьшения масштабов реального воздействия социальных сил.

Специальные исследования показали также, что если человек добивается успехов, то склонен приписать подобный результат своим положительным чертам: таланту, силе воли, умелости и т. п. А при неудачах, конечно же, виноваты другие люди и внешние обстоятельства. В таких случаях неудачник редко обвиняет самого себя. Исключение составляют крайне депрессивные люди.

Многим кажется, что в сходных с описанными экспериментальных ситуациях они сами вели бы себя иначе: «человечнее», «как положено мужчине», «достойно» и т. п. Об этом свидетельствуют предварительные беседы с будущими испытуемыми. Узнав, как подло ведут себя участники эксперимента, эти люди заявляют, что испытуемые, наверняка, были «слабаками» и «тронутыми». Сами же никогда не будут вести себя таким образом.

Это один из парадоксов мышления и поведения человека, удивительная особенность, которая пустила в людях такие глубокие корни, что появляется желание считать одной из ведущих черт личности. В чем его причина? Большинство современных психологов склоняется к мысли, что основная причина этого парадокса — приобретение людьми системы положительных представлений о себе, о своем «Я». Эта система, называемая в современной психологии *«Я-концепцией»*, играет огромную роль в качестве регулятора поведения человека и его взаимоотношений с другими людьми. Видение себя в различных социальных ситуациях (например, во взаимоотношениях руководитель — подчиненный, в семейных отношениях, среди сослуживцев и во время контактов с незнакомыми людьми) в огромной степени обусловлено тем, как человек представляет себя изнутри и со стороны, каковы его самооценки и т. п., короче — какова его «Я-концепция».

Одним из последствий такого развития личности и ее самосознания является то, что почти каждый человек считает себя честным, справедливым, гуманным, способным легко понять психическое состояние другого и сопереживать с ним и т. п. Даже психопаты-преступники нередко обосновывают свои деяния честными стремлениями, считая совершенные ими злодеяния выражением каких-то добродетелей.

В обычных условиях жизни многие даже не представляют себе, что способны причинить другим боль и страдания, особенно тем, кто совсем не провинился перед

ними. А между тем, как показывает повседневная реальная жизнь и как убедительно демонстрируют эксперименты Зимбардо (вскоре мы покажем, что другая серия экспериментов, проведенных *Стэнли Милграмом*, утверждают нас в этом убеждении), у немалого числа людей внутренние моральные силы и «пружины» настолько слабы, а эгоизм и агрессивность так сильны, что их поведение без труда меняется, особенно в условиях ролевого конформизма. И эти черты — эгоизм и агрессивность — чреваты в таких случаях разрушительными последствиями. Читателю полезно здесь поразмышлять о том, откуда появилось столько палачей в фашистской Германии, в СССР и других странах «социализма»? И мог бы он сам стать палачом для невинных жертв, если бы обстоятельства и власть имущие заставляли?

5.5. Дискуссионные вопросы

Организуя свои исследования, *Ф. Зимбардо* и его сотрудники не имели четкого представления о том, что произойдет в ходе этой затеи, к чему она приведет. Они выдвинули лишь общее предположение о том, что тюремная жизнь окажет влияние на участников эксперимента, но каким будет это влияние — четкого предвосхищения не было. Они были заинтересованы в том, обусловлено ли поведение заключенных и надзирателей той ситуацией, в которой они действуют, или же детерминировано их индивидуальными чертами, которые формировались у них в процессе предыдущей социализации. Испытуемые играли свои роли так, как их представляли себе. Психологи не подсказывали им никаких конкретных действий. И оказалось, что поведение испытуемых постепенно стало все больше и больше похожим на реальное поведение заключенных и надзирателей в реальных американских тюрьмах в первый период нахождения в них, так сказать, в начальный период «тюремной социализации». Полученные результаты воочию показывают нам, что влияние социальных групп, участие в их деятельности, исполнение в них определенных ролей и готовность идти навстречу их ожиданиям — мощные факторы, детерминирующие поведение и личность человека. Но нельзя игнорировать также индивидуальные различия: описание хода эксперимента показывает, что в поведении участников было много индивидуальных различий.

В свете полученных данных экспериментаторы пришли к выводу, что именно тюремные условия порождают садизм охранников и раболепство заключенных. Эти люди действуют подобным образом не потому, что такова «природа человека», а потому, что они приобретают те формы поведения, которые требуются социальными ситуационными факторами. В последнее время роль ситуации в качестве детерминанта поведения подчеркивается многими социальными психологами[4].

Выскажем ряд идей о тех проблемах, которые в связи с описанными исследованиями возникают и требуют дальнейшего углубленного изучения. Важнейшая проблема, по нашему мнению, состоит в следующем: тот факт, что участники описанного выше эксперимента быстро изменились как в поведенческом, так и в личностном плане, свидетельствует о том, что *в них с самого начала были внутренние возможности для таких изменений.* Если бы таких потенциальных возможностей не было, они сопротивлялись бы, используя хотя бы юмор и другие средства, которые в этих ненастоящих тюремных условиях были бы весьма кстати. Между тем

все играли свои роли крайне серьезно, как будто давно уже ждали такой возможности. Но почему они предпочитали действовать или как садисты, или как рабы?

Следует также иметь в виду, что в реальной жизни на роли охранников, полицейских и другие подобные должности добровольно идут люди, которые хотели бы законным путем удовлетворить свои садистические наклонности. Поэтому в условиях эксперимента следовало бы тщательно следить за индивидуальными различиями изменений личности и ролевого поведения его участников для определения того, какие факторы располагают людей к ролям садистов и рабов (авторитарных подчиненных). Имея представление об авторитарных личностях, мы можем утверждать, что в названных выше ролях надзирателей и заключенных ролевой конформизм у этого типа людей должен проявляться наиболее быстро и тотально.

Особое внимание привлекают те лица, которые показали признаки нервно-психических нарушений и были исключены из эксперимента.

- *Какими типичными чертами они обладают?*
- *Каков уровень их морального развития?*
- *Какие внутренние конфликты они переживали?*

Вот вопросы, на которые пока нет более или менее исчерпывающих ответов в опубликованных материалах об исследовании ролевого конформизма.

Насколько данные экспериментов *Ф. Зимбардо* отражают реальные процессы, происходящие в настоящих тюрьмах, — предмет горячих споров. Было выдвинуто возражение, что, поскольку участники эксперимента знали, что речь идет о ненастоящей тюрьме, они вели себя согласно тем представлениям, которые у них были о настоящих тюрьмах, о том, как там себя ведут заключенные и охранники. Иначе говоря, они просто играли роли так, как эти роли себе представляли. Кроме того, зная, что́ от них ждут экспериментаторы, они старались вести себя так, чтобы идти навстречу этим ожиданиям. Таким образом, они не столько выражали свои подлинные психические процессы и качества, сколько выполняли то, чего от них ждали. Имело место то, что называют «предубеждением социальной желательности» (*social desirability bias*).

Другими авторами было отмечено, что *Ф. Зимбардо* и его коллеги не имели с самого начала четко определенных гипотез о том, что произойдет во время эксперимента. Они в общей форме ждали, что тюремная жизнь повлияет на участников эксперимента, но каким образом — они это не уточнили в виде четких предположений. Поэтому они не могли прямо или косвенно подсказать участникам, как вести себя и измениться. Оказалось, что поведение испытуемых мало отличалось от поведения тех лиц, которые оказываются в условиях настоящей тюрьмы в качестве заключенных или охранников.

Для дальнейшей разработки этих вопросов, причем как можно ближе к жизненной реальности, очень интересный материал можно найти в произведениях *А. И. Солженицына* («Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ» и других), в произведениях о советских тюрьмах и концлагерях. Анализ этих материалов позволит лучше понять истоки садизма, авторитаризма, конформизма и раболепства не только в местах заключения, но и в повседневной жизни, пусть в более мелких и замаскированных формах. Жизнь государств и обществ, имеющих диктаторские режимы, — широкое поле для подобных реалистических исследований. Эти факты, а также

эксперименты, подобные вышеописанным, убедительно показывают, какое мощное влияние может оказать и более широкая социальная среда. Подобные воздействия нередко оказываются сильнее личных качеств индивидов, имея которые они оказываются в подобных ситуациях.

Итак, один из общих выводов описанного выше исследования сводится к следующему: *создавая соответствующие ситуации, за короткое время можно изменить поведение людей.* Но этот вывод справедлив лишь частично.

Проанализировав эти же экспериментальные результаты, *Э. Фромм* пришел к другому выводу. Он, наоборот, считает, что данные эксперименты доказывают нечто противоположное: поскольку около 2/3 испытуемых надзирателей не стали жестокими, то это показывает, что изменить поведение людей не так-то легко только путем изменения внешних ситуаций. Важное значение имеет характер человека. «Одно дело вести себя согласно садистическим правилам, — пишет Фромм, — и совсем другое дело желать быть жестоким к людям и наслаждаться этим»[5].

Интересно еще раз отметить, что все испытуемые заранее подвергались тестовым испытаниям и к эксперименту были допущены только те, у кого не были обнаружены черты садизма. Здесь Фромм замечает, что черты характера часто подсознательны и не могут быть обнаружены с помощью тестов. Что касается проективных тестов (тест тематической апперцепции — ТАТ, тест Роршаха и другие), только очень опытный исследователь может обнаружить в их результатах бессознательные содержания. Это означает, что из всех испытуемых надзирателей примерно 1/3 имела скрытые садистические черты характера.

Как мы сказали, подобные исследования лучше и продуктивнее проводить в настоящих тюрьмах, с бывшими заключенными и т. п., то есть в реальных условиях и с подлинными исполнителями настоящих ролей.

В частности, имеется обильный материал о поведении надзирателей и пленных в концентрационных лагерях фашистской Германии. Важность внутренней структуры личности видна из того, что люди с твердыми политическими и религиозными убеждениями вели себя совсем иначе, чем представители средних классов, не имеющие убеждений люди, естественной опорой для которых являлся их статус[6].

5.6. Подчинение приказу и истоки жестокости

Классический эксперимент, о котором речь пойдет ниже, обычно описывается в тех главах книг по социальной психологии, где речь идет о конформизме[7].

Действительно, в этих экспериментах продемонстрирована сила конформизма, социального приспособления к требованиям и приказам авторитарных лиц, под влиянием которых люди совершают ожидаемые этими авторитетами действия.

Однако при подходе с другой стороны мы можем с полным правом утверждать, что эти знаменитые эксперименты посвящены исследованию агрессии и жестокости: ведь именно такие действия совершали испытуемые *Стенли Милграма*, уступая требованиям экспериментатора. Следовательно, конформизм людей является одной из причин их агрессивности и жестокости. Но лучше проследим за ходом эксперимента *С. Милграма*[8] и посмотрим, какие уроки можно извлечь из него для понимания человеческой агрессивности и жестокости.

Проблема и ход эксперимента С учетом печального опыта истории *проблему слепого подчинения приказам и жестокости к другим людям*, безусловно, следует считать весьма актуальной[9].

Если вспомнить только некоторые из страшных событий XX века и начала XXI — несколько крупномасштабных этноцидов в Турции, Германии, в Кампучии, Африке, Азербайджане и других странах, нападение террористов на американские города 11 сентября 2001 года и другие, можно сказать, что *С. Милграм* начал исследование одной из наиактуальнейших проблем современной жизни. Эта проблема является постоянной: агрессия, жестокость и приспособленчество — вечные спутники жизни людей, сообществ и наций.

Конечно, исследование подобных проблем в лабораторных условиях чрезвычайно трудно как технически, так и по моральным причинам: вы должны найти людей, которые готовы стать жертвами агрессии других или, наоборот, агрессорами, причем в то время, когда перед нами невинные, незнакомые люди. Но Милграм пошел на смелый шаг и в 1963 году начал экспериментальное изучение проблем подчинения приказам и жестокости.

Люди обычно думают, что без серьезных причин, без провокаций со стороны других никто не ведет себя агрессивно. У многих есть вера в эффективность средств сдерживания агрессии, в частности — устрашения и угрозы наказания. *С. Милграм* доказал, что такой оптимизм ничем не обоснован.

Двое приходят в лабораторию Йельского университета. Они прочитали объявление в газете и желают участвовать в эксперименте по изучению памяти и обучения. По жребию один из них становится «учителем» (это истинный, наивный испытуемый), а другой — «учеником» (этот уже тайный сообщник психолога). Все, что он делает во время эксперимента, заранее оговорено между ним и экспериментатором. В качестве экспериментатора выступает внушительный на вид и строгий преподаватель биологии, который, однако, поступает так, как предписал *С. Милграм*.

«Ученик» должен выучить попарно ассоциированные слова, отвечая на каждое слово-раздражитель ответным правильным словом. Когда он допускает ошибку, «учитель» должен наказать его электрическим ударом. Здесь тоже, как мы видим, используется видоизмененная методика Басса, о которой мы уже знаем из предыдущих глав настоящей книги. Для наказания «ученика» имеется генератор электрических импульсов внушительного вида (но он, конечно, ложный). Генератор имеет шкалу напряжений, состоящую из 30 ступеней с шагом в 15 вольт. Диапазон напряжений — от 15 до 450 вольт. Переключатели помечены словами: «Слабый удар», «Очень чувствительный удар», «Опасно!», «Сильнейший удар!». Рядом с цифрами 435–450 стоит знак «XXX». Экспериментатор приказывает «учителю» при каждой новой ошибке «ученика» переключить генератор на одну ступеньку выше. Как только «учитель» делает переключение, вспыхивает лампочка, щелкает реле и звучит зуммер. Говорится, что можно давать даже самые сильные удары, включая «XXX».

На различных пунктах этого пути некоторые испытуемые отказываются идти вперед и выходят из экспериментальной ситуации. *Уровень подчинения измеряли констатацией того уровня удара, дальше которого испытуемый отказался идти.* Поскольку авторитетный человек (экспериментатор) не обладал реальной властью над испытуемыми, не имел права тем или иным способом наказывать их, то удивительно, что ему подчинялись.

Первыми испытуемыми были мужчины 20–50 лет, представители самых разных профессий: клерки, преподаватели вузов, торговцы, рабочие. В роли экспериментатора, как уже сказано, выступил 31-летний биолог, преподаватель высшей школы, человек внушительной внешности. Он носил белый халат. В роли жертвы («ученика») выступил 47-летний бухгалтер добродушной внешности. Для реального испытуемого распределение ролей выглядело как случайное. Но дело было организовано так, чтобы испытуемый завершил исследование в качестве «учителя», а бухгалтер — «ученика».

В соседней комнате «ученика» привязывают в кресле, оправдывая это необходимостью предотвращения ненужных движений, которые он может совершить при получении электрических ударов. Электроды прикрепляются к его запястьям с помощью пасты, «чтобы избежать ожогов». Экспериментатор сообщает участникам, что даже сильные электрические удары не причиняют серьезного и устойчивого вреда мускулам. Затем испытуемый получает реальный, но слабый электрический удар: это должно убедить его и остальных, что аппарат работает. Затем он приступает к делу, готовый наказывать «ученика», если тот допустит ошибки. Число неверных ответов «ученика» было оговорено заранее, и «ученик», естественно, никаких реальных электрических ударов не получал.

При достижении напряжения электрического тока 300 вольт «ученик» начинает кулаками бить по стене рядом со своим креслом, прося, чтобы эксперимент прекратили. После этого он молчит и больше не отвечает на предлагаемые новые задачи. В этот момент многие испытуемые оказываются в нерешительности: как поступить дальше? Вмешивается экспериментатор и советует считать отсутствие ответа равносильным ошибочному ответу и продолжать давать еще более сильные электрические удары. При напряжении 315 вольт «ученик» еще раз бьет по стене, после чего молчит окончательно. В том случае, если испытуемый больше не желает наказывать его, экспериментатор, чтобы ободрить его, делает ему внушения с помощью следующих предложений: «Пожалуйста, продолжайте»; «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали»; «Крайне необходимо, чтобы вы продолжали»; «У вас нет другого выбора, вы *должны* продолжать».

Поведение «учителей» Как поступают в таких условиях испытуемые, играющие роль учителей? До эксперимента группу студентов попросили предсказать результаты подобного эксперимента. Большинство предполагало, что испытуемые откажутся давать очень сильные электрические удары невинным жертвам. *С. Милграм* спрашивал также своих коллег: сколько процентов испытуемых доведет уровень напряжения до опасного для жизни «ученика» уровня. Ответ был такой: всего около 3 %. Многие опрошенные предполагали, что никто не будет наказывать другого человека так жестоко.

Однако оказалось, что большинство участников подчиняется приказу авторитетного лица (в данной ситуации — экспериментатора) и продолжает давать электрические удары вплоть до максимальных значений. Число таких испытуемых составило 2/3 от числа тех, кто во всех сериях опытов играл роль учителей. После того как ученик протестует ударами по стене, лишь 12,5 % испытуемых отказывается подчиниться приказу экспериментатора. Они прекращают свое участие в эксперименте. Больше половины «учителей» продолжает наносить немой жертве сильнейшие электрические удары, достигая метки «Опасно!» и даже выше.

Дополнительные тестовые проверки показали, что те испытуемые, которые подчиняются приказу авторитетного лица и строго наказывают своих жертв, имеют высокие показатели по шкале авторитаризма. Эти показатели у них значительно выше,

чем у тех, кто отказывается подчиниться приказу. Силы, сдерживающие агрессивность людей, не так мощны, как предполагалось до эксперимента.

Как вели себя испытуемые после принятия решения продолжить свое участие в эксперименте? Они нервничали, неуместно и нервно улыбались, у некоторых наблюдалось неконтролируемое сокращение мускулов, дрожь пальцев и другие признаки нервно-психического напряжения. По всему было видно, что они переживали внутренний конфликт. Даже те испытуемые, которые не подчиняются приказам и отказываются от дальнейшего участия в эксперименте, делают это резко и эмоционально, с вспышками гнева, которые выражаются в различных словесных формулировках: «Это негуманно... Что за адский эксперимент!? Нет, я не хочу продолжить, это смешно» и т. п.

Полученные результаты вызвали крайнюю озабоченность психологов, поскольку в описанной экспериментальной ситуации, хотя авторитетное лицо и не имело никакой реальной власти над испытуемыми, они тем не менее подчинились ему, человеку, которого в своей последующей жизни могут даже ни разу больше не встретить. Неудивительно, что в реальной жизни люди во всем слушаются своих руководителей, выполняя их более суровые приказы.

Обнаружены ли гендерные различия в склонности к подчинению авторитетам? Ряд проведенных исследований показал, что женщины оказывают более сильное сопротивление вредным для людей приказам, чем мужчины. Впрочем, это только предварительные результаты, в этом вопросе много неясного.

На поведение «учителей» оказывает влияние пространственная близость жертв, то обстоятельство, видит ли агрессор страдания своей жертвы. Во время экспериментов *С. Милграма* исследователи заметили, что испытуемые, «учителя», отводили глаза, чтобы не видеть находящегося в другой комнате «ученика», свою жертву. Но когда им видны страдания жертвы, их автономные тенденции усиливаются и они раньше и чаще отказываются от дальнейшего участия в эксперименте. Для более подробного исследования этого вопроса Милграм изобрел несколько вариантов экспериментальной ситуации, изменяя степень очевидности страданий жертвы. Некоторые испытуемые могли только слышать стоны «учеников», другие находились в одной комнате с жертвой и могли все видеть и слышать. Наконец, была и третья группа «учителей»: эти уже не просто находились рядом с «учеником», но, подчиняясь приказу экспериментатора, силой прилагали и нажимали руку «ученика» к металлическому стержню, по которой будто бы течет электрический ток. Как и предвидели психологи, склонность к подчинению ослабела обратно пропорционально усилению страданий жертвы.

Получены следующие качественные результаты:

а) когда испытуемые могли слышать стоны и другие звуки, произносимые «учеником» и свидетельствующие о его страданиях, от участия в эксперименте отказывались 37,5 % всех испытуемых;

б) 60 % из них отказались, когда находились в одной комнате с жертвой;

в) когда же «учителя» должны были силой приложить жертве электрический ток, от дальнейшего участия в эксперименте отказались уже 70 % из них. Эти данные убедительно показывают, что, *когда люди видят результаты своей жестокости, им труднее быть жестокими.*

Но вызывает сильное беспокойство то обстоятельство, что даже в третьем случае около 30 % испытуемых продолжали, подчиняясь приказам авторитетного человека, жестоко наказывать своих жертв.

Если же говорить о реальной жизни, то надо иметь в виду, что в современной войне жертвы чаще всего не видны, не воспринимаются органами чувств: их большей частью уничтожают издалека. Когда американские пилоты бросали атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, они не могли смотреть в глаза тем сотням тысяч жертв, которые были уничтожены ими или превращены в калек. Многие государственные и военные лидеры, отдавая приказы о наказании или уничтожении людей, остаются «за кулисами» этих кровавых событий, они «не пачкают» свои руки кровью жертв. Как заметил еще *Конрад Лоренц*, современное оружие убивает издалека, поэтому человеку легко уничтожить тех, кого он не видит.

Эксперименты *С. Милграма* показали, что к этому фактору добавляется еще один: нередко имеет место **диффузия ответственности** за вредоносные действия и убийство. Но для обсуждения этого вопроса мы должны ознакомиться с еще одним вариантом опытов Милграма.

Влияние группы

Когда агрессивные действия совершаются группой, обычно очень трудно, зачастую невозможно идентифицировать конкретного виновника. Так, кроме Гитлера, все остальные должностные лица фашистской Германии утверждали, что выполняли приказы вышестоящих начальников и поэтому не несут ответственности за совершенные преступления.

Для исследования влияния группы на поведение испытуемых «учителей» *С. Милграм* в ту же экспериментальную ситуацию включил двух помощников испытуемого: они сидели рядом с испытуемым и давали советы о том, каким электрическим ударом следует наказывать «ученика» за допущенную ошибку. Испытуемый должен был выбирать удар минимальной силы из всех трех предлагаемых. В контрольных экспериментах испытуемые действовали без помощников и им было разрешено давать ток любого напряжения.

Оказалось, что под давлением группы испытуемые давали намного более сильные удары, чем когда действовали в одиночестве. В этом эксперименте получен результат, который поражает воображение: из первоначального варианта эксперимента известно, что при величине напряжения в 150 вольт «ученик» просит прекратить эксперимент, так как у него плохо с сердцем. В этих условиях только 5 % одиноко действующих «учителей» превысили эту границу напряжения, давая своим жертвам более сильные электрические удары, тогда как под влиянием группы сверстников — 67,5 %! *Это убедительнейшее выражение конформизма и диффузии ответственности одновременно.*

Сравнение результатов данного и предыдущего «базового» экспериментов показывает, что приказы авторитетного человека оказывают более сильное влияние на испытуемых, чем советы двух сверстников, составляющих группу. Однако в обоих случаях эффект конформизма и диффузии ответственности очень сильный.

Жестокость без агрессивности?

Жестокость вслед за другими исследователями мы определили как крайнее выражение агрессивности.

Но возможны ли жестокие действия без агрессивности и гнева?

Мы уже знаем, что такие действия возможны, когда человек сам не фрустрирован, не переживает гнева, но подражает агрессивным действиям другого, повторяет его действия. Такое явление наблюдается, например, в группах подростков-вандалов.

Однако, по-видимому, существует и другая возможность. Начнем с того, что, обсуждая результаты экспериментов *С. Милграма*, известный американский соци-

альный психолог *Роджер Браун* утверждал, что действия «учителей» не были агрессивными, поскольку *у них не было признаков гнева.* У них нельзя было заметить также признаков получения удовольствия от своих действий и наблюдения страданий жертвы. Таким образом, у них, по мнению *Р. Брауна*, не было садизма. Наоборот, у испытуемых были видны признаки огромного напряжения. Им было неприятно, что совершают подобные действия. Когда заканчивается эксперимент, эти «учителя» вздыхают с облегчением и искренне радуются, когда живой и здоровый «ученик» подходит и пожимает им руку.

Люди могут жестоко наказывать друг друга, вплоть до убийства, даже не переживая враждебности! Поэтому можно сказать, что для убийцы-психопата характерна не столько агрессивность, сколько отсутствие эмпатии.

Однако хорошо это или плохо, что люди могут быть жестокими даже без переживания гнева и агрессивности?

При переживании гнева агрессивные действия естественным образом следуют за ним: это опасно для жертвы, но психологически понятно. Но ведь оказывается, что *люди могут жестоко наказывать друг друга, вплоть до убийства, даже не переживая враждебности!*

Поэтому можно сказать, что для убийцы-психопата характерна не столько агрессивность, сколько отсутствие эмпатии. Значительная часть убийств во время войн также, по-видимому, совершается без более или менее сильной агрессивности, поскольку солдаты лично не знают своих противников, не имели с ними личных конфликтов интересов.

Мы полагаем, что жестокость без агрессии и без эмпатии лежит также в основе действий профессиональных палачей, работающих в государственных учреждениях, киллеров, которые за определенную мзду, по заказу убивают людей. Основная мотивация их действий лежит не в сфере агрессивности и ненависти: они выполняют свою «работу». Речь, как уже догадался читатель, знакомый с первым томом настоящего труда, идет о так называемой *инструментальной агрессии.* Мы считаем, что эта разновидность агрессии наиболее опасна для общества. Ведь речь идет о «хладнокровном» и «бесстрастном» убийстве людей. Когда сюда примешиваются элементы садизма, подобные люди становятся еще более опасными.

Сопротивление подчинению

Ранее отмечалось, что обнаружена большая разница между реальным поведением человека в ситуации эксперимента Милграма и его предвидением собственного поведения в этой же ситуации. Когда будущим испытуемым описывают экспериментальную ситуацию и просят предвидеть в ней свое поведение, большинство из них предполагает, что не подчинится требованиям экспериментатора. Они считают, что 135 вольт будет для них наибольшим напряжением, после чего уже прекратят свое участие в эксперименте. Но когда в самой экспериментальной ситуации они оказались под психологическим давлением реального авторитетного человека, требовавшего от них не остановиться на полпути и идти дальше, то есть увеличить силу электрических ударов, они подчинялись. Для всех «учителей» среднее значение максимального напряжения, которым они наказывали своих «учеников», оказалось равным 368 вольтам!

Будущие испытуемые, обосновывая свои предвидения, часто приводят моральные аргументы: мол, аморально причинить другому вред, даже слабым током нельзя наказывать и т. п. Один из них говорил, что само описание такого эксперимента противно и ничто его не заставит идти против своих моральных принципов. Это означает, что испытуемые знают: то поведение, которое от них требуется, аморально и неприемлемо, что надо придерживаться моральных норм. Но вот оказавшись в той ситуации, где от них требуют аморального поведения, они, уступив психологическому давлению авторитета личности, нарушают свои принципы и обещания.

Однако задача психолога состоит не только в том, чтобы констатировать неприятную реальность. Возникает конкретная практическая задача: каким образом во время эксперимента укрепить моральное поведение испытуемых, их сопротивляемость чужим приказам? Если в экспериментальной ситуации этого удастся добиться, то мы получим указания и намеки на то, как этого же результата добиваться в реальной жизни, вне психологической лаборатории.

Для решения этой задачи Милграм вновь провел эксперимент с участием двух помощников. Экспериментатор играл свою обычную роль авторитета, требующего увеличения силы электрических ударов. Помощники — тайные сообщники психолога — соглашались с требованиями экспериментатора до напряжения 150 вольт. Достигнув этого пункта, один из них сказал, что так как «ученик» протестует, он уже не хочет участвовать в эксперименте. И он, несмотря на настойчивые требования экспериментатора, удалился в другой угол комнаты и больше в дело не вмешивался.

Эксперимент был продолжен, но уже при напряжении тока в 210 вольт второй сообщник также решил больше в нем не участвовать. «Я хотел бы отвечать на некоторые ваши вопросы, — говорил он экспериментатору, — но я больше не могу наносить электрические удары этому человеку против его воли».

Сравнение результатов двух экспериментов — без участия сообщников, не согласных с экспериментатором, и с их участием — показало, что во втором случае 90 % испытуемых смогли сопротивляться и перестали наказывать «ученика». В первом же случае число таких испытуемых составило всего 35 %. Если без участия группы нонконформистов сила напряжения электрического тока, которым наказывали «учеников», достигла в среднем 380 вольт, то при участии тайных сообщников — всего 240 вольт. Настоящие испытуемые, «учителя», конечно же, не знали, что эти люди — сообщники психолога и действуют по заранее разработанному сценарию.

Дополнительные беседы с испытуемыми позволили также выяснить, что, если они действуют одни, только с экспериментатором, многие из них психологически подходят очень близко к тому, чтобы больше не подчиниться приказам и внушениям экспериментатора об увеличении напряжения и продолжения опыта, но этот шаг для них очень трудно делать. Давление группы нонконформистов оказывает им психологическую помощь, позволяя перейти эту границу. Некоторые испытуемые после эксперимента утверждали, что в тот самый момент, когда уже думали больше не подчиниться, другой (сообщник) заявил о своем несогласии. Но были и такие, кто честно признался, что им и в голову не приходила мысль не подчиниться экспериментатору! Многие испытуемые утверждают, что участие малой группы неконформистов не оказало на них влияния и они не подчинились требованиям экспериментатора самостоятельно. Но это, по-видимому, позднее самооправдание, попытка сохранения самоуважения и представления о себе как о зрелой и независимой личности. Анализ объективных фактов показывает, что группа оказала на них мощное давление. Мы знаем, что и во время знаменитых экспериментов *С. Аша*, организованных с целью исследования конформизма, уже появление второго независимого участника позво-

ляет первому (подлинному испытуемому) действовать самостоятельно и уверенно. Двое — это уже группа, которая намного лучше сопротивляется, чем один человек.

И в реальной жизни, если даже лишь немногие отказываются участвовать в каком-либо мероприятии, считая его ненужным и вредным, они могут оказать решающее влияние на дальнейший ход событий. В обществе и организациях у людей намного больше возможностей действовать независимо, чем они полагают. Просто надо знать социально-психологические закономерности и умело их использовать. Знание всего этого позволяет дать новое толкование многим историческим событиям. В частности:

1) почему в СССР никто не смог оказать серьезного сопротивления Сталину и его сообщникам?
2) почему во время известных судебных процессов невинные по существу люди взяли на себя вину за такие деяния, которые ими никогда не были совершены?

Но для этого нужна дополнительная аналитическая работа.

Ф. Зимбардо и С. Милграм

Ф. Зимбардо, конечно же, не мог оставаться безразличным к исследованиям *С. Милграма*. Они оба, различными методами и исходя из различных социальных проблем, фактически изучали одни и те же явления: ***конформизм и авторитарную агрессию***. Данную разновидность агрессии, как помнит читатель, можно охарактеризовать следующими двумя признаками:

а) это агрессия авторитарной личности по отношению к своим подчиненным; это способ и средство осуществления авторитарной власти;
б) это агрессия человека, даже неавторитарного по своему характеру, под влиянием или по прямому указанию авторитарного (или авторитетного для исполнителя) человека.

Иногда люди совершают агрессию только исходя из предположения, что авторитетный для них человек ждет от них именно такого поведения по отношению к третьему лицу или группе. В этом кроется дополнительная опасность для общества и беззащитных людей: во властных структурах любого государства очень много конформистов, готовых действовать агрессивно уже лишь на основе своих вероятностных атрибутивных представлений о том, что желательно для начальства. Иногда мы удивляемся, как это лакеи более строго относятся к посетителям, особенно к просителям, чем сами хозяева. Данное любопытное явление имеет ряд психологических механизмов, например идентификацию лакея с шефом и его властью, но и обсуждаемый здесь механизм, механизм авторитарной агрессии под влиянием конформизма, играет существенную роль.

Но обратимся вновь к тому, как оценивает Зимбардо результаты исследований Милграма. Он говорит, что его собственный опыт исследования жестокости и насилия тоже показал, что даже мягкие в повседневном обращении помощники многократно давали электрические удары незнакомым девушкам, зная, что причиняют им боль. Причем этих своих жертв они оценивали положительно. Способствовали этой жестокости два обстоятельства: испытуемые были поставлены в такую ситуацию, в которой от них ждали подобных действий; они остались анонимными и были уверены в том, что никто не знает, кто они.

Интересно следующее: люди, наблюдающие за такими экспериментальными ситуациями и в них — за жестокими действиями испытуемых, всегда удивляются этим результатам и утверждают, что сами никогда не поступили бы подобным образом. Но они так говорят только потому, что находятся вне ситуации. Поскольку большинство людей в таких ситуациях действует иррационально, *Ф. Зимбардо* справедливо замечает, что большинство этих наблюдателей действовали бы точно так же, окажись они в подобной ситуации и под воздействием сходных психологических сил[10].

Повседневный опыт также каждый раз убеждает нас в том, что мы решаем в предстоящей ситуации действовать определенным образом, быть «твердыми» в этом своем решении, но реальное наше поведение оказывается в значительной мере другим, иногда даже противоположным.

Жестокость и вовлечение (патологизация агрессии)

Безнаказанная или даже поощряемая, вознаграждаемая жестокость вовлекает человека, формируя в нем влечение к совершению все новых жестокостей. Эту закономерность подтверждают как специальные исследования (например, исследования Милграма и Зимбардо), так и исторические факты, не говоря уже о криминальной сфере. Приведем один исторический пример.

Турецкий султан Мурад IV в 1623 году пришел к власти еще одиннадцатилетним ребенком. Это было смутное время мятежей, интриг, убийств и разбоя как в столице страны — Стамбуле, так и в провинциях. Несколько лет страной фактически правила его мать, пока он не стал взрослым, физически очень сильным и хитрым молодым человеком. И он начал террор с целью восстановления в стране порядка. Его люди, специально отобранные и обученные, ловили главарей путчей и других преступников по одному и казнили на месте. Многих султан убивал собственноручно. И в нем произошли изменения. Вот что пишет об этом известный историк:

«По мере того, как шло время, Мурад стал все больше испытывать жажду крови. Сначала осуществлявшиеся им казни оправдывались бесспорной виной; затем они стали более огульными, но все еще зависящими от подозрения в наличии вины, хотя и малообоснованной. Но в итоге султан стал убивать, невзирая на отсутствие каких-либо подозрений, просто ради убийства, из-за беспричинного каприза или импульсивного внезапного приступа. Погрязнув в кровавой вакханалии убийств, он полностью утратил уважение к человеческой жизни. Приближение султана повсюду вызывало полное ужаса молчание, когда все, подобно его глухонемым слугам, вели себя словно немые, общаясь не словами, а с помощью мимики и стуча от страха зубами»[11].

Этот султан фактически стал профессиональным убийцей и садистом. О патологическом характере его жестокости свидетельствуют следующие факты, сообщаемые нам историками: «Его чудовищно жестокие поступки стали легендой. Потревоженный шумным весельем группы женщин, танцевавших на лужайке у кромки воды, он поймал их всех и утопил. Он убил одного из своих врачей, заставив того принять сверхдозу собственного опиума. Он пронзил насквозь посыльного, ошибочно сообщившего ему, что султанша родила сына, тогда как на самом деле родилась дочь. Он обезглавил своего ведущего музыканта только за то, что тот исполнял персидскую мелодию и тем самым, как казалось султану, прославлял врагов его империи. Когда пользовавшийся расположением султана дервиш поддел его, назвав "господином мясником", Мурад посмеялся над шуткой. "Месть, — мог сказать он, — никогда не становится старой, хотя она может седеть". Утверждают, что за пять лет по его прика-

заниям были загублены двадцать пять тысяч человек, многие из которых приняли смерть от его руки»[12].

Но одно обстоятельство следует особо отметить: Мурад был жесток главным образом к тем, кто имел власть, управлял людьми. К простым людям его отношение было мягче. Мурад осмелился даже собственноручно казнить муфтия.

Такими авторитарными, деспотическими методами он восстановил «порядок» в армии, в судах и в государстве вообще. Налоги теперь собирались аккуратно... В 1635 году, после победоносной войны против Персии, Мурад IV приказал убить двух своих братьев!

По отношению к врагам Османской империи жестокость султана Мурада IV не имела границ. Когда в 1638 году его войны захватили Багдад, он приказал уничтожить как защитников (персов), так и население города. Умер этот изверг молодым, в 28 лет от роду. Кроме болезней и пьянства, смерть Мурада была, по-видимому, ускорена его суеверием. После солнечного затмения у него появился суеверный страх. Когда Мурад понял, что состояние его безнадежно, он решил остаться в истории последним владыкой своей династии. Султан отдал распоряжение казнить своего единственного оставшегося в живых брата Ибрагима, единственного наследника по мужской линии дома Османов. Его жена была спасена благодаря вмешательству султанши валиде. Султана заверили, что его приказ выполнен и что его брат мертв. Дьявольская усмешка появилась на лице Мурада, но он продолжал требовать, чтобы ему показали труп, и пытался ради этого встать с постели. Обслуживавшие его люди снова уложили султана в постель, и тот умер под соответствующие случаю молитвы в присутствии имама, ожидавшего его конца[13].

Мурад IV, таким образом, не любил свое государство и народ, был движим лишь тщеславием и властолюбием. Это был жестокий эгоист, совсем, по-видимому, лишенный способности к сочувствию. Империей правил психопат.

5.7. Условия противодействия и неподчинения

Как мы видели при ознакомлении с экспериментами *С. Милграма*, даже человек, не обладающий реальной властью, может заставить других совершить агрессивные действия по отношению к невинным людям. **Авторитарная агрессия**, таким образом, — реальная и порой весьма опасная сила. Это мы увидели и в других разделах настоящей книги. Но здесь нас интересует следующий вопрос: *каким образом, с помощью каких факторов, можно противостоять подобным требованиям субъектов власти?*

Данный вопрос, естественно, уже привлек внимание исследователей. Они отмечают роль двух факторов: **личной ответственности** совершающего агрессивные действия человека и **социальной поддержки** индивидуального неподчинения (нонконформизма). Рассмотрим эти два случая специально, поскольку они представляют исключительный интерес для науки и практики.

Личная ответственность

Противодействие человека требованиям авторитарного лица усиливается тогда, когда он осознает, что несет личную ответственность за свои действия. Осознание своей ответственности за совершенные агрессивные действия означает одновременно *предвосхищение возможных наказаний, предвидение возмездия*, что является достаточно сильным сдерживающим фактором.

Значение осознания личной ответственности в неподчинении авторитету достаточно убедительно показано и в условиях эксперимента. В исследованиях, проводимых под руководством Милграма, психолог с самого начала предупреждает испытуемых, играющих роль «учителей», что ответственность за возможные страдания жертвы берет на себя. В тех же экспериментах, во время которых испытуемым говорят, что ответственность за жизнь и здоровье жертвы целиком лежит на них, они неохотно подчинялись требованиям экспериментатора[14].

Нет сомнения, что ответственность человека за свою агрессию повышается и в том случае, когда он сам является непосредственным исполнителем насильственных действий.

В экспериментах, где использовалась методика Басса-Милграма, это выражалось в том, что в некоторых случаях «учителя» сами, своими руками, подвергали «учеников» электрическим ударам, а в других опытах они лишь указывали другому исполнителю, который и наносил электрические удары (нажимал на кнопку). Оказалось, что в том случае, когда испытуемые сами должны были перейти от словесной агрессии к физической, они с меньшей готовностью подчинялись приказам авторитарного (и авторитетного) лица.

Очевидно, что непосредственное выполнение агрессивных действий налагает бо́льшую ответственность на человека, чем только словесная агрессия (в данном случае — указание, внушение, приказ, обращенные к другому исполнителю), поскольку от слов легче отказаться, чем от совершенных физических поступков. Правда, мы знаем, что те, кто совершает насильственные действия по требованию или приказу начальства, позднее стремятся избавиться от личной ответственности ссылкой на то, что исполняли приказы и что у них другого выхода не было. Мы считаем, что подобные рационализации очень редко соответствуют реальности: *у людей бывает возможность выбора, но они ею, по разным мотивам, не пользуются*. Что касается экспериментальных ситуаций, то здесь вообще мы все стоим перед парадоксом: испытуемый уже получил свое вознаграждение и в *любой момент может отказаться от участия в эксперименте, но он этого не делает*. Можно предположить по крайней мере следующее:

а) ему приятно быть агрессором, иметь хотя бы минимальную власть над другим человеком: здесь «ощущается» наличие у людей скрытого садизма;
б) он чувствует себя *обязанным* продолжать свое участие в эксперименте, что может быть следствием следующих факторов:
 - он получил деньги и хочет «отработать» свое и т. п., то есть здесь каким-то образом в регуляции его поведения участвует социальная норма справедливости;
 - у человека есть подсознательная склонность подчинения другому человеку, у которого в данной ситуации более высокий статус, а следовательно — бо́льший объем власти и авторитета;
в) наконец, участие в таком неприятном эксперименте может быть обусловлено еще и тем, что, хотя экспериментатор в основном действует авторитарно, все же часть своей власти он передает испытуемому («учителю»), который получает контроль над поведением «ученика» и право наказывать его за ошибки.

Такое делегирование части власти имеет огромное значение в реальных условиях авторитарного и тоталитарного правления, поскольку каждый местный правитель, получая указания свыше, затем действует в значительной степени самостоятельно. Он имеет возможность чувствовать все те преимущества, которые дает ему реальная власть, и проявлять свои садистические тенденции, если они у него имеются.

Следовательно, в описанных ситуациях — экспериментальных или естественных — в регуляции поведения агрессора играет роль не только норма личной ответственности, но и нормы справедливости и целый ряд других ролевых ожиданий, которые также являются социальными нормами.

Социальная поддержка и неподчинение

Есть ситуации, в которых приказы вышестоящих начальников, а в экспериментальных ситуациях — требования руководителя, или не выполняются, или же выполняются плохо. На фоне превалирующего и удручающего характера склонности к подчинению авторитетам такие исключения, естественно, вызывают интерес психологов. Анализ подобных ситуаций позволил выявить следующее: неподчинение начинается с того, что один-двое смелых и самостоятельных людей отказываются подчиниться, после чего за ними идут другие[15]. Иначе говоря, сначала появляется индивидуальный нонконформизм, после чего это явление в виде неподчинения авторитету принимает групповой характер. Когда на помощь одному нонконформисту приходят другие, явление принимает групповой, иногда даже массовый характер.

Исходя из этих результатов, психологи предлагают **метод предотвращения слепого подчинения власть имущим**, а именно: демонстрация примера тех людей, которые не подчиняются приказам. Метод этот действительно оказывается эффективным.

Еще в 1965 году в одном из своих экспериментов *С. Милграм*, применив данный метод, добился того, что число подчиняющихся приказам авторитета с обычного уровня 65 % упало до 10 %. Это явилось следствием того, что испытуемые в ходе эксперимента два раза видели, как двое других испытуемых (на самом деле — сообщников экспериментатора) отказались подчиниться командам руководителя исследования[16].

Правда, в реальных условиях число факторов, оказывающих влияние на процесс принятия решения о подчинении или неподчинении, увеличивается, но можно согласиться с Бэроном и Ричардсон в том, что указанные выше два фактора — осознание личной ответственности и наличие примеров неподчинения — можно считать двумя «лучинками надежды» в той мрачной картине, которая вырисовывается из результатов экспериментов *С. Милграма*[17].

Поскольку в наши дни, по инициативе ЮНЕСКО, желают создать «культуру мира» в противовес преобладавшей до сих пор «культуре насилия», то именно такие «лучинки надежды» и должны привлекать внимание специалистов. Они, в числе других, должны исследоваться в качестве предпосылок мира между людьми, психологических предпосылок предотвращения хотя бы некоторых проявлений иррациональной агрессивности людей. А ведь многие случаи подчинения приказу авторитета и совершения агрессивных действий людьми являются иррациональными в том смысле, что они вредны для самих агрессоров; во всяком случае, не видна рациональная польза от их совершения. Нам следует раскрыть *психо-логику* таких действий и, по возможности, предотвратить их.

Отметим также, что упомянутые выше «лучинки надежды» тоже не всегда функционируют лишь на основе благородных мотивов. Так, групповое неподчинение является следствием конформизма и взаимного подражания, причем оно не всегда служит благородным целям. Если индивидуальное неподчинение ради благородных целей является подвигом, групповое неподчинение, достаточно безопасное, является уже выражением конформизма и преследует эгоистические цели. Революцию начинают романтики-герои, но затем, предвидя возможность удовлетворения своих амбиций и эгоистических потребностей, к ним примыкают конформисты. В итоге получается массовое движение, которое через некоторое время оказывается настолько консервативным, что стремится восстановить то, что разрушено. Многомиллионные политические партии и революционные движения — тому убедительное доказательство.

Надо иметь также в виду, что жизнь чаще всего демонстрирует людям примеры подчинения, что и является одной из причин широкого распространения подчинения авторитетам. Демонстрация, например по телевидению, случаев неподчинения на основе благородных мотивов — относительно редкое явление.

5.8. Деиндивидуация

Деиндивидуация и усиление агрессивности

В ходе обсуждения исследований Зимбардо и Милграма мы уже пользовались понятием «деиндивидуация» (или «деиндивидуализация» — эти два термина мы считаем синонимами), и читатель вправе потребовать от нас необходимых разъяснений.

Что понимают современные психологи под словами «деиндивидуация личности»?

Явление деиндивидуации заключается в том, что в определенных условиях человек теряет свою *личную определенность*, то есть то, что наиболее характерно для него и выделяет его как *индивидуальность*. Такое состояние наступает, например, тогда, когда человек оказывается в составе толпы. Благодаря работе психологических механизмов взаимного эмоционального заражения и подражания члены группы теряют свою индивидуальность и критичность мышления, совершают одинаковые и простые действия. В таких ситуациях человек в значительной мере лишается чувства личной ответственности, его самоосознание, ситуативный «Я-образ» тускнеет, в результате чего он уже мало заботится о последствиях своих действий.

Деиндивидуация личности приводит к тому, что она теряет внутренние и обычные для нее сдерживающие механизмы, моральные «пружины» и начинает вести себя совсем не характерным образом. Деиндивидуация довольно подробно исследуется в социальной психологии, поскольку знание ее особенностей и механизмов возникновения очень важно для понимания поведения людей в самых различных ситуациях жизни. В числе факторов, вызывающих деиндивидуацию людей, специалисты выделяют следующие:

а) *анонимность*, то есть состояние, когда человек знает, что его здесь никто не знает; он, по существу, не имеет какого-либо статуса в данной ситуации;

б) *диффузия ответственности:* ответственность за совершаемые групповые действия распределяется между участниками. Получается, что ответственны все, но индивидуально — никто;

в) шум и скопление людей тоже, вызывая ощущение *возбужденности и тесноты*, создают условия для деиндивидуации;

г) *концентрация внимания, всей сознательной активности на настоящем*, на том, что происходит здесь и сейчас.

На эти условия обратил внимание уже хорошо знакомый нам *Ф. Зимбардо*.

Возникновению у людей состояния деиндивидуации способствует и то, что внимание человека направляют на групповые задачи, вследствие чего он отвлекается от своей личности.

Деиндивидуация явно была видна во время экспериментов Зимбардо и Милграма. Выяснилось, что когда от испытуемых требуют нанести электрические удары и этим способом наказывать «провинившихся» «учеников», то *самые сильные удары наносят те из них, кто больше всего деиндивидуализирован в данной ситуации*. Деиндивидуализация усиливает агрессивность человека и стремление наказывать других (пунитивность), и таких людей мало волнует сведение о том, что «жертва» — чувствительный человек и ощущает сильную боль. Не оказала на таких индивидов заметного влияния и информация противоположного характера, а именно: что жертва — человек «неприятный», «плохой», «гадкий» и т. п. Есть у таких людей безразличие к другим, их личностным качествам, заботам и переживаниям. В состоянии деиндивидуации в условиях реальной жизни люди с готовностью принимают участие в жестоких и вандалистических действиях, организуют буйные пирушки, устраивают драки.

Деиндивидуация, маска и жестокость

«Здравый смысл» еще до начала психологических исследований деиндивидуации знал, конечно, о существовании данного явления. Об этом свидетельствуют уже упомянутые в настоящей книге сведения о том, что воины некоторых племен носили маски во время боев, и воины в масках были наиболее жестокими. В наши дни работники спецслужб разных стран тоже работают в масках. Часть преступников также пользуется масками при совершении своих незаконных действий. Если даже основным мотивом надевания масок у этих людей является желание стать неузнаваемыми, все же почти неизменно получается вторичный результат — усиление агрессивности и жестокости.

Подобное влияние масок, закрывающих лицо, в настоящее время доказано экспериментально.

Так, *Ф. Зимбардо* проводил со студентами эксперимент, во время которого половина испытуемых надевала капюшоны. Эти испытуемые никогда не называли свои имена, и с ними эксперимент проводился в темноте. Члены второй группы, наоборот, представились, и психологи, обращаясь к ним, называли их имена. Более того, каждый из них носил на себе бирку, на которой крупными буквами было написано его имя.

Членам обеих групп разрешалось во время эксперимента давать другим испытуемым электрические удары такой силы, какой сами хотели. Оказалось, что испытуемые, надевшие капюшон, всегда давали более интенсивные удары, чем члены другой группы[18].

Проведен целый ряд других сходных исследований с манипуляциями анонимности, в которых удавалось показать, что люди всегда склонны действовать более агрессивно (как физически, так и вербально), когда их идентичность не подчеркивается[19].

Человек, находящийся в состоянии деиндивидуации, мало заботится об оценках других и этим путем делает слабее контроль над собой, осуществляемый посредством чувств вины, стыда и страха. Современные исследования также показывают, что при снижении уровня осознанности собственного «Я» человек становится способным действовать более агрессивно. Считается, что в таких случаях стандарты социального поведения слабо регулируют поведение человека.

Здесь можно поднять ряд вопросов, нуждающихся в дальнейших исследованиях.

1. *Каким образом действуют психологические маски?* Например, в том случае, когда агрессивный человек сознательно скрывает свою злость под личиной доброго и великодушного человека, когда играет соответствующую роль? Еще одна проблема: если агрессивный человек надевает маску доброго, то у него должны активно работать механизмы формирования обратных реакций. Поэтому психологические маски — сложные, многослойные образования.

   Надевание маски, в том числе психологической, вызывает в психике человека когнитивный диссонанс, особенно после совершения агрессивных действий.
2. *К чему это приводит?*
3. *Каким образом происходит переход от первоначальной личности к новой?*

Деиндивидуация и этноцид

Деиндивидуация жертв, а также агрессоров создает предпосылки для совершения массовых избиений людей и этноцида.

Так, газовые камеры, в которых немцы уничтожали миллионы евреев и представителей других этносов, управлялись издалека: агрессоры не видели страдания своих жертв. Главными преступниками являлись не непосредственные исполнители, а те, кто отдавал приказы об уничтожении людей. Например, геноцид армян в Турции в 1915–1923 годы управлялся из Стамбула, на основе решений первых руководителей страны, которые лично, своими руками, насколько нам известно, никого не убивали.

Деиндивидуацию жертв осуществляют следующим образом: для облегчения их убийства иногда на их головы надевают маску или капюшон. Другой мощный способ деиндивидуации и создания психологических предпосылок агрессии и массовых убийств — *дискредитация жертв*, процесс, о котором в настоящей книге мы уже говорили.

Все эти и другие способы дегуманизации и деиндивидуации жертв облегчают развязывание агрессивных действий, делают людей толерантными к подобным актам. Отсюда нетрудно видеть, что все, что способствует большей гуманизации и индивидуации людей и усиливает их чувство ответственности, препятствует агрессии.

Личностная определенность и агрессивность

Противоположным деиндивидуации состоянием личности является *индивидуация, личностная определенность*. Люди в таком состоянии четко воспринимают свое «Я», знают, что известны окружающим как определенные личности со своими именами и статусами. Человек, находящийся в личностной определенности, четко предвидит возможные последствия своих действий и чувствует свою личную ответственность за происходящее.

Оказалось, что в таком состоянии люди, участвующие в экспериментах в качестве «учителей», наносят своим жертвам значительно более слабые электрические удары, а иногда полностью отказываются от агрессивных действий против «хорошего человека». Но по «плохим» и «неприятным» людям они, наоборот, наносят более сильные и продолжительные электрические удары; по отношению к таким индивидам они очень пунитивны. Это тоже, разумеется, опасная тенденция, поскольку они сами не могут проверить, является ли их жертва на самом деле «хорошим» или «плохим» человеком, заслуживает ли наказания и т. п. Они принимают на веру то, что им говорит авторитетный в данной ситуации человек — экспериментатор или психолог.

Эти опытные факты сразу же вызывают в памяти образы тех актов садизма и вандализма, которые в XX веке совершили турецкие дикари против армян в Османской империи и «новой Турции» головореза Ататюрка, в Сумгаите (1988), Баку (1990); немецкие фашисты до и во время Второй мировой войны и т. п. Толпы вандалов и садистов, деиндивидуализируя своих новых членов, облегчают совершение ими самых жестоких преступлений.

Вандализм и садизм, таким образом, особенно характерны деиндивидуализированным людям и их группам, которые злонамеренные лидеры могут умело использовать, направляя их агрессию на определенные цели. Их жертвами часто становятся члены этнических меньшинств.

Вандализм и садизм даже в мирное время находят выражение в убийствах и других видах насилия, в уничтожении материальных ценностей, особенно таких, которые принадлежат обществу, всем, но конкретно — никому. Для лучшего понимания этого явления мы ознакомились с самыми главными экспериментальными исследованиями, проведенными социальными психологами XX века.

Примечания

[1] О социометрии см.: *Морено Дж.* Социометрия. — М., 1959. См. также многочисленные публикации Я. Л. Коломинского и др.

[2] *Zimbardo P. G.* The Psychological Power of Imprisonment. In Social Psychology. Ed. by E. Aronson and R. Helmreich. New York etc., 1973, pp. 162–165; см. также: *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1975, pp. 76–81.

[3] *Zimbardo P. G.* The Psychological Power of Imprisonment. In Social Psychology. Ed. by E. Aronson and R. Helmreich. New York etc., 1973, p. 164.

[4] *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: уроки социальной психологии. — М., 1999; *Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б.* Социальная психология. Ключевые идеи. — М.; СПб., 2003; *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб., 2000; и др.

[5] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, p. 81.

[6] *Bettelheim B.* The Informed Heart: Anatomy in a Mass Age. New York, 1960.

[7] *Baron R. and D. Byrn.* Social Psychology. Understanding Human Interaction. 2nd ed. Boston a. o., 1977, pp. 288–298; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.; М., 1997. — С. 278–288.

[8] *Milgram S.* Behavioral study of obedience. — "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, 67, pp. 371–378; *Milgram S.* Obedience to Authority. New York, 1974; *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб., 2000.

[9] *Baron R. and D. Byrn.* Social Psychology. Understanding Human Interaction. 2nd ed. Boston a. o., 1977, pp. 288–298; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.; М., 1997. — С. 278–288.

[10] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб.; М., 2000. — С. 81–91.

[11] *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 330.

[12] *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 331.
[13] *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 336.
[14] *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб.; М., 2000. — Ч. 2. Гл. 8; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 150.
[15] *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб.; М., 2000.
[16] *Milgram S.* Obedience to authority. New York: Harper and Row, 1974.
[17] *Бэрон Р, Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 150.
[18] *Zimbardo P. G.* The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. In W. J. Arnold and D. Levine (Eds.). Nebraska Symposium on Motivation (1969). Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 1970.
[19] *Deaux K., Dane F. C. and Wrightsman L. S.* Social Psychology in the 90s. Pacific Grove (Calif.); Brooks/Cole, 6th ed., 1993.

ГЛАВА 6

Межэтническая и внутриэтническая агрессия

Мы уже ознакомились с различными проявлениями *групповой агрессии*. Поскольку этносы являются разновидностями человеческих общностей, то и они подчиняются общим закономерностям группового агрессивного поведения. Данную главу мы посвящаем анализу ряда вопросов внутриэтнической и межэтнической агрессии и ее преобразованиям. Более подробно проблемы агрессии в связи с этнологическими и этнопсихологическими вопросами мы исследуем в отдельной книге, в которой нами предложены новые концепции о закономерностях преобразования этих двух видов агрессии и об этнической психологической самозащите[1].

Здесь данные вопросы обсуждаются весьма кратко, но предлагаются новые проблемы и идеи.

6.1. Общая характеристика этнической агрессии

Групповая этническая агрессия

Чтобы социальная или этническая группа вела себя агрессивно, необходимо следующее: значительное число членов этих групп одновременно должны быть фрустрированы и возбуждены, имея возможность передавать друг другу свои эмоции и мысли. Только в том случае, когда значительное число членов этноса фрустрируется одновременно и приобретает склонность к совершению агрессивных действий, создаются предпосылки порождения агрессивных действий и совершения совместных насильственных актов.

Правда, никто еще не определил, какой процент членов этноса должен быть одновременно фрустрирован, чтобы эта общность отвечала на воздействие фрустратора совместной агрессивностью. Можно предложить идею, которая, возможно, позволит в будущем решить данный вопрос: *главное — не столько число непосредственно фрустрированных членов этноса, сколько число тех, кто идентифицируется с этносом и с фрустрированными его членами и сопереживает вместе с ними.* Люди, способные на такое альтруистическое переживание, фактически так же фрустрируются, как и те, на кого фрустраторы оказывают прямое воздействие. По-видимому, именно это имело место с монголами прошлых времен, объявлявших войну тем странам, в которых их послов убивали[2].

Итак, *идентификация, подражание* и *сопереживание* — главные механизмы, с помощью которых агрессивность нескольких лиц становится групповой агрессивностью. И если при этом люди переживают тревогу и страх, возбуждены, то уровень их психологической готовности к совместной агрессии значительно повышается.

Групповая агрессия выступает во всех тех случаях, когда определенное число членов группы фрустрируется и переживает состояние враждебности. Так часто

бывает при *соперничестве* этих объединений, особенно при конфликтах и кризисах. До определенного этапа соперничество может носить общий, неперсонифицированный характер. Но когда оно осознается, когда четко определяются *цели* соперничества и *главные действующие лица*, тогда оно принимает более целенаправленный характер. Начинают соперничать лидеры этносов и их представители. При этом группы уже соперничают не только ради определенных целей, но также ради того, чтобы *ликвидировать друг друга*. Это уже борьба, нередко вооруженная, во время которой многие нормы человеческих взаимоотношений игнорируются. Происходит более или менее массивная регрессия к варварству.

Ради каких целей обычно соперничают и борются друг с другом этнические группы и нации? Борьба идет за землю, средства существования, за престиж, ради женщин, за рабочие места и доходы и другие ценности.

Когда речь идет о подобных конфликтах внутри полиэтнических обществ, можно еще раз отметить одну очень важную особенность защитной (реактивной) агрессии: к этническим меньшинствам наиболее агрессивно относятся те члены доминирующего этноса, которые в своей группе в наибольшей степени фрустрированы. Ведь именно им приходится соперничать с представителями этнических меньшинств за рабочие места. Исследования американских и других социологов и социальных психологов показали, что насилие, направленное против национальных меньшинств, усиливается в периоды экономических кризисов, и в подобных действиях участвует много простых людей.

В литературе, посвященной этноциду, нередко обсуждается вопрос: виноват ли народ (Турции, Германии) в актах этноцида, направленных против других народов? Если учесть психологические закономерности преобразования агрессии и повышения уровня агрессивности наиболее лишенных слоев господствующего этноса, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Кроме того, в Турции в 1915–1923 годы толпы простых турок принимали самое активное участие в уничтожении других народов[3].

Подобных фактов, пусть не всегда таких масштабных, в истории народов, в том числе современной, очень много.

Экономическое соперничество — одна из главных причин усиления агрессии против этнических меньшинств, хотя сами расовые и этнические различия являются постоянными потенциальными факторами, вызывающими неприязнь, отчуждение и агрессивность между расами и этносами.

Межэтническая агрессия

Специального исследования требует агрессия, возникающая между этническими группами, а также внутри этносов, в тех случаях, когда индивиды и группы взаимодействуют именно как представители определенных этносов. Этнические различия сами по себе содержат потенциальную возможность появления враждебности и агрессивных действий. **Межэтническая агрессия** — *это система действий, целью которых является причинение вреда представителям другого этноса.*

История человечества полна кровавых примеров межэтнической агрессии, не говоря уже о повседневно возникающей враждебности, о так называемой «бытовой» межэтнической агрессии. XX век ничем не лучше прошлых времен, а во многом значительно хуже. Это был век нескольких крупных *этноцидов* и многих кровавых

межэтнических конфликтов и войн. И сегодня, в начале XXI века, то здесь, то там вспыхивают новые и новые межэтнические конфликты. Межэтническая месть — явление, порождающее нескончаемые цепи взаимных агрессивных действий. Чтобы убедиться в этом, достаточно следить за ходом арабо-израильского конфликта.

24 июля 1999 года в Косово было убито 16 сербов-крестьян, убирающих в поле урожай. Среди них был и подросток. Эти люди были безоружны и надеялись на защиту со стороны миротворческих сил НАТО. Убийство безоружных людей — это месть в форме перенесенной агрессии, когда истинные фрустраторы недоступны. Жертвами становятся невинные люди. Но агрессоры считают их виновными, поскольку они принадлежат враждебной этнической или религиозной общности.

Подобные случаи психологически более сложны, чем может представляться с первого взгляда. В основе таких действий лежат не только этнические, но и религиозные факторы: сербы — ортодоксальные христиане, а албанцы, которые, безусловно, совершили это гнусное преступление, являются мусульманами. Любопытный факт: миротворцы неохотно выполняют свои обязанности. Это событие произошло в британском секторе, но дети Альбиона очень вяло отреагировали на призыв сербов о помощи. Британцы, известные своими симпатиями к мусульманам, прибыли на место преступления с большим опозданием.

Не менее широко распространена **внутриэтническая агрессия**. Мы уже знаем, что у человека, в отличие от многих других видов животных, очень сильно выражена **внутривидовая агрессия**. Как межэтническая, так и внутриэтническая агрессия — разновидности внутривидовой агрессии человека.

Внутриэтническая агрессия в собственном смысле слова

У некоторых этносов внутриэтническая агрессия достигает очень высокого уровня интенсивности. Приведем ряд фактов.

«У бушменов племени кунг, живущих на юге Африки, процент убийств в несколько раз превышает таковой в США, и, судя по сообщениям, часто жертвами убийств становятся ни в чем не повинные люди...»[4]

«Более 45 % смертей среди представителей народности уаронк, живущей на востоке Эквадора, составляют летальные исходы в результате копьевых ранений, полученных в ходе внутриплеменных стычек...» Наконец, у народности джебюси в Папуа — Новой Гвинее около 30 % смертей в среде взрослого населения приходится на убийства[5].

При рассмотрении подобных примеров следует учесть, что, по-видимому, необходимо выделить *внутриэтническую агрессию в собственном смысле слова*. Это то явление, когда, например, немец А нападает на немца Б именно потому, что Б тоже немец, а не по другим причинам. Таких «чистых» случаев вряд ли можно найти, но в некоторых ситуациях внутри этноса собственно этнический фактор может стать решающим. В межэтнических же отношениях этнический фактор приобретает роль главного провокатора агрессивного поведения уже систематически. В некоторых случаях этнические различия, стереотипы, столкновение интересов и характеров становятся не только ведущими, но и основными факторами, причинами агрессивного поведения.

Например, когда наказывают национального предателя, то это именно внутриэтническая агрессия в собственном смысле слова, этническая месть. Когда кто-либо

сосредоточивает в себе основные отрицательные черты этноса, остальные его члены могут стать агрессивными по отношению к данному этнофору. Точно так же, когда вознаграждают национального героя, то и подобное отношение к нему принимает преимущественно этнический характер: это уже противоположность внутриэтнической агрессии, хотя во многих случаях отношение большинства членов этноса к его выдающемуся представителю является не однозначно положительным, а амбивалентным.

6.2. Фрустрация этноса и его агрессивные ответы

Поскольку этнос состоит из людей, которые способны стать агрессивными под воздействием фрустраторов, стрессоров и других неприятных раздражителей, а также в результате подражания агрессивным сексуальным моделям, то по аналогии мы можем сказать, что этносы в целом или составляющие их группы становятся агрессивными вследствие сходных причин. В целом агрессивность этносов вызывают как внутриэтнические, так и межэтнические конфликты.

Поскольку каждый этнос является обществом, во внутриэтнических отношениях тоже возникает множество фрустраторов и стрессоров, а в их числе — конфликты. Это социально-психологические столкновения. Но во всех тех случаях, когда члены этноса выступают именно в роли членов данного этноса, то есть *этнофоров* со своими этническими ролями, мы вправе утверждать, что имеем дело *с внутриэтническими, собственно этническими по своему характеру, конфликтами.*

Проблема состоит в следующем: если конфликтуют француз-капиталист и француз-рабочий, то является ли это просто конфликтом типа капиталист — рабочий (то есть социальным конфликтом без вовлечения этнических факторов, конфликтом интересов представителей двух социальных групп) или же он является конфликтом двух этнофоров-французов? Чем отличается такой конфликт от конфликта двух немцев-этнофоров, двух русских и т. п.?

Мы считаем, что внутри каждой этнической общности каждый конфликт интересов имеет этнические аспекты, но существуют и собственно внутриэтнические конфликты. Например, если индивид А является более полноценным носителем черт своего этноса, чем индивид Б (Б не владеет языком своего народа и не понимает его культуру), то именно на этой почве между ними может возникнуть конфликт.

Возможен и второй вариант, при котором конфликты возникают между субэтносами одного и того же этноса.

Например, существуют этнические различия между жителями различных регионов Армении (в том числе более или менее адекватные представления о таких различиях), вследствие чего во время контактов между ними возникают конфликты. Вот одно собственное наблюдение: в июне 1999 года автор этих строк был в г. Капане, на юге Армении, и в разговорах с людьми заметил, что, во-первых, капанцы считают себя очень отличными от жителей соседнего города Горис и во многих отношениях критикуют горисцев. Последние же, в свою очередь, ругают капанцев, приписывая им различные недостатки. При этом подчеркиваются различия в основных занятиях (горисцы — преимущественно торговцы, и капанцы им не симпатизируют за это, считая именно себя настоящими армянами). Считается также, что как мужчины, так и женщины, живущие в этих двух районах, имеют мало сходств между собой. Жители этих двух регионов по-разному вели себя во время последней войны с азербайджанцами

и т. п. Фактически существуют постоянные предпосылки для вспышки конфликтов, хоть и не острых, при контактах представителей этих двух районов.

Подобного рода и другие внутриэтнические разногласия и конфликты, по-видимому, в определенной мере структурируются и становятся более четкими в связи с исполнением *этнических ролей*.

Если А и Б этнофоры, взаимодействующие при исполнении своих этнических ролей, то возникающие между ними конфликты могут быть *внутриэтническими ролевыми конфликтами*. Данный класс включает в себя все известные типы ролевых конфликтов: межролевые, внутриролевые и конфликты типа «роль-личность». Например, внутриролевой этнический конфликт выглядит так: индивид А выполняет свою роль этнофора (русского, еврея, немца и т. п.), но переживает конфликт, поскольку к этой роли (к ее исполнению) различные его референтные группы и значимые личности предъявляют неодинаковые группы ожиданий. Представление о хорошем этнофоре (хорошем русском, настоящем немце и т. п.) отличаются в разных подгруппах этносов и наций, поэтому, выполняя свои этнические роли, люди всегда потенциально подвержены конфликтным переживаниям. Отсюда — потребность в психологической самозащите. Одним из часто используемых в таких ситуациях защитных механизмов является агрессия.

Отметим также, что есть в этническом обществе роли, исполнители которых должны быть настоящими носителями этнических черт. Таковы, с нашей точки зрения, роли президента, министров обороны и иностранных дел и другие, требующие от индивидов полного представления интересов своего народа и их воплощения. На таких должностях маргиналы опасны.

Примером может служить вредоносная деятельность бывшего министра иностранных дел России *Ю. Козырева* или того же *Э. Шеварнадзе*, тех, кто, делая карьеру только благодаря советской системе, решили разрушить ее. По всему видно, что и *М. Горбачев* тоже не является полноценным русским этнофором. Мы считаем, что названные лица должны стать объектами исследования с этих позиций.

6.3. Расы, расовые предрассудки и межрасовая агрессия

Расовые признаки и межрасовая агрессия

Здесь мы не намерены повторять общеизвестные истины о современных расах и расовых различиях людей. Они подробно изложены в трудах по антропологии[6].

Наша задача состоит в том, чтобы констатировать следующее:

а) расовые различия людей — неоспоримая реальность;

б) расовые антропологические признаки довольно четко воспринимаются людьми и вызывают обострение осознания различий между «мы» и «они» («чужие»);

в) осознание человеком или группой своих расовых отличий от других людей является одной из предпосылок возникновения *межрасовых конфликтов*.

Поскольку этносы нередко одновременно отличаются друг от друга и по расовым, и по этническим признакам, расовые конфликты или вызывают этнические конфликты, или прямо сочетаются с ними. Можно говорить о существовании сложных этнорасовых конфликтов. Таковы, например, конфликты между евреями и немцами: первые являются семитами, вторые — европеоидами (во всяком случае, так они утверждают), и, кроме того, помимо этих расовых различий, у них имеются различающиеся этнокультурные признаки.

Основными (большими) расами современного человечества являются: европеоиды, негроиды и монголоиды. Главными антропологическими (расовыми) физическими признаками, по которым различаются представители рас, являются: цвет кожи, цвет и форма волос, толщина губ, форма и цвет глаз, форма носа, наличие или отсутствие эпикантуса и другие. В последнее время в связи с развитием генетики при определении рас пользуются также признаком генной частотности в популяции. Фактически обнаружено более 30 рас.

Хотя распространена точка зрения, согласно которой люди более агрессивны к представителям других рас, чем к своему собственному, экспериментальные исследования привели к противоречивым результатам[7].

Однозначного подтверждения не получила также точка зрения, согласно которой люди с расовыми предрассудками будут вести себя более агрессивно по отношению к расе, к которой они относятся с бóльшим предубеждением, чем к собственной. Но при рассмотрении данного вопроса следует учесть, что он является частным случаем более общей проблемы о связи между социальной установкой и поведением человека. Эта проблема, начиная с исследования *Р. Лапьера*, широко обсуждается в социальной психологии. Агрессивное поведение человека, особенно в межрасовых отношениях, в определенной мере является выражением его установок; но на поведение, на то, будет ли человек публично вести себя агрессивно, влияют многие личностные и социальные факторы.

Анонимность и сила агрессии

Результаты исследований в значительной мере иные, когда обеспечивается *анонимность* испытуемых. Обеспечив анонимность, *М. Доннерстейн* и другие психологи получили «алогичные» результаты, а именно: белые испытуемые более агрессивно реагировали на черных, чем на белых, в то время как испытуемые, которых можно было идентифицировать, более сильную агрессивность проявили по отношению к белым, чем к черным[8].

Итак, *анонимность*, то есть невозможность знать, кто совершил агрессию, и невозможность его порицать, ***оказывает влияние на межрасовую агрессию***. Считается, что белые публично менее агрессивны к черным, поскольку боятся их мести и обвинения в расизме, но в условиях анонимности выражают свою агрессивность. Публично они подавляют свою агрессию, а в условиях анонимной защищенности проявляют ее.

Однако в реальной жизни наблюдается еще одно явление, которое необходимо исследовать в случае как межрасовых, так и межэтнических отношений. Мы полагаем, что публично, ***в результате активности механизма формирования обратной реакции***, многие, даже те, у которых имеются расистские взгляды, проявляют *подчеркнутое, преувеличенное уважение* к представителям другой, нелюбимой расы. Неискренность такого поведения можно почувствовать по всему комплексу выражаемых

чувств и мыслей. И это симптоматично. Подобное мнение можно интерпретировать в качестве *этнопсихологической самозащиты на уровне индивида.*

Данный механизм, раскрытый нами, объясняет и то явление, которое исследователи назвали *обратной дискриминацией*: белые американцы проявляют очень низкий уровень агрессивности к черным и очень высокий — к белым. И это — в спокойных, бесконфликтных условиях. Когда же «чернокожие возбуждены или оскорблены, испытуемые белой расы “регрессируют” до традиционных форм дискриминационного поведения, которые усвоили в годы “первичной социализации”».

Как мы видели, в измененных условиях *обратная дискриминация* — как результат работы механизма обратной реакции — заменяется *регрессивной дискриминацией*, которая является уже результатом социально-психологической регрессии индивидов к более ранним уровням социализации и межличностного поведения. А это означает, что расовые установки у них есть, но вытеснены в подсознательное под влиянием новых социальных условий и ожиданий. Именно поэтому утверждается: «Люди... более склонны к дискриминации чужой группы, когда оскорблены, ощущают угрозу и/или свободны от общественного осуждения»[9].

Если таким образом вытесненные расовые установки в условиях фрустрации и свободы от общественного контроля вновь проявляются, можно заключить, что простое вытеснение еще не обеспечивает сдвига в моральном развитии личности в сторону большей зрелости и гуманизма.

Группа своим поведением, безусловно, оказывает влияние на поведение отдельных индивидов — своих членов. Под влиянием групп находится также межрасовое агрессивное поведение. Исследование случаев линчевания доказывает верность данного утверждения.

Расовая предубежденность и агрессивность

Является ли расовая предубежденность, то есть наличие у человека предрассудков, источником его повышенной агрессивности?

Эксперименты показали, что человек с расовой предубежденностью отличается общим и более высоким уровнем агрессивности. Однако белые американцы данной категории в условиях эксперимента, получая возможность применить к белым и черным электрические разряды, применяли удары примерно одинаковой силы. Такой результат не представляется убедительным. Требуются новые исследования, поскольку нет никаких признаков ослабления расовых предрассудков в мире. Скорее, имеет место обратное.

Проблема влияния расовых предрассудков на агрессивное поведение исследуется психологами уже давно, по крайней мере с 1940-х годов. В одном из давних исследований было показано, что предрассудки против японцев и мексиканцев усилились после того, как испытуемые были поставлены в высшей степени фрустрирующую ситуацию[10].

Исследуя антиеврейские и антинегритянские предрассудки, психологи проводили интенсивные клинические интервью с ветеранами армии, которые сами не являются членами групп расовых меньшинств. Полученные данные подтвердили гипотезу, согласно которой люди, убежденные в том, что претерпели лишения, в большей степени были склонны к расовой и этнической нетерпимости, чем остальные[11]. Исследователи обнаружили также, что ветераны, карьера которых имела нисходящий характер, были в большей степени отягощены предрассудками, чем те, кто имел восходящую карьеру[12].

В условиях экономических трудностей в США растет число линчеваний. Интересно следующее наблюдение: в Пуэрто-Рико нет заметных антинегритянских настроений. Однако когда пуэрториканцы оказываются в Нью-Йорке и становятся объектами расовых чувств, они сами проявляют антинегритянские чувства. Это способ выбора козлов отпущения у лиц, которые фрустрируются сами.

В оценке других людей и групп наличие предрассудков зависит также от фрустрированности со стороны родителей. В общем, чем более фрустрирован человек, тем более он склонен к предрассудкам по отношению к национальным меньшинствам.

Чувство вины заставляет людей искать козлов отпущения, так как оно причиняет беспокойство и страдание. Это происходит посредством механизма проекции: собственные недостатки человек приписывает другим и тем самым освобождается в определенной мере от чувства вины. Например, в США среди бизнесменов распространено мнение, что деловые люди еврейского происхождения нечестны. Однако с помощью этого механизма обвиняющие маскируют свои собственные махинации как перед своим сознанием и совестью, так и перед обществом.

Ясно, что чувство вины может стать постоянным внутренним фрустратором, а проекция на других выступает в качестве защитного психологического механизма. Этот механизм действует и тогда, когда люди рассуждают о представителях других этнических групп.

6.4. Отсутствие эмпатии и межэтнический садизм

Между представителями всех человеческих рас и этносов существуют значительные антропологические и психологические сходства, поэтому они могут заключать браки и оставлять потомство, понимать друг друга и даже переживать хотя бы некоторую взаимную психологическую идентификацию и эмпатию. Люди везде сходным образом реагируют на стресс, фрустрацию и другие типичные воздействия, одинаково стремятся к успехам, счастью и самоутверждению. Все этносы и расы изобрели язык как основное средство коммуникации.

Человек везде умеет с помощью своего воображения в той или иной мере представлять себя на месте другого, предвосхищать эмоциональные реакции и вероятное поведение других людей. Всеобщими являются, по-видимому, основные человеческие чувства и эмоции: любовь, ненависть, зависть и другие. Когда человек влюблен, он переживает нежные чувства к любимому, тревогу — когда над последним висит опасность, сожаление — когда он отсутствует, радость — при его появлении и успехах, чувство благодарности — к тем, кто делает ему добро, и т. п. Когда мы ненавидим кого-либо, у нас появляются противоположные по отношению ко всем этим «измерениям» переживания и реакции[13].

Сходства чувств и реакций людей обусловлены не только генетическими факторами, но и сходством условий социализации и адаптации в различных группах. Сходство людей и понимание других позволяют выйти за пределы своего эгоцентризма. Понимание чувств другого — основа понимания и предвосхищения его поведения.

Но не все люди одинаково способны на такое понимание. Есть большие индивидуальные и даже этнические различия. Если человек не способен переживать положительную идентификацию с другим, он будет жестоким и холодным. Когда

нет сопереживания, другой кажется разным, отличным от себя, иным, чужим. Тогда трудно принимать исполняемую им роль. Принятие роли другого и сопереживание — основа морали. Человек чувствует себя морально обязанным только перед теми, кого считает сходным с собой. Вот почему человек неодинаково относится к представителям других рас и этносов. Это различие отношений, связанное с различиями в мотивации морального поведения в различных взаимоотношениях, нередко выражается в поведении людей.

Приведем пример. Исследователи тибетцев сообщают, что у этого народа разграбление иностранцев хотя и не считается достойным похвалы поведением, все же прощается. Совсем другое дело — подобное поведение по отношению к другому тибетцу: это уже преступление. Но строгость назначаемого за такое поведение наказания зависит уже от социального статуса пострадавшего. На данном этапе рассмотрения дела к этническим факторам добавляются еще и социально-психологические[14].

Когда положительная психологическая идентификация и эмпатия с представителями другого этноса отсутствуют, человек начинает обращаться с ними как с предметами, с вещами, с собственностью, мало отличая их от животных[15].

Такое взаимоотношение было характерно для отношения белых к неграм, европейских колонизаторов — к народам Азии и Африки.

Отсутствие эмпатии порождает жестокость и садизм. Исследование этих явлений поучительно, поскольку показывает нам, при каких условиях можно смягчить жестокость. Однако, поскольку речь идет о взаимоотношениях людей и социальных групп, можно говорить об *уровнях жестокости*: ведь полное отсутствие идентификации трудно себе представить. Мы предполагаем, что каждому уровню отрицательной или положительной идентификации с жертвой соответствует характерный уровень жестокости, — эмпатии. Идентификация занимает широкий спектр — простираясь в интервале от полной отрицательной идентификации через полосу безразличия и «нулевой» отметки до высочайшего уровня положительной идентификации индивида А с индивидом Б, при которой возможно самопожертвование первого ради жизни и счастья второго.

Напомним о примерах, демонстрирующих существование различных уровней садизма.

Так, среди юристов, политиков и других деятелей давно уже идет спор о том, допустима ли смертная казнь для определенных категорий преступников или же следует ограничиться максимальными сроками тюремного заключения. Но и среди тех, кто выступает за сохранение смертной казни, идут споры о приемлемости той или иной формы приведения в исполнение этого наказания: одни считают более гуманным расстрел, другие требуют казни через повешение или на электрическом стуле, с помощью инъекции яда и т. п. Они все требуют *жестокого наказания*, но их жестокость имеет различные степени и зависит от того, *каким образом они представляют себе возможные страдания жертвы*. Гуманные люди требуют такой формы казни, при которой смерть наступает быстро и жертва очень мало страдает. Более жестокие, наоборот, склонны требовать *длительной и мучительной смерти* для тех, кто поднимал руку на жизнь других.

Приведем весьма поучительный исторический пример того, как проявляются в реальной жизни различные уровни жестокости.

Американский автор *Маклеод* рассказал о переживаниях одного белого американца, рядом с домом которого расисты организовали массовое убийство индейцев и в котором принимал участие он сам. После убийства всех взрослых он подходит к группе детей, которые от страха прижимались друг к другу и ждали своей участи. Взглянув в их глаза, палач вдруг заметил, что они очень «хорошенькие». И он понял, что не способен расстрелять их из ружья калибра 56 мм, так как его пули разорвали и обезобразили бы их. И он принимает решение расстрелять их из револьвера калибра 38 мм. Вот какими гуманными были европейские завоеватели Америки!

Приведя данный пример, *Т. Шибутани* и *К. Кван* объясняют его таким образом, что даже в ситуации варварства у людей возникает *частная идентификация*. Между тем, как мы уже знаем, в таких случаях было бы правильнее говорить о различных уровнях отрицательной идентификации и соответствующих степенях жестокости. Правда, переживания палача могут быть более сложными, представляя из себя смесь отрицательной и положительной идентификации, но в ситуациях описанного типа ведущими являются отрицательная идентификация и жестокость. В «гуманности» палача заметно издевательство над жертвами.

6.5. Психологическое оправдание межэтнической агрессии

У каждого народа, добившегося успехов в развитии культуры, особенно в государственной и военной деятельности, возникает особая «Я-концепция», в которой центральное место занимает чрезмерно высокая самооценка. Это явление мы можем констатировать еще в древнейшей истории разных народов. Причем процесс формирования чрезмерно высокой самооценки, как бы по необходимости и в сопряжении, порождает низкую оценку других народов, даже презрение к ним.

В Египте в период Среднего Царства историки обнаружили именно такое явление. «Развитие военной политики привело к возникновению особой великодержавной теории. Египтяне смотрят на себя как на особый, богом избранный народ, которому должны повиноваться все остальные покоренные им племена. Египетские фараоны называют Нубию “презренной страной Куш”. Аменемхет в своем “Поучении” говорит: “Я приводил нубийцев, а азиатов я заставлял ходить за собой, как собак”. В “Рассказе Синухета” ярко подчеркивается презрение египетских вельмож к кочевым племенам пустыни, стоявшим в культурном отношении ниже египтян того времени»[16].

Как видно из данного отрывка, создание двух типов противоположных концепций — своей «Я-» или «Мы-концепции» и концепций о других народах — происходило с помощью механизмов атрибуции и самоатрибуции, причем эти два процесса происходили взаимосвязанно, в согласии с **законом сопряженного развития**. Формирование таких образов создает психологическую основу и оправдание для агрессии против других народов.

Атрибуция и проекция, в свою очередь, используются с целью *дегуманизации* настоящих или потенциальных врагов. Другие племена психологически превращаются в животных («...я заставил их ходить за собой, как собак»). Психологическая подготовка агрессии против других этносов с помощью целого комплекса защитных механизмов — проекции, атрибуции, рационализации, дегуманизации — созда-

ет конкретные образы или цельные, системные концепции. Это образы «я», «мы» и «они» (другие, чужие). Все эти сложнейшие процессы у индивидов и этносов имели место уже в древнейшие времена, самым естественным образом, без знания психологии и, следовательно, без сознательного использования законов психической жизни.

При этом, если враги в данный момент не были непосредственно доступны, использовались символические формы агрессии. Археологические исследования позволяют установить, например, следующее явление: поскольку в иноземных племенах египтяне видели постоянных врагов, то создавали «тексты поношения иноземцев».

Напомним, что они сохранились на черепках времен Среднего Царства. «Очевидно, — пишет историк, — имена враждебных фараону людей и названия вражеских племен писали на особых горшках, а потом совершали обряд разламывания этих сосудов с целью магического уничтожения врагов царя. Сохранились также магические статуэтки пленников с названиями иноземных стран. В этих надписях упоминаются основные враждебные Египту племена: жители Азии на севере, нубийцы на юге и ливийцы на западе»[17].

6.6. История конфликта, его глубина и перенос

Историческая память и сила конфликта

Исследование этнических конфликтов показывает, что, по-видимому, существует следующая закономерность: чем дальше в глубину прошлого идут его корни, тем он интенсивнее и глубже. Фактов много, и они свидетельствуют о том, что этнические конфликты — явления постоянные, а не новые и связанные с быстрой модернизацией современных обществ, как полагают некоторые исследователи.

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих указанную выше закономерность. В Шри-Ланке (Цейлон) конфликт между двумя главными этносами — тамильцами и сингалезцами — идет из глубин веков. Этот конфликт время от времени вспыхивает с новой силой и становится все более и более разрушительным[18].

В настоящее время тамильцы, хорошие бойцы, перед страхом уничтожения своего народа обратились за помощью к международным организациям. За последние годы на этом острове совершались массовые убийства как с той, так и с другой стороны.

В Ливане таким нескончаемым представляется конфликт между маронитами и друзами. Вообще, кровавые события, произошедшие в Ливане за последние десятилетия XX века, требуют специального исследования с применением аппарата современной этнопсихологии. Отметим, что перед вспышкой последних этнических конфликтов Ливан был процветающей в экономическом отношении страной. Это убедительное доказательство того, что не экономические причины являются главными в возникновении этнических конфликтов.

Историческая память этносов об их прошлых столкновениях является зарядом для новых вспышек этих самых конфликтов. Они свидетельствуют об ошибочности еще одной точки зрения, согласно которой возникновение новой национальной интеллигенции, получившей образование по европейским или американским образцам, приводит к ослаблению этнических конфликтов. Реальная практика жизни показывает, что верно обратное: именно национальная интеллигенция становится носителем этничности и инициатором новых межэтнических конфликтов.

Перенос этнической агрессии на новые объекты

Если история этнического конфликта оказывает влияние на его силу, это не значит, что все этнические конфликты являются старыми. Во всех полиэтнических обществах приходят в соприкосновение все новые этнические группы и между ними вспыхивают конфликты. Кроме того, возникают новые этнические группы, а поскольку они раньше не существовали, между ними не могли быть традиционные конфликты и соперничество. Они впервые приходят в соприкосновение друг с другом, и начинаются обычные этапы их взаимоотношений, которые описываются в этносоциологических трудах. Можно выдвинуть **гипотезу**, согласно которой *те этнические группы, у которых в прошлой истории было много конфликтов и накопленной агрессивности, переносят ее на новые этносы.* Иначе говоря, прежний конфликт косвенно проявляется во взаимоотношениях с новыми этническими группами.

Интересным примером этого явления можно считать следующее событие, описание которого приводится в упомянутой выше книге *Д. Горовица.* В XIX веке народный герой махараштских индусов, Шиваджи, руководил вооруженной борьбой своего народа против мусульман. В XX веке его имя было восстановлено вновь в названии «Армии Шиваджи», но на этот раз борьба народа махараштa была направлена уже против другого врага — мигрантов-индусов из Южной Индии — Бомбея. Только вторично эта агрессия и дух предка-символа была направлена и против мусульман. Данное явление *Д. Горовиц* называет *адаптацией исторической памяти к совершенно новому конфликту.* История может стать оружием, традиция может сообщить заряд этническому конфликту, но сам конфликт нельзя назвать воспроизведением прежнего[19].

В данном случае то, что называется адаптацией, на самом деле есть *перенос агрессии и использование национальных символов и традиций в процессе физической и психической самозащиты этноса.* Этот подход может быть плодотворно применен при анализе этнических конфликтов. Можно сказать, что если в актуальном межэтническом конфликте участвуют указанные выше этнопсихологические механизмы (перенос, символизация и другие), то невозможно понимать и разрешать подобные конфликты без исторического подхода. Например, когда в связи с карабахским конфликтом, говорят, что, мол, надо предать забвению прошлое и принять теперешнюю реальность, то тем самым показывают свое непонимание природы этнических конфликтов.

Что касается других примеров переноса исторических конфликтов определенного народа на новые этносы, то в истории народов таких примеров — тьма. Достаточно вспомнить, например, многократные переносы турками и другими мусульманскими народами своей межэтнической и межрелигиозной агрессии с одного христианского народа на другой в течение многих веков.

6.7. Преобразование межэтнической агрессии во внутриэтническую

Историческое введение

Чтобы с самого начала стало понятно, о чем идет речь, приведем пример из новейшей истории Греции.

В 1821 году греки подняли восстание против османского кровавого владычества и добились независимости. Но сразу же после этого возникли внутри-

греческие конфликты и развернулась борьба различных группировок за власть и верховенство. Это позволило одному историку заявить следующее: «Совсем скоро стало очевидным, что ни один грек не подчинится власти другого грека. Из этого следовало, что решение необходимо искать в приглашении суверенного правителя с Запада»[20].

Гражданские войны являются одними из выражений подобных внутренних конфликтов и агрессивности. Исторические факты греческого национально-освободительного восстания подтверждают нашу концепцию о закономерностях и механизмах преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую (и обратного процесса), которая очень кратко будет изложена ниже[21].

Много подтверждающих эту концепцию фактов легко можно найти в истории национально-освободительной вековой борьбы армянского и других народов.

Причем указанное выше любопытное явление — нежелание подчиниться представителям своей нации — можно считать не только одним из механизмов преобразования межэтнической агрессии, но и признаком общего низкого уровня развития нации, недостаточной продвинутости процесса нациогенеза, низкого уровня национального самосознания и чувства собственного достоинства, отсутствия уважения к выдающимся деятелям своего народа. Это признак недостаточного самоуважения. В условиях независимого развития подобные недостатки преодолимы, хотя и очень медленно. Отметим, кстати, что в свободную Грецию действительно пришлось пригласить чужестранца-монарха.

Гипотеза В ответ на столкновение двух этносов у их представителей возникают сложные психические состояния, в том числе агрессивность (ненависть, злость, гнев, целый комплекс эмоций). Это психическое состояние, как известно, мотивирует агрессивные действия, которые выражаются в словесных и символических формах, в стычках, убийствах, иногда — в широкомасштабных военных действиях. Но не вся агрессивность участников межэтнического конфликта разряжается и расходуется с помощью насильственных действий. Эти действия в определенный момент прекращаются (перемирие, мирный договор), а значительная часть враждебности людей сохраняется.

Что же происходит с этой остаточной, нереализованной межэтнической агрессивностью?

Вот проблема, для решения которой мы предлагаем следующую **гипотезу**:

1) часть нереализованной межэтнической агрессивности превращается во внутриэтническую враждебность, то есть направляется на членов своего этноса: меняется объект агрессии, причем именно таким специфическим образом;
2) чтобы агрессор сумел выбрать для себя объект агрессии (жертву), в его психике должны произойти дополнительные процессы:
   а) процессы проекции и атрибуции отрицательных черт и намерений враждебного этноса на часть членов своего этноса;
   б) использование в этих процессах отрицательных этнических гетеростереотипов, их превращение в отрицательные автостереотипы;
   в) совершение агрессивных действий;

3) существует также обратный процесс перехода внутриэтнической агрессии в межэтническую: об этом процессе речь пойдет в следующих параграфах настоящей главы.

В свете этой гипотезы многие факты прошлой и настоящей истории становятся более понятными, в том числе исторический пример, описанный выше, в разделе «Историческое введение».

Прямым доказательством нашей гипотезы могут служить некоторые последствия вмешательства НАТО в сербско-албанский конфликт в 1990-е годы. Поскольку сербы не смогли полностью реализовать свою агрессивность по отношению к НАТО (сухопутные операции так и не начались), внутри Сербии возникли конфликты и обострилась политическая борьба против президента страны С. Милошевича и его режима. Причин этих процессов, конечно, несколько: экономические трудности, требование руководства НАТО убрать Милошевича, иначе страна не получит помощи для восстановления разрушенной в результате бомбардировок самого НАТО экономики, и т. п. Но анализ материалов об этих событиях убедил нас, что среди причин не последнюю роль играла преобразованная межэтническая (межнациональная) агрессия. Доказательством нашего утверждения является то, что часть сербов обвиняет Милошевича, безусловного патриота, в том, что он не сумел обеспечить победу сербов над врагами, хотя каждый понимает, что маленькая Сербия не смогла бы победить НАТО.

Основные последствия преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую

Как только что было сказано, если этносу не удается реализовать свою межэтническую агрессию по прямому назначению, она преобразуется во внутриэтническую форму с участием механизмов атрибуции, стереотипизации и т. п., о которых мы уже знаем. Но это не единственное последствие такого преобразования. Возможны и другие варианты, идеи о которых, предлагаемые ниже, расширяют нашу первоначальную гипотезу.

1. **Теория этнической депрессивности.** Не желая или не умея быть агрессивным по отношению к своему этносу или к его отдельным представителям, индивид преобразует свою межэтническую агрессию в *самоагрессию*. Для этого он приписывает себе такие черты, которые делают его «достойным» агрессивного отношения в виде самоуничижения. Результатом таких процессов может быть *депрессия*:
   - если депрессия легкая, у личности наблюдается тот результат, который получил название «депрессивного реализма»[22];
   - если же депрессия глубокая, появляются мысли о целесообразности *самоубийства*. Суицидальные тенденции мы считаем выражением крайней агрессивности человека к самому себе.

   Наконец, мы утверждаем, что *депрессивный комплекс* (синдром) содержит в себе сильную агрессивность, но она отражается в отрицательных самоатрибуциях и является самоагрессией.

   Есть основание также для утверждения, что депрессивность может охватывать значительную часть этноса и стать его временной или устойчивой чертой. Именно это, по-видимому, происходит с теми этносами, которые, потерпев тяжелые поражения в конфликтах с другими народами, сохраняют огромный заряд не-

реализованной межэтнической агрессивности. Приписывая себе отрицательные черты, низкое достоинство и ответственность за поражения, другие негативные качества и тенденции, люди в массовом порядке могут стать депрессивными. Этническую депрессивность, таким образом, возможно исследовать исходя из современной теории фрустрации, психической защиты и атрибуции.

Проблематика, очерченная выше, может иметь применение при исследовании психологических аспектов этноцида (прежде называемого геноцидом), особенно постэтноцидного периода жизни спасшейся части народа-жертвы. Одним из выражений такой депрессивности является уже рассмотренное нами высказывание одного из случайных руководителей народа, пережившего этноцид, что сам этот народ виноват, что его истребили. Такие высказывания мы считаем *непроизвольным, неосознанным выражением этнической депрессивности*, основывающейся на негативных самоатрибуциях.

2. Во время войны с другим национальным государством число внутринациональных преступлений с применением насилия сокращается. Однако когда война кончается, казалось бы, внутриэтнической агрессивности должно было быть меньше: ведь, как предполагается, во время войны имеет место **катарсис**. Возможно, что определенный катарсис агрессивности действительно имеет место. Но только частично, поэтому значительную роль в поведении людей после войны играют те процессы преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую, о которых мы уже знаем. Такое преобразование подавляет результаты катарсиса и усиливает внутриэтническую агрессивность людей. Вдобавок ко всем тем фактам, которые мы привели и еще приведем в пользу нашей гипотезы, отметим еще один: «...статистика показывает, что после войны количество убийств на общенациональном уровне обычно резко повышается»[23].

6.8. Переход от межэтнической агрессии к внутриэтнической и авторитаризм

Одним из частных аспектов нашей гипотезы о механизмах преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую является следующее утверждение: *преобразованная межэтническая агрессия внутри своего этноса используется главным образом для борьбы за власть и ее сохранение, с целью усиления доминантности и авторитаризма в социальных структурах.*

Внутри каждого этноса имеются культурно обусловленные маркеры, жесты и символы, которые предотвращают агрессию, успокаивают переживающего гнев человека. Это внутриэтнические ингибиторы агрессии. Некоторые из таких жестов и символов являются общечеловеческими, но бóльшая их часть — внутриэтнические, культурно-специфические. Таковы, например, лингвистические и паралингвистические жесты. Национальные символы тоже играют заметную роль в предотвращении внутриэтнической агрессии.

Усиление внутригруппового авторитаризма приводит к более строгой вертикальной организации общества и социальных групп вообще, в чем можно убедиться не только на примере обществ и государств, но и малых и средних групп.

О разнообразии внутригрупповой агрессивности и о других стратегиях адаптации и соперничества обширный материал можно приобрести путем исследования динамики детских и подростковых групп: внимательный исследователь обнаружит в них сложные стратегии исследования и зондирования, угроз и обмана, лидерства и руководства в непосредственных межличностных отношениях.

В ходе дальнейшей разработки данной тематики следует иметь в виду описанное *Р. Ванденбергом* важное явление. Человек, согласно этому исследователю, обладает уникальной особенностью среди остальных приматов: *у него межгрупповая территориальность сочетается с внутригрупповым доминированием.* Дело в том, что у разных животных наблюдаются, иногда в сильнейшем выражении, территориальность и агрессивность, но слабы внутригрупповая иерархия и конфликты. Это имеет место, например, у лемуров и гиббонов. Или же, наоборот, слабая территориальность сочетается с иерархической доминантностью (как у бабуинов и макак-резусов)[24].

Мы считаем, что отмеченная уникальная особенность человека и его сообществ имеет важнейшее значение для понимания взаимосвязей и взаимодействия межэтнической и внутриэтнической разновидностей агрессии, а именно: *межэтнические конфликты и агрессивность приводят к изменениям в иерархии статусов в обществе, особенно в системах политической власти и в ряде других структур, главным образом — силовых.* Это общая гипотеза, которая у нас конкретизирована в виде частных гипотез и теорий, касающихся механизмов взаимодействия, взаимопереходов и преобразований межэтнической и внутриэтнической агрессивности.

6.9. Этническая предубежденность и замещение агрессии

Здесь нам предстоит предложить несколько новых идей о взаимоотношениях между типом личности и типами преобразованной агрессии. Говоря о превращении межэтнической агрессии во внутриэтническую и об обратном процессе, следует учитывать индивидуальные различия, типы людей. Используя представления об авторитарных, демократических и либеральных типах, мы выдвинем ряд новых предложений.

Еще исследования калифорнийской группы *Т. Адорно* и его коллег показали, что для успешного замещения агрессии человек должен быть этнически предубежденным[25].

Агрессивность и этническая предубежденность, в свою очередь, требуют, чтобы человек был как можно менее рефлексивным и интроспективным: *самонаблюдение разрушает систему вытеснения и подавления, рационализации и перемещения (трансфера), то есть всего комплекса психологической защиты личности.* Другое дело, почему это происходит: об этом мы выдвинули ряд идей в другом месте и здесь их вряд ли стоит повторять[26].

Исходя из этих идей и применяя их в области исследований этнической агрессии, можно высказать ряд новых предложений, в совокупности составляющих **гипотезу**:

1) существуют различия по силе и формам этнической агрессии между авторитарными, демократическими и либеральными по характеру людьми;

2) трансформация агрессии у этих типов происходит с различным уровнем готовности и с использованием не совсем одинаковых механизмов, тем более — комплексов психологических механизмов;
3) существуют различия также в процессе перехода от внутриэтнической агрессии к межэтнической и в обратном преобразовании человеческой агрессивности. Можно предположить, что *авторитарные люди с легкостью преобразуют свою внутриэтническую* (например, внутрисемейную) *агрессию в межэтническую форму, а обратный переход у них, как мы полагаем, значительно затруднен* (таким людям мешают внутриэтнический конвенционализм и патриотизм, который они высказывают публично). *У демократов и либералов, по-видимому, имеет место обратное: не будучи этнически заметно предубежденными людьми, они с готовностью преобразуют свою межэтническую агрессию во внутриэтническую*;
4) очень интересные новые пласты обсуждаемых явлений можно обнаружить, если учесть влияние самонаблюдения на процессы психической самозащиты. Согласно уже выдвинутой нами концепции в процессе преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую значительную роль играют механизмы атрибуции и проекции, которые закрепляются другими защитно-адаптивными механизмами (например, рационализациями, формированием обратной реакции, интроекцией и другими, описание которых мы предложили в первом томе настоящего труда).

Поскольку авторитарные и демократичные личности различаются по названным механизмам, можно сделать вывод, что наша основная гипотеза, а именно то ее положение, которое касается роли различных вариантов атрибуции, должна быть сформулирована вновь с целью конкретизации для различных типов людей. Мы считаем, что атрибуции авторитарных личностей не совсем такие, как атрибуции демократа или либерала. Кроме того, межэтническая агрессия у каждого из этих типов частично превращается во внутриэтническую форму, но конкретные разновидности этой преобразованной агрессии различны. Так, если авторитарная личность совершает насилие, она реализует типично авторитарную агрессию в виде соответствующего подчинения приказам другого или же в процессе стремления к власти; в то же время авторитарность демократа может выражаться сублимированно, в процессе творческой активности, оказания помощи пострадавшим и т. п. Очевидно, что эти идеи следует развернуть на основе анализа новых эмпирических фактов.

6.10. Выбор объектов внутриэтнической агрессии (новая концепция)

Механизмы выбора

Итак, преобразуясь и превращаясь во внутриэтническую форму, прежняя межэтническая агрессия должна направляться на различные объекты — индивидов и группы.

Кто же в первую очередь становится объектом агрессии людей, у которых агрессивность претерпела подобные трансформации?

Окончательный ответ на этот вопрос могут дать только организованные эмпирические исследования. Однако для того чтобы такие исследования имели правильную направленность, мы здесь выскажем ряд **дополнительных гипотез**.

Во-первых, в качестве объектов агрессии выбираются те индивиды и группы, с которыми агрессор имеет или только отрицательную идентификацию, или же никакую.

Во-вторых, это те люди, с которыми идентификация амбивалентна и временами отрицательная идентификация (и отрицательная установка к объекту) становится преобладающей.

В-третьих, это те люди, которым агрессор приписывает отрицательные черты, в том числе такие, которые, по его мнению, свойственны представителям враждебного этноса. Эти процессы часто принимают характер *проективных атрибуций*, то есть проецирования на жертву собственных недостатков и отвергаемых мотивов. Отметим также, что подобные атрибуции лежат в основе отрицательной идентификации, составляя ее основу и устойчиво комбинируясь с ней. Здесь мы видим конкретный случай образования адаптивного комплекса, состоящего из атрибуции, идентификации и агрессии. В качестве психологического материала используются стереотипы, в том числе отрицательные гетеростереотипы, приписываемые представителям враждебного этноса.

Есть еще один механизм, который играет роль в выборе человеком внутриэтнических жертв своей агрессии: это *влияние социальных моделей*. Многое зависит от того, каких агрессоров индивид видит в своем окружении, в какой мере идентифицируется с ними, к каким последствиям приводят действия этой модельной личности и т. п. Говоря проще, пример других внутриэтнических агрессоров и подражание им может стать направляющим фактором в выборе объектов агрессии. *Агрессия наиболее интенсивна тогда, когда идентификация с моделью положительная, а с жертвой — отрицательная.*

Мы считаем, что эти гипотезы можно подвергнуть испытанию с помощью лабораторных исследований, во время которых применяют электрические удары в качестве меры агрессивности (метод *Б. Басса*) и где экспериментатор показывает пример жестокости. Для проверки действия именно преобразованной межэтнической агрессии жертвам можно придать внешний вид представителей враждебного этноса (вид турка — образно и буквально).

Внутриэтническая агрессивность и компенсаторные реакции

При исследовании филогенетических корней человеческой агрессивности мы видели, что даже животные, переживая страх и агрессивность, совершают ряд компенсаторных, отвлекающих движений, с помощью которых они, по-видимому, психологически защищают свое достоинство. Это убедительно показали этологи.

Сходные явления — отвлекающие действия, *прообразы средств психологической самозащиты* — можно наблюдать и у детей. Было бы, например, интересно исследовать эти явления в семьях и других родственных системах людей.

Но нас интересуют проявления этих действий во внутриэтнических отношениях. Можно задать себе такой вопрос: что делает человек после того, как совершает

агрессивные действия против представителя своего этноса? Как он поступает и что переживает, если объект агрессии — представитель другого, враждебного этноса? Мы помним, что после драки животные стремятся держаться подальше друг от друга, а когда ненароком встречаются на близком расстоянии, не бегут друг от друга и не дерутся, а совершают ряд отвлекающих действий. Каким образом из переживаний и действий этого рода у людей одного этноса развиваются дружба и любовь?

Наконец, очень важно учесть следующее: когда неиспользованная межэтническая агрессия превращается во внутриэтническую форму, ее конкретные проявления и интенсивность зависят не только от различных видов идентификации (что мы уже показали), но и от упомянутых выше отвлекающих и компенсаторных действий, через которые эта агрессия может разрядиться. Можно сказать, что межэтническая агрессия людей осуществляется в довольно простой и стереотипизированной ситуации, тогда как, преобразуясь во внутриэтническую, она оказывается в очень сложной социально-психологической ситуации. Здесь у человека с такой агрессивностью присутствуют уже его сородичи с их этническими признаками, здесь у него много возможных и актуальных идентификаций, здесь налицо различные отвлекающие и компенсаторные пути и способы разрядки агрессии, в этой среде природа атрибуций и стереотипов другая. Именно поэтому конкретные формы внутриэтнической агрессии более разнообразны, социализированы, иногда сублимированы и даже не осознаются обычными людьми как агрессивные.

6.11. Воображаемый конфликт и межэтническая агрессия (контуры новой концепции)

Воображаемый конфликт и создание предпосылок агрессии

Социальный психолог *Роджер Браун* выдвинул идею о том, что агрессия между группами может быть результатом *воображаемого конфликта* между ними, а не только реального[27].

Роль воображаемого конфликта интересов стала предметом специальных исследований в социальной психологии агрессии. Израильские психологи провели очень удачное исследование этого феномена, результаты которого, как вскоре мы увидим, имеют более широкое значение[28].

Они выдвинули предположение, согласно которому для проявления агрессии к «чужакам» необходим мотив и таким мотивом может стать воображаемый конфликт. Как только люди осознают существование такого конфликта, они начинают дегуманизировать членов чужой группы, то есть находить в них недостатки и считать их недостойными уважения и доброты. Происходит также поляризация представлений о ценностях своей и чужой группы: свои ценности лучше и выше, а их ценности — ниже и т. п. Создается представление о существовании непреодолимой границы между двумя группами. Эти факторы и предопределяют агрессию против чужой группы.

Чтобы проверить эти предположения, были исследованы взаимоотношения двух подгрупп евреев, живущих в Иерусалиме, а именно: отношение неортодоксальных евреев к ультраортодоксальным, недавно поселившимся по соседству. Испытуемым были предложены опросники, вопросы которых должны были выявить наличие у них

осознанного воображаемого конфликта, дегуманизации и всех тех представлений, о которых говорилось в гипотезе исследования этих авторов. Кроме того, испытуемых (неортодоксальных евреев) просили сообщить о случаях межгрупповой агрессии, таких, как бойкотирование магазинов «чужаков», создание радиошума с целью причинить вред этим нежелательным соседям и т. п.

Исследование подтвердило все положения гипотезы: *воображаемый конфликт действительно порождает межгрупповую агрессию.* Между осознанием воображаемого конфликта и агрессивными действиями действительно «лежат» упомянутые выше внутрипсихические явления: дегуманизация, воображаемое различие ценностей и представление о непреодолимости границ между группами.

Данное исследование показало, что воображаемый конфликт между группами, являясь первичным фактором, порождает целый ряд сложных психических процессов, результаты которых — отрицательные установки, дегуманизация (отрицательный образ «чужака») и другие уже становятся мотивами агрессивного поведения. Последние создают *предпосылки межгрупповой агрессии.*

Говоря о воображаемом конфликте, как мы полагаем, следует иметь в виду, что в образе этого конфликта, создаваемого в психике индивидов (членов группы), содержатся также *элементы предвосхищения будущих столкновений.* Таких воображаемых или предвосхищаемых конфликтов много. Но они сами, как мы считаем, для своего возникновения должны иметь некоторые предпосылки в виде воспринятых групповых различий.

Воображаемый конфликт и один из путей преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую

Результаты описанных выше исследований можно применить для уточнения одного из аспектов нашей теории преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую. Как мы помним, одним из этапов этого процесса является выбор объекта агрессии внутри своего этноса. В качестве объекта (жертвы) преобразуемой межэтнической агрессии могут выбираться как индивиды, так и различные группы. Рассмотренные выше идеи *Р. Брауна* и других ученых позволяют нам выдвинуть предположение, существенно дополняющее нашу теорию.

Гипотеза: ***в качестве новой жертвы преобразуемой межэтнической или межрасовой агрессии в первую очередь выбираются те индивиды или подгруппы своего этноса, с которыми субъект*** (носитель) ***межэтнической агрессивности имеет реальный или воображаемый конфликт.***

Здесь нас в первую очередь интересуют те случаи, когда конфликт носит воображаемый характер и, осознаваясь, порождает все названные выше процессы и явления: дегуманизацию потенциальной жертвы, формирование отрицательных установок к ней; поляризацию групповых, «наших» и «чужих» ценностей; представление, согласно которому границы между группами непреодолимы.

Но в исследовании вышеназванных авторов, насколько можно судить по изложению *Р. Бэрона* и *Д. Ричардсон*, отсутствуют важные элементы в упомянутых предпосылках и мотивах межгрупповой (теперь уже внутригрупповой) агрессии. Дело в том, что дегуманизация — очень сложный психический процесс и, в свою очередь, осуществляется с участием различных психологических механизмов.

Здесь следует упомянуть о роли различных атрибуций: приписывании отрицательных качеств и ценностей членам других групп и положительных — себе, различных мотивов, интересов и т. п. Имеет место также самоатрибуция в виде интроекции: каждый может видеть в себе такие черты, каких там нет, но которыми обладают другие члены своей группы. Во всех этих процессах проективной каузальной и других атрибуций используются разные стереотипы, которые берутся или из числа уже существующих, или же создаются в самом процессе взаимодействия двух групп.

Еще одной особенностью отличается внутриэтническая агрессия, а именно: она принимает более мягкие и косвенные формы в виде бойкота, шума, сплетен и злословия, словесной дискредитации и т. п. Прямое физическое насилие встречается редко или вообще не применяется.

Как показали исследования Шухера и Шварца, внутриэтническая агрессия между двумя подгруппами евреев возникла как будто без всякого участия межэтнической агрессии. Это тоже возможно. Однако мы полагаем, что следовало интересоваться, по крайней мере, еще двумя аспектами проблемы:

а) межрелигиозные различия нередко приобретают огромный отрицательный заряд и не менее разрушительны и опасны, чем межрасовые и межэтнические различия;

б) по всему видно, что неортодоксальные и ультраортодоксальные евреи происходили из разных стран, жили в среде разных народов с очень различающимися друг от друга культурами.

И можно предположить, что, общаясь в Иерусалиме, они приписывали друг другу черты тех народов, из среды которых выходили, с тем, чтобы переселиться в Израиле. Поэтому можно предположить, что ультраортодоксальный еврей мог бы подумать о своем соседе: «Какой он еврей? Он больше американец (или русский и т. п.), чем еврей. У него мало еврейского...» Ясно, что подобные атрибуции обладают реальной силой, порождающей агрессию.

Все то, что мы здесь утверждаем, возможно доказать фактами о событиях 1990-х годов в Закавказье. Взаимоотношения между различными группами армян, живущих ныне в Армении (местные жители разных районов, беженцы из Азербайджана; группы репатриантов из Арабского Востока, Ирана или Европы и другие), предоставляют обширный материал о роли реальной, а чаще всего воображаемой несовместимости интересов этих групп в возникновении внутриэтнических конфликтов и агрессивности. Данные воображаемые конфликты и взаимная дегуманизация приводят к отчуждению друг от друга и расколу общества. Подобные же процессы имеют место между разными социальными группами, политическими партиями и религиозными организациями. Наличие в маленькой Армении около 50 религиозных сект наряду с традиционной апостольской церковью — потенциальный источник новых внутриэтнических конфликтов и насилия.

6.12. От внутриэтнической агрессии к межэтнической

Поскольку существует процесс превращения межэтнической агрессии во внутриэтническую, естественно предположить также существование обратного процесса. Такой процесс действительно существует, и некоторые его аспекты мы рассмотрим ниже.

Замещение агрессии и иррациональная межэтническая враждебность

Исследования межэтнических стереотипов и предрассудков показывают, что во многих случаях они не основаны на точном знании и правильной интерпретации реальных признаков данной этнической группы. Здесь играет роль механизм перемещения агрессии.

Фрустрированные люди, не осознавая протекающие в своей психике сложные процессы, перемещают агрессию на другие этнические группы, не имеющие никакого прямого отношения к их лишениям и другим неприятностям. Эта их *иррациональная враждебность* направляется на представителей других социальных, этнических и расовых групп, которых они пытаются превратить в своих жертв, козлов отпущения. Данный процесс превращения внутриэтничекой агрессии в межэтническую по своим психологическим особенностям аналогичен тому, что имеет место в распространенном бытовом случае: начальник фрустрирует подчиненного в учреждении, где они служат, но он, вместо того чтобы отвечать реактивной защитной агрессией, переносит свою злость в семью и подвергает агрессии ее членов. Здесь он находит легко доступных и нередко беззащитных козлов отпущения. Этим фрустрированный человек защищает свое «Я» от разрушительного воздействия накопленной агрессивности. Во многих случаях, когда накопленный гнев не находит выхода, он может подвергаться инверсии с возможными тяжелыми последствиями.

Каким образом в подобных ситуациях изменить или хотя бы смягчить установку агрессора к группе этнического меньшинства?

Исследования показывают, что в таких случаях попытки прямого убеждения агрессора, сообщение ему объективной информации об этнической группе, ее особенностях и действиях малоэффективны. Лучшие результаты получаются, *когда агрессору демонстрируют глубинную иррациональную динамику его отношения к этнической группе*. Иначе говоря, эффективнее показать человеку, в какой мере его агрессивные действия не соответствуют представлениям человека о своей разумности и рациональности. Дело в том, что все хотят выглядеть разумными, и когда нам удается показать, что действия человека имеют иррациональную основу, он может отказаться от их выполнения. Но такой результат, по-видимому, возможен лишь тогда, когда у него нет других сильных мотивов для выполнения этих действий.

Механизм поиска козлов отпущения основан на перемещении агрессии, и это доказывается тем, что расовые и межэтнические конфликты обостряются в периоды экономической депрессии или войн, то есть тогда, когда многие человеческие потребности плохо удовлетворяются, когда люди систематически терпят различные острые состояния лишения ценностей и фрустрируются[29].

Во многих случаях выбор «козла отпущения» является полностью случайным процессом. Но в других случаях потенциальная жертва может как-то провоцировать агрессора, вызывая к себе его враждебное отношение. Однако часто провоцирующими могут стать только лишь антропологические (расовые) признаки, культурные, религиозные и языковые различия. Совокупность определенных признаков может составлять образ «неполноценного» этноса или других человеческих сообществ.

Жертвами подобных преследований с древнейших времен становились, например, евреи, которых в средневековой Европе забрасывали камнями, а в XX веке уничтожали

миллионами. По расовым и этническим признакам были организованы резни и этноцид целого ряда коренных жителей Малой Азии и Закавказья турками в недавнем прошлом.

Межэтническая и внутриэтническая агрессивность и техника разрешения конфликта

Нашу гипотезу о механизмах превращения межэтнической агрессивности во внутриэтническую (и об обратном процессе) можно использовать в практических целях — для ослабления или полного устранения межэтнических конфликтов. Эта уверенность вызвана тем, что независимо от нас ряд специалистов по этническим конфликтам, наряду с другими, предлагают и следующий механизм: если хотите смягчить межэтнический конфликт, способствуйте возникновению внутриэтнических конфликтов. Когда внутриэтнический конфликт становится интенсивным, для межэтнического конфликта не остается ни времени, ни сил[30]. К сожалению, описание этого механизма разрешения внешних конфликтов остается на макроуровне и носит общий характер. Между тем, дело не столько в нехватке сил и времени для того, чтобы одновременно конфликтовать на двух и более фронтах, сколько в следующем:

а) межэтнический конфликт на личностном и групповом (этническом) уровнях вызывает действие ряда защитных и других механизмов;

б) когда одновременно возникает внутриэтнический конфликт, то часть этих механизмов преобразовывается для того, чтобы обеспечить защиту на новом, внутреннем фронте;

в) здесь и происходит преобразование межэтнической агрессивности во внутриэтническую.

Происходит, на наш взгляд, не просто изменение направления действия механизмов этнопсихологической защиты; имеют место их значительные преобразования, по крайней мере по следующим причинам: поскольку объект воздействия уже другой и ввиду того, что мотивация психической самозащиты не может быть в точности такой же, как при защите от другого этноса.

Доказательством этих утверждений может служить, например, следующее: *если агрессивность во время войны с другим народом проявляется на поле боя и в дискредитирующих врага разговорах, в пропагандистской работе, то при внутриэтнических конфликтах она выражается в различных видах ссор, преступлений, антисоциальной активности.* Здесь уже этнические символы противника (который также является представителем своего этноса) редко оскорбляются, так как они одновременно являются и своими символами. Психологическая разница этих двух случаев очень велика. Точно так же можно было бы проследить за преобразованием механизмов проекции, атрибуции, рационализации, регрессии и других при переходе из сферы межэтнических отношений вовнутрь этноса. Это может стать очень интересной областью исследований.

Этнический «Я-образ», агрессивность и атрибуция

Этническая психология должна исследовать не только реальные, но и воображаемые черты этносов, поскольку такие представления оказывают влияние на межэтнические отношения, на уровень агрессивности этносов, на представления о том, какими методами можно «прилично» разрешить межэтнические конфликты

и прояснить целый ряд аспектов поведения этносов. В одной из недавних работ отмечается, что межэтническая агрессивность и нетолерантность обусловлены не только реальными фрустрациями и массовой невротизацией, но и тем, что конфликтующие стороны *приписывают себе воинственность*. Речь в данном случае идет о народах Кавказа (чеченцах, осетинах, ингушах, карачаевцах, абхазах и других)[31].

Существование таких самоатрибуций не вызывает сомнения, но их констатация сразу же приводит к ряду новых вопросов:

а) не сочетается ли такая самоатрибуция с атрибуцией партнеру (противнику) противоположных черт, например трусости? Бывают ли случаи атрибуции противнику такой же воинственности, которая, безусловно, считается положительной этнической чертой?

б) если самоатрибуция воинственности усиливает межэтническую агрессию, то как обстоит дело с внутриэтнической агрессивностью? Какие особенности в данном случае имеют процессы перехода от одной формы агрессии к другой?

в) почему в каждом из конфликтующих этнических регионов возникают различные вооруженные формирования, которые нередко конфликтуют между собой, хотя и состоят из представителей одного этноса (как это было в Чечне в 1990-е годы и как еще есть в настоящее время)?

г) какие формы имеет здесь внутриэтническая агрессивность и как она психологически обосновывается и оправдывается?

д) известно, что в этих этнических регионах наблюдается высокий уровень преступности с преобладанием насильственных действий. Какова их специфика, кто преимущественно выбирается в качестве жертвы и какими способами осуществляются агрессивные действия? Как выражаются формы внутриэтнической агрессии в борьбе за власть в каждой этнической зоне? Вопросов такого рода очень много.

Мы сформулируем еще одну, особенно важную для стран Востока, проблему. Если принять во внимание существование только двух типов общества — традиционного и современного, то можно задать себе такой вопрос: *какие существуют различия между процессами трансформации одного вида агрессии в другой в этих двух типах общества?*

В традиционном обществе отношения людей регулируются традициями и обычаями: здесь нет современных законов демократического общества, нет и уважения к таким правилам, исключая «закон предков». Если некоторые законы и приняты, то они легко нарушаются. Можно предположить, что в традиционных обществах агрессия канализируется именно в те сферы, которые не подпадают под строгий контроль традиций. Здесь людей ожидают более легкие наказания.

Что касается демократических стран с более или менее развитой системой законов, то в них картина должна быть более сложной. Если речь идет о полиэтническом государстве, то неудовлетворенная межэтническая агрессия в первую очередь будет направляться против внутренних «врагов», — этнических меньшинств и других маргинальных групп, а иногда — против государственных учреждений, от которых требуют эффективного решения вопросов этнополитики.

6.13. Об одной из причин интенсивности внутриэтнической агрессивности

Известно, что существуют когнитивные посредники агрессивного поведения человека. Речь идет о том, что между воздействием фрустратора или стрессора и ответной агрессивной реакцией человека лежат как универсальные познавательные процессы (мышление, воспроизведение прошлого опыта и т. д.), так и специфические познавательные действия, например проекция и атрибуция, различные логические и психо-логические выводы и т. п. Здесь мы вкратце рассмотрим некоторые из них, чтобы создать предпосылки для выдвижения новых идей об этнической агрессии.

Как мы помним, первый из этих посредников — *атрибуция мотивов* и *намерений*: когда жертва агрессии полагает, что агрессор действует не случайно и не под давлением внешних сил, а намеренно, тогда у нее возникает более интенсивная ответная агрессивность и желание отомстить, чем в противоположном случае.

Второй познавательный посредник — это *возможность предвидения последствий своих агрессивных действий*. Например, когда человек предвидит отпор, тогда его агрессия будет слабее, чем в том случае, когда жертва считается неспособной на возмездие.

Наконец, третий когнитивный посредник — *очевидность признаков страдания жертвы*. Обычно признаки страдания жертвы вызывают сострадание у агрессора, вследствие чего — смягчение его агрессивности. Исключение составляют садисты: для них вид страдающей жертвы — фактор положительного подкрепления своего агрессивного поведения. А когда жертва находится далеко и агрессор не воспринимает ее страдания, агрессивность человека, особенно если он вдобавок обладает властью, становится чрезвычайно опасной. Эти вопросы мы уже обсудили в первой части настоящей книги.

Оказывается, упомянутые выше когнитивные посредники агрессии играют роль не только на уровне индивидов, но и на этническом уровне. Их учет позволяет еще больше продвинуть развитие теории преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую (и обратного процесса). Исторические факты, в том числе те, которые касаются этноцида целых народов, свидетельствуют о том, что интенсивность и разрушительность межэтнической агрессии намного сильнее тогда, когда агрессор не предвидит отпора. Поэтому агрессивный ответ соответствующей интенсивности — необходимая форма самозащиты этносов. Мы считаем также, что *во многих случаях одной из основных причин переноса межэтнической агрессии во внутриэтническую форму и ее применение к различным объектам является то, что человек боится мести представителей других этносов, знает, что получит отпор и будет наказан.* Поэтому свою агрессию он переносит на своих соплеменников, которых считает менее опасными (хотя это и не всегда так).

Частным проявлением этого феномена мы считаем следующее: лидеры страны, потерпевшей поражение на войне, становятся чрезмерно строгими с гражданами своей страны и стремятся установить авторитарный порядок правления. Конечно, бывают и противоположные явления: лидеры победившей страны также устанавливают авторитарный порядок (как это имело место после 1945 года в СССР, где такие порядки были усилены). И это тоже требует объяснения.

Однако предвосхищение наказания или отпора не всегда предотвращает агрессивные действия. Так, *Д. Зильман* показал, что, когда люди сильно возбуждены (а именно таково их психофизиологическое состояние при переживании гнева), предвосхищение будущего и другие познавательные процессы даже не осуществляются, а если и имеют место, то не оказывают влияния на поведение[32].

Эти результаты тоже важны для понимания этнической агрессии. Когда ее сила достигает очень высокого уровня, сочетаясь с гневом и ненавистью, тогда когнитивные процессы тормозятся, разрушаются и теряют свою роль эффективных внутренних ингибиторов. Они неспособны создавать мощную противоположную тенденцию, содержащую агрессивную мотивацию. Агрессия становится безудержной и разрушительной. Явление массовых убийств и этноцид можно понять только с учетом этих регрессивных явлений в психике убийц.

Убедительными примерами, свидетельствующими в пользу справедливости этих замечаний, являются все те случаи, когда народ начинает войну без всякой реальной, обоснованной надежды на победу. Несмотря на отсутствие какой-либо обоснованности возможной победы, такие этносы и их лидеры продолжают войну... до полного уничтожения своих воинских подразделений! Невольно предполагаешь в таких действиях подсознательную суицидальную тенденцию.

6.14. Этнокультурные предпосылки различия агрессивности

Один из источников мотивации агрессивного поведения человека и его основных форм — это этническая (национальная) культура. Тот или иной уровень агрессивности, который закреплен в культуре, нельзя считать случайным. Поскольку культура в целом является адаптивно-защитным комплексом[33], уровень ее агрессивности отражает те этнозащитные процессы, которые в прошлом осуществлялись с помощью агрессивных действий.

Поэтому рассмотрим ряд аспектов этой проблемы.

Можно предположить, что определенные особенности культуры (например, формы общения, нормы, способы воспитания детей, обычаи и т. п.) таят в себе возможность порождения враждебности между людьми. Какие элементы или черты культуры могут быть потенциально агрессивными? Данную проблему на материале о племени индейцев хопи исследовал *Д. Ф. Аберле*[34].

Он обнаружил, что агрессогенными являются некоторые верования людей. Так, хопи полагают, что болезни и смерть, неурожай и другие беды являются следствием враждебности людей, их дурных помыслов и прямой колдовской деятельности. Поэтому, когда конфликты между членами семьи или другими людьми обостряются и агрессивность сторон усиливается, они начинают обвинять друг друга в колдовстве. Такие обвинения, по-видимому, усиливают первоначальную агрессию, поэтому итоговая агрессивность зависит не столько от самой структуры межличностных отношений, сколько от ***взаимной проективной атрибуции злых намерений***. Причем люди племени хопи верят, что даже те агрессивные намерения человека, которые еще совсем не выражены, наносят вред окружающим. Злой человек считается опасным для племени.

Если, имея на вооружении сходный подход, исследовать данное явление у христианских народов, то нетрудно видеть, что со времен дохристианских (языческих) религий сохранились верования и действия, которые являются агрессивными или агрессогенными. Например, *проклятия* как вид словесной агрессии предназначены для того, чтобы накликать беду на другого человека. Многие предпочитают все еще верить в дурной глаз. Совсем недавно в результате несчастного случая умер близкий родственник автора этих строк. Его брат, человек с высшим образованием, все время твердил, что этот трагический случай — результат сговора. Такое верование — часть культуры, а не просто субъективная вера отдельного человека с предрассудками. Следовательно, тот, кто обвиняется в совершении подобного тайного колдовства, вызывает к себе агрессивное отношение, что и было налицо в данном случае.

Подобные верования, в свою очередь, основываются на такой психолого-культурной предпосылке, как вера в агрессивную, злую природу человека. Можно предположить также, что элементы дохристианской культуры сохранились в подсознании народа и индивида, в их «коллективном бессознательном» и оказывают влияние на национальную культуру и поведение людей.

Если вернуться теперь к верованиям хопи, то следует сказать, что, по мнению этих людей, скрытая агрессия тоже опасна для окружающих. И поскольку хопи не считают сплетни прямой агрессией, такая форма поведения, с нашей точки зрения, безусловно агрессивная, у них чрезвычайно широко распространена[35].

Как мы видели, некоторые особенности культуры хопи, в частности их верования, порождают различные формы агрессивного поведения. Это полифункциональные действия, но в них прослеживается также защитно-адаптивная функция. Однако особенностью агрессивной адаптивной стратегии является то, что она легко приводит к дезадаптации.

Раскрытие агрессивных форм поведения в национальной культуре затруднено тем, что они обычно переплетены со сложными формами поведения и в таком комплексе описываются этнологами. Поэтому иногда нелегко определить, является ли данное поведение агрессивным или нет. В частности, следует ли считать применение отрицательной социальной санкции по отношению к другому человеку агрессией? На этот вопрос не всегда легко ответить. Дело также в том, что одно и то же поведение в одной этнокультурной среде применяется агрессивно, в других — нет. На агрессивность оказывают влияние многие факторы той среды, в которой живут этносы.

Например, уровень плотности населения и ощущение тесноты, которая отличается в среде различных этносов, явно повышают степень агрессивности индивидов, групп и всего этноса. Более конкретным выражением этой закономерности является следующее: наиболее агрессивны дети из многодетных семей. Дети же из так называемых ядерных семей менее агрессивны. Эти данные получены в результате сравнительных исследований шести культур.

У. Ламберт исследовал два аспекта этой проблемы:

- агрессию среди сверстников;
- агрессию ребенка, направленную на свою мать.

Эти явления исследовались в следующих этнокультурных средах: в общине баптистов в Новой Англии; в североиндийской кастовой среде; у филиппинского

племени баррио на севере Лузона; в селе на Окинаве; в индейском селе в Мексике; в сельской племенной группе в Кении.

Во всех этих популяциях наблюдалось следующее: когда дети ведут себя агрессивно по отношению к своим сверстникам, то члены семьи реагируют на это одним из двух следующих способов:

1) одни семьи немедленно наказывают своих совершивших агрессию, дерущихся между собой детей. В таких семьях применение санкций против агрессивного поведения носит более последовательный характер; последовательно также требование, чтобы дети подчинялись старшим;
2) для второй группы семей характерно то, что они поощряли агрессивное поведение детей в ответ на нападение другого. В этих семьях менее последовательно применяется правило по поводу агрессивного поведения, здесь же наблюдается непоследовательность в требовании подчинения.

Было обнаружено, что наименее агрессивными являются мексиканские индейцы. Почему? Как предполагают исследователи, это зависит от того, какими родственниками окружен человек, в каких взаимозависимостях они находятся друг с другом. В случае мексиканцев детей окружают другие дети близких родственников. В такой среде взаимная агрессивность детей не одобряется, поскольку она опасна с точки зрения сохранения этих родственных связей.

Что касается баптистской общины Новой Англии, то здесь дети имели более широкий выбор других детей, с которыми могли играть и драться. Здесь количество возможных столкновений с родственниками было меньше.

Анализ состава семей внутри каждого из шести исследованных общин подтверждает выводы ученых[36].

Исследование агрессивности детей по отношению к своим матерям имело целью выяснить, какие ответы дают матери на такую агрессию. Оказалось, что в разных этнокультурных средах в этом отношении также имеются существенные различия. Так, в общине Густии (Кения) матери наиболее строго наказывают детей, буквально мстят детям. Наименее агрессивно отвечают на агрессию своих детей матери из североиндийской этнической группы. Объяснения этнологов опять сводились к характеру популяции, в окружении которой эти люди живут. В кенийском сообществе Густии в одном доме жило больше других взрослых людей, чем в североиндийском сообществе. Предполагается, что взрослые опасаются: агрессия, направленная против матери, обобщившись, может распространиться на остальных взрослых, если сразу же не пресекать ее. Что же касается североиндийской общины, то здесь исследователи учитывают также тот факт, что в семье мужа женщина имеет низкий статус. Но в обоих случаях главными считаются демографические факторы[37].

Итак, *в зависимости от демографических, культурных и других факторов различные этносы различаются по уровню агрессивности своих членов*. Есть крайне агрессивные этносы, но есть и миролюбивые, которые мы еще будем кратко обсуждать.

Сверхагрессивные этносы. Этнологические исследования показали, что, действительно, существуют сверхагрессивные этносы.

Таково живущее в Южной Америке племя *яномамо*. Члены этого племени — жестокие люди. Для мужчин этого племени убийство — самое обычное и поощряемое сообществом дело[38].

Исследования *М. Мид* также выявили существенные различия по уровню агрессивности различных этнических групп. Так, из индейских племен Америки агрессивны и воинственны племена апачи и команчи, тогда как хопи, цуни и пуэбло — очень миролюбивые. Живущие в Новой Гвинее арапеши, согласно данным *М. Мид*, очень миролюбивые люди, склонные к сотрудничеству, ведут себя скромно и все время озабочены тем, чтобы обеспечить детей пищей. Но вот живущее по соседству племя мундугуморов отличается крайней агрессивностью. Его члены — воинственные и жестокие люди[39].

Имеются существенные различия по уровню агрессивности также между современными этносами, в том числе нациями. В Англии, Швеции и Ирландии число убийств, насилий, изнасилований и разбойных нападений значительно меньше, чем в США, Аргентине или Бразилии. В СССР в последние годы его существования число насильственных преступлений резко увеличилось, что, по нашему мнению, явилось одним из признаков углубления общего социально-экономического и идеологического кризиса.

Уровень агрессивности нации можно определить с помощью организованных социологических и социально-психологических исследований.

Такие исследования уже проводятся, о чем свидетельствует, например, следующее сообщение: «Большинство американцев поддерживают инициативу своего правительства о силовом решении иракской проблемы, сообщает агентство Ассошиэйтед Пресс. Как показал опрос общественного мнения, 71 % высказывается за применение силы против Ирака. Они считают, что режим Саддама Хусейна с его оружием массового уничтожения должен быть под жестким контролем. 22 % не одобряют такой способ решения конфликта, считая, что скандал вокруг Ирака раздувается, чтобы отвлечь американцев от сексуальных похождений президента США. 7 % опрошенных просто не имеют мнения на этот счет, сообщает агентство». (Газета «Голос Армении», 7 февраля 1998 года). Указанный 71 % — явный признак повышенной агрессивности американского народа. Поскольку речь идет о применении силы против другой нации, которая считается врагом, можно предположить, что у 71 % опрошенных сильная межэтническая агрессивность входит в качестве личностной черты в структуру более широкого образования — авторитарного характера. Правда, при определении агрессивности людей и этносов следует иметь в виду четкие критерии агрессивности на уровне индивидов, социальных групп и этносов, а также больших полиэтнических обществ.

Последующие события убедительно доказывают, что высокий уровень агрессивности американцев является устойчивым национальным качеством: уже президент Буш осуществил планы по силовому подавлению Ирака и в 2003 году напал на эту страну. Но до сих пор оружие массового уничтожения в Ираке так и не обнаружено.

Одним из надежных критериев может служить склонность к систематическому применению в межэтнических отношениях агрессивных методов подчинения, подавления и унижения.

Это именно то, что дано в описании армянского историка Аристакеса Ластивертци относительно поведения тюркских завоевателей Армении в XI веке:

«Невозможно описать все бури, пронесшиеся в наши времена, или изложить раздельно все, что случилось в каждом месте, в каждой области или городе, — все, что пришлось перенести нам от язычников. Ни одного дня, ни разу не обрели мы покоя и отдохновения, но все время было насыщено смутами и невзгодами. Со дня на день росли страдания и муки. И все они были настроены злобно, хотя долгие годы провели у нас.

Их змеиная злоба не прекратилась, не насытилась подобная огню жадность. Все их помыслы о нас вероломны, слова же преисполнены коварства. И каждое утро они приступали к новым злодеяниям, ибо всеми владела одна мысль — покончить с нами, износив как обветшалые лохмотья, стереть у себя даже память о нас — не смотреть на нас и не видеть нас живыми. И пусть под ногами их бесследно исчезнут могилы наши...»[40].

Этнические различия и изнасилование. Итак, мы видели, что на уровень агрессивности людей, кроме таких общих факторов, как стресс и фрустрация, оказывают влияние и культурно-этнические факторы. Причина данного явления в том, что *разные культуры имеют различные нормы для регуляции агрессивного поведения*. Причем общие культурные факторы оказывают влияние на частные формы агрессивности.

С этой точки зрения представляет интерес исследование *Пегги Сэндей*, которая показала, что в четырех из исследованных ею культурных группах уровень изнасилования выше, чем в других. В результате исследования культур ряда племен она обнаружила, что больше случаев изнасилования женщин со стороны мужчин встречается в тех культурах, которые отличаются следующими особенностями:

1) в межличностных отношениях широко применяется насилие;
2) поощряется разделение мужчин и женщин как подгрупп общества;
3) поддерживается доминантность мужчин.

В отличие от таких обществ там, где практикуется большее равенство женщин и мужчин, число случаев изнасилования ниже[41].

Предполагается, таким образом, что общие черты этнических культур действительно оказывают влияние на частные виды агрессии и насильственных действий.

Этнические различия групповой агрессивности. *Ричард Нисбетт* исследовал влияние этнической субкультуры на проявления насилия на юге США. Оказалось, что потомки шотландско-ирландских пастухов, имея в своих традициях представления о «мужской чести» и агрессивной защите своего достоинства, и в наши дни отличаются повышенной агрессивностью. *Д. Майерс* об этом пишет: «Среди тех, кто унаследовал их культуру, сегодня наблюдается втрое большее количество убийств по сравнению с уровнем убийств среди белого населения в городах Новой Англии, заселенных благовоспитанными и порядочными пуританами, квакерами и потомками голландских сельских мастеровых. Культурные наследники пастухов более одобрительно относятся к детским дракам, являются более активными сторонниками военных инициатив и положительно относятся к приобретению личного оружия»[42].

Различия эти, по всей вероятности, опираются на неодинаковость этнокультурных норм регуляции социальных взаимоотношений. Подобные различия незаметно влияют на те решения, которые принимаются политическими лидерами этнических сообществ и наций.

Этнокультурные различия косвенных форм агрессии. Косвенными, в отличие от прямых и открытых, как мы уже знаем, называют те социализированные формы агрессии, которые смягчены, отчасти сублимированы, словесны, реализуются с помощью символов и эвфемизмов. Таковы юмор, дружеские шаржи, шутливое подстрекательство, холодное безразличие и другие. Здесь мы относительно этих форм агрессии и их этнокультурных различий предлагаем ряд проблем, требующих тщательных исследований.

Первая из них состоит в том, что названные более тонкие формы агрессии теснее связаны с этнической культурой и поэтому должны иметь существенные различия у разных этносов. Эти различия можно исследовать путем анализа и сравнения культур (литературы, фольклора и т. п.). Исследование ругательств, проклятий и т. п. — один из путей раскрытия этих различий.

Вторая проблема следующая: поскольку существуют процессы трансформации межэтнической агрессии во внутриэтническую (а также обратный процесс), можно сформулировать ряд новых вопросов:

а) чем отличается преобразованная внутриэтническая агрессия от непреобразованных, являющихся ответами на обычные стрессоры и фрустраторы?

б) какие косвенные формы принимает преобразованная межэтническая агрессия, имеет ли она специфику?

в) какие формы межэтнической косвенной агрессии существуют и в каких случаях они являются результатами преобразования внутриэтнической агрессии?

Эти вопросы могут показаться слишком уж частными, но мы уверены, что их решение позволит лучше понять многие явления как внутриэтнических, так и межэтнических отношений.

Наконец, еще одной проблемой для психолога является следующий феномен, обнаруженный в некоторых этнических культурах: в них определенным категориям лиц разрешается свободнее выражать свою агрессивность, чем другим людям. Например, у хопи — это колдуны, которые по этой причине являются предметом зависти. В современных обществах таким негласным правом пользуются представители привилегированной правящей элиты и других социальных групп. Существование подобных социальных норм — источник агрессивности. И по этому признаку этносы заметно отличаются друг от друга.

6.15. Насилие и убийства: национальные различия цивилизованных народов

Ниже мы рассмотрим ряд американских данных, которые позволят предложить новые обобщающие идеи о причинах этнокультурных (национальных) различий уровня агрессивности. Мы уже говорили о том, что, вне всякого сомнения, существуют более агрессивные и менее агрессивные этносы (нации и народы). Одним из проявлений этих различий может служить количество насильственных преступлений на определенное число граждан, в том числе количество убийств.

Еще в 1984 году *Д. Арчер* и *Р. Гартнер* опубликовали данные, свидетельствующие о крупных различиях по числу убийств в разных обществах. С некоторыми из них мы уже знакомы. Из представленных указанными авторами данных видно, что есть существенные различия в уровнях агрессивности в разных обществах[43].

Эти различия являются историческими, но в каждом обществе независимо от расовых и этнических различий мы обнаруживаем определенный уровень агрессивности и, в частности, преступлений, совершаемых с применением насилия.

Как объяснить эти различия?

Из существующих теорий агрессии ни одна отдельно взятая не может объяснить их адекватно. Поэтому мы предлагаем следующее *комплексное объяснение*:

а) все люди обладают наследственной инстинктивной агрессивностью, хотя между расами и этносами в этом отношении могут существовать биологически наследуемые различия (по уровню возбудимости агрессивного инстинкта и т. п.);

б) агрессивные инстинкты проявляются в поведении и в сфере переживаний под воздействием фрустраторов, стрессоров и других неприятных раздражителей;

в) конкретным формам агрессивного поведения человек научается или в результате социального обучения (*А. Бандура, Л. Берковиц*), или же благодаря собственному спонтанному творчеству.

Как видно из этого, существующие теории человеческой агрессии не только не противоречат друг другу, но и «стремятся» к синтезу в единой теории, особенно в том случае, когда мы, как только что, пытаемся объяснить конкретные явления (в данном случае — различия этносов по уровню агрессивности). Дело в том, что каждая из предложенных до сих пор теорий агрессии (инстинктивная, теория фрустрации — агрессии; теория социального научения и другие) затрагивает определенные аспекты проблемы, тогда как *конкретное агрессивное поведение включает в себя все эти аспекты*. Оно имеет наследственные корни, проявляющиеся под воздействием фрустраторов и других неприятных раздражителей и реализующиеся в таких действиях, которые приобретены с помощью механизмов научения (наблюдение, классическое Павловское или скиннеровское обусловливание) или же являются результатом «агрессивного творчества» самого этого индивида. Это и есть целостное, синтетическое объяснение человеческой агрессии.

С учетом сказанного нетрудно дать ответ на те вопросы, которые выдвигают авторы, стремящиеся отрицать существование у человека агрессивного инстинкта. Например, они задают следующий вопрос: как можно с позиций концепции инстинктивности агрессивности человека объяснить миролюбие ирокезов до вторжения белых завоевателей и их же воинственность после этого события[44]?

Отвечаем: можно объяснить, и без всяких натяжек. Предварительно отметим, что представление о миролюбии ирокезов до встречи с белыми завоевателями — это преувеличение, миф. Мы считаем, что существующие о них исторические и этнографические материалы плохо проанализированы, особенно в психологическом отношении. Но дело не в этом. Даже если считать, что ирокезы стали агрессивными только после вторжения в их страну иностранных завоевателей, их поведение и эти различия по уровню агрессивности вполне можно объяснить следующим образом:

а) ирокезы, как и все человеческие существа, обладают инстинктивной агрессивностью с ее физиологическими, генетическими и биохимическими механизмами;

б) встреча с завоевателями, выступавшими в роли сильнейших фрустраторов, возбудила их инстинктивную агрессивность сильнее, чем предыдущие фрустраторы и неприятные стимулы;

в) сильная агрессивность привела к развитию уже имевшихся у них способов агрессивного поведения и усвоению новых; эти люди могли наблюдать за

изощренными насильственными действиями белых колонистов и научиться у них новым формам агрессивного поведения. Они могли также сами изобретать новые формы агрессивного поведения;

г) повышенная агрессивность и ненависть могут передаваться от поколения к поколению вместе со способами и навыками насильственного поведения; высокий уровень агрессивности может стать этнической чертой и сохраниться даже тогда, когда прежних фрустраторов уже нет.

Как нетрудно заметить, объяснение всех этапов агрессии осуществляется вполне согласованно и противоречий в этих объяснениях, как мы надеемся, нет. Можно считать вполне естественным, что этносы, возникшие и жившие в различных условиях, должны обладать различными уровнями агрессивности, готовности использовать преимущественно агрессивную стратегию адаптации, различными уровнями изощренности агрессивных действий. Было бы удивительно, если бы реальность была иной.

6.16. Миролюбивые этносы

Общая характеристика

Агрессивность и миролюбие — две противоположные черты характера как индивидов, так и этнических групп. Мы уже знакомы с некоторыми агрессивными этносами. Теперь же ознакомимся с группой миролюбивых этнических общностей и попытаемся понять причины их миролюбия. Здесь, безусловно, есть проблемы: если мы считаем, что все люди и группы обладают прирожденными предпосылками агрессивности, возникает вопрос: как это получается, что одни этносы становятся агрессивными и даже сверхагрессивными, а другие — крайне миролюбивыми?

В ходе антропологических исследований были описаны этнические группы (племена и племенные союзы), члены которых отличаются удивительным, с точки зрения европейцев, миролюбием. Следя за поведением представителей этих общностей, исследователи не замечали агрессивных действий. Такими миролюбивыми оказываются изолированные этнические, а также религиозные группы. Например, на территории США и Канады обнаружены миролюбивые группы амишов (Amish), меннонитов и хуттеритов (Hutterites). Члены этих групп стремятся мирно сосуществовать как внутри своих сообществ, так и в межгрупповых отношениях. Хуттериты открыто являются сторонниками пацифизма: в их обществе агрессивные действия не вознаграждаются[45].

В других частях света также обнаружены мирные племена. Мы уже упомянули об арапешах, живущих в Новой Гвинее. Пигмеи Центральной Африки и лепчи (*Lepchas*), живущие в Сиккиме, также являются мирными этносами и, как нам говорят, стремятся к «мирной изоляции»[46].

У всех этих и ряда других этносов основная причина преобладания миролюбия над агрессивностью — отсутствие поощрения агрессивного поведения. Считается, что жизнь таких этносов доказывает теорию социального научения, согласно которой агрессивность не столько прирожденное качество (или, вернее, не столько прирожденное, инстинктивное явление), сколько результат социального научения.

И все же нельзя отрицать роль как генетических, так и эволюционных факторов. Если есть и продолжает действовать отбор по признаку агрессивности,

вследствие чего сформировались этносы, то вполне мыслимо, что в ходе этногенеза могли иметь место процессы, обеспечивающие отбор «мирных генов». В результате такого отбора образовались миролюбивые этносы. Но их число очень невелико, да они и не сохраняются в условиях современной жизни.

Адаптивные стратегии миролюбивых этносов Исходя из этнографических и исторических данных и рассматривая их с позиций принципов теории адаптации[47], мы сумели обнаружить по крайней мере следующие *две мирные стратегии адаптации* миролюбивых этносов.

1. *Установка на получение наслаждения от удовлетворения обычных, повседневных человеческих потребностей.* Члены таких этносов стремятся получить удовольствие от еды, питья и секса, от удовлетворения других потребностей. Когда названные потребности нормально удовлетворяются, эти люди уже чувствуют себя довольными своей жизнью. В мирных племенах в ходе социализации детей *мотивы достижения и власти не одобряются.* Детей учат получать наслаждение от конкретных успехов и не стремиться к каким-либо символическим успехам. Но когда ради достижения больших успехов люди стремятся преодолеть серьезные трудности, то такое поведение одобряется[48].
2. *Вторая стратегия* появляется тогда, когда другие, враждебные этносы стремятся захватить занятую мирным этносом территорию. Миролюбивые этносы в таких случаях уходят от них подальше, в глубь лесов и другие труднодоступные районы, чтобы стать недосягаемыми для врагов. Сами же ни на кого не нападают. Но вполне понятно, что возможности такого отступления не безграничны.

Можно предположить, что дальнейший анализ материалов позволит раскрыть другие стратегии адаптации или подстратегии описанных выше стратегий поведения миролюбивых этносов. Для проведения такой работы богатые материалы предоставляют современные антропологические и этнографические исследования.

Взаимоотношения мужчин и женщин Важным аспектом доминирующих стилей взаимоотношений людей является то, как относятся мужчины к женщинам и наоборот, каковы их социальные, в том числе гендерные роли и т. п. Если данные антропологии заслуживают доверия, тогда мы должны признать, что в миролюбивых этнических сообществах дифференциация женских и мужских ролей не так резко очерчена и эти роли не так строго противопоставляются, как во многих обществах Европы, Америки и Азии. Этнофоры миролюбивых народов считают, что различия между мужчинами и женщинами невелики. Нет в них образа агрессивного, бравого мужчины как идеала. Фактически в миролюбивых этносах значительно больше естественным образом возникшей демократии, чем в тех, где сознательно стремятся к демократизации взаимоотношений женщин и мужчин.

Поскольку этнические сообщества различаются по многим параметрам, в том числе по уровню агрессивности, то мы еще раз убеждаемся в чрезвычайной гибкости психики человека и в том, что «нормальное» поведение в различных обществах различно[49], хотя мы убеждены также в том, что есть и некоторые, пусть немногочисленные универсальные нормы «нормального» и «патологического».

6.17. Психологические основы терроризма (в связи с нарциссизмом)

Здесь нас интересуют три разновидности террора: *межрасовый, межрелигиозный* и *межэтнический*. Это разделение мы проводим исходя из того, на каком основании между группами возникает конфликт. Отметим также, что из широкой проблематики психологии терроризма здесь мы обсуждаем лишь ряд узловых вопросов.

Общая характеристика террора

Террор — это крайняя форма физической агрессии, применяемой с целью решения политических задач. Человек или группа, совершающие террористические акты, имеют целью или уничтожить противника, или же лишить его дееспособности в такой степени, чтобы он перестал быть помехой, фрустратором на пути к политическим целям. С помощью террора обычно пытаются решить проблемы власти и влияния. Террорист стремится к преобладанию над противником, к его подчинению, к устранению тех, кто стоит на пути.

Мотивация и разновидности террора

Террор может быть *вынужденным, защитным, реактивным*, «последним аргументом» того человека, кто не сумел мирными, цивилизованными средствами решить свои задачи, достигнуть тех целей, которые он считает обоснованными и справедливыми.

Например, угнетенный народ, исчерпав все средства борьбы за свободу и не добившись успеха, может начать террор против своих угнетателей. Расширяясь, террористическая активность может стать национально-освободительной войной. Это *реактивная, защитная агрессия*. Это месть, ответ на проактивную агрессию.

Но террор может быть и *проактивной* агрессией, нападением без провокации со стороны объекта агрессии.

Так, завоеватели с целью устрашения народа захваченной страны могут развернуть террор и в его ходе истребить «потенциальных врагов». Именно таким было поведение немцев на территории СССР во время Второй мировой войны.

Эти два вида террора диаметрально противоположны по своим мотивам, то есть психологически.

Государственный террор — это террор государства как внутри своей страны, так и за ее пределами. Внутренний государственный террор направлен государством против граждан своей страны. Внешний государственный террор проводится в других странах и направлен против врагов данного государства.

Например, государство определенной страны может организовать убийство руководителей другой страны, поскольку они представляют для него опасность. Так пытались убить Саддама Хусейна и Муамара Каддафи, но это не удалось даже в отношении Саддама, которого в конце 2003 года оккупационные войска США захватили в плен. Другая разновидность государственного внешнего террора — это убийство бывших своих граждан-эмигрантов, которые недовольны политическим режимом своей страны и борются против него. Так, убийство Л. Троцкого в Мексике — типичный пример этой разновидности террора государства, осуществленного вне пределов своей страны.

Терроризм, по характеристике, данной юристом *Ю. Антоняном*, есть «устрашение путем уничтожения» людей и культурных ценностей[50].

Чеченская война и терроризм Террор в России в 1990-е годы и в начале XXI века связан и главным образом обусловлен чеченской войной. Эта война, в свою очередь, явилась следствием проводимых в СССР реформ. В связи с терроризмом 1990-х годов перед социальными и этническими психологами стоит ряд вопросов, которые все еще нуждаются в более доскональном исследовании. Чего они, чеченские и помогающие им международные террористы, хотят от России? Почему именно здесь в настоящее время проявил такую воинственную активность исламский фундаментализм? В полном согласии со своей религией, исламские фундаменталисты считают эту великую и чужую для себя страну ареной войн и уничтожения. Вот почему они так беспощадно убивают мирных русских людей, так жестоко обращаются с пленными и заложниками.

Борьбе против терроризма этого толка — религиозно-националистического, включающего идею священной войны против «неверных» — по нашему мнению, в значительной степени препятствуют некоторые укоренившиеся стереотипы вроде утверждения, согласно которому «у преступников нет национальности и религии». Это, конечно, не так! Вот вам конкретный пример того, как различного рода стереотипы влияют на политическое мышление и процесс принятия политических решений.

После ряда крупных поражений в конце 1990-х годов чеченцы и их международные помощники развернули партизанскую войну, которая также по существу есть не что иное, как террор. По точному определению *Ю. Антоняна*, партизанская война — социально одобряемый терроризм. Мотивами такого террора могут быть политические и религиозные цели, стремление к мировому господству. *Ю. Антонян* говорит также о *групповом нарциссизме* как мотиве террора. Этот интересный вопрос в дальнейшем необходимо исследовать подробнее, поскольку привлечение психологических данных об индивидуальном и групповом нарциссизме открывает новые грани психологии терроризма. Чуть позже мы вернемся к этому вопросу, а сейчас отметим, что в последние десятилетия широко развернулся в мире террор исламских фундаменталистов, наблюдения за действиями которых убеждают нас в том, что они стремятся к мировому господству. Они откровенно объявляют XXI век веком мусульманства. На этом пути они желают уничтожить мощные христианские государства, и в первую очередь Россию, поскольку Россия всегда была оплотом христианства. В России проживает много мусульман, уже более 30 миллионов, которые, к тому же, быстрыми темпами размножаются.

Групповой нарциссизм и терроризм В данной книге мы уже ознакомились с индивидуальным нарциссизмом. Это самолюбование, восхищение собой, влюбленность человека в себя. Такой человек только себя считает достойным любви и уважения и не способен любить других настоящей, бескорыстной любовью.

Связь нарциссизма с агрессивностью. Психологические исследования, особенно те, которые посвящены нарциссам-политикам, свидетельствуют о существовании устойчивой связи между нарциссизмом и агрессивностью. Как только подвергается сомнению ценность такой личности, как только фрустрируется ее «Я-концепция», она приходит в ярость. Нарциссы — беспощадные люди, они склонны к прямому насилию по отношению к своим противникам.

Групповой нарциссизм. Социальные, религиозные, этнические и другие группы также могут страдать нарциссизмом. Можно предложить следующую гипотезу:

а) если группа нарциссична, тогда она в основном состоит из индивидов-нарциссов;

б) лидеры таких групп обязательно являются нарциссами, носителями идеи своей избранности и исключительности как личности, а также избранности своей группы. Это нарциссизм на двух уровнях;

в) нарциссизм индивидов, составляющих группу, интегрируется в групповом социально-психологическом явлении — в групповом нарциссизме;

г) групповой нарциссизм выражается в определенных символах и в идеологии.

Мы полагаем также, что групповой нарциссизм в случае различных типов групп приобретает особенности. В случае нарциссизма этноса он приобретает характер крайнего этноцентризма и национализма или же становится важной частью национальной идеологии.

Например, в идеологии немецких фашистов германский нарциссизм занимает значительное место. Достаточно с этих позиций прочитать «Майн кампф» Гитлера, чтобы убедиться в этом. Все те народы, которые считают себя исключительными и избранными, фактически обладают нарциссическими чертами.

В случае религиозных групп нарциссизм входит в состав религиозного фанатизма, нетерпимости к инакомыслящим. Сторонники такой религии считают ее единственно верной, а себя — единственными полноценными людьми. Остальные для них — «неверные», «гяуры», неполноценные люди второго сорта.

Нарциссизм характерен для целого ряда наций, проповедующих ислам. Идея своей избранности идет от самого пророка Мухаммеда. Вполне прав *Ю. Антонян*, когда утверждает, что групповой нарциссизм — это убежденность в своей избранности и любование собой как представителем определенной группы. Вообще, нарциссизм характерен представителям многих этносов и наций; чеченцы или арабы — не исключения. Это одно из самых опасных в мире явлений, несущих в себе огромный разрушительный заряд. Опасно укреплять групповой нарциссизм того или иного народа.

Невольно приходит на ум сообщение о том, какой плакат устроили турки-киприоты на границе между захваченной у греков территорией и территорией греческой части острова: «Мы счастливы, что турки!». Непонятно, что хорошего в том, что являешься турком!

Почему нарциссы вероломны?

Почему нарциссы — будь то индивиды, группы или нации — часто нарушают заключенные договоры, становятся клятвопреступниками? Почему они вероломны? Вообще, было бы интересно исследовать психологические особенности вероломных народов, их этногенез и характер. Исходит ли вероломство из их психического склада или же оно обусловлено их идеологией? Отметим, что более широко наша концепция предательства представлена в другой работе[51].

Здесь же ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Можно предположить, причем с большой вероятностью, что немцы, например, вероломный народ. Вероломство Гитлера и его окружения — просто наивысшее

выражение этой этнической черты, которая была закреплена в их национальной идеологии. Особым вероломством во все исторические времена отличались турки.

Мы считаем, что *вероломство сопряжено с индивидуальным или групповым нарциссизмом, а в случае нации — с национализмом.* Поскольку нарцисс считает себя выше других, он полагает, что ему дозволено обманывать их, не соблюдать в общении с ними никаких правил чести. Для нарцисса существует две морали: одна — для себя и для употребления внутри своей группы, а другая — для применения во взаимоотношениях с представителями других этнических групп. Для групп людей, отличающихся нарциссизмом, общечеловеческие моральные ценности — миф, химера.

Вспомним известные слова Гитлера о морали, этой «химеры», от которой он хотел освободить немецких солдат, и в этом он во многом преуспел. Общечеловеческие ценности не играют существенной роли в мотивации и регуляции поведения нарцисса. Презрение, с которым он относится к чужакам, позволяет ему легко порвать заключенные с ними соглашения и договоры и действовать исходя из своих эгоистических интересов, обычно крайне прагматичных.

Такое вероломство опасно для нарциссического этноса, особенно когда он сталкивается с сильным противником. Именно поэтому Германия была разгромлена союзными силами. Поскольку и другие народы имеют свою национальную гордость и нарциссизм, взаимная вражда при таких конфликтах становится особенно интенсивной. Искаженное мышление нарциссов приводит их к принятию ошибочных, нереалистичных политических решений, губительных для самих этих народов и групп.

Например, когда в 1996 году были заключены Хасавюртовские соглашения между руководством России и Чечней, по которым было предусмотрено предоставление этой республике независимости через 5 лет, чеченцы сразу же после этого нарушили упомянутое соглашение: они объявили Чечню независимой. Но ведь в исторической перспективе 5 лет — это миг, можно было потерпеть. Однако нарцисс потому и нарцисс, что безмерно влюблен в себя и для него ничего не значит какое-то соглашение с противником, которого он, по его мнению, победил. (Кстати, это миф, будто чеченцы в 1995–1996 годах победили русских, но такой миф распространяют даже серьезные исследователи, не говоря уже о «друзьях» чеченцев из разных стран мира. Невозможно представить себе, как это крохотная Чечня могла победить Россию?! Истина состоит в том, что руководители России просто не хотели войны, ведь в стране шла демократизация и ей нужны были спокойствие и зарубежные инвестиции).

Как видно из сказанного, мышление и воображение страдающих нарциссизмом людей искажают реальность и приводят к неразумным выводам, в том числе к представлению о вседозволенности. В каком положении оказались немцы в конце и после Второй мировой войны? Что осталось чеченским лидерам после активных кампаний федеральных войск России 1999–2000-х годов? Где их друзья — арабские и другие мусульманские наемники, в том числе Хаттаб? Остались лишь развалины, много могил и еще бóльшая зависимость. Нарциссизм этносов и их лидеров не может быть разумной основой для этнополитики.

Компенсаторный индивидуальный и групповой нарциссизм

Следует, по-видимому, различить еще два психологически очень важных вида нарциссизма: *подлинный* и *ложный* (или, иначе говоря, компенсаторный). До сих пор мы в основном говорили о подлинном нарциссизме.

Под **подлинным нарциссизмом**, как видно из вышеизложенного, мы понимаем искреннюю уверенность личности в своей исключительности и превосходстве над другими, подлинную любовь к себе, крайнее выражение эгоизма и эгоцентризма. У такого человека или группы (в том числе нации) не бывает сомнений в своих высочайших качествах, отсутствует или практически отсутствует чувство неполноценности. Такой нарциссизм, как мы считаем, возможен только у подлинно мощных индивидов и народов, которые долгое время в основном одерживали победы.

Ложный, или **компенсаторный, нарциссизм** — это уже реактивное образование. Это ответ на представление и глубинное чувство своей слабости и неполноценности. Сравнивая себя с более сильными и процветающими группами, народ в лице своих идеологических и политических лидеров создает комплекс ложных представлений о себе, не основанных на подлинных достоинствах и достижениях. Слабый воображает себя сильным и в своем воображении одерживает победы над сильными, теми, кому реально завидует. Человек, страдающий компенсаторным нарциссизмом, крайне завистлив, а это значит — агрессивен, настроен враждебно. Заурядный человек, завидуя талантливому, воображает свою победу над ним; он обещает себе, но больше — другим, что в скором времени создаст крупные ценности и оставит далеко позади того, кому так завидует и кого ненавидит. Но обычно проходят годы, а реальных достижений все нет и нет.

Компенсаторный нарциссизм, как самозащитный комплекс, какое-то время обеспечивает индивида или группу относительным психологическим комфортом. Но внутренний конфликт между знанием своей неполноценности (тоже комплексом) и реактивным нарциссическим образованием (комплексом) никогда не исчезает даже на уровне сознания. Он подавляется, вытесняется, но психологам давно известно, что сохранение таких комплексов в сфере подсознательного требует значительного расхода психической энергии. Возникает состояние хронического стресса. Это не что иное, как постоянный самообман.

Поскольку в основе компенсаторного реактивного нарциссизма лежит неблагоприятное восходящее социальное сравнение, а также интенсивная зависть, то такие индивиды и группы всегда фрустрированы и агрессивны, хотя во многих случаях их агрессивность направлена на самих себя и вызывает депрессию. Очень интересно исследовать таких *депрессивных нарциссов*. У них в периоды активации имеются все психологические предпосылки для применения насилия и террора по отношению не только к своим подлинным фрустраторам (нередко это просто опасно), но и к замещающим, более безопасным объектам. Мы полагаем, что реактивным нарциссам свойственно также интенсивное использование адаптивного механизма субституции и перемещения своих отрицательных чувств на слабых, на козлов отпущения. Это еще один признак того, что они чувствуют свою слабость: терроризировать слабых и невинных — удел неполноценных людей, получивших власть. Это характерно компенсирующим нарциссам. Когда такие люди не знакомы с цивилизованными методами решения социальных задач, в их распоряжении

остается метод «прямого действия» — метод агрессии и вандализма. Это возврат к варварству и примитивным формам мстительности.

Опасность реактивного, компенсаторного нарциссизма заключается еще и в том, что он — **антисублимационное явление**, то есть разновидность перехода фрустрированного индивида или фрустрированной группы на более низкий уровень активности. Такой переход закрывает дорогу развитию творческих способностей, способности к плодотворному труду, только с помощью которого и можно создать подлинную культуру и построить самоуважение на позитивной основе настоящих достижений.

Психологический терроризм

То, что преступные группы терроризируют друг друга из-за сфер влияния, общеизвестно. Но *психологический терроризм* очень широко распространен и применяется в процессе соперничества многих групп — промышленников, торговцев, представителей культуры и науки и других. Такой терроризм не менее опасен для общества и чреват не меньшими потерями, чем более примитивный терроризм, осуществляемый с помощью физического насилия. Преследование выдающихся людей, в результате чего они страдают психологически и морально, теряя время на борьбу против заурядных и агрессивных людей, воинствующих завистников — это самый настоящий терроризм. Вообще, психологический терроризм — более распространенное, повседневное явление, поскольку в целом не наказывается законом и даже поощряется многими. Он часто сочетается с физическим террором, предшествует ему, подготавливает его, является его психологической предпосылкой. Ведь человек, решивший убить другого, заранее размышляет об этом своем будущем деянии, мотивирует и обосновывает свое решение, практически реализует такое решение, применяя физический акт насилия. Поэтому мы утверждаем, что террор — это в первую очередь психологическое явление, индивидуальное или одновременно индивидуально-групповое. Если первым блоком психологического террора является подготовка акта в мыслях и представлениях, его мотивировка, то второй блок сопровождает сам акт террора (например, убийство людей или разрушение жилого дома), а третий блок наступает после совершения террористического физического действия. Этот последний блок, или этап, психологического террора включает оправдание акта (здесь значительную роль играют атрибуции и рационализации), психологическое вовлечение человека или группы в террористическую деятельность и принятие решения о совершении новых насильственных действий.

Распространение в какой-либо стране психологического терроризма — плодотворная почва для перехода к физическому терроризму и вандализму. Ведь у тех, кто осуществляет психологический террор против своих соперников, во-первых, низкие ценности и, во-вторых, ложные «высокие» мотивировки, антисублимация под видом сублимации. Такие люди отличаются крайней агрессивностью.

Переход от внутриэтнического террора к межэтническому

Имея в виду существование процессов перехода от межэтнической агрессии к внутриэтнической (и обратного процесса), мы полагаем, что должны существовать связи между внутриэтническим и межэтническим терроризмом. Как мы уже показали, преобразование межэтнической агрессии во внутриэтническую приводит к увеличению числа насильственных преступлений внутри этой общности. Но существует и обратный процесс: поскольку внутриэтническая агрес-

сия наказывается, она все же находится под более строгим контролем, чем межэтническая (которая часто даже одобряется обществом и государством). *Поэтому существует психологическая готовность внутриэтнических террористов стать межэтническими и международными.* Таким людям нужна межэтническая война, и они ее нередко развязывают.

Есть ходячее выражение: «У преступников нет национальности». Мы не согласны с этим стереотипным представлением, о чем в настоящей книге уже говорили. У насильников всегда есть готовность переносить свою агрессию на представителей других народов. Когда они оказываются препятствием на пути к их целям, насилие принимает самые крайние и жестокие формы. Об этом свидетельствуют данные о борьбе между этническими криминальными группами в России, США и других странах.

Таким образом, существует психологическая связь между общеуголовным терроризмом в какой-либо стране и терроризмом межэтническим.

Перед нами, таким образом, вырисовывается новое понимание психологии терроризма, новая психологическая его теория.

Примечания

[1] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[2] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М., 2002.
[3] Германские источники о геноциде армян. Сборник документов и материалов в 2-х томах под ред. С. С. Степаняна. — Ереван, 1991. Т. 1; Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913–1919). Материалы политического архива Министерства иностранных дел кайзеровской Германии. Сб. под ред. В. Микаеляна. — Ереван, 1995 и др.
[4] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 22.
[5] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 23.
[6] *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Антропология. — М., 1963; *Нестурх М. Ф.* Происхождение человека. — М., 1958; *Хризанфова Е. Н., Перевозчиков И. В.* Антропология. — М., 2002.
[7] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 144–145.
[8] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 145; см. также: *Donnerstein M. and Donnerstein E.* Modeling in the control of interracial aggression: The problem of generality. "Journal of Personality", 1977, 45, pp. 100–116.
[9] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 146.
[10] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 216–217.
[11] *Miller N. E. and Bugelski R.* Minor studies of aggression; II. The influence of frustrations imposed by the in-groups on attitudes expressed toward out-groups. "J. of Psychol.", 1948, 25, pp. 437–442.
[12] *Bettelheim B. and Janowitz M.* Dynamics of prejudice: A psychological and sociological study of veterans. New York: Harper and Brothers, 1950.
[13] *Shand A. F.* The Foundation of Character. London, 1920; *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
[14] *Shibutani T. and K. M. Kwan.* Ethnic Stratification. New York, 1965, pp. 583–584.
[15] *Pannikkar K. M.* Asia and Western Dominance. London, 1953.
[16] *Авдиев В. И.* История Древнего Востока. — М., 1970. — С. 183.
[17] *Авдиев В. И.* История Древнего Востока. — М., 1970. — С. 183.
[18] Данный этнический конфликт привлек к себе внимание многих этнологов. См.: *Horowitz D. L.* Ethnic Groups in Conflict. Univ. of Calif. Press. Berkley a. o., 1985, p. 98 etc.
[19] *Horowitz D. L.* Ethnic Groups in Conflict. Univ. of Calif. Press. Berkley a. o., 1985, p. 99.
[20] *Лорд Кинросс.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 482.

[21] Подробнее эта концепция изложена в нашей монографии: *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[22] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 205–207.
[23] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997. — С. 528; Д. Майерс ссылается на следующие источники: *Archer D. and Gartner R.* Violence and crime in cross-national perspective. New Haven (CT): Yale Univ. Press, 1984; *Archer D. and Gardner R.* Violent acts and violent times: A comparative approach to postwar homicide rates. "American Sociological Review", 1976, 41, pp. 937–963.
[24] *Van den Berghe P.* Man in society: a biosocial view (2nd ed.). New York: Elsevier: North Holland, 1978.
[25] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged Ed. New York, 1982.
[26] *Налчаджян А. А.* Власть, лидерство, подчинение (в печати).
[27] *Brown R.* Social Psychology. 2nd ed. The Free Press, 1986.
[28] См. в книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 217–218.
[29] *Hovland C. J. and Sears R. R.* Minor studies of aggression: VI. Correlation of lynchings with economic indices. — "Journal of Psychology", 1940, 9, pp. 301–310.
[30] *Horowitz D. L.* Ethnic groups in conflict. New York, 1985, p. 598.
[31] *Солдатова Г. У.* Этничность и конфликт на Северном Кавказе (Социально-психологический аспект). // В сб. Конфликтная этничность и этнические конфликты. — М., 1994. — С. 128.
[32] *Zillman D.* Hostility and aggression. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1979; см. также: *Geen R. P. and E. C. O'Neil* (Eds.), Perspectives on aggression. New York: Academic Press, 1976; *Krebs and D. Miller.* Altruism and aggression. In G. Lindzey and E. Aronson (Eds.), Handbook of Social Psychology. Vol. 2, 1985, pp. 56–57; *Geen R. G. and E. Donnerstein* (Eds.), Aggression: theoretical and empirical reviews. New York: Academic Press, 1983.
[33] Подробнее см. эту концепцию в нашей книге: Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[34] Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный журнал. / Под ред. С. А. Арутюнова и Г. И. Еремина. — М., 1971. — С. 127–128.
[35] Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный журнал. / Под ред. С. А. Арутюнова и Г. И. Еремина. — М., 1971. — С. 129.
[36] *Lambert W. W.* Cross-cultural backgrounds to personality development and the socialization of aggression: findings from the six culture study. — In: W. W. Lambert and R. Weisbrod (Eds.), Comparative perspectives on social psychology. Boston: Little, Brown, 1971.
[37] *Lambert W. W.* Cross-cultural backgrounds to personality development and the socialization of aggression: findings from the six culture study. — In: W. W. Lambert and R. Weisbrod (Eds.), Comparative perspectives on social psychology. Boston: Little, Brown, 1971; Price-Williams D. R., op. cit., p. 1013.
[38] *Archer D. and Gartner R.* Violence and crime in cross-cultural perspectives. New Haven: Yale Univ. Press, 1984; *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. — М., 1991.
[39] *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988. — Гл. 4.
[40] Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. / Перевод с древнеармянского К. Н. Юзбашяна. — М., 1968. — С. 136.
[41] *Sandy P. R.* The socio-cultural context of rape: A cross-cultural study. — "Journal of Social Issues", 1981, 37, pp. 5–27.
[42] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.; М., 1997. — С. 502. См. также: *Nisbett R. E.* Violence and U. S. regional culture. — "American Psychologist", 1993, 48, pp. 441–449.; *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999.
[43] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.; М., 1997. — С. 487.
[44] *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.; М., 1997. — С. 487; *Hornstein H.* Cruelty and kindness. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1976.

[45] *Bandura A.* Aggression: a social-learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973.
[46] *Gorer G.* Man has no "killer" instinct. — In M. F. A. Montagu (Ed.), Man and aggression. New York: Oxford Univ. Press, 1968.
[47] *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
[48] *Gorer G.* Man has no "killer" instinct. — In M. F. A. Montagu (Ed.), Man and aggression. New York: Oxford Univ. Press, 1968, p. 34.
[49] См., например: *Мацумото Д.* Психология и культура. — М.-СПб., 2002.
[50] *Антонян Ю.* Терроризм. — М., 1999; см. также: *Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. — СПб., 2002.
[51] *Налчаджян А. А.* Этническая характерология. — Ереван, 2001.

Литература

1. *Антонян Ю.* Терроризм. — М., 1999.
2. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998. — Гл. 6.
3. *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000.
4. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.
5. *Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н.* Социальная психология группы. — СПб., 2003.
6. *Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б.* Социальная психология. Ключевые идеи. — СПб., 2003.
7. *Беркович Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001.
8. *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003.
9. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997.
10. *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. — М., 1991.
11. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1997.
12. *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988.
13. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. — СПб., 2000.
14. *Московичи С.* Век толп. — М., 1998.
15. *Московичи С.* Машина, творящая богов. — М., 1998.
16. *Назаретян А. П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. — СПб., 2003.
17. *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980.
18. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
19. *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
20. *Налчаджян А. А.* Этническая характерология. — Ереван, 2001.
21. *Налчаджян А. А.* Основы этнопсихологии. — Ереван, 2003.
22. *Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. — СПб., 2002.
23. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001.
24. Перспективы социальной психологии. — М., 2001.
25. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. — М., 1999.

26. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
27. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.
28. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб., 1997.
29. *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged ed., 1983.
30. *Aronson E.* The Social Animal. 7th ed., W. H. Freeman and Co., New York, 1995.
31. *Brown R.* Social Psychology. 2nd ed., New York, 1985.
32. *Deaux K., Dane F. C. and Wrightsman L. S.* Social Psychology in the 90s. Brooks/Cole, Pacific Grove (Calif.), 1993.
33. *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992.
34. *Garattini S. and Sygg E.* (Eds.) Aggressive behavior. New York, Wiley, 1969.
35. *Horowitz D. L.* Ethnic Groups in Conflict. Univ. of Calif. Press. Berkley, 1985.
36. *Scott J. P.* Aggression. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
37. *Shibutani T. and K. M. Kwan.* Ethnic Stratification. New York, 1965.
38. *Toch H.* Violent men. Chicago: Aldine, 1969.

ЧАСТЬ III

Агрессивные люди (формирование и типы)

ГЛАВА 1

Агрессивность в процессе развития личности

В данной главе речь пойдет об истоках и формах агрессивности детей, путях и условиях приобретения ими агрессивных действий и склонностей и о связях агрессии с другими аспектами их психической жизни, с иными психическими механизмами. Мы попытаемся показать пути формирования агрессивного поведения личности в процессе ее возрастного развития и социализации. Также обсудим здесь вопрос о том, какими путями развивается агрессивность как черта характера человека и сохраняется ли приобретенная в детстве и подростковом возрасте агрессивная стратегия адаптации и решения задач в зрелые годы. В этой области все еще остается ряд нерешенных проблем, так что наше изложение, во-первых, нельзя считать исчерпывающим, и, во-вторых, оно во многих местах будет проблемным.

1.1. Общие принципы

Первым и основным нашим принципом при обсуждении детской агрессивности будет реализуемый во всех главах настоящей книги *адаптивный подход*. Мы считаем, что развивающаяся личность стремится адаптироваться к окружающему природному и социальному миру, а агрессия является одним из средств (из его арсенала) осуществления адаптации. Тот факт, что во многих случаях агрессивные действия приводят к большей дезадаптации ребенка или подростка, не нарушают принципа социально-психической адаптации: такие случаи просто свидетельствуют о том, что агрессия неправильно применяется или же она дана индивиду все еще в ее простейших формах.

Второй принцип заключается в следующем: *агрессия как защитный или инструментальный* (адаптивный) *механизм в процессе онтогенетического развития личности вряд ли возникает изолированно*. Во всяком случае, *мы предполагаем, что в психической жизни человека защитная* (реактивная) *агрессия возникает в сочетании с другими защитно-адаптивными механизмами*. Проблема генезиса агрессивного поведения в постнатальный период развития индивида является поэтому частью более широкой проблемы генезиса защитных и иных адаптивных механизмов.

Еще одна идея, впрочем, уже известная в психологии, но важная и связанная с предыдущими: *однажды возникнув в процессе взаимодействия своих общебиологических предпосылок с окружающей средой, агрессия как форма поведения и агрессивность как ее внутрипсихический аспект и черта характера эволюционируют в процессе всей жизни человека*. Они изменяются, приобретают новые черты и качества, мотивы, с определенного возраста и в соответствующих условиях теряют некоторые свои элементы (например, поведенческие модели) и т. п. Агрессивность человека — динамическое явление.

1.2. Сензитивные периоды развития и агрессивность

В формировании агрессивного характера и агрессивных форм поведения человека существенную роль играют так называемые *сензитивные периоды* развития ребенка. В ранние периоды жизни, особенно в дошкольном возрасте, дети сверхчувствительны к определенным впечатлениям. Первый страх, первая симпатия, первые социальные взаимоотношения и первые агрессивные действия других людей по отношению к ребенку оставляют глубокий след в психике развивающейся личности, в структуре ее характера.

Известно, что агрессивность ребенка вызывается целым рядом фрустраторов и других неприятных раздражителей. Полагаем, что эти фрустраторы вызывают наиболее интенсивную агрессивность именно в сензитивные периоды развития личности, и поэтому считаем, что существуют наиболее благоприятные для развития агрессивной личности этапы возрастного развития.

Мы предлагаем здесь также **принцип дифференциальной чувствительности** личности к различным агрессогенным факторам в течение каждого периода возрастного развития: ***одни фрустраторы и факторы вызывают более интенсивные агрессивные ответы в определенные периоды, иные воздействия — в другие периоды развития***. И это на фоне широких индивидуальных различий детей и подростков по чувствительности к агрессогенным факторам.

Агрессивность как форма устойчивого влечения или установки личности, а также как комплекс характера, лежащий в основе агрессивной стратегии адаптации, в определенные отрезки жизни усиливается.

В чем причина этого явления?

Оно, конечно, имеет внутренние психофизиологические причины, которые необходимо исследовать. Но не следует игнорировать и следующее: когда в период отлучения от груди или в пубертатный период индивид (ребенок, подросток) переживает новые аффективные состояния гнева, последние активизируют уже установившееся у индивида влечение (агрессивность) и добавляются к нему. Причем влечение получает все новые выражения в виде различных форм агрессивного поведения. В целом то же самое происходит и с сексуальным влечением, которое, как мы полагаем, в указанные периоды тесно связано с агрессивным влечением.

Проблемы, только что здесь сформулированные, требуют тщательных исследований.

1.3. Формы детской агрессивности

Уже с самых ранних лет жизни дети начинают совершать различные агрессивные действия. Агрессивность детей выражается в стремлении нарушить установленный порядок, создать ситуацию неразберихи, устраивать драки, кусаться, плеваться, ругаться и т. п. Дети с таким трудным поведением не подчиняются родителям и педагогам, преднамеренно беспокоя их, как это нетрудно видеть во время школьных занятий. Желая показать свою независимость, они ведут себя неприлично, явно демонстрируя свое непочтение к взрослым. Агрессивность ребенка в ходе его роста и развития — явление неизбежное.

Стремясь приспособиться к социальной среде, дети часто ведут себя агрессивно. Это характерный способ адаптации в период с 2 до 4 лет, где сотрудничество выступает в тесной взаимосвязи с соперничеством. Существует целый класс агрессивных игр, в ходе которых имеет место соперничество, создание образов различных видов «общих врагов». Когда ребенок приобретает способность в составе группы, совместно с другими, выступать против общих противников, то считается, что он сделал еще один шаг в сторону социально-психологической зрелости[1].

Агрессивность, таким образом, нужна человеку для социальной адаптации. Однако чрезмерный эгоизм, активная форма которого выражается как крайняя враждебность и агрессивность, приводит уже к плохой адаптации личности. Взаимная дезадаптивная агрессивность детей выражается не только в физических действиях, но и вербально, в частности — в отрицательных словесных оценках.

У детей наблюдаются почти все разновидности агрессии, которые мы описали в первой части книги. Но в первые годы жизни, особенно в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте, у них преобладает физическая агрессия, что бросается в глаза у экстравертированных, сангвинических типов.

Детская агрессия может оставаться в рамках нормы и выражаться как естественная и нормальная реакция на агрессогенные воздействия, о которых мы будем говорить в следующих параграфах. Но в определенных условиях агрессивность детей может стать патологической, садистической: дети способны наслаждаться своими агрессивными действиями, восприятием страданий своих жертв — животных, других детей. Садизм может сочетаться с мазохизмом и у части детей образовать *садомазохистический комплекс*, явление, которое в этой книге будет исследоваться нами отдельно и подробно. Патологическая агрессивность может стать частью психопатии. Исследование агрессивных психопатов — важная задача, которой занимаются в основном психиатры и психотерапевты.

Патологическая агрессивность выражается в разнообразных формах, которые можно наблюдать в поведении «трудных» детей, хулиганов и психопатов. Негативность и мятежность — это уже пограничные с патологией формы выражения агрессивности. «Негативисты» полностью отвергают неприятную для них реальность.

Такой вид агрессивности также выражается в телесных симптомах. Здесь действуют психосоматические связи, которые выражаются в общей напряженности (стрессе), в болях в желудке, в суставных болях и т. п. Психосоматические последствия агрессивности детей и взрослых — очень важная область исследования.

Еще одно доказательство наследственного характера агрессивности детей — это то, что им нравятся собственные спонтанные агрессивные действия, а также агрессивные сцены, свидетелями которых они оказываются. Дети 1–3 лет, играя вместе, бьют друг друга, кусаются, таскают за волосы, ломают игрушки и почти никакого внимания не обращают на страдания других. Это необходимо отметить, поскольку есть основания для предположения, что эмпатия тоже имеет свои наследственные предпосылки. Наследуются предпосылки как агрессии, так и эмпатии, поскольку и та, и другая необходимы для сохранения индивида и того вида, которому он принадлежит.

Все дети, по-видимому, проходят этапы развития, когда у них преобладает агрессивность, стремление к деструктивности (разрушительности). Малыши ломают игрушки и все то, что можно ломать. Их интересуют, и то не всегда, только ко-

нечные результаты своих действий, причем сдерживающим их интенсивную агрессивность фактором является лишь понимание того, что с помощью полностью разрушенных игрушек играть невозможно. Между тем желание, стремление играть — также наследственно обусловленная тенденция, удовлетворение которой необходимо для нормального психического развития.

Наблюдения показывают, что во всех тех случаях, когда ребенок знает, что взамен разбитых игрушек родители купят новые, он охотно продолжает свою разрушительную активность, поскольку вышеназванный сдерживающий фактор у него уже не действует с достаточной эффективностью. Отсюда следуют важные педагогические выводы.

Приобретение морали и самосознания — длительный процесс. Способность к самоконтролю развивается медленно. Поэтому чем сильнее и подвижнее становится ребенок, тем больше он должен быть под контролем взрослых, чтобы не смог наносить вред маленьким и более слабым. Дети, конечно, взаимодействуют, но правильнее было бы сказать, что они находятся в состоянии перманентной войны друг с другом.

Описанные выше вредные действия детей являются подлинными актами агрессии, поскольку имеют своей целью причинение вреда другому и в значительной мере осознаются. Они являются также свидетельством того, что у ребенка к 3–4 годам уже происходят весьма сложные психические процессы.

Если ребенок со злостью ломает предметы, это означает по крайней мере две вещи:

а) он начинает усваивать важную для себя разновидность агрессии — вандализм;
б) у него, по всей вероятности, начал функционировать механизм переноса агрессии с одного объекта (например, с человека-фрустратора) на другой (например, на неодушевленный предмет).

Данный процесс включает замену объекта агрессии, так называемую *субституцию*. Отсюда видно, что «агрессивная жизнь» уже 3–4-летнего ребенка весьма сложна и разнообразна.

Каким образом приобретаются описанные агрессивные действия и какое влияние они оказывают на дальнейшую жизнь индивида?

На эти вопросы мы попытаемся ответить на страницах настоящей книги. Здесь отметим, что начальные проявления агрессивности у детей наблюдаются уже в первые месяцы жизни.

1.4. Условия и причины агрессивности детей

Условий и причин агрессивности детей — целая группа. Полезно вкратце ознакомиться с ними. Общими условиями развития агрессивности детей, их жестокости являются неблагоприятные семейные условия. Это, во-первых, ситуации неполной семьи, в которой отсутствует один из родителей, чаще всего — отец. Современные исследования показывают, что большинство будущих насильников растут в неполных семьях. Во-вторых, развитию агрессивности детей способствуют также те семьи, члены которых отчуждены друг от друга. Это означает, что существуют конфликты между родителями, они не интересуются жизнью и заботами детей, авторитарны, жестоки, часто наказывают детей с применением физических

методов воздействия. У агрессивного ребенка медленно развивается способность к эмпатии, что создает предпосылки для развития жестокости и способности к насилию[2].

У таких детей задерживается моральное развитие.

Однако некоторые факторы, способствующие развитию детской агрессивности, требуют специального рассмотрения. Этим мы и займемся в настоящем и следующем параграфах.

Роль наследственности Как и всякое другое психическое явление и форма поведения, агрессия имеет свои наследственные корни. Говоря о биологических основах агрессии, мы уже видели, что существуют мозговые центры агрессивного поведения. Они обнаружены как у животных, так и у детей[3].

С наследственностью связано то, что между мужчинами и женщинами существуют различия по уровню агрессивности, которые обусловлены, конечно, не только наследственностью, но и специфичностью процесса социализации, различиями их социальных ролей. Наследственные и социальные факторы, взаимодействуя, приводят к тому, что уже в годы детства между девочками и мальчиками наблюдаются отличия по уровню и формам агрессивности. А в наследственно-патологических случаях индивид может стать чрезмерно агрессивным, что и было отмечено в предыдущих частях книги.

Стресс и фрустрация Мы уже знаем, что фрустрация и стресс являются главными причинами агрессивного поведения людей. Это утверждение особенно справедливо относительно детей: всякое лишение и создание у детей состояния психофизиологического напряжения вызывают у них агрессивность, причем, и это можно сказать без преувеличения, со дня рождения.

Можно, как это делает *Алан Фромм*, подразделять все фрустрации детей на два типа. Первый тип обусловлен тем, что маленькие дети еще слабы и не обладают необходимыми для адаптации навыками и способностями. Вследствие этого они неизбежно оказываются в зависимости от других членов семьи. Отказ удовлетворить их потребности, а тем более психологическое отвержение детей — очень серьезная для них фрустрация. Надо оказать помощь ребенку, когда он в этом нуждается, но не навязывать такую помощь тогда, когда она ему не нужна, поскольку этим путем мы можем ограничить его свободу и тем самым фрустрировать его.

Второй тип фрустрации, переживаемой детьми, имеет место тогда, когда взрослые, обучая их новым привычкам, заставляют делать быстрый прогресс, на который они еще не способны, не подготовлены своим предыдущим развитием. Делая в этом направлении неудачные попытки, дети неизбежно будут фрустрироваться: у них в подобных ситуациях возникает представление, что они не могут быть самостоятельными. Поэтому детей рекомендуется учить навыкам хождения, пользования туалетом, использованию различных предметов не спеша. «Медленно спеши!» — этот призыв полезен не только взрослым, но и детям. Если ребенку надо, он сам обратится за помощью к родителю.

В процессе развития детей фрустрации переживаются в самых разнообразных формах. Так, равнодушие родителей к ребенку, а тем более презрительное, высокомерное их отношение — один из основных фрустраторов, вызывающих гнев и агрессивные действия.

Общеизвестна следующая типичная ситуация, описываемая многими детскими психологами: в семье рождается новый ребенок и целиком поглощает внимание родителей. Старший ребенок, для которого у родителей остается все меньше и меньше времени, чувствует себя покинутым, лишенным внимания и ласки самых близких людей в мире — матери и отца. И вот с целью привлечения к себе их внимания он начинает совершать агрессивные, вообще возбраняемые в семье действия. В таких случаях опасно то, что причиной своих страданий ребенок считает беспомощного малыша и способен совершить по отношению к новорожденному агрессивные действия[4].

Агрессивность может выражаться в виде критических замечаний, например утверждения, что братишка или сестричка некрасивы, никому не нужны, зря появились здесь и т. п. Но не исключается и физическая агрессия. Бывают случаи нападения и нанесения физических увечий новорожденным. Старшие дети не скрывают своего недовольства появлением в семье нового ребенка, особенно если не боятся родителей. Так, пятилетний мальчик говорит своей матери: «Зачем родился этот братишка? Было бы лучше, если бы его не было». В таких случаях родители должны быть крайне внимательны, так как агрессивный ребенок может попытаться осуществить свои намерения «по ликвидации» соперника или соперницы.

В семье наиболее агрессивны нелюбимые дети. Они всегда недовольны, переживают стресс и вследствие этого всегда склонны к агрессивной разрядке. В определенном смысле это *самозащитная агрессия*: нападая на других, ребенок психологически защищает себя. Тут у детей подспудно формируется известная логика действий, часто выражаемая у взрослых словами: «Нападение — лучшая защита». Ясно, что эта логика не всегда справедлива. Но она — хороший пример того, что можно назвать *психо-логикой*.

Почему отсутствие любви к ребенку вызывает его агрессию? Ответ на данный вопрос можно вывести из разработанной нами теории эмпатии, в которой подобные формы поведения психологически обосновываются с помощью следующих утверждений:

а) эмоциональность заразительна и передается от одного партнера по общению к другому, в нем тоже порождая почти одинаковые эмоции; правда, разность в эмоциональном опыте порождает различия;
б) эмоциональное состояние воспринимается путем непосредственного контакта;
в) имеет место определенное понимание состояния другого: даже при общении с ребенком когнитивные факторы играют существенную роль.

Пусть сдержанно, но родители должны демонстрировать свою любовь, иначе ребенку придется в агрессивных формах требовать их любви. Доброта и любовь смягчают агрессивность фрустрированных людей; родительская любовь — лучшее лекарство от сверхагрессивности. Правда, вряд ли полезна другая крайность — чрезмерная выраженность, экспрессивность любви.

Социально-психологическая изоляция чревата тяжкими последствиями для людей всех возрастных групп, но особенно опасна в первые годы жизни. Она может принимать различные формы, причем ребенок может быть в ситуации психологической изоляции даже тогда, когда рядом с ним много взрослых и детей. Когда, например, ребенок живет в семье, но его мать агрессивна, невротична, всегда спешит и подвергает его физическим наказаниям, ребенок, по существу, эмоционально изолирован.

В социально-психологическом отношении в изоляции находятся дети без родителей, живущие в государственных учреждениях (детских домах, приютах и т. п.), где даже интенсивное общение с нянями и наставниками не может компенсировать отсутствие матери и отца.

Как показали психологические исследования, для здорового развития и созревания личности необходимо, чтобы ребенок получал в детстве физические ласки от матери или от той женщины, которая ее заменяет. Когда этого нет, возникают *нарушения эмпатии*, склонность к насилию, неспособность любить настоящей, неэгоистической любовью. Сходные результаты получены в исследованиях *М.* и *Г. Харлоу*[5], *Дж. Боулби*[6], *Р. Спица*[7] и других авторов.

Интересно также исследовать людей, которые утверждают, что любви нет вообще или хотя бы между представителями двух полов.

Конфликт между родителями и в результате общая неблагоприятная ситуация в семье — следующая по важности причина фрустрации и агрессивности детей. Когда подобные конфликты повторяются и становятся систематическими, ребенок переживает хроническую фрустрацию. Дети из таких семей становятся злыми и завистливыми по отношению к другим детям, живущим в благоприятных семейных условиях. Психология детей из конфликтных семей — большая комплексная проблема, представляющая непосредственный интерес и для психологии человеческой агрессивности. Поэтому в следующем параграфе мы обсудим данную проблему несколько более подробно.

Интересные мысли по этому вопросу высказал *Эрик Эриксон*. Он считал, что нередко в семье взаимная нормальная регуляция поведения ее членов нарушается, вследствие чего каждый из них находит *заменяющие области автономии и контроля* (а также самоконтроля), в которых участие остальных членов семьи исключено. Для родителей — это социальная активность вне семьи, для детей — собственное тело. Поэтому в семьях с нарушенными взаимоотношениями у детей наблюдается усиление автоэротизма, компенсирующего потерянную взаимность. Однако с виду автономные автоэротические действия, приносящие удовлетворение, сопровождаются враждебными фантазиями, рисующими картины контроля над другими, причем преимущественно подчеркиваются садистические или мазохистические темы. Такая враждебная направленность против себя или других превращает соответствующий орган в орудие агрессии. До этого, считает *Э. Эриксон*, орган имеет наивную, довраждебную *(prehostile)* функцию приближения к вещам, поиска взаимоотношений с объектами. Это то, что ад-грессион *(ad-gression)* означает до превращения в агрессию[8].

Поэтому родители должны развиваться вместе с детьми. Не только родители контролируют поведение детей: дети, в свою очередь, оказывают контролирующее влияние на своих родителей. Происходит взаимное воспитание.

Иногда агрессивными становятся единственные дети. Возникает вопрос: *какие факторы их фрустрируют, каковы причины агрессивности единственного в семье ребенка, который совсем не лишен внимания и любви родителей?*

Как ни удивительно, делает такого ребенка агрессивным именно *чрезмерное внимание родителей*. Это избалованные дети, которых не наказывают, когда они ведут себя агрессивно. Такие дети свою ненаказанность и ненаказуемость часто воспринимают как поощрение и постепенно становятся все более и более агрес-

сивными. Не говоря уже о том, что есть родители, которые прямо поощряют агрессивное поведение своих детей. За примерами, как говорится, далеко ходить не приходится: ребенок подрался с другим ребенком из своего двора, беспощадно избил младшего, а его родитель не только не наказывает его, а поощряет словами: «Молодец! Вот какой храбрый у меня мальчик!» Но ведь в таких случаях вполне возможно, что агрессия ребенка вовсе не была защитной. Он сам мог быть первым нападающим, агрессором, который без переживания фрустрации подверг другого насилию. Поощрение такой наступательной, незащитной агрессии чревато серьезными отрицательными последствиями для самого агрессивного ребенка. Ведь он может получить отпор и страдать сам, не говоря уже о формировании у него агрессивного характера.

Еще одна причина агрессивности ребенка в семье следующая: у него имеются братья и сестры, но он не пользуется авторитетом в их микросреде. Это *социально-психологическая депривация, лишенность очень важных социальных ценностей.* Не зная лучших путей, он стремится с помощью агрессивных действий мстить другим и улучшить ситуацию своей жизни. Но такое поведение обычно приводит к противоположным результатам, ухудшая ситуацию жизни ребенка. В частности, социометрический статус таких детей в данной микросреде становится еще ниже. Стремясь занять в ней достойное место, ребенок не находит других средств, кроме агрессии. Если за такое поведение его активность еще больше подавляется, то соответственно еще больше усиливается его агрессивность: он может иметь вспышки гнева, стать беспокойным и невротичным, потерять самообладание и т. п.

Когда родители под угрозой наказания подавляют агрессию такого ребенка, он из-за страха может с виду стать тихим, «хорошим». Но парадокс состоит в том, что *страх делает ребенка еще более агрессивным.* Чувствуя себя слабым перед родителями, он направляет свою агрессию против слабых. В таких случаях психологи говорят, что агрессивный ребенок нашел для себя козла отпущения. Это выражение, как известно, возникло в древней Иудее: главный раввин перед собравшимся народом перекладывал грехи людей на козла, которого затем гнали в дикие места, чтобы он погиб. Считалось, что таким образом животное берет на себя эти грехи и очищает от них людей. Конечно, это трусливая форма поведения, исходящая из определенных моральных представлений. Не имея моральной смелости брать на себя ответственность за собственные грехи, что способствовало бы самосовершенствованию, люди подвергали агрессии невинное животное.

В качестве фрустраторов для детей нередко выступают учителя. Вообще, о школьных фрустрациях детей следовало бы говорить подробнее.

Но мы здесь ограничимся примером, воочию показывающим отношение многих детей к школе и учителям. Многие годы назад в одной из российских газет был опубликован коротенький фельетон *Ю. Кузнецова* под названием «Ну, образование, погоди...». Для нас интересно его начало: «Одному шведскому мальчику отец как-то рассказал о заметке в газете, где сообщалось, что на какого-то школьного учителя, проводившего отпуск в лесах на севере, напал лось. Зверь яростно и долго преследовал работника образования, пуская в ход рога и, соответственно, копыта. Сын слушал обо всем этом с напряженным вниманием и только спросил: “А как лось узнал, что это учитель?”».

Кажется, ясно: ребенок обрадовался, что лось узнал главного фрустратора школьников и наказал его.

1.5. Семейные конфликты и развод — сильнейшие фрустраторы

Ссоры родителей фрустрируют детей

Житейские наблюдения и психологические исследования показывают, что конфликты родителей и их развод являются сильнейшими фрустраторами и стрессорами для детей и подростков. Поскольку этим вопросам посвящены многочисленные исследования и о них написано немало, мы ограничимся здесь весьма кратким обсуждением ряда узловых вопросов, связывая их с проблемами агрессии и защитных механизмов.

Причин того, что ссоры родителей фрустрируют детей, несколько:

а) ссорясь, родители ведут себя агрессивно, а это пугает ребенка; чувствуя угрозу, переживая страх и тревогу, он ощущает свою слабость перед миром;

б) мы считаем, что ребенок в таких ситуациях переживает экзистенциальную фрустрацию.

Причем угрозу потери опоры в лице живущих в согласии родителей дети переживают весьма конкретно и образно. Так, одна девушка сказала психологу, что «...представляла себе своих родителей как две опоры книжной полки, которые удерживают ее между ними. Когда у родителей начинался скандал, опоры расходились, лишив ее поддержки и оставив в одиночестве и неустойчивом положении»[9].

Это интересная символизация не только семейной ситуации, но и самой фрустрации. Было бы поучительно собирать материал о символизациях психических состояний, в данном случае — экзистенциальной фрустрации.

Ссоры родителей вызывают агрессию детей

Как и всякая иная фрустрация, фрустрация детей из-за конфликтов родителей вызывает у них ряд эмоциональных и защитных реакций, в том числе агрессивных. *Л. Берковиц* опять очень верно отмечает, что «как и в других областях человеческого поведения, сильные негативные переживания могут продуцировать у детей агрессивные реакции»[10].

Даже ссоры незнакомых людей вызывают агрессивность у маленьких детей, и они начинают драться; тогда что же говорить о конфликтах родителей! Воспринимая такое поведение взрослых, дети возбуждаются, становятся тревожными, начинают совершать друг против друга акты словесной и физической агрессии.

Мы считаем, что такого рода фрустрации вызывают у детей целый ряд других защитных процессов, которые, однако, исследователями агрессии обычно не описываются. Известно, например, что в результате получения таких впечатлений дети нередко становятся депрессивными, что является признаком того, что они чувствуют себя бессильными перед окружающим миром. Они могут использовать различные атрибуции, проекции и другие защитные механизмы.

Лонгитюдные исследования

Лонгитюдные исследования последствий разводов показали, что в течение первых двух лет после этого события у детей, оставшихся с матерями, наблюдается более высокий уровень агрессивности. Причем эти дети с помощью агрессии добивались значительно меньших успе-

хов в достижении своих целей, чем дети из нормальных семей. И в дальнейшем они сохранили свое недружелюбное отношение к сверстникам и другим людям. Это было показано в исследованиях *Мэвис Хэтерингтон.* У подобных детей, безусловно, осталась некоторая общая агрессивность.

Последствия ухода отца из семьи

Удивительно, что такой крупный исследователь агрессивного поведения людей, как *Л. Берковиц,* не придает серьезного значения отсутствию отца в семье после развода. Он считает, что дети разведенных родителей становятся агрессивными лишь в результате эмоциональных перегрузок[11]. Это весьма спорная точка зрения. Здесь, по-видимому, надо иметь в виду этнокультурные различия: это точка зрения американца.

Необходимо учесть, что уход отца из семьи *вызывает изменения психической идентификации с ним.* Мы считаем, что во многих случаях эти изменения могут иметь характер *преобразования положительной идентификации ребенка с отцом в отрицательную,* сопровождаясь разочарованием и, быть может, поиском новых объектов положительной идентификации. В таких условиях претерпевает изменения также идентификация с матерью. Ясно, что подобные крупнейшие психические изменения личности и ее самосознания могут сопровождаться тревогой, страхом и агрессивностью. Изменения личности детей начинаются еще до развода родителей, под влиянием их ссор и конфликтов, и эти изменения продолжаются, возможно, с еще большей интенсивностью, после их развода. О значении механизма идентификации в жизни детей мы еще будем говорить на последующих страницах.

Фрустрации детей и их последствия для личностей обусловлены не только тем, что родители расходились: очень важно, *как* они расходились. Если отец умер от болезни или погиб на войне — одно дело, и совсем другое, когда он уходит после раздоров с женой и развода. Психологически это очень разные фрустраторы и стрессоры. Развод также оставляет различные по глубине и характеру следы в психике детей в зависимости от того, как расходились отец и мать: дружелюбно и мирно или же после агрессивных ссор и драк. Надо признать, что мирный развод лучше сохранения конфликтной семьи. Это известно нам из повседневной жизни, но психологические исследования также подтверждают данный вывод. Так, американская исследовательница *М. Хэтерингтон* с коллегами сравнивали детей разведенных и неразведенных родителей два года спустя после развода и нашли, «...что дети из полных семей, но таких, в которых родители постоянно конфликтовали друг с другом, были действительно более агрессивными, чем сыновья мирно расстававшихся родителей»[12].

Развод для детей лучше, чем жизнь в условиях постоянных конфликтов родителей. И если разведенные родители продолжают любить детей, то вред от развода будет минимальным.

1.6. Другие фрустраторы детей

Выше мы описали основные фрустраторы, вызывающие агрессивное поведение детей. Здесь вкратце рассмотрим еще некоторые из них, которые встречаются в жизни детей, но помня еще и о том, что в различных этнокультурных обществах они могут встречаться чаще или реже, а также вообще не встречаться.

Режим питания как фрустрирующий фактор

Строгий режим питания вряд ли оправдан физиологически и психологически. Такой режим может стать особенно сильным фрустратором для детей. Когда ребенок ощущает здоровый голод, его не кормят, поскольку «еще не время». И наоборот: наступил определенный час обеда или ужина, ребенок не голоден, однако его силой заставляют есть. Он ест без аппетита, только подчиняясь давлению родителей, вследствие чего у него формируется отвращение к пище, желание, чтобы его кормили даже в дошкольном и младшем школьном возрасте. Этим ребенок как бы наказывает родителей за то, что они не считаются с его естественными желаниями. У такого ребенка могут формироваться неадаптивные черты характера.

Режим принятия пищи должен соответствовать индивидуальным ритмам ребенка, да и взрослого тоже. Тогда он будет есть с удовольствием. Этот индивидуальный ритм надо обнаружить с помощью специальных наблюдений за психическим состоянием человека. Главное здесь — появление интенсивного ощущения голода. В этом случае процесс принятия пищи будет источником удовольствия. Как результат этого у ребенка разовьется чувство доверия к матери и вообще к окружающим. Подобное отношение к миру позволяет ему при необходимости ждать удовлетворения не фрустрируясь. Всегда надо помнить, что длительное насильное кормление может привести к невротическим нарушениям.

Ненависть матерей к детям

Многие действия матерей по отношению к своим детям можно квалифицировать в качестве актов агрессии. Например, *Карл Меннингер* отметил следующие (обычно непроизвольные) действия: непоследовательность; угрозы; запрещение таких действий ребенка, которые ей неприятны; отказ удовлетворить законные и разумные требования ребенка; безразличное отношение к тем действиям ребенка, с помощью которых тот старается понравиться родителю; невыполнение обещаний; споры с ребенком по мелким вопросам; передача собственного беспокойства и спешки ребенку; спор с ним в присутствии посторонних лиц и создание для него неприятной ситуации; игнорирование; подкуп или дача взяток; обман; сравнение ребенка с другими с выводами, неблагоприятными для него, и другие. Самым же большим преступлением родителей является внушение детям нечестной, лицемерной философии жизни[13].

Если родитель последовательно совершает вышеописанные действия, то он, по всей вероятности, не любит ребенка. Все эти действия вместе с лишением родительской любви глубоко фрустрируют детей. Такой родитель, не желая уделить ребенку свое время и любовь, не сумев стать его другом, часто предоставляет ему целый ряд «преимуществ». Но последние — лишь средства избавления от ребенка: это другое, замаскированное выражение враждебности и подсознательного чувства вины.

Поскольку воспитанием детей заняты главным образом женщины, очень важно исследовать психологию женщин и их взаимоотношений с детьми и подростками. Причем исследования детских фрустраций и развития агрессивности необходимо осуществить с учетом таких крупных культурных различий, как индивидуализм-коллективизм и другие этнокультурные комплексы. Мы полагаем, что фрустраторы, описанные *К. Меннингером*, в первую очередь характерны для индивидуалистических обществ Европы и Северной Америки.

Соперничество, игра и фрустрация

Игровая деятельность, особенно групповая, является мощным фактором развития и созревания детей. Но она же содержит в себе возможности фрустраций, заставляя участников выработать защитные механизмы и стратегии. Игра и спорт служат эффективными средствами «канализации» агрессивности фрустрированных детей и подростков.

Но игра фрустрирует детей и подростков вследствие своей состязательности. Она заставляет детей соперничать за первенство и победу. Соперничество — одно из главных проявлений социальной жизни не только детей, но в значительной степени и взрослых. Хотя соперничество агрессивно по своей природе, все же в основном приемлемо для общества в той мере, в которой не препятствует адаптации большинства людей. Большая часть игр имеет состязательный характер: в них выявляются победители, которых вознаграждают. Очевидно, что те, кто терпит поражение, переживают фрустрацию и стресс. Хороший соперник — тот, кто эффективно играет, стремится к победе и получает удовольствие от игры. Если ваш ребенок — такой соперник, тогда все в порядке: он не только будет хорошо играть и получать пользу от своей игры, но и успешно преодолевать неизбежные фрустрации. Беспокойство родителей, как отмечают детские психологи, должны вызвать только крайности: или полное отсутствие, крайняя слабость желания играть и соперничать, или же чрезмерное стремление к победе и крайне агрессивное соперничество, переходящее в склонность нарушать правила игры и не уважать прав партнеров.

В связи с этим следует сказать, что в семье дети соперничают не только в играх, но и за любовь родителей, за их внимание к себе. Это их стремление можно использовать для выработки в них полезных мотивов и привычек. Но подобный результат возможен лишь тогда, когда родители становятся моделями подражания для своих детей.

Воображение детей и фрустрация

Известно, что у многих детей фантазии так богаты и ярки, что добавляются к образам реальности и даже в какой-то мере заменяют для них реальность. В фантазиях реализуются самые капризные желания и уничтожается то, что в реальной жизни неприятно для человека. При этом для ребенка зачастую принцип реальности не существует. Когда реальность неприятна и ребенок в ней не получает удовольствия, он отказывается от общения и стремится остаться наедине с собой. Со временем это может стать устойчивой стратегией поведения, вырабатывающей соответствующую черту характера. Такой ребенок плохо социализируется. Нередко он избегает как соперничества, так и сотрудничества. Он предпочитает остаться один и все делать самостоятельно. Он не доверяет другим. У таких детей может иметь место некоторое смешение реальной и воображаемой жизни, что очень опасно во многих отношениях. Такое бегство от реальности, по мнению детских психологов, имеет две основные причины:

а) во-первых, это страх перед вероятностью не быть принятым в мире реальности;
б) во-вторых, это нежелание принимать следующий, более высокий этап собственного развития.

Деструктивность — *результат развития подобных детей, психологический итог запретов и фрустраций.* Это импульс к самоутверждению, который как бы говорит: я строить не умею, но зато могу разрушить. Импульс деструктивности может быть

направлен и на других людей, и на себя, и на вещи. У такого индивида может развиваться непреодолимое желание *иметь все*, что можно иметь, лишь бы то, что желательно, не принадлежало другому. Зависть также есть результат фрустрации. В основе всех случаев деструктивности лежит одна общая причина — недоверие и враждебное отношение к другим людям. Поэтому следует не столько наказывать такого ребенка, сколько социализировать его, убеждая его, что он в состоянии иметь нормальные отношения с людьми.

Результатом всех названных фрустраций ребенка является также развитие в нем чувства неуверенности, ощущение отсутствия безопасности, то есть присутствие угроз, постоянное переживание чувства тревоги и страха. Внешне ребенок с таким хроническим чувством неуверенности в себе может выглядеть по-разному: несчастливым, робким, изолированным, плаксивым, беспокойным, раздражительным, враждебным к окружающему миру. Все это — в основном результат физической слабости ребенка. Но эти чувства и соответствующие формы поведения нередко сохраняются в течение всей последующей жизни. Одним из результатов такого развития может быть эмоциональная незрелость личности.

1.7. Агрессия в семье и защитные реакции детей

Физическое насилие в семьях

В семье, то есть социальной группе, в которой отношения самые плотные, наблюдается весь спектр агрессивных действий — физических и психических: супруги ссорятся, иногда дерутся друг с другом, родители избивают своих детей, а дети — друг друга.

Ряд американских психологов (*М. Страус, Р. Джеллес, С. Стейнметц*) проинтервьюировали супружеские пары американцев, пытаясь определить частоту проявления насилия и конфликтов в американских семьях. Они выяснили следующее:

1) на любой улице каждого американского города, в одной из шести семей, «постоянно вспыхивают скандалы, во время которых супруги наносят друг другу удары;
2) в каждых трех из пяти семей родители то и дело бьют своих детей;
3) в каждом втором доме по меньшей мере раз в год совершаются насильственные действия»[14].

Установлено, что агрессия одного члена семьи порождает новую агрессию. Чем чаще родители бьют друг друга, тем больше вероятность того, что каждый из них будет избивать детей. Это выражение давно известной в психологии общей закономерности *переноса агрессии*. Но опаснее всего то, что родительская агрессивность передается детям. Эмоциональный опыт оставляет свои следы в их характере и склонностях, что мы увидим еще из дальнейшего изложения.

Защитные реакции детей на агрессию родителей

Характер ролевого поведения родителей, в частности их властных воздействий на детей, зависит не только от самих этих агентов социализации, но и от ответных реакций детей как объектов социализации. Имеет место процесс взаимодействия, в ходе которого обе стороны учатся внутрисемейным своим ролям и отвечают на ролевые же действия других членов семьи.

Один тип ответов детей на воздействия родителей — это агрессия. Именно в семье у ребенка возникает защитная, а позже и наступательная агрессия. Но мы считаем, что наряду с агрессией уже в раннем детстве возникают и другие защитные механизмы. Поэтому изолированное изучение возникновения в поведенческом репертуаре ребенка агрессии и развития агрессивной личности не является перспективным делом.

Ведь даже для того, чтобы выразить свою агрессивность, человек нуждается в других адаптивных механизмах: в переносе и замене (субституции), в атрибуциях, в частности — проективных; в идентификациях и т. п. Исследование генезиса названных механизмов наряду с возникновением агрессии — одна из важнейших задач психологии возрастного развития личности.

Рассмотрим, например, механизм *переноса агрессии* из семьи в другие сферы социальных отношений. Имея в виду существование этого механизма следовало предвидеть, что, если у ребенка в семье сформировались агрессивный характер и враждебные установки к родителям, они должны переноситься и на другие значимые, авторитетные лица вне семьи.

В целом существование такого процесса переноса подтверждено эмпирическими исследованиями: агрессивные подростки не доверяют учителям, не хотят и не умеют обращаться к ним за советом[15].

Вообще, подростки — как агрессивные, так и миролюбивые — предпочитают самостоятельно решать свои проблемы. Но у агрессивных детей эта тенденция принимает крайние формы, тогда как подростки с умеренной агрессивностью обращаются за советом к учителям даже по сугубо личным вопросам.

1.8. Вознаграждение агрессии

Условия семейной жизни оказывают всестороннее влияние на характер личности и на те пути жизни, которые она для себя выбирает. Нет сомнения, что внутрисемейные отношения и воспитание оказывают влияние на формирование агрессивных людей. Но *какие именно* условия семейной жизни способствуют формированию злого человека с антисоциальной установкой? Такая постановка вопроса обоснованна, ибо многие реальные случаи жизни показывают, что агрессивные люди очень часто нарушают социальные нормы, обычаи, традиции и законы. В этой сфере полезны не столько общие рассуждения, сколько раскрытие тех специфических условий, воздействие которых способствует развитию в семье агрессивных детей.

Вознаграждение агрессии родителями

Уже стал почти классическим следующий случай, описанный *А. Бандурой* и *Р. Уолтерсом* много лет тому назад со слов одной матери.

Когда Гленну было около 6 или 7 лет, «...все дети ссорились и дрались, а он никогда не дрался. Его сестра всегда заступалась и дралась за него. И однажды мой муж снял ремень и сказал: “Послушай, ты приходишь домой и постоянно плачешь, что тебя кто-то побил”. Однажды мой муж увидел через окно в спальне двух маленьких мальчиков. Они действительно побили его. Тогда он вышел, снял ремень и сказал: “Гленн, я собираюсь сказать тебе кое-что. Ты пойдешь и устроишь взбучку этим парням, или я побью тебя”. Таким образом он заставил его постоять за себя и подраться с ними обоими»[16].

Это неединичный случай. Многие отцы учат своих сыновей стоять за себя, отвечать агрессией на агрессию и воздействие других фрустраторов. Одобрение родителя является мощным вознаграждением агрессивного поведения ребенка. Если такое вознаграждение становится систематическим, ребенок может приобрести склонность решать возникающие в своей жизни проблемы с помощью агрессивных действий. В таких случаях мы бы предпочитали сказать, что ребенок, подросток или юноша приобретают *агрессивную адаптивную стратегию*. Они одобряют агрессию и применяют ее как приемлемое средство решения своих задач.

Надо иметь в виду, что родитель, побуждающий своего ребенка драться с другими, одновременно использует как вознаграждение (в виде одобрения поступка), так и угрозу наказания в том случае, если он не будет вести себя так, как родитель того требует. Перед нами многофакторное воздействие на ребенка, различные аспекты которого мы будем обсуждать в этой главе постепенно, шаг за шагом.

Виды вознаграждения агрессора

Агрессор стремится устранить те стимулы, которые раздражают или фрустрируют его. Поэтому устранение такого раздражителя является подкреплением агрессивного акта, оно вознаграждает субъекта агрессии. Например, когда кто-либо совершает такие действия, которые не нравятся нам и вызывают в нас злость, то требование прекратить их (словесная агрессия) подкрепляется, когда этот человек прекращает выполнение данного действия. Психологи называют такой результат *негативным подкреплением*, поскольку под влиянием агрессивных действий человека нечто устраняется, исчезает, прекращается.

Когда учитель в классе требует от учеников: «Прекратите шум!», — он тем самым требует негативного подкрепления. Прекращение шума является для него успехом, поэтому есть большая вероятность, что он и в дальнейшем будет использовать слова, содержащие угрозу наказания. Когда учитель говорит: «Прекратите шуметь и займитесь делом!», — то он требует как негативного, так и *позитивного подкрепления* (появления желаемого явления, формы активности учеников). Это тоже вознаграждение.

Возьмем другой пример — службу охранников тюрем, концлагерей или колоний. Чем они заняты и когда их служба вознаграждается? Эти люди следят за тем, чтобы заключенные соблюдали различные запреты и ограничения. *Отсутствие* нежелательных форм поведения является для них вознаграждением типа негативного подкрепления. Поэтому в конце смены они с удовольствием докладывают: «Во время службы никаких происшествий не случилось».

Можно привести много примеров негативного и позитивного подкрепления из жизни семьи и других сфер взаимодействия людей. Причем эти явления можно обсуждать также с привлечением понятий **теории ролей**. В таком случае негативное подкрепление агрессии одного актера (A_1) имеет место тогда, когда взаимодействующий с ним второй актер (A_2) прекращает делать нечто, выходящее за рамки ролевых ожиданий. Позитивное подкрепление имеет место тогда, когда A_2 выполняет ожидаемые со стороны A_1 действия. Читатель легко убедится, что в данной книге мы широко пользуемся теорией ролей и в некоторых случаях они действительно помогают лучше понять проблемы человеческой агрессии и особенно процесс агрессивного взаимодействия людей.

Функции вознаграждения агрессии

Вознаграждение за агрессивное поведение, как выяснили психологи, оказывает влияние на поведение двумя способами: как мотив и как запрещающий фактор[17]. Мы же считаем более правильным назвать их *двумя основными функциями вознаграждения* в процессе социализации ребенка, в том числе социализации в качестве агрессивной личности. Но к этому следует добавить следующее: отец обладает властью над ребенком и одновременно пользуется двумя видами власти: властью вознаграждения и властью наказания, если использовать принятую в социальной психологии классификацию видов власти. Можно считать, что самые различные случаи социализации с помощью многообразных средств и факторов являются частными выражениями или аспектами более общего явления — *социализации с применением власти*.

1.9. Психология наказания

Психология наказания является самой сложной, тонкой и ответственной частью психологии человеческой агрессивности и социализации индивида. В процессе социализации детей без применения наказания невозможно обойтись, поэтому следует хорошо знать возможные способы наказания (отрицательные социальные санкции), о том, когда их можно применить, когда они эффективны и в каких случаях, наоборот, приносят вред или ведут к обратным, нежелательным результатам.

Разновидности наказания

Наказания, или отрицательные социальные санкции, бывают психологическими, физическими и комплексными. Выражение недовольства мимикой и жестами, словесное замечание или выговор, критика и многое другое в этом роде — виды наказания. О физических видах наказания подробно говорить не приходится: они общеизвестны и тоже широко применяются. Комплексное же наказание включает как физические, так и психологические компоненты.

При принятии решения о применении наказания одно важное обстоятельство всегда следует иметь в виду: *любое наказание является агрессией, применяемой агентом социализации к социализируемому индивиду*. Это либо ответная агрессия на асоциальное или антисоциальное поведение ребенка или взрослого, либо, в некоторых случаях, месть за содеянное. Нередко для регуляции поведения детей и взрослых применяется *угроза наказания*. Мы считаем, что угроза возможного наказания — это форма словесно выраженной агрессии, хотя такая угроза может быть также невербальной или сочетанием вербальных и невербальных средств. Наказания чреваты такими последствиями, о которых родители и другие агенты социализации даже не могут догадаться. Поэтому сейчас мы выясним, в каких случаях наказания эффективны как средства социализации, а затем рассмотрим вредные последствия наказания.

В каких случаях наказания эффективны?

Содержательному обсуждению данного вопроса помогает то, что в психологии уже проведено значительное количество исследований различных форм наказания и наиболее эффективных способов их применения. При обсуждении этих вопросов мы исходим из того материала, который содержится в уже известной читателю

книге *Р. Бэрона* и *Д. Ричардсон* «Агрессия». Дальнейшее расширение данной тематики возможно с привлечением нового материала из социальной психологии, юридической психологии, криминологии, педагогики и из повседневной практики.

Если наказание применяется с соблюдением определенных правил, оно может стать эффективным средством модификации поведения человека (мы в первую очередь имеем в виду детей и подростков). Рассмотрим эти правила.

1. Когда ребенка наказывают, он должен четко осознать, за какое поведение его наказывают. ***Наказание*** и ***наказуемое поведение*** должны ясно осознаваться и ассоциироваться в сознании наказуемого индивида. Если одно и то же наказание повторяется, эта связь должна быть четко осознаваемой каждый раз.
2. Наказание должно непосредственно последовать за поступком. Отсроченное наказание менее эффективно. Между наказуемым поступком и наказанием не должен лежать интервал времени, в течение которого ребенка совсем не наказывают, даже замечания не делают. ***Немедленное наказание предотвращает получение удовольствия или выгоды от подлежащего наказанию поступка.*** Когда же к совершению поступка примешивается удовольствие, наказание в значительной степени теряет свою силу, справедливо полагает *А. Бандура*.
3. Правило последовательности наказания формулируется следующим образом: «Наказание окажется наиболее эффективным, если его будут применять последовательно, то есть за одно и то же нарушение всегда будет назначаться одна и та же санкция; нельзя один раз наказать за проступок, а в другой раз — проигнорировать подобное поведение»[18].

   Громогласное обещание (угроза) наказать, не подкрепляемое конкретными данными, показывают ребенку, что агрессивные дела допустимы.
4. Агент социализации (родители, педагоги и другие лица) должны предложить ребенку альтернативу тому поведению, за которое его наказывают. Если *так* нельзя поступить, то *что* же можно и *как* можно? Как говорил *А. Бандура*, предложение альтернативы закладывает основы будущих поощрений[19].

   Если ребенку просто запретить что-то, он не будет знать, что делать (например, как себя вести в определенных социальных ситуациях), и он может стать робким и нерешительным.
5. В качестве наказания можно избрать временную изоляцию ребенка, что покажет ему, что его поведение не поощряется.
6. Назначая наказание, ребенку надо объяснить, почему его наказывают.

От себя добавим, что такие объяснения способствуют социально-психологическому росту и созреванию ребенка как личности. Они, в частности, способствуют интериоризации социальных норм и развитию самоконтроля.

Вредные последствия наказания

Речь идет, в первую очередь, о вредных последствиях физических наказаний. Перечислим основные из них.

1. Родители, применяющие к своим детям способы физического наказания, могут стать для них примером агрессивности, социальными моделями агрессивного поведения[20].

Ребенок может подумать, что агрессивность допустима, но только по отношению к более слабым. Он убедится, что физическая агрессия — эффективное средство контроля над другими людьми. Добавим, что растущая в таких условиях личность, став взрослой, сможет уважать только принудительную, насильственную власть.

2. Некоторые из тех детей, которых часто наказывают, стараются избегать родителей. В результате этого ребенок может оказаться в опасной компании делинквентных (то есть с отклоняющимся поведением) детей и подростков, совершающих рискованные антисоциальные действия. Перед нами, как нетрудно видеть, стратегия ухода из фрустрирующей ситуации.
3. Другая часть детей может оказывать родителям сопротивление, в том числе физическое. Это будет препятствовать их правильной социализации. Добавим, что в данном случае ребенок спонтанно применяет агрессивную стратегию адаптации.
4. Когда после наказания ребенок очень рассержен и возбужден, ему будет трудно усвоить альтернативное поведение, что тоже препятствует его социализации.
5. Если дети изменяют свое поведение в результате очень сильного внешнего воздействия, они не усвоят нормы этого поведения — навязанного и принудительного. Эти нормы не станут для них личными ценностями. Они из-за страха наказания повинуются лишь до тех пор, пока за ними наблюдают. Как указывал *А. Бандура*, «...наказание заставляет скрывать внешние проявления нежелательного поведения, но не устраняет его».

Мы полагаем, что для дальнейшего углубления анализа вредных последствий наказания следует применить теорию когнитивного диссонанса, представления о внешнем и внутреннем оправдании поведения и другие концепции современной социальной психологии. В связи с рассмотрением наказания и его последствий возникает очень много новых вопросов, выяснение которых возможно лишь при учете существования других механизмов социализации, в связи с проблемой стиля социализационной активности родителей и другими вопросами.

1.10. Пунитивность и непоследовательность — факторы, способствующие развитию агрессивных детей

Пунитивность Строгость наказания, а тем более физического наказания, — одна из причин развития агрессивности детей. Однако тщательные исследования *Р. Сирса, Э. Маккоби* и других психологов показали, что к такому результату приводят не столько физические наказания, сколько *непоследовательность* в применении родителями воспитательных методов. Родители «трудных» или «проблемных» детей бывают не столько чрезмерно пунитивными: они, как писал, резюмируя соответствующие исследования, *Л. Берковиц*, отличались низкой эффективностью в воспитании дисциплинированности у своих детей. Эти родители не были

достаточно избирательными и последовательными в выборе действий, за которые награждали или наказывали, и постоянно, без разбору, придирались, ругались и угрожали своим детям. Из этого описания родительского поведения видно, что, по существу, речь идет о родителях-невротиках. Эти люди неразумно и несправедливо наказывают детей, плохо понимая, за что можно наказывать и за что нельзя.

Наиболее опасные виды родительской агрессии

Какой вид агрессии наиболее опасен как форма утверждения власти родителя? Данную проблему также вкратце обсуждает *Л. Берковиц*, который одним из первых стал систематически различать две формы агрессии — *эмоциональную* (враждебную и импульсивную) и *инструментальную*. Он отметил, что одно дело — эмоциональная агрессивная реакция родителя на нежелательное поведение ребенка и совсем другое дело — хладнокровная и расчетливая пощечина. Между ними он видит огромную психологическую разницу. И та, и другая форма физического наказания утверждают власть родителя, но они неравнозначны. «Не каждая порка обязательно становится шагом в развитии подростковой преступности»[21]. Но обсуждение данного вопроса он не углубляет, а лишь ссылается на исследования *Д. Бомринд*[22].

Между тем вопрос очень важный, и при углублении его исследования можно даже показать, как применить получаемое знание в практике воспитания детей и подростков. Мы предполагаем следующее:

1) когда родитель эмоционально и агрессивно реагирует на определенные поступки ребенка, но в остальное время отношение к нему ровное и насыщено любовью, ребенок понимает, что его агрессивная «вспышка» — это *реакция на свои определенные действия, а не на личность в целом*. Такая родительская агрессия как форма утверждения власти и регуляции ролевого поведения ребенка не представляет серьезной опасности для ребенка и не вызывает в нем развития агрессивности как комплекса характера;
2) наоборот, применение холодно-расчетливых агрессивных действий воспринимается ребенком как жестокость и признак отсутствия любви к нему. Мы считаем, что такая инструментальная агрессия с большей вероятностью способствует развитию агрессивной и антисоциальной личности ребенка, чем первая форма агрессии. Эмоциональная агрессия родителя вызывает недовольство ребенка, тогда как холодная инструментальная агрессия — ответную агрессию и ненависть (особенно если сочетается с непоследовательностью в выборе тех действий ребенка, за которые следует его наказывать).

Но и непоследовательность не всегда выражается одинаковым образом, и в зависимости от того, какую ее форму проявляют родители, результаты также бывают разными.

Два вида непоследовательности и их последствия

Непоследовательность родителей в процессе социализации своих детей, как сказано выше, играет существенную роль в развитии их антисоциальных и агрессивных установок. Но непоследовательность выражается поразному, и, по-видимому, полезно учитывать существование двух ее видов, впервые выделенных *Р. Парком* и *Р. Слейби*. Эти авторы различают два ее вида:

- интрасубъективная *(intragent)* непоследовательность;
- интерсубъективная *(interagent)* непоследовательность.

Вкратце рассмотрим эти два вида непоследовательности агентов социализации.

1. Под **интрасубъективной непоследовательностью** (нонконсистентностью) авторы понимают то *явление, когда родители, воспитатели вообще, установив определенные правила поведения детей, в различных случаях неодинаково реагируют на их нарушение.* Они непоследовательны в реализации своих угроз наказания. Такое поведение можно объяснить или их безразличием к детям, или их сверхзанятостью. Поэтому «...эти люди наказывают своих детей за определенные действия в одних случаях и игнорируют такие же самые действия в других обстоятельствах»[23].

   Оказалось, что у подростков с асоциальным поведением матери были пунитивными в одних случаях и попустительствовали им — в других (исследование *Маккорд*, 1986). Такое поведение родителей может быть одним из выражений их невротизма.

2. **Интерсубъективная непоследовательность** состоит в том, что два агента социализации, в данном случае родители, по-разному реагируют на нарушения норм со стороны ребенка. Этот тип непоследовательности встречается в двух случаях:

   а) родители находятся в конфликтных отношениях;

   б) один из них внутри семьи явно доминирует над другим.

Оказывается, что среди детей, родители которых конфликтовали вокруг методов их социализации, впоследствии оказывается больше индивидов с антисоциальными установками, чем среди тех, у родителей которых по этому вопросу существовало согласие. Последние были более мирными людьми.

Но каковы механизмы действия этих форм непоследовательностей?

Итак, опытным путем установлено существование корреляционной связи между непоследовательностью родительской социализации и формированием из детей личностей с антисоциальными установками.

Однако главная проблема остается неразрешенной, а именно: каким образом та или другая форма непоследовательности приводит к подобному результату? Какая существует разница между воздействиями этих двух форм непоследовательности? Работу каких конкретных психологических механизмов они активизируют? Почему не все дети, оказавшись в такой семейной ситуации, становятся агрессивными правонарушителями?

Известно также, что непоследовательность социализации в семье является одним из условий развития у части детей психических нарушений, в том числе шизофрении[24].

Если это так, то можно предположить, что указанные нарушения являются результатом очень сложных психических процессов и свидетельствуют о провале попыток детей приспосабливаться к сложным и противоречивым требованиям родителей. В частности, дети в таких семейных отношениях, по нашему мнению, очень часто переживают ролевые конфликты из-за противоречивости или несовместимости тех

двух групп ожиданий, которые предъявляют к ним родители. Вследствие этого они могут иметь также спутанность самосознания. Исследование «Я-концепции» таких детей представляет значительный интерес. Источником их антисоциальности может быть противоречивая структура их «Я-концепций». Их самооценки так же, как элементы «Я-концепций», должны быть противоречивыми.

В подобных ситуациях детям трудно определить, кто из родителей прав, а кто неправ, чему верить, какая форма поведения является наиболее приемлемой для них. Согласованность требований родителей и других воспитателей — главное условие формирования здоровой и зрелой личности.

1.11. О различии механизмов генезиса враждебной и инструментальной видов агрессии

Исследователи возрастных аспектов развития агрессивности детей обычно рассматривают генезис агрессивности в общем и целом, без дифференциации ее разновидностей. Такой подход полезен, но может остаться описательным, не раскрывая подлинные механизмы генезиса агрессии.

Мы предлагаем **гипотезу**, согласно которой *возникновение инструментальной и враждебной разновидностей агрессии из общего источника — наследственной предрасположенности к агрессии — имеет различия как в аспекте механизмов, так и в своих проявлениях*. Постараемся доказать это утверждение с помощью целого ряда фактов и аргументов.

Первичность импульсивно-враждебной агрессии

Вспомним опыты *Дж. Уотсона*: ограничив движения новорожденного ребенка, он наблюдал его импульсивное недовольство, злость и попытки оттолкнуть прочь руки удерживающего его человека. Это *прямая и непосредственная эмоционально-агрессивная реакция на фрустратор*. У ребенка при переживании враждебности и выполнении этих простых агрессивных движений нет и не может быть других целей, поскольку он просто не способен к целеполаганию.

Отсюда ясно так же, что если тугое пеленание оказывает влияние на психическое развитие детей, то в первую очередь — на развитие враждебной, иррациональной агрессивности. Движения ребенка в последующем, после освобождения от пеленок, развиваются нормально, но в его психике остается «след» в виде склонности к эмоциональным взрывам, в частности — к враждебности и агрессии.

Обобщив, делаем вывод, что, если в определенном этносе существует обычай тугого пеленания новорожденных, можно ожидать, что в нем будет много индивидов, склонных к иррациональной агрессивности. *Тип с враждебной агрессивностью как комплексом характера может стать общеэтническим личностным типом.*

Эта линия развития эмоциональной агрессивности ребенка в семье может продолжаться многие годы, под воздействием различных неприятных стимулов. Если, например, родители подвергают ребенка физической агрессии, то его ответная агрессивная реакция почти всегда является враждебной, а не инструментальной. Это непосредственная защитная агрессия. Когда такой агрессор нападает на другого человека, его целью становится нанесение ущерба жертве: других целей у него нет.

Разрушительное отношение ребенка к игрушкам и другим предметам, то есть *детский вандализм*, является развитой формой враждебной агрессии.

Начало генезиса инструментальной агрессии

Инструментальная агрессия, как известно, не является самоцелью, а служит другим целям. Каким образом начинается ее генезис в самом начале развития личности ребенка? Поскольку возникновение этого вида агрессии происходит с некоторым опозданием по сравнению с появлением враждебной агрессии, «момент» ее возникновения трудно установить. Но она, по-видимому, появляется не раньше конца первого года жизни, когда ребенок приобретает способность ставить перед собой простейшие цели и отличает себя от окружающего мира.

Например, ребенок может побить сестричку не столько из-за досады на нее, сколько для того, чтобы привлечь к себе внимание родителей, которые недостаточно времени уделяют общению с ним. Различные проявления инструментальной агрессии в поведенческом репертуаре ребенка наблюдаются после рождения в семье второго ребенка: появляется зависть, а в ее составе или в связи с ней — инструментальная агрессия. Примеров этого достаточно в трудах *Б. Спока, А. Фромма* и других психологов детства и детских психиатров.

Сочетание двух видов агрессии

Уже в поведении завидующего младшему сиблингу ребенка мы можем наблюдать сложное сочетание враждебной агрессии с инструментальной. Например, известны случаи, когда первенцы наносят физические травмы новорожденным. Какая это форма агрессии? Мы считаем, что здесь сочетание двух описанных выше форм агрессии. Второй ребенок является фрустратором для первенца, и он враждебно относится к младшему. Следовательно, его агрессия — враждебная. Но он одновременно хочет устранить новорожденного, чтобы вернуть себе неразделенную любовь и внимание родителей. Это уже другая цель. Следовательно, агрессия ребенка является также инструментальной. Это просто означает, что агрессивные действия первенца исходят одновременно по крайней мере из двух мотивов:

1) из желания нанесения непосредственного вреда сопернику (сопернице);
2) из цели полного и единоличного обладания родителями.

Конечно, возникает вопрос: *можно ли в последовательности агрессивных действий ребенка разглядеть и разграничить те из них, которые исходят из враждебного мотива, и те, которые являются чисто инструментальными?* Мы думаем, что эта задача частично разрешима, если перед нами случай, когда агрессия ребенка выражается не одним слитным действием, а последовательностью действий, в том числе речевых.

Теперь вернемся к уже описанному раньше случаю и попытаемся показать, каким образом конкретно возникает инструментальная агрессия ребенка. Мы помним пример из книги *А. Бандуры* и *Р. Уолтерса*: на миролюбивого мальчика нападают двое других и избивают. Отец жертвы видит это, подходит, требует от сына подняться на ноги, вручает ему свой ремень и посылает побить этих агрессивных мальчиков. «Иначе я тебя выпорю», — угрожает он. Сын поднимается и начинает драться. Он ведет себя инструментально-агрессивно, так как желает получить одобрение отца. Так ребенок приобретает новые формы инструментальной агрессии и, возможно, в нем

начинают развиваться новые черты характера. Что касается подобных случаев, то в них даже имеет место превращение враждебной агрессии мальчика (которого избивали) в инструментальную. Здесь мы видим сочетание двух видов агрессии и взаимные переходы между ними. Рассмотрим эти процессы несколько более подробно.

1.12. Вознаграждения референтных лиц и переход от инструментальной агрессии к враждебной

Подкрепление и генерализация агрессии

Вознаграждая ребенка (подростка, юношу) за агрессивное поведение, мы подкрепляем его и повышаем *вероятность* повторения тех же действий в будущем. Это первый и главный из эффектов-следствий подкрепления агрессивного поведения. Например, когда отец учит малолетнего сына отвечать агрессией на нападения и унижения со стороны людей, он тем самым делает более вероятным, что сын в сходных ситуациях ответит агрессивной реакцией. Факт хорошо известный психологам[25].

Психологические исследования позволили также обнаружить явление *генерализации* (обобщения) *агрессивных реакций*. Это означает, что если мы поощряем агрессивные действия ребенка по отношению к определенному объекту (фрустратору, стрессору, стресс-фрустратору), то его агрессия вскоре выходит за пределы этого объекта и направляется на другие объекты, сохраняя направленность на прежний объект. Ребенок начинает агрессивно действовать и в таких ситуациях, в которых на него никто не нападает. «На самом деле, — отмечает *Л. Берковиц*, — вознаграждения порой имеют гораздо более глубокое влияние, чем кто-то мог бы подумать. Они могут усиливать не только намеренные действия, но также другие тенденции того же общего характера»[26].

Переход от инструментальной агрессии к враждебной

В приведенном *Л. Берковицем* описании генерализации агрессивной реакции есть «момент», на который он, насколько нам известно, не обратил внимания. Между тем это намек на существование еще одного *важного следствия вознаграждения агрессивного поведения ребенка*.

Давайте подумаем, что означает наблюдение, что *ребенок начинает вести себя агрессивно даже в тех ситуациях, в которых на него никто не нападает, то есть у него нет непосредственных фрустраторов*. Это явление можно интерпретировать как *переход от инструментальной агрессии к враждебной*. Возможно также, что имеет место *преобразование* инструментальной агрессии во враждебную, переход от защитной (ответной, реактивной) агрессии к хулиганской ее разновидности.

Но для подобного перехода нужно хотя бы одно дополнительное условие: индивид должен приписать другим объектам враждебное значение, то есть должен использовать механизм *атрибуции*. У детей, надо полагать, использование механизма атрибуции враждебности происходит подсознательно. Возможно, что вместе с атрибуцией преобразование одного вида агрессии в другой осуществляется с участием и других психологических механизмов. С помощью описанных механизмов агрессивное поведение детей и подростков приобретает разнообразие, охватывает

большой круг социальных объектов, не имеющих никакого отношения к его первоначальным фрустрациям и унижениям.

Расширяя нашу гипотезу, мы могли бы утверждать, что, если существует процесс перехода от инструментальной агрессии к враждебной, возможен и обратный процесс. Его существование мы фактически уже доказали в предложенной выше концепции генезиса двух видов агрессии в течение первого года жизни ребенка.

Эмпирическое подтверждение гипотезы

Эксперименты *Р. Уолтерса* и *М. Брауна*, кратко описанные в книге *Л. Берковица*, фактически предоставляют нам материал, доказывающий не только существование процесса генерализации агрессии, но и нашу гипотезу: да, *один вид агрессии порождает другой, но для этого психика человека пользуется дополнительными процессами атрибуции, переноса и, возможно, другими психическими механизмами.*

Возможно, что таким же путем возникает *общая агрессивность* личности, то, что некоторые психиатры называют свободно плавающим гневом.

Во время этих экспериментов был обнаружен еще один феномен, который, по нашему мнению, все еще не получил должного истолкования. Речь идет о том, что испытуемые, получившие перемежающееся вознаграждение, в новой ситуации (соревновательной) оказались более агрессивными, чем те, кто получал поощрения постоянно, после каждого удара. Можно предположить, что перемежающееся вознаграждение дополнительно фрустрировало испытуемых, тем более, что они знали: других поощряют за агрессию (нанесение ударов по кукле Бобо) после каждого удара.

Интересный эмпирический материал, приведенный в одной из работ Бандуры и Уолтерса[27], также можно использовать для обоснования и расширения представленной в данном параграфе концепции.

Вновь о последствиях регулярного и нерегулярного вознаграждения агрессии

Как вы думаете, когда ребенок или подросток становится более агрессивным? Когда его агрессивные действия поощряются постоянно и регулярно, то есть после каждого акта агрессии, или же тогда, когда не все его действия вознаграждаются и за свои агрессивные действия он получает поощрения через определенные интервалы времени? Например, его могут вознаграждать через каждое пятое агрессивное действие?

Здравый смысл подсказывает нам, что развитию агрессивности в большей степени будут способствовать регулярные поощрения. Однако эксперименты *Р. Уолтерса* и *М. Брауна* показывают, что это не так.

От чего зависит такой несколько неожиданный результат? Мы предполагаем, что его причина кроется в следующем: оба испытуемых до начала эксперимента были фрустрированы одинаково, поэтому уровень их агрессивности был примерно одинаковым. Однако после того как психологи стали их вознаграждать за агрессивные действия, *те из них, которые редко вознаграждались, в каждом случае невознаграждения переживали новую фрустрацию. Она получала дополнительное усиление вследствие неблагоприятного для этих испытуемых социального сравнения с теми испытуемыми, которые вознаграждались каждый раз.* Поэтому усиление их фрустрированности и агрессивности является естественным, и свою агрессию они переносили на другие объекты. Так происходило обобщение их агрессивной

установки. Возможно и другое предположение: усиление, интенсификация ожидания именно из-за того, что оно не всегда сбывается.

О генезисе различных подтипов шизофреников

Известно, что непоследовательность воспитательного, социализационного стиля родителей является одной из причин заболевания подростков и юношей неврозами и психозами, в частности — шизофренией. Детям и подросткам трудно разобраться, что правильно и что нет, что приемлемо для родителей, а что неприемлемо. В таких сложных семейных ситуациях *нормативной путаницы* у подростков и юношей может развиваться шизофрения.

Проблема и гипотеза, которые мы здесь хотели бы предложить вниманию читателей, следующие:

1) непоследовательность и противоречивость родителей как социализаторов проявляется в связи с самыми различными проблемами, связанными с социализацией детей: с проблемой вознаграждения или наказания; обучения агрессивному поведению или подавления этой формы поведения и т. п.;
2) **проблема** состоит в том, что конкретно происходит с личностью ребенка в этих существенно различных ситуациях и формах проявления непоследовательности социализаторов;
3) **гипотеза**: под влиянием различных форм проявления непоследовательности субъектов социализации у личности ребенка, подростка или юноши развиваются различные подтипы шизофрении;
4) более конкретно:
   а) агрессивные шизофреники параноидального типа развиваются вследствие непоследовательного вознаграждения — наказания за агрессию;
   б) противоречивое отношение родителей к эмпатическому и альтруистическому поведению своих детей может способствовать тому, что они, эти дети, не смогут твердо знать, что правильнее: быть добрым и эмпатичным или наоборот. Отсюда — шизофрения другого типа: условно назовем ее *эмпатической шизофренией.*

Это, конечно, упрощение. Но надо помнить, что упрощение сложной задачи, ее схематизация — эвристический прием, способствующий ее решению. Временное упрощение задачи — способ работы мышления, предназначенный для решения творческих задач.

1.13. Идентификация — механизм формирования агрессивных людей

Идентификация с другими людьми — один из мощнейших механизмов социализации и формирования личности, особенно в детском, подростковом и юношеском возрасте. Следовало предположить, что она должна играть заметную роль в процессе формирования агрессивных людей и преступников. Так, по-видимому, и есть, и знакомый с психологией возрастного развития[28] читатель, возможно, даже удив-

лен, что до сих пор в этой главе мы все еще мало говорили об этом важном механизме социализации.

Положительная идентификация с референтными лицами

Если отец мальчика — агрессивная личность и мальчик идентифицирует себя с ним, то в какой-то мере приобретает его агрессивные черты и формы поведения. Дочь может идентифицировать себя с агрессивной матерью. Это *положительная идентификация*, психо-логика которой такова: «Вот каким человеком я бы хотел быть (или стать)».

Но бывают исключения: агрессия отца может вызвать отвращение ребенка, особенно если она направлена против матери, которую он любит. Тогда будет работать механизм *отрицательной идентификации*, психологическую логику которой можно выразить следующим образом: «Вот каким человеком нельзя быть!» (или: «Вот каким человеком я бы не хотел стать!». Это уже связано с идеальным «Я-образом» ребенка).

Подросток или юноша могут переживать положительную идентификацию не только с родителями. Сходные процессы могут иметь место и в отношении других референтных лиц. Когда малыш или подросток воспринимает реального человека или киногероя, которые совершают агрессивные действия, у него возникают процессы идентификации и связанные с ними мыслительные операции. В их числе — интерпретация увиденного, атрибуции, проекции, процессы интроекции и другие.

Социальные психологи уже много лет исследуют влияние телевидения на психическое развитие детей. Специалисты заметили, что дети и подростки склонны воспроизводить в своем воображении, в сфере сознания, увиденные агрессивные стычки. Они представляют себя в роли агрессивных киногероев, переживая идентификацию и воображаемое исполнение роли другого. В своем воображении они одерживают такие победы, которые им недоступны в реальной жизни. Предполагается, что подобные когнитивные процессы помогают подросткам приобрести схемы агрессивного поведения[29].

Здесь мы видим интереснейший пример того, как внутренний психический защитно-компенсаторный процесс способствует развитию у индивида новых форм поведения. Мы имеем в виду, что процессы воображаемого исполнения роли героя, с которым подросток идентифицирует себя, имеют несколько функций, одной из которых является психологическая самозащита фрустрированного подростка: он ведь осознает, что не является героем, ощущает себя слабым и т. п.

Идентификация с родителем или обратная установка?

Многочисленные факты из реальной жизни и психологические исследования показывают, что часть детей девиантных родителей, имеющих антисоциальные установки, тоже становятся девиантными и совершают преступления. Подобные факты нетрудно объяснить работой механизмов положительной идентификации и ее поведенческого выражения — подражания. Описанные выше дети составляют больше половины всех детей девиантных родителей. Однако не все они идут по стопам своих девиантных родителей. Почему?

Мы предлагаем **гипотезу**, согласно которой *такие дети имеют отрицательную идентификацию с девиантными отцами, вследствие чего у них начинает работать защитный механизм формирования обратной реакции и установки*[30]. Поэтому сын

преступника может стремиться стать лояльным гражданином и даже защитником законов и общественного порядка. Редко, но так тоже бывает.

Однако есть еще один возможный путь, который был обнаружен в результате исследований американских психологов *Д. Фаррингтона* и других. Вот каким образом обобщает их данные *Л. Берковиц*: «...вероятность того, что подростки станут нарушителями закона, уменьшается, если социально девиантные отцы относятся к ним с любовью и у них хорошие отношения с матерями. Около половины подростков, имеющих девиантных и не любящих их отцов, стали преступниками. В то же время закон нарушила лишь одна пятая часть тех мальчиков, чьи отцы также были преступниками и (или) алкоголиками, но относились к своим сыновьям с теплотой и любовью. Если некоторые из антисоциальных отцов служили моделью для их сыновей, то их влияние, по-видимому, сказывалось лишь при особых, ограниченных обстоятельствах»[31].

Случай, когда отец мальчика является любящим сына преступником, в результате чего сын не идет по его стопам, нам представляется несколько парадоксальным. Почему? По той причине, что при таких взаимоотношениях сын обычно имеет положительную идентификацию с отцом и подражает его поведению. Почему же этого не происходит? Такой результат возможен в двух случаях:

а) если ребенок не знает о преступности отца;
б) если отец запрещает сыну вести себя так, как он сам. Конечно, и при таких взаимоотношениях между отцом и сыном возможно формирование у мальчика обратной реакции и отрицательной идентификации с отцом, особенно если у ребенка появились другие объекты позитивной идентификации.

Но элементы парадокса имеются и в том случае, когда мальчик подражает преступному поведению отца, который его не любит и с которым у него в лучшем случае могла устанавливаться только негативная идентификационная связь со следующей психо-логикой: «Вот каким человеком нельзя быть!». Но на самом деле, как показали исследования *У. Маккорд*, имеет место обратное: дети нелюбящих и преступных родителей также выбирают преступный путь. В чем тут дело?

Такие случаи попытался объяснить *Л. Берковиц*. Он высказал предположение, что дети будут подражать своим нелюбящим отцам-преступникам только в том случае, если «уже предрасположены вести себя подобным образом»[32].

Поскольку такие мальчики уже жили в семьях, в которых отцы их не любили и конфликтовали с их матерями, то вероятность того, что они имеют антисоциальные агрессивные установки, велика.

Мы считаем, что в таких случаях речь идет о существовании у мальчиков подсознательной антисоциальной установки, которая актуализируется и порождает антисоциальные действия под впечатлением примера отца. Чаще всего подражают отцу-преступнику фрустрированные мальчики: исследования показывают, что чем сильнее фрустрирован человек, тем с большей готовностью подражает агрессивным действиям других людей. Поскольку подражание, особенно повторяющееся, очень часто является поведенческим выражением идентификации, то можно высказать следующую **гипотезу**: ***предыдущая фрустрация активизирует работу механизмов идентификации с агрессором.***

Власть и идентификация Существует еще один и очень сильный фактор, определяющий возникновение идентификации ребенка с отцом или подчиненного (ведомого) с руководителем (ведущим, лидером).

Известно, что индивид P_1 обладает властью над P_2 в том случае, когда контролирует его поведение и даже мысли, имея возможность поощрять или наказывать его. Из области психологии власти и лидерства мы знаем, что специалисты различают такие виды власти, как власть поощрения, власть наказания, информационную власть, власть экспертную и другие.

Отцы обычно обладают хотя бы двумя видами власти над сыновьями: властью поощрения и властью наказания. Дети зависят от «власть имущих» отцов, и данное обстоятельство по каким-то причинам создает в детях готовность имитировать поведение взрослого (родителя). Экспериментальные исследования *А. Бандуры, Д. Росс, Ш. Росс* показали, что «...дети с особенной готовностью имитируют поведение взрослых, от которых они зависят и которые обладают властью — распределяют награды и наказания».

Это, конечно, установленный эмпирический факт, но его констатация и концептуализация открывают путь для исследования новых аспектов взаимоотношений лидеров и подчиненных. Почему власть руководителя вызывает у подчиненных тенденцию имитации его поведения и, вполне вероятно, психологической идентификации с ним? Мы считаем, что к этому приводит желание подчиненного быть таким же, каким он видит и считает лидера, пользоваться частью тех ценностей, которые дает человеку высокий статус. Эти ценности известны: власть, авторитет и доходы. Они привлекательны для многих, если не для всех.

Но мы считаем, что для идентификации с подобным лидером подчиненные должны опираться также на ряд атрибуций. Нужна настоящая идеализация, «кристаллизация» лидера. Несколько изменив точку зрения на предмет нашего исследования, можно сказать, что *атрибуция и идентификация являются механизмами подчинения.*

1.14. Подражание социальным моделям — механизм приобретения агрессивного поведения

Подражание взрослым людям Агрессивное поведение ребенка может быть результатом подражания. Наблюдая за поведением взрослых, ребенок совершает сходные действия без соответствующих внутренних мотивов, в случае агрессивного поведения — без подлинной враждебности, без злого умысла. Мы уже говорили об исследованиях *А. Бандуры*, результаты которых еще раз подтверждают ту истину, что без гнева, в основном в результате подражания другим людям (социальным моделям), дети совершают многие из своих агрессивных действий.

Когда взрослый в присутствии ребенка берет куклу и со злостью швыряет в сторону, ребенок может повторить это агрессивное действие. Он ведь хочет быть таким, как взрослый.

Когда родитель со злостью швыряет туда-сюда игрушки ребенка, который создал в гостиной неразбериху, ребенок может подражать ему и после этого вести себя так же агрессивно со своим игрушками.

Подражание агрессивным действиям взрослого усиливается тогда, когда для ребенка он является объектом положительной психологической идентификации, когда ребенок желает быть таким, как взрослый. Он подражает внешнему виду, действиям и речи взрослого. Обычно в качестве объектов подражания выступают взрослые представители одного с ребенком пола: родитель, учитель, старшие братья или сестры, герои фильмов и романов и т. д. Все перечисленные — «агенты» социализации ребенка, то есть такие люди, которые играют ту или иную роль в процессе психического развития и созревания ребенка, составляя для него значимую социальную среду. Если эта среда агрессивна, ребенок не может не оказаться под ее влиянием хотя бы в некоторой степени. Значимые взрослые выступают для него в качестве социальных моделей подражания.

В создании такой агрессивной среды значительную роль играют телевидение, видеокассеты с фильмами-боевиками, определенная часть печатной продукции. Под влияние полных насилия фильмов и передач попадают в первую очередь те дети, подростки и юноши, у которых структура самосознания, «Я-концепция», еще не оформлена, у которых еще нет твердого личностного ядра, поскольку у них не было достойных объектов идентификации и подражания.

Наблюдая за агрессивным поведением другого, индивид может:

а) обнаружить новые для себя формы агрессивного поведения, новые его грани;
б) наблюдение может подсказать ему, что если другому дозволено быть агрессивным, то и ему тоже можно. Иначе говоря, социальные модели растормаживают запрет на агрессию, являются релизерами агрессивного поведения;
в) частое наблюдение агрессии других людей ослабляет эмоциональную чувствительность наблюдателя, делает агрессию обычным делом, отупляет чувствительность к чужой боли, то есть эмпатическую способность наблюдателя;
г) тем самым для наблюдателя становится возможным спокойно участвовать в агрессивных действиях, которые теперь уже считаются обычными;
д) постоянное наблюдение агрессии может создать у человека представление о мире как об опасном, враждебно настроенном месте обитания. А это, в свою очередь, может создать у человека готовность отвечать агрессией на все то, что кажется ему угрозой для себя[33].

В результате работы этих механизмов дети, как постоянные свидетели ссор своих родителей, также приобретают склонность вести себя агрессивно. Более того, в будущей своей супружеской жизни, а также во взаимоотношениях со своими детьми они тоже ведут себя агрессивно, пытаются разрешить конфликты теми же силовыми методами, что и их родители. Эту наследственную передачу агрессивности иногда называют «циклом насилия»[34]. Сходные явления передачи агрессивного опыта и склонности разрешения конфликтов силовыми методами можно наблюдать также на уровне социальных и этнических конфликтов.

Общение со сверстниками и развитие агрессивности

Начнем с краткого изложения ряда эмпирических фактов. Исследования показывают, что общение со сверстниками и игра с ними делают детей агрессивными. Даже посещение детского сада превращает детей в более агрессивных су-

ществ по сравнению с теми, кто в детский сад не ходит. Во всяком случае таковы данные американских исследователей, представленные в трудах *Р. Бэрона* и других психологов.

Но в чем причина этого явления? Авторы эмпирических исследований, исходя из теории социального научения *Альберта Бандуры*, утверждают, что дети учатся друг у друга агрессивному поведению. Это верно, но это еще не все. Как мы полагаем, есть еще одна и более серьезная причина, а именно: играя вместе и общаясь, соперничая друг с другом, дети оказываются в конфликтных отношениях, переживают состояния стресса и фрустрации и, естественно, становятся агрессивными. У них появляются эмоции гнева и возмущения, которые и приводят к агрессивным действиям. Таким образом, необходимость психологической самозащиты с помощью агрессивных действий, которые они и сами изобретают, или извлекают из своей памяти, или же перенимают у своих партнеров по игре, постоянно делает их более агрессивными. Долговременное общение со сверстниками и повторение фрустраций заставляет их выработать целый арсенал средств для самозащиты или оказания давления на других. Формируется авторитарный характер с сильными тенденциями экстрапунитивности (то есть со склонностью наказывать других людей).

Но у части детей агрессия подавляется под воздействием страха, и они пытаются приспособиться с помощью других средств: конформизма по отношению к лидерам, с помощью подношений и т. п. Систематическое использование этих средств уже ведет к формированию другого типа личности — конформиста, угодника, раболепствующего перед сильными.

Приобретенные в процессе общения со сверстниками способы поведения и вообще агрессивная стратегия адаптации переносятся в новые социальные ситуации.

Данный подход открывает новые возможности исследования процессов приобретения и открытия агрессивных форм поведения в связи с другими формами адаптивных действий.

Социометрический и социальный статусы и агрессивность

Представляет интерес вопрос о детерминированности статуса агрессивностью человека и, наоборот, влиянии статуса на агрессивность. Вопрос этот представляет интерес относительно всех социальных статусов, но, поскольку здесь мы обсуждаем проблемы детской агрессивности, вынуждены ограничить круг обсуждаемых явлений.

Данный вопрос в определенной мере исследовался *Дж. Морено* и другими социометристами[35].

Общий их вывод состоит в том, что агрессивных детей везде не любят и считают неприятными, поэтому, если даже их официальный статус в группе высок, социометрический статус у них низкий. Если агрессивность стала чертой характера, она переносится из одной ситуации в другую и делает человека неприятным и нелюбимым везде. Проведено очень много других исследований, которые по характеру близки к социометрическим[36].

Агрессивные дети занимают в своих группах статус отвергаемых лиц.

Однако не во всех социальных группах агрессивные дети занимают низкий статус. Они могут занимать самые различные, в том числе и высокие статусы в группах,

состоящих из агрессивных детей. Агрессивные дети склонны объединяться в подгруппы. В целом агрессивные дети, по-видимому, не в такой мере отвергаемы и изолированны, как можно было бы подумать лишь на основе социометрических данных.

Психологи, исследовавшие связи агрессивности человека с его статусом, рассматривают эту проблему в основном односторонне. Не учитывается, например, влияние статуса и роли на агрессивность человека. Между тем роль может потребовать от своего исполнителя агрессивного поведения и, если она исполняется в течение длительного времени, может превратить человека в хронически агрессивное существо. Роль как система действий с помощью психологических механизмов интериоризации, диссонанса и адаптации формирует у личности целый ряд черт, в том числе агрессивность, а также соответствующий социальный «Я-образ».

Итак, мы считаем, что в процессе усвоения и выполнения социальной роли происходит обучение агрессивности, если роль этого требует, если в ее структуре есть соответствующие ожидания. Мы полагаем также, что данный механизм способствует появлению и групповой агрессивности. Здесь мы видим возможности дальнейшего развития теории агрессии в связи с достижениями теории социальных ролей.

1.15. Ранняя агрессивность и формирование авторитарного характера

Новые проблемы

Когда говорят о формировании агрессивности в детском возрасте, следует различать, кроме враждебной и инструментальной, еще по крайней мере два вида агрессии:

1) *авторитарную агрессию*, которая может быть как враждебной, так и инструментальной;
2) *неавторитарную*, то есть *не сцепленную с авторитарным характером* агрессию.

Авторитарная агрессия, в свою очередь, бывает двух видов:

а) агрессия авторитарного лидера или руководителя;
б) агрессия авторитарного подчиненного.

Между тем психологи, проводившие лонгитюдные исследования человеческой агрессивности, не дифференцируют эти разновидности и в общей форме говорят об агрессивности детей, подростков и взрослых. Обзор этих исследований представлен в уже неоднократно упоминаемой книге *Л. Берковица*[37].

В результате такой недифференцированности возникают трудности, когда пытаются предвидеть поведение детей в будущем. Мы полагаем, что следует организовать специальные лонгитюдные (продольные) исследования хотя бы двух разновидностей агрессивности: сцепленной с авторитаризмом и неавторитарной агрессивности. Первую из них надо исследовать в связи с развитием авторитарного характера в детстве. Поскольку для исследования возрастного развития агрессивности уже разработаны достаточно надежные методики, то результаты их применения могут дать толчок новым исследованиям авторитаризма. Здесь мы видим серьезные перспективы.

Является ли авторитарная личность антисоциальной?

Продольные исследования развития и сохранения, то есть последовательности и устойчивости, агрессивности показали, что у значительной части сверхагрессивных детей этот комплекс характера и установка включаются в более широкую антисоциальную установку. Но поскольку мы связываем развитие агрессивности с формированием авторитарного характера, то вполне естественно задать себе вопрос, *является ли авторитаризм антисоциальным характером или антисоциальной обобщенной установкой?*

Если ответ окажется положительным, тогда мы сможем утверждать, что хотя бы у части агрессивных индивидов данный комплекс характера развивается в составе авторитаризма, в сцеплении с авторитарной установкой к тому социальному миру, в котором они живут.

Какими качествами отличаются антисоциальные люди и в какой мере эти качества и черты совпадают с теми, которые раскрыты в известных исследованиях авторитарного характера группы калифорнийских исследователей[38] и последующими, в частности, в работах *Б. Алтмейера*?[39]

Рассмотрим результаты исследования *Леонарда Эрона* и его сотрудников, проведенного в сельском округе Колумбия штата Нью-Йорк (США) в течение 21 года[40].

Эти психологи попытались раскрыть источник агрессивности и опросили 870 мальчиков и девочек начиная с 8-летнего возраста. Опрашивали они также их отцов и матерей. Около 400 из этих детей были опрошены еще раз в 1970 году, когда им было около 19 лет, и более 400 из них были опрошены еще раз в возрасте (в среднем) 30 лет. Исследователи попытались выяснить:

а) совершали ли они преступления;

б) нарушали ли правила дорожного движения.

Чтобы получить более полные ответы, они опрашивали также супругов и детей тех из них, которые состояли в браке.

Показателями агрессивности считались: зачинение драки; использование оскорбительных слов в адрес других; агрессивные наклонности, о наличии которых в себе сообщали сами опрашиваемые после окончания школы. Если опрашиваемые состояли в браке, то их просили сказать, как они воспитывают своих детей, просили также оценить уровень их агрессивности. Можно предположить, что более или менее подробные рассказы о методах и стиле воспитания детей могли бы раскрыть связь агрессивности с авторитаризмом.

К сожалению, исследователи, в частности *Л. Эрон* и его сотрудники, изучали агрессивность в изоляции от других черт личности. Итог их исследований *Л. Берковиц* представил следующим образом: «...агрессивность участников опросов имеет тенденцию сохраняться со временем. Эту тенденцию можно ясно увидеть, если сравнить периоды детства и отрочества: и мальчики, и девочки, набравшие в возрасте восьми лет наибольший показатель агрессивности, чаще всего и десять лет спустя считались среди сверстников очень агрессивными. Пожалуй, еще важнее то, что их тенденция к насилию зачастую сохранялась и во взрослой жизни»[41].

Исследование показало, что те, кто с детских лет сохраняет высокий уровень агрессивности, склонны наказывать своих провинившихся детей. Их пунитивность

сохранилась. Они были склонны отвечать агрессией на агрессию, в то время как такая склонность не была характерна для их более миролюбивых сверстников. Вот здесь мы, таким образом, нашли *важный пункт сцепления между агрессивностью и авторитаризмом: это пунитивная (наказывающая) установка к подчиненным, к людям с более низким социальным статусом.*

Что касается отношения к социальным нормам, то это намного более сложный вопрос.

Согласно результатам упомянутых выше продольных исследований, агрессивные люди чаще нарушают законы, чем неагрессивные. Их антисоциальные тенденции довольно устойчивы во времени: «...крайняя агрессивность в детстве, в сущности, выражает общие антисоциальные тенденции. Когда группа Эрона в своей выборке 1981 года проверила уголовные дела ее участников, было обнаружено, что те из них, кто в восьмилетнем возрасте отличался ярко выраженной агрессивностью, в три раза чаще подвергались суду за преступления к 19-летнему возрасту, чем менее агрессивные. Более того, у этих участников опросов к 30 годам было самое большое число судимостей. Такое соотношение сохранилось как для мужчин, так и для женщин. Антисоциальные тенденции агрессивных молодых людей приводили и к большему количеству правонарушений на дорогах»[42].

Возникают следующие вопросы:

- сочетались ли у этих людей агрессивность и антисоциальность с тенденцией к доминированию и власти;
- стремились ли эти люди иметь в обществе высокие статусы, власть и возможность осуществления контроля над другими людьми?

Наличие экстрапунитивности у них мы обнаружили. Но этого мало. Ведь авторитарные люди, занимая в обществе высокие посты, проявляют значительный формализм, выступают в роли консервативных защитников традиций и норм социального поведения. Как можно сопоставить роль защитника социальных предписаний с ролью нарушителя этих норм? Возможно ли это? Проблема эта, несмотря на ее важность, все еще в должной мере не исследована и не решена. Исследователи даже не задались вопросом, каким образом могут сочетаться агрессивность и авторитарная доминантность.

Примечания

[1] *Коломинский Я. Л.* Психология взаимоотношений в малых группах, с. 206; *Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. — СПб., 1999; *May D. E.* Children in the nursery school. Studies of personal adjustment in early childhood. London, 1963.

[2] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 93.

[3] *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. — М., 1963; *Милнер П.* Физиологическая психология. — М., 1973, и др.

[4] *Фромм А.* Азбука для родителей. — Л., 1991. (*Fromm A.* The abc of child care. New York, 1969); Аллан Фромм является психологом-клиницистом и терапевтом, автором ряда книг по психологии, в том числе следующих: “Sex and Marriage”; “Understanding the sexual Response in Humans” и других.

[5] *Harlow H. F.* Learning to love. San Francisco: Albion, 1971.

[6] *Bowlby J.* Attachemrnt and Loss. 2nd ed., New York, 1982.
[7] *Spitz R. A.* The First Year of Life. New York: International Universities Press, 1965.
[8] *Erikson E. H.* Childhood and Society. New York-London, 1963. (Есть уже перевод на русский язык: *Эриксон Э.* Детство и общество. — СПб., 1996, 2002.
[9] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 229.
[10] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 229.
[11] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 230.
[12] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 231; *Hetherington E. M., Cox M. and Cox R.* Effects of divorce on parents and children. — In M. Lamb (Ed.), Nontraditional families. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1982, p. 262.
[13] *Menninger K.* Love against Hate. New York, 1942, p. 30.
[14] *Straus M. A., Gelles R. J., Steinmetz S.* Behind closed doors: Violence in the American family. New York: Anchor, Doubleday, 1980, p. 3; см. также: *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 22.
[15] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 77–78.
[16] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 109.
[17] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 204.
[18] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 103.
[19] *Bandura A.* Aggression: A social-learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973; *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000.
[20] *Buss A. H.* The psychology of aggression. New York: Wiley, 1961; *Buss A. H.* Phisical aggression in relation to different frustrations. "Journal of Abnormal and Social Psychology", 1963, 67, pp. 1–7.
[21] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 219; см. также: *Крайг Г.* Психология развития. — СПб.; М., 2001. — Гл. 9; *Baumrind D.* The development of instrumental competence through socialization. In A. D. Pick (Ed.), Minnesota Symposia on Child Psychology, Vol. 7. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, pp. 3–46.
[22] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 219.
[23] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 219.
[24] См., например: *Комер Р.* Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. — СПб.; М., 2002.
[25] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001.
[26] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 205.
[27] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — Гл. 3.
[28] *Крайг Г.* Психология развития. — СПб.; М., 2001.
[29] *Huesmann L. R. and Eron L. D.* (Eds.). Television and the aggressive child: A cross-national comparison. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1986; см. также: *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 189.
[30] Об этом и других защитных механизмах см. часть I настоящего труда, а также: *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа. — М., 1999. Т. 1; *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988.
[31] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 233; см. также исследования Д. Фаррингтона и У. Корда.
[32] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 233.
[33] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 106–107.
[34] *Steinmetz S. K. and Straus M. A.* (Eds.). Violence in the family. New York: Dodd, Mead, 1974.
[35] *Морено Дж.* Социометрия. — М., 1959; *Коломинский Я. Л.* Психология личных взаимоотношений в детском коллективе. — Минск, 1966.
[36] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 104–106.

[37] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 169.
[38] *Adorno T.* The Authoritarian Personality. Abridged ed. N. Y., 1985.
[39] *Altemeyer B.* Enemies of Freedom. San Francisco: Jessey-Bass, 1988.
[40] *Eron L. D.* The development of aggressive behavior from the perspective of a developing behaviorism. "American Psychologist", 1987, 42, pp. 435–442; *Eron L. D., Huesman L. R., Dubow E., Romanoff R. and Yamel P.* Aggression and its correlates over 22 years. In: D. Crowell, I. Evans and C. O'Donnell (Eds.). Chldhood aggression and violence. New York: Plenum, 1987, pp. 249–262.
[41] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 174.
[42] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 175.

ГЛАВА 2

Семейное лидерство и агрессивность детей

2.1. Власть и агрессия в семье

Новая концепция о ролевой агрессии

Насилие в семье имеет разнообразные причины и мотивы. Одна из его движущих сил — желание утвердить свою власть над остальными членами семьи. В семье, как социальной группе, идет соперничество за влияние. Существуют нормы, регулирующие отношения в семье, кто должен быть главой семьи и как он может реализовывать свою власть. В частности, при сохранении в семье патриархальных отношений свою главенствующую роль мужчины нередко сохраняют и осуществляют с помощью психологического и даже физического насилия. К такому выводу пришли также американские психологи *Эмерсон Ральф Уолдо*, *Рассел Добаши* и ряд других исследователей[1].

Мы считаем, что, хотя внутрисемейная агрессия во многом несет общие черты человеческой агрессии и является ее разновидностью, тем не менее она имеет свои специфические черты, обусловленные следующими обстоятельствами:

1) внутрисемейная агрессия возникает на фоне первичных отношений членов семьи;
2) она возникает на фоне ролевого взаимодействия членов семьи, у которых роли устойчивые и сопряженные.

Автор этих строк предполагает, что указанные обстоятельства и вообще структурированность семьи оказывают существенное влияние на характер, содержание и формы внутрисемейной агрессии. Причем, поскольку ролевые взаимоотношения супругов, родителей и их детей имеют фундаментальные различия, то существенно отличается и агрессия.

Возьмем такой признак, как *легитимность* (законность) — с учетом различия формальной и психологической ее составляющих. Нам удалось обнаружить, что в патриархальных семьях насилие мужчины по отношению к женщине считается более легитимным, чем насилие женщины по отношению к мужчине. *Разность статусов* подвергающих друг друга насилию членов семьи играет существенную роль, поскольку каждый статус связан с определенной долей власти и авторитета.

Что касается насилия друг против друга членов семьи с равными статусами, то оно вообще считается нелегитимным. Так, брат стремится доминировать над сестрой примерно своего возраста, но та дает отпор, заявляя: «Ты кто, что мне

приказываешь?!» и т. п. Вопросом «кто?» как раз и указывают на статус индивида в семье. Когда в ней есть отец, а старший брат стремится играть доминирующую роль, это может восприниматься как незаконные претензии на более высокий статус.

Если обобщить эту концепцию, можно сказать, что агрессия в организованных социальных группах и агрессия во время случайных встреч людей — в социально-психологическом отношении существенно отличные явления, хотя и имеют общие черты, во всяком случае главную черту этой формы поведения — стремления причинить вред другому человеку. *Ролевой подход* может быть очень плодотворным. Мы предлагаем выделить специфический вид ролевой агрессии или, иначе, *сцепленной с ролью агрессии,* которая, как мы считаем, является *комплексной*, то есть инструментально-враждебной формой, но с обязательным преобладанием инструментальной агрессии. В структурированных устойчивых группах агрессия используется с тремя основными функциями:

- для доминирования;
- для социализации;
- с целью психологической и физической самозащиты.

Ролевая агрессия чаще всего является одним из выражений ролевого конфликта. В семье, например, возникают все разновидности ролевых конфликтов: внутриролевые, межролевые и типа «роль-личность» (актер). Мы считаем, что дальнейшее развитие предложенной нами концепции ролевой агрессии возможно именно в этом направлении: при условии ее рассмотрения в связи с ролевыми конфликтами. Например, когда муж превышает уровень агрессивности, который связан с его ролью в сцеплении ролевого взаимодействия муж — жена, его агрессия воспринимается женой как нежелательная. Что касается того, какой уровень агрессии считается законным и приемлемым, зависит как от этнокультурных традиций, так и от специфики данной пары, их индивидуальности и установленных между ними статус-ролевых отношений.

В чем преимущество такого статус-ролевого подхода к внутрисемейным отношениям вообще и к семейной агрессии в частности? Мы уверены, что оно заключается в следующем: идея ролевой агрессии позволяет структурировать огромное количество факторов, вызывающих агрессию, и форм выражения агрессивности. То, что, казалось бы, является случайным в поведении членов семьи, теперь уже выступает как аспект реализации роли в том ее понимании, какое имеется у данного члена семьи. При дальнейшем рассмотрении внутрисемейной агрессии, при ролевом подходе, следует использовать такие понятия теории ролей, как *принятие роли, идентификация с ролью*, взаимные *экспектации* и другие. Это позволит в области человеческой агрессивности, в еще одном участке исследований, перейти от описательного уровня на уровень причинных объяснений.

Описательный уровень исследования семейной агрессии хорошо представлен в целом ряде трудов *А. Бандуры, Р. Бэрона, Л. Берковица* и других авторов. Данные, приведенные в трудах этих психологов, можно переосмыслить и использовать для развития предложенной здесь концепции ролевой агрессии.

Сопряженность ролей и параллельное развитие личностей в семье

Наш подход, как мы надеемся, позволит охватить более широкий круг внутрисемейных феноменов, чем только проявления агрессии. Мы считаем, что *в ходе исполнения сопряженных ролей происходит развитие сопряженных черт и комплексов характеров исполнителей этих ролей.*

Так, у мужа с доминантным и агрессивным характером качества личности жены могут развиваться в двух вариантах.

1. Она может, идя навстречу ролевым ожиданиям супруга, изменяться в сторону традиционного типа патриархальных отношений и стать уступчивой, мягкой, преданной женой.
2. Второй вариант представляет собой тип, формирующийся на основе стратегии сопротивления ожиданиям авторитарного и агрессивного мужа. Это тип женщины, формирующейся на основе постоянной защитной позиции. Мы считаем, что данный вариант развития выбирают те женщины, у которых до выхода замуж уже был доминантный характер.

Правда, зная о существовании явления авторитарного подчинения, можно ожидать возможности формирования и других типов или подтипов жен. Но во всех случаях в какой-то мере процессом формирования характеров управляет **закон сопряжения** в двух вариантах:

1) при *положительном сопряжении* со временем усиливаются сходные черты характера мужа и жены;
2) при *отрицательном*, или *обратном*, *сопряжении* у них появляются контрастные черты характера и противоположные установки.

Мы полагаем, что п е р в ы й из описанных выше типов жен формируется преимущественно на основе закона отрицательного сопряжения, а в т о р о й — главным образом на основе закона положительного сопряжения. Хотя в процессе взаимодействия мужа и жены одновременно работают оба типа сопряжения, один из них преобладает.

Такой же подход может быть плодотворным при исследовании ролевых взаимодействий других членов семьи и развития их характеров. Так, во взаимоотношениях отец — сын действуют оба варианта закона сопряженного развития, но можно, расширив предложенную выше концепцию, предположить, что преобладание того или иного варианта закона сопряжения зависит от того, какой вариант идентификации имеет место между взаимодействующими индивидами:

1) при положительной идентификации работает главным образом закон положительного сопряжения: сын стремится быть как можно больше похожим на отца, и действительно их сходство с годами возрастает. Это путь *конвергентного развития характеров*;
2) при отрицательной идентификации происходит *дивергенция* путей развития личностей отца и сына. Сын может выбрать других референтных лиц в качестве объектов положительной идентификации.

Сходные процессы, по нашему мнению, имеют место и в ролевых взаимоотношениях матери и дочери. Что же касается ролевых взаимоотношений брат—брат, брат—сестра и сестра—сестра, то в них закон сопряжения действует более сложными путями и во взаимодействии с другими факторами, поэтому на настоящем

этапе наших знаний мы пока воздерживаемся от определенных высказываний об этих отношениях. Специального рассмотрения требуют также ролевые взаимоотношения мать—сын и отец—дочь. Разработанный нами подход, как мы надеемся, позволит в них открыть интересные грани.

Некоторые уточнения Имея в виду представленную выше концепцию ролевой агрессии, уже легче понять ошибки некоторых иных подходов к проблеме агрессии, в том числе внутрисемейной. Например, такой крупный исследователь, как *Л. Берковиц*, фактически не видит различия между агрессией мужа по отношению к жене и агрессией родителей по отношению к детям, считая, что в их основе лежат одни и те же условия[2]. Но как могут быть одинаковыми условия возникновения этих двух случаев агрессии, когда:

а) различны их объекты;

б) они возникают в совершенно различных ролевых взаимоотношениях (муж—жена в одном случае и отец—сын — в другом)?

А ведь именно эти социально-психологические отличия и различные варианты закона сопряжения ролей и идентификации являются решающими факторами, обусловливающими порождающие агрессию конфликты, другие фрустрации и стрессы.

Насилие всегда есть насилие, но встречаются его различные типы и варианты, по-разному мотивированные, возникшие и возникающие на различной социально-психологической основе. Унитарный подход не может способствовать углублению теории агрессии. Агрессия главы семьи, направленная на жену (на человека из другого рода, возможно — из другого социального мира, а иногда и из другой расово-этнической группы), не может быть такой же, как его агрессия к сыну, в котором он может видеть своего двойника и носителя своих ценностей.

2.2. Материнский авторитаризм и агрессивность детей

Материнское наказание В исследованиях *Р. Сирса* и его коллег, а также *А. Бандуры* и *Р. Уолтерса* получен интересный эмпирический факт, свидетельствующий о том, что одной из причин формирования агрессивных детей является **авторитаризм матерей**.

> «Матери агрессивных мальчиков в среднем значительно сильнее наказывали сыновей, чем матери из контрольной группы, и хотя отцы различались меньше в этом отношении, тем не менее полученные различия также достигли уровня значимости. В отношении матерей полученные выводы в целом совпали с выводами Сирса и его коллег; матери агрессивных мальчиков терпимее относятся к агрессии против себя и сильнее наказывают за агрессию против других взрослых, чем матери относительно уравновешенных мальчиков из контрольной группы»[3].

Что означает данный эмпирический факт? Почему матери терпимее относятся к агрессии против себя и сильнее наказывают ребенка за агрессию против других взрослых? Является ли это выражением авторитаризма, признаком того, что такие родители не терпят выступлений против авторитетов вообще?

Гипотезы Чтобы ответить на данный вопрос, следует организовать беседы с родителями агрессивных подростков, спрашивая их, чем они объясняют свое поведение. Можно предположить следующее:

- агрессию своего сына против других авторитетных лиц родитель воспринимает в качестве косвенной агрессии против себя или как перенос агрессии, первоначально направленной против родителя, на другие авторитетные лица;
- когда сын ведет себя агрессивно против других взрослых, он тем самым выдает семейную тайну, что он агрессивен и в своей семье.

Это уже прямой удар по «Я-концепции» родителя и по «Мы-концепции» всей семьи, по ее престижу, а также сильнейшая фрустрация для всей семьи, но лишь в том случае, если семья хотела бы выставлять себя перед остальным обществом в качестве мирной и благополучной группы. Мы считаем, что эти гипотезы указывают на путь дальнейшего исследования причин агрессивных внутрисемейных взаимоотношений и условий развития агрессивных детей, подростков и юношей.

Отцы поощряют агрессию

Мы видели, что матери агрессивных мальчиков строго наказывают их, если они совершили агрессивные действия вне дома, против других взрослых людей. Но как же ведут себя их отцы в таких ситуациях? Оказывается, хотя отцы агрессивных мальчиков не терпят агрессию своих сыновей против себя, они, наоборот, поощряют их агрессию вне дома, особенно если она направлена против сверстников сына. Такое поощрение агрессивности они обосновывают тем, что мальчики должны уметь постоять за себя. Но мы уже показали, что подобное поощрение агрессивного поведения детей — один из механизмов формирования агрессивной личности. В то время как отцы неагрессивных детей стремились, чтобы их дети самоутверждались социально приемлемыми способами, «<> некоторые отцы агрессивных мальчиков поощряли своих сыновей на агрессию против взрослых, как и против других детей...».[4]

Они говорили, что дети должны уметь защищать свои права перед взрослыми. Встав на сторону своих мальчиков против преподавателей, они критиковали школу, «...провоцируя, таким образом, сыновей проявлять агрессию против школьной администрации»[5]. Многие отцы признавались, что поощряли агрессию своих сыновей против других людей вне семьи, в том числе против взрослых.

Следует иметь в виду, что эти данные получены в американском обществе, которое характеризуется специалистами в качестве в высокой степени индивидуалистического, хотя и в нем есть немало людей с выраженными коллективистическими тенденциями[6].

Поведение отцов с демократическим характером

Отцы неагрессивных мальчиков как личности существенно отличаются от описанных выше авторитарных отцов агрессивных мальчиков. Вот как обобщают итоги своих исследований этого вопроса *А. Бандура* и *Р. Уолтерс*.

«Отцы из контрольной группы всегда препятствовали любой враждебной агрессии против взрослых. Некоторые настаивали, чтобы сыновья никогда не проявляли неучтивости со взрослыми, а просто сообщали своим родителям, если, по их мнению, взрослые относились к ним несправедливо. Если проблемы возникали в школе,

большинство отцов из контрольной группы объясняли сыновьям, с какими трудностями приходится сталкиваться преподавателям, и просто советовали им работать лучше»[7].

Описанное — поведение человека с демократическим характером: принятие и понимание роли другого человека, сопереживание и совет своему чаду — правильно играть ту свою роль, которая связана с ролью преподавателя. Применив здесь нашу теорию о сопряженных ролях, можно сказать, что отец-демократ направляет процесс ролевой социализации своего сына таким образом, чтобы тот сумел полноценно и достойно исполнять свою роль, сопряженную с ролью преподавателя. Такие взрослые понимают также, что подростки могут неверно интерпретировать принцип справедливости. Мы считаем, что такие отцы склонны спокойно разбирать любое столкновение своих детей с преподавателями и другими внесемейными агентами социализации с целью выяснить, действительно ли был нарушен принцип справедливости.

У неагрессивных мальчиков матери, как и отцы, не поощряют агрессивность своих детей и учат их понимать психическое состояние другого, констатировали *А. Бандура* и *Р. Уолтерс*. Это есть не что иное, как обучение эмпатии, причем в ответах некоторых родителей демократического (и, по-видимому, также коллективистического типа) чувствуется влияние христианского учения, призывающего обращаться с другими так, как человек хотел бы, чтобы обращались с ним самим. Эту мудрость можно использовать в различных вариантах, сохраняя ее логику взаимности.

2.3. Толерантность к несправедливости и смягчение агрессивности

Уровни притязаний в области справедливости

Какой ценой достигается неагрессивность многих индивидов? Конечно, главное — обучение неагрессивным формам и стратегиям решения проблем и адаптации. Но некоторые эмпирические факты, полученные еще в середине 1950-х годов, показывают, что смягчение агрессии нередко достигается в результате отказа от важных принципов и ценностей или смирения с их нарушениями.

Мы знаем, что одним из сильнейших фрустраторов для многих является нарушение кем-либо *принципа справедливости*. Личность, по отношению к которой поступили несправедливо, фрустрируется и оскорбляется, так сказать, по всей глубине своего «Я». Такая фрустрация делает человека злым, вызывает его гнев и желание отомстить.

Но каким образом можно смягчить эту форму агрессии? Один из отцов, сына которого, неагрессивного мальчика, исследовали Бандура и Уолтерс, признался, что учит сына следующей мудрости: «...в жизни он встретит множество людей, которые будут к нему несправедливыми, и ему придется как-то к этому приспосабливаться»[8].

Перед нами фактическое обучение определенной адаптивной стратегии, в которой был представлен смягченный вариант принципа справедливости. Если человеку удается «снизить свою планку» требовательности к соблюдению принципа справедливости, он реже и менее остро будет фрустрироваться в тех случаях, когда другие обращаются с ним несправедливо. Нарушения принципа справедливости станут для него обычными событиями, он будет считать их «в порядке вещей».

К этому вопросу можно подойти исходя из современных представлений об уровнях притязаний личности, а также с применением развиваемой в социальной психологии теории справедливости. Можно сказать, что у людей имеются разные уровни притязаний в области основных социальных норм, в том числе относительно нормы справедливости. Снижение этого уровня делает человека более толерантным к нарушениям принципа справедливости. Надо отметить также, что понимание справедливости меняется в процессе возрастного развития личности.

Атрибутивная несправедливость

Однако следует иметь в виду, что субъективное «чувство» нарушения принципа справедливости не всегда правильно отражает реальное положение вещей. Человек может вообразить, что с ним обходились несправедливо, тогда как тщательный анализ ситуации показывает, что это не так. Когда у индивида появляется такое чувство (то есть комплекс переживаний, состоящий из сомнения, сожаления, оскорбленности и т. п.), то оно, в первую очередь, означает, что он спонтанно делает соответствующие атрибуции другому человеку, группе или даже обществу в целом.

«Чувство» нарушения принципа справедливости у человека может переживаться и на основе неверного понимания этого принципа. Например, эгоцентрический человек может подумать, что люди к нему несправедливы каждый раз, когда препятствуют удовлетворению его эгоистических потребностей. Такой инфантильный эгоцентризм свойствен также определенным этносам, не говоря уже о многих индивидах, каких немало в каждом этническом или полиэтническом обществе.

В этнологии известен следующий достаточно типичный случай: европейский христианский миссионер отправляется в Южную Африку с целью распространения своего вероучения. Он долго обучает группу добровольцев-аборигенов, и наконец наступает пора их принятия в христианскую общину. В качестве последнего экзаменационного вопроса он задает одному из них такой: «Скажи мне, брат Тутси-Мутси, что такое справедливость и что такое несправедливость?» — «Я это хорошо понимаю, патер, — отвечает человек. — Справедливо, когда я ворую коров соседнего племени, и несправедливо, когда они воруют моих коров». Читатель понимает, что вопрос принятия Тутси-Мутси в христианскую общину был отложен на неопределенное время. Стал ли он христианином, нам неизвестно: из Южной Африки пока ничего не сообщают об этом.

Ясно, что при таком эгоизме и эгоцентризме, при таком понимании справедливости всякого можно подозревать в совершении несправедливых действий по отношению к себе. А подозревать — означает делать атрибуции.

2.4. Неуспешное лидерство в семье и отрицательная установка к авторитетам

Обобщение антисоциальных установок

Многочисленные исследования показали, что агрессивность и антисоциальные установки детей впервые возникают в семье, после чего переносятся и на внесемейные объекты. Исследования *Д. Фаррингтона* и особенно *Дж. Паттерсона* показали следующее: «Если мальчик становится агрессивным в результате интеракций с другими

членами семьи, у него развивается тенденция к социально неадекватным действиям и в других, внесемейных ситуациях»[9]. В результате этого он переживает неудобства как в школе, так и в группе сверстников и, наконец, находит себе место в делинквентных группах. Иначе говоря, антисоциальная установка, возникшая в семье, переносится в другие социальные ситуации и обобщается. Но почему? Ответ, по-видимому, надо искать в следующем: *у ребенка возникает отрицательная установка к авторитетным лицам в образе родителей, после чего она обобщается и выражается в виде пренебрежительного отношения к авторитетам вообще*. Читатель наверняка помнит, что в настоящей главе об этом явлении мы уже упоминали.

Истинность нашего предположения становится более очевидной, когда мы знакомимся с результатами исследования «плохого семейного менеджера».

«Плохие семейные менеджеры» (о лидерстве родителей)

Дж. Паттерсон на основе длительных исследований пришел к определенным выводам о том, что такое *плохое семейное лидерство*, выражающееся главным образом в неправильном реагировании на асоциальное и просоциальное поведение детей. Он заключил, что, как сжато передает его мысль *Л. Берковиц*, «...родители антисоциальных подростков недостаточно успешно справляются с выполнением четырех важных функций “менеджмента”:

1) они недостаточно контролируют активность своих отпрысков как в домашних ситуациях, так и вне дома;
2) они не умеют адекватно дисциплинировать их антисоциальное поведение;
3) они не вознаграждают в должной мере просоциальное поведение детей;
4) они (как и другие члены семьи) недостаточно успешны в решении проблем»[10].

Очень интересно следующее наблюдение: есть родители, у которых все эти недостатки и ошибки выражаются вместе, в комплексе. Создается впечатление, что существует качественно своеобразное явление «плохого менеджера». Родитель, который плохо контролирует ребенка, одновременно не способен дисциплинировать его, плохо применяет имеющиеся в своем распоряжении средства поощрения и наказания.

Нам кажется, что данное чрезвычайно интересное для психологии и педагогики явление можно исследовать и с другой точки зрения, что позволит раскрыть его новые аспекты. Мы имеем в виду, что данную проблему можно рассматривать как неправильное применение родителями своей власти и всего того, что находится в их распоряжении в качестве базы для их контроля над детьми. Это плохое лидерство. Но вопрос в том, работа каких типов лидеров отличается этими недостатками? В этой области следует шире применять теорию *К. Левина*, *Т. Адорно* и его группы, а также измененный вариант типологии лидеров, предложенный *Д. Бомринд*. Все остальные особенности плохого семейного лидерства и его последствия подлежат тщательному исследованию.

Различаем ли мы просоциальное и антисоциальное поведение?

Для нормальной, просоциальной социализации детей мы должны четко понять и осознать различие между их просоциальным и антисоциальным поведением и, соответственно, вознаграждать за первое и наказывать за второе. Оказывается, для «плохих семейных менеджеров» это нелегкое дело.

Они сами плохо понимают различие между этими двумя формами поведения и, следовательно, не могут правильно реагировать на поведение своих детей.

Подобный дефект семейных агентов социализации связан, по-видимому, с тем, что *сами они плохо социализированы и плохо знают социальные нормы поведения*, а именно: что разрешено и прилично, что запрещено и т. п. Данное обстоятельство также было открыто в результате исследований *Дж. Паттерсона*.

Вот как об этом пишет *Л. Берковиц*: «В сравнении с “нормальными” матерями и отцами они менее склонны замечать различия между просоциальным и антисоциальным поведением. Они часто вознаграждают детей за поведение, направленное на то, чтобы принудить других пойти на уступки, например, уделяя им внимание, а порой даже прямо одобряя, когда те стремятся во что бы то ни стало настоять на своем, и в то же время такие родители нередко игнорируют, не замечают и не вознаграждают их дружественные, конструктивные действия. Даже наказывая за агрессивность, они не всегда ясно дают детям понять, что наказания, которым их подвергают, вызваны их плохим поведением»[11].

К этому добавляется агрессивное обращение таких родителей со своими детьми, что вызывает их обратную агрессивную реакцию. Ясно, что это тоже способствует развитию агрессивности у детей. Если агрессивные действия таких детей подкрепляются (негативно — устранением препятствий или позитивно — получением желаемого), то развитие их агрессивности как характерологического комплекса идет почти беспрепятственно.

2.5. Жестокость к детям

Специального исследования заслуживает жестокое, агрессивное отношение к детям в прошлом и настоящем. Исследование данной проблемы поведает нам много интересного о природе и истоках человеческой агрессивности. Надо сказать, что история детства изучена очень слабо, но то, что нам уже известно, убеждает, что в прошлом с детьми почти везде обращались намного более жестоко, чем сейчас. У наших предков фактически не было представления о детстве как особом периоде развития человека. Во всяком случае так было в европейских странах[12].

В 1916 году англичанин *Джордж Пейн* написал книгу под названием «Делатели ангелов», в которой исследовал жестокость по отношению к детям в прошлом и практику детоубийства.

Но здесь мы ограничимся лишь рассмотрением ряда причин того, почему современные родители порой жестоко обращаются со своими детьми.

Сходство родителя и ребенка — причина жестокости.

У каждого человека есть физические и психологические черты, которые ему не нравятся. И вот, когда родитель, имеющий такие черты и осознающий их, замечает сходные черты у своего отпрыска, у него возникает негативное отношение к ребенку. За таким отношением следует отвержение ребенка, которого то и дело фрустрирует такое, мягко говоря, плохое исполнение роли родителя. Ответом со стороны ребенка вначале обычно бывает попытка сближения. Но, не встречая теплого отношения, ребенок постепенно отчуждается от родителя, становится агрессивным и выбирает адаптивную стратегию ухода. Это еще один путь формирования агрессивных детей с антисоциальными тенденциями.

Наша идея, позволяющая расширить данный подход, сводится к следующему: *поскольку существует наследственная передача физических и психических черт, то в психике многих родителей возникают симпатия к ребенку и любовь на основе общих приятных черт и неприязнь, отчуждение и даже конфликты на основе сходных неприятных черт, таких, наличие которых в самом себе человек не хотел бы осознать.*

В таких взаимоотношениях имеет место еще и следующее: родитель вытесняет свое знание о наличии в себе определенных неприятных черт, то есть психологически защищается от них; в то же время его ребенок постоянно перед глазами и как бы заставляет вновь и вновь воспринимать и осознать эти черты. Такой ребенок, по существу, *разрушает систему психологической самозащиты родителя*, заставляет многократно воспроизвести в своем сознании собственный неприятный «Я-образ» и снова переживать фрустрацию. Ребенок невольно становится хроническим фрустратором для родителя и вызывает в нем формирование агрессивной установки. В этих условиях часть детей отвечает агрессией и постепенно приобретает соответствующий характер, а также адекватную этому стратегию защитной адаптации.

Обсуждение данной проблемы еще раз показывает нам, что в жизни людей есть *неизбежные фрустрации*, образно говоря — *роковые*.

Имеются эмпирические данные, свидетельствующие о справедливости предложенной выше концепции. Так, одна из матерей, отвечая на вопрос психологов о своем отношении к сыну, ответила: «Я думаю, что в характере Брайана есть черты, которые напоминают мне о себе, те, которые я не люблю. Здесь может быть такая связь»[13].

Эта мать, мягко говоря, относилась прохладно к своему сыну.

Мы сказали, что родителя может фрустрировать как физическое, так и психологическое сходство со своим ребенком. Но еще одно сходство может стать причиной формирования отрицательного отношения родителя к отпрыску: *это возникновение у ребенка таких же психологических проблем, какие были или все еще есть у этого родителя.*

Например, если у сына есть трудности в общении с девушками, это может раздражать отца, у которого были и остаются сходные трудности в общении с представителями противоположного пола. Например, отец может сказать о сыне-подростке: «Он такой же дурак, каким я был в его возрасте. История повторяется: все его обманывают». Конечно, сходство в «дурацких» чертах не может не фрустрировать несчастного отца.

Но нежелательные различия сына от отца также могут фрустрировать родителя. В частности, если у высокоодаренного композитора рождается лишенный музыкальных способностей сын, отец фрустрируется. Но эти переживания могут иметь этнокультурную специфику. Поэтому рассмотренные вопросы представляют интерес также для этнопсихологии и этнопедагогики.

Жестокость и халатность — разные явления

Подлинная в психологическом смысле агрессия, как мы видели, представляет собой мотивированное действие, целью которого является причинение другому (или себе!) боли и вреда. Мы можем назвать человека жестоким тогда, когда он применяет к людям именно такую подлинную агрессию. Если он получает от этого удовольствие, тогда он уже является жестоким садистом. Например, мать может быть жестокой в своих отношениях с ребенком.

Но халатность — это неспособность делать для человека добро. Это небрежное, недобросовестное отношение к делу. Результат халатного отношения может быть таким же вредным, как и агрессивного отношения, но психологически это две разные установки: мотивация соответствующих действий различна, хотя существование агрессивной халатности также нельзя исключить полностью. Но такой исследователь, как *Л. Берковиц*, категорически против, чтобы безразличие, халатность считали разновидностью насилия. Тем не менее здесь есть проблема. Несмотря на то, что мы и так обильно цитируем указанного автора, его высказывание по данному вопросу хотели бы привести дословно: «...жестокость и халатность проистекают из разных причин. Невнимательные к своим детям взрослые заметно отличаются от тех заботливых родителей, которые тем не менее бьют своих отпрысков. Однако каким бы предосудительным я ни считал безразличное отношение родителей к ребенку, попытки квалифицировать это безразличие разновидностью “насилия” означало бы, что оба типа поведения родителей обусловливаются одними и теми же психологическими процессами, а поощрение этой ошибочной точки зрения неминуемо привело бы к запутыванию сути данного вопроса»[14].

В целом это правильная точка зрения. Однако бывают случаи, когда под личиной «безразличного наблюдателя» скрывается агрессор, бросающий человека, в том числе своих детей, на произвол судьбы, предоставляя другим агрессорам превращать их в жертву. Ведь халатность, как мы уже сказали, включает не только безразличное, но и недобросовестное отношение к человеку и к своим обязанностям, в том числе к предъявляемым к роли ожиданиям. В словаре русского языка *С. И. Ожегова* слово «халатный» имеет следующее объяснение: «Небрежный и недобросовестный в выполнении обязанностей»[15].

Но там, где отсутствует «добрая совесть», легко находит себе место злонамеренность. Отсутствие доброты уже означает потенциальную возможность жестокости.

2.6. Проблема возрастной устойчивости агрессивности

Проблема Агрессивность, как и другие комплексы характера, возникает в младенчестве, формируется и уже в подростковом возрасте приобретает устойчивый характер. Имея наследственные предпосылки, она не может совсем отсутствовать у кого-либо, тем более что даже в самых благоприятных условиях потребность в агрессивных ответах время от времени возникает у каждого.

В психологии проведены продольные (лонгитюдные) исследования развития интеллектуальных способностей, умственной одаренности. Известны, в частности, исследования *Л. Терстоуна* и его коллег, сумевших доказать, что уровень высокой одаренности, обнаруженный у детей, сохраняется и в последующие годы, в период зрелости.

Проведены ли сходные исследования агрессивности? Проблема, которая здесь нас интересует, следующая: *в какой мере вспыльчивость и враждебная, эмоциональная агрессивность устойчивы во времени?* Иначе говоря, если ребенок в восьмилетнем возрасте отличается вспыльчивой агрессивностью, то будет ли он таким же в последующие годы, в том числе и в зрелом возрасте? Очевидно, что на

такой вопрос можно получить ответ только с помощью лонгитюдных исследований достаточного числа людей. *Свидетельствует ли агрессивность в юном возрасте о том, что, став взрослым, человек сохранит это свое качество*?

Предваряя рассмотрение конкретных исследований, скажем, что часть маленьких драчунов и задир с течением времени исправляются, становятся миролюбивыми, но другая часть сохраняет свой агрессивный и антисоциальный характер. В целом если мы определяем агрессивность как комплекс характера личности, то можно предположить, что после формирования в школьном возрасте данный комплекс не исчезает полностью, а иногда даже усиливается. Но посмотрим, что показывают эмпирические исследования.

Эмпирические исследования

1. Одно лонгитюдное исследование агрессивности проведено в США, в штате Калифорния. Исследовались родившиеся в 1928 году в г. Борили 200 детей. С большей частью этих людей психологам удалось сохранить контакт вплоть до середины 1950-х годов, то есть в течение 30 лет. Не вдаваясь в подробности и не описывая методы и ход исследования, которые приведены в литературе, представим здесь главные выводы исследователей:

а) вспыльчивые индивиды сохранили эту свою черту, а сдержанные (заторможенные) индивиды — свою;
б) эти их черты оказывали очень серьезное влияние на весь их жизненный путь, в том числе на выбор профессии, создание семьи и т. п.;
в) на сохранение упомянутых черт оказывают влияние реакции окружающих людей, которые поддерживают в них эти черты;
г) определенному числу индивидов из данной выборки все же удалось преодолеть свои первоначальные тенденции. Так, определенное число вспыльчивых индивидов научились сдерживать свои чувства или находили приемлемые способы разрядки своих эмоций. Как это им удалось — чрезвычайно интересно и пока не совсем ясно[16].

2. Исследование *Д. Ольвеуса*. Этот психолог произвел обзор исследований возрастного развития агрессивности, проведенных в США, Англии и Швеции. Они касались агрессивности индивидов мужского пола в возрасте от 2 до 18 лет, а затем — от 6 месяцев до 21 года. Использовались методы прямого наблюдения, метод рейтинга (на основе мнений учителей), свидетельства сверстников и т. п. В каждом индивидуальном случае исследователи выяснили взаимосвязи между первоначальными и последующими данными. Они пытались выяснить, сохранили ли индивиды свою первоначальную агрессивность. *Д. Ольвеус* обнаружил сильно выраженное соответствие между первоначальными и последующими измерениями, однако величина этого соответствия снижалась по мере того, как возрастал временной интервал. «Когда измерение проводилось через год после первого, то среднее соответствие было свыше 0,7, а затем равномерно снижалось; когда промежуток между двумя измерениями составлял 21 год, показатель соответствия падал до значения 0,4...».[17]

Итак, злобность и агрессивность мальчиков сохранились, несмотря на контроль общества и изменения ситуаций. Эти юноши действовали агрессивно не только в сходных, но и в различных ситуациях. Есть люди, которые меняются и становят-

ся более миролюбивыми, но есть и такие, которые сохраняют свою агрессивность подросткового и юношеского возраста[18].

Дальнейшие исследования других психологов также доказали значительную устойчивость агрессивности в течение жизни[19].

Но почему одни индивиды с возрастом меняются, становясь менее агрессивными, а другие или сохраняют свою агрессивность, или даже становятся более агрессивными? Это один из главных вопросов возрастного аспекта проблемы агрессивности, но он до сих пор, насколько нам известно, не исследовался достаточно серьезно.

Дальнейшие исследования

Результаты дальнейших исследований длительного сохранения агрессивности резюмированы в ряде работ (*Л. Берковиц*, *А. Маммен ди* и другие), поэтому нет смысла в подробном их рассмотрении. Мы хотели бы обсудить здесь лишь некоторые узловые вопросы из этой проблематики.

1. *Реализация агрессивности в уголовных преступлениях.* Исследования показали, что люди, уже в дошкольном возрасте показавшие себя агрессивными, чаще совершали в дальнейшем уголовные преступления, чем неагрессивные индивиды.

Так, *Д. Вест* и его коллеги исследовали в Лондоне 400 мальчиков и подростков с возрастным интервалом 8–32 года. Из них 25 % были охарактеризованы как очень агрессивные. Оказалось, что к 21 году (в 1974 году) каждый из них совершил хотя бы одно опасное преступление (нападение на людей или грабеж с насилием), тогда как из неагрессивных индивидов преступления совершили лишь около 4 %. Следует учесть, что из юных нарушителей закона только малая часть привлекается к ответственности. Поэтому можно предположить, что совершивших преступления агрессивных подростков и юношей было значительно больше.

2. *Предсказание дальнейшей судьбы агрессивности.* Очень важно посмотреть, сохраняется ли агрессивность личности, обнаруженная в детстве, и в последующем и можно ли предвидеть, каким взрослым человеком станет агрессивный в детские годы индивид.

Исследование показало, что из 9-летних детей, охарактеризованных в качестве агрессивных, примерно 40 % спустя девять лет становятся еще более агрессивными, а в 21 год — уголовными преступниками.

Но и часть мальчиков (около 27 %), в 9-летнем возрасте охарактеризованных в качестве неагрессивных, в 17-летнем возрасте переходят в группу агрессивных. Однако в юношеском и зрелом возрасте наиболее агрессивными оставались те индивиды, которые в раннем детстве были охарактеризованы как очень агрессивные. Они не изменились. Именно о них сказано: «Горбатого только могила исправит».

Привычность агрессии и проблема внутренних ингибиторов

Мы видим, что люди, в детстве подвергавшиеся насилию и (или) наблюдавшие семейные сцены конфликтов и насилия, со значительной вероятностью сами становятся агрессивными взрослыми. При этом мы показали важность подсознательного сохранения «агрессивного опыта» и его воспроизведения в новых условиях.

Однако остается неясным вопрос: *почему у этих людей не вырабатывались внутренние тормозные механизмы, препятствующие агрессивному поведению?*

Л. Берковиц объясняет это индифферентностью как следствием систематического наблюдения сцен насилия. Эти люди не представляют себе, что недопустимо нападать на других людей для достижения своих целей. Иначе говоря, таким людям межличностная агрессия представляется вполне естественной и допустимой; у них не формируется группа запрещающих агрессивные действия социальных норм, мы считаем также, что у этих людей слабо развита совесть.

Таким образом, у подобных индивидов в онтогенезе не формируются внутренние ингибиторы агрессии. Но, кроме того, эти люди копируют поведение своих родителей; считают агрессию эффективным средством решения своих проблем, то есть имеют преобладающую агрессивную стратегию адаптации.

Что касается подражания родителям, то мы считаем возможным напомнить о предложенной нами в этой книге концепции, согласно которой семейные роли сопряжены друг с другом, а положительная идентификация с родными, лежащая в основе положительного сопряжения, приводит к имитации их поведения и научению.

2.7. Сублимация агрессии

Как мы уже отмечали, и дети, и взрослые нередко приобретают общую озлобленность, которую называют также свободно плавающим гневом. В связи с этим возникает практическая задача уменьшения интенсивности такой агрессивности. Как поступить, если наш ребенок или ученик агрессивен, бьет и оскорбляет других детей, нарушает порядок, не дает нам нормально работать и т. п.? Такой вопрос очень часто возникает перед родителями и педагогами.

Нет универсального и всегда безотказно действующего единого метода предотвращения, а тем более — устранения детской агрессивности. Более того, поскольку агрессия является естественной реакцией на фрустрацию и другие неприятности, то лучше подумать не о ее устранении, а о таком ее преобразовании, в результате которого она из разрушительной превратилась бы в созидательную силу. Когда такой процесс трансформации осуществляется успешно, можно сказать, что агрессия ребенка была *сублимирована*. Она превратилась в нечто более возвышенное.

Самыми эффективными формами или способами сублимации детской агрессии являются:

а) спортивные занятия и соревнования;

б) ролевые игры, во время которых агрессия, сублимируясь, способствует социально-психологическому созреванию личности; играя в разнообразные игры, ребенок приобретает готовность плодотворного участия в социальной жизни взрослых людей;

в) творческий труд как эффективный способ сублимации агрессии.

Ребенок и взрослый стремятся наказывать своих обидчиков, отомстить не путем прямого нападения на них, а косвенно — через достижения высоких, трудно достижимых целей.

Здесь мы можем предложить следующую **гипотезу**: *одним из механизмов формирования мотива достижения является сублимация агрессии.* Мы полагаем, что расширение и обоснование этой идеи может привести к новым результатам в теории мотивации. Художественная литература полна такими сюжетами, когда молодой герой, получив отказ от своей возлюбленной, сублимирует свою агрессию, и сексуальное влечение, и любовь вообще и добивается успехов в какой-либо сфере деятельности. В частности, есть такой замечательный рассказ у армянского писателя Нар-Доса под заглавием «Я и она». Но психолога интересуют не столько внешние результаты этого процесса, сколько *сами механизмы превращения агрессивности в мотив достижения.* Какие внутрипсихические преобразования происходят при этом у личности? Данную гипотезу мы намерены расширить и обосновать в другом месте. Здесь лишь отметим, что, по нашему мнению, сублимация агрессивности — лишь один из возможных путей появления у человека мотива достижения. Такие мотивы могут формироваться также несублимационными путями.

Психическую энергию, связанную с агрессией, можно превратить в целенаправленную и энергичную деятельность.

Один из психологов описывает поведение 12-летнего очень агрессивного мальчика, который после некоторой работы с ним приобрел самоуважение, воспринимая себя в качестве ценной личности. В результате этих преобразований он стал трудолюбивым, энергичным и сконцентрированным на определенной цели мальчиком, стал приобретать полезные навыки и стремление заниматься интересными формами деятельности[20].

Г. Эберлайн показала, что страхи и агрессивность детей чаще всего являются реакциями на социально-психологические конфликты, на такие проблемные ситуации, для разрешения которых у ребенка нет эффективных средств.

Агрессивные игры не являются средствами сублимации. Повседневные наблюдения показывают, что дети нередко разряжают свою агрессивность путем организации с другими детьми таких игр, во время которых занимают доминирующее положение, подавляют других, подчиняют их своей воле, короче говоря, устанавливают над ними свою власть. Есть дети, которые во время таких игр проявляют насильственные тенденции и жестокость, достигающие уровня садизма. В качестве своих жертв они выбирают физически более слабых и несмелых детей и наслаждаются, совершая по отношению к ним насильственные действия. Одновременно они угрожают и требуют никому об этом не говорить, иначе будут наказаны еще сильнее. «Если скажешь — убью!» — вот один из часто применяемых угроз таких «деспотов».

Бывают случаи, когда несколько агрессивных детей объединяются в группу и нападают на другого ребенка, избивают его и наслаждаются своим садизмом. В одной из школ Еревана, в шестом классе, однажды случилось следующее: мальчик, которого описанным способом преследовала и терроризировала группа сверстников, в течение двух недель не ходил в школу. Каждый день он выходил из дома, обманывая родителей, будто идет в школу, но бродил по улицам. Удивительно, что только спустя две недели учителя стали интересоваться, почему мальчик не ходит на их уроки. В эти дни он бродил по улицам, каждый день в 14:00 возвращаясь домой. Он был в страхе перед насильниками и вынужденно лгал старшим. Ясно, что все эти переживания не могут не оставлять вредных следов в психике подростка.

Агрессивные игры, насилие вообще не сублимируют агрессивность детей. Наоборот, если они получают положительное подкрепление, в структуре личности детей агрессивность закрепляется как устойчивая, иногда — как ведущая черта характера. В жизни таких детей агрессивное поведение становится средством достижения своих целей, основной жизненной стратегией. Такой ребенок во время игр с другими детьми уже не способен вести себя как равный среди равных. Отношения равных для него неприятны, он не любит демократических взаимоотношений.

Воспитание, способствующее формированию самосознания, индивидуальной морали и самоконтроля, подавляет агрессивность, но не только не уничтожает ее, но подчас в психологическом, внутрипсихическом смысле (то есть как переживаемое состояние и тенденция к совершению определенных действий) даже усиливает ее. Взрослый в этом отношении отличается от ребенка не ослаблением агрессивности, а главным образом приобретением способности к ее подавлению. Речь идет о подавлении, редукции прямых физических насильственных действий. Взрослый свою агрессивность направляет по другим каналам, замещает их, выражает в более мягких, цивилизованных формах. Взрослым известны разные способы выражения агрессивности, которые социально приемлемы или же менее вредны для людей. Дети в этом отношении беспомощны, поскольку еще не цивилизованны. Успешная социализация личности предполагает обучение приемлемым путям расхода агрессивности. Исследовательская и практическая работа здесь должна быть направлена на изобретение новых, продуктивных способов расхода агрессивной энергии (каким является, например, спорт), поскольку уже существующие способы не обеспечивают полного отвлечения этой энергии на полезные или безвредные занятия. Люди очень часто беспощадны друг к другу без достаточных оснований.

2.8. Другие пути ослабления агрессивности детей

Каким образом добиваться ослабления агрессивности детей? На этот вопрос можно ответить, если вспомнить о причинах их агрессивности, о которых в этой книге мы уже подробно говорили. Следует по возможности устранить из жизни ребенка те *причины*, которые вызывают его агрессию.

В первую очередь следует устранить фрустраторы, лишения ребенка, то психологическое давление и стресс, под которым он находится. Здесь огромную роль играет обстановка в семье. Когда семейные отношения гармоничны, нет серьезных конфликтов между ее членами, когда в семье царят любовь и взаимопонимание, у ребенка не возникает потребности жаловаться, бунтовать и вести себя агрессивно.

Чтобы предотвратить развитие агрессивного характера у ребенка, следует дать ему возможность питаться от груди, лучше — материнской, причем по своему желанию, без ограничения времени и без искусственного прерывания. Это обстоятельство специально подчеркивают психоаналитики. Они считают также желательным, чтобы функции принятия пищи и туалета тренировались по стандартам взрослых только после того, как ребенок становится способным сидеть сам и без угрозы падения и давать сигналы о своих физиологических потребностях. Следует обнаружить индивидуальные ритмы удовлетворения ребенком своих физиологических потребностей и учесть их для того, чтобы у ребенка развивать способность

получения удовлетворения от своих телесных отправлений, телесного самоконтроля и приспособления к условиям жизни.

Другое требование: в течение длительного времени и непрерывно одно и то же лицо должно осуществлять материнский уход за ребенком. Это обеспечивает их физиологический и психологический симбиоз, взаимное удовлетворение потребностей и параллельное развитие как личностей[21].

Мы полагаем, что такая ситуация раннего детства особо полезна для развития чувств и механизмов идентификации.

Ребенок должен быть защищен от упреков, угроз и наказаний как способов подавления его сексуальности. Положительный пример родителей и правильная социализация естественным путем приведут к культурному поведению. Детей надо уважать как личность со своими правами, потребностями и чувствами. Это означает, что, требуя повиновения родительскому авторитету, всегда надо давать ребенку доступные для его ума объяснения и обоснования. Во всех случаях общения с ребенком родители должны быть честными, искренними и относиться к нему с доверием. Все это предотвращает развитие агрессивности как черты характера.

Следующий практический вывод из теории агрессии состоит в том, что следует устранить из социальной среды тех агрессивных людей, которые служат ребенку в качестве моделей для подражания. Взрослые должны быть более внимательны к собственному поведению, контролировать свои эмоции, не стать примером агрессивности. Когда социальную среду изменить невозможно, следует увести ребенка из этой среды. Причем удаление следует понять как в физическом смысле (что не всегда возможно), так и психологическом. Но каким образом создать бóльшую психологическую дистанцию между ребенком и другим индивидом, когда увести ребенка из ситуации невозможно?

Для этого родители должны дать отрицательную оценку агрессивному поведению этого индивида, психологически дискредитировать его, особенно его агрессивное поведение, ослаблять психологическую идентификацию с ним ребенка, если она уже имела место. Следует учесть, что если дети лишь случайно и эпизодически подражают другому человеку, то это не опасно, это — поверхностный процесс. Но когда налицо психологическая идентификация с этим человеком, когда у ребенка имеется желание быть таким, как он, когда приведен в действие механизм интроекции, с помощью которого ребенок уже приписывает себе черты этого человека, тогда подражание может стать устойчивым. В подобных случаях без ослабления самой идентификации невозможно устранить из поведенческого репертуара ребенка подражание агрессивным действиям социальной модели.

Выше мы уже выяснили, что педагогическая запущенность ребенка и потакание его желаниям, отсутствие отрицательных санкций также могут стать факторами, способствующими развитию агрессивной личности. Попустительство способствует развитию циничной, наглой личности. Наглый человек всегда агрессивно и неуважительно относится к окружающим людям. Следовательно, еще одним способом предотвращения развития агрессивной личности является усиление требовательности к ребенку, гибкое использование положительных и отрицательных санкций.

Наконец, с целью ослабления агрессивности детей можно организовать ролевые игры. Если причиной агрессивности ребенка является конфликтная ситуация

в семье, тогда следует организовать такую ролевую игру, в которой участники поочередно играют роли членов семьи. Так, ребенок то выступает как он сам, то играет роль отца и т. д. Это позволяет ему с различных позиций смотреть на внутрисемейную ситуацию, глубже понять потребности и роли других членов семьи и правильно оценить их поведение. И когда ребенок благодаря такой ролевой игре начинает понимать, что требования, предъявляемые к нему отцом, законны и оправданны, он становится более внимателен к требованиям родителя, лучше и охотнее выполняет их. Он подумает и скажет, что сам поступил бы точно таким же образом, если бы был отцом. Это уже крупное продвижение в процессе социально-психологического созревания личности ребенка.

2.9. Толерантность к фрустрациям и детские впечатления

В повседневной жизни фрустрации неизбежны. Отсутствие толерантности к повседневным фрустраторам в значительной мере связано с глубокими фрустрациями детских лет: внезапного и раннего отлучения от материнской груди; противоречивости требований, предъявляемых к ребенку в неблагополучных семьях и т. п. В результате ранних и глубоких фрустраций порог толерантности может стать постоянно низким, а в характере начинает доминировать сверхагрессивность, то есть постоянная готовность к неадекватно интенсивным агрессивным действиям даже без наличия новых серьезных фрустраций.

Глубокие и устойчивые фрустрации детства могут создать постоянное чувство лишенности чего-то важного, ценного. Чтобы фрустрации, связанные с лишением ребенка различных детских удовольствий (таких как сосание пальца или материнской груди, длительное сидение на горшке, игра с экскрементами, подглядывание за половой активностью взрослых, энурез, манипуляции с гениталиями и другие «плохие привычки»), не приводили к образованию нежелательных черт характера, их нужно заменить другими, социально более приемлемыми действиями, а не просто запретить. Замена уменьшает силу фрустрации, в какой-то мере компенсируя эмоциональные потери ребенка.

Грубое подавление «плохих привычек» может привести даже к обратному результату — к их фиксации, усилению и более частому проявлению. Вместе с этим у ребенка может возникнуть постоянное чувство тревоги или страха в связи с тем, что ему приятен этот путь получения удовольствия, но он боится наказания. Таким образом, может возникнуть постоянный источник внутренних конфликтов. Эти идеи содержат в себе потенциал дальнейшего развертывания.

2.10. Защитные механизмы против агрессии

Развитие самосознания личности приводит к тому, что человек приобретает способность подавлять свою агрессивность и вытеснять агрессивные желания из сферы своего сознания. Но человек в каждую минуту своей жизни не может заниматься только вытеснением своих агрессивных желаний. Это парализовало бы все виды его активности. Нужны постоянные внутрипсихические факторы (черты, установ-

ки, способности), сдерживающие агрессивные тенденции без непрерывного участия сознания. Кроме того, эти факторы, будучи сформированы, могут стать орудием и для осуществления сознательного самоконтроля.

Представители психоанализа заметили, что *против агрессивности образуются психические защитные механизмы,* из которых особенно важны *совесть*, чувство жалости, иногда — нерешительность.

Исследователями отмечается, конечно, и тот факт, что агрессивность разными путями *замещается* и часто (когда ребенок правильно воспитывается) используется не против людей, а с целью овладения внешним миром.

Однако указание на совесть, чувство жалости и на нерешительность в качестве сдерживающих агрессивность факторов правильно, но поверхностно. Эти явления имеют более глубокие и незаметно действующие психологические механизмы, которые лежат в основе морального поведения. Из них главными являются интроспекция, эмпатия и способность принятия и исполнения социальных ролей во взаимодействии, в сопряжении с другими людьми. Важнейшее значение имеют также интериоризация моральных ценностей общества, своей этнической культуры и образование важнейших подструктур самосознания.

В свете сказанного жалость выступает как один из постоянных эмоциональных компонентов эмпатии и ни в коей мере не является самостоятельным защитным механизмом, направленным против собственных агрессивных тенденций.

Известно, что защитные механизмы находятся в распоряжении центра личности, ее «Я». Какие защитные механизмы выбираются личностью в той или иной ситуации для осуществления психологической самозащиты, зависит от структуры «Я-концепции». Нашу точку зрения на данную проблему мы подробно изложили в предыдущих работах, посвященных проблеме адаптации.

Представляют интерес исследования *Стэнли Куперсмита* и его коллег[22], согласно которым между уровнем самоуважения личности и уровнем ее деструктивности (агрессивности, вандализма и ненависти к людям) существует обратно пропорциональная зависимость.

Это особенно заметно в раннем детстве. Самоуважение, как известно, является важным компонентом «Я-концепции» личности.

2.11. Агрессивные черты характера — последствия агрессивного поведения

Постоянные фрустрации и привычка отвечать агрессией вызывает у личности формирование целого комплекса агрессивных черт характера. Это те качества, в которых ведущим признаком является агрессивность. Они могут быть двух типов:

а) нормальные и здоровые агрессивные качества характера, такие как стремление к соперничеству и настойчивость;

б) вторую группу составляют близкие к патологическим или истинно патологические качества агрессивного характера: враждебность к людям, задиристость и подлость; разрушительность; крайний негативизм и мятежность; склонность ко лжи и обману, лживость характера.

При исследовании агрессивных черт характера как первой, так и второй подгрупп следует учесть, что каждая из них по существу является *комплексом* (как, например, агрессивная настойчивость или подлость), но таким, в котором ведущей чертой является агрессивность, стремление устранить другого или причинить ему вред. В них всегда имеются, например, познавательные элементы, мысли, а также чувства и эмоции. Это скорее всего *установочные комплексы*, чем простые черты. Психологическая структура агрессивной «реакции» человека на различные социальные фрустраторы и ситуации сложна и зависит также от тех ролевых ожиданий, которые предъявляются к человеку в данной ситуации. Но адекватное понимание поведения человека требует раскрытия структуры его агрессивных действий, исходящих из комплексов его характера.

Долгое детство и зависимость — предпосылки развития агрессивности.

Как существует целый веер или спектр агрессивных реакций на фрустрацию, так и формируется целый веер агрессивных черт характера, начиная от мягких форм агрессивности в виде настойчивости в достижении своих целей (за счет нанесения вреда другим) до садизма и разрушительности. Это уже долгосрочные последствия агрессивного поведения в структуре характера личности. Предотвращение развития патологической агрессивности возможно лишь тогда, когда мы — родители и педагоги — хорошо знаем механизмы возникновения агрессии и с малых лет, следя за развитием детей, стараемся предотвратить возникновение у них таких нежелательных черт.

Одна из причин развития интенсивной агрессивности у человека состоит в том, что с самого дня своего рождения, имея мощные потребности, ребенок лишен возможности и способности их самостоятельного удовлетворения. Это противоречие между потребностями и возможностями имеется у всех, но у детей оно острее всего: детеныши многих животных появляются на свет уже готовыми для самостоятельной жизни; во всяком случае через некоторое время после рождения они становятся самостоятельными. А дети долгое время беспомощны, и это чувство вызывает к жизни постоянную тревогу, недовольство, страх, фрустрацию и, как их следствие, агрессивность. *Долгое детство и зависимость — предпосылки развития агрессивности.* Если родители очень заняты другими делами, то у них вырастут агрессивные, недовольные жизнью дети: они ведь постоянно переживают различные фрустрации.

Однако агрессивные реакции ребенка на фрустрацию — протест, гнев, стремление изменить ситуацию — намного полезнее, чем плач, чрезмерное повиновение, крайняя конформность, грезы или бегство от неприятной реальности. Поэтому не следует уничтожать агрессивность детей: следует смягчить ее, способствовать, чтобы она выражалась в различных пропорциях и была адекватна силе и значимости воздействующих фрустраторов и других неприятностей жизни.

Иногда дети подавляют свою агрессию, вытесняют ее, поскольку боятся родителей. Эти агрессивные импульсы, однако, не уничтожаются: они могут появляться многие годы спустя, у взрослого человека, который давно забыл свои детские фрустрации, во всяком случае многие из них. *Агрессия ребенка перемещается, переносится во взрослую жизнь.* Это одна из разновидностей механизма перемещения агрессии: реакция откладывается на многие годы, объекты агрессии обычно замещаются новыми. Правда, эти механизмы играют важную роль уже в детстве, в ситуациях фрустрации или непосредственно после воздействия фрустраторов.

Такое перемещение может стать причиной того, что в процессе переживания фрустрации в детские годы ребенок находит другие выходы, например ломает игрушки. Перемещение имеет место как *откладывание* реакций и как изменение ее направленности (*замещение* объекта агрессии). Перемещение и замещение обусловлены, в частности, тем, что ребенок слабее родителя. Он боится наказания и поэтому становится покладистым и почтительным. Дети одновременно любят своих родителей и зависят от них. Вследствие этих причин направленная против своих родителей агрессия порождает у ребенка чувство сожаления, виновности и беспокойства, так как возникает опасность потери любви и заботливости родителей. Ожидание такой перспективы может толкать его на поиски порочных интересов у своих сверстников. Указанные чувства, возникнув, также становятся источниками фрустрации (внутренними фрустрирующими состояниями). В такой сложной внутренне-внешней фрустрирующей ситуации агрессивные реакции могут быть чрезвычайно разнообразными и разнонаправленными. Вследствие всего этого больше всех страдает сам ребенок. Он может отчуждаться от родителей, потерять друзей, не в полной мере использовать свои умственные способности, постоянно быть раздражительным, переживать гнев и чувство вины. У него может формироваться иррациональный страх, который он не в состоянии контролировать. Это картина несчастливого детства, когда личность становится не способной улучшить свои отношения с другими и с собой. Агрессивность становится привычной, неконтролируемой и самовоспроизводящей.

Каков выход из такой ситуации?

Выход состоит в том, что ребенка надо любить, ему надо дать почувствовать, что он принят, желателен. Появление нового ребенка не должно стать причиной уменьшения внимания к первому. Мы уже знаем, что именно зависть к новорожденному делает старшего ребенка агрессивным. Только любовь и приветливость к фрустрированному ребенку могут препятствовать развитию в нем таких черт характера, как упрямство, экстравагантность, эксгибиционизм, склонность к удержанию экскрементов и другие черты, тесно связанные с защитными механизмами.

2.12. Темперамент, агрессивность и отклоняющееся поведение

Темперамент лежит в основе формирования многих черт характера и поведения. Поэтому в книге, посвященной многостороннему исследованию человеческой агрессивности, нельзя не рассмотреть также проблему связи агрессии и агрессивности с комплексом черт темперамента. Фактически проблема эта является широкой сферой исследования и тесно примыкает к проблеме наследственных предпосылок агрессии. Здесь мы вкратце рассмотрим те ее аспекты, которые имеют непосредственное отношение к процессу развития агрессивности детей в онтогенезе.

О структуре темперамента

Темперамент и его типологии описаны во многих публикациях[23]. Здесь же мы сугубо кратко опишем структуру темперамента, перечисляя его основные черты. Согласно современным представлениям в структуру темперамента входят нижеследующие основные черты, некоторые из которых, на самом деле, являются комплексами черт иного порядка:

1) *активность*, то есть частота, темп и сила действий человека;
2) *ритмичность* основных психофизиологических функций — пассивности и активности, сна и бодрствования и других;
3) *склонность приближаться* к новым раздражителям или, наоборот, удаляться от них, избежать контакта с ними;
4) *способность к адаптации*: имеется в виду, в какой мере индивид способен изменить свое поведение в ответ на изменения условий жизни;
5) *интенсивность реакции*, то есть энергичность ответа на внешние воздействия;
6) *порог чувствительности*, то есть тот уровень интенсивности внешнего раздражителя, который необходим для изменения поведения;
7) *отвлекаемость внимания*, то есть то, в какой мере новые раздражители меняют направленность психической активности человека;
8) *сосредоточенность внимания и его устойчивость*, что определяется длительностью того отрезка времени, в течение которого индивид способен заниматься определенной деятельностью. Как видно, последние «черты» темперамента одновременно являются особенностями внимания, что свидетельствует о влиянии темперамента на сознание и познавательные процессы.

Предложены различные типологии темперамента, авторы которых, выделяя типы, включают в их состав определенные группы из вышеназванных и других черт. Из современных типологий наиболее известная подразделяет людей на интровертов, экстравертов и амбивертов. **Интроверты** — это люди, психическая активность которых в основном направлена вовнутрь, на содержания собственной психики; **экстравертов** преимущественно интересует внешний мир; что же касается **амбивертов**, то у них эти две тенденции представлены примерно одинаково[24].

Эта типология весьма полезна при рассмотрении агрессивности человека, поскольку в типах та или иная форма агрессивности с самого начала дана в качестве одной из черт личности. Например, экстраверты отвечают на воздействие фрустраторов и стрессоров бурными агрессивными реакциями, тогда как интроверты склонны подавлять свои агрессивные реакции, переживая их скорее в фантазиях, чем в виде реальных ответных действий. Типы темперамента, в том числе классические — сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический, — являются способами функционирования ребенка и взрослого, характеризуя в основном *динамику* психической активности человека. Но различные черты темперамента создают у людей различные склонности, предрасположенности к развитию определенных черт характера, установок и других образований, в том числе психических отклонений и девиантных (отклоняющихся от социальных норм) форм поведения.

Темперамент и склонность к преступному поведению Проблемой связи между темпераментом и склонностью к преступному поведению специально занимался *Г. Айзенк*. Он пришел к выводу, что те индивиды, которые на осях (измерениях) «экстраверсия — интроверсия» и «невротизм — эмоциональная устойчивость» занимают крайние позиции, склонны к патологическим изменениям. Этот автор утверждает также, что склонность к преступности наследственна и тесно связана с темпераментом[25]. Иначе говоря, на основе данных пси-

хологии и результатов собственных исследований он попытался вновь обосновать то, что еще в XIX веке хотел доказать *Ч. Ломброзо* на основе своего опыта судебного психиатра и криминолога[26]. В своих трудах *Г. Айзенк* приводит эмпирические данные о том, что большинство преступников-насильников являются экстравертами. Это означает, что экстраверты отличаются, в числе других, следующими чертами:

1) повышенным уровнем внешней агрессивности;
2) экстрапунитивностью;
3) склонностью к насилию, причем часть экстравертов — к патологически высокой степени агрессивности вплоть до садизма.

Формирование антиобщественных, преступных установок личности, без сомнения, имеет более сложную обусловленность и не может детерминироваться лишь темпераментом. Велика роль таких социально-психологических факторов, как подражание социальным моделям, получение определенного статуса и соответствующей роли, влияние родителей и других авторитетных людей и т. п. Однако сходные с результатами *Г. Айзенка* данные получены и другими исследователями. Так, польский психолог *К. Поспишиль* выяснил, что хулиганы, воры и насильники в большинстве своем отличаются более высоким уровнем экстраверсии и персеверативности, чем в среднем другие люди. У нормальных подростков и юношей, наоборот, налицо средний уровень активности, невротизма и экстраверсии.

Таким образом, между темпераментом и склонностью к тому или иному виду преступлений существуют довольно тесные связи[27]. Оказалось, что тип темперамента влияет на выбор личностью того вида преступления, которое он собирается совершить. Поэтому когда экстраверт выбирает для себя преступный путь жизни, он чаще всего становится хулиганом, поскольку для того, чтобы стать вором, у него недостает хорошо развитого и гибкого мышления. Хорошие воры — в основном интроверты.

Существование такого соответствия между темпераментом и преступностью вполне вероятно, поскольку, имея определенный тип психической динамики, человек выбирает такую деятельность, для успешного выполнения которой следует обладать именно такими динамическими чертами: *динамика деятельности и динамика личности должны соответствовать друг другу*. Индивид выбирает такую сферу преступной деятельности, чтобы удовлетворить свои потребности во впечатлениях, в риске, в столкновении с опасностями, в осуществлении определенных видов поведения. У людей с разными темпераментами эти потребности различны. Безусловно, заслуживает внимания предлагаемое *Яном Стреляу* уточнение: с темпераментом индивида связаны не вид или тип преступления, а способ его совершения, а также та ситуация, в которой оно совершается[28].

2.13. Опыт детства и гендерные различия агрессивности

Защитные механизмы и адаптивные стратегии человека начинают формироваться еще в раннем детстве, уже при первых столкновениях с социальным миром, в первую очередь — с членами своей семьи. И с самого начала формирование агрессивности происходит различно у индивидов двух полов.

Опыт детства и агрессивность женщин

Исследования психологов показали, что женщины, которых часто избивают в их семьях, отличаются следующими особенностями биографии:

а) они чаще других были свидетелями случаев применения насилия в семьях, в которых росли и социализировались;

б) сами чаще других бывали жертвами насилия в детстве.

Таких женщин их мужья часто избивают, но не потому, что они не умели защищаться, а по другим причинам:

а) они сами нередко ведут себя агрессивно;

б) когда мужья проявляют агрессию, они сразу же отвечают агрессией, что приводит к обострению конфликта, драке и даже физическим повреждениям.

Эти сведения позволяют нам утверждать, что у таких женщин агрессивность как черта характера образовалась еще с раннего детства и стала преобладающей стратегией адаптации в проблемных ситуациях. Подобная стратегия формируется двумя путями: на основе личного опыта жертвы насилия и в результате наблюдения внутрисемейных сцен агрессии, например конфликтов между родителями. Данный опыт, по-видимому, сохраняется в подсознательной сфере и воспроизводится уже в своей семье, во взаимоотношениях с мужем и детьми. Сходные семейные ситуации приводят к спонтанному воспроизведению образованной еще в годы детства адаптивной стратегии, которая состоит из комплекса защитных механизмов, в котором ведущую роль играет агрессия, а также из устойчивой враждебной установки. Причем эта установка может быть обобщенной: женщина может быть агрессивной во взаимоотношениях со многими людьми, особенно с теми, кого воспринимает в качестве реальных или потенциальных фрустраторов или стрессоров.

Нет сомнения, что и среди женщин встречается много агрессивных индивидов, готовых применять физическое или психологическое насилие к другим людям. Но женская агрессивность исследована меньше, чем мужская. Кроме того, есть предположение[29], что агрессивные женщины формируются иными путями, чем агрессивные мужчины. Так что проблема эта требует новых исследований.

Во многих семьях нападающей стороной является женщина. Таково, во всяком случае, положение вещей на Западе. Однако у жен чаще наблюдается словесная агрессия: только немногие из них прибегают к физической агрессии против своих мужей. Но в целом, согласно одному из видных исследователей семейной агрессии *М. Страусу*, жены так же часто наносят удары своим мужьям, как и мужья — женам. Женщины не только наносят удары голыми руками, но и угрожают ножом или ударяют им и другими предметами, стреляют из пистолетов, которые в некоторых странах весьма доступны каждому. Хотя более распространена точка зрения, что мужчины агрессивнее женщин, есть психологи, придерживающиеся противоположной точки зрения. Например, американские психологи *М. Страус, Р. Джеллес* и другие даже считают, что агрессивность женщин ничуть не уступает агрессивности мужчин, а, может быть, даже несколько превышает ее. Другие исследователи также обнаружили, что мужья так же часто становятся жертвами насилия своих жен, как и жены — жертвами насилия своих мужей. Причем женщины во время кон-

фликтов с мужьями чаще прибегают к оружию, что считается следствием их физической слабости. Мужчины в ссоре с женщиной с большей вероятностью получают серьезные телесные раны, утверждают американские исследователи. Возможно, что жена реже является инициатором конфликтов, но чаще наносит мужу телесные травмы. Однако эта точка зрения оспаривается другими авторами. Вполне возможно также, что существуют заметные этнокультурные различия.

Опыт детства и агрессивность мужчин

Исследования предоставили нам также сведения о тех мужчинах, которые чаще других в своей семье прибегают к помощи агрессии: они жестоки к своим детям и женам; в детстве часто бывали свидетелями сцен насилия в тех семьях, в которых росли и социализировались; сами чаще неагрессивных мальчиков бывали жертвами насилия в детском возрасте[30]. Как и в случае женщин, мы здесь обнаруживаем два пути формирования агрессивной адаптивной стратегии: наблюдение агрессивных сцен и личный опыт жертвы насилия других людей, в первую очередь — родителей. Данный опыт сохраняется в подсознательной сфере и воспроизводится уже во взрослом состоянии, в своей семье. Подобные мужчины проявляют жестокость как к жене, так и детям. Агрессивная адаптивная стратегия таких людей может быть составной частью более широкого *характерологического гиперкомплекса*, например авторитаризма.

Когда в семье как мужчина, так и женщина агрессивны в указанном смысле, то есть имеют преобладающую агрессивную адаптивную стратегию, между ними очень часто возникают конфликты и даже проявления физического и психологического насилия. Имея преобладающую агрессивную стратегию адаптации, мужчины во многих ситуациях смогли бы воздерживаться от насильственных действий при отсутствии ряда дополнительных факторов, способствующих возникновению у них стрессов и фрустраций. В их числе отмечаются три нижеуказанные группы (называются те, роль которых действительно раскрыта в ходе исследований).

1. Когда жена более образованна, чем муж, она чаще подвергается насилию с его стороны; этим путем мужчины, по-видимому, добиваются самоутверждения. Предполагается, что мужья рассматривают своих более образованных жен претендентами на роль главы семьи, что их, конечно, фрустрирует, особенно в том случае, если они придерживаются традиционных патриархальных взглядов на семью. Данный факт обнаружил *Р. Джеллес* в ходе опроса 80 семей из штата Нью Гемпшир[31]. У мужей, имеющих более низкий образовательный и профессиональный статус, появляется постоянная озабоченность относительно того, являются ли они подлинными главами своих семей.
2. Конкуренция за роль главы семьи: многие женщины стремятся играть в семье более решающую роль и получают отпор в виде насильственных действий мужей.
3. Экономические трудности: бедность, низкая зарплата, безработица и т. п.

Однако не следует забывать, что все эти факторы, особенно первый (низкий образовательный статус мужчины), являются предпосылками, усиливающими авторитаризм личности, а следовательно, и ее авторитарную агрессию. Это один из убедительных результатов исследования авторитарной личности[32].

2.14. Агрессивность и антисоциальная установка

Структура агрессивности как комплекса характера

Мы уже определили агрессивность как *комплекс характера*. Но какова ее структура, из каких компонентов она состоит? На этот вопрос необходимо найти ответ для того, чтобы можно было исследовать возрастное развитие агрессивности и ее связь с другими психическими явлениями. Несмотря на важность данного вопроса, специалисты, исследующие человеческую агрессию, не проанализировали агрессивность так подробно, как того она заслуживает.

Мы полагаем, что в структуру агрессивности взрослой и зрелой в социально-психологическом отношении личности входят:

1) *враждебные мысли, оценки и образы других людей*; представление о том, что человек не является высокой ценностью; мысли, унижающие человека;
2) *низкую самооценку*, потому что агрессивный человек интроецирует те заниженные оценки, которые приписывает другим;
3) *установку на причинение вреда другим*, то есть тенденцию к совершению агрессивных действий;
4) *схемы различных вредоносных действий* — физических, словесных, символических и т. п.;
5) *готовность воспроизведения* из долговременной памяти прошлых фрустраций и воспоминаний о других неприятностях, а также тех действий, которые в прошлом были адаптивными;
6) наряду с общей враждебной установкой к миру и людям агрессивность также включает *ряд частных враждебных установок*, направленных к отдельным индивидам и социальным группам, которых агрессивная личность особенно интенсивно ненавидит.

Как общая, так и частные враждебные установки являются в значительной степени фиксированными, устойчивыми, иначе враждебность не была бы устойчивым комплексом характера человека.

Мы считаем также, что враждебность имеет свою особую **психо-логику**. Она сообщает избирательность восприятиям и остальным познавательным процессам человека. Психо-логику агрессивного человека, отличающуюся от логики миролюбивой личности, необходимо исследовать особенно тщательно, поскольку многие свои действия агрессивный человек обосновывает и оправдывает по схемам этой психологической логики. Кстати, подобные защитные аргументы (насыщенные враждебностью рационализации) и другие механизмы самозащиты также входят в состав агрессивности личности.

Агрессивность и антисоциальность личности

Прежде всего следует вспомнить о различии между *антисоциальностью* и *асоциальностью* человека. Мы считаем, что асоциальный человек просто склонен быть вне общества, иметь как можно меньше взаимодействий с социальными группами, самоизолироваться, тогда как антисоциальный человек активно высту-

пает против общества, стремится изменить его, конфликтует с ним. При таком понимании антисоциальности она представляется как обобщенная отрицательная (и активная) установка человека по отношению к обществу, а агрессивность является ее частью, одним из ее «блоков».

Обычно под антисоциальностью понимают общую отрицательную установку. Это так. Однако подобная общая формулировка психологически не очень содержательна. Поэтому лучше определить антисоциальность как совокупность отрицательных установок, направленных на самые различные социальные объекты — отдельных людей, группы и общество, на социальные нормы, ценности, статусы и роли. Только при такой конкретизации понятия «антисоциальность» можно исследовать соответствующее явление эмпирическими социально-психологическими методами.

Чтобы раскрыть место агрессивности в антисоциальности, необходимо исследовать конкретных агрессивных людей. Поскольку такие исследования уже проводились, полученные данные, мы надеемся, можно использовать для обоснования предложенной выше концепции антисоциальности.

Выражение агрессивности в антисоциальных поступках

Одной из реально наблюдаемых форм связи агрессивности человека с антисоциальностью является выражение агрессивности через антисоциальные действия (или посредством таких действий). Грубость, хулиганство и различные формы преступлений с применением насилия — вот некоторые из действий, с помощью которых реализуется агрессивность человека.

Эта точка зрения находит подтверждение в результатах лонгитюдных исследований агрессивности. Так, исследования *Д. Фаррингтона* показали, что агрессивность, возникнув в раннем детстве, в последующем все чаще выражается в антисоциальных действиях. Этот психолог продолжил исследования своего коллеги *Д. Веста* из Кембриджского университета, которые тот проводил в рабочих районах Лондона. Нас здесь интересует следующий итог этих исследований, подведенный *Л. Берковицем*: «Показательно, что люди, очень агрессивные в ранней молодости, вероятнее всего попадали под суд за преступления, связанные с насилием, к 32 годам. Около 22 % очень агрессивных мальчиков и лишь 7 % менее агрессивных юношей имели судимость впоследствии»[33].

Преступления против индивидов, групп и общества в целом являются наиболее яркими случаями антисоциальных действий, и они характерны агрессивным людям. Как показали *Д. Вест* и *Д. Фаррингтон*, агрессивность является составляющей более общей «антисоциальной тенденции». Люди становятся агрессивными по разным причинам, но когда они уже такие, у них всегда имеется готовность нападать на других. Разными путями они приходят к некоторым общим чертам и тенденциям.

Названные авторы, а вслед за ними и *Л. Берковиц*, отметили важную особенность, которую выше мы включили в развернутую характеристику агрессивности: ***агрессивные люди, помимо готовности нападать на других, имеют склонность отвергать социальные правила, то есть нормы социальной жизни.***

Это очень важно для понимания природы агрессивности: сверхагрессивные люди «не любят» ни социальные нормы, ни их носителей, которые ограничивают их субъективно понимаемую свободу. Мы здесь предлагаем **гипотезу**, согласно которой

агрессивные подростки и даже взрослые люди отрицательно относятся к социальным нормам поведения, поскольку идентифицируют их с теми авторитетными людьми, к которым питают отрицательные чувства и установки. Подобные частные враждебные установки в процессе онтогенеза обобщаются, и личность становится антисоциальной.

Поскольку обобщенная агрессивность личности направлена против социальных норм, она выражается и в таких преступных действиях, как воровство, наркомания, изнасилование, ограбление квартир, банков и т. п.

С возрастом развиваемая агрессивность все полнее структурируется, приобретая все те компоненты, которые мы описали выше. Она выражается во все большем и разнообразном числе антисоциальных действий. С возрастом агрессивные дети начинают пьянствовать, увлекаться азартными играми, употреблять наркотики, вовлекаться в беспорядочные социальные связи. Они чаще нарушают правила дорожного движения, совершают акты вандализма и т. п. Именно это и показали экспериментальные исследования *Д. Веста* и *Д. Фаррингтона*[34].

Негативизм и антисоциальность Детский негативизм давно известен психологам, поэтому мы здесь его описывать не будем. Отметим только, что негативизм бывает двух основных видов: активный и пассивный. Ребенок имеет активный негативизм тогда, когда совершает противоположное тому, что от него ждут или требуют взрослые. Пассивный же негативизм имеется тогда, когда ребенок просто отказывается выполнять то, что от него требуют взрослые. Негативизм в этих двух формах может быть более или менее обобщенным.

Проблема, которая здесь нас занимает, касается путей возникновения антисоциальности или формирования антисоциальной личности. Вопрос в следующем: какая существует связь между негативизмом и антисоциальностью? Мы предлагаем следующую **гипотезу**:

1) антисоциальность рождается из детского негативизма, поскольку негативизм ребенка по отношению к отдельным лицам обобщается;
2) агрессивность является частным аспектом антисоциальности и развивается в ее составе с самых ранних лет. Частная обобщенная установка развивается в составе более общей обобщенной установки — антисоциальности.

2.15. Три вида антисоциальности: экстравертивная, интровертивная и амбивертивная

Новая типология Мы видели, что есть дети и взрослые, которые агрессивно и открыто нарушают законы и другие социальные нормы. Это *агрессивно антисоциальные личности*. Их можно назвать также *экстравертированными антисоциальными типами*.

Но не все нарушители социальных норм таковы. Есть также миролюбивые антисоциальные личности. *Л. Берковиц* следующим образом суммирует результаты проведенных исследований: «*Рольф Лебер* и *Карен Шмалинг* обратили наше внимание на два различных вида антисоциальности, существующих по крайней мере

у детей. Проанализировав двадцать восемь исследований по идентификации различных типов антисоциального поведения у детей, они сделали вывод, что отклонение поведения детей от социально одобряемых образцов колебалось в пределах открыто-скрытого континуума. На одном конце этой шкалы были дети, проявлявшие открыто антисоциальное поведение, те, кто много ссорился и дрался, — тот тип детей, обозначенных в разработках Кембриджа и округа Колумбия как агрессивные и нарушающие нормы дети. На другом конце открыто-скрытого континуума, по Леберу и Шмалингу, были указаны дети, обычно скрывавшие свое антисоциальное поведение. Они воровали, порой даже устраивали поджоги и нарушали законы каким-то другим способом, когда думали, что это сойдет им с рук, но все же они не отличались особой склонностью к насилию»[35].

Ранее мы уже показали, что воровство является разновидностью агрессивности, поэтому скрытые антисоциальные личности также являются агрессорами.

К этому вопросу мы еще вернемся, а здесь подчеркнем, что пора перейти от описательного уровня исследования антисоциальной личности на более глубокий психологический уровень. И мы надеемся, что такому продвижению могут способствовать нижеследующие идеи. Можно, по-видимому, выделить *три типа антисоциальности*:

а) экстравертированный тип антисоциальной личности, представители которого шумят, дерутся, открыто и агрессивно нарушают социальные нормы;
б) интровертированные антисоциальные личности, имеющие противоположные формы проявления своей установки. Мы думаем, что заблуждаются те, кто не считает таких людей агрессивными;
в) есть также антисоциальные амбиверты, которые нарушают социальные нормы с использованием более широкого репертуара агрессивных действий — как физических, так и символических.

Но могут быть также миролюбивые антисоциальные личности. Перейдем к краткому рассмотрению этого типа.

Миролюбивые преступники

Мы уже показали в этой книге, что агрессивность как комплекс характера и как обобщенная установка входит в структуру антисоциальной личности.

Однако вполне понятно, что у разных антисоциальных людей уровень агрессивности не может быть одинаковым. Условно всех антисоциальных людей можно подразделить на три группы по критерию силы (интенсивности) агрессивности: очень агрессивных, умеренно («нормально») агрессивных и миролюбивых (неагрессивных). Понятно также, что антисоциальные поступки и преступления этих людей не могут быть одинаковыми. Да и не все нарушения социальных норм требуют от человека заметной агрессивности.

Например, продавец магазина присваивает определенную часть выручки и обманывает владельца магазина, но — без совершения против него других, физических или психологических, агрессивных действий. Если его поймают, он не будет оказывать агрессивного сопротивления. Когда в последующем создается новая возможность — вновь ворует и т. п. Воровство, конечно, содержит в себе элемент агрессии, поэтому мы раньше рассмотрели его в качестве разновидности агрессии

против другой личности или социальной группы, но совсем нет необходимости, чтобы оно было агрессивным в физическом смысле.

Другой пример: пешеход переходит улицу в неположенном месте. Он *нарушает* правила уличного движения, но при этом у него и в мыслях не было причинить вред кому-либо. Есть в его поведении момент противопоставления общественным требованиям, но в его действиях нет заметной агрессивности. Это не насилие, хотя такие люди нарушают социальные нормы и даже преступают закон.

Агрессивными являются те преступники, которые для достижения своих целей применяют насилие — физическое или психологическое. Когда человек отклоняется от выполнения каких-либо писаных или неписаных правил, поскольку они ему не нравятся, то это не значит, что он совершает агрессивные действия. Например, в годы советской власти автор этих строк часто не ходил на партийные собрания и митинги, но вряд ли такие действия можно было бы квалифицировать в качестве агрессивных. Пассивное, мирное сопротивление не всегда является агрессией. Вспомним мирное сопротивление индийского народа английским колонизаторам в процессе национально-освободительного движения в первой половине XX века. Когда к мирным демонстрантам применяют насилие, они не отвечают насилием. Они нарушают какие-то правила, установленные субъектами власти, но это неагрессивное нарушение норм. Они никого не бьют, не оскорбляют и не убивают. Они просто ведут себя ненормативно. Если бы мы думали иначе, то без основания слишком расширили бы понятие агрессии.

2.16. Через зависимость — к независимости и психической зрелости

При нормальном развитии и умеренной агрессивности подростки и юноши обращаются, когда необходимо, за советом и помощью к родителям, учителям и другим референтным лицам. Они добровольно, но временно ставят себя в зависимое положение. Однако, получив совет и помощь, они стремятся принимать самостоятельные решения. Итак, это путь через зависимость к независимости и самостоятельности. Идя таким путем, развивающаяся личность быстрее накапливает положительный опыт и ускоряет процесс своего социально-психологического созревания.

Другое явление наблюдается у тех агрессивных детей с антисоциальными склонностями, у которых сложились плохие, отчужденные отношения с родителями. Они не доверяют старшим, у них мало значимых, референтных людей, и они не любят обращаться к ним за советом и помощью. Очень рано приобретая чувство независимости, они, однако, закрывают себе путь к быстрой социализации и созреванию. У них во взрослой жизни могут быть серьезные проблемы с обществом.

Неагрессивные подростки обращаются за советом и к сверстникам. Это очень здоровый подход. Вот как ответил на вопрос об этом один из подростков: «У меня много друзей, с которыми я могу обсуждать свои проблемы... Я не делаю этого постоянно. Но когда мне нужно принять важное решение, я всегда говорю со многими знающими людьми. Я всегда так делаю, говорю со многими людьми, собираю разные мнения и принимаю решение сам»[36].

Это подход психически здорового человека, успешно идущего к основной цели социализации — к социально-психологической зрелости.

Другая тенденция выявлена у агрессивных подростков. Они преувеличивают значение независимости и уже в подростковом возрасте желают создать у людей представление о такой своей независимости, которая в этом возрасте практически недостижима. Так, на вопрос о том, обращается ли он к своим друзьям за помощью по тем или иным вопросам, один из них ответил: «Я сам решаю все вопросы. Если ты не можешь справиться с чем-то, то зачем браться за это?[37]»

Но мы знаем, что в подростковом возрасте индивид может решать самостоятельно очень мало серьезных проблем. Даже в материальном, финансовом отношении он полностью зависит от родителей. Однако целесообразно браться даже за такие дела, которые не сможешь решить один: получая помощь и полезные советы и решая подобные проблемы, личность развивается и становится все более и более зрелой.

Есть подростки, юноши и даже немало взрослых людей, которые, оказываясь в зависимости от других, переживают тревогу. Если реакция тревоги у них впервые родилась в семейных отношениях, то, как показывают исследования, она может «генерализоваться и влиять на все другие отношения»[38].

Такие люди ведут себя плохо, то есть девиантно, в школе, в общественных местах, в армии — везде, где вынуждены подчиняться воле других людей.

2.17. Закон цикличности агрессии (и исключения из него)

Агрессия рождает агрессию

Мы видим, что те мужчины или женщины, которые склонны к агрессивным действиям в семье и вне дома, в детстве или сами часто подвергались насилию, или же бывали свидетелями агрессивных сцен. Эти впечатления, как мы видим, сохраняются на уровне подсознательного, участвуют в формировании агрессивной адаптивной стратегии и проявляются уже во взрослом состоянии, в своей семье.

Исходя из этого говорят о существовании **закона цикличности агрессии**, который кратко выражается в следующей логической форме: *насилие порождает насилие*. Иначе говоря, формы жестокого поведения во многих случаях передаются от поколения к поколению. В трудах по психологии агрессии приводится очень много эмпирических данных, подтверждающих эту точку зрения, которую, кстати, психоаналитики высказывали уже давно. Между тем бихевиористы и находящиеся под их влиянием исследователи агрессии, в том числе *А. Бандура* и *Л. Берковиц*, игнорируют воззрения психоаналитиков.

Исключения и гипотеза

Но здесь нас интересует другое явление, относительно причин которого мы хотели бы высказать гипотезу. Речь идет о том, что есть много исключений из этого общего правила или закона. Все же около 30 % мужчин или женщин, будучи в детстве свидетелями или жертвами внутрисемейной агрессии, создавая свою семью, не проявляют заметной агрессивности. Почему?

Гипотеза, которую мы предлагаем для решения этой проблемы, состоит из следующих утверждений:

1) то, какая адаптивная стратегия начинает формироваться у ребенка, ставшего жертвой или свидетелем семейной агрессии, зависит от его первых реакций на эти сцены и воздействия;
2) первые реакции ребенка могут быть не только подражательными, но и противоположными: под воздействием неприятных переживаний у ребенка может активизироваться *механизм образования обратной реакции*, который способен порождать отрицательную установку к агрессии; у таких людей агрессия может вызвать отвращение;
3) подобный результат может быть следствием отрицательной идентификации с семейным агрессором;
4) после взросления, создавая свою семью, такие люди могут быть очень миролюбивыми и уступчивыми. У них сформировалась *антиагрессивная стратегия*: они не хотели бы видеть в своей семье повторения тех сцен и взаимоотношений, которые царили в семье их родителей.

Ясно, что эта концепция нуждается в дополнительной эмпирической проверке, хотя у автора этих строк нет сомнения в ее истинности.

Вероятностный прогноз

Поскольку не всегда жестокое обращение в семье делает детей в будущем агрессивными отцами и матерями или супругами, подвергающими друг друга агрессии, то ученые выдвинули идею *вероятностного прогноза* будущей агрессивности. *Л. Берковиц* пишет: «Эта будущая агрессивность не является предопределенной, а имеет лишь вероятностный характер. Не все люди, подвергавшиеся жестоким наказаниям в семье, обязательно будут грубо обращаться со своими детьми»[39].

И он приводит результаты исследований других психологов, согласно которым лишь около 30 % взрослых, имевших жестоких родителей, сами грубо обращались со своими детьми. Хотя эта вероятность может меняться в зависимости от ряда факторов, в том числе от уровня конфликтности семейных отношений, в целом, как тенденция, она сохраняется. У остальных отсутствие агрессивности или ее умеренность могут быть объяснены действием механизма обратной реакции, о котором мы говорили в предыдущем разделе настоящего параграфа.

Традиционность: передача агрессивного опыта

Обсуждаемая здесь проблема имеет межпоколенные и даже этнические аспекты. Причем закон цикличности, как мы считаем, справедлив не только в отношении передачи от поколения к поколению агрессивного опыта и стратегий. Он имеет более широкое значение, отражая многие аспекты психического опыта людей.

Исследования показали, что если отец и мать сообщают, что жестоко обращаются с детьми, то проверка показывает, что в 50 % случаев с ними в детстве также жестоко обращались. Но интересно следующее: «...если в детстве телесным наказаниям подвергался только один из родителей, то вероятность применения наси-

лия против детей снижается до 32 %. Если же родители не подвергались в детстве мерам физического воздействия вовсе, то вероятность применения насилия к детям составляла 17 %»[40].

И здесь, конечно, возникает вопрос: а почему эти 17 % все-таки жестоко обращаются со своими детьми? Насколько нам известно, нет еще ответа на данный вопрос, хотя нетрудно предположить, что причинами могут быть различные фрустрации и стрессы, а также более поздно начавшееся развитие агрессивного характера у этих родителей.

Этнокультурное наследование агрессивности

Мы уверены, что если есть межпоколенная цикличность агрессивности, она может стать также *этнической характеристикой*. Есть этносы, у которых налицо общий высокий уровень агрессивности. У таких этносов удается также констатировать традицию жестокого обращения с детьми, агрессивную стратегию их социализации. Поэтому такая агрессивность может передаваться от поколения к поколению, становясь устойчивым признаком этнической культуры.

Известно, и об этом во второй части настоящего труда мы уже подробно написали, что этнографы обнаружили как очень агрессивные, так и относительно миролюбивые или даже очень мирные этносы[41].

Мы считаем, что к вопросу о происхождении этой их характерологической черты или «измерения» (агрессивность—миролюбие) можно подойти с позиций изложенной выше концепции. Такой подход может оказать хорошую услугу также тем специалистам, которых интересуют психологические аспекты этногенеза[42].

Примечания

[1] *Dobash E. and R. Dobash.* Violence against Wives: A case against the patriarchy. New York: Free Press, 1979; см. также: *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 285.
[2] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 288.
[3] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 106; *Sears R. R., Maccoby E. E., Levin H.* Patterns of child rearing. Evanston, 1957.
[4] *Бандура А., Уолтерс Р.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 111.
[5] *Бандура А., Уолтерс Р.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 111.
[6] *Мацумото Д.* Психология и культура. — М., 2002. — Гл. 2.
[7] *Бандура А., Уолтерс Р.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 112.
[8] *Бандура А., Уолтерс Р.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 113.
[9] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 224; см. также: *Patterson G. R., Reid J. B. and Conger R. E.* A social learning approach to family intervention. Vol. 1. Families with aggressive children. Eugene (Ore.), Castilia, 1975, etc.
[10] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 224–225.
[11] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 226.
[12] *Демоз Ллойд.* Психоистория. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 14–17 и др.
[13] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 74.
[14] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 287–288.
[15] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1961. — С. 846.
[16] *Крайг Г.* Психология развития. — СПб.-М., 2001. — С. 22–23.
[17] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 169–170.

[18] *Olweus D.* Personality factors and aggression: With special reference to violence within the peer group. In: J. de Wit and W. W. Hartup (Eds.). Determinants and origins of aggressive behavior. The Hague: Mouton, 1974, pp. 535–565.
[19] *Мамменди А.* Агрессивное поведение. В кн.: Перспективы социальной психологии. — М., 2001. — С. 432.
[20] *Menninger K.* Love against Hate. New York, 1942, pp. 39–40.
[21] *Menninger K.* Love against Hate. New York, 1942, p. 12.
[22] *Coopersmith S.* Studies in Self-Esteem. In Psychology in Progress (With Introduction by Richard C. Atkinson). San Francisco, 1975, pp. 218–224.
[23] *Thomas A., Chess S. and Birch G.* Temperament and Behavior Disorders in Children; *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. — М., 1982. — С. 210–217.
[24] Подробнее описание этих типов можно найти в трудах К. Г. Юнга и Г. Айзенка. См.: *Юнг К. Г.* Психологические типы. — М., 1996.
[25] *Eysenck H.J.* Crime and Personality. Boston, 1964.
[26] *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. — Симферополь, 1998.
[27] *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. — М., 1982. — С. 217–225.
[28] *Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. — М., 1982. — С. 227.
[29] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 200.
[30] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 296.
[31] *Gelles R.J.* The violent home. Newberry Park (Calif.): Sage, 1987; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 296.
[32] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged ed. N. Y., 1985.
[33] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 173; см. также: *Farrington D. P.* Longitudinal analysis of criminal violence. In M. E. Wolfgang and N. A. Weiner (Eds.). Criminal violence. Beverly Hills (Calif.): Sage, 1982.
[34] *Farrington D. P.* Long-term prediction of offending and other life outcomes. — In: H. Wegner, F. Losel and J. Haish (Eds.). Criminal behavior in the justice system. New York/Berlin/London/Paris/Tokio: Springer Verlag, 1989, pp. 26–29.
[35] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 176.
[36] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 79.
[37] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 79.
[38] *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000. — С. 84.
[39] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 304.
[40] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 302; Берковиц ссылается на следующую работу: *Zaidi L. Y., Knutson J. F. and Mehn J. G.* Transgenerational patterns of abusive parenting: Analog and clinical tests. "Aggressive Behavior", 1989, 15, pp. 137–152.
[41] *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988 и др.
[42] *Налчаджян А. А.* Этническая характерология. — Ереван, 2001; его же: Этногенез и ассимиляция. — Ереван, 2003.

ГЛАВА 3

Агрессивность и другие черты характера

3.1. Общая установка

В психологической литературе, при обсуждении вопроса о влиянии личностных черт, установок и других внутренних факторов на агрессивное поведение человека, обычно представляют этот вопрос следующим образом: есть такие черты личности, которые *располагают личность к агрессивным ответам на воздействия внешних стимулов*. Эти черты являются *предпосылками* агрессивного поведения[1].

Возможно, что это плодотворный подход. Но мы считаем более правильным несколько иное понимание данной проблемы, а именно: агрессивность является чертой личности или комплексом черт, который формируется в процессе ее социализации. Агрессивность как комплекс черт личности может ассоциироваться с другими чертами характера и установками, которые способствуют ее сохранению и закреплению в структуре личности, а также актуализации в тех ситуациях, которые требуют агрессивного поведения. Другое дело, что в процессе социализации индивид вначале может приобрести такие черты, которые становятся почвой для последующего развития в ней агрессивности. Таковы, например, эгоизм, нарциссизм, преобладание низкого уровня мотивации поведения, моральная незрелость, в частности — слабость эмпатии, и другие.

О механизмах же формирования агрессивности как личностного комплекса следует, в дополнение к уже изложенному выше, сказать следующее.

Нужно иметь в виду, что агрессивность в жизни индивида впервые возникает как временное психическое состояние, включающее в себя гнев и враждебность, а также тенденцию к совершению враждебных, вредных для других людей действий, которые называются агрессивными или насильственными. Когда данное психическое состояние и вытекающие из него действия оказываются адаптивными, они приобретают тенденцию к повторению и закреплению в памяти человека. Индивид приобретает устойчивую тенденцию к решению своих задач с помощью агрессивности (гнев, враждебность, угрозы) и соответствующих физических или вербальных агрессивных действий. Каким образом приобретаются такие действия, мы уже знаем. Причем мы предполагаем, что, когда агрессивное психическое состояние и соответствующие формы поведения сочетаются с устойчивой установкой, психологической готовностью к их применению во всех тех ситуациях, которые представляются человеку опасными, фрустрирующими или стрессогенными, мы можем сказать, что индивид приобрел устойчивую агрессивную стратегию адаптации. Характерологический комплекс личности (агрессивность) сочетается с определенными формами поведения (психологическими механизмами, их комплексом)

и установкой, и в итоге формируется характерная для личности агрессивная адаптивная стратегия. Как мы уже знаем из первого тома настоящего труда, из глав, посвященных фрустрации и защитным механизмам, агрессия может сочетаться с целым рядом других защитно-адаптивных механизмов, в результате чего структура агрессивной стратегии приобретает бóльшую сложность, но одновременно и гибкость.

Таков наш общий подход к этой важной проблеме психологии человеческой агрессивности. Исходя из него мы на последующих страницах рассмотрим ряд более конкретных вопросов, касающихся взаимосвязей агрессивности с другими чертами, установками и комплексами личности. Данные вопросы мы уже частично рассмотрели в предыдущих томах и здесь продолжим эту линию наших исследований.

3.2. Проблема типологии агрессивных людей

В психологии предложены различные типологии людей. Они разработаны *К. Левиным, Э. Фроммом, Г. Айзенком* и другими психологами и значительно различаются друг от друга как по выделяемым характерологическим чертам, так и по поведению, мотивам и установкам. Вполне естественно, что возникает вопрос: каковы различия агрессивности у этих типов как во внутрипсихическом, так и в поведенческом аспектах? Более конкретно данный вопрос можно сформулировать следующим образом: существуют ли такие черты личности, которые создают у нее склонность к совершению насильственных действий или же, наоборот, отказ от совершения таких действий?

Дело в том, что хотя в общей форме мы утверждаем, что фрустрация вызывает агрессию, но в реальной жизни нередко можно наблюдать следующее:

- во-первых, один и тот же фрустратор у разных людей вызывает различные по интенсивности, длительности и вредности агрессивные действия;
- во-вторых, есть люди, которые на воздействия целого ряда фрустраторов и стрессоров отвечают неагрессивными адаптивными действиями. Это означает, что названные различия могут быть следствием индивидуальных и типологических различий людей.

В реальной жизни нетрудно заметить, что под воздействием неудач, оскорблений и других фрустраций одни очень быстро «распаляются» и переходят к ответным агрессивным действиям, тогда как другим удается воздержаться. Психологи уже исследуют это явление, и некоторые из полученных результатов рассматриваются в настоящей книге. Читателю полезно знать, что уже существуют тесты, с помощью которых определяют склонность людей к агрессии и насилию, причем эксперименты позволили показать, что индивиды, получающие высокие баллы по этим признакам, в опытах типа «учитель — ученик» (метод Басса) наносят своим жертвам более интенсивные электрические удары, чем остальные[2].

И еще одно обстоятельство следует иметь в виду: склонность к агрессии можно рассматривать как в связи с целостными типами личностей, так и в связи с отдельными личностными чертами, «измерениями» характера и темперамента. Мы рассмотрим ряд взаимосвязей обоих типов. При этом мы учтем взгляды *Эриха Фромма*, который, опираясь на психоанализ *З. Фрейда*, пришел к выводу, что поведение человека мотивировано его характером во взаимодействии с его личными инте-

ресами. В структуре характера важное место занимают различные «страсти». Речь идет, например, о любовной страсти, алчности, садизме, властолюбии и т. д. Их реализация осуществляется с учетом последствий для личных интересов. Люди значительно различаются по тому, в какой мере учитывают эти последствия и подавляют свои страсти или дают им волю. Знание о наличии у себя и других, в том числе политических лидеров, таких подсознательных черт характера, как инцестуозные желания, страх кастрации, зависть к пенису, нарциссизм, садизм, «чувство» всесилия, склонность к подчинению, отчужденность, безразличие, бессознательный отказ от собственной интегрированности, знание об иллюзорности своей концепции реальности и других, весьма полезно, поскольку все это является социальным динамитом[3].

3.3. Индивидуальные различия по агрессивности

Мы уже видели, что все люди в той или иной мере агрессивны. Также известно, что целый ряд внешних и внутренних (психических и психофизиологических) факторов усиливают или ослабляют уровень агрессивности людей и их готовность совершать агрессивные действия. Теперь рассмотрим следующий вопрос: *есть ли устойчивые индивидуальные различия между людьми по уровню агрессивности?* Иначе говоря, есть ли устойчиво более агрессивные и менее агрессивные люди? Наши повседневные наблюдения свидетельствуют, что ответ должен быть положительным. Однако эту проблему необходимо исследовать специально, поскольку она лишь с первого взгляда проста и понятна. Отметим еще, что различия женщин и мужчин по уровню агрессивности мы уже затронули и еще будем обсуждать в одной из последующих глав, поэтому данный вопрос здесь рассматриваться не будет.

Стабильность уровня агрессивности и ее причины

Эмпирический факт непреложен: есть люди с устойчиво высоким уровнем агрессивности. Лонгитюдные исследования определенного числа людей убедительно показывают, что если ребенок в дошкольном возрасте был заметно агрессивным (устраивал драки в школе, во дворе своего дома и в других местах, имел склонность толкать людей, поддразнивать и издеваться над ними), то, став взрослым, он продолжит проявлять высокий уровень агрессивности. Будут в этой агрессивности взрослого, конечно, «технические» различия: он станет совершать уголовные преступления с применением насилия, нарушать многие нормы социальной жизни, если является водителем — нарушать правила уличного движения, попадать в аварийные ситуации, вернее — устраивать их, и т. п.

Причины устойчиво высокой агрессивности определенного числа людей следует искать как в их генетической предрасположенности, так и в процессах социализации. Существуют крайние точки зрения на данный вопрос. Одни исследователи подчеркивают ведущую роль наследственности и утверждают, что, как наследственная черта, агрессивность передается от поколения к поколению. Такова, например, точка зрения *Ганса Айзенка* и его коллег[4].

Другая точка зрения сводит формирование личности к социализации, в ходе которой ее агенты (родители, учителя, другие значимые люди, социализаторы) поощряют поведение ребенка и подкрепляют данное его личностное качество.

Однако мы считаем более правильным брать за основу *принцип взаимодействия* этих факторов.

«Враждебные атрибуции» и индивидуальные различия агрессивности

Очень интересную точку зрения о причинах различия агрессивности людей выдвинули американские исследователи *Кеннет Додж* и *Ники Крик*[5].

Осуществив обзор литературы об агрессивности детей, они пришли к важному выводу о том, что индивидуальные различия агрессивности могут быть следствием различий в способности обработки социальной информации. Более конкретно эти авторы указали на следующие различия в способности перерабатывать социальную информацию:

а) различия в интерпретации действий других людей и исходящих от них социальных признаков (стимулов, посылов, *cues*);
б) различия в способности генерации ответов в социальных ситуациях;
в) различия в способности решить, какие из возможных ответов следует реализовать.

Вкратце рассмотрим эти три аспекта способности переработки социальной информации.

1. Между людьми существуют заметные различия в интерпретации действий других людей и причин таких толкований. Как известно, при попытках понять действия других людей мы пользуемся атрибуциями об их мотивах. При этом появляются систематические ошибки, характеризуемые в качестве *фундаментальной ошибки атрибуции*[6].

   Эта ошибка состоит в том, что человек, интерпретируя поведение другого, делает преимущественно *диспозициональные атрибуции*, а когда объясняет свое поведение, особенно если оно неудачное, *его атрибуции принимают внешний, ситуативный характер*.

   Что касается агрессивных детей, то у них, по словам *К. Доджа* и *Н. Крика*, имеет место «враждебное атрибутивное предубеждение». Эти психологи обнаружили, что как в реальных, так и в симулированных условиях *агрессивные дети с большей вероятностью приписывают другим детям враждебные намерения, чем неагрессивные дети*. Кроме того, атрибуции агрессивных детей о намерениях других в целом *менее точны*, чем атрибуции неагрессивных детей.

   Эти различия очень интересны. Однако, как и при других попытках объяснения причин явлений, здесь возникает вопрос: что является причиной и что — следствием? Уже наличие у личности агрессивности становится причиной ошибок атрибуций и превалирования «враждебного атрибутивного предубеждения» или же эти особенности познавательных процессов приводят к повышенной агрессивности личности? Может ли неагрессивный человек делать преимущественно агрессивные атрибуции другим и на их основе проявлять к ним повышенную агрессивность? Эти вопросы пока не имеют ответов.

2. Есть различия в способности порождения возможных ответов в социальных ситуациях. Когда возникает социальная ситуация, например конфликт

с другими людьми, агрессивные дети легче вспоминают возможные агрессивные ответы, чем неагрессивные. Поскольку агрессивные ответы им более знакомы, им трудно вообразить возможные неагрессивные ответы[7].

Таким образом, быстрое воспроизведение мыслей об агрессивных ответах, по-видимому, подавляет другие ответы. При этом важную роль играют особенности работы механизмов памяти.

3. Агрессивные дети значительно отличаются от неагрессивных и в своих оценках агрессивных ответов, и в своей способности действовать агрессивно. У агрессивных детей установка к насильственным формам поведения, к насилию положительная, в то время как остальные дети имеют противоположную установку. Агрессивные дети одновременно имеют отрицательную установку к неагрессивным способам поведения. *К. Додж* и *Н. Крик* показали, что агрессивные дети уверены в своей способности эффективно использовать агрессивные способы поведения и добиваться успехов. Они считают, что им трудно уйти из конфликтной ситуации. Неагрессивные дети придерживаются противоположной точки зрения. Очевидно, что эти данные полезны для исследования корней формирования у личности агрессивных стратегий адаптации.

Итак, индивидуальные различия по уровню агрессивности имеют серьезные познавательные основы, а именно: различия в способах обработки и оценки социальной информации и выработки способов поведения. Некоторые исследования позволили установить, что, когда удается раскрыть данные когнитивные различия, оказывается возможным предвидеть значительную часть (около 60 %) вариаций агрессивного поведения детей[8].

Поскольку эти когнитивные процессы сложны, можно заключить, что упрощенные объяснения агрессии легко могут оказаться ошибочными. Таких сверхупрощенных объяснений следует всячески избегать.

Очевидно, что приведенные выше данные указывают нам на очень интересное направление исследований, которое может привести к раскрытию также механизмов регуляции агрессивного поведения людей. В центре этих процессов мы видим роль *комплекса защитного характера*, состоящего из *атрибуции* и *агрессии*. Таких комплексов у личности может быть несколько.

3.4. Темперамент и агрессивность

Одним из факторов, играющих роль в формировании агрессивного человека, является темперамент. Исследования шведского психолога *Д. Ольвеуса* показали, что активные и вспыльчивые дети при неблагоприятных семейных обстоятельствах (отчужденная и пунитивная мать, терпимое отношение родителей к агрессивности ребенка и т. п.) становятся агрессивными личностями[9].

Агрессивность, как ведущая черта личности, вряд ли достается кому-либо в отрыве от других черт, поэтому, как уже сказано, ее следует рассмотреть в комплексе с более широкой типологией людей. Такой типологией, дающей полезное направление для исследования связи агрессивности с темпераментом, является известное разделение людей на интровертов и экстравертов, считающихся противоположными

типами. Связь агрессивности с темпераментом мы уже обсудили. Здесь же сделаем несколько дополнений.

Г. Айзенк показал, что агрессивность является одной из черт тех экстравертов, которые одновременно отличаются высоким уровнем невротизма. С другой стороны, следует иметь в виду, что все люди имеют агрессивность, но у невротических экстравертов ее уровень значительно выше. Другие исследователи также отмечали данный факт[10].

Так, лихачество, по нашему мнению, является комплексом, состоящим из черт агрессивного экстраверта. Это комплекс определенных черт темперамента и характера.

Экстраверты склонны проецировать свои собственные черты на значимых людей и отличаются агрессивностью и садизмом, имеют крайнюю экстрапунитивную ориентацию. Они оральны, автоэротичны, эго-ориентированы, импульсивны, нарциссичны, боятся смерти. У них отмечено наличие комплекса Электры.

Интроверты (интроспективный тип) имеют тенденцию сублимировать свое собственное идеализированное «Я» и проецируют его на реальное «Я». Они садомазохистичны или пассивно-агрессивны, тревожны, фалличны и эротичны, импульсивны и боятся насильственной смерти, связанной с ощущением боли. У них преобладает эдипов комплекс[11].

Экстраверты, таким образом, более агрессивны, чем интроверты. Этот тип, согласно данным *К. Макала*[12], обычно формируется в больших семьях, в которых родители экстравертированны, а интровертированные дети — в небольших семьях, где родители интровертированны. В таких ситуациях генетические факторы взаимодействуют со средовыми.

В то время как экстраверт склонен к садизму, интроверт больше склонен к самоуничижению или мазохизму, а чаще всего — к садомазохизму. Если экстраверт имеет тенденцию к образованию комплекса превосходства, который лежит в основе нарциссической сверхвысокой самооценки, интроверт чаще приобретает комплекс неполноценности, который лежит в основе альтруистической недооценки собственной личности. У интровертов ***защитность*** преобладает над ***наступательностью***, у экстравертов — наоборот. Все это означает также, что основные защитные стратегии и их выбор в начале онтогенеза зависят от этих типов. При разработке вопросов онтогенеза адаптивных механизмов это явление следует иметь в виду. Очевидно, что более широкое привлечение психологических сведений об экстраверсии и интроверсии позволит значительно расширить настоящий раздел психологии человеческой агрессивности.

3.5. Черты характера, способствующие развитию агрессивности

Общие принципы и понятия

Мы уже сказали, что адекватный анализ агрессивного поведения и его мотивации возможен только при условии учета следующего:

1) агрессивность является психическим состоянием человека; это первое значение данного слова. Именно данное значение имеют в виду, когда говорят, что человек находится в агрессивном состоянии или настроении; это времен-

ное состояние, включающее целый ряд эмоциональных переживаний — гнев, враждебность; а также желание или тенденция наносить вред человеку, который способствовал тому, что индивид оказался в таком психическом состоянии;

2) второе значение термина «агрессивность» следующее: этим словом следует обозначить черту характера личности, а вернее — комплекс черт и тенденций, составляющий устойчивую стратегию поведения;
3) что касается понятия «агрессия», то это уже определенный вид поведения, действие или комплекс действий, направленных на другие объекты. Только при наличии у человека враждебного мотива его действия следует считать агрессивными в подлинном смысле слова. Эти мотивы включаются в психическое состояние агрессивности и в соответствующий комплекс характера.

Однако агрессивность человека как черта характера или комплекс черт является одним из блоков в более сложной структуре личности, следовательно, она связана с другими чертами личности — чертами характера, темперамента (что мы уже видели в предыдущем параграфе), с ценностями и установками личности. Некоторые из них способствуют усилению агрессивности, другие, наоборот, подавляют ее, даже способствуя превращению человека в жертву других людей, агрессоров. Данная проблема в определенной мере уже исследовалась в психологии, хотя и не в таком ракурсе. Рассмотрим некоторые из связей агрессивности с другими чертами личности и выскажем ряд собственных соображений. Отметим, что в этом параграфе речь идет о нормальных людях, которые, подвергаясь воздействию фрустраторов и стрессоров, переживают гнев и совершают агрессивные действия.

Агрессивность как комплекс характера

Теперь несколько подробнее рассмотрим представление о том, что агрессивность является характерологическим комплексом человека, а затем вернемся к вопросу о связях агрессивности с некоторыми из наиболее устойчивых черт характера. Причем последние следует делить на две группы:

а) черты, способствующие усилению агрессивности;
б) такие черты, которые смягчают или подавляют агрессивность человека. О методологических трудностях раскрытия связей агрессивности с другими чертами характера довольно подробно говорится в литературе[13], поэтому мы их обсуждать не будем.

Если индивид в детстве стал агрессивным, сохраняется ли эта черта в последующей жизни? В предыдущих главах настоящей книги мы описали результаты продольных (лонгитюдных) исследований, которые позволяют заключить, что агрессивность стабильна во времени и не зависит от ситуативных факторов.

В исследованиях, о которых речь идет в работах *Р. Бэрона* и других исследователей, говорится лишь о поведенческих аспектах агрессивности и почти ничего не сказано об агрессивности как черте характера личности[14].

Как мы уже сказали, агрессивность — скорее всего комплекс психических (когнитивных и эмоциональных) черт, устойчивое психологическое образование. Нельзя ограничиться исследованием только поведенческих аспектов агрессии. Преимущество лонгитюдных исследований состоит в том, что они с достаточной

надежностью показывают: агрессивность личности сохраняется в течение долгих лет как устойчивая черта, хотя ситуации жизни меняются, причем иногда — радикальным образом. Правда, личность свою устойчивую агрессивность проецирует на внешний мир и может видеть повсюду одинаковых людей со сходными мотивами. Человек в значительной мере сам конструирует свой мир. Например, человек окончил школу и уже где-то работает, социальная ситуация для него другая, но его агрессивность остается такой же, какой она была прежде, и он считает, что внешний мир полон угроз.

Если мы считаем, что агрессивное поведение в виде программы входит в структуру агрессивности как диспозиционального комплекса характера, тогда мы понимаем, что относительно независимо от сменяющихся ситуаций человек будет действовать в значительной степени одинаковым образом. Поэтому, прежде чем перейти к ситуативным объяснениям, следует остановиться и лучше разобраться в агрессивности человека как психологического комплекса личности.

Отмечая поведенческий аспект агрессивности, *Л. Хьюсманн* и его коллеги следующим образом подытожили результаты своего лонгитюдного (22-летнего) исследования: *однажды выработанный агрессивный стиль поведения уже не меняется с течением времени*. Агрессивность, приобретенная в детстве, сохраняясь и во взрослом состоянии, может проявляться в жестоком отношении к людям, в физических агрессивных действиях, в преступности. Агрессивный ребенок в последующие годы может превратиться в насильника. Эти выводы верны для обоих полов, но особенно для мужчин. Причем дети, подростки и юноши, да и взрослые склонны создавать группы таких же сверстников, банды, в которых агрессивность участников взаимно усиливается. В криминальной психологии эти виды групп исследуются более конкретно[15].

Раздражительность, эмоциональность и агрессивность

В процессе целого ряда исследований было показано, что указанные в заглавии настоящего раздела личностные черты действительно имеют отношение к агрессивности: люди, отличающиеся раздражительностью и эмоциональной чувствительностью, особенно когда их заранее фрустрируют, на новые провокации отвечают более интенсивной физической агрессией, чем те, у кого показания по этим двум измерениям ниже[16].

Так, в случае эмоциональной чувствительности у человека порог фрустрации заметно снижается, поэтому даже умеренные фрустраторы вызывают у него фрустрированность и желание отвечать агрессией[17].

К сожалению исследования, о которых мы говорили, не отличаются глубиной психологического анализа.

Депрессия и ее влияние на агрессивность человека

Мы уже знаем, что депрессивность как комплекс личности формируется в результате того, что, чувствуя себя слабым и беспомощным перед внешним миром, человек направляет свою агрессию на самого себя[18]. Во всяком случае данный механизм играет заметную роль в развитии депрессии.

У таких людей уровень агрессивности может быть очень высоким, но она обычно выражается не во внешней (особенно физической) агрессии, а в агрессивных действиях, направленных на самого себя. Это, в первую очередь, словесная агрессия: самокритика, обвинение самого себя в своих неудачах, а в крайних случаях —

в физической агрессии по отношению к себе (членовредительство, попытки самоубийства, иногда с летальным исходом). Формой самоагрессии является также чрезмерно напряженная, изнурительная работа, лишение себя «земных благ», которыми пользоваться — право каждого человека и т. п. Характерные выражения депрессии хорошо описаны в художественной литературе.

Классическим примером может служить герой романа *А. С. Пушкина* «Капитанская дочка» Савельич, слуга Петра, молодого героя романа. Отцом Петра он назначен, чтобы наблюдать за молодым человеком, не дать ему допускать ошибок по неопытности. Но на пути в армию, в Симбирске, под влиянием некоего Ивана Зурина, он и напивается, и проигрывает ему сто рублей. Савельич, который в это время отсутствовал, впадает в состояние депрессии и отчаяния. И вот они в кибитке, едут дальше. Теперь уже слово Пушкину: «Дорожные размышления мои <Петра> были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаваться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая». Петр признает свою вину и предлагает старику помириться.

«— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!»[19].

Эти переживания, пропитанные самоагрессией, — типичные для человека в депрессивном состоянии.

Итак, депрессивность, в отличие от обычной агрессивности, играет двойную роль:

а) подавляет внешнюю агрессию;

б) усиливает внутреннюю агрессивность личности. Когда депрессивного человека вновь фрустрируют и провоцируют, обычно усиливается его самоагрессия.

Отметим, что внешняя агрессия выражается главным образом в воображаемых сценах наказания своих врагов и мучителей.

Часть внутрисемейных насильственных действий, по-видимому, обусловлена депрессивным состоянием супругов; оно, в свою очередь, возникает в результате переживания многочисленных фрустраций и стрессов, всевозможных лишений и болезней. Если предварительно обобщить эти выводы для больших социальных групп и этносов, можно утверждать, что повышение уровня внутриэтнической агрессивности обусловлено не только увеличением числа агрессоров-экстравертов, но и многочисленностью депрессивных людей.

В типологии сверхагрессивных людей, которых, как мы увидим, подразделяют на два главных типа, следует внести коррективы с учетом установленных взаимосвязей между депрессией и агрессивностью. Этим путем можно расширить данную типологию, выделяя *подтипы депрессивно-агрессивных людей*.

Отметим еще одно явление, которое должно стать предметом исследований: мы считаем, что самообвинение как разновидность самоагрессии осуществляется на основе отрицательных самоатрибуций личности.

Тревожность — агрессия: связь на индивидуальном и этническом уровнях

Исследования, проведенные с целью выявления связей тревожности личности с ее агрессивностью, позволили выяснить следующее: когда провокация в виде фрустрации, оскорбления и т. п. еще слабая или умеренная, тревожные люди дают более слабые агрессивные ответы, чем свободные от тревожности индивиды. Но когда провокации усиливаются, тревожные люди начинают отвечать такой же сильной агрессией, как и остальные. Уровень тревожности определяется, например, с помощью шкалы Ликкена[20].

Сходное явление можно наблюдать и на этническом уровне. Поскольку тревожность, согласно нашей концепции, обусловлена более глубокими и устойчивыми личностными чертами — ожиданием неудач, крайней терпеливостью и т. п., то нетрудно увидеть и объяснить следующее: есть этносы, которые долгое время терпимо относятся к оскорблениям и угрозам, сдерживают себя и не отвечают агрессией. Но когда провокации продолжаются и усиливаются, они, неожиданно для противника, отвечают резко и разрушительно. Мы заметили, что такое поведение в определенной мере характерно таким этносам, как русские, армяне и некоторые другие. Терпеливость и терпимость, даже некоторое добродушие этих народов, некоторая склонность недооценивать себя и преклоняться перед чужими неверно оцениваются другими, в первую очередь противниками или соперниками. И поэтому те удивляются, когда получают внезапный и мощный отпор.

Исторических фактов, иллюстрирующих эти наблюдения, вполне достаточно. Разгром Наполеона и Гитлера, казалось бы, должны были научить последующие поколения агрессоров, но широкомасштабные провокации с их стороны продолжаются. Точно так же турки в лице тех своих племен, которые захватили Аран и окрестные земли, в 1990-е годы были удивлены победами армян в Арцахе: они по недоразумению предполагали, видимо, что армянский народ окончательно смирился со своим униженным положением: их подвело незнание психологии народов. Долготерпение чревато крайними агрессивными ответами. После длительного и напряженного самоконтроля следует ждать вспышки гнева и жесткого ответа на провокации угнетателей. Мы полагаем, что учет этой закономерности делает более понятными многие исторические события, например жестокие действия народа в ходе французских и русских революций. Этносы, считавшиеся слабыми и окончательно покоренными, внезапно для угнетателей поднимают восстание и нередко побеждают.

Авторитаризм и агрессия

Связь авторитаризма с агрессией известна в психологии, и мы в этой книге уже достаточно подробно говорили о ней. Здесь, упоминая об этом только ради полноты изложения, отметим следующее: как комплекс характера, авторитаризм включает в себя агрессивность. Авторитарным людям свойственна в первую очередь и преимущественно такая специальная форма этого качества, как *авторитарная агрессивность*.

3.6. Локус контроля и направленность агрессии

В 1960-е годы *Джулиан Роттер*[21] выделил два типа людей, которые имеют различные представления о том, в какой мере человек способен контролировать условия своей жизни, свои действия и их последствия.

Эти типы получили название:

а) интерналов — людей с внутренним локусом контроля;

б) экстерналов — людей с внешним локусом контроля.

Интерналы — *это люди, которые уверены в том, что способны повлиять на ход событий, принимать самостоятельные решения, осуществлять их, добиваться желательных целей.* Если представить себе ось «интерналы — экстерналы», то интерналы занимают один из ее полюсов.

На противоположном полюсе по локусу (то есть месту) контроля находятся так называемые **экстерналы**. У них сильно выражен фатализм. Они уверены, что от них ничего не зависит, что они бессильны что-либо изменить в окружающем мире. Имея такую философию жизни, эти люди редко ставят перед собой большие и трудные цели, они не являются инициаторами новых социальных движений и начинаний иного рода. Экстерналы в ответ на грубое обращение готовы «подставлять другую щеку». При обсуждении вопросов психологии религии данное обстоятельство непременно надо иметь в виду. Какого типа люди чаще всего становятся верующими? Вера в Бога и полное упование на него содержат в себе фатализм и готовность вручить свою судьбу в руки Всевышнего.

Но почему на службе у церкви оказывается так много активных и целеустремленных людей, желающих делать карьеру, настоящих интерналов? Трудно поверить, что все они являются настоящими верующими-фаталистами. Поскольку церковь — это иерархия статусов, то мы полагаем, что именно среди успешно делающих карьеру клерикалов и следует искать неверующих.

Кто лучше остальных служит в армии, кто ведет себя послушно перед вышестоящим начальством, кто такие конформисты? Ясно, что это в первую очередь экстерналы. Так что и в военной психологии рассматриваемая здесь типология может быть полезной.

Вопрос, который здесь нас интересует в первую очередь, можно представить следующим образом: мы знаем, что все люди в той или иной мере агрессивны, хотя по этой личностной черте различия между людьми велики. Каковы особенности агрессивности людей с различными локусами контроля? Отличается ли агрессивность интернала от агрессивности экстернала, и если да, то чем именно? Проблема эта не совсем новая. Исследователей уже интересовал вопрос о влиянии локуса контроля человека на характер его агрессивности. Не вдаваясь в подробности, вкратце опишем полученные экспериментальные результаты.

Действительно, оказалось, что интерналы считают агрессию одним из видов инструментального поведения, который может быть использован для решения стоящих перед человеком задач. Это у них *проактивная инструментальная агрессия.* Но эти же люди, как показал *Л. Берковиц*[22], могут отвечать агрессией на воздействие неприятных (аверсивных) событий, фрустраторов и стрессоров.

Но отсюда следовало бы сделать еще один шаг и сказать, что *людям с внутренним локусом контроля характерны оба вида агрессивности: как проактивная, так и реактивная.* Эти разновидности агрессии связаны с внутренним локусом контроля, коррелируют с ним, но мы пока ничего не можем сказать об их генетических связях, а также об их причинно-следственных отношениях. *Амбивертность*

агрессивности этих людей подсказывает нам, что из таких людей могут развиваться *насильники обоих типов* — как контролирующих события, так и неконтролирующих. Все зависит от их жизненного пути, характера фрустраций, уровня морального развития, развитости внутренних тормозов агрессивного поведения.

Что касается людей с внешним локусом контроля, фаталистов, то они, по-видимому, склонны к подавлению агрессии, поскольку думают, что от такого поведения пользы нет. Из них могут формироваться насильники противоположного типа, то есть такие, которые умеют контролировать себя.

Однако нет таких людей, принадлежащих этим крайним, «чистым» типам по локусу контроля. Есть люди среднего типа или близкие к среднему, и у них должны наблюдаться различные виды агрессивного поведения. Но в целом мы считаем, что поскольку люди с внутренним локусом контроля больше уверены в своих силах и выдвигают перед собой все новые и новые цели, организуя целенаправленную деятельность для их достижения, то они чаще встречаются с препятствиями, переживая страх и фрустрацию, и, следовательно, чаще вынуждены использовать агрессию.

Мы считаем также, что экстерналы более конформны, чем интерналы. Это подсказывает нам еще одну **гипотезу**, а именно: у экстерналов преобладает авторитарная агрессия, так как готовность по приказу начальства совершить агрессивные действия по отношению к другим людям, часто совершенно невинным, — черта авторитарных подчиненных. У интерналов также имеется авторитарная агрессия, но она выражена слабее. Эта гипотеза открывает новое направление для исследования влияния локуса контроля на авторитаризм, конформизм и выбор наиболее подходящих характеру личности типов агрессивных действий. Что в свою очередь требует новых экспериментальных фактов.

Исследования показали, что во время экспериментов, организованных по типу опытов *С. Милграма*, когда испытуемые догадывались о сущности эксперимента, интерналы снизили уровень своего послушания, тогда как экстерналы продолжали беспрекословно следовать указаниям экспериментатора[23].

Локус контроля оказывает влияние на открытые формы агрессии во многих ситуациях. Эти экспериментальные данные следует связать с реальными фактами жизни. Например, можно задать такой вопрос: каким образом формируются названные типы людей, какое влияние оказывает на процесс их формирования национальная культура? Количество таких важных вопросов можно увеличить без труда.

3.7. Личностные типы А и Б и агрессия

Когда обсуждается вопрос о связи агрессивности с другими чертами личности, то при более близком рассмотрении данного вопроса мы убеждаемся в том, что было бы правильнее говорить о влиянии синдрома или типа на агрессивность. Личностный тип — это комплекс взаимосвязанных черт личности, придающих ее поведению и всей психической активности определенный стиль. Среди других в психологии выделены еще два противоположных типа, условно обозначаемых символами «А» и «Б». Оказывается, что их характеристики имеют прямое отношение к агрессивности.

Тип А — это люди целеустремленные; они стремятся к сотрудничеству и победе, способны приложить значительные усилия для достижения своих целей. Они

стремятся быть впереди других, всегда спешат и переживают недовольство и гнев, когда другие препятствуют их усилиям, то есть пытаются фрустрировать их. При фрустрациях и стрессах проявляют высокий уровень агрессивности, враждебности к тем, кто блокирует их активность. Эти люди предрасположены к сердечно-сосудистым заболеваниям.

Тип Б — это противоположный тип. Люди, принадлежащие этому типу, более спокойны. Они любят работать ритмично, без спешки, избегают соперничества. Их стремления к успеху и победам умеренные, они не очень боятся неудач, поэтому и тревожность у них умеренная или почти отсутствует. Склонны выполнять только одну работу, завершить ее и лишь после этого браться за новое дело.

Существует тест для диагностики этих противоположных типов[24].

Предполагается, что именно повышенная враждебность и агрессивность людей типа А к другим людям являются причиной их предрасположенности к сердечно-сосудистым заболеваниям. Мы считаем, что данное наблюдение может дать толчок для развития нового направления в теории агрессии, которое условно назовем так: *психосоматические корреляты и последствия агрессивности*. Первым шагом в этом направлении должна быть систематизация известных данных о *заболеваниях агрессивных людей*. Затем потребуется исследовать типичные соматические заболевания насильников и садистов, агрессивных детей и других сверхагрессивных людей.

Другим аспектом данной проблемы является следующий: некоторые физиологические процессы у типов А и Б различны. Так, например, есть доказательство того, что уровень мужских половых гормонов (тестостерона) в крови людей типа А более высокий, чем у представителей типа Б. Как это определяется? Перед экспериментом определяют уровень тестостерона у лиц типа А. Во время эксперимента провоцируют их, и выясняется, что лица с более высоким уровнем тестостерона отвечают на провокации более интенсивными агрессивными реакциями, чем те, у кого этот уровень ниже.

Интересно, что в группе, состоящей из людей типа А, также были обнаружены лица с различными уровнями мужского полового гормона, но по уровню агрессивности они не отличались друг от друга. Это странный результат, и сразу же вызывает вопрос: что же определяет уровень агрессивности человека? Психологический тип личности или же ее гормоны?

Вывод исследователей таков: «...индивидуальные различия — как на уровне демонстрируемого поведения, так и на уровне физиологических процессов — могут влиять на агрессию. Более того... мужчины типа А с высоким уровнем тестостерона особенно склонны отвечать на провокацию насилием»[25].

Наличие этих физиологических различий подсказывает нам, в каком направлении надо двигаться для раскрытия психосоматических последствий агрессивности. Следует выяснить, на какие системы организма оказывают влияние мужские половые гормоны.

Предположение о более сильной агрессивности людей типа А было подтверждено экспериментально. В опытах, проведенных по методике Басса, оказалось, что когда испытуемых типа А и Б одинаково провоцируют (оскорбляют, недооценивают), лица типа А отвечают более интенсивной агрессией (строже наказывают провокатора), чем лица типа Б. Поэтому мы можем утверждать, что, по крайней мере, реактивная агрессия у людей типа А сильнее, чем у остальных.

Дальнейшие исследования показали, что *тип А отличается от типа Б главным образом тем, что у него преобладает враждебная, а не инструментальная агрессия.* Правда, этот результат противоречит представлению, согласно которому лицо типа А, имея цели и соперничая с другими, склонно использовать агрессию инструментально, то есть как способ достижения определенных целей. Мы считаем, что у этих людей при фрустрациях одинаково часто и интенсивно проявляется как инструментальная (проактивная), так и защитная (реактивная) агрессия. Следовательно, можно говорить об общем высоком уровне агрессивности людей типа А. Здесь можно предположить, что следует говорить не столько о влиянии черт этого типа на агрессию, сколько о том, что *агрессивность является блоком синдрома А, его важной частью.* В искусственных условиях лабораторного эксперимента не всегда возможно раскрыть эти связи. Более перспективными нам представляются натуралистическое наблюдение и естественный эксперимент.

Агрессивность к детям. Представляют интерес данные о том, что люди типа А склонны плохо обращаться с детьми. Оказалось, что «...75 % женщин, проходящих курс лечения в связи с тем, что они истязали собственных детей, относятся к типу А. Напротив, в контрольной группе насильников только 50 % лиц были отнесены к типу А»[26].

Тут уже мы имеем перед собой данные, которые важны для социальной практики. Когда требуют более активного участия женщин в деловой жизни, в управлении обществом и т. п., следует серьезно задуматься над тем, к чему приведет увеличение числа женщин типа А. Последствия этого, в частности для детей, могут быть весьма плачевными.

Конфликтность и агрессивность. Агрессивность людей типа А постоянно повышается. Но нам кажется, что она еще более повысится и породит реактивное внешнее агрессивное поведение вследствие того, что люди этого типа склонны создавать конфликты в тех социальных группах, членами которых становятся. Действительно, исследование, проведенное *Р. Бэроном,* подтверждает предположение о том, что личности типа А чаще других оказываются участниками межличностных конфликтов.

Это важный факт. Однако данную линию исследований следует продолжить. Необходимо выяснить мотивы таких лиц, те типы конфликтов, которые они создают, те способы, которыми они защищаются. Поскольку конфликты нередко являются фрустраторами и тем более стрессорами даже для тех, кто их создает, очень важно выяснить, какова специфика психологической самозащиты лиц типа А и Б в различных конфликтных ситуациях, например при ролевых конфликтах. К сожалению, на все эти вопросы ответов нет и исследования проблемы конфликтности типа А весьма поверхностны.

Еще одной **гипотезой**, подлежащей исследованию, является следующая: не является ли стремление создавать конфликты способом самовыражения и адаптации личности? Более того, как это ни парадоксально, можно даже утверждать, что *внешний конфликт для таких лиц может стать способом психологической самозащиты,* поскольку этим путем человек выводит наружу терзающие его внутренние конфликты, объективирует их; в процессе зарождения, развития и разрешения конфликта он пользуется целым арсеналом защитно-адаптивных механизмов и стратегий.

Исследование указанных аспектов проблемы конфликтности лиц типа А позволит значительно расширить наши знания об этом и противоположном типе характера.

3.8. Черты, подавляющие агрессию

Существует ряд черт личности, которые подавляют и сдерживают агрессивные действия человека. Вкратце рассмотрим самые важные из них.

Трусость и агрессия В психологической литературе, в которой обсуждаются проблемы агрессии, уже много лет вновь и вновь повторяется тезис о том, что страх и тревога, возникающие у человека на основе предвидения им возможных наказаний, подавляют его готовность совершить агрессивные действия.

Психологи, утверждающие данный тезис, в основном правильно отражают феноменологию переживаний и поведения людей. Страх перед возможными социальными ситуациями является сдерживающим фактором. Однако ни страх, ни тревога не являются личностными чертами. Они являются эмоциями, которые в определенных ситуациях переживаются всеми людьми. Это динамические состояния, которые у одних людей появляются чаще, у других — реже, но они являются общечеловеческими формами переживания реальных и предвосхищаемых опасностей.

Поэтому было бы более правильно говорить о связях с агрессивностью и агрессией таких черт характера, как *трусость или храбрость, тревожность или эмоциональная устойчивость*. Это уже черты характера. И храбрый человек переживает страх, и трусливый тоже, но их отличие друг от друга состоит в том, что храбрый способен подавить свой страх и действовать организованно и целенаправленно.

Вспомним, как описывает *Л. Н. Толстой* поведение генерала Багратиона или капитана артиллерии Тушина во время Шенграбенского сражения против войск Наполеона. О Багратионе мы читаем: «Обратившись к адъютанту, он приказал ему привести с горы два батальона 6-го егерского, мимо которых они сейчас проехали. Князя Андрея поразила в эту минуту перемена, происшедшая в лице князя Багратиона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую решимость, которая бывает у человека, готового в жаркий день броситься в воду и берущего последний разбег. Не было ни невыспавшихся, тусклых глаз, ни притворно глубокомысленного вида: круглые, ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед, очевидно, ни на чем не останавливаясь, хотя в его движениях оставалась прежняя медленность и размеренность». А чуть позже, когда батальоны уже прибыли и велено было остановиться и снять ранцы, генерал Багратион повел их в атаку.

«Багратион объехал прошедшие мимо его ряды и слез с лошади. Он отдал казаку поводья, снял и отдал бурку, расправил ноги и поправил на голове картуз. Голова французской колонны, с офицерами впереди, показались из-за горы.

— С богом! — проговорил Багратион твердым, слышным голосом, на мгновение обернулся к фронту и, слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, как бы трудясь, пошел вперед по неровному полю. Князь Андрей чувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его вперед, и испытывал большое счастье»[27].

Как видно из этих замечательных отрывков, у храброго и мужественного человека в опасной ситуации поведение становится более организованным и целенаправленным, тогда как у переживающего страх трусливого человека целенаправленная деятельность расстраивается.

Мы считаем возможным предложить **гипотезу**, состоящую из следующих двух утверждений:

1) страх трусливого человека подавляет его внешнюю агрессию; нередко его агрессия оборачивается на самого себя, то есть претерпевает конверсию, и, следовательно, как переживание и как тенденция, не исчезает полностью. Вследствие такой конверсии трусливый человек начинает ненавидеть себя и даже реально терзать себя, вести себя самоуничижительно;
2) смелый же человек, переживая страх, оказывается в агрессивном состоянии, но направляет свою агрессию на внешние, реальные стрессоры и фрустраторы, стараясь устранить их с пути своей целенаправленной деятельности. Именно так поступили Багратион, Тушин и их соратники во время Шенграбенского сражения.

Напомним, что страх появляется у человека перед реальной, уже существующей опасностью, тогда как переживание тревоги означает, что человек предвидит появление опасности, но не знает еще в точности, что она из себя представляет. Когда тревожность становится чертой характера, человек постоянно ждет наступления неприятных событий, опасностей для себя и для своих близких.

Представляет интерес следующее явление: личность нередко переживает сильную тревогу в ожидании опасного с его точки зрения события, например сдачи экзамена или встречи с высокопоставленным лицом, но когда вызывающее тревогу событие действительно наступает, он не переживает сильного страха или вовсе не переживает его. Народная мудрость зафиксировала эту психологическую ситуацию, например, в форме следующего изречения: «Черт не так страшен, как его малюют». В таких случаях тревога или не перерастает в страх, или же преобразуется в страх лишь частично. И человек может удивляться: «Чего же я так боялся, ведь ничего страшного не было?» Частными случаями такой ситуации являются следующие: подчиненный перед высоким начальником; солдат перед боем; молодая невеста перед первой брачной ночью и т. п. Во всех этих случаях люди переживают интенсивную, мучительную тревогу, но при реальной встрече с этими опасностями нередко переживает лишь слабый или умеренный страх. Тревога процесса умирания, по-видимому, мучительнее страха смерти.

Трусость и накопление гнева

Но если трусость как устойчивая черта характера подавляет агрессивность, это не означает, что трусливый человек менее агрессивен. *Трусость подавляет агрессивность, но не уничтожает ее, а превращает во внутреннюю форму*, а еще точнее, в две внутренние разновидности:

а) часть агрессии в результате конверсии превращается в самоагрессию; об этом мы уже говорили;
б) другая же часть сохраняет свою направленность на внешние объекты, но временно, из-за трусости или невозможности реализации по назначению, скрывается, вызывая в сознании воображаемые ситуации мщения.

Работа воображения как бы моделирует будущее реальное (в смысле объективации) агрессивное поведение, например наказание настоящего фрустратора. В таких случаях происходит то, что называют накоплением свободно плавающего гнева. В конце концов наступает момент, когда чаша терпения переполняется и враждебность разряжается в крайне жестоких насильственных действиях. Это

явление мы увидим при ознакомлении с отличающимися крайней сдержанностью патологическими насильниками.

Сама трусость, как мы полагаем, является не простой чертой характера, а *комплексом черт*, ведущим блоком характера этого типа людей. Она включает не только страх перед отрицательными санкциями, острое чувство опасности, но и эгоизм, неудовлетворенность своей личностью и социальными навыками, застенчивость, склонность приписывать другим отрицательное мнение о себе (то есть определенные виды атрибуций) и другие. Поэтому взаимосвязи между агрессивностью и трусостью имеют более сложный характер и требуют новых исследований.

Итак, с учетом очень важного уточнения, а именно, что не сами по себе страх и тревога как эмоции подавляют агрессию, а лежащие в их основе черты характера — трусость и тревожность, — можно считать ценными результатами тех экспериментальных исследований, которые были организованы для подтверждения этого предположения. Ситуационная тревога важна как ингибитор агрессии, особенно у тех людей, кто придает значение социальному одобрению. Но когда фрустрация и страх усиливаются, то есть когда ситуационные факторы становятся мощными, у всех людей агрессивные ответы также приобретают более интенсивный характер[28].

3.9. Самосознание, личность и агрессия

Анонимность, уровень самосознания и уровни агрессивности

Самосознание личности, его актуальное состояние, оказывает влияние на социальное поведение человека. Не является исключением и агрессивное поведение.

Уровни яркости и содержательности актуального самосознания, то есть результатов самоосознавания в виде «Я-образов», оказывают прямое воздействие как на уровень агрессивности человека, так и на интенсивность его насильственных действий.

На уровень самоосознания, в свою очередь, оказывает влияние то, в какой группе, малой или большой, находится человек, заметен ли он (выделяют ли его окружающие из-за его особых примет — расовых, этнических, лингвистических и т. п.) или же он растворен в массе. При этом взаимодействует много факторов. Так, *анонимность* личности — это состояние, при котором окружающие *не знают* человека, для них он — лишь единица из рода человеческого: его индивидуальные черты никому не известны. Эта «безымянность» порождает *слабость «Я-образа» и свободу от ответственности*. В результате этого наблюдается усиление агрессивности или внутренней готовности к совершению агрессивных действий.

Усиление самоосознания и ослабление агрессивности

Наоборот, если человек находится в таких условиях, когда его актуальные «Я-образы» становятся очень яркими (а это происходит вследствие того, что он обращает напряженное внимание на собственные психические и физические черты, переживания и действия), его тенденция к совершению агрессивных действий смягчается.

Почему так происходит? Является ли сам по себе яркий «Я-образ» непосредственной причиной ослабления агрессивности, или же здесь действуют и другие

психологические факторы? По-видимому, ближе к истине второе предположение. Когда человек в социальной группе, в ответственной ситуации, пристально следит за собой (самомониторинг), в его сознании воспроизводятся те нормы, в том числе ролевые, которым должно подчиниться его поведение. В соответствующих социальных ситуациях это общественно приемлемые, конвенциональные нормы, разделяемые всеми участниками данного процесса. Происходит также актуализация основных ценностных ориентаций личности. Если эти нормы и ценности, образно говоря, являются «антиагрессивными», он будет действовать в согласии с ними и, следовательно, мирно, ненасильственно. Но если его актуализированные ценности и нормы одобряют насилие, он будет действовать агрессивно.

Следовательно, если в составе группы «Я-образы» индивида становятся яркими, его дальнейшее поведение зависит от того, какие ценности и нормы у него актуализируются и осознаются и, что очень важно, какое поведение от него ждут другие члены группы. Речь идет о ролевых отношениях, поскольку все члены группы являются исполнителями взаимосвязанных социальных ролей.

Это означает, что яркое самоосознание и его результат в виде социального «Я-образа» сами по себе не всегда подавляют агрессивность человека, а лишь в зависимости от того, *с помощью каких социальных норм данный «Я-образ» регулирует поведение человека*. Так, если человек действует в составе своей референтной группы и по отношению к таким жертвам, которых выбирает группа, он будет действовать агрессивно: такова его роль, таковы одобряемые здесь ценности и нормы.

Итак, как уже замечено психологами (*Р. Бэрон* и другие), обострение самосознания в виде ярких ситуативных «Я-образов» избирательно актуализирует и даже усиливает определенные ценности и нормы личности: в зависимости от них человек действует агрессивно или ведет себя мирно.

Экспериментальные исследования

В рамках проблематики агрессивного поведения человека роль самосознания исследовалась, как уже сказано, в связи с двумя явлениями — с деиндивидуацией и с так называемым объективным самоосознанием *(objective self-awareness)*.

Деиндивидуация и агрессия. Когда человек не осознает себя, то такое психическое состояние принято назвать деиндивидуацией[29]. Ряд исследователей (например, *Э. Динер*) кроме отсутствия самоосознания отмечают также отсутствие самоконтроля как характерную особенность состояния деиндивидуации. Деиндивидуация возникает под влиянием таких ситуативных факторов, как анонимность, возбуждение и сенсорная сверхзагруженность. Основной установленный факт сводится к тому, что в состоянии деиндивидуации люди более агрессивны, чем в обычном состоянии[30].

В этой области широко известно убедительное по своим результатам исследование *Ф. Зимбардо*, проведенное еще в 1969 году: его испытуемые, студенты колледжа, были подвергнуты деиндивидуации тем, что их лица закрывались капюшонами и они были помещены в темную комнату, по четыре девушки в каждой группе. В отличие от них другие девушки были индивидуизированы тем, что участвовали в экспериментах в обширной светлой комнате и носили на себе большие бирки со своими именами. *Ф. Зимбардо* нашел, что когда испытуемым дают возможность подвергать агрессии жертву, то те, кто деиндивидуализирован, наносит жертве

более интенсивные электрические удары. Среди жертв были такие, кто заслуживал наказания, а также такие, кто его не заслуживал. Деиндивидуизированные испытуемые не проводили различий между ними и наносили им одинаково сильные электрические удары, тогда как четко осознающие себя испытуемые наносили слабые удары тем, кто не заслужил наказания, и несколько более сильные удары тем, кто, по их мнению, заслужил наказания.

Считается, что в состоянии деиндивидуации люди меньше озабочены оценками других людей и самооценкой и в меньшей мере осознают свои личные стандарты. Они с большой готовностью действуют против социальных норм. Но Динер считает, что поведение людей в состоянии деиндивидуации не всегда антисоциально: оно может быть просоциальным и насыщенным положительными эмоциями поведением[31].

Влияние самосознания на агрессию. Какое влияние оказывает четкое объективное самосознание (в виде процесса самоосознания) человека на его агрессивное поведение? Исследование этого явления было начато Дювалем и Уиклундом (1972) и было продолжено другими психологами. Согласно полученным данным, *самосознание увеличивает вероятность альтруистического поведения.* Кроме того, сосредоточенные на самих себе люди менее агрессивны, чем те, внимание которых направлено в основном на внешние объекты. Предполагается, что четко сознающий себя человек осознает также свои стандарты (нормы) и стремится жить в согласии с ними. Однако, как показал Карвер (1974), поведение человека в состоянии ясного самосознания зависит от его установок к агрессии: те, кто одобряет физическое наказание, в этом состоянии будут действовать более агрессивно. Люди же с противоположной установкой — неагрессивно. Во время этих экспериментов испытуемые видели себя в зеркале.

Процедура исследования в общих чертах следующая: для повышения уровня самоосознания в экспериментальной комнате помещается зеркало и испытуемые получают возможность видеть в нем свое отражение[32]. Контрольная группа находится в комнате без зеркала над экспериментальным оборудованием. После этого испытуемые обеих групп получают возможность в эксперименте типа «учитель — ученик» (процедура Басса) наказать электрическим ударом допускающего ошибки «ученика». (Для большей убедительности такую роль можно поручить женщине, тогда как в роли «учителя» выступает истинный испытуемый — мужчина.)

Эксперименты в целом подтвердили гипотезу, согласно которой зеркало, усиливая «Я-образ» (итог самоосознания) испытуемых, приводит к подавлению ими своей агрессии. При этом играют роль, конечно же, актуализированные нормы и ценности, с помощью которых «Я» человека регулирует поведение. Когда же испытуемому с ярким «Я-образом» внушают, что необходимо действовать агрессивно (то есть в его сознании актуализируют другие нормы), он будет применять более интенсивную агрессию. Это еще раз показывает, что «Я-образ» влияет на поведение не непосредственно, а с помощью определенных норм и ценностей самой личности и согласно ролевым ожиданиям. Данную точку зрения мы уже представили в начале настоящего параграфа.

Общий вывод сводится к тому, что в состоянии ясно осознаваемого процесса самоосознания люди в значительно большей степени опираются на свои стандарты[33].

При интерпретации этих экспериментальных фактов следует иметь в виду, что люди играют конвенциональные роли. Они не столько опираются на свои установки

и стандарты, сколько идут навстречу ролевым ожиданиям людей, особенно членов своих референтных групп. Они одевают психологическую маску. Данный аспект проблемы необходимо исследовать с помощью дополнительных экспериментов.

Когда человек переживает определенные аффекты, например гнев, то в этот процесс всегда включается его «Я», а точнее — отношение «Я» к объекту, вызывающему у субъекта аффективное состояние. Подобное отношение в значительной степени является когнитивным и оценочным.

Данный аспект переживания личностью агрессивного состояния важно подчеркнуть, поскольку описания эмоциональных состояний людей иногда производят такое впечатление, как будто они всегда протекают мимо «Я» и всей структуры «Я-концепции» личности. Мы считаем, что во всех подобных случаях «Я-концепция» участвует в психических процессах, пусть даже только подсознательно.

Отметим, что деиндивидуация играет заметную роль также в процессе межэтнической агрессии. Масса солдат, толпа расистов, гангстерские группы, действующие в состоянии аффекта, всегда в той или иной мере деиндивидуализированы.

3.10. Три вида деиндивидуации и уровень агрессивности (новая концепция)

Уровень самоосознания, то есть степень яркости актуализированных «Я-образов», как мы только что показали, имеет неоспоримую связь с уровнем агрессивности человека. Это влияние, имеющего, скорее всего, характер регуляции поведения со стороны «Я», опосредуется ценностями, нормами и установками личности.

Для дальнейшей разработки этой интересной и тонкой проблематики следует, как мы считаем, уточнить понятие деиндивидуации (деиндивидуализации), более точно описать данное психическое состояние. Такая работа необходима также ввиду сложности данного психического состояния, его недостаточной исследованности, и еще по той причине, что встречаются его неодинаковые описания. Так, одни (например, *Р. Бэрон*) считают, что человек деиндивидуализирован, когда окружающие люди его не узнают. Между тем это лишь состояние *анонимности*, которое *может стать условием деиндивидуализации*, но последняя к ней никак не сводится. Другие авторы (*Д. Кребс*, *Ф. Зимбардо* и другие) считают, что человек деиндивидуализирован, когда не осознает себя. Но мы считаем, что это тоже — лишь частное понимание интересующего нас явления.

Мы же предлагаем концепцию, которая позволит развивать новые направления исследования взаимосвязей «Я» с уровнями агрессивности.

Деиндивидуализация (или деиндивидуация) хотя и стала предметом специальных психологических исследований, тем не менее до сих пор по-разному понимается разными авторами. Приведем основные из наличных в литературе интерпретаций.

1. Одни утверждают, что деиндивидуализация — такое положение человека, когда окружающие его не узнают[34].

   Но мы считаем, что это еще не деиндивидуализация в подлинном смысле слова, а лишь *социальная анонимность*, которая нередко является предпосылкой деиндивидуализации человека.

2. Второе понимание деиндивидуализации сводится к следующему: считается, что деиндивидуализация — то состояние человека, когда он не осознает себя[35].

Ясно, что описанные — совсем различные состояния. Мы же предлагаем следующую **концепцию деиндивидуализации**:

1) есть разные уровни и аспекты деиндивидуализации;
2) полная деиндивидуализация личности имеет место тогда, когда человека не узнают в группе и он почти не осознает свою индивидуальность, до такой степени поглощен групповой активностью, сопровождаемой сильными эмоциями;
3) есть два случая частичной деиндивидуализации, а именно:
   а) человека не узнают в группе, он анонимен социально, но у него в психике присутствует очень четкий «Я-образ»; особенно хорошо осознается им все то, что воспринимается интроспективно; объективное самовосприятие крайне ослаблено, поскольку нет потребности со стороны посмотреть на себя. Объективное самовосприятие у бодрствующего человека есть всегда, он все время непосредственно осуществляет самомониторинг, но в условиях такой *внешней деиндивидуализации* эти функции самосознания крайне ослаблены;
   б) *внутренняя деиндивидуализация*: человек почти не осознает свои переживания, внутренний свой мир, но он узнан, за ним наблюдают, его знают, хотя он об этом не знает. Так, вор сосредоточенно открывает чужую дверь, уверен, что один, и внешне видит себя, но почти не осознает свой собственный внутренний мир. Как только его застают врасплох, состояние его самосознания резко, скачкообразно меняется. Примерно то же самое имеет место с человеком, который сосредоточенно работает.

Необходимо иметь в виду, что при полной деиндивидуализации, которая наступает у индивида, например, когда он находится в толпе и действует вместе с другими, у человека претерпевает изменения не только «Я-концепция»: *у него подавляются индивидуальные черты личности и характерные особенности поведения, то есть индивидуальность в собственном смысле слова, и он становится похожим на других*. Он пытается действовать как все, подражает другим и т. п. Временная потеря психологической индивидуальности — важнейшая специфика этого психического состояния, особенно его *полного варианта*.

Итак, деиндивидуализация может иметь частичные выражения в виде различных психических состояний. При каком из них он наиболее агрессивен? Из психологии толпы (*Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет* и другие) известно, что человек в толпе легко возбуждается и совершает агрессивные действия. В толпе главным образом возникает первая разновидность деиндивидуализации с преобладанием анонимности, которая вначале доводит до минимума объективное самовосприятие, а затем уже и параллельно — интроспекцию.

Следовательно, при полной деиндивидуализации вероятность агрессивного поведения значительно увеличивается. Когда же человек хорошо осознает себя, но другие его не узнают, тогда он действует исходя из своих преобладающих норм, целей и адаптивных стратегий. Для дальнейшего расширения этой концепции необходимы эмпирические исследования.

3.11. Теория дифференциального самосознания

Психологи *С. Прентис-Данн* и *Р. Роджерс* предложили *теорию дифференциального самосознания* для объяснения того, каким образом процесс самоосознания связан с поведением человека, в частности с агрессивным поведением[36].

Основная идея авторов состоит в том, что все те внешние факторы, которые ослабляют процесс самоосознания, приводят к активизации ненормативного (в том числе агрессивного) поведения. Они выделяют два класса переменных.

1. Посылы *(cues)*, вызывающие чувство ответственности: речь идет о тех аспектах ситуации, которые дают возможность индивиду стать менее узнаваемым. Считается, что под воздействием этих факторов редуцируется социальное (общественное) самосознание личности, то есть та часть ее самосознания, которая связана с желанием произвести впечатление на других. При этом возникает ряд вопросов.

   Во-первых, не имеет ли место в реальной жизни обратное, а именно: если в ситуации имеются факторы, вызывающие чувство ответственности, не становятся ли социальные «Я-образы» личности более четкими и полными?

   Во-вторых, что это за «посылы», усиливающие чувство ответственности, которые могут делать человека менее узнаваемым, то есть относительно анонимным? Эти посылы и их действие надо было конкретно показать.

   Но если согласиться, что под воздействием ряда таких факторов человек действительно оказался в психологическом состоянии *относительной анонимности*, то с выводами авторов можно согласиться: да, человек в таком состоянии может выбрать ненормативное, «недопустимое» поведение, поскольку не предвидит для себя ответственности за такие действия. Иначе говоря: следует иметь в виду, что «ненормативное» поведение является таковым в зависимости от ситуации и от той референтной группы, с нормами которой согласует свое поведение индивид. С учетом этих замечаний необходимо организовать дополнительные исследования обсуждаемой проблемы. Авторы очень верно замечают, что в этой ситуации индивид растормаживается. Следовало бы добавить: появляются релизеры агрессии или же исчезают определенные ингибиторы. Кроме того, авторы отмечают следующее: «Индивид в подобных случаях полностью осознает свои поступки — он просто не опасается негативных для себя последствий»[37].

   Но что означает данное замечание? То, что в подобных случаях *относительная анонимность* создает у личности лишь слабую деиндивидуализацию, причем, если исходить из нашей концепции о трех видах (или уровнях) этого психического состояния, речь идет лишь о слабой внешней деиндивидуализации. Причем было бы весьма спорно утверждать, что подавляемые нормативные формы поведения были характерны для личности, а воспроизводимые ненормативные (в том числе агрессивные) — нехарактерными, атипичными. При полном осознании человеком своих действий его подлинные черты и установки могли бы выражать именно ненормативное поведение. Это означает, что легкая деиндивидуализация, наступающая вследствие

относительной анонимности, позволяет личности действовать с бо́льшим соответствием со своей индивидуальностью, чем в условиях полной известности и публичности, когда он вынужден вести себя конформно.

2. В качестве второго класса переменных, которые ослабляют процесс самоосознания, *С. Прентис-Данн* и *Р. Роджерс* указывают на так называемые *модификаторы внимания*. Это уже такие факторы, которые, по мнению авторов, ослабляют личное самосознание, то есть тот компонент самоосознания, который связан с сосредоточением на собственных мыслях, ощущениях и переживаниях. В качестве таковых упоминаются: сильное возбуждение, измененное состояние сознания и «погружение с головой» в групповую деятельность. Они отвлекают внимание человека от его внутреннего мира. Это правильное наблюдение. И в этом случае происходит то, что мы назвали *внутренней деиндивидуализацией*. Очень верно, что индивид при этом временно теряет способность обращаться к своим внутренним нормам, чтобы изменить свое поведение. «В этом случае поведение больше не контролируется личными нормами»[38].

   Как и в случае ослабления объективного самосознания, усиливается агрессивность человека. Но предполагается, что в основе этих двух видов самоосознания лежат разные процессы. Хотя авторы, по-видимому, не считают, что анонимность приводит к деиндивидуации, мы с этим не можем согласиться. Но то, что они заметили в этих двух случаях (по нашей терминологии — при внешней и внутренней деиндивидуализации), а именно, что процессы, ослабляющие самоосознание и его результаты — «Я-образы», разные, очень ценно. Данные процессы не могут быть одинаковыми хотя бы потому, что в каждом из этих случаев изменяются разные «Я-образы» (подструктуры самосознания): в первом случае — социальные (и актуальные) «Я-образы», иногда являющиеся социальными масками, во втором случае — более интимные и объективные по содержанию «Я-образы», которые, так сказать, больше предназначены для внутреннего пользования.

О каких различиях двух процессов, в этих случаях порождающих различия «Я-образов», говорят авторы, видно из следующего отрывка: «Таким образом, при деиндивидуализации агрессия возникает из-за редуцирования когнитивных компонентов поведения, в то время как агрессия при пониженной ответственности возникает в результате сознательного взвешивания индивидом преимуществ от своих расторможенных действий в противопоставлении возможным негативным санкциям»[39].

Нижеследующие замечания, как мы надеемся, помогут не только уточнению определенных вопросов, но и позволят еще дальше продвинуть предложенную нами концепцию:

1) состояние пониженной ответственности, появившееся вследствие относительной анонимности личности, является лишь одним из аспектов более глубокого состояния, названного нами внешней деиндивидуализацией. Важным аспектом этого состояния является ослабление объективного самовосприятия и самосознания, ослабление ситуативных «Я-образов». Меняется также поведение, оно становится менее конформным и больше соответствующим

подлинным внутренним мотивам и установкам личности, в частности — ее предполагаемым адаптивным стратегиям;

2) внутренняя деиндивидуализация, которую только упомянутые авторы, по-видимому, считают деиндивидуализацией в подлинном смысле слова, — более сложное явление и приводит к фундаментальным изменениям личности. Здесь мы видим возможность применения предложенной нами еще в 1980 году концепции интроспекции. Одна из главных идей этой концепции следующая: когда человек осуществляет интроспекцию, его «Я» нормально расщепляется на два актуально активных «Я-образа», один из которых выступает в роли наблюдателя, а второй — объекта наблюдения и действующего «Я». В определенном смысле мы рассматриваем интроспекцию в качестве процесса динамического взаимодействия «Я-образов» во времени. Данную концепцию мы проиллюстрировали примерами, на наш взгляд, достаточно убедительными[40].

Итак, мы считаем, что при внешней деиндивидуализации именно эта динамика «Я-образов» лишь несколько ослабляется, в то время как при внутренней деиндивидуализации интроспекция доходит до минимального уровня, внутренние «Я-образы» исчезают или становятся крайне тусклыми.

То, что эти тонкие, не всегда осознаваемые человеком, но фундаментальные изменения самосознания приводят к усилению агрессивности и другим качественным изменениям поведения, весьма примечательно. Они позволяют утверждать, что самые глубокие психологические механизмы регуляции социального поведения, в том числе агрессии, еще только «прощупываются» нами.

Отметим, что *С. Прентис-Данн* и *Р. Роджерс* организовали довольно сложные эксперименты для проверки своей теории дифференциального самосознания и получили для нее эмпирическое подтверждение. Ослабление внутреннего, «личного» самосознания, вызывая деиндивидуализацию, действительно усиливает агрессию. Ослабление личного самосознания и обеспечивающей его интроспекции играет роль дезингибитора (то есть релизера) агрессивных действий человека. Следовательно, когда человек осуществляет интроспекцию и имеет ясное сознание и актуализированное самосознание, он с меньшей вероятностью совершит агрессивные действия. Хорошим примером является поведение человека, который стесняется и расстроен (например, недоволен своим внешним видом и теми способностями, которые проявляет в своем поведении). Такой человек вряд ли будет вести себя агрессивно.

3.12. Вина, стыд и агрессия

Фрустрация самосознания личности — самая тяжелая, мучительная форма этого явления, вызывающая интенсивные защитные ответы. Она сопровождается чувством унижения, стыда и вины, от которых человек, естественно, желает избавиться как можно скорее.

Такая фрустрация вызывает ряд защитных реакций, в числе которых эмоциональные — гнев, враждебность и желание отвечать агрессивными действиями на воздействие фрустратора. В целом все это понятно и знакомо из повседневной жизни. Что же касается конкретных эмпирических исследований, они, насколько нам дано

судить, скорее всего, сосредоточиваются на задаче раскрытия связей агрессии с отдельными чувствами, переживаемыми фрустрированным человеком. Так, есть исследования, посвященные чувствам вины и стыда и их связям с агрессией. Ниже мы вкратце рассмотрим их, но всегда имея в виду тот более широкий социально-психологический комплекс, в котором они реально имеют место, а именно в контексте фрустрации «Я-концепции» личности и ее защитного поведения.

Чувство вины и агрессия

Чувство вины у человека появляется тогда, когда ему не удается как следует выполнить свои социальные обязанности, роли и обещания, в тех случаях, когда он вынужден, сознательно и намерено или против своей воли, нарушать какие-либо важные социальные нормы. Переживание вины сопровождается чувством сожаления о содеянном. Человек переживает состояние, традиционно называемое угрызениями совести, что означает не что иное, как активизацию целого комплекса норм и попыток возвращения личности к нормативному саморегулированию своего поведения. Вина, угрызения совести, образно говоря, — это формы морального бунта против собственной личности.

Одним из способов избавления от чувства вины является просьба о прощении у пострадавшего. Говоря «Прошу прощения!» или «Извините!» человеку, перед которым мы чувствуем себя в чем-то виноватыми, мы как бы хотим уничтожить собственные ошибки и возвращаться к тому положению вещей, когда эти считающиеся ошибочными действия еще не были совершены. Это частный случай *аннулирования совершенного действия*, довольно распространенного защитного механизма, выступающего в самых разнообразных формах. Однако просьба о прощении устраняет фрустрацию и чувство вины только тогда, когда принимается пострадавшей стороной. Если же жертва наших неправильных действий (обмана, грубости и т. п., в целом — поступков, нарушающих социальные нормы) не принимает наше извинение, ситуация резко меняется. От чувства (переживания, эмоции) вины человек невольно переходит в агрессивное состояние: чувство вины и новая фрустрация (отказ пострадавшей стороны извинить нас) порождают более сильную защитную реакцию в виде комплекса гнева, враждебности и агрессивных действий, словесных и даже физических. Само переживание чувства виновности перед другим является *вторичной фрустрацией личности*, способной привести человека в состояние возмущения. Недаром, переживая чувство вины, люди начинают оправдывать себя и обвинять пострадавшего. Здесь к защитному комплексу присоединяются проективная и другие разновидности атрибуции, предпринимаются попытки дискредитации жертвы, особенно в том случае, если она отвергла извинения агрессора. Всякие попытки дискредитации людей, уже пострадавших от наших несправедливых действий, обмана и агрессии, являются новыми агрессивными действиями, с помощью которых мы пытаемся освободиться от чувства вины.

Есть, конечно, и мирные способы избавления от этого чувства. В области этнополитики — это материальная и финансовая компенсация за нанесенный вред. Так, например, Германия в лице своих руководителей не только извинилась перед евреями (осуществляя, таким образом, психологическую самозащиту), но и согласилась выплатить денежные компенсации жертвам холокоста. Конфликт между двумя нациями этими действиями, конечно, не исчерпывается, но, без сомнения, смягчается и частично вытесняется в сферу подсознательного этнофоров обеих сторон.

Эти идеи можно делать основой для более широкого обсуждения затронутых выше проблем при условии использования современных достижений психологии эмоций.

Стыд и агрессия

Стыд — *это чувство, которое человек переживает, когда совершает действия, несовместимые с его положительным представлением о себе.* Стыд переживается тогда, когда человек случайно или вынужденно раскрывает такие стороны своей личности или тела, которые обычно тщательно скрываются от посторонних наблюдателей. Если человек имеет высокие моральные принципы, то вынужденный совершить аморальный поступок переживает стыд. Если индивид считает себя храбрым и сильным, но ведет себя как трус, опять-таки у него появляется чувство стыда. Переживание этого чувства в виде последовательных эмоциональных состояний очень мучительно.

Стыдливость — *это уже черта характера.* Стыдливый человек избегает быть на виду у публики, ему не нравится быть в центре внимания людей, которые его оценивают. Такому человеку кажется, что все замечают его недостатки и издеваются над ним и т. п.[41].

Каким образом стыд связан с агрессией? При чувстве стыда агрессивность человека в значительной степени направляется на собственную личность, что часто выражается неприкрыто. Такой человек критикует себя самым строгим образом, обзывает себя «подлецом», «глупым» и т. п. Формируется определенная оценка своего «Я», меняется структура «Я-концепции». Это, по существу, самоагрессия. Правы, по-видимому, те авторы, которые видят в агрессивных переживаниях такого человека два условно выделяемых этапа. На первом из них гнев и враждебность направляются на тех, кто виновен в том, что человек был вынужден переживать чувство стыда. Ведь человек всегда переживает *стыд перед кем-то*, индивидами или группами. Так что названные два этапа можно выделить и по другому критерию: перед кем переживает человек чувство стыда — перед собой, перед другими или перед собой и перед другими одновременно?

Тогда, когда вполне очевидно, кто виноват, агрессия направляется на этот объект. Правда, при этом могут играть защитную роль различные виды атрибуции. Однако ясно одно: если мы перед кем-то оказались в неприятном положении и переживали стыд, то даже в том случае, когда этот человек совсем не виноват в такой нашей фрустрации, он не вызывает в нас чувство симпатии. Он стал свидетелем нашего унижения, и он легко становится жертвой нашей агрессии. Недаром встречаются политические деятели, которые, добиваясь высокой власти, ликвидируют тех, кто в прошлом был свидетелем его унизительного положения. С этой точки зрения представляет особый интерес то, на что ранее уже обращалось внимание — деятельность крайне авторитарных правителей типа Гитлера и Сталина: Гитлер уничтожил даже могилу своего деда, а Сталин — многих своих сверстников, с которыми учился или начал революционную деятельность. Стыд и унижение или даже только возможность их переживания делают человека агрессивным, и эта агрессивность может принимать крайние, садистически-патологические формы.

Получены экспериментальные данные о том, что люди, которые склонны переживать стыд, имеют также склонность быть агрессивными. Опросы людей свидетельствуют, что «...чувство стыда действительно напрямую связано с гневом и аг-

рессией. Другими словами, чем чаще люди переживают чувство стыда в процессе взаимодействия с другими, тем выше их склонность к гневу и агрессивному реагированию... Именно тенденция стыдливых людей бить по своему собственному "Я" лежит в основе их высокой склонности к агрессии. Каковы бы, однако, ни были настоящие источники взаимосвязи между стыдом и агрессией, ясно, что тенденция испытывать стыд потенциально опасна не только для лиц, переживающих подобные эмоции, но и для окружающих»[42].

Стыд, агрессия и другие защитные механизмы

Личность, переживающая чувство стыда, безусловно, фрустрирована. Чем интенсивнее чувство стыда, тем глубже фрустрирован человек. Но если это фрустрация, то должны активизироваться не только агрессия, но и другие, неагрессивные защитные механизмы. В данном случае они выступают в тесной связи с агрессией. Этот вопрос в литературе по психологии агрессии почти не затрагивается. В первой части настоящего труда мы посвятили его исследованию отдельную главу.

Интересно, что личности, переживающей эмоциональное состояние стыда, свойствен уход или бегство: эта адаптивная стратегия в подобных ситуациях очень уместна, поскольку стыд, как уже сказано, переживают перед другим человеком или перед группой. Когда человеку удается уйти, он оказывается перед самим собой, а другие могут появляться перед его внутренним взором лишь как психические образы. Здесь можно вспомнить сравнение референтной группы с внутренним форумом. Данный социально-психологический аспект проблемы взаимосвязи стыда и агрессии нам представляется очень интересным и малоисследованным.

Проблему, которая занимает нас в настоящем разделе, необходимо обсудить в двух аспектах:

1) какие формы косвенной и сублимированной агрессии используют люди, переживающие чувство стыда;
2) какие неагрессивные защитные механизмы подключаются к процессу психологической самозащиты личности.

1. **Косвенные и сублимированные формы агрессии.** Речь идет о словесной и символической агрессии, а также о творческой сублимации агрессии. Например, символической агрессией является символизация личности, заставляемой противниками переживать стыд. Людей, перед которыми человек чувствует стыд, он может символически наказывать своими достижениями, в том числе творческой работой.

   Самоубийство и убийство — крайние формы поведения людей, переживающих стыд, зависть и унижения.

2. **Неагрессивные защитные механизмы.** Мы считаем, что люди, переживающие стыд и ряд других тесно связанных с этим чувств, спонтанно пользуются еще и следующими защитными механизмами:

   а) атрибуцией, в частности проективной ее формой: на этапе самоагрессии человек, переживающий стыд, приписывает самому себе целый

ряд отрицательных качеств и ошибок, которые якобы поставили его в такое унизительное положение;

б) для перехода ко второму этапу своего агрессивного поведения и переноса агрессии на тех, перед кем ему стыдно, человек проецирует на этих людей ряд собственных черт и мотивов, а также осуществляет атрибуцию таких намерений, которые создают психологическую предпосылку для превращения их в жертв своей агрессии. Мы считаем также, что одной из основ самоатрибуции является механизм интроекции (если эти два механизма не тождественны).

3. Человек, переживающий интенсивный стыд, часто начинает вести себя инфантильно, что является свидетельством того, что он переживает возрастную психическую регрессию.

   Мы предлагаем **гипотезу**, согласно которой в состоянии переживания глубокого и интенсивного стыда у человека мышление претерпевает значительные изменения. Да и внешне человек, которому стыдно появляться перед людьми, начинает выглядеть по-детски. У таких людей, по нашему мнению, должны усиливаться страх перед людьми с высокими социальными статусами (социальный страх).

4. **Стыд и рационализации.** Тенденция к самооправданию — спутник почти всех фрустрированных состояний людей. Рационализации, по-видимому, должны быть особенно интенсивными при переживании чувств вины и стыда, но на втором этапе, когда агрессия направляется на тех, кого человек считает виновным в своей фрустрации. На данном этапе самооправдания сочетаются с обвинениями в адрес других и с агрессивными действиями. Мы полагаем также, что обвинение другого человека в своих бедствиях является еще одним способом самооправдания. Эти процессы могут быть насыщенными агрессивностью, желанием причинить вред людям, перед которыми человеку стыдно, или перед свидетелями своего унижения. На основе новых фактов есть возможность расширения обсуждения затронутых здесь вопросов и тех новых идей, которые нами предложены.

Стыд, «культура стыда» и агрессивность

Итак, можно считать установленным, что люди, переживающие чувство стыда, более склонны к агрессивности, чем те, у которых стыд выражен слабо.

Речь идет, конечно, о психически нормальных людях. То же самое мы показали в случае чувства вины. Известно также, что существуют культуры, которые характеризуются этнологами и культурологами в качестве «культур стыда».

Проблема, которую мы здесь выдвигаем и которая должна более подробно исследоваться в этнопсихологии, следующая:

1) являются ли этносы с «культурой стыда» более агрессивными, чем те этносы, в культуре которых преобладают другие чувства;
2) утверждается, что есть этносы совсем миролюбивые, неагрессивные. Возможно ли это? Мы утверждаем (это наша гипотеза), что такими, и то лишь в определенной степени, могут быть лишь те примитивные этносы, членам

которых чувство стыда неведомо. Как только моральное развитие продвигается и у этнофоров появляются чувства стыда и вины, возникают также мотивы сильной агрессивности: последняя вызывает насильственные действия, которые направляются как на других, так и на самого себя;

3) голые (в буквальном смысле слова) этносы, как мы полагаем, должны быть менее агрессивными, чем одетые. Ведь проблема же: почему люди одеваются? Не только холод заставляет людей ходить в одежде, но и (в значительно большей степени!) желание скрывать те части своего тела, показ которых вызывает стыд;
4) особенно интенсивной у стыдливых этносов становится внутриэтническая агрессия, поскольку люди ежедневно переживают стыд перед своими сородичами. Встречи с представителями других этносов — более редкие события;
5) мы полагаем, что расовые и этнические метисы, переживая более интенсивный стыд из-за своего происхождения, отличаются повышенной агрессивностью как к самим себе, так и к другим, а из последних — к тем, в присутствии или перед которыми им приходилось переживать стыд. Если чувства вины и стыда вызывают сильный гнев, то мы с учетом этой закономерности сможем лучше понять целый ряд интересных явлений, в том числе случаи межэтнического насилия и массовых преступлений, вплоть до этноцида.

Например, турецкий этнос, захватив Малую Азию и прилегающие районы, обнаружил там несравненно более высокую культуру, чем своя, и, установив над цивилизованными народами свою военно-административную власть, во взаимодействиях с ними всегда руководствовался чувствами зависти и враждебности. Турки, переживая стыд за свою отсталость, в конце концов решили уничтожить эти народы, но лишь после того, как в значительной степени усвоили их культуру и эксплуатировали их лучших представителей. Последние внесли неоценимый вклад в так называемую «турецкую культуру». Заинтересованный читатель может почерпнуть об этом ценные сведения, в частности из работ известного исследователя *Д. Е. Еремеева*.

Итак, в качестве дополнения к предложенным выше пяти утверждениям мы констатируем еще и следующее: стыд, по-видимому, нередко связывается с чувством зависти. А зависть, как эмоционально-когнитивный комплекс, включает в свой состав агрессивность и готовность к совершению насильственных действий.

Мы полагаем, что данная **гипотеза**, представленная в шести главных утверждениях, открывает новые возможности исследования взаимосвязей агрессии с другими психическими явлениями и тенденциями, возникающими как у индивидов, так и у социальных и этнических групп.

3.13. Осознание собственных ценностей и уровень агрессивности

Каждый акт самоосознания переводит в сферу сознания человека множество элементов «Я-концепции», которые составляют временную осознаваемую структуру — ситуативный «Я-образ». Как мы уже знаем, некоторые из этих «Я-образов»

представляют собой как бы *социальные маски*, одеваемые людьми при исполнении различных социальных ролей.

Другие «Я-образы» имеют более глубокий характер, точнее и тоньше отражают сущность человека, его представления о себе, о ценности человеческой жизни, в целом — его систему индивидуальных мотивов и ценностей, его самооценки. Во всех «Я-образах» есть осознание определенных ценностей, но, по-видимому, наиболее важны те из них, с которыми человек отождествляет себя. Вот почему, исследуя взаимосвязи между самосознанием и агрессивным поведением человека, необходимо специально исследовать влияние его осознаваемых ценностей (или блоков его «Я-концепции») на уровень его агрессивности и на реальное агрессивное поведение. Уже проведены исследования, которые в определенной степени освещают данный аспект проблемы.

Из всех ценностей на агрессивное поведение по отношению к другим людям, по нашему мнению, оказывают влияние, в первую очередь, следующие: представления индивида о природе человека и ценности человеческой жизни, а также представление о приемлемости или неприемлемости агрессии как разновидности социального поведения.

И еще одно явление нам следует иметь в виду при обсуждении этих вопросов: люди стремятся к тому, чтобы их взгляды, в том числе те, которые касаются основных ценностей, соответствовали их поведению. Когда нет такого соответствия, человек стремится изменить свое поведение или взгляды таким образом, чтобы восстановить гармонию. Сходные явления исследуются, в частности, в теории когнитивного диссонанса[43].

Причем влияние личных ценностей человека на его поведение тем значительнее, чем четче он осознает эти ценности. Поэтому специалисты очень верно замечают, что, если мы хотим, чтобы человек действовал в соответствии с высокими ценностями, мы должны делать эти ценности заметными для него, мы должны обратить его внимание на эти ценности.

Исходя из этого были высказаны следующие предположения: «Если выбор агрессии в качестве средства достижения цели одобряют, а саму агрессию рассматривают как приемлемую форму поведения, высокое самоосознание может привести к усилению внешних проявлений подобного поведения, поскольку индивиды стремятся привести свои поступки в соответствие со взглядами, которых придерживаются. Напротив, если агрессия считается неприемлемой, индивид с высоким самосознанием будет склонен к уменьшению интенсивности подобных действий...»[44].

Эти предложения проверялись в целом ряде исследований и получили подтверждение. В проведенных экспериментах высокий уровень самоосознания обеспечивался тем, что испытуемые в ходе опыта видели себя в зеркале.

Итак, если человек считает агрессию, в том числе физическую, приемлемой формой поведения (то есть агрессия является для него положительной ценностью), высокий уровень самоосознания усиливает его агрессию. Такие люди, четко осознавая себя, одобряют агрессию. Если же человек отрицательно относится к агрессии, то при высоком уровне самоосознания уровень его агрессивности падает ниже обычного.

Здесь мы выдвигаем следующую **идею**: чтобы четче проанализировать подобные проблемы, следует видеть две подсистемы этих структурных элементов личности — положительных и отрицательных ценностей. Конечно, лучше иметь подробно разработанную концепцию личных ценностей человека, занимающих важное место в ее «Я-концепции». Только тогда станет возможным шаг за шагом и систематически исследовать связь различных аспектов «Я» с различными же формами поведения человека.

Одним из более общих выводов, основанных на подобного рода исследованиях, является следующий: самопознание и самопонимание оказывают влияние на поведение человека и на его взаимоотношения с другими людьми. Реальных фактов, подтверждающих данный вывод, масса. Например, высокомерный человек обращается с людьми пренебрежительно, тогда как, если в ходе своего развития он приобретает скромность, характер его взаимоотношений с людьми меняется, причем радикально. Возможны и обратные процессы, наблюдаемые в ходе психотерапии: если удается устранить комплекс неполноценности и депрессивность человека, его взаимоотношения с людьми меняются, он начинает вести себя более достойно.

Примечания

[1] См., например: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — Гл. 6.
[2] *Dengenrink H. A.* Anxiety, aggression and phisiological arousal. — "Journal of Exp. Research in Personality", 1971, 5, pp. 223–232; Wilki*ns J. L., Sheriff W. H. and Schlottmann.* Personality type? reports of violence, and aggressive behavior.."Journal of Pers. and Social Psychology", 1974, 30, pp. 243–247.
[3] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.
[4] *Rushton J. P., Fulker D. W., Neale M. C., Nias D. K. and Eysenck H. J.* Altruism and aggression: The heritability of individual differences. "Journal of Personality and Social Psychology", 1986, 50, pp. 1192–1198.
[5] *Dodge K. A. and Crick N. R.* Social information-processing bases of aggressive behavior in children. "Personality and Social Psychology Bulletin", 1990, 16, pp. 8–22; *Deaux K. a. o.* Social Psychology in the 90s, p. 270.
[6] *Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. In Berkowitz L. (Ed.), Advances in experimental social psychology. Vol. 10, pp. 174–221. New York, Academic Press, 1977; *Dodge K. A. and Coie J. D.* Social information processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. "Journal of Personality and Social Psychology", 1987, 53, pp. 1146–1158; *Dodge K. A. and Tomlin A.* Cue-utilization as a mechanism of attributional bias in aggressive children. "Social cognition", 1987, 5, pp. 280–300.
[7] *Logan G. D.* Automaticity and cognitive control. In J. S. Uleman and J. A. Bargh (Eds.). Unintended thought. New York: Guilford Press, 1989, pp. 52–74.
[8] *Dodge K., Pettit G. S., McClasky C. L. and Brown M.* Social competence in children. "Monographs of the Society for research in Child Development", 1986, 51 (2, Serial No. 213), 1986; *Slaby R. G. and Guerra N. G.* Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: 1. Assessment. "Developmental Psychology", 1988, 24, pp. 580–588.
[9] *Olweus D.* Development of stable aggressive reaction patterns in males. In: R. Blanchard and C. Blanchard (Eds.), Advances in aggression research. Vol. 1, 1984, New York: Academic Press, 1984, pp. 103–137.
[10] *Eysenck H. J.* The inequality of man. London: Temple Smith, 1975.

[11] *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб., 1997. — Гл. 6.
[12] *Mackal Karl P.* Psychological Theories of Aggression. Amst.; New York; Oxford, 1979, p. 80.
[13] См., например: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 192–193.
[14] См. также: *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003.
[15] *Пирожков В. А.* Криминальная психология. — М., 2001; *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 124; *Крейхи Б.* Социальная психология агрессии. — СПб., 2003, и др.
[16] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197–198.
[17] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 197–198.
[18] *Портнов Ф. Ф., Федотов Д. Д.* Психиатрия. — М., 1971. — С. 78–79; *Изард К.* Эмоции человека. — М., 1980. — С. 272–289; *Хелл Д.* Ландшафты депрессии. Интегративный подход. — М., 1999.
[19] *Пушкин А. С.* Собр соч.: В 3 т. — М., 1986. Т. 3. — С. 236.
[20] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 193.
[21] *Rotter J. B.* Generalized expectances for internal versus external control of reinforcement. "Psychological Monographs", 1966, 80 (1, Whole No. 609).
[22] *Berkowitz L.* Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. "Psychological Bulletin", 1989, 106, pp. 59–73.
[23] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 202–203.
[24] *Friedman M. and Rosenman R. E.* Type A behavior and yuor heart. New York: Knopf, 1974; описание этих типов повторяется во многих работах по психологии личности и социальной психологии.
[25] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 205.
[26] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 205.
[27] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 3. — С. 229–230, 231–232.
[28] Краткий обзор экспериментов Дегенринка, Тейлора и других психологов см. в книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 193–195.
[29] *Krebs D. and Miller D.* Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E.(Eds.). The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, New York, 1985, p. 57.
[30] *Diener E.* Deindividuation: the absence of self-awareness and self-regulations in group members. In P. B. Paulus (Ed.), The psychology of group influence. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1980.
[31] *Zimbardo P. G.* The human choice: individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. "Nebraska Symposium on Motivation", 1969, 17, pp. 237–307.
[32] *Wicklund R. A.* Objective self-awareness. "Advances in Experimental Social Psychology", 1975, 8, pp. 233–275; см. также: *Wicklund R. A. and Frey D.* Self-awareness theory. When the self makes a difference. In D. M. Wagner and R. R. Vallacher (Eds.), The self in social psychology. New York: Oxford Univ. Press, 1980.
[33] *Krebs D. and Miller D.* Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E.(Eds.). The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, New York, 1985, pp. 57–58.
[34] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 184.
[35] См., например, в трудах Л. Фестингера, в обобщающей главе, написанной Кребсом и Миллером в последнем издании «Основ социальной психологии» (1985) и т. п.
[36] *Prentice-Dunn S. and Rogers R. W.* Effects of public and private self-awareness on deindividuation and aggression. "Journal of Personality and Social Psychology", 1982, 43, pp. 505–513; Точку зрения этих психологов мы излагаем по упомянутой книге *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 184–185.
[37] Цит. по: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 184.
[38] Цит. по: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 184.
[39] Цит. по: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 184–185.
[40] *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980. — С. 108–120; см. также в нашей монографии: Социально-психическая адаптация личности. — Ереван, 1988. — Гл. 4: Адаптивные функции самосознания.

[41] *Изард К.* Эмоции человека. — М., 1980.
[42] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 207.
[43] *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. — СПб., 2000. В контексте психологии агрессии на данное явление обратили внимание *Р. Бэрон* и *Д. Ричардсон* в книге Агрессия. — СПб., 1997. — С. 219.
[44] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 219; см. также: *Wicklund R. A.* Objective self-awareness. "Advances in Experimental Social Psychology", 1975, 8, pp. 233–275; *Wicklund R. A. and Frey D.* Self-awareness theory: When the self makes a difference. In D. M. Wagner and R. R. Vallacher (Eds.), The self in social psychology. New York: Oxford Univ. Press, 1980.

ГЛАВА 4

Жертва агрессии и ее месть (введение в психологическую виктимологию)

Месть — распространенная разновидность агрессии. Ниже мы предлагаем вниманию читателя несколько аспектов этого явления в понимании автора. Здесь представлена не законченная теория мести (отмщения), а психологические очерки, которые могли бы стать первым шагом в направлении создания целостного представления о психологии жертвы, ее мести и мстительности как комплексе характера и установки личности.

4.1. О природе мести

Месть (отмщение) за обиду, оскорбление, лишение каких-либо ценностей, за агрессию — одно из древнейших явлений в жизни человечества. О ней есть сведения в культуре и истории всех народов, а у некоторых из них, особенно в странах Азии и Африки, она сохраняет свое значение до сих пор, и не просто как обычное явление межличностных и межгрупповых отношений, но и как социальный институт. **Кровная месть** как особая разновидность этого явления — большой и сложный предмет для психологического исследования в рамках психологии человеческой агрессивности и этнопсихологии. Она непосредственно связана с психическим складом народа, его менталитетом, с его самосознанием и традициями (см. 4.11).

Природу мести народная мудрость выразила кратко и емко: «Око за око, зуб за зуб». Смысл этого девиза заключается в том, что, если враг выколол у тебя или у твоего близкого человека глаз, ты должен отвечать ему тем же. На агрессию отвечают агрессией, на нападение — нападением, на наступление — контрнаступлением. Это древняя традиция многих народов. Психологам, в том числе специалистам по этнопсихологии, предстоит исследовать разновидности мести, ее мотивацию, способы и механизмы отмщения, то, с какими психическими явлениями она связана, к каким последствиям она приводит в жизни и психике индивидов и социальных групп. Данные проблемы до сих пор исследованы весьма слабо. Ниже мы обсудим некоторые из них и выскажем ряд идей, которые помогут расширить наши представления об этой разновидности агрессивного поведения человека.

Вместе с тем следует иметь в виду, что существует такая черта характера человека, как **мстительность**, то есть *устойчивая тенденция личности не прощать обиду и лишения и обязательно, рано или поздно, отвечать равносильными или более разрушительными вредными действиями.* Мстительность может быть также выраженной чертой этнического характера. Когда мы говорим о большей или меньшей агрессивности раз-

ных народов, должны иметь в виду, что эта черта характера очень часто выражается как бóльшая или меньшая по интенсивности склонность мстить своим врагам.

Злопамятство — когнитивно-психологическая основа *отсроченной мести*. Это качество имеет сильные индивидуальные вариации как у отдельных людей, так и у родов, этнических групп и наций. У злопамятных людей восприятия и другие познавательные процессы принимают избирательный характер. Злопамятство по отношению к определенным людям и группам — разновидность отрицательной социальной установки. Такой подход позволит применить в этой области достижения целого ряда областей социальной психологии.

Мстительная агрессия как ответ, например, на агрессию другого человека может сочетаться с гневом, но может выступить и без такого эмоционального сопровождения. Однако в любом случае наша месть зависит от того *мотива*, который мы приписываем человеку, причинившему нам какой-либо вред. Иначе говоря, наша месть, ее психологические и поведенческие параметры зависят от вида и природы наших *атрибуций*. Такой подход, как понимает читатель, позволит использовать в этой области психологии агрессивности еще одну теорию социальной психологии — теорию атрибуции.

Наказание человека за ненамеренно причиненный нам вред не считается приемлемым с морально-психологической точки зрения. Мы можем возмущаться, но не перейти к агрессивным действиям. Но если мы думаем, что другой нарочито нанес нам вред, тогда возникший у нас гнев вызывает в сознании мысли о *необходимости наказания*, а отсюда — и к действиям.

Можно, следовательно, сказать, что гнев является одним из условий возникновения агрессивных действий, но для этого, кроме гнева, нужны также хотя бы минимальные когнитивные процессы, а именно: образ врага, атрибуция причин поведения, осознание необходимости наказания, предвидение возможных последствий таких действий и т. п. В общей теории человеческой агрессивности (в первой главе настоящего труда) эти вопросы мы в определенной степени уже обсудили, но не в такой степени, чтобы считать проблему исчерпанной.

4.2. Индивидуальная месть и месть групповая

Месть как ответная агрессия на индивидуальном и групповом уровнях имеет некоторые различия. Эти различия пока что плохо исследованы. Но одно исследование, проведенное группой израильских психологов, представляет несомненный интерес.

В социальной психологии широко известен феномен *групповой поляризации*[1].

Его сущность в следующем: когда группа обсуждает какую-либо проблему, вокруг которой у участников — разные взгляды, то в итоге обсуждения чаще всего наблюдается еще большее укрепление участников в первоначальных своих установках. Вследствие этого противоположные установки и мнения становятся еще более разными, происходит их поляризация.

Израильские социальные психологи *Йорам Джаффе* и *Йоэль Джайтон* провели ряд экспериментов, в одном из которых применили методику Басса — нанесения электрических ударов «учителем» (истинным, наивным испытуемым) «ученику» — сообщнику экспериментатора. Испытуемых приводили в гневливое состояние,

за что они мстили человеку, который, по их мнению, был причиной их фрустрации. Оказалось, что назначенные для его наказания разряды электрического тока были более интенсивными тогда, когда мстители составляли группу. Индивидуальные же мстители назначали более слабые электрические удары. Это является доказательством того, что в группе имеет место некоторая поляризация агрессивности. В других экспериментах удалось показать, что если в ходе исследования индивиды постепенно увеличивают силу разряда, то группа резко усиливает эту тенденцию у своих членов.

Это очень интересное явление. Можно начать его исследование с анализа исторических примеров — начиная с предательства по отношению к Христу и его распятия со стороны его соплеменников и завершая современными событиями.

Итак, в нашем распоряжении есть очень интересный экспериментальный факт о существовании различия индивидуальной мести от групповой хотя бы по интенсивности. Но если учесть данные психологии толп, которые обсуждаются во втором томе настоящей книги в аспекте их агрессивности, то нетрудно видеть, что явление усиления мстительной агрессивности в группах — закономерность психической жизни людей.

4.3. О мотивации отмщения

С первого взгляда проблема мотивации мстительных действий очевидна: справедливость требует отвечать на зло злом, «отплатить», наказать с целью предотвращения новых агрессивных действий со стороны злоумышленника.

Однако здесь не все так просто, как может показаться с первого взгляда. Мы только что видели, что при обсуждении проблемы мотивов отмщения сразу же возникает вопрос о *норме справедливости: мстят ради справедливости*. Люди, как можно предположить, имеют естественное, не всегда осознаваемое и само собой разумеющееся чувство и представление о справедливости, о справедливых межличностных и межгрупповых отношениях.

Во всяком случае мы можем предположить, что такая норма существует, хотя люди очень часто и сознательно утверждают, что в жизни «нет справедливости». Но когда говорят о мотивах отмщения, поднимается также вопрос о *равноценном ответе на насилие*, то есть поведение мстителя регулируется также *нормой равенства*. Конечно, необходимо еще исследовать, каким образом традиция, норма справедливости и норма равенства сочетаются при подготовке и оценке собственного поведения и поведения врагов. В этих процессах, как мы думаем, значительную роль должны играть группоцентризм, этноцентризм, авто- и гетеростереотипы и другие факторы. Все это подлежит еще исследованию в связи с проблемой мести как разновидности агрессивности человека и социальных групп.

Из мотивов мести исследователи часто выделяют, причем уже на основе экспериментальных исследований, по крайней мере два мотива:

а) мотив самозащиты;

б) мотив (желание) не уронить свое достоинство[2].

Вкратце рассмотрим эти два мотива.

Мотив самозащиты

Когда кто-либо причиняет нам вред, мы склонны отвечать тем же, чтобы предотвратить в будущем нанесение нам нового вреда. Если наша ответная мстительная агрессия действительно предотвращает повторные агрессивные действия противника, тогда мы вознаграждены. Бывает и по-другому: если мы лишь предполагаем, что другой имеет намерение совершить по отношению к нам вредоносные действия и мы своими агрессивными действиями предотвращаем его агрессию, то мы опять вознаграждены: мы ведь умело защищались. Правда, в этом случае противнику чаще всего *приписываются агрессивные намерения* (это случай *казуальной атрибуции*, к рассмотрению которой мы еще вернемся), каких у него могло и не быть. Но для понимания психологических аспектов мести важно то, что *человек мстит с целью самозащиты*. Месть — это защитная агрессия. Как только люди, интерпретируя внешний вид и поведение человека, его мимику и экспрессию вообще, заключают, что тот имеет агрессивные намерения, оказываются в психологической готовности отвечать агрессивно, так, как будто нападение действительно имело место[3].

Это *превентивная защитная агрессия*.

В реальной жизни встречается немало случаев, когда человек превентивно совершает агрессию и причиняет вред другому, а когда спрашивают его, для чего он поступил таким образом, отвечает: «Он хотел убить меня, вот я и решил опередить его...» Такие рационализации в оправдание своего агрессивного поведения человек основывает на каузальных и других атрибуциях, в результате чего эти механизмы сочетаются и могут образовать устойчивый защитно-адаптивный комплекс. Правда, очень часто индивид А начинает свои агрессивные действия против Б, поскольку Б совершает явно провокационные действия, например в виде словесных агрессивных выпадов. Но в таких случаях ответная мстительная агрессия со стороны А не является превентивной самозащитой в чистом виде. В нем может быть элемент предотвращения будущей более интенсивной агрессии Б. В таких случаях логика индивида А такова: «Сейчас я дам ему решительный отпор, чтобы он <Б> не сумел перейти к более опасным действиям». Реакция А оказывается непропорционально сильной, если учесть уровень интенсивности агрессии Б, но, предвидев будущую более интенсивную агрессию противника, А предотвращает ее с помощью с первого взгляда неадекватно сильной агрессивной реакции. Однако надо иметь в виду, что словесная агрессия Б по своему значению может быть более вредной, чем грубое физическое нападение.

Месть как способ защиты своего достоинства

Действительно, мотив защиты своего достоинства может играть существенную роль в организации отмщения, и это доказывается тем, что, когда индивид А подвергается оскорблению со стороны другого индивида (Б) или получает от него физический удар в присутствии других, вероятность агрессивного ответа увеличивается. Жертва агрессии, не желая уронить свое достоинство, стремится дать адекватный ответ. Только в этом случае окружающие могут уважать его. Так обстоит дело во многих современных обществах.

При дальнейшем анализе этого явления целесообразно использовать результаты исследования самосознания: известно, что в присутствии других «Я-образ» человека становится более четким, он стремится выглядеть перед другими как можно

лучше, в благоприятном свете. Отсюда и вытекает более сильная мотивация самозащиты. Например, если рядом с человеком находится его молодой сын, в глазах которого он — герой, и если его оскорбляют, то отец будет мстить решительнее, чем если бы он был один на один с агрессором. Данную сторону проблемы нельзя игнорировать, поскольку ее исследование позволит раскрыть новые аспекты социального поведения человека и мотивов мести.

В целом можно согласиться с выводом, что «...желание восстановить или произвести благоприятное впечатление часто является той силой, которая подвигает отомстить в ответ на вербальные или физические выпады»[4].

Рассматриваемый мотив не всегда приводит к одинаковым результатам, что и отмечается экспериментаторами. Иногда человек мстит только в присутствии других. Но во многих других случаях люди стремятся к возмездию в любых условиях. Следует иметь в виду, что жертва всегда предполагает, что кто-то может узнать о ее поражении. Поэтому социальный фактор постоянно играет роль в организации мстительной активности и мотивации отпора. Кроме того, как мы уже видели, у человека подспудно, а в конфликтных ситуациях осознанно действуют нормы справедливости и равенства, которые тоже мотивируют его поведение. Мы надеемся, что читатель заметил: данная проблематика, благодаря проделанной работе, уже доступна для дальнейшего исследования.

4.4. Атрибуция и отсрочка реализации мстительных действий

Итак, мы видели, что, когда человека подвергают агрессии — словесной или физической, — у него, как правило, возникает желание ответить тем же, то есть отомстить. Агрессия, как правило, фрустрирует человека и вызывает его ответную агрессию.

Однако ответные действия жертвы не всегда являются простыми реакциями. Они нередко опосредованы когнитивными процессами и эмоциями. Здесь мы рассмотрим еще один аспект роли атрибуций в формировании ответных мстительных действий. Наличие таких внутренних процессов обусловлено тем, что люди не всегда дают непосредственный ответ на агрессию. Ответные действия нередко откладываются по разным мотивам. Одним из них является желание разобраться в том, исходя из чего другой подверг его агрессии, то есть каков был его мотив. Поскольку выяснение подлинных мотивов других людей — трудная задача, *наши предположения часто принимают характер каузальных атрибуций*. Если мы видим у другого намерение нанести нам вред, мы с большей вероятностью ответим местью. Данный вывод обоснован уже экспериментально[5].

Ответная агрессивная реакция сильна тогда, когда жертва считает, что агрессор мог бы воздержаться от таких действий и предвидеть их последствия, но не сделал этого. В таком случае, если даже агрессору не приписывается намерение, месть бывает интенсивной. Это явление называют «воспринимаемой возможностью избегания».

Роль атрибуций в мстительных ответах доказана в ряде экспериментов. Во время одного из них испытуемые слышали «вспышки» шума. В первом случае уровень шума был охарактеризован как обычный, поднимаемый большинством людей, а во втором — как нетипичный. Кроме того, учитывалась и вторая переменная, а именно знает ли

источник шума (человек) о последствиях своих действий (воздействия шума на других людей)? Оба фактора оказали влияние на интенсивность ответной агрессивной реакции. Испытуемые мстили более умеренно («мягче»), когда считали, что уровень шума типичный, то есть многие так поступают: в этом случае они отводили свои атрибуции от индивида. Смягчению ответной агрессии способствовало также и убеждение, что агрессор не осознает последствий своих действий. Убеждение о намерениях противника (агрессора) очень важны, поскольку, если мы уверены, что он действует намеренно, мы сразу же понимаем, что он осознает последствия своих действий и мог их предвидеть. Мы с большей вероятностью отомстим тому агрессору, о котором думаем, что он имел намерение причинить нам вред, чем тогда, когда полагаем, что он не представляет себе те неприятности, которые мы из-за его действий переживаем[6].

Считается, что вера в преднамеренность и предвидение действий агрессора — более сильный фактор, чем реально нанесенный вред. Чтобы предотвратить отмщение, полезно заранее сообщить пострадавшему те обстоятельства, в которых действовал агрессор. Когда просят прощения, то и этим путем стремятся смягчить мстительную агрессию. Но если извинения и дополнительная информация о вынужденном характере действий агрессора поступают поздно, когда жертва уже пережила боль и страдания, извинения уже почти не смягчают силу ответной агрессивной реакции[7].

Эти же закономерности можно подкрепить фактами из повседневной жизни и юридической практики (из судебных дел), что позволит подробнее исследовать отмеченные выше аспекты психологии мести.

4.5. Адаптивные аспекты проблемы мести

Является ли месть адаптивной реакцией?

Является ли агрессивный ответ на агрессию другого человека адаптивной реакцией? Ответ на данный вопрос представляет для нас важность по той причине, что в настоящей книге мы поставили перед собой цель рассмотреть все проблемы с единой точки зрения, а именно реализовывая *адаптивный подход*. В какой мере те или иные индивидуальные или групповые действия способствуют адаптации их субъектов к той среде, где они живут?

Чтобы получить ответ на данный вопрос именно для случая мести, мы должны иметь в виду существование двух видов, или «планов», адаптации человека к определенным условиям своей жизни: внутреннего и внешнего.

Человек внутренне может быть адаптирован, а внешне — нет. Или наоборот: внешне человек хорошо приспосабливается к условиям, например, групповой жизни, но в связи со своей внешней адаптацией имеет и переживает достаточно мучительные внутренние конфликты, тенденцию к снижению самоуважения и т. п. Внешний конформизм не всегда легко дается. *В идеальном случае внешняя адаптированность может сочетаться с внутренней.*

Что касается вопроса о мести, наша идея состоит в следующем: желание отомстить исходит преимущественно из внутренних мотивов, и человек стремится совершить соответствующие действия, хотя и может предвидеть, что эти его поступки приведут к новым внешним конфликтам, к ущербу, обострению противоречий

с другими группами. Из истории народов мы знаем, что многие конфликты между разными родами и племенами продолжались в течение десятилетий и даже веков, принося все новые жертвы. Точно так же многие межэтнические конфликты, сохраняясь веками, вновь и вновь вспыхивают в виде столкновений и войн. Создание образов «вечных врагов» способствует сохранению подобного положения вещей.

Отсюда ясно, что одностороннее утверждение о неадекватности мести неверно. Отмщение приносит временную адаптированность в виде удовлетворенности, восприятия уважительного отношения соплеменников и т. п. Но она затем нарушается новыми конфликтами и ответными действиями противника.

Чрезмерность мстительной агрессии

Казалось бы, если речь идет об ответе на вредное действие, то достаточно дать равноценный ответ — и наступит удовлетворение: агрессивность оскорбленного пойдет на убыль. Но очень часто этого не происходит. *Можно говорить о чрезмерности или превосходстве ответной враждебности и агрессивных реакций жертвы над агрессивностью нападавшего даже как о закономерности.* Это возможно при некоторых условиях:

1) если у жертвы уже была накопленная агрессивность в виде, например, свободно плавающего гнева, результата прежних фрустраций;
2) если у жертвы имеется постоянно действующий источник агрессивности и агрессивных реакций, например постоянные лишения, неудовлетворенная интенсивная потребность (сексуальное желание, неудовлетворенное стремление к власти или успеху и другое);
3) если у жертвы имеются акцентуированные черты темперамента и характера, которые могут стать постоянными источниками психической энергии и тенденций поведения. В таких случаях у жертвы появляется жажда мести, которую трудно утолить равноценными действиями.

Описанное относится к личности. Причем здесь, по нашему мнению, играет роль еще один фактор, который, как это ни удивительно, не удостоился внимания. Речь идет о следующем: нападая первым и без провокации со стороны жертвы, то есть *применяя проактивную агрессию, агрессор оскорбляет достоинство жертвы.* Это создает дополнительную фрустрацию к той, которую жертва переживает непосредственно от насильственных действий агрессора. Эти две фрустрации суммируются, и агрессивный ответ оказывается более мощным, чем тогда, когда бы первый компонент (оскорбление) отсутствовал. Мы можем прийти также к более общему выводу о том, что *проактивная агрессия — более сильный фрустратор, чем агрессия реактивная.* Следует ожидать, что в большинстве случаев, если нет других сопутствующих факторов, люди должны отвечать на проактивную агрессию более интенсивной агрессией, чем на реактивную (защитную) агрессию. Если удастся подтвердить данный вывод эмпирически, многие, с первого взгляда парадоксальные, случаи жизни станут более понятными.

Данные выводы вполне применимы и к некоторым *сверхагрессивным этническим группам*, таким, например, как южноамериканское племя ямамото и другие[8].

Это явление станет более понятным в результате близкого рассмотрения *кровной мести*, которая до сих пор еще широко распространена в мире.

Особенно интересно исследовать связь сверхагрессивности мести некоторых людей с чертами сексуальных психопатов и садистов, типичных насильников. Здесь перед нами широкие перспективы исследовательской работы.

4.6. Наказание как месть

Общие принципы

В психологии существует точка зрения, согласно которой все формы наказания, даже самые простые, являются выражением мстительности[9]. Более того, мы только что видели, что месть нередко становится чрезмерной и приводит к преступлениям.

Именно поэтому *К. Меннингер* говорил о «преступлении наказания». Как показал *Эрих Фромм*, подобная природа мести ясно выражена уже в Ветхом Завете: закон возмездия *(lex talionis)* в виде формулы «Око за око, зуб за зуб» требовал наказывать детей за вину отцов до третьего и четвертого поколений.

С нашей точки зрения, здесь самое интересное то, что *такое требование приписывается Богу*, то есть совершается *атрибуция к высокому авторитету, благодаря чему требование мести приобретает легитимность*. Легитимизация путем атрибуции мстительности самому Богу позволяет верующему, без внутренних конфликтов и страданий, совершить чрезмерный акт возмездия, наказывая даже невиновных. Дети ведь, например, не совершали преступлений. Их отец нарушил заповеди Бога, применяя насилие к другому человеку, и Бог отвечает не равноценной, а чрезмерной мстительной агрессивностью. Такое требование древних евреев было, по-видимому, связано с их верой в силу наследственности, в то, что преступные склонности отца передаются его детям, что, конечно, не всегда так. Но Бог древних евреев делает уступки тем, кто верит в него. Для них он готов творить милость «до тысяч родов».

Государственное наказание индивидов

Государственное наказание, предусмотренное законом, также вызывает проблему мести: является ли оно мстительностью? Мы можем ответить, что да, в психологическом смысле законное государственное наказание тоже месть, но особенно в тех случаях, когда уровень наказания не соответствует тяжести содеянного индивидом преступления. Однако встречаются различные случаи.

1. *Наказание более мягкое*, чем необходимо, неадекватное совершенному преступлению. В этом случае наказание тоже месть, но данный его аспект выражен слабо. Наоборот, здесь мы видим великодушие, желание законодателя прощать, перевоспитывать, дать человеку возможность для духовного роста, созревания как личности. Если преступник понимает это намерение законодателя и идет ему навстречу, тогда получает большую пользу. Но это бывает нечасто.
2. *Равноценное наказание* — это справедливая месть. И преступники в таких случаях обычно понимают, что наказаны по заслугам, справедливо.
3. *Чрезмерное наказание* — это уже месть в подлинном смысле слова. В таких случаях законодатель не имеет намерения изменить личность преступника в лучшую сторону. Ему важнее пугать его, подвергать страданиям. Тут, безусловно, есть элементы садизма.

Чрезмерное наказание, как свидетельствуют современные социально-психологические исследования, не вызывает в личности мотива психического роста и созревания. У него имеется полноценное внешнее оправдание, вследствие чего появляется желание отвечать на несправедливость (именно так им воспринимается чрезмерно строгое наказание) новыми агрессивными действиями. Внутренний импульс к преодолению своих преступных намерений и к самосовершенствованию возникает при мягком и справедливом, адекватном наказании. В таких случаях у личности появляется внутренний конфликт, когнитивный диссонанс, что и приводит к адекватным психическим действиям.

Мы видим, что теории конфликтов и особенно когнитивного диссонанса позволяют открыть новые грани проблемы мести и мстительности человека, в том числе государственной мести. Если исходить из сформулированных выше идей, то можно сказать, что чрезмерная строгость правил, например мусульманского права, как они даны в Коране и шариате, вряд ли способствуют совершенствованию людей. Под страхом наказания люди, может быть, воздерживаются от совершения многих преступлений, но страх вызывает развитие конформизма, трусости и агрессивности. Люди с подобными чертами характера готовы найти козлов отпущения среди «неверных» народов. В этом кроется одна из причин сверхагрессивности и беспощадности верующих садистов во времена межэтнических и межрелигиозных конфликтов и войн.

Государственная месть на уровне этнонаций

Желание реванша после поражения на войне с другим государством — мотив отмщения уже на уровне этнонаций и государств.

Когда говорят о реванше, то обычно в качестве примера приводят поражение Германии в Первой мировой войне 1914–1918 годов и желание немцев отомстить своим обидчикам, навязавшим им унизительный Версальский договор. Это интересный и важный по своим историческим последствиям пример, и он заслуживает более подробного социально-психологического анализа.

Однако следует иметь в виду, что в истории человечества таких примеров очень много: победа одной нации неотделима от поражения другой. В психике представителей проигравшей стороны возникает мотив отмщения, военно-политического реванша. Подготавливается новая война, по окончании которой появляются новые победители и проигравшие, новая проблема реванша. Достаточно исследовать историю взаимоотношений Ассирии и Вавилона с соседними государствами и народами, чтобы воочию убедиться в реальности подобных цепных реакций. Явление реванша имеет сходство с кровной местью родов и племен. Подобная цепь событий приводила к уничтожению целых государств и народов, в том числе Ассирии и Вавилона и ряда других. Таковы последствия многих межэтнических и даже внутриэтнических конфликтов. Из событий XX века достаточно вспомнить геноциды (по нашей новой терминологии — этноциды) армян и евреев, кровавые события в Кампучии, Индонезии, ряде африканских стран. Месть наций, государств, социальных классов и их политических партий обладает мощной разрушительной силой, являясь причиной многих широкомасштабных преступлений. Социальные революции также в психологическом смысле являются проявлениями в массовом порядке мстительности обездоленных, хотя в своих идеологиях революционные группы сублимируют эти мотивы и сочиняют высокие, возвышенные мотивировки. Вся деятельность режима Ленина и Сталина в СССР была насыщена жаждой мести маргиналов. Она была поднята на уровень государственной внутренней и даже внешней политики.

4.7. Зависть, социальное сравнение и справедливость

Восходящее социальное сравнение и зависть

Мы уже сказали, что зависть является *комплексным переживанием* и в ней ведущее место занимает агрессивность. Правда, говорят также о «доброй зависти», но, по нашему мнению, это просто чуть менее злая зависть. Ведь в «комплексе завистливости» может присутствовать агрессивность различной степени интенсивности.

Зависть возникает в результате социального сравнения. Когда индивид А сравнивает себя с индивидом Б по определенным характеристикам и приходит к выводу, что Б превосходит его, у него возникает специфическое и сложное переживание — зависть. Это переживание — результат восходящего социального сравнения. Вопрос о том, когда человек переживает зависть при нисходящем социальном сравнении, мы здесь не обсуждаем, хотя вполне возможно и такое парадоксальное явление. Мы его рассмотрим чуть позже и выдвинем объясняющую его предварительную концепцию.

Можно предположить, что зависть бывает более или менее интенсивной тогда, когда индивид А осознает и убежден, что превосходство Б *несправедливо*. Несправедливым можно считать что угодно: и то, что Б имеет более мощные наследственные задатки, и то, что он более удачлив; что на его пути встретилось больше доброжелательных людей и меньше завистников и серьезных противников; то, что он здоровее и работоспособнее... Все эти превосходящие качества и приобретения Б могут оцениваться как несправедливые.

Зависть — выражение фрустрированности человека. Чем устойчивее, глубже и разрушительнее зависть, тем сильнее фрустрация личности. Но парадокс состоит в том, что зависть, как комплексная реакция на фрустрацию, возникнув в результате восходящего социального сравнения, сама может в дальнейшем стать мощным фрустратором. Люди редко признаются в том, что завидуют кому-либо, поскольку такое признание наносит прямой вред самоуважению и всей «Я-концепции».

Зависть, вторичная фрустрация и вторичная защитная адаптация

Поскольку зависть, как мы уже сказали, фрустрирует самую ранимую подструктуру личности, а именно ее «Я-концепцию», то мы считаем, что после ее появления должны начинаться новые защитно-адаптивные процессы. Осознав свою зависть и вторично переживая фрустрацию, человек непроизвольно прибегает к помощи ряда защитных механизмов. В адаптивный процесс включается также механизм вытеснения мучительного переживания зависти, вследствие чего ее агрессивный компонент может частично направляться на ее носителя: завистливый человек совершает ряд актов самоагрессии.

Наконец, как уже отмечалось ранее, с целью дискредитации того, кому он завидует, индивид А может использовать механизм атрибуции и, в частности, проективной ее разновидности. Когда удается дискредитировать Б, тогда «чувство», комплекс зависти идет на убыль. Нередко ведь о крупных специалистах и деятелях, достигших значительных успехов, обычные люди, не совершившие ничего выдающегося, говорят: «Он хороший специалист, но плохой человек».

Приведем пример: во время похорон одного из родственников крупного ученого М. М. стоящие поблизости от автора этих строк люди стали шушукаться, что его почему-то все еще нет. Один из них уверенным тоном сказал: «Он и не придет, разве он человек?!» Как раз в этот момент появился М. М., уже пожилой человек и не очень здоровый. Те, кто злословили, и те, кто согласно кивали головами, потупили свои взоры — можно предположить, что пережили легкий стыд. Некоторые же были удивлены или прикидывались удивленными: мол, разве это возможно?

Таким образом, простые люди, завидуя выдающимся личностям, стремятся дискредитировать их, потому что это для них утешение, бальзам для душевных ран.

Вспомним известное изречение *Оноре де Бальзака*, который, как гениальный психолог-любитель, догадался об одном аспекте этой проблемы. Он говорил, что женщины у простых мужчин стремятся обнаружить достоинства, а у выдающихся мужчин — недостатки. Но ведь женщины, хоть нередко и обладают развитой социальной интуицией, чаще всего — люди средних способностей и интенсивно завидуют как друг другу, так и выдающимся мужчинам.

Еще раз отметим важнейшую основу зависти: завистник считает, что успехи и достоинства другого — признаки несправедливости. Завидуя и стремясь причинить вред людям, завистники рационализируют свое агрессивное и унижающее человеческое достоинство поведение как борьбу за справедливость. Ведь мотивация борьбы за справедливость — самая возвышенная! Такая мотивировка превращает собственную вредоносную активность в нечто значительное в собственных глазах. В результате самый заурядный человек, а чаще всего группа таких людей, преследовав и даже уничтожив выдающегося человека, могут переживать чувство исполненного долга перед обществом. Реально же они таким путем укрепляют власть серого большинства, не способного на творчество и благородные поступки.

Нисходящее социальное сравнение и парадоксальная зависть (новая концепция)

Обычно, осуществив нисходящее социальное сравнение и осознав свое превосходство, люди переживают чувство *гордости*. Но бывают и парадоксальные случаи, когда эта закономерность нарушается. Такие исключительные случаи представляют особый интерес, поскольку подчиняются какой-то другой психо-логике.

Когда индивид А в результате сравнения себя с Б, превосходящего его по определенным существенным характеристикам, переживает зависть, это понятно. Восходящее социальное сравнение вызывает насыщенную большей или меньшей агрессивностью зависть. Проблема, которая здесь нас занимает, следующая: возникает ли зависть при нисходящем социальном сравнении? Может ли индивид А, превосходящий Б по интересующей его характеристике, завидовать этому самому Б, который от него отстает? Такие случаи встречаются, это часть известной нам эмпирической психологической реальности, и для объяснения таких случаев мы предлагаем **гипотезу**, состоящую из следующих утверждений:

1) подобные случаи — парадоксы, подчиняющиеся иной психо-логической схеме, чем описанная выше обычная зависть;
2) такая парадоксальная зависть, по нашему мнению, возникает вследствие действия следующих причин:

а) в процессе нисходящего сравнения вовлекаются другие характеристики, которые могут даже не осознаваться. В результате такого подсознательного вовлечения новых личностных характеристик социальное сравнение становится более сложным, многоуровневым психическим процессом. Например, А может завидовать более спокойному, размеренному образу жизни Б, пусть даже у него меньше достижений и престижа в обществе;
б) А может считать Б недостойным своих успехов;
в) А может считать Б соперником, стремящимся догонять его. Тогда А будет стремиться блокировать успешную деятельность Б, то есть фрустрировать его;
г) А может считать, что успехи достаются Б намного легче, чем достались ему самому, обстоятельство, которое также может вызвать чувство зависти.

Как нетрудно видеть, социальное сравнение и возникающее на его основе переживание зависти в ее различных вариантах — сложнейшее явление. Его более глубокое исследование в контексте проблем человеческой агрессивности — задача первостепенной важности. Ведь в реальной жизни агрессивность проявляется не изолированно, а чаще всего в составе таких психологических комплексов, как зависть, нарциссизм, комплекс неполноценности или, наоборот, комплекс превосходства, авторитарный комплекс как стиль поведения и т. п.

4.8. Месть палача

Чувство возмездия

В современных тюрьмах работают палачи, которых, например, в России, называют «стрелками». При приведении приговора о смертной казни в исполнение они надевают маску. Это, по-видимому, делается не только для того, чтобы остаться неузнанными. (Действительно, даже сослуживцы не должны знать о человеке, что он палач, не говоря уже о его семье и других людях.) Маска, как мы уже знаем, деперсонализируя человека, усиливает его агрессивность. Это позволяет палачу действовать более уверенно.

Вот как описывает процедуру исполнения приговора один из палачей, с которым корреспонденту газеты «АиФ» А. Григорьеву удалось побеседовать. Отметим, что палач выполнял свои обязанности первый раз в жизни.

«И вот я в коридоре молчания. Стою, дожидаюсь смертника. Вынул из кобуры “Макаров”, осмотрел, дослал патрон в патронник, поставил на предохранитель. Наконец-то появились участники акции: впереди осужденный, за ним — конвоир, прокурор, начальник тюрьмы и тюремный врач. Приговоренного к смерти подвели к торцевой стене, поставили на колени. Он был в шоке. Не плакал, не метался, не молил о пощаде. Никаких признаков борьбы за жизнь. Зачитали приговор. Все отошли. Наступила моя очередь. Дали команду стрелять. Я подошел, рука дрожала. По спине тек холодный пот. В глазах плыли черные пятна. Меня мутило. Взял себя в руки. Прицелился. Выстрелил в темя. На стену брызнули мозги и кровь. Входное отверстие было небольшим, а вот выходное... Позже у меня такое случалось крайне редко.

Застрелить человека с первого раза — большое искусство. Пришлось даже курс анатомии повторить. А вот в первый раз, как говорится, вышел блин комом. Преступник

как-то неестественно выгнулся и упал. Прошло столько лет, а я до сих пор помню немой вопрос в его глазах. Мне стало не по себе. Врач раскрыл свой чемоданчик, достал валидол, дал мне и сказал: "Ничего, привыкнешь!" Затем комиссия освидетельствовала труп, констатировала смерть и, подписав протокол, удалилась. А я еще долго смотрел на безжизненное тело. Затем, когда солдаты уносили мертвеца и замывали испачканные стены, мне показалось, что меня кто-то окликнул. Говорят, так бывает... Даже фронтовики долго помнят своего первого убитого врага.

После этого я почти сутки никак не мог уснуть: все размышлял над тем, что я как бы невольно сам стал убийцей. Родители не могли понять, что со мной происходит. Они думали, что у меня нервное расстройство из-за размолвок с женой»[10].

Тяжелые переживания палача были обусловлены не только его неопытностью, но и тем, что он не был знаком с уголовным делом осужденного. И вот он достиг понимания следующего: «Позже, когда у меня появился профессионализм, я узнал, что перед приведением приговора в исполнение нужно обязательно ознакомиться с уголовным делом осужденного. *Это придает оттенок возмездия и не так сильно травмирует душу*» (курсив наш. — *А. Н.*). Возмездие как специфический вид ответной, защитной агрессии есть реакция не на личностную фрустрацию, а на фрустрацию и убийство преступником других людей. Если у палача возникает «чувство возмездия», значит, он в определенной мере отождествляет себя с жертвами преступника, в которого ему предстоит стрелять.

Палач и жертва

Осужденные на смерть преступники, которые теперь уже сами становятся жертвами палача, бывают разные.

Тот же «стрелок», которого корреспондент «АиФ» условно назвал Максимом Николаевичем Бойко, рассказал, что ему за долгие годы службы попадались и тихие, и агрессивные осужденные. Вот как он описывает расстрел известного преступника Корейца: «Однажды пришлось мне стрелять Корейца. Преступник авторитетный. На его счету было 13 трупов. Его даже конвоиры боялись... Когда он смотрел на человека, то казалось, что своими узкими азиатскими глазками он прожигает человека насквозь. Ознакомившись со злодеяниями Корейца, я во время казни испытал желание как можно быстрее пустить ему пулю в голову. Однако не тут-то было. Кореец напрочь отказывался становиться на колени. Он нагло смотрел мне в лицо и ухмылялся. Я произвел выстрел, но он даже не упал. Пуля попала ему в голову, а он продолжал стоять. И вдруг сорвался с места и кинулся на стоявшего неподалеку прокурора. Пришлось сделать еще три выстрела. Умирал Кореец минут двадцать. Весь окровавленный, ползал по бетонному полу и хрипел».

Если в случае Корейца палач действовал агрессивно, даже с ожесточением, то у него бывали и психологически совсем другие ситуации. Вот как он описывает свои переживания в один из таких моментов:

«Довелось мне отправлять на тот свет и бывшего директора Елисеевского магазина. Хорошо помню, как он после зачтения приговора громко так сказал: "Вы еще не раз пожалеете об этом, потому что я жертва интриг и не более того". Похоже, он говорил правду. Дружба с тогдашними сильными мира сего не пошла ему на пользу. При первой же возможности они подвели его под расстрельную статью. Впервые у меня зародилась жалость к этому симпатичному человеку. Но, увы, в той ситуации мне ни-

чего не оставалось делать. Я лишь постарался убить его с первого выстрела, чтоб не мучился». Как мы видим, чувства жалости и сопереживания не чужды и профессиональным палачам, что еще раз свидетельствует о двойственности природы человека, о сочетании в нем добра и зла.

«Больных казнить нельзя» Палач рассказал далее, что бывали случаи, когда приговоренные к смерти люди были в предынфарктном состоянии и их приходилось сначала лечить до полного выздоровления, «поскольку больных казнить нельзя». Но возможно ли вылечить человека, особенно с больным сердцем, если он знает, что приговорен к смерти? Или, быть может, даже в таком положении у людей всегда остается *надежда* на чудесное спасение?! Этот очень интересный вопрос подлежит исследованию не только в психологии агрессии, но и в области психологической танатологии[11].

Месть палача Палач, как видно из рассматриваемых нами случаев, может быть даже социально мыслящим человеком, специфически оценивающим собственную деятельность. Как человек, он нуждается в вере в свою ценность, в то, что совершает полезное для людей дело. Убийство, как крайняя форма агрессии, пусть узаконенной (легитимизированной), он интерпретирует как социально полезное и даже богоугодное дело. Приведем последний отрывок из той же публикации:

«Во всем мире, в том числе и у нас, идет большая полемика по поводу отмены смертной казни. И, может быть, правы те, кто говорит: один человек не вправе отнимать жизнь у другого. Согласия по этому вопросу в обществе нет. И пока моя профессия сродни ассенизаторской. Я землю от нечистот спасаю. Так уж повелось, что определенная часть людей попадает под влияние сатаны и гадит всем остальным, убивая, насилуя, унижая человеческое достоинство. Задача палачей — очистить от них землю. Мне часто задают вопрос: верю ли я в Бога? Верю! И говорю это искренне. Только вера во Всевышнего не привела меня в сумасшедший дом. Через некоторое время я предстану перед Богом и уверен, что он скажет мне спасибо за умерщвление подонков, которые мешали жить остальным людям. Скажу честно, что у меня хорошее здоровье и я прекрасно сплю. И никаких угрызений совести. Я выполняю нужную миссию и этим горжусь».

Здесь мы считаем очень важной вскользь высказанную мысль о том, что без веры в Бога он бы давно сошел с ума. Вера в высший авторитет, которому приписывается одобрение своих действий, как высшая форма легитимизации роли палача спасает его от психического заболевания, которое у него могло бы развиваться из-за тех тяжелых переживаний, которые он неизбежно имел в связи со своей деятельностью. Поэтому агрессия палача вдвойне авторитарная: он, стреляя в голову осужденного, выполняет решение начальства и суда, а также волю Всевышнего, представление, которое сам создал для себя. Отсюда, как он утверждает, отсутствие угрызений совести и крепкий сон. М. Бойко в значительной степени свободен от ответственности, которая проецирована на авторитеты, и может жить спокойно. И он явно сублимирует свою деятельность. Но разбор данного случая позволяет нам предложить ряд более общих проблем, к обсуждению которых мы сейчас и переходим.

4.9. Кто берет на себя роль судьи и мстителя?

Есть много людей, которые, ненавидя кого-либо, не предпринимают шагов для отмщения, оставляя это дело властям, авторитетам и Богу. Но есть и такие, кто берет дело отмщения в собственные руки. Кто они, эти мстители?

Эрих Фромм, касаясь данного вопроса, отметил: чтобы отомстить, человек должен не только чувствовать несправедливость положения вещей. «По всей видимости, человек тогда берется вершить правосудие, когда он теряет веру... В своей жажде мести он больше не нуждается в авторитетах, он "высший судия", и, совершая акт мести, он сам себя чувствует и ангелом и Богом... Это его звездный час»[12].

Но возможны и другие случаи. Мститель может считать, что является посланником Бога и, наказывая людей, выполняет его волю. Ведь так действовали многие, считавшие себя пророками. Из истории религий это хорошо известно. Получая слово Бога прямо от Всевышнего, пророк решает, что все те, кто не исповедует его веру, становятся «неверными» и достойны строжайшего наказания. Суд совершается от имени Бога, ради Аллаха, а пророк и его последователи — лишь исполнители Его воли. Это явление мы наблюдаем и в христианстве, и в других религиях: основатели мировых и иных религий, пророки, высшие должностные лица церквей осуществляли и продолжают осуществлять правосудие от имени Бога. Инквизиция — тому убедительное свидетельство[13].

Церковь мстила людям за свободомыслие, но — от имени Бога. Здесь инструментом мести является авторитарная агрессия.

Как понимает читатель, эту проблематику можно расширить путем привлечения и анализа обширного исторического материала. Но мы этого делать не будем из-за нежелания еще больше увеличить объем книги и вкратце отметим лишь несколько вопросов, которые здесь возникают. Когда человек начинает считать себя Богом? В каких случаях человек совершает поступки от имени Бога? Когда человек считает себя и представителем Бога, и полубогом-получеловеком, как некоторые пророки, в том числе Христос, о природе которого богословы до сих пор ведут споры? В аспекте права на отправление правосудия и наказания, на месть и оправдание данные, казалось бы абстрактные, вопросы до сих пор еще не рассматривался со всей серьезностью, во всяком случае в психологии. От того, как они решаются представителями различных религий, как нам кажется, вытекают интересные различия религиозных идеологий и церквей.

4.10. Нарциссизм и мстительность

Уже из повседневных наблюдений и из предыдущего изложения нетрудно заключить, что наиболее мстительными являются индивиды с явно выраженными нарциссическими чертами характера. Сразу же можно предположить, что наиболее агрессивны и мстительны те этнонации, в характере которых нарциссизм занимает одно из ведущих мест. Дело в том, что, как показали исследования политических лидеров нарциссического типа, они очень чувствительны к ущемлению их прав и интересов, они принимают фрустрации, особенно оскорбления, весьма болезненно: порог их толерантности к воздействиям фрустраторов очень низок.

Вследствие этого даже при слабых фрустрациях и стрессах они приходят в гневливое состояние и утверждают, что по отношению к ним люди поступают несправедливо. Такая, нередко весьма субъективная, убежденность в том, что являются жертвами несправедливости, оказывается для них достаточной основой для того, чтобы предпринимать насильственные действия. Представители этого типа считают себя выше других и приписывают себе право ненавидеть их. У нарциссов, таким образом, мы видим особого рода положительные атрибуции себе желательных черт и прав по отношению к другим людям. У этого типа людей мстительность является чертой характера и выражается уже при малейших потерях и оскорблениях. При этом нарциссы не всегда чувствительны к достоинству и переживаниям других людей, просто игнорируют их.

Все это означает, что если мы видим перед собой крайне мстительного человека (об этом можно судить по его действиям), то можем предположить, что он должен иметь акцентуированную черту характера — нарциссизм. С этой точки зрения все еще не исследованы личность и поведение таких известных деятелей, как Гитлер, Сталин и другие, несмотря на то, что о них уже существует обширная литература. Например, Сталин был патологически мстительным человеком, но эту черту вместе с сопряженными с ней остальными его чертами до сих пор никто не исследовал. *Но ведь комплекс характера, включающий нарциссизм и мстительность, оказывает установочное влияние на работу всех познавательных механизмов личности.* Например, что такое злопамятство, которым так отличались упомянутые выше личности? Это избирательность работы памяти, мышления и воображения человека. Здесь имеет место быть четкое, живое воспроизведение образов бывших обидчиков и тех ситуаций, в которых они фрустрировали человека, это размышления о возможной мести, это составление мысленных планов желательных мстительных действий. Наконец, это осуществление мести, если жизнь предоставляет такую возможность. Именно это мы видим в биографии Сталина, который, как уже было отмечено ранее, последовательно уничтожал всех своих обидчиков молодых лет, хорошо знавших его прошлое. Таким образом, в теории мести и человеческой мстительности, которую мы считаем важным и уже зарождающимся перед нашими глазами разделом психологии человеческой агрессивности, исследование злопамятства, как результата комплексной работы памяти, мышления и воображения, должно занимать ведущее место. Примеров злопамятных людей во всех сферах жизни и у всех народов — великое множество.

4.11. Кровная месть

Общая характеристика

Кровная месть, то есть отмщение за убийство члена семьи, рода или племени, в прошлом была широко распространена во всем мире и во все времена. Она до сих пор бытует в различных частях земного шара — в Азии, странах Африки и Америки. «Кровная месть является священным долгом: за убийство любого представителя семьи, племени или клана должен понести кару тот клан, к которому принадлежал убийца»[14]. Это форма наказания, однако не только непосредственного виновника, но и членов его группы. Ответная агрессия как бы переносится и распределяется на всех тех, с кем преступник (убийца) связан кровнородственными связями и имеет идентификацию: на его братьев, сыновей и других, в некоторых случаях — на всех соплеменников[15].

Такое явление, как кровная месть, охватывает широкий круг социальных связей, внутригрупповых и межгрупповых отношений враждующих общин. Кроме того, она представляет собою часть, «элемент» этнической культуры народа. Поскольку культуры, как системные образования, различны, кровная месть тоже как разновидность человеческой агрессивности у разных народов имеет свои особенности. Эти различия связаны также с различиями психического склада народов, в частности — их характеров. Поэтому исследование кровной мести вообще и ее этнических различий в частности является одним из путей развития этнической характерологии. Ниже мы рассмотрим лишь ряд аспектов этой большой проблемы.

Этнические различия по числу поколений Кровная месть у разных народов имеет различия по числу колен, на которых она распространяется. В литературе приводится пример якутов, чей закон гласит: «Если пролилась кровь человека, она требует искупления». У этого народа исходя из данной нормы обычного права потомки убитого мстят потомкам убийцы до девятого колена[16].

Хотя у других народов закон не требует распространения кровной мести на такую глубину будущего, все же природа этой разновидности мести такова, что она нередко делает взаимную агрессивность и убийства бесконечным процессом. В результате у разных народов были истреблены целые семейства и роды.

У арабов, согласно сведениям первоисточников и трудов историков, кровная месть была широко распространена как до VII века н. э., то есть в доисламский период, так и после принятия мусульманской религии[17].

Этнический характер и кровная месть Традиция кровной мести существует у самых разных народов с крупными различиями этнического (национального) характера. Когда речь идет о воинственных, агрессивных народах, то существование в их среде как внутриэтнического явления кровной мести представляется естественным. Однако есть сведения о том, что кровная месть имеется даже у самых миролюбивых народов. *Э. Фромм* пишет: «Кровная месть в порядке исключения встречается даже среди очень миролюбивых народов, например у гренландцев, которые не знают, что такое война, но знают кровную месть и не испытывают по этому поводу каких-либо страданий»[18].

Однако проблема состоит в том, что кровная месть в этих различных культурных средах и при крупных различиях национальных характеров, в частности по измерению «агрессивный — миролюбивый», не может не иметь существенных различий, которые еще предстоит исследовать. Но это скорее всего уже проблема этнопсихологии.

4.12. Жертва становится агрессором

Превращение жертвы в агрессора Казалось бы, если человек был уже жертвой агрессии, он должен понимать состояние жертв и, сопереживая с ними, самому постараться не стать агрессором. Но такая логика не оправдывает себя или, во всяком случае, люди не всегда руководствуются ею. Об этом свидетельствует следующее исследование *Дж. Паттерсона*, одного из извес-

тных специалистов в области психологии агрессии. Мы излагаем этот материал по уже многократно упомянутой книге *Л. Берковица.*

Группе мальчиков, «...которые постоянно становились жертвами агрессивности других мальчишек, были даны некоторые возможности наказать своих обидчиков... Примерно в двух из каждых трех случаев контрагрессия этих мальчиков привела к успеху, избавив их от нападений тех, кто раньше к ним приставал. Дети, которые прежде покорно подчинялись, теперь отвечали агрессией на агрессию, и их поведение окупилось в том смысле, что в результате на них меньше нападали»[19].

Но не этот результат был самым главным. *Дж. Паттерсон* открыл интересный эффект, который описывается *Л. Берковицем* следующим образом: «Негативное подкрепление повышает вероятность того, что мальчики в дальнейшем сами будут атаковать других детей, даже и не будучи спровоцированы. Другими словами, чем чаще их контратаки приводили к успеху, тем чаще они сами проявляли агрессию в дальнейшем. Вместо того чтобы оставаться миролюбивыми, зная, как неприятно быть жертвой агрессии, в результате своих вознаграждаемых агрессивных действий они становились более агрессивными... Описанный эффект служит еще одним подтверждением того, как трудно удерживать агрессию в узких рамках»[20].

О механизмах превращения жертвы в агрессора можно сказать еще кое-что, в частности следующее.

1. Почему притесняемые другими мальчики, до того уступчивые, охотно воспользовались возможностью наказывать своих мучителей (фрустраторов, агрессоров)? По той простой причине, что фрустрации, которым они подвергались, вызывали в них агрессивность, которую они до этого не могли изживать. У них уже существовала психологическая готовность, агрессивная установка отвечать насилием на насилие.
2. Агрессивность этих жертв была такой интенсивной, что они переносили ее не только на своих прежних мучителей, но и на других лиц; они становились агрессивными личностями. Чтобы атаковать других людей, они, как мы полагаем, использовали механизмы атрибуции и переноса. Для обоснования своей агрессии они приписывали этим людям неприятные черты, что и позволило им обосновать свою агрессию.
3. Наконец, бывшие жертвы переходят в наступление в том случае, если длительные и мучительные фрустрации не превратили их в депрессивных людей с так называемой приобретенной беспомощностью, как назвал это состояние психолог *Мартин Зелигман*[21].

Важна также следующая проблема: почему у этих жертв не развилась способность сопереживать с теми, кого они выбирали в качестве мишеней для своей агрессии, ведь они знали, как это мучительно?! Почему на основе такого знания у них развивалась не эмпатия, а жестокость? Вопрос этот требует дополнительных исследований, как, впрочем, и предыдущие.

Ясно одно: жертва агрессии без особого труда превращается в агрессора, палача и мучителя, если только его агрессия подкрепляется, негативно или позитивно. Мы считаем, что эти утверждения нетрудно доказать историческими фактами.

Подкрепление агрессивности и формирование характера

Мы уже видели, и экспериментальные исследования убедили нас в этом, что жертва превращается в агрессора, если ей предоставляется возможность отомстить своему мучителю, получая при этом два типа подкрепления своего насильственного поведения: негативное и позитивное вознаграждение.

В связи с этим возникает ряд проблем, представляющих интерес не только для психологии агрессии, но и для характерологии — индивидуальной и этнической. Вот некоторые из них.

1. В процессе подкрепления агрессивного поведения бывшей жертвы происходит формирование такого комплекса характера, как *наглость*.

   Процесс этот — *обнагление* — представляет большой интерес.
2. Наряду с образованием общей агрессивности как «черты» характера (это, как мы видели, скорее комплекс, обобщенная установка) имеет место формирование у личности ряда других черт, структурирующихся вокруг этой ведущей черты — агрессивной наглости, дерзкого бесстыдства.
3. Мы считаем очень важной и интересной следующую проблему: наглость может развиваться как у агрессора, который не был жертвой, так и у бывшей жертвы, ставшей теперь агрессором. Вопрос заключается в следующем: какова разница между наглостью бывшей жертвы и наглостью агрессора, который еще не стал жертвой? Можно предположить, что различие должно существовать, поскольку эти люди пользуются различными видами агрессии:

   а) процесс обнагления бывшей жертвы начинается на основе мести (мстительной агрессии), имея в своей основе мотив самозащиты реванша. Такая агрессия вначале направляется только против своего мучителя и лишь затем переносится на такие объекты, которые не имеют отношения к его фрустрациям и унижениям;

   б) процесс обнагления первичного агрессора происходит в результате применения обычной агрессии человека, стремящегося к доминированию. Она, конечно, может быть как эмоционально враждебной, так и инструментальной, но мы считаем, что в поведении этих агрессоров преобладает инструментальная агрессия. В то же время мстительная агрессия бывшей жертвы является преимущественно враждебной. Она легко может стать разрушительной, подавляющей способность человека предвосхищать последствия своих действий.

Итак, основой различия агрессивного поведения бывшей жертвы и обычного агрессора является то, что у первого преобладает враждебная агрессия, а у второго — обычная проактивная и, главным образом, инструментальная. Поэтому те черты характера, которые у них формируются в результате длительного применения этих двух агрессивных стратегий, а именно наглость и бесстыдство, по своей психологической структуре должны иметь различия. Одно такое различие мы можем отметить уже сейчас: наличие у бывшей жертвы комплекса неполноценности, тогда как у агрессора, не игравшего роль жертвы, может преобладать комплекс сверхценности своей личности, самомнение. Одно дело, когда агрессивность сочетается

с комплексом неполноценности, и другое, когда она сочетается с комплексом сверхценности. Как поведение, так и характерологические последствия этих двух случаев будут различными. Наглость бывшего раба и наглость господина по своей психологической структуре совпадают неполностью. И это надо еще исследовать.

Применение в этнопсихологии (этническая наглость) Предложенная выше концепция о различных путях обнагления жертвы и агрессора может иметь плодотворное применение в области этнопсихологии, в частности — в этнической характерологии. Чтобы начинать это дело, можно применить концепцию к анализу армяно-турецких отношений. Агрессивность и наглость турок стали особенно иррациональными и разрушительными, когда они сменили свою инструментальную агрессию на враждебно-мстительную.

Это произошло в основном во второй половине XIX века, в годы правления султана Хамида. Эта агрессивность перешла младотуркам, затем Кемалю Ататюрку и сохраняется до сих пор. Этноцид армян — следствие иррациональной агрессивности и наглости турецкой нации и ее лидеров. Причем мстительность, возникшая у турок в связи с развалом Османской империи, была направлена против армян, греков и других народов, угнетенных в составе Османской Турции.

Анализ характера данного этноса будет неадекватным, если не учесть специальные пути возникновения у них характерологических комплексов наглости и бесстыдства в процессе взаимодействия с другими народами. Эти черты выражаются, в частности, в отрицании своих преступлений и в систематических попытках дискредитации своих жертв.

4.13. Формирование садизма

Вознаграждение — как негативное, так и, особенно, позитивное — один из механизмов формирования не только наглости и цинизма, но и садизма.

Соглашаясь с *Л. Берковицем*, мы уже отметили, что опыт страдания не обеспечивает с необходимостью сопереживание со своими жертвами и развитие эмпатии как личностного комплекса. Бывшая жертва, став агрессором, может быть такой же жестокий к прежнему своему мучителю. Но это еще не все: она бывает такой же жестокой и к другим людям, не имеющим никакого отношения к ее лишениям и страданиям.

Но ясно одно (и это доказано экспериментально): причинив вред и страдания жертве, бывшему своему фрустратору, человек переживает чувство удовольствия. При этом «чем сильнее было якобы причиненное испытуемыми своему мучителю страдание, тем большую радость они испытывали. Вероятно, им нравилось причинить вред человеку, который их фрустрировал»[22].

Такое наблюдение важно потому, что демонстрирует нам, каким образом у личности может формироваться садизм. Причем, как и в случае формирования наглости как комплекса характера, здесь мы предлагаем различать садизм жертвы от «первичного» садизма агрессора. У них этот комплекс характера формируется с участием не совсем одинаковых механизмов. Поэтому мы предлагаем различать *мстительный садизм* от *инструментального садизма*. Каждый из них связан с различными фрустрациями и с разными аспектами личности.

Возможно, что следует различать также садизм нарцисса, или *нарциссический садизм*. Этот вопрос также требует исследования, поскольку садизм жертвы и садизм нарцисса не могут быть полностью идентичными.

4.14. От мстительной агрессии к иррациональной

Мстительная агрессия, конечно, может стать иррационально интенсивной, то есть не соответствующей силе фрустрации или стресса. Но в целом ее мотивация ясна: человек фрустрирован и отвечает на агрессию насилием.

Однако когда человек уже отомстил, но сохранившаяся в нем остаточная агрессивность переносится на невинные объекты, тогда мотивацию такой агрессии можно считать иррациональной. Более того: происходит преобразование мстительной агрессии в иррациональную, что, конечно, имеет место с помощью каких-то внутрипсихических механизмов, которые еще предстоит открыть.

Можно предложить следующую **гипотезу**: преобразование мстительной агрессии в иррациональную происходит в результате следующих процессов:

а) восприятия новых объектов;

б) атрибуции этим объектам таких черт и навыков, которые обосновывают перенос на них агрессии;

в) осуществления агрессивных, насильственных действий.

Мы предполагаем также, что, поскольку такая агрессия не имеет реальных оснований, человек, допустивший иррациональную агрессию, должен ощутить в себе потребность в психологической самозащите, в рационализации и обосновании своего поведения. Целесообразно выяснить, какие формы принимает такая самозащита, какую «логику» использует агрессор для самозащиты.

Таким образом, мстительная агрессия (отмщение) вряд ли приводит к катарсису: она, наоборот, закрепляет в личности агрессивность, сохраняет сильную агрессивную установку и приводит к возникновению еще более иррациональных форм насилия.

Эту концепцию можно проиллюстрировать с помощью исторических фактов, хотя экспериментальные исследования также необходимы.

Предполагаем, что возникшая таким путем агрессия является главным образом не инструментальной, а враждебной. Когда она приносит успех, общая агрессивность личности может еще больше интенсифицироваться. Это один из путей формирования садистов.

4.15. Жертва и ее агрессия (новые идеи для психологической виктимологии)

В психологической виктимологии, которую следует создать в ближайшие годы, подлежат рассмотрению, кроме уже затронутых выше, еще и следующие вопросы: в каких условиях человек или группа становятся жертвами, получают, так сказать, подобный «статус»? Какие бывают типы жертв? Чем отличаются друг от друга жертвы женского и мужского пола? Каковы типичные агрессивные ответы жертв на действия агрессоров и т. п. Ниже мы вкратце рассмотрим некоторые из них

и постараемся показать, какими путями следует идти для развития этой очень важной науки — раздела психологии человеческой агрессивности.

Жертвы: их разные типы

Жертва — это индивид или социальная группа, подвергшиеся агрессии и понесшие какие-то потери вплоть до получения физических увечий и лишения жизни. Здесь мы пока будем говорить, во-первых, о тех жертвах, которые остаются дееспособными, и, во-вторых, о жертвах-индивидах. Правда, в некоторых случаях мы покажем, каким образом высказываемые здесь идеи касаются также социальных и этнических групп.

Создание типологии жертв агрессии, особенно объектов насильственных преступлений, — очень важная задача. Во-первых, таких людей можно классифицировать в зависимости от того, жертвами каких преступлений они стали. Другой критерий — пол жертвы. Вполне очевидно, что мужчины и женщины становятся жертвами по разным причинам. Для этого достаточно ознакомиться с судебными делами. Кстати, преступницы также по целому ряду критериев — по числу, по типам преступлений, которые они совершают, и т. п. отличаются от преступников-мужчин. Чтобы воочию убедиться в этом, достаточно беглого взгляда на обитательниц женских исправительно-трудовых колоний.

Можно классифицировать жертв также по уровню их агрессивности. Но прежде всего посмотрим, какое влияние оказывает на этих людей то обстоятельство, что они подвергались агрессии, видели насилие, как говорится, крупным планом.

Жертва становится агрессивнее, чем прежде

Исследования психологов показали[23], что самое заметное влияние насилия, совершенного по отношению к ним, — это усиление общей агрессивности жертв.

Ранее уже обращалось внимание на то, что увеличивается вероятность того, что эти люди сами в будущем совершат насильственные действия. Данное явление исследовано внутри семьи и обнаружено, что агрессивность передается от поколения к поколению. У драчливых родителей чаще бывают такие же дети, чем у миролюбивых родителей. Те индивиды, которые в семье своих родителей подвергались агрессии, после образования собственных семей становились агрессивными супругами и родителями. Причем дети учатся у родителей, «как бить, чем бить и каким должно быть столкновение»[24].

Дети, которых в семье часто ругают и различными способами превращают в жертв агрессии, более агрессивны к сверстникам и даже к воспитателям в детских садах и школах. О том, с помощью каких психологических механизмов наследуется агрессивность, мы покажем позже и предложим соответствующую концепцию. Здесь же отметим еще вот что: люди, которые в годы детства и отрочества часто становились жертвами агрессии, по-видимому, не просто сами подвергали агрессии других. Они приходили к выводу о том, что агрессия является эффективным средством управления и регулирования поведением людей вообще. Это мы назовем *общей варварской установкой*. Люди с такой установкой оправдывают жестокость как по отношению к своим детям, так и к людям вообще. Они постепенно приобретают агрессивные и антисоциальные черты характера. Жертвы явно мстили, но не всегда, тем, кто подвергал их агрессии или каким-либо иным способом фрустрировал их.

Преобразование защитной агрессии в наступательную (новая концепция)

Когда жертва агрессии сама отвечает на действия агрессора насильственными действиями, то вполне очевидно, что ее реакции носят защитный характер. Самозащитная агрессия — естественное и во многих случаях адекватное действие. Однако в тот момент, когда жертва, став теперь агрессором, дает неравноценный, неадекватно интенсивный ответ, жертва становится уже наступающим, активным агрессором. Но не этот случай, о котором уже сказано у нас немало, сейчас нас занимает.

Нас интересуют те случаи, когда бывшая жертва подвергает агрессии других людей, тех, кто никогда не причинил ей вреда, во всяком случае такого урона, какой оправдывал бы ответное насилие. Мы предлагаем для объяснения подобных случаев нижеследующую **гипотезу** в виде нескольких утверждений:

1) в психике и поведении этих людей имеет место преобразование защитной агрессии в наступательную;
2) в основе таких агрессивных действий лежат механизмы *атрибуции* и *переноса*, которые нам уже известны:
   а) жертва, ставшая агрессивнее, чем прежде, приписывает другим людям агрессивные намерения и такие же неприятные черты, какими, по ее мнению, наделены ее истинные агрессоры (фрустраторы);
   б) осуществляя подобные атрибутивные процессы, она выбирает их в качестве объектов агрессии. Это процесс *субституции*, то есть замены объекта агрессии;
   в) совершает словесные, символические и физические агрессивные действия по отношению к новому объекту. Описанным выше этапам могут последовать другие. Совершая насилие по отношению к новым, по существу, невинным, объектам, которое иногда применяется очень быстро и импульсивно, часть таких жертв-агрессоров может переживать внутренний конфликт, или когнитивный диссонанс, а отсюда — *мотивацию самооправдания*. Обычно последующие *рационализации* оправдывают уже выполненные действия: жертве приписываются новые злые мотивы и неприятные личностные черты, в результате чего агрессия может, интенсифицируясь, стать все более иррациональной и деструктивной.

Параллельно, как мы полагаем, действует еще один механизм: *агрессия обобщается*, агрессивность личности приобретает характер *обобщенной социальной установки* и даже агрессивной *стратегии* решения конфликтов и других жизненно важных задач. Поэтому заменяющие объекты отмщения могут выбираться из широкого диапазона. Исследование же так называемых серийных убийц показывает, что жертвы бывших жертв, теперь уже выступающих в роли агрессоров, иногда принадлежат к определенным категориям. Например, это иногда лишь подростки, в других случаях — белокурые девушки. В качестве жертв могут выбираться представители различных этнических меньшинств.

Итак, мы видим, что между этапом защитного ответа на фрустрацию или на другие неприятные раздражители и нападением жертвы на другие объекты лежат достаточно сложные опосредующие когнитивно-эмоциональные процессы, в которых участвуют

механизмы проекции, атрибуции, сублимации, переноса агрессии и другой психологический инструментарий личности. *Именно они и превращают жертву в агрессора.* Конечно, в сложном социальном поведении человека элементы защитной и наступательной (иными терминами — проактивной и реактивной) агрессии могут сочетаться.

Снова о типах жертв агрессии

Исходя из того, что выше было сказано, можно лучше понять основы выделения еще двух категорий жертв: *активных* и *пассивных*. Исследования показали, что *не все, а лишь некоторые из жертв агрессии сами становились агрессорами*. Это так называемые **активные жертвы**, те индивиды, которые, подвергаясь агрессии, успешно защищались с помощью активных агрессивных действий. Иначе говоря, их ответная агрессия вознаграждалась успехом и была адаптивной. Они, эти успешные агрессоры, приобрели склонность нападать на других. Причем в определенных взаимоотношениях они могут продолжать играть роль жертв, а в других — быть агрессорами.

Пассивными же называют тех жертв агрессии, которые имеют низкий уровень агрессивности[25].

Они тревожны, не уверены в себе и не защищаются от тех, кто на них нападает.

Описывая эти два типа, *Р. Бэрон* и *Д. Ричардсон* пишут: «Итак, лишь некоторые жертвы копируют агрессивное поведение сверстников. Задача исследователей в данной области — раскрыть механизм, объясняющий различие между пассивными и провоцирующими жертвами»[26].

Нам представляется, что *выдвинутая выше гипотеза о механизмах преобразования защитной агрессии в наступательную (провоцирующую, проактивную) в основном разрешает эту проблему*. Мы утверждаем, что у активных жертв описанные выше процессы преобразования, осуществляющиеся с помощью механизмов атрибуции, перемещения, сублимации и других, происходят полностью и до конца, тогда как те из жертв, у которых они не происходят или протекают не до конца, превращаются в пассивных жертв, не умеющих защищать себя. Более того, расширяя нашу гипотезу, мы можем утверждать, что такие люди, во всяком случае часть из них, в качестве нового объекта агрессии выбирают самих себя и этим путем становятся депрессивными и беспомощными.

В ходе преобразования защитной агрессии в наступательную имеют место еще два процесса: меняется мотивация агрессии и человек, направляя свою агрессию на других людей, превращает в конкретные свои поступки то, что наблюдал. Это обучение агрессивному поведению путем наблюдения, это подражание социальным моделям. Фактически то, что было в восприятии, превращается в социальный поступок. Что касается преобразования мотивации, то вполне понятно, что мотив самозащиты и мотив наступления не могут полностью совпадать. Во втором случае мы должны уже говорить или о косвенной (опосредованной) самозащите, или же о компенсации. Эта линия исследований также требует дальнейшего развертывания.

Имея в виду сложность всех тех процессов, которые происходят в психике как активных, так и пассивных жертв, и вероятность того, что эти процессы не проходят все те этапы, которые потенциально перед ними открыты, мы можем предположить, что у этих двух типов должны быть подтипы. Если они существуют (что можно выяснить только с помощью новых эмпирических исследований), они могут отличаться друг

от друга и по типу атрибуций, и по тому, каких жертв они выбирают для разрядки своей агрессивности, и с помощью каких аргументов оправдывают свои насильственные действия после их совершения, становятся ли после этого более жестокими и т. п.

Поведение жертвы, подкрепляющее действия агрессора

Каким образом и какие формы поведения жертвы подкрепляют действия агрессора, вознаграждая его? Для ответа на данный вопрос следует иметь в виду **цели** агрессора. Если целью агрессора является причинение жертве боли и страданий, то именно признаки ее страданий и становятся вознаграждением для агрессора. Если агрессор желает поражения жертвы, то его агрессия будет вознаграждена при достижении именно таких результатов. Все названные случаи — различные виды *позитивного подкрепления* действий агрессора, то есть такого подкрепления, когда желаемое явление или результат действительно появляется.

Итак, жертвы своими действиями и экспрессией могут вознаградить агрессора и подкрепить его поведение. Исходя из этих признаков агрессор поймет, что его действия были успешными. Поэтому люди, становясь жертвами агрессии, не должны таким путем подкреплять действия агрессора, кроме тех случаев, когда есть уверенность, что признаки или сигналы поражения и страдания являются *ингибиторами агрессии* (как это имеет место у животных). Но обычно признаки страдания жертвы являются стимуляторами новых насильственных действий агрессора, как это показано в ряде исследований. Страдания жертвы не являются ингибиторами агрессии, когда агрессор мстит своему мучителю, то есть тогда, когда тот, кто был агрессором (фрустратором), теперь уже стал жертвой. Месть является враждебной агрессией, и нередко очень жестокой.

Отсюда вытекает вопрос: не являются ли ингибиторы двух главных видов агрессии — враждебной и инструментальной — различными? Иначе говоря, те факторы — внешние и внутренние, которые подавляют инструментальную агрессию, не могут быть эффективными ингибиторами в случае враждебной агрессии. Здесь нетрудно почувствовать наличие очень серьезной проблемы, которая заслуживает должного внимания. Почему? Причина заключается в том, что, желая предотвратить или подавить враждебную агрессию способами, эффективными для торможения инструментальной агрессии, мы, возможно, ничего не добьемся или вызовем обратный результат. Раскрытие специфических для каждого вида агрессии эффективных ингибиторов — важная задача психологии человеческой агрессивности.

4.16. «Дедовщина» в армии: применение теории к реальному явлению

Чтобы убедиться в справедливости предложенной выше теории, целесообразно демонстрировать ее объяснительные возможности путем применения к одному очень вредному, но распространенному социальному явлению. В качестве такового мы рассмотрим болезненную для общества «дедовщину» в армии. Иррациональный характер этого явления виден уже из того, что молодые люди считают, будто за годполтора службы в армии стали настолько опытными, что могут с пренебрежением относиться к новобранцам, которых в русской армии традиционно называют «салага-

ми». Даже принимая во внимание реальность того, что в годы молодости (18–23 года или чуть более) социально-психологическое созревание действительно происходит довольно быстрыми темпами, такая уверенность в своей опытности и мудрости ничем не оправдана. Просто за год-полтора молодые люди в основном усваивают свою новую социальную роль, тогда как новичкам это только предстоит делать.

Но почему же тогда «опытные» солдаты так агрессивно относятся к новичкам, превращая их в жертв насилия? Наша **гипотеза**, как мы надеемся, позволяет показать основные причины и механизмы этого явления:

1) сами эти «дедушки» совсем недавно были «салагами» и жертвами предыдущих «дедушек»;
2) в ответ на такую несправедливость и эксплуатацию они становились злыми и переносили свою агрессию на новичков, которые на первых порах действительно в значительной степени беззащитны перед уже знающими свою роль и армейскую жизнь солдатами;
3) прежние жертвы насилия теперь уже становились агрессивными тиранами (может быть, даже продолжая оставаться жертвами старших, а также офицеров и старшин) еще и потому, что свое бывшее беспомощное состояние приписывают новобранцам. Следовательно, здесь действует мощный механизм *проективной атрибуции*, работа которой происходит преимущественно подсознательно);
4) только те из «дедов» становятся активными агрессорами и активными жертвами, кто в качестве объектов своей агрессии выбирает других, и вообще те, у кого отмеченные выше процессы преобразования своей защитной агрессии в наступательную происходит полностью и до конца. Именно поэтому есть более или менее агрессивные армейские «дедушки», более или менее жестокие и последовательные. Есть среди них и пассивные, и люди с развитой эмпатией, и зрелые, не признающие особого значения большей или меньшей армейской опытности.

Армия, конечно, очень удобная среда для формирования агрессоров. Подвергаясь агрессии и оскорблениям со стороны офицеров, солдаты зачастую спонтанно подвергают замещающей агрессии друг друга. Отсюда — многочисленные драки между ними, иногда — очень жестокие.

Но важно и то, какими личностями эти молодые люди являются в момент призыва в армию. Имея очень различный жизненный опыт, они обладают большими индивидуальными различиями, в том числе по уровню агрессивности. Среди людей призывного возраста уже есть немало потенциальных или реальных, состоявшихся преступников, готовых насильников. Они, подвергаясь насилию, очень быстро становятся агрессорами для тех, кого считают слабее себя и менее опытными. Накопленная в них агрессия ищет жертв. Идет *цепная реакция виктимизации*: одно поколение солдат передает эстафету другому и таким путем «дедовщина» и «закон» виктимизации *превращаются в традицию*. От подобных вредных традиций очень трудно избавиться, они идут из глубин истории и все время воспроизводятся, поскольку, во-первых, ситуация благоприятствует этому, и, во-вторых, они адаптивны для тех, кто их практикует. К этим факторам добавляется то, что *у малокультурных людей есть свойство*

гордиться своими незначительными успехами и презирать тех, кто их еще не имеет. Это примитивная форма самоутверждения.

И здесь, на примере «дедовщины», мы видим, что в специфических условиях армейской службы формируются активные и пассивные жертвы-агрессоры, которые выбирают различные стратегии адаптации и самоутверждения.

Как видно из вышесказанного, создание психологической виктимологии вполне возможно и в определенной мере осуществлено нами. Более того, развитие этого раздела психологии совершенно необходимо для решения многих практических вопросов различных областей человеческой деятельности, ролевого взаимодействия, власти и подчинения. Эта наука может приносить людям большую пользу. Ниже мы рассмотрим еще несколько вопросов данной области науки, и в первую очередь — вопрос о цепной реакции виктимизации.

4.17. Цепной процесс виктимизации

Виктимизация (от латинского слова *victim* — жертва) — процесс превращения одним индивидом другого в свою жертву. Когда под влиянием действий агрессора А жертва агрессии Б переносит свою агрессию на третьего индивида — С, то С также превращается в жертву. Он, этот С, в свою очередь, может перенести свою агрессию на объекта Д и т. д. Практически данная цепь может не иметь конца, переходя даже от одного поколения людей данного общества к другому.

Каждая замена (субституция) объекта агрессии является началом виктимизации нового человека или группы (семьи, рода, этноса). Именно это мы и называем *цепным процессом виктимизации* и усматриваем его наличие и роль не только в межличностных, но и в межгрупповых и межэтнических отношениях. Здесь важно исследовать различные аспекты этого процесса, из которых самыми важными на настоящем этапе развития психологической виктимологии представляются следующие:

1) механизмы выбора новой жертвы: кто и как выбирается в первую очередь; какими качествами и маркерами должны обладать новые жертвы;
2) какая существует зависимость между выбором жертвы и личностным типом выбирающего, то есть агрессора;
3) используются ли механизмы проекции, атрибуции и другие для подготовки выбора того или иного человека в качестве жертвы. Известно, что чаще выбираются те, кто больше похож внешне на агрессора (на объект ненависти и презрения);
4) в какой степени мера первоначальной фрустрированности личности влияет на ее виктимизационную активность, то есть превращения других людей в своих жертв? Этот же вопрос можно задать и относительно *этнической виктимизации*, которая должна стать одной из центральных проблем психологии межэтнических отношений, особенно в свете кровавых межэтнических конфликтов и актов этноцида, какими полна жизнь трагического XX века.

Эти проблемы можно развернуто исследовать, если опираться на ряд теорий современной психологии: на теорию фрустрации и психологической самозащиты, теорию атрибуции и когнитивного диссонанса, конфликтологию и другие.

4.18. Установки жертвы по отношению к агрессору

Самой естественной и достаточно часто встречающейся позицией жертвы агрессии по отношению к агрессору является агрессивная же установка. Она вызывает ответные насильственные действия или хотя бы готовность совершить такие действия. Это месть, которая нам уже знакома из предыдущих страниц. Но агрессивная ответная установка — не единственная возможная позиция жертвы. Встречаются и другие. Ознакомимся с еще двумя из них, тоже достаточно широко распространенных как в межличностных, так и в межгрупповых отношениях. Речь идет о так называемой нейтральной позиции и о самообвинении жертвы.

Нейтральная позиция

Случается, что жертва вследствие своей трусости и корыстных интересов занимает по отношению к агрессору нейтральную позицию. Логика подобного поведения следующая: что было, то было, будем жить мирно. Искусственность такого положения заключается в том, что жертва по недоразумению предполагает, что именно ей дано решить этот вопрос. Если агрессор даже не выразил сожаления по поводу того, что случилось, не говоря уже о раскаянии, такая «великодушная» позиция жертвы по отношению к своему палачу, пока более сильному, вызывает по крайней мере чувство жалости. О каком явлении здесь идет речь, хорошо иллюстрируется нижеописанным случаем.

Статья, к которой мы сейчас обратимся, написана журналистом *Г. Мкртчяном* по поводу одного сообщения Арменпресс о переносе останков Энвера-паши из Таджикистана в Турцию. Энвер был военным министром в правительстве младотурок и одним из организаторов геноцида армянского народа в Турции. Это был преступник международного масштаба, которого даже Стамбульский суд заочно приговорил к смертной казни. В 1922 году в Средней Азии он был убит офицером Красной Армии, армянином Акопом Мелкумовым. Но вот об этом палаче армянское агентство «Арменпресс» сообщает не просто в нейтральных тонах, но и таким образом, как будто речь идет об идейном борце против коммунизма. Вот это сообщение: «Уже было сообщено, что прах Энвера-паши 4 августа будет перевезен в Стамбул и перезахоронен рядом с Талаатом в мавзолее, построенном в Хьюриет Тепе. Как известно, руководитель младотурок, бежавший из Турции в Таджикистан, воевал против советских войск и погиб в бою 4 августа 1922 года. Могила находится в Таджикистане. Турция организовывает перевозку праха в честь годовщины его смерти»[27].

Вот как сообщается о палаче и одном из идеологов пантюркизма.

Такую нейтральную позицию у представителей названного информационного агентства нельзя считать неожиданной, поскольку и руководство Армении того периода, дабы понравиться туркам и их друзьям, допустила ряд крупных политических ошибок. Тогдашний премьер-министр, случайный человек на этом посту, как-то заявил даже, что армяне сами виноваты в том, что в Турции их истребляли. И в целом армянское руководство тех лет проводило незрелую политику, «достойную» раболепствующей жертве. Отсюда и правомерный вывод журналиста *Гагика Мкртчяна*: «Ведь если премьер страны искренне считает, что просто так не уничтожают целый народ, если сотрудники Министерства информации на страницах официоза открыто заявляют о виновности армян в геноциде (собственного народа. — *А. Н.*), то почему бы Арменпресс не попытаться сделать из уголовника Энвера идейного борца против коммунизма?»

При таком раболепстве, конечно же, начинают употреблять различные способы самооправдания, самосублимации, выдавать себя в роли тонких дипломатов, играющих роль в международных делах.

Самообвинение жертвы Но есть еще более парадоксальная позиция, чем нейтральное отношение к агрессору. Это позиция жертвы, которая обвиняет самого себя, а не агрессора.

Данная тенденция, пусть не всегда выпукло, уже отмечается и в предыдущей позиции, что говорит о тонкости границ между этими двумя установками и легкости незаметного перехода от нейтрального отношения к раболепству более глубокого уровня. Когда мы говорили о высказывании бывшего премьер-министра Армении Гранта Багратяна, то оно соответствует именно категории самообвинения жертвы: в качестве нейтральной мы оценили позицию Арменпресс. «И мы тоже виноваты, и даже больше, чем турки» — вот логика этой установки раболепия. Это позиция раба, который, естественно, пытается скрыть свою трусливую сущность под личиной «тонкого дипломата» и с помощью оправдывающих себя аргументов.

Когда жертва занимает достойную, гордую позицию по отношению к агрессору, он может сожалеть только об одном: что он сам или его предки не сумели вовремя организовать самозащиту и отпор, не успели еще как следует наказать врага. Но такая здоровая самокритика — лишь исходный момент для организации будущих адекватных действий, то есть наказания агрессора. Психологические аспекты рассматриваемой позиции жертвы по отношению к агрессору можно более углубленно исследовать при условии использования социальной психологии самооправдания[28]. Но рассмотрение этой задачи выходит за рамки проблем настоящей книги.

4.19. Гордость жертвы и гордость агрессора

Гордость жертвы Явление «гордость жертвы» представляет большой интерес для психологии человеческой агрессивности и психологии личности, проблем власти и подчинения. Оно существует, по-видимому, с давних пор, но нам неизвестны специальные психологические его исследования. Таковых, по-видимому, нет.

«Чувство, похожее на гордость жертвы» переживает героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир» княжна Марья, «любящим мучителем» которой был ее отец, старый князь Болконский. Он, как утверждает писатель, любил свою дочь, но одновременно сознательно унижал и оскорблял ее[29].

Но что такое *гордость жертвы*, из чего она состоит и к каким поведенческим последствиям приводит?

Гордость — это осознание и переживание собственного достоинства; это чувство превосходства над другими. Национальная гордость — чувство и осознание превосходства своей нации, осознание ее успехов и высоких качеств.

Есть люди, которые гордятся тем, что являются жертвами. Как это возможно? Можно ли считать превосходством над другими людьми то, что являешься жертвой какого-либо агрессора? В последние годы, как только армяне поднимают вопрос о признании этноцида подавляющей части своего народа в Турции и о потере боль-

шей части своей родины, многие евреи, даже на уровне руководителей Израиля и дипломатов этой страны, выступают с заявлениями о том, что их холокост не сравним ни с чем, что, мол, у армян были лишь погромы, а геноцид — только достижение еврейского народа! Объективный читатель заметит здесь и комические моменты, но не будем углубляться в трагикомическую сторону такого поведения. Это гордость жертвы, которая заметна не только у определенной части евреев: есть таковые и среди армян и других народов, переживших трагедии огромных масштабов.

Гордость жертвы — парадоксальный психический комплекс, из глубин подсознания толкающий людей к парадоксальным же, странным по своей логике и эмоциональной тональности речам и поступкам. Насколько нам известно, евреи, аргументируя свое представление о собственной избранности даже в этом отношении (в качестве жертв), в числе других ссылаются на тот факт, что уже долгие века являются жертвами преследований и погромов, а в XX веке наконец стали жертвами величайшего в истории этноцида — холокоста.

Это явление, конечно, требует психологического объяснения, поскольку оно, безусловно, имеет свою особую психо-логику. Чтобы продвинуть дело с той точки застоя, на которой оно находится, мы предлагаем следующую **гипотезу**: *человек переживает гордость жертвы тогда, когда быть жертвой благороднее, чем не быть ею*; когда для того, чтобы вынести насилие и оскорбления, человеку следует иметь высокие моральные качества. Гордость жертвы люди переживают тогда, например, когда вынуждены совершить выбор между положением жертвы и предательством. *Выбирая статус жертвы, человек может переживать чувство гордости и презирать тех, кто выбрал роль предателя.* Данное явление, как мы предполагаем, нередко имеет место в концентрационных лагерях.

Другая ситуация, в которой человек оказывается перед необходимостью выбора, — это та, когда Родина находится в бедственном положении и перед ним выбор: остаться в ней и стать жертвой, как и многие другие, или же уехать в другую страну, удобно устроиться и спокойно ждать лучших времен. Выбирая в пользу первого варианта, он в какой-то мере становится жертвой и переживает особую гордость.

Еще одну ситуацию мы бы хотели проиллюстрировать с помощью свежего примера из недавней истории Армении. В 1993 году министр обороны Вазген Саркисян, выступая по телевидению, заявил, что Армения и Арцах находятся в критической ситуации и ему нужны 500 добровольцев-смертников для спасения положения. За несколько дней отряд был создан и действительно играл заметную роль в победе против азербайджанских захватчиков. Многие из этих героев, жертв-добровольцев, пали на полях сражений. И они, и те из их боевых друзей, которые остались жить, гордились и продолжают гордиться своим выбором. Это тоже гордость жертвы, хотя она — чувство высочайшего уровня, возвышенное чувство. Такая гордость соединена с победой и патриотизмом и является качественно новым явление. В этом случае роль жертвы избрана добровольно и исходя из возвышенных мотивов.

Наиболее распространенным случаем гордости жертвы (или *гордой жертвы* — как типа личности) является следующий: люди, в течение всей своей жизни преодолевшие многие трудности, ощущают свое превосходство над теми, кто жил легкой и приятной жизнью. Наконец, мы выделяем еще одну, особую разновидность этого типа людей, называя ее *атрибутивной гордой жертвой*. Есть немало случаев,

когда люди прикидываются жертвами, одевают маску жертвы, поскольку исполнение подобной роли обещает им какую-то пользу.

В политике, в том числе международной, такая позиция действительно может приносить дивиденды. Это хорошо поняли в Азербайджане, деятели которой тщатся доказать, будто азербайджанцы в конце XX века пережили геноцид от рук армян. А в Интернете даже помещен сайт от имени покойного президента этой страны Гейдара Алиева, где в трагических тонах описывается, каким образом в конце XX века азербайджанский народ подвергся геноциду! Соперничество подвергшихся «геноциду» народов в разгаре. Такая ложь стала возможной только в условиях безразличия мирового сообщества в отношении подлинных жертв этноцида и прав их наследников.

Гордость агрессора Если есть гордость жертвы, то нет сомнения, что должна существовать гордость агрессора, причем гордых агрессоров, по-видимому, значительно больше, чем гордых жертв. И представители этих двух типов людей могут встречаться лицом к лицу. Агрессор, пользуясь своей властью и силой, пытается унизить жертву, но жертва гордо переносит эти удары и ведет себя достойно.

Есть существенное различие между гордостью этих двух групп людей. Каждый из них гордится разными своими качествами, достоинствами и достижениями: один — своей силой и превосходством в технике, другой — своей выносливостью и моральными качествами. Иначе говоря, предметы гордости у них разные, различны их ценности. Причем то, что является ценностью для агрессора, может вовсе не быть ценностью для гордой жертвы. Разные люди гордятся разными своими качествами и приобретенными ценностями. Есть ценности, которые человек наследует, но он может гордиться и такими ценностями.

Если конкретизировать обсуждение на предмете власти и соответствующего высокого статуса, то люди, как мы считаем, переживают бóльшую гордость за ту власть, которую они приобрели благодаря своим личным усилиям. Другие люди тоже таких личностей оценивают выше, чем тех, кто свои привилегии получили путем наследования. С этим связан «феномен Наполеона»: впечатляют его политические и полководческие успехи, а не высокие моральные качества, каковых у него, кстати, было немного.

В конце этого краткого обсуждения сформулируем еще одну проблему для размышления: случайно ли, что есть люди, которые ставят себя в опасные ситуации? Какие подсознательные силы толкают их на это? Почему есть личности и даже целые социальные и этнические группы, которые сознательно идут на верную смерть? Не для того ли, чтобы переживать гордость жертвы?

Примечания

[1] См. об этом: *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб.: Питер, 1997. — С. 374–383, 526; *Myers D. G.* Polarizing effects of social comparison. — "Journal of Experimental Social Psychology", 1978, 14, pp. 554–563.

[2] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 139–142.

[3] См. страницы 140–141 указанного выше сочинения Р. Бэрона и Д. Ричардсон, где описываются эксперименты, подтверждающие данный тезис. Но реальная повседневная жизнь

также дает нам в обилии примеры превентивной защитной агрессии. Отметим еще раз, что данный термин здесь применяется нами впервые.

[4] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 141.

[5] Краткий обзор этих исследований см. в книге: *Deaux K., Dane F. C. and L. S. Wrightsman.* Social Psychology in the 90s. Pacific Grove (Calif.): Brooks/Cole, 1993 (6th ed.), p. 263.

[6] *Dyck R. J. and Rule B. G.* Effects of retaliation on causal attributions concerning attack. "Journal of Personality and Social Psychology", 1978, 36, pp. 521–529.

[7] *Johnson T. E. and Rule B. G.* Mitigating circumstance information, censure, and aggression. "Journal of Personality and Social Psychology", 1986, 50, pp. 537–542.

[8] *Линдблад Я.* Человек — ты, я и первозданный. — М., 1991; *Мид М.* Культура и мир детства. — М., 1988; *Леви-Строс К.* Печальные тропики. — М., 1984 и др.

[9] *Meninnger K. A.* The Crime of Punishment. New York: Viking, 1968; *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 361.

[10] «Аргументы и факты», 1998, № 7.

[11] Основные проблемы новой науки — психологической танатологии — мы изложили в отдельной книге. См.: *Налчаджян А. А.* Загадка смерти. — СПб., 2004.

[12] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 363.

[13] См., например: *Григулевич И. Р.* Инквизиция. — М., 1985.

[14] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 361.

[15] *Косвен М. О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. — М.; Л., 1925.

[16] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 361; см. также: *Davie M. R.* The Evolution of War. A Study of Its Role in Early Societies. Port Washington, Kennikat Press, 1968 (1929), p. 274.

[17] *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. — М., 1966; *Климович Л. И.* Ислам. 2-е изд. — М., 1965; и др.

[18] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 361; *Davie M. R.* The Evolution of War. A Study of Its Role in Early Societies. Port Washington, Kennikat Press, 1968 (1929), p. 575; *Nansen F.* Eskimo Life. London, 1893, p. 163.

[19] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 211; *Patterson G. R., Littman R. A. and Bricker W.* Assertive behavior in children: A step toward a theory of aggression. Monographs of the Society for Research in Child Development. 1967, 32, № 5.

[20] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 211.

[21] *Seligman M. E. P.* Helplessness: On depression, development and death. San Francisco: Freeman, 1975.

[22] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 212.

[23] Краткий обзор этих исследований приведен, например, в книге: *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 108.

[24] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 108.

[25] *Olweus D.* Development of stable aggressive reaction patterns in males. In: R. Blanchard and C. Blanchard (Eds.), Advances in aggression research (Vol. 1, pp. 103–137). New York: Academic Press, 1984.

[26] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 109.

[27] Газета «Голос Армении», 3 августа 1996 года, № 84 (18001).

[28] См., например: *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998. — Гл. 5.

[29] *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 12 т. — М., 1984. Т. 4. — С. 311.

ГЛАВА 5

Власть, лидерство, агрессия

5.1. Власть, соперничество, агрессия

Соперничество — один из основных социальных процессов

Ранее уже отмечалось, что два основных социальных процесса, происходящих в группах и между группами, — это *соперничество* и *сотрудничество*. В каждый отрезок времени один из них преобладает над другим. Об этих процессах немало написано социологами и социальными психологами. Здесь мы вкратце представим некоторые результаты исследования в данной области, в первую очередь опираясь на труды *Мортона Дойча*, автора, многие годы посвятившего исследованию названных социальных процессов[1].

Основные идеи, которые были выдвинуты и проверены им эмпирическим путем, следующие: когда человек становится свидетелем деятельности соперничающей группы, у него усиливается латентная враждебность к другим и активизируется, как выражается *М. Дойч*, поведение «самопоиска». Это является результатом прежних неудач, которые его постигли в деле принятия групповых целей в ситуациях сотрудничества, но может быть также следствием прежнего опыта участия в жизни групп, в которых преобладало соперничество. Поэтому *М. Дойч* предположил, что стремление к соперничеству может быть также следствием неспособности учиться способам сотрудничества, а не только сверхсильного акцента на соперничество.

Если сотрудничество является важным элементом просоциального поведения, соперничество является таким же важным элементом асоциального поведения. Цели, за которые соперничают, носят более материальный характер и поэтому не могут служить усилению сплоченности групп. Никакое групповое усилие не может кристаллизоваться вокруг совокупности таких целей. Если вдобавок и средства, используемые для достижения таких целей, являются индивидуалистическими (то есть не ориентированы на группу), тогда с неизбежностью возникает соперничество. Оно усиливается, когда социальные мотивы участия в группе для различных ее членов различны. К такому же результату приводит негомогенность (неодинаковость, несхожество) действий, предназначенных для взаимного облегчения достижения целей. Негативно катектированные действия, то есть такие, к которым направлена отрицательная психическая энергия и отрицательные эмоции, вызывают негативные ответы и приводят к явному соперничеству ради ограниченного числа материальных целей. Члены такой группы значительно больше времени уделяют самим себе, чем другим, мало помогают друг другу и получают соответствующий ответ.

Ограничение возможностей других представляется соперничающей личности более важным, чем самоограничение. Когда другие, вместо того чтобы идти против таких людей, умеренно ограничивают себя, возникает умеренно враждебная ситуация.

Обструкционизм приводит к тому, что достижение даже рутинных целей для всех становится намного более трудным делом и возникают фрустрирующие ситуации.

Люди соперничают за высокий социальный статус, за власть и деньги, за женщин (а женщины — за мужчин) и ради некоторых других фундаментальных ценностей. Соперничество всегда потенциально содержит в себе враждебность к партнеру и возможность агрессии. Теперь рассмотрим, какие основные адаптивные стратегии используются людьми в ситуации соперничества.

Стратегия соперничества и агрессия

Предпосылки человеческого общества наука находит в общностях животных, живущих более или менее организованной общественной жизнью. И уже *Чарльз Дарвин* доказал, что происходит постоянная борьба и соперничество между видами и индивидами. В ходе эволюции соперничество, эгоистичность и агрессивность усиливаются, и это касается не только животных, но и человека. Борьба ведется за доминирование и лучшее приспособление (адаптацию) к среде. Какие стратегии при этом применяются? Главной стратегией, как мы считаем, является агрессивное поведение. В животном мире эта стратегия возникает для достижения двух основных целей:

а) для борьбы за обладание жизненными ресурсами, которые обычно недостаточно обильны и не достаются всем в необходимом количестве;

б) в борьбе за территорию. Эффективность этой стратегии зависит от ряда условий: от силы и ловкости противника, от того, стоит ли цель таких усилий, и от доступности других, неагрессивных способов адаптации.

В этой борьбе победу одерживает тот, кто наносит повреждение своим врагам, у кого более острые зубы и клыки. Как говорил еще английский философ *Томас Гоббс* (1588–1679), идет война всех против всех. *Ч. Дарвин*, как и до него *Н. Макиавелли*, считал человека изначально греховным и агрессивным.

Биолог *Дж. Мейнарт-Смит* считает, что двумя основными стабильными стратегиями, возникшими в ходе эволюции, являются *стратегия ястреба* и *стратегия голубя*. Встретившись с врагом, ястребы всегда останавливаются и включаются в борьбу, голуби же поворачивают голову и уходят прочь.

В тех средах, где больше голубей, ястребы чаще встречаются с голубями и побеждают: ястребиная стратегия оправдывает себя. Поскольку голуби уходят из таких сред, постепенно число ястребов увеличивается, а это приводит к увеличению вероятности встреч ястреба с другими ястребами. В такой ситуации ястребиная стратегия становится опасной и дорогостоящей: более выгодна голубиная стратегия. Поэтому теперь уже начинает увеличиваться количество голубей. Начиная с определенного момента наблюдается обратный процесс: более выгодной опять становится ястребиная стратегия, и так — циклически. *Дж. Мейнарт-Смит* отмечает, что в отдельности ни ястребиная, ни голубиная стратегия не являются эволюционно стабильными[2].

Агрессия, связанная с соперничеством, приводит к ослаблению сплоченности группы и даже к ее распаду. Это явление иногда называют феноменом «поляризации». При усилении соперничества вербальное общение ограничивается до крайних пределов. Преобладающими становятся отрицательные эмоции: взаимная неприязнь, ненависть и презрение. Фрустрации усиливаются и в результате того,

что группа, преследуя в основном материальные цели, теряет способность достижения социальных вознаграждений. Но если игнорируются групповые цели, становится трудным также достижение индивидуальных материальных целей. Изолированные в таких группах члены имеют только один выход — уход из группы.

Имея в виду эти отрицательные последствия, каждая группа или социальный класс ограничивают уровень допустимого соперничества, чтобы предотвратить данные отрицательные тенденции.

Еще одним недостатком агрессивной стратегии является то, что она требует очень много сил и напряжения, ослабляет даже победителя перед новыми противниками и оставляет много инвалидов — физических и психических калек.

Другие стратегии

Исследования показывают, что в ходе соперничества агрессия, уничтожение противника и причинение ему вреда (ран, повреждений) не является единственной стратегией. Мы уже привели точку зрения *Дж. Мейнарта-Смита* о том, что кроме ястребов появляются также голуби. Это касается не только и не столько животных, сколько людей, может быть, даже в значительно большей степени. В ходе соперничества и борьбы за существование люди могут избежать конфликтов с другими, используя различные способы: быстрое отступление и скрывание, уход в недоступные места, обман (сравните, животные, когда маскируются, прикидываются умершими; есть животные, которые оставляют части своего тела в пасти хищника и спасают остальную часть; некоторые ищут убежища и протекции у более сильных; чтобы отогнать нападающего, животные выпускают химические вещества с неприятным запахом и т. п.). Эти способы часто обеспечивают организмам более успешную адаптацию, чем борьба и агрессия.

Сходные способы в какой-то мере, но со спецификой, имеются и у людей, однако все еще недостаточно изучены. Знание названных способов и адаптивных стратегий создают необходимую основу для исследования механизмов приспособления на личностном и социально-психологическом уровнях.

Возникли также различные специфические комбинации описанных способов и стратегий. *Стратегия возмездия*: индивид ведет себя мирно с «голубями» и агрессивно — с «ястребами». Эта общая стратегия имеет свои варианты. *Стратегией пробного возмездия* называют следующее: индивид пытается использовать установку «ястреба», но, получив отпор, отказывается от нее. Компьютерная симуляция показала, что эти две комплексные стратегии эволюционно более устойчивы. Исходя из этого пытаются объяснить, каким образом в ходе эволюции у многих видов возникли комплексные ритуалы, включающие угрозы, обман и уход. Какая стратегия будет избрана для адаптации, зависит также от индивидуальной истории побед и поражений. Чем больше неудач постигло индивида в прошлых эпизодах борьбы, тем менее охотно он будет включаться в новую борьбу. Считается поэтому, что «порядок клевания» отражает эволюционно стабильные стратегии агрессии[3].

Защита территории и агрессивная стратегия

Как показали исследования *Р. Ардри*, *Дж. Эйбл-Эйбесфелда* и других биологов, агрессивное поведение животных связано главным образом с *территориальным инстинктом*, то есть с защитой занимаемого для проживания и размножения физического пространства.

Территория и плотность заселения во многом определяют агрессивное поведение животных. Однако уровень агрессивности является также функцией доступности ресурсов: на одной и той же территории и при одной и той же плотности заселения индивид может быть агрессивным или мирным в зависимости от доступности ресурсов[4].

5.2. Власть и агрессия

Как мы видели, соперничество всегда сочетается с агрессией. Поскольку в обществе идет постоянная борьба за власть, то нам в данном контексте наиболее интересно исследовать вопрос о взаимосвязи борьбы за власть и агрессии.

Власть — *это возможность и способность оказать влияние на чувства, взгляды и поведение людей и использовать их физические и психические силы для достижения своих целей.* Тот, кто обладает властью, осуществляет *контроль* над другими людьми, имеет возможность *поощрять* и *наказывать* их, заставляя работать в свою пользу.

Поскольку в обществе всегда меньше лидерских позиций, чем желающих занимать их, постольку и борьба за власть и должности неизбежна. Борьба за власть есть специальная разновидность соперничества между людьми за высокие ценности. В этой борьбе участвуют такие мощные мотивы социального поведения человека, как *мотив власти* и *мотив достижения.* Они почти всегда усиливают друг друга.

Борьба за власть становится особенно жестокой, когда социальная группа, которой хотят управлять, становится очень большой или когда уменьшается сфера развертывания человеческой, в том числе групповой, деятельности. В этих фрустрирующих условиях сдерживаемые до поры до времени злость и агрессивные импульсы могут прорываться и привести к кровопролитию.

Десмонд Моррис, автор нашумевшей и весьма удачной книги «Человеческий зоопарк», считает, что лидер может успешно управлять своей группой, если соблюдает следующие десять правил.

1. Лидер должен отчетливо выставлять на обозрение общества костюмы, позы и жесты власти. Его костюмы должны быть качественнее, чем у его подчиненных. Отдыхая, он может откидываться назад или сидеть, тогда как другие должны стоять, пока он не разрешит им сесть. Когда он агрессивен и занят самоутверждением, должен быть или выглядеть выше других ростом: физический вид и поза должны соответствовать его психологическому статусу. Если у лидера небольшой рост, он должен носить широкий костюм и высокую шляпу. Он должен стоять на троне, на платформе, на машине или быть верхом на коне. Подчиненные обычно стараются показаться ниже его ростом: для этого предназначены поклоны и реверансы, приседания, коленопреклонение, прострации и другие символические действия. У современного лидера-демократа все это делается не так открыто, но проявления признаков того, что он — обладатель власти, выражаются в оформлении кабинета и жилища; в привычках, которые у него вырабатываются во время путешествий, и т. п. Его позы,

Власть – это возможность и способность оказать влияние на чувства, взгляды и поведение людей и использовать их физические и психические силы для достижения своих целей. Тот, кто обладает властью, осуществляет контроль над другими людьми, имеет возможность поощрять и наказывать их, заставляя работать в свою пользу.

движения и жесты должны иметь тот смысл, что он здесь властелин, причем окружающие воспринимают эти символы подсознательно и непроизвольно отвечают жестами подчинения. Движения лидера спокойны и лишены напряжения, они продуманны и осмотрительны. Его взгляд тверд и заставляет подчиненных потупить свои взоры. Он не дергается, не царапает, не суетится, не колеблется. Все это — реакции, характерные для подчиненного человека. Если же лидер позволяет себе подобное поведение, значит, он плохо выполняет свою роль, и окружающие это сразу же замечают.

2. В период активного соперничества лидер должен агрессивно угрожать подчиненным. Нельзя сразу же броситься в бой: резкое движение головы и пронзительный взор иногда достаточны для утверждения своей власти. Гнев и громкая речь спонтанно используются сильным лидером как обычные средства утверждения своей власти. Нередко от него требуется издавать строгие приказы, распоряжения и законы, разгромить возможного противника путем организации проверок его дел, произносить страстные речи. Лидеру вредно и опасно долго молчать. Недостаточно обладать властью: надо показать, что действительно имеешь ее.
3. В моменты появления физической угрозы лидер или его представители должны уметь силой, с помощью насильственных действий, подчинить себе строптивых. Этому служат не физическая сила самого лидера, а специальные группы людей (армия, полиция, силы безопасности и т. п.) со своими орудиями труда.
4. Лидер должен умело использовать свой ум, интеллектуальные возможности: гибкость и живость ума, хитрость, способность быстро принимать решения. Несмотря на то что современные лидеры обычно содержат целый штат советников, собственный ум — важнее всего. Быстрое, но не совсем правильное решение нередко лучше медленного и более правильного.
5. Следует подавлять стычки и ссоры подчиненных. Поступая так, лидер лишний раз доказывает, что обладает подлинной и эффективной властью. На подобных примерах молодежь учится тому, что в обществе есть (и должен быть) сильный лидер.
6. Лидер должен дать возможность своим непосредственным подчиненным в качестве вознаграждения пользоваться благами своего высокого положения. Но чересчур много свободы давать тоже не рекомендуется. Поэтому подлинный лидер не знает настоящей дружбы: подобная дружба возможна только между людьми с одинаковыми социальными статусами.
7. Лидер должен защищать слабых членов группы (детей, женщин, больных и старых людей) от незаслуженных и несправедливых преследований.
8. Лидер должен принимать решения, касающиеся социальной активности своей группы. Группа должна все время чувствовать на своей спине «толчки» от лидера. Лидер не должен просто реагировать на внешние требования, иначе его признают слабым и бесцветным. Лидер, политическая платформа которого не отличается оригинальностью, не может быть успешным.
9. Лидер должен время от времени, используя различные дружеские жесты, успокаивать своих подчиненных высокого ранга, лично контактируя с ними. Улыбки, рукопожатия, даже ласка по отношению к детям подчиненных — хорошие средства установления дружеских отношений. Но как только лидер возвращается в свой беспокойный мир социального правления, его улыбка исчезает.
10. В деле отражения внешней опасности лидер должен проявлять инициативу и отвести угрозу от своей группы[5].

Указывая на все вышеперечисленные средства осуществления власти и лидерства, *В. Моррис* все время проводит сравнения и аналогии между лидерами людей и обезьян. Он приходит к выводу, что лидерство есть естественное и наследуемое явление и что оно присуще всем живым существам, особенно млекопитающим. Правда, как уже отмечалось, это не новый вывод: он уже доказан исследованиями этологов — специалистов, изучающих поведение животных в естественных условиях их обитания.

Власть является мощным орудием нападения и одновременно средством защиты от нападения противников. Человек зачастую стремится обладать властью, поскольку его терзают тревога, страх, ненависть, чувство собственной слабости и неполноценности. Эти «предательские» состояния скрываются за независимым внешним видом и поведением лидера, за его позой и театральностью. В то же время тот, кто искренне стремится к власти, имеет превосходящие среднего человека силы и пользуется властью с целью их реализации. Но осуществлять свои потенции человек может тогда, когда служит определенному делу, целям каких-то социальных групп — семьи, рода, политической партии, нации или государства, когда преследует научные или религиозные цели. И если мотивация его сильна, любое серьезное препятствие на его пути будет фрустрировать его, вызывая ряд защитных реакций, в том числе агрессию. Но о фрустрациях лидеров стоит говорить отдельно и подробно.

Итак, агрессия очень часто является средством в борьбе за власть и сохранение своего доминирующего положения.

5.3. Инструментальная агрессия в борьбе за власть

Инструментальная агрессия и власть

Борьба за власть, за ее приобретение и удержание порой принимает ожесточенный характер. Борющиеся стороны нередко прибегают к помощи агрессии, во многих случаях к инструментальной ее разновидности.

Власть — широкое, многообразное и многогранное явление. Во всех тех случаях, когда один человек стремится установить контроль над другими и заставляет их служить своим целям, мы стоим перед явлением борьбы за власть. И это явление можно наблюдать в семье, в группах сверстников, в организациях, общинах, армии, полиции, в государственных органах правления, а также во взаимоотношениях этносов и государств.

Например, как охарактеризовать поведение ребенка, который капризничает, отказываясь послушаться матери, пока она не купит для него требуемые сладости? Действия ребенка, конечно, имеют сложный состав, но в них порой доминирует агрессия. И эта агрессия не преследует цель причинить вред и боль своей матери, которую он любит (хотя бывают и иные случаи), а главным образом — заставить ее подчиниться своей воле и исполнить свои желания. Это попытка с помощью агрессивного поведения установить власть над родителем, следовательно, его поведение включает в качестве ведущего элемента инструментальную агрессию.

Данная разновидность агрессии является инструментом при совершении многих преступлений. Так, если цель группы преступников — воровство, но они встречают сопротивление, они могут применить физическое насилие и изолировать

свидетелей. В подобных случаях преступники нередко признаются, что не хотели убивать человека, и в такой мотивировке есть доля истины. Но сложность ситуации состоит в том, что в самом ходе осуществления основного деяния может возникнуть желание причинить вред жертвам, даже отрицательные чувства к ним, вследствие чего к инструментальной агрессии прибавляется враждебная, вредоносная агрессия. При таком сочетании агрессивные действия становятся еще более разрушительными.

Опасность периодического применения инструментальной агрессии в борьбе за власть заключается в следующем: агрессия может стать ведущей адаптивной стратегией как индивида, так и группы; в результате деятельность человека и социальных групп становится ригидной и опасной для общества; агрессия, если она применяется часто и приносит успех, может стать самостоятельным источником наслаждения для агрессора, приобретая тем самым способность к самоподкреплению.

Например, политик вследствие подобного развития его личности может приобрести садистические черты. Первоначально преимущественно инструментальная агрессия может связаться с более сложной мотивацией и стать чрезмерной. Человек в таких случаях совершает больше агрессивных действий и более жестоких, чем необходимо для достижения своих неагрессивных целей. Такая трансформация агрессии явно имела место у руководителей русской революции — Ленина, Троцкого, Сталина, а также у главарей немецких фашистов. Данное явление наблюдается как закономерность у политических преступников вообще.

Более того, у подобных лиц, да и у многих других, также в различных социальных группах сложная инструментально-враждебная агрессия может принимать упреждающий характер. Предполагая, что индивид Б имеет враждебные намерения по отношению к себе, индивид А предпринимает по отношению к нему предварительные, упреждающие агрессивные действия, стремясь сделать Б недееспособным. В таких случаях, чтобы убеждать себя в том, что Б является источником опасности, А начинает приписывать ему агрессивные намерения. Следовательно, упреждающая агрессия требует предварительной психологической подготовки, в ходе которой используются механизмы проективной и каузальной атрибуции.

Является ли авторитарная агрессия инструментальной?

Как и всякий другой человек, авторитарная личность также в различных ситуациях проявляет все разновидности агрессии. Поэтому проблему нашу мы сформулируем следующим образом: *какая разновидность агрессии преобладает в поведении авторитарной личности — враждебная (эмоциональная) или же инструментальная?*

Лидер группы или организации может быть чрезмерно строгим и агрессивным со своими подчиненными, но не потому, что презирает или ненавидит их, а потому, что такая агрессия способствует достижению тех целей, которые он ставил перед собой в качестве главы данной организации, группы или даже государства. Это инструментальная агрессия. Но не исключается и противоположный случай — преобладание враждебной агрессии.

В теории лидерства данный вопрос требует дальнейшего исследования. Чтобы начать это дело, ниже мы предлагаем следующие **гипотезы**:

1) у лидеров демократического типа преобладает инструментальная агрессия, а у авторитарных, по-видимому, враждебная. Решение данного вопроса позволит несколько углубить психологическую теорию лидерства;
2) авторитарная агрессия подчиненного по отношению к вышестоящему является враждебной, а по отношению к своим подчиненным — преимущественно инструментальной.

Но если такой человек сильно фрустрирован вышестоящим или своим подчиненным, находится в состоянии стресса, то компонент враждебной агрессии в его поведении может преобладать.

Возможность создания новой типологии агрессии

Установление описанной выше закономерности позволяет нам предложить идею о возможности классификации видов агрессии не только по критерию главного мотива, но также исходя из тех механизмов, которые обеспечивают переход к агрессивным действиям. Так, можно говорить о *проективной агрессии*, а более широко — об агрессии *атрибутивной*; есть основание для выделения *регрессивной агрессии* в качестве отдельной разновидности и т. п. Наша идея состоит также в том, что ***сочетание агрессии с каждым из защитно-адаптивных механизмов или с их комплексами придает ей специфичность***, учет которой необходим для понимания сущности агрессивных действий, их психологических основ, возможных последствий и их динамических характеристик.

5.4. Фрустрация лидерских мотивов

Поскольку значительная часть потенциальных или актуальных лидеров, имея сильное стремление к власти и контроля над людьми, лишена возможности реализовывать эти свои цели и стремления, то такие люди неизбежно и устойчиво переживают чувство депривации, что является признаком фрустрированности.

Борьба за лидерство ведется на всех уровнях социальной иерархии, начиная с семьи и других малых групп до уровня всей страны, всего государства. Даже на низких уровнях этой иерархии, где существует великое множество микрогрупп, многие терпят поражение и остаются без заметного статуса и власти, к которым так страстно стремились.

Своеобразной защитной компенсацией этих лишений следует считать повсеместное создание все новых групп и организаций различного характера и уровней. Эти группы также, естественно, должны иметь лидеров, в них лидерские позиции предусматриваются с самого начала.

Поэтому можно предположить, что демократическое общество отличается от авторитарного тем, что предоставляет возможность людям создавать все новые группы и организации для защиты своих интересов. Эту особенность, например американской демократии, в XIX веке отметил «летописец американской демократии» *Алексис Токвиль*[6].

Однако ни он, ни современные теоретики демократической идеологии, по-видимому, в своем анализе не дошли до психологических корней и не поняли, что люди, создавая новые общественные организации и другие неправительственные

группы, дают выход одному из своих неудовлетворенных побуждений — мотиву власти. Конечно, создание новых социальных групп и их управление — деятельность сложная и многообразно мотивированная. Но ведущий мотив в ней — стремление к власти. Далее идут мотивы достижения (успехов) и безопасности, мотив самостоятельности и другие[7].

Итак, демократическое общество предоставляет возможность людям в определенной мере удовлетворить свои лидерские мотивы даже тогда, когда они действуют вне государственных структур.

Но процесс создания новых групп идет не только на общественном уровне, в виде неправительственных организаций. Этот процесс идет и в структурах власти, где создаются все новые группы управленцев, при пристальном и беспристрастном рассмотрении порою никому не нужные, кроме их членов. Создание таких групп и расширение управленческого аппарата обосновываются высокими социальными мотивами, но это уже *защитная мотивировка* таких действий, которые имеют индивидуалистическую и эгоистическую мотивацию. Приводятся аргументы об интересах государства, об экономической целесообразности, об установлении порядка и законности и т. п. Но все это — *один из путей бюрократизации общества и оправдания этого процесса*.

О существовании такого нездорового социального процесса в США пишут социологи и психологи этой страны. Например, уже знакомый нам *Десмонд Моррис* писал, что в США все время возникают новые группировки, секты, партии, шайки, учреждения и другие группы. Создателями этих групп в большинстве случаев являются люди, по разным политическим или моральным причинам не достигшие высокого статуса законными путями. Свою жажду власти они утоляют, создавая свои собственные группировки, в которых являются лидерами. Возникают различного рода клубы, в том числе спортивные. Есть основание сказать, что во всех этих случаях явная активность лишь выражает более глубокие желания, влечения и стремления, а она сама имеет относительно второстепенное значение. Эти внешние реакции следует интерпретировать, если мы хотим понять внутренние психические состояния личности, которые зачастую могут быть состояниями фрустрации. Методами интерпретации могут быть создание свободных ассоциаций, интервью, толкование сновидений и другие. Интересно изучение сновидений до и после появления фрустраторов.

Любая новая социальная группа, возникнув, приобретает свою структуру, правила внутреннего взаимодействия, нормы поведения и разные руководящие органы. Группа выдвигает своих лидеров, выделяет лидерские роли.

Тенденцию к созданию новых групп, статусов, новых культов и занятий нельзя осуждать безусловно. Такая созидательная работа необходима, поскольку в противном случае накопленная в сильных личностях с низкими статусами энергия, подвергаясь фрустрации, может привести к разрушительным последствиям. Это легко видеть в обществах, где люди пользуются относительно широкими индивидуальными свободами. Чем шире выбор занятий для разрядки фрустрированной, заблокированной энергии, тем безопаснее могут себя чувствовать лидеры общества. Общество не может жить здоровой жизнью, быть динамичным и созидательным без необходимого разнообразия. Если чрезмерная вертикальная мобильность (особенно если она плохо организована, то есть не имеет четких правил) опасна для стабильности общества и для безопасности ее первых лидеров, то должна быть

обеспечена горизонтальная мобильность. Таким образом появляется много лидеров с примерно равными статусами и уровнем власти.

Другими способами разрядки агрессии и психической напряженности, как мы уже знаем, являются различные хобби и развлечения, особенно спортивные.

5.5. Справедливость, легитимность и агрессия

Ранее мы уже говорили о том, что почти во всем мире в той или иной мере, сознательно или не совсем осознанно, придерживаются *принципа справедливости*. Например, когда человек не вознаграждается по труду, когда его эксплуатируют, то у него, да и у многих других людей, кто об этом осведомлен, возникает чувство возмущения из-за такой несправедливости. Если человек придерживается принципа справедливости, то для него нарушение этого принципа является фрустратором. Такая фрустрация вызывает в нем враждебность к тем, кто нарушает принцип справедливости, и готовность действовать агрессивно по отношению к ним[8].

Человек ведет себя агрессивно и в том случае, когда нарушается *принцип равенства*, если, конечно, он придерживается этого принципа[9]. Принцип равенства, естественно, не совпадает с принципом справедливости. Например, равное распределение благ между плодотворно работающим человеком и бездельником — несправедливость.

Это значит, что одним из направлений развития социальной психологии агрессии должно стать использование результатов исследования названных двух принципов. Известно, что в социальной психологии они даже исследуются экспериментально[10].

Для развития социальной психологии человеческой агрессивности большими возможностями обладает и *теория социального сравнения Л. Фестингера*[11], поскольку фрустрация и агрессия часто возникают вследствие сравнения собственных достижений и приобретений с достижениями других и обнаружения *относительной депривации*, то есть лишенности каких-то благ не в абсолютном смысле, а по сравнению с другими людьми.

Она, по-видимому, является более сильным фрустратором, чем *абсолютная депривация*. Но не абсолютная бедность всех является истоком социальных потрясений и революций, а сравнительная, относительная бедность, которая является обычной при социальном и экономическом неравенстве людей.

Эти идеи можно конкретизировать на примере *легитимности* (законности) власти. Подлинной, то есть не только юридической, но и психологической легитимностью власть какого-либо лидера или руководителя обладает только тогда, когда она легитимна не только формально. Подчиненные должны считать, что данный человек имеет право управлять ими, что он достоин этого.

Наша идея состоит в том, что убежденность в нелегитимности власти лидера вызывает фрустрацию и агрессивность подчиненных. Это означает, что *различные формы нелегитимности можно считать различными же типами фрустраторов для подчиненных*. Но возмущение и бунт подчиненных, в свою очередь, являются фрустраторами для лидера, поэтому в конечном счете он сам страдает из-за незаконности своей власти. Для дальнейшего развития этой концепции следует описать различные формы нелегитимности власти и показать, каким образом они фрустрируют как лидеров, так и подчиненных.

5.6. Лидерство, фрустрация и мимикрия власти

Мотивы деления общества на классы

Одним из решений вопроса «культурной канализации» лидерских и агрессивных импульсов служит деление большого общества (страны) на районы, округа, города, села и другие населенные территории, в каждой из которых образуется своя социально-психологическая структура лидерства-подчинения. Не только создание различных групп специального назначения служит этой цели. Естественное развитие общества шло в направлении структуризации по трем главным причинам:

а) по экономическим причинам;
б) вследствие географических особенностей территории проживания;
в) по психологическим причинам, а именно для создания более широких возможностей мирной реализации агрессивных и лидерских стремлений.

Это происходит потому, что способные к лидерству люди не уживаются, им становится «тесно» в рамках одной группы и каждый из них стремится создать свою собственную. Фрустрированная лидерская мотивация в определенной степени выражается и получает разрядку в неофициальных группах, в которых у личности нет формальных обязательств. Исследование поведения человека в своих неофициальных группах позволяет раскрыть меру его агрессивности, характер его фрустраций и тех механизмов, с помощью которых он обычно реагирует на воздействие фрустраторов.

Классовое деление общества имеет не только экономическую, но и социально-психологическую основу. До недавнего времени в марксистской общественной науке основное внимание было направлено на совокупность объективных причин и почти полностью игнорировались психологические причины образования классов, психологические механизмы классовой дифференциации общества; не учитывалась проблема выбора личностью того или иного социального класса в качестве своей референтной группы. Никто не исследовал вопрос о том, какие индивидуально-психологические особенности личности предполагают и предопределяют выбор той или иной идеологии в качестве модели жизнедеятельности, как образуются социальные установки людей, как они связаны с длительными фрустрациями и т. п. — почти весь комплекс психологических проблем личности, прямо или косвенно имеющий отношение к казалось бы чисто социологической проблеме классового расслоения общества.

Некоторые исследователи считают, что психологические причины образования классов всегда и везде одинаковы, доказывая это тем, что в любом обществе формируются три иерархические ступени в классовой структуре:

а) высший, или управляющий, класс;
б) средний класс, обычно состоящий из специалистов, торговцев и т. п.;
в) низший класс: крестьяне, рабочие и прочие работники.

Это, конечно, лишь общая схема, в которой имеются более мелкие расслоения, порой незаметные и указывающие на то, что особенно в обществах с демократическими принципами управления классы взаимодействуют и в них существуют обе формы мобильности — как вертикальная, так и горизонтальная.

Осознание существования различных классов сделало возможным для членов низших классов и страт искать реалистический и доступный доминантный статус в своей собственной социальной группе (классе). Принадлежность к классу не сводится лишь к уровню дохода. Чтобы убедиться в этом, достаточно учесть хотя бы следующий факт: человек, занимающий высокое положение в своем низшем классе, часто имеет больший доход, чем индивид, занимающий низкое положение в господствующем классе. Поэтому, например, многие квалифицированные рабочие в современных индустриальных обществах не желают переходить в класс капиталистов (менеджеров) или в средний класс.

Как тут не вспомнить знаменитые слова Юлия Цезаря. Но лучше предоставить слово самому Плутарху. Цезарь отправляется из Рима в провинцию Испании в качестве ее правителя. «Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: “Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?”. “Что касается меня, — ответил им Цезарь с полной серьезностью, — то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме”»[12].

Классовая структура общества во многом имеет социально-психологический характер и именно социально-психологические факторы чаще всего определяют решение индивида стать членом данного класса. Но, как верно заметили современные исследователи, например *Д. Моррис*, в обществах нашего времени, в результате массового обучения людей и развития техники, классовые различия все больше стираются и каждый индивид стремится изменить свой статус в лучшую сторону. Люди все чаще отказываются от лозунга, гласящего: «Каждый должен знать свое место».

Мимикрия власти Почему потерпели крах общества с неподвижными границами социальных групп, и почему живет и повсеместно побеждает динамическое общество, где реализуется *принцип меритократии*? Задавая себе данный вопрос, *В. Моррис* отмечает, что именно динамическое меритократическое общество порождает возбуждение и напряжение, поскольку даже в таких обществах есть много неудачников. Дело в том, что, потерпев поражение в таком обществе, индивид не может жаловаться на внешние неблагоприятные условия. Свои неудачи он приписывает большей частью собственным личным недостаткам, то есть осуществляет внутреннюю каузальную атрибуцию. Поэтому в каждом бурно развивающемся демократическом обществе есть много, целая армия, фрустрированных неудачников — искателей лидерских ролей, успехов и славы. Эти личности должны утешить себя тем, что на пути к высокому статусу они занимают не очень низкие статусы.

Сравнивая таких личностей с осами, имеющими мимикрию своих ядовитых сородичей, но не обладающих ядом (что все же позволяет им спасаться от хищников), *Д. Моррис* утверждает, что эти неудачники, сохраняя внешние знаки власти (одежду, жилище, жесты, стиль разговора и т. п.), могут оставлять впечатление людей, обладающих реальной властью. Вся эта показуха представляет собой различные вариации реакций на фрустрацию, неудач на пути, ведущей к высшей власти. *Д. Моррис* называет совокупность всего этого *мимикрией доминирования*[13].

Различают *символы статуса* и *мимикрию доминантности*. Первые представляют собой внешние признаки действительно достигнутого социального статуса. Они

не связаны или только слабо связаны с фрустрацией, поскольку успех не исключает депривацию полностью. Успешный лидер несчастлив именно вследствие постоянных и следующих друг за другом фрустраций.

Мимикрия доминирования есть внешний символ того уровня статуса, которого вы хотели бы достигнуть, но еще не достигли. Чтобы иметь такую мимикрию, нужно приносить дополнительные жертвы. Но такое поведение способно усугубить состояние фрустрированности человека. Подобная мимикрия распространяется также на членов семьи данной личности.

Во всех странах и во все времена устанавливались обычаи и даже законы, определяющие форму, качество и правило ношения одежды, драгоценностей и других украшений для представителей различных сословий и социальных статусов. Теперь в большинстве стран этих ограничений нет (кроме медалей, погонов, титулов, званий и т. п.), поэтому мимикрия доминирования распространена достаточно широко. Мода, появившись на верхушке социальной иерархии, быстро распространяется вниз. Люди с высоким статусом прибегают к новой моде для сохранения внешних различий в статусах, поэтому в настоящее время моды быстро сменяют друг друга. Коммерческая сторона дела также имеет значение, но она — аспект внешний и не самый главный.

Однако подобная мимикрия не может приносить подлинного удовлетворения и чревата неприятными психологическими последствиями, о которых *Д. Моррис* и другие авторы нам ничего не говорят. Мы предполагаем, что существует явление *самоусиления фрустрации*, которая имеет место, например, тогда, когда подражание внешним признакам еще не достигнутого статуса не приносит личности истинного удовлетворения и порождает в ней разочарование. Для этого надо иметь, конечно, ряд личностных черт, в первую очередь морального характера. Самоусиление фрустрации имеет место и тогда, когда нет возможностей для свободного выражения защитных и компенсаторных реакций и приходится довольствоваться образами воображения. Это может привести к распаду личности. В высказанных только что соображениях мы видим контур новой концепции, которую желательно разработать отдельно и подробно.

Весьма любопытным методом изучения групп фрустрированных властолюбцев может служить анализ того факта, что множество людей быстро покупает такую одежду, которую носят члены желательных для себя, то есть эталонных социальных групп. Так, подражают артистам, миллионерам, политикам, ученым и другим видным людям. Особенно жены мужей с низким социальным статусом интенсивно подражают во всем женам мужчин с высокими статусами. Поведение же ориентированного на власть мужчины несколько иное. Он удовлетворяется лишь реальными достижениями и подлинными атрибутами власти, причем эти последние всегда соответствуют статусу на ступень выше, чем свой собственный уже достигнутый статус. Во всем, даже в мелочах материальной жизни, он хочет быть впереди других. Человек, фанатично стремящийся к высоким статусам, не признает фальшивых вещей в своем мире. *Д. Моррис* иллюстрирует это явление на примере покупки автомобиля.

Однако мимикрия доминантности не создает реальной власти и человек, который много этим занимается, может потерять возможность достижения реальной власти. Такие люди создают для себя *иллюзию величия*. Им не гарантировано реальное восхож-

дение по ступеням власти. Понимание этого приводит к крушению иллюзий властолюбца, то есть к новой фрустрации. Страдают и подчиненные такого человека.

Чрезмерное стремление к власти и занятость вне семьи приводит к разрыву внутрисемейных связей, потере реальной власти в семье. Отсутствие влияния отца на детей может оказать серьезное отрицательное влияние на их психику. Оно, во всяком случае, не способствует их социально-психологическому созреванию. Когда неудача вне семьи сочетается с потерей влияния в семье, у человека появляются новые формы реакций на те фрустраторы, которые появляются на его пути в процессе борьбы за власть. Одна из главных подобных реакций — агрессия, направленная не против внешних фрустраторов, которых он боится, но против слабых и беззащитных существ. Такой неудачник переносит свою агрессию на подчиненных, ища среди них козлов отпущения. То же самое может иметь место в семье. Но если и эти пути разрядки агрессивности закрыты, тогда человек направляет агрессивные действия на самого себя, иногда даже размышляя о целесообразности самоубийства.

5.7. Авторитарная агрессия

Общая характеристика авторитарной личности

В авторитарном характере, как показали *Э. Фромм*[14], группа исследователей под формальным руководством *Т. Адорно*[15], *Курт Левин*[16] с сотрудниками и другие психологи, явно выступают некоторые черты или, как нередко говорят психологи, «измерения». Этот и противоположный — демократический — тип личности интенсивно исследуются начиная с 1930-х годов, и работа в этой области продолжается. Весьма плодотворно над проблемой авторитаризма в последние десятилетия работает *Боб Альтмейер*[17].

Приведем краткое описание основных черт характера авторитарной личности[18].

1. *Амбивалентная установка по отношению к власти.* Для типичной авторитарной личности в мире есть только властители и подчиненные, то есть лишенные власти люди. Все взаимоотношения людей измеряются ими силой или слабостью; есть только вожди или последователи, все остальные отношения второстепенны. Когда авторитарных людей спрашивают, кто из великих людей им больше нравится, они называют властелинов и завоевателей, перед которыми благоговеют. Один из талантливых исследователей калифорнийской группы *Эльза Френкель-Брунсвик* говорила о подобных людях, что у них есть «комплекс власти». Власть над другими людьми приносит авторитарным личностям большое удовольствие. Когда таких людей спрашивают о том, какие возможности, по их мнению, откроют перед ними большие деньги, если бы они у них имелись, они отвечают: жить в лучшей части города, познакомиться с высокопоставленными людьми, подниматься на более высокую ступень социальной лестницы. Когда спрашивают о самом большом переживании в жизни, такие люди отвечают: когда пожали руку президента или вождя. Идентификация с лидерами более высокого ранга — одна из характерных черт авторитарной личности. Еще *Зигмунд Фрейд* указал на то, что жалкий и измученный от долгов римский плебей вместе с этим считал

себя римлянином, играя свою роль в завоевании других стран, порабощении народов и выполняя предписания законов своей страны. Эксплуатируемые, несмотря на свою враждебность к господствующим группам, интроецируют их идеалы и помогают осуществлять их. Власть вызывает их восхищение и покорность просто потому, что это власть.

2. *Конвенциональность*. Авторитарная личность ориентируется на конвенциональные (условные, согласованные) ценности и автоматически приспосабливается к ним, тем самым ограничивая спонтанность своей жизнедеятельности. Настоящие ценности отодвигаются на второй план. В поведении таких людей значительное место занимают стереотипы. Когда авторитарного индивида спрашивают о том, какими людьми являются его отец и мать, он дает конвенциональные и хвалебные описания, в основном поверхностные: он (отец) чудесный человек, ему столько-то лет, у него внешность такая-то и т. п.

   Склонная к конвенциональности личность фактически отказывается быть самой собой и принимает тот тип личности, который ему навязывается своей социальной средой. Как показал *Эрих Фромм* в книге «Бегство от свободы», у таких людей разлад между «Я» и внешним миром исчезает, благодаря чему они освобождаются от осознаваемого страха перед одиночеством и чувства бессилия перед миром.

3. Авторитарный человек стремится *манипулировать людьми* так, как будто они — неодушевленные предметы. Он не знает подлинных человеческих отношений. Это манипуляторные типы личностей. Нет у такого человека настоящих партнерских отношений с людьми. В его уме все люди расположены по признаку обладания властью или лишенности этой высочайшей ценности. Под влиянием такого подхода все его межличностные отношения деформируются. Люди представляются вещами, которыми также можно манипулировать. Индивиды данного типа не знают, что такое настоящая дружба, не говоря уже о любви.

   Эти качества основываются на более глубинном дефективном свойстве личности: у авторитарных людей способность к сопереживанию (эмпатия) остается на очень низком, почти зачаточном уровне развития. Но ведь эмпатия есть способность эмоционально сопереживать с другим человеком, чувствовать его счастье или страдания, суметь встать на его точку зрения, принимать и понимать его роль в данной ситуации, смотреть на вещи и социальные отношения «его глазами». Эмпатия — психологическая основа нравственности, и если она у человека слабо развита, он не может быть подлинно нравственным человеком. Он будет бесчувственным и жестоким, как мы это видим у авторитарных индивидов. Они оценивают людей по их полезности для себя, эффективности в работе. У авторитарных людей, особенно когда они являются руководителями организаций, развивается острый взгляд, «нюх», интуиция на функциональную ценность индивидов и групп, но при этом игнорируются подлинно человеческие качества. Происходит так называемая *скотомизация* (от греч. *skótos* — темнота) человеческого и личностного.

4. Авторитарные личности отличаются ясно выраженной верой в судьбу. Они *фаталисты*. Они верят, что в жизни людей, сообществ и государств решающую роль играет Провидение. Типичным в этом отношении было мышление и мировосприятие Адольфа Гитлера, верившего в безграничную власть судьбы, которая, как ему казалось, стремится к своим целям с помощью таких, призванных властвовать, людей, каким был он сам. Весь мир, люди и вещи, представлялись этому человеку механизмами, включенными в предопределенное течение исторического процесса.
5. *Этноцентризм* — следующая характерная черта авторитарных людей. Они некритически идентифицируют себя с собственной группой, перенимают и защищают ее ценности и чувства. Критика группы, в частности — своего этноса, запрещена, и вся агрессивность, вызываемая множеством фрустраций, переносится на чужие группы. С помощью механизма идентификации с группой агрессивность подгрупп интеллектуалов, артистов, пролетариев, безработных и различных девиантных групп направляется против инакомыслящих.

   Этноцентризм личности в первую очередь проявляется в словах, употребляемых при обсуждении межличностных, межэтнических и международных отношений. «Мы — лучший народ в мире» — вот обобщенное выражение этноцентризма в словах. Люди, которые всячески обостряют отношения между арийцами и неарийцами, христианами и евреями или мусульманами, протестантами и католиками, белыми и чернокожими, безусловно, являются этноцентричными людьми. В результате деятельности таких людей целые социальные и этнические группы, даже государства, оказываются в изоляции или враждебных отношениях с соседями.
6. *Авторитарные люди обычно лишены творческих способностей*: все творческое лежит вне границ способности и переживаний авторитарной личности. Жизнь авторитарных людей в наибольшей степени приближается к бихевиористской схеме «стимул — реакция». Они редко откладывают свои реактивные действия, чтобы размышлять: у них почти нет периода латентного созревания решений, мыслей и действий. Для более тщательного восприятия и осмысления событий и людей у авторитарного человека нет ни времени, ни желания. Но там, где нет восприятия и синтеза с прошлым опытом, нет места и для творчества.

Что же касается одной из основных черт авторитарной личности — ее *авторитарной агрессивности*, то в контексте данной книги о ней следует говорить более подробно.

Авторитарная агрессия

Чем отличается авторитарная агрессия от других, уже известных нам, разновидностей агрессии? Данный вопрос в настоящей книге мы уже затронули, но здесь целесообразно, ценой некоторого повторения, еще раз отметить основные особенности этой разновидности агрессии. Если обобщить результаты исследований, станет возможным указать на следующие две основные специфические особенности этой разновидности агрессивности и агрессии.

1. Это агрессия личности с авторитарным характером, то есть эта черта входит в комплекс авторитарного характера (типа личности). Подобная агрессия

применяется к подчиненным и вообще к людям с более низким социальным статусом, чем тот статус, который есть у самого агрессора. Например, агрессия представителя доминирующего этноса по отношению к представителям этнических меньшинств, когда его агрессия обусловлена именно этническими чертами и расовыми различиями — это типично авторитарная агрессия.

2. Это агрессия человека, который действует так по требованию авторитетных для него индивидов или групп, например представителей официальной власти. Причем сам этот человек может иметь авторитарный характер, а может и не иметь. Правда, данную форму агрессии с готовностью применяют именно люди с авторитарным характером, независимо от высоты занимаемого ими в группе или организации статуса.

Если руководители требуют, то таким людям другого обоснования необходимости агрессивных действий уже не нужно: они могут превратить в жертву своих агрессивных действий даже самого невинного человека. «Так положено», «Начальство требует», «Товарищ Берия приказал» и т. п. — вот их типичная психо-логика. Это характерные изречения, с помощью которых люди регулируют свое авторитарное подчинение и объясняют его. Подобное подчинение — признак психологической готовности к новой авторитарной агрессии.

Примеров авторитарной агрессии в истории человечества, да и в наши дни — великое множество. Пилат и Христос, развязка их кратковременных отношений — типичный пример авторитарной агрессии правителя. Пилат убедился, что Иисус ни в чем не виновен. Он хотел отпустить его на свободу, а это значит, что у него не было враждебности, тем более — ненависти к странному на его взгляд проповеднику. И все же он решил принести его в жертву. Почему? Перед нами убедительный случай авторитарной агрессии, поскольку он хотел этим действием угодить цезарю. Он предвосхитил в своем воображении отрицательную реакцию правителя в том случае, если Христос останется жить и проповедовать свое учение, да еще провозглашая себя царем Иудеи! И толпа тоже проявила жестокость: она освободила настоящего преступника Барабу и осудила на смерть, по существу, невинного человека. Это уже групповая авторитарная агрессия, которая, по всей вероятности, основывается на положительной идентификации с преступником и отрицательном отношении к честному человеку, проповедующему чуждые и высокие моральные принципы и образ жизни.

Авторитарные личности, как показали *Л. Берковиц* и *Д. Холмс*, несколько более агрессивны, чем неавторитарные[19]. Одной из причин этого различия, такой повышенной агрессивности, является склонность людей приписать другим отрицательные качества, «негативные стимульные качества», как говорят бихевиористы, и реагировать на результаты собственной атрибуции качеств, вместо того чтобы реально общаться и получить достоверное представление о партнере. Это противоречит точке зрения, согласно которой в составе группы, под воздействием механизма социального контроля, агрессивные импульсы человека смягчаются. Стереотипные представления о других возникают в результате той враждебности, которая возникает по отношению к вызвавшему страх объекту.

Карл Макал, оспаривая эту точку зрения, писал: «Я сомневаюсь, чтобы авторитарные люди были более агрессивными, чем неавторитарные, но я полагаю, что лидер может быть более агрессивным, чем менее доминантный член социальной

группы. И его, может быть, выбрали именно для этой цели»[20]. Здесь Макал почти предвидел некоторые результаты будущих исследований *Б. Альтмейера*, который с помощью эмпирических исследований показал, что неавторитарные люди также агрессивны, но по-другому, по иным причинам и в других условиях[21].

Об истоках авторитарной агрессии

Пытаясь выяснить истоки авторитарной агрессии, исследователи калифорнийской группы обратились к психоанализу, к теории личности *З. Фрейда*. Поэтому истоки черт характера авторитарной личности они начали искать в ее детстве. Оказалось, что авторитарная личность во взрослом состоянии обожает, обоготворяет своего отца, тогда как в детстве отец вызывал в ней больше страха, чем любви. Родитель прибегал к физическим наказаниям и тем самим сильно фрустрировал мальчика.

Взрослая авторитарная личность всем своим поведением и образом мыслей отрицает то, что думала, чувствовала и делала в детские годы в отношениях с отцом. Предполагается, что ненависть к отцу подсознательно продолжает свою активную работу, но ее вторжение в сферу сознания и поведения сдерживают такие защитные механизмы, как отрицание реальности и образование противоположной установки (механизм «образования реакции»).

Факты сохранения подсознательной враждебности к отцу доказываются тем, что такая агрессивность легко находит себе жертв, козлов отпущения, в лице представителей национальных меньшинств и других «нежелательных элементов».

Можно сказать, что у авторитарных людей имеется большой заряд свободно плавающего гнева, а не только «связанной» враждебности, направленной на отца. Этот свободный гнев все время как бы находится в поисках жертв, он ищет объектов для своего применения. Было бы ошибочно думать, будто агрессивность, как реакция на фрустратора-отца и на другие авторитеты, в течение всей жизни остается связанной с конкретными лицами. Даже простые эмпирические наблюдения показывают наличие у таких людей не только связанной, но и диффузной, свободной и поэтому более опасной агрессивности.

У авторитарной личности отношение к отцу и авторитетным лицам вообще *амбивалентно*: ненависть плюс любовь, страх плюс обожание. Только с учетом этой внутренней противоречивости можно правильно понять поведение и жизненные устремления такого человека.

Авторитарное подчинение и агрессия

Мы только что употребили выражение «авторитарное подчинение». Что это такое? Существует авторитарное правление, авторитарное лидерство, которое в целом понятно: оно есть применение к подчиненным авторитарного стиля правления.

Но, как оказывается, в роли подчиненного, как и в роли лидера, люди ведут себя неодинаково. В частности, человек с демократическим характером подчиняется вышестоящему или вообще авторитетному для себя человеку не так, как индивид с авторитарным характером. Есть, следовательно, ***демократический стиль подчинения***, есть также противоположный — ***авторитарный стиль подчинения***, или, покороче, ***авторитарное подчинение***.

Авторитарное подчинение — это подчинение беспрекословное, конформистское. Авторитарный подчиненный полагает, что приказ или указание начальства —

закон для подчиненных. Приказ начальника не обсуждается, он может только выполняться. Если есть приказ, авторитарный подчиненный уже чувствует себя *свободным от ответственности* за свои действия и их последствия. Такой человек может быть агрессивен, даже готов совершить преступление, ссылаясь на то, что он — подчиненный, «маленький человек», солдат партии или армии, «винтик», лишенный права на самостоятельность. Все мы помним историю фашизма и сталинизма, те чудовищные преступления, которые были совершены многочисленными анонимными или известными палачами и «стукачами» по приказу вышестоящих начальников.

В условиях авторитарного правления агрессивность многих усиливается и, распространяясь, превращается в общую озлобленность, даже в свободно плавающий гнев. И получается, что такое усиление может иметь место без дополнительной фрустрации, просто в результате того, что люди подчиняются авторитету. *Подчинение авторитету в несравнимо большей степени усиливает агрессию людей, чем даже фрустрация.* Это очень четко было показано в знаменитых опытах известного американского социального психолога *Стэнли Милграма*, с результатами которых мы уже знакомы. Опыты Милграма ясно показали, каким образом даже в условиях эксперимента проявляются авторитарная агрессивность и авторитарное подчинение людей.

5.8. Агрессивность тоталитарного государства

Насилие и идеология Большевики начали применять насилие еще задолго до захвата власти, в ходе длительной борьбы с царским правительством и другими партиями. Их идеология позволяла исходя из «революционной необходимости» применить насилие к «классовым врагам», использовать уголовные методы, например грабеж государственной казны, для приобретения финансовых средств.

Но после захвата власти у них развязались руки и они стали широко применять насилие, причем даже против таких людей, которые никаких активных действий не предпринимали против их власти. В таких случаях говорят, что пострадали невинные люди. Но позволительно спросить: разве можно считать в чем-то повинными людей, которые активно боролись против *незаконной власти* большевиков? Не является ли виной «невиновных» то, что они терпели над собой эту власть?

До сих пор проблематикой авторитаризма и тоталитаризма в СССР занимались в основном историки и политологи. Они собрали очень интересный и обширный материал, который подлежит социально-психологическому анализу. Такой, еще предварительный, анализ убеждает нас в том, что кроме прямого физического наказания «классовых врагов» большевики применяли ряд других способов насилия.

Заложничество Явление заложничества известно в истории народов с давних времен. Обычно берут заложников, чтобы добиваться освобождения своих соратников. Заложников редко трогают. Но большевики не только временно изолировали этих людей, но очень часто физически уничтожали их из-за проступков или воображаемых преступлений других[22].

Такие действия систематически осуществлялись ВЧК, без следствия и суда, совершенно произвольно. Органы ВЧК в течение ряда лет (1918–1922) сами проводили расследования, выносили приговоры и приводили их в исполнение. Мас-

штабы злоупотреблений в результате такого сосредоточения власти над людьми в одних руках были огромными[23]. Это была незаконная власть, злоупотребления которой продолжались и после революционного периода и гражданской войны, причем даже в еще более широких масштабах.

Заложничество широко применяется современными политическими террористами.

Дискредитация: общая характеристика

В годы сталинской диктатуры широко применялся такой метод политической борьбы, как *дискредитация* (от французского *discréditer* — подрывать доверие, умалять авторитет). Этот метод преследует цель психологически лишить человека тех качеств, которые вызывают уважение, или, наоборот, приписать такие, которые в данном обществе обычно вызывают презрение. Если кто-либо в определенной социальной среде вызывает к себе презрение значительной части людей или даже их ненависть, значит, он дискредитирован. Он уже не вызывает доверия, с ним не желают сотрудничать, его вытесняют из различных групп и даже из всего общества (государства, страны). Дискредитация человека может быть фазой психологической подготовки против него более явных, в том числе физических, насильственных действий. В политологии используется также термин «диффамация» (от латинского *diffamare* — обесславить, лишить доброго имени, опорочить), означающий публичное распространение сведений, порочащих репутацию определенных лиц и создающих для них дурную славу. Клевета — ее частный случай. Диффамация широко используется в политической борьбе.

Дискредитировать возможно не только отдельных людей, но и социальные группы, мнения и убеждения людей, идеологии, научные и художественные достижения индивидов и наций и т. п. В межэтнических отношениях очень распространена, особенно при обострении конфликтов, дискредитация этнических групп. И в этом случае дискредитация обычно является одним из способов психологической подготовки агрессивных действий.

Так, хорошо известно, что как геноциду армян в Турции в 1915–1923 годах, так и холокосту евреев в Германии в 1930-х годах предшествовали более или менее длительные периоды дискредитации этих народов, их дегуманизации и атрибутирования им самых низких, вызывающих презрение качеств. Правда, есть немало случаев, когда взаимная дискредитация двух этносов или национальных государств длится десятилетиями и даже столетиями, не приводя или редко приводя к кровопролитиям. Такие процессы в XX веке мы видели во взаимоотношениях США и Ирана, США и Ирака и других государств. Правда, в начале XXI века в отношениях Ирака и США произошел агрессивный взрыв: накопленная враждебность привела к насильственным действиям огромных масштабов.

Способы дискредитации

Обычно люди, будь то правители или рядовые граждане, заинтересованные в дискредитации других, находят соответствующие средства и способы для реализации этой цели. Но в современной психологии развивается область, в которой способы дискредитации, особенно дискредитации политических противников, исследуются специально. При широком подходе это *социальная психология воздействия или влияния*[24], а при узком

и специфическом — это психология пропаганды, словесного воздействия на различные социальные группы, в том числе вражеские.

Какие способы используются в политической пропаганде с целью дискредитации противников? Основными из них являются следующие.

1. *Использование ярлыков.* Например, противника объявляют «реакционером», «холуем на службе у врагов», «красным», «коричневым» и т. д. Если с явлениями, обозначаемыми этими и другими подобными им ярлыками, в памяти людей связаны отрицательные установки, они переносятся на тех людей, которых хотят дискредитировать. Выбор слов и выражений — ругательских в адрес противника и хвалебных для себя — обычный способ политической борьбы.
2. *Использование социальных стереотипов.* Этот способ чаще всего используется в межгрупповых отношениях. При этом, если ставится цель дискредитации другой группы, используются отрицательные стереотипы. При характеристике себя и своей референтной группы используются в основном положительные стереотипы.
3. *Ассоциирование* имени объекта дискредитации с именем человека или социальной группы, которые уже имеют дурную репутацию. Так, в политической борьбе, в борьбе за власть, противники нередко обвиняют друг друга в связях с преступным миром, с проститутками, с политиками-неудачниками и т. п. Такие ассоциации действительно эффективны.

Есть и другие способы, о которых мы здесь, для краткости, говорить не будем.

Методы дискредитации, которыми пользовались Сталин и его приближенные, широко применялись для оказания психологического давления на людей или их вытеснения из политической арены. В стратегии Сталина дискредитация и физическое насилие образовали последовательные фазы уничтожения людей, даже целых социальных слоев. Приведем ряд исторических фактов.

1. *Уничтожение кулачества.* Крестьянство, особенно кулаки, считались большевистскими главарями «реакционным классом». К кулакам прикрепили ярлык «врагов народа». В 1930–1931-е годы были сосланы в отдаленные районы востока страны около 381 тысячи крестьянских семейств, а в последующие годы — еще 100 тысяч семейств, считавшихся кулаками[25].

   Сотни тысяч людей, особенно стариков и детей, умирали от голода и морозов. Масштабное было преступление. Это бедствие описано в документах[26].
2. *Уничтожение «спецов» — дореволюционной интеллигенции.* В конце 1920-х годов, желая найти козлов отпущения и отвести от себя обвинения в провале экономики, Сталин начал, голосами других, называть специалистов вредителями. В 1929 году было организовано громкое «Шахтинское дело», а затем и другие процессы. Сотни, тысячи людей, большей частью, а может быть, и целиком, невинных, подвергались наказаниям.
3. *Уничтожение политических противников и судебные процессы 1920-1930-х годов.* Примеров очень много.

Так, С. И. Сырцову, В. В. Ломинадзе и другим Сталин навесил ярлык «руководителей подпольных антипартийных групп». М. Н. Рютина и его группу он назвал «го-

сударственными преступниками». Их осуждают и приговаривают к 10-летнему тюремному заключению только за то, что имели смелость осуждать совершаемые в стране массовые преступления. Людей, подлежащих устрашению, обычно называли «врагами народа». В поведении сталинистов демагогия сочеталась с дискредитацией и давала «обильные плоды»[27].

Часто употребляемыми шаблонами были слова: «правый уклон», «фракционность» и другие.

Фракции в большевистской партии были запрещены в 1921 году по настоянию Ленина, сторонника однопартийности. X съезд ВКП(б) принял резолюцию «О единстве партии», осуждающую и запрещающую всякую фракционность. Нарушители исключались из партии. В сочетании с запретом других политических партий эта резолюция практически и скачкообразно усилила в стране авторитаризм, создавая основу для быстрого перехода в тоталитаризм. Поскольку марксистская идеология авторитарна и тоталитарна по своей сути, то в создавшихся условиях другие варианты развития, по существу, были исключены. Когда говорят о неизбежности того пути, по которому шла страна, то надо помнить, что эта неизбежность сознательно и произвольно была создана Лениным, Сталиным и их недальновидными приспешниками. Многие из них стали жертвами собственных ошибок и глупости.

Обычно если какого-либо деятеля или группу дискредитировали вышеописанными способами, сослали в концлагерь или же организовали ускоренное следствие и вынесли приговор, ходатайства о помиловании не принимались, и осужденных расстреливали.

Поражает уровень цинизма и садизма, отсутствие совести, способности к сопереживанию. Расстреливали целыми списками. Дискредитированные были для них уже не людьми, а товаром, подлежащим уничтожению за негодностью. Жертвы полностью дегуманизировались. Так работала агрессивная плебейская власть.

5.9. Подчинение приказу и межэтническая агрессия (феномен Адольфа Эйхмана)

В 1961 году в Иерусалиме проходил суд над немецким фашистом Адольфом Эйхманом. Против него было выдвинуто обвинение в убийстве миллионов евреев. Об этом процессе и о личности Эйхмана написаны книги[28].

В 1963 году вышла книга социального философа *Ханны Арендт* «Эйхман в Иерусалиме» с подзаголовком: «Сообщение о банальности зла»[29].

Его обвиняли в убийстве около 6 миллионов евреев: он контролировал отправку жертв в лагеря смерти, служа в СС в качестве офицера.

Эйхман говорил, что «внутренне» не является подлецом и даже фанатичным антисемитом. Он был честолюбивым офицером, и его неприятной обязанностью было подчинение приказам фюрера: свыше было решено уничтожить евреев. И эту свою обязанность он исполнял точно, как того требовали вожди. *Х. Арендт* поверила в искренность этих утверждений Эйхмана, за что и стала объектом критики. Ее даже обвинили в защите злодея[30].

Тем не менее даже составители упомянутой книги о допросах военного преступника после тщательного изучения материалов 275 часов допроса Эйхмана пришли к выводу, что это был посредственный человек из среднего класса, получивший нормальное образование и воспитание, и у него не были обнаружены заметные преступные тенденции. «Я не монстр... Я жертва ошибки», — говорил о себе Эйхман.

Социальных психологов, как верно заметил *Р. Браун*, интересуют не столько судьба Эйхмана и холокост (это исторические явления, и в первую очередь должны интересовать историков), сколько следующий вопрос: «В чем ошибка утверждения о том, что человек, совершивший злодеяния, должен быть монстром? Если здесь есть ошибка, то в какой степени она является общей? Кто подвержен такой ошибке, и свободна ли от нее социальная психология?»[31].

О чем свидетельствует исследование личности Адольфа Эйхмана? Его обследовали десятки психиатров и обнаружили, что он психически совершенно нормален. Его чувства и действия, направленные на своих родителей, к жене и детям, были нормальными, даже близкими к идеальным.

После того как Эйхману удалось избегнуть Нюрнбергского процесса и под ложным именем поселиться в Буэнос Айресе, он, рискуя жизнью, сообщает семье, что жив и здоров, даже настаивая, чтобы семья присоединилась к нему. И все это в то время, когда он хорошо знал, что Секретная служба Израиля по всему миру ищет его.

До того как по приказу Гитлера участвовать в уничтожении евреев, он был активным сионистом и считал, что правильным решением еврейского вопроса является предоставление евреям собственной территории на Мадагаскаре или определенной части Польши. Он активно распространял эти идеи среди своих коллег офицеров гитлеровской службы безопасности. Эйхман настаивал на том, что никогда не имел антисемитских взглядов. В одно время в Вене у него даже была любовница-еврейка, которую он позже спас от уничтожения. *Сам Эйхман никогда лично никого не убивал.* Все эти биографические факты, наряду со специальными обследованиями, заставляют психологов заключить, что этот человек не обнаружил никаких признаков чудовища, как некоторые хотели бы его изобразить. Он не был сторонником той формы «окончательного решения еврейского вопроса», которую разработали и осуществили Гитлер и его приближенные.

Защитники Эйхмана на суде вновь и вновь утверждали, что судьба евреев была бы та же, если бы этой личности совсем не существовало, ибо если бы не он, то кто-либо другой выполнил бы эту работу. Против данного утверждения трудно выставлять контраргументы, так как Эйхман был обыкновенным бюрократом. Он в основном заботился о своей карьере, а не о судьбе еврейского народа; не стыдился того, что участвовал в истреблении еврейского народа; был горд тем, что сумел точно выполнить полученные приказы и был эффективным работником; переживал стыд только тогда, когда нарушал этикет, принятый среди немецкого офицерства. Бывало, что в его душе мелькала жалость к жертвам, но он мог преодолеть эту слабость.

Суммируя свои размышления, *Х. Арендт* заключила, что в определенных условиях многие обычные люди могут совершать преступления. Чудовищные поступки совершают не только чудовища. Как мы уже знаем, данный вывод подтвердился известными экспериментами *С. Милграма*, *Ф. Зимбардо* и других психологов.

Подчинение, диссонанс и самосознание личности

Когда человек совершает агрессивные действия, которые считает аморальными и не соответствующими своим представлениям о себе (своей «Я-концепции»), он переживает особое состояние внутреннего противоречия, которое известно под названием *когнитивного диссонанса*. О теории когнитивного диссонанса, о взглядах ее создателя *Леона Фестингера* мы уже знаем.

Когнитивный диссонанс — неприятное психическое состояние, и когда оно возникает, у человека сразу же появляется мотив, внутренняя тенденция, как можно скорее избавиться от него. Спонтанно у него начинаются адаптивные психические процессы и действия, целью которых является смягчение или полное устранение диссонанса из своей психики. Но человек, который выполняет только чужие приказы и не считает себя виновным, по-видимому, не переживает более или менее острого состояния диссонанса. Поэтому его «Я-концепция» под влиянием своих агрессивных действий не меняется. И это очень опасно, поскольку в таком случае он сохраняет способность совершения новых насильственных, преступных действий: у него нет оснований отказаться от них, тем более что он действует по приказу начальства и чувствует себя свободным от ответственности. Есть также предположение, что когнитивный диссонанс очень слабо переживается макиавеллистами. Поэтому можно предположить, что сочетание авторитаризма с макиавеллизмом крайне опасно для общества, особенно в том случае, когда личности с такими психологическими комплексами добиваются высот политической власти.

Авторитарная агрессия женщин

Авторитарная агрессия людей, как видно из вышеизложенного, стала предметом специального исследования начиная с 1940-х годов. Характерной особенностью экспериментальных исследований *С. Милграма* и его сотрудников, особенно на первых этапах работы, было то, что участниками (как в роли «учеников», так и в качестве «учителей») были мужчины. Обладателем власти также всегда выступал мужчина. Поэтому появилось некоторое сомнение: будут ли получены сходные результаты, если эксперименты проводить с участием женщин?

Дополнительные исследования показали, что подчинение власти и авторитету — универсальное явление. Во время одного из экспериментов 40 испытуемых-женщин показали такие же результаты, что и мужчины.

Таким образом, уже сейчас, по-видимому, есть основание для утверждения, что подчинение власти и склонность применения авторитарной агрессии выходят за рамки пола, профессии или национальности: это всеобщие, общечеловеческие явления. Авторитарная агрессия присуща всем, и различные ее проявления наблюдаются в самых различных странах мира. Правда, этнические различия этого явления пока еще, насколько нам известно, не исследованы.

5.10. Просоциальная и антисоциальная агрессия

С обсуждаемой в данной главе проблематикой тесно связан еще один вопрос, который мы здесь вкратце рассмотрим. Имеет значение не только то, какова природа агрессии (является ли она авторитарной или неавторитарной), но и то, на кого она

направлена, какова ее социально-психологическая природа. С этой точки зрения следует различить еще два противоположных типа агрессии — антисоциальную и просоциальную.

Антисоциальными являются те агрессивные действия людей, которые направлены на другие социальные объекты — личности, социальные группы и общество в целом. Личность, совершающая такие действия, обычно исходит из эгоистической мотивации. Своими действиями она наносит ущерб обществу.

Просоциальными являются такие агрессивные действия, которые совершаются людьми во имя интересов общества. Такую агрессию совершают люди, когда защищают свои законные права, применяют законы для наказания злостных преступников, защищая жизнь и имущество граждан.

Как показали исследования психоаналитика *Роберта Сирса*, те индивиды, в поведении которых превалируют просоциальные действия, имеют также более высокий уровень направленной на собственную личность агрессивности (самоагрессии). У тех же, кто преимущественно агрессивен антисоциально, наблюдается низкий уровень самоагрессивности.

У каждой личности имеется как просоциальная, так и антисоциальная агрессивность, и их баланс в течение многих лет остается устойчивым. В одних случаях преобладает первая разновидность агрессии, в других — вторая. Однако, по мнению психоаналитиков, в основе обоих разновидностей агрессии лежит одна и та же агрессивная энергия, которая способна преобразовываться и принимать различные конкретные формы. Эти данные позволяют выдвинуть новую проблему, а также гипотезу о путях ее разрешения. Обнаруженный баланс разновидностей агрессии — весьма любопытное явление. Проблема состоит в том, каким путем он образуется, под воздействием каких факторов возникает и устанавливается. Как он связан с типами личностей, в частности — с авторитаризмом и демократизмом характера. Мы предлагаем следующую **гипотезу**: *у авторитарных людей преобладает один тип баланса этих двух видов агрессии, а у демократов — другой.* Является ли авторитарная личность преимущественно антисоциально агрессивной, а демократ, наоборот, просоциально агрессивным? Как это предположение согласуется с новыми эмпирическими результатами, полученными *В. Альтмейером*? Это очень серьезные проблемы, исследование которых может привести к возникновению нового направления в социальной психологии человеческой агрессивности.

5.11. Агрессия, подчинение и секс

Страх и секс у животных

В настоящей книге мы уже видели, что эволюционный подход к проблеме агрессивности дает полезные аналогии и помогает понять то, что иначе осталось бы не очень осмысленным. И здесь наше обсуждение взаимосвязи сексуальности и агрессии мы начнем с рассмотрения некоторых фактов из жизни животных.

Обсуждая проблему инстинктов, *К. Лоренц* проанализировал взаимодействие агрессии, бегства и секса на примере одного вида рыб, а затем обобщил свои наблюдения, распространяя их на людей. Результат его анализа настолько интересен

и полезен для понимания взаимодействия мужчин и женщин, что мы тоже рассмотрим его. Этот анализ, на наш взгляд, раскрыл важнейшие функции агрессии, которые без научного анализа трудно заметить.

У одного из видов птиц «мотивационный анализ» позволил обнаружить особый способ распознавания секса. (Оказывается, этот способ существует и у других позвоночных животных.) Дело в том, что у этого вида рыб (цихлид) внешне самец и самка почти неразличимы. Одинаково и их поведение, поэтому было интересно узнать, какой механизм предотвращает гомосексуальное поведение (создание гомосексуальных пар). Только очень острая наблюдательность натуралиста позволила выяснить, что самец и самка отличаются только по отсутствию у одного из них *определенных действий*. Оказалось, что *у самцов этой рыбы мотивация бегства и сексуального поведения не могут сочетаться*. Это означает, что, если самец даже в ничтожной степени боится своей партнерши, его сексуальность полностью подавляется. У самок такое же отношение между агрессией и сексуальностью: если она так мало боится своего партнера, что ее агрессивность не полностью подавлена, она не будет реагировать на него сексуально. Она, как фурия, будет атаковать его, и ее агрессивность будет тем сильнее, чем больше потенциально она была готова для спаривания, то есть чем ближе она была к нересту в связи со своим гормональным состоянием.

Наоборот, агрессия и сексуальность полностью совместимы у самца. Он может обращаться со своей партнершей грубо, гнать ее по аквариуму и одновременно совершать сексуальные и все другие смешанные действия. Самка может, переживая страх перед самцом, остаться готовой к спариванию: от страха у нее сексуальное поведение не подавляется. Она, убегая от самца, может тем не менее время от времени совершать действия ухаживания. Эти смешанные формы поведения, состоящие из бегства и сексуальности, через процесс ритуализации стали широко распространенными церемониями, обычно называемыми «застенчивым поведением», которое имеет вполне определенное экспрессивное значение[32].

Поскольку у разных полов смешение трех великих инстинктов различно, самец может спариваться только с испуганной и поэтому подчиняющейся, покорной самкой, а самка — только с таким самцом, который вызывает страх и ведет себя доминантно. Вот этот механизм и гарантирует спаривание только представителей противоположных полов.

Секс, агрессия и ревность

Как же обстоит дело у людей? В различных вариациях и измененных формах, с помощью различных ритуализаций данный процесс распознавания полов и спаривания играет важную роль у разных видов позвоночных, вплоть до человека. Этот механизм показывает, каким образом агрессия, сочетаясь с другими инстинктами, может осуществлять функцию сохранения вида.

Отсюда видны также биопсихологические основы различий полов. У самцов и самок, мужчин и женщин, взаимоотношения между главными инстинктивными влечениями могут быть различными. Мотивы (влечения), которые у одного пола не тормозят друг друга, у другого пола являются даже взаимоисключающими.

Мы полагаем, что эти данные этологии пока еще не использованы в психологии половых различий в полной мере. Когда говорят, что у женщин агрессивность

слабее, чем у мужчин, то следует иметь в виду, что подобное различение биологически целесообразно. *Женщина, по-видимому, должна бояться мужчины для того, чтобы иметь к нему сильное сексуальное влечение.* Агрессивные женщины подавляют как свое сексуальное влечение, так и влечение того мужчины, на которого эта агрессия направлена. С другой стороны, сексуальное желание мужчины усиливается, во-первых, тогда, когда он агрессивно настроен к женщине и, во-вторых, когда эта женщина боится его, но не настолько, чтобы совсем уйти.

При этом возникает новая проблема: *почему мужчина, переживая ревность, сексуально возбуждается сильнее, чем без ревности?* Многие мужчины рассказали автору этих строк, что у них именно это явление и часто наблюдается. Мы считаем, что основная причина в следующем: ревность содержит в своем комплексе как сексуальное влечение и любовь, так и сильную агрессивность к женщине, которая, как полагает мужчина, встречается с другим мужчиной. Эта агрессия, сочетаясь с воображаемыми картинами предательских действий женщины, возбуждает в мужчине сильнейшее сексуальное желание. Эрекция у такого мужчины может продолжаться очень долго, желание воспроизводится очень часто. Во время сексуального сношения с женщиной, вызывающей ревность, у мужчины появляются также садистические желания.

Ревность, конечно, может быть необоснованной, даже патологической. Она может быть садистической с соответствующими последствиями для взаимоотношений партнеров. Все это зависит от их индивидуальных различий.

Эти сведения и идеи позволяют высказать несколько мыслей о возможных причинах гомосексуальности. Обнаруженные этологами различия в сочетаниях основных инстинктов у мужчин и женщин (самцов и самок), по-видимому, позволяют по-новому подойти и к проблеме гомосексуализма. Причем механизмы мужского и женского гомосексуализма должны быть различными. Если дать общее определение этого явления, можно сказать, что вследствие внутренних физиологических и психологических изменений мужчина в определенной мере превращается в женщину, а женщина — в мужчину. У гомосексуальных мужчин агрессивность сочетается с бегством от женщин и страхом, а у женщин — с нападением и желанием вызвать в другом страх. У обоих половое влечение сохраняется, но возбуждается представителями своего пола. Теперь уже мужчина-гомосексуалист возбуждается не тогда, когда перед ним испуганная, но желающая сексуального сношения женщина, а когда перед ним мужчина, который не уходит, не играет «в скромность» и «стыд». Мы полагаем, что наш подход кое-что объясняет. Ясно, что эту концепцию в дальнейшем следует развивать с учетом современных гендерных исследований, в частности на основе представления об *андрогинах*[33].

5.12. Сексуальная неполноценность и агрессивность

При обсуждении данного вопроса мы будем опираться на труды *Зигмунда Фрейда*, *Альфреда Адлера*, *Эриха Фромма*, а также на результаты, полученные некоторыми более поздними авторами. Особый интерес представляет для нас работа *Д. Морриса*, который специально писал о соотношении сексуальных аномалий и агрессивного характера.

Властолюбие и сексуальная жизнь

Еще *Зигмунд Фрейд* в одной из своих работ, на примере высокопоставленного офицера, проанализировал интересное явление: оказалось, что у многих индивидов с сильным стремлением к власти наблюдаются функциональные недостатки половой жизни. Иногда они принимают достаточно серьезный характер, вплоть до импотенции. Другие авторы (*Э. Фромм, Д. Моррис* и другие) приводят факты о том, что вскрытие трупа Гитлера обнаружило у него только одно яйцо. Про Наполеона же известно, что пропорции его гениталий были атрофированы.

У обоих деятелей была необычная сексуальная жизнь, о чем имеются свидетельства в воспоминаниях Талейрана, в произведениях *Е. Тарле, Э. Фромма* и других авторов. *Д. Моррис*, ознакомив читателя с подобными фактами, несколько наивно восклицает, что европейская история могла бы быть иной, если бы эти люди были сексуально нормальными. Правда, надо иметь в виду, что серьезные сексуальные нарушения почти никогда не бывают изолированными, очень часто они сочетаются с другими психическими нарушениями. Будучи неполноценными в половом отношении и, следовательно, постоянно фрустрированными своей совестью, сомнениями и страхом перед мнением окружающих, они с целью самоутверждения прибегали к самым крайним агрессивным формам компенсации[34].

Жажда власти у таких людей ненасытна независимо от достигнутого, даже очень высокого, социального статуса, так как базальная их физиологическая и функциональная неполноценность неустранима.

Эта теория, однако, имеет и свои недостатки. Одной из ее слабых точек является то, что властолюбие не всегда прямо связано с сексуальной неполноценностью. Примеров тому очень много. Правда, ориентированность на власть, особенно когда она становится доминирующим мотивом активности личности, вызывает ряд нервно-психических особенностей личности. Поэтому, как говорил *З. Фрейд*, у таких людей сексуальная жизнь не может быть нормальной. Но ведь понятие «норма» весьма растяжимо. Кроме того, вполне естественно, что, если человек занят активной деятельностью, у него остается мало времени и сил для сексуальной активности. Это, так сказать, «вторичное нарушение сексуальной жизни», своеобразный сексуальный невроз. Оно вторично, потому что является следствием активной несексуальной деятельности, которой человек вынужден заниматься в соответствии со своей социальной ролью и согласно ожиданиям своих референтных групп.

Вышеупомянутые же случаи Наполеона, Гитлера и других деятелей примерно такого же ранга можно считать ***первичными сексуальными нарушениями***, требующими компенсации и сверхкомпенсации. Очевидно, что эти два случая и различные их вариации необходимо различать, иначе наша теория не будет реалистичной. В целом исследование личности и жизни великих людей в этом аспекте — увлекательное и полезное для развития человекознания дело[35].

Для развития начертанной выше концепции в рамках теории фрустрации и психической защиты надо учесть, что сведение мотива власти, лидерских стремлений к высоким статусам и механизму компенсации сексуальной неполноценности того или иного рода является подходом односторонним, индивидуалистическим. Становление лидера и выбор именно данной личности в качестве такового определяются многими социально-психологическими факторами, обнаружение

реальных связей и веса которых только и может дать нам истинную картину лидерства. Интересно, что ряд факторов, считавшихся в трудах ранних авторов индивидуально-психологическими, на самом деле имеют социально-психологическую природу как по генезису, так и в аспекте конкретной динамики в процессе жизнедеятельности личности. Взять, к примеру, половую холодность (фригидность) женщины. Она, как известно, не всегда имеет органические, тем более — наследственные причины. Это нарушение часто возникает и устойчиво сохраняется в течение всей жизни в результате получения сильного неблагоприятного впечатления прерванного полового акта *(coitus interruptus)*. Известны случаи, когда после таких переживаний у женщин появлялась склонность к властвованию, агрессивности, доминантности. У мужчин в аналогичных ситуациях появляются те же самые симптомы, однако, как правило, в еще более интенсивных формах. Ясно, что описанные явления, имея, как и все другие социально-психологические феномены, свои индивидуально-психологические аспекты и биологическую основу, по существу являются социально-психологическими. Они — результат контакта, общения людей. Поэтому более подробный анализ этих явлений требует комплексного — биопсихологического и социально-психологического подхода.

Секс, садизм и агрессия

Как уже было сказано, неполноценность в сексуальной жизни часто компенсируется садистическими, агрессивными действиями, одной из обычных и социально-приемлемых форм которых является борьба за лидерство в рамках закона. У таких людей сексуальное доминирование, встречаясь с препятствием, то есть фрустрируясь, с большой легкостью превращается в агрессивность, что выражается в садистических деяниях или в усилении борьбы за власть. Отметим для сопоставления, что примерно такой же механизм превращения, сублимации, имеет место тогда, когда человек сильно ориентирован на исследовательскую, творческую активность. Малейшее препятствие на пути удовлетворения сексуальных влечений приводит к легкому отказу от них и к переходу к более интенсивной творческой активости[36].

Проблему садизма и его разновидностей мы обсудим отдельно и достаточно подробно. Но в связи с проблематикой настоящей главы следует сказать об этом следующее. Одной из разновидностей разрядки агрессивных импульсов человека является мучение и убийство животных. Возможно, что с эволюционной точки зрения агрессивное и садистическое отношение к животным и оправдано, но с морально-психологической нет оправдания подобным действиям. Однако при научном подходе суть не в этом. Нам кажется, что одно дело, когда человек убивает другого человека ради сохранения своего доминирующего, лидерского положения и продвижения по этому пути, и другое — если причиняет боль или убивает только ради удовольствия. Конечно, в первом случае очень часто человек может переживать и удовольствие, но есть все основания для предположения, что в глубинных механизмах этих двух случаев есть существенные различия. Второй случай — это феномен садизма. Поэтому понимание садизма возможно лишь при привлечении наших знаний о механизмах лидерства, агрессии и фрустрации, но фрустрации не только сексуального влечения.

Пуританизм, фрустрация и секс

Пуританизм и связанная с ним склонность к морализированию — интересные объекты изучения в рамках теории психологической самозащиты, агрессии и сублимации. Для разработки научных концепций об этих явлениях следует обратиться к истории религий и тех идеологических и социально-политических течений, в которых пуританизм был одним из основных компонентов морального кодекса.

В современной психологии и психопатологии накоплено большое количество фактов, убедительно показывающих, что видимость пуританизма (в любой религиозной или иной вариации) обманчива, особенно в аспекте сексуальной активности и озабоченности человека. (Это хорошо понимал еще Бокаччо, «Декамерон» которого может стать богатым источником интересующих нас в данной связи фактов.) Можно даже сказать, что никто так не озабочен сексом, как фанатичные пуритане. Религиозно-моральное сознание и страх перед наказанием фрустрируют их нормальные сексуальные проявления, что порождает различные формы юродства, тайной извращенности, самобичевания и других форм мазохизма. Светский же моралист — чаще всего человек, лишенный способности жить нормальной сексуальной жизнью, или импотент, который компенсирует свою неполноценность добровольным морализированием и обучением молодежи «путям достойной жизни», той молодежи, силе, здоровью и дееспособности которой он страстно завидует.

5.13. Власть и любовь

Стремление к власти оказывает влияние не только на сексуальность человека: еще более тонким и глубоким является его влияние на высшие человеческие чувства, в частности — на чувство любви к представителям другого пола.

Указанное стремление распространяется и на те способы и сферы существования, которые первоначально по существу далеко стоят от проблем власти и лидерства. Под воздействием сверхсильного мотива власти любовь превращается в требование любви, в деспотически-эгоистическую «любовь». Если любовь настоящая, то она озабочена счастьем любимого — это высшая ступень альтруизма. А между тем у личности с сильным стремлением к власти, в первую очередь у авторитарных лиц, любовь превращается в дополнительное средство приобретения власти. Такая любовь становится принудительной и навязчивой.

Часто в наблюдаемом поведении людей эти две формы любви трудно различить. Только более пристальное внимание позволяет видеть во второй разновидности требовательную, назойливую и в то же время боязливую, тревожную заботливость и беспокойство. Это различие очень хорошо показано в трудах психоаналитиков *Карен Хорни*[37] и *Эриха Фромма*[38].

Люди, которые принуждают других любить себя, все время озабочены тем, чтобы везде быть любимыми. Они впечатлительны и даже чувствительны, но по ту сторону этой поверхности живет их скрытая враждебность к людям, которая и мешает им устанавливать истинную любовную связь. В жизни таких людей действует не нормальное правило: «Я хотел бы быть любимым», — а другое: «Я должен быть любимым». Это требование обычно не знает границ, такие люди живут в постоянном страхе возможной потери всего приобретенного, они крайне ревнивы

и поэтому никогда не достигают состояния счастливого доверия. Они требуют от своих «любимых» партнеров разрыва всех связей и полного подчинения. Как показала *К. Хорни*, пути приобретения такой любви очень различны, однако при более глубоком рассмотрении мы здесь видим различные тактические варианты одной и той же стратегии. В одном случае подкупают партнера любезностью и как бы говорят: я люблю тебя искренне, поэтому и ты должна любить и дать мне все, что я требую. Есть и другой вариант этой стратегии: ты должна любить меня, так как я страдаю и нуждаюсь в помощи. Третий вариант: я так много сделал для тебя, что если ты хочешь быть хорошим человеком, должен поступить по отношению ко мне точно так же.

Встречаются люди, которые стараются получить и сохранить любовь с помощью угроз следующего характера: если ты меня не полюбишь, то я лишу тебя жизни.

Во всех этих случаях мы имеем дело с одной из стратегий авторитарной личности, в переживаниях и поведении которой авторитарная агрессия сочетается с подобным же типом «любви». Мотивация власти преобразует любовь, превращая ее в нечто противоположное.

5.14. Социальная структура, агрессия и власть

Какую роль играет агрессия в структуре и динамике общества высокоразвитых животных? Рассмотрим то, что об этом говорил *К. Лоренц*, с тем чтобы предложить ряд новых проблем и идей в этой малоразработанной проблемной сфере социальной психологии.

Основным принципом организации групп уже у высших животных является *ранговый порядок*. Когда есть такая система, каждый индивид знает, кто сильнее его и кто слабее. Он может уйти от сильного и попытаться подчинить себе слабого, если их пути пересекаются.

Как отмечалось ранее, понятие «порядок клевания» обозначает явление, широко распространенное в животном мире и хорошо известное биологам. Лоренц старается раскрыть его значение и приходит к выводу, что ранговый порядок *ограничивает агрессию* в сообществе. Абсолютное исключение агрессии или ее полное подавление вредно, так как сообщество не может защищаться от внешних нападений. Но не менее важно то, что у многих животных угроза агрессии или ее реальное применение создает напряжение, необходимое для соблюдения порядка. А в некоторых случаях порядок клевания защищает детенышей[39].

Все социальные животные являются «искателями статусов», поэтому между индивидами, занимающими близкие позиции в иерархии рангов, всегда имеются напряженные отношения. Члены группы преимущественно обращают внимание на экспрессивные движения лидеров, особенно тех, кто завоевал свою позицию путем агрессии и борьбы. На сходные движения индивидов с низким статусом почти никакого внимания не обращают. Вообще, в ходе эволюции значение старших и опытных животных все больше и больше возрастает. Это означает, что растет значение индивидуально приобретенной информации и опыта. Социальная жизнь увеличивает эволюционное значение обучаемости и интеллекта, так как эти качества полезны всему сообществу. Для тех, кто исследует социальную жизнь, представляет интерес следующее наблюдение: шимпанзе имитируют только поведение

старших и опытных представителей своего вида. Возраст и опыт учитываются уже в сообществах животных. У некоторых зверей появляются группы старших лидеров («сенат»), которые управляют сообществом совместно, защищаясь от претензий более молодых особей[40].

В чем цель внутривидовой агрессии? Обобщив свой анализ, Лоренц пришел к выводу, что целью внутривидовой агрессии никогда не является истребление вида. То здесь, то там иногда вспыхивают битвы, животные кусаются, раскрывают друг у друга вены, колют глаза своими рогами и т. п., но в природных условиях дело никогда не доходит до истребления вида. Другое дело — в условиях неволи, но, как остроумно замечает Лоренц, «конструкторы» эволюции эти особые, неприятные возможности не учитывали. Таким образом, основными функциями агрессии являются: распределение территории и пищи, отбор самых лучших отцов и матерей для молодняка, поддержание социального порядка и обеспечение лидерства самых опытных животных. Такое лидерство позволяет принимать мудрые решения в пользу всего сообщества. Лоренц считает, что все это верно и для общества людей. Когда мы находимся в агрессивном состоянии, нашей целью редко является убийство противника. Мы бьем, заставляем подчиниться, считаться с нашим превосходством и мудростью. Убийство — крайний случай. Этологи считают, что агрессия не является сатанинским, разрушительным принципом (как полагают психоаналитики, с которыми по многим вопросам у этологов отмечается согласие). Агрессия — существенный аспект структуры тех институтов, целью которых является сохранение и защита жизни. Иногда она может использоваться ошибочно и привести к деструкции, но ведь это верно практически для любой части функциональной системы. Более того, мутация и отбор, эти великие «конструкторы», способствуют росту тех генеалогических систем, которые в качестве механизма, способствующего росту дружбы и любви, выбрали агрессию. Эту парадоксальную концепцию Лоренц излагает в десятой главе своего труда «Об агрессии».

5.15. Боевой энтузиазм и харизматическое лидерство

К. Лоренц выдвинул идею о существовании особой разновидности филогенетически обусловленного поведения, назвав его *боевым энтузиазмом* (от греческого слова *enthusiastmus*, которое означает человека, одержимого богом или духом). Это состояние вдохновения, особой одержимости[41].

Хотя боевой энтузиазм и связан с индивидуальной агрессивностью, он все же является специализированной формой общинной агрессии. На индивидуальном уровне — это состояние вдохновения, когда все тело дрожит, всякие препятствия представляются ничтожными и преодолимыми, человек переживает убеждение, что имеет священные обязанности. Ослаблено осознание запрета убивать себе подобных, разум и аргументы против такого поведения подавлены путем обесценивания всех ценностей, которые могут считаться низкими и недостойными. Даже совершая жестокости и преступления, человек может иметь убежденность в своей правоте. Концептуальное мышление и моральная ответственность переживающего энтузиазм человека находятся на самом низком уровне. *К. Лоренц* приводит украинскую пословицу: «Когда знамена развернуты, весь разум — в трубе»[42].

Поведение сторон представляется так: мускулы напряжены, руки приподняты и несколько повернуты вовнутрь, вследствие чего плечи выдвинуты вперед. Голова гордо поднята, подбородок выдвинут вперед, лицевые мускулы выражают «героическое лицо», волосы на руках стоят дыбом. Поскольку то же самое состояние можно вызвать и у самца шимпанзе, когда он защищает своих детенышей или свою группу, Лоренц выражает сомнение в том, что боевой энтузиазм человека имеет духовную природу. У шимпанзе волосы на теле становятся дыбом и издалека размеры его тела кажутся значительно больше, чем есть на самом деле. И кот тоже таким образом увеличивается в размерах (поднимая свой зад, как бы «надувается», чтобы казаться покрупнее). Дрожь человека — остаток от доисторических времен, вегетативная реакция, которая заставляет волосы стоять дыбом, хотя волосяной покров на теле современного человека очень незначительный или отсутствует. (Есть, конечно, исключения.)

Когда индивид переживает состояние боевого энтузиазма и идет защищать общину, он забывает все остальные свои интересы, в том числе семью и детей. Объекты, подлежащие защите, исторически могут меняться: община родственников, семья, общество в целом, национальная символика и т. п. Связь индивида с этими ценностями осуществляется с помощью механизма импринтинга и образования условных рефлексов, считает Лоренц. Боевой энтузиазм — защитная реакция, которая должна быть изучена на уровне индивида, малых групп, общины, государства и нации в целом.

Абстрактные объекты также могут стать предметом защиты со стороны людей, охваченных боевым энтузиазмом. Какими будут последствия использования этого психического состояния, зависит от выбора цели. Эти цели могут быть моральными или аморальными, человек с энтузиазмом может совершать как величественные дела, так и низкие преступления. Развитие науки и культуры, осуществление великих свершений невозможно без энтузиазма.

Боевой энтузиазм наблюдается, причем иногда в массовом порядке, во время социальных революций. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с историей Великой французской революции, двух русских революций начала XX века. Изучение этнических конфликтов также предоставляет нам много примеров проявления людьми боевого энтузиазма. Например, злодеяния азербайджанцев в Сумгаите в 1988 году были совершены в состоянии энтузиазма.

Каков онтогенез боевого энтузиазма?

К. Лоренц считает боевой энтузиазм у человека подлинно автономным инстинктом, сходным с победной церемонией гусей. Этот инстинкт, по его мнению, имеет соответствующие формы поведения, свои релизеры и, как и сексуальная потребность или другой сильный инстинкт, рождает специфическое чувство удовлетворенности. Такое поведение и его результат так сильно влекут человека, что даже самый разумный индивид в политической жизни может действовать так же иррационально и аморально, как и в сексуальной жизни. Как и победная церемония, боевой энтузиазм оказывает влияние на социальную структуру. *К. Лоренц* считает также, что существование различных политических партий обусловлено тем, что создаются условия для проявления боевого энтузиазма. По-видимому, ошибочно более распространенное мнение, согласно которому сначала происходит разделение на партии, после чего начинается борьба. Потребность в проявлении боевого духа порождает различные политические партии, вызывает их к жизни. Вот почему борьба и войны неизбежны.

Какие стимулы («релизеры») вызывают боевой энтузиазм?

Ответ надо знать, считает *К. Лоренц*, иначе мы не сможем взять под свой контроль это инстинктивное поведение. Самая типичная ситуация, в которой у человека возникает боевой энтузиазм, та, в которой своя референтная социальная группа находится перед лицом внешней опасности. Группа, с которой идентифицирует себя индивид, считается ценностью (это семья, сообщество, нация и т. д.), в защиту которой выступает индивид. Другая ситуация — присутствие ненавистного противника, представляющего опасность для названных выше ценностей. Такими опасными объектами могут быть чужие этнические группы, диктаторы, идеологии, ересь и т. п. Умело действующие лидеры направляют боевой энтузиазм своих последователей на таких врагов и добиваются значительных успехов. Наконец, большое значение имеет присутствие внушающего доверие и энтузиазм лидера. Спектр таких лидеров тоже очень широк, считает Лоренц[43].

Как нетрудно видеть, проблема боевого энтузиазма непосредственно связана с очень актуальной проблемой *харизматического лидерства*, хотя ни Лоренц, ни другие исследователи эту связь открыто не обсуждают. Исследования и исторические примеры свидетельствуют, что харизматические лидеры вдохновляют своих последователей и ведут их за собой благодаря тому, что вызывают в них боевой энтузиазм[44].

Будучи наследуемым явлением, харизма лидера нацелена на инстинктивные глубины психики подчиненных[45].Такой лидер, как релизер, возбуждает в людях огромную энергию, энтузиазм и агрессивность. Двусторонняя инстинктивная основа харизматического лидерства возбуждает у последователей сильнейшие эмоции: агрессивность, восхищение, ненависть, энтузиазм и другие аффекты, а также автоматический конформизм. Все это нетрудно показать на исторических примерах. Достаточно вспомнить, как после возвращения Бонапарта из ссылки и в первые дни его «100 дней» народ полководцы и целые армии, направленные против него, добровольно сдавались ему и поддержали его с большим энтузиазмом. Но ведь это был человек, который на полях многочисленных сражений погубил целые поколения французов!

Для разных индивидов «лидерами-релизерами» боевого духа являются разные люди и авторитеты: для *К. Лоренца — Чарльз Дарвин*, для какого-либо военного — *Наполеон* или *Суворов* и т. п. Но то, что «выпускается» этими «раздражителями», в основном имеет сходные черты: это боевой энтузиазм.

Но самым главным условием выражения человеком своего боевого духа является присутствие многих других людей, охваченных сходными эмоциями. Абсолютное число присутствующих людей оказывает влияние на качество ответа. Чем больше людей, тем сильнее энтузиазм и выше претензии. Возбужденность и энтузиазм растут прямо пропорционально увеличению числа людей. Это создает опасность: массовый энтузиазм может стать очень опасным для отдельных индивидов и общества в целом.

Данные утверждения, однако, требуют некоторой корректировки. Социально-психологические исследования показали, что начиная с определенной величины дальнейшее увеличение числа присутствующих уже не приводит к заметным качественным последствиям. Присутствуют ли на митинге 200 тысяч или 220 тысяч человек — не суть важно для поведения членов толпы и ее лидеров. Главное то, что присутствует очень много людей.

Примечания

[1] *Deutsch M.* A Theory of Cooperation amd Competition. “Human Relations”, 1949, 2, pp. 129–152; *Mackal Karl P.* Psychological Theories of Aggression. Amst. – New York – Oxford, 1979, pp. 66–67.

[2] *Meynard-Smith J.* The theory of games and the evolution of animal conflict. “Journal of Theoretical Biology”, 1974, 47, pp. 209–221; Точка зрения этого биолога представлена в следующей обзорной работе: *Krebs D. L. and D. T. Miller.* Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E. (Eds.), The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, New York, 1985, p. 8.

[3] *Alexander R. D.* Aggressiveness, territoriality, and sexual behavior in field crockets.”Behavior”, 1961, 17, pp. 130–223; *Krebs D. L. and Miller D. T.* Altruism and Aggression. In Lindzey G. and Aronson E. (Eds.), The Handbook of Social Psychology. 3rd ed., Vol. 2, New York, 1985, p. 8.

[4] *Ardrey R.* African Genesis. New York: Antheum, 1961; Eible-Eibesfeldt J., Ethology, the biology of behavior. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975.

[5] *Morris, Desmond.* The Human Zoo. McGrow-Hill Book Company, New York etc., 1969, pp. 37–38 a. o.

[6] Basic Readings in U. S. Democracy. Ed. by Melvin I. Urofsky. Washington, 1994, pp. 79–90.

[7] *Morris D.* The Human Zoo. McGrow-Hill Book Company, New York etc., 1969; см. также труды А. Маслоу.

[8] О современных исследованиях проблемы справедливости в социальной психологии см. в книге: *Brown R.* Social Psychology. 2nd ed. The Free Press. New York a. o., 1986. Chapter 2.

[9] *Berkowitz L.* A Survey of Social Psychology (3rd ed.), New York, 1976, pp. 53–58.

[10] *Brown R.* Social Psychology. 2nd ed. The Free Press. New York a. o., 1986.

[11] *Festinger L.* A theory of social comparison process. “Human Relations”, 1954, 7, pp. 117–140.

[12] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. – М., 1963. Т. 2 – С. 457.

[13] *Morris D.* The Human Zoo. McGrow-Hill Book Company, New York etc., 1969, p. 62.

[14] *Fromm E.* Man for Himself. Routledge and Kegan Paul, 1967; его же: Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.

[15] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. Abridged ed. N. Y., 1985.

[16] *Lewin K.* Resolving Social Conflicts: Selected Papers on Group Dynamics. Ed. by Gertrude Weiss Lewin. Harper and Row, 1948; его же:”Studies in Group Decision”, in Dorwin Cartwright and Alvin Zander (eds.), Group Dynamics: Research and Theory. Harper and Row, 1953, pp. 287–301.

[17] *Altemeyer B.* Enemies of the Freedom. San Francisco: Jessey-Buss, 1988.

[18] Более подробно типологию лидеров и формы правления рассматриваются в другой нашей работе. См.: *Налчаджян А. А.* Власть, лидерство, подчинение. — М.-Ер., 2003.

[19] *Berkowitz L. and D. Holms.* The Generalization of Hostility to disliked Objects. — “Journal of Personality”, 27, 1959, pp. 567–577.

[20] *Mackal K. P.* Psychological Theories of Aggression. Amsterdam — New York — Oxford, 1979., p. 21.

[21] *Altemeyer B.* Enemies of Freedom. San Francisco: Jessey-Bass, 1988.

[22] *Щетинов Ю. А.* В сб.: Режим личной власти Сталина. — М., 1989. — С. 55; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. // Малое собрание сочинений. — М., 1991. Т. 5–7; *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. — М., 1989. — Кн. II, ч. 1–2.

[23] *Короленко В. Г.* Письма к Луначарскому. // Новый мир, 1988. — № 10. — С. 198–218.

[24] *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб., 2000; *Чалдини Р.* Психология влияния. — СПб., 1999; *Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. — М., 1973; *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. — М., 1981.

[25] «Правда», 16 сентября 1988 года.

[26] *Щетинов Ю. А.* Режим личной власти Сталина. (В одноименном сборнике). — М., 1989. — С. 81–82; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. // Малое собрание сочинений. — М., 1991. Т. 5–7.

[27] Эти факты широко известны (см., в частности, в названных выше публикациях).
[28] *Von Lang, J. and C. Sibill* (eds.). Eichmann Interrogated. Translated from the German by Ralph Manheim. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1983.
[29] *Arendt H.* Eichman in Jerusalem: A report on Banality of Evil. New York: Viking Press, 1963.
[30] Robinson, Jacob, And the Crooked Shall Be Made Straight; The Eichman Trial, the Jewish Catastrophe, and Arendt's Narration. New York: Macmillan, 1965.
[31] *Brown R.* Social Psychology. 2nd ed. The Free Press. New York, London, 1986, p. 2.
[32] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 98–99.
[33] См. публикации Сандры Бем, а также: *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб.; М., 2001.
[34] *Morris D.* The Human Zoo. McGrow-Hill Book Company, New York etc., 1969, p. 118.
[35] Теория А. Адлера хотя и односторонняя, все же вполне применима для объяснения таких явлений. Впрочем, впервые тонкий психологический анализ этих форм компенсаций давал З. Фрейд.
[36] Для этого необходимо по-новому рассмотреть известные работы Е. Карлейла, Ф. Ницше, В. Освальда, психоаналитиков и других авторов о великих людях, не говоря уже о необходимости анализа жизни новых политических деятелей и лидеров.
[37] Подробнее см. в книге: *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980.
[38] *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. // Собр. соч.: В 3 т. — М., 1997. Т. 1. — С. 271–488.
[39] *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. — М., 1990.
[40] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 40–41; см. также: *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. — СПб.; М., 2003.
[41] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 42–43.
[42] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 260.
[43] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, pp. 263–264.
[44] *Lorenz K.* On Aggression. New York, 1967, p. 259.
[45] Bass B. and Stogdill's Handbook of Leadership (3rd ed.). New York, London, 1990.

ГЛАВА 6

Типология агрессивных людей (тип личности и специфика агрессии)

6.1. Устойчивая агрессивность: установка или комплекс характера?

Проблема устойчивости агрессивности

Люди, безусловно, различаются по уровню своей агрессивности. Есть сверхагрессивные индивиды, есть лица средней, умеренной агрессивности, встречаются даже такие, у которых агрессивность выражена весьма слабо. Но от чего зависят эти различия?

Чтобы разобраться в этом вопросе, уточним ряд понятий.

Агрессивностью, как мы уже знаем, можно назвать *устойчивый комплекс характера личности, в структуру которого входит ряд взаимосвязанных черт личности, создающих у человека склонность к агрессивным действиям по отношению к другим людям или даже к неодушевленным предметам.*

Агрессивностью называют также определенное психическое состояние человека, а именно — состояние враждебности и переживания гнева. Мы считаем, что такие состояния являются конкретными **эмоциональными актуализациями** характерологического комплекса агрессивности в определенных неприятных ситуациях.

Но можно говорить также об *устойчивой агрессивной установке* человека к определенным объектам и ситуациям. Это уже, по нашему мнению, направленные, ориентированные выражения агрессивного характера; объединение агрессивного комплекса характера с устойчивой установкой, в итоге образующей *агрессивную адаптивную стратегию*. Есть люди, которые склонны решать свои задачи преимущественно с помощью агрессивных действий.

Агрессивность – это устойчивый комплекс характера личности, в структуру которого входит ряд взаимосвязанных черт личности, создающих у человека склонность к агрессивным действиям, направленным на других людей или даже на неодушевленные предметы.

Итак, существует как агрессивный комплекс характера, занимающий ведущее место в структуре этого психологического образования личности, так и агрессивная установка. Последняя может быть более или менее обобщенной, устойчивой или узкой и фиксированной. Когда агрессивный характер постоянно актуализирован в виде соответствующего эмоционально-когнитивного состояния, мы имеем дело с тем, что называют также свободно плавающим гневом. При встрече с определенными классами объектов такая свободно плавающая агрессивность может быстро структурироваться в виде агрессивной установки к этим объектам и разрядиться с помощью насильственных действий.

Устойчивая агрессивность в повторяющихся (сходных) *ситуациях*. Есть люди, которые ведут себя агрессивно в определенных типах ситуаций, а в других не проявляют заметной, то есть выше средней по интенсивности, агрессивности. Такие ситуации, по-видимому, содержат для них фрустраторы или являются стрессовыми и поэтому — неприятными, «аверсивными». Так, человеку может быть неприятно присутствие определенного индивида, но при общении с другими он может быть вполне мирным человеком.

Устойчивая агрессивность в самых различных ситуациях. Есть люди, которые агрессивны чуть ли не во всех ситуациях своей жизни. Такое поведение — более сильный критерий для диагностики постоянной сверхагрессивности, чем повторяющееся агрессивное поведение лишь в определенных типах ситуаций.

Еще один критерий устойчивой агрессивности

Таким критерием является длительность тех промежутков времени, в течение которых индивид агрессивен. Когда человек ведет себя агрессивно в последовательных ситуациях, то это убедительный критерий того, что он — человек агрессивный. Но, как заметили исследователи, промежутки времени между этими ситуациями могут быть самыми различными[1].

Если человек ведет себя агрессивно через короткие промежутки времени, то это более слабый критерий, чем тогда, когда он ведет себя агрессивно в ситуациях, возникающих через более длительные интервалы времени — месяцы и даже годы. Если имеет место второй случай, тогда можно заключить:

а) человек имеет устойчиво высокую агрессивность;

б) на основе некоторых случаев такой агрессивности с большой вероятностью можно прогнозировать проявления его агрессивности и в новых ситуациях.

На эти различия одним из первых обратил внимание *Д. Ольвеус*[2].

Он показал, что есть люди, которые в любых ситуациях, имея свободу действий, стараются подвергнуть кого-либо агрессии, причинить боль и т. п. Это означает, что у них имеется предрасположенность к агрессии. В употребляемой в данной книге терминологии это означает, что у них ведущей адаптивной стратегией является агрессивная стратегия. Правда, при персеверативном ее применении человек чаще всего оказывается дезадаптированным.

Противоположный тип людей — мирные индивиды, которые не расположены действовать агрессивно. Можно предположить, что большинство людей занимает среднее положение между этими полюсами, отличаясь некоторой гибкостью поведения и адаптации.

6.2. Два основных типа насильников

Агрессивность является ведущей чертой многих индивидов. Однако вполне очевидно, что не все агрессивные люди одинаковы. Если все они принадлежат, по критерию высокой агрессивности, к одному общему типу (в отличие от людей со слабой агрессивностью), то вполне возможно и необходимо найти и описать *подтипы* агрессивных людей. В этом направлении в психологии уже проделана определенная

работа. Здесь и в последующих параграфах настоящей главы мы обсудим основные результаты исследований психологов.

Насильники с чрезмерным самоконтролем

До недавнего времени психологи и психиатры полагали, что люди, совершающие крайне жестокие действия, теряют нормальные внутренние тормоза, обычно сдерживающие насильственные действия. Такое ослабление внутренних тормозов считалось психическим нарушением. Однако более близкое знакомство с фактами убеждает нас в том, что люди, совершающие кровавые преступления, не всегда являются постоянно и явно агрессивными личностями с интенсивным стремлением к самоутверждению, как можно было бы предполагать. Наоборот, очень часто перед нами пассивные и замкнутые люди, мужчины и женщины с мягкими манерами. Многие из них в своей жизни не совершали заметных, тем более — опасных агрессивных действий. Они неимпульсивны, их нелегко провоцировать, они отличаются высоко развитыми способностями самоконтроля и воздержанности. У них чрезмерно прочные внутренние барьеры, стоящие на пути агрессии.

Психолог *Л. Шульц* описал интересный случай: молодой фермер замечает, что жена прелюбодействует с другим человеком, но никак внешне не реагирует на это агрессией. Более того, он принимает любовника жены в качестве гостя, угощает, снабжает работой и сельскохозяйственными орудиями и т. п. Однажды, возвращаясь из поездки, он обнаруживает, что нет ни жены, ни детей: все они бросили его и уехали вместе с этим человеком. Но и тут он никак не реагирует агрессивно. А до этого события, однажды заставив свою жену в постели с любовником, он, тихо закрыв дверь, вышел в поле и заплакал. Не было никакой агрессии! Поэтому жена и его любовник окончательно обнаглели.

Только после того как он женился второй раз и обнаружил, что вторая жена тоже предает его, он разразился в насильственных действиях и самым жестоким образом убил и жену, и ее любовника[3].

Проанализировав ряд таких фактов, *Эдвин Мегарджи* пришел к выводу, что многие из тех, кто совершает крайне жестокие насильственные действия, являются именно людьми вышеописанного типа, то есть агрессорами с сверхсильным самоконтролем *(overcontrolled aggressors)*. Это люди, которые обладают очень мощными внутренними тормозами против совершения агрессивных действий. Из-за сильного внутреннего контроля такие индивиды обычно очень слабо реагируют на провокации, предпочитая скрывать свой гнев и обиду под покровом крайней пассивности. Но если со временем провокации, то есть малые и большие фрустрации и другие неприятности, накапливаются, то даже их крайне сильные внутренние тормоза уже не обеспечивают сопротивление. И тогда эти внешне спокойные и покорные люди внезапно совершают агрессивные действия, причем совсем неожиданно для своих жертв. После совершения насильственных действий они сразу же возвращаются в свое прежнее пассивное состояние, как бы становясь неспособными даже на умеренно агрессивные действия. Многие из этих лиц после ареста превращаются в очень тихих заключенных. Применение психологических тестов показывает, что такие люди действительно обладают очень сильными внутренними тормозами (ингибиторами) против собственных агрессивных намерений. В их повседневной жизни агрессивные действия встречаются очень редко. Однако накопление агрессивности, что

характерно для них, выражается не в виде мелких вспышек: оно делает их весьма опасными в те периоды жизни, когда агрессивность, накопленная внутри психики, скрытая и подавляемая, достигает критического уровня[4].

Парадокс «неагрессивности» крайне агрессивных людей

Таким образом, перед нами очень интересное, чуть ли не парадоксальное явление, которое вызывает новые вопросы и проблемы. Парадокс этот состоит в том, что, как показали специальные исследования несовершеннолетних преступников, те из этих мальчиков, которые совершали самые жестокие преступления, на поверку (как в итоге повседневных наблюдений, так и по данным тестирования) оказываются менее агрессивными, чем те, кто совершил менее жестокие преступления. Биографические данные показывают, что эти жестокие преступники долгое время живут мирно, их трудно провоцировать, у них имеются мощные сдерживающие силы, то есть ингибиторы агрессии. В то же время менее агрессивные преступники в повседневной жизни более задиристы, часто дерутся, однако используют менее опасные для жизни виды оружия. Как объяснить данный парадокс?

Для его объяснения мы предлагаем следующую **гипотезу**:

1) агрессивность как черта характера формируется вследствие того, что человек, часто подвергаясь фрустрациям и стрессам, оказывается в состоянии агрессивности (гнева, злости, враждебности). Это состояние и соответствующие ему формы поведения закрепляются в памяти человека и сохраняют тенденцию к воспроизведению;
2) что касается описанных выше молодых людей, то у них данный механизм, по существу, не работает. У них накапливается свободно плавающий гнев, который затем разряжается в диких насильственных действиях, после чего в их психике остается «пустота», даже в какой-то мере буквально: у них не остается агрессивности. У таких людей, по-видимому, нет устойчивой агрессивности. Кроме того, их агрессия может направляться на самих себя. Данное утверждение желательно проверить экспериментально. У таких людей мы предполагаем наличие комплекса неполноценности.

Следует также выяснить, нет ли у этого типа людей страха перед возможными последствиями своих агрессивных действий. Если страх и тревога очень сильны, они вполне способны подавлять планируемые агрессивные действия. Во всяком случае, следует раскрыть природу тех мощных сдерживающих сил, о существовании которых высказал предположение исследователь данного типа людей *Э. Мегарджи*. По его мнению, такие люди предпочитают «прятать свой гнев под мнимым безразличием».

Абсолютно не контролирующие себя насильники

Второй тип — не контролирующие себя агрессоры, настоящие насильники. Это те немногочисленные мужчины и женщины, которые все время ведут себя агрессивно, переходя от одного агрессивного взаимодействия к другому. Таких людей, заключенных в тюрьму за насильственные преступления, в течение нескольких лет тщательно исследовал *Ганс Точ*[5].

Для получения достоверных данных он выбрал в качестве интервьюеров заключенных и условно освобожденных лиц, предварительно обучив их методике

исследования. Эти люди лучше понимали друг друга, и ответы заключенных были более искренними, чем если бы беседы проводили опытные психологи. Результаты исследования показали, что эти не контролирующие себя люди совершали насильственные действия исходя из различных целей и мотивов, следовательно, их можно подразделять на подгруппы. *Г. Точ* выделил нижеописанные шесть типов, которые, как считается, охватывают около 2/3 всех сверхагрессивных людей.

1. **Люди, компенсирующие свой «Я-образ»** *(self-image compensators)*. Это люди с низкой самооценкой, не чувствующие себя в безопасности. Имея очень неблагоприятное мнение о себе, они предполагают, что другие точно так же считают их неполноценными. Агрессию они применяют как для самозащиты, так и для улучшения своего «Я-образа». Это две основные функции их агрессивных действий. С помощью насилия они демонстрируют себе и другим свою силу и ценность, скрывая чувство неполноценности под маской смелости и бравады. *Г. Точ* считает, что эта подгруппа — самая большая в группе агрессивных людей.

   Мы считаем, что определенный иррационализм людей данного подтипа обусловлен тем, что они чаще всего воображают, будто другие пренебрегают ими. А это значит, что их агрессия подготавливается в результате работы механизмов *проекции* собственных представлений на других и *приписывания* (атрибуции) им таких мнений, установок и мотивов, каковых у них зачастую нет. Следовательно, эти компенсирующие люди нередко борются против ими же изобретенных мифов.

2. **Защищающиеся люди** *(self-defendors)*. Это люди, которые совершают агрессивные действия потому, что имеют сильный страх перед другими. Они боятся, что, если не нападут первыми, вскоре сами станут жертвами своих врагов. Имея глубокое недоверие к миру, они стремятся устранить опасность путем нанесения вреда, даже их уничтожением. *Г. Точ* описывает человека, который был убежден, что другие собираются убить его[6].

   Во всяком случае некоторые социальные ситуации этот индивид интерпретировал именно таким образом. И поэтому он прибегал к агрессивным действиям, чтобы предотвратить насилие со стороны других. Из-за подобного рода соображений такие люди нападают первыми. Опытным психиатрам данное явление хорошо известно.

3. **Задиры** (хулиганы, *bullies*) и **садисты**. Это люди, которые получают удовольствие от нанесения вреда, боли и страдания другим. Они составляют вторую по величине подгруппу агрессивных людей. В качестве жертв они выбирают слабых и беззащитных, благодаря чему несправедливо получают преимущество, специально создают такие условия, чтобы жертва оказалась в невыгодном положении. Они избегают честной борьбы равных, получают наслаждение от восприятия страданий своих жертв. Именно поэтому, когда во время драки жертва падает, эти садисты нападают на нее с удвоенной силой, нанося ей телесные повреждения, наслаждаясь ее криками и стонами. Таков типичный хулиган. Это опасные для общества люди. О садизме и садистах, а также о хулиганах у нас подробное обсуждение еще впереди.

4. **Агрессоры, поддерживающие свою репутацию.** У этих людей всегда присутствует неуверенность в своей значимости. Опасаясь, что ничего из себя не представляют, они с помощью насилия пытаются убедить себя и других в том, что являются людьми значительными, крупными и бесстрашными личностями. Надо отметить, что и в этом случае мы видим наличие защитной мотивации агрессии.
5. **Агрессоры, защищающие свой социальный статус.** Эти люди агрессивно нападают на других из-за того места, которое они занимают в обществе. Так агрессивно ведут себя, например, главари молодежных банд, о которых мы уже написали во второй главе настоящей книги.

   Зная основные разновидности агрессии, мы можем сказать, что у данного подтипа преобладает авторитарная агрессия, которая выражается в двух формах:
   а) агрессия ради защиты своего социального статуса от других соперников, желающих занять его;
   б) агрессия, исходящая из необходимости действовать в согласии со своим социальным статусом. Это тот случай, когда агрессивное поведение является частью социальной роли человека (например, военного, полицейского, палача). Человек, как мы уже знаем, действует авторитарно-агрессивно тогда, когда этого требует начальство, хотя он сам не питает враждебных чувств к жертве. Как мы видели при рассмотрении психологии палачей, среди них есть люди, которые даже сочувствуют своим жертвам, но вынуждены убивать их, поскольку такова та роль, которую они согласились выполнить.
6. **Потакающие себе агрессоры.** Это крайне эгоистичные люди, которые думают, будто другие люди существуют только для того, чтобы служить им. Когда другие отказываются вести себя в соответствии с их ожиданиями, они переживают гнев и предпринимают акты возмездия.

Идеи для расширения типологии агрессивных личностей

Поскольку сверхагрессивных людей много во всех сферах жизни, мы считаем весьма актуальной следующую проблему: мы полагаем, что в последнем (6-м) случае речь идет об **агрессивных нарциссах**. Действительно, если человек отличается развитым нарциссизмом, он становится крайне агрессивным особенно в тех ситуациях, где замечает, что другие не восхищаются им и не желают служить ему.

Исследования, проведенные в области политической психологии, показали, что таких людей немало среди политиков. Но у них, как мы считаем, одновременно присутствуют несколько разновидностей агрессии, которые сочетаются и усиливают друг друга. Это, в первую очередь, авторитарная и нарциссическая разновидности агрессии.

Отсюда нетрудно заключить, что выделенные *Г. Точем* типы агрессивных людей редко встречаются в чистом виде. *Реальные агрессоры являются сочетаниями этих подвидов и являются сложными личностями.* Например, человек может быть авторитарным агрессором, садистом, нарциссом и может использовать еще и различные варианты защитной агрессии.

Есть еще одна проблема: ознакомление с типологией *Г. Точа* позволяет выдвинуть еще целый ряд новых проблем и гипотез. Как мы видели, эта типология предложена исходя из того, что различные агрессоры преследуют неодинаковые цели, то есть их активность по-разному мотивирована. Такая типология имеет право на существование и полезна. Но мы видели, что один и тот же агрессор, действуя даже в одной и той же ситуации и имея одну и ту же жертву, одновременно может преследовать несколько целей. *Мотивация агрессивного поведения сложна.* Именно эти комплексные случаи наиболее интересны.

Другая проблема состоит в следующем: агрессивность, как мы уже показали, является чертой или комплексом характера. Поэтому возникает вопрос: *что считать причиной агрессивного поведения* — черту характера или же цели человека? Черту характера или же мотивы и цели личности? Каким образом агрессивность детерминирует выбор цели? Можно предположить, что агрессивность, как черта характера, у разных людей различна не просто в результате различия целей и мотивов, но и сама по себе, как психическая подструктура личности. Такие различия между людьми могут образоваться, как мы полагаем, вследствие действия следующих причин:

а) агрессивность у разных людей сочетается с различными же чертами характера: у одного — с жадностью, у другого — с властолюбием и т. д. В результате образования таких сочетаний агрессивность получает индивидуальные различия, личностную специфику;

б) агрессивность и агрессия у разных людей сочетаются с различными защитными механизмами, если даже являются ведущими в их защитных комплексах и стратегиях. Например, у одного сочетание агрессии с рационализациями порождает *агрессивные рационализации*, тогда как у других агрессия может сочетаться с проекцией и т. п. В результате этого у разных людей формируются различные защитные комплексы и стратегии с участием агрессии. Поэтому мы считаем, что вполне возможны и другие, не менее интересные типологии агрессивных людей;

в) наконец, всех агрессивных личностей можно подразделить на две большие группы: на тех, у кого агрессия имеет преимущественно защитный характер, и на тех, у кого агрессия является орудием нападения и насилия. Это различные стратегии, которые могут сочетаться в активности одного человека, но одна из них всегда становится преобладающей. Так, если у человека преобладает наступательная агрессивная стратегия, то, когда его фрустрируют и у него возникает защитная мотивация, *он отвечает неадекватно сильной агрессией*. Такой человек, из-за легкого оскорбления, может нанести другому тяжелые телесные повреждения и даже убить его. В таких случаях у агрессора часто бывает накопленный свободно плавающий гнев.

Поскольку у разных типов агрессивных людей мотивация насилия различна, неодинаковы также многие другие черты характера, то вполне понятно, что для изменения их личности необходимы различные подходы и методы работы. Такая дифференцированная система модификации поведения агрессора пока что не разработана. Для решения этих практических задач следует поподробнее разработать типологию агрессивных людей, раскрывая также пути их формирования и возмож-

ных дальнейших изменений. В качестве еще одной **гипотезы** можно сказать следующее: *различные типы крайне агрессивных людей формируются вследствие того, что в жизни индивидов каждого типа преобладали специфически виды фрустраторов и стрессоров*. Если, например, преобладали фрустрации самосознания (направленные против «Я-концепции» критические замечания, оскорбления и т. п.), образуется тип агрессора, компенсирующий свой «Я-образ», шире — свою «Я-концепцию» (первый тип *Г. Точа*). Если индивид систематически был объектом грубого физического воздействия, он с большой вероятностью станет садистом (третий тип *Г. Точа*). Если человеку угрожали смертью (например, в годы детства), он может превратиться в подтип самозащищающегося агрессора.

Конечно, в реальной жизни каждого человека бывают все типы фрустраций, стрессов и других агрессогенных факторов, поэтому речь идет о преобладающем типе таких раздражителей. Кстати, то же самое верно и для вышеописанных типов личностей, которые, как мы видели, перекрывают друг друга и сочетаются друг с другом.

6.3. Различия в порогах толерантности к фрустраторам

Описывая типы агрессивных людей, мы уже указывали на то, что одни из них под воздействием слабых фрустраторов и неприятных раздражителей проявляют сильную вербальную или физическую агрессию, тогда как другие сдерживаются, откладывают агрессивный ответ или реагируют другими адаптивными действиями.

Мы уже показали, что характер ответов на неприятные раздражители или на агрессию других и уровень самосдерживания зависят от уровня развития «Я-концепции» и самовосприятия.

Но поскольку многие неприятные воздействия на людей являются фрустраторами, то, проведя различие между разными типами агрессивных личностей, следует использовать и такое понятие теории фрустрации, как *порог толерантности* к фрустраторам.

Исходя из этого представления нетрудно видеть, что у импульсивных, вспыльчивых агрессоров толерантность слабо развита: даже на незначительные провокации они отвечают агрессивными действиями — вербальными или физическими. Причем, когда они начинают свои агрессивные действия, их очень трудно, а порой и невозможно удержать. Они, начав действовать, должны идти до конца, что уже отметили и другие исследователи агрессии[7].

Это же самое мы видим у антисоциальных агрессивных психопатов, описанных *П. Б. Ганнушкиным* и другими специалистами[8].

Описание поведения так называемых «инструментальных агрессоров» позволяет выдвинуть предположение, что у них порог толерантности выше, то есть те факторы, которые могут фрустрировать вспыльчивых агрессивных людей, этих индивидов оставляют в безмятежном состоянии. Они менее чувствительны к фрустраторам и аверсивным стимулам. У них другие цели, и ради их достижения они могут терпеть лишения и оскорбления, если, конечно, не сочетают в себе черты двух типов. Вспомним также предложенную нами концепцию о переходе от инструментальной агрессии к враждебной или преобразования одной из них в другую. Такие процессы также

возможны. Эти идеи можно расширить на основе новых эмпирических исследований. Для их получения можно использовать шкалу гнева Шпильбергера и другие методы[9].

6.4. Возможно ли смягчить агрессивность сверхагрессивных людей?

При обсуждении вынесенного в заголовок вопроса следует иметь в виду, что если в данный момент в каждом обществе есть определенное число сверхагрессивных людей, то еще бо́льшую опасность представляет появление все новых лиц описанных выше подтипов. *Общество непрерывно воспроизводит таких людей*, как, впрочем, и другие социально-психологические типы. Сверхагрессивные люди — один из социально-психологических типов со своими подтипами, с которыми читатель уже знаком.

Следовательно, перед социальными психологами, педагогами и другими специалистами стоят две взаимосвязанные задачи:

1) по возможности смягчить агрессивность уже оформленных агрессивных личностей с тем, чтобы они стали менее опасными;
2) по возможности сократить число новых сверхагрессивных индивидов, которые в настоящее время формируются в обществе, в первую очередь в семьях, учебных заведениях, в армии и полиции, в местах заключения и т. п. Следует сократить воспроизводство таких людей. В этих двух случаях нужны разные методы и меры социального и юридического характера.

Когда речь идет о смягчении или подавлении агрессивности уже сформировавшихся и зрелых агрессивных людей, можно использовать два подхода:

а) *ужесточение наказания*: усиление режима содержания под арестом, увеличение срока заключения; увеличение мощи контролирующих и наказывающих органов; ограничение продажи оружия гражданам и другие. Однако, как справедливо отмечают исследовавшие данную проблему специалисты, такие меры в отношении сверхагрессивных лиц малоэффективны, поскольку для них агрессия — приемлемая форма поведения; это их стратегия адаптации, и им нелегко от нее отказаться[10]. Можно даже сказать, что для многих из них агрессия — преобладающая, чуть ли не единственная форма поведения, других они не знают, репертуар их социальных умений и навыков весьма узкий;
б) следовательно, с ними следует работать методами психотерапии, развивая в них более зрелый взгляд на межличностные отношения и на жизнь вообще. Очень важно учить их другим, неагрессивным способам социального поведения и решения задач. Такая последовательная работа, по мнению *Г. Точа*, приводит к смягчению агрессивности таких лиц.

Что же касается воспроизводства новых поколений агрессивных людей, то следует совершенствовать семейное воспитание, не поощрять агрессивное поведение детей и подростков, обучать их мирным способам решения социальных задач, не показывать таких телепередач и фильмов, в которых много сцен поощряемого насилия. Следует показать детям и подросткам, всем людям преимущества доброты, эмпатии и мирного сотрудничества.

Обсуждаемые здесь вопросы непосредственно соприкасаются с широко дискутируемой проблемой смертной казни, о которой мы уже говорили выше как о предмете пристального внимания сегодня во многих странах мира. Есть сторонники ее полной отмены, есть и противники. Для психолога главным является следующий вопрос: предотвращает ли смертная казнь совершение насильственных действий и убийств, уменьшается ли число насильственных преступлений? Весь парадокс в том, что наличие в уголовных кодексах статей о высшей мере наказания оказывает влияние скорее всего на неагрессивных людей, которые и так не собирались совершить насилие (у них такие действия наблюдаются очень редко и случайно), тогда как на основной контингент сверхагрессивных лиц, из среды которых и выходят самые жестокие преступники и убийцы-садисты, возможность такого наказания оказывает очень слабое влияние. Почему? По той причине, что у них сформирована устойчивая агрессивная стратегия адаптации и навыки агрессивных действий, и поскольку они не способны сдерживать свои импульсы, то в ситуации, где их провоцируют, они немедленно нападают, действуя сверхагрессивно. Именно это доминирующее поведение, эта тенденция спонтанно воспроизводится из их памяти в первую очередь.

В дальнейшем необходимо исследовать, какое дифференцированное воздействие оказывает смертная казнь или угроза ее применения на различные типы сверхагрессивных людей. Общее же утверждение, распространенное среди юристов, что смертная казнь не оказывает влияния на уровень преступности, малосодержательно.

Еще одна проблема: воздействие смертной казни на потенциальных преступников зависит от того, каким образом — публично или тайно — приводится в исполнение в данной стране смертная казнь, какие способы казни преступников применяются и т. п. Данный вопрос уже исследуется юридическими психологами, и получены весьма интересные результаты.

Исследование этих проблем обогатит психологию наказания, которая уже изложена нами в предыдущих главах настоящей книги.

6.5. Истязатели женщин

Во многих странах мира женщины намного чаще, чем мужчины, становятся объектами агрессии. Представителей слабого пола подвергают агрессивным воздействиям в семье, в общественных местах, в учреждениях и т. п. Очень часто к ним применяется физическая агрессия.

Проблема, которая здесь занимает нас, следующая: какие типы мужчин чаще всего ведут себя агрессивно по отношению к женщинам? Почему у них недостаточно развиты те ингибиторы, которые обычно делают мужчин менее агрессивными к женщинам? Кто эти истязатели женщин, из-за которых страдают сотни тысяч представителей данного пола?

К решению этой проблемы можно подойти с разных сторон. Можно, например, исследовать большую выборку таких агрессоров-мужчин и раскрыть объединяющие их в один класс общие черты. Возможен и другой подход: можно исходить из уже существующей и надежной типологии агрессивных мужчин и исследовать отношение таких индивидов к женщинам. В качестве такой типологии в настоящее время исследователи берут уже знакомую нам типологию, предложенную

Э. Мегарджи. Исследования показали, что истязатели женщин также в основном бывают двух типов: *чрезмерно контролирующие себя агрессоры* и, наоборот, *абсолютно не контролирующие себя мужчины-агрессоры.* Согласно современным исследованиям, существуют соответствующие две подгруппы истязателей женщин[11].

Абсолютно не контролирующие себя истязатели отличаются тем, что применяют агрессию не только у себя дома, но и в других ситуациях, не только к женщинам, но и к другим людям. При этом они не переживают угрызений совести, сожаления и чувства вины. Они в большинстве своем относятся к агрессии как способу решения своих задач положительно. Они импульсивны и нападают на своих жен даже при слабой провокации.

Чрезмерно сдержанные (контролирующие себя) **люди, истязатели женщин**, не применяют насилие к другим людям. Они ведут себя агрессивно только после принятия алкоголя и испытывают чувство вины за свои импульсивные поступки. Это означает, что алкоголь является для них дезингибитором агрессии. Такие люди не одобряют агрессию; у них низкий уровень импульсивности. Они слишком долго сдерживают себя, не выдавая своего недовольства и «взрываясь», когда уже невозможно терпеть.

Итак, на основе проведенных исследований можно сказать, что не существует единственного типа истязателей своих жен. Выделяя два типа таких людей, психологи отмечают, что, если мы хотим смягчить их агрессию, к этим типам следует подобрать различные подходы, различные методы психологического воздействия. Так, предлагается, чтобы абсолютно контролирующие себя агрессоры внимательно следили за собой и, заметив приближающуюся «бурю», выразили агрессию в приемлемых формах. Что же касается тех, кто не способен контролировать себя, то им надо помочь стать более толерантными к фрустрациям. Они должны поверить, что способны контролировать свое поведение.

Мы думаем, что в этой области все еще предстоит выполнить большую исследовательскую и практическую работу. Можно предположить, что опасными агрессорами являются не только представители вышеназванных типов, но и люди среднего типа по критерию самоконтроля. У них также может быть высокий уровень агрессивности. Следует выяснить, не отличаются ли эти типы друг от друга и по темпераменту (например, по интровертированности и экстравертированности)? Упомянутые выше авторы, насколько нам известно, не обратили внимания на эту сторону вопроса. Следует выяснить наличие у этих типов чувств вины, стыда и других переживаний, которые, как мы знаем, связаны с моральными ценностями и возникают при совершении агрессивных поступков. В некоторых случаях, как уже показано в этой книге, они даже усиливают агрессивность человека. Наконец, полезно исследовать этнокультурные различия всех этих типов, их переживаний и поведения.

Есть ли у сверхагрессивных людей мораль? Переживают ли они раскаяние? От знания ответов на эти вопросы зависит, будут ли эффективными психотерапия и воспитание, обучение мирным способам поведения. Почему представители одного из этих подтипов не способны взять под контроль собственное поведение? Чего не хватает в их психике, какие внутренние тормозные механизмы (ингибиторы) следует у них развивать?

6.6. Возбудимые личности

Мы помним, что подтип, выделенный Мегарджи и Точем под названием «абсолютно неконтролирующих себя агрессоров», отличается возбудимостью. Но возбудимых агрессивных психопатов специалисты исследуют давно. Особенно заметные результаты получены в этом деле *К. Леонгардом* и, частично, *А. Личко*. Мы здесь рассмотрим те результаты *К. Леонгарда*, которые помогают лучше понять названный тип агрессивных людей.

Агрессивность и секс: общая динамика

Исследование возбудимых личностей раскрыл целый ряд фактов, которым можно дать определенное и в значительной мере новаторское истолкование.

Дело в том, что импульсивность, неумеренность, неспособность контролировать свои поступки и другие динамические особенности агрессивного поведения таких лиц нередко приводят к насильственным преступлениям, но они же отмечаются в их половом поведении. Их сексуальная жизнь импульсивна, их половая потребность неумеренна. Как только с данным половым партнером сексуальные потребности возбудимого субъекта плохо удовлетворяются, он легко меняет партнера. Верность не свойственна таким людям. Устойчивые связи устанавливаются лишь при условии полного удовлетворения половой потребности, а не как следствие моральной зрелости.

Таким образом, можно вывести общую закономерность, во всяком случае для рассматриваемого типа личности, а именно: *динамика сферы агрессивного поведения сходна с динамикой сферы полового поведения*. Излишне говорить о том, что их сексуальное поведение нередко насыщено агрессивностью, и наоборот.

Данные вопросы и выведенные нами закономерности станут более понятными после того, как мы ознакомимся с моралью, вернее, с отсутствием морали у этих людей. Аморальность, склонность к проституции и усиление агрессивности становятся особенно заметными в период полового созревания. На примере таких людей мы еще раз убеждаемся в существовании тесной взаимосвязи сексуального и агрессивного влечений.

Психическая регрессия и номадизм

Психическая регрессия человека, как мы уже знаем, может быть как филогенетической, так и онтогенетической. Полученные специалистами данные позволяют нам считать, что у возбудимых людей имеет место как первая, так и вторая разновидности психической регрессии.

Так, известно, что возбудимые подростки часто совершают побеги из дома, уезжают в далекие места, чтобы «повидать мир», хотя в момент побега такой цели обычно у них не бывает.

Отметив это обстоятельство, *К. Леонгард* затем продолжает: «Поскольку лица с эпилептоидными чертами характера обладают примитивными импульсами, то возможно, что в них просыпается инстинкт к бродяжничеству, проявляется извечная жажда переживаний, принимающая опять-таки древнейшую форму. Эта жажда побуждала, возможно, когда-то людей искать все новые переживания и тем самым накапливать жизненный опыт. В своей книге "Инстинкт и первичные

инстинкты" я прихожу к заключению, что примитивные (древние) инстинкты проявляются преимущественно в детском возрасте»[12].

Здесь мы видим, что в результате филогенетической психической регрессии у человека пробуждается древняя форма поведения — *номадизм*. Отсюда — побеги из дома и бродяжничество. Следовательно, в таких случаях не может быть и речи о «немотивированности» поведения человека, в том числе подростка. У него имеются очень глубокие, бессознательные мотивы, древние инстинкты, возможно — также архетипы. В трудах *К. Леонгарда* есть несколько примеров, которые, можно считать, подтверждают эти утверждения.

Особенности морального развития возбудимых людей

Моральные ценности, принципы, моральная философия человека являются мощными регуляторами поведения. Однако, как со всей ясностью показали исследования *Ж. Пиаже*[13] и *Л. Кольберга*[14], моральное созревание людей происходит неодинаково: хотя и есть общие закономерности, этапы и стадии морального развития и созревания людей, однако велики также индивидуальные различия между ними.

Есть различия в скорости морального созревания, в его темпе, в том уровне нравственной зрелости, которого достигают разные люди. Непонимание, конфликты, невозможность сотрудничать и т. п. в значительной степени обусловлены различием уровней моральной зрелости индивидов, которая, в свою очередь, тесно связана с различиями в развитии интеллекта.

Возбудимые люди, если судить по материалу, собранному клиницистами и юристами, отстают в своем моральном развитии и обычно не доходят до уровня моральной зрелости. Они не усваивают этические нормы общества. Вот как описал данный аспект психики возбудимых людей *К. Леонгард*: «Вообще, моральные устои в жизни возбудимых личностей *не играют* сколько-нибудь *заметной* роли. При "благоприятных" обстоятельствах они нередко совершают нечестные поступки, например берут то, что "плохо лежит". Уголовные преступления эпилептоидных психопатов-мужчин чаще всего связаны с *грубыми актами насилия*. У подростков наблюдаются случаи изнасилования девушек»[15].

У девушек и молодых женщин такая моральная незрелость является одной из главных причин проституции. Вновь послушаем Леонгарда: «...возбудимые личности — молоденькие девушки, а также эпилептоидные психопатки в юном возрасте нередко полностью лишены моральных устоев и легко отдаются многим мужчинам. Некоторые эпилептоидные психопатки вступают на путь проституции»[16].

Из описания возбудимого типа становится ясно, что он отличается также *экспансивностью*, то есть стремлением устанавливать большое количество связей с другими людьми. Экспансивность, как известно, может быть как позитивной (тенденцией к установлению положительных, коньюнктивных связей), так и негативной (в этом случае общаются со многими людьми с целью разрядить на них свою злость, гнев и зависть и причинить людям вред). Мы полагаем, что у возбудимых людей, тем более у патологического варианта этого типа — эпилептоидного психопата, экспансивность натуры имеет преимущественно негативный характер, что является выражением их эгоизма и агрессивности.

6.7. Когнитивные процессы вспыльчивых агрессоров

Характеристика когнитивных процессов

Исследования американского психолога *Кеннета Доджа* и его коллег позволили им выдвинуть концепцию или **модель обработки социальной информации враждебными агрессорами**. Согласно этой концепции эмоционально-реактивные агрессоры на внешние неприятные воздействия отвечают агрессивными импульсивными действиями, поскольку сразу же после восприятия внешнего стимула они интерпретируют двусмысленные действия как враждебные; приписывают людям, совершившим эти действия, агрессивные намерения; имеют относительно мало вариантов ответов на подобные стимулы и отвечают на агрессию агрессией; сознательно убеждены, что на агрессивность других людей следует отвечать агрессией[17].

Здесь мы хотели бы особо отметить одно явление, требующее более детального исследования, поскольку оно объясняет многие иные феномены, возникающие во взаимоотношениях людей: *на атрибутивную агрессивность другого человека такой человек отвечает агрессией*. Если его атрибуция ложна, тогда он своим поведением нарушит принцип справедливости и вызовет более интенсивную ответную реакцию.

Знание всех этих познавательных процессов, протекающих в психике вспыльчивого (враждебного) агрессора, очень полезно для понимания поведения этих людей. Однако, как справедливо отмечают *Л. Берковиц* и другие, это *не все* когнитивные процессы, которые протекают в психике таких людей. Имеются и другие познавательные процессы, отличающиеся от враждебной интерпретации и атрибуции.

Специфика насилия и слабость когнитивной самозащиты

Легкость перехода возбудимой личности к агрессивным действиям обусловлена целым рядом внутренних причин, среди которых ведущее место занимает, конечно, моральная незрелость. Особенно слабо развито в таких людях, как отмечает *К. Леонгард*, чувство и понимание морального долга перед обществом. До них не доходит, что нельзя прогуливать уроки, что перед начальником следует отчитываться и т. п.[18]

Тем не менее *К. Леонгард* предупреждает: нельзя считать, что такие люди совершают насилие только вследствие своей бездумности и жестокости. В спокойном состоянии — это нормальные люди, они заботятся о семье и т. п., но становятся неудержимо агрессивными вследствие аффективного напряжения.

Анализ фактов показывает, что стресс и фрустрация сразу же вызывают у таких людей *чрезмерные* агрессивные действия. Если так, можно предположить, что у данного типа людей есть еще одна причина сверхагрессивности: *у него слабо развиты неагрессивные защитные механизмы*. Этого и следовало ожидать имея в виду слабость интеллекта таких людей: когнитивная психологическая самозащита требует не только соответствующей мотивации, но и подобающего логического и психо-логического инструментария, способности аргументировать свои интересы и свое поведение.

Справедливость нашей гипотезы о слабой развитости у таких людей неагрессивных защитных механизмов подтверждается описанием особенностей мышления

данного типа личностей. Их мышление характеризуют в качестве *тяжеловесного*; их мыслительные процессы замедлены. Они с трудом понимают другого. Задавая им вопросы, приходится подолгу ждать ответа. «Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность проявляется в чрезмерной обстоятельности»[19]. Вместо того чтобы выдавать информацию о существе дела, они рассказывают о второстепенных подробностях. Низок уровень продуктивности мышления этих людей.

Мы считаем, что и *память* возбудимых психопатов неэффективно работает. В частности, замедлен процесс воспроизведения знаний, вследствие чего возникающие перед человеком задачи или не решаются, или же решаются очень медленно. Ясно, что человек с такими познавательными процессами не может осуществить эффективную когнитивную самозащиту; из-за наличия в психике такого внутреннего и постоянно действующего фрустратора у него тоже возникает стресс; возмущение и гнев усиливаются, повышается вероятность совершения импульсивных агрессивных действий.

Депрессия и склонность к самоубийству

Несмотря на свою внешнюю агрессивность и экстрапунитивность, возбудимая личность, особенно ее крайний вариант — эпилептоидный психопат, не может не чувствовать *свою слабость перед внешним миром*. Внешняя агрессия обычно не приводит к желательным последствиям. Иногда удивляются, что у таких людей отмечается *депрессия* и некоторые из них не только мучаются мыслями о самоубийстве, но и реально совершают его. Дело в том, что у представителей данного типа агрессия нередко оборачивается на них самих, происходит *конверсия* агрессивности, она принимает характер *преимущественной самоагрессивности*, а это — одна из основных причин депрессии и черта депрессивной личности.

Клиницисты приблизились к пониманию этого явления, о чем свидетельствуют, например, наблюдения *К. Леонгарда*, *А. Личко* и небольшого числа других специалистов. Так, первый, рассказывая об одном из своих пациентов, принадлежащих данному типу, заметил: «То, что параллельно со вспышками гнева проявляются *черты депрессии*, — явление обычное. У некоторых возбудимых личностей состояние психического расстройства нередко носит депрессивный характер, что толкает их в конечном итоге к самоубийству. Депрессивная настроенность требует разрядки в такой же мере, как и возбуждение»[20].

Факт, что сверхагрессивные люди чаще совершают самоубийство, чем другие, может показаться парадоксальным. Но парадокс этот — лишь кажущийся. Зная о преобразованиях агрессии и о возможности ее конверсии, мы начинаем понимать, что так и должно быть. Сверхагрессивность и экстрапунитивность, слабость самоконтроля, вызывая конверсию агрессии, делают в высшей степени вероятной именно такую разрядку агрессивности. Мы предполагаем, что конкретно это является одной из причин того, что в ряде стран Европы, где условия материальной жизни вполне удовлетворительны, совершается больше самоубийств, чем в бедных странах. Ведь в этих развитых странах *существует строгий контроль над экстраагрессивностью*, поэтому депрессивных людей значительно больше, чем в тех странах, где такого контроля нет. От глубокой депрессии до самоубийства — только один шаг.

Преступность возбудимых людей и работа механизма вытеснения

Люди рассматриваемого типа способны совершить самые злобные, насильственные преступления. Однако только в том случае, когда вследствие провоцирования приходят в состояние крайнего возбуждения. Но еще одной особенностью этих поступков является то, что их провоцируют даже не очень сильные раздражители (оскорбления, избиения и т. п.). Они под воздействием раздражителей умеренной интенсивности совершают даже убийства.

Описывая один такой случай, *К. Леонгард* отмечает очень важную особенность психической активности данного людей. Совершая проступки, они *не раскаиваются*, стараются предать забвению свой поступок; иначе говоря, они вытесняют знание о своем деянии; наконец, когда кто-либо пытается «помочь» преступнику вспомнить о своем деянии, он приходит в гневливое состояние и отвечает агрессией[21].

Подобная агрессия, однако, своеобразна. Мы называем ее *агрессией в защиту вытеснения*. Это специфический *защитно-адаптивный комплекс*, характерный для возбудимых психопатов. Анализ фактов, как мы надеемся, позволит развернуть концепцию об этом явлении.

У данного типа агрессивных людей, по всей вероятности, нарушена способность предвидения будущего, последствий своих действий, нарушено планирование будущего. Это видно из того, что им безразлично, где работать, они часто меняют место работы, пьют и т. п. У них, по-видимому, нет далеких целей (нарушено целеобразование). Проблема состоит в следующем: *какое имеют отношение эти нарушения когнитивной сферы к агрессивности?* Мы считаем, что они если и не способствуют усилению агрессивности таких людей, то, безусловно, ослабляют внутренние тормозные механизмы, сдерживающие агрессивные действия. Данную линию исследований можно продолжить на основе анализа новых эмпирических фактов.

Подобный подход, по нашему мнению, вполне применим, например, для анализа личности Наири и Карена Унанянов и его сообщников, расстрелявших премьер-министра Армении Вазгена Саркисяна, председателя Национального собрания РА Карена Демирчяна и других деятелей республики 27 октября 1999 года. Анализ имеющихся сведений об К. Унаняне допускает предположение, что он принадлежит к рассматриваемому типу людей. Характерен следующий факт: К. Унанян, убив В. Саркисяна, затем стал наносить по нему удары прикладом автомата и ногами, что свидетельствует об акцентуированности его жестокости и высокой степени возбудимости. Это эпилептоиды, которые не раскаиваются, не анализируют свое поведение, не взвешивают все «за» и «против» и т. п. Наоборот, как уже сказано, люди этого психологического типа склонны вытеснять из сферы своего сознания память о содеянном и злятся, когда их заставляют вспоминать об этом и дать отчет. Телосложение у них, по нашему мнению, должно быть близко к атлетическому.

Патологизация возбудимого типа

Крайним, патологическим вариантом возбудимого типа психопата является эпилептоидный психопат, о котором мы уже говорили. Это уже больной человек, у которого все вышеописанные симптомы получают крайнее, патологическое выражение. Вспыльчивость, сверхагрессивность, отсутствие морали, слабость интеллекта и способности к когнитивной, неагрессивной самозащите, тяжеловесность мышления, доходящая до тугодумия, и т. п. — все они становятся крайне выраженными. Очень слабо развит

у них самоконтроль. Дети этого типа почти недоступны для воспитательных воздействий. Импульсивность не преодолевается — обстоятельство, которое Леонгард объясняет тем, что, возможно, «...сама сфера инстинктов, которая порождает импульсы, остается недоступной для воспитательных мероприятий»[22].

Недоступность для реального воспитания и, вероятно, неспособность к самовоспитанию приводят к тому, что у таких психопатов не развивается эффективный самоконтроль. Приходится держать их под внешним, социальным контролем, чтобы предотвратить их импульсивные и опасные действия. Когда такого контроля нет, совершаются преступления. Все эти симптомы и синдромы наблюдаются у эпилептоидов.

6.8. «Я-концепция» и самоконтроль эмоционально-агрессивных людей

Общая характеристика

Агрессивным и неприятным воздействиям подвергаются все, хотя и в разной степени. Но не все на такие фрустрации и другие раздражители с агрессивным значением непосредственно отвечают агрессией. Вспыльчивые и враждебные агрессивные люди отвечают именно таким образом, но у других *самоконтроль* более развит, и они или откладывают свой ответ, или отвечают неагрессивными действиями.

Итак, у вспыльчивых агрессоров самоконтроль слабо развит. Почему? Мы думаем, что ответ можно найти лишь путем исследования «Я-концепции» таких людей.

Самоконтроль является функцией «Я» (самости) и его «Я-концепции» (представлений «Я» о себе). Поэтому в процессы, подготавливающие ответ человека на внешние воздействия, в том числе с агрессивным значением, включаются также процессы «Я», динамические аспекты самосознания, «игра» «Я-образов» и другие явления.

Обсуждая вопрос о неспособности таких людей контролировать свое поведение, психологи употребляют слова «контроль», «сдержанность» и другие, не раскрывая их психологического содержания[23]. А между тем эти важные понятия нуждаются в уточнении и адекватном использовании, иначе мы не сможем при анализе поведения использовать достижения теории самосознания.

Почему атрибуции опережают самоконтроль?

Когда агрессивный человек воспринимает что-либо как угрозу (например, действия и слова других людей), то есть придавая им агрессивное значение, он очень быстро осуществляет соответствующие атрибуции и переходит к ответным враждебным действиям. Эти действия нередко являются опережающими. Если бы он сдерживал себя и дал бы своим мыслям развернуться, он, возможно, и не действовал бы агрессивно. Почему так происходит?

Можно предложить следующее объяснение (пока в качестве **гипотезы**):

1) атрибуции, как подсознательные процессы, происходят быстро и непосредственно. Говоря о поспешных заключениях, как нам кажется, следует иметь в виду, в первую очередь, эти *подсознательные мгновенные атрибуции*. Феномен поспешных выводов о причинах поведения других людей заслуживает специального изучения;

2) поскольку атрибуции, возникнув или воспроизводясь на подсознательном уровне, появляются в сфере сознания и частично вербализуются, занимая, так сказать, всю эту сферу, то тем самым процесс развития других мыслей задерживается и подавляется;
3) подавляется также интроспекция;
4) блокируется возможность восприятия предупреждающих слов и других сигналов опасности: человек остается невосприимчивым («глухим») к этим сигналам;
5) одной из главных причин всего этого, помимо подсознательности психических (в основном когнитивных) процессов, является *узость сферы сознания* человека.

Причины слабости самоконтроля

Теперь мы сможем лучше понять причины слабости самоконтроля импульсивно-агрессивных людей. Ведь для того чтобы «Я» индивида могло осуществить контроль над его поведением, оно должно использовать основное свое орудие — самонаблюдение в двух его формах: как в виде интроспекции, так и в виде объективного самонаблюдения. Но если процессы атрибуции занимают весь динамический слой «подсознательное — сознание», то другим процессам, требующим участия сознания, негде развернуться. Если человек в прошлом осуществлял много сходных атрибуций и имеет устойчивую тенденцию уже *автоматически интерпретировать внешние воздействия в качестве агрессивных и угрожающих, тогда эти обычные атрибуции будут воспроизводиться молниеносно*, порождая импульсивные ответные действия агрессивного характера.

Итак, мы считаем, что основными причинами несдержанности людей являются:

а) недостаточная развитость процессов самовосприятия в его различных вариантах, но в первую очередь — неразвитость интроспекции и саморефлексии;
б) узость сферы сознания — невозможность развертывания процессов самовосприятия и других мыслительных процессов, которые помогли бы создать иные интерпретации наличной ситуации и воспроизвести в памяти иные схемы действий.

Обобщая, можно сказать, что не только привычные атрибуции, но и вообще автоматизированные привычные мнения, стереотипы и схемы действий могут придать активности человека быстротечность, почти импульсивность. Будут ли эти действия адекватными или иррациональными, зависит от содержания этих атрибуций, стереотипов и т. п.

Отсюда — практический совет, который, по существу, давно выработан: человеку лучше не давать возможность совершить импульсивные действия, сдержать его первый агрессивный порыв, чем наказать уже после совершения подобных действий. Если его внутренние сдерживающие механизмы плохо развиты, то внешнее сдерживание как непосредственная форма социального контроля предоставит ему время для более тщательного анализа ситуации, для самовосприятия и самооценки и тем самым будет способствовать развитию его «Я-концепции» и способности самосдерживания.

Мы полагаем, что исследование автоматизированных атрибуций поможет пониманию и других тонких явлений психической жизни человека. Автоматизированные атрибуции человека, как специфические психо-логические процессы, частично

вербализуются и осознаются. Результаты этих процессов выражаются в различных понятиях и изречениях, в том числе бранных. Мы обучаемся этим итогам и даже порождающим их процессам. Как нетрудно видеть, исследование импульсивной агрессии и личности враждебных агрессоров приводит нас к различным областям социальной психологии (к теории атрибуции, предрассудков и стереотипов и т. п.), открывая новые возможности для более глубокого исследования психологических аспектов человеческой агрессивности.

Все сказанное полностью и даже в большей степени касается словесной агрессии, чем даже физической. Ведь вспыльчивые агрессоры сразу же после восприятия сигналов с враждебным (с их точки зрения) значением чаще всего отвечают бурной агрессивной речью и лишь после этого или параллельно с этим переходят к физическим действиям, да и то не всегда.

Внутренний голос «Я» и различные уровни самоконтроля (новая концепция)

Существуют, по-видимому, различные уровни присутствия (и отсутствия) самоконтроля людей. Мы полагаем, что наличие таких уровней даже у одного и того же человека в разнообразных ситуациях обусловлено различным уровнем включенности «Я» и его «Я-концепции» в актуально протекающие психические процессы.

Мы уже рассмотрели случай вспыльчивых, враждебных агрессоров, у которых автоматизированные атрибуции и сцепленные с ними действия протекают так быстро, что «Я» совсем не успевает вклиниваться в эти процессы. Но бывают и другие случаи. Например, можно вообразить себе случай, когда у человека, воспринявшего сигнал с агрессивным значением, одновременно воспроизводятся два импульса:

а) отвечать агрессией, например оскорбительными словами;
б) удерживаться от подобных импульсивных действий. В последнем случае ему слышен внутренний предупреждающий «голос разума», то есть голос своего «Я». Это актуализированный ситуативный «Я-образ» пытается вмешаться в дело. Вместе с актуализацией «Я-образа» начинается процесс интроспекции[24]: человек следит за своим импульсом и действиями.

Здесь уже налицо самоконтроль и попытка самосдерживания, но они еще слабы и терпят поражение.

Третий и более высокий уровень самоконтроля налицо тогда, когда рациональное мышление, «Я-концепция» и самосдерживание так сильны, что подавляют искажающие реальность атрибуции и импульс к совершению агрессивных действий.

Существуют, конечно, и промежуточные уровни. Но мы считаем, что предложенная здесь концепция психологических механизмов самоконтроля позволяет лучше понять не только механизмы поведения различных типов агрессоров, но и создать новую типологию агрессивных личностей, основанную на внутренних психологических критериях, затрагивающих самые интимные структуры их психического строя.

Возрастной аспект проблемы самоконтроля

Очевидно, высокие уровни самоконтроля личности не появляются в готовом виде. Они являются итогом длительных процессов психического созревания и социализации личности. Мы считаем, что предложенную выше концепцию об уровнях

самоконтроля человека можно использовать также для создания ***новой возрастной периодизации развития личности.*** Соответствующими этапами будут следующие.

1. **Этап отсутствия психологического самоконтроля.** Это этап импульсивного поведения.
2. **Этап равносильных импульсов;** речь идет о двух импульсах:
   а) об импульсе к действию;
   б) об импульсе сдерживания.
   Это этап внутренней борьбы развивающейся личности.
3. **Этап успешного самоконтроля.**

При более подробном описании названных выше этапов в первую очередь следует раскрыть уровень сформированности самосознания личности, так как самоконтроль является одной из функций «Я» и ее «Я-концепции». Возникает также необходимость описать характерные формы поведения индивида на этих этапах психического развития и выяснить, почему особенности (признаки) данных этапов фиксируются и сохраняются, переходя в следующие этапы.

6.9. Агрессивные психопаты и власть

Агрессивные психопаты, как уже понятно из вышеизложенного, отличаются моральной нечувствительностью, «моральной тупостью». Но наказание как метод их перевоспитания не является эффективным, поскольку не перерабатывается во внутреннем мире, а вызывает немедленную ответную реакцию таких людей. Как говорил один из педагогов *Эрнст Папанек*, наказание учит ребенка только тому, как наказывать[25].

Поэтому гиперагрессивных психопатов стремятся лечить методом «средовой терапии»: им разрешают в определенных пределах быть агрессивными, причем эти границы устанавливаются не контрагрессией, а другими средствами. Педагоги относятся к таким детям по-дружески, проявляя понимание и уступчивость. Это терапия всей средой, в которой живет ребенок.

Но такая терапия — трудное дело. Агрессивные психопаты отличаются недоразвитием совести, отсутствием чувства собственной виновности после совершения аморальных и преступных поступков, у них отсутствуют угрызения совести. Они лишены способности любить, переживать симпатию к другим людям, для них не существует никакого морального кодекса. Такие люди, кроме того, не способны на длительные усилия ради достижения определенной цели. Даже их преступления импульсивны и не планируются заранее.

Нельзя путать психопатов с невротиками. Многие из невротиков слишком тревожны, заторможены, переживают чувство вины и угрызения совести. Только выражая свои расстройства в действиях, невротики приобретают сходство с психопатами. Психопаты же чувствуют себя уверенными, их трудно видеть дезориентированными, как часто выглядят психотики и даже невротики.

Если мы утверждаем, что у психотиков нет морали, это не значит, что они не знают моральных правил поведения. Наоборот, нередко они очень хорошо знают, что считается в обществе правильным и что неправильным. Они знают все моральные и даже юридические правила о таких явлениях, как воровство, убийство, обман, доброта

и великодушие. Они часто очень успешно воспроизводят моральный кодекс на вербальном уровне. Внешне поведение психопатов в довольно широких границах выглядит нормальным. Они ведут машину в основном в соответствии с правилами уличного движения, одеваются прилично, соблюдают правила гигиены и т. п. Но время от времени они воруют, убивают и грабят с полным хладнокровием. Зная, что правильно и что неправильно, психопаты ведут себя нормально до тех пор, пока не возникает импульс в сторону недозволенного. Они знают правила приличия, но внутренне не уважают их, соблюдая до тех пор, пока это им полезно. Такие люди могут выглядеть светскими и очаровательными. Их поведение раскованно.

Таким образом, зная моральный кодекс, психопат не чувствует, не переживает его как нечто свое и близкое, как личностную ценность; и когда его импульсы конфликтуют с требованиями этого кодекса, он без угрызений совести нарушает нормы этики. Дефективным является их совесть, говоря языком психоанализа — их «сверх-Я», причем, по всей вероятности, преимущественно его эмоциональная сторона. Хотя трудно представить себе, чтобы когнитивный блок какого-либо психологического образования был совершенно здоров, в то время как болен его эмоциональный блок. Так что здесь есть еще проблема, требующая новых размышлений и исследований.

Как формируются психопаты?

Есть предположения о наследственной и прирожденной дефективности мозга таких людей, вследствие чего их очень трудно социализировать. Все же психологи склонны считать, что главное в формировании таких лиц — холодное, крайне грубое, враждебное отношение родителей к ребенку. Правда, возможно, что первичная (наследственная) психопатия и заставляет родителей прибегать к грубым формам воздействия, которые, в свою очередь, усиливают психопатические черты ребенка.

В литературе, посвященной патологии развития, приводится немало примеров психопатов[26].

Приведем один «детский» пример и далее перейдем к психопатам-политикам, которых, по-видимому, тоже немало.

Р. Браун приводит следующий типичный пример психопата: 10-летний мальчик по имени Пол как бы носил маску враждебности к миру. Уже в 3,5 года он начал проявлять такую интенсивную враждебность и неконтролируемую импульсивность, что оказался в поле внимания психиатров. С тех пор его гиперактивность, агрессивность и деструктивность постоянно возрастали. В школе Пол нападал на некоторых детей, пытался поджечь учителя, опустошил классную комнату. Его исключили из школы, и он начал делать уроки дома, но выгонял одного учителя за другим. Психиатр заключил, что он не способен к обучению и не может нормально общаться ни с детьми, ни со взрослыми. Он не способен предвидеть последствия своих действий. Нейрологическое обследование не выявило никаких дефектов мозга. Отец явно отвергал его, часто и сурово избивал. Мать же, слабая и бездарная женщина, не имела никакого контроля над ребенком.

Пол воровал, убивал животных, наносил повреждения людям. При психиатрическом обследовании обнаружилось, что у него фактически нет совести, нет чувства вины. Он ненавидел как своих родителей, так и других авторитетных лиц. С ним невозможно было нормально беседовать, так враждебно он был настроен ко всем.

Среди агрессивных психопатов бывают достаточно умные и расчетливые люди, способные действовать целенаправленно. Такие люди избегают лечения, делают неплохую карьеру и даже оказывают влияние на мировые дела. Во время бунтов

и восстаний они играют роль лидеров, но иногда поднимаются еще выше в иерархии власти.

Так, главный психолог Нюрнбергского процесса *Дж. Джильберт* описывает Германа Геринга в качестве «любезного психопата». Этот человек в детстве рос без любви, отец его предпочитал грубую дисциплину. Одно из ранних детских впечатлений в высшей степени характерно для этого человека: когда после долгой разлуки мать подошла к нему, чтобы обнять, он двумя кулаками ударил ей по лицу. В школьные годы он был так груб, что его переводили из одной школы в другую. Он очень любил мундиры военных и парады. Во время Первой мировой войны стал воздушным асом, но, будучи крайне жадным человеком, стал брать взятки и участвовать в махинациях. Он даже пытался основать тайное общество. Увлеченный боевым духом Гитлера, он стал его преданным сторонником и достиг высот власти: занял пост председателя Рейхстага, стал руководителем германской промышленности, командующим военно-воздушными силами. Он имел много любовниц, организовывал римские оргии. Даже в дни краха Рейха он, одетый в римскую тогу, с крашеными ногтями и губами горделиво ходил в своем дворце. Во время Нюрнбергского процесса он, по свидетельству психиатра Джильберта, отличался полным отсутствием чувства вины. На него не оказывали угнетающего воздействия картины истребления людей.

У психопатов вышеописанного типа упомянутые личностные черты нередко сочетаются с нарциссизмом. Современные политико-психологические исследования показывают, что и в мирное время немало таких людей, делая успешную карьеру, занимают высокие государственные посты, вплоть до статуса глав государств.

6.10. Агрессивный комплекс в составе психопатии

В психологической литературе связь агрессивного характера с психопатией описывается так, как будто существует всего одна форма психопатии[27].

Между тем известный русский психиатр *П. Б. Ганнушкин* разработал концепцию психопатии, выделяя целый ряд типов психопатов[28]. Тот тип, который имеют в виду исследователи агрессии, совпадает с выделенной Ганнушкиным группой *антисоциальных психопатов*. Поэтому мы здесь рассмотрим основные черты этой категории психопатов, после чего попытаемся показать место агрессивности в структуре психопатической личности.

Антисоциальные психопаты

Не вдаваясь в историю вопроса, приведем основные черты антисоциальных психопатов, как они представлены в труде *П. Б. Ганнушкина* и других современных авторов. У таких психопатов резко выражены моральные дефекты. «Это — люди, страдающие частичной эмоциональной тупостью, именно отсутствием социальных эмоций: чувство симпатии к окружающим и сознание долга по отношению к обществу у них обыкновенно полностью отсутствует: у них нет ни чести, ни стыда, они равнодушны к похвале и порицанию, они не могут приспособиться к правилам общежития»[29].

Это люди *лживые* (так они стараются маскировать свои инстинкты и намерения), ленивые и не способные к регулярному труду. Серьезных духовных интересов у них нет, но очень склонны к получению чувственных наслаждений. Это развратники, гурманы, сластолюбцы, злые и жестокие люди. «Грубые и злые, они

очень рано, с детства, обнаруживают себя — сначала своей склонностью к мучительству животных и поразительным отсутствием привязанности к самым близким людям (даже к матери), а затем своим как бы умышленно бесцеремонным нежеланием считаться с самыми минимальными удобствами окружающих»[30].

Затем автор указывает на одну из главных черт характера агрессивного психопата — *всегдашнее желание досадить людям*, которое выражается в различных формах грубости, брани, битья посуды, окон и т. п. Эти люди могут избивать своих родителей, плюнуть им в лицо.

Неуважение к социальным нормам у антисоциальных психопатов выражается в форме ненависти к тём людям, которые считаются ими носителями этих норм. Чаще всего это отец, и на этой почве бывают даже убийства. «Стеснение своей свободы они вообще переносят плохо и поэтому, как правило, рано оставляют дом и семью: при отсутствии привязанности жизнь в домашней обстановке означает для них только ряд несносных ограничений и невозможность развернуть в полной мере свои своеобразные наклонности»[31].

В основном те же черты антисоциальных психопатов описывают и другие авторы: лживость и жестокость, преувеличенное «чувство» собственной ценности, недостаток эмпатии, импульсивность, неспособность брать на себя ответственность за свои поступки и т. п.[32]

Агрессивность в составе психопатического комплекса характера

Из вышеприведенного описания уже видно, что агрессивность и жестокость являются неотъемлемыми чертами характера антисоциальных психопатов. Именно таких людей *Ч. Ломброзо* назвал ***прирожденными преступниками***. «Преступление — это как раз тот вид деятельности, который больше всего соответствует их наклонности; для преступников этого рода чрезвычайно характерна полная их неисправимость и, как следствие этого, склонность к рецидивам»[33].

Из среды таких психопатов вырастают настоящие враги общества, мстящие за те ограничения, которые оно на них налагает. Они страстно борются против закона, и опасность этой борьбы еще больше увлекает их: «преступление начинает привлекать их, как любимое дело, развиваются специальные навыки и как последствие чувства обладания своеобразным талантом — известная профессиональная гордость»[34].

Вспомним «воров в законе» и воровскую гордость.

Таким образом, для лучшего понимания патологической агрессивности следует иметь в виду, что *она чаще всего является элементом более широкой структуры характера антисоциального психопата*. Необходимость такого широкого подхода отмечает также Берковиц: он пишет, что для создания целостной картины роли личности в агрессивно-антисоциальном поведении следует иметь концепцию психопатии. Исследования показали, что преступники-мужчины с максимальными показаниями психопатической личности чаще получают судимость за насильственные преступления и в тюрьме ведут себя жестоко и агрессивно[35].

Следует отметить, что убийства совершают как психопаты, так и непсихопаты, последние — даже чаще. Психопаты же чаще всего совершают грабежи и имущественные преступления. В чем причина этого? Она, по-видимому, в том, что у них преобладает инструментальная агрессия.

Исследования выявили очень важное различие агрессии психопатов и непсихопатов: «...сильное эмоциональное возбуждение (такое, как ревность, ярость и ожесточенная ссора) обычно играло ведущую роль в преступлениях, совершаемых непсихопатами»[36].

Поэтому у психопатов и непсихопатов взаимоотношения со своими жертвами различны. «Жертвами непсихопатов обычно были люди, которых они знали, в то время как жертвами психопатов чаще всего становились незнакомые им люди»[37].

Мы считаем, что это очень существенная разница и она заслуживает дальнейшего исследования. Ведь когда конфликт возникает между близкими родственниками, тем более — между членами одной семьи, это в определенной мере *вынужденный, навязанный ситуацией конфликт*. А вот конфликт с незнакомыми людьми создается по инициативе психопата.

Иначе говоря, непсихопаты чаще всего совершают насилие и убийство под влиянием враждебной агрессии, в результате ожесточенных и длительных споров, тогда как психопаты совершают сходные действия как процесс реализации преимущественно инструментальной агрессии. Поэтому они обычно убивают людей хладнокровно и не переживают раскаяния. Вспомним в этой связи турецких и немецких палачей, совершивших этноцид армян и евреев. В качестве исполнителей использовались многочисленные в этих агрессивных этносах психопаты. Можно предположить, что в составе этносов, осуществивших этноцид других народов, очень много агрессивных антисоциальных психопатов. Возможно, что существует специальный их подкласс *антиэтнических психопатов*, имея в виду, что их агрессия преимущественно направлена против других этносов. *Агрессивный психопат может быть национальным типом характера.* Отсутствие раскаяния у целых поколений за содеянные преступления огромных масштабов — явное свидетельство в пользу этой нашей концепции.

Агрессивные психопаты — политиканы

Еще *П. Б. Ганнушкин* отметил, что не все агрессивные психопаты открыто выражают свою агрессивность и неуважение к социальным нормам. Он писал: «...Некоторые из антисоциальных психопатов удерживаются в рамках общежития — это преимущественно лица из хорошо обеспеченных классов общества, не нуждающиеся в преступлении для того, чтобы удовлетворить свою жажду наслаждений; таковы многие высокостоящие политиканы, не брезгующие для своих узкоэгоистических целей никакими средствами; таковы бездушные матери, не питающие никаких привязанностей к своим детям, преследующие их строгостью и жестокостью и без сожаления бросающие их на попечение нянек»[38].

Другие исследователи заметили, что психопаты чаще, чем другие люди, стремятся занять в обществе такое положение, в котором им потребуется применить насилие. Следовательно, среди тех, кто упорно стремится к высшим статусам и власти, должно быть значительно больше психопатов, чем в среднем в данной популяции.

Но мы знаем также, что психопаты являются врагами общества, его норм и их носителей. Для чего же они стремятся к власти? По-видимому, для реализации эгоистических целей. Однако, занимая высокий статус и исполняя соответствующую роль, невозможно лишь пользоваться своими правами. Поэтому руководители-психопаты вынуждены кое-что делать и для общества. Иногда, еще находясь на

пути к власти, такие люди или их последователи создают ложные идеологии: «Мы этот старый мир разрушим и наш новый мир построим». Но что могут создать психопаты, если по своей сути они разрушители? Можно было бы привести примеры таких личностей и проанализировать их деятельность, но за неимением места мы здесь этого делать не будем.

Рационализации антисоциальных психопатов Среди холодных и бездушных психопатов встречаются такие, ум которых неплохо работает, но в основном — в двух направлениях:

а) для планирования преступлений;

б) для самооправдания. Склонность психопатов к самооправданию психиатры заметили давно, и это отмечено, например, *П. Б. Ганнушкиным*. Однако такие констатации совсем не означают, что данный аспект психической активности психопатов уже в достаточной степени изучен.

Изучить рационализации и другие защитные процессы психопатов необходимо, так как с их помощью эти люди создают для себя психологические предпосылки для своей жестокости и антисоциальных действий. Это одна из задач наших предстоящих исследований.

6.11. Почему предвосхищение наказания не удерживает психопатов?

Психопаты зачастую неудержимы при преследовании своих целей. Эта особенность есть, по-видимому, не у всех. Как мы помним, *П. Б. Ганнушкин* заметил у таких людей ленивость и неспособность к длительной целенаправленной деятельности. Это противоречие, по-видимому, снимается, когда мы принимаем в расчет то, что психопаты последовательны и неудержимы, когда преследуют свои эгоистические цели и предвкушают наслаждение.

Но здесь нас интересует другая черта этих людей, отмеченная некоторыми учеными и психиатрами-клиницистами: психопаты продолжают неудержимо стремиться к своей цели даже тогда, когда необходимо остановиться, когда на горизонте маячат наказание, неудачи и фрустрации. Неспособность сдерживать себя — одна из ключевых черт психопатов антисоциального типа, считают психологи *Дж. Ньюмен*, *Л. Берковиц* и другие. «Как убедился Ньюмен в ходе экспериментов и опыта работы с заключенными исправительных учреждений, психопаты отличаются характерным недостатком способности сдерживать тенденцию к непрерывным, ориентированным на достижение цели действиям, даже если эти действия могут привести к тому, что их накажут»[39].

Для них достижение непосредственных целей так важно, что они теряют способность взглянуть на свое поведение с точки зрения других людей и с учетом перспективы. Их мало волнует свое будущее, до такой степени они увлечены своими близкими целями. Они игнорируют опасности и, применяя даже угрозы и насилие, стремятся к своим целям.

Эта особенность антисоциального психопата представляет для нас интерес в нескольких отношениях. Во-первых, она показывает нам, что *у таких людей механизмы предвосхищения будущих фрустраций и организации предварительной психической защиты нарушены.* А между тем предварительная психическая самозащита — важный этап подготовки к встрече с будущими фрустраторами. У психопатов, по-видимому, плохо развита интуиция вообще, социальная интуиция — в частности.

Во-вторых, исследование и учет данного качества психопатов показывает нам, почему часть юристов считает, что строгие наказания, в том числе смертная казнь преступников, бесполезны с точки зрения снижения уровня преступности в обществе. Мы предлагаем следующую **гипотезу**: *если в данной стране антисоциальные психопаты составляют значительную часть преступников, тогда смертная казнь действительно будет оказывать лишь небольшое влияние на уровень преступности.* Смертная казнь удерживает от совершения насильственных преступлений непсихопатов, которые, как мы убедились выше, тоже совершают немало насильственных действий и убийств, но исходя из враждебной агрессивности и в условиях острых конфликтов с людьми, которых они знают. Психопаты же, как мы помним, преимущественно применяют инструментальную агрессию. Смертная казнь уменьшит число преступлений непсихопатов, которые боятся наказания, поскольку их умственные способности позволяют им хорошо предвидеть последствия своих действий и переживать тревогу и страх.

Завершим данный параграф следующим вопросом: отличаются ли друг от друга этнические сообщества и вообще государства по критерию соотношения агрессивных и антисоциальных психопатов и непсихопатов? Эта проблема представляет интерес и для этнопсихологии.

6.12. Проблема возрастного развития агрессивных психопатов

Данную проблему мы уже обсудили на основе лонгитюдных исследований *Д. Веста, Д. Фаррингтона, Дж. Ольвеуса* и других психологов. Но один фундаментальный вопрос все же остался неясным, особенно для случая не просто всех агрессивных людей, а относительно агрессивных психопатов.

Дело в том, что с возрастом не все агрессивные подростки с психопатическими чертами окончательно становятся психопатами. Часть из них меняется в сторону нормального развития. Поэтому в настоящее время психологи и психиатры «...не квалифицируют людей как психопатов до достижения ими возраста 18 лет. Кроме того, не каждый психопат или, в данном случае, не любая агрессивная антиобщественная личность, обязательно будет обладать характеристиками, указанными в списке признаков психопатии»[40].

Но вопрос, оставшийся без ответа, следующий: *почему одни меняются и не превращаются в полных психопатов, а у других развитие идет в этом направлении?* Только ли внешние условия повинны в этом, или же у разных индивидов различны какие-то внутренние условия: у одних они способствуют, а у других препятствуют развитию психопатического характера? Эта проблема требует должного внимания психологов и психопатологов, поскольку имеет огромное научное и практическое значение.

6.13. Хулиганы и хулиганство

Допсихологическая характеристика

Начиная с этого параграфа мы рассмотрим целый ряд вопросов относительно такого распространенного явления, как *хулиганство*. Мы считаем, что типичный **хулиган** — *тип агрессора,* который должен быть изучен досконально, иначе невозможно будет оказать влияние на распространенное общественное явление хулиганства.

Слово «хулиган» — английского происхождения (*Hooligan*; *Hooliganism* — хулиганство).

В словаре *С. И. Ожегова* слово «хулиган» определяется как «тот, кто занимается хулиганством, грубо нарушает общественный порядок», а «хулиганство» — это «поведение, обнаруживающее явное неуважение к обществу, к достоинству человека, крайнее бесчинство»[41]. А бесчинство — это грубое нарушение общественного порядка.

Из этих характеристик видно, что хулиганство объединяет разнообразные формы агрессии, направленные против людей, социальных норм и институтов. Такое поведение свойственно человеку, у которого существует активная антиобщественная установка, такая активная, что как бы нарушает закон или «парадокс Лапьера» и очень часто выражается в антисоциальных действиях. Крайняя форма хулиганства — это уже патология. По-видимому, это именно один из типичных случаев того явления, которое называют *социопатией*.

Хулиган — авторитарный агрессор

Психологические исследования агрессии и агрессивных людей позволили подойти к более строгой научной характеристике хулиганства и хулиганов как определенной категории личностей, встречающихся, по-видимому, во всех обществах. Прежде всего необходимо отметить, что хулиганство — общечеловеческое явление. Хулиганы есть везде, даже среди самых культурных и миролюбивых народов. Этнические различия хулиганов разных народов, конечно, имеются, но нам не известны специальные исследования этих различий. Это, по нашему мнению, особый тип агрессивного человека, и его, а также группы подобных индивидов нужно исследовать именно с этой точки зрения.

Типичные формы поведения хулиганов

Из психологических исследований хулиганства в первую очередь следует упомянуть здесь работы шведского психолога *Д. Ольвеуса*, который исследовал около 1000 школьников своей страны в возрасте 12–16 лет. По его просьбе учителя указывали на тех школьников, которые в классах подавляют других, причиняют им беспокойство как физическими, так и психологическими способами.

Д. Ольвеус пришел к выводу, что около 5 % мальчиков-школьников являются хулиганами. Можно предположить, что и в других странах среди мальчиков-школьников, да и среди девочек немало хулиганов и хулиганок. При дальнейшем более широком исследовании данного явления следует привлекать для анализа материалы уголовных дел. Отметим, что в уголовных кодексах современных государств имеются статьи о хулиганстве и о наказаниях, предусмотренных для мелких и злостных хулиганов. Например, в новом Уголовном кодексе Республики Армения это статья 258.

Мотивация хулиганства

Анализ данных, приведенных в публикациях *Д. Ольвеуса*, позволили *Л. Берковицу* прийти к очень важному предположению, что «...агрессия, проявляемая мальчиками, была инициирована ими самими, а не вызвана реакцией на специфические неприятные условия»[42].

Итак, агрессивные действия хулиганствующих мальчиков имели, преимущественно или полностью, внутренне детерминированный характер. Эта внутренняя мотивация агрессивного поведения, конечно, имеет свою предшествующую историю в возрастном развитии личности хулигана, и было бы полезно знать механизмы ее формирования. Но когда такая мотивация уже сформирована, она становится почти *автономной* в смысле свободы от воздействия непосредственных социальных ситуаций.

Хулиганы сами создают такие ситуации, в которых могли бы реализовать свои агрессивные импульсы и намерения. *Намерения* человека, как известно, являются осознанными мотивами. Но нет сомнения, что мотивация поведения хулигана более сложна и содержит также подсознательные тенденции. Такое понимание *многоуровневой мотивации* позволяет нам лучше понять, какой вид агрессивности преобладает в поведении хулиганов.

Следует добавить, что, по мнению *Д. Ольвеуса*, хулиганы действовали *не исходя* из стремления компенсировать свое скрытое чувство неполноценности. Но это сложный вопрос и требует дальнейших исследований.

Являются ли хулиганы «инструментальными агрессорами»?

Под понятием «инструментальный агрессор» мы имеем в виду агрессивного человека, который почти всегда совершает насильственные действия ради достижения других целей — власти, богатства, сексуального наслаждения и т. п. Ясно, что противоположным типом можно считать «враждебного агрессора», для которого насилие является самоцелью, источником наслаждения.

Но является ли хулиган чисто инструментальным типом агрессора?

Положительный ответ на данный вопрос мы находим у Берковица, который прямо пишет следующее: «Хулиганы — это хороший пример инструментально ориентированных агрессоров, поскольку они часто пытаются запугивать или даже нападать на других с преднамеренной попыткой принуждения»[43].

В качестве доказательства этой точки зрения упоминается, что, нападая на людей, эти мальчики не переживали эмоциональной ярости: они действовали намеренно и хладнокровно.

Наши наблюдения свидетельствуют, что у хулиганов все же есть свободно плавающий гнев, они ищут жертв, и у них, если жертва оказывает сопротивление, появляется враждебная агрессия. Или, возможно, инструментальная агрессия *превращается* во враждебную.

Последнее происходит вследствие того, что индивид забывает, так сказать, *теряет свою основную цель и заменяет ее целью получения наслаждения от самой агрессии*. Это **новая** точка зрения, и требует дополнительного эмпирического обоснования, хотя интуитивно ее справедливость ясна.

Мы полагаем, таким образом, что **хулиганы** — *комплексные агрессоры* в смысле сочетания различных видов агрессивности и агрессивных действий, но у них

преобладает инструментальная агрессия. Отличие от других инструментальных агрессоров состоит в том, что цели, которых они добиваются с помощью насилия, низкого уровня, так сказать, антисублимационные.

Предложенная только что точка зрения, согласно которой инструментальная агрессия хулигана без особого труда может перейти во враждебную форму, находит поддержку в следующем утверждении *Т. Миллона*: «...рассвирепев, они (хулиганы. — *А. Н.*) готовы излить негодование, продемонстрировать свою неуязвимость и восстановить достоинство»[44].

Это замечание сделано после описания хладнокровности и расчетливости хулиганов.

Итак, во многих случаях хулиганства мы можем наблюдать ***три этапа*** действий:

1) этап применения инструментальной агрессии;
2) очень короткий этап перехода к враждебной агрессии («рассвирепения»), появления враждебности и гнева;
3) этап применения враждебной агрессии, часто в сочетании с инструментальной. Мы полагаем, что такое сочетание наиболее разрушительно.

Хулиганы — авторитарные агрессоры

Идея о преобладании в поведении хулиганов инструментальной агресси подсказывает нам, что следует попытаться определить тот спектр неагрессивных целей, которых добивается хулиган с помощью агрессии. Это может стать очень интересным направлением исследований, ведущим к созданию типологии хулиганов по критерию преследуемых ими основных целей.

Но в материалах, имеющихся в нашем распоряжении, есть данные о том, что среди целей хулиганов не последнее место занимают ***авторитарные цели***.

Так, исходя из полученных *Д. Ольвеусом* данных Берковиц предположил, что хулиганы «пытались утвердить свое господство и стремились контролировать окружающих»[45].

Он приводит также слова психолога *Джона Локмана* о том, что «хулиганы испытывают сильную потребность контролировать других людей... Им нужна маска власти, чтобы скрыть страх, что они не владеют ситуацией»[46].

С неменьшей ясностью выразил сходную точку зрения *Д. Фаррингтон*: «Обычно хулиганы агрессивны, грубы, сильны и самоуверенны... они получают удовольствие от запугивания окружающих и испытывают сильную потребность в господстве». Они любят «ощутить свою власть и превосходство»[47].

Этих замечаний достаточно для того, чтобы предложить следующую **гипотезу**:

1) хулиганство — авторитарная агрессивность, а типичные хулиганы — авторитарные агрессоры;
2) мы предполагаем, что среди политиков и других людей, стремящихся к власти, много бывших или даже сегодняшних хулиганов.

С этой точки зрения было бы интересно исследовать политическую элиту разных стран, высших и средних руководителей различных учреждений, в том числе в сфере бизнеса.

6.14. «Я-концепция» хулигана

Из описаний хулиганских действий нетрудно видеть, во-первых, наличие у них сильных внутренних мотивов, во-вторых, желание хулигана что-то доказать не только окружающим, но и самому себе (второе, возможно, в большей степени).

Но что именно?

Уже упомянутый *Т. Миллон* указал на следующее: хулиганы стремятся убедить себя, что они грубые, сильные и властные. Они презрительно относятся к чувствительным людям, способным к состраданию и нежности.

Для каждого психолога вполне понятно, что такое стремление исходит из структуры «Я» личности и ее «Я-концепции»; что в «Я-концепции» личности есть нечто такое, что ее не удовлетворяет, и он стремится как-то компенсировать это недостающее звено (например, повысить самооценку); такая личность будет использовать характерные способы психологической самозащиты.

Отсюда ясно, что **самоуверенность хулиганов** — *это компенсаторное образование*: под ним лежит неудовлетворенность собой и даже комплекс неполноценности, который, по-видимому, сформировался в детстве. Дело в том, что большинство хулиганов происходят из неблагополучных семей, в которых они были лишены внимания и ласки родителей.

Конечно, есть много людей с ущербной «Я-концепцией». Поэтому требует ответа следующий вопрос: почему хулиган выбирает именно агрессивную стратегию самоутверждения и адаптации, в то время как существуют и другие возможности? Мы думаем, что причин несколько:

а) их физическая сила и ловкость или, по крайней мере, вера в обладание этими качествами;

б) положительное подкрепление агрессивных действий, успех, достигаемый с помощью насилия.

Такому развитию способствуют многие родители, не способные предвидеть его последствия. Есть среди них и такие, которые сами являются хулиганами и хотели бы, чтобы свои дети становились такими же людьми.

6.15. Гендерно-психологический подход

Несмотря на быстрое развитие гендерно-психологических исследований, специалисты по психологии человеческой агрессивности почти не используют приобретенные в этой области знания. Мы же думаем, что для понимания феномена хулиганства некоторые результаты гендерной социальной психологии представляют несомненный интерес.

Можно предположить, что хулиганы мужского пола — подростки, юноши и даже взрослые — идентифицируют себя с мужской гендерной ролью в ее крайнем и искаженном выражении, как она дана в сознании низших слоев общества. Примитивное понимание мужественности включает в себя обязательную агрессивность и нежелание уладить возникающие проблемы мирными способами. Полагаем также, что у многих хулиганов имеет место явление, получившее название в ген-

дерной социальной психологии *компульсивной* или *компенсаторной мужественности*. Эта концепция разрабатывается *Ш. Берн* и представлена в ее книге[48].

Под компенсаторной мужественностью понимают совокупность качеств (эмоциональную и физическую жестокость, подчинение женщин и связанное с риском поведение), с помощью которых мужчины компенсируют свое несоответствие общепринятому стандарту мужественности. Мы считаем, что гендерный подход и идея компенсаторной мужественности имеют перспективы применения в области психологии человеческой агрессивности и психологической самозащиты людей, в том числе и в особенности — психопатов и хулиганов.

6.16. Хулиганство — источник социальных конфликтов

Конфликтогенность хулиганов

Мы отметили, что антиобщественные поступки хулигана имеют преимущественную внутреннюю мотивацию. Хулиган — это человек, который сам намеренно создает социально-психологические конфликты с другими людьми. Интересно знать, с какими людьми предпочитают конфликтовать хулиганы.

1. Исходя из литературных данных и наших собственных наблюдений мы утверждаем, что хулиганы в первую очередь предпочитают конфликтовать с представителями власти (с полицейскими, руководителями учреждений и т. п.). Этих людей можно считать своеобразными жертвами хулиганов, хотя они имеют все возможности давать им отпор.
2. Другая группа предпочитаемых жертв хулиганов — это заметно превосходящие их по умственному развитию и интеллектуальными достижениями личности. Выбор таких жертв показывает, что **хулиганы** — *завистливые люди*. А зависть, как мы помним, всегда насыщена агрессивностью.
3. Наконец, жертвами хулиганов нередко становятся беззащитные люди (старики, больные и дети), не способные давать им отпор.

Хулиганы, как авторитарные и агрессивные люди, уважают лишь тех, у кого большая физическая сила и хулиганские черты, а также криминальных авторитетов, с которыми они, возможно, стремятся идентифицировать себя.

На стремление хулиганов намеренно провоцировать других на конфликт указал специалист в области психического здоровья, уже упомянутый нами *Теодор Миллон*. Он говорил: «Они ищут повода для ссоры, часто, кажется, сами лезут в драку и, по-видимому, им нравится драться, доказывать свою силу, проверять свои умения и силы. После периодических успехов в прошлом они становятся уверенными в своей отваге. Они намеренно могут стремиться к опасности и трудным ситуациям. Они не просто ведут себя дерзко и безрассудно, но кажутся при этом уравновешенными»[49].

В проблеме конфликтности хулиганов один вопрос остается неясным: имеют ли они внутренние конфликты и не являются ли создаваемые ими внешние конфликты результатами их экстериоризации? Ведь для того чтобы постоянно стремиться к провоцированию конфликтов с людьми, надо иметь нерешенные внутренние

проблемы (конфликты, диссонансы, фрустрации), которые создают у человека психическую напряженность и мотив освобождения от нее. Наш ответ на поставленный вопрос положительный, хотя было бы неплохо получить результаты самонаблюдений самих хулиганов. На справедливость данного подхода указывает также упомянутая выше концепция компенсаторной мужественности *Ш. Берн*, что является свидетельством того, что хулиган всегда недоволен своей мужественностью и ощущает потребность вновь и вновь доказывать себе и другим свою гендерную полноценность и соответствие своему представлению о типичных мужских ролях в данном обществе или в своей субкультуре.

К чему приводят создаваемые хулиганами конфликты?

То, что происходит с жертвами, более или менее ясно, хотя современная психологическая виктимология, как мы видели в предыдущих главах, находится в начале своего развития.

Но решают ли хулиганы те психологические задачи, которые осознанно или неосознанно толкают их на хулиганские действия? Безусловно, нет! Результаты противоположны ожидаемым.

Действия хулиганов вызывают ответную агрессивную реакцию и наказание, хотя бы психологическое: презрительное отношение, избегание от общения, изоляцию и т. д. В результате своих действий хулиганы отчуждаются от большого общества и даже от своих близких людей. Наконец, состояние постоянной настороженности требует от них расхода большого количества физической и психической энергии.

Иначе говоря, если до совершения новых хулиганских поступков эти индивиды были дезадаптированы в обществе, то с каждым новым хулиганским актом их дезадаптация усугубляется. Напомним также, что уголовные кодексы многих стран содержат статьи о хулиганстве.

6.17. О познавательных способностях хулиганов (хулиганская психо-логика)

Какими бы ни были импульсы хулиганов, их поведение в значительной мере определяется познавательными процессами, в особенности мышлением и воображением.

Какими особенностями отличается мышление хулиганов?

Мы считаем, что мышление этих сверхагрессивных людей в первую очередь отличается иррациональностью.

В чем она, эта иррациональность, выражается?

Вот некоторые аспекты иррациональности мышления:

а) иррациональность мышления и воображения хулиганов выражается в неспособности предвидеть различные последствия своих действий. Образы будущего в их сознании искажены и толкают их на бесперспективные поступки;
б) «Я-концепция» хулигана также отличается иррациональностью: его актуальный «Я-образ» искажен, и он стремится к такому идельному «Я», который нерационален и недостижим;
в) хулиган плохо понимает психическую жизнь людей, и он искажает их образы с помощью иррациональных проекций и других видов атрибуций;

г) хулиган плохо знает социальные нормы, а в тех случаях, когда знает, неверно истолковывает их.

Хулиганская психо-логика хорошо выражена в изречении: «Законы созданы для того, чтобы их обходить». Или мысли о том, что мораль — это химера. Мы считаем, что в хулиганской субкультуре каждой страны можно найти немало других высказываний, подтверждающих наше представление о природе психо-логики этих людей.

Из иррациональности мышления хулиганов (а не только из их мотивов и черт характера) исходят иррациональные действия и поступки, например безрассудная надменность, которая наблюдается не только у индивидов, но и у групп хулиганов и даже у определенных этнических групп.

Одним из главных путей дальнейшего исследования хулиганов и других агрессивных психопатов является исследование их *психо-логики*, своеобразия их мышления и воображения, тех устойчивых психологических формул, которые регулируют их поведение. Только описание их агрессивного поведения недостаточно: от наблюдаемого поведения и речи следует идти «назад», в глубь сознания и подсознательного этих индивидов.

Эгоцентричность мышления. Следует предположить, что у типичных хулиганов мышление осталось на уровне эгоцентризма. Во всяком случае, в области психологии психопатов и хулиганов следует проводить исследования, опирающиеся на концепции *Ж. Пиаже и Л. Кольберга*.

Даже у тех психопатов, которые имеют некоторый прогресс в психическом развитии и созревании, в ситуациях стресса и фрустрации без труда происходит регрессия к фиксациям детских лет, в частности — к эгоцентрическому уровню мышления.

Психическая регрессия и анимизм хулиганов. Имея в виду бросающуюся в глаза иррациональность поведения и мышления хулиганов, естественно задать следующие вопросы.

1. Не находятся ли они в состоянии хронической психической регрессии?
2. В какой мере в их психике актуализированы анимизм и другие формы архаического мышления? Например, иррациональная самоуверенность и мегаломания хулиганов намекают на активность в их психике архаических форм мышления и воображения. Не живут ли они в мире мифов и легенд, как их далекие предки?

Недоразвитость эмпатии. Эгоцентричность и общий низкий уровень интеллектуального развития хулиганов выражается в слабости их эмпатии или даже в ее отсутствии. Их поведение выражает признаки отсутствия способности к симпатическому сопереживанию. По этой причине хулиганы дают простор своим желаниям и прихотям, совсем не учитывая нужды других. Хулиганы готовы причинить ущерб другому, лишь бы добиться собственных целей. Эгоцентризм, эгоизм и жестокость (как последствия отсутствия или зачаточности эмпатии) — в числе главных психических черт хулиганов-психопатов.

Одним из признаков недоразвитости эмпатии является отсутствие чувства вины и неспособность формировать прочные дружеские узы с людьми. На основе анализа конкретных случаев эти особенности психопатов показали *У.* и *Дж. Маккорды* и другие исследователи[50].

6.18. Атрибуция и «радиация агрессии»

Если у человека выраженный агрессивный характер, тогда у него нередко можно наблюдать явление, которое мы считаем возможным назвать «радиацией агрессии». Речь идет о следующем: человека фрустрирует фактор $Ф_1$, и он отвечает на него физической или психической агрессивной реакцией. Но после этого он реагирует агрессией на целый ряд других раздражителей, которые одновременно или последовательно воздействуют на него. Мы полагаем, что это возможно лишь в том случае, когда новым раздражителям приписываются качества фрустраторов или аверсивных факторов и на них переносятся агрессивные установки личности.

Такая форма поведения, в виде цепи агрессивных действий, нередко наблюдается у хулиганов, психопатов и преступников, отличающихся общей антисоциальной направленностью. Данная форма агрессивного поведения под названием «генерализации реакции» известна психологам, но мы считаем важным показать, что она является результатом работы таких фундаментальных психологических механизмов, как атрибуция и перенос, а последний, как известно, предполагает также замену объекта агрессии. В подобных случаях агрессивные реакции человека внешне разнообразны, но у них сходная мотивация — агрессивная и враждебная.

Данную концепцию желательно проиллюстрировать примерами тех агрессивных индивидов, которые за короткое время (одновременно, симультанно) совершают ряд вредных, антисоциальных действий. Из уголовной хроники нетрудно найти соответствующие примеры. Это явление так называемой одновременной последовательности. Оно подробно исследовано и в лабораторных условиях с применением методики Басса. Склонные наказывать других (экстрапунитивные) люди проявляют данное свое качество везде, где это возможно и не чревато для них вредными последствиями. Люди данного типа одинаково часто проявляют как физическую, так и вербальную агрессию. Исследования, проведенные среди младших школьников как в США, так и в европейских странах, показали, что дети, часто нападающие на своих сверстников физически, так же часто оскорбляют их словами[51].

Примечания

[1] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 162.
[2] *Olweus D.* Personality factors and aggression. With special reference to violence within the peer group. — In J. de Wit and W. W. Hartup (Eds.), Determinants and origins of aggressive behavior. The Hague: Mouton, 1974, pp. 535–565.
[3] *Schultz L. G.* The wife assaulters. “Journal of Social Therapy”, 1960, 6, pp. 103–111.
[4] *Megargee E.J.* Uncontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. “Psychological Monograph”, 1966, 80 (Whole No. 611); *Megargee E. L.* The role of inhibition in the assessment and understanding of violence. Ed. by J. L. Singer. New York: Academic Press, 1971.
[5] *Toch H.* Violent men. Chicago: Aldine, 1969.
[6] *Toch H.* Violent men. Chicago: Aldine, 1969, p. 164.

[7] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 190; *Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. — М., 2000 и др.
[8] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998.
[9] Об этих методах упоминает, например, *Л. Берковиц.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 190.
[10] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 211; *Bandura A.* Aggression: A social-learning analysis. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1973.
[11] *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997. — С. 213–215.
[12] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 141.
[13] *Piaget J.* The moral judgment of the child. London, 1932.
[14] Recent Research in Moral Development. Ed. by L. Kohlberg and E. Turiel. New York, 1972. См. также: *Кон И. С.* Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры. // В сб.: Социальная психология личности. — М., 1979. — С. 85–113.
[15] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 141.
[16] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 141.
[17] См. в книге: *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 188–189.
[18] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 142.
[19] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 142.
[20] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 144–145.
[21] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 152–154.
[22] *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 143.
[23] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 189.
[24] Подробно разработанная концепция интроспекции, основанная на современных представлениях о структуре и динамике самосознания, нами предложена в другой книге. См.: *Налчаджян А. А.* Личность, психическая адаптация и творчество. — Ереван, 1980. — Гл. 1.
[25] См. в книге: *Brown R.* Social Psychology. New York, 1966, p. 389.
[26] Developmental abnormal psychology. A Casebook. Ed. by M. Roff, W. Mink and G. Hinrichs. New York, London, 1966; *Brown R.* Social Psychology. New York, 1966; *Wait R. G. L.* The psychopathic God. Adolf Hitler. Da Capo Press. New York, 1993; *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998; *Леонгард К.* Указ соч.; *Личко А. Е.* Типы акцентуации характера и психопатий у подростков. — М., 1999.
[27] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 181–185.
[28] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 149; и др.
[29] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 149.
[30] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 150.
[31] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону. 1998. — С. 150.
[32] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 182.
[33] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 150.
[34] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону. 1998. — С. 150–151.
[35] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 182–183.
[36] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 183–184.
[37] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 184.
[38] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 151.
[39] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 184.
[40] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 185.
[41] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1961. — С. 857.
[42] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 179.
[43] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 178–179.
[44] *Millon T.* Disorders of Personality: DSM-III; Axis II. New York: Wiley-Interscience, p. 213.

[45] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 179.
[46] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 179.
[47] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 179 (в подстрочном замечании).
[48] *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб.-М., 2001.
[49] *Millon T.* Disorders of Personality, pp. 212–213; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 180.
[50] *McCord W. and McCord J.* The psychopath: An essay on the criminal mind. Princeton (N. J.): Van Nostrand, 1964; см. также в книге: *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 181.
[51] См. ранее указанные работы Д. Ольвеуса, Л. Берковица и других специалистов.

ГЛАВА 7

Садизм, мазохизм, вандализм

В предыдущих главах мы уже говорили о жестокости, садизме, мазохизме и вандализме, но лишь вскользь, в контексте обсуждения других вопросов психологии агрессивности. Здесь же мы намерены обсуждать эти явления более подробно и систематизировано. По существу, речь пойдет о патологически усиленных формах агрессивности, результатом чего обычно являются разрушения материальных и духовных ценностей, насилие и преступления, вплоть до убийств. Эти явления давно интересуют человечество, являются его вечными заботами, но начиная с середины XX века исследуются в научной психологии личности, социологии и социальной психологии.

7.1. Садизм и мазохизм

Общее определение садизма

Садизм — *крайняя жестокость, агрессивность характера, при которой человек совершает агрессию и насилие не столько для того, чтобы добиваться каких-то целей* (высокого статуса, материального благополучия и т. п.), сколько *как самоцель, как средство получения функционального наслаждения*. Следовательно, садист — это такой человек, который получает удовольствие от того, что причиняет страдание другому человеку. И поскольку агрессия является источником удовольствия для такого человека, садист стремится причинить страдания другим людям, обесценивая и дискредитируя их, лишая их достоинства и гордости.

Еще французский исследователь *П. Бове* в начале 1920-х годов показал, что жестокость, которая независима от инстинкта драчливости, основывается на эгоистической потребности самосохранения. Отличающийся такой жестокостью человек избегает страдания и старается переложить его на другого, того, кто вызвал в нем страх[1].

Садизм, как потребность причинить страдания другому человеку и наслаждаться этим долгое время, считался сексуальным нарушением, принадлежащим к области психопатологии[2].

Однако расширение исследований этого явления показало, что садизм является общечеловеческим феноменом и должен изучаться в рамках психологии нормального человека. И в этом случае различие между нормой и патологией — скорее в степени, чем в качестве. Источником жестокости *П. Бове* считал инстинкт драчливости. *Конрад Лоренц*, чьи взгляды на агрессию мы рассмотрели со всей подробностью, по-видимому, кое-что позаимствовал у него. Этот инстинкт как бы заставляет человека совершать агрессивные действия и наслаждаться созерцанием чужого страдания.

Эрих Фромм перечислил основные особенности садизма.

1. Страсть к приобретению абсолютной власти над живыми существами, стремление унижать, оскорблять их, превращая их в «вещь», собственность, а самому стать для них богом. Иногда садист действует в пользу другого, спо-

собствует его развитию, лишь бы иметь над ним власть. Но обычно садизм является недоброжелательным, оскорбляющим, издевательским. Римские императоры Калигула и Нерон, из наших современников — Гитлер, Сталин и многие другие большие и маленькие лидеры были садистами. Здесь достойно внимания то, что *Э. Фромм* прямо связывает садизм с властолюбием и применением власти.

2. Садизм является образом жизни, способом решения проблем существования, экзистенциальных задач.
3. Садизм приводит к изоляции человека от других, нередко это путь в безумие, поскольку абсолютная власть невозможна. Цели садистической установки недостижимы, и человек сходит с ума, оставаясь без близких людей.
4. Когда такие крайние садисты добиваются успехов, становятся полководцами или государственными деятелями, люди прославляют их как героев. А когда они терпят поражение, их объявляют преступниками и сумасшедшими.
5. Каждый даже скромный член общества имеет влияние над кем-либо, а следовательно, и некоторую возможность проявлять садизм.

Садизм создает *иллюзию всесилия*: многим людям, особенно тем, кому не удалось жить продуктивной жизнью, кажется, будто садисты преодолевают ограниченность пределов человеческих возможностей. О Наполеоне говорили, что он «раздвинул границы славы». Но при этом не замечают, что мотивация садизма — низкого уровня, в ней нет сублимации. Потребности многих садистов тривиальны. *Это люди, которые сумели преобразовать свое чувство бессилия в чувство всемогущества. Э. Фромм* назвал садизм «религией психологических калек»[3].

Крайние случаи садизма встречаются сравнительно редко. У каждого человека садистические и другие, так называемые «жизнеутверждающие» тенденции сбалансированы так, что ограничивают совершение жестоких действий. Поскольку садисты желают установить свою власть над людьми, им нужны подчиненные. Поэтому они сохраняют жизнь этих людей или части из них. Этим садист отличается от «простого разрушителя», который стремится уничтожить все живое.

Садист не любит сражаться с сильным противником. Его жестокие действия стимулируются тогда, когда он встречает слабых людей и животных. Он не любит соперничать с равными противниками, так как в этом взаимодействии не может переживать чувства превосходства и обладания властью над другим. Садист восхищается теми людьми, которые добились власти, уважает и даже любит их, а вот слабых презирает и желает подчинить своему контролю.

Садист, согласно *Э. Фромму*, боится всего нового и непредвиденного. Но поскольку «жизнь структурирована, но непредвидима и неупорядочена», он боится жизни[4].

Для садиста в жизни достоверна только смерть. Он не способен любить. Чтобы быть способным любить другого, человек должен, по теории Фромма, уметь любить себя и вызывать в других любовь к себе. Но при этом всегда имеется риск получить отказ и отпор. *Возможность неудачи пугает садиста.* Он может любить кого-либо только тогда, когда властвует над ним.

Садист — это одновременно *ксенофоб* (то есть человек, который боится незнакомых, чужаков) и *неофоб* (он боится всего нового). Поскольку все чужаки являются

новыми людьми, он их боится. Он подозрителен и тревожен, он не способен на спонтанные реакции на новизну.

Наконец, садист имеет характер подчиненного и трусливого человека. Он ощущает себя бессильным и стремится к власти, чтобы, образно говоря, из насекомого превратиться в бога. Но даже имея власть, он страдает от бессилия. Убивая людей, он еще больше лишается любви близких людей, становится изолированным и испуганным, ощущая потребность во внешней силе, которой можно было бы подчиниться. Гитлер подчинился Судьбе, а его сановники — своему фюреру.

Садизм в умеренных формах распространен во всех обществах и может считаться нормальной реакцией на фрустрацию. Четкую границу между нормальной и патологической формами садизма трудно провести. В психопатологии садизм по традиции, идущей от *Р. Крафт-Эбинга*, связывается с сексом. Однако нам представляется, что всегда надо указать на двойственную мотивацию садистических действий:

а) они обусловлены сексуальным влечением и фрустрацией этого влечения;
б) но они обусловлены также влечением к господству, доминированию, стремлением к высоким социальным статусам.

В каждом конкретном случае одна из этих мотиваций становится преобладающей. Но в значительном числе случаев сексуальные и лидерские мотивы садизма выступают в тесном союзе.

Поскольку речь идет об истоках садизма как крайней формы жестокости человека, можно предположить, что *садизм как черта или комплекс характера формируется благодаря многократному совершению агрессивных действий, которые поощряются.* Жестоким делает человека также постоянное подавление возникающего в нем, как следствие многих фрустраций, желания совершить агрессивные действия. О жестокости как черте характера в настоящей книге мы уже говорили с достаточной подробностью.

Условия появления садизма

Условия и закономерности формирования характера человека очень сложны, поскольку, по всей видимости, нет прямой связи между обществом и типами характеров. Для каждого индивида совокупность социальных стимулов, а также его ответов на эти воздействия, уникальны. И мы видим, что в разных обществах формируются сходные типы индивидуальных характеров. Садисты были всегда и повсюду, во все времена и во всех типах обществ.

Но в качестве общего условия формирования садистического характера *Э. Фромм* указал на такое явление, как власть одних людей над другими. По его мнению, если будет ликвидирована эксплуатация одних людей, групп и классов со стороны других, садизм исчезнет и садистами будут лишь отдельные больные люди[5].

Там, где существуют отношения эксплуатации — подчинения, с необходимостью возникнут тенденции уменьшения независимости, критического мышления и продуктивности подчиненных. Хотя людям предлагаются всевозможные развлечения, они не приносят им подлинной радости. В таких обществах средний гражданин имеет средний же уровень или, как предпочитает сказать Фромм, «среднюю дозу» садизма.

Садизм в индивидах усиливается под влиянием страха, террористического, то есть не ограниченного рамками закона, наказания, агрессивного произвола. Страх перед таким наказанием может с детских лет стать основным эмоциональным фоном жизни человека. Под влиянием этого постоянного переживания чувство целостности личности, если оно успело формироваться, разлагается. Снижается уровень ее самоуважения. Постоянно отказываясь от своей свободы, предавая самого себя, человек может потерять чувство обладания устойчивым «Я»[6].

Иначе говоря, авторитарное правление в семье и обществе создает благоприятные условия для формирования полных страха и тревоги садистических личностей. Это исторически доказано опытом тоталитарных государств — Германии, СССР и других. Но поскольку даже в демократических странах Запада авторитаризм в семьях, на частных предприятиях, в армии и полиции сохраняет сильные позиции, производство и воспроизводство садистов везде идет весьма успешно.

Зависть *является одной из причин садизма и соответствующих этому типу характера насильственных действий.* Как сложный эмоционально-когнитивный комплекс и переживание, зависть включает сильный агрессивный компонент. Агрессия, по нашему мнению, является ведущей составляющей зависти. Последняя — широко распространенное и, по-видимому, общечеловеческое явление. Завидуют друг другу коллеги по профессии, преследуют и терроризируют преуспевающих, с садистическим ликованием стремясь «истолочь их в ступе». Чрезвычайной интенсивности достигает зависть в области политики. Завидуя успехам друг друга, политики нередко совершают садомазохистические действия. Есть, по-видимому, и половые различия в зависти и по поводу предмета этого переживания. Женщины завидуют друг другу из-за любви, богатства и других ценностей, порой буквально уничтожая друг друга морально и физически. Зависть всегда вызывает соперничество.

Иррационализм поведения, субъективизм взаимооценок и самооценок, нежелание и неспособность понимать состояние другого человека и т. п. — широко распространенные явления. Систематические преследования даже без физической агрессии — настоящий *психологический садизм*. Многие охотно берут на себя роль преследователей-садистов.

Формированию садистов способствует также бедность психической жизни человека, отсутствие общения и простых человеческих радостей.

Когда социальная группа и ее лидеры не одобряют садизм ее членов, соответствующие черты характера и поведения могут временно подавляться. Поведение людей начинает детерминироваться другими мотивами.

Разновидности садизма

В исследовании садизма наблюдались две крайности. Одни исследователи, например *Зигмунд Фрейд*, объясняли садизм целиком и полностью только сексуальными причинами, другие же, более ранние авторы, наоборот, эту связь вообще не видели. Первая линия исследований идет, конечно же, от маркиза де Сада, который страдал этим нарушением и описал его в своих литературных произведениях[7].

Современную и, по-видимому, наиболее адекватную концепцию садизма разработал *Эрих Фромм*, который различал два основных вида садизма: *сексуальный* и *несексуальный*.

1. **Сексуальный садизм** является одной из наиболее часто встречающейся перверзией (извращением) человека. Это извращение распространено во всем мире, среди всех народов. От своих агрессивных действий садист переживает *сексуальное возбуждение и наслаждение*. Когда данный тип садиста имеет дело с женщиной, то пытается причинить ей физическую боль и унижение, стремясь полностью подчинить своей воле.

У разных садистов доза жестоких действий, необходимых для сексуального возбуждения, различна. Иные же удовлетворяются уже только *садистическими фантазиями*.

Сексуальный садизм известен давно, но первое его научное описание дано (помимо маркиза де Сада) немецким психиатром XIX века *Р. Крафт-Эбингом*. Любопытно, что крайние типы сексуальных садистов появляются вновь и вновь и во всех обществах, хотя не везде о них принято говорить открыто.

Известно, что в нормальной половой жизни мужчина удовлетворяет не только свои сексуальные, но и агрессивные желания. Действуя совместно и сочетая в своих действиях агрессию и секс, оба партнера получают удовольствие. Но если один из них является агрессором, а другой — неагрессивной жертвой, то удовлетворение получает главным образом агрессор. Крайним случаем этой разновидности половых отношений является взаимодействие сексуального садиста со своей жертвой.

Приведем несколько случаев сексуального садизма, о которых сообщения появлялись в печати в течение последних нескольких лет.

> «Лишили людоеда и жизни, и обеда» — заметку под таким названием вместе с фотографией сексуального садиста опубликовала газета «Известия». Вот эта коротенькая заметка.
>
> «Голубоглазый блондин Джефри Дамер полтора года назад был приговорен к 15 пожизненным тюремным заключениям судом штата Висконсин. Дамер в течение 13 лет убил 17 человек, при этом предварительно истязал свои жертвы. Проходил он и по статье о каннибализме.
>
> Однако Дамеру не удалось отсидеть за решеткой ни один из своих пожизненных сроков. Заключенные тюрьмы строгого режима насмерть забили Дамера деревянными дубинками. — Рейтер»[8].
>
> Другой пример сексуального садизма: Карла Фей Таккер «...с малолетства стала проституткой и наркоманкой, как и ее мать. “Мы обменивались с мамой наркотиками, как губной помадой”, — говорила она. В июне 1983 года она вместе со своим любовником, неким Даниелем Райаном Гэрретом, находясь в состоянии наркотического дурмана, зверски убила киркой влюбленную парочку — Джерри Линна Дина и Дебору Торнтон. На суде она призналась, что, нанося удары несчастным, она “испытывала сексуальное удовлетворение”. Суд приговорил ее вместе с Гэрретом к смертной казни (Гэррет умер в тюрьме от болезни почек), а совершенное ими преступление вошло в историю Техаса как “одно из самых ужасных”, хотя Техас вообще трудно удивить преступлениями»[9].

У определенного числа людей сексуальный садизм создает непреодолимое влечение к преступлениям против личности. О целой серии таких патологических случаев рассказал *Леонид Млечин* в заметке «Садовник-любитель, офицер полиции и другие маньяки»[10].

Приведем отрывки из этого материала.

«Американский город Новый Орлеан в шоке. Полиция признала, что в городе действует так называемый серийный убийца. Считается, что он убил 24 человека. Причем полиции — редкий случай — известно имя подозреваемого. И это имя внушает страх, потому что подозреваемый — полицейский.

За последние четыре года в городе были найдены трупы 17 черных женщин, двух белых женщин, четырех черных мужчин и одного белого. В основном это проститутки или наркоманы. Все они были найдены голыми; их сначала задушили, потом утопили. Полиция пришла к выводу, что все это работа одного и того же убийцы.

Но доказательств у полиции пока нет, хотя несколько человек заявили, что этот полицейский преступник — Виктор Г. Причем в городе говорят, что Виктор и его друзья собирают дань с проституток и торговцев наркотиками в своем округе...

Серийный убийца — обычно это сексуальный маньяк. Это не обычный преступник. Он не грабит своих жертв. Он как бы не корыстен. Ему доставляет удовольствие сам процесс совершения преступления. Когда их ловят, они обычно во всем признаются.

Сексуальные маньяки — это преступники, которых люди действительно боятся. Это те, кто нападает в основном на женщин и детей, насилует их и убивает. Он тщательно выбирает жертвы и почти никогда не попадается на месте преступления.

По мнению ФБР, в Америке одновременно действуют от 10 до 50 серийных убийц. Одного из них сейчас судят». Речь идет о некоем садовнике Джоэле Р., которого соседи знали как замечательного знатока растений. «Его арестовали случайно. Машину остановила дорожная полиция. Во время осмотра автомобиля полицейские почувствовали странный запах и обнаружили труп женщины. Водитель — Джоэль Р. — не стал отпираться. Он признался, что это труп проститутки, которую он задушил». Этот человек с болезненным удовольствием говорил о своих преступлениях. Во время первого же допроса он рассказал полицейским, в каких районах Нью-Йорка лежат трупы тех 16 женщин, которых он убил за три года. Он любил оставить себе на память что-нибудь о каждой из своих жертв — кредитные карточки, водительские права, серьгу, лифчик и т. п. Но удивительнее всего то, что «он казался им (полицейским. — *А. Н.*) обыкновенным и в высшей степени положительным человеком.

Это и есть самое страшное в историях с серийными убийцами. Обычный случай: преступник, который ведет тайную сексуально-уголовную жизнь, свершив преступление, ведет обычную жизнь, часто имеет семью и ничем себя не выдает.

Такие сексуальные маньяки существовали всегда и во всех странах...

В 1980 году американец Джон Уэйн Гэйси был обвинен в убийстве 33 человек. Его жертвами становились молодые мужчины и мальчики. Считалось, что это самый страшный убийца в истории США. (Наши опередили американцев. Чикатило убил 53 человека, Михевич — 36.)

Но затем появился еще более изощренный серийный убийца, которого полиция штата Вашингтон именует "убийцей с Зеленой реки". С 1982 по 1984 год он совершил, по данным полиции, 37 убийств. Затем преступления внезапно прекратились. Но полиция не знает, мертв ли убийца, уехал куда-то, или просто лег на дно»[11].

Одно спорное утверждение о таких людях встречается не только у журналистов, но даже в трудах специалистов. *Л. Млечин* писал:

«До и после совершения преступления такой преступник почти ничем не отличается от нормальных людей. Поэтому сексуальных маньяков так трудно найти». Это

весьма спорное утверждение, его неубедительность ясна и для автора, который продолжает:

«Да нормальный ли человек такой маньяк? Может быть, это сумасшедший? Может быть, но если такого преступника все-таки ловят, врачи-психиатры оказываются в трудной ситуации. С одной стороны, убийцы отдавали себе отчет в том, что они делали. Серийные маньяки хитры и изобретательны. Они не убивают на хорошо освещенной улице в присутствии свидетелей. С другой стороны, цепь бессмысленно жестоких убийств свидетельствует о том, что убийца явно умственно неполноценен. Признанных невменяемыми лечат в специализированных учреждениях. Признанных вменяемыми казнят»[12].

Но мы думаем, что у таких людей в познавательных процессах, ценностных ориентациях и эмпатии должны присутствовать тонкие нарушения, для обнаружения которых нужны специальные методики.

Жестокие действия являются источником удовольствия для садиста, но они угрожают его партнеру (чаще всего партнерше). Поэтому, обсуждая проблему садизма, *Э. Фромм* возражает маркизу де Саду и Г. Маркузе[13], которые были сторонниками свободного выражения сексуального садизма. Поскольку, как доказано в психоанализе, многие желания человека иррациональны, вряд ли целесообразно придерживаться принципа свободного удовлетворения всех желаний[14].

Наличие у личности сексуального садизма говорит о том, что у нее сформирована *садистическая структура характера*, то есть она имеет сильнейшее желание властвовать, контролировать, унижать других людей. Фромм, безусловно, имел в виду, что крайняя и самоценная жестокость является ведущей чертой характера такой личности, причем в такой степени, что остальные черты или подчиняются ей, или подавляются ею, или же обслуживают ее.

Приведем исторический пример сочетания жестокости с сексуальными извращениями. Султан Баязид I, правитель Османской империи (1389–1402), отличался крайней жестокостью. Известно, что его отец, Мурад I погиб в бою на Косовом поле, в Сербии. Там же, после победы, как старший сын умершего, государственным советом Баязид был провозглашен султаном. Первым его поступком в качестве правителя империи было умерщвление своего младшего брата Якуба путем удушения. А ведь этот брат командовал флангом во время сражения и пользовался уважением солдат. Затем Баязид организовал массовую резню христиан, истребив, в частности, всех сербских князей, участвовавших в бою.

Оказывается, он был одновременно сексуальным извращенцем. В труде одного историка-туркофила мы читаем: «Между кампаниями он предпочитал предаваться чувственным наслаждениям, ничем не ограниченному обжорству и пьянству и не отказывал себе в различных формах разврата с женщинами и мальчиками из своего гарема. Двор Баязида, прославившийся своей роскошью, вполне мог соперничать с роскошью византийского двора в период расцвета. При всех этих эксцессах Баязид отличался глубокой религиозностью. Он соорудил для себя небольшую келью на крыше своей мечети в Бурсе и на долгое время погружался в состояние мистического уединения, затем беседовал с богословами из своего исламского окружения»[15].

Эти факты показывают, что султан Баязид был сексуальным садистом, странным образом сочетая в себе также религиозность. Это выглядело бы парадоксом, если бы мы не знали, что ислам поощряет жестокость.

У султана Баязида были также акцентуированные черты характера: он был слишком гордый, слишком импульсивный, слишком жестокий, имел слишком высокое мнение о себе, слишком ненавидел христиан, был чрезмерно упрямым и т. п. Человек с патологическим характером решал крупные политические вопросы, и последствия его преступных деяний до сих пор оказывают влияние на судьбы сербского и других славянских народов. Как ни странно, политические наследники деспота находят поддержку у руководителей ряда христианских государств.

Сильнейшие импульсы властвовать, подавлять и контролировать других влияют на сексуальные желания человека. Известно, что такие несексуальные мотивы, как влечение к власти и богатству, а также нарциссизм, возбуждают сексуальное желание человека. Фромм утверждает, что «ни в одной другой сфере поведения характер личности не проявляется так ясно, как в сексуальном акте»[16], поскольку сексуальное поведение спонтанно, оно является результатом обучения в минимальной степени.

В сексуальном поведении выражаются любовь, нежность, садизм или мазохизм, алчность, нарциссизм, тревоги личности, фактически каждая существенная черта его характера.

Э. Фромм критикует ту точку зрения, согласно которой выражение садизма в сексуальных действиях уменьшает деструктивные тенденции людей. «Ну что же, подобные рассуждения вполне логично было бы завершить таким выводом, что надзиратели в гитлеровских концлагерях могли бы вполне благосклонно и дружелюбно относиться к заключенным, если бы у них была возможность получить разрядку для своих садистических наклонностей в сексе»[17].

2. **Несексуальный садизм** — это уже крайняя форма агрессивности без ее связи с сексуальным желанием. С незапамятных времен жертвами людей с таким садизмом становились все слабые и незащищенные люди: пленники, рабы, дети, очень часто — также животные.

Приведем пример несексуального садизма, который хорошо иллюстрирует его природу. Во время Великой Отечественной войны против фашистской Германии и ее сателлитов сержант Советской Армии Артавазд Адамян попал в плен к немцам. Вот что он рассказал годы спустя писателю Зорию Балаяну: «Немцы, требуя от меня, попавшего к ним в плен, данных о расположении наших частей и не получив ответа, начали методично и, я бы сказал, со знанием дела, истязать меня. Они словно растягивали "удовольствие". И я тогда подумал: слишком уж точно следовали немцы урокам своих учителей — организаторов геноцида армян, главарей Османской Турции. Так же поступали со своими жертвами и турки в пятнадцатом году, они действовали теми же методами. Меня даже не удивило, что у них не где-нибудь там в гестапо в тылу, а на фронте была специальная "заготовка": железный прут со звездой на конце. Накалив его на огне, немец сначала приложил "форму" к предплечью правой руки. Я молчал. Через некоторое время раскаленная добела звезда была приложена к другой руке. Потом уж — ко лбу. И лишь потом они стали острым ножом отрезать пальцы левой руки. Причем они заставляли меня непременно смотреть на процесс пытки. Стоило мне только отвернуться, как следовал удар по лицу. В одном я видел свое спасение. В смерти. Но судьба распорядилась иначе. В землянку вбежал немецкий солдат и что-то сказал офицеру. Тот стремглав выскочил на улицу. За ним выбежал и солдат-палач. Они были явно чем-то встревожены. И, конечно, были уверены, что я уже не то что полумертвый, а самый что ни на есть мертвый человек. Может, поэтому на миг забыли обо мне. И этого мига было достаточно. Схватил автомат. Две гранаты.

Дорога была открыта. После двух взрывов у входа в блиндаж я вскочил и, к счастью, ни одна вражеская пуля не достигла цели. Собственно, они слишком поздно спохватились... Вот такова история моя...»[18].

Страшные примеры садизма зафиксированы в исторических трудах, описывающих захватнические войны тюркских и монгольских орд в завоеванных странах. В частности, армянская и византийская историография полны трагических описаний массовой резни детей, женщин и стариков, а также пленников во время походов турецких султанов. Этноцид армян, греков, ассирийцев и других наций и этнических групп, живших в пределах Османской империи, — вопиющие примеры разгула садизма.

Садизм всегда был свойствен многим, в том числе тюркоязычным народам. Он проявляется в постоянных войнах с другими народами, но есть примеры того, что вожди этих племен использовали садистические методы и в борьбе друг против друга, во внутриэтнических отношениях.

Вот какой интересный пример приводит *Л. Н. Гумилев* в одной из своих книг. Предыстория этого случая такова: когда Темуджин был избран монгольским ханом и принял имя Чингис-хан, у него сразу же появилось много заклятых врагов. Одним из них был Джамуха. Между ними возникла война (о ее причинах здесь не будем говорить), во время которой и совершались страшные садистические деяния, причем по отношению к сородичам, представителям той же этнической группы. Гражданские войны бывают особенно жестокими, феномен, который требует пристального внимания психологов и психоисториков. *Л. Н. Гумилев* пишет:

«У Чингис-хана было тринадцать куреней, которые он тоже вывел в поле. Джамуха опрокинул строй чингисовцев, но те отошли в ущелье Изерен при Ононе. Джамуха не штурмовал ущелье, но безжалостно расправился с пленными. Семьдесят юношей из рода Чонос он велел сварить в котлах, а своему бывшему соратнику — Чахан-ува — отрубил голову и привязал ее к хвосту коня. После этих сомнительных подвигов он вернулся домой»[19].

В последние десятилетия в США проводились специальные научные исследования с целью выяснения масштабов распространения различных форм садистических действий по отношению к детям. Оказалось, что жертвами садизма чаще всего становятся дети и подростки до 16-летнего возраста, то есть в том возрасте, когда они зависимы и беззащитны.

Несексуальный садизм, в свою очередь, бывает физический и психический (ментальный). Психический садизм личности выражается в различных формах словесной агрессии, о которых мы уже знаем из предыдущих глав. Это оскорбление личности словом — замечанием, критикой, некорректным и неуместным вопросом. Но такой садизм может выражаться и в невербальных формах коммуникации — в улыбке, смехе и различных экспрессивных выражениях.

Все эти разновидности психического садизма наиболее эффективно оскорбляют и унижают человека, когда применяются в присутствии других, публично. *Э. Фромм* приводит ряд примеров из жизни Сталина, показывая, каким образом этот жестокий деятель применял физические и психические садистические действия к разным людям[20].

Об этом в настоящее время уже имеется обширная литература на русском языке[21].

До того как дать приказ об аресте человека, он обычно выказывал своей жертве знаки подчеркнутого внимания и даже симпатии, поэтому арест, в силу своей неожиданности, воздействовал особенно глубоко и болезненно.

Сталин приказывал арестовывать жен и детей высших партийных и государственных деятелей и держал их в тюрьмах и концлагерях, в то время как эти работники должны были «нормально» продолжать свою службу и даже встречаться с ним. И они работали, не рискуя что-либо просить ради своих родных и близких людей[22].

Например, жены Калинина, Молотова и Куусинена, а также сын последнего в 1937 году оказались в концлагерях. В присутствии других высших должностных лиц Сталин однажды спросил Куусинена, почему не хлопочет за освобождение сына? Этот «храбрый» деятель ответил, что, по-видимому, имеются веские основания для его ареста! Сталин ухмыльнулся и приказал освободить сына этого отважного партийного деятеля. Для психолога здесь интересно все, но особенно тот факт, что человек даже в самых трагических ситуациях сочиняет оправдания (рационализации), чтобы сохранить свою положительную самооценку. В данном случае Куусинен сочинял рационализации в пользу Сталина. Если внимательно присмотреться к фактам, можно убедиться, что данный механизм психологической самозащиты очень широко используется во взаимоотношениях руководителей и подчиненных.

Сталин однажды приказал арестовать жену своего личного секретаря, который тем не менее должен был продолжить свою работу. Такие люди или имели очень низкий уровень личного достоинства и самоуважения, или же морально до такой степени были деградированы, что уже не сопереживали даже своим близким людям, ставшими жертвами Сталина и КГБ. Так, Лазарь Каганович не возражал против ареста своего брата Михаила, который, согласно сочиненной Берией и Сталиным версии, был связан с фашистами. При очной ставке с провокатором в кабинете А. И. Микояна Михаил Каганович вошел в туалет и выстрелом из пистолета покончил с собой.

Действия Сталина часто бывали неожиданными для других. Арестовав и некоторое время истязав человека, он мог затем освободить его и вновь назначить на высокую должность.

Эрих Фромм и другие исследователи считают Сталина несексуальным садистом. Но такой вывод нельзя считать окончательно доказанным. Когда *Р. Медведев* и *Э. Фромм* писали свои книги, многие факты личной жизни Сталина, его взаимоотношений с женщинами, не были еще известны. Новые исследования могут показать, что он, по-видимому, принадлежал к *смешанному типу садистов*: он был одновременно и сексуальным, и несексуальным садистом. Почему-то молчаливо предполагается, что названные разновидности садизма не могут сочетаться в одной личности. Мы считаем такое предположение недостаточно обоснованным. Теорию садизма надо развивать таким образом, чтобы она охватывала все больше фактов реальной жизни.

7.2. Психологи помогают полиции

Описываемый ниже пример покажет, как трудно распознать сексуальный садизм, если преступник не пойман на месте преступления, а лишь подозревается в его совершении. Очерк, который приводится ниже почти полностью, принадлежит перу уже знакомого нам журналиста *Леонида Млечина*, который, по-видимому, решил специализироваться в исследовании садистов-преступников.

«Доктор психологии Поль Бриттон убедил полицию, что операция увенчается успехом. Полицейские привыкли ему верить. Он помог полиции распутать 70 дел.

Еще 10 лет назад доктор Бриттен по просьбе полиции разработал психологический портрет вероятного убийцы двух молодых женщин. Благодаря его работе убийца вскоре был арестован и осужден. Затем он еще несколько раз удачно реконструировал психологическое состояние убийц, совершавших серийные преступления, расследовать которые особенно трудно.

Доктор Бриттон стал знаменитым. Его приглашали делиться опытом в США и в Россию, где после дела Чикатило стали писать о том, что этот убийца и насильник был бы давно пойман, если бы милиция прислушалась к врачам-психиатрам.

Три года назад доктора Бриттона привлекли к составлению психологического портрета вероятного убийцы 23-летней Рэйчел Никел. Она была убита, когда гуляла с сыном и собакой. Когда ее нашли, двухлетний сынишка жалобно причитал: “Мамочка, вставай”.

Неизвестный убийца ударил ее ножом 49 раз, причем последние двадцать ударов были нанесены после того, как она уже умерла. Затем она подверглась сексуальному насилию — «в извращенной форме», как говорится обычно в полицейских протоколах. Уходя, убийца сложил ее руки в позе молящегося язычника.

Это омерзительное преступление заставило лондонскую полицию организовать самый масштабный за последние годы розыск. Полиция проверила 548 человек. 32 подозреваемых было арестовано, но всех пришлось отпустить.

С точки зрения Бриттона, убийцу следовало искать где-то поблизости от места преступления. Доктор пришел к выводу, что убийца — одинокий человек с психическими и сексуальными отклонениями, склонный к садизму. Под это описание идеально подходил один из выявленных полицией подозреваемых — Колин Стэгг, которого однажды оштрафовали на 200 фунтов стерлингов за непристойное поведение. Его младший брат был осужден за изнасилование.

Дома у Колина Стэгга нашли оккультные книги, самодельный алтарь, ритуальный нож, черные перчатки, кожаный пояс.

Колина Стэгга допрашивали в течение трех дней и отпустили. Он не признавался в убийстве, доказательств его вины полиции обнаружить не удалось.

Неожиданно в полицию пришла женщина, которая принесла письма, написанные ей Стэггом, откликнувшимся на ее объявление в газете. Письма свидетельствовали об извращенных сексуальных фантазиях.

Письма показали доктору Бриттону. Он составил психологический портрет Стэгга, увидев в нем человека, стремящегося к сексуальному насилию, наслаждающегося страхом беспомощной жертвы. Портрет Стэгга полностью совпал с портретом вероятного убийцы, нарисованным тем же Бриттоном.

Тогда доктор предложил провести специальную операцию, чтобы заставить Стэгга признаться в убийстве молодой женщины. Уловив потребность Стэгга в общении с женщиной, его желание разделить с кем-то свои фантазии, доктор Бриттон предложил подвести к нему молодую женщину, которая признается ему в сходных сексуально-садистских увлечениях и спровоцирует на признание.

Подходящая женщина была найдена в полицейском управлении — привлекательная блондинка 30 лет. Она приносила в полицию полученные от Стэгга письма и тайно записывала все разговоры с ним. Доктор Бриттон уверил полицию, что подозреваемый непременно признается ей в совершенном им преступлении в ближайшие же несколько недель их интимной дружбы. Но доктор ошибся — молодая женщина разрабатыва-

ла подозреваемого семь месяцев. Она написала Стэггу письмо, выдав себя за подругу той женщины, которая была смущена сексуальными его фантазиями. Стэгг обрел единомышленницу, готовую разделить его фантазии, в которых секс перемешивается с насилием. Она была более чем откровенна в письмах, он тоже. Затем они стали переговариваться по телефону. Наконец, она поведала Стэггу, что в юности участвовала в ритуальном убийстве молодой женщины и ребенка, а за убийством последовала оргия любви...

Он ответил, что мысль об убийстве ребенка кажется ему ужасной. Она написала, что отдастся только тому, кто участвовал в таком же убийстве. Тогда он описал свое участие в некоем убийстве (полиция проверила — это был вымысел). Она написала, что порвет с ним отношения, если выяснится, что не он убил ту молодую женщину. Он не признавался.

Доктор Бриттон убедил полицию, что наука, которую он представляет, настолько точна, что позволит представить суду неопровержимые доказательства. Полиция арестовала Стэгга.

Но суд снял с него все обвинения. Доктор Бриттон переоценил возможности криминальной психологии. Суд отверг доказательства вины, собранные в результате этой операции, и выводы доктора Бриттона.

Тайная операция, в ходе которой подозреваемого провоцируют полицейские, как считают многие юристы, нарушает один из основополагающих принципов правосудия — никого нельзя заставлять свидетельствовать против себя. Полицейские утверждали, что составление таких портретов — полезный метод, помогающий понять, какого типа человек мог совершить то или иное преступление. Но судья даже счел необходимым заметить, что использование психологических портретов в уголовных делах опасно...

...Когда Стэгга выпустили, он грустно сказал журналистам: "Я влюбился в эту женщину, оказавшуюся полицейским. Я всегда мечтал встретить такого человека. Жаль, что так получилось"»[23].

Трудность состоит в том, что вне преступного деяния сексуальный садист может выглядеть вполне нормальным человеком и гражданином, отцом семейства и хорошим работником. Люди этого типа обычно осторожны и не доверяют свои сокровенные мысли другим. Только специалисты — психолог, психиатр или психотерапевт, да и то, если имеют возможность систематического наблюдения, смогут почувствовать, что у таких людей имеются нарушения влечений, перверзивность, болезненные фантазии и жестокость.

7.3. Мазохизм

На поведенческом уровне *мазохизм* — противоположность *садизма*. Но мазохисты тоже не все одинаковые. Мазохисты бывают сексуальными, несексуальными и смешанных типов. Вкратце ознакомимся с типами и подтипами мазохистов.

Сексуальные мазохисты

Мазохист (от имени немецкого писателя Захер-Мазоха; есть сведения о том, что он был украинского происхождения) — это *человек, который получает наслаждение, когда его подвергают физической или психической агрессии, когда его унижают, оскорбляют и подчиняют своей власти*. Да они сами охотно подчиняются, так как от этого, по всей вероятности, получают удовольствие.

Сексуальные мазохисты, которых называют также ***перверзивными мазохистами***, подвергаясь агрессии и унижениям, приходят в сексуально-возбужденное состояние, у них появляется желание совокупляться. Если это женщина, то она, подвергаясь агрессии, ощущает в себе желание сексуального общения с мужчиной и подчинения его воле. Правда, перверзивные мазохисты часто отрицают получение удовольствия от наказания, говоря, что получаемое ими удовольствие прямо не связано с наказанием, к которому они бессознательно стремятся. Тем не менее ясно, что без наказания у таких людей генитальная стимуляция блокируется. Однако после наказания они переживают сексуальное наслаждение или в результате мастурбации, или благодаря половому сношению.

Мазохист – это человек, который получает наслаждение, когда его подвергают физической или психической агрессии, когда его унижают, оскорбляют и подчиняют своей власти.

Есть, однако, перверзивные мазохисты, которые удовлетворяются только *мазохистическими фантазиями*: они воображают себя в роли объектов агрессии и наказания и от этого получают удовольствие.

О точных количественных соотношениях распространенности садизма и мазохизма среди мужчин и женщин трудно сказать что-либо определенное (для этого нужны специальные исследования). Предполагают, что садистов мужского пола больше, чем садисток, а мазохистов больше в среде представителей прекрасного пола.

Одной из разновидностей мазохизма является так называемое *флагелланство* (от латинского *flagellare* — хлестать, сечь, бить, мучить).

«Бичующиеся» монахи сами бичевались и бичевали прихожан перед отпущением грехов. Они организовали процессии по всей Европе, собирались толпами, обнажались (даже в зимнюю стужу) и «удручали» плоть. Даже была создана теория флагелланства, автором которой был *Петер Дамиони* (1007–1072). Он написал книгу «Похвала бичам», в которой указал на следующие функции самобичевания: подражание Христу; деяние с целью обретения мученического венца; как способ умерщвления скверной и грешной плоти; как способ искупления грехов[24].

Самобичевание (флагелланство) практиковалось в русских банях, но оно встречается также у ряда других народов. Предполагается, что у восточноевропейских язычников самобичевание было формой самонаказания, очистительным обрядом. Лишь со временем оно стало «мовеньем», делом бытовым[25].

Моральный мазохизм

Качества *морального мазохиста* не всегда связаны с сексуальными нарушениями, хотя и такое сочетание встречается нередко. Такие люди формируют для себя (правда, большей частью спонтанно и подсознательно) псевдоморальные установки, которые в значительной мере состоят из рационализаций. Это особая личностная структура, которая детерминирует многие действия человека. Так, когда моральный мазохист терпит поражение в каком-либо деле, он принимает свое поражение как должное, если оно соответствует его характеру, то есть провоцировано его личностью, о чем он, конечно, может и не иметь осознанного представления. Обычно перверзивный мазохист является также моральным мазохистом. Как указал *Д. Айдельберг*, в этом случае мазохистические действия приводят к разрядке контркатектической энергии тремя путями:

а) путем идентификации с агрессором, которого мазохист сам провоцирует;
б) путем сексуализации поражения;
в) путем провоцирования агрессора[26].

Каков основной психологический механизм мазохизма? Считается, что это тот процесс, с помощью которого субъект обезвреживает воздействие внешних фрустраторов путем активного изобретения своих собственных унижающих фрустраций. Это *механизм самопоражения*. При этом субъект получает удовольствие от могущества, которым он обладает в своем воображении, умением заставлять внешние объекты, чтобы они наказывали его. Данный механизм считается защитным.

В процессе наказания мазохист переживает неудовольствие, но терпит его, так как этим путем получает сексуальное удовольствие или ощущение своего могущества: он ведь *заставляет* внешние силы наказывать себя.

Мазохист восстает против терапевтических изменений своей личности. Он жаждет неудовольствия, полагая, что должен терпеть наказание за свою вину. Поэтому он даже *старается провоцировать* свое наказание! Ища и получая наказание, переживая неудовольствие, он этим путем избегает более страшного для себя наказания: чувства вины, угрызений совести, а также внешней фрустрации. Психоаналитические исследования показали, что *во многих психических заболеваниях имеет место образование мазохистических черт характера*.

Согласно *З. Фрейду*, человек, имеющий чрезмерно строгое моральное сознание, является моральным мазохистом. Этот тип мазохизма не связан с эротизмом. О моральных мазохистах иногда говорят, что *они не выносят успех*. Как и другие невротики, они предпочитают наказание и унижение, чувства вины и угрызений совести, так как после наказания им «разрешается» грешить. Следовательно, такое поведение вредно как для них, так и для других. «Сверх-Я» морального мазохиста считается сексуализированным и садистическим.

Неудовольствие, переживаемое перверзивным мазохистом, отличается от того неудовольствия, которое переживается нормальным человеком, действующим в соответствии с принципом реальности. В случае перверзивного мазохизма индивид идентифицирует себя с партнером и бессознательно удовлетворяет свои собственные агрессивные импульсы. Этим способом мазохисту удается сохранить свою инфантильную веру в собственное могущество. Для получения удовольствия мазохист должен сам провоцировать свое поражение. Непровоцированное поражение ущемляет его самолюбие. Само провоцирование собственного поражения содержит в себе агрессивные элементы и, следовательно, удовлетворяет мазохиста. Недаром *З. Фрейд* считал *мазохизм обращенным на себя садизмом*. Исследование мазохистических фантазий показало также, что в них имеет место *регрессия* личности до анальной фазы возрастного развития[27].

Почему все-таки мазохист подсознательно стремится к наказаниям? Психоаналитики предполагают, что мазохист подсознательно приписывает себе различные преступления и грехи. Как и другие невротики, на подсознательном уровне он не различает желание от действий. Как только у него возникает враждебное желание, сразу же появляются угрызения совести, а чтобы освободиться от них, он нуждается в наказании.

В то время как нормальный человек, обнаружив у себя агрессивное желание, может отвергнуть его с помощью чувства вины и переживать гордость за одержанную победу, невротик реагирует на это желание так, как будто желание — это уже действие. Поэтому невротик не способен быть моральным. У него не остается другого выбора, кроме желания наказания за свои враждебные импульсы.

Женский мазохизм Это та форма мазохизма мужчин, который возникает в результате их идентификации с униженной женщиной[28].

Считается, что причиной женской фригидности является подавленное мазохистическое желание. Женщина рассматривает половой акт в качестве агрессивного действия перфорации своего тела, от которого и защищается фригидностью. Обычно фригидные женщины имеют мазохистические мастурбационные фантазии. Мазохистическое унижение позволяет им переживать половое удовлетворение или, говоря иначе, генитальную разрядку.

С мазохизмом, по-видимому, связана также мужская импотенция. Многие импотентные мужчины имеют мазохистические желания и достигают генитальной разрядки, когда мастурбацию сочетают с мазохистическими фантазиями. При этом они одновременно играют две роли: униженного мужчины и унижающей его женщины.

У части мазохистов отсутствует самоуважение. Они обвиняют себя во всевозможных пороках и ошибках. Психоаналитики считают эту тенденцию бессознательным отрицанием инфантильного могущества. Например, *Л. Айдельберг* рассказал о пациенте, который ходил к проституткам, так как все хорошие девушки его отвергали. Но психологический анализ показал, что каждый раз он сам провоцировал такой отказ.

7.4. Садомазохизм и авторитаризм

Садомазохистический комплекс Определенным продвижением в наших представлениях о садизме и мазохизме следует считать выдвинутую *Э. Фроммом* идею, согласно которой *садизм и мазохизм обычно сочетаются в единый комплекс характера личности*. Поэтому скорее всего следует говорить не о садизме отдельно и о мазохизме отдельно, а о *садомазохистическом комплексе* человека. Следовательно, речь может идти только о преобладании садизма или мазохизма у разных индивидов.

Как садизм, так и мазохизм, по мнению Фромма, имеют единый общий корень: пустоту и бессилие человека. Чтобы преодолеть это остро ощущаемое неприятное состояние, садист старается дополнить душевную пустоту другим человеком путем его подчинения своей воле. Мазохист же с этой целью подчиняется другому, старается быть дополнением другого. Садист стремится подчинить своей власти других людей, стать для них хозяином и богом. Он нуждается в людях, потому что без них не может удовлетворить свои основные потребности, базирующиеся на структуре его характера и влечений.

Но характер таких людей включает в себя и противоположные черты: *склонность к подчинению и трусость*. Утверждение, что садист является трусливым человеком, может показаться противоречием, чуть ли не парадоксом, но это лишь кажущийся парадокс. В динамическом смысле, утверждает Фромм, трусость

и склонность к подчинению для садиста даже необходимы. Это для него *неизбежные* черты. Почему такой человек — садист? Потому что чувствует себя бессильным, лишенным жизненных сил, импотентным. И он стремится преодолеть это свое бессилие, превращаясь в бога для других. Он может убивать, подвергать людей страданиям, но одновременно он будет страдать от своего бессилия, страхов и отсутствия любви со стороны людей. Он будет искать более сильных личностей, чтобы подчиниться им[29].

Садизм и мазохизм — противоположности на поведенческом уровне. На самом же деле они — две стороны одной медали, одной и той же фундаментальной ситуации — чувства бессилия, дефицита витальности. Как садист, так и мазохист нуждаются в другом человеке для своего дополнения: садист нуждается в мазохисте, а мазохист — в садисте. В результате этого формируются более сложные садомазохистические характеры, хотя, как мы уже сказали, у каждой личности один из этих аспектов в определенной степени преобладает. Можно предположить, что в структуре личности садиста мазохистический подкомплекс является реактивным образованием, то есть таким, которое образовалось как бы для уравновешивания садистических черт и установок. У мазохиста же имеет место обратное: у него первичным является мазохизм, который, по механизму формирования обратной реакции, вызывает к жизни садистический подкомплекс. Но эти два подкомплекса так тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, что составляют единый комплекс характера.

Садомазохизм и авторитаризм

Близкое знакомство с результатами исследования авторитарной личности[30] убеждает нас в том, что многие черты авторитарных людей совпадают с чертами садистов.

Недаром *Э. Фромм*, идеи которого составляют одну из основ современной теории авторитарной личности и авторитарного правления, фактически отождествлял садизм с авторитаризмом. Он критиковал группу калифорнийских специалистов (психологов, психиатров и социологов) за то, что они исследовали авторитарный характер поведенчески, то есть как бихевиористы, а не психоаналитически. (И это в то время, как в коллективном труде калифорнийской группы «Авторитарная личность» ясно прослеживается влияние психоанализа!)

Авторитарная личность — тот же садомазохист, только на поведенческом уровне, в терминах его политических установок. В теории авторитарной личности психологический аспект проблемы, согласно Фромму, переведен на уровень политических установок личности. Такие люди в современном западном обществе проявляют садомазохистические черты характера: они с готовностью подчиняются вышестоящим и с наслаждением контролируют поведение нижестоящих.

Э. Фромм считал также, что авторитарного человека нельзя понять без привлечения фрейдовского термина «анальный характер». В структуре такого характера, как известно, *З. Фрейд* усмотрел такие черты, как любовь к дисциплине, склонность к упрощению, схематизации вещей (парсимония), упрямство, пунктуальность, накопительство и крайняя чистоплотность. Он считал, что эти черты характера являются сублимациями и реактивными образованиями целей, к которым стремится анальное либидо. Фромм же считает, что названные выше черты характера выражают такие желания авторитарной (садомазохистической) личности, как стрем-

ление к сохранению дистанции между собой и другими, осуществление контроля и отвержение нежелательных людей.

Считая полностью правильными клинические наблюдения Фрейда, на вопрос о том, является ли либидо источником заботы о фекалиях и, косвенно, синдрома характера или же синдром является выражением социальной формы связи с людьми, в отличие от Фрейда, Фромм отвечает следующим образом: анальный интерес надо считать другим, символическим выражением анального характера, а не ее причиной. «Экскременты являются и в самом деле очень подходящим символом: они представляют то, что исключается из человеческого жизненного процесса и больше не служат жизни»[31].

Эрих Фромм выдвинул интересное предположение, согласно которому восхищение фекалиями и их запахом является особого рода нейрофизиологической регрессией к такой стадии эволюции, когда животное больше ориентировалось в среде запахами, обонянием, чем зрением. Он подробно анализирует садомазохистический и анально-накопительный, а заодно и авторитарный характер. Этих важных для психологии агрессивности и характерологии вопросов Фромм касается в разных своих работах. Здесь мы приведем только один из его важных социально-психологических выводов, а именно: социальные группы с анально-накопительным характером обладают значительной долей садизма. Читателю ясно, что это утверждение представляет интерес и для этнопсихологии, особенно в свете тех садистических действий, которые совершались в последние десятилетия, во время острых межэтнических конфликтов.

Садомазохизм широко распространен в Западных странах. В последние годы и в странах СНГ периодическая печать полна материалов о садизме и мазохизме. Приведем два примера.

В еженедельнике «Аргументы и факты» (№ 37, 1997, с. 16) опубликована краткая заметка под названием «Кровь и плоть». Вот что пишет ее автор *Михаил Зуев*: «Садомазохизм шагает по Европе, проникая в сознание и плоть все более широких слоев населения. Плеток не хватает. Печатные издания с описанием способов “жесткой любви” подробно изучаются. Клубы со звуконепроницаемыми стенами и анонимным членством вытесняют даже пристанища геев и лесбиянок. И в Москве известный столичный стилист Андрей Бессонов тоже решил открыть садомазохистический ночной клуб “Студия любви” — кому как не стилисту знать, что сейчас модно. А модно — черная кожа и цепи на голом теле, синяки и кровоподтеки, которые, оказывается, украшают как женщину, так и мужчину. “Нашему населению стали нужны острые физические ощущения, — пояснил Андрей Бессонов, — и мы решили удовлетворять возрастающие сексуальные потребности народа”».

В настоящее время уже можно говорить о существовании в России специального производства садомазохистических изданий, видеокассет и орудий для практического применения. Об этом свидетельствует статья журналиста *Ивы Барминой* в «АиФ — Москва» (№ 42, 1997, с. 14). Садизм стали изучать в учебных заведениях и играть на сцене.

По-видимому, соответствует действительности утверждение ряда авторов о том, что мазохизм шире распространен среди женщин, а садизм преобладает среди мужчин. Во всяком случае, это верно для сексуального садизма и мазохизма, точнее — садомазохистического комплекса.

Бюрократизм и садомазохизм

Одна из самых интересных социально-психологических проблем, поднятых *Э. Фроммом* в связи с агрессией и садизмом, — это проблема бюрократизма. Он считает, что *бюрократический характер в социальном смысле не что иное, как садомазохизм, но обозначенный другим термином.* В бюрократических обществах каждый имеет начальников и подчиненных. Поэтому каждый может удовлетворить свои как садистические, так и мазохистические импульсы и потребности.

Бюрократ восхищается власть имущими людьми и презирает тех, кто занимает низкие социальные позиции. Такие чиновники наслаждаются, когда заставляют посетителей ждать, вновь и вновь возвращаться к ним со своими просьбами и унижаться. Они любят фрустрировать людей, доказывая тем самым, что обладают властью над ними. Причем по их экспрессии видно, что они наслаждаются своей властью. Когда служащий отделения связи, говорит Фромм, ровно в 5^{32} перед носом последних двух посетителей закрывает свое окно, то дело не в том, что он больше не может продавать конвертов и марок. Он просто наслаждается тем, что люди зависят от него. Это проявление власти. Добавим — это самое низменное проявление власти с целью унижения человеческого достоинства.

Типичные бюрократы, у которых эмпатия находится в зачаточном состоянии, обычно страдают неврозами. Они психологически изолированы от людей. Таких типов было очень много среди фашистских палачей, которые служили в концентрационных лагерях. Таких было огромное большинство среди надзирателей ГУЛАГа. В мемуарах и других источниках можно найти очень много свидетельств такого положения вещей[33].

Но определенные черты бюрократии и бюрократов исторически меняются, хотя основные («ядерные») их характеристики сохраняются. Прав *Э. Фромм*, когда проводит различие между бюрократами двух типов:

1) старый, «классический» тип: это были люди холодные, педантичные, любящие выставлять напоказ свою власть и презрение к людям;
2) бюрократы нового типа, менеджеры индустриального общества: это уже внешне приветливые, улыбчивые люди, они обучены играть роль демократов. Но в большинстве случаев это лишь маска.

Бюрократы, вынужденные совершать систематические садистические действия, нередко становятся нервно-психическими больными. Так, многие служащие концлагерей и нацистских спецформирований, вынужденные убивать множество людей, страдали особой болезнью, которую немцы называли «болезнью функционеров»[34].

Личность фашиста Гиммлера

Чтобы читатель получил более конкретное представление о различных подтипах садомазохистического характера, полезно описать основные черты некоторых реальных людей.

Таким был Гиммлер, один из самых известных нацистских лидеров, занимавших высокие государственные посты и входящих в правящую элиту гитлеровской Германии. *Э. Фромм* характеризует его в качестве дегуманизированного бюрократа, методичного и последовательного. Любил подчиняться, то есть по характеру был авторитарным подчиненным перед вышестоящими и авторитарным же руководителем для своих подчиненных. Он был в полном подчинении Гитлера.

Но одновременно он отличался неуверенностью в своих силах и неумелостью в работе. В нем авторитаризм, по-видимому, странным образом сочетался с либерализмом. Во всяком случае он любил пустую болтовню, но при этом заставлял тех, кто был от него в зависимости, внимательно и долго слушать себя. А это уже признак садизма. Генерал Гудериан, несомненно умный и одаренный полководец, считал Гиммлера тупым и неполноценным человеком. Жил этот субъект просто, старался быть вежливым с людьми. Обладал честолюбием полководца, но был лишен таланта военачальника.

Гиммлер был строг к себе, но еще строже он относился к подчиненным. Сочувствие было незнакомо ему. Отсюда — его фанатизм, странным образом сочетаемый с безволием. Доброе отношение к подчиненным было особенностью его характера. Оно было, по замечанию Фромма, неподлинным свойством. Правда, из теории когнитивного диссонанса мы теперь уже знаем, что совершение человеком определенных поступков, противоречащих его мотивам и чертам характера, может привести к соответствующим внутрипсихическим изменениям и даже к формированию соответствующих черт личности. Но произошло ли это с Гиммлером — теперь уже трудно сказать.

Этот человек в течение многих лет вел дневник, в котором зафиксированы даже самые незначительные события его жизни. Но писал он «плоско», без вдохновения и таланта. Как и всякий типичный авторитарный подчиненный, Гиммлер был склонен к предательству. Он предал Гитлера, как только тот потерпел поражение, и старался оказать услуги своим вчерашним врагам.

Среди авторитарных людей встречаются и бунтари. Таким был, по-видимому, Адольф Гитлер, а вот в Гиммлере бунтарских черт совсем не было. Этот человек был в сильной зависимости от своей матери, которая любила его, но примитивной любовью: эта любовь не содержала в себе понимание нужд и потребностей растущей личности. Такая любовь тормозила его развитие. В психологическом смысле для матери он остался маленьким ребенком, который нуждается в опеке и любви, слабым и беспомощным, безвольным и неинициативным. Он нуждался в сильном лидере-отце, который дал бы ему ощущение силы и имел бы те качества, которых сам был лишен. Этот «мамин сынок» тренировал свою волю, но главным образом — нечеловеческими и грубыми методами. Жестокость и власть заменили ему подлинную силу. Но он потерпел неудачу, так как жестокость не делает слабого сильным. Этим путем человек лишь временно скрывает свою слабость как от себя, так и от других.

У Гиммлера были ипохондрические черты. Он внимательно следил за своими телесными ощущениями, подробно рассказывая о них в своих письмах еще тогда, когда был солдатом. С 15-летнего возраста он страдал болезнью желудка, в которой, по мнению Фромма, присутствовал сильный психогенный фактор. Этот круглолицый человек всегда был физически беспомощным, в школе не умел выполнять даже простые физические упражнения.

Такие люди, становясь крайне садистическими, представляют из себя серьезную угрозу для окружающих и общества в целом. Они могут стать слепым орудием в руках более сильных лидеров.

7.5. Как формируются маньяки

Общая постановка вопроса

Примеров маниакальной жестокости — сексуальной или несексуальной — в жизни очень много. Маньяки всегда были и, по-видимому, будут. Поэтому следует разобраться в соци-

ально-психологических и иных причинах развития таких людей. Каким образом из маленького ребенка формируется страшный маньяк — садист и людоед?

Рассмотрим эту проблему на основе анализа ряда примеров, начиная с изложения точки зрения психиатра *Александра Бухановского*: этот специалист занимался распознаванием и лечением маниакальных влечений. Свою точку зрения он высказал в газете «Аргументы и факты» в дни суда над сексуальным маньяком А. Чикатило. Об этом преступнике было много публикаций и написана книга[35].

Прежде чем перейти к рассмотрению точки зрения А. Бухановского и собственных гипотез, представим ряд фактов из биографии этого человека.

А. Чикатило жил в маленьком провинциальном городке, среди обычных людей, которых он считал «серыми». Он, как отмечает Бухановский, «бездумно хотел вырваться из этой серости» и выбрал преступный путь. Но это в какой-то мере была его судьба, так как его влечения были обусловлены не только внешними условиями, но и изначальными импульсами.

Хотя во время суда А. Чикатило вел себя странно (перебивал судью Акубжанова, кричал о демократии, о Чернобыле, о том, что «не брал линолеум!», требовал вызвать генпрокурора и т. п.), желая изобразить себя невменяемым, однако судебно-медицинская экспертиза доказала, что он совершил свои преступления в ясном сознании и расчетливо. Он специально готовился к ним. Здесь мы видим нередкое, но всегда интересное психическое явление: ***патологические влечения реализуются с помощью вполне здоровых мыслительных и других когнитивных действий***. Разум служит безумию, причем весьма эффективно. Правда, при доскональном психологическом исследовании, как мы предполагаем, можно было бы обнаружить тонкие нарушения познавательной сферы, во всяком случае если не на уровне механизмов (например, логических структур суждений и умозаключений), то на уровне их результатов — взглядов на людей, целей и ценностей. Но что его память и мышление работали четко, в этом нет никакого сомнения. Он хорошо предвосхищал события, возможные действия своих жертв, составлял планы собственных действий. В его портфеле всегда лежали наготове острый нож, бечевки и баночка с вазелином. «Ни одна из жертв Ч. не смогла избежать своей участи. Он действовал безотказно, четко, как машина для убийства. На месте всех своих преступлений он ни разу не оставил улик. У него прекрасная память. Во время следствия он показал места убийств с невероятной точностью, хотя многие из них были совершены более десяти лет назад».

По определению психиатра А. Чикатило был вменяемым, и это правильное заключение. Но вменяемость и болезнь — разные явления. Является ли психически больной человек всегда невменяемым? Какой уровень патологии делает человека невменяемым, то есть фактически не способным нести ответственность за свои преступные деяния? Является ли крайний садист Чикатило вменяемым, если имел извращенные влечения, причем сверхсильные, но мышление и другие познавательные способности которого работали четко и эффективно? Проблем, как мы видим, все еще немало.

Итак, в чем состоит патологический комплекс таких маньяков, сексуальных садистов? *А. Бухановский* выделяет «предрасположенность» Чикатило, состоящую из трех компонентов: «1. Своеобразное состояние мозга. 2. Своеобразное сексуальное состояние. 3. Своеобразное состояние личности — то есть свойства характера, темперамента». Но чтобы этот комплекс, называемый «предрасположением», привел к преступным действиям, нужны внешние условия, создающие «психический дискомфорт». (На языке психологии это не что иное, как констатация роли стрессов и фрустраций, которые способны вызывать к жизни не только здоровые, но и патологические механизмы адаптации,

«возврата в комфортное состояние».) «Если есть определенная предрасположенность, — говорит Бухановский, — возникает и постепенно развивается механизм, руководящий поведением. Это происходит не вдруг, а на протяжении длительного времени».

Типичный маньяк

Отвечая на вопрос об уникальности Чикатило, в процессе интервью *А. Бухановский* сказал: «Уникальность Чикатило не в том, что он убил большое количество людей — есть люди, которые убивали гораздо больше, и не в том, что он был сверхжестоким, — встречаются люди более жестокие. *Чикатило — классический маньяк во всех его проявлениях.* Пример тому даже его жилье. Вы заходите в квартиру, расположенную на втором этаже серого старого здания в рабочем районе. На кухне, кроме стола, стульев, печки, есть еще и... ванна. А над ней — антресольный этаж, где находится логово Чикатило. Вместе с тем большая ванная комната превращена в чулан. Во всем этом проглядывает подчеркнутая вычурность, тяга к чему-то необыкновенному...»

Мы считаем, что все эти странности, в том числе во внутреннем устройстве квартиры, — попытка создания психологического уюта, психической адаптации к внешнему миру и приспособления этого участка мира к состоянию собственной психики. Обычные формы окружающего мира, по-видимому, не удовлетворяют таких людей с патологическими влечениями, более того, они постоянно фрустрируют их.

В подобных случаях мы можем иметь в виду вот еще что: пространство, которое индивид структурирует вокруг себя, в какой-то мере отражает его личность, основные влечения и вкусы. Искусственное пространство является проекцией ряда черт личности, и мы должны уметь психологически истолковать эти особенности личного пространства человека. Между тем пока это делается в очень общей форме. Для продвижения исследования этого вопроса следует иметь под рукой большее число случаев и произвести сравнительные исследования проекции личности в интимном пространстве и вообще особенностей проксемического поведения таких людей. Мы полагаем, что указанные только что направления исследований весьма перспективны.

Пусковой механизм маниакальных преступлений и гипотеза о предпосылках маниакальности

Вполне прав *А. Бухановский* в том, что наличие у человека вышеописанного «предрасположения» со всеми его блоками еще не обязательно приводит его к совершению преступлений. Нужен сильный внешний, психологический толчок. В случае Чикатило этот толчок, по-видимому, не найден. Но что он, этот самый толчок, эти случайные впечатления, необходимы, Бухановский показывает на другом примере, о котором он говорил также во время упомянутого интервью.

Этот пример представляет особый интерес и позволяет предложить несколько иной взгляд на обсуждаемую проблему. «Своеобразным катализатором, — говорит *А. Бухановский*, — становится впечатление, то есть сочетание событий, увиденных однажды в страшном, жестоком антураже. Так, маньяк Сливко из Невинномыска стал свидетелем автомобильной катастрофы, в результате которой погиб мальчик. В подсознании будущего убийцы отпечатался образ мертвого ребенка в аккуратной пионерской форме, блестящих черных ботиночках. Но от запечатления сцен жестокости и насилия до садистских преступлений долгий путь. Потом запечатленный некогда антураж маньяк станет воссоздавать в сценариях своих преступ-

лений. Так, Сливко, постепенно от патологического поведения перейдя к изощренным убийствам подростков, подробно воссоздавал запечатленный образ погибшего, одевая свои жертвы в пионерскую форму и блестящие ботиночки».

Вот здесь перед нами проблема исключительного значения, которая еще не понята никем. Она может быть сформулирована в виде следующего вопроса: был ли этот Сливко фрустрирован при виде погибшего мальчика, как это должно было быть с нормальным человеком? Если да, то возникает уже новый вопрос: почему у него механизм вытеснения не заработал достаточно эффективно и он и не смог подавить и вытеснить эти страшные образы (мертвого мальчика, всей ситуации), чтобы делать их недееспособными, то есть не способными вызывать какие-либо действия?

Мы полагаем, и это основная идея нашей **гипотезы**, *что эта жуткая картина была в определенной степени приятна будущему маньяку и преступнику, поэтому и оказалась всегда активной в его психике.* А если человек переживает приятные чувства от вида погибшего человека, от чужих страданий, у него, конечно, уже есть склонность к садизму и он, безусловно, уже совершал мелкие садистические действия. Мысленное повторение ситуации аварии с образом мертвого мальчика стало для него источником все новых наслаждений, но эти чисто психологические акты постепенно стали недостаточными для получения полного удовлетворения уже более развитых патологических влечений. (Эти влечения развивались, в частности, под воздействием упомянутых картин прошлого и воображаемых все новых и новых сходных ситуаций.) Поэтому потенциальный садист в конце концов перешел к реальным действиям. Первоначальное садистическое влечение и волнения у него сочетались с увиденным «зрелищем», в результате чего возникла сильнейшая установка на совершение соответствующих действий. Мотивы преступлений были готовы, и в их формировании играли роль своеобразный импринтинг и эмоциональная память.

Мы не случайно употребили здесь слово «импринтинг». Ведь в случае Чикатило и Сливко проблема истоков первоначального садистического влияния осталась нераскрытой. Нам представляется вполне возможным, что, кроме наследственных факторов, играют также роль первые импринтинги в жизни ребенка, например первые жестокие сцены с участием членов семьи, сцены уличных происшествий и т. п. Они остаются на уровне подсознательного и позже актуализируются в ситуациях, в которых человек получает сходные впечатления от жестоких действий людей.

Итак, есть люди, которые, в отличие от нормальных, получают наслаждение от страдания или смерти других людей. Наличие таких садистических качеств и тенденций делает их потенциальными преступниками и маньяками. Исследование подобных патологических случаев извращения влечений и других мотивов с одновременным сохранением эффективной работы познавательных механизмов представляет значительный интерес для психологии, позволяет яснее видеть условия формирования различных типов личностей, в том числе этнических. Ведь есть «культуры», в которых жестокое отношение к людям, особенно к «чужакам» (представителям других этносов) культивируется у людей с раннего детства. Если в таких этнических сообществах формируется много подобных садистов, то этот комплекс может стать ведущим в этническом характере народа.

Особенно опасны те сексуальные маньяки, которых Бухановский характеризует следующим образом: «В поисках утраченного комфорта “синдром Чикатило”

толкает больного на новые садистические преступления на сексуальной почве, вплоть до пожирания частей человеческого тела». Мы полагаем, что надо было только уточнить, что эта болезнь — односторонняя в том смысле, что в основном здоровые познавательные способности индивида служат патологическим влечениям и целям. Это сходно с тем, как психопат Адольф Гитлер эксплуатировал научно-техническую и философскую мысль интеллигенции Германии.

Экологические факторы тоже, как убежден Бухановский, играют роль в возникновении таких патологий, но мы думаем, что они не являются решающими, особенно если не оказывали влияния на внутриутробное развитие индивида. Отравление организма беременной матери от ядохимикатов, безусловно, играет роль, и такие примеры известны науке[36].

Но многие случаи маниакального развития людей протекали в нормальных экологических условиях. Важнее всего наследственность, первые впечатления (импринтинги), сила влечений и фрустраций и, наконец, семейная обстановка. Поощрение даже мелких садистических действий или либеральное отношение к ним создают условия для их подкрепления и развития, на этой основе, соответствующих психических черт: человек психически перерабатывает свои действия, реакции на них родителей и других значимых людей и приходит к своим выводам и тенденциям. Бухановский привел следующий пример: одного убийцу мать всячески оберегала и прощала. Он совершил два убийства в своем родном городе, потом переехал в Ростов-на-Дону и совершил еще ряд преступлений, о которых, как оказалось, мать знала, но скрывала. Так он совершил 11 преступлений. Безнаказанность и укрывательство — способы поощрения преступников.

Таким образом, учет сензитивных периодов психического развития, первых импринтингов и подкрепления в основном позволяет понять механизмы развития как нормальных, так и патологических личностей.

7.6. Деструктивность человека

Общая характеристика

Теория человеческой деструктивности (разрушительности) также наиболее подробно и на основе данных современных наук разработал *Эрих Фромм*. С рассмотрения его взглядов мы и начнем наше изложение. Главным в «сущности человека» Фромм считает его **страсти**. С их помощью человек пытается придавать смысл своему существованию и иметь возможность более интенсивного переживания. Такие эмоции, как *страстная любовь, стремление к власти и известности* и целый ряд других, являются попытками выйти за пределы банального существования. И когда эти страсти подавляются, у человека появляется стремление к деструктивности.

Жестокость (садизм) и деструктивность свойственны человеку, но они — порочные страсти. И они не в последнюю очередь разрушают своего носителя. Они парадоксальны тем, что выражают жизнь, которая, в попытке осмыслить себя, направляется против самой себя[37].

Жестокость — единственно подлинное извращение, и только понимание этого позволит несколько смягчить ее. Жестокость и деструктивность — разновидности

зловредной агрессивности. Они развиваются, когда упомянутые выше сущностные, экзистенциальные потребности сталкиваются с различными социальными условиями и подавляются.

Прирождена и наследственна ли деструктивность?

Эту проблему Фромм решает исходя из того, что различные группы людей сильно отличаются друг от друга по уровню деструктивности. Поскольку это так, деструктивность не может быть наследственной. Правда, Фромм не отвечает на вопрос, почему нельзя считать наследственным минимальный уровень склонности к деструктивности, на основе которого, в зависимости от природных и социальных условий существования, различные группы приобретают неодинаковые уровни деструктивности, то есть зловредной, подлинной агрессивности.

Различные уровни деструктивности коррелируют с разными психическими свойствами человека и с социальными системами. И в условиях развитой индустриальной цивилизации уровень деструктивности людей (надо полагать — и социальных групп тоже) скорее растет, чем снижается. Вслед за *Конрадом Лоренцом* и другими этологами социальный мыслитель Фромм также утверждает, что человек является убийцей, единственным приматом, который не только убивает индивидов своего вида, но и получает от этого удовольствие. Вот эта человеческая злость и деструктивность являются главной социальной проблемой. Человек — единственный садист среди всех млекопитающих. Фромм оспаривает идею Лоренца о наследственности зловредной агрессивности, но считает, что она, по-видимому, имеет экологические источники. Отмечено, причем многократно и разными наблюдателями, что плененные животные, живущие в зоопарках, более агрессивны, чем те, которые живут в естественных условиях своего обитания. В плену животные свою повышенную агрессивность направляют друг против друга, причем больше всего страдают детеныши и самки. Иногда дело доходит до убийства, тогда как в естественных условиях жизни такой конец — редкость. Летальный исход наблюдается при большом скоплении животных, когда образуется своеобразная «толпа». Причем обилие пищи не оказывает влияния на агрессивное поведение животных, и, нужно полагать, лишь материальное изобилие не решит подобные психологические проблемы.

Скопление индивидов на небольшом пространстве усиливает агрессивность каждого из них, поскольку уменьшает жизненное пространство индивида, создает *тесноту* и разрушает социальную структуру. Появление чужой особи также является фактором, усиливающим агрессивность индивидов, поскольку представляет угрозу для социальной структуры[38]. Когда эта же проблема обсуждается в связи с агрессивностью и разрушительностью людей, следует провести различие между населенностью территории и теснотой. На примерах Бельгии, Голландии и других густонаселенных стран, а также израильских кибуци, где нет значительной агрессивности в отношениях людей, Фромм заключает, что не перенаселенность сама по себе, а отсутствие подлинных общих интересов и тесных социальных связей, а также ряд других социально-экономических условий приводят к усилению агрессивности людей. Агрессивное поведение животных при уменьшении свободного пространства является инстинктивным. У человека все обстоит намного сложнее: его решения являются социально-психологическими. Впрочем, проблемы групповой агрессивности мы подробно рассмотрели во второй части настоящей книги.

Формы деструктивности

Двумя основными формами деструктивности являются:

а) спонтанная деструктивность человека,

б) деструктивность, связанная со структурой характера.

Под *спонтанной деструктивностью* имеют в виду вспышки «спящих», но не обязательно подавленных, разрушительных импульсов, которые активизируются под воздействием необычных условий.

Вторая же разновидность, которую называют также *перманентной деструктивностью*, есть всегда наличная и активная черта характера человека. Эти формы деструктивности проявляются во время войн между государствами, гражданских войн и других столкновений социальных и этнических групп. Они наблюдаются в различных вариациях.

Месть, или мстительная деструктивность, — *это спонтанная реакция на интенсивное и несправедливое страдание, которому подвергается человек.* От защитной агрессии месть, как мы уже знаем, отличается тем, что наступает после того, как уже вред нанесен. Такая деструктивность в этом смысле не является защитной реакцией на ожидаемую опасность. Вопросы психологии мести в настоящей книге мы уже обсудили с достаточной подробностью. Поэтому здесь сделаем лишь ряд дополнений. Месть является крайне интенсивным переживанием, недаром говорят о *жажде мести.* Очень широко была распространена кровная месть, убийство за убийство, причем мстители могли терпеть долго, в течение жизни нескольких поколений. А вообще, все формы наказания являются различными вариантами мстительной деструктивности.

Почему чувство мести так глубоко укоренено в психике человека? Ранее мы уже отмечали точку зрения *Э. Фромма, который* считает, что акт мести имеет некоторое магическое значение. Подвергая наказанию того человека, кто поступил жестоко, мы как бы *магически аннулируем его деяние.* Он «оплатил свой долг» или «поплатился за содеянное». По крайней мере теоретически, он стал человеком, который никогда не совершал преступлений. И все-таки, почему это «магическое желание» так интенсивно? Причина, по-видимому, кроется в том, что человек имеет элементарное чувство справедливости и «экзистенциального равенства» всех людей. Все мы родились от матерей, бессильны, должны умереть и т. п. Зависть, по мнению ряда психологов, имеет тот же корень, что и месть.

Когда Бог и власти не творят справедливость, человек берет дело установления справедливости в свои руки. Тем самым он приближается к Богу. *Вот почему час мщения — великий час самовозвышения.*

Против жестокости восстает элементарное требование совести, которой в определенной мере обладают, по-видимому, все люди. У представителей разных народов потребность в мести имеет различную интенсивность. Фромм связывает такое различие с неодинаковыми возможностями компенсации потери: когда человек думает, что не способен компенсировать свою потерю, он заключает, что необходимо отомстить. Это интересная идея: она дает возможность развивать науку о различных видах мести и причинах этнических различий по ее интенсивности и последовательности. Например, за супружескую неверность на Западе и на Востоке мстят по-разному. То же самое — за предательство и другие деяния, идущие против чувства справедливости человека и других его моральных норм.

По силе желания мести Фромм располагает всех людей по шкале: от минимальной до максимальной интенсивности. Самый низкий уровень интенсивности наблюдается у буддистских и христианских святых, которые достигли высочайшего, близкого к идеалу уровня психического и морального развития. К правому полюсу тяготеют тревожные и нарциссические люди, у которых даже незначительный вред, нанесенный другими, вызывает сильнейшее желание мести. У таких людей желание мести исходит уже из *устойчивой характерологической черты*. Добавим, что поскольку среди политиков очень много людей нарциссического типа, то следует ожидать, что в этой области социальной жизни месть должна занимать значительное место. Именно это мы и наблюдаем в реальной жизни. Данную проблему мы подробно рассматриваем в другой работе[39].

Другая разновидность разрушительной агрессивности человека — это так называемая *экстатическая деструктивность*. В бегстве от трудных проблем бытия человек может искать прибежище в экстатических психических состояниях, в трансе. Путем выхода за собственные границы (трансцендеция) человек добивается единства с природой и с самим собой[40].

Одним из естественных переходных состояний подобного рода является половой акт: при нем имеет место полная концентрация и «моментальный» экстаз. Каждый из партнеров может нарциссически переживать это состояние, но взаимная благодарность всегда налицо. Сходными являются также экстатические танцы, оргии, те психические состояния, которые возникают в результате приема наркотиков, и другие. Во многих формах экстаза ведущими компонентами переживаний человека являются агрессивность, ненависть и деструктивность. Примеры нетрудно найти в религиозных и других ритуалах, в ритуале инициации и т. п. Есть такие люди, которые идеализируют деструктивность и посвящают всю свою жизнь ее культивации. Подобных примеров много среди уголовников, анархистов, среди главарей фашистских партий и т. д.

Некрофилия Возможно, что крайним типом деструктивной личности является так называемый *некрофил*. **Некрофилия** — *стремление этого типа людей уничтожить все живое*. Это любовь к мертвому, к умиранию и смерти. Данный тип человеческого характера стал чаще формироваться в условиях индустриальной цивилизации, в условиях сплошной компьютеризации многих сфер жизни. *Э. Фромм* высказал мысль, что клич фалангистов «Да здравствует смерть!» может стать тайным принципом жизни.

Мы считаем, что людей с сильно выраженной некрофилией становится больше обычного во время войн, когда разрешается убивать врагов и за это предусматривается не наказание, а вознаграждение.

Некрофилия — стремление людей уничтожить все живое.

Некрофилия сильно выражена в религиозной идеологии и особенно ярко проявляется во времена межконфессиональных войн, в ходе которых противники беспощадно истребляют друг друга, обзывая «неверными». Так, в исламе смерть человека за веру считается деянием, заслуживающим всяческих похвал. Для верующего это верх блаженства. Именно поэтому так много верующих террористов-самоубийц. В Японии это камикадзе. Такие люди взрываются вместе с врагами и якобы попадают в рай. Джихад, священная религиозная война мусульман против людей иных вероисповеданий, содержит в себе любовь к смерти, к убийству и самоубийству.

Это идеология и практика некрофилии, хотя подобные действия, конечно, имеют и другие, например политические, мотивы. Павшие за веру считаются святыми (шахидами), им поклоняются. Поведение садиста, в числе других, имеет и мотив в виде установки некрофильной личности. Но разница между некрофилией и садизмом состоит в том, что садист старается все же сохранить жизнь других людей, например своих подчиненных, чтобы иметь объект агрессии и наслаждаться своими садистическими действиями, своей жестокостью. Некрофил же уничтожает свой объект.

Не содержит ли обожествление покойников и подчеркнутая забота о хорошем состоянии их могил выражением некрофилии? Есть люди, которые значительную часть своих средств используют для построения надгробий и других памятников умершим, в то время как для живых людей нет достаточных средств существования.

7.7. Вандализм

Общая характеристика

Одним из распространенных выражений крайней агрессивности является вандализм[41], то есть уничтожение, разрушение и присвоение материальных и духовных культурных ценностей.

Эта тенденция особенно сильна тогда, когда ценности принадлежат недругам, врагам или «никому» — например народу, или социалистическому государству, или какой-либо не очень понятной организации. В особой опасности находится общественная и государственная собственность.

Про вандализм, в силу его распространенности, нетрудно собрать фактический материал. Но для получения точного знания и выяснения мотивации разрушительных действий людей необходимо организовать специальные психологические исследования. Такие исследования уже проводились как в виде естественных, так и лабораторных экспериментов.

Является ли повреждение или уничтожение вещей агрессией?

Точки зрения психологов на данный вопрос не совсем совпадают. Одни из них отмечают, что повреждение и уничтожение вещей является агрессией, и мы с этой точкой зрения полностью согласны, иначе пришлось бы считать, что вандализм не является агрессией. Такова, например, позиция *Э. Фромма*. Но есть и такие психологи, которые считают, что только те действия можно считать агрессивными, которые причиняют вред живым существам. Так думают *Л. Берковиц, Р. Бэрон* и другие. Но эти последние не учитывают, что, когда человек разбивает определенные предметы, наносит по ним удары и т. п., во многих случаях он ***переносит свою агрессию на эти неодушевленные предметы***. Тот случай, когда предмет принадлежит нашему врагу, мы легко переносим свою агрессию на принадлежащие ему вещи. Вещь в определенной степени идентифицируется с ее хозяином, и это облегчает перенос агрессии и замену его объекта. Но агрессия может выбрать для себя и такие неодушевленные объекты (мишени), которые никак не связаны с врагами.

Например, разъяренный после ссоры с руководителем человек возвращается домой и в гневе разбивает чашку или другой предмет, причем часто это происходит как бы нечаянно. Но ведь разбитый предмет принадлежал не врагу, а ему самому. Мы полагаем, что в таких случаях человек сам для себя стал объектом агрессии.

Когда, вступив на чужую землю, завоеватели начинают уничтожение культурных ценностей потерпевшего поражение народа, такой вандализм может быть выражением как желания причинить еще больший вред врагу, «стереть его с лица земли», так и выражением агрессивности, вызываемой непониманием чужой культуры.

В описанных двух случаях агрессия выражается в виде вандализма.

О мотивации вандализма

Мы уже в предыдущем разделе, по существу, начали говорить о вандализме. Рассмотрим еще некоторые аспекты этого вопроса. Деяния вандалов общеизвестны: захватив Рим, они стали уничтожать культурные ценности латинян. Они «бессмысленно», как полагают историки, ломали архитектурные памятники, здания, уничтожали мозаику, соскабливали фрески. «Именно эта бессмысленность поразила современников, но и в последующие века она наблюдается то тут, то там», — говорил *Л. Н. Гумилев*[42].

Тут же Гумилев сравнивает такое «бессмысленное» поведение вандалов с поведением другого германского племени — готов. Взяв Рим, готы ограничились контрибуцией. Они находились на том же уровне культурного развития; как и вандалы, были арианцами, но действовали иначе. Сверхагрессивность вандалов не пошла им на пользу. Судьбы этих двух германских племен оказались совершенно разными. «Готы в Испании создали устойчивое королевство, слились с местным населением в единую политическую систему и впоследствии в монолитный этнос — испанцев. Вандалы свирепствовали в Африке до тех пор, пока небольшой корпус Велизария не ликвидировал их крепостей, в которых они укрывались от гнева аборигенов. После этого вандалов не стало»[43].

Этот факт еще раз доказывает, что сверхагрессивность этносов не всегда для них благо, что многие сверхагрессивные этносы в конце концов погибают. Что же касается мотивации вандализма, можно указать на ряд важных причин такого поведения:

а) сверхагрессивность характера как следствие их предыдущей этнической истории и особого пути этногенеза;
б) качества вождей, которые могли быть личностями с патологической агрессивностью;
в) зависть к высокой культуре римлян;
г) неспособность понимать смысл и значение более высокой культуры, что обычно фрустрирует людей и вызывает в них агрессивность.

Все эти причины необходимо исследовать путем более подробного анализа исторических фактов, поскольку здесь они сформулированы в качестве правдоподобных предположений, исходящих из современных знаний о человеческой агрессивности, в том числе этнической[44].

Вандалы разных этносов — это активные, иногда сверхактивные люди. Но у них ведущая стратегия адаптации имеет агрессивный характер, и их энергия получает соответствующую направленность. Такие люди, не находя других врагов, подвергают агрессии своих сородичей или же природу своей страны. Тем самым они подготавливают погибель собственных потомков.

Вандализм индивида, как правило, самоцель. В этом смысле это бессмысленная агрессия, разрушительная злость, не служащая какой-либо полезной цели.

Вандализм — общечеловеческое явление. Правда, при более глубоком подходе мы обнаруживаем, что он имеет свою внутреннюю мотивацию: для некоторых индивидов и групп он является средством получения функционального удовольствия. Сам процесс разрушения культурных ценностей таким людям нравится, в результате чего вандализм самоподкрепляется, самовознаграждается и воспроизводится как источник удовольствия.

Жестокость человека нередко выражается в виде разрушительных действий. Вандализм — поведенческий аспект жестокости, особая разновидность разрушительной агрессивности. Так ведут себя в первую очередь морально незрелые люди: дети и подростки, психопаты-хулиганы и целые группы людей, толпы, уровень нравственной зрелости которых ниже среднего. Это люди, уровень моральной саморегуляции которых быстро регрессирует, как только появляется возможность совершения агрессивных действий со слабой вероятностью получения отпора.

Вандализм иногда превращается в *манию уничтожения*. Совершая акты вандализма, группы подростков и юношей переживают сильное возбуждение, кричат и смеются от счастья: им нравится быть в этом состоянии. У такого человека обычно отсутствует развитое чувство красоты и гармонии, эстетически он недоразвит так же, как и морально, и не понимает всего безобразия своего поведения.

Интересную мысль о варварстве высказал Гете в разговоре с Эккерманом, говоря о немецких художниках начала XIX века. Отметив, что они считают Рафаэля слабым, Тициана — «разве что хорошим колористом», Гете добавил: «Нибур был прав... предрекая наступление варварской эпохи. Она уже наступила, и мы живем в ней, ибо первый признак варварства — непризнание прекрасного»[45].

Это подход к варварству, так сказать, с другой стороны. Можно утверждать, что непризнание прекрасного — психологическая предпосылка его уничтожения.

Некоторые факты

В истории человечества завоевание чужих стран, разрушение и разорение населенных пунктов противника — обычное явление.

Римляне разрушили Карфаген, а позднее вандалы разрушили Рим. В первом из этих случаев в роли главного вандала выступил один их римских сенаторов, который в конце каждого своего выступления в сенате, о чем бы ни шла речь, призывал: «А Карфаген надо разрушить!»

Тюркские племена начиная с XI века, предпринимая свои походы в Малую Азию и позднее в Европу, уничтожали на своем пути все живое, опустошали целые страны. В их душе и поведении сочетались жестокость, вандализм и некрофилия.

Уничтожение книг. Обычным предметом уничтожения для варваров всех времен служили произведения культуры: архитектурные памятники и целые города, произведения живописи, мастерские и заводы и многое другое. Уничтожались целые цивилизации. Но особенно жестоко страдали книги — эти высшие выражения человеческого творческого духа. Вандал уничтожает все то, что ему чуждо, непонятно и, по его мнению, вредно. А поскольку книги многим вандалам непонятны, они и их авторы страдали больше всех. Приведем несколько известных исторических примеров.

Второй после Мухаммеда арабский халиф Омар во время своего похода на Египет в 646 году приказал сжечь всю Александрийскую библиотеку, целиком. Стало

знаменитым обоснование им своего варварского решения: «Если в этих книгах говорится то, что уже есть в Коране, то они бесполезны. А если в них говорится о другом, то они вредны. Поэтому и в том, и в другом случае их надо сжечь». Это замечательный пример ограниченности мысли и фантазии, сочетаемой с жестокостью. В течение шести месяцев в тысячах бань Александрии воду грели, сжигая эти рукописные книги. Но первый пожар в Александрийской библиотеке вспыхнул задолго до этого — в 273 году н. э., когда Рим вел войну против Пальмиры. Эту библиотеку, как языческую, уничтожали также христианские епископы. Там было накоплено около 700 000 книг, но ни одна из них не уцелела.

В 1258 году монголы захватили Багдад и уничтожили его библиотеки. Книги были брошены в Тигр, образовался мост, по которому люди могли перейти с одного берега на другой.

В тоталитарных государствах XX века уничтожались те книги, содержание которых не соответствовало государственной идеологии.

Ряд примеров вандализма приводит *З. Балаян* в своей книге «Очаг». В Сисианском районе Армении ряд петроглифов (рисунков на скалах) высечены зубилами. «А на одной из скал с древнейшими рисунками я видел след зубила. Какой-то новоявленный вандал высек нечто похожее на полумесяц»[46].

Нетрудно догадаться, чьих это рук дело.

В Егегнадзорском районе насчитывается более ста ценнейших памятников старины. Но и здесь действуют вандалы. «В том же Нораване, — пишет *З. Балаян,* — я видел свежие следы новоявленного вандализма: зубилом выбиты какие-то фигуры»[47].

На стенах монастыря Хор Вирап хулиганы выбивали свои имена. А вандализм турок в захваченной ими Западной Армении принял огромные размеры. Уничтожены тысячи населенных пунктов и памятников культуры. В Нахичеванской области уничтожаются ценнейшие памятники армянской культуры.

Вандализм и садизм тесно взаимосвязаны. Это две стороны одного и того же явления — человеческой разрушительности, — о котором мы уже знаем. Поэтому здесь следует говорить также о вандализме по отношению к людям.

По подсчетам специалистов, каждый год в США убивают примерно 700 детей, причем основная часть убийц — крайне агрессивные матери. Они убивают собственных детей. В США существует Сенатская комиссия по насилию и вандализму. Ей в 1975 году были представлены данные о вандализме, в числе которых следующие: 1) акты вандализма, поджога и воровства, совершенные в школах страны, приводят к потере 500 миллионов долларов в год. Эта сумма близка к той, которая каждый год расходуется на издание учебников; 2) в начале 1970-х годов, в течение трех лет, в американских школах было 100 случаев убийств; 3) каждый год около 70 000 учителей подвергаются нападению учеников во время работы. Объектами нападения становятся также сотни тысяч учеников; 4) в некоторых школах ученики употребляют наркотики, практикуют проституцию, вымогательство. Все это — занятия, связанные с агрессией.

В вышеназванную комиссию конгресса поступает много писем от учителей, которые описывают весьма прискорбную действительность внутри школ[48].

Положение не лучше на улицах американских городов. Каждый год на улицах Нью-Йорка бьют около 2 000 000 оконных стекол. Чаще всего это ученики разбивают стекла школьных окон, выражая свое недовольство этими заведениями или просто наслаждаясь своим вандализмом.

Осознанный и неосознанный вандализм

Вандализм в жизни общества имеет самые различные проявления и может классифицироваться исходя из различных принципов. Мы могли бы классифицировать действия вандалов исходя, например, из того, *что* они уничтожают: населенные пункты и здания, произведения искусства и архитектуры, книги и другие ценности. Но интереснее всего создать классификацию вандализма исходя из внутренних, психологических критериев, поскольку не всегда совершенно одинаковы мотивы подобных действий разных индивидов и групп, а также уровни осознанности — неосознанности их действий. Исходя из последнего критерия мы предлагаем выделить две разновидности вандализма:

а) *неосознанный вандализм* — это аморальный и спонтанный ряд действий индивидов и групп;

б) *осознанный вандализм*, который можно также назвать антиморальным.

Если в первом случае человек совершает вандалистические поступки, не зная, что нарушает социальные, в частности, моральные нормы (он просто может и не знать об их существовании, поскольку плохо социализирован), то во втором случае деструктивные действия совершаются произвольно, с умыслом, именно с целью разрушения враждебного или непонятного объекта.

Примером первой разновидности вандализма могут служить действия маленького ребенка, который разрушает предметы для собственного удовольствия. Второй же случай более характерен физиологически уже взрослым, но психологически недостаточно зрелым психопатам и преступникам, отличающимися крайним эгоизмом и моральной тупостью.

Замещение агрессии в виде вандализма

Вандализм нередко бывает результатом фрустрации и замещения объекта агрессии, то есть вымещения злости и гнева индивида на невинных, в том числе неодушевленных объектах. С этим явлением мы уже знакомы.

Убедительным примером работы данного механизма является поведение героя французского фильма «Двое в городе», роль которого мастерски играет Ален Делон. Как ответ на несправедливое отношение к себе, этот молодой человек переживает интенсивные состояния фрустрации и начинает разбивать старые автомобили.

Но вандализм в виде замещения объекта агрессии, психологически вполне понятный, все же должен быть осужден, так как приводит к разрушению ценностей и ухудшению человеческих отношений, к снижению уровня культурно приемлемого поведения, нарушению норм совместной жизни людей. Это один из вариантов работы механизма поиска козлов отпущения, в результате активности которого очень часто страдают невинные люди.

Предрассудки и вандализм

Исследования социальных психологов показали, что акты вандализма чаще всего совершают люди с предрассудками. Но предрассудками чаще всего отягощены авторитарные личности, как это убедительно показано в первую очередь авторами уже упомянутой монографии «Авторитарная личность»[49]. Поэтому, исследуя случаи вандализма в разных стра-

нах, мы должны попытаться найти эту цепь: вандализм — предрассудки — авторитарность характера. Как известно, авторитарные люди склонны упрощенно категоризировать реальность, и такое схематическое представление становится познавательной основой актов вандализма. Например, они делят людей на «своих» и «чужих» и питают отрицательные чувства к чужакам. У авторитарных людей формируются отрицательные установки, которые в соответствующих условиях приводят к агрессивным действиям, часто ситуативно неоправданным. Если, например, подросток уничтожает государственное и общественное имущество и не раскаивается, то это значит, что у него уже имеются предрассудки в виде схемы «свое — чужое»: общественное добро и вообще все, принадлежащее анонимным организациям, считается чужим и, следовательно, потенциальной мишенью разрушительной агрессии. Такой образ мышления особенно типичен для авторитарных личностей, выросших в авторитарно-пунитивных семьях, то есть в таких, в которых средством регуляции поведения друг друга преимущественно является наказание. Связь структуры личности с ее поведением, конечно, имеет более сложный характер, но вышеописанную линию во многих случаях нетрудно проследить.

Вандализм и территориальный инстинкт

Вандализм тесно связан с проблемой территориальности, которая исследуется как в этологии, так и в социальной психологии. Вандалистическим нападениям в мирных условиях и в рамках одного общества подвергаются такие территории, которые не имеют четко обозначенных границ и символов принадлежности определенному собственнику. И наоборот, если такие границы и знаки обозначены достаточно четко, число преступлений и актов вандализма вообще уменьшается[50].

Свидетельства в пользу этих утверждений были получены в ходе исследований, в которых следили за тем, как люди уничтожают покинутые автомашины. Эти эксперименты мы опишем чуть позже. Здесь же отметим, что значительно больше вандалистических актов совершаются вблизи покинутых домов, на незанятых никем землях, в публичных местах (на фабриках, в школах и других общественных зданиях). В домах своих знакомых и друзей люди иначе относятся к их собственности, чем в общественных местах. Люди в целом с уважением относятся к личной и частной собственности, хотя и существуют целые теории о вредных последствиях частной собственности, которая, как предполагается, усиливает эгоизм и эксплуататорские тенденции людей. Именно это утверждается в Марксовой теории классовой борьбы, которая должна была привести к ликвидации частной собственности революционным путем. Что из этого получилось — общеизвестно. Справедливо считается, что грандиозный социальный эксперимент закончился крупным провалом.

7.8. Два полевых эксперимента (вандализм в Нью-Йорке и в Пало Альто)

В каких условиях вандализм легче возникает и какие люди больше склонны к нему?

Для получения ответа на эти и другие вопросы известный социальный психолог *Филипп Зимбардо* организовал два естественных эксперимента в Нью-Йорке и Пало Альто, университетском городке в Калифорнии.

Зимбардо купил две изношенные легковые автомашины и, бросив их в случайных местах упомянутых двух городов, издалека, вместе со своими сотрудниками, стал наблюдать, что же будет с ними.

В Нью-Йорке, уже через 10 минут после того как психологи отошли от машины, рядом с ней появилась разбойничья группа из трех человек: молодых супругов и их восьмилетнего сына. Жена выполняла роль часового и защитницы, мальчик подавал отцу инструменты, а глава семьи стал разбирать радиатор и аккумулятор.

До конца 26-го часа эксперимента поток вандалов унес радиатор, аккумулятор, антенну, хромированные стержни правой стороны машины, заднее колесо и другие детали. Прошло еще 6 часов, в течение которых двое подростков сняли зеркало, после чего начали с разных сторон наносить удары по корпусу автомашины. Так началось варварское избиение скелета машины. Затем собралась группа из пяти детей 8-летнего возраста, которые стали играть под машиной, вскарабкались на нее и стали разбивать уцелевшие стекла.

Одним из последних «посетителей» был мужчина средних лет, который вывел сына в коляске на гулянье. Он остановился, проверил, что еще осталось в машине, снял какую-то деталь, положил в карман и пошел дальше.

Зимбардо написал о всех этих ньюйоркских вандалах, что они были хорошо одетыми белыми американцами, которых в других условиях мы могли бы считать зрелыми гражданами.

Ход эксперимента в Пало Альто был в значительной степени другим. Целую неделю никто не подходил к заброшенной машине. Когда начались дожди, один из прохожих прикрыл капот машины, чтобы защитить мотор от дождевой воды. У психологов возник вопрос: возможно ли, что американцы, живущие в этом городе, являются более зрелыми людьми и обладают более развитым чувством долга и гражданской ответственности, чем жители Нью-Йорка?

Чтобы получить ответ на такой вопрос, *Ф. Зимбардо* и его коллеги сами начали тяжелыми молотками энергично колотить по машине. Они хотели провоцировать людей на вандализм, и это им удалось. Вскоре прохожие присоединились к ним и молотки переходили из рук в руки. Один из участников этой вакханалии вскочил на крышу машины и прыгнул вниз. Затем машину перевернули и начали бить по ее «брюшным» частям. Поздней ночью трое молодых людей, принося с собой трубы и стержни, начали бить по скелету машины. Всеми своими действиями жители небольшого университетского городка доказали, что принадлежат к тому же роду людей, что и их соотечественники в Нью-Йорке.

С социально-психологической точки зрения представляет интерес то, что объектами действий вандалов чаще всего становятся те предметы, у которых, по их мнению, нет хозяев, или те, которые принадлежат какой-либо не совсем определенной, анонимной организации.

Известный социальный психолог *Р. Браун* считает, что главная причина распространения вандализма — безразличие к общественной собственности, отсутствие хозяйского отношения к ней. Когда Зимбардо и его студенты начали молотками разбивать машину, они тем самим показали прохожим, что *у машины нет хозяина*. Кроме того, в Нью-Йорке, вследствие огромных масштабов этого города, люди более анонимны, не знают друг друга, они — частицы большой городской толпы. Все это — условия, ослабляющие чувство ответственности людей. А Пало Альто — маленький город. Чтобы проявлять свой вандализм, его жителям нужны более убедительные

доказательства того, что машина «ничейная». Ослабление в составе группы чувства ответственности каждого ее члена является причиной того, что вандалистические действия чаще всего бывают групповыми. Когда человек ведет себя как вандал вместе с группой, получает больше удовольствия, чем когда действует один. Когда вандал один, тревога и страх перед возможным возмездием подавляют чувство удовольствия одинокого варвара. Кроме того, в группе люди подражают друг другу, между ними происходит обмен опытом, их обучение в качестве вандалов ускоряется.

Как предотвратить вандализм подростков и даже взрослых людей? Исследования психологов, с результатами которых мы ознакомились в настоящей главе, приводят нас к не очень отрадным выводам: все люди — потенциальные вандалы и в соответствующих условиях могут совершить разрушительные действия. Только строгий социальный контроль и угроза наказания способны предотвратить вандализм людей — индивидов и социальных групп.

В этом выводе, к сожалению, много правды. Но стоит ли отказаться от гуманной цели совершенствования человека, оказания ему помощи в его моральном созревании, от создания таких условий, в которых *моральная регрессия*, то есть потеря уже приобретенных моральных принципов, норм и опыта нравственного поведения, не происходит? Мы считаем, что не стоит отказываться от этой цели. Развитие альтруизма, морально-психической зрелости и ответственности перед обществом — важнейшие качества гражданина. Никакое общество не сможет процветать без таких граждан, поэтому формирование подобных личностей — важнейшая задача семьи, школы и общества. Такая работа тем более важна в нынешних условиях усиления соперничества людей и перехода общества к рыночной экономике. Создание социальных джунглей — опасная затея.

7.9. Групповой вандализм

Роль группы в порождении вандалистских действий можно рассмотреть в двух аспектах. Во-первых, индивид может совершить разрушительные действия под влиянием группы. Во-вторых, сама группа может совершать такие акты.

Вандализм индивида под воздействием социальной группы — широко распространенное явление. Оно обусловлено тем, что социальные группы, особенно референтные, оказывают регулирующее воздействие на социальное поведение людей. Это явление можно наблюдать, например, во время футбольных матчей. Воодушевившись победой своей команды или переживая фрустрацию из-за ее поражения, болельщики, создавая группы, мотивируют друг друга на бессмысленные акты вандализма, заражают друг друга своими иррациональными эмоциями. Проходит некоторое время, и эти люди удивляются, каким образом они смогли совершить подобные действия. В таких случаях группа воздействует на индивидов и они совершают разрушительные действия. Это давно показано в психологии толп, предложенной еще во второй половине XIX века французским социологом *Гюставом Лебоном*[51].

Данный вопрос мы подробно обсудили в главе, посвященной групповой агрессии. В последнее время подобные акты участились и привлекли внимание других специалистов[52].

Групповой вандализм. Г. Лебон, испанский философ *Х. Ортега-и-Гассет* и другие исследователи убедительно показали, что и группа сама как более или менее структурированная совокупность людей совершает акты вандализма.

Наиболее четко подобное групповое поведение видно на примере действия агрессивной толпы. История последних десятилетий дала нам множество свидетельств о способности фанатичных агрессивных толп к вандализму, вплоть до людоедства. Достаточно вспомнить действия толп азербайджанцев в Сумгаите в 1988 году, в Баку в 1990 году и в других местах «интернационального» Азербайджана. Эти действия совершались в присутствии представителей властных органов республики и Союза. Поблизости находились также подразделения советских войск[53].

7.10. О социальных условиях, порождающих вандализм

В работе, посвященной социологическим аспектам преступности, Мертон следующим образом конкретизирует эту идею: «Антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения»[54].

В современных США стремление к богатству считается похвальной целью, но для подавляющего большинства граждан нет законных путей, ведущих к этой цели. Согласно цитированному выше автору, такой разрыв между желанием и реальным результатом усилий человека является главной причиной формирования не только антисоциальной, но и психопатической личности. И многие для достижения этой цели выбирают стратегию, характеризуемую лозунгом «Цель оправдывает средства». Антисоциальное поведение по этой причине получает широчайшее распространение. Если говорить на языке психологии, большинство граждан в таких обществах фрустрировано, вследствие чего люди становятся агрессивными и готовыми к совершению преступлений, лишь бы отвечать культурной норме жизненного успеха.

Отметим, что подобное положение вещей свойственно не только буржуазным странам. Такое же противоречие между официально пропагандируемыми целями и отсутствием законных средств их достижения существовало в СССР, например в сфере интеллектуального творчества, особенно в области общественных наук. Официально провозглашалась необходимость и желательность творческого развития общественных наук, даже марксистской философии, но в реальной жизни каждая такая серьезная попытка решительным образом пресекалась и подавлялась. Это противоречие фрустрировало способных представителей соответствующих сфер деятельности и поощряло конформистов. Последние всячески, даже преступными путями, добивались получения ученых степеней и званий, обеспечивая для себя высокий статус, нанося прямой вред науке и обществу. Вышеуказанное противоречие явилось для карьеристов и псевдоученых благодатной почвой, и на ней они развернули бурную социопатическую деятельность, нередко объединяясь в корпоративные группы. Можно считать, например, что группа псевдоученых во главе с Т. Д. Лысенко составила ма-

фиозную группу в области биологических наук. Такие псевдонаучные группы существовали во всех союзных республиках, они до сих пор все еще не искоренены.

Другим следствием вышеназванного разрыва между целями и реальными возможностями их осуществления является отчуждение молодежи от семьи, школы и общества в целом, что и приводит к правонарушениям, вандализму и преступности, направленными против личности. Когда подросток или юноша фрустрируется действиями родителей или педагогов, он переносит свою враждебность на все общество или на большие социальные группы, нередко совершая акты вандализма.

Эту точку зрения социологов принимают и развивают психологи. Так, уже хорошо известный нам *Л. Берковиц* считает, что условиями совершения подростками и юношами актов вандализма являются: ослабление чувства самоконтроля и замедление тормозных реакций; убеждение, что объекты агрессии заслуживают такого отношения; наличие чувства враждебности к отдельным лицам-фрустраторам (родитель, педагог, другие авторитетные люди) и перенесение этой враждебности на большие социальные группы и общество в целом.

На такой социально-психологической почве возникают различные молодежные гангстерские группы. Многие члены преступных молодежных банд позднее вовлекаются в сети организованных преступных групп людей зрелого возраста. Формируются лидеры преступного мира. Эти же явления уже наблюдают криминальные психологи России[55].

7.11. Мораль и жестокость

Из предыдущего изложения читатель может сделать вывод, что агрессивными и жестокими бывают только аморальные люди, у которых способность к симпатическому сопереживанию недостаточно развита. Во многих случаях это именно так, но не всегда. Наблюдения показывают, что агрессивными и даже жестокими могут быть и морально развитые люди, но уже по другим причинам. У них мотивация агрессии и жестокости в значительной мере иная.

Мораль и совесть

О человеке говорят, что он имеет **совесть**, *если приобрел систему личной морали и в своих действиях руководствуется ей.* Он знает, что такое справедливость и добро и что такое зло, и, принимая решения, руководствуется этими представлениями. Психоаналитики называют такую внутриличностную моральную систему «сверх-Я». Человек с развитой совестью способен к *эмпатии*, то есть к сопереживанию, что во многих случаях предотвращает совершение жестоких поступков.

Совесть является важнейшим механизмом регуляции нравственного поведения человека. Различают два вида или уровня совести: *подсознательную* и *сознательную* (осознанную).

Подсознательная совесть оказывает влияние на мысли, действия и психические состояния человека, но актуально им не осознается. Поэтому человек не всегда может сказать, почему совершил тот или иной поступок.

Сознательная совесть — это система осознаваемых моральных принципов и норм, которыми человек сознательно руководствуется при организации своих

поступков. Такая моральная система в основном структурируется как «идеальное - Я» или, иначе, идеальный «Я-образ» личности. Подобное название означает, что в нее входят представления о том, кем бы хотел стать человек в будущем, если бы условия жизни ему это позволили. Правда, не у всех «идеальное-Я» является чисто моральным образованием. Например, вряд ли моральным можно считать «идеальное-Я» человека, который стремится стать профессиональным преступником.

Подсознательная совесть в значительной мере догматична. Она имеет наказующий и запрещающий, авторитарный характер. Иногда она действует жестоко и беспощадно. Часто к работе совести, как внутреннего механизма нравственного поведения, перемешивается влечение к агрессивности. Можно согласиться с *Карлом Меннингером*, который тоже и намного раньше в результате обсуждения вопроса о том, каким образом преступник становится полицейским, пришел к сходному выводу.

Мораль и жестокость

Поскольку агрессивность и мораль нередко гармонично сочетаются, в высшей степени совестливые люди часто приходят в крайне агрессивное состояние. Но тут есть важная особенность, которая отличает этих людей от сверхагрессивных психопатов. Они могут действовать резко и деструктивно, но такие совестливые и агрессивные люди часто более жестоки к самим себе, чем к другим людям. Поэтому и *К. Меннингер* требовал, чтобы интеллект взял под свой контроль слепую совесть таких людей[56].

Этот автор пришел к выводу, что у теоретически нормального человека, у которого агрессия нейтрализуется любовью, она имеет следующую судьбу: одна ее часть полностью подавляется; вторая часть получает прямое выражение в действиях самозащиты и защиты других людей; частично сублимируется; наконец, оставшаяся ее часть интернализуется как совесть.

У менее нормальной личности часть агрессии, направленная на других, принимает форму жестокости, убийств, воровства, провокаций и других форм агрессивного поведения. Та же часть агрессивности, которая направлена против собственной личности, принимает вид депрессивности, неврозов, суицидальных мыслей и реальных действий, совершаемых с целью самоубийства.

Возникают различные новые вопросы, требующие исследования. Один из них следующий: какое влияние оказывает амбивалентность отношения к данному человеку как возможность переживания с ним эмпатии? Можно предположить, что уровень чувств, когнитивных и поведенческих элементов установки индивида А к индивиду Б будет различным в следующих случаях:

а) однозначно положительное отношение: полная эмпатия, готовность к самопожертвованию ради него, как это мы видим у части матерей в их отношениях со своими детьми;
б) амбивалентное отношение: различные соотношения противоречивых чувств и установок. Это случай неполной и неустойчивой эмпатии;
в) однозначное отрицательное отношение: ненависть, отсутствие эмпатии, желание, чтобы другой страдал и даже умер.

Амбивалентность

– I----------------------I----------------------I +

Между этими полюсами — бесконечные вариации амбивалентности и, следовательно, уровней эмпатии.

Очевидно, что обычной для человеческих отношений является амбивалентность. В каждом конкретном случае необходимо раскрыть содержание этой амбивалентности, чтобы стали понятны особенности общения людей.

Заслуживает пристального внимания вопрос о месте защитных механизмов в структуре личности морально агрессивных людей. Такую особую роль должны играть проекция, атрибуция и рационализация, как это мы наблюдаем у авторитарных людей.

Для дальнейшей разработки данной проблематики интересный материал могут предоставить работы психопатологов и психиатров[57].

Из исторических материалов представляют интерес и подлежат психологическому анализу сведения о деятельности Святой инквизиции в широком смысле этого слова, в различных ее вариантах и модификациях, вплоть до соответствующих организаций наших дней[58].

Вполне очевидно, что если в обществе есть много людей, сочетающих в себе достаточно высокий уровень морального развития и агрессивность, то это уже социальная проблема и должна исследоваться со всей тщательностью. Для осуществления такой исследовательской программы в настоящее время уже можно опираться на достаточно разработанную концепцию морального развития личности, у истоков которой стоял *Жан Пиаже*. Эта концепция, однако, подробно разработана *Лоуренсом Кольбергом*. В ней выделяется три уровня морального развития личности в процессе социализации, причем в каждом из них индивид проходит по два этапа. Здесь мы не можем подробно рассмотреть эту, теперь уже общеизвестную концепцию в связи с проблемой агрессивности: это новая проблема, требующая специального исследования. Поэтому отметим только, что накопленные Кольбергом и его многочисленными последователями данные и идеи могут стать исходной базой для разработки упомянутой проблемы.

7.12. Психология убийц

Начиная с этого параграфа мы вкратце рассмотрим ряд вопросов психологии убийц и убийства как крайнего выражения человеческой агрессивности и деструктивности. Наше обсуждение будет кратким, поскольку целый ряд вопросов психологии убийц уже затронуты в других разделах настоящей книги.

Убийство

Убийство — *это лишение жизни одного человека другим или группой лиц. В результате убийства наступает биологическая смерть человека.* Это результат крайне жестокого агрессивного поведения. Но разные случаи убийства людей психологически неодинаковы и неравноценны. Психологическая характеристика такого поведения в первую очередь зависит от того, следствием какого вида агрессии оно является. Когда речь идет об убийстве, в результате чего наступает биологическая смерть человека, ясно, что во многих случаях оно осуществляется с помощью физической агрессии. Но физическая агрессия, как мы знаем, бывает двух основных видов: враждебная и инструментальная. Эти два слу-

чая требуют отдельного рассмотрения, хотя мы считаем, что во многих случаях агрессия убийцы сочетает в себе обе разновидности, то есть является комплексной агрессией. Кстати, в психологии эта сложная по своему составу, мотивации и технике исполнения агрессия в таком аспекте, насколько нам известно, более или менее тщательно не исследовалось.

Но прежде чем перейти к рассмотрению убийств с применением разных видов агрессивного поведения посмотрим, какие выделяются специалистами их виды исходя из других критериев.

Законное убийство. В каждом государстве законом предусмотрены такие случаи убийства людей, за которые не следует наказывать. Более того, иногда убийц, действующих согласно закону, вознаграждают. Так, палач, занимающий соответствующую должность в государственном учреждении, получает за свою работу зарплату. Этот вопрос мы уже обсудили. Другой случай: когда преступник оказывает сопротивление полицейскому и есть вероятность, что он может совершить насильственные действия, представляющие опасность для жизни представителя закона, тот может применить оружие. Законно убивают людей даже во время войны, правда, в основном только солдат армии противника.

Убийство с преступной целью. Такие убийства бывают предумышленными и непредумышленными. Во втором случае смерть другого человека заранее не замышлялась или убийство было совершено неосознанно или по неосторожности.

Юристы различают ряд подвидов предумышленного убийства. Тяжкое убийство первой степени имеет место тогда, когда преступник имел сознательное намерение убить жертву и тщательно подготовил свое преступление. Под тяжким убийством второй степени имеют в виду тот случай, когда убийца имел только желание убить, заранее обдуманный злой умысел, но без тщательного планирования своих действий. Эти два случая имеют серьезные психологические различия, хотя юристы и особенно статистики не всегда проводят между ними различия[59].

Убийство с применением враждебной агрессии

Враждебная импульсивная агрессия возникает внезапно, сопровождается сильным аффектом гнева и ярости и выражается в виде импульсивных действий. Это незапланированные действия, последствия которых не предвосхищались убийцами. Хотя ход агрессивных действий может сопровождаться словесной агрессией (ругательства, проклятия, угрозы и т. п.), речь используется агрессорами не для целеобразования и планирования, а для осуществления других функций. Эта речь, по нашему мнению, имеет три функции:

а) с ее помощью выражается атрибуция жертве отрицательных черт («подлец», «ничтожество» и т. п.);
б) для выражения враждебности;
в) для самоободрения, что, в свою очередь, способствует усилению физической агрессии, насыщению ее физической и психической энергией.

Враждебная агрессия возникает внезапно, протекает в виде стремительных действий и завершается нанесением объекту увечья или смертельных ран. Это импульсивное поведение, давно описанное и охарактеризованное в психологии.

Импульсивно-враждебная агрессия, таким образом, отличается непроизвольностью, а следовательно, недостаточной осознанностью. Таков характер поведения сверхвозбужденного человека, находящегося в аффективном состоянии. Преобладающим аффектом в подобных случаях являются гнев и ярость. Большинство убийств совершается людьми во взбешенном состоянии.

Враждебная агрессия чаще всего возникает в тех ситуациях, когда будущий преступник сталкивается со знакомыми людьми. Когда знакомые люди или родственники ссорятся, у них нередко возникает враждебная агрессия и на ее основе совершаются преступления, в том числе убийства.

Инструментальная агрессия — психологическое орудие убийства

Убийства совершаются по самым различным мотивам: за деньги, власть, из-за ревности, как результат различных амбиций человека и т. п. Но чтобы не просто перечислять, а классифицировать мотивы убийств, лучше подразделять их, как мы уже сказали, на две большие группы случаев:

а) убийства, совершаемые с применением импульсивно-враждебной агрессии;

б) убийства, совершаемые с применением инструментальной агрессии.

Есть также немало случаев смешанного применения этих двух основных видов агрессии.

Во всех тех случаях, когда преступники убивают незнакомых людей или знакомых, но таких, с которыми у них не было конфликтов, столкновения интересов, предполагается применение инструментальной агрессии: насилие совершается ради какой-то другой цели. Такие убийства можно назвать также «побочными» или «производными». Они имеют место при совершении воровства, ограбления, поджогов и других преступных действий. Когда преступник отправляется в банк с целью его ограбления, *обычно он не намеревается* кого-либо убить: не это его цель. В таких случаях между преступниками и людьми, которые оказываются на месте преступления, до этого не было никаких контактов. Правда, уже в ходе совершения преступления конфликт может возникнуть, но, во-первых, его характер иной; во-вторых, ненависть сторон вряд ли достигает такой силы, какой она бывает во время конфликтов знающих друг друга людей, например во время столкновения ревнующего мужа со своим соперником.

Итак, многих людей преступники убивают в ходе совершения других видов преступлений. Этому, как показывают исследования, способствует наличие у преступников огнестрельного оружия. Как только жертва оказывает сопротивление или недостаточно быстро выполняет требования преступников, у последних появляется импульс к применению оружия.

7.13. О жертвах убийц

Начала виктимологии

Специалистов прежде всего интересовали преступники, в данном случае — убийцы. Однако можно сказать, что в трудах одного из исследователей этого явления американского юриста *М. Вольфганга* было положено начало новой науки — *виктимологии*, то есть пограничной науки о жертвах преступлений. Вопросам виктимологии мы посвятили всю четвертую

главу настоящей книги. Здесь же, с учетом уже сказанного, сделаем ряд важных дополнений.

К настоящему времени преодолено представление, согласно которому жертвы всегда бывают пассивными, а активная сторона — только убийцы. Оказалось, что *многие жертвы играют активную роль в создании конфликтной ситуации.* Изучение уголовных дел показало *М. Вольфгангу*, что «...примерно в четвертой части преступлений именно убитые первыми вытаскивали оружие или применяли силу. Вольфганг говорит об этих случаях как *об убийствах, спровоцированных жертвами*»[60].

Оказалось, что большинство жертв ранее были участниками уголовных преступлений и задерживались полицией, поэтому их нельзя считать «невинными мишенями отпетых уголовников».

Приведем пример, подтверждающий эту точку зрения. В начале 2001 года в Армении имел место следующий случай: жена убила мужа, который долго мучил ее, пьянствовал, систематически совершал по отношению к ней насильственные действия. В день убийства тоже он явился домой пьяным и попытался избить жену, преследуя ее по всему дому. В страхе и отчаянии женщина схватила лежащий на столе молоток и, ударив по голове мужа, убила его. В настоящее время она отбывает наказание в женской колонии. Ясно, что в этом случае убийство было спровоцировано жертвой.

О сходстве убийц и их жертв

Одним из интересных открытий в области изучения убийств является установление следующей закономерности: жертвы очень часто имеют сходство с их убийцами. Содержание этого открытия *М. Вольфганга* следующим образом передает *Л. Берковиц*: «Характерное сходство заключалось в том, что и злоумышленник, и его жертва были бедны и/или из рабочего класса и более чем в 90 % случаев принадлежали к одной этнической или расовой группе»[61].

Еще одно сходство — молодость как преступников, так и их жертв.

Исследователи отмечают также *психологическое сходство* жертвы и убийцы. Это уже намного интереснее, чем даже то, что зачастую стороны конфликта — родственники или бывшие друзья.

Кого чаще убивают: мужчин или женщин?

Убийцы — главным образом мужчины. Знакомство с уголовной хроникой показывает, что в таких странах, как Россия, Армения, целый ряд стран Востока, убийцами являются преимущественно мужчины.

По некоторым странам имеются интересные статистические данные, которые подтверждают это. Например, до 1 августа 2003 года в Армении ждали своей участи около 50 убийц, приведение в исполнение приговоров которых было приостановлено из-за моратория на смертную казнь. Все они мужчины. Теперь президент республики заменил им высшую меру наказания на пожизненное тюремное заключение. В США в 1987 году из 10 000 убийств 87 % (8700) были совершены мужчинами.

Большинство убитых — тоже мужчины. Статистика показывает, что большинство жертв убийств — мужчины. Так, в США в том же 1987 году свыше 70 % жертв составили мужчины. Данное различие в процентах показывает, что мужчины убивают не только мужчин, но и женщин, однако значительно реже. Причина этого

главным образом в том, что мужчины чаще всего конфликтуют с другими мужчинами. Но, возможно, имеет значение и то, что в случае женщин в психике мужчины активизируются более мощные ингибиторы агрессивного поведения. Данный вопрос в настоящей книге уже был предметом обсуждения.

7.14. Личность убийц

Проблема Одна из важнейших и интереснейших проблем психологии человеческой агрессивности — вопрос о том, существует ли такая личностная структура, которая делает человека потенциальным или актуальным убийцей? Возможно ли, что убийцы — обычные люди, которые под давлением не зависящих от них обстоятельств совершают свои кровавые деяния?

И та, и другая точка зрения были высказаны как учеными, так и практическими работниками — юристами, полицейскими и психологами. Какая из них близка к реальности?

Если исключить из рассмотрения действительно случайных, а также «законных» (или «узаконенных») убийц, о которых мы уже говорили, и сосредоточить внимание на тех, кто совершает преднамеренные убийства, то вольно-невольно приходишь к выводу, что все же *есть такая личностная структура, которая делает человека потенциальным убийцей.* Приведем ряд аргументов в пользу этой точки зрения, которая, кстати, совсем не является оригинальной. Просто она нуждается в развитии в свете достижений современной психологии.

Повторяемость преступлений против личности Одним из главных поведенческих критериев того, что личность является антисоциальной, то есть криминологически агрессивной, является повторность преступных действий, направляемых против социальных объектов — отдельных личностей, групп и общественных норм. Еще упомянутый нами американский юрист *М. Вольфганг*, один из основателей виктимологии, сам же автор работ о насильственных преступлениях, на основе статистических подсчетов установил, что примерно две трети убийц ранее арестовывались[62].

Чаще всего они совершали преступления против личности, что и свидетельствует о наличии у них антисоциальных установок и межличностной агрессивности.

При обсуждении этого вопроса *Л. Берковиц* привел также результаты исследования *С. Миллера* и других специалистов, которые, исследуя осужденных в штате Огайо за тяжкие преступления, установили, что лишь около 30 % из них прекратили свою преступную деятельность после одного насильственного преступления. Зная о существовании процесса вовлечения, данный процент нельзя считать маленьким.

О чем свидетельствуют факты о рецидивах преступлений, направленных против личности? Авторы, исследовавшие данное явление, отмечают, что повторные и сходные преступления свидетельствуют о том, что человек является антисоциальной и агрессивной личностью. Это бесспорно, но мы считаем, что это лишь половина истины.

Мы предлагаем **гипотезу**, согласно которой *после совершения первого преступления против другой личности происходит* вовлечение *преступника на основе*

механизмов когнитивного диссонанса и потребности в рационализации своего поступка. В результате этих процессов антисоциальная установка и агрессивность личности могут еще больше интенсифицироваться, что означает усиление мотивации будущих сходных преступлений. Подобное усиление происходит также в результате негативного или позитивного вознаграждения преступника. Так, если даже органы правосудия осуждают преступника и назначают для него наказание, его микросреда может одобрить его деяния.

Статистика разных стран констатирует, что многие уголовники, получая свободу, вновь совершают уголовные преступления и арестовываются полицией. В США процент таких рецидивистов в 1980-е годы составлял около 68 % всех преступников. Данный процент очень высокий и в странах СНГ.

Но убийства и изнасилования, как редкие формы преступлений, вновь совершает лишь небольшой процент уголовников, в США — около 3 % (то есть трое из 100). Поэтому «...даже среди людей, относящихся к группе высокого риска, вероятность совершения убийства довольно мала», заключает Берковиц[63], имея в виду ряд конкретных исследований. Поэтому лишь с небольшой вероятностью можно предсказать формы будущих преступных действий этих людей.

Как антисоциальные личности, они с большой вероятностью совершат преступления, но убийства и изнасилования — редко. Специально исследовавший данный вопрос *Дж. Монахан* пришел к заключению, что предсказания о возможных будущих преступлениях этих людей часто оказываются ошибочными даже тогда, когда они учитывают предысторию совершения насилия и психического заболевания[64].

Предсказания будущих возможных действий человека мы назвали *прогностическими атрибуциями.* Такие приписывания играют значительную роль в процессе предвидения будущего поведения преступников.

Обобщенность агрессивной установки

Другая особенность насильника и убийцы — *обобщенность его антисоциальных установок.* Жертвами насилия для них могут служить или отдельные категории людей, или индивиды и социальные группы вообще. Таким образом, обобщенность антисоциальных установок людей может быть более или менее широкой.

Это очень интересное явление. Мы уже обсудили вопрос о переносе агрессии от первоначальных объектов ненависти и гнева на другие и о выборе все новых и новых мишеней. Следует отметить, что у сверхагрессивных людей и убийц, по-видимому, очень активно работают механизмы замещения, переноса и атрибуции, в частности — проективной разновидности последней. В результате функционирования этих механизмов они без труда дискредитируют людей, обосновывают и оправдывают свое насилие. Известно, например, что у профессиональных преступников встречается представление, согласно которому у всех людей имеются преступные наклонности, но многие боятся их реализовывать, а вот они сами — смелые люди и идут на риск. Здесь ясно видна *каузальная атрибуция* этих преступных людей.

Кроме описанных поведенческих критериев, характеризующих преступных антисоциальных личностей, можно, конечно, привести и другие: отсутствие или зачаточное состояние эмпатии, жестокость, отсутствие чувства вины и стыда и другие. Но эти вопросы уже обсуждены в других разделах настоящей книги. Кро-

ме того, вопросы личностных черт убийц и других насильников лучше обсуждать в рамках одной из типологий, представленных в работах психологов *Г. Точа* и *Э. Мегарджи*. Речь идет о так называемых сверхконтролируемых и реактивных типах насильников[65], с которыми мы ознакомимся здесь несколько подробнее.

7.15. Типы убийц

Типология Э. Мегарджи

Мы уже знаем о существовании типологии агрессивных людей, предложенной *Г. Точом* и *Э. Мегарджи*, дополненной другими исследователями (см. разд. 6.2 настоящей части книги). Теперь посмотрим, каким образом эта типология конкретизируется в случае убийц, хотя и о личности убийц мы уже достаточно говорили. Отметим, что мы обсуждаем данную проблему в основном по материалу, представленному в книге *Л. Берковица* «Агрессия».

Как и следовало ожидать, выделяют два типа убийц:

а) убийцы с сверхконтролируемой агрессивностью;

б) реактивные убийцы с низким самоконтролем.

Когда представитель первого из этих типов совершает убийство, знающие его люди удивляются: ведь он казался таким миролюбивым и безобидным человеком. У таких людей постоянно существуют сильные агрессивные импульсы, но они подавляют их, держат под контролем. После бурной вспышки агрессии такой человек вновь возвращается к своему «защитному состоянию самоконтроля»[66].

Иначе говоря, пока внутренняя психическая самозащита таких индивидов действует успешно, они представляются перед другими в качестве мирных людей. Самозащита против собственной агрессивности у них осуществляется главным образом с помощью механизмов подавления и вытеснения, а может быть, и частичной сублимации агрессивных импульсов. Внутренняя жизнь этих людей подлежит дальнейшему исследованию.

Два подтипа убийц с сверхконтролируемой агрессивностью

Английский психолог *Рональд Блэкверн* выдвинул идею о существовании двух подтипов сверхконтролируемой агрессивной личности.

1. *Сверхконтролирующий себя репрессор*: это человек, способный к такому сильному контролю над своими агрессивными импульсами, что они или совсем не проявляются, или же проявляются в насильственных действиях крайне редко. Для внешнего поверхностного наблюдателя у таких людей как будто совсем нет эмоциональных проблем.
2. *Подтип «депрессивно сдерживающих себя людей»*. Индивиды этого типа обладают очень развитой способностью самосдерживания, но у них почти всегда подавленное настроение и склонность к самообвинениям[67].

Относительно этой типологии Берковиц делает ряд полезных замечаний, которые следует учесть тем, кто намерен заниматься исследованием типов сверхагрессивных людей и убийц.

а) данные об этих типах получены в основном в результате тестирования, что совершенно недостаточно; их следует изучить в условиях реальной жизни;
б) у этих людей, вероятно, очень активная внутренняя жизнь: они постоянно размышляют о своих неудачах, о тех несправедливостях, от которых они пострадали, и о других своих проблемах. Они очень часто раздражаются, хотя и скрывают это свое психическое состояние.

Приведенные замечания действительно полезны. Конкретизируя их, мы предлагаем следующие проблемы:

1) необходимо подробнее и глубже исследовать историю фрустраций и психологической самозащиты этих людей, историю их лишений и страданий;
2) следует раскрыть основные их адаптивные стратегии; ведь если они редко проявляют агрессию, то вряд ли можно считать, что агрессия является их ведущей адаптивной стратегией. Скорее всего, можно говорить о том, что для таких людей характерна стратегия психологического ухода из подобных ситуаций; в структуре этой стратегии центральное место занимают такие защитные механизмы, как подавление и вытеснение, которые действительно отмечены у таких личностей.

Мы считаем также, что, поскольку агрессивность и самоконтролируемость — очень сложные психологические комплексы, связанные с самосознанием, в дальнейшем возможно выделение других внутрипсихических критериев подтипов агрессивных людей, способных к осуществлению высокой степени самоконтроля.

Реактивные убийцы с низким самоконтролем

Есть немало убийц, у которых почти отсутствует способность контроля над собственной агрессивностью. Психологи пришли к выводу, что «...большинству убийц свойственно сочетание ярко выраженных антисоциальных наклонностей и низкого подавления собственной агрессивности»[68].

Эти качества свойственны психопатам и индивидам с высоким уровнем реактивности.

Отсюда можно вывести проблему связи сверхагрессивности личности с ее темпераментом: реактивность — одна из черт комплекса темперамента. Возможно, что и основы двух описанных выше подтипов сверхконтролируемых агрессоров тоже «покоятся» на типах их темпераментов. Вполне возможно предположить, что, например, депрессивный тип агрессора имеет флегматический темперамент. Тип агрессивности как комплекс в структуре характера строится на основе типа темперамента.

Реактивные убийцы, как предполагает Берковиц, это люди, которые имеют внутреннюю готовность воспринимать события и людей как вражеские: у них мгновенно возникают агрессивные мысли, от которых происходит быстрый переход к насильственным действиям. Подобные мысли сопровождаются мгновенным же эмоциональным возбуждением. Эти люди видят вокруг себя много угроз. У них возникает готовность действовать агрессивно и тогда, когда плохо себя чувствуют. Им редко удается подавить свою агрессию.

При обсуждении поведения данного типа всегда следует иметь в виду возможность *быстротечных атрибуций* в их психике, иначе каким образом они могли придавать агрессивное (враждебное) значение новым стимулам?

Реактивные убийцы часто являются садистами: когда они совершают насилие над людьми, вид их страха и страданий приносит им наслаждение и радость. Рассуждая о личности убийц, всегда надо помнить, что среди них есть группа очень опасных и жестоких садистов, с наслаждением совершающих насилие над другими людьми. У них нет сочувствия к своим жертвам.

Существует вполне правдоподобное предположение, согласно которому садист-насильник своими действиями компенсирует собственное чувство неполноценности и ничтожности. Это такой путь самоутверждения, который может патологизировать личность. *Компенсаторная самозащита* — характерная черта садистов-насильников. Об этом шла речь и на предыдущих страницах.

7.16. Этнические различия убийств

Можно отметить по крайней мере следующие этнические различия убийств.

1. Есть этносы, из среды которых выходит больше убийц, чем из других этносов. Обычно и число жертв в таких этносах бывает различным.
2. Люди чаще всего убивают представителей своего этноса.

Исследования американских ученых показали, что среди афро-американцев вообще много убийц, но они чаще всего убивают друг друга, причем молодые — молодых. Такой высокий уровень внутриэтнической и внутрирасовой агрессии, как нам кажется, только социально-экономическими причинами объяснить невозможно[69].

Эти два явления американские исследователи заметили среди этнических меньшинств латиноамериканцев, живущих в США, и афро-американцев (негров)[70].

Конечно, желательно выяснить также этнические различия методов и орудий убийств, а также то, преимущественно какая форма агрессии применяется представителями данного этноса или этно-расовой группы при совершении преступлений с применением насилия.

Распространена точка зрения, согласно которой преступники везде одинаковы, будто «у преступников нет национальности». Это стереотипные представления, выражающие неверную, ненаучную (или донаучную) точку зрения, основанную на произвольных атрибуциях. Есть существенные различия между этносами и их представителями и по уровню агрессивности, и по тем психологическим механизмам, с помощью которых преступники различных национальностей обосновывают и оправдывают свои преступления; различны также те сферы жизни, в которых они успешнее развертывают свою преступную активность. Просто все эти различия плохо исследованы или совсем не изучены: психологи делают свои первые шаги в этой проблемной области. Здравый смысл не способен воспринимать эти различия. В этой области, как и во многих других, нужна изощренная интуиция психолога для первоначального раскрытия и формулирования проблем, которые затем могут исследоваться эмпирическими методами.

Мы отдаем себе полный отчет о том, что затронули здесь лишь небольшую часть проблем психологии убийств и убийц. В дальнейшем необходимо исследовать и классифицировать убийц по наличию или отсутствию у них патологических черт и комплексов, убийц психопатов, параноидальных шизофреников-убийц. Нужно

проводить более тщательное исследование серийных убийц и людоедов, несовершеннолетних убийц и других подтипов данной категории преступников. Эти проблемы выходят за рамки настоящего труда.

7.17. Половые роли, агрессивность и садизм

Половые различия агрессивности

Все человеческие индивиды в той или иной мере агрессивны и при соответствующей мотивации совершают насильственные и деструктивные действия. Но между ними по уровню агрессивности и по частоте совершения различных насильственных действий, как мы уже видели, имеются индивидуальные различия. Считается, что целый ряд различий связан с полом человека, с его половыми и гендерными ролями, выполняемыми в обществе.

Мы уже отмечали, что в среднем мужчины более агрессивны, чем женщины, особенно в детстве[71].

Это различие может быть обусловлено как наследственными биологическими факторами, так и особенностями обучения, социализации девочек и мальчиков. В теле мужчин — значительно больше мужских половых гормонов, поэтому как мальчики, так и взрослые мужчины несколько более агрессивны, чем девочки и женщины.

Играет роль также и то, что во многих обществах мальчиков специально обучают быть агрессивными, нападать на противников, когда они его оскорбляют или причиняют какой-либо иной вред. В противоположность этому девочек учат быть миролюбивыми, женственными, скрывать свою злобу и т. п. Мы видим, что процесс подготовки мальчиков и девочек для взрослой жизни протекает во многом поразному. Специалисты говорят, что представители противоположных полов социализируются по-разному, дифференцированно[72].

Но мы уже знаем, что существуют различные виды агрессивных действий: физические, словесные, символические, прямые и косвенные и т. п. По каким видам агрессии наблюдаются различия между мужчинами и женщинами? Этот вопрос также исследуется специалистами по человеческой агрессивности. Оказывается, что хотя мальчики и мужчины в целом более агрессивны, чем девушки, но не по всем видам агрессии, а только по физическим агрессивным действиям. По вербальной агрессии существенных различий не обнаружено. Это очень важный факт, поскольку, если бы мы говорили, что мужчины более агрессивны вообще, то это не совсем соответствовало бы психологической реальности. Из повседневного опыта мы знаем, что есть очень много крайне агрессивных женщин, но они проявляют свою агрессивность не совсем так, как мужчины. Именно эти поведенческие различия и предстоит тщательно исследовать. Есть данные о том, что женщины чаще пользуются более тонкими формами агрессии, чем мужчины. Речь идет о таких ее формах, как, например, словесная агрессия (злословие, распространение о противнике вредных, оскорбительных слухов, издевательские слова и т. п.), социальный остракизм и т. д. При учете этих различий можно прийти к выводу, что девушки и женщины даже более агрессивны, чем мальчики и мужчины. Обнаружены существенные различия между мужчинами и женщинами в их представлениях об агрессии. Например, совершая агрессивные действия, женщины чувствуют себя более

виновными и переживают более интенсивную тревогу, чем мужчины. Они больше мужчин беспокоятся о том вреде, который могли нанести своими агрессивными действиями как жертвам, так и самим себе. Эти представления, столь различные у женщин и мужчин, могут играть роль при принятии решения о том, следует ли действовать агрессивно. Очевидно, указанные представления и убеждения, оказывающие влияние на агрессивное поведение, имеют также этнокультурные различия, которые предстоит исследовать со всей тщательностью.

Опыты показали, что инъекция дополнительной дозы мужских половых гормонов усиливает агрессивность мужчины. Вообще, мужчина, чтобы выполнить свою сексуальную роль, должен обладать некоторой биологически детерминированной агрессивностью. Женщина, в принципе, в этом мало нуждается.

Имея в виду сказанное можно выдвинуть идею, что женская агрессивность в большей мере обусловлена условиями жизни и фрустрациями и, следовательно, в большей степени имеет деструктивный, неадаптивный характер, чем агрессивность мужчины. Агрессивность женщины, следовательно, более иррациональна, мелочна и опасна для общества и его прогресса.

Вспомним также, что есть данные, свидетельствующие о том, что агрессивность является сцепленным с полом признаком и при некоторых генетических аномалиях она усиливается. Известно, что люди, применяя власть, часто прибегают к помощи агрессии. Но, как заметили психологи, многие из нас расценивают такой способ употребления власти как незрелый. Считается также, что если руководитель часто обращается к помощи словесной и другим формам агрессии для наказания своих подчиненных, то это свидетельствует о недостаточном развитии его способности к самоконтролю — качеству, совершенно необходимому любому руководителю. Хорошо адаптированные и мастерски владеющие своим делом личности редко применяют агрессию, они пользуются этой грубой формой поведения только в исключительных случаях. Есть целый ряд других стратегий и методов реализации властных полномочий, которыми могут пользоваться руководители. Но, по-видимому, существуют преимущественно мужские и преимущественно женские стратегии использования власти.

Различия стратегий употребления власти

Те или иные формы агрессии очень часто используются людьми, обладающими властью: лидерами государств, политических партий и различных организаций, социальных групп, вплоть до глав семей. Но агрессивные действия чаще всего включаются в состав более крупных образований — *стратегий применения власти*.

Исследования показывают[73], что существуют преимущественно женские и преимущественно мужские стратегии использования власти и что в них и проявляются половые различия агрессивных действий.

Правда, кроме половых различий, связанных с наследственностью и социальными ролями, по стратегиям использования власти существуют также индивидуальные различия[74].

Многие мужчины и даже женщины, чувствуя себя сильными и независимыми, воздействуют на других с помощью такой характерной мужской стратегии, как демонстрация своих превосходящих знаний. Знание — это сила, возможность

изменения поведения другого и установления контроля, поэтому его демонстрация может быть и актом агрессии, психологического насилия.

Напротив, многие мужчины и женщины, считающие себя чувствительными и воспитанными, используют характерные женские стратегии: манипулирование, изменение темы разговора и т. п.

Обобщив данные, полученные целым рядом исследователей, *Д. Майхенбаум* и его соавторы представили основные стратегии социального воздействия, то есть применения власти, в виде нижеследующей таблицы[75].

Мужские стратегии	Женские стратегии
1. Экспертная стратегия: воздействие на других людей с помощью своих превосходящих знаний, умений и способностей	1. Беспомощность: подчеркивает свою зависимость и неспособность самостоятельно решать задачи
2. Гнев: протест против нежелательного поведения другого человека с помощью гнева	2. Депрессия: чтобы пробивать себе дорогу, плачет, «дуется», делает недовольную мину
3. Настойчивость: прямо и открыто говорит о том, что хочет. Но оставляет место для компромисса, понимает позицию другого. Преследует свои цели, но без тревожности и враждебности	3. Манипуляция: уходит или предпринимает независимые шаги, невзирая на позицию другого человека. Может добиваться своей цели, действуя косвенно и тонко

В различных ситуациях можно пользоваться разными стратегиями. Однако есть такие, которые создают трудности адаптации для тех, кто ими пользуется. Например, агрессия в форме гневливого нападения может привести к ухудшению взаимоотношений с близкими людьми или сослуживцами, давая только кратковременный эффект. К таким же последствиям могут привести все три женские стратегии.

Когда, например, выбирают стратегию беспомощности, то добиваются временных результатов, но отталкивают от себя хорошо адаптированных и независимых личностей. Последние не любят всегда зависимых и не способных решать свои проблемы людей.

Депрессивная стратегия может привести к таким же дезадаптивным результатам, изоляции и одиночеству, так как многих отталкивают всегда пассивные, «дующиеся» и хныкающие люди.

Манипуляциями также не всегда добиваются удовлетворительных результатов. Ведь эта стратегия требует секретных действий. Когда с помощью манипуляций человек добивается успеха (например, подчинения других людей своей воле), он не может открыто наслаждаться своей властью и продолжает действовать тайно.

В различных ситуациях эффективны разные стратегии. Чаще, по-видимому, следует использовать стратегию настойчивости. Однако хорошо адаптированная личность пользуется стратегиями власти и влияния гибко, в зависимости от того, какова ситуация, с кем имеет дело, с какой целью взаимодействует. Например, при любовной игре (флирте) и ухаживании лучше использовать манипулятивную стратегию, особенно в начальной фазе. Почти никому не нравится, когда партнер

прямо предлагает интимность. Гибко действующий человек проявляет настойчивость, когда это уместно, и действует манипулятивно, когда ситуация требует чувствительности и благородства.

Все эти данные и выводы, безусловно, представляют значительный интерес. Но целый ряд вопросов и проблем остается нерешенным. Во-первых, можно ли считать вышеописанное стратегиями социального воздействия (применения власти) или же они являются лишь тактическими способами и приемами? Если верно последнее, то мы должны дать точное определение стратегии применения власти и выяснить, какие их типы существуют и какие способы и механизмы включают в себя.

Во-вторых, необходимо исследовать взаимодействия различных пар людей, применяющих в этом процессе различные стратегии и тактические ходы. Конкретизируя, можно представить себе следующую ситуацию: мужчина А применяет мужскую стратегию, а Б, тоже мужчина, предпочитает пользоваться какой-либо женской стратегией. Тогда для обоих создается трудная ситуация, поскольку их ожидания не оправдываются.

Наконец, для разработки этих проблем можно привлечь материал из исторической и художественной литературы. Следует также отметить, что проблемы социального влияния в последнее время интенсивно изучаются социальными психологами и уже есть серьезные публикации[76].

Но их более тщательное рассмотрение — задача другого исследования.

7.18. Является ли отказ от женственности разновидностью агрессии?

На данный любопытный аспект женской агрессивности впервые, насколько нам известно, обратил внимание *Карл Меннингер*[77].

Вопрос этот очень интересный и поучительный для понимания психологии агрессии и женской психики, поэтому вкратце рассмотрим его.

Фрустрируясь со стороны мужчин и цивилизации в целом, женщины еще больше фрустрируют самих себя, когда, *идентифицируя себя с агрессорами (мужчинами) и, обесценивая себя, отвергают свою женственность*. Агрессивность они направляют на самих себя.

Одной из важных тенденций психической динамики человека является то, что он часто поступает во вред себе, против своих инстинктов, разрушает себя, иногда доходя до самоубийства. У женщин эта направленная на собственную личность агрессия принимает вид отказа от женственности, ее обесценивания.

Женственность (женоподобность) мужчин в современном обществе подвергается более суровому осуждению, чем мужеподобность женщин, поскольку мужественность вообще оценивается значительно выше. Поэтому когда девушка одевает мужскую одежду и подражает мужчинам во всем остальном, то такое поведение не осуждается сурово, иногда даже одобряется, в то время как аналогичные попытки юноши вызывают различные подозрения. Однажды к автору этих строк обратилась мать одного юноши и с глубокой тревогой сообщила, что заметила странную вещь: ее 19-летний сын время от времени одевает платье своей сестры, которая старше его всего на год, и это ему очень нравится. Мать интересовалась, нет ли

в этом какого-либо психического нарушения. Нарушение гендерной идентичности, конечно, было.

Чем больше женщина отрицает свою женственность, тем больше она фрустрирует себя. Подобная тенденция чаще всего выражена не как сознательное решение (не стать матерью, не выходить замуж и т. п.), а как подсознательная установка. Девочки часто признаются, что хотят быть похожими на своего отца, не хотят стать женщинами. Их психологическая идентификация принимает соответствующее направление.

Отказ от женственности имеет свои психосоматические последствия. *К. Меннингер*, опираясь на точку зрения *З. Фрейда*, полагал, что женщина, как и человек вообще, с помощью своего пола и телесных процессов может сказать то, что он не способен сказать языком. Например, то обстоятельство, что она не хочет признавать свою женственность, отвергает ее и идентифицируется с мужчиной, может выражаться в активной женской гомосексуальности. Такие женщины редко проявляют заметное мужское поведение или установки, но обследование их тела в большинстве случаев открывает наличие мускулов и жировых тканей, развитой волосяной покров на лице, ногах, груди и спине; уменьшенную матку, узкий таз, слабо развитые груди, низкий голос, сверхразвитые или очень малого размера внешние гениталии. Исходя из наличия этих признаков можно, по-видимому, предположить наличие у женщин гомосексуальности того или иного уровня, которая чаще всего бывает неосознанной.

Самые значительные изменения, связанные с отказом от женственности, происходят в гениталиях (органах воспроизводства). Фригидность и вагинизм являются физиологическими выражениями отказа от женской роли в процессе совокупления. Эти физиологические изменения со временем приводят к атрофии недействующих тканей и желез и другим структурным изменениям[78].

К. Меннингер полагает, что и стерильность женщины имеет свои психологические причины. Представляет интерес, например, тот факт, что женщины цивилизованных обществ чаще страдают стерильностью, чем представительницы отсталых племен. У людей стерильность встречается чаще, чем у животных. Стерильность часто сочетается с фригидностью.

Отказ от собственной женственности глубоко фрустрирует женщин, приводит к болезням, уродствам, сексуальной неприспособленности, одиночеству, к общему уходу от активной жизни. Отказ от женственности — глубокая самофрустрация и саморазрушение.

7.19. Палач, проститутка и подчиненный

Многие проблемы современной психологии берут свое начало в художественной литературе. Для психологии и антропологии значительный интерес представляет следующее явление, на которое обратил внимание бывший крупный преступник, ставший писателем, *Уильям Саттон*.

Описывая одно из своих детских впечатлений от того, как особый баран (в книге он называет его «баран-Иуда») ведет за собой тысячи других в мясокомбинат на заклание, и те слепо повинуются и идут за ним, он пишет, что у этого барана было *невинное выражение лица*. Далее мы читаем: «Я так и никогда не смог забыть этого

барана-Иуду. Или, вернее, никогда не переставал ненавидеть его. Я вновь и вновь видел то же самое выражение чрезмерной невинности на лицах наемных убийц, тех, кто душит женщин, и сексуальных маньяков, которых встречал в тюрьме»[79].

Но что значит иметь невинное выражение лица и как это связано с движущими силами активности личности? Мы хотели бы высказать здесь ряд соображений и гипотез, которые позволят открыть новые перспективы исследования.

Когда невинное выражение лица имеют дети, то это вполне понятно и естественно: они еще не созрели психически и переживаемые ими состояния соответствуют такой экспрессии. Мы переживаем неприятные чувства, когда видим ребенка с лицом многоопытного и хитрого, иногда даже злого взрослого человека. Следовательно, когда у физиологически зрелого человека невинное лицо, наивное выражение лица, это свидетельствует о его психической незрелости.

Второе наше замечание касается следующего наблюдения: мы нередко видим, что *часть проституток также имеет невинное выражение лица*. Это особенно заметно как у начинающих молодых проституток, так и у тех женщин, которые, предавая своих мужей, играют невинность, прикидываются наивными и честными. Подобная артистическая практика иногда действительно сообщает их физиономиям совершенно невинное выражение, маску невинности, так что только очень опытные люди замечают искусственность и обман. Такую маску мы считаем анатомо-физиологическим выражением психической самозащиты, *материализацией процесса самоатрибуции невинности*. Эти психосоматические корреляции между защитными процессами и материальными носителями экспрессии подлежат доскональному исследованию. Это новая проблема для психологии.

Но наиболее устойчивое выражение лица, как результат проекции и атрибуции чувств и качеств, в свою очередь, оказывает обратное влияние на защитные процессы. Согласно теории Джеймса-Ланге, когда человек принимает определенное выражение лица, у него появляется соответствующее эмоциональное состояние. Принимая невинное выражение лица, проститутка или вор начинают переживать невинность, у них появляется ощущение и даже уверенность, что ничего позорного не совершили. Конечно, иногда такая защита недостаточна, и к ней присоединяется работа рационализации и других защитных механизмов. Человек начинает с невинным лицом оправдывать себя (рационализация), обвинять других (проекция и атрибуция), проявлять агрессивность, приписывая себе положительные мотивы и личностные качества (самоатрибуция и интроекция), и т. п. Когда в психике развертываются такие богатые процессы самозащиты и обвинения других, в том числе своих жертв, тогда, конечно, выражение невинности закрепляется совместно с внутрипсихическими коррелятами и создается психологическая основа для новых девиантных и преступных актов.

Но это еще не все. Следующая наша гипотеза гласит: вполне возможно, что преступники и особенно палачи, как и баран-Иуда Саттона, в какой-то мере *воспроизводят невинное выражение лиц своих жертв, которым они подражают независимо от своей воли*. Преступники и проститутки очень часто отличаются психопатическими чертами и, следовательно, слабо развитой способностью к эмпатии. Но, в о - п е р в ы х , даже слабая эмпатия может вызвать сопереживание, непроизвольное подражание. В о - в т о р ы х , среди них встречаются и чувствительные, даже

сентиментальные и истероидные люди. Мы считаем, что именно среди этой последней группы следует искать тех, кто совершает много преступлений, но со временем приобретает не жесткое и агрессивное выражение лица, как должно быть у насильника, а невинное выражение, как будто сам является жертвой преступления. Некоторые садомазохисты и насильники, о которых мы уже написали, с виду очень симпатичные люди.

Еще одно предположение: у многих совершенно честных в конкретных делах людей, не совершивших ни одного преступления, тем более — насилия над другими, бывает очень строгое, даже свирепое выражение лица. Это, по нашему мнению, может быть следствием того, что эти люди часто переживали фрустрацию и агрессивность, имели желание отомстить, но сумели сдерживать себя. Не находя выражения и разрядки в поступках, агрессивность этих людей закрепилась в основном экспрессивно. Выражение лиц таких людей является также свидетельством силы их воли. Мы полагаем, что если бы они свободно выражали свою агрессивность, даже преступным путем, у них было бы более мирное выражение лица.

Но почему у многих преступников, реально совершивших насилие, все же жестокое выражение лица? Мы полагаем, что эти люди просто не сумели разрядить всю свою агрессивность. Они умеют откладывать свои преступные замыслы и поэтому от непрерывного напряжения приобретают злое выражение лица.

Наконец, можно выделить еще одну группу преступников, у которых безразличное, так сказать, нейтральное выражение лица. Это может быть следствием отчуждения от своих чувств. Их психическая защита в основном сводится к дегуманизации своих жертв, вследствие чего они обращаются с людьми так, как будто те — бараны: режут, совсем не сопереживая. Много было таких палачей среди турок и немцев, совершивших этноцид.

Исходя из предложенных выше идей мы теперь можем в определенной мере понять следующее очень интересное явление: часто у жертв преступлений бывает более жесткое и агрессивное выражение лица, чем у жестоких преступников и палачей. И это потому, что они ненавидят своих преследователей, но не могут разрядить свою ненависть, накопившуюся агрессивность в реальных наказующих действиях. Они не имеют возможности наказывать своих палачей. Характерно то, что у таких агрессивных жертв в выражении лица есть еще один «элемент»: выражение униженности, какое-то *комплексное выражение оскорбленной агрессивности*. Такое выражение лица мы отметили у тех офицеров, у которых была неудачная карьера. Это свирепо-униженное, свирепо-подавленное выражение лица. Мы заметили также, что такие люди очень боятся своих начальников, но одновременно крайне строги, вплоть до садизма, со своими подчиненными. Они все время и намеренно унижают их.

Ясно, что все эти идеи и наблюдения, которые автор настоящего труда накопил за свою жизнь, могут быть полезны для развития психологии жертв, то есть виктимологии, и психологии подчинения. Мы считаем также, что постепенно можно приблизиться к правильной интерпретации морщин на лице человека как устойчивых выражений склонностей и переживаний[80].

Примечания

[1] *Bovet P.* The Fighting Instinct. Dodd Mead and Co., New York, 1923; см. также: *Mackal K. P.* Psychological Theories of Aggression. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, pp. 120–121.
[2] *Крафт-Эбинг Р.* Сексуальная психопатология. — СПб., 1895.
[3] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 323.
[4] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 326.
[5] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 331.
[6] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 332.
[7] Oeuvres complites du marquis de Sade. Ed. Annie Le Brun et Jean-Jacques Pauvert. 15 vols., Paris, 1986–1991.
[8] Газета «Известия», 30 ноября 1994 года, № 230.
[9] Газета «Голос Армении», 17 февраля 1998 года, № 15. Заметка перепечатана из газеты «Московский комсомолец».
[10] «Известия», 12 сентября 1995 года, № 171.
[11] «Известия», 12 сентября 1995 года, № 171.
[12] «Известия», 12 сентября 1995 года, № 171.
[13] *Marcuse H.* Eros and Civilization. Boston: Beacon, 1955.
[14] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, pp. 314–315.
[15] *Лорд Кинрос.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999. — С. 73.
[16] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 374.
[17] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 374.
[18] *Балаян З.* Очаг. — Ереван, 1984. — С. 203–204.
[19] *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989. — С. 441.
[20] Э. Фромм ссылается на книгу Роя Медведева: *Medvedev R. A.* Let History Judge. Knopf. New York, 1971.
[21] См., например: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ и др.
[22] *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. — М., 1989. — Кн. II. Ч. 1–2, и др.
[23] *Млечин Л.* Женщина-полицейский должна была изобличить убийцу, а убийца в нее влюбился. // Известия, 1995. — 22 августа, — № 156.
[24] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. — Л., 1990. — С. 30.
[25] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. — Л., 1990. — С. 29.
[26] *Eidelberg L.* Studies in Psychoanalysis. IUP, 1948; его же: "Technical Problems in the Analysis of Masochists". JHH, 7, 1958, pp. 107–108; его же: An Outline of a Comparative Pathology of the Neurosis. JUP, 1954, pp. 174–179; 198–199.
[27] *Freud S.* Three Contributions to the theory of Sexuality. SE, 1957, 7, pp. 157–160; его же: The Economic Problem of Masochism. SE, 1961, 19, pp. 157–170.
[28] *Gardiner M. M.* Feminine Masochism and Passivity. BPAP, 1955, 5; см. также: Vfckal K., op. cit., p. 607.
[29] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, p. 326.
[30] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. New York, 1982.
[31] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, pp. 314–315.
[32] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998. — С. 388.
[33] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. // Малое собрание сочинений. — М., 1991. Т. 5–7.
[34] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Henry Holt and Co., New York, 1992, pp. 314–315.
[35] *Макаров Д., Винников Н.* Маньяк — это врожденно? // Аргументы и факты, 1998. — № 42, с. 11; *Винникова Л.* Маньяк является в дождь (документальная повесть о А. Чикатило). — М., 1999.

[36] См., например: *Крайг Г.* Психология развития. — СПб.; М., 2001. — Гл. 2.
[37] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 31.
[38] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, pp. 128–129.
[39] *Налчаджян А. А.* Власть, лидерство, подчинение (в печати).
[40] *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. New York, 1992, p. 307.
[41] Это название возникло по имени вандалов — одного из германских племен средневековья. Это племя часто опустошало северные провинции Римской империи. В 455 году вандалы завоевали Рим и разрушили «вечный город». С того времени людей с разрушительными тенденциями стали именовать «вандалами». Слово «вандализм» примерно имеет то же значение, что и «варварство». При этом надо иметь в виду, что древние греки называли варварами все другие, «нецивилизованные» народы.
[42] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. — Л., 1990. — С. 100.
[43] *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. — Л., 1990. — С. 100.
[44] *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. — Ереван, 2000.
[45] *Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете. — Ереван, 1988. — С. 416.
[46] *Балаян З.* Очаг. — Ереван, 1984.
[47] *Балаян З.* Очаг. — Ереван, 1984.
[48] Knowledge and Development. Vol. 2. Piaget and Education. Ed. by Jennet McCarty Gallagher and J. A. Easley, Jr., Plenum Press. New York and London, 1978, p. 22.
[49] *Adorno T. a. o.* The Authoritarian Personality. N. Y., (Abridged ed.), 1982.
[50] См., например: *Newman O.* Defensible space. New York: Macmillan, 1972.
[51] *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб., 1898; *Райх В.* Психология масс и фашизм. — СПб., 1997; *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2001.
[52] *Назаретян А. П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. — М.; СПб., 2003.
[53] См., например: *Мосесова И.* Армяне Баку: бытие и исход. — Ереван, 1998.
[54] В кн.: Социология преступности. — М., 1966. — С. 310.
[55] *Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. — М., 2001; *Гуров А. И.* Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990; *Беликов В. В., Кумень Е. С.* Деятельность преступных сообществ как угроза безопасности России. // Безопасность. 1996, № 7–12 (35), и др.
[56] *Menninger K.* Man Against Himself; см. также: *Alexander F.* Psychoanalysis of the Total Personality, 1930, и др.
[57] См., например: *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. — Ростов-на-Дону, 1998.
[58] См., например: *Григулевич И. Р.* Инквизиция. — М., 1985.
[59] Уголовный кодекс Российской Федерации. — М., 2003; Уголовное право. Особенная часть. // Отв. ред. И. Я. Козаченко и др. — М., 2001. — Гл. 2; *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.-М., 2001. — С. 322.
[60] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 324.
[61] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 324; см. также: *Wolfgang M. E.* Patterns in criminal homicide. Philadelphia: Univ. of Philadelphia Press. 1958; *Wolfgang M. E.* (Ed.), Studies in homicide. New York: Harper and Row, 1967.
[62] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 332; *Miller S.J., Dinitz S. and Conrad J. P.* Careers of the violent. Lexington (Mass.): Lexington Books, 1982, p. 106.
[63] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 338.
[64] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 338; см. также: *Monahan J.* Predicting violent behavior: An assessement of clinical techniques. Beverly Hills (Calif.): Sage, 1981.
[65] *Toch H.* Violent men: An inquiry into the psychology of violence. Washington (DC): American Psychological Association, 1992.
[66] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 333–338; *Megargee E. I. and Hokanson J. E.* The dynamics of aggression. New York: Harper and Row, 1970, p. 111; *Megargee E. I.* Undercontrolled

and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. "Psychological Monographs", 80 (Whole No. 611), 1966.

[67] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 334; Берковиц ссылается на следующую книгу, в которой приведены итоги исследования этих подтипов: *Hollin C. R.* Psychology and crime. New York: Routledge, 1989.

[68] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 334.

[69] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 328–330.

[70] *Берковиц Л.* Агрессия. — СПб.; М., 2001. — С. 324–325.

[71] *Mishel W.* Sex — typing and socialization. In P. H. Mussen (Ed.), Carmichael's manual of child psychology. 3rd ed., Vol. 2. New York: Wiley, 1970; *Maccoby E. E. andJacklin C. N.* The psychology of sex differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.

[72] См., например: *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб.; М., 2001.

[73] *Falbo T.* Relationships between sex, sex role, and sexual influence. "Psychology of Woman Quarterly", 1977, 2, pp. 62–72.

[74] *Falbo T.* PAQ types and power strategies used in iniimate relationships. "Psychology of Woman Quarterly", 1982, 6, pp. 399–405.

[75] *Meichenbaum D., Price R., N. McCormick andJ. Hyde.* Exploring Choices. The Psychology of Adjustment. Scott, Foresman and Co., Glenview (Ill.), Boston, London; 1989.

[76] *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 1999; *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб., 2000 и др.

[77] *Menninger K.* Love against Hate, Chapter 4. New York: Harcourt, Brace and World, 1942.

[78] *Menninger K.* Love against Hate. Chapter 4. New York: Harcourt, Brace and World, 1942, p. 89.

[79] *Satton W. (with Edw. Linn).* Where the mony was. The memories of a bank robber. The Viking Press. New York, 1976, p. 16.

[80] Данную проблему мы обсуждаем в книге «Психология атрибутивных процессов», которая готовится к печати.

Литература

1. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. — М., 1998.
2. *Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. — СПб.; М., 2001.
3. *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб.; М., 2001.
4. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб., 1997.
5. *Винникова Л.* Маньяк является в дождь (документальная повесть о А. Чикатило). — М., 1999.
6. *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Кн. II, ч. 1–2. — М., 1989.
7. *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды по психиатрии. / Под ред. О. В. Кербикова. — Ростов-на-Дону, 1998.
8. *Григулевич И. Р.* Инквизиция. — М., 1985.
9. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. — М. 1989.
10. *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. — Л., 1990.
11. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. — СПб.; М., 2000.
12. *Изард К.* Эмоции человека. — М., 1980.
13. *Кинросс Лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999.

14. *Крайг Г.* Психология развития. – СПб.; М., 2001.
15. *Крафт-Эбинг Р.* Судебная психопатология. – СПб., 1895.
16. *Крэйхи Б.* Социальная психология агрессии. – СПб., 2003.
17. *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб., 1898.
18. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб., 1997.
19. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности. – Ереван, 1988.
20. *Налчаджян А. А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван, 2000.
21. *Налчаджян А. А.* Власть, лидерство, подчинение (в печати).
22. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М., 2001.
23. *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. – СПб.; М., 2003.
24. Психология масс. – Самара, 1998.
25. *Райх В.* Психология масс и фашизм. – СПб., 1997.
26. Социология преступности. – М., 1966.
27. *Холмс Д.* Анормальная психология. – СПб., 2003.
28. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1998.
29. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете. – Ереван, 1988.
30. *Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford N.* The Authoritarian Personality. New York: Harper, 1950 (Abridged ed., 1982).
31. *Aronson E.* The Social Animal. 7th ed., New York, W. H. Freeman and Co., 1995.
32. *Berkowitz L.* Aggression: A Soicial-Psychological Analysis. New York: Mc Graw-Hill Co., 1962.
33. *Eagly A. H. & Steffen V. J.* Gender and aggressive behavior: A meta-analysis review of the social-psychological literature. – “Psychological Bulletine”, 1986, 100, pp. 309–330.
34. *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. Harry Holt and Co., New York, 1992.
35. *Hyde J. S.* Gender differences in aggression. In J. S. Hyde and M. C. Linn (Eds.), The psychology of gender: Advances through meta-analysis. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1986.
36. *Kernberg O. F.* Aggression in Personality Disorders and Perversions. Yale University Press. New Haven and London, 1992.
37. *Megargee E. I.* Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreem antisocial aggression. “Psychological Monographs”, 80 (Whole No. 611), 1966.
38. *Menninger K.* Love against Hate. New York: Harcourt, Brace and World, 1942.
39. *Menninger K.* The crime of punishment. New York, Viking, 1968.

Налчаджян А.

Агрессивность человека

Заведующая редакцией (Москва)	*Т. Калинина*
Ведущий редактор	*Н. Кулагина*
Литературный редактор	*В. Пахальян*
Научный редактор	*О. Мельникова*
Выпускающий редактор	*Н. Лукьянова*
Художник	*К. Радзевич*
Корректоры	*Т. Кончик, Т. Курьянович, Е. Павлович, В. Субот*
Верстка	*А. Семычкина*

Альберт Агабекович Налчаджян
375033, г. Ереван, ул. Гюлбенкяна 37, кв 48.
Тел.: (3741) 27-57-32
e-mail: eltigran@netsys.am

Подписано в печать 08.11.06. Формат 70×100 1/16. Усл. п. л. 59,34. Тираж 3000. Заказ 3287.

ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Альберт Налчаджян — известный психолог, доктор психологических наук, профессор, председатель Центра психологических исследований и директор издательства «Огебан» (Ереван, Армения), автор более 30 книг и 200 статей. Более 10 его книг опубликованы на русском языке, а монография об интуитивном познании — также на немецком и польском языках.

Труды А. Налчаджяна посвящены проблемам психологии творчества и личности, социальной и этнической психологии. Он разработал концепцию о механизмах интуиции, собственную концепцию социально-психологической адаптации, исследовал вопросы психологической танатологии и подсознательных психических процессов. В последние годы плодотворно трудится над проблемами этнической психологии: разработал теорию психологической самозащиты этносов, целый ряд концепций в области психологии этногенеза и этнической характерологии. Эти результаты опубликованы в четырех монографиях и в учебном пособии «Этнопсихология», выпущенном издательством «Питер» в 2004 году.

В своей обширной монографии «Агрессивность человека» автор на основе досконального анализа почти всех аспектов этой проблемы выдвигает целый ряд новых концепций и гипотез, которые заметно продвигают вперед эту сложную и важную область современной психологии. Им предложены концепции когнитивных механизмов агрессии, ее эскалации, атрибутивных основ проявления в поведении и целый ряд идей о динамике такого поведения. В книге представлены социально-психологические и этнопсихологические аспекты исследуемой проблемы. Настоящая монография выгодно отличается от других публикаций на эту тему, так как в ней отдельное внимание уделяется связям, существующим между агрессией и другими психическими явлениями, в первую очередь — защитными механизмами личности. Работа богата новыми идеями и в этом отношении представляет особый интерес для молодых психологов, которые хотели бы начать исследования в области психологии человеческой агрессивности.

Книга адресована психологам, философам, социологам, педагогам, юристам, представителям других областей знания, а также всем читателям, которым интересны современные проблемы и достижения психологии.

ISBN 978-5-469-00269-7

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 619
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 712-27-05, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин